ИСТОРИЯ КИТАЯ

с древнейших времен до начала XXI века

Том VII

КИТАЙСКАЯ РЕСПУБЛИКА (1912–1949)

НАУКА

ИСТОРИЯ КИТАЯ
С ДРЕВНЕЙШИХ ВРЕМЕН ДО НАЧАЛА XXI ВЕКА
Том VII

ИСТОРИЯ

КИТАЯ

ИСТОРИЯ КИТАЯ

С ДРЕВНЕЙШИХ ВРЕМЕН ДО НАЧАЛА XXI ВЕКА

В десяти томах

Главный редактор
академик РАН *С.Л. Тихвинский*

Главная редакционная коллегия
академик РАН *М.Л. Титаренко* (заместитель главного редактора),
кандидат филологических наук *С.М. Аникеева*,
член-корреспондент РАН *В.И. Васильев*,
академик РАН *А.П. Деревянко*,
академик РАН *В.С. Мясников*,
член-корреспондент РАН *В.В. Наумкин*,
доктор исторических наук *И.Ф. Попова*,
академик РАН *Б.Л. Рифтин*

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
Институт Дальнего Востока

ИСТОРИЯ КИТАЯ

С ДРЕВНЕЙШИХ ВРЕМЕН ДО НАЧАЛА XXI ВЕКА

Том VII

КИТАЙСКАЯ РЕСПУБЛИКА

(1912—1949)

Ответственный редактор
доктор исторических наук *Н.Л. Мамаева*

МОСКВА
Наука — Восточная литература
2013

УДК 94(510)
ББК 63.3(5Кит)
И90

Издание осуществлено при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ), проект № 13-01-16013

Ответственный секретарь
А.Л. Верченко

Рецензенты
доктор исторических наук *С.Г. Лузянин*,
кандидат исторических наук *А.С. Ипатова*

История Китая с древнейших времен до начала XXI века : в 10 т. / гл. ред. С.Л. Тихвинский — 2013–. — ISBN 978-5-02-036530-8

Т. VII : Китайская Республика (1912–1949) / отв. ред. Н.Л. Мамаева ; Ин-т Дальнего Востока РАН. — М. : Наука — Вост. лит., 2013. — 863 с. : ил. — ISBN 978-5-02-036532-2 (в пер.)

Седьмой том «Истории Китая с древнейших времен до начала XXI века» охватывает период с провозглашения Китая республикой в 1912 г. до образования Китайской Народной Республики в 1949 г. Как и предыдущие тома, он посвящен комплексному изучению Китая во всем многообразии жизни общества и государства. В соответствии с поставленной задачей предмет исследования выходит далеко за рамки политической истории, которая переплетается в тексте, как и в реальной жизни, с историей экономики, политических, правовых и административных процессов, с событиями военной истории, историей дипломатии и внешней политики Китайской Республики, с социальной историей, историей культуры, с деятельностью выдающихся личностей национального и мирового масштаба.

ISBN 978-5-02-036530-8
ISBN 978-5-02-036532-2 (т. 7)

© Институт Дальнего Востока РАН, 2013
© Редакционно-издательское оформление.
Наука — Восточная литература, 2013

К ЧИТАТЕЛЮ

Большие успехи Китайской Народной Республики за последние десятилетия в экономике, науке, технике, культуре, спорте, ее растущий международный авторитет обусловливают все возрастающий интерес российской общественности к современной жизни и истории нашего ближайшего соседа на Дальнем Востоке, с которым у Российской Федерации имеется общая граница протяженностью свыше 4000 км.

Более или менее регулярные отношения между двумя государствами возникли в середине XVII столетия. При Петре I в столице цинского Китая Пекине была основана Православная духовная миссия, члены которой своими трудами способствовали ознакомлению российской общественности с историей, культурой и современной жизнью жителей соседней страны. Во второй половине XIX в. в России началось научное изучение Китая, китайский язык и историю стали преподавать в Петербургском, Московском, Казанском университетах и в Восточном институте во Владивостоке.

Изучение Китая получило дальнейшее развитие в годы Советской власти, чему во многом способствовала добрососедская политика нашего государства и широкие симпатии народов России к национально-освободительной борьбе китайского народа, страдавшего от феодально-милитаристского гнета, произвола и военной агрессии империалистических держав. Наибольшего расцвета отечественное китаеведение достигло в первые десятилетия наших отношений после провозглашения 1 октября 1949 г. Китайской Народной Республики и заключения 14 февраля 1950 г. Договора о дружбе, союзе и взаимопомощи между СССР и КНР.

Подписанный в Москве 16 июля 2001 г. руководителями двух государств Договор о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве между РФ и КНР стал основой дальнейшего развития отношений между странами-соседями и открыл новый этап в нашей совместной истории. В начале XXI в. обе стороны продолжают последовательно идти по этому пути. Между руководителями двух государств осуществляются регулярные контакты, принимаются решения, направленные на дальнейшее развитие стратегического партнерства, осуществляется координация действий в региональных и международных делах. Во время официального визита Председателя КНР Си Цзиньпина в Москву 22 марта 2013 г. им и Президентом РФ В.В.Путиным было подписано Совместное заявление о взаимовыгодном сотрудничестве и углублении отношений между обеими странами, а также принят план действий по реализации положений Договора о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве между РФ и КНР.

Из всех цивилизаций, возникавших в прошлом в разных частях мира, только китайская отличается непрерывностью своего многотысячелетнего развития. Шумерская, хеттская, ассиро-вавилонская, крито-микенская, древнеегипетская цивилизации, культуры инков, майя и многих других исчезли в результате внутренних меж-

доусобиц, вражеских нашествий, природных катаклизмов – вулканической деятельности, землетрясений, наводнений, засух и т.д.

Китайская цивилизация внесла заметный вклад в развитие всего человеческого общества. От Китая мир узнал технологию высококачественного литья бронзы, производства фарфора, шелка, чая, бумаги, изготовления пороха; оттуда же пришли к нам компас, сейсмограф, там впервые начали строить крупногабаритные морские суда, появился подвижный типографский шрифт и т.д. В различные исторические периоды Китай вел активную сухопутную и морскую торговлю не только со своими непосредственными соседями, но и с территориями, подвластными Персидской империи, правителям стран, завоеванных Александром Македонским, Кушанскому царству, Римской империи и Арабскому халифату, а также со странами Южной Азии и Восточной Африки. Особенно сильное воздействие политика и культура Китая оказывали на протяжении многих веков на соседние страны (Корею, Японию, Вьетнам, страны Юго-Восточной Азии).

До середины XVIII в. китайская цивилизация с большей или меньшей степенью успеха преодолевала многочисленные бедствия – чужеземные нашествия, гражданские войны, стихийные бедствия. Однако постепенно накапливавшееся отставание от ведущих мировых держав, вставших на путь промышленной революции, а затем вооруженное вторжение Великобритании и Франции в середине XIX в., милитаристской Японии с конца XIX в., как и интервенция восьми держав при подавлении восстания ихэтуаней, резко затормозили развитие Китая, превратив его в зависимую от иностранных государств полуколониальную, полуфеодальную страну.

Победа народно-демократической революции под руководством Коммунистической партии Китая привела 1 октября 1949 г. к созданию нового государства на китайской земле – Китайской Народной Республики. Народный Китай стал на путь строительства в стране социализма с китайской спецификой и более 30 последних лет успешно проводит политику реформ, модернизации и открытости для внешнего мира. В наши дни Китайская Народная Республика демонстрирует всему миру свои успехи в области экономики, науки, освоения атомной энергетики, космонавтики, ракетостроения, строительства скоростных железных дорог и автострад, а также в различных видах спорта.

Шеститомная энциклопедия «Духовная культура Китая» под редакцией академика М.Л.Титаренко (М., 2006–2010), созданная коллективом отечественных синологов, вызвала широкий отклик читателей и была отмечена Государственной премией РФ за 2010 г.

Неменьший интерес у российской общественности, без сомнения, вызовет предлагаемая читателю десятитомная «История Китая с древнейших времен до начала XXI века», над которой работали ученые различных академических институтов и университетов России (Институт Дальнего Востока РАН, Институт востоковедения РАН, Институт восточных рукописей РАН, Институт археологии и этнографии Сибирского отделения РАН, Институт стран Азии и Африки Московского государственного университета им. М.В.Ломоносова, Санкт-Петербургский государственный университет и др.). Авторы, научные редакторы томов и члены Главной редколлегии, понимая всю сложность поставленной задачи вместить многотысячелетнюю историю китайской цивилизации в пределы десяти томов, попытались отразить основ-

ные события истории Китая – от палеолитических стоянок и первых неолитических поселений до современной жизни КНР с ее общепризнанным международным авторитетом. В каждом томе в среднем около 60 а.л., предусмотрены хронологические таблицы, списки иллюстраций и карт, избранная библиография, указатели имен и географических названий.

История Китая в десяти томах разбита по хронологическим периодам.

Т. I. Древнейшая и древняя история, Шан-Инь, Чжоу: по археологическим данным. Отв. редактор — акад. А.П. Деревянко (Институт археологии и этнографии СО РАН, г. Новосибирск).

Т. II. Эпоха Чжаньго, империи Цинь и Хань: V в. до н.э. – III в. н.э. Отв. редактор – д.и.н. Л.С.Переломов (Институт Дальнего Востока РАН, г. Москва).

Т. III. Троецарствие, Южные и Северные династии, Суй, Тан: 220–907. Отв. редакторы – д.и.н. И.Ф.Попова, д.ф.н. М.Е.Кравцова (Институт восточных рукописей РАН, г. Санкт-Петербург).

Т. IV. Период Пяти династий, империя Сун, государства Ляо, Цзинь, Си Ся: 907–1279. Отв. редактор – д.и.н. И.Ф.Попова (Институт восточных рукописей РАН, г. Санкт-Петербург).

Т. V. Династии Юань и Мин: 1279–1644. Отв. редакторы – д.и.н. А.Ш.Кадырбаев, д.и.н. А.А.Бокщанин, д.филос.н. А.И.Кобзев (Институт востоковедения РАН, г. Москва).

Т. VI. Династия Цин: 1644–1911. Отв. редактор – д.и.н. О.Е.Непомнин (Институт востоковедения РАН, г. Москва).

Т. VII. Китайская Республика: 1912–1949. Отв. редактор – д.и.н. Н.Л.Мамаева (Институт Дальнего Востока РАН, г. Москва).

Т. VIII. Китайская Народная Республика: 1949–1976. Отв. редактор – д.и.н. В.Н.Усов (Институт Дальнего Востока РАН, г. Москва).

Т. IX. Китайская Народная Республика: 1976–2009. Отв. редактор – д.полит.н. А.В.Виноградов (Институт Дальнего Востока РАН, г. Москва).

Т. X. Тайвань, Сянган (Гонконг), Аомэнь (Макао), китайская диаспора за рубежом. Отв. редакторы – д.и.н. Л.М.Гудошников, к.и.н. Г.А.Степанова (Институт Дальнего Востока РАН, г. Москва).

В предисловиях к томам наряду с изложением основного содержания приводятся сведения о значительных исторических событиях, имевших место в описываемый период в Азии, Европе и Америке.

Подбор иллюстраций осуществлялся авторами и ответственными редакторами томов, а также членом Главной редакционной коллегии акад. Б.Л.Рифтиным.

Представляемый труд позволит нашему читателю ознакомиться с историей Китая, что будет способствовать развитию дальнейшего взаимопонимания и дружбе народов-соседей Российской Федерации и Китайской Народной Республики.

Академик РАН С.Л.Тихвинский
май 2013 г.

ВВЕДЕНИЕ

Период существования Китайской Республики (1912–1949) оказал сильное влияние на дальнейшее развитие Китая. Новую эру в истории Китая открыла Синьхайская революция (1911 г.), свергнувшая иноземную цинскую монархию, правившую в Китае с 1644 г., и предложившая новую модель политической структуры и государственного управления – на основе конституции и в рамках парламентской республики. Деятельность революционного Нанкинского правительства, особенно в период временного президентства Сунь Ятсена (1912–1913), проложила русло, по которому началось движение к модернизации в политической сфере.

Синьхайская революция привела к историческим сдвигам в общественном и политическом сознании людей, в экономике, осуществила поворот от догматов конфуцианства, выполнявшего охранительную функцию по отношению к политическому строю и всему комплексу идеологии традиционного Китая, к открытости, к усилению прогрессивных элементов внешнего влияния во всех сферах жизни, прежде всего – науки и политики, повысила накал борьбы против неравноправных договоров, навязанных Китаю иностранными державами, дала толчок к восстановлению национального суверенитета.

По насыщенности событиями, наличию альтернативных попыток поиска пути развития страны, предпринимавшихся в течение всего республиканского периода различными партиями, группировками и общественными организациями, по числу ярких личностей в сферах политической и общественной жизни, экономики, науки и культуры, по мощи интеллектуального взрыва в ходе «движения за новую культуру» и «движения 4 мая» 1919 г., оказавших сильное влияние на поворот от традиционного общества к современному, трудно найти другой период в истории Китая, сопоставимый с республиканским. Конечно, влияние традиций и устойчивость прежних стереотипов, свойственных китайскому менталитету, сохранялись и в республиканский период. Вместе с тем его характеризует более явный разрыв с предыдущей историей и идеологией, что обусловило значительные трудности в государственном строительстве, в области развития политических и идеологических процессов, в формировании международной, экономической и социальной политики.

Первая половина XX в. и в мировом масштабе характеризовалась мощными социальными потрясениями, сменой режимов, революциями и войнами. Первой «ласточкой» стала русско-японская война 1904–1905 гг. и последовавшая за ней

революция 1905–1907 гг. в России. Эта революция оказала сильное воздействие на развитие национально-освободительного движения в мире, особенно в азиатских странах.

Раскол мира на противоборствующие блоки привел к Первой мировой войне 1914–1918 гг. В этой войне вместе со своими союзниками, доминионами и колониями по всему миру сражались страны Антанты (Англия, Франция, Россия, с 1915 г. – Италия, с 1917 г. – США), с одной стороны, а с другой – державы так называемого «центрального блока» (Германия, Австро-Венгрия, Турция, Болгария). Война слегка затронула и Азиатский континент. Япония, выступавшая на стороне Антанты, захватила германскую военно-морскую базу в Китае – Циндао. Война закончилась поражением Германии и ее союзников.

Огромные последствия Первая мировая война имела для России. Тяготы и бедствия войны вызывали общественное недовольство. В феврале 1917 г. в результате широкого движения народных масс в стране пало самодержавие, а в октябре того же года власть в России захватили большевики, провозгласившие социалистическую революцию. Эти события имели огромные мировые последствия. Они послужили причиной быстрого роста революционных движений и распространения социалистических и коммунистических идей во многих странах Европы, Азии, Африки и Америки. Для их продвижения в мире большевики в 1919 г. в Москве созвали новый Коммунистический Интернационал (Коминтерн). В короткое время под влиянием Коминтерна было создано большое число коммунистических и рабочих партий во многих странах, которые призывали в том числе и к освобождению от национально-колониального гнета. Одновременно, независимо от Коминтерна, но не без влияния революционных событий в России и мире, ширилось национально-освободительное движение, захватившее Индию, Китай, Индонезию, Индокитай, ряд стран Среднего и Ближнего Востока.

Одним из результатов Первой мировой войны стала революция в Германии, свергнувшая монархию. Распалась Австро-Венгрия, и на ее месте образовался целый ряд независимых государств. Страны-победительницы в 1919 г. заключили Версальский мир, определивший новую систему послевоенного устройства, далекую от принципов равенства и справедливости. Для решения международных вопросов в рамках постепенно сформировавшейся Версальско-Вашингтонской системы в 1919 г. была образована Лига наций, в которую до 1935 г. вошло 58 государств. Но влияние этой организации на мировые дела оказалось весьма незначительным.

Между тем страны, недовольные результатами войны, планировали реванш и дальнейшую борьбу за передел мира. В 1933 г. на волне недовольства политикой Веймарской республики и результатами Первой мировой войны к власти в Германии пришли национал-социалисты во главе с Гитлером, мечтавшим о мировом господстве. Еще раньше в Италии сложился фашистский режим Муссолини. Японские генералы тоже мечтали о новых территориальных захватах. В 1931 г. Япония напала на Китай и захватила Маньчжурию (Дунбэй). В своих агрессивных устремлениях эти державы стремились объединить усилия (ось Рим–Бер-

лин–Токио). Стремительно разрасталась угроза новой мировой войны, началом которой считается 1 сентября 1939 г., хотя милитаристская Япония уже ранее вела войну против Китайской Республики. 22 июня 1941 г. Германия напала на Советский Союз. Мировая война приобретала все большие масштабы.

Против держав-агрессоров сложился союз государств, основными участниками которого были Советский Союз, США, Великобритания, Франция и Китай. Победа, одержанная союзниками во Второй мировой войне, привела к новой расстановке сил на международной арене. Вместо Лиги наций, не сумевшей предотвратить мировую войну, в 1945 г. была образована Организация Объединенных Наций (ООН), призванная обеспечивать поддержание мира и безопасности во всем мире. СССР, США, Великобритания, Франция и Китай стали постоянными членами Совета безопасности ООН.

Решающая роль в победе во Второй мировой войне принадлежала Советскому Союзу, который в коалиции с Англией, США и Францией разгромил нацистскую Германию и оказал громадную помощь союзникам в победе над милитаристской Японией. В результате возросло влияние СССР на международной арене. В ряде стран произошли социалистические революции по советскому образцу, и образовался так называемый «социалистический лагерь». Война послужила стимулом для бурного подъема национально-освободительного движения, одна за другой бывшие колониальные страны достигали независимости, начался распад колониальной системы.

Китай относится к числу государств, на долю населения которых выпало много страданий. Военные действия между милитаристскими группировками в послесиньхайское время и опасность политико-административного развала страны, полуколониальная зависимость Китайской Республики от империалистических государств, агрессия Японии с 1931 по 1945 г., почти не прекращавшаяся гражданская война между Гоминьданом и милитаристскими группировками, а затем между Гоминьданом и Компартией – вот далеко не полный перечень негативных факторов, проявившихся в годы существования КР. Однако не в меньшей степени характерно для того периода китайской истории и постоянное стремление к восстановлению единства страны, достижению в полной мере национального суверенитета, экономическому, политическому и культурному возрождению и усилению Китая. Эти задачи объявлялись в программах большинства партий и общественных организаций, они были присущи деятельности многих государственных и партийных лидеров, а также отдельных милитаристских и некоторых региональных военно-политических группировок.

Необходимость в более глубоком знании исторического прошлого вкупе с геополитическими изменениями в мире, связанными с выдвижением Китая в число наиболее успешно развивающихся стран, требует нового осмысления истории Китайской Республики, тесно связанной, как свидетельствуют реалии сегодняшнего дня, с современностью.

Изучение истории Китайской Республики предпринимается в благоприятных условиях расширения источниковедческой базы, активизации прямых и косвен-

ных международных контактов, открытия более широкого доступа к зарубежной литературе, использования информационных технологий. Все эти моменты открывают новые горизонты для более тщательного, чем прежде, исследования данного периода истории Китая (1912–1949).

В настоящей работе по некоторым направлениям скорректирована прежняя схема создания обобщающих работ подобного рода, а именно:

– более четко дифференцированы история Китайской Республики, с одной стороны, и политика Компартии Китая, в отдельные периоды тесно связанная с политикой Гоминьдана, однако имеющая самостоятельный характер, – с другой;

– выделены аграрная и налоговая политика Китайской Республики, а также вопросы управления на местном уровне и соотношения центральной и местных властей, которые придают специфические черты социально-экономическому и политическому развитию страны;

– более подробно, чем прежде, представлено развитие общественно-политической мысли в Китае, включая историю экономической и философской мысли;

– значительное внимание уделено изучению конфессиональной ситуации в стране, политике правительства в области религии на различных этапах истории КР;

– акцентировано внимание на слабоизученном, но чрезвычайно важном для понимания процесса модернизации Китая направлении, касающемся политической системы и законодательно-правовой сферы.

Наиболее высокие темпы развития исторической науки о Китайской Республике характерны для историографии КНР, особенно периода нынешних реформ. Продолжается традиция издания многотомных «Хроник Китайской Республики» и «Биографий выдающихся деятелей Китайской Республики». Вместе с тем в китайской историографии центр тяжести перенесен на изучение собственно истории Китайской Республики. В течение последних 30 с лишним лет постепенно преодолевался политизированный подход к изучению новой истории Китая, связанный не в последнюю очередь с так называемым «тайваньским фактором». Уходят в прошлое мышление революционными штампами и чрезмерное увлечение революционными темами. Справедливости ради следует отметить, что подобный подход длительное время был характерен и для зарубежной историографии. Осуществляется поворот от фрагментарного и одностороннего изучения Китая республиканского периода к его всестороннему исследованию.

Российским ученым хорошо известны имена и работы китайских специалистов по истории Китайской Республики. Среди них – ныне активно работающие академик Академии общественных наук Китая и почетный академик РАН Цзинь Чунцзи, руководитель Всекитайской ассоциации историков профессор Чжан Хайпэн, профессоры Ян Тяньши, Ван Цзяньлан, Ван Чаогуан, Ли Юйчжэнь, Ян Куйсун, Луань Цзинхэ и многие другие.

Кроме общих работ, охватывающих весь период существования Китайской Республики, публикуется множество исследований по конкретным темам и проблемам. Генератором идей и головной организацией в исследовании истории Китайской Республики в КНР является Институт новой истории Китая АОН Ки-

тая, тесно взаимодействующий с другими научными центрами КНР, в том числе с историками Тайваня, а также с зарубежными центрами по изучению истории КР. В течение относительно короткого исторического периода китайской историографии удалось, образно выражаясь, «освоить целину» неизученных проблем и скорректировать отдельные одиозные оценки, сформировавшиеся в китайской историографии к началу 1970-х годов.

Обозначим ряд принципиальных выводов историков КНР в области общего видения республиканского времени, которые созвучны идеям многих российских ученых и вызывают большой интерес в российской и мировой историографии.

Это прежде всего относится к проблеме периодизации истории КР, являющейся дискуссионной. Преобладает точка зрения о разделении истории Китайской Республики на два больших этапа: Китай под властью Пекинского правительства (1912–1928) и Китай под властью Национального (гоминьдановского) правительства (1928–1949). Основным критерием выдвигается форма правления, история официальной власти. Национально-освободительное и коммунистическое движения, действовавшие периодически в составе единого фронта, также являются важными предметами изучения, однако в рамках многофакторного подхода не занимают главного места, определяющего периодизацию истории КР.

Произошла переоценка прежних позиций историков по ряду направлений деятельности гоминьдановского правительства периода Нанкинского десятилетия (1928–1937) и Антияпонской войны, отдельных направлений управленческой деятельности Чан Кайши в предвоенные и военные годы. В основе существенной корректировки прежних концепций лежало расширение источниковедческой базы. Были выявлены конкретные действия Чан Кайши, направленные на сохранение национального суверенитета, изучаются объективные и субъективные обстоятельства, препятствовавшие укреплению гоминьдановского режима. Существенный вклад в изучение периода Антияпонской войны внесли историки Лю Данянь и Бай Цзефу – авторы книги «Поворотный пункт в возрождении Китая – 8-летняя Антияпонская война».

Даются положительные оценки стремлению гоминьдановского правительства к развитию экономики, образования, культуры, правовой сферы, признаются отдельные успехи в области внешней политики. Подчеркивается факт отмены экстерриториальности в 1943 г. как политический акт, заложивший основу для последующей отмены неравноправных договоров. В этом направлении изучают гоминьдановский Китай также и российские ученые, в работах которых учитываются достижения мировой историографии.

Концептуальное значение имеет скорректированная учеными Института новой истории АОН Китая точка зрения на роль Гоминьдана и Коммунистической партии Китая в Антияпонской войне. Происходит переоценка прежних подходов историков КНР по данному направлению, в рамках которых ранее преобладало противопоставление деятельности Гоминьдана и КПК на фронте антияпонского Сопротивления. Современная историография КНР приходит к выводу о совме-

стном вкладе в победу над врагом. Основные заслуги Гоминьдана в борьбе с японским агрессором отмечаются на фронтах военных действий, в то же время придается большое значение роли КПК в развертывании партизанской войны в тылу врага.

В освещении принципиального вопроса о причинах поражения гоминьдановского режима в 1949 г. и победы демократической революции историки КНР реализуют стремление к всестороннему анализу исторической ситуации, осуществляя тщательный анализ как политики Гоминьдана, так и политики КПК, а также демократических партий и организаций. Обращается внимание, с одной стороны, на слабость Гоминьдана, с другой – на способность Компартии Китая получить поддержку народа и выступить в роли носителя идеи национального спасения. Особо подчеркиваются резкое ослабление и ошибки Гоминьдана именно в послевоенное время. Тезис историков КНР об утрате Гоминьданом общественной поддержки в конце 1940-х годов представляется убедительным, в то же время нуждается в дальнейшем изучении тема влияния СССР на реализацию политики КПК в демократическом движении КР. Новые публикации в России архивных документов о взаимодействии руководства КПК с представителями Советского Союза открывают возможности для уточнения исторической ситуации, в которой коммунисты добились победы над гоминьдановским режимом.

Взаимодействие российских, китайских историков и ученых других государств является гарантией успешного освоения малоизученных тем и направлений, таких как правление Пекинского правительства (1912–1928), особенно его парламентская практика, политика марионеточного правительства Ван Цзинвэя и ситуация на оккупированных Японией территориях, в целом реалии времен Антияпонской войны. В повестке дня – усиление внимания историков к малоисследованным проблемам политического и междисциплинарного характера. К ним относятся вопросы развития политической системы и отраслей права, формирования механизма управления страной в Центре и на местах, взаимодействия центральных и местных правительственных органов, включая систему контроля властных структур Центра над местными правительствами. В представленной авторским коллективом работе предпринята попытка включить политико-юридические и управленческие направления в исследовательский контекст.

Связь истории и современности как одна из новых характеристик историографии Китая Нового времени выявляется исследователями по ряду направлений: в области развития частной собственности в КР, в кадровой политике (тщательно изучается система экзаменов для государственных служащих как специфический традиционный элемент структуры подготовки управленческих кадров), в политике экономического освоения западных регионов. В историографии КНР в духе времени обращается внимание на развитие в годы КР демократических тенденций в политической культуре, на формирование политического сознания и национального самосознания в центре и на местах. Особое звучание получили тема становления национального самосознания в годы Антияпонской войны и роль КПК и Советского Союза в этом процессе.

Тщательно изучается тема международных отношений в период Антияпонской войны. В этом направлении достигнуты значительные успехи. Изучение данной темы осуществляется в рамках международного сотрудничества. Институт новой истории является одним из организаторов проведения тематической международной конференции «Международные отношения в период Китайско-японской войны». Китайские ученые считают, что, подобно тому как совместные усилия многих держав помогли победить японского агрессора, совместные усилия ученых многих стран способствуют выявлению исторической правды, формированию всесторонней картины международных отношений и их связи с внутренней политикой Чан Кайши.

В сфере изучения советско-китайских отношений периода КР с привлечением архивных материалов активно работают такие опытные специалисты, как профессоры Ян Куйсун, Ли Фэнлинь, Шэнь Чжихуа, Ли Юйчжэнь, Сюэ Сяньтянь, Луань Цзинхэ, Ван Ци, Дин Мин, Чэнь Си и другие, подготовившие ряд публикаций. При этом следует отметить необходимость более активного освоения учеными всех стран опубликованных в России и Китае документов и материалов, касающихся международных отношений.

Китайская историография Китайской Республики ставит проблему оценки республиканского периода. В целом она раскрывается в различных работах поразному, является дискуссионной проблемой. Однако по мере вовлечения в научный оборот архивных материалов, в том числе хранящихся на Тайване (значительная их часть доступна историкам КНР), расширения тематики, использования новых технологий, освоения уже накопленного учеными опыта, сближения позиций исследователей разных стран в поисках исторической правды возрастают возможности историков в исследовании периода КР.

Авторы 7-го тома – «Китайская Республика (1912–1949 гг.)» предлагают свое ви́дение различных сторон жизни КР и надеются, что их труд внесет вклад в изучение данного исторического периода. Мы старались в нашем исследовании воссоздать атмосферу того времени, сделать достоянием общественности достигнутые в историографии, прежде всего отечественной, результаты исследований и вместе с тем скорректировать либо осветить заново на новой источниковедческой основе малоизученные ранее темы.

Мы надеемся, что российские читатели заинтересуются новой историей Китая и обратят внимание на тот немаловажный факт, что хотя во взаимоотношениях КР и СССР и были конфликтные ситуации, но не было войн. То же самое характерно и для всей истории российско-китайских отношений.

Доктор исторических наук,
Руководитель Центра изучения новейшей истории Китая
Н.Л.Мамаева

Часть I

КИТАЙСКАЯ РЕСПУБЛИКА в 1912—1928 гг.

Глава 1

Провозглашение Китайской Республики и формирование основ республиканской власти (1912—1913)

От Учанского восстания к созданию республиканского Нанкинского правительства

О неизбежности приближения перемен в китайском обществе свидетельствовал целый ряд факторов, проявлявшихся в различных сферах. В политическом и общественном сознании все больший вес приобретали идеи свержения маньчжурской династии, с правлением которой ассоциировались все беды народа, нищета населения, неразвитость политических институтов, углубление зависимости от империалистических держав.

В течение первого десятилетия XX в. только Объединенный союз (Тунмэнхуэй) Сунь Ятсена, наиболее прогрессивная политическая сила Китая, предпринял пять попыток вооруженного свержения маньчжурской власти, которые успехом не увенчались. Параллельно развивалось и реформаторское движение, хотя пик его расцвета уже прошел. Идея конституционного развития и конституционного правления, пришедшая извне и пропагандировавшаяся китайскими реформаторами, имела резонанс среди определенных слоев общества, и императорская власть не могла ее игнорировать. Революционный подъем 1906–1908 гг. вынудил маньчжурскую династию Цин маневрировать. В августе 1906 г. было объявлено о предстоящем введении конституционного правления и о подготовительных мерах к этому. Однако попытки маньчжурского правительства перейти к конституционным реформам отличались противоречивостью и явно запоздали. Достаточно отметить, что о сроках введения в стране конституции маньчжурский двор объявил лишь в 1908 г., а сами конституционные преобразования были отложены до 1917 г.

Карта Синьхайской революции

Различные партии и группы изучали и брали на вооружение идею введения конституции, ее функционирования в условиях Китая, лишенного опыта политических преобразований подобного рода. Эта идея оказала сильное влияние и на Объединенный союз Сунь Ятсена, для которого, как и для других партий и общественных организаций, планы перехода к новому государственному устройству предполагали в первую очередь свержение Цинской династии. Как показал дальнейший ход событий, конституционная идея являлась прежде всего показателем антиманьчжурских настроений и выражала отрицательное отношение общества к монархической форме правления как непригодной для государственного устройства Китая. В то же время планы нового политического устройства и соответствовавшая им практика государственного строительства, начало которой было положено в последние годы маньчжурского правления, способствовали успехам Синьхайской революции (поскольку и начало революции, и отречение Цинской династии имели место в году «*синьхай*» по традиционному китайскому лунному календарю, она получила наименование Синьхайской). В этой

связи следует отметить, что ход революционных событий, последовавших после Учанского восстания (10 октября 1911 г.), характеризовался не только участием в них армии как основной движущей силы революции, но и поддержкой революционных преобразований совещательными собраниями провинций, представительными органами, формировавшимися с 1906 г. Антиманьчжурская позиция большинства провинциальных собраний ускорила капитуляцию маньчжурской династии и обеспечила относительно мирный характер продвижения революции по стране.

После восстания против маньчжурской власти в Учане (центральнокитайская пров. Хубэй) Хубэйское военно-революционное правительство во главе с генералом Ли Юаньхуном потребовало отречения Цинской династии и провозглашения Китайской Республики. Эти лозунги содержались в Прокламации нового правительства, носившей патриотический характер и адресованной всем слоям населения, в том числе китайской крупной бюрократии, тесно связанной с цинским режимом. В этом документе содержался призыв ко всем китайским солдатам, служившим в императорских войсках, перейти на сторону революции. Особое внимание обращалось на тяжелое положение народа, голод и нищету населения как результат правления маньчжуров. Исходя из сложившихся реалий взаимоотношений Китая с иностранными державами, хубэйские революционные власти направили в Ханькоу (город на р. Янцзы напротив Учана) находившимся там консулам иностранных государств ноты, в которых признавали преемственность обязательств Китая по всем договорам, ранее заключенным цинским правительством с державами. 18 октября 1911 г. державы объявили о своем нейтралитете. Заявленная революционными властями позиция обеспечила отказ держав от выделения крупного займа цинскому правительству, средства от которого предполагалось направить на борьбу с революцией.

Ли Юаньхун

Страна была готова к восприятию антиманьчжурских лозунгов. К декабрю 1911 г. лишь три северные провинции – Чжили, Хэнань и Ганьсу – из 18 провинций Китая формально еще признавали власть маньчжурского правительства.

Сочетание вооруженных методов смены власти с мирными и стремление революционных сил к компромиссу с консерваторами во многом предопределили результаты революции и особенности политического режима Китайской Республики в период нахождения Китая под властью северных (бэйянских) милитаристов.

На волне революционного подъема к армии присоединялись крестьяне, ремесленники, члены тайных обществ, учащиеся и студенты. Массовый характер приняло вступление в армию студентов. Интересны впечатления Мао Цзэдуна, учившегося в эти годы в средней школе в г. Чанша, столице пров. Хунань. Описывая в автобиографии взятие Чанша революционной армией, он обращает вни-

мание на активные действия рабочих, атаковавших и захвативших городские ворота. Из его воспоминаний следует, что молодежь страстно стремилась к участию в антиманьчжурских действиях. Была создана студенческая армия. Мао Цзэдун, который уже в те годы понимал значение военного фактора в развитии революционных действий, предпочел вступить в регулярную революционную армию, в которой и прослужил некоторое время. После перемещения правительства из Нанкина на Север он ушел в отставку и продолжил учебу.

Юань Шикай

Для многих провинций – Цзянсу, Цзянси, Гуанси, Аньхуэй, Фуцзянь, Гуандун, Шаньдун и Сычуань – оказалось возможным соглашение революционных сил с китайской бюрократической верхушкой. Массовый переход в лагерь революции китайских сановников и военачальников, с одной стороны, способствовал краху маньчжурской власти на местах, с другой – затруднил в дальнейшем трансформацию политических институтов власти и управления. Многие из бывших цинских чиновников вскоре вновь заняли свои оставленные было должности, а также те руководящие посты в провинциях, которые ранее принадлежали изгнанным чиновникам-маньчжурам. В совещательных собраниях провинций развивалась тенденция оттеснения от власти революционеров и замены их представителями буржуазно-помещичьего конституционно-монархического направления. На повестку дня выступал серьезный вопрос строительства новой власти, к решению которого революционные силы были не вполне готовы. В этом отношении события, развивавшиеся после Синьхайской революции, демонстрировали типичные для постреволюционных периодов сложности перехода от революционных действий к государственному строительству, известные по опыту других стран. Ситуация усугублялась тем обстоятельством, что основной ареной революционной активности была пров. Хубэй, а не столица Китая Пекин, и при всей масштабности событий до определенной поры революционные действия носили сравнительно локальный характер.

Достижение компромисса между старым и новым, консервативным и революционным было тесно связано с деятельностью генерала Юань Шикая – наиболее авторитетной фигуры в военно-политических сферах цинского Китая, назначенного 27 октября 1911 г. главнокомандующим карательными войсками. Юань Шикай избрал тактику лавирования между революционерами и Цинами. В конечном итоге он сыграл важную роль в отречении династии от власти.

Революционный процесс был далек от завершения. Важным этапом на пути укрепления республиканской власти явилось создание революционных органов власти в Нанкине, осуществлявшееся параллельно с переговорным процессом представителей Севера и Юга. Юань Шикай упорствовал в вопросе будущего государственного устройства, отдавая предпочтение конституционной монархии.

Здание провинциального правительства. Нанкин. 1912 г.

В этой обстановке весьма своевременным было возвращение из США Сунь Ятсена, пытавшегося по пути следования через Европу получить от деловых кругов Лондона, Парижа и Брюсселя финансовую помощь революционному лагерю, в которой, однако, ему было отказано. Приезд лидера Объединенного союза в Китай способствовал оживлению революционной атмосферы и большей последовательности в достижении революционерами целей Синьхайской революции. 25 декабря 1911 г. Сунь Ятсен прибыл в Шанхай. В беседе с китайскими и иностранными журналистами в Шанхае Сунь Ятсен заявил: «Я не привез с собой ни гроша, лишь революционный дух! Не может быть и речи о мирных переговорах, пока не будут осуществлены цели революции». Он возглавил революционеров в преодолении внутренних разногласий в деле создания альтернативной Пекину объединенной революционной власти.

О создании новой власти в Китае было заявлено 29 декабря 1911 г. Собравшиеся в Нанкине делегаты от 17 провинций, объявившие себя Конференцией представителей провинций, избрали Сунь Ятсена временным президентом Китайской Республики. Это событие ускорило процесс отречения Цинской династии. Реальная ситуация характеризовалась, однако, ростом влияния Юань Шикая и на Севере, и на Юге. Об этом свидетельствовал и факт обращения Конференции к Сунь Ятсену с просьбой уйти в отставку с поста временного президента Республики после выборов членов Национального собрания и свержения пекинского «самодержавного правительства». В условиях того времени это означало в перспективе передачу власти Юань Шикаю.

1 января 1912 г. Сунь Ятсен прибыл в Нанкин и принял президентскую присягу. Ее содержание отражало не только национальные и политические цели

Временное правительство Китайской Республики.
Январь 1912 г.

свержения маньчжурского самодержавного правительства и укрепления Китайской Республики, но и обязательство заботиться о счастье и благоденствии народа, что в целом было созвучно учению Сунь Ятсена о «трех народных принципах». 1 января 1912 г. считается официальной датой провозглашения Китайской Республики. Сунь Ятсен приступает к исполнению обязанностей президента. 3 января Нанкинское собрание делегатов избрало Ли Юаньхуна вице-президентом КР. Первые важные мероприятия осуществлялись в сложной ситуации, при формальном сохранении цинского правительства и в обстановке продолжающихся переговоров Юга и Севера. Сунь Ятсен сформировал Временное революционное правительство Китайской Республики. Правительство было коалиционным, состоящим из революционеров (Хуан Син, Цай Юаньпэй, Ван Чунхуэй), либералов (Чжан Цзянь, Тан Шоуцянь, Чэнь Цзиньтао) и старых бюрократов цинской школы (Хуан Чжунъин, У Тинфан, Чэн Дэцюань), примкнувших к революции в самом ее начале. По сути дела, сам состав правительства свидетельствовал о специфике Синьхайской революции, сплотившей разнородные социальные и политические силы. Вся деятельность правительства концентрировалась вокруг центральной задачи – свержения маньчжурской власти, в то время как реализация конституционной идеи и переход от монархии к качественно новой форме государственного правления – республике находились на втором плане.

В ходе продолжавшихся мирных переговоров Севера и Юга Юань Шикай добивался гарантии предоставления ему после отречения Цинской династии поста президента Китайской Республики. К середине января 1912 г. Нанкинское правительство разработало условия отречения династии Цин, гарантировавшие императору и его клану сохранение ряда привилегий.

У Тинфан –
министр иностранных дел

Юань Шикай с телохранителями.
1912 г.

Между тем политический кризис в Пекине углублялся. 26 января 1912 г. в Пекине был убит Лян Би, руководитель Партии предков (Цзуншэдан), состоявшей из наиболее решительных противников республики. Это событие стимулировало процесс бегства из Пекина маньчжурских сановников. Решение о низложении династии ускорили действия командования бэйянской армии, которое 27 января 1912 г. послало на имя императора Сюаньтуна телеграмму с требованием отречения и установления республики.

После неудачных попыток Юань Шикая заключить соглашение Севера с Югом на основе признания конституционной монархии он изменил свою позицию и усилил давление на императорский двор. В сложившейся ситуации цинская императрица Лун Юй согласилась вести переговоры об условиях отречения династии. 5 февраля 1912 г. Нанкинское национальное собрание, учрежденное 28 января 1912 г., приняло проект условий «почетного отречения» династии Цин. Согласно этому документу, императору выделялось ежегодное содержание в 4 млн. *лян*, его имущество и собственность князей охранялись законами республики, оставались без изменений титулы императора и князей, членам императорской фамилии разрешалось пользоваться правами, одинаковыми с гражданами республики.

12 февраля 1912 г. императрица Лун Юй от имени малолетнего императора Сюаньтуна издала эдикт об отречении династии Цин. Помимо признания республики в нем содержалось положение о передаче власти Юань Шикаю (но не Национальному собранию). На следующий день после отречения династии Сунь Ятсен сложил перед Национальным собранием делегатов от революционных провинций полномочия временного президента. В прошении об отставке Сунь Ятсен писал: «Маньчжурский император отрекся от престола, самодержавие уничтожено; Юг и Север имеют одно сердце, и больше нет бунтов и смут. При-

Юань Шикай после вступления в должность президента КР.
10 марта 1912 г.

знание республики всеми державами ожидается со дня на день. Президент, следуя данной им присяге, отказывается от должности и уходит в отставку». 14 февраля Нанкинское национальное собрание приняло отставку Сунь Ятсена, 15 февраля 1912 г. оно не только единогласно избрало Юань Шикая временным президентом, но даже и в обращении к нему сравнило бэйянского генерала с Дж.Вашингтоном.

Как показали дальнейшие события, оценка Юань Шикая революционным лагерем оказалась ошибочной. Даже соратники Сунь Ятсена по Объединенному союзу в своем большинстве оказались во власти иллюзий, не только излишне доверяя высказываниям Юань Шикая в пользу республики, но и некритически воспринимая его требования по ряду конкретных принципиальных для революции вопросов, в частности о местоположении столицы. Вопреки настояниям Сунь Ятсена объявить столицей революционный Нанкин они согласились с мнением Юань Шикая о сохранении столичного статуса за Пекином, давним оплотом реакции. При принятии решения о местонахождении столицы немаловажное значение имела позиция дипломатического корпуса, возражавшего против переезда Юань Шикая и правительства в Нанкин. Положение усугубилось беспорядками в Пекине конца февраля – начала марта 1912 г. Расквартированные в Пекине войска под командованием генерала Цао Куня подняли мятеж, распространившийся на соседние города Тяньцзинь и Баодин. В создавшихся условиях Национальное собрание 6 марта 1912 г. утвердило официальное вступление Юань Шикая в должность президента в Пекине.

Уже содержание первых пяти президентских манифестов, опубликованных 10 марта 1912 г., свидетельствовало о «твердой руке» Юань Шикая. Наряду с объявлением амнистии политическим заключенным, распоряжением о прекращении взимания недоимок с населения была обещана суровая расправа со всеми нарушителями «заведенного порядка в государстве». В нестабильной политической обстановке подобные требования многими воспринимались как необходимые предпосылки объединения страны и усиления республиканского порядка. Истинные же намерения честолюбивого генерала в обстановке общественного подъема, сопровождавшего революционные события, в то время не были очевидны.

Основные посты в новом республиканском правительстве, сформированном 29 марта 1912 г., получили сторонники Юань Шикая. Члены Объединенного союза, сторонники Сунь Ятсена, заняли посты министра образования (Цай Юаньпэй), министра промышленности и торговли (Чэнь Цимэй), министра юстиции (Ван Чунхуэй), министра земледелия и лесного хозяйства (Сун Цзяожэнь). Состав нового правительства свидетельствовал не в пользу Объединенного союза и в целом показал снижение революционного потенциала власти по сравнению с предыдущим правительством в Нанкине. Однако в те годы факт свержения маньчжурской династии в глазах современников оправдывал все политические компромиссы. Лишь значительно позднее Сунь Ятсен характеризовал свою отставку как большую политическую ошибку. Вместе с тем он отметил убежденность своих соратников в отсутствии на тот период реальной альтернативы Юань Шикаю.

2 апреля Нанкинское национальное собрание постановило объявить столицей Пекин. Министры и депутаты один за другим покинули Нанкин и уехали на север, в Пекин. Немаловажное значение для перехода рычагов власти в руки Юань Шикая имела недостаточная вовлеченность в революционные события всекитайской революционной организации Объединенный союз, имевшей некоторый опыт политической борьбы. Не следует недооценивать и значение позиции держав, «стоявших за спиной» Юань Шикая. Несмотря на официальное заверение Сунь Ятсена и Нанкинского правительства в соблюдении ими всех принятых цинским правительством международных договоров и обязательств по внешним займам, иностранные державы не отвечали на неоднократные призывы Сунь Ятсена и министра иностранных дел Ван Чунхуэя о международном признании Нанкинского правительства. Не получила поддержки великих держав и просьба республиканского правительства о предоставлении ему внешних займов, что усугубляло финансовые трудности новой власти, в частности по содержанию армии. Между тем державы продолжали передавать сборы с контролируемых ими китайских таможен Пекину, лишая Нанкин основного источника доходов. Сосредоточение крупных сухопутных и военно-морских сил великих держав в Центральном и Восточном Китае оказывало давление на расстановку сил, препятствовало активным действиям революционных войск, усиливало тенденцию к компромиссу революционеров с Юань Шикаем по всем направлениям.

Поспешное решение Нанкинского правительства о роспуске частей революционной армии и освобождении из тюрем всех политических противников революции, последовавшее сразу после избрания Юань Шикая временным президентом Китайской Республики, развязывало руки новому президенту, способствовало усилению его диктаторских поползновений. Революционные силы ослабляли также начавшаяся буквально с первых дней борьба между либералами и революционерами, излишняя доверчивость к обещаниям Юань Шикая. В революционной армии было много случайных попутчиков, по сравнению с императорскими войсками она была недостаточно вооружена и не столь боеспособна.

При всех слабостях революционного лагеря свержение маньчжурского гнета и провозглашение республики открыли этап перехода от традиционного Китая к Новому времени, к модернизации страны. Особое место в истории Китайской Республики занимает короткий период функционирования революционного правительства в Нанкине и деятельности Сунь Ятсена на посту первого временного президента Китайской Республики.

Начало парламентаризма

Деятельность Нанкинского правительства в период временного президентства Сунь Ятсена оставила глубокий след в истории Китая, проложила русло, по которому начал свое движение процесс модернизации в политической сфере. Работа правительства началась с отмены многих средневековых установлений и обычаев, которые ассоциировались в сознании передовых кругов с косностью, несправедливостью, а также отсталостью страны. Деятельность Временного революционного правительства, действовавшего с начала января 1912 г. до образования Юань Шикаем нового правительства, а также в течение некоторого времени (около трех недель) после официального вступления в должность президента Юань Шикая, была понятна народу и продемонстрировала населению отличие новой власти от предыдущей. В марте 1912 г. Нанкинским правительством были изданы указы, направленные против опиумокурения, торговли людьми, о запрете физических пыток арестованных, об освобождении людей, попавших в долговое рабство. Предписание об отрезании длинной натуральной косы – прически, навязанной маньчжурами мужскому населению Китая и воспринимавшейся как символ национального позора, фактически узаконило уже распространявшуюся в ходе Синьхайской революции практику. Как известно из биографий Мао Цзэдуна и Чжоу Эньлая, отрезавших свои косы задолго до указа правительства, это действие в студенческой и молодежной среде приняло массовый характер и рассматривалось как проявление определенной политической позиции. Именно в данный период были предприняты шаги к «освобождению женщины» – 13 марта 1912 г. отдано распоряжение о запрещении феодального

обряда бинтования ступней девочек, уходящего своими корнями в глубокое прошлое.

Начало новой эры в китайской истории возвещали указы Сунь Ятсена и Нанкинского республиканского правительства о введении нового летосчисления и григорианского календаря, об учреждении пятицветного государственного флага, символизировавшего единство китайцев (ханьцев), маньчжуров, монголов, исповедовавших ислам и проживавших на северо-западе Китая, дунган, а также тибетцев.

Политика Нанкинского правительства включала и социальные аспекты: разрабатывались меры по оказанию помощи пострадавшим от стихийных бедствий, содействия переселению населения на целинные земли. Ставились проблемы развития просвещения, осуществлялась подготовительная работа к проведению реформы образования (эта работа велась под руководством Цай Юаньпэя – сподвижника Сунь Ятсена, министра образования временного Нанкинского правительства), разрабатывались меры защиты китайских эмигрантов от притеснения со стороны колониальных властей в странах Юго-Восточной Азии.

В области государственно-правового развития Китая важнейшими событиями стали созыв 28 января 1912 г. высшего временного законодательного органа Китайской Республики – Национального собрания и принятие им 10 марта 1912 г. Временной конституции Китайской Республики. Созыв Национального собрания был реальным продвижением в создании республиканского строя. Собрание было сформировано на базе Конференции представителей революционных провинций; в него вошли 38 представителей от 17 провинций Китая. Начало его функционирования существенным образом ускорило падение цинской монархии и победу республиканских сил.

С правовой точки зрения принятие Временной конституции Китайской Республики стало основным результатом Синьхайской революции. Ее содержание отражало восприятие западной конституционной идеи и одновременно учитывало специфику политического развития Китая. Некоторые статьи конституции не были вполне адаптированы к китайским реалиям, однако в целом Временная конституция КР стала политико-юридической основой формирования государственного строя и развития политической системы, сыграла определенную роль в ликвидации пережитков феодализма в системе управления. Для многих политических партий Китая 10–20-х годов Временная конституция 1912 г. стала образцом и критерием революционности в борьбе за создание единого сильного Китая. Вплоть до 1919 г. лозунг восстановления Временной конституции 1912 г. выдвигался партией Сунь Ятсена в борьбе с милитаристскими группировками Севера.

Основным автором конституции был давний сторонник Сунь Ятсена Сун Цзяожэнь – юрист по образованию, изучавший государственное устройство и конституции западноевропейских государств. В целом конституция имела демократическую направленность, провозглашала свободу личности, слова, печати, собраний, общественных объединений, вероисповедания, право частной соб-

ственности и предпринимательства, право граждан «сдавать экзамены для замещения чиновничьей должности», предоставляла избирательное право лицам мужского пола, не ограниченным в гражданских правах. К участию в выборах не допускались лица, употребляющие опиум, а также военнослужащие и чиновники, занимающие судебные и административные должности.

Конституция предусматривала формирование парламента, а до его созыва функции парламента возлагались на Национальное собрание. Согласно Общим принципам Временной конституции, управление Китайской Республикой осуществляется через Национальное собрание (парламент), временного президента, Кабинет министров и Судебную палату. В основу государственной структуры был положен принцип разделения властей, хотя проводился он непоследовательно, особенно в том, что касалось законодательной и исполнительной властей. Не решался до конца весьма сложный в условиях Китая вопрос о взаимоотношениях центральной администрации и правительств провинций.

По конституции вся полнота законодательной власти принадлежала Национальному собранию. Исполнительная власть концентрировалась в руках президента. Временный президент и вице-президент избирались Национальным собранием большинством в $^{2}/_{3}$ голосов при кворуме не менее $^{3}/_{4}$ состава парламента. Временный президент Китайской Республики являлся главнокомандующим вооруженными силами (армии и флота), мог объявлять в случае необходимости военное положение, принимал иностранных дипломатических представителей, пользовался правом законодательной инициативы, назначал и освобождал от должности военных и гражданских чиновников, присваивал почетные звания и награды.

С согласия парламента или на основании его решений президент издает указы, заключает международные договоры, объявляет войну и заключает мир, имеет право промульгировать законы, принятые парламентом. Вместе с тем президент лишен права отлагательного вето, а также роспуска нижней палаты парламента даже с согласия верхней палаты. Для назначения членов кабинета или принятия важных внешнеполитических решений президент должен был получить согласие обеих палат.

Данная структура предоставляла президенту широкие полномочия, в то же время ограничивала сферу его компетенции рамками парламентской республики. Вместе с тем по ряду причин конституция не гарантировала общество от опасности установления в КР диктаторского режима. Функционированию парламентской системы угрожали такие факторы, как глубоко укоренившиеся в общественном сознании монархические идеи, отсутствие политического опыта у партий и общественных организаций, наконец, зависимость власти, особенно на местах, от вооруженных сил, численно возросших в годы Синьхайской революции.

После создания в конце марта 1912 г. нового республиканского правительства Национальное собрание 2 апреля постановило перенести столицу в Пекин. 29 апреля пополненное делегатами от ранее не представленных в нем провинций

Национальное собрание открыло свою сессию в Пекине. Выборы парламента были назначены на конец 1912 – начало 1913 г.

10 августа 1912 г. был принят Закон о Национальном собрании (Парламенте), предусмотревший его двухпалатную структуру и определивший многоступенчатую систему выборов. Наиболее трудным делом для китайского парламента было получение квалифицированного большинства, необходимого для принятия решений по важным вопросам. Так, конституция могла приниматься лишь на совместном заседании обеих палат при наличии кворума в $^{2}/_{3}$ всех депутатов Национального собрания большинством голосов в $^{3}/_{4}$ присутствующих. Высокий имущественный и образовательный ценз, а также принадлежность к монашеским организациям, служба в армии и полиции, замещение официальных постов в административных и судебных органах лишали значительную часть населения возможности участия в выборах в верхнюю палату. Несмотря на недостаточный демократизм отдельных положений Закона, его принятие в условиях того времени, как и Временной конституции, означало прорыв в правовом развитии и знаковое событие конституционной истории, которая восходит к деятельности китайских реформаторов начала 1890-х годов, руководимых Кан Ювэем.

Особенность развития парламентаризма в Китае проявлялась и в собственно партийном строительстве, которое в срочном порядке приспосабливалось к новым условиям. Создавались или реорганизовывались партии, участвующие в выборах парламента. Активизировался процесс размежевания различных политических направлений, в том числе и внутри Объединенного союза Сунь Ятсена. Образование партий парламентского типа началось с создания в январе 1912 г. Партии единства (Тунъидан), в которой важную роль играл бывший видный деятель Объединенного союза Чжан Тайянь, порвавший с Объединенным союзом еще в 1909 г. и открыто поддержавший Юань Шикая в период Синьхайской революции. Членом этой партии стал и недолго состоявший в партии Сунь Ятсена Тан Шаои. Парламентской опорой Юань Шикая стала Республиканская партия (Гунхэдан), созданная в мае 1912 г. на базе более мелких организаций, объединявших главным образом приверженцев конституционной монархии. Ее социальный состав – крупные помещики и купцы Северного и Центрального Китая, столичные чиновники высокого ранга, офицеры и генералы Северной армии. Председателем партии был избран Ли Юаньхун. В августе 1912 г. по инициативе вернувшегося из эмиграции Лян Цичао была создана Демократическая партия (Миньчжудан). В парламентской борьбе она пыталась играть на противоречиях между Гоминьданом (Национальная партия) и Гунхэданом, однако явно тяготела к Юань Шикаю. Ее лидером был Тан Хуалун. В политической жизни участвовала также созданная после Учанского восстания Китайская партия социалистов (Чжунго шэхуэйдан) во главе с Цзян Канху – одним из первых пропагандистов идей социализма в Китае.

Весной–летом 1912 г. готовилось преобразование Объединенного союза в партию парламентского типа, с более широкой социальной базой и политической платформой. В августе 1912 г. состоялся учредительный съезд Национальной

партии (Гоминьдан), в итоге которого в Объединенный союз вошли четыре немногочисленные политические организации республиканской ориентации. Это событие потребовало отхода от некоторых прежних установок Объединенного союза. Установка «добиваться международного равенства Китая» заменялась обещанием «поддерживать международный мир»; был снят провозглашенный в свое время Сунь Ятсеном конкретный социальный лозунг введения «равных прав на землю»; не упоминался принцип равноправия мужчин и женщин. Основным разработчиком новой программы был Сун Цзяожэнь, получивший в конечном итоге поддержку Сунь Ятсена. Гоминьдан последовательно занимал позицию укрепления республики, становления двухпалатной парламентской системы, одновременно учитывая специфику Китая. Национальная партия выдвинула задачу разработки постоянной конституции, которая предусматривала бы создание ответственного перед парламентом однопартийного кабинета, введение местного самоуправления и назначение высших должностных лиц провинциального уровня. В системе управления предусматривалось размежевание гражданской и военной властей, а также разделение функций Центра и местных властей, т.е. предлагалось решить извечно больные вопросы государственного строительства. В экономической сфере ставились задачи упорядочения финансов и налоговой системы, создания единого государственного бюджета и центрального государственного банка с правом эмиссии денег и предлагался ряд других мер. Предусматривались протекционистские меры в области развития промышленности, строительство железных дорог, развитие образования. Гоминьдан занимал более критическую позицию по отношению к Юань Шикаю, чем в свое время Объединенный союз, хотя в целом так и не расстался с иллюзиями о якобы республиканских взглядах Юань Шикая.

Деятельность Сунь Ятсена после отставки с поста временного президента Китайской Республики и до образования Гоминьдана была сосредоточена на пропаганде в стране учения о «трех народных принципах», разрабатывавшегося им с конца XIX в. Проявляя способность к адаптации своей теории и практики к веяниям времени, к меняющейся политической ситуации, Сунь Ятсен уточнил теорию «трех народных принципов» – «национализм, народовластие и народное благосостояние», направленную к сплочению Китая на основе стремления к общенациональным целям. Еще в программе Объединенного союза принцип Сунь Ятсена «национализм» трактовался как требование свержения чужеземной маньчжурской династии и восстановления китайского (ханьского) правления. Принцип «народовластия» подразумевал ликвидацию монархического строя и учреждение республики. Принцип «народного благосостояния» включал прежде всего требование уравнения прав на землю, осуществить которое Сунь Ятсен предполагал в ходе национализации земли в духе учения американского экономиста Г.Джорджа.

Лейтмотивом выступлений Сунь Ятсена в течение 1912 г. была идея необходимости и своевременности перехода к реализации принципа «народного благосостояния», поскольку, по его мнению, Синьхайская революция претворила в

жизнь принципы «национализма» и «народовластия». Однако по ряду причин стремление Сунь Ятсена к осуществлению на практике принципа «народного благосостояния» не нашло понимания даже среди ближайших сподвижников. Не получила одобрения и точка зрения Сунь Ятсена о необходимости для Китая пройти этап, переходный от монархии к республике, который предусматривался его планом «строительства государства» – неотъемлемой части теории «трех народных принципов». Согласно этому плану, изложенному в Декларации Объединенного союза (август 1905 г.), процесс строительства государства должен пройти через три этапа. Первый этап – период управления страной военными методами, его продолжительность определялась в три года. Второй этап – период управления на основе временной конституции. Третий этап – период управления на основе постоянной конституции. Постоянная конституция разрабатывается спустя шесть лет после введения временной конституции по всей стране. Согласно взглядам Сунь Ятсена, третьему этапу должен был предшествовать период подготовки населения к утверждению в стране системы парламентской республики, обозначенный им позднее, в работе «Программа строительства государства» (1917–1919), как период политической опеки.

Несмотря на сомнения Сунь Ятсена относительно целесообразности копирования в Китае западной парламентской системы и связанные с ними разногласия в партии, Объединенный союз, а позднее Гоминьдан были вовлечены в перипетии парламентской борьбы.

После создания Гоминьдана Сунь Ятсен временно не проявлял политической активности, занявшись разработкой грандиозного плана строительства в Китае обширной железнодорожной сети. Он принял предложение правительства занять пост генерального директора Всекитайской компании железных дорог.

Основная нагрузка по подготовке к парламентским выборам Гоминьдана легла на Сун Цзяожэня. Сосредоточившись на парламентской деятельности, Гоминьдан поспешно демобилизовал революционные войска на Юге, между тем как Юань Шикай увеличивал численность своих вооруженных сил на Севере. Деятельность Гоминьдана в предвыборный период, когда постепенно развивавшееся противостояние с Юань Шикаем еще не обозначилось достаточно четко, оказалась вполне успешной. На выборах в Национальное собрание (февраль – начало марта 1913 г.) победу одержал именно Гоминьдан, получив 150 мест из 274 в верхней палате и 296 мест из 596 в палате представителей. На втором месте оказалась Республиканская партия, на третьем – Партия единства, на четвергом – Демократическая партия. На первую сессию парламент собрался 8 апреля 1913 г. Несмотря на то что в процессе выборов участвовало не более 10% населения, они продемонстрировали возможность создания на китайской почве демократических институтов. Выборы явились реальным результатом Синьхайской революции. Вместе с тем они стимулировали активность Юань Шикая в направлении установления единоличной диктатуры и реставрации монархии.

Несмотря на определенные недостатки в работе временного, затем – постоянного парламента, в 1912–1913 гг. основной тенденцией в политико-правовой

сфере являлось выстраивание политической системы по западному образцу. Парламент демонстрировал ряд признаков, свойственных деятельности парламентских республик Запада. В нижней палате имели место критические выступления и бурные дискуссии, порой удавалось отклонять кандидатуры Юань Шикая в состав Временного правительства (март 1912 г.).

Синьцзян, Монголия и Тибет

Синьхайская революция охватила и национальные окраины Китая. На Синьцзян – крайне западный форпост Китая – она распространилась несколько позже, чем на другие провинции. Первую попытку утверждения революционной власти в главном городе Синьцзяна Урумчи 28 декабря 1911 г. правительство провинции подавило. Более успешным оказалось выступление частей «новой армии» в самом западном – Илийском округе Синьцзяна, подготовленное группой хубэйских революционеров. В январе 1912 г. им удалось свергнуть маньчжурскую власть и провозгласить республику. 7 мая 1912 г. произошло восстание в Кашгаре, на юго-западе Синьцзяна. Обстановка в этой провинции, где революционеры натолкнулись на сильный отпор реакции, была очень неспокойной и, как сообщал в Петербург российский консул в Кашгаре С.Соков, опасной для российских подданных и российского консульства. В целях обеспечения безопасности в Кульджу и Кашгар были введены русские отряды, которые по мере нормализации ситуации возвращались в места постоянной дислокации в России. Из Кашгара отвод войск был проведен в октябре 1913 г., из Кульджи – в октябре 1914 г. Летом 1912 г. в ходе гражданской войны в Синьцзяне усилил свои позиции ставленник Юань Шикая Ян Цзэнсинь. Одержав в октябре 1913 г. победу над повстанцами (Фэн Тэминь и другие революционеры были убиты), он установил в Синьцзяне жесткий военный режим и фактически стал местным диктатором.

Иное развитие событий имело место во Внешней Монголии (Халхе). Еще до Синьхайской революции там развивалось движение за отделение от Китая и провозглашение независимости. Летом 1911 г. состоялось тайное совещание монгольской светской и духовной знати, на котором было принято решение об отделении Монголии от Китая в надежде на помощь России. Российское правительство в целом не поддержало идею отделения Монголии от Китая, однако падение Цинской династии активизировало движение за независимость Монголии. В результате бескровного переворота 1 декабря 1911 г. в главном городе Внешней Монголии Урге была провозглашена независимость Монголии от Китая. Власть перешла от цинских чиновников к монгольской знати.

Провозглашение Монголией независимости вызвало жесткую реакцию правительства КР. Харбинские газеты (август–сентябрь 1912 г.) сообщали немало сведений о насилиях и издевательствах, чинимых китайскими военными над населением Внутренней Монголии. Репрессии войск Юань Шикая в отношении

монголов, заявлявших о своей солидарности с независимой Халхой, вызывали беспокойство и в правительственных кругах России. В это неспокойное время российские подданные, несмотря на реальную угрозу собственной жизни в условиях военных столкновений монголов и китайцев, проявляли мужество и стремились смягчить противостояние. Как свидетельствуют материалы российских архивов, в августе–декабре 1912 г. имела место беспрецедентная гуманная акция российского правительства в отношении республиканского Китая. Она была связана с событиями, происходившими вокруг штурма монгольскими войсками и взятия ими в августе 1912 г. города Кобдо (запад Внешней Монголии).

Более 675 местных китайцев, включая чиновников и многих торговцев, оказались под угрозой физического уничтожения. Российское министерство иностранных дел распорядилось освободить заложников и отправить их через российскую территорию в Маньчжурию. Архивные материалы, изученные историком А.Н.Хохловым, подробно освещают действия российского консульства в Кобдо, организовавшего эвакуацию оттуда китайских подданных во главе с прежним правителем-амбанем. Эту непростую операцию провел хорунжий Сидоров во главе отряда казаков, которые препроводили китайцев из Кобдо в Бийск, а затем в Ново-Николаевск (ныне Новосибирск), откуда их отправили железной дорогой в Маньчжурию. Передача людей китайским властям состоялась на станции ЮМЖД – Чанчунь. Соответствующий официальный акт подписали представители властей обоих государств. Данная гуманная акция российского правительства подняла престиж России, которую некоторые китайские центральные и местные газеты безосновательно обвиняли в намерении захватить стремившуюся к независимости Монголию.

После падения маньчжурской династии российское правительство поддержало требование предоставить Внешней Монголии широкую автономию, но не независимости. 3 ноября 1912 г. в Урге было подписано российско-монгольское соглашение, согласно которому Россия обещала Монголии помощь в сохранении и расширении автономии в составе Китая. Правительство Юань Шикая автономии Внешней Монголии не признало, однако ввиду подъема освободительного движения и во избежание обострения отношений с Россией оно было вынуждено вступить в переговоры с Ургой. 5 ноября 1913 г. была подписана русско-китайская декларация о Монголии, подтверждавшая и признававшая российско-монгольское соглашение от 3 ноября 1912 г. Согласно декларации, Россия признавала сюзеренитет Китая над Внешней Монголией, а Китай – автономию Внешней Монголии. Эти события открыли новые возможности для развития монгольской государственности, способствовали установлению более тесных связей монгольского народа с Россией, в то же время надолго осложнили российско-китайские отношения.

В Тибете свержение маньчжурского деспотизма, как и во Внешней Монголии, стимулировало движение за независимость и антикитайские выступления тибетцев. В апреле 1912 г. началось антикитайское восстание в главном городе Тибета Лхасе и других городах. Юань Шикай, стремясь «преобразовать Тибет

в провинцию Китая», послал войска для подавления восстания в этом регионе. Однако, учитывая активное противодействие Англии и угрозу военной интервенции с ее стороны, Китай приостановил боевые действия в Тибете. К концу 1912 г. в Лхасу с согласия духовного правителя Тибета Далай-ламы XIII вошел 3-тысячный отряд английских войск. Формально Тибет сохранил свой традиционный статус, фактически же регион обрел независимость от Китая, которая сохранялась вплоть до 1951 г., когда Тибет вошел в состав Китайской Народной Республики.

Глава 2
Период правления Юань Шикая (1913–1916)

Поражение «второй революции» (август–сентябрь 1913 г.) и установление военной диктатуры Юань Шикая

Стремление Юань Шикая к сохранению традиционной структуры и отказу от республиканских идеалов уже в начале 1913 г. ярко обозначилось в связи с обсуждением реформы управления на провинциальном уровне. Декретом Юань Шикая от 8 января 1913 г., принятым в нарушение конституции, выборы высших должностных лиц провинций заменялись их назначением центральным правительством.

Готовность Юань Шикая к борьбе с революционными силами в течение определенного периода не была явной, хотя многие факты свидетельствовали о его стремлении к установлению личной власти. Прямо или косвенно Юань Шикай был причастен к гибели некоторых активных авторитетных республиканцев. Так, в марте 1913 г. по тайному приказу Юань Шикая в Шанхае был убит Сун Цзяожэнь, лидер парламентского большинства, претендовавший на пост премьер-министра. Еще раньше, в августе 1912 г., были убиты два видных хубэйских революционера – генерал Чжан Чжэньу и полковник Фан Вэй. Как писала в августе 1912 г. газета «Русское слово», в Учане между революционерами и противостоящими им войсками постоянно происходят стычки, ораторы на уличных митингах призывают народ к истреблению всех изменников с Юань Шикаем во главе.

После парламентских выборов февраля–марта 1913 г. пренебрежение Юань Шикая парламентскими нормами, его стремление ликвидировать парламентские институты стали явными. Успех Гоминьдана на выборах сделал эту партию основной оппозицией Юань Шикаю. Не без участия Юань Шикая произошло объединение партий Единства, Республиканской и Демократической в новую

организацию – Прогрессивную партию (Цзиньбудан), руководителями которой стали Лян Цичао, Тан Хуалун, У Тинфан, Ли Юаньхун, Чжан Цзянь. Именно Прогрессивная партия стала опорой Юань Шикая в парламенте. Все более четко определялся курс Юань Шикая на использование военной силы как основного инструмента политической власти – в ущерб укреплению парламентских процедур. Бэйянская армия увеличила свои ряды благодаря дополнительной мобилизации новобранцев. Некоторые ее части перевели в стратегически важные города страны (Ухань, Шанхай, Нанкин), что сыграло свою роль в окончательной победе Юань Шикая над военными группировками – сторонниками республики и народным движением, развернувшимся в центральных и южных провинциях в июле–сентябре 1913 г. Немаловажную роль в усилении власти Юань Шикая сыграла финансовая поддержка его политики банковским консорциумом пяти держав – Англии, Франции, Германии, Японии и России. 27 апреля в обход парламента было заключено Соглашение правительства с банковским консорциумом о получении займа на сумму 25 млн. фунтов стерлингов. Этот заем, укрепивший военную мощь Юань Шикая, способствовал поражению «второй революции» (июль–сентябрь 1913 г.), открывшему Юань Шикаю путь к установлению авторитарной власти.

«Вторая революция» имела многослойный характер. Она явилась реакцией широких социальных слоев на несбывшиеся ожидания в социальной сфере, с одной стороны, республиканцев и преданных Гоминьдану вооруженных частей на стремление Юань Шикая к диктатуре – с другой. Материальное положение основной массы населения и после Синьхайской революции оставалось плачевным. Маньчжурскую знать на местах сменила ханьская феодально-бюрократическая верхушка, быстро оттеснившая с руководящих постов выдвиженцев Синьхайской революции. Курс на улучшение положения народных масс на правительственном уровне не успел оформиться. Немногие меры по облегчению налогового пресса, принятые в революционный период, вскоре были отменены Юань Шикаем, озабоченным поиском средств для содержания растущей армии и бюрократического аппарата, для выплаты державам «боксерской контрибуции» (наложена на Китай Заключительным протоколом 1901 г. после подавления войсками восьми держав восстания боксеров-*ихэтуаней*) и процентов по займу банковского консорциума.

Стихийное народное движение в Южном и Центральном Китае принимало формы вооруженных выступлений традиционных тайных обществ, террористических актов против «плохих» чиновников, голодных крестьянских бунтов. Наиболее крупным из антиправительственных выступлений населения было восстание в провинциях Хэнань, Хубэй, Аньхуэй, Шэньси под руководством крестьянина Бай Лана, продолжавшееся почти два года. Оно вовлекло в свои ряды крестьян, шахтеров, землекопов и только осенью 1914 г. было подавлено войсками Юань Шикая.

После гибели 22 марта Сун Цзяожэня и обострения отношений с Гоминьданом Юань Шикай назначил временным премьер-министром военного министра

Губернатор Гуандуна Ху Ханьминь и У Чаошу с русскими моряками

и командующего бэйянской армией Дуань Цижуя. 6 мая 1913 г. он издал указ «Об искоренении беспорядков и умиротворении» и открыто перешел к репрессиям против республиканцев, прежде всего против отдельных деятелей Гоминьдана. Были сняты со своих постов гоминьдановцы Хуан Син (командующий Южной армией), Ли Лецзюнь (губернатор Цзянси), Бо Вэньвэй (губернатор Аньхуэя), Ху Ханьминь (губернатор Гуандуна).

В ответ на эти действия в июле 1913 г. верные идеям республиканизма и преданные Гоминьдану вооруженные силы на юге страны начали вооруженную борьбу против Юань Шикая, которая стала важной составной частью «второй революции». В «Обращении к народу» Гоминьдан обвинил Юань Шикая в стремлении реставрировать монархию и призвал к борьбе с узурпатором. Между тем пик революционного энтузиазма в обществе уже прошел. Ни среди народных масс, ни даже в гоминьдановской среде «Обращение» Гоминьдана не получило массовой поддержки. Лишь немногие воинские части в провинциях Цзянсу и Цзянси и в городах Нанкин и Шанхай выступили против Юань Шикая. К сентябрю 1913 г. эти выступления были подавлены. Военная и политическая сила оказалась на стороне Юань Шикая. «Вторая революция» потерпела поражение.

Деятельность Юань Шикая после парламентских выборов не оставляла сомнений в его решимости ликвидировать демократические политические институты. Опираясь на Прогрессивную партию, он создает 11 сентября 1913 г. кабинет министров во главе с Сюн Силином. В дальнейших планах Юань Шикая на первом месте стояла задача избрания его постоянным президентом, и лишь после

Юань Шикай с американским посланником
в связи с признанием США Китайской Республики. 2 мая 1913 г.

этого он намеревался принять постоянную конституцию. Однако Юань Шикай сомневался в поддержке таких своих действий со стороны Прогрессивной партии, которая, как и Гоминьдан, считала первоочередной задачей именно принятие постоянной конституции. Тогда Юань Шикай оперативно создал более преданную ему, чем Прогрессивная партия, Гражданскую партию (Гунминьдан) и обеспечил себе в парламенте поддержку по данному вопросу.

4 октября 1913 г. был обнародован закон о выборах президента, которые состоялись уже 6 октября. Процесс выборов характеризовался сочетанием парламентских процедур с непарламентскими действиями. Для голосования были выставлены две кандидатуры – Юань Шикая и Ли Юаньхуна. Победу одержал Юань Шикай, который в борьбе за пост президента использовал в том числе и подкуп депутатов. 7 октября вице-президентом стал Ли Юаньхун. В ходе церемонии вступления в должность главы государства Юань Шикай вновь продемонстрировал свои политические пристрастия: среди награжденных орденами и высокими постами были реакционные политические деятели Сюй Шичан, бывший крупный сановник цинского двора, сохранивший косу и после отречения императора Сюаньтуна, а также Чжао Бинцзюнь, причастный к убийству Сун Цзяожэня. В специальном послании бывшему монарху, известному после отречения под именем Пу И, Юань Шикай обещал соблюдать все привилегии, установленные для цинских князей после падения монархии.

В специальном обращении к иностранным державам Юань Шикай подтвердил нерушимость всех договоров с ними, а также привилегий иностранцев в Ки-

тае. В этом отношении он отражал единую для республиканской власти позицию, принятую революционным Нанкинским правительством и оглашенную Сунь Ятсеном в период его временного президентства. Процесс международного признания Китайской Республики, инициированный в мае 1913 г. Соединенными Штатами Америки, принял массовый характер. О признании КР и Юань Шикая как ее президента объявили Англия, Россия, Япония, Германия, Франция, Австро-Венгрия и другие страны.

После избрания Юань Шикая президентом КР центр политической борьбы передвинулся в плоскость подготовки и принятия постоянной конституции. В ходе этого процесса произошло окончательное размежевание Юань Шикая с Гоминьданом, представители которого в парламенте поддерживали основные демократические положения Временной конституции 1912 г., в том числе те, которые ограничивали полномочия президента. 25 октября Юань Шикай обратился к военным и гражданским чиновникам провинций с жалобой на парламентариев – членов Гоминьдана, обвинив их в подготовке заговора против исполнительной власти. Сославшись на пожелания провинциальных властей, среди которых было немало его сторонников, и обвинив Гоминьдан в выступлениях против Пекинского правительства, президент Юань Шикай указом от 4 ноября 1913 г. приказал распустить партию Сунь Ятсена. Тем же указом он лишил мандатов 438 депутатов парламента от Гоминьдана. Поскольку без гоминьдановских парламентариев в Национальном собрании стал невозможен кворум, это событие фактически означало роспуск Национального собрания и установление диктатуры президента. С этого времени постепенно развивавшийся процесс отказа от парламентаризма в сфере управления ускорился и приобрел необратимый характер.

Пытаясь облачить в одежды конституционной законности устанавливаемый режим личной власти, президент учредил новый орган – Центральное политическое совещание, которым он прикрывался в своих дальнейших действиях, направленных на изменение правовых институтов. Официально о роспуске обеих палат парламента, а также всех провинциальных и местных собраний было объявлено в январе 1914 г.

С целью дискредитации Временной конституции 1912 г. и замены ее новой, постоянной конституцией Центральное политическое совещание, состоявшее в основном из бывших чиновников монархического режима, приняло новую конституцию, опубликованную 1 мая 1914 г. Положения конституции предусматривали замену парламента Законодательной палатой, созываемой президентом. Она избиралась главным образом из числа крупных сановников и помещичье-буржуазной интеллигенции. По согласованию с Палатой политических советников (Цаньчжэнъюань) президент получил право роспуска Законодательной палаты. 20 июня 1914 г. Юань Шикай назначил в Палату политических советников 70 своих ставленников во главе с Ли Юаньхуном, нетвердым в убеждениях, слабовольным человеком, который получил прозвище «глиняного будды». После принятия новой конституции последовал ряд указов и законов, направленных на усиление личной власти президента. Согласно новой конституции, мно-

гие функции исполнительной и судебной власти переходили непосредственно президенту либо под его строгий контроль. Тем самым создавалась основа для диктаторского режима Юань Шикая.

Наступление на завоевания Синьхайской революции осуществлялось и по ряду других направлений. Опубликованный в марте 1914 г. закон о печати вводил жесточайшую цензуру, а в ноябре было принято решение о телесных наказаниях для простых людей.

В соответствии с новой редакцией закона о выборах (28 декабря 1914 г.), срок полномочий президента увеличивался до 10 лет. Произошел переход от парламентской республики к президентской. Новые полномочия президента были шире, чем в других президентских республиках мира.

В ходе подготовки к реставрации монархических порядков восстанавливались высшие сановные и придворные титулы, существовавшие при Цинской династии, а также весь старый ритуал чинопочитания, была реанимирована традиционная система государственных экзаменов для чиновников. О подготовке к реставрации монархии свидетельствовало копирование ее атрибутов. Например, государственная печать президента была скопирована с нефритовой императорской печати династии Цин. 23 декабря 1914 г. Юань Шикай совершил жертвоприношение в храме Неба, что, согласно традиции, было личной привилегией императора.

Летом 1915 г. Юань Шикаю удалось инспирировать в провинциях Китая крупномасштабную петиционную кампанию с требованиями провозглашения монархии. В Пекине же был создан комитет, в задачу которого входила подготовка к коронации Юань Шикая. Был провозглашен и девиз будущего императора – Хунсянь (Всеобъемлющая законность). Палата политических советников в декабре 1915 г. обнародовала решение учредить конституционную монархию и обратилась к Юань Шикаю с просьбой о вступлении на трон. Эта церемония намечалась на начало 1916 г.

Между тем дальнейшие события разворачивались не так, как рассчитывали Юань Шикай и его окружение. В различных слоях общества назревал протест против действий власти, направленных на реставрацию монархии. Размах протестного движения рос в связи с капитулянтской политикой Юань Шикая по отношению к Японии. Острые внутри- и внешнеполитические проблемы переплелись, и в результате их взаимовлияния в обществе возникла атмосфера неприятия монархической реставрации.

Агрессия Японии. Рост патриотического движения

Внутриполитические события, связанные с попытками возрождения монархии, по времени совпали с Первой мировой войной, в которую фактически был втянут и Китай, главным образом из-за действий Японии. Правительство КР

в августе 1914 г. объявило о нейтралитете и обратилось к воюющим державам с просьбой не переносить военные действия на арендованные китайские территории.

Однако Япония, объявив 22 августа 1914 г. войну Германии, поспешила воспользоваться ситуацией для реализации своих экспансионистских планов в Китае. 28 августа в пров. Шаньдун с целью захвата германских владений высадился 30-тысячный экспедиционный корпус. Воспользовавшись занятостью западных держав войной в Европе, Япония развернула военные действия против вооруженных сил Германии в арендованном ею портовом городе Циндао. После 2-месячной осады Циндао пал. 7 ноября 1914 г. Япония заняла не только все арендованное Германией побережье бухты Цзяочжоу, но и примыкающие к ней районы. Несмотря на протесты Китая, Япония взяла под контроль Шаньдунскую железную дорогу, которая являлась совместным предприятием немецкого и китайского частного капитала. Фактически Япония установила свой контроль на всей территории Шаньдуна.

Действия Японии в Шаньдуне после капитуляции немецких войск (19 ноября) отличались жесткостью и даже жестокостью в отношении местных властей и китайского населения. Подобное поведение японских оккупантов стало нормой и в более поздние периоды существования Китайской Республики. Фактически Япония установила в Шаньдуне оккупационный режим, отказавшись вернуть Цзяочжоу Китаю. На захваченной территории японское командование ввело для китайского населения трудовую повинность, неповиновение грозило расправой по законам военного времени. Японские солдаты изгоняли жителей из домов, отбирали у них продовольствие, грабили имущество, уничтожали посевы, у торговцев конфисковывали товары. В зоне, прилегающей к Цзяочжоу–Цзинаньской железной дороге, японцы, захватывая рудники и шахты, изгоняли китайскую администрацию.

Юань Шикай, поглощенный планами реставрации монархии, не оказывал серьезного сопротивления японским агрессорам. Стремясь заручиться поддержкой Японии в укреплении своей власти, он шел на уступки и другим державам, в частности предоставил право Англии собирать металлолом в Китае для военных нужд, а Франции – проводить набор китайских рабочих для их транспортировки во Францию.

Пассивная внешняя политика Юань Шикая и война в Европе разжигали аппетиты японского агрессора, разрабатывавшего планы утверждения полного экономического и политического господства в Китае. Даже робкие попытки китайского правительства урегулировать вопрос об отводе японских войск с территории, находящейся за пределами Цзяочжоу, в связи с окончанием военных действий в Шаньдуне вызывали у Японии резкий отпор и выдвижение новых требований. 18 января 1915 г. японский посланник в Пекине Хиоки Эки предъявил Китаю так называемые «21 требование». Этот акт и последующие переговоры поначалу сохранялись в секрете, особенно пятая группа предъявленных Японией требований. При вручении «21 требования» Хиоки намекал на возможность поддержки Японией монархических планов Юань Шикая.

«21 требование» Японии подразделялось на пять групп. Первая группа требований касалась судьбы германских арендованных территорий и полученных от Китая привилегий германским компаниям и подданным. Япония добивалась в Шаньдуне передачи ей всех этих прав, гарантий неотчуждения какой-либо части территории Шаньдуна в пользу третьей державы, предоставления ей права на строительство железной дороги через Чифу (Яньтай) до Лункоу для соединения с железной дорогой Циндао-Цзинань и открытия крупных городов провинции для японской торговли. Вторая группа требований была посвящена расширению привилегий Японии в Маньчжурии и примыкавшей к ней части Внутренней Монголии, продлению аренды Люйшуня (Порт-Артура), Даляня, а также Южно-Маньчжурской и Аньдун-Шэньянской железных дорог с 25 до 99 лет и передаче на тот же срок под управление Японии Цзилинь-Чанчуньской железной дороги. Третья группа требований включала совместную эксплуатацию японским и китайским капиталом Ханьепинского металлургического комбината в Центральном Китае и угольных копей в этом регионе. Фактически речь шла о передаче Японии одного из главных центров развития национальной промышленности Китая.

Четвертая группа требований включала запрет на отчуждение или сдачу в аренду третьей державе каких-либо гаваней, бухт, а также островов у китайского побережья. Пятая группа содержала требования, исполнение которых, по сути, лишало Китай национального суверенитета. Они были направлены на установление господства Японии над всей территорией Китая и предусматривали приглашение китайским правительством японских политических, военных и финансовых советников, совместное управление полицией и военной промышленностью Китая, право Японии на промышленное и железнодорожное строительство в стране, закупку Китаем не менее 50% вооружения в Японии, преимущественные права Японии в развитии промышленности, разработке рудников, строительстве железных дорог и портов в пров. Фуцзянь (напротив аннексированного Японией Тайваня), право Японии на ведение религиозной пропаганды в Китае и т.д.

Японии не удалось сохранить эти требования в тайне от китайской общественности и от своих союзников. Уже через несколько дней после переговоров японского посланника Хиоки с заместителем министра иностранных дел Китая Цао Жулинем, состоявшихся 8 марта, содержание «21 требования» стало предметом бурной дискуссии в китайской прессе. Этот факт свидетельствовал об изменении ментальности китайского общества после Синьхайской революции, возник широкий общественный интерес к политическим событиям. Новый Китай приобрел некоторые черты, формирующие национальное самосознание и препятствующие возвращению к реалиям монархического Китая. В Шанхае, Ханькоу, Фучжоу, Сямэне (Амое), Яньтае и других городах развернулось движение за бойкот японских товаров. В Шанхае начался сбор средств для нужд национальной обороны. Вскоре движение за создание фонда «национального спасения» охватило всю страну. Рабочие, студенты, торговые служащие, слуги,

рикши и городская беднота отдавали свои скудные сбережения на нужды обороны. Сбор средств производился также среди китайских эмигрантов за границей, особенно в Японии и США. Наблюдались все признаки подъема патриотического движения широких социальных слоев.

Юань Шикай в ходе начатого им переговорного процесса с Японией пытался ограничить притязания Токио, используя патриотические выступления населения и рассчитывая на поддержку со стороны Антанты и США. В результате переговоров 26 апреля Япония исключила требование о постройке железной дороги в бассейне Янцзы. В свою очередь, 1 мая Юань Шикай сделал ряд уступок, главным образом по проблемам Внутренней Монголии. Одновременно он потребовал уточнения сроков и условий передачи Китаю Цзяочжоу и вывода оттуда японских войск. В ответ на этот демарш Юань Шикая Япония 7 мая предъявила Китаю ультиматум, срок которого истекал в 18 часов 9 мая. Вместе с тем в этот ультиматум не была включена пятая группа требований.

Действия Юань Шикая в связи с выдвинутым Японией «21 требованием» в определенной степени зависели от позиции великих держав по этому вопросу. Юань Шикай надеялся на их поддержку, которую он так и не получил. С одной стороны, иностранные державы, занятые войной в Европе, не были в состоянии оказать существенное противодействие японской экспансии в Китае. С другой стороны, они не разработали единого плана совместных действий, не урегулировали разногласий между собой, поскольку на первом плане у каждой стояли задачи расширения собственных сфер влияния в Китае. Так, Англия, надеясь на отказ Японии от претензий на британские «сферы влияния» в Центральном Китае, ограничилась лишь критикой японских действий в печати и пожеланием, чтобы Япония отказалась от части требований пятого раздела.

В планы России не входило обострение отношений с Японией, поскольку она опасалась дальнейшей японской экспансии в Маньчжурии и Монголии; кроме того, Россия закупала у Японии вооружение, боеприпасы и обмундирование, необходимые для войны с Германией, а также планировала заключить политическое соглашение с Токио. Правительство США, в целом признавая правомерность «особых интересов» Японии в пров. Шаньдун, Южной Маньчжурии и Внутренней Монголии, возражало против требования, относящегося к пров. Фуцзянь, давно интересовавшей Соединенные Штаты Америки. Германия исходила из стремления заключить сепаратный мир с Японией и привлечь ее на свою сторону в мировой войне, соответственно, она опасалась раздражать агрессора своим противодействием японской экспансии в Китае.

Более того, Англия и США оказали нажим на китайское правительство. 8 мая 1915 г. во избежание «прямого конфликта с Японией» китайскому правительству было рекомендовано удовлетворить частично пересмотренные японские требования. 9 мая Юань Шикай заявил о принятии им требований Японии. Этот день вошел в историю Китая как «день национального позора». 25 мая китайское правительство подписало неравноправный договор с Японией, по существу удовлетворявший «21 требование», а также подписало ряд дополнительных протоколов.

Юань Шикай и его приближенные интерпретировали принятие Китаем «21 требования» как «акт взаимных уступок, обеспечивающих мир и благополучие в Восточной Азии». Особой заслугой китайского правительства называлось изъятие из японского ультиматума пятой группы требований, что имело под собой определенные основания. Подконтрольная Юань Шикаю пресса освещала эти события, значительно преувеличивая реальные достижения Юань Шикая и его правительства в переговорном процессе с Японией.

Однако главным критерием оценки политики Юань Шикая и его правительства в области отношений с Японией служит, думается, реакция широких слоев населения. Весть о принятии правительством КР японского ультиматума вызвала бурное негодование по всей стране. В городах и провинциях начались бойкоты японских товаров и деятельности японских банков. Повсеместно проходили митинги протеста, распространялись прокламации, расклеивались антияпонские плакаты, карикатуры и лозунги. Японские товары конфисковывали и сжигали. Формы протеста были различными, имели место и более организованные действия. Так, активизировались общественные организации ряда городов и провинций, которые требовали наказать министра иностранных дел Лу Чжэнсяна и его заместителя Цао Жулиня за «национальное предательство». Оба были вынуждены поспешно подать в отставку. Всю страну охватило движение за создание фонда «национального спасения».

Патриотическое движение встревожило Юань Шикая, который видел в нем угрозу для осуществления своих реставраторских планов. 16 июня 1915 г. Юань Шикай издал указ о запрещении антияпонских бойкотов. Конфликты между патриотически настроенным населением и властями в Шанхае, Пекине, Тяньцзине, Чанша и других городах подрывали авторитет Юань Шикая даже среди его сторонников. Опасаясь распространения народных выступлений, из столицы в иностранные сеттльменты (в Тяньцзине и других городах) бежали приближенные к Юань Шикаю сановники, высокопоставленные чиновники и богатые купцы с семьями, в зарубежные банки они переводили свои капиталы.

Немаловажную роль в подъеме патриотического движения сыграла деятельность партий, которые адаптировали свои программы к быстро меняющейся политической обстановке. Антимонархический и патриотический аспекты становятся определяющими в программе партии Сунь Ятсена и Прогрессивной партии. Сунь Ятсен, после «второй революции» эмигрировавший в Японию, вместо распущенной Юань Шикаем парламентской партии Гоминьдан создал в июле 1914 г. глубоко законспирированную Китайскую революционную партию (Чжунхуа гэминдан). Если при образовании Гоминьдана делалась ставка на усовершенствование социально-политической системы мирным парламентским путем, то в программных документах Гэминдана эта практика пересматривалась, вновь был взят курс на «политическую революцию», как и в годы подготовки и осуществления Синьхайской революции. В арсенал теоретических обоснований и политических установок вновь был введен принцип «народовластия». Основной задачей Китайской революционной партии объявлялась борьба против диктату-

ры милитаристской клики Юань Шикая, за восстановление демократических учреждений и Временной конституции 1912 г. Эти идеи широко пропагандировались в материалах журнала «Миньго» («Республика») и газеты «Миньго жибао», которые издавались под редакцией Сунь Ятсена, Чжу Чжисиня и других деятелей. По замыслу Сунь Ятсена, Чжу Чжисиня, Ляо Чжункая, Гэминдан формировался как партия профессиональных революционеров во главе с полновластным лидером. Нацеленность Гэминдана на вооруженные методы борьбы, непримиримость к Юань Шикаю, жесткий дисциплинарный устав отпугнули от партии многих старых сподвижников Сунь Ятсена, особенно из числа эмигрантов. Для отмежевавшегося от Гэминдана правого течения во главе с Хуан Сином и примыкавшими к нему Чэнь Цзюнмином, Ли Лецзюнем было характерно стремление к компромиссу с Юань Шикаем в целях совместного сопротивления японской экспансии. Они призывали прекратить всякую деятельность против Юань Шикая и сконцентрировать все силы нации на борьбе против внешних врагов. Раскол среди бывших лидеров Гоминьдана ослаблял революционный лагерь и был на руку Юань Шикаю.

Действовавший в Китае нелегально Гэминдан не располагал широкой социальной базой. Не имея собственных вооруженных сил, он в своей военно-революционной деятельности блокировался с юго-западными милитаристами, зависел от их военной и политической поддержки. Устав Гэминдана свидетельствовал о возвращении Сунь Ятсена и его соратников к теории и практике трехэтапного революционного и государственного развития, зафиксированным еще в Декларации Объединенного союза. Представители Гэминдана принимали активное участие в разоблачении капитулянтской политики Юань Шикая и его ставленников – бэйянских генералов. Несмотря на ряд неудач в организации восстаний в провинциях Цзянсу, Чжэцзян, Хунань (июль 1914 г.), Гэминдан сыграл положительную роль в борьбе с попытками реставрировать монархию.

В антимонархическое движение, которое развивалось параллельно и было взаимосвязанно с патриотическим антияпонским подъемом в стране, постепенно включалась и Прогрессивная партия. Конкретные действия Юань Шикая с целью реставрации монархии вызвали изменение позиции этой партии, прежнего оплота Юань Шикая, по отношению к президенту. Лидер партии Лян Цичао, выступавший против монархического переворота как несвоевременной акции, вынужден был сначала скрываться вместе с генералом Цай Э на территории японской концессии в Тяньцзине, а в начале марта 1916 г. обосновался на юге Китая, в пров. Гуанси, где были распространены республиканские настроения. Прогрессивная партия действовала довольно решительно. Установив связь с юго-западными милитаристами, она организовала военную кампанию против Юань Шикая, известную под названием «война в защиту республики», которая сыграла значительную роль в провале реставраторских поползновений.

Особой страницей истории Китайской Республики является патриотическое движение китайских студентов, обучавшихся за границей. Многие китайские студенты из различных учебных заведений США записывались добровольцами

в формировавшиеся антияпонские отряды и выезжали на родину. Некоторые студенты, обучавшиеся в Японии, возвращались на родину и создавали «петиционные группы», требовали от правительства непримиримой борьбы против японских агрессоров. Они вносили в массы дух патриотизма, организуя публичные диспуты о мерах спасения родины среди интеллигенции, студенчества и других слоев населения. Одним из активных руководителей патриотического движения в Японии был молодой Ли Дачжао, один из будущих основателей Коммунистической партии Китая, учившийся в то время в университете Васэда в Токио. В своих публикациях он осуждал реставраторские действия Юань Шикая, указывал на агрессивный характер «21 требования» и далеко идущие планы Японии, нацеленные на порабощение Китая. В ответ Юань Шикай, серьезно воспринимавший патриотическое и демократическое движение китайских студентов и эмигрантов в Японии, грозил прекратить выплаты студентам государственных стипендий.

Попытка монархического переворота Юань Шикая и начало гражданской войны

В то самое время, когда Юань Шикай готовился к торжественному восшествию на «трон дракона», в обстановке нарастания стихийного и частично организованного антимонархического движения начинаются выступления лидеров южных провинций против реставраторских планов президента. Первыми восстали республикански настроенные офицеры юго-западной пров. Юньнань. Они ультимативно потребовали от Юань Шикая отказа от восстановления монархии. Во главе их стояли бывший губернатор Юньнани Цай Э, генералы Тан Цзияо и Жэнь Кэчэн. Не дождавшись ответа на ультиматум, Цай Э провозгласил независимость пров. Юньнань. Одновременно было заявлено о создании Армии защиты республики. В антимонархическую борьбу были вовлечены губернаторы и генералы провинций Гуандун, Гуанси, Гуйчжоу, Сычуань, Хунань, Фуцзянь. В мае 1916 г. на Юге была создана федерация независимых провинций и началось движение за федерализацию Китая.

В ходе военных действий между мятежными провинциями и войсками Юань Шикая противники восстановления монархии одержали победу. Предприняв в марте–июне 1916 г. политический маневр, Юань Шикай объявил об отказе от реставрации монархии и о восстановлении республиканских институтов. Основной целью Юань Шикая было сохранение поста президента Китайской Республики. Однако маневр запоздал, Юань Шикай лишился поддержки бывших сподвижников – Дуань Цижуя, Сюй Шичана, Фэн Гочжана, Чжан Сюня, что стало для него последним ударом. 6 июня 1916 г. президент скоропостижно скончался.

В подобной развязке определенную роль сыграли и империалистические державы. В своих планах изменения формы правления Юань Шикай рассчитывал на их поддержку. Однако японское правительство, обещавшее содействие этим

планам, после принятия КР «21 требования» скорректировало свою позицию. В оценках внутриполитической ситуации в Китае Япония допускала возможность провала реставраторских расчетов Юань Шикая и победу оппозиционных сил. Страны Антанты воздерживались от открытой поддержки монархического переворота, не желая дальнейшего сближения Китая с Японией. Между тем планы Юань Шикая активно поддерживали США. С 1914 г. советником по государственному праву при Юань Шикае, автором всех его антидемократических законов был американский профессор-юрист Ф.Дж.Гудноу, выступавший с теоретическим обоснованием непригодности для Китая республиканского строя и рекомендовавший вернуться к монархии. Не углубляясь в описание сложных дипломатических интриг, которые велись вокруг готовившегося Юань Шикаем переворота, отметим лишь тот факт, что, независимо от официальной позиции великих держав, Юань Шикай чувствовал их молчаливую поддержку и поэтому не опасался их вмешательства под эгидой защиты «демократических ценностей». В силу этого он считал, что его руки развязаны и он может реставрировать монархию без оглядки на заграницу.

Со смертью Юань Шикая закончился сложный и противоречивый этап политической истории Китая, начавшийся Синьхайской революцией. Он характеризовался низвержением маньчжурской династии и провозглашением республиканской формы правления, построением новых политических институтов, которые накопили первый опыт деятельности в условиях Китая. Однако даже в период подъема революционное движение не смогло смести все препятствия, обусловленные живучестью в обществе и в политической системе монархических идей и институтов. Утверждение республиканских институтов сразу столкнулось с ожесточенным противодействием как в Центре, так и на местах, что стимулировало размежевание в революционном лагере. Адаптация старого Китая к новым политическим условиям проходила чрезвычайно тяжело.

Значительную роль в переходе от традиционного к новому Китаю сыграл Юань Шикай, воплотивший все противоречия и сложности переходного периода. Как сильная личность, он имел заслуженный авторитет в широких слоях общества, в том числе в национально-демократическом лагере. Особым доверием Юань Шикай пользовался в среде сторонников конституционной монархии, ушедших в тень в разгар Синьхайской революции и вновь выдвинувшихся на политическую арену в период инициированного Юань Шикаем возрождения монархических институтов. Поддержав Синьхайскую революцию, он проявил понимание необходимости обновления Китая и его адаптации к современным реалиям. Одновременно Юань Шикай содействовал минимизации использования обеими противоборствующими сторонами силовых методов. Сильной стороной Юань Шикая являлось знание им специфики политических процессов старого Китая и особенностей системы управления. Так, он вновь утвердил систему экзаменов для чиновников, отмененную демократической властью на гребне революционного отрицания старых порядков. Понимая необходимость для Китая сильной управленческой вертикали, Юань Шикай возобновил практику, согласно кото-

рой запрещалось занимать руководящие посты в провинциях уроженцам этих провинций. В тогдашних условиях такой запрет ослаблял сепаратистские тенденции.

В реальной политике Юань Шикай сочетал рациональный подход к оценке событий с честолюбивыми реставраторскими планами, тем более что он изначально предпочитал конституционную монархию республике. Такие его настроения оказывали свое влияние на расстановку сил в стране. Вместе с тем дух обновления, высвободившийся в результате Синьхайской революции, оказался достаточно сильным, чтобы не допустить возрождения монархии. Сложности формирования нового политического устройства не отменяют судьбоносного значения Синьхайской революции – революции национальной и демократической по своей направленности, отражавшей интересы широких социальных слоев, положившей начало обновлению различных сфер жизни Китая.

Глава 3
Пекинское правительство и формирование системы военных режимов (1916–1928)

Характеристика китайского милитаризма. Между парламентаризмом и милитаризмом

Пекинское (бэйянское) правительство как легитимное правительство Китайской Республики изначально действовало в специфической социально-политической среде, характеризовавшейся милитаризацией общественно-политической жизни страны. Если на уровне центральной власти процесс милитаризации выражался в формировании режима военной диктатуры Юань Шикая, то в провинциальном звене главными политическими фигурами были военные губернаторы или военачальники местного масштаба. Взаимоотношения армии и революционных организаций на местах в период Синьхайской революции складывались по-разному, однако в итоге преобладающей тенденцией оказалась милитаризация системы власти в провинциях.

Усиление регионального милитаризма имело исторические корни и развивалось в традиционном Китае параллельно с «централизаторским милитаризмом» основателей династий. Рост влияния и сепаратистских тенденций в поведении губернаторов и местных военачальников уже в конце правления Цинов в принципиальном плане характеризовали внутриполитическую обстановку в Китае. Сама личность генерала Юань Шикая и его практика опоры на армию и в революционное, и в послесиньхайское время воплощали тенденцию милитаризации

политических процессов в стране. Оставляя в стороне реставраторские планы Юань Шикая, которым не суждено было осуществиться, отметим его попытки не допустить усиления центробежных тенденций. Возвышение провинциальных военных лидеров в годы Синьхайской революции и вовлечение в процесс «отчуждения от Центра» отдельных генералов бэйянской армии заставляли Юань Шикая проводить централизаторские меры в административной, военной и финансовой областях. Однако они оказались безуспешными.

Юань Шикай прежде всего попытался заменить провинциальное звено территориально-административного деления страны более мелкой единицей с целью предотвращения чрезмерной централизации власти в руках военных губернаторов провинций – основного политического звена формирования регионального милитаризма. Встретив ожесточенное сопротивление местных политиков, Юань Шикай попытался создать систему контроля над военными губернаторами провинций путем замены прежнего титула *дуду* титулом *цзянцзюнь* и созданием канцелярии цзянцзюней, не имевших подконтрольной им территории. Перевод того или иного ненадежного губернатора в разряд «цзянцзюней без территории» давал Юань Шикаю возможность лишения их реальной власти. Чтобы заставить местных милитаристов распустить свои войска, правительство Юань Шикая предпринимало разнонаправленные действия. С одной стороны, шло на подкуп военных лидеров, с другой – пытаясь реформировать систему провинциального управления, ввело институт гражданских губернаторов, назначаемых президентом. Однако это мало что изменило. Хотя военные губернаторы официально не выступали против новой инициативы, однако реальной власти гражданские губернаторы не получили. Она оставалась в руках тех, кто опирался на военную силу. Позитивные начинания Юань Шикая в сфере управления зачастую уничтожались им самим. Так, ликвидация провинциальных собраний и органов самоуправления в январе 1914 г. подрывала усилия Юань Шикая, направленные на сдерживание центробежных сил. После Синьхайской революции принципиальных изменений в системе управления на местах не произошло. Императорских наместников заменили военные губернаторы, управленческая практика которых мало чем отличалась от деятельности прежней цинской власти.

Если при Юань Шикае, располагавшем подконтрольной ему армией, сохранялись контуры государственного единства, то после его смерти Китай погрузился в водоворот милитаристских междоусобиц и сепаратистских интриг.

Деятельность Пекинского правительства в 1916–1928 гг., являвшегося, при всех его слабостях, символом государственности и национального суверенитета страны, протекала на фоне развития регионального милитаризма. По мнению видного советского экономиста и финансового советника Гоминьдана в 20-х годах В.М.Штейна, в КР после 1916 г. образовалось, в сущности, столько государств, сколько было в Китае провинций, по тому же признаку разделилась и армия. В Китае 1916–1928 гг. милитаристская система развивалась в направлении укрупнения отдельных военно-политических группировок за счет более мелких. Обострялись военные конфликты между отдельными региональными

милитаристами в их борьбе за контроль над Пекинским правительством, постепенно предавались забвению демократические достижения Синьхайской революции.

Милитаристские режимы формировались, опираясь на военную силу. Наличие у них вооруженных сил, стремление военачальников установить контроль над местными и центральным правительствами были системообразующими характеристиками китайского регионального милитаризма. Происходили постоянные вооруженные конфликты из-за контроля над той или иной административной единицей (провинция, уезд) либо хозяйственным объектом. Вооруженные конфликты местного, регионального и общенационального характера исчислялись сотнями.

В начале периода регионального милитаризма в большинстве китайских армий сохранялись обычная для военных организаций иерархия полномочий, субординация, а также воинская дисциплина. Постепенно, однако, милитаристы стали выстраивать систему военной организации, более адекватную сложившимся новым условиям. Важная задача усиления личной власти над своими армиями решалась прежде всего путем укрепления личных связей, свойственных китайским традициям. Отношения такого типа устанавливались как между милитаристом и его офицерами, так и между офицерами и их подчиненными.

Рост численности военных в период господства милитаристов был весьма внушительным: с примерно полумиллиона в 1916 г. до двух миллионов (или более) человек в 1928 г. В эти годы сформировалась практика присоединения личного состава побежденных войск к армиям победителей. К концу 20-х годов китайские солдаты нередко имели опыт службы в трех-четырех армиях различных милитаристов. Контроль над территорией придавал действиям милитариста признак легитимности, открывал возможность формировать правительство, собирать налоги для личного обогащения и содержания армии, обеспечивать материально-техническое снабжение войска и рекрутировать в армию местных жителей.

Неуверенность в возможности надолго удержать захваченные территории создавала атмосферу преходящести и недолговечности военных режимов, разнуздывала произвол в поисках денежных средств. Простой перечень источников доходов милитаристов свидетельствовал об отсутствии серьезных перспектив развития Китая по этому пути. Помимо земельного налога и прибылей от монополии на муку, спички, соль, а также *лицзиня* (системы местных пошлин на транзит товаров внутри страны), взимавшихся еще в середине XIX в., возрос удельный вес произвольно устанавливаемых дополнительных сборов. Милитаристы захватывали и эксплуатировали железные дороги, некоторые из них печатали собственные деньги, выпускали необеспеченные долговые обязательства и акции, наживались на торговле опиумом. В ряде районов большие доходы давали легализованные игорные и публичные дома. Таким образом, облагалась налогом и фактически узаконивалась проституция. Нередко милитаристы просто требовали у городских купцов предоставить им желаемую сумму в течение не-

скольких дней. В ситуации постоянного роста военных расходов и разгула страстей милитаристов провинциальные правительства часто оказывались на грани банкротства. Сокращалась процентная доля государственных расходов, ассигнуемых на гражданские цели. Расходы Пекинского правительства на военные цели в 10–20-х годах равнялись приблизительно 70% расходной части бюджета, а у региональных военных режимов в отдельных случаях превышали 90% расходной части местного бюджета.

Неравномерность развития отдельных территорий Китая влияла на степень вовлеченности милитаристов в капиталистические формы хозяйственной деятельности. В более развитых в экономическом плане районах – Маньчжурии, восточных приморских провинциях – деятельность военных режимов была теснее связана с ростом производства и активизацией хозяйственной деятельности, чем в отсталых окраинных и внутренних провинциях, где преобладали докапиталистические отношения (Шэньси, Ганьсу, Юньнань, Гуйчжоу).

Главной движущей силой милитаристских режимов выступали не стремление достичь неких политических или экономических целей, но примитивная жажда власти, желание расширить контролируемые территории, поиск покровителей среди иностранных держав. Такая ситуация имела своим следствием обнищание населения и дальнейшее ослабление позиций Китайской Республики на международной арене.

В Китае 10–20-х годов сложились и действовали несколько групп милитаристов, различавшихся масштабами военной мощи и политического влияния. Каждая из милитаристских группировок во главе с наиболее могущественными лидерами – Чжан Цзолинем, Дуань Цижуем, Фэн Гочжаном, У Пэйфу, Фэн Юйсяном – контролировала территорию нескольких провинций. Сфера их влияния охватывала территории к северу от реки Янцзы. На Юге Китая военных лидеров такого масштаба не было. Милитаристы меньшего ранга контролировали, как правило, одну провинцию. Наиболее заметными фигурами среди них были военные губернаторы провинций – *дуцзюни*.

В последнюю группу входили военачальники, не обладавшие территориальной базой либо базировавшиеся на малой подконтрольной территории, а также «странствующие» милитаристы. Их число в 1916–1920 гг. было особенно значительным, поскольку в тот период протекал процесс формирования клик, присоединявших к себе более мелких милитаристов.

После смерти Юань Шикая в Китае друг другу противостояли две крупнейшие милитаристские группировки: бэйянская и юго-западная. Первая включала аньхуэйскую, чжилийскую, фэнтяньскую клики, которые в 1916–1928 гг. поочередно контролировали Пекинское правительство. Юго-западная группировка контролировала провинции Сычуань, Юньнань, Гуйчжоу, Хунань, Гуандун и Гуанси. По сравнению с бэйянскими милитаристами она обладала меньшей военной силой. В борьбе за влияние на Пекинское правительство она не просто выступала военным соперником в борьбе за власть, но и проявляла известную приверженность парламентским формам правления.

Однако в своей повседневной жизни южные милитаристы демонстрировали, как правило, тот же стиль и черты милитаристских режимов, озабоченных лишь укреплением личной власти и расширением территории, как и северные милитаристы. Наибольшее влияние имели юньнаньская и гуансийская военно-политические группировки. Юньнаньские милитаристы контролировали Юньнань, Гуйчжоу и периодически предпринимали попытки подчинить Сычуань. Гуансийские милитаристы контролировали провинции Гуанси и Гуандун (до осени 1920 г.) и пользовались влиянием в Хунани. Власть бэйянской клики на провинции Юго-Запада не распространялась. Если армии милитаристов были более или менее социально однородны и состояли из бедных крестьян и люмпенских элементов, то сами милитаристы представляли весьма разнородную категорию. Преобладали тем не менее выходцы из шэньшийской землевладельческой и бюрократической среды. В первые годы после смерти Юань Шикая выдвинулись старшие офицеры военного истеблишмента Цинской династии – приверженцы конфуцианских ценностей, возглавившие в своем большинстве наиболее крупные военно-политические группировки. Ярким представителем этого социально-политического слоя являлся лидер аньхуэйской клики Дуань Цижуй, занимавший в правительстве Юань Шикая пост военного министра, а перед кончиной Юань Шикая – премьер-министра. В сферу контроля аньхуэйской клики входили провинции Хэнань, Аньхуэй, Чахар, Чжили, Шаньдун, а затем и Внутренняя Монголия, частично пров. Фуцзянь. В 1916–1920 гг. аньхуэйская военно-политическая группировка контролировала Пекинское правительство, но после поражения в войне с чжилийцами в 1920 г. ослабла.

Премьер-министр КР Дуань Цижуй. 1917 г.

Во главе чжилийской клики, начальный период формирования которой относится к 1917–1918 гг., стояли генералы Цао Кунь и У Пэйфу. Оба начали военно-политическую карьеру еще до Синьхайской революции, были тесно связаны со становлением бэйянской армии. В 1916 г. Цао Кунь стал военным губернатором столичной провинции. Значительной властью обладал и У Пэйфу – верный помощник Цао и способный военачальник. У Пэйфу был известен также своей приверженностью конфуцианским институтам и ценностям. «Ученый милитарист» в системе регионального милитаризма не единичное явление в Китае переходного периода 1916–1928 гг., когда шел поиск национальной идеи и адекватного политического устройства. К 1921 г. чжилийская клика контролировала провинции Чжили, Шаньдун, Хэнань, Цзянсу, Хубэй и Шэньси. Численность ее армии составляла тогда около 100 тыс. человек. После победы в 1922 г. в так называемой первой чжили-фэнтяньской войне чжилийская клика расширила под-

контрольную территорию. Накануне второй чжили-фэнтяньской войны (1924 г.) У Пэйфу располагал примерно 250-тысячной армией. После поражения в этой войне чжилийская клика утратила большую часть своих владений на Севере.

В результате роста противоречий внутри чжилийской клики она раскололась на две фракции: Цао Куня и У Пэйфу, между которыми шла конкуренция за посты и контроль над финансами. Входивший в чжилийскую клику генерал Фэн Юйсян, принадлежавший ко второму поколению милитаристов и являвшийся выходцем из социальных низов, порвал с У Пэйфу и объявил о создании Национальных армий; отделился от чжилийцев также чжэцзянский милитарист Сунь Чуаньфан, который образовал собственную группировку. У Пэйфу отступил в Хубэй и сохранял контроль лишь над частью войск провинций Хубэй и Хунань. К концу 1925 г. У Пэйфу удалось частично восстановить былую силу. Окончательное поражение чжилийская клика потерпела в 1926–1927 гг. от Национально-революционной армии (НРА) гоминьдановского Национального правительства, созданного летом 1925 г. в Гуандуне.

Третья крупная военно-политическая группировка бэйянских сил – фэнтяньская клика, созданная в 1915 г. на территории одноименной провинции Северо-Восточного Китая. Ее глава – генерал Чжан Цзолинь родился в крестьянской семье и прошел длинный путь карьерного роста. К 1919 г. фэнтяньская клика контролировала помимо Фэнтяня провинции Хэйлунцзян и Цзилинь. В 1920 г. Чжан Цзолинь поддержал чжилийцев в войне против аньхуэйской клики. В 1921 г. фэнтяньские милитаристы распространили свое влияние на Внутреннюю Монголию, Синьцзян, Жэхэ, Суйюань, а также на Пекин-Тяньцзиньский район. После поражения в 1922 г. в первой чжили-фэнтяньской войне Чжан Цзолинь отступил за Великую Китайскую стену и приступил к реорганизации своей армии.

Во второй чжили-фэнтяньской войне Чжан Цзолинь взял реванш над У Пэйфу за поражение 1922 г. и утвердил свою власть над большей частью Северного и Восточного Китая. Период максимального могущества фэнтяньской группировки – осень 1925 г. К этому времени численность ее вооруженных сил составляла около 360 тыс. человек. Как и в свое время с чжилийской группировкой, обострение конфликтов внутри фэнтяньской клики стало одной из основных причин ее ослабления, чему также способствовали войны с Национальными армиями Фэн Юйсяна и НРА. К середине 1928 г. с ее господством на Севере Китая было покончено.

В начале 20-х годов возникла гуансийская клика во главе с Ли Цзунжэнем, действовавшая в основном в границах пров. Гуанси.

Власти некоторых провинций формально не поддерживали ни одну из вышеназванных клик, лавируя между крупными военно-политическими группировками в зависимости от собственной выгоды и политической конъюнктуры. Наиболее типичным представителем группы относительно независимых милитаристов являлся Янь Сишань, укрепившийся в пров. Шаньси. Фактически независимыми были пров. Шэньси во главе с губернатором Чэнь Шуфанем, пров. Юнь-

нань, во главе которой стоял генерал Тан Цзияо, пров. Гуанси, возглавляемая генералом Лу Жунтином.

Контроль над территорией осуществлялся не только с помощью военной силы, но и через соответствующую систему управления, в которой решающую роль играла военная администрация. Правительства милитаристов демонстрировали неодинаковую степень эффективности. Наиболее стабильными в политической и экономической сферах являлись относительно независимые провинции, в меньшей степени, чем территории, подконтрольные крупным военно-политическим группировкам, вовлеченные в вооруженные конфликты.

Репутацию «образцового губернатора» обрел Янь Сишань, правивший Шаньси в течение всего периода господства милитаристов. Оградив провинцию от воздействия войн, он провел ряд реформ. Ему удалось на деле искоренить обычай бинтования ног девушкам, сохранявшийся с VIII в. и официально запрещенный в 1912 г. временным президентом КР Сунь Ятсеном. Были осуществлены некоторые нововведения в области образования женщин и отдельные меры по улучшению системы здравоохранения. Среди милитаристов Юга своей реформаторской деятельностью был известен близкий в течение некоторого времени к Сунь Ятсену Чэнь Цзюнмин. В период правления в пров. Гуандун он осуществил ряд мер в сфере образования: открыл новые школы, финансировал образование за рубежом 80 с лишним студентов. Он предпринял попытку реформирования административной системы Кантона (Гуанчжоу), предусматривавшую прежде всего ограничение военного вмешательства в управление гражданской сферой. Ряд первостепенных для того времени реформ в подконтрольных ему провинциях провел «христианский милитарист» Фэн Юйсян, объявивший войну опиумокурению и запретивший бинтование ног женщин. Он пытался также реформировать систему управления, боролся с коррупцией, строил дороги. Однако реформаторская деятельность отдельных милитаристов «не делала погоды». Реформы в отдельно взятой провинции не могли переломить ситуацию в области управления и административной политики, характерную для всей страны.

Управленческая система КР характеризовалась рядом признаков, общих для большинства территорий Китая. Так, одновременно у власти в провинциях находились и военный и гражданский губернаторы, нередки были случаи, когда оба поста занимал один человек. Важную роль в управлении на всех уровнях администрации играли армейские офицеры, часто сохранявшие свои военные посты даже при переходе на гражданскую службу. Принципиальной характеристикой управленческой системы КР являлось фактическое несоблюдение законов и административных актов, что сводило на нет даже немногочисленные и нечастые успехи в деле управления. Так, наделение по закону гражданского губернатора руководящими функциями и полномочиями в сферах управления экономикой, образованием, в области судебных и финансовых дел не реализовывалось на практике. В действительности гражданский губернатор обычно полностью подчинялся военным лидерам. Не соблюдалось также принципиально важное для управленческой системы Китая правило, согласно которому ис-

ключалось назначение чиновников на руководящие посты в местах их рождения и постоянного проживания.

Специфика взаимоотношений региональных милитаристов и законного правительства в Пекине заключалась в стремлении милитариста, «отнявшего» у своего соседа территорию, узаконить ее захват, получив у Пекинского правительства пост губернатора либо, в зависимости от ситуации, добившись от него другого официального назначения. Вплоть до лета 1925 г. не было ни одного случая серьезного противостояния какого-либо милитаристского военно-политического режима и центральной власти. По сути, каждая сколько-нибудь влиятельная военно-политическая группировка, захватив власть в Пекине, объявляла о приверженности идее объединения и усиления страны. Идея объединения страны в рамках федерации автономных провинций («движение за самоуправление провинций») и попытки ее создания начиная с 1916 г. в конце концов провалились. Одно время эту идею поддерживал Сунь Ятсен, однако впоследствии объявил ее неприемлемой для тогдашнего Китая. Он считал, что реализация идеи федерализма приведет к разделу Китая между местными милитаристами, каждый из которых захватит по провинции и будет, заботясь лишь о своих собственных выгодах, жить в мире и согласии с крупными милитаристами, подчинившими центральное правительство.

Состав Национального правительства в Пекине в течение 12-летнего периода господства милитаристов характеризовался крайней нестабильностью. По подсчетам историков, за этот период в стране на посту президента Китайской Республики побывало семь человек, причем один из них дважды, сменилось 24 кабинета, пять Национальных собраний и как минимум четыре конституции. В краткие промежуточные периоды функции государственной власти и управления брали на себя восемь «регентских» временных кабинетов и один раз, в июле 1917 г., на 12 дней была даже восстановлена власть Цинской династии.

Правительство КР функционировало на фоне милитаристских междоусобиц, постепенно превращаясь в орган влияния той или иной группировки милитаристов, интересы которой в пекинском парламенте представляла та или иная фракция. В деятельности парламентских фракций, определявших специфику политической системы КР, отражалось также влияние на Китай империалистических держав, стремившихся использовать междоусобицу в своих интересах. Одной из групп влияния на центральное правительство была Ассоциация провинциальных военных губернаторов, созданная в 1916 г.

С благими намерениями восстановления конституционного порядка после смерти Юань Шикая вступил в должность президента КР Ли Юаньхун, близкий к группировкам, действовавшим на Юго-Западе страны, и наиболее лояльный к конституционной идее по сравнению с другими претендентами на пост президента – Сюй Шичаном, Дуань Цижуем и Фэн Гочжаном. Однако реальная власть оказалась в руках Дуань Цижуя. Получив в последние дни режима Юань Шикая пост премьер-министра, он остался в этой должности и при Ли Юаньхуне. Под давлением представителей южных провинций и гоминьдановских депутатов

«старого» парламента Дуань Цижуй согласился на возобновление деятельности республиканских институтов. 29 июня 1916 г. была восстановлена Временная конституция 1912 г. 1 августа 1916 г. собрался парламент состава 1913 г., заменивший Палату политических советников (выполняла функции законодательного органа с 26 мая 1914 г. по 29 июня 1916 г.). В парламенте дебатировались приблизительно те же проблемы, которые обсуждались при дворе в последние годы правления Цинской династии и при правлении Юань Шикая: централизм и местное самоуправление, соотношение законодательной и исполнительной властей, широкое или ограниченное участие партий и общественных организаций в политической деятельности. Работа парламента по подготовке проекта новой конституции проходила в неспокойной обстановке, характеризовавшейся ростом недовольства со стороны Дуань Цижуя и военных лидеров, которые опасались, что парламент установит контроль над их деятельностью.

В ходе обсуждения проекта конституции шел процесс реорганизации сложившихся ранее партий и группировок, которые постепенно адаптировались к новым для Китая формам парламентской жизни. Недостаточный опыт партий в этой области во многом предопределил их податливость к давлению милитаристских группировок, нестойкость в деле защиты республиканских институтов. Наиболее влиятельные политические партии Китая – Гоминьдан и Цзиньбудан возродились после юаньшикаевской диктатуры под новыми названиями. Бывшие члены Гоминьдана в своем большинстве объединились в так называемую Группировку политических наук (Чжэнсюэхуэй), утратившую значительную долю той популярности, которой пользовался Гоминьдан. Она заняла около 400 мест в парламенте 1916 г., однако была расколота на несколько фракций. К некоторым фракциям примкнули бывшие приверженцы Цзиньбудана, который имел около 200 мест в парламенте. Эта некогда влиятельная партия во главе с Лян Цичао, потеряв в ходе неоднократных реорганизаций прежний престиж, получила новое название – Исследовательская группировка (Яньцзюси).

Практически с первых дней между Дуань Цижуем и парламентом, стремившимся контролировать исполнительную власть, сложились напряженные отношения. В целях упрочения своих позиций Дуань старался привлечь на свою сторону старших армейских офицеров и военных губернаторов. Влияние военных на деятельность парламента и на политическую сферу в целом постоянно возрастало. Оно проявилось в ходе обсуждения и решения вопроса об участии Китая в Первой мировой войне, по которому существовали разногласия между Дуань Цижуем и парламентом. В борьбе с кабинетом министров и с парламентом, выступавшими против вступления КР в войну, Дуань Цижуй пользовался поддержкой Ассоциации провинциальных губернаторов, рекомендовавшей распустить парламент. Президент Ли Юаньхун, воспользовавшись поражением Дуань Цижуя по вопросу о вступлении КР в войну, решился отправить в отставку премьер-министра. Дуань Цижуй, в свою очередь, обратился за поддержкой к милитаристам, и военные губернаторы восьми северных провинций провозгласили «независимость» от президента Ли Юаньхуна.

В рамках политического кризиса сложилась ситуация, благоприятная для новой попытки монархического переворота. Известный своими монархическими взглядами и связями с Ассоциацией провинциальных губернаторов генерал Чжан Сюнь (долго сохранял косу в знак верности Цинской династии), занимавший после смерти Юань Шикая посты генерал-инспектора войск долины Янцзы и губернатора пров. Аньхуэй, предложил взять на себя функции посредника между президентом Ли Юаньхуном и милитаристами. Фактически он вынудил Ли Юаньхуна в середине июня 1917 г. издать указ о роспуске парламента. После этого Чжан Сюнь с войсками вошел в столицу, куда по его приглашению тайно прибыл Кан Ювэй (философ, политический деятель, апологет конституционной монархии), загримированный под крестьянина. 1 июля 1917 г. Чжан Сюнь объявил о возвращении цинского императора Пу И на трон. Пятицветный национальный флаг в Пекине был заменен флагом с изображением дракона – символа монархии. Сразу появился огромный спрос на парики и фальшивые косы. Изданный от имени Пу И манифест провозглашал введение в стране конституционной монархии, объявлял о восстановлении уголовных кодексов Цинской империи и т.д.

Данная попытка возврата к монархии была средством давления милитаристов на неугодное им правительство. Между тем промонархические настроения в стране уже не имели перспективы. В борьбе с попыткой монархического переворота Дуань Цижуй получил политическую поддержку бывшего советника Кан Ювэя – Лян Цичао, который стал советником премьер-министра. От поддержки монархического путча, хотя и не сразу, отказались и великие державы. Молниеносная военная кампания Дуань Цижуя против Чжан Сюня оказалась успешной, в течение двух недель монархический путч был подавлен.

Дуань Цижуй вошел с войсками в столицу как защитник республики. Ли Юаньхуна отправили в отставку, и на посту президента его сменил вице-президент Фэн Гочжан. Чжан Сюнь нашел убежище в голландской дипломатической миссии в Пекине, Кан Ювэй инкогнито покинул Пекин, однако императорская семья во главе с Пу И продолжала проживать в своем пекинском дворце, получая от государства значительную пенсию и пользуясь различными привилегиями.

12 июля 1917 г. Дуань Цижуй вновь стал премьер-министром, и центральная власть полностью перешла в руки бэйянских милитаристов. Фэн Гочжан согласился вступить в должность президента только после того, как ему удалось укрепить собственный военный потенциал, назначив своего ставленника на ранее занимавшийся им пост военного губернатора Цзянсу и предоставив своим сторонникам посты военных губернаторов провинций Цзянси и Хубэй. База поддержки Фэн Гочжана оказалась примерно равной военному потенциалу Дуань Цижуя, сторонники которого занимали посты военных губернаторов провинций Аньхуэй, Чжэцзян и Фуцзянь. Стремление президента Фэн Гочжана как высшего должностного лица к укреплению военной мощи объяснялось желанием обеспечить независимость от конституции. Причудливое сочетание военно-по-

литической и правовой практики характерно для Китая конца 10-х – 20-х годов, и чем дальше, тем больше конституционность обретала характер ширмы.

Дуань Цижуй, объявивший себя основателем «Второй Республики», также наращивал собственную военную мощь, одновременно учреждая некоторые парламентские институты и процедуры. Используя военную силу, он распространил сферу своего влияния на непокорные провинции, назначил сторонников на важные посты в управленческих структурах, стремясь именно таким образом восстановить национальное единство. Другие милитаристы, опасаясь лишиться своих властных функций на подконтрольных им территориях, объединились для сопротивления господству Дуань Цижуя и аньхуэйцев, что ускорило формирование чжилийской клики милитаристов.

Государственное устройство КР того времени в формальном отношении представлялось вполне конституционным: законодательная, исполнительная и судебная ветви были разделены законом, а политические решения принимались в ходе узаконенных процедур. В реальности же в стенах парламента укреплялась и развивалась своеобразная «фракционность». Ее главное отличие от обычной процедуры образования и борьбы парламентских фракций заключалось в том, что фракции в Китае, как правило, отражали личные связи, а партийно-политическая составляющая была несущественной. Каждая фракция состояла из личных сторонников ее лидера. Такая «фракционность» китайского парламентаризма предполагала действия за пределами официальных учреждений и обязательные связи с военно-политическими группировками, способствовала росту коррупции, превращала избирательный процесс в фикцию. Для менталитета китайских политических деятелей были понятны и привычны такие связи, как «отец–сын», «правитель–министр», «учитель–ученик», а также связи между однокашниками и земляками. Именно в рамках подобных связей действовала китайская политическая система. Развитие такого рода фракционности в парламенте разрушало конституционную основу всего политико-государственного процесса.

Не все фракции обладали военными силами, однако именно последние все более определяли политический ландшафт. Фракция Дуань Цижуя стала одной из самых влиятельных в истории Китая 10–20-х годов. Ее политический вес определялся также и большим числом личных друзей и протеже. Дуань Цижуй имел сторонников во многих государственных институтах – в министерствах внутренних дел, финансов, коммуникаций, в управлении железной дорогой Пекин–Ханькоу, в государственной железорудной компании «Лунъян» и в Верховном суде. Свое влияние на парламент 1918–1920 гг. лидер аньхуэйской клики реализовал через фракцию, созданную на основе политической организации северных милитаристов – «Клуб Аньфу». Он был создан ближайшими сподвижниками Дуань Цижуя и рассчитывал также на поддержку со стороны Японии.

Другой ведущей фракцией в парламенте КР была «группировка путей сообщения» (*цзяотунси*), сформировавшаяся еще в цинском Китае. Ее влияние распространялось через сторонников в государственных структурах и в области

коммуникаций, сильные позиции она имела и в банковском секторе. У других фракций также были прочные связи с военными. Это прежде всего фракции, представлявшие чжилийскую клику Цао Куня и У Пэйфу и фэнтяньскую клику Чжан Цзолиня. Некоторые фракции состояли в основном из профессиональных парламентских политиканов и журналистов, воздействие которых на политические реалии по сравнению с фракциями, опиравшимися на военную силу, было менее заметным. Среди них можно назвать «Яньцзюси», «Чжэнсюэхуэй». В целом, однако, деятельность аньфуистского парламента в 1918–1920 гг. в большей степени соответствовала принципам парламентаризма, чем политическая практика большинства других парламентов КР. После подавления монархического путча Чжан Сюня Дуань Цижуй перешел к политике формирования устраивавших его парламентских институтов.

Опираясь на поддержку империалистических держав, прежде всего Японии, правительство Дуань Цижуя 14 августа 1917 г. объявило войну Германии. Перевооружение и пополнение китайской армии, осуществлявшиеся с помощью Японии, использовались главным образом для подчинения оппозиционных Дуань Цижую милитаристов. Официально созданный в ноябре 1917 г. для подготовки новой конституции и других законов Временный национальный совет в феврале 1918 г. закончил работу над новыми законами, прежде всего об организации Национального собрания и о выборах, которые вступали в силу с 17 февраля 1918 г. Как и раньше, парламент должен был состоять из двух палат – сената и палаты представителей. Общее число депутатов сокращалось на 30%. Устанавливались не только высокие образовательные и имущественные цензы, для будущих парламентариев становился обязательным стаж чиновничьей службы. В выборах могли участвовать лишь высшие слои господствующего класса. В процессе выборов (май–июнь 1918 г.) проявились многочисленные отклонения от закона, в том числе подкуп избирателей. «Клуб Аньфу» был главным инструментом премьер-министра Дуань Цижуя при организации выборов в парламент. Клуб затратил немалую сумму для обеспечения избрания своих выдвиженцев, а военные лидеры–сторонники Дуань Цижуя контролировали процедуру выборов на местах.

Своих представителей в новый парламент направили 17 провинций, в 13 из них милитаристы выступали в союзе с Дуань Цижуем, и этот факт предопределил результаты голосования. Парламентарии от 11 из этих 13 провинций фактически входили в «Клуб Аньфу». В период предвыборной кампании фракция Аньфу выдвигала лозунги установления мира внутри страны, объединения Китая, роспуска армий местных милитаристских клик, улучшения финансового положения страны.

«Клуб Аньфу» одержал убедительную победу. Фракция Дуань Цижуя получила 342 из 470 мест в парламенте, образовав парламентское большинство. Из остальных 128 мест примерно 20 контролировала «Яньцзюси», от 50 до 80 – «Цзяотунси», а остальные места занимали независимые беспартийные депутаты. С прибытием новых парламентариев в Пекин в августе 1918 г. фракции стали

создавать свои клубы для связи с общественностью, для организации и проведения дальнейших избирательных кампаний. В специфической политической ситуации КР этим клубам предназначалась роль, аналогичная «Клубу Аньфу».

4 сентября 1918 г. парламент почти единогласно избрал на пост президента КР протеже Дуань Цижуя – бывшего цинского чиновника Сюй Шичана. В соответствии с законом парламент утвердил назначение нового премьер-министра и его кабинет, который обеспечил выполнение всех парламентских процедур, в том числе разработку нового проекта конституции. Согласно проекту конституции 1919 г., полномочия парламента ограничивались в пользу исполнительной власти. Такая тенденция стала весьма показательной и для дальнейшей парламентской жизни Китайской Республики.

Формирование парламентских процедур и развитие парламентской деятельности на Севере осуществлялись параллельно с военными действиями «группировки Аньфу», направленными прежде всего против юго-западных милитаристов. В борьбе между Севером и Югом все большее значение обретал политико-идеологический аспект. Оживление парламентаризма на Юге вынуждало военно-политические силы, связанные с Пекинским правительством, также развивать деятельность парламентских институтов. Республиканский Юг революционизировал политическую ситуацию в стране в целом, и гражданская война Севера и Юга оказалась затяжной. Она свидетельствовала о том, что Дуань Цижуй переоценил свои возможности, чрезмерно полагаясь на лояльность местных милитаристов, которые быстро меняли союзников в зависимости от изменения военно-политической ситуации.

После того как КР объявила войну Германии, Япония в начале 1918 г. предоставила Дуань Цижую ряд крупных кредитов и заключила с ним военное и военно-морское соглашения, которые создали законодательную основу для предоставления Китаю помощи в организации и вооружении «Армии участия в войне», которую Дуань Цижуй стремился использовать не столько в Европе, сколько для усиления своей власти внутри страны. Между тем упрочение позиций Дуань Цижуя воспринималось с неудовольствием крупными милитаристами, у которых были собственные далеко идущие планы. Желание этих милитаристов сохранить независимость от Пекина побудило фэнтяньскую и чжилийскую клики объединиться против аньхуэйцев.

В борьбе этих группировок с Дуань Цижуем заметную роль сыграла и критика прояпонской ориентации правительства Дуань Цижуя со стороны широких слоев общественности. Как показала история КР, в опасных для страны ситуациях, унижающих национальное достоинство Китая, давление общественного мнения играло немаловажную роль в регулировании конфликта интересов. Решение Парижской мирной конференции 1919 г. о передаче Японии бывших германских концессий в Шаньдуне общественность связывала в том числе и с усилившимся в годы Первой мировой войны влиянием Японии на правительство Дуань Цижуя. За предоставленные Пекинскому правительству займы (займы Нисихара) Япония получила права на строительство и эксплуатацию в Китае

железных дорог, линий телеграфа, радиосвязи, на разработку полезных ископаемых в Маньчжурии и даже на участие в командовании китайской армией.

Резко отрицательная реакция китайской широкой общественности на решение о передаче Японии бывших германских концессий в Шаньдуне была поддержана и использована чжилийскими милитаристами, особенно У Пэйфу. В 1920 г. чжилийские милитаристы потребовали реорганизовать правительство в целях ликвидации монополии аньхуэйской клики в Пекине, возобновить мирные переговоры с Югом и сократить военные силы правительства Дуань Цижуя. После того как тот отказался исполнить выдвинутые требования, в июле 1920 г. разразилась война. Коалиция чжилийцев и фэнтяньцев довольно быстро разгромила аньхуэйских милитаристов. В войну было вовлечено 6 провинций. Примерные потери убитыми и ранеными достигли 3,6 тыс. человек. Дуань был вынужден уйти в отставку и «заняться изучением буддизма».

В результате военного поражения аньфуистов депутаты парламента от «Клуба Аньфу» были арестованы. Остальные члены парламента, получив денежные пособия от чжилийских милитаристов, проголосовали за роспуск парламента, мотивируя свое решение «отсутствием кворума». Было сформировано новое правительство во главе с Цзинь Юньпэном, компромиссной фигурой для обоих лагерей – чжилийцев и фэнтяньцев. Более года Цзинь Юнпэн действовал с чрезвычайной осторожностью и принимал важные решения только после консультаций с обеими милитаристскими кликами.

Попытка президента Сюй Шичана, избранного еще аньфуистским парламентом, сформировать в 1921 г. новый парламент в соответствии с Временной конституцией 1912 г. и законом о выборах 1912 г. оказалась безуспешной по ряду причин, среди которых не последнее место занимало противодействие Юга. Новый парламент так и не был созван, поскольку в новых выборах участвовало только 11 провинций и их результаты не могли обеспечить необходимый кворум.

Чжили-фэнтяньская коалиция, победившая аньфуистов, провела новые назначения в правительстве. Цао Кунь занял должность инспектора-комиссара провинций Чжили, Шаньдун и Хэнань. Чжан Цзолинь, уже будучи инспектором-комиссаром Маньчжурии, одновременно стал важным должностным лицом (комиссаром по развитию) Монголии и Синьцзяна, что узаконило его действия во Внутренней Монголии. У Пэйфу стал помощником инспектора-комиссара Чжили, Шаньдуна и Хэнани. В 1921 г. в борьбе с федералистским движением он распространил свой контроль на пров. Хубэй. С целью не допустить усиления позиций У Пэйфу против него объединились Чжан Цзолинь и Сунь Ятсен. Воспользовавшись финансовым кризисом Пекинского правительства в конце 1921 г., Чжан Цзолинь заменил премьер-министра Цзинь Юньпэна своим ставленником Лян Шии. В свою очередь, У Пэйфу, под предлогом якобы прояпонской политики Лян Шии, обрушился с резкими нападками на него и косвенно на Чжан Цзолиня.

Весной 1922 г. началась первая чжили-фэнтяньская война, закончившаяся победой чжилийских сил. Пекинское правительство, контролируемое милитаристами чжилийской клики, лишило Чжан Цзолиня всех его официальных постов.

В ответ тот продолжал усиливать свои позиции в Маньчжурии, которая стала фактически независимой от центрального правительства.

В ходе и в результате этой войны изменилась ситуация и для Сунь Ятсена, который в эти годы вынужден был идти на различные комбинации с милитаристами. Когда Сунь Ятсен в качестве союзника Чжан Цзолиня в чжили-фэнтяньской войне отправился в поход на Север, ему был нанесен удар в спину. Бывший соратник Сунь Ятсена – Чэнь Цзюнмин в июне 1922 г. поднял мятеж и вынудил Сунь Ятсена бежать из Гуанчжоу в Шанхай. Созданное в Гуанчжоу Сунь Ятсеном правительство было свергнуто. Этот инцидент лишний раз свидетельствовал о весьма запутанном характере милитаристских альянсов. В результате победы чжилийцев в первой чжили-фэнтяньской войне властные функции в столице перешли полностью к чжилийской клике.

Эволюция системы регионального милитаризма в 1922—1928 гг.

Такие события, как вступление на пост президента Ли Юаньхуна после кончины Юань Шикая в 1916 г., выборы аньфуистского парламента и избрание Сюй Шичана президентом в 1918 г., происходили в конституционном формате и позволяли надеяться на дальнейшее развитие новых элементов политической системы КР. Но реальные события, связанные с растущей зависимостью парламентских институтов и процедур от власти военных, грозили постепенным прекращением функционирования демократических институтов и их вырождением. В то же время разрастались вооруженные конфликты между милитаристскими кликами и, соответственно, росла политическая нестабильность, вызывавшая все большее недовольство населения. С каждой новой войной между милитаристами в конфликт втягивались всё новые провинции, росли людские потери.

В июне 1922 г., после завершения первой чжили-фэнтяньской войны, генералы попытались навести конституционный порядок и вновь пригласили на пост президента Ли Юаньхуна. С его вторичным вступлением в должность 11 июня 1922 г. формально восстанавливались и полномочия разогнанного в 1917 г. парламента, который избрал Ли Юаньхуна президентом. Вступив в должность, Ли Юаньхун потребовал сократить численность армий, искоренить *дуцзюнат*, уменьшить чиновничий аппарат, разработать меры борьбы с коррупцией. В августе 1922 г. в Пекине открылась сессия Национального собрания состава 1913 г., после чего часть членов южного парламента переехала на Север, вызвав кризисную ситуацию в парламентском движении на Юге страны. В этой ситуации лидер чжилийской клики У Пэйфу выдвинул программу государственного устройства, нацеленную на политическое объединение Китая и создание централизованного государства. Он предложил распустить Пекинское и Кантонское правительства и принять новую конституцию. Сунь Ятсен, не веря в возможности обновления Китая на старой милитаристской базе, отказался распустить Кантон-

ское правительство и приехать в Пекин. Между тем Национальное собрание демонстрировало тотальную неэффективность, распалось на множество партийных группировок и мелких фракций (в парламенте 1913 г. их было 7, в парламенте 1922 г. – 40). При столь разношерстном составе парламент оказался не в состоянии осуществлять нормальную законодательную деятельность, поскольку при решении вопросов постоянно отсутствовал кворум. В сенате и палате представителей шли ожесточенные споры, сопровождавшиеся драками между депутатами. Хотя формально Национальное собрание 1922 г. считалось парламентом 1913 г., оно отличалось от него по существу, поскольку его депутаты избирались и действовали в иной политической обстановке. При режиме чжилийских милитаристов до 400 депутатов парламента получали от милитаристов «пособия за дружественное отношение». Подкупы продажных политиканов стали обычным явлением парламентской жизни. Политическая неразбериха предопределяла неспособность пекинского Национального собрания к согласованным решениям по важным вопросам.

Рост амбиций лидеров чжилийской клики, особенно Цао Куня, который стремился стать президентом, а также рост противоречий между парламентом и президентом Ли Юаньхуном привели в июне 1923 г. к государственному перевороту, в результате которого был свергнут Ли Юаньхун. Между тем еще в конце 1922 г. агенты Цао Куня начали создавать политические клубы, чтобы заручиться голосами парламентариев. После июньского 1923 г. переворота 385 членов парламента покинули Пекин, однако 5 октября 1923 г. на заседании обеих палат за Цао Куня было подано 480 голосов – более чем достаточно для его избрания президентом КР. Остальные 100 голосов разделили Сунь Ятсен, У Пэйфу и другие кандидаты. На результат выборов оказали большое влияние северные милитаристы, полностью контролировавшие государственные финансы и с помощью прямого подкупа обеспечившие избрание Цао Куня.

Принятая 10 октября 1923 г. новая конституция КР имела ряд положительных черт, что отражало прежде всего влияние на политический процесс страны общественных движений. В отличие от прежних конституций конституция 1923 г. устанавливала в Китае режим парламентской, а не президентской республики, и прерогативы президента были урезаны. В частности, только с согласия палаты представителей он мог назначить премьер-министра. Так, согласно другой принципиально важной новации, провинциям запрещалось иметь собственные регулярные вооруженные силы, арсеналы, учреждать военные академии. Вместе с тем устанавливалась автономия провинций в финансовых вопросах. Конституция наделила провинции правом законодательной инициативы по ряду направлений. По примеру конституций западных демократий декларировались ряд прав и свобод граждан, их равенство перед законом. Однако фактически правовые институты не могли функционировать в обстановке произвола милитаристских группировок.

Рост влияния чжилийцев в провинциях бассейна Янцзы вызывал сильное недовольство Чжан Цзолиня и его японских покровителей, что усиливало трения между чжилийской и фэнтяньской группировками. Поражение фэнтяньской

клики в первой чжили-фэнтяньской войне в 1922 г. закрепило преобладающее влияние Англии и США на Пекинское правительство, которое сохранялось до 1924 г. В целом период пребывания Цао Куня на посту президента характеризовался относительным политическим спокойствием. Однако вновь назревали военные события.

Генералу Фэн Юйсяну, войска которого базировались под Пекином, было приказано двинуться на север для противостояния фэнтяньской клике. Однако, нарушив этот приказ, Фэн Юйсян занял Пекин, сверг президента Цао Куня и потребовал прекращения военных действий. Фэн Юйсян – милитарист-христианин – никогда не был близок к главе чжилийской клики У Пэйфу. Воспользовавшись случаем, он покончил с господством чжилийцев в Пекине. По сложившимся милитаристским традициям победители наделили себя официальными должностями. Чжан Цзолинь получил официальную власть над Северо-Востоком Китая (провинции Фэнтянь, Цзилинь, Хэйлунцзян, Жэхэ и Чжили), Фэн Юйсян – контроль над Северо-Западом (Суйюань, Чахар и Ганьсу). Милитаристы–союзники Фэн Юйсяна установили контроль над провинциями Хэнань и Шэньси. Однако, хотя чжилийская группировка и потерпела поражение от фэнтяньцев, она продолжала контролировать ряд провинций, в частности Хубэй и другие провинции Центрального Китая. Кроме того, У Пэйфу заключил союз со своим давним врагом Чжан Цзолинем для борьбы с новым противником – Фэн Юйсяном. Подобные смены союзников и сложные переплетения интересов были типичны для системы регионального милитаризма.

Поражение чжилийской клики во второй чжили-фэнтяньской войне 1924 г. вызвало существенные изменения в структуре Пекинского правительства. Прекращалось действие «конституции Цао Куня», вместо конституционных органов государственной власти и управления было создано временное правительство, во главе которого поставили Дуань Цижуя. В ноябре 1924 г. он стал «временным главой исполнительной власти», у него в подчинении были 10 министерств и Государственный совет. На практике власть Дуань Цижуя распространялась только на Пекин, в провинциях по-прежнему безраздельно господствовали местные милитаристы. На Юге Китая все больше укреплялись позиции партии Сунь Ятсена. Для подготовки новой конституции предполагалось осуществить затруднительную в политической обстановке тех лет процедуру созыва «Совещания по реорганизации», на котором представители военных и политических сил могли бы обсудить пути объединения страны. Далее, по регламенту, который должно было разработать данное Совещание, следовало создать комиссию по подготовке новой конституции и, наконец, созвать Национальное собрание для принятия новой конституции. Для участия в работе «Совещания по реорганизации» пригласили Сунь Ятсена, который после некоторых колебаний принял предварительные условия проведения этого форума. После того как стали явными разногласия между Пекинским правительством и Сунь Ятсеном по ряду вопросов (прежде всего о представительстве различных слоев населения в работе Совещания), Сунь Ятсен и партия Гоминьдан отказались участвовать в его рабо-

те. Поскольку на том этапе ни центральная власть, ни милитаристские группировки не признавали Кантонское правительство влиятельной политической силой, неучастие Гоминьдана не воспрепятствовало открытию 1 февраля 1925 г. в Пекине «Совещания по реорганизации». В течение трех месяцев работы Совещания около 160 делегатов приняли более 30 резолюций. Потенциально важными были резолюции о роспуске военных формирований, о политической реорганизации, налогообложении, финансировании образования, борьбе с производством опиума, торговлей им и с опиумокурением.

Совещание также приняло решение о создании комиссии по подготовке проекта конституции и разработало Правила выборов в Национальное собрание. Временный глава исполнительной власти Дуань Цижуй 30 июля 1925 г. созвал Временный политический совет, призванный решить назревшие проблемы государственного значения. Однако его деятельность оказалась малоэффективной и была сосредоточена главным образом на вопросах регулирования отношений между центральной властью и провинциями. Временный политический совет выступал также в роли посредника в спорах между провинциями. Все текущие государственные дела оставались целиком в ведении местных милитаристских правительств.

В августе 1925 г. была создана Конституционная комиссия, которая в декабре 1925 г. завершила работу над проектом новой конституции, носившим в целом федералистский характер. Были разработаны также Правила выборов Национального собрания, которые, однако, не состоялись. 16 декабря Дуань Цижуй объявил о реорганизации центрального государственного аппарата. Сохранялась должность Временного главы исполнительной власти, который был наделен некоторыми президентскими полномочиями, вводилась должность премьера.

На фоне оживления парламентской деятельности продолжались ожесточенные вооруженные столкновения между различными группировками милитаристов. В конце 1925 г. началась давно ожидавшаяся война между Фэн Юйсяном и Чжан Цзолинем. К концу года Фэн Юйсяну пришлось оставить свой пост, а к середине 1926 г. под ожесточенным натиском вооруженных сил Чжан Цзолиня и У Пэйфу войска Фэн Юйсяна отступили на запад от Пекина.

Еще до завершения очередной попытки восстановления парламентских институтов правительство Дуань Цижуя 26 апреля 1926 г. пало ввиду отрицательного отношения к нему сначала со стороны Фэн Юйсяна, а затем и со стороны Чжан Цзолиня. В это время на Юге страны велась серьезная подготовка к выступлению против бэйянских милитаристов и Пекинского правительства. В июле 1926 г. Национально-революционная армия (НРА) Национального правительства, провозглашенного в Гуанчжоу летом 1925 г., выступила из Хунани в Северный поход. Вначале бэйянские милитаристы не принимали всерьез эту военную экспедицию. Лишь после неожиданного для У Пэйфу поражения сначала при Тинсыцяо, затем при Хэшэнцяо НРА и правительство Юга оказались в фокусе общественного мнения Китая и силу армии Северного похода вынуждены были признать северные военно-политические группировки.

Прибытие в Москву видного общественного политического деятеля Китая, супруги Сунь Ятсена Сун Цинлин. 7 сентября 1927 г.

После изгнания в апреле 1926 г. Дуань Цижуя из Пекина в течение нескольких недель на Севере царило безвластие, формально действовал лишь «комитет общественной безопасности». Чжан Цзолинь и У Пэйфу спорили о том, кому занять высший пост в стране. В результате на политическую сцену выступили регентские кабинеты, которые полностью зависели от милитаристов. 22 июня 1926 г. был создан регентский кабинет во главе с адмиралом Ду Сигуем, 12 января 1927 г. был сформирован регентский кабинет во главе с Гу Вэйцзюнем. Регентские кабинеты символизировали процесс разрушения политико-административного аппарата Пекинского правительства. Год, с середины 1926 г. до середины 1927 г., регентские правительства фактически бездействовали, демонстрируя свою абсолютную неэффективность. У министра финансов не было денег, министр коммуникаций потерял контроль над железными дорогами, министр образования ничем не управлял, поскольку государственные школы закрывались из-за неуплаты жалованья учителям и отключения школ от водоснабжения и электричества. Министр внутренних дел не мог назначить ни одного подчиненного в провинциях без согласования с местным милитаристом. С зарубежными правительствами контактировали провинциальные чиновники, действуя через иностранные консульства на местах и полностью игнорируя министра иностранных дел в Пекине. Военное министерство не имело реальной власти над воинскими соединениями и само выполняло приказы наиболее могущественных милитаристов.

В этой кризисной ситуации на политическую арену вышел лидер фэнтяньской группировки Чжан Цзолинь, обладавший реальной военной силой. 17 июня 1927 г. он провозгласил себя генералиссимусом, официально приняв на себя ответственность за государственное управление и распустив регентский кабинет. 18 июня 1927 г. были опубликованы декрет об организации правительства генералиссимуса и декларация Чжан Цзолиня, согласно которой вся полнота государственной власти концентрировалась в руках генералиссимуса, управляющего страной с помощью Государственного совета. Однако сфера контроля Чжан Цзолиня была ограничена территорией дислокации его войск; власть Чжан Цзолиня распространялась лишь на три провинции Северо-Востока и столичную пров. Чжили.

Формирование режима Чжан Цзолиня проходило в период Северного похода НРА гоминьдановского Национального правительства, т.е. в годы гражданской войны в Китае. Выдвигаемые Гоминьданом идеи объединения и возрождения Китая, растущая популярность в обществе «трех народных принципов» Сунь Ятсена и ряда демократических идей, распространявшихся в китайском обществе в ходе «движения за новую культуру» и «движения 4 мая» 1919 г., рост авторитета Гоминьдана в Китае и его связи с лидерами военно-политических группировок оказывали определенное влияние и на Чжан Цзолиня. Его программа содержала такие тезисы: «суверенные права принадлежат народу», «гармоничное сотрудничество между трудом и капиталом», распространение образования, восстановление порядка, строительство путей сообщения, повышение уровня судопроизводства и т.д. Он неоднократно заявлял также о поддержке политики Чан Кайши и о признании «трех народных принципов» Сунь Ятсена, которые Чжан Цзолинь интерпретировал в антикоммунистическом духе. Тем не менее Чжан Цзолинь по своему мировоззрению оставался типичным китайским милитаристом.

Потерпев поражение от НРА, войска Чжан Цзолиня в июне 1928 г. покинули Пекин. Победа Северного похода, призванного вырвать Китай из рук милитаристов, означала конец военной диктатуры, установленной последней крупной региональной военно-политической группировкой Северного Китая – фэнтяньской. С вступлением НРА в Пекин 8 июня 1928 г. завершился и начатый Синьхайской революцией эксперимент с парламентской демократией западного образца.

Противостояние бэйянской и юго-западной милитаристских группировок. Создание Кантонской революционной базы под руководством Сунь Ятсена

Противостояние Севера и Юга, четко обозначившееся в годы Синьхайской революции, обострилось в 1915–1916 гг. в связи с намерениями Юань Шикая реставрировать монархию и продолжало углубляться после провала его планов.

Юго-западная военно-политическая группировка, несмотря на ее причастность к системе милитаристских режимов, выступала периодически под лозунгами сохранения республиканских институтов, оказывала революционизирующее влияние на политическую среду. Именно на Юге летом 1925 г. в ходе эволюции южных правительств сформировалось правительство нового типа – Национальное правительство, взявшее на себя ответственность за судьбу Китая. События на Юге осуществлялись в следующей последовательности. Депутаты Пекинского парламента, разогнанного летом 1917 г. бэйянскими милитаристами, съехались в Гуанчжоу, намереваясь восстановить прежний парламент 1913 г. Они взаимодействовали с милитаристами Юго-Запада, так как не располагали реальной военной силой и прочной политической организацией. После того как в июле 1917 г. в Гуанчжоу вернулся Сунь Ятсен, ход событий ускорился. 25 августа 1917 г. там открылась чрезвычайная сессия «старого» парламента, которая разработала «Общие принципы учреждения военного правительства» и объявила о создании Военного правительства во главе с Сунь Ятсеном, Лу Жунтином и Тан Цзияо. Сунь Ятсен был назначен генералиссимусом, Лу Жунтин и Тан Цзияо – маршалами. Согласно «Общим принципам», в задачи военного правительства входили «усмирение мятежа, восстановление Временной конституции». В 1917 г. два правительства – в Пекине и Гуанчжоу (Кантоне) – находились в состоянии почти постоянного вооруженного противостояния. Конфликт интересов присутствовал и в среде местных юго-западных деятелей. 18 мая 1918 г. правительство генералиссимуса Сунь Ятсена было преобразовано в правительство «Генеральной директории» в составе семи директоров, включая и Сунь Ятсена. На заседаниях Директории ее члены председательствовали поочередно. Реальная же власть оказалась в руках гуансийского милитариста Лу Жунтина. В ходе предпринятого по инициативе Сунь Ятсена Северного похода против бэйянских милитаристов его союзники Тан Цзияо и Лу Жунтин самовольно остановили продвижение войск, стремясь установить перемирие с Фэн Гочжаном и У Пэйфу. Сунь Ятсен решительно протестовал против этого, он все больше сомневался в целесообразности союза с юго-западными милитаристами. Выйдя из «Генеральной директории», он покинул Гуанчжоу и возвратился в Шанхай. Между тем южный парламент продолжал заседать, разрабатывая в том числе и постоянную конституцию. В апреле 1920 г. часть парламентариев поки-

Сунь Ятсен
в форме генералиссимуса.
1917 г.

нула Гуанчжоу ввиду сговора между гуансийской и чжилийской кликами. Местопребывание членов южного парламента часто менялось, его работа не была эффективной, так как отсутствовала четкая политическая программа объединения страны.

Во второй половине 1920 г. Сунь Ятсен вновь попытался утвердиться в Гуандуне. После того как 26 октября 1920 г. гуандунская армия тогдашнего сторонника Сунь Ятсена Чэнь Цзюнмина освободила Гуанчжоу из-под власти гуансийской группировки, Сунь Ятсен получил возможность вернуться в Гуандун и встать во главе Кантонского правительства. Сунь Ятсен и его партия, прошедшая очередную реорганизацию в 1919 г., по-прежнему стремились сохранить демократические нормы деятельности правительства. В апреле 1921 г. сессия парламента, заседавшего в Гуанчжоу, избрала Сунь Ятсена президентом республики. В выборах участвовало всего 222 депутата вместо положенных по закону 580 человек. За Сунь Ятсена было подано 213 голосов – менее половины требуемой нормы. Наличие двух парламентов продолжало создавать политическую нестабильность. После восстановления на посту президента в Пекине Ли Юаньхуна сторонники генерала Чэнь Цзюнмина в Гуанчжоу объявили достигнутыми цели «движения в защиту конституции» (этот лозунг выдвигал южный парламент) и потребовали отставки Сунь Ятсена с поста президента республики. В августе 1922 г. Пекинский парламент официально объявил об упразднении южного правительства «защиты конституции».

Кантонское правительство Сунь Ятсена 1920–1922 гг. хотя и претендовало на статус правительства всего Китая, фактически контролировало только пров. Гуандун. Тем не менее его мероприятия в административной, финансовой, военной областях, а также в сфере просвещения были довольно успешными. Правительство действовало под непосредственным влиянием укреплявшегося организационно и политически Гоминьдана. В условиях подъема общественно-политического движения в стране оно стало участвовать в организации рабочего движения. Однако деятельность правительства была прервана в результате мятежа Чэнь Цзюнмина (июнь 1922 г.). Занимая посты губернатора провинции, министра внутренних дел и обороны, Чэнь Цзюнмин обладал, по сути, всей полнотой власти в Гуандуне. Будучи сторонником идеи объединения страны путем превращения Китая в федерацию автономных провинций, Чэнь Цзюнмин, используя поддержку торгово-промышленных слоев Гуанчжоу и опираясь на подчинявшуюся ему армию, отверг предложение Сунь Ятсена начать очередной Северный поход с целью объединения страны под властью Гоминьдана военным путем. Изменение позиции Чэнь Цзюнмина и фактическая поддержка его действий со стороны империалистических держав поставили перед Сунь Ятсеном неотложную задачу разработки политической программы выхода страны из кризисной ситуации, конкретной стратегии и тактики, альтернативных его прежней тактике союза с милитаристами.

После еще одного вынужденного отъезда в Шанхай Сунь Ятсен сосредоточился на разработке программы дальнейших действий. В феврале 1923 г. он

вновь возглавил южное правительство в Гуанчжоу, причем, как и прежде, к власти его привели союзники-милитаристы, на этот раз – юньнаньский генерал Ян Симинь и гуансийский генерал Лю Чжэньхуань. Они нанесли поражение Чэнь Цзюнмину, захватили Гуанчжоу и часть пров. Гуандун. Деятельность нового Кантонского правительства Сунь Ятсена в течение 1923–1925 гг. (с июля 1925 г. – гоминьдановское Национальное правительство) вполне определенно свидетельствовала об особом типе эволюции военного режима в Китае 1910–1920-х годов. На становление и укрепление Национального правительства, сформированного Гоминьданом, влияли многие факторы. Среди них особое место занимали изменения в духовной сфере китайского общества, деятельность реорганизованного Сунь Ятсеном с помощью СССР и международного коммунистического движения Гоминьдана, все более глубокая вовлеченность партии Сунь Ятсена в мировой революционный процесс. В ходе Северного похода Национально-революционной армии (1926–1928), подготовленного и осуществлявшегося при поддержке Компартии Китая и массового движения и проходившего в атмосфере растущего общественного неприятия милитаризма, вооруженные силы Гоминьдана одержали победу над армиями бэйянских милитаристов.

Система регионального милитаризма и иностранные державы

Распад Китая после смерти Юань Шикая на отдельные относительно независимые от Пекинского правительства вотчины региональных милитаристов предопределил некоторое изменение политики иностранных держав, к тому времени уже поделивших Китай на сферы влияния. Державы были заинтересованы в политической стабилизации в Китае, чтобы развитие отношений с ним не было чревато рисками. Бандитизм и войны между милитаристами нарушали нормальную торгово-экономическую деятельность, участие в которой иностранных государств и иностранных частных компаний было значительным. Преследования милитаристами китайских партнеров иностранных компаний, выпуск фальшивых денежных знаков, захват военными железных дорог не способствовали развитию экономики и международных экономических связей. Установившийся в КР режим в центре и на местах не мог гарантировать безопасность иностранцев, живших и работавших в Китае. В 1917–1924 гг. только в одном консульском округе произошли 153 случая ограбления американских граждан и фирм на сумму примерно в 400 тыс. *юаней*. Многочисленные протесты иностранных представителей не меняли ситуацию вследствие слабости центральных властей.

С другой стороны, в водоворот региональных милитаристских войн иностранцы внесли и свою немалую лепту. Практически в каждой крупной региональной армии служили иностранные «солдаты удачи». Крайне отрицательные последствия для внутриполитической ситуации в Китае имела практика продажи оружия, которое иностранцы предоставляли любому нуждавшемуся в нем мили-

тариату. Торговля оружием осуществлялась в прямое нарушение Соглашения об эмбарго на поставки оружия в Китай, подписанного в 1919 г. большинством стран. Действия держав нередко принимали форму прямого или косвенного финансирования той или иной региональной фракции милитаристов в ее борьбе за контроль над Пекинским правительством.

Поддержка иностранными державами тех или иных милитаристов являлась, по сути, продолжением их прежней политики раздела Китая на сферы влияния и интересов. Как правило, связь той или иной региональной группировки с иностранным партнером характеризовалась взаимными интересами. Аньхуэйская группировка ориентировалась на Японию как на своего главного внешнеполитического партнера и поставщика военного снаряжения. Только в 1917–1918 гг. Япония предоставила правительству Дуань Цижуя займы на сумму 386 млн. иен. Оба правительства также заключили военное соглашение, которое предусматривало предоставление Японией военной помощи, советников и инструкторов в целях усиления китайской армии (официально – для участия на стороне Антанты в Первой мировой войне). В обмен на военно-экономическую и финансовую помощь Пекинскому правительству Япония получила ряд привилегий и преимущественных прав в эксплуатации природных ресурсов Китая, а также в политической и военной сферах. Соглашения о «совместной обороне», заключенные в мае 1918 г., создавали юридически-правовую основу для прямой военной экспансии японского империализма в Маньчжурии и вовлечения Китая в антисоветскую интервенцию на Дальнем Востоке. Создавались также совместные японо-китайские предприятия по разведке и разработке природных ресурсов Китая.

Империалистические державы делят Китай. Карикатура

Япония изначально имела особые интересы в Маньчжурии и использовала любую возможность для укрепления своих позиций в этом регионе. После поражения аньхуэйской группировки в войне 1920 г. правительство Японии приняло политическое решение о предоставлении прямой и косвенной помощи

Чжан Цзолиню для экономического развития Маньчжурии и установления Чжан Цзолинем прочного военно-политического контроля над тремя провинциями Северо-Восточного Китая.

Япония, не ограничиваясь поставками оружия Чжан Цзолиню, помогла ему наладить собственное производство вооружений и успешно реорганизовать свою армию в период между первой и второй чжили-фэнтяньскими войнами.

Отношения между японцами и Чжан Цзолинем, однако, не были безоблачными, осложняясь различными обстоятельствами, в том числе его «непослушанием» по вопросу участия в борьбе за контроль над Пекинским правительством. Чжан Цзолинь отнюдь не считал себя японской марионеткой. Ему не были чужды идеи патриотизма и стремление к восстановлению Китаем национального суверенитета в полном объеме. В то же время вынужденный расплачиваться за политическую поддержку и военную помощь, Чжан Цзолинь шел на постоянные уступки Японии в вопросе суверенитета Китая над Маньчжурией и Внутренней Монголией.

Чжилийская клика ориентировалась на сотрудничество с США и Англией, которые стремились использовать чжилийцев в собственных целях, в частности для ограничения влияния Японии в Китае. В 1923 г. США предоставили У Пэйфу военное снаряжение на сумму 3 млн. долларов; оказывали ему помощь также в обучении летчиков и обслуживании авиатехники. Англия предоставила У Пэйфу кредит на сумму 1,5 млн. ф. ст. Вместе с тем У Пэйфу, развивая связи с США и Великобританией, в меньшей степени, чем его основные соперники, скомпрометировал себя уступками иностранным державам.

СССР, как и другие государства, стремился использовать свое влияние на расстановку внутриполитических сил в КР для обеспечения прихода к власти китайских лидеров и партий, лояльных Советскому Союзу. Мотивация советской политики в Китае включала также демократизацию правящего режима, поэтому советское правительство подходило к вопросу поддержки той или иной китайской военно-политической группировки весьма тщательно. Оказание помощи советская сторона ставила в прямую зависимость от социальной ориентированности военной верхушки той или иной группировки, от их отношения к профсоюзному и аграрно-крестьянскому движениям. Остановив в 1923 г. свой выбор на поддержке Кантонского правительства Сунь Ятсена, СССР рассматривал его как наиболее перспективную политическую силу, способную преодолеть стереотипы милитаризма и решить задачу объединения страны на более демократической основе. Советское руководство изучало также возможности расширения антимилитаристского лагеря. Среди милитаристов Северной группировки повышенным вниманием со стороны СССР пользовался Фэн Юйсян. После переворота Фэн Юйсяна 23 октября 1924 г., завершившего вторую чжили-фэнтяньскую войну, он нуждался в военной помощи, поскольку предстояли сражения с армиями Чжан Цзолиня. Фэн Юйсян был известен в стране своими патриотическими и реформистскими взглядами, и поэтому СССР счел его подходящим кандидатом на получение такой помощи. Кандидатура Фэн Юйсяна в отдельные периоды 1925–1926 гг. порой представлялась советскому руководству

даже более перспективной в деле борьбы за контроль над Пекином, чем Гоминьдан с его планами Северного похода.

Советский Союз активно помогал Фэн Юйсяну, содействуя его включению в национально-революционное движение. В 1925 – середине 1927 г. СССР снабжал Национальные армии генералов Фэн Юйсяна и Ху Цзинъи оружием, деньгами, командировал военных советников и инструкторов. Материально-финансовые затраты СССР на помощь Фэн Юйсяну почти не уступали расходам на реорганизацию Гоминьдана и подготовку Северного похода гоминьдановским Национальным правительством. Фэн Юйсян не отказывался от советской помощи, однако воспрепятствовал введению в своих армиях института политкомиссаров, аналогичного тому, который существовал в НРА. Как писал в своих донесениях в Москву начальник группы советских военных советников в Северном Китае В.К.Путна, Фэн Юйсян принимал участие советских советников как «неизбежное зло». Вопрос о целесообразности политики опоры на Национальные армии вызывал ожесточенные споры среди советских советников и специалистов. Некоторые из них сомневались в уровне «политической сознательности» офицерского корпуса армий Фэн Юйсяна и даже считали его реакционным.

В начале 1926 г., когда армия Фэн Юйсяна стала терпеть поражения от Чжан Цзолиня, Фэн Юйсян отказался от командования армией и уехал в Советский Союз, где пробыл примерно пять месяцев. Советское общество и эффективность структуры и руководства ВКП(б) произвели на Фэна хорошее впечатление. Получив от СССР дополнительную военную помощь, осенью 1926 г. Фэн Юйсян вернулся в Китай к своим сильно потрепанным в боях войскам. В период Северного похода НРА Фэн Юйсян со своей реорганизованной армией встал на сторону гоминьдановской армии и участвовал в операции по освобождению Хэнани. В ходе внутрипартийной борьбы в Гоминьдане, принявшей в середине 1927 г. ожесточенный характер и приведшей к объединению «левых» и «правых» гоминьдановцев против китайских коммунистов, Фэн Юйсян поддержал консервативное крыло Гоминьдана во главе с Чан Кайши.

Прямые политические контакты и различные формы взаимодействия с иностранными державами были характерны и для многих других милитаристов, таких как Чжан Сюнь, Тан Цзияо, Чэнь Цзюнмин, Сунь Чуаньфан. Кроме поставок вооружения действенной формой поддержки со стороны держав являлась помощь военными советниками и инструкторами, которые работали в войсках практически всех крупных милитаристских группировок: японские – в фэнтяньской армии, в армиях Дуань Цижуя и У Пэйфу, американские – в чжилийской, немецкие – в войсках Чжан Сюня. В армии Фэн Юйсяна до установления им сотрудничества с СССР одним из его ближайших советников был офицер японского генерального штаба Мацумура Такаёси. В армиях Кантонского правительства с осени 1923 г. до лета 1927 г. работали советские военные и политические советники и инструкторы.

Наиболее мощные северные клики, контролировавшие Пекинское правительство, поддерживали довольно тесные связи с империалистическими державами,

вплоть до заключения с ними межгосударственных договоров, большинство которых были для Китая неравноправными. Юго-западные милитаристы, разобщенные и менее влиятельные, контактировали с империалистическими государствами в меньшей степени. Контакты осуществлялись преимущественно с Англией и Францией. Начавшееся в 1923 г. сотрудничество Кантонского правительства с СССР способствовало формированию военно-политического режима нового типа, сумевшего с помощью СССР и китайских коммунистов вырваться из порочного круга воспроизводства милитаристских диктатур.

Кроме Японии и крупных империалистических держав, таких как Англия (она до Первой мировой войны имела в Китае наибольшие сферы влияния), США, Франция и Германия, в политических интригах с милитаристами участвовали также Италия, Дания, Швеция.

Межимпериалистическое соперничество переплеталось с междоусобной борьбой милитаристов. Япония, с одной стороны, и англо-американский блок – с другой, стремились привести к власти в Китае угодное им правительство, поддерживая ту или иную клику. До середины 20-х годов Пекинское правительство находилось под влиянием Японии, которая одновременно завязывала прочные связи с режимом Чжан Цзолиня в Маньчжурии. Поражение аньхуэйской группировки ослабило влияние Японии на центральное правительство Китая, но лишь отчасти, именно потому, что Чжан Цзолинь в этой войне выступил на стороне чжилийцев, которых поддерживал англо-американский блок.

В течение 1926 г. значительное место в империалистической политике держав в Китае занимали усилия по сколачиванию блока различных милитаристов для подавления растущего национально-революционного движения. Так, в период «движения 30 мая» 1925 г. войска северных милитаристов принимали участие в подавлении этого общенационального антиимпериалистического движения. В период Северного похода НРА неоднократно возникала угроза прямого вмешательства империалистических держав на стороне Пекинского правительства. Когда успехи Северного похода НРА стали явными, империалистические государства с конца 1926 г. перешли к новой политике в Китае. Она характеризовалась переориентацией с поддержки отдельных милитаристов на поддержку правого крыла Гоминьдана, военным лидером которого стал Чан Кайши. Поворот империалистических держав к сотрудничеству с Чан Кайши стал одним из факторов крушения милитаристской системы.

Экономическое развитие Китая в 10—20-х годах

К началу бэйянской эпохи китайская экономика уже прошла определенный отрезок пути создания очагов современной промышленности. Ко времени Синьхайской революции в экономике Китая наметилась тенденция постепенного развития капиталистического уклада в промышленности, торговле и сельском хо-

зяйстве, хотя его удельный вес по сравнению с традиционными докапиталистическими формами хозяйствования был весьма незначительным.

Процесс становления капитализма более успешно развивался в городской экономике, деревня же значительно отставала. Определенный толчок экономическому росту дала «новая политика» последних лет цинской власти, в 1901 г. объявившей о поощрении предпринимательства. Зависимость китайской экономики от иностранного капитала и неравномерность экономического развития были специфическими чертами, оказывавшими непосредственное влияние на развитие капитализма в Китае. Современное (фабрично-заводское, банковское, торговое) предпринимательство развивалось в основном в центрах господства иностранного капитала – открытых портах, концессиях, сеттльментах. На этих территориях, где, в отличие от собственно китайской территории, существовали правовые гарантии личности и собственности предпринимателя, а также благоприятные условия взаимодействия с иностранным капиталом и мировым рынком, концентрировались и национальные предприятия нового типа.

С 1895 по 1913 г. в Китае были построены 136 иностранных и совместных китайско-иностранных предприятий с капиталом свыше 100 тыс. юаней. Из них 48,4% составляли горнорудные предприятия, 16,6% – предприятия пищевой промышленности, 12,1% – предприятия текстильной промышленности, 11,1% – коммунальные предприятия (электроснабжение, водопроводная сеть). Наиболее весомые позиции в экономике страны занимала Великобритания, ей принадлежали 48,1% всех иностранных инвестиций, на втором месте стояла Япония с 25,5%; дальше шли Германия, Россия, Франция, США. Иностранные предприятия концентрировались, как правило, в таких отраслях, как производство текстиля, муки, масел, табака и вин, где они напрямую конкурировали с китайскими предпринимателями. Кроме того, было несколько крупных горнорудных производств с иностранным капиталом. Например, с 1899 г. в Шаньдуне немцы занимались разработкой угольных месторождений, с 1905 г. японцы добывали уголь и железную руду в пров. Фэнтянь (ныне – Ляонин).

В 1913 г. функционировали 549 крупных промышленных и горнорудных предприятий, принадлежавших национальному капиталу с суммарными инвестициями в объеме 120 млн. юаней. Из них 17,9% по объему капитала занимали предприятия коммунального сектора, 12% – угольные копи, 9,6% – предприятия по переработке шелка-сырца, 8,6% – текстильные фабрики, 7,7% – мукомольные предприятия, 6,2% – горные и металлургические предприятия. Постепенно шел процесс трансформации казенных и смешанных казенно-частных предприятий в частные.

Транспортная отрасль была наиболее показательной с точки зрения преобладания иностранного капитала. В сфере железнодорожного сообщения к началу республиканской эпохи иностранные компании построили 3760 км – 39% от всей протяженности железных дорог. Протяженность линий, построенных на займы от иностранных государств, составляла 5193 км, 54% общей их протяженности. Наконец, на деньги китайских компаний и организаций было по-

строено 666 км – 7% от общей протяженности. В области судоходства из четырех крупнейших судоходных компаний первые три места занимали иностранные компании – английские (в сумме – 37,2% тоннажа перевозок) и японская (46,6% тоннажа перевозок).

В сфере внешней торговли основными партнерами Китая были Англия, Япония, США, Франция, Германия. Главными статьями импорта были машинная пряжа, сахар, хлопчатобумажные и шерстяные текстильные изделия, табак; главными статьями экспорта – шелк, шелковые изделия, хлопок, соя.

Особенностью структуры иностранных капиталовложений в Китае было преобладание прямых деловых вложений в китайскую экономику. Наибольшие вложения осуществлялись в развитие транспорта. Так, в 1914 г. они составляли 531 млн. долл. (33%). К 1911 г. иностранные державы через систему займов владели или контролировали 93,1% железных дорог Китая. Позиции иностранного капитала в области транспорта были соизмеримы лишь с их капиталовложениями в обрабатывающую и горнорудную промышленность, которые более чем вдвое превышали промышленные вложения национального капитала. Иностранные банки контролировали денежный рынок и занимали ведущие позиции во внешней торговле. В целом иностранные инвестиции в железнодорожное строительство, внешнюю торговлю, обрабатывающую и горную промышленность в 1900–1914 гг. возросли более чем вдвое. Число открытых для иностранной торговли портов и населенных пунктов Китая к 1912 г. превысило 100. Китайские предприниматели не могли успешно противостоять нараставшей активности иностранного капитала, прежде всего ввиду отсутствия протекционистской политики правительства и высокого налогообложения; это усиливало протестные настроения в их среде.

Большая роль иностранного капитала в китайской экономике, в том числе в торговле, особенно внешней, объяснялась в значительной степени льготными для иностранного капитала условиями неравноправных договоров. Под прямым иностранным контролем находилась китайская таможенная служба. Все руководящие посты в Генеральной таможенной инспекции занимали иностранцы, обеспечивавшие себе большие прибыли, устанавливая льготные для иностранцев ввозные пошлины. Весьма болезненным для национальной торговли являлось правило, согласно которому товары, произведенные на иностранных предприятиях в Китае и за границей, освобождались от лицзиня (внутренних пошлин). Международный капитал хотя и стимулировал вовлечение Китая в мировую торговлю, в капиталистическое разделение труда, но одновременно чем дальше, тем больше превращал страну в поставщика дешевого сырья: хлопка, сои, растительных масел, шелка, чая, шерсти, щетины – и оттеснял китайских предпринимателей в перерабатывающую и пищевую промышленность.

Первая мировая война открыла новые возможности для китайских предпринимателей. Давление иностранного капитала и иностранных товаров резко ослабло. Значительно сократился импорт промышленных товаров из стран Европы, между тем как на внешних рынках повысился спрос на сырье и полуфаб-

рикаты из Китая. Напротив, Япония и США в условиях Первой мировой войны получили более благоприятные возможности для превращения Китая в сферу своего монопольного влияния.

Период, последовавший вскоре после Синьхайской революции, традиционно считается «золотым веком» китайской буржуазии. Если в 1914 г. КР импортировала 7 млн. *лянов* муки, то в 1915 г. Китай уже стал экспортером муки, а в 1920 г. экспорт достиг 17 млн. *лянов*. Количество мукомольных фабрик выросло с 67 в 1916 г. до 86 в 1918 г. В 1913 г. Китай импортировал 2 630 000 *даней* машинной пряжи; в 1914–1916 гг. объем импорта пряжи сократился до 95,3%, в 1917–1919 гг. – до 59,2%, в 1920–1922 гг. – до 48,7% от уровня 1913 г. Шел динамичный процесс создания новых текстильных фабрик. С 22 в 1911 г. их число выросло до 54 в 1919 г. и до 109 в 1921 г. В 1913–1918 гг. стоимостный объем ввоза английских товаров в Китай с 96 млн. *лянов* сократился до 49 млн. *лянов*, ввоз французских товаров – с 5,2 млн. *лянов* до 1,5 млн. *лянов*, германских товаров – с 2,8 млн. *лянов* практически до нуля. В связи с этим дефицит торгового баланса Китая со 166 млн. *лянов* в 1913 г. сократился до 16 млн. в 1919 г.

После завершения Первой мировой войны западные державы были заняты послевоенным восстановлением, а японские товары встречали противодействие в связи с возмущением политикой Японии в Китае. Все это позволило национальному капиталу продолжить быстрое развитие и в послевоенную эпоху.

По данным Пекинского правительства, в 1919–1923 гг. китайские предприниматели основали 757 новых предприятий, в 1924–1927 гг. – 372 предприятия. Большинство новых предприятий создавались в приморских провинциях, а также в бассейнах крупных рек. В 1912–1919 гг. в Китае возникли 17 пароходных компаний, учредителями которых наряду с представителями китайской национальной буржуазии выступали китайские компрадоры и правительственные чиновники.

Вслед за динамичным развитием национального предпринимательства ускорилось также развитие банковского сектора. В момент образования республики в Китае имелось 7 китайских банков; в послесиньхайские годы число банков стало быстро расти. В 1912 г. было создано еще 5 банков, в 1913 г. – 3 банка, в 1914 г. – 1 банк, в 1915 г. – 3 банка, в 1916 г. – 2 банка, в 1917 г. – 5 банков, в 1918 г. – 10 банков, в 1919 г. – 11 банков, в 1920 г. – 13 банков, в 1921 г. – 23 банка, в 1922 г. – 18 банков, в 1923 г. – 15 банков, в 1924 г. – 8 банков. При этом 7 банков имели наиболее прочные позиции, это «четыре северных банка» – Соляной, Цзиньчэнский, Континентальный и Чжуннаньский банки и «три южных банка». В эту тройку входили Чжэцзянский банк развития коммерции, Чжэцзянский промышленный банк и Торгово-Сберегательный банк. Суммарный капитал китайских банков составлял в 1916 г. 37 млн. *юаней*, в 1920 г. – 51 млн. *юаней*, в 1925 г. – 158 млн. *юаней*.

В целом, несмотря на динамичное развитие современных предприятий и банков, в экономической жизни страны в этот период решительно преобладали мелкие предприниматели и ростовщики. Таковых, согласно статистическим дан-

ным, насчитывалось в 1920 г. около 10 млн. человек. Лишь немногие крупные промышленники и коммерсанты обладали политическим и общественным весом. В числе представителей этой финансово-промышленной элиты бэйянской эпохи были известный промышленник и политик Чжан Цзянь, председатель шанхайской торговой палаты и коммерческой гильдии г. Нинбо Юй Цяцин, текстильный заводчик и председатель хлопчатобумажной биржи Му Сянъюэ, создавшие большое число мукомольных и текстильных фабрик братья Жун Цзунцзин и Жун Дэшэн, основатель Соляного банка У Динчан, шанхайский банкир Чэнь Гуанфу.

Наиболее развитой отраслью национальной фабричной промышленности была текстильная, прежде всего хлопкообрабатывающая, второе место занимала пищевая промышленность. По-прежнему слабой оставалась тяжелая промышленность, однако в угледобывающей промышленности произошли заметные изменения: начальный капитал занял заметное место. В строительстве и эксплуатации железных дорог место национального капитала оставалось незначительным. Хотя и сформировался национальный банковский сектор, банки не обладали достаточными средствами для финансирования национальной промышленности. Они не смогли укрепить свои позиции и в кредитной системе в ее низовом звене, где основными организациями оставались традиционные кредитные учреждения – меняльные лавки и ломбарды.

В 1914–1918 гг. укрепились позиции национального капитала во внутренней торговле. В стране в 1919 г. функционировали 1202 китайские торгово-промышленные компании, из них более половины появились в годы Первой мировой войны. Между тем преобладающими оставались традиционные формы организации торговли.

После окончания войны по-прежнему преобладали прямые инвестиции в экономику. Поэтому рост задолженности Пекинского правительства был незначительным: с 525,8 млн. долл. в 1914 г. до 792,0 млн. долл. в 1928 г. Увеличение задолженности шло в основном из-за займов, предоставленных Японией (с 9,6 млн. до 213,3 млн. долл.) и США (с 7,3 млн. до 46,5 млн. долл.). В эти годы качественно изменилось предназначение займов, полученных Пекинским правительством. В первые два десятилетия XX в. значительную часть государственного долга составляли железнодорожные займы, используемые по назначению и в конечном счете способствовавшие экономическому прогрессу страны. В 20-е годы, по мере разложения политического режима в Пекине, займы расходовались заемщиками не столько на экономические нужды (на них шло не более 15–20% новых займов), сколько на политические цели, включая подкуп и взятки.

Наибольший приток новых капиталов наблюдался в 1920–1923 гг. (в среднем – 96,9 млн. долл.), на эти же годы приходился и рекордный уровень импорта машин и оборудования (в 1921 г. – 42,3 млн. долл.). Затем произошло падение – в 1925–1926 гг. до 8 млн. долл. в год. Такое резкое сокращение напрямую было связано с хаосом в государстве, с разложением государственной власти в КР, а также с ростом антиимпериалистического движения в Китае и неуверенностью

иностранных инвесторов в жизнеспособности и долговечности милитаристских режимов. В 20-х годах в 3 раза возросла мощь системы иностранных банков – основного рычага усиления влияния международного капитала на Китай. Иностранные вложения в течение последнего десятилетия существования власти бэйянских милитаристов сосредоточивались в сферах торговли, банковско-кредитного дела, транспорта и недвижимости в открытых портах, не затрагивая сколько-нибудь существенно обрабатывающую и добывающую промышленности. Играя положительную роль в вовлечении Китая в мировой рынок, иностранный капитал в то же время сдерживал развитие важных отраслей национальной экономики и стремился сохранить фактически полуколониальный статус Китая.

В обобщенной форме тенденция капиталистической перестройки народного хозяйства выражалась в росте суммы национального капитала с 2 млрд. *юаней* в 1918 г. до 4,7 млрд. *юаней* в 1928 г. При этом вложения национального капитала в промышленность росли наиболее интенсивно: с 375 млн. до 1,225 млрд. *юаней*. Чтобы конкурировать с зарубежными компаниями, китайскому капиталу приходилось сосредоточивать усилия в отраслях, не нуждавшихся в сложной технологии или больших инвестициях. Национальный капитал наиболее активно развивался в легкой промышленности. Признаки капиталистической эволюции наблюдались также в добывающей, железоделательной, химической и некоторых других отраслях промышленности. В целом же преобладали мелкие предприятия, работавшие на низком техническом уровне.

Преобладание мелкого, дофабричного капиталистического предпринимательства оставалось характерной чертой послевоенного экономического подъема. Его специфической характеристикой было также сосуществование и местами взаимодополняемость старых и новых форм предпринимательства. Это касалось, например, традиционных банков и меняльных лавок (*пяохао*), лодочно-джоночного транспорта, определенных видов ремесленного производства.

Вовлечение китайского сельского хозяйства в рыночную экономику было связано со специализацией производства сельскохозяйственных культур и выделением районов торгового земледелия. Имел место значительный рост товарности сельского хозяйства. Однако этот фактор капитализации сельского хозяйства был прежде всего следствием усиления эксплуатации крестьянства традиционными методами – арендными, торгово-ростовщическими, налоговыми. Развитие капиталистических процессов в китайской деревне в период господства милитаристов в Китае не изменило основного уклада сельской жизни, обрекая громадные массы крестьянства на мучительную пауперизацию.

В целом крестьяне были в очень ограниченной мере затронуты переменами, происходившими в городах, но косвенное воздействие новых экономических явлений привносило в деревню новые возможности хозяйственной специализации. Степень вовлеченности сельского населения в капиталистическое русло во многом зависела от его принадлежности к так называемым «центральным» или «периферийным» районам. Отсутствие выбора экономических возможностей в труд-

нодоступных с транспортной точки зрения и бедных районах, низкие доходы населения, высокая доля неграмотных создавали питательную среду для произрастания монопольных явлений и разного рода злоупотреблений. В условиях всеобщей нищеты и стагнации производства в этих районах более типичным экономическим поведением оставались получение земельной ренты, ростовщичество, обмер-обвес, спекуляции продовольственными товарами.

Отмечая слабость Пекинского правительства, в том числе в его экономической политике, его недостаточную активность в защите национального предпринимательства от империалистического давления, следует также отметить, что налоговая эксплуатация центральной властью не была столь значительна, прежде всего по причине общей фискальной немощи государства.

Главным негативным фактором в плане воздействия на экономическое развитие являлся региональный милитаризм. Атмосфера милитаристских конфликтов создавала обстановку неуверенности, делавшей рискованным любое долговременное капиталовложение. Разрушения и жертвы, связанные с милитаристскими конфликтами, наносили серьезный урон экономической жизни. Количественный анализ свидетельствует о том, что непрерывно возраставшие после Синьхайской революции военные расходы достигли к началу 30-х годов 4% ВНП. Под ружьем в стране находилось, по усредненным оценкам, около 2% мужчин из возрастной группы от 18 до 45 лет.

Вместе с тем отдельным милитаристам не были чужды некоторые прогрессивные нововведения. Жажда власти, приводившая к разрушительным конфликтам, одновременно заставляла их в целях обеспечения доходов стимулировать развитие промышленности, сельского хозяйства, транспорта и образования. Милитаристские режимы, сохранявшие в течение длительного времени свою постоянную территориальную базу, например Янь Сишаня в Шаньси и Лю Сяна в Сычуани, принимали меры для развития промышленности и транспорта, стимулировали предпринимательскую и коммерческую деятельность, избегали крайностей в налогообложении.

Экономика Китая бэйянского периода характеризовалась также ростом подушевого производства. В период между Первой мировой войной и серединой 30-х годов ВНП вырос на 40%. Истоки положительных явлений в развитии китайской экономики в значительной степени были связаны с расширением масштабов внешней торговли. Зарубежный спрос на китайские сельскохозяйственные продукты и проникновение на внутренний рынок иностранных товаров создавали условия для внедрения новых производств, материалов и технологий, реализации коммуникационных и логистических возможностей. Волны экономического роста, зарождавшиеся в более экономически развитых регионах (регион нижнего течения Янцзы, Северо-Восток), расходились по всей стране.

Элементы капитализации хозяйственного организма не меняли того факта, что в период правления региональных милитаристов экономика Китая, развивавшаяся в различных формах взаимодействия с иностранным капиталом, в целом не удовлетворяла потребности общества и не смогла предотвратить расту-

щую нищету и пауперизацию населения. В массовом сознании экономическая слабость в значительной степени связывалась также с засильем иностранного капитала. Массовые движения и события национальной антиимпериалистической революции указывали на высокую степень недовольства населения, в том числе промышленных и торговых слоев, политикой иностранных держав в Китае.

Глава 4
Общественно-политическая жизнь страны

«Движение за новую культуру». Развитие учения Сунь Ятсена. Политические течения

В политической истории Китайской Республики период господства бэйянских милитаристов характеризовался, с одной стороны, развитием целого ряда негативных тенденций – распадом страны на регионы с военными режимами, неэффективностью управления, утратой многих демократических завоеваний, дальнейшим обнищанием населения. С другой стороны, произошло оживление экономики и банковской системы, в некоторой степени окрепла законодательная база, строились железные дороги, линии телеграфа, улучшилась работа почты и полиции в крупных городах.

Особое влияние на рост национального самосознания оказывали бурный рост средств массовой информации, реформа народного образования, литература и искусство, развитие общественной и экономической мысли. Провозглашение во Временной конституции 1912 г. гражданских свобод стимулировало деятельность интеллектуальной элиты, направленную на преодоление кризиса. Определенную положительную роль в развитии тенденции к интеллектуальному раскрепощению имел и опыт деятельности парламентских институтов, хотя во многом и негативный.

Обновлению духовной и общественно-политической жизни способствовала и «оборотная сторона» господства милитаристских режимов. Хотя большинство милитаристов были консерваторами, ориентированными на традиционные ценности, однако слабая управляемость контролируемых ими территорий создавала возможности для развития новых идеологических течений. Отсутствие эффективного контроля над деятельностью университетов, периодических изданий, издательств, над интеллектуальной жизнью Китая в целом способствовало бурным дискуссиям о путях модернизации и усиления Китая.

Влияние западных идей и западного образа жизни на Китай, усилившееся после Синьхайской революции, не только воздействовало на политическую сферу и развитие капиталистического уклада, но и имело сильный резонанс в идеологии и становлении общественно-политических движений.

Послесиньхайский период выявил огромное значение духовного и идеологического фактора в жизни китайского общества, менталитет которого и после Синьхайской революции определялся в значительной степени приверженностью к конфуцианским догматам. Хотя Синьхайская революция и отменила существовавший со времен династии Хань (202 г. до н.э. – 220 г. н.э.) официальный государственный культ Конфуция, укреплявший устои деспотической монархии и патриархальные семейные отношения, конфуцианство и после Синьхайской революции сохраняло свое влияние, и не только на уровне обыденного сознания, но и на верхних ступенях социальной лестницы, во всяком случае в среде интеллектуалов. Так, Юань Шикай оставался сторонником конфуцианства и активно его использовал в ходе подготовки монархического переворота. Лозунг «почитание Конфуция» был выдвинут консерваторами и в период монархического путча генерала Чжан Сюня. Милитаристы бэйянской клики (Цао Кунь, Дуань Цижуй, У Пэйфу) неизменно использовали этот лозунг для сохранения и упрочения своего господства.

Идеологи лагеря реформаторов конца XIX в. – Лян Цичао, Кан Ювэй, Янь Фу, предпринимая попытки переосмысления своих прежних идейно-политических позиций, исходили из стремления предотвратить политический распад страны. Принимая Синьхайскую революцию как свершившийся факт, они выступали сторонниками сильной власти. Пытаясь внести личный вклад в стабилизацию внутриполитической обстановки, некоторые из них стали участвовать в политической жизни на стороне той или иной парламентской фракции (Лян Цичао, Кан Ювэй).

«Властитель дум» передовой китайской общественности предреволюционных лет – Лян Цичао и в послесиньхайские годы оставался заметной фигурой в идейно-политической жизни, выступал одним из лидеров Прогрессивной партии (Цзиньбудан). В целях создания политической основы обновления страны он выдвинул идею объединения прежних конституционалистов и прежних революционеров в единую партию. Из сторонника конституционной монархии Лян Цичао эволюционировал в сторонника республиканизма, однако делал акцент на укреплении центральной власти, способной стабилизировать положение в стране. Подобная эволюция взглядов Лян Цичао и других консервативных националистов была тесно связана с изменением их отношения к конфуцианству. Из критиков конфуцианства, в котором до Синьхайской революции они видели главное препятствие на пути модернизации страны, они стали защитниками и пропагандистами конфуцианства как мощной идеологической скрепы китайского общества. Благие намерения Лян Цичао использовать конфуцианство в новых условиях для усиления политической вертикали Китайской Республики объективно поддерживали охранительную функцию конфуцианства, имевшую целью прежде всего сохранение и упрочение прежних политических традиций.

Более консервативную идейно-политическую позицию занимал в те годы Кан Ювэй – выдающийся китайский политический мыслитель, лидер движения за реформы конца XIX в., учитель Лян Цичао. Считая революцию «самоубийством», Кан Ювэй с этих позиций продолжал критиковать Синьхайскую революцию. С ней он связывал усугубление национального унижения Китая и ухудшение жизни народа. Он критиковал принцип республиканского правления и демократического переустройства Китая, который, по его мнению, противоречил специфике страны, лишенной демократических традиций. Подобные оценки, отчасти адекватные историческим реалиям, сопровождались яростной критикой тенденции вестернизации китайской национальной культуры во многих ее проявлениях и в самом широком ее понимании. Отрицательные оценки Кан Ювэем республиканской идеи находили в Китае немало сторонников. По ряду направлений справедливая критика «слепого подражания» западной политике, обычаям, религии, идеологии, характерного для Китая 10–20-х годов, сопровождалась, однако, у Кан Ювэя стремлением к реставрации монархии. В идеологической сфере оно получило конфуцианскую окраску. В 1916 г. Кан Ювэй выдвинул предложение о восстановлении конфуцианства как общегосударственного культа. Крупный политик, известный ученый, объективно подготовивший своей реформаторской деятельностью цинский Китай к Синьхайской революции, Кан Ювэй не уловил зарождения в обществе тенденций обновления.

Возвратились к традиционным конфуцианским ценностям и другие деятели – Ван Говэй, Ян Ду, Сунь Юйцзюнь, Ху Ин, Лю Шипэй, Ли Сехэ. Новому обращению к поддержке конфуцианских традиций способствовали углубление кризисных явлений в послесиньхайском Китае, а также рост критического настроя по отношению к западной цивилизации, вызванный событиями Первой мировой войны. Характерен пример эволюции Янь Фу, который стоял в первых рядах китайских просветителей. Высоко оценивая достижения западной научно-технической мысли и своими книжными переводами способствуя знакомству китайских ученых с достижениями Европы, Янь Фу перешел на позицию критики западных ценностей и обратился к пропаганде конфуцианских традиций. Особенностью консервативного идейного течения было сочетание приверженности традиционным духовным ценностям конфуцианства с признанием неизбежности социально-экономических и идейно-политических перемен в стране и стремлением к обновлению Китая. Это течение, представлявшее в основном интересы бюрократического руководства, военных, шэньши, не занимало прочных позиций в идейно-политической борьбе. Оно не оформилось в организованную политическую силу и не предложило сколько-нибудь продуманной программы модернизации страны.

В отличие от консерваторов, их оппоненты, объединившиеся в «движении за новую культуру», внесли заметный вклад в духовную и общественно-политическую жизнь Китая. Сосредоточив усилие на борьбе с конфуцианством, они дали мощный стимул «раскрепощению сознания» и новому этапу развития культуры, образования, науки, всей духовной и политической сферы, со-

Обложки первых номеров
журналов «Циннянь»
и «Синь циннянь»

Чэнь Дусю. 1915 г.

звучных требованиям времени. «Движение за новую культуру» формировалось на основе ряда новых идейных течений демократического направления, возникших в годы Первой мировой войны в крупных культурных и торгово-промышленных центрах – Пекине, Шанхае, Тяньцзине. Оно развивалось вокруг программы и идей общественно-политического и культурного журнала «Синь циннянь» («Новая молодежь»), первый номер которого под названием «Циннянь» («Молодежь») вышел в сентябре 1915 г. Редактором его был профессор Пекинского университета Чэнь Дусю, с 1917 г. занявший пост декана факультета гуманитарных наук Пекинского университета. Сам лозунг движения – «борьба за науку и демократию» – отразил его созидательный характер. Стремительное восприятие и распространение в новых средних слоях китайского общества просветительских идей свидетельствовали о высокой степени востребованности науки и демократических ценностей, идеи «свободы личности», противостоявших конфуцианским догматам. Общественный протест против конфуцианства, апологета деспотизма в его различных проявлениях – в политике и в семье – был настолько силен, что на многие годы вперед предопределил восприятие конфуцианства главным образом как реакционной, охранительной силы. Морально-этические ценности, присущие древнему конфуцианству, при этом недооценивались.

Основной движущей силой «движения за новую культуру» являлась передовая, молодая и образованная часть китайской интеллигенции. В нем активно участвовали студенты и преподаватели Пекинского университета – Ли Дачжао, Ху Ши, Лу Синь, Юнь Дайин, Цай Юаньпэй (с 1916 г. – ректор Пекинского уни-

верситета). Лейтмотив их выступлений на страницах печати – стремление вывести страну из кризиса благодаря развитию науки и демократии, а не путем возвращения к традиционным конфуцианским ценностям, смелое движение вперед, модернизация всех сторон жизни Китая. Патриотизм и национальная идея участников движения не ограничивались принятием уже свершившихся политических изменений в стране. Они стремились быстро продвигаться вперед, причем образцом для подражания для них были достижения западной политики и культуры. Под влиянием газет и журналов, призывавших к демократии и независимости, таких как «Синь циннянь», «Мэйчжоу пинлунь» («Еженедельное обозрение»), «Лаодун» («Труд»), «Гоминь» («Гражданин»), «Синьчао» («Новый прилив»), в ряде крупных городов Китая стали возникать различные общества, кружки и организации республиканско-демократического направления. Они ставили своей целью распространение достижений современной науки и идей демократии.

На страницах журналов дискутировались злободневные для Китая вопросы. Один из них – применимость в КР идеи конституционализма. Несмотря на трудности с реализацией республиканской идеи и внедрением конституционных институтов, молодые интеллектуалы верили в возможность построения в Китае передовой общественно-политической системы. Основное препятствие этому видели в конфуцианстве. В полемике с Кан Ювэем профессор Пекинского университета Ли Дачжао противопоставлял идеи Конфуция, апологета монархического деспотизма, конституционной идее, гарантирующей свободу личности и нации. Ли Дачжао выступал с резкой критикой попытки лидеров бэйянской группировки включить в проект конституции статью, объявляющую конфуцианство государственной религией. Критика официальной конфуцианской морали громко звучала в работах писателя-демократа Лу Синя. В 1918 г. он опубликовал в «Синь циннянь» рассказ «Дневник сумасшедшего», в котором средствами эзопова языка развенчал эксплуататорскую сущность официальной конфуцианской морали.

В статьях Чэнь Дусю ставилась новая для политической и интеллектуальной элиты проблема «народного правления». Вера в высокое предназначение народа и его способность к преобразованию общества была присуща и публикациям Ли Дачжао. Принципиальный отход участников «движения за новую культуру» от китайской традиции проявился в постановке задачи достижения «свободы личности» как гарантии «освобождения общества». Об этом много писали Чэнь Дусю, профессор Ху Ши, писатель Лу Синь, профессор Цай Юаньпэй.

Важной составной частью «движения за новую культуру» являлась так называемая «литературная революция», содержание которой определялось задачами преобразования литературного языка и обновления литературы. Замена *вэньяня* – старого языка классической литературы и официальной переписки, непонятного широким слоям населения, новым литературным языком, близким к разговорному, – *байхуа* создала, по сути, условия для формирования новой обществен-

ной среды, стала важной вехой в развитии самосознания населения. Для Китая того времени переход на *байхуа* означал реальную возможность борьбы с неграмотностью, массового приобщения китайцев к собственной и зарубежной культуре и политике, к осознанному участию в идейно-политической жизни. Начался процесс перехода на *байхуа* газет, журналов, а позднее и книг. В 1918 г. в «Синь циннянь» все статьи печатались на *байхуа*.

«Движение за новую культуру», провозгласившее лозунги «науки и демократии», носило комплексный характер. Выдвинув тезис – «через обновление культуры к обновлению общества», оно способствовало в дальнейшем выходу политических движений на новый уровень. В условиях господства милитаристских режимов «движение за новую культуру» выполнило функции двигателя прогресса. Оно дало толчок «интеллектуальному взрыву» в областях литературы, искусства, философии, экономической мысли, которые медленно эволюционировали в цинском Китае со второй половины XIX в.

В послесиньхайские годы в Китае возникли и различные течения монархического и религиозно-философского толка (необуддийские и неодаосские), также критиковавшие официальную идеологию конфуцианства, в которой они видели морально-этическую основу деспотической власти, одну из причин обскурантизма и отсталости.

Особое место в духовной и общественно-политической жизни тех лет принадлежало Сунь Ятсену. В силу сложившихся обстоятельств, в том числе ввиду его активной роли в формировании правительств Юга и в деятельности южного оппозиционного парламента, Сунь Ятсен не принимал непосредственного участия в «движении за новую культуру». Вместе с тем создание Сунь Ятсеном в течение 1917–1919 гг. фундаментального труда «Программа строительства государства» (состояла из трех книг – «Духовное строительство» [Учение Сунь Вэня, 1918], «Материальное строительство» [Промышленный план, 1919], «Социальное строительство» [Первые шаги народовластия, 1917]) сыграло важную роль в достижении духовного перелома в обществе, отразило состояние идейного плюрализма. В своих трудах Сунь Ятсен предложил наброски и планы модернизации страны, не потерявшие значения и для современного Китая. Особенно это относится к Промышленному плану, предполагавшему развитие производительных сил и детализирующему некоторые меры индустриализации страны. При этом выделялись три основных направления: развитие инфраструктуры, промышленности (прежде всего тяжелой и горнорудной) и сельского хозяйства на путях его механизации и создания системы ирригации. Для выполнения плана следовало использовать все достижения мировой науки и техники, привлечь капиталы западных стран. Стремление к преодолению традиционного китайского изоляционизма, к проведению, как сказали бы теперь, «политики открытости» являлось принципиальной характеристикой модернизаторских планов Сунь Ятсена. В этом отношении он выражал общую для интеллектуальной элиты Китая позицию, четко обозначенную в ходе «движения за новую культуру».

В осуществлении социально-экономических преобразований Сунь Ятсен предусматривал решающую роль государства. По его мысли, экономический базис строился на основе сочетания государственной и частной собственности, причем в частный сектор включались предприятия только среднего и малого бизнеса. Огосударствление крупной собственности рассматривалось Сунь Ятсеном как главное средство ускорения развития производительных сил и как возможность избежания социальных конфликтов. Индустриализация страны должна была осуществляться высокими темпами. Таким образом, идея ускоренного развития являлась важной составной частью экономических планов Сунь Ятсена. Прогресс сельского хозяйства в аграрной отсталой стране мыслился также на путях государственного регулирования посредством введения единого налога, изымавшего дифференциальную ренту, и отмены остальных многочисленных поборов, в том числе произвольно устанавливаемых местными властями.

Нечеткость социальной дифференциации в послесиньхайском Китае Сунь Ятсен считал предпосылкой ускоренного переустройства страны. Характеризуя классовую борьбу как отклонение от нормы, болезнь общества, он выстраивал свою мировоззренческую систему «трех народных принципов», исходя из основополагающей идеи социальной гармонии. Склонность Сунь Ятсена к неприятию силовых методов разрешения социальных конфликтов и демократическая ориентация всего его учения и политической практики были сразу отмечены выдающимся политическим мыслителем и практиком XX в. – В.И.Лениным. Еще в 1912 г. в статье «Демократия и народничество в Китае» он характеризовал Сунь Ятсена как «революционного демократа, полного благородства и героизма». «Программа строительства страны» стала основой, на которой Сунь Ятсен с конца 1910-х годов развивал и корректировал свою политическую программу и очерчивал контуры государственного строительства.

В годы Первой мировой войны политические и социальные идеалы Сунь Ятсена оставались расплывчатыми и противоречивыми. Наблюдая сложности реализации в Китае парламентаризма западного образца, он все же, пусть и с оговорками, оставался его сторонником. Повышенное внимание в послесиньхайские годы Сунь Ятсен уделял разработке и пропаганде принципа «народного благосостояния» и в его рамках – политике государственного социализма. Подобная система, по его мнению, уже была создана в Германии. В дальнейшем, с конца 1910-х годов, склонность к социальным проектам и забота о человеке приняли в планах Сунь Ятсена более конкретные формы.

Принципиальной характеристикой Сунь Ятсена как мыслителя и практика выступала его способность к адаптации своей теории и практики к веяниям времени, к меняющейся политической ситуации в Китае и в мире. Яркое тому подтверждение – развитие учения о «трех народных принципах»: от антиманьчжурской борьбы, основного содержания принципа национализма, к слиянию его с принципом народовластия в годы Синьхайской революции – и далее к обновленной антиимпериалистической интерпретации «трех народных принципов», разработанной им уже в 20-е годы.

В «Программе строительства государства» он уделил большое внимание конкретизации его этапов. Являясь составной частью концепции о «трех народных принципах», план поэтапного «строительства государства» сыграл значительную роль в формировании политической программы Сунь Ятсена в целом, стал основой политического и государственного строительства сначала на территории Гуандунской революционной базы, а затем в гоминьдановском Китае. Как считал Сунь Ятсен, политическая нестабильность КР в послесиньхайское время подтверждала его точку зрения о необходимости для Китая этапа политической опеки, переходного к этапу конституционного правления. В дальнейшем политическая сфера КР развивалась во многом в соответствии с подобной последовательностью. В 20-х годах политика Гоминьдана в целом соответствовала основным положениям военного этапа «строительства государства», на котором предполагалось и использование иностранной помощи.

В послесиньхайские годы Сунь Ятсен все более отчетливо осознавал зависимость Китая, прежде всего его экономики, от политики и капиталовложений иностранных держав. Вместе с тем, как и большая часть китайской интеллигенции и сторонников республики, он продолжал питать иллюзии относительно готовности держав к оказанию экономической помощи и политической поддержки Китаю именно тогда и в таких формах, как это будет необходимо самому Китаю. В Промышленном плане Сунь Ятсена была заложена идея экономической помощи со стороны крупных капиталистических государств как необходимой предпосылки возрождения страны. На протяжении всей жизни Сунь Ятсена периодически оживали его надежды и на посредническую деятельность держав в деле политического объединения Китая. Работая над своими теоретическими трудами, он находился под впечатлением широко разрекламированной «Программы из 14 пунктов» президента США В.Вильсона, который проповедовал в те годы идею создания Лиги наций как органа, призванного устранить любые противоречия между государствами, установить на Земле христианскую идиллию братства всех народов.

Накануне Первой мировой войны, да временами и впоследствии, особые надежды Сунь Ятсен возлагал на Японию как, по его словам, «первую великую державу Востока», освободившуюся от пут зависимости от иностранных держав и вступившую на путь модернизации страны. Сохранению в течение длительного времени уважительного отношения к Японии способствовало чувство признательности к этой стране со стороны китайской революционной интеллигенции, периодически находившей в Японии укрытие от китайской деспотической власти. Еще при Цинах Япония стала основным местом обучения китайских студентов за границей, формирования и деятельности революционных организаций китайской молодежи, в том числе и партии Сунь Ятсена. Капиталовложения держав в экономику Китая, миссионерское движение, поддержка со стороны держав современной системы образования и просвещения воспринимались Сунь Ятсеном и его соратниками в целом положительно.

Критический настрой Сунь Ятсена по отношению к общей оценке позиции иностранных держав формировался в период Первой мировой войны, особенно под влиянием нараставшей японской экспансии в Китае, ввиду отрицательного воздействия на Китай таможенной политики держав. Как отмечал Сунь Ятсен в книге «Духовное строительство», Китай является полунезависимой страной, поскольку на его территории есть концессии других держав, существует право экстерриториальности иностранцев, иностранные державы контролируют таможни. Вместе с тем в те годы Сунь Ятсен еще верил в возможность мирного разрешения спорных вопросов с иностранными державами. Дальнейшая корректировка теории осуществлялась Сунь Ятсеном уже в 1920-е годы на фоне углубления кризиса парламентаризма в Китае и в условиях периодически повторявшихся попыток силового давления держав на национально-освободительное движение в Китае.

Определенное влияние в обществе в период Первой мировой войны имели и другие идейные и социально-политические течения и движения. Среди них можно назвать последователей анархизма и марксизма. Наибольшее число сторонников приобрел анархизм. Большой популярностью пользовались теории П.Ж.Прудона, М.А.Бакунина, П.А.Кропоткина. Анархисты выступали против системы принуждения и ограничения индивидуума. Идеи индивидуализма и антиавторитаризма переплелись в Китае с традиционными представлениями, прежде всего с нигилизмом даосов (возникновение даосизма датируется V–III вв. до н.э.), считавших власть источником зла. Сами китайцы в XX в. охотно писали о том, что даосизм не что иное, как китайский анархизм. Принцип взаимопомощи П.А.Кропоткина китайские анархисты сближали с принципом всеобщей любви Мо-цзы (V–IV вв. до н.э.).

В Китай анархизм принесли китайские эмигранты, проживавшие во Франции и Японии. Первые анархистские организации на территории Китая были созданы и действовали в период Синьхайской революции в Гуанчжоу, Шанхае, Пекине и некоторых других городах. Наиболее активным пропагандистом анархизма в Китае был Лю Шифу, начинавший революционную деятельность как соратник Сунь Ятсена по Объединенному союзу. Он издавал журнал «Миньшэн чжоукань» («Голос народа»), через который распространял идеи анархистов М.А.Бакунина, П.А.Кропоткина, П.Ж.Прудона и др. В пропаганде китайских анархистов тесно переплетались чисто анархистские идеи с марксизмом. Именно анархисты первыми в Китае сделали отдельные идеи социализма достоянием общественности, пропагандировали их, публиковали переводы некоторых произведений К.Маркса и Ф.Энгельса.

В 1912 г. анархисты, вышедшие из Китайской социалистической партии, создали свою Социалистическую партию во главе с Лю Шифу. Для нее было характерно стремление интерпретировать анархизм как социалистическое учение. Лю Шифу инициировал полемику по вопросам социализма с Сунь Ятсеном и с основателем Китайской социалистической партии Цзян Канху, ставшую фактически дискуссией о социализме в Китае. В ходе дискуссии Лю Шифу обратил

внимание на несовпадение «принципа народного благосостояния» теории Сунь Ятсена с идеями социализма. При этом стало очевидным знакомство Лю Шифу с «Капиталом» К.Маркса. Пик политической активности анархистов в Китае приходится на период «движения 4 мая» 1919 г. и начало 20-х годов. Идеи анархизма оказали значительное влияние на передовую интеллигенцию, хотя большинство ее и не перешло на позиции анархизма. Первые китайские анархисты не только воздействовали на китайскую интеллигенцию, но и вели пропаганду среди рабочих, создавали первые профсоюзы и организовывали забастовки.

«Движение 4 мая» 1919 г. Распространение социалистических идей

Выполнив свою просветительскую функцию, «движение за новую культуру» подготовило почву для подъема национального самосознания, в полной мере проявившегося в ходе массового патриотического «движения 4 мая» 1919 г. Имевшее ярко выраженную антияпонскую окраску, это движение, в свою очередь, стало поворотным пунктом в идейно-политическом развитии Китая, выдвинув на повестку дня проблему национального спасения и поставив вопрос о путях развития и возрождения Китая. Политизация передовой китайской интеллигенции и в целом широких социальных слоев осуществлялась под воздействием ряда факторов. Среди них значительное место занимало влияние на Китай Великой Октябрьской революции 1917 г. в России.

Неудовлетворенность широких слоев общества развитием событий в Китае после Синьхайской революции определяла внутренние факторы зарождения «движения 4 мая». Непосредственным же импульсом стали решения Версальского мирного договора (1919 г.), от которого китайская общественность ожидала, но не получила поддержки требований по восстановлению национального суверенитета Китая. Выдвинутые китайской делегацией на Парижской мирной конференции (1919–1920 гг.) требования к державам-победительницам в Первой мировой мировой войне отражали чаяния значительной части населения. Широкие круги китайской общественности надеялись прежде всего на возвращение Китаю всех прав и арендованных Германией в пров. Шаньдун территорий (захвачены Японией в 1914 г.). Отклонение Конференцией этих требований, передача германских владений в Шаньдуне Японии, нерешительная позиция Пекинского правительства в этом вопросе вызвали в Китае взрыв возмущения патриотов. События развивались следующим образом.

4 мая 1919 г. более 3 тыс. студентов Пекинского университета и 13 других высших и средних учебных заведений Пекина устроили на площади Тяньаньмэнь митинг и демонстрацию протеста под лозунгами: «Защитим государственный суверенитет!», «Не подписывать мирный договор!», «Аннулировать „21 требование“!», «Бойкот японских товаров!» и др. Демонстранты потребовали наказать национальных предателей – Цао Жулиня, Лу Цзунъюй и Чжан Цзунсяна,

«Движение 4 мая» 1919 г. Картина художника Чжоу Линчжао

подписавших с Японией ряд документов, противоречащих национальным интересам Китая. Для подавления демонстрации Пекинское правительство направило полицейские части. В схватке с полицией погиб один студент, 32 участника демонстрации были арестованы.

В ответ на расправу с демонстрантами пекинские студенты 5 мая объявили забастовку. Студентов поддержали ректоры (прежде всего Цай Юаньпэй – ректор Пекинского университета) и преподаватели пекинских вузов, Торговая палата Пекина, некоторые депутаты парламента и ряд общественных организаций. К выступлениям пекинских студентов присоединились студенты высших и средних учебных заведений многих городов страны, а также общественность провинций Чжэцзян, Шаньси, Хунань, Фуцзянь, Гуанси и Гуандун. Солидарность с учащимися выразили шанхайские моряки и рабочие Пекина, грузчики, рабочие Чансиньдяни, станции Пекин-Ханькоуской железной дороги.

Не остался безучастным к событиям патриотического антиимпериалистического движения и парламент в Гуанчжоу. От его имени 9 мая 1919 г. во все провинции Китая была послана циркулярная телеграмма, резко осуждавшая действия прояпонских элементов в Пекинском правительстве и одобрявшая выступления пекинских студентов. В июне 1919 г. начался второй этап «движения 4 мая», когда его центр переместился в Шанхай. 5 июня вспыхнули массовые выступления шанхайских рабочих, вслед за которыми объявили забастовки китайские торговцы и промышленники Шанхая. Характерная черта этого этапа – включение в движение широких социальных слоев, в том числе мелкобуржуазной и буржуазной интеллигенции, городской мелкой буржуазии и средней торгово-промышленной буржуазии. К 11 июня в Шанхае и его пригородах число за-

«Движение 4 мая» 1919 г.

бастовавших рабочих на иностранных и ряде китайских предприятий достигло 60 тыс. человек. Забастовка шанхайских рабочих вдохновила на патриотические выступления рабочих в других районах страны.

До начала июня 1919 г. основным требованием патриотов к Пекинскому правительству был призыв отказаться от подписания Версальского мирного договора. В Париж в адрес китайской делегации в течение первой половины 1919 г. было направлено около 7 тыс. телеграмм с таким требованием. Телеграммы поступали от палаты представителей Пекинского парламента, Гуанчжоуского парламента, провинциальных ассамблей, студенческих союзов, торговых палат, различных общественных организаций Китая, представителей политических течений, а также от частных лиц и китайских эмигрантов.

Известие об отказе членов китайской делегации поставить подписи под Версальским договором восторженно встретили в Китае и расценивали как победу «движения 4 мая». Под давлением массового движения протеста Пекинское правительство вынуждено было также уволить японофильских министров, прекратить репрессии против участников патриотического движения.

Массовое патриотическое «движение 4 мая» охватило более 100 городов 20 провинций страны. Оно явилось первым примером общенациональных протестов в Китае, начатых патриотически настроенными студентами. Направленное своим острием против японского империализма, «движение 4 мая» заложило основу нового восприятия в китайском обществе политики великих держав в Китае, способствовало формированию в дальнейшем антиимпериалистических протестных настроений. Оно ускорило процесс возникновения и последующего размежевания политических сил, ориентированных на преодоление политической и социальной нестабильности и создание сильной государственности.

С «движения 4 мая» 1919 г. и под воздействием Октябрьской революции в России в истории Китая начался новый период, характеризовавшийся рождением новых теорий, подъемом национального и коммунистического движений, формировавшихся во взаимодействии с зарубежными идейными и политическими тенденциями. Рост национального самосознания, обусловленный главным образом внутренними причинами, отражал в то же время изменения в международной обстановке. События в Китае были частью общего мирового процесса развития национально-освободительных движений. После Октябрьской революции и Первой мировой войны волна революционных событий охватила ряд стран Европы, Америки и Азии. В ноябре 1918 г. были свергнуты германская и австро-венгерская монархии, 21 марта 1919 г. – провозглашена Венгерская советская республика, 13 апреля (на две недели) – Баварская советская республика. Усилилось забастовочное движение в Англии, Франции, США и Японии. Октябрьская революция дала толчок для подъема национально-освободительного движения в Индии, Индокитае, Корее, Индонезии, Сирии, Ираке, Египте, Судане, Турции, Иране, Афганистане.

Сведения об Октябрьской революции в России очень скоро стали достоянием общественности Китая. С 10 ноября 1917 г. китайские газеты и журналы стали

публиковать многочисленные сообщения о событиях в России, о первых шагах Советского правительства в области внутренней и внешней политики. Сильное впечатление на общественность Китая произвело «обращение Совета народных комиссаров ко всем трудящимся мусульманам России и Востока» от 3 декабря 1917 г., провозгласившее отмену всех заключенных Россией со странами Востока неравноправных договоров. Кроме того, Президиум ВЦИК 2 декабря 1918 г. принял постановление о прекращении взыскания с китайского правительства сумм контрибуции по Заключительному протоколу 1901 г. В марте 1920 г. Обращение от 3 декабря 1917 г. было доставлено в Китай и напечатано во всех влиятельных газетах. Политика равноправия, мира и дружбы, проводимая Советским правительством, а также присущие идеологии советского государства идеалы социальной справедливости нашли глубокий отклик во всех слоях китайского общества. В Китай проникало и живое слово очевидцев Октябрьской революции в России. Вскоре после революции на родину вернулись около 40 тыс. китайцев, в свое время законтрактованных Россией для строительных работ в прифронтовой полосе во время Первой мировой войны.

За первой непосредственной реакцией китайской печати на Октябрьскую революцию, сразу выявившей ее сторонников и недругов, последовали попытки разных слоев китайского общества и общественных течений перейти от констатации факта переворота в России к стремлению разобраться в характере Октябрьской революции, советской власти, партии большевиков. Ставился вопрос: должны ли китайцы следовать примеру русских или их путь неприемлем для Китая?

Сунь Ятсен и его сторонники приветствовали Октябрьскую революцию. В мае 1918 г. в беседе с японскими и индийскими журналистами в Шанхае Сунь Ятсен высказался за признание Советской России азиатскими государствами, за пропагандирование достижений Октябрьской революции. Летом 1918 г. Сунь Ятсен направил телеграмму Советскому правительству и его главе В.И.Ленину, в которой выражал восхищение самоотверженной борьбой Российской коммунистической партии большевиков и надежду на то, «что революционные партии Китая и России объединятся для совместной борьбы». По вопросу использования в Китае опыта Октябрьской революции Сунь Ятсен демонстрировал выборочный подход. Он одобрял антиимпериалистическую политику РКП(б), восхищался мужеством российских революционеров и российского народа в их борьбе с империалистической агрессией, считал необходимым изучение управленческого опыта советской власти, организации Советов, строительства Красной армии. Однако он не принимал коммунистическую идеологию, был противником вооруженной классовой борьбы.

Идеи Октября наибольшее влияние оказали на развитие коммунистического движения. Ли Дачжао, в будущем один из основателей Компартии Китая, 1 июля 1918 г. оценивал историческое значение Октябрьской революции как величайший поворот в истории. Позже Ли Дачжао написал цикл статей, посвященных разным сторонам воздействия Октябрьской революции как на международную обстановку, так и конкретно на Китай.

До Октябрьской революции в России Китай фактически не знал марксизма как самостоятельного социалистического течения. В начале XX в. в Китай проникали лишь отрывочные сведения о марксизме. Позже, в 1949 г., Мао Цзэдун писал: «Китайцы обрели марксизм благодаря русским… Орудийные залпы Октябрьской революции донесли до нас марксизм-ленинизм...»

Из революционно-демократической среды активистов «движения за новую культуру» на путь марксизма встали два профессора Пекинского университета – Ли Дачжао и Чэнь Дусю, несколько позднее – активные участники «движения 4 мая» 1919 г. и сочувствующие ему – Цюй Цюбо, Мао Цзэдун, Дэн Чжунся, Чжан Тайлэй, Чжан Готао, Ма Цзюнь, Чжоу Эньлай, Дэн Инчао, Юй Фанчжоу, Юнь Дайин, Ли Фучунь, Цай Хэсэнь, Лю Шаоци.

Особенно значительную роль в распространении идей марксизма на начальном этапе, в 1918–1919 гг., сыграл Ли Дачжао. Ему принадлежит первая попытка дать систематизированное изложение основ марксистского учения. В связи с этим примечательна его статья «Мои марксистские взгляды», опубликованная в журнале «Синь циннянь» в 1919 г. Чэнь Дусю, один из главных деятелей «движения за новую культуру», под влиянием «движения 4 мая» постепенно отказался от веры в буржуазную демократию и стал приверженцем научного социализма. В дальнейшем он пришел к убеждению о необходимости создания рабочих организаций.

На начальном этапе коммунистического движения немногочисленные сторонники марксизма видели свою главную задачу в изучении и пропаганде основ марксизма. Им пришлось пройти через этап идейно-теоретической борьбы с буржуазным реформизмом, анархизмом, гильдейским социализмом и другими немарксистскими течениями, возникшими в китайском обществе под влиянием таких идеологов, как Дж.Дьюи и Б.Рассел. Их последователями в Китае являлись Ху Ши, Лян Цичао, Чжан Дунсунь. Так, Ху Ши, видный либерал и реформист, считал марксизм учением вредным для Китая. Эта борьба проводилась в форме дискуссий по различным социально-политическим проблемам примерно со второй половины 1919 г. по начало 1921 г. и стала известна в научной литературе как «спор о социализме».

Фактически идеологическая борьба между левым и правым крылом китайской политической мысли после «движения 4 мая» являлась борьбой между сторонниками двух возможных перспектив: за социалистический или капиталистический путь развития Китая. Интеллигенция марксистского направления, принимавшая участие в этой борьбе, опираясь на опыт событий в России, призывала вести Китай по пути социализма.

Китайское христианство

В первые два десятилетия XX в. сложились благоприятные условия для развития различных христианских церквей в Китае. Деятельность иностранных христианских миссионеров не сталкивалась с серьезным противодействием китайских властей и общества. Миссионеры пропагандировали позитивную роль

христианства в модернизации Китая, что привлекало к ним многих представителей образованной элиты в республиканский период. Христианские миссионеры, главным образом представители англиканской церкви, ряда американских протестантских церквей, сосредоточились на распространении христианского вероучения, в основном через учреждение разного рода учебных и медицинских заведений. Еще в 1885 г. в Фучжоу, а затем в Северном Китае были созданы филиалы Христианской ассоциации молодых людей (YMCA – Young Men Christian Association). В 1917 г. YMCA имела в Китае 163 отделения в различных городах, насчитывавшие 28 тыс. членов только среди учащейся молодежи, а по всему Китаю их было свыше 200 тыс. человек. YMCA финансировалась различными религиозными организациями и объединениями США, вовлекая китайскую молодежь в спортивные соревнования, прослушивание лекций, распространение христианской литературы. Наряду с подготовкой миссионеров Ассоциация готовила кадры для сельского хозяйства и лесоводства.

В 1903 г. в Шанхае американскими миссионерами была создана Христианская ассоциация молодых женщин (YWCA – Young Women Christian Association), вскоре распространившая свою деятельность на ряд других городов Китая. В 1917 г. она насчитывала свыше 5 тыс. членов. В руководстве Ассоциации было 22 иностранца и 12 китайцев. Ассоциация содержала 36 штатных представителей, которые наряду с пропагандой Священного Писания и другой религиозной литературы вели занятия по общеобразовательным предметам среди китайских девочек и девушек. В 1917 г. американский Фонд Рокфеллера открыл в Пекине большую больницу, в штате которой наряду с иностранными были и китайские врачи. При больнице действовала медицинская школа, в которой обучались 650 студентов-китайцев.

В первые годы существования Китайской Республики сферу религиозной жизни затронул консервативный поворот. Во времена правления Юань Шикая конфуцианство было провозглашено государственной религией. Китайские протестанты и католики выступили против попыток установить официальный культ Конфуция, призывая уважать принцип свободы вероисповедания, провозглашенный во Временной конституции республики. Интересы китайских христиан тогда совпали с требованиями сторонников «движения за новую культуру», в 1916–1917 гг. активно осуждавших конфуцианство как преграду на пути обновления Китая. Но вскоре их пути разошлись. Светская антиконфуцианская критика была построена на идеях либерализма, рационализма и уважения к науке, борьба китайской интеллигенции против «феодальной» религии Конфуция сопровождалась призывами отказаться от всех религий, заменить их наукой или эстетическим образованием. Во второй половине 10-х годов под влиянием западного атеистического гуманизма многие образованные китайцы пришли к выводу, что источником мощи Запада стала наука, тогда как все религии препятствуют прогрессу общества. На фоне роста националистических настроений после «движения 4 мая» 1919 г. споры о религии обрели политическую окраску, в центре внимания оказалась проблема связи христианства с политическими и экономическими интересами Запада в Китае.

Весной 1922 г. левые политические силы организовали широкое антихристианское движение, направленное против западного присутствия в Китае. Поводом стали планы Всемирной федерации студентов-христиан (ВФСХ) провести 11-е заседание своего генерального комитета в Пекине в колледже Цинхуа (преобразован в университет в 1925 г.). Антихристианский союз студентов был создан в Шанхае за месяц до намеченного на начало апреля мероприятия ВФСХ. Полемические манифесты призывали молодежь воспринимать христианство и христианские церкви как враждебную силу, которая защищает негуманный капиталистический строй, основанный на эксплуатации человека человеком. Критики утверждали, что в Китае христианство играет роль авангарда западной экономической агрессии, христианские церкви пытаются обманом заставить китайцев примириться с капитализмом и превратить молодых верующих в «цепных псов капитала», поэтому если китайцы выступают против капитализма, то им нужно подняться и против христианства. Вскоре в Пекине был образован Антирелигиозный союз, который вместе с Антихристианским союзом студентов создал отделения по всей стране. Обе организации выступали с воззваниями, многие из которых были опубликованы в газетах. Организаторам антихристианского движения не удалось сорвать конференцию ВФСХ, которая состоялась 4–8 апреля 1922 г. Под лозунгом «Поднебесная – одна семья» собрались 146 представителей 32 стран и более 500 китайских участников, они обсуждали роль христианства в изменении общества, проблемы проповеди среди студентов и повышения роли молодежи в церковной жизни. В ответ после закрытия конференции ВФСХ в Пекинском университете собрался Антирелигиозный конгресс, выступивший с требованием отделить церковь от образования. Профессор университета Ли Дачжао подчеркивал, что порыву людей к прогрессу и познанию истины препятствуют все религии, но в первую очередь христианство – наиболее влиятельное в мире религиозное течение.

Антихристианское движение активизировалось вновь в 1924 г. под лозунгами борьбы против империализма, отмены неравноправных договоров, запрета на открытие иностранцами новых церквей в Китае и передачи государству контроля над церковными учебными заведениями. Поводом стал возникший в апреле 1924 г. в Гуанчжоу в миссионерской средней школе конфликт: директор-англичанин запретил учащимся создавать свое общество, те в знак протеста ушли с занятий. Учащиеся церковных школ в других городах бросали учебу, чтобы выразить несогласие с запретами на их участие в патриотических акциях молодежи или потребовать государственной регистрации учебного заведения. В мае 1924 г. в Шанхае был создан Антихристианский союз, активисты которого развернули борьбу против христианства и миссионерских учреждений под лозунгами патриотизма и распространения науки. Они подчеркивали, что под защитой неравноправных договоров с державами христианство стало политической силой, препятствующей китайской революции. Лидеры Гоминьдана и КПК (Ляо Чжункай, У Чжихуэй, Чжоу Эньлай) выступали в поддержку движения, гоминьдановская газета «Миньго жибао» публиковала еженедельный «специальный антихристианский выпуск».

Национальное антиимпериалистическое движение «30 мая 1925 г.» вызвало всплеск протестов среди учащихся миссионерских школ, они возобновились с новой силой после начала в 1926 г. Северного похода. В ходе военных действий были случаи нападения на христианские церкви и преследования миссионеров, в этот период многие иностранцы покинули центральные районы страны и перебрались в портовые города, часть уехала из Китая. Оставшиеся на время без миссионерского руководства китайские христиане учились самостоятельно управлять религиозными общинами. Антихристианское движение длилось около пяти лет, в течение всего периода подъема национально-освободительного движения в Китае, и завершилось в 1927 г. Оно стало внешним стимулом для обновления церковной жизни, создало условия для независимости китайских христиан от иностранных миссий и адаптации религиозной жизни к китайским условиям.

Другим источником перемен стали изменения взглядов самих зарубежных миссионеров. В 10-е годы в протестантских миссиях обрел влияние «социальный евангелизм», намечавший путь христианизации Китая через развитие образования и здравоохранения, распространение знаний о западной цивилизации. Отказавшись от прежней бескомпромиссной критики китайской культуры, миссионеры были готовы принять как данность прагматизм и патриотизм китайцев, демонстрируя им способность христианства служить интересам китайского общества. Миссионерские организации создавали медицинские учреждения, к 1937 г. у английских и американских церквей в Китае было около 300 своих больниц. Миссионерские учебные заведения предлагали не только элементарное и среднее образование, как это было в конце XIX в., но и высшее образование. К 20-м годам протестантские миссии создали 14 университетов, в том числе Университет Дунъу (Сучжоу, учрежден в 1901 г.), Университет Св. Иоанна (Шанхай, 1905), Цзиньлинский университет (Нанкин, 1911), Яньцзинский университет (Пекин, 1916). Эти университеты занимали заметное место в китайской системе высшего образования, собственно китайских университетов тогда было лишь восемь – три государственных (включая Пекинский университет) и пять частных.

На развитие китайского протестантизма первой четверти XX в. оказал влияние священник американской методистской церкви Джон Рали Мотт (1865–1955), в 1946 г. за работу в миссионерском и экуменическом движении он получил Нобелевскую премию мира. В 1910 г. Мотт был среди организаторов Всемирной миссионерской конференции в Эдинбурге, целью которой было создание всемирного христианского движения. Дж.Мотт уделял большое внимание Китаю. В 1913 г. по его инициативе была созвана Всекитайская протестантская конференция, китайцы составляли треть из 150 делегатов. Был создан Китайский комитет продолжения действий, который был призван проводить в жизнь решения Эдинбургской конференции, координировать деятельность протестантских церквей Китая и помочь им объединяться. Главой комитета стал китайский пастор Чэн Цзинъи (1881–1939).

Начиная с 1918 г. Китайский комитет продолжения действий осуществлял широкомасштабное изучение положения христианских церквей и миссий в стране. В опросе приняли участие около 150 миссий. Итогом работы стал увидевший свет в 1922 г. фундаментальный обобщающий отчет с китайским названием «Китай переходит к Господу». Христиане-китайцы, стремясь завоевать доверие соотечественников, намеревались повысить культурный уровень верующих, сплотить их активную часть на совместную работу для проповеди в удаленных районах. Число китайских протестантов выросло с 80 тыс. в 1900 г. до 400 тыс. в 1922 г.

В мае 1922 г. в Шанхае состоялась Всекитайская протестантская конференция, на которой было объявлено о начале движения за создание церкви «в цветах Китая». В мероприятии участвовали представители около 70 миссий, среди 1200 делегатов китайцы составляли половину. Была создана Всекитайская протестантская ассоциация, которая пришла на смену Комитету продолжения действий. На конференции присутствовал Дж.Мотт, поддержавший создание ассоциации. Конференция 1922 г. стала исторической вехой на пути к созданию собственно китайской протестантской церкви. Во главе новой ассоциации встали китайские пасторы Юй Жичжан (1882–1936) и Чэн Цзинъи. Были провозглашены принципы «трех самостоятельностей», которые во второй половине XX в. стали основополагающими для развития китайского христианства, – китайцы должны сами содержать свою церковь, сами управлять ее делами и сами распространять христианскую веру.

В 1924 г. Протестантская ассоциация призвала заняться изучением «вечных ценностей китайской культуры». Были поставлены вопросы о связи китайских представлений о семейном укладе и христианского понимания Бога как Отца, о сохранении традиций сыновней почтительности и уважения личности и прав человека. Китайские протестантские деятели искали пути соединения христианского вероучения с традиционной китайской культурой. Китайские традиции оказывали влияние на архитектуру протестантских храмов, церковные песнопения и обряды. Протестантский исследователь китайской духовности и активный сторонник движения за национальную церковь Ван Чжисинь (1881–1968), преподававший в первой половине 20-х годов китайскую философию и литературу в Цзиньлинской семинарии в Нанкине, создал в 1925 г., в период подъема революционного движения, вместе с единомышленниками Ассоциацию китайских христиан за отмену неравноправных договоров. Этот шаг встретил отклик и поддержку внутри церкви.

Движение за национальную церковь не предполагало полного разрыва связей с иностранными миссиями и отказа от получения их финансовой поддержки. Вместе с тем в первой половине 20-х годов возникли самостоятельные церкви, свободные от контроля со стороны зарубежных миссионеров. В 1920 г. таких церквей было более 80, в 1921 г. – 150, в 1922 г. – 180, в 1923 г. – 290, в 1924 г. – более 330, в разгар революционного движения 20-х годов их стало более 600. После победы национально-революционных сил над северными милитаристами

многие независимые христианские общины прекратили существование либо вернулись под опеку иностранных религиозных миссий, однако некоторые из возникших в те годы протестантских церквей существуют и поныне.

Хотя и лидеры основных течений китайского протестантизма, и основатели сект Вэй Эньбо (секта «Подлинная церковь Иисуса»), Ни Тошэн (секта «Место собрания христиан»), Цзин Дяньин (секта «Семья Иисуса») стремились к соединению христианства с китайской культурой, направления поиска были разными. Церковный истеблишмент ориентировался на ценности конфуцианства и древнекитайской философии, а пятидесятнические течения (секты) сближались с китайскими народными религиями.

Важным событием стало создание в октябре 1927 г. на конференции в Шанхае Китайской протестантской церкви. Среди 88 делегатов было 66 китайцев. Новая церковь объединила около трети китайских протестантов, в те годы она была самой крупной среди протестантских церквей Китая. Ее появление стало возможным благодаря объединению пресвитериан, конгрегационалистов и адептов Лондонского миссионерского общества. Главой Китайской протестантской церкви стал Чэн Цзинъи.

Католическая церковь в Китае адаптировалась к переменам в жизни общества медленнее, по-прежнему сохраняли силу введенные Ватиканом еще в начале XVIII в. запреты китайским католикам принимать участие в «суеверных» ритуалах почитания предков. В социально-политической сфере иностранные священники стремились сдержать распространение патриотических настроений среди китайских католиков. Число китайских католиков выросло с 700 тыс. в 1900 г. до 2,26 млн. в 1924 г., однако значительная часть верующих происходила из бедных и сельских районов, культурный уровень паствы был невысок.

Католический мыслитель и общественный деятель Ма Сянбо (1840–1939) был обеспокоен тем, что преисполненные чувством собственного превосходства иностранные миссионеры не старались понять китайскую культуру и стремились решать возникающие проблемы с опорой на поддержку правительств своих стран. В 1919 г. Ма Сянбо указывал на отсутствие связи между католической церковью и китайским обществом – иностранные миссионеры плохо знали китайский язык и были неспособны дать серьезные ответы на вопросы светской интеллигенции, не отличались высоким уровнем богословской подготовки и китайские клирики. Он отмечал, что католики заметно уступали активистам «движения 4 мая», многие из которых побывали в Европе и США, знали иностранные языки и переводили на китайский язык работы западных мыслителей и общественных деятелей, выступавших с критикой церкви.

Проблема развития католического образования в Китае не ограничивалась улучшением языковой подготовки и повышением внимания к национальной культуре в семинарских курсах. В 1912 г. Ма Сянбо и католический общественный деятель, основатель газеты «Дагун бао» Ин Ляньчжи (1867–1926) обратились к папе римскому Пию X с просьбой о содействии развитию католических высших учебных заведений. Еще в 1903 г. Ма Сянбо создал в Шанхае академию

Чжэньдань (с 1932 г. – университет). Он стремился отдавать приоритет науке и гуманитарным предметам, избегая религиозных споров, однако курировавшие это учебное заведение французские иезуиты стремились превратить его в подобие французского университета, что, по мнению Ма Сянбо, не соответствовало китайским реалиям. Попытки запретить студентам участвовать в патриотическом движении противоречили активной общественной позиции Ма Сянбо, который покинул Чжэньдань из-за конфликта с политикой иезуитов. В 1922 г. иезуиты создали в Тяньцзине католический университет Цзиньгу. Но это учебное заведение так и не стало подлинным университетом, и в 1933 г. его переименовали в Тяньцзиньский торгово-промышленный колледж. Лишь в 1925 г. благодаря усилиям Ма Сянбо и Ин Ляньчжи в Пекине был создан католический университет Фужэнь, его финансирование по распоряжению Ватикана взяли на себя американские бенедиктинцы.

В середине 20-х годов Ма Сянбо и его единомышленники начали обсуждать перспективы создания самоуправляющейся китайской католической церкви. Они добивались, чтобы делами епархий заведовали китайские, а не иностранные епископы. По их мнению, иностранные епископы и миссионеры, желавшие работать в Китае, должны порвать связи с правительствами своих стран и принять китайское гражданство до начала миссионерской деятельности. Ма Сянбо и его единомышленники выступали за расширение участия в проповеди христианства китайских священников и прихожан, требовали, чтобы все миссионеры знали китайский язык, могли вести работу среди населения на диалектах китайского языка.

В годы Первой мировой войны в Китае заметно сократилось число католических миссионеров из воюющих Франции и Бельгии; из этих стран стало поступать меньше денег. В интервале между завершением войны в 1918 г. и началом мирового экономического кризиса в 1929 г. активную роль в Китае играли католические организации из США. В изменившихся условиях Франция не могла сохранить за собой завоеванное в середине XIX в. привилегированное положение защитника католицизма в Китае. В 1916 г. в Тяньцзине произошли выступления против действий французских дипломатов, которые под предлогом защиты католического храма силой присоединили городской район Лаосикай к французской концессии. Бельгийский миссионер Фредерик-Венсан Леббе (1877–1940) со страниц созданной им в 1915 г. общественно-политической газеты «Иши бао» встал в этом споре на сторону китайцев и поддержал манифестации и забастовки протеста. Франция была вынуждена отступить. В 1922 г. Ватикан направил в Китай итальянского епископа Чельсо Константини в качестве апостолического делегата. Появление полномочного представителя папского престола означало официальное прекращение французского протектората над католической церковью в Китае.

В 1919 г. папа Бенедикт XV призвал миссионеров заняться подготовкой местных священников, которым в будущем предстояло взять в свои руки церковное руководство. В 1923 г. по инициативе Константини китайские католические

священники Одорик Чэн Хэдэ и Мельчор Сунь Дэчжэнь возглавили апостолические префектуры. Это назначение стало первым шагом Ватикана к передаче церковной власти в Китае в руки местного клира. В мае–июне 1924 г. в Шанхае состоялась первая всекитайская конференция католических епископов, среди 48 участников были два китайца – апостолические префекты Чэн Хэдэ и Сунь Дэчжэнь. Рабочим языком являлась латынь, что позволило избежать указания на преимущественное положение миссионеров какой-либо страны. Было решено создать комитет по переводу Библии, составить единый катехизис на китайском языке, учредить подчиняющийся апостолическому делегату комитет по религиозным делам, который занимался бы в том числе образовательной и издательской деятельностью, отправкой молодежи на учебу за рубеж.

В октябре 1926 г. папа Пий XI рукоположил в соборе Святого Петра в Риме шестерых китайских епископов, до этого первым и единственным епископом-китайцем был Ло Вэньцзао (1616–1691). Новые епископы возглавили апостолические префектуры и викариаты, которые были выделены в 1926 г. из викариатов, находившихся под управлением иностранных епископов-миссионеров. Несмотря на постоянный рост числа китайских католических священников, в первой половине XX в. они оставались в меньшинстве из-за более высоких темпов роста численности иностранных миссионеров. Не были исключением и 1919–1920 гг., когда в Китае было 1417 иностранных католических священников и 863 китайских.

Деятельность Русской православной духовной миссии в начале XX в. была на подъеме. Начальнику 18-й миссии епископу Иннокентию (Фигуровскому) удалось быстро восстановить разрушенное в 1900 г. во время восстания ихэтуаней пекинское Северное подворье миссии и расширить масштабы церковно-проповеднической работы. Если прежде деятельность миссии была сосредоточена на духовном окормлении албазинцев (потомков русских казаков, поселенных в Пекине в конце XVII в.), то в начале XX в. она поставила своей целью распространение православной веры в Китае. Для проповеди среди простого народа была развернута работа по созданию миссионерских станов, в православных школах которых к 1915 г. обучались 423 ученика. Накануне Первой мировой войны миссия ставила задачу увеличения числа православных храмов в Китае, способных привлечь к вере «любопытствующих язычников» не только красотой службы, но и проповедью на китайском языке. По данным миссии, в 1916 г. приняли крещение 706 человек, а общее число православных в Китае составляло 6255 человек.

Революция 1917 г. в России помешала миссии реализовать планы развития проповеди среди китайцев, поскольку ей пришлось сосредоточить ресурсы на духовных нуждах прибывших из России нескольких сотен тысяч беженцев. Все православные миссионерские станы были закрыты в 1919 г. После революции не были налажены связи миссии с Московской патриархией, в ноябре 1920 г. миссия перешла в подчинение Зарубежному архиерейскому синоду, определением которого в 1922 г. была образована новая епархия – Китайская и Пекинская во

главе с епископом Иннокентием (Фигуровским). Сохранив старое название, Российская духовная миссия стала первой православной епархией на территории Китая и ее административным центром. В 1924 г. советские власти пытались предъявить претензии на имущество Российской духовной миссии, однако епископу Иннокентию удалось доказать китайским властям, что законным владельцем является Церковь в лице миссии.

Глава 5
Китай в системе международных отношений

Китай и Первая мировая война. Парижская и Вашингтонская конференции

Война в Европе связала руки европейским великим державам, вследствие чего Япония получила свободу действий на Дальнем Востоке. Географическая близость к Китаю и наличие крупных стратегических плацдармов (Южная Маньчжурия и Тайвань) ставили Японию в более выгодное положение по сравнению с ее реальным соперником – США. Китай, оказавшись один на один с Японией, был лишен возможности активно использовать межимпериалистические противоречия (в русле традиционной дипломатии) для сдерживания своего агрессивного дальневосточного соседа.

Правительство Юань Шикая стремилось предотвратить распространение мирового конфликта на территорию Китая. В августе 1914 г. оно объявило о нейтралитете. Подход Юань Шикая к Японии характеризовался недоверием, что проявилось еще во время китайско-японского конфликта 1884 г. в Корее, и страхом перед возросшей силой Японии. Ощущая реальную угрозу со стороны Японии, правительство Юань Шикая пыталось сдержать ее набором дипломатических приемов и одновременно договориться с ней ценой некоторых уступок. В начале августа 1914 г. заместитель министра иностранных дел Китая Цао Жулинь посетил японского поверенного в делах в Пекине и обратился от имени китайского правительства к правительству Японии с просьбой совместно с Китаем призвать воюющие западные державы исключить Дальний Восток из сферы военных действий. Японское правительство не поддержало просьбу Китая. 8 августа 1914 г. японский премьер-министр Окума Сигэнобу информировал китайского представителя в Токио Лу Цзунъюя о том, что Япония не останется нейтральной в случае распространения военных действий на Дальний Восток. При этом японская сторона обосновала свою позицию приверженностью союзническим отношениям с Англией.

Подписание «21 требования»

Сознавая, что вступление в войну на стороне Антанты сулит ей гораздо больше выгоды, Япония решила воспользоваться благоприятным моментом для захвата германских концессионных владений в Шаньдуне и последующего давления на Китай. 28 августа Япония высадила 30-тысячную армию в районе Циндао; уже к концу 1914 г. японцы захватили большую часть пров. Шаньдун, установив в ряде мест свою администрацию. 18 января 1915 г. Япония предъявила Китаю «21 требование».

Китайский посланник в США Гу Вэйцзюнь внимательно следил за развитием международных событий. Получив образование в Америке, он относился к этой стране с большой симпатией и рассчитывал на ее помощь. После вступления США в мировую войну в апреле 1917 г. Гу Вэйцзюнь стал настаивать на участии КР в войне, надеясь, что с помощью США Китай сможет добиться улучшения своего международного положения и восстановления попранных иностранными государствами суверенных прав.

Правительству КР не сразу удалось провести через парламент закон об объявлении Китаем войны Германии. Однако, после того как Дуань Цижуй с помощью бэйянских милитаристов вернулся на свой пост премьер-министра, 14 августа 1917 г. его правительство все же объявило Германии войну. Китай аннулировал права экстерриториальности Германии и Австро-Венгрии и прекратил выплачивать им их долю ихэтуаньской контрибуции, а также добился приостановки выплаты этой контрибуции союзникам. Хотя вступление Китая в войну было чисто номинальным, оно дало ему возможность участвовать в Парижской мирной конференции в качестве одного из государств-победителей.

С этой конференцией в Китае связывалась надежда на открытие чуть ли не «новой эры» в истории отношений Китая с великими державами. Обстановка в стране накануне открытия Парижской конференции была чрезвычайно тре-

вожной. «21 требование» Японии Китаю обнажило масштабы нависшей над Китаем японской угрозы. Страна была охвачена антияпонскими выступлениями. Сильное влияние Японии на правящие круги в Пекине, существование в стране фактических двух правительств (северного и южного), осложнившее выступление Китая на международной арене в качестве единого национального организма, – все это порождало в кругах китайских националистов глубокое беспокойство относительно благополучного для Китая решения шаньдунского вопроса на мирной конференции.

В состав китайской делегации на конференции в Париже вошли китайский посланник в Вашингтоне Гу Вэйцзюнь, посланники в Лондоне и Брюсселе Ши Чжаоцзи, Вэй Чжэньцзу, а также уполномоченный представитель Кантонского правительства Ван Чжэнтин. Возглавил китайскую делегацию министр иностранных дел Пекинского правительства Лу Чжэнсян, однако в Версале его роль была сведена к минимуму. Ведущими фигурами в делегации были Гу Вэйцзюнь и Ван Чжэнтин (присоединился к делегации несколько позже, так как находился в Вашингтоне, пытаясь склонить США к признанию правительства Сунь Ятсена). По прибытии в Париж китайская делегация действовала относительно независимо от властей Пекина и проводила курс, который представлялся ей наиболее соответствующим реальной ситуации.

Подготовка программы действий Китая на конференции еще с осени 1918 г. была возложена на Гу Вэйцзюня, выражавшего взгляды тех кругов китайских националистов, которые единственным противовесом японской угрозе Китаю считали США. Гу Вэйцзюнь, не дожидаясь указаний от Пекинского правительства, активно готовился к мирной конференции. Во второй половине 1917 г. он организовал небольшую группу сотрудников, которая собирала опубликованные в Америке, Англии и других государствах документы, содержавшие сведения по интересующим его проблемам. На основании исследования этих материалов он предложил составить памятную записку и направить ее в Пекин. В то же время Гу Вэйцзюнь поручил аргументированно сформулировать вопрос об особых интересах Китая, чтобы поставить его на мирной конференции. Гу Вэйцзюнь пришел к выводу, что среди империалистических держав, которые нанесли ущерб суверенным правам Китая в конце XIX – начале XX в., на первом месте стоит Япония, навязавшая Пекину «21 требование». По мнению Гу Вэйцзюня, наступил подходящий момент, когда Китай обязан вступить в борьбу с государствами, имеющими сферы влияния в КР, за возвращение некоторых своих утраченных суверенных прав. Гу Вэйцзюнь считал, что поскольку Китай участвовал в войне и оказался в числе держав-победительниц, то он, безусловно, должен иметь право не только принять участие в обсуждении послевоенных мировых проблем, но и потребовать от Японии вернуть захваченные ею ранее арендованные Германией китайские территории. Китайские дипломаты намеревались выступить на конференции с широкой программой восстановления суверенитета страны. Наряду с требованием о возвращении Шаньдуна они готовились добиваться согласия держав, навязавших в свое время Китаю неравноправные дого-

воры, на восстановление Китаем тарифной автономии и отмену экстерриториальности.

Однако с первых своих шагов на конференции китайские дипломаты столкнулись с откровенным нежеланием государств-участниц Парижской мирной конференции признать Китай равноправным партнером. Тем самым возможность серьезного рассмотрения на конференции намеченной Китаем программы фактически исключалась. Делегация находилась в полном неведении относительно того, когда и в какой форме на конференции состоится обсуждение вопроса о Шаньдуне. О приглашении на заседание «Совета десяти» (в его состав входили главы правительств и министры иностранных дел пяти великих держав – Франции, Англии, США, Италии и Японии) делегация Китая была предупреждена лишь за два часа до его начала. А за два дня до этого ей стало известно о существовании секретного соглашения (от 24 сентября 1918 г.) между Японией и правительством Дуань Цижуя о Шаньдуне. И буквально перед тем, как Гу Вэйцзюню предстояло изложить китайскую позицию по этому вопросу на заседании «Совета десяти», делегация узнала о секретных договорах о Шаньдуне, заключенных Японией со странами Антанты.

Выступление Гу Вэйцзюня на «Совете десяти» содержало четкие требования о возвращении Китаю суверенных прав, которых он лишился по неравноправным договорам с Германией и Австро-Венгрией, о прямой передаче Китаю бывших германских владений на его территории, прежде всего в Шаньдуне, о ликвидации экстерриториальности и других вырванных у Китая привилегий. Выступлением в «Совете десяти» участие китайской делегации в обсуждении судьбы Шаньдуна, по существу, и закончилось. Вопрос о Шаньдуне на конференции открыто больше не поднимался.

Отстраненная от участия в решении судьбы Шаньдуна китайская делегация распространила на конференции заявление, озаглавленное «Расторжение мирной конференцией договоров и нот, которые были заключены между Китаем и Японией и которыми стороны обменялись 25 мая 1915 г., как действий, возникших из войны и связанных с нею». В заявлении говорилось о незаконности соглашений, навязанных Китаю Японией на основе «21 требования», относящихся не только к Шаньдуну, но и к Маньчжурии. Это был бескомпромиссный документ, направленный против экспансионистской политики Японии в Китае. Активность китайской делегации, проявленная ею твердость в защите попранных интересов в огромной степени стимулировались общенациональным подъемом в стране. В этих условиях китайская делегация предприняла попытку поднять вопрос о ликвидации всей системы неравноправных договоров. Она обратилась к конференции с меморандумом, известным под названием «Вопросы для пересмотра», в котором фактически выдвигалось требование о ликвидации полуколониального статуса Китая. Одновременно Гу Вэйцзюнь обратился непосредственно к президенту США В.Вильсону, призывая его оказать влияние на остальные великие державы и помочь Китаю обрести подлинную независимость.

Однако державы-победительницы отказались принять к рассмотрению меморандум китайской делегации, охарактеризовав содержавшиеся в нем требования как выходящие за рамки компетенции мирной конференции. 22 апреля 1919 г. «Совет четырех» (Великобритания, Франция, США, Италия) фактически в ультимативной форме предложил китайской делегации выбрать один из двух «вариантов» отчуждения от КР Шаньдуна – путем прямой передачи Японии бывших германских арендованных территорий и прав в провинции или в соответствии с японо-китайскими соглашениями 1915–1918 гг., на основе «21 требования», что давало Японии еще бóльшие преимущества. Делегация Китая отклонила предложенную альтернативу.

В представленном на заседании 6 мая 1919 г. тексте мирного договора решения о Шаньдуне были составлены таким образом, словно они вообще не касались Китая. Все усилия китайской делегации внести поправки в текст договора окончились безрезультатно. Китай отказался подписать Версальский договор, китайская делегация была единственной, которая не присутствовала на церемонии его подписания 28 июня 1919 г.

Несмотря на свой отказ подписать Версальский мирный договор, китайские делегаты продолжали участвовать в работе конференции и добились некоторых успехов. Были подписаны договоры с Австрией, Болгарией и Венгрией. Австрия выразила желание получать и дальше свою долю боксерской (ихэтуаньской) контрибуции, сохранить для австрийских граждан принцип наибольшего благоприятствования и оставить в силе старые китайско-австрийские договоры. Гу Вэйцзюнь выступил против всех этих требований, которые при поддержке со стороны государств-участниц конференции были отвергнуты.

Единственное, чего добился Китай на этой конференции, – это ликвидации особых прав и привилегий Германии и Австро-Венгрии в Китае. Однако надежды Гу Вйэцзюня получить на конференции поддержку США в решении вопросов о ликвидации системы неравноправных договоров и о признании Китая равноправным суверенным государством оказались тщетными. С первых шагов на конференции Гу столкнулся с откровенным нежеланием держав признать Китай равноправным партнером.

Парижская мирная конференция внесла большие изменения во внешнюю политику Пекинского правительства, прояпонский курс был сменен на политику, благоприятствующую США и Англии. Новый курс сформулировали китайские дипломаты, получившие образование в США и Англии, – Гу Вэйцзюнь, Ши Чжаоцзи и Ван Чжэнтин.

После Парижской мирной конференции Китай оказался в центре острого американо-японского соперничества. Япония стремилась удержать и приумножить захваченное ею в Китае; США намеревались воспрепятствовать этому. Созванная по инициативе США Вашингтонская конференция девяти держав (12 ноября 1921 г. – 6 февраля 1922 г.; участвовали США, Великобритания, Франция, Япония, Италия, Бельгия, Голландия, Португалия и Китай) свидетельствовала о недовольстве Вашингтона в связи с санкционированным в Париже

соотношением сфер влияния империалистических держав в Китае. США стремились привести его в соответствие со своей возросшей экономической мощью и гегемонистскими устремлениями.

В отличие от Парижской конференции, на Вашингтонской конференции Китай представляло только одно Пекинское правительство, в адрес которого США направили официальное приглашение. Китайской делегации пришлось выехать в Вашингтон без официального главы – министра иностранных дел Янь Хуэйцина, без твердой программы действий, без достаточных средств. В состав делегации вошли Ши Чжаоцзи, Гу Вэйцзюнь, министр юстиции Ван Чунхуэй. К моменту созыва Вашингтонской конференции китайская дипломатия четко определила отношение к важнейшим международным соглашениям держав по Китаю, на которые, в частности, опиралась Япония в Париже, обосновывая свои права на Шаньдун. Китай в первую очередь обратил внимание на англо-японский союзный договор 1903 г. и японо-американское соглашение Лансинг–Исии, признававшее «особые интересы» Японии в Китае и заключенное в 1917 г. без ведома Китая.

Позиция Китая на конференции в Вашингтоне излагалась в документе под заглавием «Десять пунктов», который представлял собой несколько расширенный вариант «Вопросов для пересмотра», не принятый к рассмотрению на конференции в Париже. Китай предпринял новую попытку добиться отмены системы неравноправных договоров со всеми договорными державами одновременно. Предваряя свое изложение на Вашингтонской конференции «Десяти пунктов», Ши Чжаоцзи подчеркнул сложность внутриполитических проблем Китая и возможность их разрешения только при условии, что Китаю не будет угрожать иностранная агрессия и будут сняты ограничения, лишившие его самостоятельного административного управления. «Десять пунктов» включали основные принципы, на которых должны были, по мнению Китая, строиться отношения держав с Китаем: гарантии уважения территориальной целостности Китая, политической и административной независимости; отказ от тайной дипломатии в отношении Китая, от прав экстерриториальности; снятие ограничений с юридической, политической, экономической и административной жизни Китая; установление четких сроков в отношении существующих обязательств Китая; необходимость согласия Китая в отношении мер, гарантирующих права и привилегии держав; уважение нейтралитета Китая в будущих войнах в случае его неучастия в них. Китай, со своей стороны, давал обязательство не отчуждать и не сдавать в аренду какую-либо часть своей территории или побережья; выражал готовность принять принцип «открытых дверей» в торговле и промышленности как основополагающий во взаимоотношениях со всеми державами, заявлял о своей заинтересованности в мирном решении международных конфликтов на Тихом океане и Дальнем Востоке на основе периодического созыва конференций для определения согласованной политики.

В заключение выступления Ши Чжаоцзи подчеркнул, что Китай сам способен решить свои внутренние проблемы, если все особые права и привилегии

любой из держав в Китае будут аннулированы. Обмен мнениями по «Десяти пунктам» на конференции был коротким, формальным и закончился для Китая безрезультатно. После того как попытка добиться ликвидации системы неравноправных договоров в целом оказалась столь же безуспешной, как и в Париже, китайская делегация вынесла на рассмотрение конференции основные положения неравноправных договоров в виде «специальных вопросов». Участникам Вашингтонской конференции пришлось согласиться повторно выслушать китайских представителей. «Движение 4 мая» 1919 г. и усиливающаяся антиимпериалистическая борьба в самом Китае заставили империалистические державы внешне изменить свой традиционный подход к Китаю.

24 ноября 1921 г. китайская делегация внесла на рассмотрение конференции в Вашингтоне вопрос о восстановлении таможенной автономии Китая. В докладе Гу Вэйцзюня приводилась широкая аргументация в защиту законных прав Китая в этой сфере. Сложившаяся обстановка в таможенной системе страны характеризовалась как нарушение суверенитета Китая, игнорирование державами его экономических и финансовых интересов. С учетом безрезультатности обсуждения «Десяти пунктов» в докладе предусматривался и компромиссный вариант – установление 10-летнего срока для восстановления таможенной автономии Китая. Одновременно, ссылаясь на то, что окончательное решение вопроса потребует много времени, Гу Вэйцзюнь внес предложение о немедленном повышении тарифных ставок до 12,5%. Дискуссия по тарифному вопросу была длительной и характеризовалась упорными усилиями китайской дипломатии добиться положительного для себя решения. Тем не менее в итоговой резолюции вопрос о восстановлении тарифной автономии Китая в целом был опущен. Неудачно для Китая завершилось и обсуждение вопроса об отмене экстерриториальности. В принятой Вашингтонской конференцией резолюции предусматривалось создание комиссии из представителей держав, в задачу которой входило изучение системы экстерриториальности в Китае, ее правовой и судебной составляющих.

Безрезультатно закончились для Китая его попытки восстановить свои суверенные права и в ходе обсуждения других вопросов. Великие державы согласились ликвидировать свои почтовые и телеграфные агентства в Китае, но при этом поддержали поправку Японии об их сохранении на арендованных территориях. Наряду с другими оговорками и условиями эта поправка в значительной мере свела на нет значимость принятой по данному вопросу резолюции. Рассмотрение и реализация требования о выводе с территории Китая иностранных войск и полиции были переданы на изучение послам держав в Пекине (совместно с китайскими властями). Державы не пошли на то, чтобы возвратить Китаю арендованные территории, которые фактически находились на положении колониальных анклавов, где Китай даже формально не пользовался суверенными правами. К принятию пустых резолюций было сведено и требование китайской делегации об отмене тайной дипломатии держав, об унификации железных дорог в Китае.

Китай не добился на Вашингтонской конференции аннулирования «21 требования» и заключенных на их основе кабальных соглашений. Переговоры с Японией о Шаньдуне начались 1 декабря 1921 г. и продолжались два месяца. Представитель Японии – посол в США Сидэхара Кидзюро предложил сделать железные дороги Шаньдуна совместным японо-китайским предприятием. Это предложение натолкнулось на резкое возражение Гу Вэйцзюня, который не исключил возможности выкупа Китаем железных дорог или возмещения половины общей суммы их стоимости и принадлежавшего им имущества. Гу Вэйцзюнь утверждал, что если рассматривать железные дороги как плату за участие Китая в войне, то их следует передать Китаю. Переговоры были сложными и в основу соглашения был положен внешне компромиссный план представителя Англии лорда А.Бальфура (предусматривал возвращение Китаю арендованной территории Цзяочжоу и ликвидацию японского контроля над железными дорогами Шаньдуна, одновременно – выплату Китаем огромной компенсации), составленный с помощью американских и английских посредников.

Основным документом конференции был Договор девяти держав о принципах и политике в отношении Китая (подписан 6 февраля 1922 г.). Однако участие Китая в принятии решений носило скорее формальный характер. Это была, по существу, договоренность держав о совместной эксплуатации Китая на основе «принципа открытых дверей». Вашингтонская конференция отразила, таким образом, победу США на этой стадии послевоенного передела мира на Дальнем Востоке. Для Китая ее итоги были разочаровывающими. Восстановление прав Китая на Шаньдун носило ограниченный характер. Кроме некоторых уступок и расплывчатых обещаний, за исключением отмены англо-японского договора 1902 г., оформившего военно-политический союз между Англией и Японией, Китай ничего не получил и по-прежнему оставался неравноправной стороной международных отношений.

Проблема неравноправных договоров и китайско-советские отношения

В послесиньхайский период дипломатические и консульские службы западных держав продолжали свою деятельность в Китае. Дипломатический корпус в Пекине играл весьма заметную роль в политической жизни страны. Как и в досиньхайское время, дипломаты иностранных государств в КР пользовались всеми правами и привилегиями, зафиксированными в неравноправных договорах.

Первая мировая война и ее последствия для Китая создали новую расстановку сил в системе международных отношений на Дальнем Востоке, вовлекли в свою орбиту Россию/СССР, дальневосточные территории которой подверглись в 1918–1922 гг. иностранной, прежде всего японской, интервенции.

С марта 1916 г. российским посланником в Китае был князь Н.А.Кудашев. Верительные грамоты Кудашев вручил президенту КР Юань Шикаю 4 июня 1916 г. Пришедшее к власти в результате Февральской революции 1917 г. в России Временное правительство соблюдало прежние договоры и соглашения с Китаем, центральный аппарат МИД и его заграничные учреждения практически не претерпели изменений. В марте 1917 г. российское правительство подтвердило полномочия Кудашева новыми верительными грамотами, которые посланник представил президенту Китая.

После победы Октябрьской революции первый нарком по иностранным делам Советской России Л.Д.Троцкий (8 ноября 1917 г. – 23 февраля 1918 г.) предложил всем сотрудникам МИД служить новому правительству так же, как они служили ранее царскому и Временному правительствам. Чиновники МИДа единодушно ответили отказом на это предложение новой власти. Аналогичной была реакция подавляющего большинства российских дипломатических сотрудников, работавших за рубежом.

Советское правительство предложило Н.А.Кудашеву от имени наркома по иностранным делам Л.Д.Троцкого в случае его несогласия с политикой советского правительства сдать миссию в Пекине другому лицу. На это предложение, полученное в Пекине 1 декабря 1917 г., Кудашев не ответил. 5 декабря 1917 г. последовал новый запрос из России, и на него ответ получен не был. Не дали согласия сотрудничать с советской властью также многие другие российские дипломатические сотрудники. Поэтому 9 декабря 1917 г. все они были уволены со своих постов без права на пенсию и поступление на какие-либо государственные должности. Полномочным представителем Советской России в Китае был назначен А.Н.Вознесенский. Пекинское правительство тем не менее не лишало Н.А.Кудашева и российских консулов в Китае прежних прав и привилегий.

Советское правительство в июле 1918 г. в лице нового наркома по иностранным делам Г.В. Чичерина изложило позицию Советской России по отношению к Китаю, основанную на принципах равенства и добрососедства. 25 июля 1919 г. оно выступило с «Обращением к китайскому народу и правительствам Южного и Северного Китая». В Обращении говорилось, что Советское правительство еще в 1917 г. объявило об аннулировании всех тайных договоров, заключенных царским и Временным правительствами с Китаем, и предлагало установить отношения между странами на упомянутых принципах советской внешней политики. Советская программа развития отношений с КР стала известна в Китае в апреле–мае 1920 г., в основном из советских документов, опубликованных в китайских средствах массовой информации.

23 сентября 1920 г. был опубликован декрет президента КР, в котором говорилось о прекращении признания российского посланника и консулов досоветской России в качестве официальных представителей России в Китае. Старая российская дипломатическая и консульская служба в Китае официально была закрыта 1 января 1921 г.

В 1921–1923 гг. Советское правительство предпринимало неоднократные попытки начать переговорный процесс с Китаем с целью возобновления дипломатических и торговых отношений между обеими странами. Но только после того, как были нормализованы отношения между Советским государством и рядом стран Европы, после направления в Китай из России для переговоров дипломата в ранге заместителя наркома по иностранным делам – Л.М.Карахана в Китае начались завершившиеся успехом переговоры об установлении дипломатических отношений между странами. Первый советско-китайский договор (Соглашение об общих принципах для урегулирования вопросов между Союзом ССР и Китайской Республикой) был подписан в Пекине 31 мая 1924 г.

Гражданская война и иностранная интервенция на территории России привели к резкому ослаблению международных позиций России на Дальнем Востоке. В конце 1917 г. китайские войска взяли под свой контроль Китайско-Восточную железную дорогу (КВЖД). В Северную Маньчжурию, которая согласно Портсмутскому договору 1905 г. являлась российской сферой влияния, была введена японская армия. В апреле 1918 г. японские интервенты высадились во Владивостоке, а в августе 1918 г. японская армия оккупировала Приамурье, Приморье, Забайкальский край. Действия Японии были поддержаны США, Великобританией, Францией, однако военные силы указанных государств были несоизмеримы с японскими.

Поводом для международной интервенции иностранных держав в России послужил мятеж чехословацкого корпуса. В мае 1918 г. он сверг советскую власть в городах на всем протяжении Транссибирской железной дороги. Летом и осенью 1918 г. к востоку от Урала было создано около 20 областных антибольшевистских правительств, в июле–сентябре 1918 г. они были объединены под властью Временного сибирского правительства, а затем Уфимской директории. В результате военного переворота 18 ноября 1918 г. к власти в Сибири пришел бывший командующий Черноморским флотом адмирал А.В.Колчак, принявший позднее титул Верховного правителя России. В 1919 г. страны Антанты создали Межсоюзнический комитет во главе с представителем США для управления российскими железными дорогами – Транссибирской и КВЖД. Комитет должен был обеспечить завершение эвакуации чехословацкого корпуса из России, а также оказывать поддержку белому движению в стране. На Парижской мирной конференции страны Антанты рассматривали вопрос об официальном признании правительства Колчака. Признание же Советской России де-юре державами Антанты зависело от положения на фронтах Гражданской войны. К апрелю 1920 г. США, Великобритания и Франция вывели свои армии с территории российского Дальнего Востока. К этому времени Красная армия освободила всю Западную Сибирь до Байкала. В Иркутске А.В.Колчак был выдан чехами советским властям и вскоре расстрелян.

Разгром белого движения в Сибири стал началом перелома в Гражданской войне в пользу РСФСР. Для США и их союзников интервенция потеряла смысл. Япония же не только не последовала примеру своих союзников, но, наоборот,

усилила свое военное присутствие на Дальнем Востоке. Весной 1920 г. части Красной армии в Забайкалье вступили в соприкосновение с японскими войсками. В Москве не хотели войны с Японией, поскольку в то время на западе назревала война с Польшей, а из Крыма развернул наступление генерал барон П.Н.Врангель. Ввиду этого было принято решение продолжить борьбу с Японией исключительно политико-дипломатическими методами и с этой целью на время создать на Дальнем Востоке буферное буржуазно-демократическое государство. 6 апреля 1920 г. такое государство – Дальневосточная республика (ДВР) со столицей в Чите было создано, в его состав вошли Забайкалье, а также, во многом формально, Приамурье и Приморье. В 1921 г. в Чите открылись заседания многопартийного Учредительного собрания, принявшего конституцию ДВР. Республика не была советизирована, сохранились частная собственность, частная торговля, в качестве валюты использовался царский золотой рубль.

После создания ДВР США, Япония, а также КР установили с новой республикой отношения де-факто. Власти ДВР направили в КР дипломатическую миссию, возглавлявшуюся А.Ф.Агаревым, затем – И.Л.Юриным. Однако власти КР ограничились лишь чисто протокольными контактами с ней. Китай занял выжидательную позицию, наблюдая за развитием отношений ДВР с США и Японией. Оба эти государства установили с ДВР неофициальные контакты, открыли в Чите свои консульства. В 1920 г. власти ДВР и представители японского командования подписали соглашение о перемирии. В Токио надеялись со временем поставить ДВР под свой контроль. Однако японские военные довольно быстро убедились, что ДВР не является суверенным государством и фактически управляется из Москвы. Весной 1921 г. японцы свергли власть ДВР в Приморье, передав ее крупному предпринимателю С.Д.Меркулову.

Создание ДВР позволило Советской России использовать в своих интересах противоречия между Японией и США. Вашингтон выступал против присутствия японских войск на российской территории. Одновременно США продолжали политику непризнания большевистского режима. В лице ДВР они нашли удобного партнера, с которым можно было взаимодействовать против японцев, не поступаясь принципом непризнания Советской России. На Вашингтонской конференции 1922 г. заметное место заняло обсуждение положения в России. США, заинтересованные в том, чтобы сохранить российское присутствие на Дальнем Востоке как противовес Японии, заявили, что конференция должна защитить российские интересы и добиться вывода с территории России японских войск. В Вашингтон была приглашена делегация ДВР, которой оказали дружественный прием, делегацию принял госсекретарь США Р.Лансинг. Дискуссии на конференции показали, что ни одна из держав не поддерживала японское присутствие на Дальнем Востоке России, и Япония вынуждена была заявить, что выведет войска из Приморья. Конференция приняла резолюцию по КВЖД, подтвердила полномочия Межсоюзнического комитета по управлению дорогой. Техническая подкомиссия Вашингтонской конференции признала, что КВЖД является собственностью российского правительства и что недопустима передача прав на железную дорогу другим государствам (т.е. Японии и Китаю).

В соответствии с решениями Вашингтонской конференции Япония начала подготовку к выводу своих войск с территории российского Дальнего Востока, однако рассчитывала в ответ добиться от ДВР политических и экономических уступок. На Дайренской (Дальний/Далянь) конференции (август 1921 г. – апрель 1922 г.) японская сторона потребовала от ДВР предоставить ей льготные условия на получение концессии по разработке полезных ископаемых, право свободного судоходства по Амуру. Делегация ДВР поначалу затягивала переговоры, а затем отказалась от ряда требований, предъявленных Японией. Конференция была прервана. 25 октября 1922 г. завершился вывод японских войск из Владивостока. ДВР, таким образом, исчерпала свою миссию, вооруженный конфликт между Японией и Советской Россией был предотвращен. 13 ноября 1922 г. Народное собрание ДВР проголосовало за упразднение ДВР и ее воссоединение с РСФСР, территориальная целостность российского государства на Дальнем Востоке была восстановлена.

Руководители Советского государства придавали большое значение развитию советско-китайских отношений. В двух советских декларациях и заявлениях (1919 и 1920 г.), подписанных Л.М.Караханом, Советское государство объявило о своем отказе от прав и привилегий царской России и Временного правительства в Китае, таких как концессии, консульская юрисдикция, экстерриториальность граждан, доля в ихэтуаньской контрибуции. По указанным в советских декларациях вопросам, а также по вопросу КВЖД, которая являлась собственностью России, необходимо было провести советско-китайские переговоры и юридически закрепить в двустороннем договоре новые основы взаимоотношений двух стран.

Учитывая особенности внутриполитической ситуации в КР, советские обращения к Китаю 1918–1919 гг. фактически адресовались китайскому народу, а также правительствам Южного и Северного Китая. К осени 1922 г. сложились благоприятные условия для дальнейшего развития отношений между РСФСР и КР. Это было связано с окончанием войны на Дальнем Востоке и укреплением международного престижа России. Были заключены торговые договоры и соглашения новой России с Англией, Италией, Германией, Австрией, Швецией и др., складывались равноправные дружественные отношения Советской России со странами Востока – Ираном, Афганистаном, Турцией. Советский Союз считал необходимым установить дипломатические отношения с центральным правительством Китая – Пекинским правительством. Одновременно СССР взял курс на тесное сотрудничество с партией Сунь Ятсена.

Советский дипломат А.А.Иоффе стал первым дипломатическим представителем СССР в Китае. Ведя дипломатическую деятельность, он также активно взаимодействовал с представителями китайской общественности, установил прямые контакты с Сунь Ятсеном и Гоминьданом. По итогам контактов с Сунь Ятсеном 26 января 1923 г. было подписано совместное коммюнике о принципах взаимоотношений. Этот документ констатировал, что все заключенные до революции двусторонние договоры потеряли свою силу, признавал Внешнюю

Монголию частью Китая, содержал тезис о том, что в Китае не могут быть введены коммунистический строй и советская система. Сунь Ятсен обратился к советской стороне с просьбой о финансовой помощи для закупки оружия, необходимого для создававшейся армии, присылке советников и иных видах содействия в организации Северного похода. В конце 1923 г. в Кантон стали прибывать советские советники, которые сыграли важную роль в реорганизации Гоминьдана, превращении его в массовую политическую партию, создании «партийной» армии, а также единого фронта Гоминьдана и компартии для решения стоявших перед страной неотложных задач.

А.А.Иоффе. В 1922–1923 гг. – полпред СССР в Китае

В 1923 г. в Пекин приехал новый советский полпред Л.М.Карахан. Советская сторона подтвердила денонсацию договоров о разделе сфер влияния в Китае, заключенных в прошлом Россией с другими великими державами. 31 мая 1924 г. в Пекине было подписано советско-китайское соглашение об установлении официальных дипломатических отношений. Советский Союз отказался от концессий, принадлежавших старой России, от консульской юрисдикции и прав экстерриториальности для своих граждан. Стороны обязались не вмешиваться во внутренние дела друг друга и не вести враждебной пропаганды. Китайское правительство согласилось уволить из армии и полиции представителей российского белого движения; СССР отказался от русской части «боксерской» контрибуции, при условии, что она образует Фонд улучшения просвещения китайского народа, управляемый двумя странами. Правительства двух стран заявили, что все договоры, соглашения и акты, заключенные российским правительством с третьими странами и затрагивающие суверенные права и интересы Китая, объявляются недействительными и утратившими силу. Эти положения предполагалось подтвердить на специальной советско-китайской конференции, которую намечалось провести через месяц после подписания советско-китайского соглашения, однако эта конференция не состоялась.

КВЖД была признана совместной собственностью двух стран и чисто коммерческим предприятием. Ликвидировались все политические функции администрации КВЖД, распускались так называемые железнодорожные войска. Восстанавливался суверенитет Китая над полосой отчуждения КВЖД. Согласно договоренности, СССР готов был продать КВЖД Китаю, при условии, что этот вопрос будет решен без вмешательства третьих стран.

В силу своеобразия политического положения в Китае (фактическая раздробленность страны) СССР вынужден был подписать в сентябре 1924 г. соглашение по КВЖД и с правительством Трех Северо-Восточных провинций. Пекинское правительство протестовало против подписания соглашения СССР с маньчжурскими властями, но в начале 1925 г., после очередной смены власти в Пекине, соглашение от 20 сентября 1924 г. Пекинским правительством было утверждено.

Советско-китайские соглашения 1924 г. в целом учитывали интересы обоих государств. Советский Союз восстанавливал свои имущественные права на КВЖД и политическое влияние в Северной Маньчжурии, а Китай впервые добился от одной из великих держав добровольного отказа от прав и привилегий, нарушавших его суверенитет. В октябре 1926 г. Л.М.Карахан был отозван в Москву. К этому времени в результате очередной милитаристской войны Пекинское правительство возглавил Чжан Цзолинь (лето 1926 г.).

Политические процессы, происходившие в Китае в 1926–1927 гг., непосредственным образом влияли на развитие китайско-советских межгосударственных отношений. В обстановке антисоветской истерии, подогревавшейся империалистическими державами, в 1927 г. начались провокации против советских загранучреждений. Кульминацией враждебных действий китайских властей в отношении СССР стал налет на советское консульство в Кантоне (Гуанчжоу) в декабре 1927 г. (арест советских консульских сотрудников, захват территории консульства). Практически одновременно был совершен налет китайской полиции на консульство СССР в Ханькоу.

После победы в 1928 г. Народно-революционной армии (НРА) над бэйянскими милитаристами и завершения Северного похода начался новый этап политической истории КР и новый этап развития китайско-советских отношений.

Глава 6
Гоминьдан и национальная революция. От Кантонского правительства Сунь Ятсена до установления власти Гоминьдана в Нанкине (1923—1928)

Сунь Ятсен и реорганизация Гоминьдана в «партию действия». Формирование «гоминьдановской модели» революции

В атмосфере общественного подъема конца 10-х – начала 20-х годов XX в. в новых условиях внутреннего и внешнеполитического развития Китая на передние рубежи выдвинулась партия сторонников Сунь Ятсена. Решение Сунь Ятсена о преобразовании Гэминдана (Китайской революционной партии) в Чжунго Гоминьдан (Китайскую национальную партию; октябрь 1919 г.) стало началом процесса коренной реорганизации партии, развернувшейся с 1923 г.

Исчерпав возможности прежней политической практики, осуществлявшейся под антимонархическими и республиканскими лозунгами, Сунь Ятсен в октябре 1919 г. пришел к выводу о необходимости осуществления новой революции в Китае. Ее задачей должно было стать не восстановление Временной конституции 1912 г., а создание новой политической системы, контуры которой вырисовывались постепенно. В планах Сунь Ятсена о модернизации страны все большее место занимала идея формирования сильной партии, способной возглавить движение за создание единого Китая, независимого от иностранного давления.

Митинг, посвященный Сянганской стачке моряков 1922 г.

Реорганизация Гэминдана в Гоминьдан означала отказ от принципов построения партии как строго конспиративной организации профессиональных революционеров, партийное строительство развивалось в направлении создания массовой партии. В организационную структуру руководства партии включались отделы агитации и пропаганды, в партийной теории нашли отражение идеи Сунь Ятсена о нескольких этапах «строительства государства». В уставе партии обозначилась тенденция к отходу от прежних установок на укрепление парламентской республики. В духе высказываний Сунь Ятсена о построении новой государственности, отличной от системы парламентской республики западного образца, выдвигалась задача создания политической системы нового типа – «государства „трех народных принципов“ и „пяти конституционных властей“». Объединение Китая военным путем – лейтмотив программных положений нового устава. Однако сам Сунь Ятсен вплоть до кончины в марте 1925 г. периодически проявлял стремление к мирному объединению страны, а также использованию парламентских норм в деятельности верховной власти.

В 1920–1922 гг. Гоминьдан и Кантонское правительство Сунь Ятсена приобрели первый опыт руководства массовым движением. Экономическая стачка китайских моряков и портовых рабочих Гонконга (Сянгана) против иностранных судоходных компаний и английских колониальных властей (январь–март 1922 г.), получившая широкий резонанс во всем Китае, проходила под идейным влиянием и при прямой материальной и политической помощи Гоминьдана.

Мероприятия Кантонского правительства в административной, финансовой, военной областях, а также в сфере просвещения были довольно успешными, однако их прервал конфликт с губернатором пров. Чэнь Цзюнмином (июнь 1922 г.), сторонником создания в Китае федерации. Вынужденный отъезд Сунь Ятсена в Шанхай после отхода от него Чэнь Цзюнмина окончательно убедил лидера Гоминьдана в необходимости создания жизнеспособной дисциплинированной

партии и «партийных» вооруженных сил. Фактическая поддержка мятежа Чэнь Цзюнмина со стороны иностранных держав в очередной раз продемонстрировала иллюзорность былых надежд Сунь Ятсена на помощь держав в осуществлении его планов модернизации Китая.

Идея создания «партии действия» формировалась у Сунь Ятсена как под воздействием внутренних факторов, так и под непосредственным влиянием его контактов с представителями СССР, РКП(б) и мирового коммунистического движения. Постепенное сближение Сунь Ятсена и его сторонников с представителями Советского государства и деятелями РКП(б) носило в целом объективный характер. Китайская прогрессивная общественность была воодушевлена революционными событиями в России и тем фактом, что Советское правительство провозгласило новые принципы международных отношений, отказалось от неравноправных договоров, заключенных с Китаем монархической Россией. Сунь Ятсен приветствовал Октябрьскую революцию в России в своей телеграмме В.И.Ленину, отправленной из Шанхая через Канаду в октябре 1918 г. С 1920 г. переписка между дипломатами и представителями Советского правительства (нарком иностранных дел Г.В.Чичерин, полпреды в Китае А.А.Иоффе и Л.М.Карахан) и Сунь Ятсеном стала постоянным фактором процесса взаимного сближения, в рамках которого формировался подход Сунь Ятсена к частичному заимствованию революционного опыта Советского государства.

В Советской России первоначально основной поток информации о Сунь Ятсене и его партии аккумулировался по линии НКИД. Уже с конца 10-х годов от советских дипломатических представителей, работавших в Китае, шла в Москву подробная информация о внутриполитической борьбе в КР. Сунь Ятсена и его сторонников советские дипломаты характеризовали как деятелей, способных возглавить движение за объединение Китая.

Интерес Советской России к внутриполитической обстановке в Китае определялся рядом факторов. Среди них основное место занимали национальные интересы Советского государства, озабоченного политической нестабильностью в соседней стране – Китае, а временами и открытой враждебностью к Советской России официальной власти КР, ее фактическим соучастием в интервенции на советском Дальнем Востоке. Взаимодействие Советского правительства с Пекинским правительством в качестве основного направления советской дипломатии сочеталось с развитием неофициальных контактов с передовой прогрессивной политической силой Китая того времени – Гоминьданом, а немного позднее – и с Компартией Китая. Обе эти партии искали пути к прекращению междоусобных войн и претендовали на роль гарантов политической стабильности.

Сунь Ятсен и Гоминьдан, не стоявшие на коммунистических позициях, тем не менее устанавливали связи с международным и китайским коммунистическим движением. Политика СССР по отношению к Гоминьдану была в те годы тесно привязана к политике Коминтерна в Китае. Рост национального самосознания в Китае создавал основы для плодотворного взаимодействия национального движения с зарубежными идеологическими течениями, в том числе комму-

нистическим. Развитие взглядов Коминтерна на китайскую революцию и на место в ней Гоминьдана началось еще на II конгрессе Коминтерна (19 июля – 7 августа 1920 г.). Решения конгресса Коминтерна по национальному и колониальному вопросам стали крупным вкладом в разработку теории национальных революций. Они легли в основу деятельности представителей Коминтерна, РКП(б)/ВКП(б) и Советского государства в Китае. Принятые II конгрессом Коминтерна «Тезисы по национальному и колониальному вопросам» ориентировали международное коммунистическое движение на поддержку национально-революционных движений.

Согласно «Тезисам», на этапе национальной революции, на пороге которой стоял Китай, не предусматривалось активное вмешательство коммунистов в революционный процесс. В «Тезисах» учитывалась возможность поэтапного последовательного развития национальных движений в странах Востока, подчеркивались приоритет общенациональных задач, руководящие позиции национальных партий на текущем революционном этапе. Такой позиции и придерживался Коминтерн в своей политике относительно Гоминьдана вплоть до VII расширенного пленума Исполкома Коминтерна (ИККИ) (22 ноября – 16 декабря 1926 г.), хотя на практике имели место различные отклонения от данной линии, не влиявшие серьезно на суть развивавшегося взаимодействия между Гоминьданом и Компартией Китая. Отступления от генеральной линии больше укладывались в теоретические рамки другого документа по восточному вопросу, принятого II конгрессом Коминтерна по предложению индийского коммуниста Манабендра Нат Роя, – «Дополнительных тезисов по национальному и колониальному вопросам».

«Дополнительные тезисы», выдвигая для текущего революционного этапа идею руководящей роли «коммунистического авангарда», в сущности содержали установку на практически немедленное перерастание буржуазно-демократических революций в странах Востока в социалистические. Влияние этой тенденции в Коминтерне на формирование политики по отношению к Гоминьдану неуклонно возрастало. Частично оно проявлялось на конгрессах и пленумах Коминтерна, в рекомендациях и письмах Восточного отдела ИККИ для КПК, однако не затрагивало существа политического курса Коминтерна в Китае, базировавшегося на идеях «Тезисов по национальному и колониальному вопросам».

К началу работы II конгресса Коминтерна контакты его представителей с революционным движением Китая еще только зарождались. На II конгрессе Китай был представлен делегатами действовавших в Советской России организаций китайских трудящихся – Лю Цзэжуном и Ань Лунхэ. Начало официальным контактам Гоминьдана и Коминтерна положило участие представителей от партии Сунь Ятсена – Чжан Цюбай, Ван Лэпина и Цзян Фушэна в работе Съезда народов Дальнего Востока (Москва–Петроград, 21 января – 2 февраля 1922 г.). Его созыв свидетельствовал об активности Коминтерна в двух основных потоках революционного движения в странах Востока — коммунистическом и национально-революционном.

Резиденция Сунь Ятсена в Гуйлине. 1922 г.

Кабинет в квартире Сунь Ятсена, где он встречался с Ли Дачжао, Г.Марингом

Китайская делегация насчитывала 42 человека (около $^1/_3$ участников съезда), в ее состав входили 14 коммунистов, а также представители молодежных организаций, Гоминьдана, Социалистической партии, партии анархистов, рабочих, крестьянских, студенческих, женских, учительских, журналистских организаций из многих провинций и городов Китая. Съезду предшествовали целенаправленные действия Коминтерна по включению представителей Гоминьдана в китайскую делегацию. Этот вопрос обсуждался во время встреч голландского коммуниста Г.Маринга (Х.Снефлита) с Сунь Ятсеном (декабрь 1921 г. – январь 1922 г.), проходивших в резиденции Сунь Ятсена в Гуйлине (пров. Гуанси).

Лейтмотив принятых Съездом народов Дальнего Востока основных документов – призыв к активизации национально-освободительных движений в борьбе с мировым империализмом. Что касается Китая, то в документах съезда причудливо сочетались объективные характеристики внутриполитического положения в стране с декларативными и радикальными лозунгами экспроприации «нетрудового землевладения», борьбы «не на жизнь, а на смерть» с японским, американским, английским, французским империализмом и т.д. Доклад на съезде представителя Гоминьдана Чжан Цюбай вносил определенную ясность в понимание политической позиции партии Сунь Ятсена и завершался словами: «Партии Гоминьдан не по дороге с империалистами, и мы охотнее пойдем с Коммунистическим Интернационалом, чем с милитаристами Китая». Несмотря на противоречивость своих рекомендаций, съезд дал существенный импульс объединительным тенденциям в национально-освободительном движении Китая, способствовал организационному и идейно-политическому сближению национального и коммунистического движений.

Разработка курса на дальнейшую реорганизацию Гоминьдана осуществлялась в обстановке развивавшихся контактов Сунь Ятсена и его соратников Чжан Цзи и Ляо Чжункая с полпредом РСФСР в Китае А.А.Иоффе. В этих контактах принимал участие и Г.Маринг. В сложных условиях становления Гоминьдана

как политической «партии действия» рядом с Сунь Ятсеном всегда была его супруга Сун Цинлин – соратница и верная подруга.

В начале 20-х годов в Китае существовали предпосылки политической стабилизации по двум альтернативным направлениям. Одно из них предполагало объединение страны «эволюционными мерами», благодаря договоренностям, при активном участии Гоминьдана, между военно-политическими группировками Китая. Движение в этом направлении старался стимулировать А.А.Иоффе, пытавшийся совместить внешнеполитические интересы России в Китае и интернациональную позицию поддержки Гоминьдана Советской Россией и Коминтерном. Сунь Ятсен больше тяготел к другому направлению — объединению страны «революционными мерами», хотя, исходя из ситуации, периодически стремился применять и мирные методы, в том числе парламентские. В ходе его контактов с представителями Коминтерна в Китае Г.Н.Войтинским (осень 1920 г.), Г.Марингом (декабрь 1921 г.), С.А.Далиным (апрель–июнь 1922 г.) и переписки с Г.В.Чичериным лидер Гоминьдана обращал внимание на необходимость изучения и возможного применения в Китае отдельных направлений политики РКП(б) и Советского государства, среди которых называл организацию Советов как органов государственной власти, создание армии, подчиняющейся партийному руководству, формирование системы народного образования, строительство партии нового типа.

Ряд рекомендаций Коминтерна оказал существенное влияние на разработку политической программы Гоминьдана. К их числу принадлежала так называемая «августовская инструкция» ИККИ 1922 г. об индивидуальном вступлении коммунистов в Гоминьдан при сохранении Коммунистической партией своей организации и, соответственно, идейно-политической самостоятельности. Рекомендация ИККИ по формированию единого фронта Компартии Китая и Гоминьдана способствовала сплочению прогрессивных сил Китая в борьбе за объединение страны и активизировала усилия Сунь Ятсена и Гоминьдана в формировании политической программы выхода страны из кризиса. По образному выражению Сунь Ятсена, коммунисты, вступавшие с лета 1922 г. в Гоминьдан при одновременном сохранении своего членства в КПК, влили новую кровь в Гоминьдан, способствуя его обновлению.

Единый фронт Гоминьдана и КПК функционировал в 1920-е годы в своеобразных формах, вне рамок строго определенной организационной структуры. Составная часть политики «первого сотрудничества» – участие представителей Коминтерна и Советского государства в качестве советников в деятельности Гоминьдана и КПК и в работе гоминьдановского Национального правительства, учрежденного Гоминьданом в июле 1925 г. В тесном взаимодействии с Коминтерном осуществляла свою деятельность в едином фронте Компартия Китая. Сотрудничество, однако, изначально не было равноправным сотрудничеством двух партий и не получило политического статуса. Наряду с другими причинами этот фактор препятствовал выработке согласованной четкой платформы партий в революционном движении и в политической борьбе.

Начало деятельности коммунистов в едином фронте положил Ли Дачжао, который вступил в Гоминьдан в августе 1922 г. по личному приглашению Сунь Ятсена. С середины 1922 г. представители Коминтерна в Китае и китайские коммунисты активно включились в работу по реорганизации Гоминьдана. Поддержав конкретную ближайшую задачу партии Сунь Ятсена – созыв съезда Гоминьдана с целью принятия устава и программы, они энергично действовали в области организационного строительства и пропаганды. В конце мая 1923 г. по поручению Сунь Ятсена Г.Маринг и Чэнь Дусю подготовили план реорганизации Гоминьдана. По сути, это была схема новой структуры партии, в рамках которой акцентировалась пропагандистская деятельность, благодаря чему на первый план выдвигались китайские коммунисты. Проект включал положения, которые Гоминьдан учитывал в дальнейшей работе над программой и уставом партии. В тесном взаимодействии с коммунистическим движением Сунь Ятсен шел по пути создания Гуандунской революционной базы, для чего Гоминьдан использовал надлежащие военные, политические, организационные и пропагандистские средства. В результате формировалась государственность, не идентичная военным режимам послесиньхайского времени.

Сунь Ятсен и М.М.Бородин. Фото из журнала «Огонек», 1927 г.

Г.Маринг подготовил хорошую почву для своих преемников. Сменивший его М.М.Бородин (прибыл в Гуанчжоу 6 октября 1923 г.), назначенный ЦК РКП(б) главным политическим советником при Сунь Ятсене, включился в уже действующий механизм подготовки I съезда Гоминьдана, призванного преобразовать его в «партию действия».

В программных документах Гоминьдана 1923 г. впервые наметилась новая интерпретация «трех народных принципов» Сунь Ятсена, учитывающая такие направления партийной жизни, как организационная работа, пропаганда, работа с массовыми движениями. Впервые в официальных партийных документах идея борьбы за расторжение неравноправных договоров с иностранными державами наряду с задачей объединения страны объявлялась одним из основных направлений революционного движения. Принципиальной вехой в разработке политической программы Гоминьдана стало Коммюнике Сунь Ятсена – А.А.Иоффе от 26 января 1923 г. по проблеме советско-китайских отношений. Оно отражало важный шаг в становлении сотрудничества между Сунь Ятсеном и Советской Россией, способствовало окончательному выбору Сунь Ятсеном иностранного союзника в деле осуществления его планов объединения Китая. Процесс сближения Сунь Ятсена с представителями Советского государства осложнялся не-

достатком объективной информации об СССР, враждебной стране Советов пропагандой в мировой прессе, различием исходных позиций по некоторым вопросам внешнеполитической направленности, связанным, в частности, с КВЖД и Внешней Монголией. Довольно болезненно воспринималась Сунь Ятсеном подготовка Соглашения об общих принципах для урегулирования вопросов между СССР и Китайской Республикой (подписано в Пекине 31 мая 1924 г.), которое заключалось СССР с политическим противником Гоминьдана – Пекинским правительством.

Своевременное подписание совместного Коммюнике Сунь Ятсена – А.А.Иоффе проясняло ситуацию и открывало возможности для перехода политики взаимодействия советской стороны и партии Сунь Ятсена на практические рельсы. В Коммюнике советская сторона констатировала, что Китай в его борьбе за «национальное объединение и приобретение полной национальной независимости пользуется самой горячей симпатией русского народа и может рассчитывать на поддержку России». Полпред РСФСР также подтвердил новые принципы внешней политики СССР по отношению к КР, в том числе в вопросах, связанных с эксплуатацией КВЖД, и по проблемам Внешней Монголии. Коммюнике продемонстрировало совпадение взглядов сторон и на китайско-российские отношения. Оно зафиксировало уважительное отношение Советского государства к Гоминьдану как важному фактору китайской политики, заверив Сунь Ятсена в отсутствии у Советской России намерений внедрять в Китае коммунистические идеи и навязывать советский строй. Советское правительство единственным законным правительством КР признавало Пекинское правительство и не ставило на повестку дня проблему дипломатического признания военного правительства Сунь Ятсена. Россия проявляла готовность предоставить правительству Юга различные виды поддержки в его борьбе за объединение страны, однако исключала военное вмешательство СССР в политическую борьбу в Китае. Трезво оценив ситуацию, Сунь Ятсен приветствовал заключение советско-китайского договора.

Воззвание Гоминьдана (июль 1924 г.) по поводу китайско-российского соглашения, направленное на его поддержку, стало одним из первых выступлений партии по проблемам внешней политики. Большая роль в выходе партии Сунь Ятсена на всекитайскую арену принадлежала советским советникам. Преодолевая инерцию политической пассивности Гоминьдана, М.М.Бородин предпринимал большие усилия для создания Гоминьдану имиджа сильной партии национального масштаба.

Коммюнике Сунь Ятсена – А.А.Иоффе способствовало развитию сотрудничества между двумя сторонами. В связи с предложением И.В.Сталина о назначении М.М.Бородина политическим советником при Сунь Ятсене в решении Политбюро ЦК РКП(б) от 2 августа 1923 г. было сформулировано принципиальное для развития взаимодействия между Гоминьданом и Москвой положение: «Поручить т. Бородину в своей работе с Сунь Ятсеном руководствоваться интересами национально-освободительного движения в Китае, отнюдь не увлекаясь целями насаждения коммунизма в Китае».

Стремление Сунь Ятсена к сближению с Советской Россией нарастало параллельно с его растущим разочарованием в политике великих держав по отношению к Гоминьдану. Безуспешность попыток Сунь Ятсена получить кредит от Великобритании, США, Германии все более убеждала его в беспочвенности надежд на помощь этих государств в деле объединения и модернизации страны. Сильнодействующим внешним фактором, оказавшим влияние на мировоззренческие позиции Сунь Ятсена и его сподвижников в преддверии I съезда Гоминьдана, стал таможенный кризис, разразившийся осенью 1923 г. Вопрос о получении своей доли таможенных излишков Кантонским правительством был самым злободневным во взаимоотношениях с державами, контролировавшими сборы на морских таможнях Китая в соответствии с условиями заключенных с ними неравноправных договоров. С сентября 1923 г. правительство Сунь Ятсена стало требовать от контролируемых иностранцами морских таможен возобновления выплаты комиссионной доли таможенных сборов, которую получало Кантонское правительство в 1919 г., до того как ее в 1920 г. передали Пекину. Демонстрация военных кораблей Англии, США, Франции, Японии, Италии и Португалии на рейде Кантона и угроза прямой вооруженной интервенции этих держав вызвали взрыв возмущения во всем Китае и широкий международный резонанс. После этих событий Сунь Ятсен и Гоминьдан окончательно взяли курс на укрепление связей с Советской Россией, на борьбу за отмену неравноправных договоров с иностранными державами.

Сунь Ятсен и советские советники. Гуанчжоу. 1924 г.

В течение 1923 г. Советское правительство приняло принципиальное решение об оказании партии Сунь Ятсена материально-финансовой помощи оружием, техникой, а также командированием военных и политических советников. Советская сторона выразила готовность поддерживать все реалистичные просьбы Сунь Ятсена о помощи (исключая лишь нереальные планы вовлечения Красной армии в военные действия на территории Китая). С осени 1923 г. в Кантоне работала южнокитайская группа советских советников в составе 5 человек. К лету 1924 г. группа советников возросла до 25 человек, а в январе 1926 г. она состояла из 27 советников и 20 технических работников.

В условиях дальнейшего сближения советской стороны и Коминтерна с Гоминьданом состоялся визит военной делегации Гоминьдана в Москву (2 сентября – 29 ноября 1923 г.). В состав делегации входили члены Гоминьдана и КПК. Гоминьдан представляли начальник генерального штаба вооруженных сил Кантонского правительства Чан Кайши (глава делегации), Ван Дэнъюнь, а также неофициальный представитель Сунь Ятсена в Европе Шао Юаньчун. Компартия послала своих активистов Чжан Тайлэя и Шэнь Динъи. Тем самым было проде-

монстрировано взаимодействие Гоминьдана с коммунистами. Во время визита советская сторона дала ряд рекомендаций, корректировавших военную политику Гоминьдана, определила масштабы и границы помощи Сунь Ятсену. В свою очередь, Коминтерн 28 ноября 1923 г. принял резолюцию по вопросу о национально-освободительном движении в Китае и о партии Гоминьдан. Рекомендуя ее Гоминьдану в качестве основы партийной программы, Коминтерн сделал ставку на развитие национально-освободительного и коммунистического движения в едином революционном потоке.

Советская сторона объективно оценивала значительную роль военного фактора в политической борьбе в Китае, однако в военной практике Сунь Ятсена видела реальную опасность «воспроизводства» военно-политического механизма милитаристских режимов. Во избежание этого Гоминьдану было рекомендовано создание вооруженных сил по типу Красной армии, подчиняющейся партийному руководству. Новая военная политика была призвана обеспечить приоритет гражданского фактора над военным, что принципиально отличало бы формирующуюся гоминьдановскую государственность от милитаристских режимов. В рекомендациях предусматривались меры по централизации командования армией и организации политической работы в воинских частях и среди населения.

В ходе визита гоминьдановской делегации в Москву была достигнута также договоренность об организации помощи СССР партии Сунь Ятсена по таким направлениям, как подготовка командных и политических кадров для армии Сунь Ятсена в Китае и Москве, а также командирование в Кантон военных и политических советников. Уже во время пребывания делегации в Москве начали проводиться в жизнь мартовские 1923 г. решения Политбюро ЦК РКП(б) о помощи Гоминьдану. Знакомство делегации Гоминьдана с деятельностью Красной армии, ее организационными и политическими структурами, достижение договоренности о получении финансовой помощи для перевооружения армии стали одним из важных результатов визита гоминьдановской делегации в Москву.

26 ноября 1923 г. было проведено совместное с делегацией Гоминьдана заседание ИККИ, на котором заслушали вопрос об «отношении партии Гоминьдан к Коммунистическому Интернационалу». Чан Кайши в своем выступлении подчеркивал стремление Гоминьдана к созданию широкой социальной базы и неприемлемость для партии механического приложения к специфической китайской действительности классовых схем, сложившихся на опыте русской революции. Целями национальной революции в Китае Чан Кайши назвал борьбу со старым милитаризмом и чиновной бюрократией, консервирующими раздробленность страны, и давление на Китай империалистических держав, что было в целом созвучно представлениям ИККИ о революционном процессе в Китае.

Делегация Чан Кайши высказалась в поддержку идеи мировой революции. Стремясь избавить Китай от экономической эксплуатации и политического давления великих держав, члены делегации Гоминьдана во время визита в Москву заявили о сопричастности мировому коммунистическому движению, при этом

идея мировой революции интерпретировалась партией Сунь Ятсена преимущественно под углом зрения борьбы наций угнетенных с угнетающими.

Обозначились также отдельные направления неодинакового подхода Гоминьдана и Коминтерна к революционной теории и практике. Если Гоминьдан в интерпретации «трех народных принципов» ставил в повестку дня вопрос о власти и новой государственности, то Коминтерн акцентировал внимание на общих целях борьбы, при этом обходил молчанием конкретный вопрос о власти. Резолюция ИККИ от 28 ноября 1923 г. была нацелена на массовый революционный подъем. Гоминьдан же, последовательно и поэтапно борясь с милитаризмом в Китае, в конечном счете стремился построить «государство „трех народных принципов“ и „пяти конституционных властей“». В целом рекомендации Коминтерна, во многом положительно воспринятые Гоминьданом, способствовали превращению Гоминьдана в «партию действия», руководящую силу в осуществлении выдвинутого Сунь Ятсеном плана о «строительстве государства».

Для Чан Кайши отношение к Коминтерну и Советскому Союзу определялось главным образом сотрудничеством в деле реорганизации и вооружения армии. Эта позиция была характерной для представителей военных кругов Гоминьдана. Не принимая коммунистическую идеологию и оценивая отношение СССР к Гоминьдану исключительно с позиции внешнеполитических интересов СССР, Чан Кайши при жизни Сунь Ятсена стремился строго следовать его планам. Между тем собственное восприятие Чан Кайши революционного процесса в Китае характеризовалось чрезмерной увлеченностью его военными аспектами, что проявилось и в ходе визита, и в дальнейших событиях, связанных с Северным походом.

Период непосредственной организационной подготовки I съезда Гоминьдана, начавшийся в октябре 1923 г., проходил при активном участии главного политического советника М.М.Бородина и китайских коммунистов. Коммунисты Ли Дачжао и Тань Пиншань работали в составе аппарата Временного ЦИК Гоминьдана (создан 25 октября 1923 г.). В течение этого периода национально-революционное и коммунистическое движения в целом тесно взаимодействовали. Различия в идейных подходах к национальной революции еще не играли значительной роли, поскольку модель революции и в Гоминьдане, и в коммунистическом движении еще не вполне сформировалась. На первом месте стояли именно практические задачи организационного оформления Гоминьдана как политической партии.

Гоминьдану вплоть до 1949 г. был присущ высокий уровень внутрипартийных разногласий. Созыв I съезда оказался возможным лишь после ожесточенной борьбы Сунь Ятсена, Ляо Чжункая, Сун Цинлин с правыми элементами в партии, выступавшими против реорганизации Гоминьдана. Разногласия были столь глубоки, что в начале 1923 г. они привели к тяжелому внутрипартийному кризису. Большая группа гоминьдановцев, преимущественно из Северного Китая (У Чжихуэй, Ли Шицзэн), поддержав мятеж Чэнь Цзюнмина, решительно отошла от Сунь Ятсена, выйдя из партии. В спектр внутрипартийных разногласий

все более включались вопросы сотрудничества с Советской Россией и с коммунистами, социальной базы партии и участия народных масс в решении задач объединения страны.

Так, во время подписания совместного Коммюнике Сунь Ятсена и А.А.Иоффе от Сунь Ятсена отошла группа партийцев, опасавшихся отрицательной реакции западных держав на сближение Гоминьдана с Советской Россией. Из ближайших помощников Сунь Ятсена только Ляо Чжункай безоговорочно и последовательно проводил линию на сближение с СССР, в то время как Ван Цзинвэй и Ху Ханьминь явно неохотно переходили на такие позиции. Накануне съезда протестные настроения проявила группа правых гоминьдановцев в Гуандуне, а также некоторые шанхайские правые. Борьбу с оппозицией возглавил сам Сунь Ятсен, что обеспечило победу курса на реорганизацию и созыв I съезда партии.

Делегатами I съезда Гоминьдана (Гуанчжоу, 20–30 января 1924 г.) были 173 человека, из них 23 коммуниста. По личному приглашению Сунь Ятсена в работе съезда участвовали коммунисты Чэнь Дусю, Ли Дачжао, Тань Пиншань, Юй Шудэ, Шэнь Динъи и другие, а среди избранных делегатов были Линь Боцюй (Линь Цзухань), Ли Лисань, Мао Цзэдун, Ван Цзиньмэй. На съезде были представлены гоминьдановские организации провинций Гуандун, Чжэцзян, Хэнань, Хунань, Хубэй, Шаньси, Фуцзянь, Шаньдун, Цзянси, Шэньси, Хэйлунцзян, Гуйчжоу, Ганьсу, Синьцзян, а также присутствовали делегаты из Тибета и от городских парткомов Пекина и Тяньцзиня. Зарубежные партийные организации Гоминьдана прислали на съезд 48 делегатов, которые прибыли из США, Мексики, Канады, Австралии, Сиама, Филиппин, Бирмы, с островов Океании, а также из городов Токио, Кобэ, Сайгона. Они же произнесли около половины речей, прозвучавших на съезде. Съезд принял Манифест, устав и 11 резолюций.

Сунь Ятсен на съезде призвал взять за образец «революционную партию России», по его словам, хорошо организованную и сильную. Съезд принял обновленную интерпретацию «трех народных принципов» Сунь Ятсена и наметил программу выхода страны из состояния политического хаоса. Принцип «национализма» в его новой трактовке съездом стал означать освобождение народа от гнета империализма и китайского милитаризма. «Народовластие» интерпретировалось как необходимость последовательного проведения в жизнь принципов всеобщего избирательного права, проведения референдумов, использования права законодательной инициативы и отзыва депутатов. Принцип «народного благосостояния» связывался с осуществлением программы социальных реформ, в том числе с уравнением «прав на землю», ограничением капитала, введением рабочего законодательства, оказанием государственной помощи крестьянам, национализацией некоторых отраслей промышленности.

Решения съезда продемонстрировали также избирательный подход Гоминьдана к рекомендациям Коминтерна. В конкретной политической борьбе Гоминьдан отдавал приоритет вооруженной борьбе с милитаристами и созданию строго централизованного государства как предварительным условиям отмены

неравноправных договоров. Принятая I пленумом ЦИК Гоминьдана первого созыва (31 января – 6 февраля 1924 г.) резолюция по внешнеполитическим вопросам уточняла антиимпериалистическую платформу партии, ограничив ее рамками популяризации лозунгов возврата концессий, упразднения права консульской юрисдикции, получения таможенной автономии.

Общая трактовка в Манифесте принципа «народовластия» была направлена против парламентаризма западной модели, однако оставляла в тени планы «строительства государства», разработанные Сунь Ятсеном, а также принципиальный вопрос о характере власти. В других документах съезда и в ходе дальнейшей политической деятельности программа Гоминьдана конкретизировалась с позиции сочетания традиционной политики и новых тенденций.

Трактовка I съездом Гоминьдана принципа «народного благосостояния» учитывала традиционные для партии моменты, а также привносила новые положения. Уравнение прав на землю и ограничение капитала дополнялись рекомендованными Коминтерном установками на расширение социальной базы революционного движения, создание единого антиимпериалистического фронта; разработку системы социальной защиты населения и наделение крестьян землей в духе провозглашенного позднее Сунь Ятсеном лозунга «каждому пахарю – свое поле».

Принятые съездом решения отражали стремление Сунь Ятсена к установлению руководящей роли Гоминьдана в государстве. В своей приветственной речи на съезде Сунь Ятсен подчеркивал необходимость «придерживаться принципа „управлять государством с помощью партии“». По словам Сунь Ятсена, руководящая роль партии была политическим императивом ввиду раздробленности страны, «наивности» и недостаточной политической сознательности китайского народа.

Взятый I съездом курс на реорганизацию армии по образцу советской Красной армии ориентировал Гоминьдан на создание собственных вооруженных сил и предусматривал введение системы политической работы в войсках, аналогичной той, которая существовала в советской Красной армии. Реорганизация армии была важнейшей составной частью общей политики реорганизации партии. Положение о безоговорочном признании армией руководящей роли партии, приоритете партийной власти над военной в корне отличало политику Гоминьдана от милитаристских режимов.

Без каких-либо существенных поправок были приняты Сунь Ятсеном и Гоминьданом принципы организационного строительства партии по типу РКП(б). Принятие съездом аналогичного устава имело кардинальное значение для превращения Гоминьдана в четко структурированную «партию действия». Переход от партии профессионалов-одиночек, не обладавшей разветвленной сетью партийных ячеек и тесными связями с народом (даже в уставах 1919, 1920, 1923 гг. сохранились черты, свойственные традиционным тайным обществам), к массовой революционной партии имел для самого Гоминьдана кардинальное значение.

В решениях съезда синтезировались давние политические установки Сунь Ятсена с новыми идеями, порожденными революционными процессами в различных регионах мира. Программа Гоминьдана при всей ее незавершенности и противоречивости объединила антиимпериалистические и антимилитаристские лозунги и идеи вовлечения в революционный процесс широких народных масс с концепцией «военной революции» Сунь Ятсена и его реформаторскими планами, в которых нашли отражение специфические для Китая вопросы местного самоуправления, налоговой политики, роли армии.

В строительстве центральных органов партии Гоминьдан в основном следовал модели РКП(б). Из 41 члена и кандидата в члены ЦИК первого созыва 10 человек являлись коммунистами. Большинство членов ЦИК составили старые гоминьдановцы: Ляо Чжункай, Ван Цзинвэй, Ху Ханьминь, Дай Цзитао, Цзоу Лу, Пэн Суминь, Шао Юаньчун. В состав Центральной контрольной комиссии (ЦКК) вошли члены Гоминьдана, тяготевшие к консервативным силам, – Дэн Цзэжу, У Чжихуэй, Ли Шицзэн, Чжан Цзи, Се Чи. На I пленуме ЦИК первого созыва Сунь Ятсен назначил Постоянный комитет ЦИК, его секретариат и 8 отделов. Коммунисты, возглавив два важных отдела ЦИК Гоминьдана, организационный и крестьянский, активно участвовали и в работе других отделов, занимая должности секретарей и ответственных сотрудников.

Начальник Отдела пропаганды ЦИК Гоминьдана Дай Цзитао в 1924 г.

При всех оговорках, съезду удалось заложить программные и организационные основы Гоминьдана как политической партии, претендующей на руководящую роль в национальной революции, сформировать контуры революционной модели. Выдвинутая I съездом программа объединения страны на антимилитаристской и антиимпериалистической основе свидетельствовала о том, что на политическую арену Китая вышла партия, обладающая революционным потенциалом и учитывающая китайскую специфику.

Ядром политической программы Сунь Ятсена неизменно оставалась теория трехэтапного государственного развития (военный, политической опеки и конституционный). На съезде она четко не прозвучала, однако по мере развития политического процесса оказывала все большее влияние на формирование революционной модели Гоминьдана. Составными частями политической программы Сунь Ятсена являлись захват власти Гоминьданом военным путем в обход парламентских методов, а также реформистская социально-экономическая политика. На первый план в концепции военного этапа, соответствовавшего периоду национальной революции 20-х годов, выходили меры по упорядочению военной и налоговой системы, по централизации финансов и административного аппарата. Переход к этапу политической опеки планировался с момента подчинения

Центру всех провинций и объединения страны. Осуществление намеченной Сунь Ятсеном общенациональной программы централизации в специфических условиях Китая по сути предполагало ломку старой социально-политической структуры.

Для представлений Сунь Ятсена о будущем государстве было характерно стремление отмежеваться как от политической системы капиталистических государств, так и от системы государства диктатуры пролетариата, по его мнению, в равной степени неприемлемых для Китая. Выдвигая идею особого пути развития страны, Сунь Ятсен пытался учитывать китайскую специфику. Конкретные положения политической программы Сунь Ятсена на военный период «строительства государства», провозглашенные им принципы поэтапности решения назревших в обществе задач и сочетания в политической практике революционного и эволюционного моментов в значительной степени были усвоены Гоминьданом после смерти вождя.

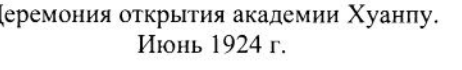
В Завещании Сунь Ятсена от 11 марта 1925 г., составленном и подписанном им перед смертью, вождь национальной революции призвал единомышленников продолжать революцию, руководствуясь положениями, изложенными в его работах «Программа строительства государства», «Общая программа строительства государства», «Три народных принципа», а также Манифестом I Всекитайского съезда Гоминьдана. Требования аннулирования неравноправных договоров и проведение политики пробуждения масс и опоры на массы в союзе с народами мира были особо выделены в Завещании. Последняя воля первого президента КР отразила убежденность Сунь Ятсена в необходимости перемен и одновременно комплексный характер его учения, развивавшегося с учетом национальной специфики и влияния внешних факторов.

Постоянное взаимодействие лидера Гоминьдана с представителями Советского правительства, РКП(б) и Коминтерна убедило его в правильности избранной им политики сотрудничества Гоминьдана с Советской Россией, о чем свидетельствовало и его предсмертное Послание Советскому Союзу (11 марта 1925 г.). В обращении к ЦИК СССР Сунь Ятсен выражал надежду, что «настанет день, когда свободный и независимый китайский народ пойдет рука об руку с советским народом по пути к светлому будущему человечества».

Образование Национального (гоминьдановского) правительства как альтернативы Пекинскому правительству

Укрепление революционной базы Гоминьдана в Гуандуне (1924 г. – первая половина 1926 г.) свидетельствовало об эффективности военного пути развития революции, стало первым опытом построения новой государственности в локальных масштабах. Гоминьдан шаг за шагом готовился к выходу на общекитайскую арену. Сама жизнь диктовала партии Сунь Ятсена последовательность

Сунь Ятсен
на открытии академии Хуанпу



Церемония открытия академии Хуанпу.
Июнь 1924 г.

реализации тех или иных решений I съезда. На первый план вышла задача создания Гоминьданом партийного правительства, т.е. перехода от совместного с юго-западными военно-политическими группировками и со старой бюрократией правления – к партийному руководству. Практика показала невозможность проведения гоминьдановской политики в условиях зависимости прежних правительств Сунь Ятсена от милитаристов.

В рамках провозглашенного съездом курса – «государством правит партия» – выдвигалась задача реорганизации Кантонского правительства. Она была решена на основе реорганизации армии, нейтрализации крупного купечества и при использовании рабочего и крестьянского движения. Созданию партийного правительства предшествовала военная реформа. Она осуществлялась Сунь Ятсеном и его соратниками в двух направлениях. Во-первых, создавалось ядро офицерского корпуса новой армии на базе офицерской школы Хуанпу (Вампу), созданной по решению I съезда Гоминьдана при непосредственной помощи Советского Союза. Во-вторых, последовательно переформировывались локальные милитаристские армии, поддерживавшие Кантонское правительство.

Реорганизация милитаристских армий осуществлялась согласно планам военных советников П.А.Павлова (июль 1924 г.) и В.К.Блюхера (январь 1925 г.). Для перехода к новой военной политике В.К.Блюхер, Ляо Чжункай и Чан Кайши были вынуждены с начала 1925 г. вступить в вооруженную борьбу с ее противниками – юньнаньской армией Ян Симиня и гуансийской армией Лю Чжэньхуаня. Победе преданных Сунь Ятсену и Гоминьдану воинских соединений, ядро которых составляли курсанты школы Хуанпу, способствовали пропагандистская работа Гоминьдана среди населения и высокие боевые качества «партийной армии». Лишь после военной победы над противниками нового курса Гоминьдану удалось создать свое правительство.

Участники траурной церемонии в академии Хуанпу после прощания с П.А.Павловым, военным советником при правительстве Сунь Ятсена

В.К.Блюхер с группой советских советников Гуанчжоуской армии. Осень 1924 г.

1 июля 1925 г. в манифесте Национального правительства было официально объявлено о создании под эгидой Гоминьдана правительства, претендующего в перспективе на власть над всем Китаем. После образования Военного совета и относительной централизации военного командования была осуществлена реорганизация частей самой армии. Воинским соединениям запрещалось создавать собственную финансовую базу, собирая налоги в местах их дислокации. Воинские части переводились на централизованное денежное и вещевое довольствие, снабжались оружием и боеприпасами из правительственных источников. К концу 1925 г. в основном закончился период разоружения подозреваемых в нелояльности Гоминьдану войск милитаристов Ян Симиня и Лю Чжэньхуаня, а также гуандунского милитариста Сюй Чунчжи. Эти меры осуществлялись одновременно с пополнением «партийной армии» Хуанпу.

К концу 1925 г. главному военному советнику Гоминьдана В.К.Блюхеру и руководству Гоминьдана удалось осуществить ряд мероприятий по реорганизации армии. На базе военной школы Хуанпу был создан боеспособный дисциплинированный первый корпус Чан Кайши, затем сформировали еще пять корпусов. Введение института политкомиссаров в Национально-революционной армии осуществлялось с трудом. Борьба Гоминьдана с политическими противниками, часто обладавшими вооруженной поддержкой, продолжалась вплоть до конца 1925 г. Разгром армий Чэнь Цзюнмина во втором Восточном походе осенью 1925 г. позволил в основном завершить этап утверждения полновластия Гоминьдана на территории Гуандунской революционной базы. Гоминьдан военным путем при относительной благожелательности населения пришел к власти в пров. Гуандун, осуществляя военный этап «строительства государства» в локальных масштабах. Наступательная пропаганда и настойчивое политическое воспитание способствовали этим первоначальным успехам Гоминьдана.

В.К.Блюхер и Чан Кайши в период первого Восточного похода. 1925 г.

Политсовет Гоминьдана. 1925 г.

Взяв курс на создание гоминьдановской революционной базы в Гуандуне, Сунь Ятсен постоянно проявлял революционное нетерпение, обусловленное его стремлением как можно скорее вывести революцию за пределы пров. Гуандун. Осенью 1924 г. он призвал Гоминьдан начать Северный поход. Сунь Ятсена сдерживал В.К.Блюхер, считавший необходимой предпосылкой успешного военного похода на Север дальнейшее укрепление революционной базы в Гуандуне.

Курсу Гоминьдана на военную, административную, финансово-налоговую централизацию кроме южнокитайских милитаристов и сторонников федерализма, связанных с военными группировками, противостояла торгово-промышленная оппозиция. Враждебность руководства гуанчжоуских торговых палат Гоминьдану определялась нежеланием крупных торговцев терять возможность бесконтрольного сбора налогов и принудительно финансировать военные акции Гоминьдана. Растущее недовольство в этой социальной среде вызывало также сотрудничество Гоминьдана с коммунистами. Помимо этого, торговые палаты были тесно связаны с иностранным, в первую очередь английским, капиталом и со старым политико-административным аппаратом Гуандуна. К лету 1924 г. военное правительство Сунь Ятсена оказалось перед лицом широкой оппозиции торгово-промышленных кругов, пользовавшейся поддержкой английской колониальной администрации Гонконга (Сянгана), Чэнь Цзюнмина, ряда генералов юго-западных милитаристов.

Наличие у крупных гуандунских торговых палат собственных вооруженных сил – так называемых купеческих отрядов (*шантуань*) – делало их серьезным противником Гоминьдана. В ликвидации мятежа *шантуаней* принимали участие не только отдельные армейские части местных милитаристов, но и бойцы рабочих дружин, а также две роты (400 человек) курсантов военной школы Хуанпу.

Военный совет.
1925 г.

Подавив выступление гуанчжоуского купечества (лето–осень 1924 г.), Гоминьдан начал формулировать политику по отношению к торгово-промышленным слоям, нацеленную на развитие национальной промышленности и торговли.

До своей реорганизации Кантонское правительство формально опиралось на Национальное собрание Юга, состоявшее из 222 депутатов. Власть Кантонского правительства во главе с Сунь Ятсеном распространялась на провинции Гуандун, Гуанси, Юньнань, а также северо-западную часть пров. Шэньси, однако была непрочной и в значительной степени зависела от провинциальных милитаристов. Между тем провозглашенный на I съезде Гоминьдана курс «государством правит партия» ориентировал партию на изменение сложившейся государственной структуры и на отход от якобы конституционного правления, которому пыталось, в значительной степени формально, следовать Пекинское правительство. Созданный в июне 1924 г. Политический совет Гоминьдана взял на себя не только партийные, но и государственно-административные функции. После смерти Сунь Ятсена 12 марта 1925 г. ЦИК Гоминьдана объявил, что отказывается от сотрудничества с временным регентским правительством в Пекине, а также будет вести государственное строительство на основе «трех народных принципов» Сунь Ятсена и его плана «строительства государства».

2 июня 1925 г. от имени Ху Ханьминя как и.о. генералиссимуса, вступившего в эту должность после смерти Сунь Ятсена, была опубликована «Декларация об объединении военного, гражданского управления и финансов». В составе Национального правительства предусматривалось создать Постоянный комитет, министерства и Военный совет. 26 июля 1925 г. армия получила название Национально-революционной (НРА), предписывалось создать в воинских частях политотделы и должности политкомиссаров. В этот же день в циркулярной телеграмме Ху Ханьминь объявлял об отставке с должности и.о. генералиссимуса,

тем самым вопрос руководства партией и правительством решался в пользу коллегиального правления.

Согласно закону об организации Национального правительства, принятому ЦИК Гоминьдана 1 июля 1925 г., государственное строительство следовало вести в соответствии с принципами суньятсеновской программы. Как и следовало ожидать, закон предусматривал разделение процесса государственного строительства на этапы военной диктатуры, политической опеки и конституционного правления. В течение военного этапа планировалось установить власть партии во всей стране, восстановить порядок в провинциях, создать системы военного управления под руководством Гоминьдана.

Уделялось внимание специфическим китайским проблемам административного и государственного устройства, прежде всего вопросу соотношения центральной и местной властей, который решался на основе принципа «равного распределения власти». Власть в провинциях провозглашалась промежуточной инстанцией, объединяющей уезды и обеспечивающей взаимодействие центральной и уездных властей.

В законе была отражена идея Сунь Ятсена о необходимости введения в Китае системы «пяти властей». Западная схема разделения властей на законодательную, исполнительную и судебную дополнялась двумя традиционно китайскими компонентами – экзаменационной и контрольной властями. Согласно закону, в периоды военного правления и политической опеки Гоминьдан осуществляет руководство государством, причем Национальное правительство находится под верховным контролем ЦИК Гоминьдана, ведающего административными делами всей страны.

В состав Национального правительства вошла гоминьдановская верхушка. На пост главы правительства был избран Ван Цзинвэй. Членами Постоянного комитета Национального правительства стали Ван Цзинвэй (председатель), Ху Ханьминь, Тань Янькай, Сюй Чунчжи и Линь Сэнь. Учреждены были 4 министерства: военное, иностранных дел, финансов, строительства. М.М.Бородин занял должность главного советника Национального правительства.

Было положено начало административной реформе и приняты некоторые меры в сфере финансовой политики. Включилась в работу бюджетная комиссия во главе с Тань Янькаем. Период 1923–1924 гг., в течение которого Кантонское военное правительство постоянно вводило новые налоги для покрытия растущего дефицита бюджета и финансирования военных походов, сменился этапом относительной стабилизации налоговой политики. Была создана комиссия по обследованию состояния финансов в пров. Гуандун, еще при жизни Сунь Ятсена учредили Центральный банк. В июле 1925 г. по просьбе Национального правительства в Китай прибыли советские экономисты, перед которыми была поставлена задача подготовить доклад о состоянии финансовой системы в Китае и разработать меры по ее совершенствованию. В начале 1926 г. советские экономисты представили аналитический доклад, в котором подчеркнули необходимость создания единой налоговой системы, ее унификации и упрощения. Они также

сформулировали конкретные рекомендации краткосрочного и долгосрочного характера; из них к январю 1926 г. была принята к исполнению только одна – отмена мелких налогов. Гоминьдан с ходу отверг предложение советских экспертов о ликвидации системы откупов в сфере налогообложения. Это свидетельствовало об устойчивости сложившейся в Китае налоговой политики, важного элемента социально-экономического строя Китая.

К концу 1925 г. в целях стабилизации экономики были введены монополии на торговлю опиумом, на взрывчатые вещества и керосин, учрежден контроль над соляной и таможенной администрацией, ранее подотчетной только Пекинскому правительству. Введение элементов контроля над сбором налогов уже к концу 1925 г. несколько улучшило ситуацию, хотя в целом в деле создания новой централизованной административной и финансовой структуры Гоминьдан предпринял лишь первые шаги.

В 1924–1925 гг. Гоминьдан проявлял последовательность и в отношении к империалистическим державам. Был декларирован (23 июня 1925 г., 28 июня 1925 г.) антиимпериалистический характер программных положений партии. Отмена неравноправных договоров провозглашалась в качестве одной из основных целей национальной революции. Подчеркивалась необходимость скорейшего объединения страны как предварительного этапа на пути восстановления национального суверенитета Китая.

Прямо или косвенно Гоминьдан испытывал влияние на свою политику событий общекитайского масштаба, таких как поражение У Пэйфу во второй чжилифэнтяньской войне и государственный переворот, произведенный в Пекине 23 октября 1924 г. генералом Фэн Юйсяном. Позднее на позицию Гоминьдана воздействовали антиимпериалистическое «движение 30 мая» 1925 г., Гонконг-Кантонская забастовка и бойкот английских товаров лета 1925 г. – осени 1926 г. Участие в той или иной степени Гоминьдана и его правительства в этих событиях повышало авторитет Национального правительства на общенациональном уровне. Однако основные усилия Гоминьдана в период борьбы за власть в Китае были направлены на подготовку условий для Северного похода. В этом походе Гоминьдан и его правительство в рамках сложившегося единого фронта Гоминьдана и Компартии Китая получали поддержку со стороны китайских коммунистов. Однако установка Гоминьдана на борьбу с бэйянскими милитаристами в то время не была поддержана общественным мнением крупных городов. Различные милитаристские группировки и Пекинское правительство также не придавали серьезного значения политическим событиям на Юге и подготовке Северного похода НРА.

1925 год в Китае ознаменовался грандиозными массовыми движениями, в ходе которых складывался объединенный фронт различных слоев населения, развивалось рабочее движение, движение за достижение национального суверенитета, обострялись классовые конфликты, крепла Компартия Китая. В массовых движениях преобладали национальные антиимпериалистические требования. «Движение 30 мая» 1925 г., как и Гонконг-Кантонская забастовка-бойкот,

развивавшаяся с июня 1925 г. в течение 16 месяцев при политической и материальной помощи Гоминьдана, шли на подъем. В этот период два потока революционного движения – подготовка «военной революции» национального масштаба в форме похода НРА против Пекинского правительства и национально-освободительное движение – не противостояли друг другу.

Чан Кайши, Ван Цзинвэй и М.М.Бородин. Гуанчжоу. Январь 1926 г.

Важной вехой в развитии национально-революционного движения стал II съезд Гоминьдана (Гуанчжоу, 1–19 января 1926 г.). Гоминьдан, численность которого в то время превысила 200 тыс. членов, прислал на съезд 256 делегатов, что свидетельствовало о выходе партии на общекитайский уровень. На съезде были представлены 22 провинции, 33 делегата прибыли от зарубежных китайских эмигрантских организаций. Зарубежные китайцы – члены Гоминьдана имели за границей 10 штаб-квартир, 61 бюро, 588 отделений. 90 делегатов съезда являлись коммунистами. Съезд проходил под председательством Ван Цзинвэя, руководителем коммунистической фракции был Чжан Готао, секретарем – Гао Юйхань. По сравнению с I съездом Гоминьдан расширил свою социальную базу, пополнившись представителями рабочих, крестьян, торгово-промышленных кругов.

Съезд конкретизировал позицию партии относительно формы и целей национальной революции. Суть внесенных съездом дополнений к политической программе I съезда определялась задачами реализации суньятсеновской программы «строительства государства», «трех народных принципов», положений цикла лекций Сунь Ятсена о «трех народных принципах» (1924 г.), а также тезисов различных выступлений и заявлений Сунь Ятсена и его Завещания. Учитывая опыт политической и революционной борьбы в 1924–1925 гг., Гоминьдан более четко обозначил основную форму своей революционной деятельности – поход на Север и ее главную движущую силу – армию.

II съезд Гоминьдана четче сформулировал позицию партии относительно места массовых движений в национальной революции. Митинги, демонстрации, манифестации, движения протеста и забастовки надлежало поставить под партийный контроль. Политика в отношении массового движения в дальнейшем стала причиной основных разногласий между Гоминьданом и КПК. Для Гоминьдана была неприемлемой революционная модель, составной частью которой являлись спонтанное, бесконтрольное движение народных масс, а также «вооружение народа». Съезд обозначил реформистские черты экономической и социально-политической программы и ее ориентацию на более отдаленную перспективу, т.е. не на текущий военный этап «строительства государства», а на

периоды политической опеки и конституционного правления. Курс на военную революцию получил энергичную поддержку главного политического советника Гоминьдана и Национального правительства М.М.Бородина. В своем выступлении на банкете при закрытии съезда (19 января 1926 г.) он подчеркнул необходимость укрепления партийного руководства армией. Идею мировой революции Бородин однозначно интерпретировал как освобождение угнетенных наций от колониальной и полуколониальной зависимости.

Съезд Гоминьдана подтвердил курс на сближение с коммунистами и Советской Россией (однако не ценой уступок в принципиальных программных вопросах), на сплочение революционных сил, расширение социальной базы и социального состава партии, в том числе благодаря привлечению в ряды Гоминьдана рабочих и крестьян, на формирование социально ориентированной модели развития. Съезд осудил оппозиционную деятельность правых гоминьдановцев, так называемой Сишаньской группы, которая оформилась на совещании в Сишани 23 ноября – 5 декабря 1925 г. Сишаньская фракция провозгласила свое собрание IV пленумом ЦИК Гоминьдана и объявила о создании нового ЦИК в Шанхае. Это было крупное внутрипартийное размежевание. Согласно уставу Гоминьдана этот пленум не был правомочным. Его активными участниками стали Цзоу Лу, Се Чи, Чжан Цзи, Линь Сэнь, Е Чуцан.

На II съезде Гоминьдана руководителей сишаньцев Се Чи и Цзоу Лу исключили из партии. Другим 12 участникам Сишаньского совещания съезд вынес предупреждение с уведомлением, что они должны отмежеваться от решений совещания в Сишани. Разногласия сишаньцев с официальным Гоминьданом касались двух вопросов – формы сотрудничества с коммунистами и типологии партии. Это были разногласия между сторонниками суньятсеновской доктрины приоритета партии в государстве и армии. Выступая за исключение коммунистов, они не возражали против продолжения сотрудничества с ними в форме союза двух партий, не исключалось и сохранение союзнических отношений с СССР. Фракция требовала перенести штаб-квартиру Гоминьдана в Шанхай, распустить Политсовет, существование которого противоречило уставу 1924 г. Не последнюю роль играли личные амбиции руководящих деятелей.

Отдельно на съезде стоял вопрос о Дай Цзитао, претендовавшем после смерти Сунь Ятсена на роль главного идеолога Гоминьдана. Со ссылкой на прежние заслуги Дай Цзитао перед партией он был прощен. Дай Цзитао, член ЦИК Гоминьдана, старый соратник Сунь Ятсена, после его смерти выступил в роли интерпретатора теории «трех народных принципов». В июне и июле 1925 г. он опубликовал две брошюры: «Философские основы суньятсенизма» и «Национальная революция и китайский Гоминьдан». Акцентируя в трактовке суньятсенизма конфуцианские морально-этические постулаты и подчеркивая присущие Сунь Ятсену идеи классового мира, Дай Цзитао гипертрофировал антимарксистское содержание «трех народных принципов» и четче, чем Сунь Ятсен, противопоставлял все китайское — иностранному. Неприятие Дай Цзитао коммунистической идеологии выразилось в однозначном отрицании сотрудничества

с коммунистами как наносящего вред национальной революции и в односторонней трактовке политики Советского Союза по отношению к китайской революции под углом зрения исключительно национальных интересов СССР.

Таким образом, II съезд Гоминьдана продемонстрировал довольно терпимое отношение к оппозиции, что объяснялось отсутствием глубоких разногласий с оппозиционерами и стремлением партийного руководства предотвратить раскол Гоминьдана. По мере дальнейшего развития сотрудничества Гоминьдана и КПК все яснее вырисовывались различные подходы Гоминьдана и коммунистов к вопросам стратегии и тактики в национальной революции. Расчеты Сунь Ятсена и Гоминьдана на «поглощение» КПК Гоминьданом не оправдались, что усиливало внутрипартийные разногласия в Гоминьдане по вопросу сотрудничества с коммунистами. Несмотря на обострение отношений Гоминьдана с коммунистами, съезд подтвердил директивы II и III пленумов ЦИК Гоминьдана 1-го созыва о вступлении коммунистов в Гоминьдан. На съезде также вновь разгорелась дискуссия о том, должны ли коммунисты, вступающие в Гоминьдан, публично заявлять о том, что они коммунисты.

Рост численности коммунистов среди делегатов съезда и в руководящих партийных структурах Гоминьдана (доля коммунистов-делегатов выросла с 14% на I съезде до 28% на II съезде; число коммунистов среди членов и кандидатов в члены ЦИК и ЦКК Гоминьдана – до 21 человека из 80) не означал сближения подходов Гоминьдана и коммунистов по принципиальным вопросам национальной революции – о власти и роли массовых движений. II съезд Гоминьдана в большей степени, чем I съезд, ориентировал партию на традиционные для Гоминьдана цели, сформулированные Сунь Ятсеном, подчеркнул необходимость партийного контроля над массовыми движениями. Основные положения политической программы II съезда Гоминьдана фактически свидетельствовали об иллюзорности надежд Коминтерна и ряда китайских коммунистов на возможность трансформации Гоминьдана в партию рабочих и крестьян и на завоевание коммунистами через Гоминьдан руководящей роли в национально-революционном движении.

Вместе с тем решения II съезда усилили антиимпериалистическую направленность программы и текущей политики Гоминьдана, что сыграло значительную роль в росте доверия к Гоминьдану среди населения Китая.

Подготовка Гоминьдана к военной экспедиции на Север сопровождалась законотворческой деятельностью Национального правительства в области борьбы с бандитизмом, реорганизации торговых палат и создания новых ассоциаций торговцев, продолжалась разработка рабочего законодательства. Гоминьдан способствовал организации крестьянских союзов и крестьянских отрядов самообороны. Предпринимались усилия по созданию более эффективной финансовой системы и урегулированию налоговой политики.

Однако подготовка к Северному походу уже в начале 1926 г. осложнила проведение многих преобразований. Так, весьма неблагоприятная ситуация сложилась в области налогообложения. Краткий стабилизационный период (середина

Китай накануне Северного похода

1925 г. – начало 1926 г.), характеризовавшийся частичным отказом от дополнительных налогов и появлением первых признаков контроля Центра над сбором налогов, закончился. На смену ему в марте 1926 г. пришло ужесточение налоговой политики. Одно из первых его проявлений – распоряжения Национального правительства о сборе земельных налогов вперед и о введении налога на заработную плату гражданских должностных лиц.

М.М.Бородин в Наньчане. 1926 г.

Процесс консолидации Гоминьдана под флагом подготовки к Северному походу проходил на фоне подъема массового антиимпериалистического движения, основными проявлениями которого, как уже упоминалось выше, были «движение 30 мая» 1925 г. и антиимпериалистическая Гонконг-Кантонская забастовка. Гоминьдан стал одной из руководящих сил забастовки-бойкота иностранных товаров.

Значение для судеб Гоминьдана Гонконг-Кантонской забастовки не было однозначным. С одной стороны, поддержка этой акции Национальным правительством укрепила его политические позиции и принесла ему материальные выгоды. Как свидетельствовал М.М.Бородин, доходы гоминьдановского правительства значительно возросли. С другой стороны, рост налогового бремени породил социальную напряженность в Гуандуне, недовольство среди предпринимателей, связанных с гонконгским капиталом. Продолжение Гонконг-Кантонской забастовки и бойкота английских товаров создавало опасность дестабилизации гоминьдановской власти. Одним из ее признаков являлось усиление активности стачечного комитета, который явочным порядком присваивал себе властные функции.

События в Гуандуне развивались на фоне обострения военных конфликтов в Северном Китае. В начале 1926 г. Национальные армии Фэн Юйсяна потерпели поражение от войск фэнтяньской клики. Оно было тесно связано с империалистическим вмешательством во внутренние дела Китая, которое вызвало возмущение жителей Пекина. По призыву профсоюзов и студенческих организаций, при участии гоминьдановцев и руководителей северо-китайской организации КПК 18 марта 1926 г. в Пекине прошли митинги и антиимпериалистическая демонстрация протеста, закончившиеся расстрелом демонстрантов. События на Севере оказали определенное влияние и на обстановку в Гуандуне. Обострение классовой борьбы в ходе Гонконг-Кантонской стачки усиливали противоречия внутри Гоминьдана, обостряли отношения Гоминьдана с коммунистами, сопровождались нарастанием в Гоминьдане милитаристских тенденций.

Следствием подобного развития ситуации явились так называемые «события 20 марта» 1926 г. В этот день военный лидер Гоминьдана Чан Кайши предпринял в Гуанчжоу попытку военного переворота, частично увенчавшегося успехом.

Спровоцировав инцидент с военным кораблем «Чжуншань» для заявления о «коммунистическом заговоре», Чан Кайши ввел в Гуанчжоу военное положение. Были арестованы 50 коммунистов, а также окружено войсками помещение, в котором жили советские советники и члены военно-политической комиссии Политбюро ЦК ВКП(б) во главе с членом ЦК и Оргбюро ЦК ВКП(б), начальником Политуправления РККА А.С.Бубновым (Ивановским). Политкомиссия находилась в Китае с начала февраля по конец апреля 1926 г. Эти события сопровождались разоружением войсками Чан Кайши рабочих пикетов Гонконг-Кантонского стачечного комитета.

Здравый подход комиссии А.С.Бубнова к событиям 20 марта способствовал преодолению кризиса в Гоминьдане и в отношениях Гоминьдана с Коминтерном, китайскими коммунистами и с Советским Союзом. Комиссия приняла решения об отзыве из Китая начальника южно-китайской группы военных советников Н.В.Куйбышева (Кисанька), его заместителя В.П.Рогачева и помощника по политчасти И.Я.Разгона (Ольгина), а также об ослаблении контроля политических комиссаров в армии. Советским советникам и китайским коммунистам было рекомендовано начать процесс свертывания Гонконг-Кантонской забастовки и оказывать поддержку мероприятиям гоминьдановского правительства по подготовке к Северному походу. Все эти меры ослабили напряженность. Был взят курс на урегулирование отношений советских советников и китайских коммунистов с Чан Кайши.

Тенденция к усилению военных в Гоминьдане, проявившаяся в ходе «событий 20 марта», привела к выдвижению сторонников Чан Кайши на ключевые посты в партийном и правительственном аппарате Гоминьдана, к вытеснению из руководящего состава партии Ван Цзинвэя, противника усиления военных в партии, к нарастанию в Гоминьдане антикоммунистических настроений, которые были оформлены решениями II пленума ЦИК Гоминьдана 2-го созыва (15–22 мая 1926 г.). В результате кадровых перестановок на пленуме и после него к лету 1926 г. Чан Кайши удалось сосредоточить в своих руках партийную, административную и военную власть. Пополняя своими сторонниками руководящие структуры партии, армии и правительства, он добился ускорения подготовки Северного похода.

Решения II пленума ЦИК Гоминьдана 2-го созыва об ограничении числа коммунистов в ЦИК $^1/_3$ от общей его численности, запрет коммунистам возглавлять отделы ЦИК имели далеко идущие последствия для Гоминьдана, потерявшего в Центре и на местах опытных руководителей и умелых пропагандистов.

Решение о начале революционной войны против северных милитаристов под лозунгом объединения Китая принял чрезвычайный пленум ЦИК Гоминьдана (Гуанчжоу, 4–6 июля 1926 г.). В манифесте пленума подчеркивалось, что и Сунь Ятсен, и Гоминьдан всегда предпочитали мирный путь объединения страны, однако милитаристская система, поддерживаемая империализмом, не давала и не дает возможности его реализовать. Поэтому остается лишь военный путь национальной революции. Манифест главнокомандующего НРА Чан Кайши от 9 июля 1926 г. официально провозгласил начало Северного похода.

Северный поход Национально-революционной армии. Общенациональный подъем и последующий кризис в революционном лагере

План Северного похода был разработан при участии советских военных специалистов во главе с В.К.Блюхером. Его авторитет в гоминьдановской среде, прежде всего у китайского генералитета, был весьма высок. Северный поход проходил в атмосфере революционного подъема, который стимулировался в значительной степени усилиями КПК. Рост национального самосознания, способствовавший победе революционных войск, происходил на фоне кризиса конституционной идеи и разложения Пекинского правительства.

Важное значение для успеха Северного похода имела поддержка СССР. Наряду с морально-политической поддержкой большое значение для НРА имела помощь группы советских военных советников в разработке общего плана военного похода и отдельных военных операций, включая операции Национальных армий Фэн Юйсяна. Большую роль в повышении боевой мощи НРА сыграли финансовая помощь и поставки из СССР оружия и самолетов, содействие в подготовке для Гоминьдана и его армии политических и военных руководящих кадров. Принесла свои плоды также пропагандистская, разъяснительная и организационная работа Гоминьдана и коммунистов в массах.

Первый этап Северного похода, датируемый июлем 1926 г. – апрелем 1927 г., был временем наиболее значимых военных побед и подъема массового движения. На волне революционного подъема несколько упрочились позиции коммунистов. Посты начальников политотделов 2-го, 6-го корпусов, войск охраны тыла НРА заняли коммунисты Ли Фучунь, Линь Цзухань и Сунь Бинвэнь, секретарем Политуправления НРА стал Го Можо. Отдельный полк коммуниста Е Тина после взятия Уханя был реорганизован и стал 24-й дивизией.

Военная экспедиция НРА осуществлялась по двум направлениям. Основная часть войск в июле 1926 г. начала наступление на Хунань и в августе завершила освобождение этой провинции. В октябре НРА взяла Ухань – важный политический и экономический центр в среднем течении Янцзы. В этих сражениях войска У Пэйфу потерпели поражение, от которого не смогли оправиться. Тяжелые бои развернулись в сентябре 1926 г. в ходе наступления НРА на войска Сунь Чуаньфана в пров. Цзянси. В ноябре НРА освободила столицу Цзянси, г. Наньчан, в декабре – пров. Фуцзянь. В конце года начались военные действия в провинциях Чжэцзян и Цзянсу.

К концу 1926 г. Национальное правительство контролировало семь провинций КР и в китайском и зарубежном общественном мнении оно стало восприниматься как важнейший военно-политический фактор дальнейшего развития страны. На севере Китая активизировались Национальные армии Фэн Юйсяна. В ноябре 1926 г. они поставили под свой контроль пров. Шэньси, а в декабре заняли северо-западную часть пров. Хэнань, на которую было нацелено наступление НРА.

Северный поход НРА и национально-освободительное движение во второй половине 20-х годов

В начале 1927 г. НРА предприняла наступление в восточном направлении – на Шанхай – главный экономический и политический центр Восточного Китая. Занятие силами НРА крупных городов поддерживалось местным населением, это стало характерной особенностью «военной революции» Гоминьдана, отличавшей Северный поход от прежних войн между милитаристскими группировками. Наиболее яркий пример подобного развития событий показал Шанхай. Начиная с февраля 1927 г. в Шанхае было предпринято несколько попыток свержения режима Сунь Чуаньфана. Организаторами этих попыток выступали местные организации Гоминьдана и КПК, опиравшиеся на сложившийся широкий антимилитаристский единый фронт. За неудачными февральскими попытками последовал успех всеобщей забастовки в Шанхае 21 марта, а затем и вооруженного восстания 22 марта, в котором главную роль сыграли вооруженные рабочие пикеты. Восставшие победили в тот момент, когда предместья Шанхая фактически заняли части НРА, а войска Сунь Чуаньфана потерпели поражение. 22 марта НРА вступила в уже освобожденный восставшими город. Освобождением Нанкина, последовавшим сразу после взятия Шанхая, завершился первый этап Северного похода. Под властью Национального правительства оказались юг страны и часть бассейна Янцзы.

Северный поход НРА существенно активизировал антиимпериалистические выступления населения, что убедительно проявилось в борьбе за возвращение Китаю английских концессий в Ханькоу и Цзюцзяне в январе 1927 г. Борьба рабочих иностранных предприятий за свои права постепенно распространялась и на предприятия, принадлежавшие китайскому капиталу.

Бурное развитие в связи с Северным походом НРА переживало крестьянское движение, уровень которого ко времени завершения первого этапа Северного похода нередко выходил за допустимые для гоминьдановской власти границы. НРА получала поддержку со стороны крестьянских союзов в различных формах – в обеспечении армии носильщиками, в снабжении ее продовольствием и даже в виде прямого участия в боевых действиях. Между тем в освобожденных от милитаристов местностях положение крестьянского населения не менялось к лучшему, что нередко приводило к выступлениям против новой власти. Наиболее массовым из них было восстание «красных пик» в Хэнани.

В ходе Северного похода вновь усилились внутрипартийные разногласия. Основной водораздел размежевания в Гоминьдане того времени проходил по линии отношения членов Гоминьдана к начавшейся милитаризации партийного руководства и упрочению личной власти Чан Кайши. Этот процесс сопровождался ограничением внутрипартийной демократии и отходом от коллегиальных начал в руководстве партией и государством. Тенденция к укреплению властных позиций военных в партийном руководстве и в правительстве неуклонно развивалась, что в конечном итоге предопределило эволюцию Гоминьдана вправо.

Попытка противостоять усилению военных была предпринята на конференции ЦИК Гоминьдана с участием представителей провинциальных и особых городских комитетов Гоминьдана, а также представителей его зарубежных орга-

низаций (Гуанчжоу, 16–26 октября 1926 г.). Сформулировав ряд полезных рекомендаций, конференция вместе с тем показала недостаточную степень разработки конкретной социально-экономической и политической программы, ориентированной на весь Китай. Хотя конференция и подтвердила приверженность Гоминьдана прежнему курсу, ее участники не решились ослабить позиции Чан Кайши и его сторонников. Командные позиции в армии сохранились за ними, а неподготовленность Гоминьдана к роли руководящей силы в общенациональном масштабе стимулировала дальнейшее усиление военной группировки.

Фактором, стабилизирующим деятельность Национального правительства, являлась материально-финансовая поддержка Северного похода советской стороной. Ее значение определялось не только количественными показателями, но и своевременностью этой помощи. Материально-финансовая поддержка Национального правительства Советским Союзом не прерывалась даже в периоды натянутых отношений Гоминьдана с Москвой. Организуемые Коминтерном пропагандистские кампании во всем мире под лозунгом «Руки прочь от Китая!» препятствовали прямому вмешательству империалистических держав в ход китайской революции.

Вплоть до июня 1927 г. Коммунистический университет трудящихся Востока (октябрь 1921 – конец 1930-х годов), Университет трудящихся Китая имени Сунь Ятсена (1925–1930) и ряд военных вузов СССР готовили китайские военно-политические командные кадры для НРА. Несмотря на то что Гоминьдан на рубеже 1926–1927 гг. отказался от односторонней ориентации на помощь СССР, эта помощь вплоть до разрыва Гоминьдана с Коминтерном оставалась существенным фактором, оказывавшим влияние на успехи Гоминьдана в объединении страны.

Противоречия в Гоминьдане обострились уже в декабре 1926 – январе 1927 г. 26 ноября 1926 г. Политсовет Гоминьдана постановил перенести столицу в Ухань. Однако значительная часть партийных функционеров Гоминьдана и большинство членов Национального правительства не доехали до Ухани и остались в ставке Чан Кайши в Наньчане. Обострились и отношения между Чан Кайши и М.М.Бородиным. 13 декабря 1926 г. в Учане (часть уханьского Трехградья) был учрежден Временный объединенный совет ЦИК и Национального правительства. Он стал играть роль единого руководящего партийно-правительственного органа. Хотя формально чанкайшистский центр Гоминьдана в Наньчане и признавал власть Временного объединенного совета в Ухани, но фактически действовал самостоятельно. Власть военных укреплялась, а партия теряла свои позиции даже в области политического воспитания. Формирование политотделов НРА – изначально прерогатива партии – осуществлялось не партией, но военными штабами. Наблюдалась тенденция появления слоя «новых милитаристов» из числа бывших выпускников школы Хуанпу. Военные перехватывали и оставляли в своем распоряжении налоговые поступления, реанимируя тем самым милитаристскую практику, взяли в свои руки назначение кадров в сфере финансов и налоговой политики.

Очередную попытку стабилизировать ситуацию и ограничить власть военных структур предпринял III пленум ЦИК Гоминьдана 2-го созыва (Ханькоу, 10–17 марта 1927 г.). Раскол между членами ЦИК Гоминьдана и Национального правительства, находившихся в Ухане и в Наньчане, делал практически нелегитимными действия руководящих органов обеих сторон. Поэтому признание пленумом постфактум законности Объединенного совета имело важное значение для укрепления позиций уханьского руководящего центра. Пленум принял ряд постановлений, направленных на восстановление коллегиальных начал в партийном строительстве и ограничение влияния военных в партии и государстве. Чан Кайши лишился руководящего поста в организационном отделе ЦИК Гоминьдана, который возглавил Ван Цзинвэй (до его приезда обязанности руководителя орготдела ЦИК Гоминьдана исполнял У Юйчжан). Членами Постоянного комитета Национального правительства были избраны Ван Цзинвэй, Тань Янькай, Сунь Кэ, Сюй Цянь и Сун Цзывэнь.

Другой серьезной мерой ограничения власти Чан Кайши стало решение о воссоздании Военного совета, который после событий 20 марта 1926 г. незаметно сошел со сцены, и верховная военная власть перешла в руки главнокомандующего. Чан Кайши лишился также постов председателя Военного совета, заведующего отделом военных кадров ЦИК и начальника Центральной военной школы. Таким образом, власть Чан Кайши была несколько ограничена. В его руках, однако, оставались важные рычаги управления – посты главнокомандующего НРА, члена Постоянного комитета ЦИК Гоминьдана и члена Президиума Военного совета. Общий настрой участников пленума отразило заключительное выступление председателя Объединенного совета ЦИК Гоминьдана и Национального правительства Сюй Цяня. Он выразил надежду на утверждение коллективных начал в партийном руководстве и недопущение установления режима личной власти в партии и государстве.

Пытаясь ослабить социальную напряженность в деревне, пленум создал Аграрную комиссию, в работе которой принимали участие представители 15 провинций, а в качестве советников выступали советские специалисты Е.Иолк и О.Тарханов. Комиссия работала с конца апреля до 6 мая 1927 г. Реальным результатом ее деятельности стала подготовка закона о защите арендаторов, опубликованного 9 мая 1927 г. Этот закон установил предельную норму арендной платы – не более 40% урожая, но на практике не выполнялся.

Решения пленума характеризовались определенным повышением внимания Гоминьдана к нуждам трудящихся, хотя в целом не вышли за рамки соответствующих установок I и II съездов партии. Исключение представляло решение о введении коммунистов в состав Национального правительства. Тань Пиншань стал министром сельского хозяйства, а Су Чжаочжэн – министром труда. Была также принята резолюция «Об объединении революционных сил», которая приблизила интерпретацию сотрудничества Гоминьдана с КПК к концепции равноправного межпартийного взаимодействия. В целом пленум остался на позициях прежней реформистской политики, во главе угла по-прежнему оставались

вопросы централизации во всех сферах и задача усиления партийного руководства.

Существенным фактором, способствовавшим углублению противоречий между Наньчанским и Уханьским Гоминьданом, стала постепенная радикализация политики КПК в национальной революции. Это происходило как под влиянием объективных факторов развития массового движения, так и в связи с решениями VII расширенного пленума ИККИ (22 ноября – 16 декабря 1926 г.), на котором была принята концепция национальной революции, противоречившая программе и политике Гоминьдана. Иллюзии Коминтерна относительно возможности трансформации Гоминьдана и манипулирования им лежали в основе этой новой концепции. Резолюция VII пленума ИККИ по вопросу о положении в Китае пересмотрела некоторые основополагающие установки II конгресса Коминтерна (1920 г.), игнорировала стремление Гоминьдана выражать интересы широких социальных слоев, включая военных и часть землевладельческих классов и других имущих социальных слоев. Пленум ориентировал на быстрое перерастание буржуазно-демократической революции в революцию некапиталистическую или социалистическую по типу Октябрьской революции в России со всеми их атрибутами, включая усиление роли рабочего и крестьянского движения в революционном процессе, выдвижение КПК на ведущую роль в национально-революционном движении. Он дал установку левым силам Гоминьдана осуществлять демократизацию власти на местах явочным порядком, без санкции Национального правительства. В сущности, речь шла о создании новой власти в ходе Северного похода. В конечном итоге изложенный в этой резолюции противоречивый план нацеливал представителей Москвы, Коминтерна и китайских коммунистов на ведение подрывной работы в Гоминьдане и на его раскол.

Вначале руководство КПК в лице его генсека Чэнь Дусю негативно отреагировало на решения VII пленума ИККИ. Однако под давлением представителей ИККИ и подчиняясь партийной дисциплине, КПК официально приняла линию Коминтерна на V съезде партии (27 апреля – 9 мая 1927 г.).

Сложившаяся к весне 1927 г. политическая ситуация на революционном Юге характеризовалась фактическим двоевластием, экономической и политической слабостью правительства Гоминьдана в Ухани и непризнанием решений III пленума ЦИК Гоминьдана 2-го созыва со стороны военных кругов и Чан Кайши. К марту 1927 г. номинально под контролем Уханьского правительства находились десять провинций, реальной же властью оно обладало только в четырех провинциях: Гуандуне, Хунани, Хубэе и Цзянси. 80% средств, находившихся в распоряжении правительства, уходило на финансирование Северного похода. Уханьское правительство не смогло не только утвердиться в освобожденных районах, но и не сумело подчинить себе НРА. Внутри НРА наблюдалась тенденция роста военного сепаратизма. Если в сентябре 1926 г. состав НРА увеличился с 8 до 14 корпусов (с 50–60 тыс. до 150 тыс. человек), то буквально через несколько месяцев боевой состав НРА был доведен до 30–40 корпусов общей численностью в несколько сотен тысяч человек, ввиду вхождения в состав ар-

мии Северного похода войск побежденных милитаристов. Надлежащая политработа в такой армии сталкивалась с большими трудностями.

Уханьское правительство пыталось активно действовать во многих сферах – военной, внешнеполитической, здравоохранения, рабочего и аграрного законодательства, юриспруденции. Довольно эффективной была его работа по развитию коммуникаций, организации почты, телеграфа и радиосвязи. Успехи же правительства в сельском хозяйстве, промышленности и торговле были более чем скромными. В области управления также не проводилось сколько-нибудь конструктивной политики. Финансовая политика правительства была направлена в основном на получение средств для финансирования Северного похода. Введение дополнительных налогов (налог на собственность, гербовый сбор, увеличение на 12,5% единого налога на винно-водочные изделия и табак, на 20% – платы за электричество, телефон и телеграф) снижало жизненный уровень населения и усиливало оппозиционные настроения среди промышленных и торговых страт. Результатом налогово-финансовой политики и левацких проявлений в рабочем движении стало также массовое бегство представителей различных слоев населения с территорий, контролируемых Уханьским правительством.

Военные круги игнорировали принятое III пленумом ЦИК Гоминьдана 2-го созыва постановление об унификации финансов. Чан Кайши по-прежнему единолично назначал глав местных администраций и распоряжался налоговыми поступлениями. Такая ситуация была характерна для Шанхая, Цзянсу и Чжэцзяна. По признанию министра финансов Уханьского правительства Сун Цзывэня, ему не удалось наладить контакт с большинством представителей шанхайских экономических кругов.

В апреле–мае 1927 г. иностранные предприниматели в массовом порядке прекращали производственную деятельность. Нарушения законности, принявшие широкие масштабы в результате в том числе левацких эксцессов в рабочем и крестьянском движении, вели к падению авторитета уханьского Гоминьдана. Между тем углубление экономического и политического кризиса в Ухани, развивавшегося на фоне обострения отношений с западными державами, соответствующим образом укрепляло позиции Чан Кайши. В лице Чан Кайши торгово-промышленные слои, военные круги и даже западные державы склонны были видеть гаранта политической и социальной стабильности. Проявив незаурядные организаторские способности, умение лавировать, Чан Кайши последовательно расширял личное влияние в армии и завязывал контакты с буржуазными и землевладельческими слоями. Укреплению позиций Чан Кайши способствовали его связи с деловыми кругами крупнейшего китайского мегаполиса Шанхая, а также с влиятельным криминальным синдикатом «Цинбан» («Зеленое братство»), которые складывались в течение 1913-1922 гг.

В освобожденных НРА провинциях Чан Кайши формировал подконтрольный ему военно-административный аппарат. Политика сдерживания, а затем и подавления рабоче-крестьянского движения, которой следовала группировка Чан Кайши, вылилась в разгром 12 апреля 1927 г. рабочих и коммунистических ор-

ганизаций в Шанхае. Чан Кайши предпринял жесткие меры по разоружению рабочих пикетов, солдаты стреляли в рабочих, причем шанхайская буржуазия приветствовала наведение порядка. 12–15 апреля подобные акции последовали в Нанкине, Ханчжоу, Нинбо, Аньцине, Фучжоу, Гуанчжоу.

Нарастали противоречия и внутри уханьского Гоминьдана, члены которого зачастую не проводили в жизнь свои собственные решения. Попытки стабилизировать ситуацию провалились, оказались безуспешными и такие запоздалые действия, как принятие ряда декретов Национального правительства по упорядочению деятельности профсоюзов и по регулированию массовых движений. Свое спасение практически обанкротившееся правительство видело в продолжении Северного похода, что делало неизбежным сохранение связей с военными ведомствами и структурами, агрессивно враждебными коммунистам.

Радикализация китайской политики Коминтерна и курса КПК в апреле–мае 1927 г. стала реакцией на события в Нанкине и Шанхае, на общую атмосферу антисоветской и антикоммунистической истерии, подогревавшейся западными державами. Бомбардировка Нанкина военными кораблями Англии и Франции 24 марта 1927 г., предпринятая в ответ на антииностранные инциденты, имевшие место во время отступления милитаристских войск из Нанкина, реально угрожали национальной революции.

В апреле 1927 г. наиболее грубой антисоветской провокацией стала акция чжанцзолиневских властей в Пекине 6 апреля 1927 г. Солдаты «старого маршала» ворвались в советское полпредство и схватили нескольких сотрудников и находившихся там китайских коммунистов. 28 апреля арестованные китайские коммунисты, среди которых был один из лидеров КПК профессор Ли Дачжао, были казнены. Провокационные полицейские налеты на советские консульства произошли также в Шанхае, Тяньцзине, Гуанчжоу. Эти акции свидетельствовали о враждебности Гоминьдана коммунистам и, в свою очередь, усугубляли в СССР и в Коминтерне недоверие к Чан Кайши. В таких обстоятельствах Чан Кайши пытался отмежеваться от какой-либо причастности к событиям в Пекине. 8 апреля 1927 г. он направил временному поверенному в делах СССР в Китае А.С.Черных телеграмму, в которой характеризовал налет на советское полпредство в Пекине как «акт беспрецедентного насилия, произведенного под прямым руководством империалистических держав».

Дальнейшее укрепление власти Чан Кайши и его группировки способствовало углублению конфронтации Гоминьдана с коммунистами. Безуспешной попыткой предотвратить официальный раскол среди руководства Гоминьдана и сгладить недовольство Гоминьдана коммунистами стало и возвращение в начале апреля Ван Цзинвэя в Ухань с целью возобновления активной политической деятельности. С образованием 18 апреля 1927 г. в Нанкине правительства Чан Кайши раскол Гоминьдана стал официально зафиксированным фактом. Установление двоевластия усиливало и в Уханьском Гоминьдане тенденцию к размежеванию с коммунистическим движением. Нанкинское правительство Чан Кайши получило поддержку со стороны сишаньской группировки правых го-

миньдановцев, гоминьдановских «новых милитаристов» и шанхайской буржуазии. Решения Политбюро ЦК ВКП(б) от 21 и 27 апреля 1927 г. об отзыве советских советников из ставки Чан Кайши и из его частей НРА и об их прикомандировании к Национальному правительству в Ханькоу фактически прервали связи Коминтерна и СССР с той частью Гоминьдана, которая поддерживала Нанкинское правительство.

Плачевное материальное положение Уханьского правительства толкало Уханьский Гоминьдан к поиску путей преодоления раскола и к сближению с военными, все более отрицательно расценивавшими сотрудничество Гоминьдана с коммунистами. В апреле 1927 г. правительство в Ухане решило начать второй этап Северного похода. Одновременно о продолжении Северного похода НРА заявил и Чан Кайши. Важной составной частью военных планов Уханьского правительства был расчет на совместные военные операции с Национальными армиями Фэн Юйсяна. В апреле 1927 г. уханьская армия во главе с генералом Тан Шэнчжи начала наступление с юга в пров. Хэнань, а войска Фэн Юйсяна наступали на эту провинцию с запада. Результатом стало поражение фэнтяньских войск и соединение уханьских военных частей с армией Фэн Юйсяна. До завершения Северного похода, однако, было еще далеко, а раскол Гоминьдана делал эту цель труднодостижимой. Фэн Юйсян, укрепив свои позиции, действовал по собственному плану. В расчеты Фэн Юйсяна также входило размежевание с коммунистами. 11–12 июня в Чжэнчжоу на встрече Фэн Юйсяна с Ван Цзинвэем было заключено секретное соглашение, направленное против КПК и рабоче-крестьянского движения. Через некоторое время Фэн Юйсян встретился с Чан Кайши в Сюйчжоу, где была достигнута договоренность о совместном давлении на Уханьский Гоминьдан с целью восстановления единства партии. После этой встречи с Чан Кайши Фэн Юйсян фактически предъявил Ван Цзинвэю ультиматум, поддержанный уханьским генералитетом.

Отход Уханьского Гоминьдана от политики единого фронта четко обозначился в его позиции «умиротворения» генеральских мятежей мая–июня 1927 г. – Ся Доуиня в Хубэе, Сюй Кэсяна в Чанша, Чжу Пэйдэ в Наньчане, – направленных против коммунистов и рабоче-крестьянского движения. Уханьское правительство не могло длительное время прибегать к тактике лавирования. Деятельность массовых организаций на местах и особенно стихия массовых выступлений крестьян вызывали растущее недовольство офицеров НРА, которые в своем большинстве были выходцами из богатых семей.

В обстановке растущего отчуждения между Уханьским правительством и его генералами правительство Ван Цзинвэя стало все теснее смыкаться с военной группировкой Тан Шэнчжи. В выступлении в июне 1927 г. Ван Цзинвэй говорил: «Коммунисты предлагают нам идти вместе с массами… Вот Чан Кайши без массы держится крепко. А нам предлагают идти с массами, но это значит идти против армии. Нет, мы пойдем лучше без масс, но вместе с армией». Линия Уханьского Гоминьдана на разрыв с коммунистами становилась все более явной; в то же время Уханьское Национальное правительство стремилось не обострять

отношений с Советским Союзом и Коминтерном, все еще рассчитывая на их поддержку.

В то время как в Коминтерне в соответствии с ошибочной концепцией «углубления аграрной революции» искали выход из сложившейся ситуации, в Гоминьдане зрело решение о разрыве сотрудничества с коммунистами. Размежевание с коммунистическим движением рассматривалось также как необходимая предпосылка воссоединения Гоминьдана. 19 июля Военный совет Уханьского правительства отдал приказ о запрете деятельности КПК в армии.

Гоминьдан довольно единодушно отмежевался от коммунистического движения, как только под угрозой оказались его политические и организационные основы, когда Коминтерн и Политбюро ЦК ВКП(б) своими майскими директивами 1927 г. фактически дали установку на государственный переворот, направленный против Уханьского Гоминьдана. Разрыв Ухани с коммунистами вызвал ответную реакцию Коминтерна и Москвы. Решением Политбюро ЦК ВКП(б) от 21 июля 1927 г. об отзыве советских советников из армии Ухани и о немедленном отъезде М.М.Бородина в Москву, по существу, закончился период взаимодействия Коминтерна и Гоминьдана. 26 июля 1927 г. Политсовет ЦИК Гоминьдана предложил всем коммунистам, желающим сохранить свои посты в Гоминьдане, отмежеваться от КПК. После выхода министров-коммунистов Тань Пиншаня и Су Чжаочжэна из Уханьского правительства руководство КПК стало переходить на нелегальное положение. После разрыва Гоминьдана с коммунистами прекращалась и весьма важная для Гоминьдана помощь СССР военными советниками, а также материально-финансовая поддержка Северного похода, включая подготовку военно-политических кадров в Китае и в СССР.

Однако и после принятия курса на изгнание коммунистов из Гоминьдана борьба группировки Ван Цзинвэя с подконтрольным Чан Кайши Нанкином закончилась не сразу. В ряде провинций вновь оживились партикуляристские и сепаратистские настроения, захватившие частично и гоминьдановских военных и политических лидеров Гуандуна, Гуанси, Шаньси. Хотя внутрипартийная борьба мешала планомерному ведению военных действий против северных милитаристов, все же возникли определенные предпосылки для совместного продолжения Северного похода.

Летом 1927 г. части Чан Кайши потерпели поражение в районе Сюйчжоу, что способствовало усилению гуансийских генералов Ли Цзунжэня и Бай Чунси. В этой ситуации 12 августа Чан Кайши счел полезным подать в отставку и уехать в Японию. Следующий этап военных действий характеризовался наступлением милитариста Сунь Чуаньфана на обосновавшихся в районе Нанкина гуансийских генералов, вынужденных обратиться за помощью к уханьцам. Совместными усилиями наступление Сунь Чуаньфана было отбито. Дальнейшему ведению военных операций препятствовала неопределенность с созданием руководящих структур. Учрежденное в апреле 1927 г. Нанкинское Национальное правительство к тому времени утратило дееспособность. К завершающему этапу Северного похода Гоминьдан смог приступить только после окончательного сформирования партийно-государственной власти.

Национальное правительство в Нанкине. 1927 г.

Переезд в сентябре 1927 г. в Нанкин уханьских лидеров поставил на повестку дня вопрос о создании новой центральной власти. 15 сентября 1927 г. был учрежден Специальный комитет, призванный подготовить созыв IV пленума ЦИК Гоминьдана 2-го созыва. В его задачи входило достижение единства в партии и воссоздание признанного всеми членами Гоминьдана Национального правительства. В обстановке острой политической борьбы, развернувшейся в связи с подготовкой пленума, Чан Кайши получил возможность опять включиться в политическую жизнь. В ноябре 1927 г. он возвратился в Китай и в декабре вновь получил пост главнокомандующего НРА. В феврале 1928 г. состоялся IV пленум ЦИК Гоминьдана 2-го созыва, который образовал новое Национальное правительство во главе с Тань Янькаем. Чан Кайши занял пост главы Военного совета. Столицей Китайской Республики был официально провозглашен Нанкин. Решения IV пленума способствовали консолидации власти, что создало условия для продолжения с апреля 1928 г. Северного похода.

Завершение Северного похода и объединение страны

В военные действия против бэйянских милитаристов Чан Кайши вступил в союзе с генералом Фэн Юйсяном и шаньсийским милитаристом Янь Сишанем. Эта экспедиция НРА оказалась весьма успешной. В самом начале июня 1928 г. НРА заняла Тяньцзинь, а в Пекин войска Национального правительства вступили 8 июня 1928 г., завершив тем самым Северный поход. Завершилась и нацио-

Наступление Китайской национальной армии в Северном Китае (2-я фаза)

нальная революция, основными задачами которой Сунь Ятсен и Гоминьдан провозглашали победу над бэйянскими милитаристами и объединение Китая под гоминьдановской властью. Поскольку столицей нового Китая стал Нанкин (Наньцзин – Южная столица), Пекин (Бэйцзин – Северная столица) был переименован в Бэйпин (Северное Спокойствие).

Установлению контроля центрального Нанкинского правительства над провинциями Северо-Востока – Маньчжурией предшествовало согласие Чжан Цзолиня на заключение почетного мира. Чжан Цзолинь сам обратился к Чан Кайши

с предложением прекратить «семейную ссору», а затем приказал прекратить боевые действия против НРА «во имя спасения родины». 3 июня 1928 г. спецпоезд Чжан Цзолиня отбыл с Пекинского вокзала в Мукден (Шэньян). В Пекине осталось лишь небольшое подразделение войск Чжан Цзолиня для охраны порядка в городе до вступления в Пекин частей НРА. 4 июня 1928 г. Чжан Цзолинь, подъезжая в своем поезде к Мукдену, получил смертельные ранения в грудь в результате взрыва бомбы, заложенной в железнодорожное полотно на участке дороги, охранявшемся японскими военными. Через несколько часов Чжан Цзолинь скончался. Вместе с ним погибли еще 17 человек. Существует версия, что убийство генералиссимуса организовали офицеры японской Квантунской армии, недовольные неспособностью и нежеланием Чжан Цзолиня остановить победоносное продвижение на Север армии Национального правительства.

Чжан Сюэлян

Неизбежность победы НРА над северными милитаристами еще раньше осознал сын Чжан Цзолиня – Чжан Сюэлян, принимавший в 1926–1927 гг. активное участие в войне с НРА и получивший от своего отца весной 1927 г. маршальский титул. После похорон Чжан Цзолиня его сын был официально провозглашен правителем «Трех провинций Северо-Востока». 17 июня 1928 г. он вступил в должность губернатора своей родной пров. Фэнтянь (Ляонин). Националистически настроенный «молодой маршал» отверг предложение Японии противодействовать утверждению власти Гоминьдана в Маньчжурии, и 29 декабря 1928 г. в Мукдене был поднят гоминьдановский флаг. Нанкинское Национальное правительство, со своей стороны, признало широкие полномочия властей Маньчжурии как во внутренней, так и во внешней политике. Подобное отношение центральной власти в Нанкине к крупным провинциальным объединениям, не гарантировавшее Центру полноты власти и контроля над местными властными структурами, определяло в значительной степени специфику взаимодействия центральной и провинциальных властей Китая и в дальнейшем.

После того как власть Гоминьдана в марте 1929 г. признал духовный и светский правитель Тибета Далай-лама XIII, Нанкинское Национальное правительство формально утвердилось почти во всей стране.

Успех «военной революции» позволил ЦИК Гоминьдана к концу 1928 г. заявить о завершении военного этапа «строительства государства» и о вступлении с начала 1929 г. в период политической опеки, как это предусматривалось Сунь Ятсеном. После более чем 10-летнего периода раздробленности страны и сосуществования двух враждебных правительств на Севере и Юге Китая страна обрела единый политический центр. И хотя достигнутое объединение было довольно поверхностным, положение Центрального правительства было более прочным по сравнению со всеми предшествовавшими правительствами 1916–1928 гг.

Сформулированные Сунь Ятсеном и направленные им в практическое русло идеи национального возрождения, предусмотренные на военном этапе «строительства государства», в значительной части были реализованы. Завершение национальной революции военной победой Гоминьдана стал фактом. Приход к власти Национального правительства и разгром бэйянских милитаристов сопровождались вместе с тем утратой ряда демократических завоеваний в социально-политической сфере, обусловленной милитаризацией Гоминьдана и его разрывом с КПК. Элементы компромисса с милитаристскими группировками, переходившими на сторону Гоминьдана с частичным сохранением своей самостоятельности способствовали до некоторой степени возрождению военного сепаратизма и эволюции Гоминьдана «вправо». Гоминьдан не смог обеспечить в дальнейшем эффективного контроля над местными властями, сохранялись предпосылки для возрождения регионализма в масштабах всей страны. Гоминьдан также был недостаточно активен в деле проведения социально-экономических и политических реформ.

Отказавшись от поддержки коммунистов, Гоминьдан лишился опытных помощников в области партийного строительства, а также резко ослабил социальную ориентацию своей политики. Трагически закончившееся сотрудничество между Гоминьданом и китайскими коммунистами на долгие годы деформировало отношение Гоминьдана к проблемам социальной политики.

В соответствии с суньятсеновским планом «строительства государства» III съезд Гоминьдана (15–28 марта 1929 г.) провозгласил окончание военного периода «строительства государства» и объявил о начале периода политической опеки. Съезд отметил эволюцию политики иностранных держав в сторону признания Нанкинского правительства, констатировал начало формирования таможенной политики в Китае, а также подтвердил намерение Гоминьдана решать вопросы полного восстановления суверенитета страны политическими средствами.

Одобренная III съездом Гоминьдана модель «строительства государства», отражавшая в общих чертах взгляды Сунь Ятсена, отличалась от них бóльшим авторитаризмом. Тем не менее она предоставляла определенные возможности для социально-экономического и государственно-политического развития Китая. Вместе с тем социальная ориентированность программных разработок Сунь Ятсена, а также решения первых двух съездов Гоминьдана в целом признавались несозвучными начальному периоду этапа политической опеки ввиду сохранявшейся нестабильности и кратковременности пребывания партии у власти в масштабах всей страны.

Глава 7
Развитие коммунистического движения

Образование КПК и разработка партийной программы. Рост рабочего движения

У истоков социалистического движения в Китае стояли два профессора Пекинского университета – Ли Дачжао и Чэнь Дусю, которые обратились к марксизму после Октябрьской революции в России. Кроме них известную роль в раннем распространении марксизма в Китае сыграли представители китайской прогрессивной студенческой молодежи (Ян Паоань, Ли Да), познакомившиеся с учением К.Маркса во время учебы в Японии. По возвращении из Японии в Китай они опубликовали в 1919 г. ряд статей о марксизме, переводов книг об историческом материализме, экономическом учении К.Маркса.

В 1919–1921 гг. идеи научного социализма в Китае распространились довольно широко. К августу 1920 г. в Китае было издано 16 работ, пропагандирующих марксизм. В частности, в Шанхае в переводе на китайский язык вышел «Манифест Коммунистической партии» К.Маркса и Ф.Энгельса. Там же в переводе вышла вторая часть работы Ф.Энгельса «Развитие социализма от утопии к науке» под названием «Научный социализм». В 1921 г. в переводе на китайский язык вышла работа К.Маркса «Наемный труд и капитал». С 1 июля 1920 г. по 1 июня 1921 г. было переведено на китайский язык и вышло в свет несколько работ В.И.Ленина: «Государство и революция», «Экономика и политика в эпоху диктатуры пролетариата» и др.

Новый этап, характеризующийся идеологическим, политическим и организационным оформлением сторонников марксизма в Китае, связан с развитием контактов между коммунистически настроенными китайцами и Коминтерном. «Движение 4 мая» 1919 г. привлекло внимание международного коммунистического движения к политической ситуации в Китае. В апреле 1920 г. из Владивостока была направлена в Китай первая группа коммунистов во главе с Г.Н.Войтинским (Зархин), в которую входили М.Ф.Кузнецова (жена Войтинского) и Ян Минчжай. Усилиями Г.Н.Войтинского и его группы были организованы кружки по изучению марксизма с перспективой создания на их базе социалистической или коммунистической партии Китая. На основе Общества по изучению марксизма в Шанхае в июне 1920 г. на специально созванном совещании была создана самая первая в Китае коммунистическая группа (в китайской историографии она называется «самой ранней в стране Коммунистической партией»), секретарем которой стал Чэнь Дусю. В работе совещания участвовали Чэнь Дусю,

Ли Ханьцзюнь, Юй Сюсун, Шэнь Сюаньлу, Ши Цуньтун, Чэнь Гунбо. Был принят проект программы партии из 10 пунктов, в который входили положения об установлении диктатуры рабочего класса, производственном кооперировании и т.д. Это совещание заложило основы будущей Компартии Китая. Шанхайская организация взяла на себя функции руководящего центра по созданию коммунистических кружков и союзов социалистической молодежи в других городах. Шанхайский центр направлял на места инструктивные письма, командировал своих уполномоченных, налаживал работу по организации коммунистической и рабочей печати, рабочих школ и профсоюзов.

В августе 1920 г. в Шанхае было образовано Центральное революционное бюро (ревбюро) из пяти человек, включая Ли Дачжао. К осени 1920 г. такие бюро были созданы в Пекине, Тяньцзине, Гуанчжоу. Шанхайское ревбюро имело три секции: издательскую, информационно-агитационную и организационную. Издательская секция располагала в Шанхае собственной типографией. Коминтерн финансировал издательскую и другую деятельность Шанхайского ревбюро. Издательская деятельность шанхайской, пекинской, позже и гуанчжоуской коммунистических групп способствовала повышению теоретического уровня революционной интеллигенции. Кроме того, Г.Н.Войтинский учредил в Шанхае Русско-китайское информационное бюро (с отделением в Пекине), действовавшее под руководством Ян Минчжая. Бюро снабжало более 30 китайских газет материалами из периодических изданий компартий различных стран Запада и из журнала «Коммунистический Интернационал» (официальный орган Коминтерна).

С осени 1920 г. журнал «Синь циннянь» стал органом шанхайских марксистов. С ноября 1920 г. по осень 1921 г. шанхайская группа нелегально издавала журнал «Гунчаньдан» («Коммунист»), сыгравший немаловажную роль в подготовке идейно-теоретических, политических и организационных предпосылок образования КПК.

В августе 1920 г. оформился Шанхайский социалистический союз молодежи. Вслед за тем социалистические союзы молодежи возникли в Пекине, Тяньцзине, Ханькоу, Нанкине, Гуанчжоу, Учане. В мае 1922 г. был создан Социалистический союз молодежи Китая (ССМК). В Шанхае велась также работа по отбору и подготовке молодежи для учебы в Советской России. В этих целях весной 1921 г. в Шанхае была открыта школа русского языка. В 1921 г. на учебу в Коммунистическом университете трудящихся Востока (КУТВ) школа отправила первую группу студентов в составе 34 человек. Среди них были Ван Ифэй, Ван Шоухуа, Жэнь Биши, Ли Цихань, Ло Инун, Лю Шаоци, Сяо Цзингуан. Так было положено начало систематической подготовке Коминтерном революционных кадров для Китая. В начале 1921 г. коммунистические кружки (группы) действовали в Пекине, Гуанчжоу, Ухане, Чанша, Цзинане, а также в Токио и во Франции.

Пекинская группа была образована в октябре 1920 г. по инициативе Ли Дачжао, Чжан Готао и Чжан Шэньфу. В нее входило около 10 человек, в том числе пять анархистов. Присутствовавшие на учредительном собрании группы одобрили идею создания коммунистической партии и объявили себя ее членами.

В конце 1920 г. после выхода анархистов из кружка было принято решение переименовать его в Пекинский отдел КПК. Его секретарем стал Ли Дачжао.

Гуанчжоуский кружок при участии Г.Н.Войтинского и К.А.Стояновича был основан в сентябре 1920 г., первоначально он назывался Социалистическим союзом. В состав исполкома входили два российских коммуниста – К.А.Стоянович и Л.А.Перлин. Остальные семь членов были анархистами. Члены этого кружка не смогли порвать с анархистскими воззрениями, и кружок пришлось распустить. В январе 1921 г. Чэнь Дусю основал в Гуанчжоу новый коммунистический кружок.

Осенью 1920 г. с помощью члена шанхайского кружка Ли Ханьцзюня был основан коммунистический кружок в Ухане. Приверженцы марксизма организовали в этом городе «Общество по изучению марксизма» в составе примерно 10 человек. При помощи и поддержке пекинской группы в конце 1920 г. возник коммунистический кружок в Цзинане. Он состоял из восьми человек, его возглавляли Ван Цзиньмэй и Дэн Эньмин.

В Чанша насчитывалось несколько сторонников марксизма (Мао Цзэдун, Хэ Шухэн и др.). Мао Цзэдун летом 1920 г. побывал в Пекине и Шанхае, где у него состоялись встречи и беседы с Ли Дачжао и Чэнь Дусю. По возвращении в Чанша Мао Цзэдун активизировал общественно-политическую деятельность, принимал участие в создании ряда обществ («Общество культуры», «Общество изучения России», «Обновление народа»), обсуждал с единомышленниками вопрос создания партии. В состав коммунистической группы в Токио входили студенты Чжоу Фохай, Ши Цуньтун.

Одна из особенностей становления и развития китайского коммунистического движения заключалась в том, что попытки создания Китайской коммунистической партии предпринимались параллельно в Китае и в Европе, где многие китайские представители учащейся молодежи продолжали свое образование в рамках правительственной программы «работать и учиться». Из приехавших во Францию по этой программе «работать и учиться» в 1919–1920 гг. многие впоследствии стали известными деятелями КПК и КНР: Чжоу Эньлай, Дэн Сяопин, Цай Хэсэнь, Сян Цзинъюй, У Юйчжан, Ли Лисань, Ли Фучунь, Ван Жофэй, Сюй Тэли, Ли Вэйхань, Чэнь И, Не Жунчжэнь, Чэнь Яньнянь, Чжао Шиянь.

Еще до образования КПК в 1921 г. во Франции действовали китайские коммунистические ячейки. Весной 1921 г. членом парижской коммунистической группы стал Чжоу Эньлай, покинувший Китай после «движения 4 мая» 1919 г. Китайская коммунистическая организация в Париже получила приглашение прислать своих делегатов на I съезд КПК, однако воспользоваться приглашением не смогла ввиду отдаленности Парижа от Шанхая. В марте 1922 г. Чжоу Эньлай вместе с Чжан Шэньфу, Лю Цинъяном и членом КПК Чжан Боцзянем основали ячейку КПК в Германии.

С группой единомышленников, в которую входили Цай Хэсэнь, Ли Лисань, Дэн Сяопин, Ли Фучунь, Чэнь И, в октябре 1922 г. Чжоу Эньлай организовал конференцию Коммунистической партии китайской молодежи, проживающей

в Европе, на которой было избрано руководство партии (пять человек, в том числе сам Чжоу Эньлай), а также принято решение о вступлении ее в Социалистический союз молодежи Китая. Первый съезд молодежи Китая состоялся в Гуанчжоу в мае 1922 г. На съезде присутствовал представитель Коммунистического Интернационала молодежи С.А.Далин. Коммунистическая партия китайской молодежи, проживающей в Европе, имела свой печатный орган – журнал «Шаонянь» («Молодежь»), с французским подзаголовком "La Jeunesse" («Молодежь»), главным редактором которого был Чжоу Эньлай. После установления в 1922 г. связи с Компартией Китая находившиеся в Европе коммунисты приняли решение о вхождении в КПК и создали ее европейскую секцию. Чжоу Эньлая по праву считают одним из основателей и первых членов КПК.

Европейские отделения КПК в своей работе были тесно связаны с Компартией Китая, принимали активное участие во всех событиях партийной жизни. В марте 1923 г. их членов приглашают продолжить обучение в Москве, в КУТВ. Из Западной Европы в Москву прибыли 12 членов Коммунистического союза китайской молодежи. Среди них – Чжао Шиянь, Ван Жофэй, сыновья Чэнь Дусю – Чэнь Яньнянь и Чэнь Цяонянь.

После принятия III съездом КПК решения о вступлении коммунистов в Гоминьдан коммунисты европейского отделения, прежде всего Чжоу Эньлай, помогали создать во Франции европейское отделение Гоминьдана. Направленный Сунь Ятсеном во Францию Ван Цзинци стал главой его исполкома. Между представителями КПК и Гоминьдана во Франции было достигнуто соглашение о вступлении в Гоминьдан более 80 членов Коммунистического союза китайской молодежи, проживавшей в Европе. Сунь Ятсен и ЦИК Гоминьдана назначили Чжоу Эньлая ответственным за подготовку к открытию в Париже отделения гоминьдановского информационного центра.

25 ноября 1923 г. учредительное собрание европейского отделения Гоминьдана избрало коммуниста Чжоу Эньлая своим руководителем. Отделения Гоминьдана функционировали не только во Франции, но и в других европейских странах, а также в государствах Юго-Восточной Азии.

Создание первых коммунистических групп в Китае положило начало организованному коммунистическому движению, хотя в эти группы входили и сторонники анархизма, легального марксизма, а также многие в дальнейшем видные деятели Гоминьдана (Дай Цзитао, Чэнь Гунбо, Чжоу Фохай, Гань Найгуан, Ши Цуньтун). Процесс непосредственной подготовки созыва I съезда КПК осуществлялся совместными усилиями китайских марксистов, организационных структур РКП(б) (Сиббюро ЦК РКП(б), Секция восточных народов при Сиббюро) и органов Коминтерна и его представителей в Китае. В марте 1921 г. была созвана подготовительная конференция, положившая начало организационному размежеванию сторонников марксизма с анархистами и выработавшая правила созыва I съезда КПК. Для помощи китайским коммунистам в созыве I съезда партии 3 июня 1921 г. в Шанхай прибыл представитель ИККИ для стран Дальнего Востока голландский коммунист Г.Маринг. Вслед за ним в Шанхай при-

ехал уполномоченный Дальневосточного секретариата Коминтерна (ДВСК) Никольский (В.А.Нейман), на которого были также возложены обязанности представителя Профинтерна.

I съезд КПК проходил нелегально 23 июля – 5 августа 1921 г. в Шанхае на территории французской концессии. В работе съезда приняли участие 13 делегатов, представлявших немногим более 50 членов коммунистических кружков. Каждый кружок направил на съезд по два делегата. Назовем их поименно: Ли Да и Ли Ханьцзюнь (Шанхай), Чжан Готао и Лю Жэньцзин (Пекин), Дун Биу и Чэнь Таньцю (Ухань), Дэн Эньмин и Ван Цзиньмэй (Цзинань), Чэнь Гунбо и Бао Хуэйсэн (Гуанчжоу), Мао Цзэдун и Хэ Шухэн (Чанша), Чжоу Фохай (Токио). Чэнь Дусю и Ли Дачжао на съезде не присутствовали из-за их занятости преподавательской работой. В работе съезда участвовали Маринг и Никольский. Председательствовал на съезде Чжан Готао.

На этой лодке было объявлено об образовании КПК

Принятые съездом документы – «Первая программа Китайской коммунистической партии 1921 г.», «Первая резолюция о Китайской коммунистической партии 1921 г.» и «Первый конгресс Коммунистической партии в Китае» (опубликованы китайской стороной в 1958 г.) – провозглашали классовый характер партии как партии пролетарской, содержали установку на социалистическую революцию и установление диктатуры пролетариата.

В работе комиссии по разработке проекта программы партии и плана работы участвовали по предложению Г.Маринга, Чжан Готао, Ли Да и Дун Биу. По ряду принципиальных вопросов возникли дискуссии; выявились различные мнения. Большинство делегатов во главе с Чжан Готао выступили за создание дисциплинированной боеспособной пролетарской партии большевистского типа, ориентирующейся в первую очередь на рабочий класс и провозглашающей своей конечной целью установление диктатуры пролетариата.

Как только 30 июля 1921 г. началось шестое заседание съезда, в дом ворвался неизвестный, а через некоторое время нагрянула полиция с обыском. Для ведения дальнейшей работы съезда делегаты уехали в маленький город Цзясин близ Шанхая, где заседание проходило также нелегально на лодке на озере Наньху. Там же обсудили план практической работы.

Дискуссия шла и по проблеме отношения Компартии к другим партиям. По данному вопросу съезд занял левосектантские позиции, которые отразились на

политике КПК и в последующий период. I съезд КПК определял программные задачи партии с учетом опоры только на рабочий класс. Дискуссии свидетельствовали о том, что делегаты съезда не были знакомы с резолюциями II конгресса Коминтерна (июль 1920 г.) по национальному и колониальному вопросам.

Остался открытым вопрос об организации крестьянства и армии. Из-за малочисленности КПК было решено посвятить всю энергию партии организации «фабричных рабочих». Ориентация съезда на установление широких связей с рабочим классом и создание профсоюзов рабочих преобладала в деятельности партии вплоть до лета 1927 г.

В состав избранного на съезде руководящего органа КПК – Временного Центрального бюро вошли Чэнь Дусю (секретарь), Чжан Готао (ответственный за оргработу) и Ли Да (ответственный за пропагандистскую работу). I съезд КПК также принял решение направить уполномоченного представителя КПК в Дальневосточный секретариат Коминтерна (ДВСК, Иркутск). С марта 1921 г. временным китайским секретарем в ДВСК являлся Чжан Тайлэй.

I съезд провозгласил образование новой в Китае политической партии, базирующейся на принципах марксизма, заложил ее организационные основы и определил конечные цели – социалистическая революция, установление диктатуры пролетариата и построение социалистического общества. Таким образом, политический ландшафт КР дополнился еще одной партией, которой наряду с Гоминьданом было суждено оказаться в центре политического процесса, направленного на уничтожение системы регионального милитаризма, объединение и усиление Китая.

В соответствии с решением I съезда партии 11 августа 1921 г. был учрежден Всекитайский секретариат профсоюзов (ВСП) как легальный орган КПК с местопребыванием в Шанхае, во главе с Чжан Готао (генеральный секретарь), Ли Циханем, Дэн Чжунся. ВСП и его отделения, сформированные в ряде промышленных центров (Северокитайское в Пекине, Хунаньское в Чанша, а также отделения в Ухане, Тяньцзине и Гуанчжоу), создавали профсоюзы, издавали газеты для рабочих, учреждали рабочие школы, руководили забастовками рабочих и являлись в руках коммунистов одним из важнейших инструментов воздействия на рабочее движение в Китае. Деятельность руководимых коммунистами профсоюзов, несмотря на их немногочисленность и организационную слабость, дала ощутимый толчок развитию рабочего движения в Китае в 1921–1927 гг. Для подготовки кадров рабочего и профсоюзного движения ВСП отбирал наиболее способных молодых революционеров, главным образом из числа студентов, и направлял их на учебу в Советский Союз.

По инициативе ВСП был созван I Всекитайский съезд профсоюзов (Гуанчжоу, 1–6 мая 1922 г.). После съезда ВСП переехал из Шанхая в Пекин и был переименован в Центральный совет профсоюзов, а в Шанхае, Ухани, Гуандуне и Цзинане были созданы его отделения. ВСП функционировал до мая 1925 г., когда в результате его усилий состоялся II съезд профсоюзов Китая и была создана Всекитайская федерация профсоюзов.

Рабочее движение в Китае начала 1920-х годов являлось составной частью сложной политической и социально-экономической жизни КР. В значительной степени оно носило стихийный характер и переживало период взаимодействия с набирающими опыт руководства рабочим движением политическими партиями. Несмотря на молодость и малочисленность китайского пролетариата (около 2,5 млн. промышленных рабочих в 1919 г., половина их работала на иностранных предприятиях), рабочее движение заявило о себе еще до начала планомерной деятельности партий в рабочей среде. Более чем в 100 стачках забастовочной волны 1920–1922 гг. приняли участие около 300 тыс. человек.

Главными выступлениями рабочего класса в этот период были забастовка текстильщиков в Чанша (январь 1922 г.), проходившая под руководством анархистов, гонконгская (сянганская) стачка моряков (январь–март 1922 г.) и забастовка железнодорожников Пекин-Ханькоуской железной дороги (февраль 1923 г.). Начало профсоюзному движению положила деятельность Гоминьдана. Партия Сунь Ятсена добилась на этом поприще ощутимых успехов. Экономическая забастовка железнодорожников Пекин-Ханькоуской железной дороги, экономическая стачка моряков и портовых рабочих Сянгана против иностранных судоходных компаний и английских колониальных властей, получившая широкий резонанс во всем Китае и за рубежом, проходили под идейным влиянием и при прямой материальной и политической помощи Гоминьдана. Гоминьдановцы Чэнь Биншэн, Чжай Ханьци, Су Чжаочжэн и Линь Вэйминь возглавляли созданный еще в марте 1921 г. Объединенный союз китайских моряков. После того как английские судовладельцы ответили отказом на требования союза об увеличении заработной платы, о предоставлении профсоюзу права участия в распределении моряков на работу и о заключении договоров между моряками и хозяевами, 13 января 1922 г. профсоюз призвал к всеобщей забастовке.

1 февраля губернатор Гонконга объявил союз моряков вне закона. Преследования английских властей вынудили забастовщиков перебраться в Кантон (Гуанчжоу), где они получили поддержку со стороны правительства Сунь Ятсена. Людям помогли жильем и продуктами, между тем как убытки судовладельцев составили весьма внушительную сумму. В городе происходили антиимпериалистические митинги. Экономическая стачка гонконгских моряков и портовых рабочих переросла в крупное политическое событие, способствовавшее росту национально-освободительного движения. В ней приняли участие около 100 тыс. рабочих. Кампания солидарности с гонконгскими рабочими развернулась на железных дорогах Северного Китая и в Шанхае, а также в Сингапуре и других иностранных портах. К забастовке примкнули моряки Шаньтоу (Сватоу). Гонконгская стачка продолжалась 55 дней и завершилась победой забастовщиков. Судовладельцы удовлетворили требования рабочих, а губернатор Гонконга был вынужден легализовать Объединенный союз китайских моряков.

Коммунисты, фактически не участвовавшие в организации гонконгской стачки, проявили активность в организации забастовки на Пекин-Ханькоуской железной дороге в феврале 1923 г. К этому времени они уже приобрели определен-

ный опыт практической работы в рабочем движении и создали свои руководящие органы для руководства профсоюзами. Забастовке на Пекин-Ханькоуской железной дороге предшествовало целенаправленное участие коммунистов в кампании за принятие трудового законодательства, организованной ВСП и направленной на разоблачение антирабочей политики пекинских властей. Кампания выходила за рамки экономической борьбы и ориентировала рабочее движение на политическую борьбу за завоевание демократических свобод. Конкретной целью проходившей в феврале 1923 г. забастовки на Пекин-Ханькоуской железной дороге являлось создание Совета профсоюза рабочих железной дороги.

У Пэйфу, вначале не возражавший против мер по организационному оформлению профсоюзного движения, неожиданно запретил проведение съезда профсоюзов рабочих Пекин-Ханькоуской железной дороги, призванного объединить профсоюзное движение на железных дорогах и избрать совет профсоюза. Место заседания делегатов съезда было оцеплено войсками и полицией. Призыв делегатов к забастовке был поддержан рабочими и служащими целого ряда железных дорог. Стачка началась 4 февраля. К полудню движение на Пекин–Ханькоуской железной дороге замерло. Попытки властей с помощью насилия и угроз заставить бастующих возобновить работу успеха не имели.

В эти события пытались вмешаться и иностранные державы. Английский консул в Ханькоу вместе с китайскими милитаристами разрабатывал план подавления забастовки. В Пекине дипломатический корпус провел экстренное заседание и потребовал от китайских властей принятия немедленных мер. Власти перешли к репрессиям. 7 февраля 1923 г. войска и полиция в Цзянъане открыли огонь по рабочим. Публичная казнь председателя местного отделения профсоюза Линь Сянцяня, отклонившего требование властей о возобновлении работы, казнь члена КПК, видного деятеля профсоюзного движения адвоката Ши Яна, расправы с железнодорожниками в Чансиньдяне и Чжэнчжоу свидетельствовали о высоком накале социально-классовых противоречий. На Пекин-Ханькоуской железной дороге было введено военное положение, действовали военно-полевые суды. Забастовка, несмотря на ее поддержку в других городах, была подавлена методами кровавого террора: более 40 человек были убиты, несколько сот ранено, свыше 40 арестовано, более тысячи рабочих уволены. Это была одна из самых трагических страниц в истории профсоюзного движения. 9 февраля Совет профсоюза отдал приказ о возобновлении работы. Одна из основных причин разгрома стачки заключалась в изоляции рабочих, которые, в отличие от гонконгских моряков, не получили поддержки и помощи со стороны других социальных слоев и групп, а также политических партий и общественных организаций. После подавления Пекин-Ханькоуской забастовки в рабочем движении наступил период депрессии, продолжавшийся до конца 1924 г.

Один из уроков этих трагических событий – постепенное осознание обществом необходимости совместных действий всех патриотических сил и партий в борьбе с милитаристскими режимами и империалистическими державами, стоявшими за их спиной. События в Ханькоу подтвердили правомерность курса на

создание единого антимилитаристского антиимпериалистического фронта. Они обнажили также слабости профсоюзного движения. Созданные в 1921–1922 гг. профсоюзы были хотя и боевыми, но весьма хрупкими и недолговечными, большинство их распалось после расправы 7 февраля 1923 г. Поражение забастовки рабочих Пекин-Ханькоуской железной дороги ослабило связи КПК с рабочим классом.

Важную роль в формировании воззрений молодых китайских коммунистов по теоретическим и тактическим вопросам революции сыграл I съезд народов Дальнего Востока (21 января – 2 февраля 1922 г.), созванный во Владивостоке по инициативе Коминтерна. В соответствии с решениями II конгресса Коминтерна съезд ориентировал коммунистов Дальнего Востока на участие в национально-освободительных движениях и на временное объединение с буржуазно-демократическими течениями в борьбе за достижение национального суверенитета и укрепление политической и социальной стабильности. Съезд также выдвинул перед китайскими коммунистами и деятелями национально-революционного движения задачи антиимпериалистической национально-освободительной борьбы, рекомендовал Компартии Китая наладить сотрудничество с Гоминьданом. При этом подчеркивалось, что китайский рабочий класс должен сохранять самостоятельность своего движения и не связывать целиком и полностью свою судьбу с какой-либо демократической партией или вообще с буржуазными элементами. Съезд характеризовал будущую китайскую революцию как буржуазно-демократическую, что имело принципиальное значение для разработки программы КПК. Он также подчеркнул, что рабочее движение в Китае находится на начальной стадии развития и в ближайшем будущем китайский рабочий класс не сможет претендовать на руководящую роль в национальной революции.

II съезд Компартии Китая (Шанхай, 16–23 июля 1922 г.) учел рекомендации Коминтерна и I съезда народов Дальнего Востока. В Декларации съезда, известной как программа-минимум, содержалась установка на поэтапное решение назревших политических, экономических и социальных проблем страны. Съезд дал характеристику китайской революции как революции антиимпериалистической («национальной») и антифеодальной («демократической»), по своей сущности буржуазно-демократической. Исходя из такого понимания, разработали установку на единый фронт. Тактика единого фронта формулировалась как «временный союз» неоднородных социальных и политических сил для борьбы против общих врагов – империализма и милитаризма.

В Декларации содержалось положение о двух этапах развития революционного движения. Первый этап предусматривал реализацию общенациональных требований – свержение милитаризма, прекращение междоусобных войн, установление мира в стране, политическое объединение Китая, создание подлинно демократической республики. Содержание второго этапа определялось установлением диктатуры пролетариата в союзе с беднейшим крестьянством. Был принят первый устав КПК, отразивший сильное влияние устава РКП(б). Заложенные в нем наряду с другими положениями о массовой партии концепции строгой

дисциплины и внутрипартийной централизации имели для КПК особое значение, поскольку партия создавалась в специфической политической среде, характеризовавшейся отсутствием глубоких традиций партийно-политического строительства и влиянием в обществе анархистских течений.

II съезд принял резолюцию о вступлении КПК в Коминтерн, став одной из его секций. Функционирование КПК поддерживалось финансовыми средствами Коминтерна (по существу – Советским Союзом), как и многих других партий-секций Коминтерна. В духе идеи мировой революции съезд призывал рабочих Китая присоединиться к рабочим всего мира для защиты Советской России. Этот лозунг оставался актуальным для конкретной политики КПК примерно до середины 30-х годов.

Съезд избрал Центральный исполнительный комитет партии в составе пяти человек – Чэнь Дусю (председатель), Ли Дачжао, Чжан Готао, Цай Хэсэнь, Гао Цзюньюй.

В истории коммунистического движения Китая II съезд КПК занял почетное место как партийный форум, довольно адекватно сформулировавший основы стратегии и тактики партии в национально-демократической революции.

Вопрос о форме сотрудничества между КПК и Гоминьданом оказался одним из наиболее трудных для обеих партий. Первоначально КПК соглашалась на союз с Гоминьданом на условиях равноправного партнерства и при этом исключала любую форму вхождения коммунистов в Гоминьдан. В свою очередь, Гоминьдан отвергал как равноправное партнерство с КПК, так и прием коммунистов в Гоминьдан в качестве самостоятельной фракции. В результате переговоров и консультаций между Сунь Ятсеном, представителями Коминтерна, КПК и Гоминьдана было разработано компромиссное решение, известное как «августовская инструкция ИККИ 1922 г.». Согласно этому документу, предусматривалось индивидуальное вступление коммунистов в Гоминьдан при сохранении идейной, политической и организационной независимости КПК. По настоянию Г.Маринга и с его участием 29–30 августа 1922 г. в Ханчжоу состоялось чрезвычайное совещание ЦИК КПК, которое после больших колебаний официально приняло тактику индивидуального вступления коммунистов в Гоминьдан. В сентябре в Гоминьдан вступили наиболее авторитетные руководители КПК – Чэнь Дусю и Ли Дачжао, высланный из Франции Цай Хэсэнь, один из основателей европейского отделения КПК, делегат I съезда народов Дальнего Востока Чжан Тайлэй, известный также как переводчик Г.Маринга. Несмотря на поданный руководителями КПК пример, тактика вступления коммунистов в Гоминьдан оставалась непопулярной в партии.

Между тем развивавшиеся в соответствии с решениями II конгресса Коминтерна контакты коммунистического и национального движений становились частью политической реальности Китая. Усилия советской дипломатии и Коминтерна в их контактах с КПК и Сунь Ятсеном, а также восстановление власти Сунь Ятсена в Кантоне в феврале 1923 г. способствовали активизации взаимодействия КПК и Гоминьдана.

В течение 1922 г. – первой половины 1923 г. КПК приобретала опыт работы в массовом движении, что проявлялось прежде всего в росте численности партии, причем в основном благодаря вовлечению в КПК рабочих. Из 420 членов партии, зарегистрированных на момент созыва очередного, III съезда КПК (Гуанчжоу, 12–20 июня 1923 г.), за первые пять месяцев 1923 г. в ее ряды вступило 200 человек. Из них 40% составляли рабочие, около 10% находились за границей, 10 человек – в тюрьмах. Наибольший приток рабочих в КПК был связан с кратковременным подъемом рабочего движения в 1922 г. – феврале 1923 г.

Рекомендация Коминтерна об индивидуальном вступлении коммунистов в Гоминьдан при сохранении идеологической и организационной самостоятельности КПК была одобрена и принята III съездом КПК. Тем самым Компартия Китая взяла на себя определенные обязательства перед Гоминьданом, прежде всего в плане признания и одобрения политической программы Сунь Ятсена на военный период «строительства государства». Декларация съезда провозглашала Гоминьдан основной силой национальной революции и подчеркивала его руководящую роль в национально-освободительном движении. В избранный съездом ЦИК КПК вошли Чэнь Дусю, Ли Дачжао, Цай Хэсэнь, Ван Хэбо, Мао Цзэдун, Чжу Шаолянь, Тань Пиншань, Сян Ин, Ло Чжанлун. Среди членов ЦИК были шесть рабочих. Председателем ЦИК КПК вновь был избран Чэнь Дусю, секретарем – Мао Цзэдун.

Место и роль КПК в реорганизации Гоминьдана. Постепенная радикализация теории и практики коммунистов

I съезд Гоминьдана санкционировал вступление коммунистов в ряды этой партии. Вопрос о членстве китайских коммунистов в Гоминьдане обсуждался в контексте принятия партийного устава и вызвал неоднозначную реакцию. На заседании 28 января 1924 г. несколько делегатов предложили внести в устав Гоминьдана дополнительную статью, которая запрещала бы двойную партийную принадлежность. Это побудило Ли Дачжао выступить с заявлением о позиции коммунистов в национальном движении и их целях вступления в Гоминьдан. Он подчеркнул, что вступление коммунистов в Гоминьдан говорит об их готовности действовать согласно программе Гоминьдана, что только политика объединенного фронта может быть гарантией победы национальной революции. Вместе с тем он отметил, что КПК как секция Коминтерна сохраняет за собой функцию самостоятельной силы и является связующим звеном между Гоминьданом и мировым революционным движением.

На I съезде Гоминьдана партия Сунь Ятсена вполне определенно высказалась за перспективу осуществления «военной революции» под своим руководством. По отношению к вопросу сотрудничества в позициях обеих партий были и общие мо-

менты, и различия. Относительно целей национальной революции сохранялся общий подход: создание единого сильного Китая в борьбе с милитаристскими группировками и восстановление национального суверенитета. Вопросы формы и политического измерения сотрудничества интерпретировались по-разному. Для КПК было типично стремление придать сотрудничеству равноправный характер. Отсюда – использование в коммунистической печати термина «союз» двух партий. Гоминьдан же рассматривал сотрудничество с коммунистами не как равноправный союз, но как «допущение» коммунистов в партию.

Обновленное толкование I съездом Гоминьдана «трех народных принципов» включало в качестве составной части и «три политические установки Сунь Ятсена»: союз с СССР, сотрудничество с коммунистами, опора на массы. Они хотя и вносили в политическую программу Гоминьдана новые аспекты, тем не менее принципиально не затрагивали претензий Гоминьдана на руководящую роль в национальной революции и не меняли ориентацию партии на создание единого объединенного фронта различных социальных слоев с целью достижения общенациональных целей.

Сунь Ятсен и Чан Кайши. Июнь 1924 г.

После I съезда Гоминьдана коммунисты тесно сотрудничали с ним, особенно в пропагандистской сфере и в области организационного строительства партии Сунь Ятсена, способствуя ее выходу из политической изоляции и выстраивая ее как массовую партию нового типа. КПК, действуя под эгидой Гоминьдана, получила широкие возможности доступа к массам рабочих, крестьян, солдат, студенчества, мелких торговцев и других слоев населения. Это создавало возможность для организации масс в целях привлечения населения к поддержке революционных мероприятий Гоминьдана, вовлечения их в антимилитаристскую и антиимпериалистическую борьбу. Работая от имени Гоминьдана, а также действуя самостоятельно, КПК достигла определенных успехов в области расширения рядов и Гоминьдана, и своих собственных.

После налаживания сотрудничества большинство членов Компартии (в том числе 80 коммунистов, находившихся за рубежом) и Союза социалистической молодежи Китая вступили в Гоминьдан. Благодаря совместным усилиям обеих партий влияние идей национальной революции с Юга Китая стало распространяться на центральную и северную части страны.

Работа коммунистов в области организационного строительства Гоминьдана, особенно его местных организаций, высоко оценивалась Сунь Ятсеном и гоминьдановским руководством. Хотя двойная партийная принадлежность комму-

нистов осложняла их деятельность в едином фронте, тем не менее сама практика регулировала формы взаимодействия, которое вплоть до разрыва между партиями летом 1927 г. в целом «работало» на достижение национального суверенитета и объединение страны. Преодоление трудностей, возникавших в ходе сотрудничества, многие китайские коммунисты видели в переходе партии к самостоятельному развитию в рамках единого фронта на пути усиления фракционной деятельности коммунистов в Гоминьдане либо вне его в направлении установления межпартийной формы сотрудничества. Неоднократные попытки коммунистов выйти из Гоминьдана предотвращались усилиями Г.Н.Войтинского и других руководителей Коминтерна. В целях предотвращения размежевания с Гоминьданом Коминтерн рекомендовал коммунистам использовать в своих интересах фактор внутрипартийной борьбы в Гоминьдане. С одной стороны, в течение некоторого времени такая тактика давала коммунистам возможность балансирования и сохранения своего влияния в Гоминьдане. С другой стороны, она вела к обострению внутрипартийной борьбы в Гоминьдане и увеличивала опасность его раскола.

Острые моменты сотрудничества Компартии Китая с Гоминьданом стали предметом обсуждения на расширенном пленуме ЦИК КПК, состоявшемся в Шанхае 10–15 мая 1924 г. В работе пленума участвовали 25 человек (из них половина – рабочие) и представитель ИККИ Г.Н.Войтинский. Пленум осудил как правый уклон, который мог привести к растворению коммунистов в Гоминьдане, так и левацкие требования разрыва с Гоминьданом и принял решение о продолжении сотрудничества в санкционированных ранее формах. Не менее важными были решения пленума об активизации работы коммунистов по объединению промышленных рабочих Северного и Центрального Китая (в первую очередь железнодорожников, горняков) в профсоюзы, которые предполагалось мобилизовать на оказание поддержки Гоминьдану в его антиимпериалистической борьбе.

Общую политическую атмосферу в Китае того времени формировало соперничество за власть в Пекине основных милитаристских группировок, которое в октябре 1924 г., в ходе второй чжили-фэнтяньской войны, обрело новое качество, определявшееся воздействием на милитаристские режимы подъема национально-освободительной борьбы и роста влияния Гоминьдана в масштабах всей страны. Захвативший власть в Пекине Фэн Юйсян заявил о своей поддержке политической программы Сунь Ятсена и Гоминьдана, легализовал на подконтрольной ему территории деятельность Гоминьдана и КПК, наладил взаимодействие с представителями СССР. Новое правительство в Пекине вновь возглавил аньфуистский лидер Дуань Цижуй. В его состав вошли сторонники фэнтяньцев и Фэн Юйсян. Дуань Цижуй призвал созвать в Пекине Национальное собрание с участием Сунь Ятсена. Лидер Гоминьдана, как уже говорилось, принял предложение и отправился в Пекин. В стране началось движение за созыв Национального собрания, оживилось рабочее движение, характеризовавшееся восстановлением профсоюзных организаций в ряде провинций. Вновь активизировалась

борьба железнодорожников Севера, рабочих-текстильщиков в приморских городах. В 1925 г. в Шанхае (февраль) и Циндао (май) имели место забастовки на японских текстильных фабриках. Выступления рабочих за свои права постепенно приобретали характер борьбы за суверенитет Китая. Активное участие в рабочем движении принимали коммунисты Чжан Готао, Чжан Тайлэй, Ли Лисань, Дэн Чжунся, Цюй Цюбо, Цай Хэсэнь, Лю Шаоци.

В обстановке оживления рабочего и национально-освободительного движения был созван IV съезд КПК (Шанхай, 11–22 января 1925 г.). На этом съезде 20 делегатов представляли уже 994 члена партии. В решениях съезда идея гегемонии пролетариата в национальной революции была принята как лозунг действия, т.е. обозначился отход от программы-минимум II съезда КПК. Рабочее движение, согласно документам съезда, уже стало ведущей силой национального движения. По существу, съезд выработал новую тактику в отношении Гоминьдана, выдвигавшую установку не на сотрудничество с Гоминьданом, а на соперничество с ним за массы и за руководящую роль в национальной революции. Ошибочный анализ съездом классовой структуры китайского общества привел к тому, что китайская буржуазия была поставлена в один ряд с силами феодальной контрреволюции. В результате пролетариат был ориентирован на борьбу на два фронта – и против иностранной, и против отечественной буржуазии.

Демонстрация протеста в Шанхае. Начало «движения 30 мая» 1925 г.

Поставленная съездом задача расширения социальной базы КПК и создания массовой партии решалась на пути создания прочного рабоче-крестьянского ядра, усиления влияния КПК в профсоюзах и среди крестьян. Преследовалась цель усиления политического влияния коммунистов в национально-освободительном движении. Перспективы победы революции связывались в значительной степени с привлечением к национальному движению крестьянских масс. Было высказано намерение «переделать» Гоминьдан в партию рабочих и крестьян. Генеральным секретарем ЦИК КПК был вновь избран Чэнь Дусю.

Подъем национального антиимпериалистического движения

Недовольство в китайском обществе деятельностью иностранных держав, рост массовых выступлений и усиление классовой борьбы китайских рабочих, главным образом на иностранных предприятиях, организующая и направляющая деятельность профсоюзов, возглавлявшихся коммунистами, – все эти факторы к лету 1925 г. вызвали в крупнейших промышленных центрах Китая массовые антиимпериалистические выступления, известные как «движение 30 мая». Масштабность и разнообразие форм антиимпериалистического протеста, вовлечение в движение широких масс населения, включая буржуазные и даже помещичьи слои, авангардная роль рабочих и руководящая деятельность КПК резко обозначили начало подъема национально-революционного движения. Оно вызвало широкий резонанс в китайском обществе.

Самыми крупными событиями «движения 30 мая», распространившегося на многие города Китая, стали всеобщая антиимпериалистическая стачка в Шанхае и 16-месячная Гонконг-Кантонская забастовка. Движение отражало реакцию широких слоев китайского народа на ущемляющую национальное достоинство политику империалистических держав в Китае, было также следствием обострившегося конфликта национальной буржуазии с иностранным капиталом.

Главной силой движения в Шанхае, Гонконге, Гуанчжоу и ряде других городов выступал рабочий класс. Активную роль играло студенчество. Политическое и организационное руководство через профсоюзы, студенческие и другие объединения вначале оказалось в руках Коммунистической партии. Буржуазия, принимавшая участие в движении, старалась ограничить его размах и не допустить его перерастания в народную антиимпериалистическую революцию. КПК, выступая как организатор общенационального подъема китайского пролетариата, в целом выдержала это испытание.

Поводом для начала «движения 30 мая» послужило убийство 15 мая 1925 г. на одной из японских текстильных фабрик Шанхая молодого рабочего-коммуниста Гу Чжэнхуна. Его похороны вылились в массовую антиимпериалистическую демонстрацию. Одной из причин, по которым городская общественность, включая буржуазию, примкнула к демонстрации, стало намерение международного сеттльмента Шанхая ввести новые правила о портовых сборах, о бирже, о строгом контроле над печатью, ущемлявшие интересы китайских средних слоев. В конце мая возобновилась также борьба между рабочими и японскими предпринимателями в Циндао. Японцы ввели в порт военные корабли, а войска милитаристов стреляли в рабочих, убив двоих и ранив 16 человек. Расправа в Циндао стала непосредственной прелюдией к «движению 30 мая» в Шанхае.

30 мая 1925 г. по призыву КПК шанхайские студенты вышли на антиимпериалистическую демонстрацию, протестуя против убийства Гу Чжэнхуна, расправы в Циндао, арестов патриотов, выражая несогласие с законопроектами муниципалитета международного сеттльмента в Шанхае. Британская полиция ме-

ждународного сеттльмента открыла огонь по демонстрантам. Были убитые, многие ранены и арестованы. Расправа вызвала взрыв возмущения во всем Китае. Рабочие японских и английских предприятий Шанхая объявили забастовку, прекратили учебу студенты и учащиеся, начался бойкот японских и английских товаров. Генеральный совет шанхайских профсоюзов во главе с коммунистом Ли Лисанем, созданный 31 мая, стал действенным органом национального движения. Он оказал организующее и руководящее влияние как на формирование профсоюзов на иностранных предприятиях, так и на деятельность Объединенного союза студентов, Объединенного союза торговцев различных улиц. Под руководством коммунистов 7 июня был создан Объединенный комитет рабочих, торговцев и студентов как орган единого демократического фронта. Разработанные им 17 пунктов национальных требований стали, по существу, платформой «движения 30 мая». Острие требований направлялось на ликвидацию политического засилья иностранцев в Шанхае. Антиимпериалистическую направленность имела и программа Генеральной торговой палаты Шанхая, хотя она была выражена не в столь радикальной форме. О солидарности с патриотическим движением Шанхая заявил даже глава Пекинского правительства Дуань Цижуй, оказавший от имени правительства денежную поддержку стачечному фонду и направивший ноту протеста дипломатическому корпусу в Пекине. Такую же позицию заняли влиятельные милитаристы Чжан Цзолинь и Сунь Чуаньфан. Всеобщая антиимпериалистическая политическая забастовка 1–2 июня 1925 г. охватила в общей сложности около полумиллиона человек.

Но проявление патриотических чувств милитаристами продолжалось недолго. Уже 13 июня в Шанхай вступили войска под командованием Чжан Сюэляна, который вскоре объявил в городе военное положение. Репрессии против демонстрантов начались и в других городах, где происходили антиимпериалистические выступления. Милитаристским властям удалось нейтрализовать сначала крупную буржуазию, затем средних и мелких торговцев. Наиболее стойко держался рабочий класс, положение которого после капитуляции предпринимателей перед милитаристами становилось все тяжелее. ЦК КПК прислушался к совету Коминтерна (август 1927 г.) о снятии политических лозунгов (таких как призыв к вооруженному восстанию) и замене их экономическими требованиями, а также о постепенном прекращении забастовочной борьбы.

Иностранные державы вначале пытались ответить на «движение 30 мая» насилием: расстрелами, арестами, концентрацией войск в Шанхае. Однако ввиду большого размаха движения они вынуждены были изменить тактику и перейти к переговорам. Для расследования обстоятельств шанхайских расстрелов была создана комиссия из представителей шести государств (Англии, США, Японии, Франции, Италии и Китая), работа которой, однако, не дала результатов. Столь же бесплодной оказалась и деятельность таможенной конференции, заседавшей в Пекине с августа 1925 г. до мая 1926 г. Империалистические державы, сумевшие при взаимодействии с пекинской властью и крупными милитаристами ослабить напор антиимпериалистического движения и отколоть от него пред-

принимателей, тем не менее получили урок, вынудивший их перейти к разработке новых форм поведения в Китае, более адаптированных к изменившейся ситуации в стране.

Другим крупнейшим событием «движения 30 мая» была Гонконг-Кантонская забастовка, продолжавшаяся 16 месяцев. Наряду с КПК участие в ее организации принимал Гоминьдан, наиболее активную роль в руководстве забастовкой играли коммунисты Су Чжаочжэн и Линь Вэйминь. Она началась 19 июня 1925 г. Вначале забастовали 100 тыс. рабочих Гонконга. Участники стачки поддержали 17 требований шанхайского Объединенного комитета. Через два дня вспыхнула забастовка на территории англо-французской концессии Шамянь в Гуанчжоу. Рабочие в массовом порядке покидали Гонконг и Шамянь. Забастовщиков поддержали студенты – организацией антиимпериалистической пропаганды, крестьяне – продовольствием и деньгами, купечество – предоставлением помещений, денег и продовольствия для гонкогских рабочих, а также курсанты школы Хуанпу, обеспечившие охрану забастовщиков. 23 июня в Гуанчжоу состоялся массовый митинг солидарности с рабочими и студентами Шанхая, на котором выступили лидеры Гоминьдана, члены Кантонского правительства, деятели КПК и массовых организаций, и прошла массовая антиимпериалистическая демонстрация, участники которой двинулись к Шамяню. По приказу английских и французских властей Шамяня по демонстрантам был открыт огонь. 52 человека были убиты, 178 ранены. Расстрел 23 июня в Гуанчжоу привел к тому, что стачка в Гонконге превратилась во всеобщую — оставили работу 250 тыс. человек. Были объявлены блокада Гонконга и бойкот английских товаров. Большая часть бастовавших ушла в Гуанчжоу и другие города Гуандуна.

Гоминьдановское правительство оказало поддержку участникам антианглийской Гонконг-Кантонской забастовки. Оно приняло меры по размещению бастующих рабочих Гонконга в Гуанчжоу, финансировало забастовщиков, санкционировало их самоуправление (делегатское собрание и стачком) и рабочие пикеты (до 3 тыс. человек в январе 1926 г.), которые снабжались оружием из правительственного арсенала. Руководящим органом забастовки был Гонконг-Кантонский стачечный комитет, деятельность которого осуществлялась в тесном контакте с рабочим отделом ЦИК Гоминьдана. Стачком имел широкие полномочия, руководил пикетами, обеспечивавшими блокаду Гонконга и Шамяня, а также борьбу с контрабандным провозом английских товаров из Гонконга и продовольствия – в Гонконг.

На фоне обострения классовых противоречий к марту 1926 г. в Гуанчжоу сложилась ситуация, чреватая угрозой дестабилизации гоминьдановского режима. В обстановке подготовки Национального правительства к Северному походу в руках стачкома сконцентрировалась слишком большая власть, что привело к обострению противоречий между Гоминьданом и коммунистами, занимавшими руководящие позиции в стачкоме. Благодаря рекомендациям военно-политической комиссии Политбюро ЦК ВКП(б) во главе с членом ЦК и Оргбюро ЦК

ВКП(б), начальником Политуправления РККА А.С.Бубновым (Ивановским) КПК и Гоминьдан стали постепенно прекращать Гонконг-Кантонскую стачку.

Забастовка и бойкот нанесли удар по британскому империализму в Гонконге, усилили влияние рабочего класса и КПК в массах, одновременно укрепив политические позиции и авторитет в стране гоминьдановского правительства. Выступление рабочих Шанхая и Гонконга получило широкую поддержку во всем мире, особенно в мировом коммунистическом движении. В СССР развернулось массовое движение под лозунгом «Руки прочь от Китая!». Профсоюзы СССР оказали материальную поддержку стачечникам Шанхая.

Октябрьский расширенный пленум ЦК КПК (состоялся нелегально в Пекине 28 сентября – 2 октября 1925 г.), подводя итоги движения «30 мая», фактически повторил завышенную оценку роли рабочего класса в национальной революции, данную IV съездом КПК. События «движения 30 мая» 1925 г. и Гонконг-Кантонской забастовки, продемонстрировавшие успех рабочего движения и способности рабочего класса и КПК к организации классовых и национальных массовых движений, с одной стороны, давали КПК определенные основания для высокой оценки значения рабочего движения. Вместе с тем руководство КПК недооценивало сложность политической ситуации в стране, относительную устойчивость режима бэйянских милитаристов. Оно не принимало во внимание политическую программу Гоминьдана, учредившего 1 июля 1925 г. Национальное правительство, альтернативное Пекинскому правительству и располагающее своей армией. В целом руководство Компартии Китая преувеличивало возможности рабочего класса Китая и свои собственные, не принимало в расчет национальную буржуазию как одну из влиятельных сил объединенного антиимпериалистического антимилитаристского фронта.

События 20 марта 1926 г. в Гуанчжоу, получившие в научной литературе наименование «военно-политического переворота Чан Кайши», представляли собой отпор Гоминьдана попыткам Компартии внедрить в практику свою модель революции, предусматривавшую руководящую роль КПК и преимущественную опору на рабочее движение.

Северный поход и развитие массового движения

9 июля 1926 г., в обстановке высокого подъема общественного движения, НРА выступила в Северный поход. Гоминьдановские войска с самого начала задали стремительный темп наступления и успешно осуществляли разработанный главным военным советником Гоминьдана и Национального правительства В.К.Блюхером стратегический план. Одним из существенных направлений деятельности КПК в течение 1925–1927 гг. являлась многогранная работа Военного отдела (ВО) ЦИК КПК, созданного в декабре 1925 г. Его председателем был Чжан Готао, заместителем председателя – Ван Ифэй. 23 ноября 1925 г. в качест-

ве советского военного советника ВО ЦИК КПК в Шанхай прибыл А.Хмелев. ВО приступил к организации и военной подготовке рабочих дружин в Шанхае, которые начали создаваться там еще во время «движения 30 мая» 1925 г. В составе рабочих дружин по всей стране действовали 10 тыс. человек, в Шанхае насчитывалось до 2 тыс. дружинников.

С началом Северного похода ВО ЦИК КПК уделял большое внимание организации помощи НРА. В этих целях велась работа по разложению войск милитаристов, дезорганизации их тыла путем взрыва мостов, пароходов с боеприпасами, подрыва железнодорожных путей. ВО ЦИК КПК снабжал командование войск Северного похода информационными материалами о противнике. В Ухани и Чанша весьма существенную роль в оказании помощи войскам НРА во время Северного похода сыграли рабочие отряды. В пров. Гуандун при содействии ЦИК Гоминьдана и Национального правительства они были превращены в полки рабочей гвардии, сформированные главным образом из гонконгских забастовщиков. В Гуанчжоу рабочие отряды полностью поддерживали революционный порядок. ВО также прилагал усилия к формированию крестьянских партизанских отрядов. Проводилась работа в отрядах традиционной крестьянской организации «Красные пики». Члены рабочих отрядов помогали гоминьдановской администрации в наведении порядка в городах, освобожденных от противника, работали носильщиками в НРА.

Позиции КПК в политическом аппарате и некоторых частях НРА, ослабленные после переворота Чан Кайши в Гуанчжоу 20 марта 1926 г., в ходе Северного похода вновь несколько укрепились. Однако основные усилия Компартии в этот период были направлены на мобилизацию и организацию революционных сил рабочего класса и крестьянства и урегулирование отношений с Гоминьданом. В Пекине и Шанхае, в провинциях Хунань и Гуандун Компартия продемонстрировала успехи в организации массового движения, особенно по сравнению с Гоминьданом, занятым Северным походом. Революционная стратегия опоры на рабоче-крестьянское движение, все более проявлявшаяся в деятельности коммунистов, в том числе и работавших под флагом Гоминьдана, неизбежно вела к обострению отношений между КПК и Гоминьданом.

Данный период характеризовался стремительным ростом рабочих профсоюзов и развитием стачечного движения. Если численность членов профсоюзов Китая до Северного похода составляла 1 млн. человек, то в декабре 1926 г. она достигла 2 млн. человек, а к апрелю 1927 г. их ряды расширились до 2,5–2,8 млн. человек. При таком размахе массового движения Компартия Китая испытывала «кадровый голод», для работы в профсоюзах не хватало подготовленных активистов. Быстрый численный рост профсоюзов носил отчасти хаотичный характер, не сопровождался необходимыми мерами по централизации и координации массового движения. Тем не менее при всех недостатках, тормозивших формирование сознательных классовых организаций пролетариата, профсоюзы быстро набирали опыт и становились влиятельной силой. В провинциях Хунань, Хубэй и Цзянси, освобожденных войсками НРА на первом этапе Северного похода,

профсоюзные объединения силами коммунистов были преобразованы в генсоветы профсоюзов. В Хунани и Хубэе прошли провинциальные съезды профсоюзов, организовывались рабочие пикеты. С октября 1926 г. по март–апрель 1927 г. в столице Хубэя Ухани произошло свыше 300 забастовок. Из участников забастовок в пров. Хубэй 80% составляли рабочие. В итоге стачек на иностранных предприятиях удавалось добиваться повышения заработной платы, улучшения условий труда. В результате поднимался авторитет профсоюзов.

Декабрьский (1926 г.) пленум ЦИК КПК, учитывая сложность политической и экономической ситуации на территории, подвластной Гоминьдану, высказался за сдерживание требований, прежде всего в области повышения заработной платы, выдвигавшихся непромышленными рабочими (ремесленниками, приказчиками, кули) и приводивших к банкротству мелких предприятий.

Крестьянское движение, начавшееся в пров. Гуандун еще в 1924–1925 гг., в период Северного похода развивалось в разных формах и с разным размахом. Активности крестьянства в период Северного похода предшествовала целенаправленная деятельность Гоминьдана и коммунистов. По решению ЦИК Гоминьдана от 30 июня 1924 г. были организованы курсы крестьянского движения, всего за семь наборов было выпущено 1882 человека. Организаторские курсы по работе с крестьянством воспитали немало революционеров-практиков. Одним из важных результатов деятельности обеих революционных партий в этом направлении стало создание крестьянских союзов, через которые широкие массы сельского населения приобщались к участию в общенациональном революционном движении. Шестым набором слушателей в составе 320 человек, прибывших из 20 провинций Китая, руководил Мао Цзэдун. Крестьянские союзы, о необходимости создания которых говорил и писал Сунь Ятсен, вносили организующее начало в крестьянское движение, способствовали повышению образовательного уровня крестьян (благодаря созданию вечерних школ), формировали общественно-политическое сознание крестьянских масс, вели борьбу с предрассудками. В ходе инспекционной поездки по пяти уездам своей родной пров. Хунань (январь–февраль 1927 г.) Мао Цзэдун в «Докладе об обследовании крестьянского движения в Хунани» сообщал ЦИК КПК о состоянии крестьянского движения в провинции, о росте числа стихийных выступлений и необходимости повседневного руководства этим движением со стороны КПК. Как следовало из доклада, к сентябрю 1926 г. в Хунани насчитывалось 300–400 тыс. членов крестьянских союзов, под влиянием которых находилось более 1 млн. крестьян. Организаторы крестьянских союзов выявляли насущные проблемы крестьянского населения, способствовали формированию адекватных ситуации требований и лозунгов крестьянского движения, прежде всего в области арендных отношений и налоговой политики.

Тактика Компартии Китая в крестьянском движении была разработана на III расширенном пленуме ЦИК КПК в июле 1926 г., подтвердившем прежние «переходные» требования партии в деревне – снижение арендной платы, ссудного процента, налогов. Пленум высказался против «забегания вперед» в кре-

стьянском и рабочем движениях и отметил, что крестьянство начинает включаться в политическую борьбу и может стать главной силой национально-освободительного движения. Политика КПК по отношению к крестьянству постепенно радикализировалась. Открывшееся 13 декабря 1926 г. совещание ЦИК КПК в Ханькоу сняло установку июльского (1926 г.) расширенного пленума ЦИК КПК на единый фронт с мелкими и средними помещиками и приняло курс на вовлечение в крестьянские союзы лишь ремесленников и мелких торговцев. Отменялась также установка на коллективное вступление крестьянских союзов в Гоминьдан.

В целом в период Северного похода повысилась социально-политическая активность крестьянства в районах, занятых НРА. К маю 1927 г. число членов крестьянских союзов достигло 9,5 млн. человек. Особенно широкое развитие крестьянское движение получило в провинциях Хунань, Хубэй, Цзянси и Хэнань. Однако крестьянские союзы не могли сразу заменить старые, традиционные корпоративные организации в деревне. Нередко крестьянские союзы, призванные быть массовыми организациями трудового крестьянства, на деле оказывались лишь сменившими вывеску традиционными организациями и выражали узкие групповые интересы. Нередко у руководства ими оказывались шэньши и помещики.

Крестьянские союзы боролись с *туфэями* (бандитами), оказывали разнообразную помощь войскам Северного похода. В крестьянском движении нередко имели также место эксцессы – самочинные расправы с помещиками и «злыми» шэньши (*лешэнь*).

30 марта 1927 г. делегаты от крестьянских организаций Хунани, Хубэя, Цзянси и Хэнани участвовали в организованном коммунистами совещании, на котором образовали Всекитайский временный исполнительный комитет, в него вошли Мао Цзэдун, Тань Пиншань, Пэн Бай, Фан Чжиминь, Дэн Яньда. Комитет руководил развитием крестьянских союзов в различных регионах, в некоторых случаях – вооружением крестьян, учреждением крестьянской революционной власти в деревнях, решал земельные вопросы. Но даже в провинциях с относительно высоким подъемом крестьянского движения крестьянские союзы охватывали меньшинство сельского населения.

Рабочее и крестьянское движение стимулировало процесс становления национального самосознания, способствовало подъему национально-освободительной борьбы. В конце декабря 1926 г. в Ухани развернулась патриотическая антиимпериалистическая кампания в форме митингов, на которых в числе других выдвигалось требование возврата Китаю иностранных концессий. Занятие трудящимися и солдатами НРА английских концессий в Ханькоу 4 января и Цзюцзяне 7–8 января 1927 г. произошло в условиях подъема рабочего и крестьянского движения. Жители ряда городов Китая, а также международные организации проявляли солидарность с этими действиями. Подписание соглашения о возвращении Китаю концессий в Ханькоу и Цзюцзяне советником английской миссии в Пекине О'Малли 19 и 20 февраля 1927 г. было большой победой китайского народа.

Весьма показательной характеристикой формировавшейся в КПК модели революции стало содержавшееся в шестой «Декларации КПК о текущем моменте» (28 января 1927 г.) утверждение о том, что главными достижениями революционного процесса являются не военные победы НРА, а широкое развитие рабочего и особенно крестьянского движения. Подъем массовых движений осенью 1926 г. – весной 1927 г. усиливал накал внутрипартийной борьбы в Гоминьдане, которая все больше сосредоточивалась на расхождении Гоминьдана с коммунистами по вопросам о власти, движущих силах и роли массового движения. Разногласия внутри Гоминьдана в связи с дальнейшим усилением в партии роли военных и ярко выраженным стремлением Чан Кайши к единоначалию постепенно сглаживались, и на первый план выходили противоречия всего Гоминьдана с коммунистами, как работавшими в Гоминьдане, так и действовавшими самостоятельно.

Дальнейшая политика КПК в национально-революционном движении формировалась под сильным влиянием «Резолюции по вопросу о положении в Китае» (16 декабря 1926 г.) VII расширенного пленума ИККИ, пересмотревшего стратегию II конгресса Коминтерна по восточному вопросу. Решение пленума ИККИ по китайскому вопросу содержало установку на завоевание гегемонии пролетариата, аграрную революцию и некапиталистическую перспективу развития Китая. Такие стратегия и тактика не учитывали реальных сил и возможностей КПК, уступавшей Гоминьдану по ряду параметров, и прежде всего в военном отношении. Резолюция VII пленума ИККИ, означавшая радикализацию политики Коминтерна в Китае, была получена в Китае и переведена на китайский язык в феврале 1927 г.

Радикализация политики КПК шла параллельно с углублением противоречий в руководстве Гоминьдана. Несмотря на принятие в марте 1927 г. III пленумом ЦИК Гоминьдана 2-го созыва ряда решений по ограничению власти военной группировки Чан Кайши и его личных притязаний, милитаризация Гоминьдана продолжалась, усиливая консервативные тенденции в его программе и политике. Одновременно углублялись и социально-классовые конфликты в стране, в том числе на территории, подконтрольной Уханьскому правительству.

Весной 1927 г. активизировалось рабочее движение в Шанхае. В феврале–марте Шанхайский совет профсоюзов организовал ряд забастовок и восстаний, в том числе победоносное вооруженное восстание 21–22 марта. На организации восстания настаивал Чжоу Эньлай. После некоторых колебаний Москва поддержала эту идею. Восставшие рабочие освободили Шанхай от милитаристских войск Сунь Чуаньфана еще до вступления в Шанхай частей Чан Кайши. В результате победы восстания в Шанхае было создано Собрание народных делегатов с участием коммунистов, рабочих, гоминьдановцев и отдельных представителей национальной буржуазии Шанхая. Хотя Собрание было признано Уханьским правительством, Чан Кайши, прибыв в Шанхай, распустил его. Вооружив различные группы шанхайской мафии, Чан Кайши спровоцировал их столкновения с рабочими пикетами, которые были затем разоружены частями НРА.

Около 300 пикетчиков было убито и ранено, демонстрации и митинги восставших разгонялись силой оружия. Коммунисты были вынуждены уйти в подполье. Акты вооруженного насилия со стороны военных, как уже нами упоминалось, имели место в Нанкине, Ханчжоу, Нинбо, Аньцине, Фучжоу, Гуанчжоу. Это были первые открытые карательные акции гоминьдановских военных властей против коммунистов, рабочих и крестьянских организаций. Усилились и реакционные тенденции в Уханьском правительстве, лидеры которого были ближе к военной верхушке Гоминьдана, чем к коммунистам.

С вступлением частей НРА в крупнейшие центры и сферы влияния держав в приморских районах Восточного Китая и по мере развития национально-освободительного и социально-классового движений усиливалась угроза иностранной военной интервенции в Китае. 24 марта 1927 г. военные корабли Англии и США подвергли бомбардировке Нанкин.

12 апреля Чан Кайши совершил военный переворот в Шанхае. Вскоре такие же перевороты были организованы в провинциях Гуандун, Гуанси, Фуцзянь, Чжэцзян, Аньхуэй. После провозглашения 18 апреля 1927 г. гоминьдановского правительства в Нанкине, Чан Кайши объявил Уханьское правительство незаконным. Авторитет Уханьского правительства, оказавшегося в трудных условиях экономической блокады, политической и социальной нестабильности, значительно снизился. Военные перевороты в Восточном и Южном Китае, по отношению к которым Уханьское правительство заняло примиренческую позицию, положили начало процессу размежевания Уханьского Гоминьдана с коммунистами.

«Декларация ЦИК КПК в связи с репрессиями Чан Кайши против революционных масс» от 20 апреля 1927 г. призывала развернуть «крестьянскую революцию», проводить «радикальные аграрные реформы». Эти решения на практике столкнулись с непреодолимыми трудностями.

Разрыв единого фронта Гоминьдана и КПК. Раскол в революционном лагере

Установившееся двоевластие (два Национальных правительства – в Нанкине и в Ухани) изменило положение и политику КПК. Компартия теперь могла легально действовать только на территории провинций Хубэй, Хунань и Цзянси, подвластных Уханьскому правительству. В такой политически нестабильной ситуации собрался V съезд КПК (Ухань, 27 апреля – 9 мая 1927 г.). 82 делегата съезда представляли 57 967 членов партии (50,8% – рабочих, 18,7% – крестьян, 19,1% – интеллигентов, 3,1% – солдат и офицеров, 8% – прочих). О растущем в обществе влиянии коммунистов говорил тот факт, что более половины членов КПК вступили в нее в течение предшествовавших трех месяцев. В работе съезда участвовала делегация ИККИ в составе М.Н.Роя (руководитель), Ж.Дорио и Г.Н.Войтинского, председательствовал на съезде Чэнь Дусю. Несмотря на недовольство многих партийцев, съезд поддержал наступательную линию Комин-

терна, изложенную в решениях VII расширенного пленума ИККИ и в более поздних директивах Коминтерна, адресованных КПК. Борьба за гегемонию пролетариата и аграрная революция неоправданно оптимистически выдвигались как основные задачи текущего этапа революционного движения. Был избран новый состав ЦК КПК, впервые сформировано Политбюро (Чэнь Дусю, Цай Хэсэнь, Ли Вэйхань, Цюй Цюбо, Чжан Готао, Тань Пиншань, Ли Лисань, Чжоу Эньлай). Генеральным секретарем ЦК КПК вновь, в пятый раз, был избран Чэнь Дусю.

Повышение уровня классовых требований рабочих и крестьянских масс в условиях военного этапа «строительства государства» все больше затрагивало интересы торговых слоев, буржуазии, офицерского состава и других групп населения, подрывало основы единого национального фронта. С середины мая 1927 г. на территории Уханьского правительства началась серия военных мятежей, сопровождавшихся арестами коммунистов. Против рабочего и крестьянского движений объединенным фронтом выступили буржуазно-помещичье офицерство, генералитет и часть политического руководства Уханьского Гоминьдана и правительства.

Руководство КПК пошло на частичные уступки левым гоминьдановцам в городах. В мае–июне 1927 г. Политбюро ЦК КПК продолжало курс на уступки Гоминьдану ради сохранения единого фронта. В руководстве КПК существовали разногласия по вопросу дальнейших отношений с Гоминьданом. Чэнь Дусю на заседании Политбюро ЦК КПК 7 июня 1927 г. объявил невыполнимыми и не отражавшими реальную обстановку в Китае рекомендации Политбюро ЦК ВКП(б) от 30 мая 1927 г. о переходе КПК к политике «взятия» земли «снизу», замене верхушки Гоминьдана новыми лидерами, выдвинувшимися в ходе аграрной революции, уничтожении зависимости от ненадежных генералов, мобилизации 20 тыс. коммунистов и 50 тыс. революционных рабочих и крестьян из Хунани–Хубэя. На этой основе рекомендовалось строить «свою надежную армию» и учредить ревтрибунал во главе с видными гоминьдановцами-некоммунистами для наказания офицеров, поддерживающих связь с Чан Кайши. Как подчеркнул Чэнь Дусю, у КПК не было ни оружия, ни времени, ни возможностей для создания собственных вооруженных сил. Политический советник ЦИК Гоминьдана М.М.Бородин также был не согласен с содержанием майских директив ВКП(б) и Коминтерна.

В конце мая – начале июня 1927 г. гоминьдановские военные продолжили вооруженные действия против рабочего и крестьянского движения; им удалось разгромить организации КПК в Хунани и Цзянси. Последняя попытка Компартии оттянуть во времени неизбежный распад единого фронта была сделана на расширенном пленуме ЦК КПК, который проходил в Учане в первых числах июля 1927 г. Пленум аргументировал необходимость тактического отступления Компартии общим неблагоприятным соотношением сил, а также изоляцией рабочего и крестьянского движения. При этом преследовалась цель вывести партию и рабоче-крестьянские массы из-под удара реакции, выиграть время для создания рабоче-крестьянской регулярной армии. И хотя судьба единого фронта

была уже предрешена, идея создания собственных вооруженных сил созрела именно в такой сложной ситуации и оказалась весьма продуктивной для решения Компартией последующих военно-политических задач.

Меры Гоминьдана по размежеванию с коммунистами формулировались одновременно с принятием Коминтерном и КПК курса на расторжение единого фронта с Гоминьданом. Однако нетерпение в решении этого вопроса в большей степени проявлял Гоминьдан. Компартия, учитывая в том числе рекомендации Коминтерна, перешла к противоречивой политике – вести борьбу с властными структурами Гоминьдана при сохранении отношений сотрудничества с рядовыми партийцами. Согласно принятому КПК решению, министры-коммунисты Тань Пиншань и Су Чжаочжэн вышли из Уханьского правительства, а руководители Компартии начали переходить на нелегальное положение.

Штаб Наньчанского восстания

15 июля 1927 г. ЦИК Гоминьдана по предложению Ван Цзинвэя постановил «мирными средствами» прекратить сотрудничество с КПК. Вторая половина июля в жизни Компартии характеризовалась сменой руководства КПК и переходом от политики уступок к попытке контрнаступления на Гоминьдан. Отставка Чэнь Дусю с поста генерального секретаря партии (позднее, на заседании ПБ ЦК КПК 15 ноября 1929 г., Чэнь Дусю был исключен из Компартии Китая) и образование Постоянного комитета Политбюро ЦК КПК нового состава (Цюй Цюбо – глава, Чжан Готао, Чжоу Эньлай, Чжан Тайлэй и Ли Лисань) вновь активизировали настроения революционного нетерпения.

В то время как в Гоминьдане развивался процесс сближения между Уханью и Нанкином, завершившийся образованием в сентябре 1927 г. объединенного правительства, новое руководство КПК в тесном взаимодействии с представителем Коминтерна в КПК В.В.Ломинадзе, сменившим М.Н.Роя, взяло курс на развитие самостоятельной, независимой от Гоминьдана политики в революционном движении. Эта политика строилась на основных положениях концепции национальной революции, представленной в решениях VII и VIII (18–30 мая 1927 г.) пленумов ИККИ, и исходила из общей оценки ситуации как благоприятной для революционного наступления. Она фактически была направлена на развертывание массового движения под руководством КПК и создание новых органов власти.

Реализация нового курса началась с восстания в Наньчане частей НРА, находившихся под влиянием коммунистов, ставшего знаковым в расколе революционных сил. В ночь с 31 июля на 1 августа 1927 г. войска коммунистов Хэ Луна,

Е Тина и Чжу Дэ подняли восстание в Наньчане. Целью было возрождение в Гуандуне революционной базы и подготовка нового Северного похода. Провозглашались также лозунги аграрной революции, на которую тщетно возлагала большие надежды повстанческая армия, насчитывавшая свыше 20 тыс. бойцов. Восстание в Наньчане не привело к образованию нового центра революционного движения, и повстанцы были вынуждены оставить город. В итоге армия, одержавшая в ходе своего маршрута в Гуандун ряд побед, была разгромлена вблизи Шаньтоу (пров. Гуандун). Это восстание положило начало периоду гражданской войны между Гоминьданом и КПК. 5 августа 1927 г. Уханьский Гоминьдан принял решение об окончательном разрыве с КПК и перешел к репрессиям против коммунистов.

Следуя решениям чрезвычайного совещания ЦК КПК (август 1927 г.), коммунисты в августе–сентябре предприняли попытки поднять крестьянские восстания в провинциях Хунань, Хубэй, Цзянси, Гуандун (так называемые «восстания осеннего урожая»). Все они, в том числе восстание в Восточной Хунани во главе с Мао Цзэдуном, были подавлены превосходящими силами местных милитаристов. Наивысшего размаха в серии «восстаний осеннего урожая» достигло движение в уездах Хайфэн и Луфэн (Гуандун), которое возглавлял член ЦК КПК Пэн Бай. Его инициировала группа наньчанских повстанцев, вышедшая в район уездов Хайфэн и Луфэн и получившая поддержку местных крестьянских союзов. Сформированная повстанцами дивизия Рабоче-крестьянской революционной армии сумела подчинить ряд уездных центров, где была провозглашена советская власть и образовано советское правительство, продержавшееся до марта 1928 г. В ходе восстаний был накоплен некоторый опыт проведения преобразований в деревне и советского строительства, положено начало формированию собственных вооруженных сил КПК.

В сентябре 1927 г. руководство КПК приняло решение дополнить программу «восстаний осеннего урожая» планом вооруженных выступлений в промышленных центрах Китая, которое было утверждено и конкретизировано на пленуме Политбюро ЦК КПК (7–11 ноября 1927 г.). В соответствии с оценкой китайской революции как перманентной и в связи с принятым на пленуме курсом на организацию немедленных вооруженных выступлений в городах были предприняты попытки поднять восстания в Ханькоу, Уси, Чанша, Кайфэне и в некоторых уездных городах. Наибольший политический резонанс получило восстание в Гуанчжоу (Кантонская коммуна; 11–13 декабря 1927 г.). Оно было лучше подготовлено, чем в других городах, и опиралось на опыт Гонконг-Кантонской забастовки-бойкота 1925–1926 гг.; использовались также некоторые подготовленные тогда кадры. После двух дней кровопролитных боев восстание было подавлено. Таким образом, не удалась и последняя попытка КПК восстановить южную революционную базу и, опираясь на нее, начать новую революцию. Если в Наньчанском восстании формально еще сохранялся лозунг создания власти «революционного Гоминьдана» (несмотря на отсутствие связей с его руководящими структурами), то в ходе «восстаний осеннего урожая», прежде всего в

Руководители Наньчанского восстания 1927 г.
Слева направо: вверху – Чжоу Эньлай, Хэ Лун, Е Тин;
внизу – Чжу Дэ, Лю Бочэн

Гуанчжоуском восстании, этот лозунг был снят и выдвинут лозунг создания советов. Трагические события, связанные с расколом в лагере национально-освободительного движения, сопровождавшиеся жесточайшим террором против коммунистов, оставили в исторической памяти китайцев неизгладимый след. Численность Коммунистической партии сократилась с 58 тыс. человек в мае 1927 г. до 10 тыс. человек в конце 1927 г. Однако центральный партийный аппарат и основные руководящие кадры КПК удалось сохранить.

Сотрудничая с Гоминьданом и активно участвуя в массовом атиимпериалистическом движении, а также организуя классовые выступления рабочих и крестьян, КПК приобрела ценный опыт работы в массах и сформировалась организационно и политически. Используя возможности легальной деятельности, она достигла бóльших, чем Гоминьдан, успехов в области партийного строительства, в организационной и пропагандистской работе как внутри Гоминьдана, так и вне его, сложилась как массовая партия нового типа.

Пройдя трудный путь борьбы за объединение и независимость страны с опорой на массовое движение, претендуя на руководящую роль в национально-революционном движении, КПК в дальнейших поисках нового пути получила возможность использовать положительный опыт и учитывать негативные моменты. В период «первого сотрудничества» с Гоминьданом Компартия сумела сблизиться с массами, проникнуться их интересами. Это позволило Компартии на последующих этапах китайской революции придать своей военной деятельности демократические черты и четкую социальную ориентацию, чего не удалось сделать Гоминьдану.

В период Северного похода КПК начала готовить собственные военные кадры командного состава. Ей удалось создать сильные позиции в некоторых армейских подразделениях, которые активно действовали в Наньчанском восстании, а затем составили основу Красной армии Китая. Помощь ВКП(б) и Коминтерна, включая финансовую поддержку и обучение революционных кадров в высших учебных заведениях Советского Союза, способствовала становлению КПК как политической партии. Взаимодействие национального и коммунистического движений, осуществлявшееся в форме единого фронта Гоминьдана и КПК и широкого патриотического фронта различных социальных слоев, было важной составной частью становления обеих партий, обеспечивших (и на пути совместных действий, и действуя самостоятельно) рост национального самосознания и объединение страны под лозунгами антимилитаристской борьбы и восстановления национального суверенитета.

Глава 8
Наука и образование

Интеллектуальный взрыв в развитии философской мысли

Подготовка к восприятию зарубежной философской мысли в Китае развернулась в конце XIX – начале XX в. Янь Фу познакомил интеллигенцию с идеями эволюционизма Т.Гексли, логическими работами Дж.Милля и У.Джевонса. Лян Цичао стремился соединить идеи свободы Дж.Милля, Ж.-Ж.Руссо и И.Канта с эволюционизмом Ч.Дарвина и Г.Спенсера. Ван Говэй, искавший на Западе свободную от утилитарных мотивов «чистую» философию, обращался к трудам И.Канта, А.Шопенгауэра и Ф.Ницше. Ко второму десятилетию XX в. китайская образованная элита соприкоснулась с дарвиновским эволюционизмом, либеральными идеями Ж.-Ж.Руссо, получила общее представление о рационалистической научной методологии Ф.Бэкона и Р.Декарта.

Активное освоение китайцами достижений западной науки стало стимулом для обновления представлений о мироздании в целом. Китайские мыслители стремились преодолеть кризис традиционных этических ценностей и совместить национальную традицию с западными знаниями. Заимствованный из Японии в конце XIX в. термин «философия» (*чжэсюэ*) прочно утвердился в Китае к началу республиканского периода, что помогало осмыслить философию как универсальную систематическую отрасль знания, отличающуюся от китайских традиционных учений. К началу 20-х годов в Китай проникли эмпиризм, марксизм, неореализм, прагматизм, махизм, иррационализм.

Инициатором философского движения за критическое переосмысление китайской традиции стал Ху Ши (1891–1962). Он получил образование в Шанхае,

где познакомился с идеями западного эволюционизма в интерпретации Янь Фу и Лян Цичао, после 1910 г. учился в США. В 1917 г. Ху Ши получил докторскую степень в Колумбийском университете, где обучался под руководством известного представителя философии прагматизма Дж.Дьюи.

Ху Ши в апреле 1919 г. рассказал на страницах журнала «Синь циннянь» о методологии американского прагматизма (он называл это течение «экспериментализмом»). Он заявил, что в науке нет вечных неизменных «небесных принципов», которые обсуждали китайские мыслители прошлого. Все это лишь гипотезы, судьба которых зависит от того, какой результат они могут дать на практике. Научные истины конкретны и специфичны, они должны подтвердить свою применимость в данном времени и в данной окружающей среде. Подобно тому, как в ходе эволюции изменяются живые существа, истина меняется вслед за переменами во внешней среде, это «не более чем инструмент приспособления к окружающим условиям». Есть лишь «конкретная истина», которая перестает быть таковой, если более не может служить методом адаптации к внешнему миру. Основными идеями прагматизма Ху Ши назвал «научно-лабораторный» и исторический подход к истине. Его лозунг «смело выдвигать гипотезы, осторожно искать доказательства» снискал большую популярность среди китайской интеллигенции того времени.

В июле 1919 г. Ху Ши попытался применить прагматизм к изучению социально-политических проблем, выступив в журнале «Мэйчжоу пинлунь» с призывом «больше исследовать проблемы и меньше говорить об „измах“». Он заявил, что пустая болтовня об иностранных учениях (социализм, анархизм, этатизм) является легким и приятным занятием, однако на деле оно бесполезно и даже вредно. Прежде чем предлагать рецепты спасения китайского общества, необходимо изучить множество стоящих перед ним реальных проблем. Склонность современников к обсуждению «измов» Ху Ши объяснил человеческой ленью: проблемы изучать тяжело, нужно начинать с конкретного исследования и получения эмпирического знания, потом требуется мыслительный труд для создания гипотезы, ее проверки и утверждения, тогда как об «измах» начинают болтать без умолку после прочтения нескольких книг. Он не отрицал, что «измы» являются важным инструментом исследования проблем, однако призывал ученых коллег не ставить их на первое место, чтобы не создавать успокоительную иллюзию, будто рецепт решения всех проблем можно найти без их конкретного изучения.

Летом 1919 г. с критикой в адрес Ху Ши выступил пропагандист марксизма профессор Ли Дачжао. Он заявил, что «проблемы» и «измы» неотделимы друг от друга, при этом «изм» определяет направление «совместного движения большинства общества», нацеленного на решение проблем. Ли Дачжао настаивал на необходимости распространения марксизма в Китае и «коренном решении» социальных проблем с помощью классовой борьбы и революции. Он осуждал реформистский подход Ху Ши, призывавшего решать проблемы страны одну за другой.

Ху Ши выступил с несколькими ответами на критику. В публикации «В четвертый раз о проблемах и „измах“» (август 1919 г.) он обоснованно призвал при заимствовании иностранных учений обращать внимание на обстоятельства их зарождения, учитывать фактор воздействия на них других теорий, изучать уже известные результаты их применения для оценки их практической ценности. Он положительно отозвался о материалистическом взгляде на историю и даже упомянул о «неизбежности наступления социализма» как о неоспоримом тезисе. Вместе с тем Ху Ши четко высказался против насаждения в китайском обществе классовой ненависти, в результате чего две главные силы в обществе, «которые могут и должны помогать друг другу, превращаются в противостоящие друг другу лагери». Тезис о разделении проблем и «измов» наложил глубокий отпечаток на общественно-научные дискуссии 30–40-х годов.

В 1919 г. Ху Ши опубликовал новаторскую работу «Очерк истории китайской философии» (свет увидела только первая часть), в которой применил западную философскую методологию к китайскому наследию. В его изложении история китайской мысли перестала быть тождественной истории конфуцианства, все школы древности признавались одинаково ценными и равноправными. Ху Ши настаивал на текстологическом анализе первоисточников для исключения позднейших подделок, отказавшись от традиционного комментирования древних текстов в пользу систематического и аргументированного рассмотрения материала.

Ху Ши опирался на сравнительное изучение философских традиций Китая и Запада, используя иностранные методы для систематизации национального наследия. Отказавшись от попыток предшественников адаптировать западное к китайскому, ученый предложил новый взгляд на китайскую традицию с позиций Запада. Он предлагал изучать китайскую философию с помощью методов и понятий современной западной философии, полагая, что изложение традиционных идей на современном языке создаст основу для дальнейших интеллектуальных поисков. Эта методология позволяла образованным китайцам по-новому взглянуть на собственную историко-философскую традицию, увидеть ее извне, что открывало путь для новых межкультурных сопоставлений. Ху Ши стремился найти в древнекитайской мысли зародыши логической мысли западного типа, призывал «привести в порядок наследие прошлого», считал необходимым «сомневаться в древности» и вести ее систематическое исследование.

Ху Ши пытался обновить китайскую философию в духе западничества и культурного нигилизма «движения 4 мая», он стал практически единственным китайским философом XX в., не перешедшим со временем на позиции китаецентристского традиционализма. Дерзкая попытка перестроить научный менталитет китайцев с помощью американской философии прагматизма и критика традиции снискали ему репутацию «вестернизатора».

Важным элементом ознакомления с западной философией стали визиты в Китай известных зарубежных мыслителей. Наставник Ху Ши американский философ Дж.Дьюи пробыл в Китае с мая 1919 г. по июль 1921 г. Он более ста раз вы-

ступал в Пекине, Тяньцзине, Тайюане и других городах с лекциями по социальной и политической философии, педагогике, этике. Он рассказывал о наследии европейской философии и современных течениях – прагматизме У.Джемса, иррационализме А.Бергсона, учении Б.Рассела и математической логике. Дьюи пропагандировал лозунги «науки и демократии», подчеркивая важность «научно-лабораторного» подхода к опыту, в том числе социальному.

Английский философ Б.Рассел находился в Китае с октября 1920 г. по июль 1921 г. Он читал в Пекинском университете курсы «Проблемы философии», «Анализ материи», «Анализ разума», «Изучение структуры общества». Ученого встретили с большим энтузиазмом, в Пекине было создано Общество изучения идей Рассела. Гость критиковал прагматизм и интуитивизм, он призывал опираться на научный метод в теории познания. Рассел называл свое учение «нейтральным монизмом», отличным от идеализма и материализма. Однако слушателей более всего интересовали социальные и политические идеи Рассела, который призывал китайцев развивать промышленность и образование, ориентируясь на государственный социализм и избегая копирования западной цивилизации.

Дьюи и Рассел пропагандировали дух эмпиризма и рационализма, соответствовавший настрою «движения 4 мая». По мере повышения уровня философских познаний в Китае и роста интереса к логическому позитивизму к середине 30-х годов влияние учения Рассела стало сопоставимо с популярностью американского прагматизма.

После отъезда Дьюи и Рассела в октябре 1922 г. в Китай прибыл третий известный западный мыслитель – профессор Лейпцигского университета Х.Дриш, который посетил Шанхай, Нанкин, Ханчжоу. Немецкий ученый-эмбриолог выступал в философии приверженцем теории витализма. Он полагал, что жизнь нельзя объяснить как физическое или химическое явление, ее сущность образует непознаваемая причина самой себя, регулирующая органическое развитие. Ученый познакомил аудиторию с витализмом и взглядами И.Канта, подверг критике механистические теории жизни. Идеи Дриша были поняты китайскими слушателями как реабилитация ценности и уникальности человеческой жизни на фоне волны сциентизма в западной философии. Напоминание о свободе воли и самостоятельности человека подталкивало китайскую интеллигенцию к позитивному переосмыслению антропологических проблем и отказу от слепого поклонения науке.

Восприятие западной философии как инструмента критики традиционной культуры в начале 20-х годов породило встречный импульс культурного консерватизма. Поворотной вехой стала опубликованная в августе 1921 г. книга «Культуры Востока и Запада и их философии» Лян Шумина (1893–1988). Он выступил в защиту конфуцианской этики и учения о человеке на фоне ожесточенного спора китайской интеллигенции о путях развития национальной культуры. В юности мыслитель испытал влияние идей буддизма, в 1917–1924 гг. преподавал в Пекинском университете индийскую философию. В учении Лян Шумина основой Вселенной выступает «жизнь», представляющая «неисчерпае-

мую волю-желание» человеческой личности. Вселенская жизнь абсолютна, ее постижение возможно лишь через интуицию, способную преодолеть противопоставление субъекта и объекта, сделав их едиными. Воля человеческого духа выступает как основа и источник культуры, направленность воли определяет несходные типы культур, выделенные Лян Шумином.

Западная культура рациональна, она нацелена на движение вперед, на борьбу и покорение материального мира. Ее пронизывают идеи науки и демократии, которые толкают человека на разрушение окружающего мира ради его изменения, на сопротивление авторитарной политической власти. На этом пути развития культуры человек выступает как субъект, занятый преобразованием природы и общества в материальной сфере. Лян Шумин не отрицал достижений западной культуры, но предупреждал, что на этом пути культура утрачивает связь с сущностью жизни, а человеческая духовность становится ущербной, ведь все усилия направлены на достижение перемен лишь во внешнем, а не во внутреннем мире.

Второй тип представляет интуитивная и философичная китайская культура. Она направлена на внутреннюю жизнь человека и гармонизацию его желаний. Открытый Конфуцием путь культурного развития побуждает не менять ситуацию, а приспосабливаться к ней, изменять себя, а не других людей. Когда человек живет в гармонии с собой, с окружающими людьми и с природой, субъект и объект более не оторваны друг от друга, как в западной культуре. Такое единство постигается на основе интуиции, а не строгой формальной науки. Лян Шумин предположил, что подъем иррационалистических течений в европейской мысли после Первой мировой войны указывает на усиление в ней «восточного окраса» и движение в сторону «китайского пути».

Третий тип – это религиозная и рефлективная индийская буддистская культура. Если западный путь нацелен на решение проблем через преобразование окружающего мира, китайский – на гармонизацию с миром через изменение личности, то индийский путь уводит человека из мира, призывая к избавлению от проблем через избавление от желаний. Лян Шумин заключил, что будущей мировой культурой станет возрожденная китайская культура, которую потом сменит индийская. Важно соблюдать очередность этапов, начиная с преобразования материального мира, чем длительное время занимался Запад. Китайская и индийская культуры пришли слишком рано, поэтому мыслитель призвал «отвергать индийский подход, из которого ничего нельзя брать», «полностью принимать западную культуру, коренным образом ее трансформируя» и «вновь критически взять изначальный китайский подход».

Лян Шумин продемонстрировал современникам возможность обсуждения перспектив китайской традиции в мировых масштабах. Западная культура не сможет вытеснить китайскую, а Китай может стать современным, не отказываясь от конфуцианства. С критикой этих идей выступил Ху Ши, заявив о несостоятельности противопоставления «материального» Запада «духовному» Китаю. Марксисты (Цюй Цюбо, Чэнь Дусю, Дэн Чжунся) осуждали взгляды Лян

Шумина с позиций исторического материализма. Они полагали, что культура включает материальное производство, тогда как специфика китайской культуры есть не более чем отражение кланового общества и крестьянской жизни. С этой позиции разница культур Китая и Запада указывала лишь на отставание Востока, неизменных характеристик у национальной культуры быть не может, поскольку идейная надстройка общества меняется вслед за материальным базисом. Марксисты полагали, что их учение позволяет определить долгосрочную перспективу развития общества, на фоне которой культурные различия теряют свое значение.

Продолжением дебатов о культурах Китая и Запада стала «дискуссия о науке и метафизике». Ее началом послужила лекция Чжан Цзюньмая (1887–1968) «Жизнесозерцание» (февраль 1923 г.), в которой мыслитель заявил о невозможности постигнуть таинственное человеческое «я» при помощи научных методов. Его знакомство с западной философией началось в 1906–1911 гг. во время учебы в Японии. После 1913 г. он учился в Европе, где заинтересовался идеями немецкого философа Р.Эйкена, подчеркивавшего важность человеческого опыта в противовес рациональности и выступавшего за возрождение метафизики на основе ценностей нравственности и духовности.

Чжан Цзюньмай провозгласил, что проблема «жизнесозерцания» может быть решена лишь средствами «метафизики». Он заявил, что европейские мыслители после Первой мировой войны уже задумались о негативных последствиях, к которым ведут поклонение науке и невнимание к человеческому духу. На этом фоне спор о соотношении «науки и метафизики» предстает как китайское развитие европейских рассуждений о кризисе материалистической цивилизации. Чжан Цзюньмай противопоставлял уделяющую внимание инстинкту и интуиции «жизненную философию» Бергсона, Ницше и Джемса «мыслительной философии» Декарта, Канта и Гегеля, видящей в рационализме единственный путь к истине.

Лидером защитников «науки» выступил ученый-геолог Дин Вэньцзян, который опубликовал в апреле 1923 г. статью «Метафизика и наука». Он отметил, что «неприкаянный дух» метафизики более не может найти себе место в Европе и в новых одеждах «жизнесозерцания» пытается проникнуть в Китай, и потому необходимо помешать ему обмануть китайское студенчество. По мнению Дин Вэньцзяна, между науками о духе и материи нет непреодолимой преграды, поскольку научные знания опираются на обработку чувственных данных человеческим духом. Дин Вэньцзян пропагандировал «скептический идеализм», утверждая, что основой знаний выступают ощущения, из-за чего объективный мир не может быть познан в отрыве от его восприятия в человеческой психике.

Вставший на сторону защитников «науки» Ху Ши отмечал, что ни о каком «бедствии», происходящем от науки, говорить нельзя. Он призывал четко уяснить, в каком отсталом состоянии находится Китай, где науку не знают и не уважают. Разговоры о «банкротстве европейской науки» лишь сбивают людей с толку, сваливают на науку вину за неудачи европейской культуры, принижают

науку ради защиты «жизнесозерцания». Представители китайского марксизма осудили за идеализм оба направления – как «жизнесозерцательное», так и «научное».

Развитие экономической мысли

Начало XX в. занимает важное место в истории становления в Китае экономической науки как самостоятельной отрасли знания. Хотя в прошлом китайские политические деятели и мыслители нередко высказывались об экономических проблемах, их идеи были частью традиционной «науки об управлении миром», охватывавшей вопросы политики, права и образования. Первое знакомство с экономической наукой произошло во второй половине XIX в. благодаря протестантским миссионерам. В 80-х годах XIX в. они издали китайские переводы «Учебника политической экономии» Г.Фосетта и «Начального курса политической экономии» У.Джевонса. Эти публикации остались практически незамеченными, в том числе ввиду низкого литературного уровня миссионерских переводов.

Китайские реформаторы все более глубоко познавали связь западного «учения об обогащении государства» с материальной мощью иностранных держав. Началом проникновения в Китай западной экономической науки стало издание в 1902 г. под названием «Источники богатства» перевода работы А.Смита «Исследования о природе и причинах богатства народов», выполненного известным мыслителем и общественным деятелем Янь Фу. Он подчеркивал, что экономическая наука имеет значение для бедности и богатства Китая, говоря более широко – для «расцвета и упадка желтой расы». В 1903 г. увидела свет книга Лян Цичао «Краткая история развития экономических учений», ставшая первой работой по истории западной экономической мысли, составленной китайцем. Хотя Янь Фу и Лян Цичао не были профессиональными экономистами, в их изложении экономические идеи были приближены к китайским реалиям и запросам образованной аудитории.

Главной особенностью развития экономической мысли республиканского периода стала профессионализация, потребовавшая освоения навыков экономического анализа, использования строгих методологических стандартов и незнакомой прежде терминологии. По подсчетам китайского исследователя Ху Цзичуана, за четыре десятилетия до «движения 4 мая» 1919 г. в Китае было издано около 40 работ по экономической науке. До 1900 г. появилось лишь три книги, составленных на основе записей лекций, прочитанных иностранцами, в 1900–1911 гг. вышло 16 или 17 работ, в 1911–1919 гг. – около 20. В 1912 г. в Пекинском университете был создан первый экономический факультет, затем отделения коммерции или экономические факультеты открылись в Фуданьском (Шанхай), Яньцзинском (Пекин) и Сямэньском университетах, Нанкинской высшей школе педагогики. Курсы по экономике включали как общую теорию, так и

прикладные проблемы финансов, бухгалтерского учета, банковского дела, страхования.

Первоначально посредником в освоении китайцами западной экономической науки выступала Япония. Из японского языка был заимствован основной набор экономических терминов, включая само понятие «экономическая наука» (*цзинцзисюэ*), в первые два десятилетия XX в. с японского были переведены 30 книг по экономической теории. Обучавшиеся в Японии китайские студенты изучали экономическую науку среди прочих общественных дисциплин, из их рядов вышли пропагандисты социализма Ли Дачжао и Чэнь Дусю. Однако известными экономистами смогли стать лишь те, кто впоследствии продолжил образование в Европе и США. По уровню экономической науки Япония заметно отставала, поэтому все большее число китайских студентов отправлялись изучать экономику на Запад, прежде всего их интересовали коммерция, банковское дело и финансы.

По подсчетам американского исследователя П.Трескотта, до 1950 г. экономическую теорию изучали в США около 1600 китайцев (из них 1200 на уровне магистратуры и докторантуры), в Европе – около 400. Наиболее заметной стала группа студентов, получивших экономическое образование в Колумбийском, Гарвардском, Йельском, Висконсинском и Мичиганском университетах. Влиятельные экономисты республиканского периода (Ма Иньчу, Фан Сяньтин, Хэ Лянь, Тан Цинцзэн, Ли Цюаньши, Чжао Найтуань, Чэнь Дайсунь) получили образование в США, что способствовало «американизации» преподавания и исследования экономической теории в Китае. До образования КНР около ста иностранцев преподавали в китайских университетах экономические дисциплины, в большинстве своем это были преподаватели миссионерских высших учебных заведений. Получили известность исследования китайской деревни Дж.Бака из Цзиньлинского университета (Нанкин), работы по сельской кооперации Дж.Тайлера из Яньцзинского университета (Пекин), а также изучение иностранных инвестиций в Китае Ч.Ремером из университета Св. Иоанна (Шанхай) и экономической географии страны Дж.Кресси из Хуцзянского университета (Шанхай).

Вернувшиеся из-за рубежа китайские студенты стремились соотнести изученные ими теории с реалиями своей страны. Получив докторскую степень в Колумбийском университете, Ма Иньчу (1882–1982) в 1915 г. начал преподавать в Пекинском университете. В начале 20-х годов он пришел к выводу, что учение К.Маркса не соответствует условиям Китая, поскольку решение конкретных проблем в денежно-финансовой сфере намного важнее рассуждений о социализме. Он полагал, что сторонники социализма не знают фактического положения наемных работников на китайских заводах и фабриках, которое на деле отличается в лучшую сторону от положения обычных трудящихся. Ма Иньчу полагал, что в Китае тогда не было капиталистов, обогатившихся за счет эксплуатации труда, богатыми смогли стать лишь обиравшие народ чиновники и спекулянты, нажившиеся на внешней торговле и биржевой игре. Он указывал,

что беспорядки в стране тормозят развитие производства, и китайцы страдают не от капиталистической эксплуатации, а от гнета милитаристов. В 1922 г. Ма Иньчу заметил, что, пока иностранные капиталисты препятствуют развитию китайской национальной промышленности, китайцам следует в первую очередь изучать протекционистские идеи немецкого экономиста Ф.Листа, нацеленные на защиту Германии от поставок товаров из Англии в XIX в.

Китайские экономисты пытались понять причины распространения в Китае социалистической идеологии. Ли Цюаньши (1895–1982), получивший степень доктора в области финансов в Колумбийском университете, в 1924 г. указывал, что заимствованные из-за рубежа экономические теории не отражают экономическую историю Китая. Если на Западе социализм стал реакцией на промышленную революцию и капитализм, то в Китае «промышленная революция только дает первые ростки, капитализм еще не расцвел, отсутствует фон для знакомства с социализмом, его обсуждения и пропаганды». Тем не менее это учение широко распространилось, чему способствовали популярные после Первой мировой войны среди китайских интеллектуалов ожидания краха западной цивилизации, психология сочувствия к экономически слабым трудящимся, восприятие социализма после «движения 4 мая» как воплощения прогресса и обновления в противоположность консервативному капитализму. Ли Цюаньши отмечал, что студенты, получившие экономическое образование на Западе, не разделяют всеобщего увлечения социализмом.

Вернувшиеся из США китайские экономисты полагали, что создание концептуальных обобщений возможно лишь на основе эмпирических данных. Важную роль в распространении статистических методов сыграл Лю Дацзюнь (1891–1962), получивший образование в Мичиганском университете под руководством Г.Адамса и Ф.Тэйлора. Он возглавлял Китайский институт экономики и статистики, Институт национальной экономики, руководил отделом статистики Законодательного юаня и статистическим бюро Главного управления по бюджету и отчетности, стал инициатором создания Китайского статистического общества. Лю Дацзюнь отмечал, что если за рубежом статистические данные собирали уже много лет и потому там можно добиться точности в исследованиях, то в Китае остается неполным основной массив статистической информации – о земле и народонаселении. Ученый уделял большое внимание сбору первичных материалов, на основании специальных обследований он подготовил доклады о промышленности Шанхая и всего Китая.

Экономисты республиканского периода работали в международных организациях, издавали специализированные журналы, создавали профессиональные общества. В 1921 г. Лю Дацзюнь организовал в Пекине Экономический семинар, который в 1928 г. был преобразован в Бюро экономической информации. В 1923 г. в Пекине по инициативе Ма Иньчу и Лю Дацзюня было образовано Китайское экономическое общество. Эта профессиональная организация стала оплотом «англо-американского течения» в экономических кругах республиканского Китая, она сыграла важную роль в распространении западной экономической науки.

Члены Общества вели активную лекционную деятельность по пропаганде экономической теории. Например, в 1927 г. на лекции Ма Иньчу в Фуданьском университете в Шанхае присутствовало около тысячи слушателей. С 1930 г. Общество издавало «Цзинцзисюэ цзикань» («Ежеквартальный журнал экономической науки»), снискавший авторитет и признание в научных кругах.

В середине 20-х годов экономисты пытались применить заимствованные на Западе аналитические инструменты для изучения китайской промышленности, их увлечение составлением индексов цен сформировалось под воздействием индексного метода, разработанного американскими экономистами У.Митчеллом и И.Фишером. Лидером в работе по сбору данных, составлению и публикации индексов, обследованию промышленных отраслей стал частный Нанькайский университет в Тяньцзине, превратившийся в 30-е годы в ведущий научно-образовательный центр по экономике в Китае. Основоположником нанькайской школы стал Хэ Лянь (1895–1975), получивший в 1926 г. докторскую степень в Йельском университете. В 1927 г. Хэ Лянь организовал Комитет социальных и экономических исследований Нанькайского университета, преобразованный впоследствии в Институт экономики. В 1929 г. в Нанькайский университет пришел Фан Сяньтин (1903–1985), получивший в 1928 г. степень доктора в Йельском университете за работу «Триумф фабричной системы в Англии».

Научное сотрудничество Хэ Ляня и Фан Сяньтина оказалось весьма плодотворным – Хэ Лянь владел методами составления индексов, но не был специалистом по проблемам организации промышленности, которые хорошо знал Фан Сяньтин. Созданный под их руководством Институт экономики Нанькайского университета был нацелен на изучение и преподавание экономической науки с учетом китайских реалий. Первым шагом на этом пути должна была стать кропотливая работа по сбору, обработке и анализу статистических данных для составления экономических индексов, помогающих выявить реальное положение в экономике. Это было важно не только для развития науки, но и для преподавания: если у студентов не будет материалов по экономике Китая, они не смогут понять ограничений в применении выводов западной экономической науки в китайских условиях, что сделает их научные представления абстрактными и догматичными.

Фан Сяньтин одним из первых использовал западные экономико-математические методы в ходе обследований производства ковров в Тяньцзине, а также ткацкой и хлопкопрядильной промышленности. Его работа «Хлопкопрядильная промышленность Китая» (1934 г.) стала первым всесторонним исследованием проблем модернизации промышленности с опорой на данные статистики. Институт год за годом публиковал индексы оптовых и розничных цен и стоимости жизни рабочих Тяньцзиня, получившие название «нанькайских индексов», которые и сегодня служат важнейшим источником данных об экономической ситуации в республиканский период.

В 20-е годы появились популярные работы, в которых китайские авторы излагали основы экономических знаний, – «Экономическая наука» (1928 г.) Лю

Бинлиня выдержала более десяти изданий, а вошедшая в систему гоминьдановской пропаганды «Экономическая наука» (1933 г.) Чжао Ланьпина переиздавалась 26 раз. В 30-е годы во многих университетах Китая в преподавании использовался учебник профессоров Йельского университета Ф.Фэйрчайлда, Э.Фернисса и Н.Бака «Элементарный курс экономической науки» (1926 г.) на английском языке. В 1937 г. на его основе был написан адаптированный к условиям страны учебник на китайском языке, использовавшийся до середины 40-х годов. Ли Цюаньши в конце 20-х годов ставил задачу написать «национальный учебник» экономической науки. В 1927–1944 гг. он издал 35 книг, наибольшую известность получили «Принципы экономической науки» (1928 г.). В предисловии к этому труду Ли Цюаньши отмечал, что стимулом для написания книги стало желание «создать национальный товар» по образцу зарубежного товара, призванный заменить «привозной товар», т.е. переводные труды по экономике.

Становление новой системы народного образования

Первый год Китайской Республики ознаменовался не только принятием демократической Конституции, но и возрождением надежд на модернизацию Китая, тщательно подготавливавшуюся группировками разного толка со второй половины XIX в. Необходимым условием осуществления модернизации реформаторы считали создание современной системы образования как необходимой предпосылки индустриализации страны, немыслимой без массовой школы. Первые шаги в этом направлении были сделаны еще в дореспубликанский период: это и создание в конце XIX в. профессионально-технических учебных заведений западного образца, где изучение конфуцианских канонов дополнялось преподаванием естественных наук и технических прикладных знаний, и распространение миссионерских школ, и открытие в 1898 г. первого современного Столичного университета (Цзинши дасюэтан), и первая реформа в сфере образования (1903 г.), подготовленная Чжан Чжидуном и его сторонниками. Реформа копировала вестернизированную японскую модель. С ее помощью Китай сделал первый шаг к созданию единой современной государственной системы массового образования – от детских садов до университетов. Отмена в 1905 г. императорских экзаменов для занятия чиновничьей должности способствовала распространению «нового атласа знаний».

Ко времени Синьхайской революции узкотехнократическое толкование модернизации как индустриализации, характерное для членов группировки *янъупай* («заимствование западных дел») в 60–70-е годы XIX в., сменилось более широкой ее интерпретацией, включавшей демократизацию системы образования. Программа реформаторов умеренно-буржуазного толка (Кан Ювэй, Лян Цичао, Янь Фу, Тань Сытун) конца XIX в. являлась шагом вперед по сравнению с идеями их предшественников. Она включала преобразование всех школ по западному образ-

цу, воспитание «людей нового типа» для создания гражданского общества, введение всеобщего обязательного начального образования, равноправие женщин в сфере образования. Выдвинув лозунг «образование спасет страну», реформаторы расценивали трансформацию образовательного процесса как рычаг изменения политической системы.

«Западные учения», проникавшие в Китай вместе с миссионерами и новой китайской интеллигенцией, возвращавшейся на родину после зарубежных стажировок в Японии, Америке, Англии, Франции, дополняли традиционный для Китая набор научных дисциплин. Университетская молодежь знакомилась с иными религиями и философскими концепциями. Достижения Запада открывали перспективу нового подхода к осмыслению многих явлений, давали ключ к модернизации науки и техники и одновременно обогащали конфуцианское наследие. Среди активных реформаторов традиционной культуры и системы образования тогда были именно те, кто получил образование за рубежом.

Идеи реформаторов проложили путь к осуществлению новой образовательной реформы, подготовленной соратником Сунь Ятсена Цай Юаньпэем. Сразу после избрания президентом в декабре 1911 г. Сунь Ятсен вызвал его из Германии, где тот изучал философию и педагогику. В течение полугода Цай Юаньпэй возглавлял министерство просвещения. В августе 1912 г. временное Нанкинское правительство декларировало учреждение первой республиканской системы образования. Однако избрание президентом Юань Шикая значительно затруднило деятельность Цай Юаньпэя, который в конце 1912 г. вынужден был снова покинуть родину. Реформа 1912 г. носила демократический характер. Она подтвердила право всех граждан на получение образования путем введения обязательного обучения на уровне первой ступени начальной школы (четыре класса из шести), ввела совместное обучение на этой ступени мальчиков и девочек, а также предусматривала создание женских средних школ.

В результате реформы был совершен переход к образованию современного типа, цель которого, в отличие от конфуцианского нравственного воспитания, состояла прежде всего в получении общеобразовательных знаний. Важнейшей составной частью модернизации и демократизации образования реформаторы, опиравшиеся на идеи современных им европейских педагогов (Г.Кершенштайнера и П.Натропа в Германии, Т.Хаксли в Англии), считали его профессиональную ориентацию, они стали первыми китайскими адептами трудовой школы. Согласно реформе, в программы всех общеобразовательных школ были введены математика, естественно-научные дисциплины, иностранные языки, а также «практические» дисциплины (коммерция и основы земледелия, ручной труд) и военно-спортивная подготовка. Реформа ввела новую западную терминологию для ряда дисциплин. Подобная модернизация системы образования в немалой степени способствовала массовой подготовке рабочих и, соответственно, дала толчок значительным темпам роста промышленности.

Изменение задач школы повлекло за собой и реформирование программы обучения в духе республиканской гражданственности. В результате реформы

1912 г. перед учебными заведениями вместо цели конфуцианского «самосовершенствования» ради достижения статуса «благородного мужа» была поставлена задача «воспитания гражданина» на принципах «свободы, равенства и братства». Педагоги-новаторы нового поколения считали основой нравственности эстетическое воспитание, а не конфуцианские догматы. Исключение конфуцианских канонов из программ начального образования в ходе реформы 1912 г. и сохранение их только в качестве литературных текстов в средней школе стало началом ломки традиционной системы преподавания и традиционной системы мышления.

Однако всем этим прогрессивным тенденциям противостояла верховная власть КР во главе с президентом Юань Шикаем. В утвержденном им в 1913 г. проекте конституции фактически восстанавливалось господствующее положение конфуцианства. В 1915 г. были опубликованы «Основные принципы образования», требовавшие проводить в сфере образования соответствующий курс. Был также утвержден список обязательных для изучения конфуцианских канонов.

Новая волна борьбы за демократию, поднявшаяся после смерти Юань Шикая, возвращение из эмиграции ряда прогрессивных политических деятелей расширили и углубили содержание «движения за новую культуру». Наряду с литературно-политическими событиями составной частью движения стала борьба за создание «новой», т.е. современной («научной», «демократической»), системы образования. Прогрессивные деятели создали несколько обществ для реализации реформ в сфере образования, деятельность которых координировала основанная в мае 1915 г. Всекитайская лига комитетов образования. На основе анализа ситуации в стране и в мире Лига разрабатывала рекомендации правительству, которые легли в основу Проекта реформы, опубликованного в 1922 г.

Среди вернувшихся в Китай в 1916–1917 гг. ученых и педагогов буржуазно-либерального толка, получивших образование в Европе и Америке, помимо Цай Юаньпэя были также Хуан Яньпэй, Тао Синчжи, Чэнь Хэцинь, Цзян Мэнлинь, Янь Янчу – сторонники различных течений западной мысли. Они сознавали, что в современном обществе необходимо преодолеть отрыв образования от производства, связать его с социально-экономическими преобразованиями. Этому же способствовало знакомство китайцев с американской системой профессионального обучения. В 1917 г. при финансовой поддержке зарубежных китайцев возникло Всекитайское общество профессионального обучения, которое выдвинуло и разработало концепцию соединения школьного обучения с получением профессиональных навыков. По предложению Лян Цичао, систему общего образования впервые дополнили специальные технические и педагогические училища.

Сторонники реформ пытались также уйти от чисто технократических представлений о модернизации общества и системы образования, углубив толкование демократизации, рассматривая этот процесс прежде всего как реализацию равных прав всех граждан на образование. Они констатировали, что усвоение материальной культуры Запада невозможно без заимствования всего комплекса передовых идей западной цивилизации, в том числе и духовных. В отличие от

предшественников, они считали необходимым включить в вузовский курс обучения западную философию и культуру, а естественные дисциплины изучать не только в прикладном, но и в научно-теоретическом аспекте. Лян Цичао писал, что китайская школа должна «воспитывать людей с реформаторским мышлением, способных управлять» страной. Перед учебными заведениями ставилась задача готовить кадры, которые могли бы не просто копировать научные и технические достижения Запада, но самостоятельно осуществлять современные научные разработки.

Освобождение личности, формирование граждан республиканского общества, повышение культуры нации, далеко выходившее за рамки распространения грамоты, являлись высшей целью просветительского движения в Китае. Главным отличием позиции китайских радикалов-реформаторов республиканского периода от их предшественников было смещение акцентов в концепции демократизации: если последние прежде всего боролись за «права народа», связывая их с освобождением общества от конфуцианских догм, то первые рассматривали «права личности» как непременное условие свободы народа в гражданском обществе. Под влиянием гуманистического индивидуализма И.Канта, Ж.-Ж.Руссо и Дж.Дьюи, а также идей Ван Янмина о свободном развитии личности в процессе обучения просветители-республиканцы приблизились к пониманию личности как неповторимого индивидуума. Они склонялись к выводу, что формирование «современного гражданина» – это ключ к модернизации в целом. Опираясь в своих гуманистических поисках на труды западных философов – Б.Рассела и Г.Спенсера, они связывали требование распространения образования в массах с освобождением личности от диктата государства и общества. Они бросили вызов конфуцианской традиции, провозгласив свободу главной характеристикой личности.

Цай Юаньпэй сформулировал идеал «совершенной», т.е. всесторонне развитой личности в условиях буржуазного общества. Тао Синчжи считал новый подход к «ценности человеческой жизни» принципиальным отличием индустриального общества от аграрного и предлагал объявить человека высшей ценностью образования. Чэнь Хэцинь видел задачу новой школы в воспитании «личности», «современного китайца»; Цай Юаньпэй утверждал необходимость развивать личность в духе как индивидуализма, так и коллективизма. Цзян Мэнлинь, сменивший Цай Юаньпэя на посту министра образования, полагал, что истинная причина отставания Китая от Запада не в экономике и технике, а в несвободе личности, остававшейся лишь членом семейного клана.

Университетская и педагогическая интеллигенция стала той питательной средой, в которой зарождались новые республиканские идеи. Самую важную роль сыграл Пекинский университет, ректором которого в 1917–1927 гг. был Цай Юаньпэй. Из его стен вышло массовое патриотическое «движение 4 мая» 1919 г., которое по мере распространения по стране приобретало антиимпериалистический и демократический характер. Как и все социально-политические движения в Китае, оно началось в сфере образования. В 1920 г. было создано

Китайское общество усовершенствования образования. Цзян Мэнлинь организовал журналы «Новое образование» и «Обозрение нового образования».

На волне патриотических настроений, охвативших страну в 1919 г., зазвучали требования общественности поставить под контроль правительства миссионерские христианские учебные заведения, чтобы отстоять ценности китайской духовной культуры. Одновременно под воздействием идей лидера французских социалистов Ж.Жореса и марксиста П.Лафарга, боровшихся против государственной монополии на образование, в Китае возникает «движение за независимость образования», с 1922 г. возглавлявшееся Цай Юаньпэем. Стремление строить независимую от государства систему образования в значительной степени объяснялось скудостью бюджетных ассигнований, обусловленной и разорительной борьбой милитаристских группировок, так и стремление освободить школу от диктата политических партий.

Решение проблемы социального переустройства общества реформаторы непосредственно связывали с повышением культурного уровня населения, с ликвидацией почти поголовной неграмотности (в начале 20-х годов в Китае было около 320 млн. неграмотных). Преодоление неграмотности предполагалось осуществить путем замены мертвого литературного языка *вэньянь* на разговорный *байхуа*. Во главе развернувшейся под влиянием «движения 4 мая» кампании «образование – народу» стояли деятели либерально-буржуазного толка Ху Ши, Тао Синчжи, Янь Янчу, ректоры нескольких университетов, в движение включились и деятели левого толка во главе с Ли Дачжао. Уже в 1919 г. при Пекинском университете была создана Лекторская группа по просвещению народа. Лидеры движения мечтали в течение десятилетия ликвидировать неграмотность прежде всего среди 100 млн. подростков и молодежи в возрасте 12–22 лет. В рамках этой кампании проводились нерегулярные занятия в кружках и на консультативных курсах для разных слоев населения (обучение было рассчитано на 4 месяца занятий по 1 часу в день, продолжающий курс включал азы естественных и общественных знаний для поступления в школу). Чэнь Хэцинь подготовил «Прикладной словарь современного китайского языка». Янь Янчу, Тао Синчжи вместе с единомышленниками создали в 1923 г. в Пекине Китайское общество содействия обучению простолюдинов, составили «Учебник из 1000 иероглифов для простолюдинов». По инициативе коммунистической группы в Пекине в 1921 г. были созданы курсы для рабочих и их детей.

Министерство просвещения под влиянием движения «образование народу» разработало на 1921–1928 гг. примерный план распространения всеобщего начального обучения (в 1922 г. начальную школу посещали лишь 11% детей школьного возраста) на различных административных уровнях – от столиц провинций до деревень с численностью до 100 семей. Однако претворение этого плана натолкнулось на непреодолимые трудности, воспрепятствовавшие его реализации.

Озабоченные судьбами крестьянства педагоги-реформаторы Тао Синчжи, Лян Шумин и Хуан Яньпэй впервые в Китае обратили внимание на организа-

цию образования на селе, и с 1925 г., опираясь на американский педагогический опыт, начали создавать в сельской местности экспериментальные педагогические районы (к 1935 г. их было 193). Программа сельской школы должна была соответствовать реальной жизни деревни, готовить кадры для ее модернизации.

Неотъемлемой частью реформаторского движения в Китае первой четверти XX в. стала борьба за права женщин на образование. В 1918 г. под влиянием передовой общественности министерство просвещения ввело преподавание в женских средних школах профессионально-технических дисциплин (в частности, бизнеса), а в 1919 г. было создано Пекинское высшее женское педагогическое училище; девушкам было также разрешено поступать в Пекинский университет. Хотя прогресс давался с трудом (в 1922 г. девочки составляли лишь 6,2% общего числа обучавшихся в начальной школе), тем не менее обучение девочек в государственных школах стало признаком духовного раскрепощения общества.

После 1919 г. педагогическая мысль в Китае разделилась на две ветви – «буржуазную педагогику», вскормленную идеями американского прагматизма, и «марксистскую педагогику», питаемую опытом СССР. Квинтэссенцией исканий реформаторов во главе с Цай Юаньпэем стала подготовленная на основе педагогической концепции Дж.Дьюи вторая за республиканский период реформа образования 1922 г. После «движения 4 мая» в страну пригласили многих выдающихся деятелей американской прагматистской педагогики (П.Монро, Э.Паркхерст) во главе с Дж.Дьюи. Теоретической базой для разработки китайской концепции образования в духе прагматизма послужили труды Ху Ши, Тао Синчжи и Чэнь Хэциня. Создававшаяся в Китае массовая школа готовила практических работников и в целом отвечала замыслам реформаторов и соответствовала потребностям китайского общества.

Реформа стала еще одним шагом в сторону модернизации традиционной системы знаний, естественно-научные дисциплины заняли место уже на уровне начальной школы; все предметы средней школы были разделены на шесть областей (общественные науки, язык и литература, математика, естественные дисциплины, изящные искусства и физическая культура). В отличие от ранней практики внедрения «современных» дисциплин, эта реформа была более адекватна китайским реалиям и привнесла ряд принципиальных нововведений – это стандартизация программ начального обучения при их вариативности в средней школе, демократизация управления вузами, чтение лекций на разговорном *байхуа*, прием в университет девушек. Тезис философов-прагматиков о соединении умственной деятельности с практикой послужил теоретическим обоснованием для включения в учебный процесс ручного и производительного труда, а также спортивной подготовки.

Характерной особенностью нового этапа борьбы за «западное образование» в 20-х годах стало овладение современной научной методологией (практические занятия, эксперименты, индуктивный метод), которую, по мнению китайских

реформаторов, невозможно было разработать на основе традиционных китайских методик преподавания. Задача раскрытия индивидуальности учащихся заставила заняться теоретической разработкой новых индивидуально-ориентированных способов обучения. В 1922 г. были введены факультативы в школах и вузах, а также опробованы американские методики индивидуализированного обучения. Новая педагогика базировалась на принципе поощрения творческой активности учащегося, его «самодеятельности» и «самосознания».

И политики, и просветители были единодушны в решимости добиться равного доступа к образованию для всех социальных слоев. В трудах Сунь Ятсена образованию отводилась роль орудия революционного преобразования общества. Сунь Ятсен декларировал право каждого члена общества поступать в общественную школу. Получение женщинами права на образование Сунь Ятсен считал важнейшим делом.

Вскоре после Октябрьской революции в России в Китае благодаря знакомству китайской интеллигенции с советской педагогической теорией и практикой (восторженные статьи на эту тему писал Цюй Цюбо после посещения СССР) стала распространяться «марксистская педагогика».

Теоретики революционных преобразований стремились придать движению за демократизацию образования остросоциальную направленность. Такова была позиция членов созданной в 1921 г. Компартии Китая. Коммунисты требовали «гарантировать трудящимся право на образование», настаивали на участии подростков в управлении школой. В принятом на I съезде КПК Манифесте были выдвинуты требования коренной перестройки системы образования, осуществления всеобщего начального образования при активном участии государства в его финансировании. Сходные требования, в том числе увеличения расходов на образование и обеспечения независимости учебных заведений от контроля правительства, звучали и в составленном под руководством Сунь Ятсена Манифесте, принятом I съездом Гоминьдана в 1924 г. Кантонское правительство в феврале 1924 г. учредило Административный совет по образованию. Совет принял Проект программы, который, в частности, предусматривал распространение обязательного образования с помощью государственных дотаций, дотации школьникам из бедных семей, улучшение образования на селе, отделение религии от школы, запрет на содержание школ иностранцами. Но за краткий период, предшествовавший вступлению правительства Сунь Ятсена в военный этап «строительства государства», планы Административного совета по образованию не могли быть реализованы.

Вскоре после «движения 4 мая» 1919 г. в среде китайской интеллигенции была сформулирована концепция «новодемократического образования». Она возникла на почве идеи «движения за новую культуру», но, по оценкам современных китайских историков, в отличие от предшествующих педагогических концепций, была нацелена на применение марксистской теории в китайской практике. «Новодемократическое образование» явилось преемником течения «образование – деревне». Его сторонники формировали свои взгляды, исходя из особен-

ностей аграрного общества периода первичной индустриализации (в 20-е годы в Китае в деревне проживало 80–90% населения страны). Мао Цзэдун, в те годы только еще начинавший свою политическую карьеру, горячо поддерживал идею создания крестьянами собственных вечерних школ и возражал против того, что «учебники сельских начальных школ построены на городском материале, не соответствуют потребностям деревни». Однако ориентация сельской школы исключительно на подготовку кадров для деревни сразу вызвала возражения оппонентов, указывавших и на негативные воздействия этого процесса (в частности на миграцию населения).

В целом 10–20-е годы XX в. были исключительно плодотворным периодом модернизации системы образования и формирования ряда современных педагогических течений, многие положения которых отрабатывались в создаваемых педагогами-новаторами экспериментальных учебных заведениях. Тем не менее условия политической нестабильности, характерные для Китая 20-х годов, препятствовали реализации многих новшеств в масштабах всей страны.

Глава 9
Культура

Литература

В условиях кризиса, охватившего китайское общество со второй половины XIX в., старая литература, созданная на древнем письменном языке *вэньянь*, не могла отвечать потребностям духовного объединения нации. С 1917 г. на страницах китайской периодической печати развернулись дискуссии об идейной направленности и языке литературы. Первой публикацией на тему о необходимости литературной реформы стала статья известного ученого и общественного деятеля, сторонника модернизации Китая по западному образцу, профессора Пекинского университета Ху Ши «Наброски относительно реформы литературы», опубликованная в январе 1917 г. в журнале «Новая молодежь» («Синь цинянь», 1915–1926). Идеи Ху Ши о реформе языка и стиля литературы нашли поддержку у профессора Чэнь Дусю (1879–1942), а также у писателей Чжоу Цзожэня (1885–1967), Лу Синя (1881–1936), Лю Баньнуна (1891–1934), Цянь Сюаньтуна (1887–1939) и других литераторов и философов.

Чэнь Дусю, в то время декан литературного факультета Пекинского университета, а позднее генеральный секретарь ЦК КПК, в программной статье «О литературной революции» (1917 г.) выдвинул «три великих принципа» литературной революции – создание литературы народной, реалистической и социальной. Чжоу Цзожэнь в своих статьях «Человеческая литература» (1918 г.) и «Литература простого народа» (1919 г.) выступал за литературу, написанную на понятном разговорном языке *байхуа*.

Традиционно датой возникновения «новой литературы» Китая называют май 1918 г., когда в журнале «Новая молодежь» был опубликован рассказ Лу Синя (настоящее имя Чжоу Шужэнь) «Записки сумасшедшего». Это был первый образец прозы на *байхуа*, ставший рубежом в развитии китайской литературы не только с точки зрения формы: лейтмотивом рассказа является утверждение о том, что современное автору китайское общество основано на людоедстве. В этом и других рассказах Лу Синя, вошедших позднее в сборники «Клич» (1923 г.) и «Блуждания» (1926 г.), автор представил галерею портретов рядовых людей городков и сел старого Китая. Его герои – жертвы традиций, предрассудков, невежества и безразличия. Финалы произведений Лу Синя нередко трагичны: сценой казни заканчивается повесть «Подлинная история А Кью», умирает от туберкулеза ребенок в рассказе «Снадобье», жестоко избивают за воровство опустившегося героя рассказа «Кун Ицзи», крушением надежд и самоубийством завершает жизненный путь провинциальный учитель из рассказа «Блеск». Вековая отсталость китайской деревни в центре внимания рассказов «Волнение» (1920 г.) и «Родина» (1921 г.). Самым значительным произведением в сборнике «Клич» и во всем творчестве Лу Синя является «Подлинная история А Кью» (1921–1922). Лу Синь иронически использовал традиционную форму официальных жизнеописаний в китайских исторических хрониках. События повести относятся к 1911 г. Тридцатилетний бездомный А Кью, живущий случайной поденной работой, не имеющий ни семьи, ни земли, ни фамилии, принадлежит к самой обездоленной прослойке крестьянства. Немногие доступные ему радости – вино, игра в кости и самообольщение иллюзорными «блестящими победами». Каждую жизненную неудачу он оправдывает с помощью «философии моральных побед», убеждая себя, что он морально выше обидчика. Окружающие равнодушны к его несчастьям, встречают его оскорблениями и побоями, и лишь в момент казни А Кью по ложному обвинению в ограблении дома богача он становится объектом удовлетворенного любопытства. Лу Синь – писатель, критик, историк литературы, переводчик – по праву считается основоположником современной китайской литературы.

Тенденции к замене *вэньяня* на *байхуа* в прозе проявились еще в конце правления династии Цин (1644–1912), когда наблюдался расцвет так называемого «обличительного романа» на *байхуа*. Но если проза имела свои языковые традиции обращения к *байхуа* и практику выдвижения новых актуальных тем, поэзия таких традиций была практически лишена, если не считать попыток подобного рода, предпринимавшихся Хуан Цзуньсянем (1848–1905), Тань Сытуном (1865–1898) и другими поэтами, близкими к реформаторскому движению, которые стремились ввести новую лексику в язык поэзии и обновить ее содержание.

«Первыми ласточками» новой литературы в поэзии обычно считают стихи Ху Ши, публиковавшиеся в литературных журналах и вошедшие позднее в сборник «Опыты» (1920 г.), и его комедию «Главное дело жизни» (1919 г.). В 1918–1923 гг. в журнале «Новая молодежь» регулярно печатались стихи на *байхуа*, авторами которых были Лю Баньнун, Лю Дабай, Ху Ши, Цюй Цюбо

(1899–1935), Чжоу Цзожэнь, Чэнь Дусю, Шэнь Иньмо (1883–1971). Для их поэзии характерны обращение к злободневным вопросам, социальная направленность; нередко звучала тема произвола помещиков, разорения крестьянства, сочувствия к беднейшим слоям населения – примером может служить стихотворение Лю Баньнуна «Продавец риса» (1918 г.).

Беспрецедентный размах массового недовольства уступками китайского правительства притязаниям Японии («21 требование») и подъем национального самосознания в ходе «движения 4 мая» 1919 г., помимо политических перемен, способствовали переходу ко второму этапу «литературной революции». Начался стремительный рост культурных контактов между китайской и западной цивилизацией. В литературе это привело к массовому заимствованию художественных концепций, диверсификации приемов и выразительных средств, ознакомлению китайской аудитории с идеями марксизма, анархизма, прагматизма и социал-дарвинизма. Передовые представители китайской интеллигенции обратились к опыту иностранной литературы. В этот период появляется много переводов.

В 1919–1920 гг. рождаются сотни новых периодических изданий, резко возрастает число издаваемых литературных произведений. Ведущим родом литературы впервые становится проза, причем преимущественное развитие получают малые жанры – рассказы, эссе, очерки, публицистика.

«Движение 4 мая» разрушило старые поэтические формы, на смену которым пришел свободный стих (верлибр), ставший преобладающей формой 20-х годов. Сторонники верлибра отказались от традиции рифмованной поэзии, обусловливая длину строки естественным смысловым и интонационно-синтаксическим членением. Для китайского свободного стиха свойственна асимметрия строф: длина одной строки не совпадает с последующими и предыдущими строфами и может насчитывать от 3–4 до 17–21 слога в строке. Процесс поиска новых путей в поэзии протекал сложно. Выходит большое количество коллективных сборников поэзии – «Избранные стихи на байхуа по разделам» (1920 г.), «Сборник новых стихов» (1920 г.), «Снежное утро» (1922 г.), «Избранные новые стихи за 1919 год» (1922 г.) и др. В 1920–1924 гг. вышло в свет также более 30 сборников авторской поэзии, среди которых один из лучших – «Красная свеча» (1923 г.) Вэнь Идо, посвященный раздумьям поэта о жизни и смерти, о любви, о назначении искусства и призвании художника. Тающая свеча у Вэнь Идо – символ художника, без остатка сгорающего в огне своего творчества.

Центральное место в поэзии занимает социальная проблематика. В 20-е годы широкое распространение получила любовная лирика. Характерно, что стихи тех лет затрагивают темы положения женщин и борьбы за равные права женщин и мужчин, вопросы «свободной» любви и права самостоятельно заключать брак, темы протеста против конфуцианского домостроя. Особенно ярко эта тенденция отразилась в таких произведениях, как «Ветер в орхидеях» (1922 г.) Ван Цзинчжи (1902–1996) и «Трусливый мир» Сюй Чжимо (1897–1931).

В начале 20-х годов центром литературной деятельности стал Шанхай, где выходило более 600 различных журналов и существовало около 100 литератур-

ных обществ и группировок, таких как «Литературное сообщество», общество «Творчество» (1921–1929), «Новолуние» (1928–1933).

Основателями объединения «Литературное сообщество» («Вэньсюэ яньцзю хуэй», 1921–1932) – одного из главных литературных объединений Китая 20-х годов – были Чжоу Цзожэнь, Шэнь Яньбин (Мао Дунь; 1896–1981), Е Шаоцзюнь (Е Шэнтао; 1894–1988), Сюй Дишань (1893–1941), Ван Луянь (1902–1943) и Ван Тунчжао (1897–1957). Девизом общества, члены которого придерживались критического реализма, был лозунг «Литература во имя жизни». Объединение носило аморфный характер, члены его не были едины во взглядах на литературу; однако все они активно пропагандировали русскую советскую литературу, а также литературу Франции и стран Северной Европы. Общество издавало в Шанхае «Ежемесячник прозы» (1910–1932). На страницах этого популярного журнала увидела свет первая повесть классика китайской литературы XX в., будущего председателя Союза писателей КНР Ба Цзиня (Ли Яотан; 1904–2005) – «Гибель» (1929 г.). Действие повести происходит в середине 20-х годов в Шанхае, находившемся под властью милитариста Сунь Чуаньфана. Герой повести, молодой революционер Ду Дасинь, близкий к анархизму, придерживается методов индивидуального террора и в финале произведения погибает. Сильнейшая сцена повести – изображение мучительной казни соратника Ду Дасиня – молодого рабочего Чжана, схваченного при попытке распространения нелегальной литературы. Для толпы казнь – не более чем эффектное зрелище. Ряд глав написан под впечатлением казни итальянского революционера Бартоломео Ванцетти, с которым Ба Цзинь состоял в переписке. Название повести – цитата из строки поэмы поэта-декабриста К.Ф.Рылеева «Наливайко»: «…Известно мне: погибель ждет / Того, кто первый восстает / на притеснителей народа».

Общество «Творчество» («Чуанцзао шэ», 1921–1929) – второе по значению в китайской литературе 20-х годов – было создано в Токио в июле 1921 г. Идея издавать литературный журнал на *байхуа* возникла у Го Можо (1892–1978) и Чжан Цзыпина (1893–1959) еще в 1918 г. Создателями общества и наиболее активными его членами называют, помимо Го Можо и Чжан Цзыпина, также Юй Дафу (1896–1945) и Чэн Фанъу (1897–1984). У истоков «Творчества» стоял и будущий драматург Тянь Хань (1898–1968). Чжан Цзыпин позже получил известность преимущественно как критик. Всего в обществе состояли 16 обучавшихся в Японии китайских студентов. Входившим в общество писателям и поэтам были свойственны поклонение природе и культ страданий, они декларировали аполитичность и приверженность романтизму. Последнее было обусловлено увлеченностью членов «Творчества» поэзией ИГёте, П.Шелли, Р.Тагора, П.Верлена. «Творчество» уделяло большое внимание переводам западноевропейской поэзии, особенно французских символистов и немецких экспрессионистов. Культ страданий подпитывался и классической китайской поэзией (Цюй Юань, Цао Чжи), для которой характерен образ бегущего от мира одинокого скитальца.

В центре внимания авторов «Творчества» находился внутренний мир человека, а основным критерием творчества они считали силу эмоционального воздействия, заявляя, что «поэзия должна заставлять нас чувствовать, а не понимать». Китайская критика отмечала, что в противовес «Литературному сообществу» члены «Творчества» творили под лозунгом «литература для искусства». «Творчество» заметно усилило субъективное начало в литературе.

Сборник стихов Го Можо «Богини»

Первая серия книг авторов, входивших в «Творчество», выходит в 1921 г.: сборник стихов Го Можо «Богини», повесть Юй Дафу «Омут», переводы Го Можо и Чжэн Боци (1895–1979). В романтический сборник «Богини» вошли пьесы в стихах – «Второе рождение богинь» и «Нирвана фениксов», стихотворения «Разлука», «Новолуние и белое облако», написанное в подражание Р.Тагору. Феникс у Го Можо символизирует возрождающуюся родину. Сборник «Богини» – одна из наиболее значительных книг периода «движения 4 мая», да и всей китайской поэзии новейшего времени.

Глубоко пессимистичная повесть Юй Дафу «Омут» посвящена студенту-китайцу, обучающемуся в Японии и испытывающему чувство унижения и одиночества вследствие дискриминации по национальному признаку. Изломанная и расшатанная психика героя повести приводит его к решению о самоубийстве как единственном выходе. «Омут» – образец глубоко личностной, субъективной литературы. В последующих произведениях пристрастие писателя к изображению болезненных состояний духа проявилось еще ярче. В рассказе «Призрак» (1923 г.) и повести «Заблудшая овца» (1928 г.) нарисованы традиционные для китайской литературы сильные женские характеры. Героиня повести «Заблудшая овца» – актриса, отказавшаяся от личного счастья из-за любви к театру. Толчком для создания образа героини рассказа «Призрак» послужила, по признанию автора, повесть И.С.Тургенева «Клара Милич». Прямого сюжетного заимствования нет, но тема любви роковой женщины к душевно чистому юноше захватила Юй Дафу. Любовь и смерть в его лирической прозе неразрывно связаны, смерть обрывает жизнь героев повести «Она была слабой женщиной» (1931 г.) и рассказа «Снежное утро» (1928 г.). В акте самоубийства Юй Дафу видит проявление силы личности.

Произведения членов «Творчества» вызвали бурную полемику на страницах китайской печати. Свое резко отрицательное отношение к объединению – «кучке разболтанной шанхайской молодежи» – и лично к Юй Дафу высказал Ху Ши, с критикой эстетических установок на общество обрушился Мао Дунь в статье «Литература и политическое общество». Члены «Творчества» не остались в долгу и бросили вызов «Литературному сообществу», отвергая и авторитет его дея-

телей, и их значение для развития новой литературы, упрекая их в излишнем «натурализме» и чрезмерной политической ангажированности. Дальнейшая дискуссия на страницах печати зачастую была некорректной, сопровождалась навешиванием «ярлыков» и взаимными обвинениями. Спор, впрочем, шел о понимании содержания и духа новой литературы.

В 1925–1926 гг. происходит поворот общества «Творчество» к новому курсу. Го Можо и Чэн Фанъу ушли на практическую революционную работу, приняли участие в Северном походе. Чэн Фанъу в статье «От литературной революции к революционной литературе» (1927 г.) выдвинул лозунг «революционной литературы». Судьба Юй Дафу сложилась по-другому. Попав в Гуанчжоу в разгар «событий 20 марта» 1926 г., он был потрясен действиями правых гоминьдановцев и, заявляя о неприятии жертв и насилия в революции, укрепился в пацифистских воззрениях. Вскоре произошел разрыв Юй Дафу с «Творчеством», обусловленный как политическими, так и личными мотивами. Одной из важных причин этого разрыва была дружба Юй Дафу с Лу Синем, которую решительно не одобряли в «Творчестве». Вслед за Юй Дафу, не согласившись с новым курсом общества, из него вышли еще несколько участников.

Представители еще одного заметного литературного объединения, шанхайского общества «Солнце» («Тайян шэ», 1928–1930) во главе с Цзян Гуанцы (1901–1931), разделяли точку зрения общества «Творчество» и в ответ на обвинения Лу Синя в попытке вульгаризации литературы ради приобщения к ней неграмотных масс они, в свою очередь, объявили Лу Синя и Мао Дуня врагами литературы, обвинив их в чрезмерной политизированности творчества. Цзян Гуанцы, вернувшемуся из СССР после нескольких лет учебы, принадлежит заслуга пропаганды советской литературы в Китае. В 1927 г. в журнале «Творчество» («Чуанцзао юэкань») он опубликовал очерк «Октябрьская революция и русская литература» с разделами, посвященными А.Блоку, И.Эренбургу, Д.Бедному, С.Есенину, А.Серафимовичу, В.Маяковскому. Другой организатор общества «Солнце» – поэт, критик, драматург, теоретик и историк литературы А Ин (1900–1977) – редактировал журнал «Солнце», а в 1928 г. выпустил сборник стихов «Голодный человек и голодный орел».

Группа «Новолуние» («Синь юэ шэ») была образована в Шанхае в марте 1928 г., однако ведет свое происхождение от одноименного литературного общества, существовавшего в 1923–1926 гг. в Пекине. Общество, созданное во многом в противовес движению Лу Синя, издавало одноименный журнал, выходивший вплоть до 1933 г. Основателями его были Ху Ши и крупные поэты Сюй Чжимо (1897–1931) и Вэнь Идо (1899–1946). В общество входили также видный теоретик литературы Лян Шицю (1903–1987), поэты Чжу Сян, Шао Сюньмэй (1906–1968), Чэнь Мэнцзя, Цзан Кэцзя (1905–2004), драматург Юй Шанъюань (1897–1970) и прозаик Шэнь Цунвэнь (1902–1988). Символом группы стала новая луна – образ, навеянный сборником стихотворений Р.Тагора. Эпиграфом к своей платформе они выбрали фразу «И сказал Бог: да будет свет! И стал свет!» В отличие от общества «Творчество», воспевавшего революционное настоящее Китая, «Новолуние» проклинало это настоящее, ощущая его как трагедию.

Основной концепцией «Новолуния» было камерное «искусство для себя». Поскольку бóльшая часть входивших в общество литераторов получили образование в США и Европе, они активно переводили и издавали произведения западной литературы. Впервые на китайском языке вышли рассказы Ф.Кафки, романы Д.Лоуренса, стихи английских экспрессионистов. Идеологом общества был Ху Ши, публиковавший в журнале «Новолуние» («Синь юэкань») свои программные статьи («Позиция „Новолуния“»; март 1928 г.), главным редактором – Сюй Чжимо. Наиболее полно поэзия «Новолуния» представлена в сборнике «Избранные стихи „Новолуния“», составленном Чэнь Мэнцзя (1931 г., переиздан в 1935 г.).

Ведущий поэт группы Вэнь Идо разработал и популяризировал концепцию «нового регулярного стиха», созданную в противовес китайскому верлибру, что сыграло важную роль в развитии новой китайской поэзии. «Новый регулярный стих» представлял собой попытку приспособить английский силлабо-тонический стих с его строгим чередованием ударных и безударных слогов к особенностям китайского стихосложения. Эта попытка была реализована в сборнике «Мертвая вода» (1928 г.), вызвавшем множество подражаний.

После отъезда из Шанхая ряда ключевых членов группы и гибели в авиационной катастрофе в 1931 г. Сюй Чжимо «Новолуние» стало приходить в упадок, распалось на группу сторонников «регулярного стиха» (Чэнь Мэнцзя, Чжу Сян) и эстетскую группу «благоуханных цветов» (Шао Сюньмэй). Смерть Чжу Сяна и приход в «Новолуние» «крестьянского поэта» Цзан Кэцзя привели к тому, что к декабрю 1933 г. группа прекратила свое существование.

Среди других течений в поэзии этих лет стоит упомянуть символистское течение, первым представителем которого был Ли Цзиньфа (1900–1976). Загадочность его поэзии, мистические грезы и причудливые образы, вкрапление множества английских, немецких и французских слов и фраз были причиной неоднозначных оценок критикой его сборников стихов «Моросящий дождь» (1925 г.), «Пою во имя счастья» (1926 г.) и «Нахлебники и лихолетье» (1927 г.). Среди других поэтов этого направления наиболее известны глава китайских символистов, автор сборника «Мои воспоминания» (1929 г.) Дай Ваншу (1905–1950), Фэн Найчао (1901–1983), перу которого принадлежит сборник стихов «Фонарик из красного шелка» (1928 г.), а также Му Мутянь (1900–1971), написавший «Сердце путника» (1927 г.) и «Песни бездомных» (1933 г.). Символистское направление в новой китайской поэзии, возникшее под влиянием французского символизма, оказалось сравнительно слабым.

Многие из упомянутых литераторов и литературных обществ, созданных или активизировавших свою деятельность в ходе «движения за новую культуру» и отразивших в своей творческой деятельности тенденцию к «освобождению личности», продолжали творческую работу в течение последующих периодов истории Китайской Республики.

Характеризуя литературу Китая 1917–1928 гг. в целом, необходимо отметить победу разговорного языка *байхуа* и постепенное сужение области употребления

вэньяня, резкий разрыв литературы с традиционными жанрами и приемами, рост ее интернациональных связей, появление большого количества переводов, подражаний и заимствований у западных поэтов. Вместе с тем литература этих лет нередко была политически ангажирована.

Весьма значительным для новой литературы Китая было воздействие русской и советской литературы, которое в 20–30-е годы играло самостоятельную и наиболее важную роль в области китайско-иностранных литературных связей. Огромное влияние на становление новой поэзии Китая оказала революционная поэзия В.Маяковского, переводы которой впервые появляются в этот период. Влияние поэзии Маяковского на китайских поэтов прослеживается в использовании прямых цитат из его произведений и формы стихов «лесенкой», характерной для Маяковского.

История нового театра

Китайский национальный театр конца XIX – начала XX в. сохранял и старый репертуар, и застывшие выразительные средства традиционного спектакля. Под влиянием патриотических, антиимпериалистических, демократических и революционных настроений началось развитие новой культуры, которая в специфических условиях Китая в 10–20-х годах по сути стала движущей силой прогресса. В зоне повышенного внимания китайской общественности оказался и театр. Один из лидеров реформаторов Лян Цичао в начале XX в. связывал с воздействием театра на общество решение таких проблем, как «улучшение управления народом» и «обновление самого народа». Осуществлению подобных задач старым театром мешали его традиционная обращенность в прошлое, дистанцированность от современных проблем и конфликтов, использование непонятного на слух литературного языка *вэньянь* и ряд других факторов. Пьесы старого репертуара вызывали исторические ассоциации и аналогии, однако от новых проблем начала XX в. они были далеки.

Новая интеллигенция, формировавшая миропонимание на произведениях европейской мысли и культуры, считала, что традиционный театр необходимо кардинально изменить, взяв за эталон европейский драматический театр. Часть интеллигенции, соглашаясь с необходимостью модернизировать традиционный театр, все же призывала не порывать с национальной театральной традицией. Наиболее радикально настроенная интеллигенция группировалась вокруг журнала «Синь циннянь» («Новая молодежь»). В его программных публикациях призывы к построению нового демократического общества сочетались с требованиями бороться против старого искусства. Четкую концепцию развития театрального искусства дал Ху Ши на страницах этого журнала в 1918–1920 гг. Он полагал, что национальный театр подлежал полной европеизации.

На сценах традиционных театров ставились так называемые новые пьесы, действующие лица которых появлялись в современных костюмах. Автором мно-

гих из них был талантливый актер и драматург Ван Сяонун. Театральные общества пытались ставить в традиционной, но обновленной манере произведения западной драматургии. Однако эксперименты видных мастеров театра *сицюй* по созданию «спектаклей в современных одеждах» на современные сюжеты не имели успеха.

10–20-е годы были трудным периодом в истории традиционного театра. Старые актерские приемы, грим, костюмы не подходили для сценического воплощения образа современника. В то же время любовь широких слоев общества к традиционному театру *сицюй*, творческое новаторство великих мастеров этого театра начала XX в. (Чжоу Синьфана, Мэй Ланьфана, Чэн Яньцю, Ван Сяонуна, Оуян Юйцяня), появление «молодых видов» театра *сицюй* убеждали в его жизнеспособности.

Особо следует отметить Мэй Ланьфана – от других актеров его отличают мировая известность и слава. В игру он включил исполнительские приемы женского амплуа *дань*, «*дань*-цветок» и «*дань*-воительница», а также *вэньмин си* («цивилизованной драмы»). Огромный вклад Мэй Ланьфан внес не только в вокал, акробатику, танцы, мимику, костюм, грим, музыку. Актер смело применял традиционные музыкальные инструменты *эрху*, *цзинху* (традиционные смычковые музыкальные инструменты), но использовал в своих спектаклях также и новые технические приемы (декорации, освещение нового типа). Эти нововведения обогатили исполнительское искусство пекинской оперы (*цзинцюй*), которая благодаря Мэй Ланьфану получила признание во всем мире, а также оказали глубокое влияние и на последующее развитие традиционного китайского театра в целом.

Взаимное влияние западной и традиционной театральных систем прослеживалось как в использовании элементов актерского мастерства, так и в репертуаре. Актеры и драматурги продолжали создавать новые пьесы специально для традиционной сцены. «Стела горючих слез» – о трагической любви современных молодых людей, «Повесть о загубленной душе курильщика опиума», «Окажите милость женщине» – новые пьесы, появившиеся в репертуаре традиционного театра. Актеры традиционной драмы, такие как Чжоу Синьфан и Мэй Ланьфан, с интересом работали над «новыми пьесами в современных костюмах». Чжоу Синьфан сыграл в трех пьесах: «Дэн Сягу», «Полотняная повязка» и «Влюбленные встречаются в тюрьме». Их сюжеты отражали реальные события того времени. Мэй Ланьфан выступил в новых пьесах: «Влюбленные встречаются в тюрьме», «Смятение в грешном мире», «Страсти бушуют в чиновничьем мире», «Дэн Сягу», «Полотняная повязка», «Обезглавливание змеи». Вместе с тем, играя в этих пьесах, он сохранил традиционные театральные костюмы.

В репертуаре нескольких театров музыкальной драмы с успехом шла популярная пьеса «Новая дама с камелиями». Ее поставила известная женская труппа «Сияющая добродетель», организованная в 1914 г. Пьеса из 18 частей была опубликована в 1917 г. Репертуар труппы «Сияющая добродетель» состоял в основном из «новых пьес в современных костюмах», написанных драматурга-

ми Ян Юньпу и Ян Хуэйфаном. Актрисы труппы выступали в двух традиционных жанрах: «пекинской музыкальной драмы» и «*банцзы*». «Сияющая добродетель» ставила пьесы и зарубежной драматургии: «Отказ от свадьбы» по роману Л.Н.Толстого «Воскресение», «Веер леди Уиндермир» О.Уайлда.

Общество «Изменение нравов», образованное в Сиани в 1912 г., поставило перед собой практическую задачу морального воспитания через театр. Для постановки были отобраны лучшие произведения старого театра. В 1912–1949 гг. члены общества создали для традиционной сцены около 200 новых произведений на современные темы. В целом, однако, можно констатировать, что опыты по созданию «новых пьес в современных костюмах» и постановка некоторых зарубежных пьес, в которых традиционная манера игры соединялась с реалистической актерской школой, не принесли ожидаемых результатов.

К тому времени уже были предприняты первые попытки поставить в Китае пьесы для новой формы театрального представления – разговорной драмы *хуацзюй*. В Шанхае еще в 80-х годах XIX в. молодые учащиеся сыграли первые спектакли драматического театра. Многие школы Шанхая заинтересовались театром нового направления. Наряду с пьесами зарубежных авторов самодеятельные актеры проявили большой интерес к работе над произведениями, посвященными событиям китайской действительности. Молодой театр драмы Китая разделился на драматический театр и переходную форму между традиционным театром и драматическим. Первый был представлен труппами «Весенняя ива» (1907–1909) и «Новая драма» (1912 г.). Второй – труппами школьного театра «Прогресс» (1910–1912), «Весеннее солнце» (1907 г.). К первой группе также относился театр «Новая сцена» (Синь утай). В нем шли пьесы: «Повесть о загубленной душе курильщика опиума», «Новая дама с камелиями», «Хижина дяди Тома». В этих театрах сохранился оркестр пекинской музыкальной драмы, вокальные номера исполнялись под аккомпанемент *хуциня* (китайский смычковый музыкальный инструмент). Но все пьесы игрались в современных костюмах.

Труппа «Весенняя ива», в которой играл Оуян Юйцянь, выступала с новыми пьесами: «Дама с камелиями», «Лучше вернуться», «Вторая госпожа Чэнь». В этих спектаклях оркестр пекинской музыкальной драмы не использовали. Труппа «Весенняя ива» («Чунь люй шэ») представляла собой первый в Китае профессиональный реалистический театр, его деятели были связаны с революционным движением, ставили на своей сцене произведения зарубежной драматургии: «Флория Тоска» по драме В.Сарду; «Отелло» В.Шекспира, «Гедда Габлер» Г.Ибсена, «Воскресение» по роману Л.Н.Толстого и ряд пьес японских авторов. Для спектаклей общества «Весенняя ива» характерно обращение к психологическим и бытовым темам, романтическое противостояние сил добра и зла. Однако постановок на актуальные политические темы было мало.

В 1909 г. Ван Чжуншэн и Жэнь Тяньчжи основали в Шанхае театральную школу «Тунцзянь» и осуществили первую в Китае постановку разговорной драмы – «Истории Цзя Жуя». В 1910 г. Жэнь Тяньчжи и его труппа «Цзиньхуа» поставили и сыграли пьесы: «Золото и кровь», «События в Восточной Азии»

и другие. Эти постановки содержали прямые политические призывы и отвечали настроениям китайского общества накануне Синьхайской революции. Цинское правительство подвергло Жэнь Тяньчжи преследованиям.

В первой половине XX в. начали осваивать еще один новый для Китая вид театрального искусства – оперу. В больших городах открывали музыкальные учебные заведения. Здесь иностранные преподаватели и отечественные музыканты, получившие образование в лучших консерваториях мира, знакомили студентов с историей и особенностями европейской музыки. Композитор Ли Цзиньхай первым из китайских музыкантов сочинил оперу в западном стиле «Воробей и малыш».

Синьхайская революция стимулировала развитие театра *хуацзюй*, первая труппа которого «Весеннее солнце» появилась еще в 1907 г. Революционным событиям 1911–1912 гг. посвящены пьесы: «Да здравствует республика!», «Журавлиная башня».

Постановки труппы «Прогресс», созданной незадолго до Синьхайской революции (ее лидер – Жэнь Тяньчжи), были наполнены монологами остропублицистического содержания, оценками происходивших в стране судьбоносных событий. Обращаясь к жанрам комедии, фарса, трагикомедии, Жэнь Тяньчжи высмеивал пороки феодальной системы, правителей и чиновников династии Цин. В 1911–1913 гг. в Шанхае и других городах появились коллективы, ставившие разговорную драму. Среди них выделялись труппы «Социальное воспитание» и «Просвещение».

Известный актер, режиссер и драматург Сюй Баньмэй возглавил труппу «Социальное воспитание». Он написал комедии «Зрячий слепой», «Кто раньше умрет», «Завещание» и ряд других. Артисты выступали в Шанхае, Сучжоу, Ханькоу. В 1913 г. во время гастролей в Чанша Оуян Юйцянь поставил свою пьесу «Движущие силы» силами труппы «Социальное воспитание». В репертуар общества «Просвещение» (организовано в 1911 г.) входили не только драматические произведения, но и постановки оперно-балетных спектаклей.

С 1913 г. в Шанхае развивается так называемый «цивилизованный» театр. В Шанхае действовал ряд профессиональных трупп этого направления, быстро возникавших и так же быстро исчезавших, например, «Обновление народа» и «Голос народа», работавшие под руководством Чжэн Чжэнцю. Просветительский театр отошел от традиционных форм и приблизился к драме: на сцене появились занавес и декорации, пение было заменено разговорной речью. Это был период формирования эстетики нового театра.

В работе первых коллективов нового театра отсутствовали фиксированные тексты пьес, использовали *мубяо* – набросок главной сюжетной линии и перечень действующих лиц. Практиковали свободные актерские импровизации и высказывания на темы дня, использовали объемные декорации, широкий набор реквизита, световых и звуковых эффектов. Но вместе с тем в постановках присутствовали и элементы традиционного театра: четкое деление персонажей на амплуа, исполнение мужчинами женских ролей, элементы символики в сце-

нических движениях актеров. Спад революционного движения, ужесточение цензуры, репертуарные запреты и репрессии сказались на деятельности «цивилизованного» театра и его спектаклях, которые стали в основном чисто развлекательными.

Деградацию театрального искусства пыталось остановить созданное в 1912 г. общество «Новая драма», объединившее в основном бывших участников труппы «Весенняя ива» (возглавил его Лу Цзинжо). Большим успехом пользовались многоактные пьесы «Новой драмы»: «Семейная драма», «Лучше вернуться», «Черный раб», «Горячие слезы», «Колокол общества». Одной из самых популярных постановок труппы была «Семейная драма», написанная Лу Цзинжо. В пьесе «Лучше вернуться» рассказывалось о трагедии молодого поколения в условиях феодального домостроя, в пьесе «Колокол общества» содержалось требование осуществить некоторые социальные реформы. Однако эти спектакли не нашли достаточно подготовленной аудитории, и труппа вскоре распалась.

«Движение 4 мая» вызвало новый подъем в области культуры, в том числе театра. Тесно связанный с реформой китайского языка, он ознаменовался масштабностью переводческой деятельности в области драматургии и стимулировал утверждение и распространение *хуацзюй*. В 20-х годах появилось много хороших переводов произведений европейских драматургов. Осенью 1920 г. в Шанхае состоялась первая постановка современной европейской социальной драмы – «Профессия миссис Уоррен» Б.Шоу. Спектакль вызвал большой интерес в театральных и литературных кругах. После многочисленных опытов и экспериментов по синтезированию двух видов сценического искусства критика отметила параллельное развитие традиционного и драматического театров. В традиционном театре произошли изменения в конструкции сцены, в работе с декорациями; появилось понятие режиссуры. 20–30-е годы стали важным периодом утверждения драматического театра как самостоятельного нового вида сценического искусства. Этому способствовали разработка, с учетом опыта предшествующих лет, первой программы развития драматического театра, участие в этом процессе многих видных деятелей драматического искусства, знакомство с зарубежной драматургией, теорией драмы, опытом зарубежного сценического искусства, появление первых учебных заведений, готовивших кадры нового театра.

В журнале «Синь циннянь» публиковались переводы пьес Г.Ибсена, Б.Шоу, Л.Н.Толстого. В 1921 г. вышел в свет сборник переводов «Театр России». В него вошли «Ревизор» Н.В.Гоголя, «Гроза» А.Н.Островского, «Месяц в деревне» И.С.Тургенева, «Власть тьмы», «Плоды просвещения» Л.Н.Толстого, «Иванов», «Дядя Ваня», «Вишневый сад» А.П.Чехова. В тот же период в Китае ставятся пьесы У.Шекспира, А.Стриндберга, О.Уайльда, Ю.О'Нила. Театральная среда знакомится с различными творческими направлениями – декадентством, эстетизмом, символизмом, экспрессионизмом, неоромантизмом. Все эти обстоятельства благотворно сказались на творческих поисках вступавших в драматургию авторов, определили многообразие жанров, форм, творческих стилей.

Наибольшей популярностью пользовались произведения, созвучные идеям Г.Ибсена о противостоянии индивидуума обществу, проникнутые осуждением собственнического духа в семейных отношениях. Они включали темы раскрепощения женщин, свободы в любви и браке. Это такие произведения, как пьесы «Возвращение на юг», «Ночь ловли тигра» Тянь Ханя, «Чжо Вэньцзюнь», «Ван Чжаоцзюнь» Го Можо, «Пань Цзиньлянь» Оуян Юйцяня, «Женитьба» Ху Ши, «Куда мне идти?» Сюн Фоси. Резкая критика разъедаемых феодальными предрассудками традиционных семейных отношений звучала в пьесах «За ширмой» Оуян Юйцяня, «Госпожа Юлань» Чэнь Дабэя. Драматурги ставили пьесы о тяжелом положении простых тружеников: «Семья рикши» Оуян Юйцяня, «Гу Чжэнхун», «Пляска огня» Тянь Ханя. Антиимпериалистические, антимилитаристские настроения в китайском обществе нашли отражение в пьесах «Холм желтых цветов» Тянь Ханя, «Чжао-дьявол» Хун Шэня, «Сердце патриота» Сюн Фоси.

В 1922 г. видные деятели китайской литературы и искусства Мао Дунь, Оуян Юйцянь, Чэнь Дабэй, Сюн Фоси, Сюй Баньмэй и другие основали в Шанхае общество «Народный театр». Его целью стало создание народного театра, выполняющего социально-воспитательные функции. Ставилась задача написания для театра произведений отечественной драматургии, подготовки для него кадров режиссеров и актеров, отвечающих запросам общества. Предпочтение отдавалось некоммерческому, любительскому театру. Общество издавало ежемесячный журнал «Театр», в котором публиковались переводы зарубежных пьес и теоретические статьи. Выход драматического театра на новый уровень продемонстрировал в 1924 г. спектакль «Веер молодой госпожи» – переработка пьесы О.Уайльда «Веер леди Уиндермир», постановку которого осуществил Хун Шэнь. Деятельность общества «Народный театр» сыграла большую роль в возникновении театральных кружков в университетах и среди рабочих некоторых предприятий. Тогда же в Пекине Чэнь Дабэй создает театральное общество «Новый Китай».

В 20-х годах в активную деятельность включились театральные деятели, получившие специальное образование за рубежом, – Хун Шэнь, Юй Шанъюань, Сюн Фоси, Оуян Юйцянь, Лу Цзинжо, Чэнь Мянь, Сун Чуньфан. Пришли в драматургию молодые литераторы Тянь Хань, Го Можо, Дин Силинь. Начавшаяся с 20-х годов активная подготовка кадров нового театра сыграла важную роль в утверждении и дальнейшем развитии драматического театра, в его переходе от любительства к профессионализму. В Пекинском университете ввели курс лекций по европейскому театральному искусству. Их читал Сун Чуньфан, изучавший театральное искусство в Швейцарии. В 1925 г. был создан театральный факультет в Государственном пекинском художественном училище (в дальнейшем преобразован в театральный факультет Института искусств при Пекинском университете). Это был первый опыт введения специального театрального образования в систему государственной высшей школы. Позднее был открыт Шанхайский институт искусств.

В 1927 г. на базе «Южного общества» возникло училище «Наньго». В его структуру входили отделения театра, кино, музыки, литературы, живописи. Наряду с курсом актерского мастерства театра разговорной драмы в училище читали лекции по традиционному театру *сицюй*. Революционные события 1924–1928 гг. временно отодвинули на второй план процесс создания драматического театра. В течение 10–20-х годов в развитии театра произошли крупные перемены, шел поиск новых сюжетов, форм и жанров. Китайская драматургия в целом сближалась с реальной жизнью, взаимодействовала с зарубежной драматургией, развивался новый театр. Вместе с тем нельзя не отметить, что новым театром интересовалась лишь образованная часть населения больших городов, он еще не стал настолько популярным, как традиционный театр.

Архитектура

Синьхайская революция ускорила процесс становления национального капитализма, стимулировала стремительный рост городов и развитие архитектуры, связанное преимущественно с урбанизацией. В годы Китайской Республики развивается процесс перехода китайской архитектуры от сложившегося в глубокой древности традиционного канона к принципиально иной системе зданий и сооружений и пространственно-планировочных принципов градостроительства – новой архитектуре, отвечающей потребностям времени. Специфика этого процесса состояла в том, что он вызревал не в рамках собственной архитектурной традиции, а явился результатом внешнего воздействия западной культуры, одновременно испытывая влияние исторического развития Китая.

Новая китайская архитектура (1840–1949) ведет отсчет с момента проникновения в Китай иностранных держав после поражения Цинской империи в двух «опиумных» войнах (1839–1842; 1856–1860), за которыми последовали дальнейшие захваты в форме аренды китайских территорий, приведшие к разделу страны на сферы влияния иностранных держав. В результате навязанных Китаю державами неравноправных договоров ряд портов был открыт для свободной торговли, созданы концессии и сеттльменты иностранных держав, территория которых застраивалась иностранными архитекторами по образцу родных городов. Архитектурная среда, созданная по национальным архитектурным моделям, помогала иностранным новопоселенцам адаптироваться на новых землях, сохранять культурные традиции и образ жизни. Важнейшей частью архитектурно-градостроительной политики при освоении иностранных концессий и сеттльментов являлось также храмовое строительство, которое было призвано символизировать присутствие иностранной державы в Китае.

Хотя традиционная архитектурная система продолжала существовать и оставалась практически неизменной в подавляющем большинстве средних и во всех малых городах, поселках и деревнях Китая вплоть до 1949 г., она не определяла направление развития. Пекин, в силу особой политической и культурно-истори-

Пекин. Городская стена. Ворота Чунвэнь мэнь. 20-е годы

Пекин. Район Цяньмэнь. Улица Дашалар

ческой роли, целостности своего архитектурного облика с регулярной планировкой, великолепными ансамблями, высокой плотностью застройки, в процессе модернизации не поддавался масштабным градостроительным преобразованиям и долгое время сохранял традиционную структуру. Открытые порты Гуанчжоу и Нанкин стремились по мере возможности использовать свой «генетический потенциал» и те тенденции развития, которые сложились до появления на их территории концессий иностранных государств. Самому мощному воздействию европейской архитектуры в силу исторических обстоятельств подверглись Шанхай, Тяньцзинь, Ханькоу, Циндао, Далянь и Харбин, хотя и здесь исходные условия и градостроительные процессы имели существенные различия.

Вызванный развитием промышленности и торговли быстрый рост городов требовал новых принципов планировки городского пространства, иных типов структуры и облика зданий. К моменту Синьхайской революции заимствованные у Запада элементы архитектурной системы в определенной степени уже прижились на китайской почве. Технический прогресс дал архитектуре новые материалы (чугун, бетон, цемент), более совершенные строительные технологии и возможности инженерного обеспечения города. В архитектурном облике портов и городов, открытых для иностранной торговли, начинали доминировать здания, выполненные строго в европейских тектонических и стилевых системах. Постепенно видоизменялась первоначальная структура китайского города. Модернизация крупных городов оказывала влияние на соседние средние по масштабам города, в которых тоже начинали строить в европейской манере. Вслед за проникновением в глубь страны зарубежных христианских миссионеров, строивших церкви, школы, больницы, видоизменялся архитектурный облик пе-

Шанхай. Район Даовай (китайское барокко)

риферийных городов. В результате контакта китайской и западной культур появились китайские постройки, в которых традиционные элементы национальной архитектуры ушли на второй план, а также европейские постройки, интерпретирующие по большей части внешние признаки китайской архитектурной культуры.

Вплоть до середины 20-х годов на архитектурной сцене китайских городов царила монополия иностранных архитекторов. Активно работали британские бюро «Palmer & Turner», «Hemmings & Berkeley», американские «Hazzard & Phillips», «Shattuck and Hussey of Chicago», американские архитекторы Г.Мёрфи и Ф.Кейлз, венгерский архитектор Л.Худек. В городах, созданных российскими и немецкими градостроителями, – Даляне и Циндао – после захвата японцами немецких владений работали японские архитекторы Цуёси Ота и Мацумуро Сигэмицу. В Харбине среди российских специалистов были такие известные фигуры, как первые архитекторы города И.И.Обломиевский и А.К.Левтеев, гражданский инженер В.Д.Смигельский и инженер И.Ю.Левитин. Значительный вклад в развитие Харбина внесли В.А.Рассушин, который в 1922–1934 гг. занимал должность архитектора города, М.М.Осколков, прослуживший более 15 лет (1921–1937) городским инженером в муниципалитете Харбина, П.С.Свиридов. В этот период в Харбине, Мукдене (Шэньяне), Шанхае действовали профессиональные общественные организации русских специалистов. В Харбине выходил в свет журнал «Архитектура и жизнь», основанный русским архитектором Н.В.Никифоровым.

В 20-х годах в конкуренцию с иностранными архитекторами вступили их китайские коллеги, которые стали возвращаться на родину после учебы за рубежом. В 1923 г. обучавшиеся в Японии Лю Шиин и Лю Дуньчжэнь открыли пер-

вое в стране национальное «Архитектурное бюро Хуахай». В 1924 г. вернувшийся из США архитектор Чжуан Цзюнь основал в Шанхае «Архитектурное бюро Чжуан Цзюня». В последующие годы в Тяньцзине и Шанхае появились и другие национальные бюро, среди которых наиболее заметную роль играли «Инженерно-проектное бюро Цзитай» и «Архитектурное бюро Синъе». Значительный вклад в развитие новой китайской архитектуры внесли Фань Вэньчжао, Лян Сычэн, Лю Дуньчжэнь. Одновременно с развертыванием практической деятельности формировалась система национального архитектурного образования. В 1923 г. Сучжоуское ремесленное училище ввело учебный курс по архитектуре, в дальнейшем были открыты факультеты архитектуры в вузах Нанкина, Пекина, Гуанчжоу, Чунцина, Тяньцзиня. В 1927 г. была создана первая профессиональная организация «Научное общество архитекторов Китая» во главе с видными китайскими архитекторами Чжуан Цзюнем и Фань Вэньчжао. Общество издавало журнал «Архитектура Китая», вело активный поиск нового национального архитектурного стиля, занималось изучением типов, стилей, функциональных, конструктивных и композиционных принципов классической китайской архитектуры. В 1929 г. было создано «Общество изучения китайской архитектуры» во главе с Чжу Цицянем, в которое вошли такие известные архитекторы, как Лян Сычэн и Лю Дуньчжэнь. Общество занималось изучением, описанием и реставрацией древних архитектурных памятников, подготовило фундаментальный труд «Правила архитектуры династии Цин», внесло большой вклад в дело охраны архитектурного наследия Китая. К концу 20-х годов китайские архитекторы стали полноправными участниками архитектурного процесса.

Смена политического строя в результате Синьхайской революции не устранила зависимости Китая от иностранных держав, которые получили новые гарантии своих финансовых и промышленных интересов и сохранили права на аренду территорий. В Шанхае в 1914–1915 гг. дважды расширялась площадь иностранных концессий (Французской концессии и Международного сеттльмента). В 1915 г. их общая площадь достигла 4662,8 га. В Тяньцзине общая площадь иностранных концессий восьми государств – Великобритании (включала концессию США с 1902), Франции, Германии, Японии, России, Италии, Австро-Венгрии и Бельгии – в 1915 г. превышала 1466,6 га. Неосвоенные земли муниципалитеты концессий нарезали на участки и продавали их под застройку китайским и иностранным домовладельцам, компаниям-девелоперам, риелторам. Практиковался также выкуп участков у китайских землевладельцев. Росло число частных предприятий, работавших на нужды строительства: в 1914 г. в Китае насчитывалось 22 кирпичных, керамических и цементных завода, в коммунальном секторе – 20 электрических и водопроводных компаний.

Первая мировая война, отвлекшая на некоторое время внимание и силы иностранных держав от Китая, позволила окрепнуть национальной экономике. Общее число китайских предприятий за годы войны увеличилось в 2,5 раза, несколько вырос удельный вес национального сектора в китайской промышленности. Рост промышленности и торговли повлек за собой инвестирование ино-

странного и национального капитала в реконструкцию городов. Старые строения перестраивались либо на их месте строились новые, многоэтажные и более представительные. На пустующих участках возводились новые здания. В строительстве применялся металлический и железобетонный каркас зданий, в формальном отношении доминировали исторические стили и эклектизм. Наиболее быстрыми темпами менялись Шанхай, Тяньцзинь и Ханькоу.

Общей тенденцией для этих трех городов стало строительство штаб-квартир банков, контор, страховых обществ и крупных компаний на главных улицах концессий. В оформлении фасадов использовались порталы, колонны, фронтоны, ордерные наложения, полуциркульные арочные дверные и оконные проемы, облицовка цокольной поверхности шлифованным или тесаным камнем. Внешним обликом здания стремились подчеркнуть респектабельность и влиятельность заведения.

Центр деловой жизни Шанхая возник на набережной Вайтань, полуторакилометровом участке вдоль р. Хуанпу (Международный сеттльмент). Архитектурный облик Вайтань начал формироваться на рубеже XIX–XX вв. Здесь сосредоточились основные административные, коммерческие, общественные здания (консульства, банки, клубы), построенные в различных архитектурных стилях. С 1919 г. началась реконструкция набережной Вайтань, в которой активное участие приняло британское бюро “Palmer and Turner”. По его проектам на месте снесенных старых были заново построены 5-этажное здание “Honkong and Shanghai Banking Corporation” в стиле необарокко, 90-метровое здание Шанхайской таможни (стиль art-déco), 5-этажное здание британской корпорации “Jardine Matheson & Co.” (в стиле неоренессанс), первое здание банка “Yokohama Specie Bank”, в неоклассических мотивах которого звучали японские нотки. Разные стили и переменная этажность зданий на Вайтань задавали особый ритм, подчеркивающий динамичную атмосферу деловой жизни набережной. Визуальную связь с Вайтань поддерживал расположенный в небольшом удалении от нее Главпочтамт Шанхая (построен в 1922–1924 гг.) – 4-этажное строение в стиле неоклассицизма с башней, украшенной бельведером и часами на фасаде.

В Тяньцзине на проспекте Чжундао, который «делили» британская и французская концессии, стихийно сформировался неоклассический ансамбль банковских зданий. К первому из построенных в архитектурно-художественном стиле неоренессанс «Русско-Китайскому банку» (1900 г.) добавились здания таких банков, как “National City Bank of New York” (1921 г.), “Chartered Bank of India, Australia and China” (1925 г.), “Hemmings & Berkley Co.”, “Hongkong and Shanghai Banking Corporation” (1925 г.), “Yokohama Spiecie Bank” (1926 г.). На улице, соседней с «банковской» магистралью, располагалось административное здание британской угледобывающей компании “Kailan Mining” (1919–1921). Фасад прямоугольного в плане, выдержанного в строгих пропорциях строения украшала колоннада ионического ордера.

В районе концессий в Ханькоу многие улицы украсили гранитные или мраморные фасады банков с роскошными порталами и ордерными элементами.

Старому 2-этажному зданию "Yokohama Specie Bank" с крышей в японском стиле (1921 г.) пришло на смену 4-этажное новое, в стиле неоклассицизма. Возведено было также 5-этажное здание "Bank of Taiwan" (1915 г.). Появился ряд зданий китайских банков, выполненных в исторических стилях, в том числе «Чжэцзянский промышленный банк» (1926 г.), «Шанхайский коммерческий резервный банк» (1927 г.). Главный фасад концессий – Вайтань – украсили монументальные здания "Hongkong and Shanghai Banking Corporation" (1913–1920 гг., неоклассицизм) и "National City Bank of New York" (1921 г., эклектизм). Высокое и пластически выразительное здание Таможни (1924 г., неоклассицизм) стало вертикальным акцентом перекрестка Набережной и Цзянханьлу – границы со старым городом.

Yokohama Specie Bank. Далянь

Помимо «деловых улиц» в городах формировались новые центры коммерческой активности. Возводились многоэтажные универмаги, пассажи и отели, украшенные башенками, ротондами и бельведерами, поражающие броским декором фасадов и пышным внутренним убранством, световыми фонарями, огромными зеркалами и окнами, необычными пространственными и функциональными решениями и техническими новшествами. В Шанхае торговый центр из старого города сместился на улицу Наньцзинлу (Международный сеттльмент), где построили здания крупнейших торговых домов «Сяньши», «Юнъань», «Синьсинь» и шанхайского клуба «Да шицзе». В Тяньцзине во Французской концессии в 1911–1928 гг. на месте бывшего пустыря и старого кладбища появилась торговая площадь, композиционным акцентом которой стало здание 5-этажного универмага «Цюаньечан» с приметной издалека башней. В Ханькоу, в отличие от Шанхая и Тяньцзиня, строительство отелей, магазинов и культурно-развлекательных заведений развернулось в старом городе. Важным проектом стало возведение первого многофункционального коммерческого центра «Ханькоу да шицзе», включающего многоэтажный пассаж: культурно-развлекательное заведение с театром, библиотекой, чайными, ресторанами и соединяющий их внутренний «пейзажный садик» с фонтаном, живописными камнями и деревьями причудливой формы.

Большое внимание уделялось строительству жилья. Дома среднего слоя горожан представляли собой семейные подворья в лишенных зелени узких переулках-коридорах. Домовладельцы возводили жилье целыми кварталами, после чего сдавали его в аренду. Распространенным явлением была субаренда, поэтому в одном подворье могли проживать до трех-пяти семей. До 20-х годов в Шанхае и Ханькоу основным типом жилища были дворы *тяньцзин* («небесный коло-

дец»), выстроенные в плотный ряд по образцу европейских домов. Подворье состояло из 2-этажного дома, одного или двух флигелей, хозяйственных построек и узкого прямоугольного замкнутого двора *тяньцзин*, являвшегося единственным источником освещения и проветривания жилых и хозяйственных помещений. Санитарное благоустройство отсутствовало. Жилище обносилось пятиметровой внешней стеной, боковые стены сообщались с соседним двором, дверной проем главного входа обрамлялся кладкой из камня и украшался каменным фронтоном. В Тяньцзине в 20-х годах стали строить кварталы блокированных домов с открытым двором, проводили водопровод, канализацию, газ. В Ханькоу на средства Главного торгового союза был построен «Образцовый район» – благоустроенный жилой квартал 2-этажных кирпичных домов с открытыми дворами. Городская элита владела особняками и виллами. В Шанхае большинство особняков концентрировалось во Французской концессии, но в 1914–1920 гг. новых особняков не строили. В Тяньцзине после Синьхайской революции, напротив, появилось много особняков военных сановников и маньчжурской аристократии. Местоположение особняка указывало не только на статус владельца, но и на его политические симпатии. Лян Цичао жил на территории итальянской концессии, особняк Дуань Цижуя находился в японской концессии. На одной улице с Лян Цичао располагалась усадьба «Цянъюань», в которой после изгнания из Запретного города жил последний император Китая Пу И. Жилые кварталы с неблагоустроенной застройкой для городских низов концентрировались в промышленной зоне на окраине.

В Гуанчжоу, в отличие от Шанхая, Тяньцзиня и Ханькоу, иностранный сеттльмент занимал небольшой остров Шамянь, отделенный от материковой части города узкой протокой. Проникновение европейской архитектуры в Гуанчжоу началось со строительства христианских храмов и миссионерских школ. Помимо мест нахождения культовых и учебных заведений, довольно значительное присутствие европейской архитектуры ощущалось в районе набережной р. Чжуцзян, где были сосредоточены таможня, почта и ряд других деловых и коммерческих зданий, выполненных в исторических и колониальном стилях. Главными градостроительными мероприятиями этого периода были: строительство нового здания таможни на набережной Чжуцзяна – 4-этажного здания с железобетонным каркасом, с башней и часами на всех ее фасадах (1914–1916 гг., неоклассицизм); возведение новых корпусов американского частного колледжа Линнань (1915–1928); строительство Клуба офицеров на территории Военной школы Хуанпу (1926 г.). В 1912 г. по инициативе Сунь Ятсена началось сооружение Парка-мемориала в честь жертв Гуанчжоуского восстания 11 декабря 1911 г., одного из первых мемориалов Китайской Республики. Оно неоднократно прерывалось и лишь в 1921 г. было завершено возведением кладбища и мемориальной арки.

Если развитие городов с «многонациональным» составом концессий, в первую очередь Шанхая и Тяньцзиня, шло благодаря застройке арендованных территорий по разным, часто независимым друг от друга планам, то Циндао, Да-

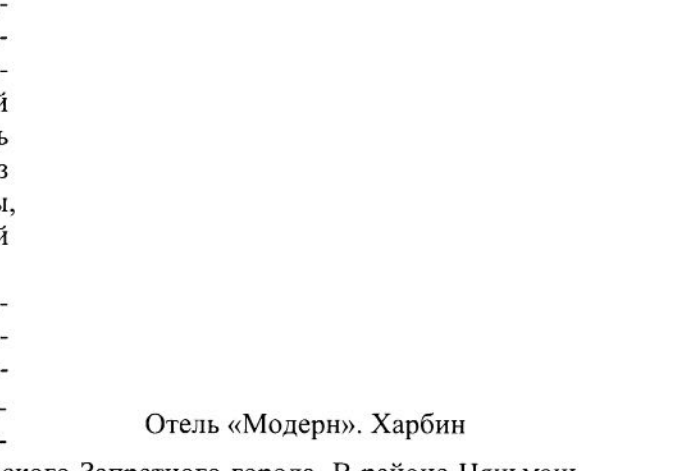
лянь и Харбин создавались как новые города по единым генпланам, их отличали четкая планировка и продуманная архитектурно-художественная композиция городской застройки. Япония, получившая особые права на Далянь (1905 г.) и Циндао (1914 г.), продолжала застройку, оставаясь в целом в русле первоначальных планов. В Циндао в этот период в основу градостроительных работ был положен утвержденный в 1910 г. германский генеральный план пятикратного расширения территории города. Главный акцент японские городские власти делали на развитии промышленной зоны (районы Тайдун, Сыфан и Санькоу), расширении порта в районе Малой гавани (Сяоган) и строительстве городских коммуникаций – систем водо- и энергоснабжения, дорог. Стремительный рост числа японских переселенцев (в 1911–1917 гг. – с 312 человек до 18,6 тыс. человек) обострил проблему жилья. Для среднего класса японских переселенцев в Циндао был построен новый жилой квартал одноэтажных домов в немецком стиле. Строительство жилых домов для высших социальных слоев велось в районе бывших немецких вилл. Стиль, материалы и объем здания зависели от пожеланий владельца. Китайское население концентрировалось на окраине промышленной зоны в рабочих поселках, основным типом жилища был одноэтажный дом «барачного» типа.

Отель «Ямато». Далянь

В Дайрене (Даляне), помимо интенсивного промышленного строительства, которое проводили японские власти с 1905 г., важным направлением градостроительства стало завершение формирования архитектурных ансамблей площадей, в первую очередь – центральной площади города. В 20-х годах к ансамблю центральной площади добавились здание муниципалитета (неоклассицизм) и здание 4-этажного отеля «Ямато» (неоренессанс) – первого и самого роскошного из пяти отелей сети «Ямато», принадлежавших «Мантэцу» («Акционерное общество ЮМЖД»). Новые здания сочетались по стилю с более ранними постройками – зданиями «Русско-Китайского банка» (неоренессанс) и консульства Великобритании (английский классицизм).

В архитектурном ансамбле Харбина главными композиционными акцентами служили здания православных храмов. В 20-х годах в него вошли выполненные в неорусском стиле Никольская церковь и Церковь Всех Скорбящих Радость. Этот период отмечен также строительством ряда культовых зданий других конфессий, выполненных в национальных стилях: синагога, мечеть в турецком стиле, храм Конфуция Вэньмяо, единственный в Харбине буддийский храм Цзилэсы. Светскую архитектуру этого периода отличало стилевое многообразие. Неоклассические мотивы нашли отражение в здании Железнодорожного собрания (1913 г., К.Х.Денисов). Здание Почтового управления провинций Цзилинь и

Хэйлунцзян (1922 г.) тяготело к эклектизму, отель «Модерн» выполнен в том же стиле (1913 г.). «Модерн» считался самой роскошной гостиницей Харбина: в нем имелись 100 гостиничных номеров (50 из них с ванной комнатой), рестораны, кафе, банкетный и танцевальный залы, зимний сад, бильярдная.



Отель «Модерн». Харбин

В столичном Пекине после Синьхайской революции началась частичная реконструкция центра. Была скорректирована схема городского движения за счет сноса нескольких участков стен императорского Запретного города. В районе Цяньмэнь расширили здание вокзала. На свободных участках был построен ряд административных и коммерческих зданий, в числе которых одно из первых коммерческих зданий, спроектированных отечественными архитекторами, – здание Китайского банка («Далу», 1924 г., эклектизм), здание Национального собрания (1912 г.), представлявшее собой сдержанно декорированную кирпичную 2-этажную постройку с залом на 674 места. Важными градостроительными мероприятиями были строительство в предместье города зданий университета Цинхуа (1919–1925 гг., Г.Мёрфи, Чжуан Цзюнь, неоклассицизм и неоренессанс), строительство Яньцзинского, ныне Пекинского, университета (20-е годы, Г.Мёрфи, китайский неоренессанс), а также больницы и медицинского Юнион-Колледжа в Пекине (1916–1918 гг., американский архитектор Х.Хасси). Значительным событием в жизни столицы стало открытие в 1913 г. для публики части дворцов Запретного города, Летнего дворца Ихэюань и всех императорских алтарных храмов. После того как последний император Цинской династии Пу И покинул дворец, он в 1925 г. был превращен в музей Гугун. Преобладающим стилем городских зданий оставался *сыхэюань* (*сыхэюань* – традиционный пекинский дворик. В *сыхэюане* все жилые постройки располагались по периметру двора).

Периферийные города Китая также постепенно осваивали новый архитектурный опыт. В Чунцине в 1911–1925 гг. проводили масштабные градостроительные работы: прокладывали дороги, строили дамбы, обустраивали порт, снесли старую городскую стену. На месте свалки в 1926–1929 гг. был построен Центральный парк – один из первых в Китае светских парков площадью свыше 10 тыс. кв. м с фонтаном перед входом, газонами, читальней, детской игровой площадкой и теннисным кортом.

Влияние европейской культуры просочилось даже в буддистское зодчество, обычно не отступающее от канона. В 1927 г. при расширении монастыря Цыюньсы («Облаков Благодати») у горы Шицзышань в нарушение канона Башня Трипитаки была выполнена в «верандовом стиле». В композиции монастырско-

го ансамбля отсутствовали также внешняя стена и «Горние врата» – обязательные элементы буддийского храмового ансамбля. Их функции выполняло 4-этажное здание, ограждающее внутреннее пространство по типу двора *сыхэюань*.

Основными результатами развития архитектуры китайских городов в данный период стали распространение групп зданий, принадлежащих к разным конструктивным и стилевым системам, переход к новым строительным материалам, формам и отделке фасадов, изменяющим архитектурный облик города, а также усвоение новых подходов к организации городского пространства. В этот период укрепились позиции китайских архитекторов, были созданы первые китайские архитектурные бюро. Изменилось положение ряда городов: после Октябрьской революции и завершения Первой мировой войны бывшие концессии России и Германии в Ханькоу были возвращены Китаю. Патриотическое «движение 4 мая» вынудило Японию вернуть Китаю Циндао (1922 г.); в атмосфере подъема национально-освободительного движения 20-х годов прекратила существование концессия Великобритании в Ханькоу (1927 г.). К 1929 г. из восьми концессий в Тяньцзине осталось четыре (Англии, Франции, Японии и Италии). В этот период были созданы предпосылки для активизации участия китайских архитекторов в формировании облика городов, для творческих поисков национального пути развития новой архитектуры.

Часть II

«НАНКИНСКОЕ ДЕСЯТИЛЕТИЕ» (1928–1937)

Глава 1
Становление власти Гоминьдана

Особенности становления гоминьдановской «партии-государства» в нанкинский период в значительной степени определялись тем обстоятельством, что оно происходило на фоне кризисных явлений в политике и экономике, истоки которых уходили не только в начало республиканской эры, но гораздо глубже. Китай периода «нанкинского десятилетия» был страной беспрецедентного политического и идеологического разнообразия, когда между собой соперничали самые разные социально-политические силы, идейные направления, региональные и территориальные группировки, предлагавшие свои методы и рецепты «спасения» государства. Между тем бэйянская эпоха, предшествовавшая нанкинскому периоду, показала, что в условиях отсутствия сильной центральной власти и эффективной административной системы любые планы преобразований неосуществимы.

К моменту возникновения нанкинского режима либеральные модели политического устройства продолжали пользоваться популярностью у образованной части населения, однако в меньшей степени, чем раньше, поскольку успели показать свою малую применимость к китайским условиям. Разочарование китайской общественности, особенно молодежи, в парламентских институтах способствовало развитию и утверждению авторитарных тенденций в «строительстве государства».

При очевидном нарастании тенденции к авторитаризму властные функции нанкинского Гоминьдана ограничивались рыхлостью партийной структуры и не прекращавшимся противоборством фракций и группировок, а также ростом коррупции.

Оказавшись у власти в масштабах всей страны, Гоминьдан приступил к реализации своих планов развития Китая, прилагая усилия к завершению процесса объединения страны, ликвидации системы неравноправных политических и эко-

номических отношений с державами, развитию основных элементов рыночной экономики и современной политической системы, осуществлению экономической модернизации на путях капиталистической эволюции и в рамках идеологии «трех народных принципов» Сунь Ятсена.

В рамках своей концепции Сунь Ятсен наметил три этапа осуществления революции и построения современного государства в Китае: военное правление, политическая опека (досл.: наставляющее правление) и конституционное правление. Согласно принятым в 1928 и 1929 гг. документам (в октябре 1928 г. была принята «Программа политической опеки», а в марте и июне 1929 г. соответственно «Программа распределения полномочий и власти между партией, правительством и народом» и «Установления периода политической опеки»), Китай вступил в период политической опеки, содержание которого определялось созданием предпосылок для осуществления перехода от «власти военных» к «власти народа». В этот период руководство государством и народом призваны были осуществлять всекитайские съезды Гоминьдана, а в промежутках между ними – ЦИК Гоминьдана. Граждане Китайской Республики должны были поддерживать Гоминьдан, верить в «три народных принципа», приобретать опыт в осуществлении четырех видов народовластия (право избирать и отзывать своих представителей, выдвигать инициативы, проводить референдумы), реализовывать на практике местное самоуправление. Предполагалось, что этот период займет шесть лет – до 1935 г. Однако на деле период политической опеки растянулся не менее чем на 19 лет, вплоть до конца 1947 г.

Национальное правительство, которое должно было приступить к осуществлению целей политической опеки, было создано в октябре 1928 г. Его председателем стал Чан Кайши, председателем Исполнительного юаня – Тань Янькай, Законодательного юаня – Ху Ханьминь, Судебного юаня – Ван Чунхуэй, Экзаменационного юаня – Дай Цзитао, Контрольного юаня – Цай Юаньпэй. Председатель правительства был официальным главой государства. Этот пост вначале занимал Чан Кайши, впоследствии Линь Сэнь. Первым председателем Исполнительного юаня был Тань Янькай, заместителем председателя – Фэн Юйсян. Впоследствии председателями Исполнительного юаня были Чан Кайши, Ван Цзинвэй, Кун Сянси, Сун Цзывэнь. Состав правительства на протяжении последующих лет неоднократно менялся как в структурном, так и в персональном отношении, однако в целом должности в составе Национального правительства не имели решающего значения в силу того, что правительство занимало подчиненное положение по отношению к партии Гоминьдан. Режим эпохи политической опеки характеризовался тесным переплетением функций партийной, исполнительной и военной властей. В консолидации гоминьдановского режима важную роль играл силовой элемент, и на фоне этого обстоятельства закономерным выглядело возвышение фигуры такого военного лидера, как Чан Кайши.

Номинальное объединение страны под властью Гоминьдана в 1928 г. было достигнуто в значительной степени благодаря компромиссу между Гоминьданом и рядом региональных военно-бюрократических группировок, на словах

признавших власть центрального правительства и идеологию «трех народных принципов». Вооруженные силы этих полунезависимых правителей формально вошли в структуру национальной армии, а сами они заняли различные должности в правительстве периода политической опеки.

Фактически после завершения Северного похода группировка Чан Кайши (1-я армейская группа), олицетворявшая власть Центра, была хотя и самой сильной в военном отношении, но являлась лишь одним из полюсов власти, которому противостояли несколько региональных военно-политических группировок, сохранявших относительную независимость от Национального правительства. Распределение сил выглядело следующим образом:

Нанкин – Чан Кайши – 1-я армейская группа,
Кайфэн – Фэн Юйсян – 2-я армейская группа,
Тайюань – Янь Сишань – 3-я армейская группа,
Ухань – Ли Цзунжэнь – 4-я армейская группа,
Гуанчжоу – Ли Цзишэнь – 8-я армия,
Шэньян – Чжан Сюэлян – Северо-Восточная пограничная армия.

Противоборство Центра и региональных группировок. Внутрипартийная борьба и укрепление власти центрального правительства

Указанная комбинация оказалась крайне шаткой, и впоследствии всё «нанкинское десятилетие» было наполнено борьбой Национального правительства с так называемыми «новыми милитаристами», постоянно готовыми сформировать ту или иную коалицию с целью ослабить власть Центра (т.е. Чан Кайши). Эта борьба отчасти напоминала милитаристские распри времен правления Пекинского правительства, когда судьба сражений плохо обученных и приспособленных больше к грабежу мирного населения армий решалась в первом же бою, а наиболее эффективным способом одолеть противника являлась «перекупка» его офицеров. Однако не раз борьба принимала характер настоящей войны, иногда весьма масштабной, как это было, например, в мае–сентябре 1930 г., когда против Нанкина объединились Фэн Юйсян, Янь Сишань, южные милитаристы, а также античанкайшистские силы в самом Гоминьдане. В этой кампании действовало свыше миллиона солдат, потери сторон превысили 250 тыс. человек. Помимо «новых милитаристов» во многих периферийных и окраинных провинциях (Сычуань, Юньнань, Гуйчжоу, Синьцзян) продолжалось правление традиционных местных милитаристских режимов, власть которых почти не была затронута событиями национальной революции и Северного похода.

Все эти противоречия развивались на фоне продолжавшегося военного противоборства правительства с вооруженными силами китайских коммунистов, сумевшими к началу 30-х годов овладеть отдельными районами Центрального, Восточного, Западного и Южного Китая с общим населением до 10 млн. человек.

Гоминьдан под руководством Чан Кайши организовал в общей сложности пять карательных походов против созданных коммунистами советских районов, прежде всего Центрального советского района на юге пров. Цзянси.

Проблема соотношения властных функций Центра и провинций в условиях незавершенного процесса объединения страны отражала глубинные процессы в недрах китайского общества. Противоборство с Центром началось выступлением гуансийской клики (Ли Цзунжэнь, Бай Чунси) против Нанкина в марте 1929 г., Нанкину потребовалось два месяца на его подавление. В мае 1929 г. произошло столкновение Центра с Фэн Юйсяном. При этом половина армии Фэна перешла без единого выстрела на сторону Нанкина. Поддержка Нанкина маршалом Чжан Сюэляном позволила Национальному правительству одержать победу.

Формирование новой антинанкинской коалиции произошло весной 1930 г., в составе Янь Сишаня, Фэн Юйсяна и примкнувших к ним гуансийцев. Война на Центрально-Китайской равнине летом 1930 г. была самой кровопролитной из всех конфликтов Центра с регионами и сопровождалась обострением внутрипартийной борьбы. К античанкайшистской коалиции примкнули Ван Цзинвэй (реорганизационисты) и сишаньцы. Оппозиционеры созвали в июле 1930 г. в Пекине так называемое «Расширенное совещание Гоминьдана» и создали параллельное правительство во главе с Янь Сишанем. Обострялся конфликт Чан Кайши с Ху Ханьминем, в ходе которого Ху Ханьминь был арестован. В ответ на арест Ху Ханьминя Ван Цзинвэй, правые гоминьдановцы-сишаньцы и Сунь Фо (сын Сунь Ятсена) создали в Гуанчжоу в мае 1931 г. новый гоминьдановский центр. На чрезвычайном совещании был избран новый состав ЦИК Гоминьдана и создано сепаратное Национальное правительство. При этом реальная власть находилась в руках военного губернатора Гуандуна Чэнь Цзитана.

Борьба за власть в руководстве Гоминьдана на некоторое время была прервана агрессией Японии, начавшейся «Мукденским инцидентом» 18 сентября 1931 г. и приведшая к японской оккупации Маньчжурии. Она заставила гоминьдановских политиков попытаться восстановить единство партии и государства. IV съезд Гоминьдана (ноябрь 1931 г.) позволил временно преодолеть внутрипартийные противоречия. В декабре 1931 г. Чан Кайши ушел в отставку, в результате политического компромисса 1 января 1932 г. было создано правительство под руководством Сунь Фо, просуществовавшее 25 дней. В конце января 1932 г. премьером стал Ван Цзинвэй, Чан Кайши занял пост председателя Военного совета. Компромисс хотя и ослабил накал борьбы с «новыми милитаристами» и соперниками внутри Гоминьдана, но не устранил внутренних противоречий между противоборствующими сторонами. В декабре 1933 г. командование 19-й армии, принимавшей участие в обороне Шанхая от японского агрессора, подняло мятеж в Фуцзяни, объявив о создании Народно-революционного правительства Республики Китай. Мятеж был вскоре подавлен. Власть все больше сосредоточивалась в руках Чан Кайши, одновременно теряли власть правительство и особенно партия, которая превращалась в «пустую раковину».

Весьма важным было подчинение в 1935 г. Нанкином Сычуани, которой предстояло стать стратегическим тылом в годы полномасштабной войны с Японией. До этого в Сычуани полностью господствовали местные милитаристы – Лю Сян, Ян Сэнь, Лю Вэньхуэй, Дэн Сихоу и Тянь Сунъяо. Не менее важным было практически бескровное установление контроля над Гуандуном и Гуанси в сентябре 1936 г. Чан Кайши воспользовался смертью Ху Ханьминя в мае 1936 г. и почти сразу после похорон этого политика потребовал от лидеров Гуандуна и Гуанси подчиниться Центру.

Борьба фракций в Гоминьдане, подрывавшая единство партии, была частично обусловлена идейнополитическими причинами, зачастую переплетаясь с традиционными противоречиями Центра и милитаристских группировок. Эта ситуация продолжалась, по сути, в течение всего «нанкинского десятилетия». От предшествующего периода было унаследовано разделение примерно на три группы партийных функционеров: сишаньцы, бывшие уханьцы (левые, реорганизационисты), центристская группировка Чан Кайши (нанкинцы). Группировки консолидировались вокруг той или иной крупной политической, военной фигуры или формировались по принципу территориально-земляческой солидарности. С другой стороны, несмотря на относительную устойчивость группировок, многие политики и функционеры время от времени переходили из одного лагеря в другой.

В числе «правых» числились такие деятели Гоминьдана, как Ху Ханьминь, Дай Цзитао, Линь Сэнь, Цзоу Лу, Чжан Цзи, Се Чи, Тань Чжэнь, Ли Лецзюнь, Цзюй Чжэн, Ши Цинъян, Фу Жулинь, Шэнь Динъи, Сюй Чунчжи, Ши Ин, Чжан Чжибэнь, Мао Цзуцюань, Е Чуцан, Шао Юаньчун. В свое время в период национальной революции часть сишаньцев была исключена из партии, но восстановлена после образования Нанкинского правительства.

Бывших уханьцев возглавлял Ван Цзинвэй. Его сторонниками были Гу Мэнъюй, Чэнь Гунбо, Хэ Сяннин, Ван Фацинь, Чэнь Шужэнь, Гань Найгуан, Ван Лэпин, Пань Юньчао, Чжу Цзицин. Фракция Ван Цзинвэя, пользовавшаяся довольно большим влиянием среди рядовых членов партии (ее поддерживали, по мнению ряда историков, до 80% членов партии), была сравнительно хорошо организована.

Нанкинцы были правящей или «центральной» политической силой режима, тогда как другие фракции находились то в оппозиции, то на какое-то время входили в правящую коалицию. Частью «центра» периодически были те или иные региональные лидеры, занимавшие важные правительственные и партийные должности в столице.

Гоминьдановскому режиму было суждено сначала кристаллизоваться вокруг чанкайшистской группировки как своего рода «сердцевины» партии, а впоследствии стать режимом личной власти генералиссимуса Чан Кайши. Консолидации власти в руках последнего способствовало несколько факторов. С одной стороны, он был наиболее видным военным среди лидеров Гоминьдана и опирался на поддержку командного звена гоминьдановской армии. Важную роль в выдвижении Чан Кайши играла его предшествующая деятельность на посту

начальника Военной академии Хуанпу, выпускники которой составили костяк генералитета и офицерского корпуса новой китайской армии. С другой стороны, в процессе становления гоминьдановского режима Чан Кайши удалось мобилизовать финансовые ресурсы поддерживавших его предпринимательских кругов Восточного Китая благодаря прежним связям с деловой элитой Шанхая. До некоторой степени Чан Кайши опирался и на поддержку США и Англии. В декабре 1927 г. Чан Кайши пополнил свои политические активы женитьбой на Сун Мэйлин, младшей сестре вдовы Сунь Ятсена Сун Цинлин, породнившись с самым именитым семейством в среде национального движения. Через жену, получившую образование в США, ее брата Сун Цзывэня (выпускника Гарварда) и мужа ее сестры Сун Айлин – Кун Сянси (выпускника Йельского университета, представителя клана богатейших шаньсийских банкиров, связанных родством с самим Конфуцием) Чан Кайши смог устанавливать более тесные и неформальные отношения с влиятельными деятелями стран Запада.

Свадебная фотография Чан Кайши и Сун Мэйлин. 1 декабря 1927 г.

Начало периода политической опеки характеризовалось противостоянием Чан Кайши с Ван Цзинвэем, возглавлявшим левое крыло, и Ху Ханьминем, возглавлявшим правое крыло партии. Чан Кайши попеременно вступал в союз то с одним, то с другим, иногда самостоятельно, иногда – вместе с группой ветеранов партии. Возвышение фигуры Чан Кайши сначала как доминирующего, а затем единственного лидера «партии-государства» шло параллельно с нарастанием тенденции к преобладанию военных в Гоминьдане и силовых методов – в его деятельности. Этот процесс сопровождался уменьшением властных полномочий правительства, усилением бюрократизации и даже частичным разрушением партийной структуры.

В нанкинский период внутрипартийные конфликты зачастую перерастали в вооруженные столкновения, так как оппозиционеры находили поддержку у региональных правителей, располагавших вооруженными силами. Борьба центристской группировки Чан Кайши с политическими оппозиционерами была, в основном, борьбой с деятелями, происходившими из пров. Гуандун.

В конце 20-х годов наиболее влиятельной была оппозиция партийному руководству со стороны левых гоминьдановцев. В мае 1928 г. Чэнь Гунбо опубликовал статью с призывом к новой реорганизации Гоминьдана (отсюда название фракции – реорганизационисты). Чэнь Гунбо и Гу Мэнъюй, возглавлявшие два крыла фракции реорганизационистов, издавали журналы «Революционное обо-

зрение» («Гэмин пинлунь») и «Вперед» («Цяньцзинь»). В публикациях этих изданий, на пике популярности достигших значительных тиражей, разоблачалась коррупция в гоминьдановском аппарате, содержались призывы возродить «дух партии 1924 года», провести новую реорганизацию. Реорганизационисты призывали повысить авторитет партии, ввести строгую партийную дисциплину, а также выступали против единоличной власти Чан Кайши. Они отмечали, что при Чан Кайши большинство партийных должностей замещается путем назначения, а не путем выборов, партийные решения принимаются узким кругом руководителей, а не в результате широких обсуждений.

Реорганизационисты выступали и против политики КПК, классовой борьбы и аграрной революции. Они считали, что Коминтерн, так же как и империализм, является врагом национальной революции. В области реформирования политической и экономической системы реорганизационисты выдвинули целый ряд позитивных идей (демократизация деятельности Гоминьдана, восстановление массовых организаций, развитие крестьянских кооперативов, оживление деятельности крестьянских союзов и ассоциаций, сокращение арендной платы на 25%, развитие профсоюзного движения). Они настаивали на создании ассоциаций предпринимателей, стимулировании внутренних инвестиций, установлении действенного контроля над местными властями в области финансов, активизации политического воспитания в армии, сокращении военных расходов.

Пытаясь противостоять укреплению личной власти Чан Кайши, реорганизационисты стремились создать собственные организационные структуры на низовом уровне. Оппозиционность реорганизационистов усиливалась также тем обстоятельством, что в распределении власти в первые годы нанкинского режима их устранили со всех важных постов. Сам Ван Цзинвэй, хотя и стоял во главе левых, занимал довольно осторожную позицию, не всегда решаясь санкционировать столь активную фракционную деятельность своих сторонников. Самое заметное выступление реорганизационистов против власти Чан Кайши произошло в ходе подготовки и проведения III съезда Гоминьдана. Съезд партии собирался после разрыва единого фронта с коммунистами, многие члены центральных органов партии из числа коммунистов и левых гоминьдановцев, избранные на II съезде Гоминьдана, лишились своих постов. На съезд делегаты наполовину назначались центральным комитетом Гоминьдана, наполовину избирались от провинций и городов. От тех провинций и городов, где члены партии не прошли перерегистрацию и где не были сформированы партийные комитеты, делегаты также назначались центральными органами партии. Стремление группировки Чан Кайши к установлению прочного контроля над работой съезда и персональным составом центральных органов вызывало серьезное недовольство оппозиционеров. Они выступали против отхода от демократической процедуры избрания делегатов съезда.

14 марта 1929 г. нанкинский горком Гоминьдана созвал городскую партконференцию, которая приняла резолюцию, осуждающую созыв «незаконного» III съезда Гоминьдана. Присутствовавшие на этом форуме чанкайшисты бросали

камни в президиум, сорвали портрет Ляо Чжункая, затем в зал заседаний ворвалась полиция под предлогом облавы на якобы проникших туда коммунистов. Некторые делегаты были арестованы, многие избиты или были вынуждены бежать, выпрыгивая из окон.

По инициативе прочанкайшистского большинства делегатов III съезд вынес Ван Цзинвэю официальное предупреждение, Гу Мэнъюя исключили из партии на три года, а Чэнь Гунбо и Гань Найгуана – «навечно». Были исключены также лидеры гуансийской группировки. Несмотря на эти события, реорганизационисты продолжали попытки оттеснить от власти чанкайшистскую группировку, используя при этом метод блокирования с региональными политическими силами и участвуя в вооруженных мятежах северных и южных генералов. О накале противостояния свидетельствовало убийство в феврале 1930 г. одного из видных деятелей реорганизационистов Ван Лэпина. В январе 1931 г. Ван Цзинвэй заявил в Гонконге о роспуске организации реорганизационистов. Летом того же года он вошел в созданное коалицией античанкайшистских сил и недолго просуществовавшее Национальное правительство в Гуанчжоу, которое опиралось на военных лидеров Гуандуна и Гуанси.

После очередного примирения враждующих фракций в Гоминьдане, состоявшегося в условиях общенационального кризиса в связи с захватом Японией Маньчжурии, Ван Цзинвэй занял пост председателя Исполнительного юаня, позднее – также пост министра иностранных дел. Гу Мэнъюй стал министром железных дорог, Чэнь Гунбо – министром промышленности. Один из главных приверженцев Ван Цзинвэя, Гу Чжэнган, стал заместителем руководителя Орготдела ЦИК Гоминьдана. Как организованное движение фракция «реорганизационистов» перестала существовать. Ван Цзинвэй занимал пост председателя Исполнительного юаня (премьера) вплоть до 1 ноября 1935 г., когда на него во время очередного пленума ЦИК Гоминьдана было совершено покушение. В эти несколько лет (1932–1935) властную структуру гоминьдановского режима определял правящий тандем Чан Кайши – Ван Цзинвэя.

Сотрудничество Чан Кайши с Ван Цзинвэем продолжалось с перерывами семь лет, до декабря 1938 г. Этот период был наполнен постоянной закулисной борьбой, касавшейся как взаимоотношений двух лидеров, так и отношений между их сторонниками в правительстве и партии. «Джентльменское соглашение», достигнутое сторонами, означало, что Ван Цзинвэй получает в свои руки административную власть, а Чан Кайши – военную. Заняв пост председателя Исполнительного юаня, Ван Цзинвэй получил возможность назначать на должности в министерствах своих сторонников, что вызывало раздражение и противодействие группировки Чан Кайши. Противоречия распространялись и на финансовую сферу. Попытки Ван Цзинвэя поставить финансы под свой контроль жестко блокировал Сун Цзывэнь, а затем Кун Сянси, входившие в ближний круг генералиссимуса благодаря, в том числе, родству с Чан Кайши. Противоборство шло также за контроль над партией, партийными и молодежными организациями в провинциях, часто выплескивалось на страницы газет и журналов.

Впоследствии группа Ван Цзинвэя окончательно разошлась с Чан Кайши. Разрыв был напрямую связан с различием позиций по отношению к японской агрессии. Японофильская ориентация Ван Цзинвэя и проводившаяся им политика уступок японским притязаниям вызывали все большее неприятие в Гоминьдане. Об этом было заявлено и на V съезде Гоминьдана (ноябрь 1935 г.), на котором вновь укрепились позиции Чан Кайши. Общий настрой партии характеризовался стремлением к национальному единству и сопротивлению агрессору, воплощенном в позиции Чан Кайши, который противостоял политике Ван Цзинвэя. После V съезда Ван Цзинвэй был вынужден оставить пост председателя правительства и эмигрировать. Чан Кайши вновь возглавил Национальное правительство. В 1940 г. Ван Цзинвэй, пройдя к тому времени серьезную эволюцию от «левых» идей к идеям антикоммунизма и паназиатизма, перешел на сторону японцев и основал отколовшееся от Национального правительства (находившегося в годы войны в Чунцине) марионеточное гоминьдановское правительство.

Правую часть политического спектра гоминьдановского режима представляли в первую очередь сишаньцы. В конце 1927 г. сишаньцам вкупе с частью нанкинцев из числа гуансийской группировки удалось на какое-то время оттеснить другие фракции Гоминьдана и оказаться у руля. Группировка сишаньцев состояла в основном из политиков старшего поколения и не обладала собственными вооруженными силами, но войска имелись у гуансийцев. Этот альянс был довольно искусственным, а потому недолговечным. Чан Кайши, ушедший в отставку, но продолжавший контролировать события, и Ван Цзинвэй, стремившийся вернуть главенствующее место в партии, объединили усилия для оттеснения сишаньской группировки с руководящих позиций в партии и государстве. Правление сишаньцев закончилось в конце декабря 1927 г., и к власти возвратился Чан Кайши. Часть сишаньцев (Линь Сэнь, Чжан Цзи) согласились войти в состав Нанкинского правительства, другие на некоторое время отошли от политики.

В последующие годы группировка сишаньцев постепенно продолжала терять влияние как ввиду того, что Нанкину удалось интегрировать ее часть в состав правящей верхушки (и тем самым расколоть), так и из-за отсутствия сколько-нибудь существенной массовой базы. После захвата японцами Маньчжурии большая часть наиболее видных деятелей сишаньской группировки получила посты в Нанкинском правительстве. Как организованная политическая сила сишаньская группа перестала существовать, растворившись в нанкинском Гоминьдане.

Отношения Чан Кайши и лидера правых Ху Ханьминя носили довольно сложный характер. Первоначально нанкинский режим пользовался полной поддержкой со стороны Ху Ханьминя. Объединяющим началом выступала твердая позиция обоих политиков по отношению к коммунистам и к левым внутри Гоминьдана. Таким образом, нанкинский режим в первые годы существования зиждился на тесном сотрудничестве Чан Кайши и Ху Ханьминя, нуждавшихся

друг в друге. В этот период (конец 1928 – начало 1931 г.) существовал своеобразный дуумвират: Чан Кайши сосредоточил в своих руках военную и политическую власть, Ху Ханьминь своим авторитетом и влиянием на партийные дела цементировал режим изнутри. Ху Ханьминь оказал большое влияние на процесс законотворчества нового режима. Будучи председателем Законодательного юаня, он успел добиться одобрения значительного числа законодательных актов. Однако попытки Ху Ханьминя поднять значимость законодательной ветви власти и контролировать исполнительную власть постоянно приводили к разногласиям между ним и Чан Кайши и к их взаимному недовольству. Впрочем, в связи с гораздо более острыми противоречиями между обоими политиками, с одной стороны, и другими соперниками – с другой, внутриполитическая ситуация оставалась относительно стабильной.

Открытое столкновение между Чан Кайши и Ху Ханьминем произошло в конце 1930 – начале 1931 г. на почве противоречий по вопросу о принятии Временной конституции Китайской Республики (принята прочанкайшистским большинством Законодательного юаня 5 мая 1931 г.). После победы в войне на Центральнокитайской равнине Чан Кайши предложил созвать Национальное собрание и принять постоянную Конституцию КР. В определенной степени эта инициатива Чан Кайши была вызвана желанием перехватить лозунги оппозиции, лишить почвы обвинения оппонентов режима в недемократичности и авторитаризме. Ху Ханьминь выступил против инициативы Чан Кайши, аргументируя свою позицию тем, что на данном этапе никакая конституция стране не нужна, так как есть «заветы Сунь Ятсена», которые и являются главным законом жизни в стране. Ху Ханьминь считал себя наиболее глубоким знатоком сочинений Сунь Ятсена и претендовал на роль главного толкователя учения о «трех народных принципах». За спорами о конституции стояла борьба за лидерство в партии и государстве.

В конце февраля 1931 г. противоречия обострились настолько, что Чан Кайши принял решение об аресте Ху Ханьминя. По приглашению Чан Кайши Ху Ханьминь прибыл 28 февраля на ужин в расположение ставки главнокомандующего НРА, где был взят под стражу и размещен в клубе ставки в пригороде Нанкина – Таншани. Арест Ху Ханьминя вызвал серьезное недовольство в партии. С протестами выступили и многочисленные китайцы-*хуацяо*, проживавшие за границей. Вновь оказалась под вопросом стабильность, которая, как казалось, была достигнута в ходе разгрома коалиции античанкайшистских сил во время войны на Центральнокитайской равнине. Разношерстные оппозиционные силы вновь создали коалицию. В конце апреля 1931 г. с требованием импичмента Чан Кайши выступили ряд правогоминьдановских деятелей – Дэн Цзэжу, Линь Сэнь, Сяо Фочэн, Гу Инфэнь. Оппозиционеры опирались на войска генерала Чэнь Цзитана, военного губернатора Гуандуна. К оппозиции присоединились Сунь Фо, а также гуансийская группировка Ли Цзунжэня и Бай Чунси, а затем реорганизационисты и сишаньцы. 25 мая 1931 г. Ван Цзинвэй, Сунь Фо, Чэнь Цзитан, Ли Цзунжэнь, Тан Шаои, Гу Инфэнь и другие деятели предъявили Чан Кайши

требование в течение 48 часов уйти в отставку. В их телеграмме говорилось о том, что в случае отказа Чан Кайши и использования им силовых средств он будет считаться «бандитом, подрывающим мир и порядок».

27 мая оппозиция созвала в Гуанчжоу «Чрезвычайное совещание ЦИК и ЦКК Гоминьдана», на котором, как уже отмечалось, было создано оппозиционное Нанкину Гуанчжоуское Национальное правительство. Таким образом, противостояние приобрело характер полномасштабной конфронтации. Руководители вновь образованного правительства были тут же исключены из Гоминьдана, обе стороны стали в срочном порядке готовиться к военным действиям, причем оппозиционеры провозгласили новый Северный поход. Одновременно с готовившимся наступлением оппозиционных войск Юга на Севере, в Шицзячжуане, произошло выступление генерала Ши Юсаня против власти Центра. Очередной виток противоборства был прерван японской агрессией на Северо-Востоке Китая.

В октябре 1931 г., после 8-месячного ареста, Ху Ханьминь был освобожден, затем отправился в Шанхай, а оттуда – в Гонконг. В последующий период он вел активную борьбу с диктатурой Чан Кайши, опираясь при этом на политический и военный ресурс гуандун-гуансийской региональной группировки. В частности, Ху Ханьминь выступал с многочисленными публикациями, в которых бичевал «соглашательство и капитуляцию» Чан Кайши перед Японией. Деятельность Ху Ханьминя в последние пять лет его жизни (умер в 1936 г.) проходила под лозунгами борьбы со «свертыванием демократических начал в партии» и была направлена против преобладания военных методов руководства над политическими. Ху Ханьминь пытался противостоять тенденции перерождения верхушки Гоминьдана в «новых милитаристов», выступал против коррупции, диктаторских поползновений Чан Кайши и его «уступок империализму».

С января 1933 г. по июнь 1935 г. Ху Ханьминь издавал в Гонконге журнал «Сань миньчжуи» («Три народных принципа»), ведущими авторами которого помимо него были Цзоу Лу, Лю Луинь, Сяо Фочэн, Лю Цзивэнь, Лан Синши, Ван Янчун. Утверждая, что под руководством Чан Кайши Гоминьдан утратил революционный потенциал, Ху Ханьминь в опоре на таких деятелей, как Цзоу Лу, Сяо Фочэн, Дэн Цзэжу, Лю Луинь, Линь Юньгай, начал создавать Новый Гоминьдан. Его отделения создавались в разных городах страны, а также в Северной Америке, Юго-Восточной Азии, Гонконге и Макао, но особенно активно действовали они в Шанхае и Тяньцзине. Ху Ханьминь и его сторонники делали акцент на секретность в работе новой организации, старались вовлекать в свои ряды античанкайшистски настроенные элементы. С этой целью использовались и финансовые ресурсы. По некоторым данным, Ху Ханьминь привлек к Новому Гоминьдану около 2,7 тыс. человек. Тесные контакты с Новым Гоминьданом поддерживали такие влиятельные деятели, как Фэн Юйсян, Янь Сишань, Чэн Цянь, Бо Вэньвэй, Цай Тинкай, Сун Чжэюань, Хань Фуцзюй, Ван Цзяле. Тремя главными лозунгами Нового Гоминьдана были: сопротивление Японии, борьба с Чан Кайши, искоренение коммунистов.

С целью свержения Чан Кайши Ху Ханьминь пытался противопоставить его власти широкую коалицию провинций Южного Китая. В коалицию, согласно его замыслу, должны были войти Гуандун, Гуанси, Фуцзянь, Юньнань, Гуйчжоу, Сычуань и Хунань. Между тем главный спонсор оппозиционной деятельности Ху Ханьминя – Чэнь Цзитан, озабоченный, прежде всего, сохранением своих собственных позиций независимого регионального лидера, воспринимал амбиции Ху Ханьминя с большой долей скептицизма, неоднократно отказывая ему в дополнительном финансировании. Планы создания коалиции южных провинций так и не осуществились.

Спецслужбы Нанкинского правительства пристально следили за деятельностью Ху Ханьминя в Гуанчжоу. Но, как и в отношениях с Ван Цзинвэем на предшествующем этапе, Чан Кайши не «сжигал все мосты» и старался вернуть Ху Ханьминя в основное русло политики Нанкина. Чан Кайши неоднократно намекал на возможность уступок сопернику ради восстановления единства партии.

К середине 30-х годов стали очевидными успехи Чан Кайши в деле объединения страны и противодействия КПК. Более последовательной становилась также позиция Чан Кайши по отношению к Японии. Все эти факторы объективно играли в пользу примирения. В конце концов стороны начали продвигаться к новому сотрудничеству. В июне 1935 г. Ху Ханьминь покинул Гонконг и отправился в Европу на лечение. В течение нескольких месяцев он, выступая перед журналистами, фактически признал прекращение полемики против Нанкина. Смерть Ху Ханьминя в мае 1936 г. поставила точку в его противоборстве с генералиссимусом. С кончиной Ху Ханьминя прекратил существование и Новый Гоминьдан.

Фракционная борьба в Гоминьдане (а также борьба Гоминьдана с отколовшейся от партии так называемой «третьей партией» Дэн Яньда и Тань Пиншаня) сопровождалась противоборством группировок внутри прочанкайшистского ядра гоминьдановского режима, во главе которых стояли такие видные деятели, как Сун Цзывэнь, Кун Сянси, Хэ Инцинь, Чжу Цзяхуа, Сунь Фо. Наиболее влиятельной из них являлась группировка братьев Чэнь Лифу и Чэнь Гофу (по звучанию начальной буквы их фамилии на английском языке группировка называлась «СиСи»), контролировавшая партийный аппарат, некоторые спецслужбы, имевшая сильные позиции в центральных правительственных органах и гражданской администрации ряда провинций. Братья Чэнь пользовались большим влиянием в сферах пропаганды, образования; группировка «СиСи» также формировала аграрную политику. Военно-политическая группировка Хуанпу (Вампу), представлявшая значительную часть генералитета и офицеров из числа выпускников одноименной военной школы, контролировала армию, органы разведки и контрразведки, молодежные патриотические организации. Группировка «политических наук» («Чжэнсюэ си»), в которую входили отдельные представители высшего чиновничества, объединенные личными связями, имела влияние в некоторых секторах Центрального правительства и в гражданской администрации ряда провинций.

Действовали также радикал-националистические группы. Наиболее заметной из них была полувоенная молодежная организация «синерубашечников», в политической практике которой прослеживалось влияние фашистской идеологии. Наряду с пропагандой культа Чан Кайши и участием в борьбе с коммунистами и демократическими элементами, эта организация выступала, например, против коррупции, распространения наркотиков.

Уже в начале «нанкинского десятилетия» была весьма заметна деятельность спецслужб гоминьдановского правительства – Управления расследований и статистики Военного совета Национального правительства (Цзюньтун) и Управления расследований и статистики ЦИК Гоминьдана (Чжунтун). Пик их активности относится к периоду Антияпонской войны (1937–1945). Управление расследований и статистики Военного совета Национального правительства было создано в опоре на выпускников Академии Хуанпу. Ключевой фигурой этой организации стал выпускник Академии чжэцзянец Дай Ли (Дай Юйнун), который получил от Чан Кайши в 1929 г. задание возглавить сектор тайных расследований, занимавшийся сбором политической и военной информации.

Формально Управление расследований и статистики ЦИК Гоминьдана тоже было создано в годы Антияпонской войны, однако начало его деятельности уходило корнями в период Северного похода. У истоков этой организации также стояли братья Чэнь Гофу и Чэнь Лифу. В 1926 г., когда Чан Кайши был избран заведующим Орготдела ЦИК Гоминьдана, его заместителем стал Чэнь Гофу, который энергично действовал в области кадровой политики, выдвигая ставленников Чан Кайши на посты в местных парторганизациях. В ноябре 1929 г. при Орготделе ЦИК Гоминьдана был учрежден сектор расследований партийных дел, положивший начало организационного становления партийной разведки. Ее руководители стремились внедрить своих агентов во все партийные и правительственные структуры, вели борьбу с КПК, с враждебными Чан Кайши фракциями внутри партии, а также с бросавшими вызов власти центра региональными лидерами.

Группировка «СиСи», которая начала формироваться в период Северного похода, складывалась как неформальный клуб приверженцев Чан Кайши из числа его земляков – чжэцзянцев. В дальнейшем братья Чэнь были неизменной опорой власти Чан Кайши вплоть до 1949 г.

Поскольку пост руководителя орготдела ЦИК Гоминьдана после ухода с него Чэнь Гофу занял Чэнь Лифу, сторонники группы «СиСи» контролировали кадровую политику Гоминьдана. В 1931 г. из 72 членов ЦИК Гоминьдана они составляли 15%. В 1935 г. из 180 членов ЦИК в группировку «СиСи» входили 50 человек. Накануне Антияпонской войны группировка «СиСи» насчитывала свыше 10 тыс. членов. В 30-е годы была популярна фраза: «В Поднебесной властвует семья Чана, а в партии – семья Чэней».

В отличие от группировки «СиСи», располагавшей разветвленной сетью своих приверженцев, особенно на среднем и низовых уровнях, и довольно жесткой иерархией и дисциплиной, группировка «политических наук» была сообществом

5-й поход правительственных войск против коммунистов

высокопоставленных функционеров и крупных чиновников, своего рода клубом «генералов без армии». Эта организация имела длительную историю, которая восходила еще к Объединенному союзу Сунь Ятсена и борьбе фракций в пекинском парламенте. После разгона парламента Юань Шикаем члены этой организации перебрались на Юг, где участвовали в работе чрезвычайного парламента. В период Северного похода группировка «политических наук» поддерживала тесные связи с милитаристами. Значительную роль в усилении этой группировки в годы «нанкинского десятилетия» сыграл ее видный деятель Ян Юнтай (Ян Чанцин), имевший за плечами обширный опыт революционера, парламентского политика, крупного администратора. Он получил хорошее образование, учился за границей, обладал широким кругозором.

Начало деятельности Ян Юнтая в окружении Чан Кайши относилось к 1927 г., когда он разработал ряд идей по нейтрализации и ослаблению противостоявших Нанкину региональных военно-политических группировок. Ян Юнтай активно участвовал в решении важнейших внутриполитических вопросов, прежде всего относившихся к задаче укрепления власти Центра. В вопросе о позиции Гоминьдана относительно КПК он представлял точку зрения, согласно которой в противостоянии с коммунистами основные усилия Гоминьдана должны быть направлены на улучшение социально-экономической обстановки в сельских районах, наведение порядка в административной системе, совершенствование финансового механизма местных правительств. Данная стратегия, получившая название «на 30% – военные меры, на 70% – политические меры», оказалась весьма эффективной и способствовала поражению коммунистов сначала в Хубэй–Хэнань–Аньхуэйском советском районе, а затем – в ходе 5-го карательного похода Гоминьдана против КПК – в Центральном советском районе. Ян Юнтай был также глубоко вовлечен в планирование и установление контроля со стороны Центрального правительства над пров. Сычуань.

Стремительный рост влияния Ян Юнтая и группировки «политических наук» вызывал недовольство со стороны конкурирующих фракций. С точки зрения сторонников фракций «СиСи» и Хуанпу, группировка «политических наук» состояла из беспринципных оппортунистов, присоединившихся к Гоминьдану уже после победы национальной революции. Возмущение конкурирующих группировок усиливалось тем, что Ян Юнтай, пользовавшийся большим доверием Чан Кайши, максимально использовал близость к генералиссимусу для усиления своего властного ресурса. Ему удалось значительно укрепить позиции «Чжэнсюэ си» в ряде провинций Центрального Китая (Хубэй, Хэнань, Аньхуэй, Цзянси). После покушения на Ван Цзинвэя во время VI пленума ЦИК Гоминьдана 4-го созыва (октябрь 1935 г.) Ян Юнтай начал добиваться назначения на освободившийся пост председателя Исполнительного юаня, но встретил отпор оппонентов. Чтобы разрядить обстановку, Чан Кайши назначил Ян Юнтая губернатором пров. Хубэй.

В Хубэе Ян Юнтай столкнулся с хорошо организованным сопротивлением сторонников группировки «СиСи» и местных сил. Общественное мнение было взбудоражено информацией о прояпонских позициях Ян Юнтая. Студенты местных учебных заведений вышли на улицы Ухани с демонстрациями под лозунгами «Долой фракцию „политических наук“!», «Долой национального предателя Ян Юнтая!». Губернаторство Ян Юнтая продлилось около года. 25 октября 1936 г. на пристани паромной переправы из Ханькоу в Учан Ян Юнтай был застрелен наемными убийцами. Группировка «политических наук» и после гибели Ян Юнтая оставалась значительной силой, имевшей влияние в правительственных структурах.

Деятельность «группировки Хуанпу», игравшей важную роль в вооруженных силах и спецслужбах, в политическом плане была связана с «Обществом энергичных действий по воплощению „трех народных принципов“». Оно было соз-

дано в марте 1932 г. Инициатором создания этого общества являлся выпускник военной Академии Хуанпу Тэн Цзе, который прошел также обучение в Японии, где изучал роль партий в современной политике. Его особо интересовала проблематика создания в Китае эффективной политической структуры, способной противостоять серьезному вызову власти со стороны КПК, обладавшей, в отличие от милитаристов, не только армией, но и внутренней сплоченностью, жесткой партийной дисциплиной, идеологией, а также пользовавшейся поддержкой СССР. После начала японской агрессии в Китае Тэн Цзе вернулся на родину и приступил к реализации своей идеи создания «всемогущей партийной структуры». Другим идеологом создания новой партийной структуры выступил Лю Цзяньцюнь. Как и Тэн Цзе, он в своих политических планах исходил из того факта, что в существовавшем виде Гоминьдан с его организационной рыхлостью, отрывом партии от масс, а партийного руководства от рядовых членов, фракционностью, коррупцией не был действенным инструментом «спасения страны». Он предложил при сохранении оболочки и всей атрибутики прежнего Гоминьдана создать внутри партии совершенно новую структуру, которая позволила бы возродить «революционный дух».

Инициативы Тэн Цзе, Лю Цзяньцюня и ряда других выпускников Хуанпу получили поддержку Чан Кайши, хотя они явно противоречили принципу «вне партии не должно быть других партий, внутри партии – никаких группировок», принятому в свое время по предложению Ху Ханьминя. Сам Чан Кайши хорошо понимал организационные слабости Гоминьдана и открыто признавал, что с точки зрения дисциплины и четкости партийной структуры Гоминьдан уступал КПК. Чан Кайши осознавал, что, несмотря на усилия Чэнь Гофу и Чэнь Лифу в области организационного укрепления партии, результаты были далеки от желаемого. Особенно опасным представлялся процесс отчуждения интеллигенции и студенчества от партийных организаций Гоминьдана. Предложение группы бывших слушателей Академии Хуанпу соответствовало собственным настроениям Чан Кайши.

Созданная при опоре на выпускников Академии Хуанпу, новая организация имела несколько уровней. На самом высоком из них находилось «Общество энергичных действий по воплощению „трех народных принципов“» – высшее звено принятия решений и управления. На среднем уровне существовали две организации – Военно-революционное товарищество и Молодежное революционное товарищество, которые должны были всемерно способствовать реализации принятых на высшем уровне решений. Третий уровень представляло «Общество возрождения Китая», а четвертый уровень – массовые организации.

«Общество энергичных действий», а также товарищества среднего звена имели центральные, провинциальные, уездные и районные организации. «Общество возрождения» не включало руководящих деятелей, но число его членов быстро возрастало. Если в «Обществе энергичных действий» было менее 300 членов, то Молодежное революционное товарищество насчитывало к моменту роспуска в 1938 г. 30 тыс. членов, а в «Обществе возрождения» было не менее 100 тыс. че-

ловек. Привлечение членов в эти организации также имело иерархический характер. Новичка сначала принимали в «Общество возрождения Китая», а уже затем, в случае активной работы, – в организации промежуточного уровня. Тех, кто доходил до самого верхнего уровня, т.е. становился членом «Общества энергичных действий», были буквально единицы. Лишь часть членов «Общества энергичных действий» одновременно являлись членами Гоминьдана. Сочтя подобный эксперимент опасным для правящей партии, Чан Кайши распустил организации «группировки Хуанпу».

Процессы противостояния группировок протекали также на провинциальном и местном уровнях.

Несмотря на противодействие со стороны региональных группировок и различных фракций, центральная власть постепенно крепла. К концу «нанкинского десятилетия» были в основном преодолены центробежные тенденции и внутрипартийные разногласия, что создавало необходимые предпосылки для модернизации во всех областях. Центральное правительство, концентрировавшее свои усилия на объединении страны и централизации власти в борьбе с «новыми милитаристами», с левыми и правыми в Гоминьдане, с Компартией Китая, одновременно осуществляло мероприятия в законодательно-правовой сфере, в области административной реформы, налогообложения и аграрной политики, экономики, идеологии. Задачи были чрезвычайно масштабными, а политический и моральный авторитет Гоминьдана, его влияние в массах оставались на низком уровне. Политическое руководство признало необходимым мобилизовать население на поддержку власти посредством организации общественно-политической кампании. В 1934 г. стартовало так называемое «движение за новую жизнь». Это движение имело рациональное зерно, но так и не смогло заменить идеологию суньятсенизма периода подъема национально-освободительного движения. Целями кампании провозглашались обновление и укрепление Китая через восстановление ценностей традиционной морали, утверждение новых форм общественной и личной жизни, основанных как на положениях конфуцианства, так и некоторых принципах суньятсенизма.

Организаторы кампании выдвигали задачу пропаганды конфуцианских ценностей и морального возрождения, а также внедрения военных принципов для придания китайским общественным структурам большей организованности. Главным моральным ориентиром объявлялись четыре принципа правильного поведения (корректность-*ли*, справедливость-*и*, честность-*лянь*, чувство собственного достоинства-*чи*). В рамках кампании за «новую жизнь» активизировалась борьба с опиумокурением, бинтованием ног женщин, другими «дурными привычками», насаждались нормы санитарии и гигиены. Активными организаторами движения помимо Чан Кайши были губернатор пров. Хунань Хэ Цзянь и один из лидеров группировки «политических наук» губернатор Хубэя Ян Юнтай. Не последнюю роль среди окружения Чан Кайши в развертывании «движения за новую жизнь» играли Сун Мэйлин, христианские миссионеры и западные советники, состоявшие на службе у Чан Кайши.

Основными задачами «движения за новую жизнь» Чан Кайши считал преодоление в обществе духа пассивности, бездействия и беспринципности. Вместе с тем он стремился внедрить в общественное и политическое сознание идею создания в Китае сильной милитаризированной государственности. В рамках «движения за новую жизнь» в Китае создавались отряды скаутов. Скаутские патрули следили на улицах крупных городов за соблюдением тех или иных предписаний, направленных на пропаганду здоровых привычек и «нравственного поведения». В частности, в ресторанах рекомендовалось заказывать не больше определенного числа блюд, соблюдать скромность в одежде, не курить, не плевать на улице. Участники движения также пропагандировали патриотизм, вели борьбу с коррупцией и распространением наркотиков. Значительных результатов движение не достигло, хотя и способствовало определенному сдвигу в жизни общества.

Законодательное оформление нанкинского режима

После формального объединения Китая под властью Гоминьдана (1928) начался процесс законодательного оформления нового политического режима. Национальное правительство опубликовало Программу политической опеки, принятую Постоянным комитетом Политбюро ЦИК Гоминьдана (3 октября 1928 г.) и утвержденную 19 марта 1929 г. III съездом Гоминьдана. Программа легла в основу Временной конституции периода политической опеки, провозглашенной 5 мая 1931 г., а также Закона об организации Национального правительства.

Высшим органом государственной власти Китайской Республики на этапе политической опеки объявлялся съезд партии Гоминьдан. В период между съездами верховную власть в стране должен был осуществлять ЦИК Гоминьдана.

Период прямого правления партии Гоминьдан должен был продолжаться шесть лет, начиная с 1 января 1929 г. Согласно закону об организации Национального правительства, его председатель пользовался определенными правами главы государства. Он являлся верховным главнокомандующим вооруженными силами страны, представлял Китайскую Республику в международных отношениях, председательствовал на заседаниях Государственного совета, состоявшего из членов правительства и созывавшегося при необходимости разрешения спора между юанями (палатами), а также для промульгации законов и указов.

Национальное правительство формировало пять юаней. Законодательный юань не был парламентом в юридическом смысле этого слова. Именуясь «высшим законодательным органом Национального правительства», он наделялся полномочиями по принятию решений по проектам законов, вносимых на его рассмотрение четырьмя другими юанями. Законодательный юань также не яв-

лялся представительным органом, формировавшимся путем выборов, его членов назначало Национальное правительство по представлению председателя Законодательного юаня на срок в два года. Принятые этим юанем законодательные акты вступали в законную силу лишь после их одобрения Государственным советом, фактически находившимся под контролем председателя Национального правительства.

В целом гоминьдановская государственная система строилась на основе строгой иерархической подчиненности низших органов высшим при сохранении доминирующего положения партийной верхушки. Политическая и военная власть концентрировалась в руках одного лица (Чан Кайши), являвшегося председателем Национального правительства и Военного Совета ЦИК Гоминьдана, главнокомандующим вооруженными силами Китайской Республики.

Согласно Временной конституции, всекитайский съезд Гоминьдана осуществлял государственную власть от имени Национального собрания. В период между съездами вся полнота государственной власти передавалась ЦИК Гоминьдана. Национальное правительство провозглашалось высшим органом государственного управления Китайской Республики. Оно осуществляло также командование вооруженными силами страны, было вправе объявлять войну и заключать мир, подписывать договоры с иностранными государствами, объявлять амнистию.

Председатель Национального правительства был правомочен представлять правительство в стране и за рубежом. За подписью председателя Национального правительства издавались все нормативные акты, которые, однако, не могли вступать в силу без подписи (контрассигнации) председателя соответствующего юаня или руководителя министерства.

В течение периода политической опеки Национальное правительство направляло в уезды выдержавших специальные экзамены должностных лиц, призванных подготовиться к местному самоуправлению и конституционному правлению. Самоуправляющейся единицей объявлялся уезд, а провинция объединяла уезды и обеспечивала сотрудничество между центральным правительством и местными уездными правительствами. Временная конституция устанавливала общие принципы, регулирующие отношения между центральным и местными правительствами. Последним предоставлялось право издавать и вводить в действие местные законы и декреты при условии их соответствия нормативным актам центрального правительства.

Однако все эти нормативные акты фактически распространялись лишь на отдельные провинции Китая. Региональные милитаристские группировки продолжали контролировать свои районы. Устанавливаемые Нанкином порядки не распространялись и на «красные районы» Китая, где существовала власть коммунистов. Вне юрисдикции гоминьдановского правительства оказались и территории, перешедшие под контроль Японии в результате ее агрессивных действий против Китая начиная с 1931 г. Так, на северо-востоке страны в 1932 г. было создано марионеточное государство Маньчжоу-го во главе с Пу И, последним императором династии Цин. Впоследствии по инициативе Токио на Севере Ки-

тая возник ряд других марионеточных образований, вышедших из сферы юрисдикции центрального правительства.

Гоминьдановское руководство концентрировало усилия на укреплении административной системы, дополненной сложной структурой делегированных органов – системой «особоуполномоченных». Эти назначения осуществлялись под предлогом подготовки страны к конституционному правлению.

Созыв Национального собрания, намеченный на 12 ноября 1937 г., был сорван широкомасштабной японской агрессией, начавшейся 7 июля 1937 г. Вопрос о принятии новой, постоянной конституции был отложен.

С установлением в Китае республиканского строя начался процесс модернизации традиционного права, основными источниками которого были «Свод законов великой династии Цин» (Дацин хуэйдянь) и «Основные законы и постановления великой династии Цин» (Дацин люйли). Первый из них относился к государственному и административному праву, второй – к уголовному, гражданскому и семейному. В послереволюционный период «Свод законов великой династии Цин» сразу прекратил свое действие, а положения «Основных законов и постановлений великой династии Цин» применялись не в полном объеме.

Первым кодексом законов, принятым в Китае после Синьхайской революции, было Уголовное уложение 1912 г., состоявшее из 411 статей. В 1928 г. в него был внесен ряд изменений, и оно было переименовано в Уголовный кодекс (УК). Этот кодекс в редакции 1935 г. (357 статей) действовал до 1948 г., когда в него вновь внесли некоторые изменения. С 1949 г. этот кодекс стал применяться лишь на территории пров. Тайвань (с изменениями в 1954, 1969, 1983, 1992-м и последующие годы).

Уголовное уложение 1912 г. и Уголовный кодекс 1928 г. для своего времени были достаточно совершенными уголовно-правовыми документами. Они вобрали в себя много прогрессивных положений уголовного права. С корректных теоретических позиций и достаточно подробно были решены вопросы уголовной ответственности, субъективной стороны преступления, соучастия. В кодекс были включены, в частности, статьи о досрочном освобождении, об отмене телесных наказаний.

В вопросах действия уголовного закона помимо территориального принципа был использован национальный принцип. Положения уголовного права Китая отражали стремление нации, длительное время находившейся под полуколониальным гнетом, всемерно закреплять в правовых документах свой национальный суверенитет.

Подобная практика действия закона в период воссоединения страны и восстановления национального суверенитета была с удовлетворением встречена в Китае.

Разработчики уголовного закона находились под сильнейшим влиянием зарубежного права. Среди них было много относительно молодых юристов, получивших в начале XX в. образование в Японии, США и европейских странах. Во

время подготовки УК их консультировали иностранные советники. Уголовный кодекс был в значительной степени заимствован из японского УК, а частью – из законодательств Франции, Бельгии, Германии, Голландии. УК 1928 г. внес в уголовное право Китая много новых идей и институтов, которые, проходя через призму мировоззрения китайского народа и его тысячелетней самобытной культуры, приобретали своеобразный характер.

Большую роль во внедрении положений западного права в судебную практику сыграл Верховный суд, выполнявший в те годы определенные нормотворческие функции. Своими решениями он приспосабливал законодательство Цинской империи, действовавшее в области гражданско-правовых отношений, к потребностям капиталистического развития. Таким путем он заполнял многочисленные пробелы законодательства. Ссылаясь, при отсутствии в КР законов и обычаев, на принципы права, Верховный суд применял европейскую правовую доктрину.

После многовекового господства в обществе традиционного права использование зарубежного опыта в области кодификации уголовного законодательства сыграло в некоторой степени положительную роль. Тем не менее откровенный курс на иностранные заимствования в процессе нормотворчества в условиях роста национального самосознания в 20–40-х годах вызвал отчуждение у большинства населения страны. К тому же новые нормы законов никогда не применялись на практике в полном объеме. На последующих этапах реформы национального права возобладали стремления к большему учету особенностей национальной правовой культуры. Это выражалось, в частности, в том, что законодатели постепенно вводили в нормативные акты чисто китайские правовые понятия. Были восстановлены и развиты некоторые положения Уголовного кодекса цинского времени о соучастии в преступлениях. Так, согласно УК 1935 г., подстрекатель привлекался к уголовной ответственности и в том случае, если исполнитель не совершал никаких действий для достижения преступных целей. Уголовный кодекс 1935 г. счел также возможным восстановить и традиционный для Китая институт откупа от наказания. Так, если имелись препятствия для исполнения приговора (ввиду личных качеств осужденного, его семейного положения или иных причин), приговор предусматривал штраф из расчета 1–3 *юаней* за один день тюремного заключения или ареста.

Все упомянутые кодексы в соответствии с вековыми традициями Китая устанавливали повышенную уголовную ответственность за посягательство на жизнь, здоровье и честь родственников, а ограничение применения смертной казни к лицам моложе 18 лет не распространялось на случаи умышленного убийства ими родственников по прямой восходящей линии.

Уголовный кодекс 1935 г. вернулся в некоторых вопросах и к регулированию экономических отношений по дореволюционному законодательству, отмененному Уголовным уложением 1912 г. Как показала практика, оборот внутренней торговли в Китае не достиг той степени свободы, когда его функционирование полностью обусловливалось законами рынка. Внеэкономическое волевое давле-

ние оказалось весьма эффективным в экономических отношениях в «нанкинское десятилетие».

Проект Гражданского кодекса (ГК) Китайской Республики был разработан к концу 1925 г. Однако последующие бурные события в стране помешали его принятию. Окончательный проект ГК был введен в действие по частям в 1929–1930 гг. и полностью вступил в действие в мае 1931 г. «Гражданский кодекс» Китайской Республики был разработан с ориентацией в основном на соответствующий кодекс Японии и германское гражданское уложение (последнее сильно повлияло и на японский кодекс). Вместе с тем гоминьдановский ГК имел свои особенности, выглядев несколько упрощенным. Основное внимание законодателей при регулировании отношений собственности было направлено на недвижимость, в первую очередь на землю. В ряде случаев не исключалось прямое применение обычая вместо закона. В то же время круг применяемых обычаев ограничивался теми, которые не противоречили общему порядку или «добрым нравам», при этом интерпретация понятий «порядок» и «добрые нравы» основывалась на традициях конфуцианской морали.

Гоминьдановский ГК регулировал имущественные отношения в общей форме, не охватывая многие вопросы промышленной и торговой деятельности, что требовало разработки отдельных законов. Взяв и в этом случае в качестве исходного материала европейское и японское законодательство, ГК КР уделял определенное внимание национальной специфике, проявляя в этом отношении завидную целеустремленность и настойчивость. В области торгового права в 1929 г. были приняты Положение о торговых товариществах, Закон о купеческих гильдиях, Закон о биржах, Закон о страховании, Закон о морской торговле, Закон о товарораспорядительных документах. За этими актами последовали Закон о товарных знаках и ценных бумагах (1930), Закон о банках (1931), Аграрный закон и Временное положение о патентах (1932), Положение о торговых портах (1933), Закон о несостоятельности и Закон о страховых предприятиях (1935). Одновременно с каждым законом издавались подробные правила его применения. Торговое законодательство Китая непрерывно уточнялось и дополнялось, образовав в итоге довольно полную и подробную систему норм, призванных облегчить переход китайского общества к новой системе экономических отношений.

Однако реальные результаты законотворческой деятельности гоминьдановского режима оказались незначительными в силу сложной внутриполитической и международной обстановки 30-х годов. Поэтому гражданское и торговое законодательство оставалось для большей части территории страны на бумаге и не могло внести существенных изменений в китайскую правовую традицию.

С конца 20-х годов наблюдалась определенная активизация в сфере гоминьдановского трудового законодательства. Приказом Чан Кайши были введены в действие Временные правила работы арбитражных комиссий и правила урегулирования конфликтов между рабочими и предпринимателями для Шанхая (май

1927 г.). По образцу этих региональных правил были изданы соответствующие акты и в других городах. По мере расширения территории, подвластной Нанкину, разрабатывались и общегосударственные акты. Одним из первых был разработан Закон об урегулировании конфликтов между рабочими и предпринимателями. В течение полутора лет он действовал экспериментально и окончательно был утвержден лишь в 1930 г. Закон предусматривал строгую обязательность обращения к услугам примирительной или арбитражной комиссии. Нарушители этого правила подлежали штрафным санкциям или даже тюремному заключению. В период разбирательства конфликта запрещались забастовки рабочих, а также объявление локаутов или увольнения рабочих предпринимателями. В 1928 г. был опубликован Фабричный закон. В нем нашли отражение такие важные вопросы, как условия труда, продолжительность рабочего дня, минимум заработной платы, договор о найме, трудовое страхование, условия труда женщин и детей. Однако гоминьдановское законодательство об условиях труда и найма стало скорее декларацией, чем действующим правовым актом. Кроме того, оно даже формально не распространялось на значительную часть рабочих, занятых на мелких предприятиях, в ремесленных мастерских, мелких лавках. Закон официально вступил в силу в 1931 г., но некоторые его статьи было решено ввести в действие лишь после «созревания соответствующих условий». Позднее Фабричный закон был дополнен целым рядом законодательных актов, детализировавших отдельные стороны труда и найма. В 1930 г. был опубликован Закон о коллективных договорах, в 1931 г. – Положение о технике безопасности, а в 1936 г. – Закон о минимуме заработной платы.

Довольно полное и подробное по всем отраслям законодательство Китая непрерывно изменялось и уточнялось или дополнялось. Основные гоминьдановские законы были сведены в «Полную книгу шести законов» (или шести отраслей права; «Люйфа цюаньшу»), в которую вошли законодательные нормы, сгруппированные по следующей схеме: конституционное право, гражданское право, гражданско-процессуальное право, уголовное право, уголовно-процессуальное право, административное право (включавшее трудовое, земельное и финансовое право). Однако реальные результаты усилий Гоминьдана в сфере модернизации правовой системы страны оказались незначительными. Юрисдикция гоминьдановского правительства не распространялась с началом японской агрессии на оккупированные Северо-Восточный Китай и ряд приморских районов. Различные группировки китайских милитаристов фактически не признавали власть Нанкинского правительства и издавали на подвластных им территориях собственные законы. Китай в течение почти всего нанкинского периода сотрясала гражданская война между Гоминьданом и КПК, которая в дальнейшем способствовала поражению Гоминьдана и приходу в 1949 г. к власти коммунистов.

Реорганизация системы административного управления

Реорганизация и реформы местной государственной структуры на рубеже милитаристского и гоминьдановского периодов изменили в большей степени внешний облик традиционной структуры управления, нежели ее внутреннее содержание. Многочисленные статуты и уложения содержали детальнейшие регламентации порядка управления. Они принимались один за другим различными режимами и властями разных уровней; налагаясь на существовавшую систему, придавая ей видимость «современности». Такая ситуация характерна для всего периода правления Гоминьдана, несмотря на обнадеживающие признаки постепенного преодоления административной анархии.

Очередная реорганизация административной структуры произошла после 1927 г. Была ликвидирована трехзвенная схема (провинция–область–уезд), замененная на двухзвенную (провинция–уезд). На уровне провинции высшим органом управления стало провинциальное правительство – коллегиальный орган (7–9 человек) во главе с председателем провинциального правительства, назначаемым Национальным правительством. На уровне уезда исполнительную власть представляло уездное правительство. В сентябре 1928 г. (с уточнениями в июне 1929 г.) был обнародован Закон об организации уезда. Уезды делились на три категории: высшую, среднюю и низшую, что определялось в зависимости от площади территории, численности населения и объема налоговых поступлений.

Начальник уезда назначался из числа двух-трех кандидатов, представленных департаментом гражданской администрации провинции на рассмотрение провинциального правительства. Срок нахождения в должности начальника уезда номинально составлял три года. В составе уездного правительства создавался уездный административный совет, который решал вопросы уездного бюджета, займов, распоряжения казенным имуществом и предприятиями. Помимо собственно уездного правительства учреждались четыре управления: безопасности, финансов, строительства и образования. В случае необходимости создавались такие специализированные управления, как земельное, продовольственное, санитарии. Закон 1929 г. предусматривал и формирование уездных представительных органов. На практике в нанкинский период их было создано немного, в связи с несоответствием местным условиям и общим авторитарным стилем гоминьдановского правления. Реализация суньятсеновской программы государственного строительства в сфере развития самоуправления на уровне уезда и демократизации политической и административной системы в период политической опеки столкнулась с непреодолимыми трудностями. «Самоуправляющиеся» советы и ассамблеи были далеки от идеала. Они не зависели от народного волеизъявления и участия масс населения в политической жизни. Напротив, они представляли собой еще один легальный канал перераспределения властных полномочий между элитами. Распространенным было мнение, что члены новых

законосовещательных органов – не «просвещенные шэньши», пользующиеся авторитетом односельчан, а беспринципные дельцы, с помощью взяток и иных махинаций получившие свои посты и преследующие своекорыстные цели. На местах нередки были случаи стихийных выступлений против этих органов.

Массовое возмущение вызывали все те мероприятия, которые сопровождались взиманием дополнительных налогов. В их число попадали и прогрессивные события, например, связанные с организацией переписи населения, открытием новых школ. В области управления предпринимались усилия по упорядочению работы местной администрации и вместе с тем укреплению бюрократического контроля и единоначалия. В самом начале нанкинского периода первостепенное значение при реорганизации уездных правительств придавалось проведению мероприятий по отстранению от службы чиновников «старого типа». Эта чистка по времени совпала с другими массовыми кампаниями – борьбой против *тухао* и *лешэнь* (мироедов и «злых» шэньши), за упразднение института земельных регистраторов и против «феодальных суеверий». Увольнению подлежали лица преклонного возраста, «алчные и аморальные», имеющие дурные пристрастия. Вакансии планировалось пополнять молодыми выпускниками учебных заведений выше уровня начальной школы.

По отношению к чиновникам «старого типа» применялись методы перевоспитания и политической опеки, что включало разъяснение основ партийного учения, «духовные наставления», знакомство с элементами юридических знаний. «Духовные наставления» делал начальник уезда лично, отдельные мероприятия по перевоспитанию и «опеке» осуществляли уполномоченные чиновники уездного правительства.

Важным стимулом в разработке и осуществлении программы административной реформы стали поиски эффективных методов борьбы с коммунистами и с организованным ими советским движением. Гражданская война подталкивала гоминьдановское руководство к проведению программы административно-политических мероприятий, предусматривавших преобразования административной системы, усиление политической работы на основе «четырех принципов управления» (искренность, правдивость, активность, коллективизм).

Преобразования местной административной системы, наиболее консервативной и плохо поддающейся реформированию, включали следующие мероприятия: размещение всех частей провинциального правительства на одной территории; введение системы административных инспекторов; упразднение уездных управлений и преобразование их в отделы уездного правительства; создание канцелярий начальников районов в уездах.

Практическая деятельность провинциальных правительств выявила наличие противоречий и постоянных трений по вопросам повседневного управления между различными отделами правительств. В июле 1934 г. Чан Кайши потребовал размещать департаменты провинциальных правительств в одном месте, а также ввести единый порядок прохождения документации – через секретариат, на подпись председателю правительства. К 1936 г. данная система была внедрена в сле-

дующих десяти провинциях: Хубэй, Цзянси, Аньхуэй, Хэнань, Сычуань, Фуцзянь, Хунань, Нинся, Гуанси, Чахар. Ее введение обеспечило сокращение административного аппарата и административных расходов.

Система административных инспекторов составила особое управленческое звено между провинцией и уездом. Она создавалась в условиях гражданской войны между Гоминьданом и КПК и боевых действий вооруженных сил Национального правительства против КПК в пров. Цзянси. При ставке главнокомандующего (Чан Кайши) в Наньчане была создана комиссия партийных и административных дел. Провинцию разделили на несколько административных районов, и в каждом было учреждено отделение комиссии. Председатель отделения являлся одновременно начальником уезда, в котором располагалось отделение. На основе опыта пров. Цзянси наньчанская ставка разработала новые правила административного управления, которые применялись в Хэнани, Аньхуэе и Хубэе, их утвердило Второе административное совещание в декабре 1932 г. В 1936 г. Исполнительный юань опубликовал «Правила организации канцелярий административных инспекторов», обязательные для всех провинций. К тому времени эта система получила развитие в Хэнани, Аньхуэе, Хубэе, Цзянсу, Чжэцзяне, Гуйчжоу, Сычуани. К началу Антияпонской войны число провинций, в которых прошли преобразования в административной системе, расширилось до 13. Введение системы административных инспекторов способствовало упорядочению местного управления и облегчало контроль Центра над местными властями. Укреплению власти начальника уезда и в целом обеспечению большей самостоятельности уездного правительства способствовало упразднение полуавтономного статуса управлений, представлявших в уезде соответствующие департаменты провинциального правительства. На уровне ниже уезда реорганизовали канцелярии начальников районов. В августе 1932 г. были опубликованы «Правила организации районных канцелярий», согласно которым на смену прежнему принципу выборности начальников районов был положен метод назначения вышестоящими инстанциями. Увеличивался штат работников районной управы, бюджет, более четко определялись функции и границы полномочий этого органа.

Для подготовки кадров госаппарата в 30-х годах создавались центральные и местные учебные центры, в том числе Центральная политическая академия. В 1933 г. при Министерстве внутренних дел была учреждена Комиссия по административной эффективности во главе с Гань Найгуаном. Эта комиссия провела некоторые реформы, в частности, касавшиеся методов архивирования документации, правил классификации и распределения документации. Также упразднялись дублирующие учреждения, стимулировалась экономия в административных расходах.

Важной частью административной реформы на местном уровне стало преобразование «духа управления», или «административной морали». Изменения в этой сфере учитывали традиционный постулат «управление основано на людях, а не на законах». Ставилась задача преодоления морального упадка и дегра-

дации, наблюдавшихся как в среде чиновников, так и в обществе. Политика исправления «административной морали» была ориентирована как на чиновников, так и на всех граждан, став составной частью массового «движения за новую жизнь».

Перевоспитанию подлежали все служащие местных правительств. Каждый чиновник, независимо от того, являлся он членом Гоминьдана или нет, первейшей обязанностью должен был считать следование партийному учению. Чиновников обязывали усвоить постулат, согласно которому именно они являлись слугами народа, а не наоборот. В своей деятельности они должны были исходить из интересов народных масс.

От местных администраторов требовали проявлений «революционного энтузиазма» и разрыва с «пороками старых времен». Им надлежало проявлять энергичность и трудолюбие, бережливость и экономность. Так, в частности, должностным лицам предписывалось отказываться от любых угощений и подношений. Если невозможно было избежать участия в застолье, стоимость угощения ограничивалась 0,5 *юаня* на человека. Празднование дня рождения должностного лица разрешалось только для тех, кому было более 60 лет. Участие в других торжествах (свадьбы, похороны) позволялось только членам семьи. При этом стоимость подарков не должна была превышать 2 *юаня*, а подарки от посторонних лиц запрещались. Должностных лиц обязали носить одежду из хлопчатобумажных тканей китайского производства.

На формирование гоминьдановской местной административной структуры немалое влияние оказала так называемая «шаньсийская модель». К началу нанкинского периода эксперимент с «деревенским правлением» губернатора пров. Шаньси Янь Сишаня (первый министр внутренних дел гоминьдановского правительства) насчитывал уже почти целое десятилетие, по масштабам не имея аналогов в других провинциях.

Истоки «шаньсийской модели» деревенского управления восходили к эксперименту, осуществлявшемуся в 1910 г. местными шэньши в «образцовой деревне» Чжайчэн (уезд Динсянь пров. Хэбэй). Зачинателем эксперимента был Ми Диган, представлявший самый многочисленный клан в Чжайчэне. Цель «деревенского правления» Ми Дигана заключалась в том, чтобы превратить деревню в эффективное связующее звено между семьей и государственными органами различного уровня. Идеи Ми Дигана предусматривали как нововведения технико-экономического характера (создание кооперативных обществ), так и восстановление традиционных институтов социального регулирования с целью предотвращения чрезмерного имущественного расслоения.

В 20-х годах эксперимент продолжило Китайское общество распространения образования для простого народа, создавшее на базе Динсяня Северокитайский экспериментальный район. Активным проводником эксперимента был Сунь Фасюй, которого Юань Шикай в 1914 г. назначил начальником уезда Динсянь. Впоследствии Сунь Фасюй, уже широко известный как деятель административных реформ, был назначен гражданским губернатором пров. Шаньси, «хозяина»

которой, Янь Сишаня, ему удалось убедить в полезности системы «деревенского правления» для создания эффективной местной администрации.

«Деревенскую систему» начали внедрять в Шаньси с 1917 г. Вдохновляемые японскими образцами, шаньсийские власти выстраивали административную структуру, охватывавшую все местное общество сверху донизу, не оставлявшую вне контроля власти ни один двор и ни одного человека. Программа этого массированного проникновения власти на нижние этажи сельского общества дополнялась традиционалистской по форме политикой «привлечения народа к управлению», снискавшей Янь Сишаню репутацию «образцового губернатора». Она включала широкий набор мероприятий, начиная с пропаганды моральных ценностей на основе «четырех принципов управления» до реформ организационно-технического характера в сфере ирригации, агрономии, бытовой сферы (запрещение «вредных обычаев»). Немалое место в мероприятиях Янь Сишаня занимали методы командного, административно-принудительного воздействия, иллюстрировавшие разрыв между идеалами «самоуправления» и повседневной реальностью китайской деревни в республиканский период. Особенно широко принудительные методы использовались в борьбе против опиумокурения, азартных игр, бинтования ног, ношения мужчинами кос. Насаждались и различные культово-идеологические церемониалы. Для работников сферы образования и административных служащих стало обязательным посещение отделений «общества очищения сердца», где раз в неделю проводился обряд медитации, за которым следовало чтение лекций об основах учения Конфуция.

Важной частью «политики привлечения народа» являлась новая система деревенского управления. Ее внедрение прошло четыре этапа: упорядочение деревенских управленческих структур; утверждение правил поведения крестьян; создание контор по предотвращению судебных тяжб; создание отрядов самообороны.

На деревенском уровне осуществлялась модель «административной деревни», напоминавшая «административную деревню» цинского периода, в рамках которой несколько отдельных поселений объединялись под началом назначенного сверху старосты. Новая модель предусматривала назначение начальника деревни, помощника начальника деревни, а также учреждение деревенской канцелярии. Бюрократизация шаньсийской деревни привела к росту числа чиновничьих должностей с 5 тыс. до 500 тысяч. Конечной целью административных преобразований объявлялась «гуманизация деревни». Более прагматической причиной форсированной бюрократизации являлось создание эффективной налоговой системы. Шаньсийская система, широко внедрявшаяся нанкинским режимом в тесной взаимосвязи с реформой системы местного управления, акцентировала консервативные ценности и «моральное оздоровление» общества. Речь шла о целенаправленном курсе власти на непосредственное подчинение нижних уровней деревенского общества.

Во второй половине 30-х годов имела место еще одна серия реформ низовых структур административного управления. Одним из важнейших нововведений

стало восстановление системы *баоцзя* (круговой поруки жителей каждых десяти и ста дворов), существовавшей в китайской деревне при Цинах, но в XIX в. постепенно пришедшей в упадок. Все деревенские жители должны были соблюдать правила *баоцзя*, которые предусматривали составление подворных табличек, регистрацию жителей, контроль над приезжающими и уезжающими лицами и их проверку, чрезвычайные меры на случай стихийных бедствий и разбоя бандитов, строительство блокгаузов и других оборонительных сооружений, охрану транспортной инфраструктуры. В распоряжение должностных лиц *баоцзя* передавались определенные средства, предусматривались также меры наказания и поощрения работников *баоцзя*.

Согласно правилам упорядочения *баоцзя* по уездам, система должна была обеспечивать на низовом уровне контроль власти над населением, а введение круговой поруки – гарантировать охрану порядка в деревне. Возрождение системы *баоцзя* усиливало традиционалистские и авторитарные тенденции в системе управления страной. Возрождая *баоцзя*, Чан Кайши старался укрепить позиции шэньши и восстановить значение конфуцианской идеологии. Система *баоцзя* вводилась также в целях противодействия распространению влияния Компартии Китая в сельской местности. В реальной жизни введение *баоцзя* не очень заметно изменило отношения между властью и населением. Предыдущая система, базировавшаяся на шаньсийской «деревенской системе», имела сходные структуры круговой поруки нескольких дворов. Обе системы основывались на практически одинаковых началах, имея целью обеспечить необходимый уровень социальной стабильности.

Меры по введению *баоцзя* первоначально касались трех провинций – Хэнани, Хубэя и Аньхуэя, где к концу 1933 г. они в основном были завершены. В пров. Цзянси введение *баоцзя* началось раньше, однако ее утверждению и распространению препятствовало сохранявшееся в провинции вплоть до 5-го «карательного похода» Гоминьдана влияние КПК. В некоторых уездах пров. Чжэцзян *баоцзя* начали вводить еще в 1930 г. по инициативе губернатора Чжан Цзинцзяна, в пров. Фуцзянь – в августе 1934 г. В Цзянсу систему *баоцзя* стали применять с 1928 г. по личному указанию Чан Кайши. В 1934 г. она была распространена на территории всей страны. В контексте формировавшейся цепочки местного управления – уезд (*сянь*) – район (*цюй*) – поселок (*сянчжэнь*) – двор (*цзя*) – система *баоцзя* заняла место недостающего низового звена. В целом она была принята китайской деревней. Вместе с тем степень ее эффективности, как и в целом реформы местного управления, осталась невыявленной вследствие незавершенности процесса административной перестройки, прервавшегося с началом Антияпонской войны.

Административные реформы нанкинского периода были частью так называемого «движения за сельскую реконструкцию», которое охватывало широкий спектр мер, направленных на развитие аграрных районов. Движение стало реакцией китайского общества на кризисные явления в традиционном секторе сельского хозяйства. Особенность «движения за сельскую реконструкцию» – его по-

исковый характер. Выход из сложной ситуации искали, анализируя широкий круг взаимосвязанных проблем – административного управления, налоговой политики, упорядочения финансов и экономического развития деревни, здравоохранения, образования. В силу ряда причин, в том числе обусловленных слабостью центральной власти, попытки реформ в различных областях часто носили локальный и экспериментальный характер.

По данным министерства промышленности, в середине 30-х годов в Китае функционировало свыше 600 организаций, занимавшихся вопросами образования, здравоохранения, административного управления и финансов в деревне. Эксперименты проводились более чем в тысяче районов. Организации, связанные с ними, были созданы центральными или провинциальными (а зачастую и уездными) властями, частными лицами и общественными ассоциациями, местными политическими группировками и отдельными милитаристами. Наибольшую известность получили реформы в так называемых «экспериментальных уездах».

Начиная с 1933 г. в полутора десятках уездов проводились соответствующие эксперименты, причем в ряде мест созданию «экспериментального уезда» предшествовали проводившиеся в течение нескольких лет мероприятия по «сельской реконструкции». В каждом конкретном случае организаторы экспериментов должны были выделить «главное звено, ухватившись за которое можно было двинуть вперед дело „сельской реконструкции“». Многовариантность рекомендаций и ответов на вопрос о причинах низкой эффективности работы местных правительств была показателем сложности проблем, с которыми имели дело реформаторы. Например, организаторы Комитета реконструкции уезда Уцзинь пров. Цзянсу, сконцентрировавшие усилия на «общественном воспитании», в качестве главного направления преобразований в деревне рекомендовали подбор честных кадров для уездной администрации. Экспериментальный уезд Цзяннин (пров. Цзянсу, создан в 1933 г.) выдвинул в качестве главного направления необходимых преобразований реформу системы земельного налога. Экспериментальный уезд Ланьси (пров. Чжэцзян, образован в сентябре 1933 г.) сделал акцент на реформе административного управления на уровне уезда. В уезде Динсянь (пров. Хэбэй) выдвинули программу административных, экономических и культурных реформ, а в качестве необходимой предпосылки их реализации – подготовку кадров.

«Движение за сельскую реконструкцию», как и другие попытки властей преобразовать административное управление и аграрный сектор, в целом свидетельствовало о том, что нанкинский режим располагал определенным реформаторским потенциалом. Вместе с тем порыв к преобразованиям наталкивался на большие трудности, обусловленные живучестью традиционных структур китайской деревни, отвлечением значительных сил на ведение гражданской войны с коммунистами. Японская агрессия и начало Антияпонской войны остановили динамичное развитие Китая «нанкинского десятилетия». Прервано было в том числе и «движение за сельскую реконструкцию».

Налоговая и аграрная политика

Социально-экономический облик нанкинского Китая в значительной степени определялся налоговой системой и состоянием аграрного сектора, а также спецификой взаимоотношений центральной и местной власти, прежде всего в области налогообложения и финансов. Передача гоминьдановским правительством в 1927 г. налоговых прерогатив местным властям, в том числе права на сбор поземельного налога, объяснялась рядом обстоятельств. С одной стороны, Гоминьдан был вынужден отдать местным властям налоговые доходы в обмен на признание ими номинальной власти Центра. С другой стороны, перераспределение прав между Центром и местами в рамках реформы местного самоуправления предусматривалось заветами Сунь Ятсена. Эта мера предпринималась также в расчете на создание более рациональной системы налогообложения. Ее инициаторы исходили из предпосылки, что на местах есть больше возможностей для определения оптимальных ставок налогов.

Летом 1927 г. министр финансов Гу Инфэнь обнародовал «Временные положения о разграничении центральных и местных доходов». Согласно этому документу, центральному правительству принадлежали доходы от соляного налога, таможенных пошлин, акциза на спиртные напитки и табачные изделия, керосин, от *лицзиня* (таможенный сбор при пересечении границ провинций) и налогов на почтовые отправления, на добычу полезных ископаемых, от гербового сбора, а также от государственных предприятий. Местным правительствам предназначались доходы от поземельного налога, налогов на купчие, комиссионные лавки, ломбарды, от торгового налога, судового сбора, налогов на строения, податей с убоя скота, налога с рыбного промысла.

Действие «Временных положений» было распространено на провинции, находившиеся в прямом подчинении Нанкину (Цзянсу, Чжэцзян, Аньхуэй, Фуцзянь, Цзянси). С небольшими изменениями они были приняты Всекитайской финансовой конференцией (1–10 июля 1928 г.), а в ноябре того же года утверждены Национальным правительством.

В провинциях и уездах существовало два типа фискальных органов, обеспечивавших поступления в пользу центрального и местных правительств. В провинциях функционировали тысячи различных налоговых контор, занимавшихся взиманием разнообразных сборов в пользу центрального правительства. К концу «нанкинского десятилетия» все налоговые органы были объединены в три основные структуры: Таможенную службу, Соляную администрацию и Администрацию внутренних поступлений. Хотя Национальному правительству удалось добиться существенного повышения эффективности работы налоговых структур, все же и после реорганизации эта система оставляла желать лучшего.

Борьба за перераспределение налоговых поступлений воспроизводилась и на более низких уровнях администрации. Не менее острой была проблема фискального соперничества между провинциями и уездами. В начале нанкинского периода финансирование уездных властей было настолько незначительным, что не

хватало средств для выплаты жалованья сотрудникам уездной администрации, не говоря уже о том, чтобы осуществлять проекты местного самоуправления.

Разделение на центральные и местные финансы сказалось прежде всего в пользу провинций, которые получили поступления от земельного налога. Уезды могли рассчитывать лишь на дополнительные сборы по земельному налогу и ряд других дополнительных налогов, что, в частности, послужило причиной наращивания уездами под разными предлогами объема таких дополнительных налогов.

В 1935 г., по мере перераспределения налоговых поступлений между центром и провинциями и в ходе завершения реорганизации провинциальных правительств, сократившей доходы провинциальных властей в пользу уездов, доходы уездных властей были существенно повышены. Одновременно осуществлялась утвержденная Чан Кайши «Программа упорядочения уездных финансов в районах подавления бандитов» (военных действий против КПК). Упорядочение уездных финансов осуществлялось по ряду направлений и включало унификацию местных финансовых органов, запрет на самовольное учреждение несанкционированных сверху контор и комитетов и бесконтрольное налогообложение на местах.

Земельное налогообложение непосредственно затрагивало интересы самых широких слоев населения Китая, проживавших в сельской местности. Национальное правительство уже в октябре 1928 г. поставило проблему упорядочения налоговой системы на одно из первых мест среди задач, требующих решения в период политической опеки. Доставшийся от цинского Китая хаос в системе налогообложения, отсутствие строгой системы и порядка в механизме введения и взимания налогов, нищета деревни усугубляли тяжесть поземельного налогообложения для населения.

Структура поземельного налогообложения фактически воспроизводила старую цинскую систему. Налог делился на две части – основной налог и дополнительные надбавки к нему, причем дополнительные налоги часто значительно превышали основной налог, что определяло специфику налогообложения в деревне. 12 марта 1934 г. на торжественном заседании ЦИК Гоминьдана, посвященном 9-й годовщине кончины Сунь Ятсена, Ван Цзинвэй, в то время занимавший пост председателя Исполнительного юаня, назвал отмену несправедливых налогов и обременительных дополнительных сборов решающим условием возрождения сельского хозяйства, указав при этом, что дополнительные сборы по земельному налогу в некоторых местах превосходят сам налог в 20–30 раз. В том же духе высказывался и министр финансов Кун Сянси, который заявил в интервью газете «Синьвэнь бао» («Новости») (22 декабря 1933 г.) о решимости упорядочить земельный налог, чтобы облегчить налоговое бремя крестьян и восстановить производительные силы деревни.

Наиболее распространенными дополнительными налогами были налоги на охрану порядка (содержание охранных отрядов), образование, строительство дамб и ремонт ирригационных сооружений, дорог, санитарные мероприятия,

благотворительность, землемерные и топографические работы. В нанкинский период все новые и новые надбавки к основным налогам начислялись весьма часто и в ряде уездов взималось по 20–30 видов дополнительных налогов.

По оценке министра промышленности и торговли Чэнь Гунбо, сумма налогов с крестьян в среднем составляла 32,5% всех доходов с земли. С конца 1933 г. правительство перешло к практическим действиям по ограничению роста дополнительных налогов. Проблема стала объектом внимания общественности, развернувшей кампанию в печати, которая стала широкомасштабной и продолжалась почти до самого начала Антияпонской войны. Общественно значимый характер мероприятий по ограничению роста дополнительных налогов определялся, прежде всего, социальным измерением реформы, поскольку рост налогового бремени был напрямую связан с возрастанием социальной напряженности в деревне и увеличением разрыва между центральной властью и деревней. Кампания стимулировала также активность провинциальных властей, ужесточивших контроль над местной налоговой базой. 2-я Всекитайская финансовая конференция (май 1934 г.) определила группы особо обременительных налогов и запретила введение новых дополнительных сборов.

Начало кампании против дополнительного налогообложения (с 1932 г.) совпало с мировым экономическим кризисом, который оказал влияние на китайскую экономику, перешедшую от относительного оживления к глубокой депрессии. Ухудшение положения в экономике усугубилось захватом японцами Маньчжурии и грандиозным наводнением на Янцзы в 1931 г. Падение цен на сельскохозяйственные продукты и повышение курса серебряного юаня сопровождались широким оттоком серебра из внутренних районов в портовые города, прежде всего в Шанхай. Предпринимавшиеся центральной властью усилия по упорядочению налогообложения имели в сложившейся ситуации лишь частичный успех.

Аграрная политика была наиболее слабым звеном в деятельности правительства. Законодательство, принятое на протяжении 30-х годов, включая и главный законодательный акт в аграрной сфере – Аграрный закон 1930 г. (вступил в силу шесть лет спустя), ориентировалось на положения программы, выдвинутой Сунь Ятсеном. Оно предусматривало реформу арендных отношений, проведение широких земельных обследований, реорганизацию налоговой системы, а также преобразование структур местной власти, в значительной степени формирующих аграрную политику. Не исключалась и возможность проведения всеобщего перераспределения земли после введения налоговой системы, основанной на учете ее цены. В разработку и осуществление мероприятий по реформированию сельского сектора были активно вовлечены многие ключевые фигуры гоминьдановского режима.

Заметная роль принадлежала ряду руководителей из группировки «СиСи». В июне 1932 г. Чан Кайши поручил только что вернувшемуся из Германии Сяо Чжэну заняться разработкой мероприятий по упорядочению землепользования в районах, находившихся ранее под контролем коммунистов. После разработки

соответствующего плана Сяо Чжэн приступил к созданию исследовательской структуры, своего рода гоминьдановского «мозгового центра» для разработки аграрной политики. В июле 1932 г. состоялось первое заседание «Семинара по земельным проблемам», результатом работы которого стали «Десять принципов осуществления земельной политики партии».

Основные положения аграрной реформы предусматривали:

– определение права собственности на землю, которое должно принадлежать всем гражданам государства. При этом отдельные лица могут обладать правом пользования землей, которое не должно приводить к спекуляциям или к превращению земли в орудие эксплуатации людей, для чего необходимо совершенствовать арендную систему, поддерживать крестьян-собственников;

– установление равенства прав на землю, при сохранении правительством верховной распорядительной власти над землей. В соответствии со стоимостью земли оно взимает налог, используя прогрессивный налог для ограничения концентрации земли. В целях повышения общественного благосостояния государство вправе отчуждать землю;

– создание рациональной системы землепользования: осуществление землеустройства, разработка научных методов производства; развитие финансово-кредитных организаций, мелиорации, освоение пустующих земель;

– создание органов земельной администрации. Центральное и местное правительства создают органы земельной администрации, которые ответственны за проведение земельной политики. В масштабе всей страны следует провести земельные работы и зарегистрировать земельные владения.

В 1933 г. в Нанкине было создано Китайское общество изучения проблем земельной администрации, в задачи которого входила разработка рекомендаций для необходимых преобразований. Общество издавало свой журнал, выпустило в свет серию книг и переводов. Параллельно велась работа по подготовке кадров для учреждений земельной администрации. В Центральной политической академии, контролируемой группировкой «СиСи», была создана учебная группа по вопросам земельной администрации, в подготовительную комиссию которой входили Чэнь Гофу, Ло Цзялунь, У Ифэн, Лю Юньчоу и Сяо Чжэн. По прямому указанию Чан Кайши, ректора Академии, учебная группа была преобразована в Институт земельной администрации. Директором института стал Сяо Чжэн, совмещавший эту должность с постом заместителя министра земельной администрации. Впоследствии выпускники Института земельной администрации составили основной кадровый костяк учреждений земельной администрации по всему Китаю, а после 1949 года – на Тайване.

В августе 1934 г. Национальный экономический совет совместно с министерствами гражданской администрации и финансов создали Земельный совет во главе с Чэнь Лифу. Основным содержанием работы Совета стало проведение общекитайского земельного обследования, включая уточнение категорий земель, выяснение ситуации с распределением земли, землепользованием, арендой, налогообложением.

Впервые в новой истории Китая было предпринято земельное обследование в масштабе всей страны. Проходившее в обстановке социальной и политической нестабильности, в условиях нехватки средств, обследование носило выборочный характер. Опираясь на контролируемый Чэнь Лифу партийный аппарат, Земельный совет сумел довольно энергично развернуть работу и в течение полугода завершить ее. Материалы обследования по 22 провинциям были переданы в созданный позднее Особый комитет по земельным проблемам. Планированием и разработкой аграрной политики правительства занимались также Деревенский отдел Национального экономического совета и Комитет возрождения деревни при Исполнительном юане. В категориях межфракционного соперничества ориентация этих организаций выглядела следующим образом: Национальный экономический совет был под контролем группировки родственников Чан Кайши, так как во главе его стоял Сун Цзывэнь. Комитет возрождения деревни представлял группировку Ван Цзинвэя, занимавшего в то время пост председателя Исполнительного юаня. В каждый из этих органов были привлечены известные специалисты-аграрники. В Национальном экономическом совете работали Шэнь Цзунхань, Чжао Ляньфан, в Комитете возрождения – Цзоу Бинвэнь, Цзоу Шувэнь, Чэнь Ханьшэн.

Уже с 1927 г. Гоминьдан приступил к мероприятиям по наведению порядка в земельной документации, к проведению описи земель и составлению земельного кадастра. Эта работа была необходимым этапом на пути к системным преобразованиям в аграрном секторе. В свое время проведение общекитайской земельной описи Сунь Ятсен считал одним из ключевых условий реализации местного самоуправления и предпосылкой аграрной реформы. Один из основополагающих постулатов суньятсенизма – принцип «уравнения прав на землю» – по сути дела предопределял реорганизацию поземельного налогообложения. В Аграрном законе первые две главы посвящены описи земель и регистрации земельной собственности. Закон предусматривал обмер земель, который надлежало сочетать с топографическим исследованием местности, исчисление площади земельных участков в *му* (0,16 га), составление карт. После регистрации собственниками земель своих участков уездные власти должны были составлять новые налоговые реестры. Технически это была крайне сложная, кропотливая и длительная работа.

На протяжении 30-х годов было принято законодательство, заложившее основы политики реформ в деревне, а также осуществлены некоторые практические меры, которые в целом способствовали процессу модернизации в сельской местности..

На региональном уровне проводились земельные обследования, предпринимались попытки регулирования арендных отношений, уменьшения налогового бремени, создания современных форм кооперативного движения и кредитования села, а также осуществлялся ряд мер, направленных на технологическую модернизацию деревни. Технико-экономические мероприятия в деревне касались также развития кооперации, внедрения новых сельскохозяйственных культур и ме-

тодов их культивации, ирригации, дренажа рек. Объективными препятствиями, снижавшими результативность этой политики, являлись децентрализация страны, скудость финансовых ресурсов, а также слабость управленческой системы, которая, как и в старом Китае, была неспособна эффективно действовать на уровне ниже уездного, а в ряде случаев – и ниже провинциального.

Экономика и финансы

Оказавшись у рычагов власти в масштабах всего Китая, Гоминьдан декларировал стремление создать современную систему экономики, финансов, налоговой системы, внешней и внутренней торговли, продвинуться вперед в деле укрепления экономической самостоятельности страны. Ряд обстоятельств препятствовал реализации намерений и планов Гоминьдана. Прежде всего, негативную роль играла общая отсталость китайской экономики, а также архаичность управленческой структуры, недостаточная степень контроля центрального правительства над местными правительствами, наконец – агрессия Японии в Китае, сорвавшая в конечном счете все модернизаторские проекты.

Сильнодействующим фактором, препятствовавшим развитию экономики и финансов КР, стала гражданская война между Гоминьданом и КПК. Концентрация материальных и политических сил на борьбе с коммунистами отнимала необходимые для модернизации средства, подтачивала и без того слабую экономику и военный потенциал. Логическим продолжением гражданской войны являлась пассивная политика гоминьдановского правительства по отношению к японской агрессии. Принятая Чан Кайши стратегия «умиротворения агрессора» не способствовала экономическому росту и чем дальше, тем больше вызывала недовольство патриотически настроенных слоев населения и в итоге растущее отчуждение власти от народа. Выдвинутый Чан Кайши в 1932 г. лозунг «умиротворить внутренних врагов, прежде чем дать отпор внешнему врагу» вызывал много споров и был одним из важнейших пунктов противостояния между фракциями и группировками в Гоминьдане. Хотя этот лозунг и не означал отказа от сопротивления японцам, однако ставил его в зависимость от исхода гражданской войны и, по сути, заводил страну в тупик.

В развитии экономики Нанкинское правительство объявляло о намерении ориентироваться на суньятсеновскую социально-экономическую программу. На III съезде в 1929 г. Гоминьдан принял Программу материальной реконструкции на период опеки, согласно которой половина центрального и провинциальных бюджетов должна была направляться на строительство железных дорог и автомагистралей. В реальной жизни, однако, основные средства уходили на финансирование карательных походов против коммунистов и в целом на военные нужды. Не была реализована и социальная программа, принятая III съездом в соответствии с принципом народного благосостояния. Правительство в «нанкинское десятилетие» в экономической сфере не столько действовало в рамках единой

программы, сколько исходило из сиюминутных прагматических расчетов на тот или иной краткий период.

Для разработки программы экономических преобразований в июне 1928 г. в Шанхае была проведена Всекитайская экономическая конференция. В июле того же года в Нанкине прошла Общекитайская финансовая конференция. Экономическая конференция собрала в основном представителей частного бизнеса и финансовых экспертов. В ее работе принимали участие должностные лица центральных и провинциальных правительств. Хотя решения обоих форумов носили рекомендательный характер, на их основе подготовили план развития экономики и финансов, принятый Гоминьданом в августе 1928 г. в качестве руководства к действию. В начале 1931 г. по рекомендации экспертов Лиги наций был создан Национальный экономический совет, занимавшийся планированием экономического развития, а также строительством дорог, ирригационных систем, разработкой мер поощрения сельского хозяйства.

В мае 1930 г. был опубликован Закон о разработке недр, в 1931 г. – введен в действие Фабричный закон (опубликован в 1928 г.). В те же годы были приняты законодательные акты о поощрении промышленности, изобретений, внедрении достижений науки, привлечении иностранных инвестиций, в частности капиталов зарубежных китайцев-*хуацяо*. Одновременно правительство предприняло ряд шагов протекционистского характера: ограничило права иностранных коммерсантов на создание предприятий и долю иностранцев в совместных с правительством предприятиях, ввело антидемпинговые меры против иностранных товаров. В условиях мирового кризиса 1929 г. гоминьдановское правительство стремилось оказать поддержку отечественному производству, выделив отрасли, нуждавшиеся в поддержке: шелководство, чайное производство, производство спичек, мыла, сигарет, текстиля, мукомольную промышленность. Арсенал средств поддержки этих отраслей, помимо протекционистских мер, включал сокращение налогового бремени, развитие транспортной инфраструктуры, создание единых внешнеторговых организаций.

Нанкинское правительство стремилось продвигать индустриализацию и модернизацию в целом. Большое значение для развития национальной экономики имело восстановление тарифной автономии и введение нового таможенного тарифа в 1929 г. (после этого правительство еще четыре раза повышало ввозные пошлины), упразднение в 1928 г. региональных таможенных органов, собиравших различные надбавки к налогам, консолидация налоговых поступлений в центральном казначействе. Была восстановлена Служба соляного налога, консолидирована система акцизов, с 1 января 1931 г. упразднен *лицзинь*, создана Служба внутренних доходов. В сфере налоговых поступлений в 30-х годах центральное правительство зависело в основном от косвенных налогов – таможенных пошлин, соляного налога, налогов на потребительские товары. Бюджетные дефициты покрывались в довоенный период, как правило, благодаря выпуску облигаций центрального и местных правительств. К 1932 г. власти успели выпустить долговых обязательств на сумму свыше 1 млрд. *юаней*. В результате в 30-х годах

до 40% расходов правительства шло на погашение его обязательств, доходность которых довольно сильно колебалась, но к 1936 г. ситуация улучшилась.

Многоукладная экономика гоминьдановского Китая развивалась в направлении дальнейшего усиления частнопредпринимательских форм хозяйствования. Рост частного национального капитала сопровождался становлением государственного сектора экономики. Перед Второй мировой войной частный капитал был почти равен государственному, а в горнорудной промышленности занимал господствующие позиции. Наиболее активный рост частного предпринимательства имел место в низовьях Янцзы и в приморских районах.

Значимым мероприятием в построении экономического базиса было создание государственной банковской системы. Активность государства в этой сфере была весьма значительной. На правительственные средства в 1928 г. был создан Центральный банк Китая, который, как и Банк коммуникаций, стал банком смешанного, частно-государственного типа. Правительство получило тем самым важные инструменты воздействия на экономику. Позднее был учрежден Крестьянский банк. Модернизация банковской системы позволила провести денежную реформу – наиболее значительное событие в сфере экономического строительства. В 10–20-х годах в Китае не было единой денежной системы. Платежными средствами одновременно являлись серебряные слитки (*ляны*) и серебряные монеты (*юани*), при этом содержание драгоценного металла, вес, курсы пересчета не были унифицированы, денежное обращение находилось в хаотическом состоянии.

Денежная реформа была намечена Всекитайской экономической конференцией в июне 1928 г. и предусматривала переход на централизованную эмиссию бумажных денег, которые обеспечивались бы золотом, и развитие системы современных банков, включая систему государственных банков. В 1933 г. были введены государственная монополия на чеканку монет и запрет на хождение серебра в слитках. Радикальная валютная реформа началась 3 ноября 1935 г., она предусматривала изъятие из обращения серебра и переход на бумажные деньги. В осуществлении денежной реформы Нанкинское правительство получило помощь Англии. Летом 1935 г. экономическим советником Национального правительства стал эмиссар британского кабинета Ф.Лейт-Росс. После совещания с Сун Цзывэнем и Кун Сянси было достигнуто соглашение о выделении правительством Великобритании 10 млн. ф.ст. на поддержку реформы, причем по завершении реформы китайская валюта привязывалась к курсу британского фунта. В ноябре 1935 г. китайское правительство официально ввело в обращение новую валюту (*фаби*), банкноты правительственных банков стали единственным платежным средством. Все остальные банки, в том числе и иностранные, теряли право денежной эмиссии. Реформа длилась два года, ее результатом была общая стабилизация китайского денежного рынка, что стало важным шагом к созданию современной денежно-финансовой системы. Реформа способствовала укреплению роли государственных банков, на долю которых к 1936 г. приходилось 59% активов и вкладов.

Крупные предприниматели все чаще входили в состав руководства государственных банков и экономических организаций, а гоминьдановские чиновники – в правления частных компаний. Этот процесс, с одной стороны, способствовал экономическому росту, с другой – сопровождался сращиванием бизнеса и партийно-правительственной администрации, ростом коррупции. Экономическая политика Гоминьдана постепенно вступала в противоречие с интересами капиталистического развития страны на пути свободного предпринимательства.

В развитии национальной промышленности в первое десятилетие пребывания гоминьдановского правительства у власти были достигнуты явные успехи. Комитет по реконструкции Национального правительства управлял государственными активами в добывающих и перерабатывающих отраслях промышленности, а также объектами транспортной и иной инфраструктуры. В 1933 г. под руководством министра промышленности Чэнь Гунбо был разработан 4-летний план развития промышленности. Приоритетными областями в рамках его реализации являлись добыча угля, нефти и нефтеносных сланцев, машиностроение, автомобилестроение, производство стали, меди, сахара, бумаги.

После начала японской агрессии в Маньчжурии Национальное правительство ускорило развитие военной промышленности и инфраструктуры. В 1932 г. был учрежден Комитет по планированию национальной обороны, преобразованный в 1935 г. в Комитет национальных ресурсов. Он контролировал добычу и экспорт стратегического сырья – вольфрама, олова, сурьмы. В марте 1936 г. этот Комитет утвердил 5-летний план развития тяжелой промышленности, акцент делался на создании крупных предприятий в области металлургии, химии, машиностроения, электроэнергетики. Важную роль в развитии государственных предприятий играло министерство железнодорожного транспорта, которое уделяло большое внимание развитию железнодорожной сети к югу от Янцзы. Были открыты ветки Чжэцзян–Цзянси, Гуандун–Ухань, Ханчжоу–Нинбо и ряд других. В марте 1937 г. министр железнодорожного транспорта Чжан Цзяао утвердил план строительства еще 14 железных дорог, которые планировалось ввести в действие до 1941 г. Этим планам помешала начавшаяся в июле 1937 г. Антияпонская война. В связи с приоритетным значением оборонных отраслей быстрое развитие получили предприятия, подчинявшиеся военному министерству.

В 1926–1936 гг. ежегодный рост ВВП Китая составлял в среднем 8,3%, а если не учитывать три провинции Северо-Востока, находившиеся под контролем Японии, то 6,4%. Еще до захвата Маньчжурии японские инвестиции в данный регион составляли львиную долю от всех инвестиций в Китае. После создания Маньчжоу-го экономическое развитие Северо-Востока ускорилось. В период существования Маньчжоу-го (1932–1945) объем экономики региона вырос втрое.

Некоторые показатели темпов экономического роста Китая приведены ниже.

Таблица

	1927 г.	1936 г.	Ежегодный прирост
Уголь, млн. т	4,2	26,2	7,0%
Электроэнергия, млн. кВт	772	1 724	9,4%
Цемент, тыс. т	498	1 243	9,6%
Х/б ткани, тыс. рулонов	8 999	35 448	16,5%
Железные дороги, км	13 040	21 036	800 км
Автодороги, км	18 000	69 000	5100 км

В целом усилия Национального правительства, направленные на развитие экономики страны, были довольно эффективными. В 1926–1936 гг. объем производства 15 основных отраслей увеличился на 86%, главным образом благодаря активности национального капитала. Впечатляющими оказались успехи в развитии транспортной инфраструктуры. Железные дороги, прирост протяженности которых исчислялся 800 км в год, строились в основном на китайские капиталы, в то время как в предшествовавший период национальный капитал вкладывал в строительство железных дорог менее $^{1}/_{10}$ общего объема инвестиций. Была создана национальная гражданская авиация, строились шоссейные дороги, рос тоннаж флота.

Экономическая политика Нанкинского правительства, в соответствии с идеями Сунь Ятсена, предполагала привлечение иностранного капитала и западных технологий. Между тем в силу ряда причин, в том числе в связи с ростом таможенных тарифов, мировым экономическим кризисом, усилением государственного регулирования и государственного предпринимательства, проведением в жизнь протекционистской политики Национального правительства, китайский рынок отчасти потерял для иностранных государств прежнюю привлекательность. В результате приток иностранного капитала в Китай уменьшился. Иностранные кредиты в течение нанкинского периода исчислялись всего несколькими десятками миллионов долларов. Уменьшились и инвестиции частного капитала.

Вместе с тем иностранные инвестиции и внешнеэкономические связи Китая оставались важными факторами экономического развития страны. Англия стимулировала железнодорожное строительство (ее доля в ихэтуаньской контрибуции на сумму около 11 млн. ф.ст. пошла в 1930 г. на закупку в Англии материалов для строительства железных дорог). США в 1931 г. предоставили Китаю 50 млн. долл. на ремонт дамб на Янцзы, в 1933 г. – льготный кредит на сумму 50 млн. долларов. От Англии Нанкинское правительство получило займы на сумму 25 млн. ф.ст., от Франции – 40 млн. фр. золотом, от Германии – 40 млн. марок. Предпринимая такие шаги, державы укрепляли свои позиции в Китае в противовес Японии, а также поддерживали Чан Кайши в его борьбе с КПК и китайской Красной армией. Державы продавали Нанкинскому правительству

вооружение и боеприпасы, современные средства связи. При Военном комитете ЦИК Гоминьдана и в штабах гоминьдановских армий работали иностранные советники (в основном Германия), приложившие немало усилий для модернизации вооруженных сил КР.

В конце нанкинского периода в условиях назревавшей войны с Японией гоминьдановское правительство стало уделять больше внимания развитию экономических и политических связей с западными державами. Они также были заинтересованы в углублении отношений с КР, так как Китай к началу 1937 г. достиг заметных успехов в области экономики. По мнению американского посла в Китае Н.Джонсона, страна вступила в новую эпоху экономического развития и осуществления программы всесторонней экономической реконструкции. С помощью иностранного капитала Нанкинское правительство намеревалось осуществить разработанные им мероприятия по развитию промышленности и укреплению обороноспособности страны.

Посол США в Китае Н.Джонсон

Западные державы, в свою очередь, ожидали от активизации своей деятельности в экономическом секторе Китая больших прибылей. Так, в апреле 1937 г. Англия направила в Китай экономическую делегацию для изучения потенциальных возможностей китайского рынка. В мае 1937 г. в Лондоне состоялись переговоры Кун Сянси, приглашенного на коронацию Георга VI, с представителями финансовых кругов Англии о предоставлении Китаю займов для стабилизации внутреннего рынка. Английские финансисты согласились предоставить Нанкину два займа, но в связи с июльскими событиями у Лугоуцяо и началом Антияпонской войны договоренности не были реализованы.

Глава 2
Внешняя политика Нанкинского правительства. Агрессия Японии

Китай и державы. Курс Гоминьдана на отмену неравноправных договоров

В области внешней политики гоминьдановское Национальное правительство с первых дней существования ориентировалось на европейские страны, США и Японию. Его внешнеполитическая программа была отражена в манифесте главнокомандующего НРА Чан Кайши, опубликованном в конце января 1928 г. В нем отмечалось, что во внешней политике Гоминьдан и Национальное правительство руководствуются принципами, провозглашенными I съездом Гоминьдана. Нанкин планировал достигнуть этой цели дипломатическими методами – путем двусторонних переговоров, односторонним давлением на державы и традиционного для Китая «использования одних варваров против других варваров». В манифесте Чан Кайши подтверждалось, что отмены неравноправных договоров Нанкинское правительство будет добиваться на пути дипломатических переговоров, но на компромисс не пойдет. Переговоры планировалось начать одновременно со всеми странами, с которыми Китай имел договорные отношения. В случае отказа какого-либо государства от переговоров или их провала Национальное правительство предполагало аннулировать все неравноправные договоры в одностороннем порядке. Та же позиция была зафиксирована на IX пленуме ЦИК Гоминьдана 2-го созыва и в официальном заявлении о внешней политике Нанкинского правительства, с которым выступил министр иностранных дел Хуан Фу 21 февраля 1928 г. Гоминьдановская пропаганда всячески подчеркивала общенациональный характер задач, которые намеревалось решать правительство Чан Кайши.

Однако в связи с продолжением Северного похода и обострением отношений с державами после нанкинского инцидента (апрель 1927 г.) Чан Кайши и его окружение проявили сдержанность в предъявлении требований о пересмотре неравноправных договоров. Нанкин ограничился несколькими заявлениями об окончании срока действия договоров, заключенных между Китаем и Испанией (1864), Португалией (1887), Италией (1866) и Данией (1863), ссылаясь на так называемый «принцип изменившихся обстоятельств». Одновременно этим странам было предложено заключить новые договоры на основе равенства. Основное внимание Нанкинского правительства в тот момент было сосредоточено на продолжении Северного похода, и поэтому оно стремилось заручиться под-

держкой иностранных держав или по крайней мере удержать их от оказания помощи северным милитаристам.

Главной угрозой планам объединения Китая на этапе завершения Северного похода гоминьдановские лидеры считали политику Японии. В интервью журналистам 17 марта 1928 г. Чан Кайши открыто предупреждал об опасности нового японского вмешательства в Шаньдуне. Министерство иностранных дел получило предписание «держать проблему в центре внимания». Чан Кайши и его сторонники предпринимали шаги, направленные на снятие напряженности в отношениях с Японией. С поста министра иностранных дел был уволен У Чаошу, вызывавший недовольство Токио. У Чаошу не скрывал своего отношения к Японии как к главной силе, противостоявшей централизаторским планам Гоминьдана, его стремлению покончить с системой неравноправных договоров и в полном объеме восстановить национальный суверенитет Китая.

Чтобы удержать Японию от вмешательства во внутренние события в Китае, нанкинские лидеры прибегали и к чисто декларативным заявлениям, делая акцент на дружеских отношениях между двумя государствами. Так, во время приема группы японских корреспондентов в начале марта 1928 г. Чан Кайши заявил, что Китай и Япония всегда поддерживали очень тесные отношения, и японский народ был другом Гоминьдана. «Мы верим, – продолжал Чан Кайши, – что среди дружественных держав лишь одна Япония в состоянии понять действительное значение национальной революции в Китае». Эти дипломатические жесты были оставлены без внимания правящими кругами Японии. И той и другой стороне было ясно, что проблема безопасности японских граждан и защита их интересов в Шаньдуне во время Северного похода – не единственная и не главная задача в отношениях Китая и Японии в сложившихся условиях. Курс Гоминьдана на объединение страны и ликвидацию неравноправных договоров, стремление вывести Китай на путь независимого развития и в будущем стать великой державой находились в непримиримом противоречии с амбициозными планами японского империализма на континенте, в основе которых лежала идея поэтапного расчленения Китая и превращения его в японскую колонию.

После вступления гоминьдановских войск в Пекин в июне 1928 г. деятельность Нанкинского правительства, направленная на достижение национального суверенитета, активизировалась. Заявления министра иностранных дел Китая Ван Чжэнтина от 16 июня и 7 июля 1928 г. еще раз подтвердили, что главная задача правительства после завершения объединения страны состоит в отмене всех неравноправных договоров с иностранными державами и заключении новых договоров на основе равенства сторон и взаимного уважения территориальной целостности. 13 июля 1928 г. было опубликовано Временное положение о подсудности иностранцев китайскому суду, которое должно было действовать вплоть до заключения новых договоров.

По мере роста дипломатической активности Нанкинского правительства по отношению к иностранным державам оно стало применять новые тактические приемы. Китайская дипломатия обратилась к силовым методам, отказываясь

признавать официальный статус аккредитованного в Пекине дипломатического корпуса. С июля 1928 г. внешнеполитические ведомства в Бэйпине (Пекине) были закрыты, и формулирование внешней политики стало прерогативой Нанкинского правительства. В заявлениях его официальных представителей подчеркивалось, что наступил подходящий момент для начала переговоров с державами с целью заключения новых договоров на основе равенства.

В силу различных причин отдельные страны решили пойти на уступки Нанкину. США первыми выразили готовность вступить в переговоры с Нанкином по вопросу предоставления Китаю тарифной автономии. Этот шаг правящих кругов США, прежде всего, объяснялся стремлением укрепить политические и экономические позиции своей страны в Китае и обеспечить ей дипломатические преимущества. Правительство США выразило готовность предоставить Китаю тарифную автономию независимо от позиции других держав. 25 июля 1928 г. после двухмесячных переговоров был заключен китайско-американский договор, по которому США признавали тарифную автономию Китая при условии, что китайское правительство не будет проводить дискриминационную политику в отношении американских товаров. Президент К.Кулидж и государственный секретарь США Ф.Келлог расценивали подписание этого договора как акт признания Нанкинского правительства.

Англия, считавшая правительство Чан Кайши региональным режимом с ограниченными возможностями, решилась на подобный шаг только через несколько месяцев и, вероятно, не без влияния американской дипломатии. 29 декабря 1928 г. был подписан китайско-английский договор, по которому Англия признала таможенную автономию Китая. Подписание этого договора означало признание Нанкинского правительства Лондоном. До конца 1928 г. соглашения о признании таможенной независимости Китая подписали Франция, Германия, Италия, Швеция, Бельгия, Дания, Испания, Голландия, Португалия, Греция, Норвегия.

Трудно складывались отношения с Японией, которая оставалась единственной великой державой, отказавшейся предоставить Китаю таможенную независимость. Нанкинское правительство уделяло большое внимание отношениям с Японией, которые были выделены в отдельное направление во внешнеполитической программе Нанкина.

19 июля 1928 г. министр иностранных дел КР Ван Чжэнтин уведомил японского представителя в Китае Ёсидзава Кэнкити об окончании срока действия китайско-японского договора о торговле и мореплавании 1896 г. и дополнительного договора 1908 г. Было также заявлено о намерении Нанкинского правительства незамедлительно начать переговоры с японской стороной о заключении нового соглашения, основанного на принципах равенства и взаимной выгоды. Одновременно Нанкин опубликовал Временные правила, призванные регулировать китайско-японские отношения. Однако Токио продолжал настаивать на сохранении в силе упомянутых выше договоров вплоть до заключения новых. Достижение компромисса затруднялось неурегулированностью инцидентов в

Нанкине и Цзинани. Нанкин предложил передать вопрос о пересмотре договоров на рассмотрение Международного суда в Гааге или Лиги Наций, но японская сторона отвергла такое предложение.

Новые обстоятельства – признание таможенной автономии Китая многими государствами, получивший широкий размах в Китае бойкот японских товаров и приход к власти в Японии кабинета Осати Хамагути, занявшего сдержанную позицию по отношению к Нанкину, – оказали определенное влияние на китайскую политику Японии и создали более благоприятные условия для китайско-японских переговоров. 6 мая 1930 г. стороны подписали новый договор, по которому Япония признала таможенную независимость Китая. Его условия были идентичны условиям договора с США и Англией, за исключением того, что Япония добилась 3-летней отсрочки введения Китаем новых пошлин на важнейшие статьи японского экспорта. Таким образом, тарифная автономия Китая фактически была полностью восстановлена лишь в 1933 г. Однако значение этих важных шагов лимитировалось рядом обстоятельств. Во-первых, повышение экспортно-импортных тарифных ставок было весьма умеренным (до 7,5–10%) и не затронуло наиболее востребованных товаров. Во-вторых, управление таможенной службы фактически по-прежнему оставалось в руках иностранцев, хотя формально она перешла в ведение китайского министерства финансов. Помимо тарифной автономии Нанкинское правительство сумело в 1927–1938 гг. поставить под свой контроль находившиеся в руках у иностранцев морские и соляные таможни, а также почту. В 1927–1930 гг. Национальному правительству удалось добиться от Англии и Бельгии возвращения их концессий в Ханькоу, Сямэне, Цзюцзяне и Тяньцзине. Англия вернула Китаю арендованную территорию Вэйхайвэй. Тем не менее в руках иностранных государств оставалось 13 концессий (ранее их было 33). В Шанхае сохранился Международный сеттльмент, однако в состав членов его суда были введены китайцы.

Добившись заключения договоров о восстановлении таможенной независимости Китая, национальная дипломатия перенесла основные усилия на решение вопроса о ликвидации прав экстерриториальности. Вплоть до начала японской агрессии в Маньчжурии этот вопрос занимал важное место в отношениях правительства КР с иностранными государствами. Позиция правительства Китая по этому вопросу была сформулирована осенью 1928 г.

Чтобы добиться отмены прав экстерриториальности, китайская сторона прибегла к «силовой» дипломатии. С вступлением на пост министра иностранных дел Ван Чжэнтина был введен новый порядок контактов с иностранными государствами по вопросу экстерриториальности. Последние подразделялись на две группы. К первой были отнесены великие державы (США, Англия, Япония), ко второй – страны, неспособные оказывать влияние на ход событий на Дальнем Востоке. Ван Чжэнтин отказался принимать послания от дипломатического корпуса и отвечать на них под тем предлогом, что Китай не признает существования общего юридического понятия «дипломатический корпус», а признает лишь официальных представителей тех правительств, которые в должное время были

аккредитованы при Национальном правительстве. К 1928 г. правами экстерриториальности в Китае пользовались 16 государств: Англия, Бельгия, Бразилия, Дания, Италия, Испания, Мексика, Нидерланды, Норвегия, Перу, Португалия, США, Франция, Швейцария, Швеция и Япония.

Китайские дипломаты, понимая, что главные трудности на пути ликвидации прав экстерриториальности могут создать только великие державы, сосредоточили именно на них основное внимание. Учитывая очевидную заинтересованность США в установлении дружеских отношений с Нанкином, Национальное правительство попыталось расколоть фронт империалистических держав и добиться, прежде всего, отказа Вашингтона от прав экстерриториальности. В послании Национального правительства американскому правительству 24 сентября 1928 г. указывалось, что США лучше всего смогут продемонстрировать свои дружеские чувства к Китаю, если немедленно и недвусмысленно заявят об отказе от прав экстерриториальности. Китайская сторона настаивала на том, чтобы переговоры начались немедленно, а после подписания договора американское правительство оказало бы влияние и на другие державы, призывая их отказаться от прав экстерриториальности.

В своем ответе китайской стороне государственный секретарь США У.Келлог указал, что американское правительство не может принять китайские требования даже в качестве основы для переговоров, но выразил желание провести переговоры без всяких условий. Они начались в Вашингтоне в ноябре 1928 г. Китайскую сторону представлял посланник КР в США У Чаошу, американскую – глава дальневосточного отделения госдепартамента С.Хорнбек. 5 января 1929 г. У Чаошу внес на обсуждение следующие предложения: США подписывают соглашение, предусматривающее отмену прав экстерриториальности с 1 июля 1930 г.; китайское правительство дает гарантии ввода в действие до 1 января 1930 г. новой системы правил в отношении иностранцев в Китае; оно подтверждает согласие принять на службу на три года нескольких иностранных юридических советников в качестве служащих Национального правительства; советники должны играть роль наблюдателей в китайских судах без права вмешательства в их работу.

Американская сторона не приняла этих предложений даже как основу для дальнейшей дискуссии. 10 января 1929 г. С.Хорнбек предложил У Чаошу разработать план постепенной отмены прав экстерриториальности. Проведенный госсекретарем США У.Келлогом дипломатический зондаж показал, что заинтересованные государства не поддерживают позицию Китая по отмене прав экстерриториальности.

Японское правительство решительно выступило против односторонней отмены договоров об экстерриториальности иностранцев, но выразило согласие на переговоры. Нанкин, однако, не устраивала перспектива затягивания этого процесса, поскольку правящие круги Китая и китайское общество стремились как можно скорее ликвидировать полуколониальный статус страны. В течение 1928 г. Нанкинскому правительству удалось подписать новые договоры с пятью госу-

дарствами: Бельгией (22 ноября), Италией (27 ноября), Данией (12 декабря), Португалией (19 декабря), Испанией (27 декабря). В этих договорах имелся пункт об отмене права экстерриториальности, хотя и с определенными оговорками. Тем самым открылись новые возможности для наступательных действий Нанкинского правительства. III съезд Гоминьдана (1929 г.) принял решение об односторонней отмене прав экстерриториальности. 27 апреля 1929 г. китайское правительство направило правительствам США, Великобритании, Голландии, Франции, Норвегии и Бразилии ноты, в которых указывалось, что Китай намерен как можно скорее освободиться от ограничений его суверенитета. При этом китайская сторона обращала внимание на значительный прогресс, достигнутый ею в законодательно-правовой сфере, и на тот факт, что граждане и подданные тех стран, которые больше не пользуются привилегиями в Китае, не испытывают никаких неудобств. Пытаясь оказать давление на державы и ускорить переговоры, представитель МИД Китая 19 июля 1929 г. в интервью китайским и зарубежным журналистам заявил о намерении китайского правительства отменить права экстерриториальности к 1 января 1930 г.

Этот шаг Нанкинского правительства вызвал продолжительные дискуссии среди держав. Смысл их ответа Китаю заключался в том, что еще не наступило время, когда державы могут отказаться от прав экстерриториальности, но они готовы рассмотреть на переговорах с китайским правительством меры, которые могут быть приняты для решения вопроса. Такие ответы не удовлетворяли Нанкинское правительство. На встрече представителей заинтересованных сторон 2 октября 1929 г. было решено отклонить географический (территориальный) способ отмены прав экстерриториальности и применять дифференцированный подход. Учитывая характер судебных дел, связанных с экстерриториальностью иностранцев, порядок решения этого вопроса предусматривал первоочередное рассмотрение гражданских дел, затем – уголовных, наконец – вопросов личного статуса.

28 декабря 1929 г. Нанкинское правительство обнародовало постановление, отменявшее права экстерриториальности с 1 января 1930 г. Документ вводил период подготовки к реализации этой меры. Однако Нанкинское правительство в связи с сопротивлением держав и внутренними трудностями было вынуждено отменить свое решение. Несмотря на эту неудачу, Нанкин в 1930 г. продолжал прилагать усилия для достижения соглашений с США, Англией, Францией и Японией относительно отмены экстерриториальности. И хотя державы также искали приемлемые для себя способы решения проблемы, положение оставалось сложным. В начале 1930 г. начались официальные переговоры представителей заинтересованных сторон – Китая, Англии, США и Франции, которые по-прежнему свидетельствовали о непримиримости позиций сторон.

Только осенью 1930 г. державы стали делать первые шаги навстречу требованиям Китая. В марте 1931 г. начались китайско-японские переговоры об отмене прав экстерриториальности. Наиболее активно и результативно в 1931 г. проходили китайско-английские переговоры, которые с 8 марта вели по официаль-

ным каналам министр иностранных дел Китая Ван Чжэнтин и английский посол М.Лэмпсон. Остальные державы выступали в роли наблюдателей, ожидая исхода этих переговоров.

10 апреля 1931 г. Ван Чжэнтин выступил перед представителями прессы с речью, в которой сообщил, что в переговорах с державами, в частности с Великобританией, достигнут некоторый успех. Ван Чжэнтин дал понять, что китайское правительство будет настаивать на своих требованиях и не пойдет на дальнейшие отсрочки решения вопроса. Это заявление показало, что правительство связывало будущее страны с отменой прав экстерриториальности и планировало предпринять этот шаг до созыва Национального собрания.

Не добившись быстрого успеха на переговорах с Великобританией, Нанкинское правительство вновь прибегло к тактике давления на державы. На заседании Национального собрания 4 марта 1931 г. было опять заявлено о намерении Китая отменить права экстерриториальности в одностороннем порядке и заключить новые договоры на основе уважения суверенных прав КР. В связи с этим были изданы Временные правила, ст. 2 которых предусматривала подчинение иностранцев китайскому суду с 1 января 1932 г. Однако в ст. 12 указывалось, что дата вступления в силу этих правил будет объявлена особо.

Последний раунд возобновившихся китайско-английских переговоров прошел более результативно. Английское правительство приняло решение подписать договор об отмене прав экстерриториальности, после того как закончатся переговоры Китая с другими державами по этому вопросу.

Выступление милитаристов на юго-западе Китая летом 1931 г. вынудило Нанкинское правительство обратиться к державам с просьбой о временном прекращении переговоров, а начавшаяся в сентябре 1931 г. японская агрессия в Маньчжурии практически сняла с повестки дня вопрос об отмене прав экстерриториальности в ближайшем будущем.

Гоминьдановское правительство в нанкинский период не смогло до конца претворить в жизнь свой политический курс и добиться отмены прав экстерриториальности иностранных граждан и юридических лиц в Китае, однако определенных успехов оно добилось. Из 31 государства, имевшего дипломатические отношения с Китаем, только четыре (Франция, Англия, Япония и США) сохранили права экстерриториальности. Остальные или отказались от своих привилегий или выразили согласие отказаться, как только это сделают все другие страны.

Захват Японией Северо-Востока Китая. Образование Маньчжоу-го

В первые годы после прихода к власти правительства Чан Кайши китайско-японские отношения были осложнены рядом нерешенных проблем, среди которых важное место занимал вопрос о признании Китаем особых прав Японии в Маньчжурии (размещать ограниченные контингенты японских войск вдоль

ряда железных дорог; осуществлять административную власть в районах, в которых находится собственность японцев или арендованные ими территории; держать полицейские формирования и т.д.). В заявлениях по проблемам внешней политики Национальное правительство неизменно подчеркивало, что оно в равной степени несет ответственность и за Маньчжурию, и за другие регионы Китая и не потерпит никакого вмешательства извне.

Японское правительство, считавшее Маньчжурию сферой своего влияния, однако, не раз заявляло о праве предпринять «эффективные шаги» в случае возникновения на Северо-Востоке угрозы миру и порядку. В августе 1928 г. чжанцзолиневские власти Мукдена (Шэньяна) выразили готовность официально признать Нанкинское правительство в качестве центрального правительства Китая. Этот шаг правителя Северо-Восточного Китая Чжан Сюэляна поставил под угрозу планы правящих кругов Японии и их особые права. Антияпонская направленность политики Чжан Сюэляна проявлялась также в поддержке им деятельности местных массовых организаций, выступавших против колонизации Маньчжурии японцами. Он одобрял и всячески поддерживал акции так называемого «Комитета по международным делам», созданного в Шэньяне летом 1929 г. в знак протеста против бесчинств японской армии на Южно-Маньчжурской железной дороге. Действия Чжан Сюэляна, шедшие вразрез с договорными правами Японии, находили поддержку в Нанкине и, соответственно, вызывали беспокойство и недовольство японских правящих кругов. Они не хотели создания независимого, единого и сильного Китая, который мог стать соперником Японии в Азии и помешать реализации ее экспансионистских планов.

После ухода в отставку кабинета Танака Гиити министром иностранных дел Японии стал Сидэхара Кидзюро, открывший двухлетний период так называемой «политики соглашений» в японо-китайских отношениях, направленной на защиту японских интересов мирными средствами. Сидэхара предпринял ряд шагов, которые, по его мнению, должны были способствовать уменьшению напряженности в отношениях с Нанкином. 5 сентября 1929 г. одному из руководящих деятелей Гоминьдана, Чжан Цзи, японская сторона сделала неофициальное предложение заключить китайско-японский пакт о ненападении. Этот договор предусматривал бы признание Японией Маньчжурии неотъемлемой частью Китая, отказ Токио от давления на Китай и агрессивной политики в отношении КР, а также экономическое развитие Маньчжурии на основе китайско-японского сотрудничества.

Однако эти шаги японского правительства не породили у Нанкина иллюзий относительно японской политики в Китае. Курс Чан Кайши и его сторонников на восстановление суверенитета Китая резко противоречил основным принципам так называемой «континентальной политики» Японии. Эти противоречия проявились и в ходе начавшихся в марте 1931 г. переговоров с Японией об отмене прав экстерриториальности.

На одном из заседаний Национальное правительство весной 1931 г. приняло решение о возвращении Китаю всех арендованных территорий, концессий и осо-

бых прав Японии в Маньчжурии. Эта мера касалась городов Дайрена (Далянь) и Порт-Артура (Люйшунь), Квантунской арендованной территории и Южно-Маньчжурской железной дороги (ЮМЖД). Обстановка в стране была благоприятной для принятия такого решения – весной 1931 г. на Северо-Востоке Китая усилились антияпонские настроения.

Японское правительство в начале 1931 г. предложило начать переговоры с китайскими властями Маньчжурии для решения вопроса о ЮМЖД при условии отказа последних от обсуждения спорных политических проблем и без непосредственного участия в переговорах Нанкинского правительства. Переговоры окончились безрезультатно. Позиция Чжан Сюэляна вызывала раздражение японской стороны, в Японии все громче звучали требования проводить более твердую политику в отношении Китая, нарастали антикитайские настроения. Еще в декабре 1930 г. был разработан план военного захвата Маньчжурии. В плане данный регион не рассматривался как часть суверенной китайской территории. Активно проводились военные учения и маневры японской армии. В июне в Японии была объявлена мобилизация, части японской армии приводились в боевую готовность и перебрасывались в Маньчжурию.

С целью создания предлога для вооруженного вмешательства японцы начали провоцировать беспорядки на Северо-Востоке Китая. Инциденты следовали один за другим (в июне возник конфликт между китайскими крестьянами и корейскими арендаторами, в июле – инцидент, связанный с исчезновением на территории Маньчжурии японского офицера – капитана Накамура). Местные китайские власти и Нанкинское правительство пытались урегулировать конфликты мирным путем, но это не устраивало японцев.

Чан Кайши стремился воздерживаться от любых действий, способных обострить китайско-японские отношения. Однако наличие антияпонских настроений в партии, правительстве и китайском обществе приводило к формированию двойственной политики: на официальном уровне Чан Кайши и МИД приказывали препятствовать антияпонским действиям, но в то же время поддерживали антияпонский бойкот через отделения Гоминьдана. Эта двойственная политика давала японцам повод для обвинения Чан Кайши и его сторонников в неискренности в деле достижения урегулирования конфликтов.

Обстановка в самом Китае и на международной арене благоприятствовала осуществлению агрессивных планов правящих кругов Японии. Еще не был завершен процесс реального объединения всей страны под властью Нанкинского правительства. Военные структуры Китая находились на начальном этапе реорганизации. США и западные державы были поглощены решением внутренних проблем, порожденных мировым экономическим кризисом, и поэтому не могли активно вмешиваться в события на Дальнем Востоке. 18 сентября 1931 г. на железнодорожном полотне в районе небольшой деревни Лютяоху, близ Мукдена, произошел взрыв поезда, организованный полковником японской военной разведки Доихара Кэндзи. Он был использован японцами в качестве предлога для вторжения японских войск в Маньчжурию. Взрыв был объявлен диверсией со

стороны китайской военной охраны и китайского персонала, обслуживавших железную дорогу. 18 сентября две роты японских солдат, якобы проводивших тактические учения, вышли на полотно железной дороги в районе Мукдена, но были встречены выстрелами китайской полицейской охраны. Японцы перешли в атаку, китайские солдаты и охранная полиция отступили. События развивались по японскому плану. Когда генерал Хондзё Сигэру прибыл к вечеру 19 сентября в Мукден, все крупные города к северу от Мукдена и до южного, правого берега р. Сунгари уже были оккупированы японскими войсками, а бригада полковника Хасэбэ Макото вступила в Чанчунь. Китайские войска в беспорядке отступили на северный берег Сунгари. Японская пропаганда в целях маскировки истинной сущности событий определяла их как «локальный инцидент». Однако предшествовавшие события свидетельствовали о том, что этот инцидент являлся хорошо спланированной акцией, положившей начало открытой японской агрессии в Китае.

«События 18 сентября» стали поворотным моментом в истории китайско-японских отношений. Они положили конец периоду дипломатической борьбы Китая и Японии за контроль над Маньчжурией и продемонстрировали переход Японии к силовым действиям в достижении своих целей в КР. Они также привели к изменениям во внешней политике Нанкинского правительства. Руководители Китая были вынуждены временно отказаться от борьбы за пересмотр или отмену неравноправных договоров, переключив внимание дипломатии КР на китайско-японские отношения. Нанкинское правительство направило в Токио три протеста с требованием вывести японские войска с китайской территории. Нанкин осудил Токио за обвинение Чжан Сюэляна в том, что он якобы организовал взрыв в районе Мукдена. Китай заявил о прекращении торговых отношений с Японией.

21 сентября в Нанкине состоялось экстренное заседание членов Национального правительства, представителей партии и военных кругов, на котором обсуждался вопрос об определении политического курса по отношению к Японии. Чан Кайши заявил, что Китай в условиях внутренней нестабильности должен всеми силами избегать крупномасштабной войны с Японией. Он был убежден в том, что китайские вооруженные силы, находившиеся в стадии реорганизации, ни в политическом, ни в организационном, ни в материальном отношениях не могут противостоять японским войскам. Он призвал не объявлять войну Японии, не разрывать дипломатических отношений с ней и временно занять выжидательную позицию. Однако, чтобы выиграть время для подготовки Китая к войне, Чан Кайши предложил обратиться за помощью в разрешении конфликта с Японией к Лиге Наций и США. Для пресечения японской агрессии в Китае китайский лидер сделал ставку на использование противоречий между державами.

Создание японского военно-стратегического плацдарма в Маньчжурии сопровождалось строительством стратегически важных железных и шоссейных дорог, портов, линий связи, укрепленных районов, усиленным развитием военной и в целом тяжелой промышленности. К моменту японской оккупации общая протяженность железных дорог в Маньчжурии составляла 6140 км (включая

КВЖД). К 1936 г. этот показатель достиг 8336 км. Одновременно с расширением наземного сообщения велась работа по созданию в Маньчжурии воздушного транспорта. В 1932 г. была основана Маньчжурская авиационная компания. В 1932–1945 гг. командование Квантунской армии вело в широких масштабах строительство авиабаз, аэродромов и посадочных площадок.

Создавая военный плацдарм на территории Маньчжурии, японцы также интенсивно развивали связь, быстрыми темпами строили здесь военные городки, казармы, госпитали, склады и другие помещения. Планами подготовки Японией крупномасштабной агрессии против Китая и Советского Союза предусматривалось и применение бактериологического оружия. В 1935–1936 гг. японский генеральный штаб и военное министерство создали на территории Маньчжурии секретные формирования, занимавшиеся подготовкой бактериологической войны.

В военном отношении правительство Чан Кайши заняло позицию пассивного сопротивления японской агрессии. Однако, несмотря на все усилия китайской дипломатии, Нанкинскому правительству не удалось добиться вывода японской армии с территории Северо-Восточного Китая. Япония быстро и с малыми потерями захватила Северо-Восточный Китай. Уже 9 марта 1932 г. японское правительство объявило о создании марионеточного государства Маньчжоу-го во главе с последним китайским императором Пу И, провозглашенным через два года императором Маньчжоу-го (девиз правления Кандэ – «спокойствие и добродетель»).

Политика Японии в Маньчжурии носила явно выраженный колонизаторский характер. Используя огромные природные ресурсы и имеющийся промышленный потенциал этого региона, японские власти стремились, с одной стороны, укрепить и расширить собственную экономическую базу, а с другой – превратить Северо-Восток в стратегический плацдарм на Азиатском материке для осуществления своих экспансионистских планов и вооруженной агрессии против Китая, Советского Союза, Монгольской Народной Республики. При этом Япония старалась как можно крепче привязать экономику Маньчжоу-го к своим внешнеполитическим интересам, превратить Пу И в послушное орудие своей агрессивной политики на Дальнем Востоке. Выступив с паназиатской доктриной «великой восточноазиатской сферы сопроцветания» под японской эгидой, правящие круги Японии отводили Маньчжоу-го особое место в реализации этого плана, рассчитывая, что вместе с остальным Китаем и Кореей это марионеточное государство составит ядро японской колониальной системы.

Китайская дипломатия в Лиге Наций (1931–1933). Соглашение в Тангу

21 сентября 1931 г. Нанкинское правительство через представителя Китая в Женеве Ши Чжаоцзи передало секретарю Лиги Наций послание, в котором, ссылаясь на ст. 11 Устава Лиги, призывало обратить внимание Совета Лиги Наций на конфликт между Китаем и Японией в ночь с 18 на 19 сентября и принять

незамедлительные меры к восстановлению статус-кво. Идентичную ноту в тот же день китайский временный поверенный в делах в США Жун Куй передал государственному секретарю США Г.Стимсону.

К моменту вторжения японских войск в Маньчжурию обстановка на международной арене складывалась не в пользу Китая. Несмотря на то что захват Японией северо-восточных провинций Китая обострил ее противоречия с США, Англией и Францией, последние заняли позицию выжидания и соглашательства, оставив Китай один на один с агрессором. В самом начале обсуждения китайско-японского конфликта в Лиге Наций группа немецких советников, находившихся на службе в Китае, довела до сведения МИД Германии просьбу китайского МИД поддержать предложения китайского представителя на заседании Лиги Наций в Женеве. Однако Германия отвергла просьбу китайского правительства и решила занять нейтральную позицию.

22 сентября при обсуждении конфликта китайский представитель Ши Чжаоцзи заявил, что китайская сторона не несет ответственности за создавшуюся ситуацию, так как японские войска без всякой причины атаковали китайские части и захватили ряд городов и железнодорожные коммуникации. Представитель Китая обратился к членам Лиги Наций с призывом обязать Японию вывести войска с китайской территории, восстановить статус-кво и возместить причиненный Китаю ущерб. От имени своего правительства Ши Чжаоцзи выразил готовность подчиниться любому решению Лиги Наций.

Японский представитель Ёсидзава Кэнкити отказался признать истинность фактов, приведенных Ши Чжаоцзи, утверждая, что речь идет лишь о незначительном локальном инциденте, а действия японской армии носят чисто оборонительный характер. Он заверял Совет Лиги Наций в том, что японское правительство выступает за мирное решение конфликта путем двусторонних переговоров без вмешательства третьей стороны.

Предложение Японии о проведении двусторонних переговоров противоречило позиции китайской стороны, выдвигавшей в качестве условия начала переговоров восстановление статус-кво на 18 сентября 1931 г. Нанкин считал, что китайско-японский конфликт в Маньчжурии нельзя рассматривать как локальный. Заслушав выступления представителей Китая и Японии, Совет Лиги Наций направил соответствовавшим ведомствам обеих стран телеграммы идентичного содержания, в которых сторонам предлагалось приложить усилия к недопущению дальнейшего расширения инцидента и немедленному отводу войск на ранее занимавшиеся позиции.

На секретном совещании Совета Лиги Наций 23 сентября Китай внес предложение об отправке в Маньчжурию комиссии из представителей нейтральных государств для выяснения обстановки на месте. Англия, Франция, Италия и Испания выразили согласие с этим предложением, но японский представитель Иосидзава не поддержал его под предлогом, что отправка такой комиссии может вызвать возмущение не только японской армии, но и народа и создаст для правительства Японии большие трудности. Того же мнения (вне Лиги Наций) при-

держивался и государственный секретарь США Г.Стимсон. В итоге предложение Китая осталось без последствий.

На заседаниях Совета 25 и 26 сентября продолжался обмен взаимно неприемлемыми требованиями, и обсуждение китайско-японского конфликта зашло в тупик. Ши Чжаоцзи продолжал настаивать на посылке комиссии в Маньчжурию и требовал от Совета принятия мер, обеспечивающих полное восстановление положения на 18 сентября.

Японская сторона сообщила о начале отвода своих войск и настаивала на решении конфликта путем двусторонних переговоров, а не на заседаниях Лиги Наций. 30 сентября председатель Совета Лиги Наций А.Бриан выдвинул проект резолюции, содержавший признание Советом важности заявления японского правительства об отсутствии у Японии территориальных притязаний в Маньчжурии и просьбу к обеим сторонам принять все меры для восстановления нормальных отношений. Ши Чжаоцзи попытался внести некоторые уточнения в этот проект, которые отражали бы требования китайской стороны о восстановлении статус-кво на 18 сентября 1931 г., об определении виновных за возникший конфликт и о формировании комиссии из представителей нейтральных государств для наблюдения за выводом японских войск с территории Маньчжурии. Однако японская сторона выступила против внесения каких-либо поправок в проект резолюции. Китай вынужден был принять предложенный А.Брианом проект, рассматривая его как первый шаг на пути урегулирования конфликта.

Нанкинское правительство продолжило борьбу за удовлетворение своих требований, пытаясь заручиться поддержкой держав. Для достижения этой цели нанкинские лидеры использовали различные средства, вплоть до прямых угроз. Так, 30 сентября министр финансов Сун Цзывэнь в неофициальной беседе с американским посланником У.Пеком выразил сожаление по поводу политики США и сообщил о намерении правительства Китая обратиться за помощью к СССР.

Резолюция Лиги Наций не повлияла на дальнейшее развитие событий в Маньчжурии и на Дальнем Востоке в целом. 27 сентября в Гирин прибыли дополнительные контингенты японских войск, в начале октября в Шанхай были направлены японские военные корабли. 8 октября Япония провела массированную бомбардировку порта Цзиньчжоу на юге Маньчжурии и начала наступление на Цицикар. Эти действия привели к некоторым изменениям в позиции США, которые отказались от поддержки идеи двусторонних переговоров между Китаем и Японией и перешли к совместным действиям с Лигой Наций.

В связи с расширением военных действий и бомбардировкой Цзиньчжоу Китай 13 октября обратился к Лиге Наций с просьбой вновь обсудить ситуацию. Китайский представитель в Лиге Наций снова потребовал отвода японских войск с оккупированных ими территорий. Поскольку бомбардировку Цзиньчжоу было трудно оправдать какими-либо принципами международного права, представители держав оказались в сложном положении. Однако и в этом случае они не стали принимать решительных мер в отношении Японии, более того, Англия и Франция выступили в ее защиту.

Опасаясь сговора Англии и Франции с Японией о разделе Китая, США направили в Лигу Наций в качестве наблюдателя американского консула в Женеве П.Джильберта. 24 октября Совет Лиги принял предложенный А.Брианом проект резолюции, который предусматривал немедленный отвод японских войск из Китая. К следующему заседанию Совета, т.е. к 16 ноября, все японские войска должны были быть выведены с китайской территории.

Япония голосовала против данной резолюции. Неодобрительно отнесся к ней и Г.Стимсон. Таким образом, Лига Наций продемонстрировала нежелание держав принять действенные меры для пресечения японской агрессии против Китая.

Япония ответила на октябрьское решение Лиги Наций наступлением в пров. Хэйлунцзян и захватом г. Цицикар. Попытки китайской армии под командованием генерала Ма Чжаньшаня сдержать японцев не имели успеха.

16 ноября в Париже вновь собрался Совет Лиги Наций. Китайский представитель Ши Чжаоцзи обратился к участникам совещания с призывом применить в отношении Японии ст. 16 Устава, предусматривавшую экономические санкции. Но представитель США Ч.Дауэс потребовал, чтобы Ши Чжаоцзи снял это предложение. Тогда 21 ноября по совету А.Бриана японский представитель Ёсидзава вынес предложение о немедленной отправке комиссии Лиги Наций в Маньчжурию для изучения обстановки на месте, оговорив при этом, что комиссия не будет вмешиваться в китайско-японские переговоры и осуществлять контроль над военными действиями.

В это время японские войска начали наступление на Цзиньчжоу. 25 ноября Китай потребовал от Совета Лиги Наций немедленно принять необходимые меры и создать нейтральную зону в районе Цзиньчжоу, в которой под контролем Лиги временно будут находиться войска нейтральных государств – Англии, Франции, Италии. Совет Лиги Наций удовлетворил требования Японии об отводе китайских войск за Великую Китайскую стену и о создании нейтральной зоны между позициями войск двух стран. Это означало, что китайские войска должны были отказаться от всех своих позиций в Маньчжурии.

Нанкин 4 декабря объявил о несогласии с предложением создать нейтральную зону. По инициативе японской стороны Лига Наций 10 декабря приняла резолюцию, предусматривавшую образование комиссии для «изучения обстановки в Маньчжурии». Официальная реакция Нанкинского правительства на резолюцию от 10 декабря была негативной. Тем не менее в январе была создана комиссия Лиги Наций во главе с лордом В.Литтоном. Решение маньчжурского вопроса было отложено до представления в Лигу Наций доклада комиссии Литтона.

К моменту прибытия комиссии Литтона в Китай в конце марта 1932 г. Япония завершила оккупацию Северо-Восточного Китая и создала там марионеточное государство Маньчжоу-го, сохранив реальную власть в руках военной администрации. Не дожидаясь обсуждения отчетного доклада комиссии Литтона в Лиге Наций, японское правительство поспешило 15 сентября признать де-юре Маньчжоу-го и подписать с ним договор о военном союзе, который предоставил Японии право дислоцировать войска в Маньчжурии.

Создание Маньчжоу-го означало конец политики «открытых дверей» на Северо-Востоке Китая, что нанесло серьезный удар по интересам Англии и США в этом регионе. Нанкинское правительство заявило о непризнании Маньчжоу-го. Китайский МИД направил ноты протеста Японии и всем государствам, подписавшим Вашингтонский договор 1922 г. Нанкинское правительство призывало державы обратить внимание на незаконные действия Японии, представлявшие угрозу территориальной целостности Китая. Официальный протест Китая в связи с признанием японским правительством Маньчжоу-го был передан и Лиге Наций.

После прибытия в Китай комиссия Литтона провела совещание с Чан Кайши и другими руководителями страны. Нанкин передал В.Литтону все имевшиеся в его распоряжении сведения о китайско-японском конфликте. Во время пребывания комиссии в Маньчжурии ей вручили 25 меморандумов, составленных Гу Вэйцзюнем и членами организованного им специального комитета для расследования событий на Северо-Востоке Китая. Они содержали фактический материал, правительственные заявления и другие документы о китайско-японском конфликте.

Составление доклада комиссии Литтона завершилось в начале сентября 1932 г., а 2 октября доклад был опубликован одновременно в Нанкине и Токио. Он и послужил основой для обсуждения ситуации в Маньчжурии на сессии Лиги Наций. В докладе отмечалось, что акция японской стороны 18 сентября 1931 г. представляла собой заранее спланированную агрессию, а не действия в целях самообороны, что китайцы в тот момент не имели ни плана нападения на японские войска, ни стремления создать угрозу для жизни и имущества японских подданных.

Комиссия Литтона констатировала, что «Маньчжурия является территорией Китая», но в то же время указывала, что конфликт не может быть решен посредством восстановления статус-кво на 18 сентября 1931 г., на чем настаивало Нанкинское правительство. Комиссия не приняла и японский вариант решения конфликта на основе признания Маньчжоу-го. Она предлагала считать «маньчжурский вопрос» не китайско-японским конфликтом, но международным вопросом, который следует решать только при активном участии держав. Для решения этой проблемы комиссия Литтона призывала державы к сотрудничеству в реконструкции Китая на основе принципа «открытых дверей».

После ознакомления с докладом комиссии Литтона Чан Кайши дал положительную оценку выводам, сделанным в первых восьми главах этого документа. Что же касается рекомендаций, содержащихся в гл. 9 и 10 доклада, то, по мнению Чан Кайши, в них уделялось слишком много внимания описанию военной мощи Японии, вместо того чтобы осудить ее за события 18 сентября 1931 г. Однако исходя из заинтересованности КР в привлечении на свою сторону симпатий Лиги Наций и мирового общественного мнения, Чан Кайши дал сравнительно сдержанную оценку доклада комиссии Литтона.

Японское правительство не удовлетворили рекомендации комиссии Литтона, оно оценило доклад как противоречивый и исказивший действительные факты.

Другие государства прореагировали на доклад неоднозначно. Правящие круги США выразили удовлетворение выводами и предложениями комиссии Литтона; по мнению Франции, японская активность в Маньчжурии способствовала стабилизации ситуации в дальневосточном регионе. Правящие круги Германии, у которых были тесные военные и экономические связи с Китаем, тем не менее склонялись к поддержке Японии.

Гу Вэйцзюнь (в центре) в Лиге Наций

Совет Лиги Наций начал рассмотрение доклада комиссии В.Литтона 21 ноября 1932 г. Первым на заседании выступил представитель Китая Гу Вэйцзюнь с критикой японского тезиса о том, что Китай якобы является «неорганизованным» государством. Гу Вэйцзюнь усомнился в том, что японское правительство действительно желает реального объединения Китая, так как в этом случае японской политике экспансии и мечтам о господстве в Азии был бы нанесен серьезный удар. Выступление японского представителя Мацуока Есукэ в основном свелось к утверждению, что Маньчжурия имеет с Японией тесные экономические связи, поэтому японское правительство не может допустить ущемления своих особых прав в этом районе.

В декабре обсуждение доклада комиссии Литтона было перенесено на заседание ассамблеи Лиги Наций, на которой представители Китая и Японии вновь изложили свои версии возникновения конфликта. Представители западных держав заняли откровенно прояпонскую позицию, усилия китайских дипломатов изменить ситуацию не увенчались успехом. После завершения прений 9 декабря 1932 г. было решено передать доклад комиссии Литтона для обсуждения в созданный в марте 1932 г. «комитет 19», которому поручили разработать соответствующий проект резолюции. Обсуждение доклада комиссии Литтона проходило в период дальнейшего расширения японской агрессии. 1 января 1933 г. после трехдневных кровопролитных боев японские войска заняли г. Шаньхайгуань, важный стратегический пункт на Мукден-Бэйпинской железной дороге, создав угрозу всему Бэйпин-Тяньцзинскому району.

Продвижение японских войск на юг встревожило Англию, США и Францию. 21 февраля 1933 г., в день начала японского наступления в пров. Жэхэ, снова собралась ассамблея Лиги Наций. Еще до начала заседания стало ясно, что дальнейшие попытки добиться мирного урегулирования китайско-японского конфликта не дадут результата. Причиной этого была абсолютно непримиримая позиция японского представителя Мацуока Ёсукэ по всем кардинальным проблемам, в частности по вопросу о признании всеми странами независимости Маньчжоу-го. 24 февраля 1933 г. ассамблея приняла резолюцию, составленную в духе двусмысленных предложений комиссии Литтона. В резолюции указыва-

лось, что урегулирование маньчжурского вопроса должно проводиться на основе Устава Лиги Наций, пакта Бриана–Келлога (заключен в августе 1928 г. в Париже; содержит положение об отказе от войны как орудия внешней политики) и Вашингтонского договора 1922 г. Китай и Япония должны начать переговоры об урегулировании этого вопроса с участием специального комитета, в котором будут представлены государства–члены «комитета 19», а также США и СССР. Члены Лиги Наций должны и впредь отказываться от признания Маньчжоу-го де-юре и де-факто ввиду несовместимости такого акта с основными принципами международного права. Двусмысленность и противоречивость этой резолюции заключалась в том, что, с одной стороны, она фактически признавала незаконный захват Маньчжурии японскими войсками и призывала членов Лиги Наций не признавать Маньчжоу-го, а с другой – отмечала наличие «особых прав и интересов» Японии в северо-восточных провинциях Китая.

Между тем Япония продолжала свои агрессивные действия в Китае. Февральская резолюция явилась последним актом рассмотрения маньчжурского вопроса на международных форумах. После начала японского наступления в пров. Жэхэ маньчжурский вопрос был вытеснен проблемой судьбы всего Китая.

Захват Шаньхайгуаня Японией стал прелюдией к вторжению в пров. Жэхэ. 21 января 1933 г. японский представитель Утида Ногаи заявил, что Жэхэ является частью Маньчжоу-го и если там возникнут беспорядки, то Япония не останется безучастной. Судя по записям в дневнике Чан Кайши, он не сомневался в агрессивных намерениях Токио и считал, что вторжение в Жэхэ являлось лишь вопросом времени. Положение Нанкинского правительства в начале 1933 г. усугубилось по сравнению с предшествующими годами. На вмешательство держав надеяться не приходилось, поскольку их интересы в Жэхэ были незначительны. Правительственные войска воевали с формированиями КПК в пров. Цзянси. Главная сила – северо-восточная армия нуждалась в переформировании и переоснащении. Под давлением общественного мнения Нанкинское правительство решило сопротивляться японской агрессии. Исполняющий обязанности председателя исполнительного юаня Сун Цзывэнь по указанию Чан Кайши направился в Бэйпин для обсуждения с Чжан Сюэляном проблем обороны пров. Жэхэ. Армия Чжан Сюэляна выступила на помощь провинциальным войскам Жэхэ. В Нанкине надеялись, что Чжан Сюэлян сумеет остановить японскую армию.

23 февраля японцы предъявили Национальному правительству ультиматум с требованием вывести войска Чжан Сюэляна с территории Жэхэ. МИД Китая отверг этот ультиматум. Через 10 дней японские войска сломили сопротивление китайских отрядов. После захвата столицы Жэхэ города Чэндэ 4 марта командующий Квантунской армией приказал занять главные проходы в Великой Китайской стене, что поставило Нанкинское правительство перед угрозой вторжения японских войск в собственно Китай. 6 марта в Баодин (пров. Хэбэй) прилетел Чан Кайши, чтобы на месте ознакомиться с положением дел. В своих выступлениях он обратил внимание на серьезную обстановку в Китае в связи с утратой

Части 29-й армии направляются в Сифэнкоу для оказания сопротивления японским агрессорам. Март 1933 г.

Северо-Востока и Жэхэ. Он отметил, что потерянные земли невозможно вернуть за один день и поэтому необходимо готовиться к затяжной войне. События в Жэхэ изменили расстановку политических сил и вызвали новый патриотический подъем в стране. Представители различных слоев населения требовали прекращения гражданской войны и отправки правительством войск на Север для отражения натиска японцев.

Китайские войска по указанию Чан Кайши заняли оборонительные позиции в районе Великой Китайской стены. Им был дан приказ «не допустить занятия японцами всей линии Великой Китайской стены». Развернувшиеся здесь кровопролитные бои продолжались до середины мая 1933 г. Сопротивление китайских войск сорвало японский план форсирования Великой Китайской стены в течение трех дней. Командующему китайскими войсками Сун Чжэюаню удалось одержать первую после «событий 18 сентября» значительную победу над японскими войсками и вернуть важный стратегический пункт Сифэнкоу. Тем самым было блокировано продвижение японцев из Жэхэ на запад, во Внутреннюю Монголию.

В конце марта в Китай вернулся и приступил к исполнению обязанностей председателя Исполнительного юаня Ван Цзинвэй. Его приезд оказал определенное влияние на обстановку в стране, а также на политику правительства в отношении Японии. В правительстве не было единого мнения по вопросу переговоров с Японией. Ван Цзинвэй стоял на позиции – «с одной стороны, сопротивление, с другой – переговоры». В начале апреля 1933 г. японским войскам удалось овладеть позициями китайских войск. Для обсуждения создавшейся обстановки 12 апреля в Наньчане была проведена конференция, в которой приняли участие Чан Кайши, Ван Цзинвэй, Сунь Кэ. Начавшаяся дискуссия выявила разногласия среди участников конференции. Чан Кайши поставил вопрос об укреплении национальной обороны. По его словам, единственный путь для сохранения независимости страны – сопротивление на протяжении 3–5 лет, пока не изменится международная обстановка или обстановка внутри страны. Ван Цзинвэй поставил на обсуждение вопрос о переговорах о прекращении боевых

действий с привлечением посредников – Англии и США. Желание Ван Цзинвэя соответствовало намерениям правящих кругов Японии.

Тем временем положение китайских войск в районе боевых действий непрерывно ухудшалось. В этой ситуации Ван Цзинвэй решил начать переговоры с японцами. Переговоры проводились в три этапа в обстановке полной секретности. Китай выдвинул следующие условия: переговоры должны закончиться только устным соглашением; на обсуждение должны быть поставлены только военные вопросы; вопрос о трех северо-восточных провинциях не будет затронут.

Переговоры шли трудно. Японцы выражали недовольство по поводу отправки Нанкином дополнительных военных контингентов в район боев, требовали отвода китайских войск на юг от Баодина, приезда на фронт в район Бэйпина–Тяньцзиня представителей китайского правительства, от которых ожидали обращения к командованию японской армии с предложением о заключении мира. В результате переговоры зашли в тупик. 22 мая японские войска, заняв г. Тунчжоу и ряд других населенных пунктов, создали непосредственную угрозу Бэйпину и Тяньцзиню. После этого Ван Цзинвэй решил закончить войну любыми средствами. Возобновившиеся в Бэйпине переговоры были перенесены в Тангу. Они проходили по-прежнему в обстановке строгой секретности и продвигались медленно, каждая сторона отстаивала свой проект соглашения. 31 мая японская сторона представила на обсуждение последний вариант соглашения, заявив, что она больше не будет ничего менять. Китайской сторона приняла предложенный Японией проект и 31 мая 1933 г. между Китаем и Японией было подписано соглашение о перемирии, положившее конец ожесточенным боям у Великой Китайской стены. Соглашение подписали в тот момент, когда обе стороны были заинтересованы в прекращении военных действий. Нанкин не располагал ни военными силами, ни возможностью организовать сопротивление агрессору. Японское правительство после захвата Жэхэ было заинтересовано во временном прекращении военных действий и урегулировании отношений с Китаем дипломатическими средствами с целью укрепления позиций на уже захваченной территории.

Соглашение в Тангу обе стороны считали перемирием, но постепенно японское правительство стало придавать этому соглашению политическое значение, и подписанный в Тангу документ заложил для Токио основы его политики по отношению к Китаю. Это соглашение открыло новый этап и политике китайского правительства, которое стало ориентироваться на компромисс с Японией.

Действия японских милитаристов по захвату Северного Китая

4 октября 1935 г. на заседании японского парламента с участием высокопоставленных чиновников МИДа, генералов и адмиралов был одобрен проект организации движения за автономию Северного Китая. Автономизацию Северного Китая предполагалось осуществить в три этапа: вывод войск китайского прави-

тельства из этого региона; вербовка недовольных Нанкином китайских политиков, выразивших готовность сотрудничать с Токио; давление на Нанкин с целью добиться предоставления особого статуса провинциям Хэбэй, Шаньдун, Шаньси, Суйюань и Чахар.

С этой целью в Северный Китай в середине октября был направлен японский генерал Доихара Кэндзи. Японское командование руководствовалось принципом «управлять китайцами с помощью китайцев» и опиралось на прояпонски настроенных местных китайских политиков – Тан Эрхэ, Ван Кэминя, Ван Итана, Цзи Сеюаня. Японцы создавали специальные организации для автономистского движения, например «Общество спасения народов Северного Китая», «Ассоциация народов Северного Китая для обеспечения быстрого развития». Членов этих обществ вербовали разными способами, в том числе и с помощью подкупа.

Центральными фигурами, на которые делал ставку Токио, были северные генералы Сун Чжэюань, Янь Сишань, Шан Чжэнь и Хань Фуцзюй. Роль руководителя движения сначала отводилась губернатору пров. Шаньси Янь Сишаню, однако он отказался играть предназначенную ему роль и опубликовал открытое письмо, в котором осудил действия японцев в Северном Китае. О японских предложениях и своем отказе Янь Сишань сообщил Нанкинскому правительству. Не согласился с предложением японцев и губернатор пров. Шаньдун Хань Фуцзюй. 13 октября Чан Кайши прилетел в Тайюань на встречу с Янь Сишанем и предложил ему пост председателя Политического совета Северного Китая, если он сумеет сплотить всех северных генералов вокруг идеи сопротивления Японии. Такие же поездки на север совершали доверенные лица Чан Кайши.

Антияпонские настроения Чан Кайши вызывали все большее недовольство в военных кругах Японии, которые осенью 1935 г. начали против него открытую кампанию, обвиняя Чан Кайши в создании препятствий движению за автономию Северного Китая. Выступая против Чан Кайши и его сторонников, японские военные круги выражали поддержку тем деятелям в Гоминьдане и Нанкинском правительстве, которые стремились к сотрудничеству с Японией, прежде всего группировке Ван Цзинвэя.

Стремясь к отторжению Северного Китая, японское правительство одновременно усиливало давление по дипломатическим каналам. 7 октября 1935 г. оно официально заявило китайскому послу Цзян Цзобиню о своей так называемой «новой китайской политике» как основе для переговоров о заключении китайско-японского договора о дружбе. «Новая политика» нашла выражение в «трех принципах Хирота» (по имени министра иностранных дел Японии Хирота Коки). Токио требовал от Китая подавить в стране антияпонское движение, отказаться от ориентации на Европу и Америку, следовать курсом на дружбу с Японией, официально признать Маньчжоу-го и развивать с ним всесторонние отношения и культурные связи, особенно в прилегавших к Маньчжоу-го провинциях Северного Китая, а также сотрудничать с Японией в северных провинциях в целях предотвращения «коммунистической угрозы». В случае принятия Китаем «трех принципов Хирота» японское правительство готово обсудить условия до-

говора о ненападении, предложенного Нанкином Японии в сентябре 1935 г. В своей книге «Судьбы Китая» Чан Кайши оценил «три принципа Хирота» как попытку Японии подчинить Китай в политическом и экономическом отношении. После получения официального сообщения о японском демарше в Нанкине были проведены совещания с участием Чан Кайши, Ван Цзинвэя, председателя Законодательного юаня Сунь Кэ и других деятелей высокого ранга. В итоге Чан Кайши решил уклониться от прямого ответа на послание японцев. 21 октября 1935 г. по поручению Чан Кайши китайский посол в Японии Цзян Цзобинь подтвердил изложенную ранее позицию Китая, снова отклонив возможность переговоров об официальном признании Маньчжоу-го. В ответ 29 октября японский посол в Китае Ариоси Акира сделал в Шанхае заявление, призвав к созданию в Северном Китае «надежного и внушающего доверие правительства».

Между тем развитие событий в Северном Китае вызвало беспокойство в Лондоне, где опасались возможности распространения японской агрессии в долину Янцзы, где были сосредоточены основные интересы Англии. Английское правительство решило принять срочные меры финансовой помощи Китаю, чтобы усилить его сопротивление японской агрессии.

События в Северном Китае со всей остротой поставили перед Нанкином вопросы о единстве страны и четком определении политики в отношении Японии. Эти вопросы оказались в центре внимания участников V съезда Гоминьдана, открывшегося в Нанкине 12 ноября 1935 г. В его работе принимали участие все влиятельные члены партии, в том числе генералы Фэн Юйсян, Хань Фуцзюй, Янь Сишань, Фу Цзои. Первоочередной задачей Чан Кайши провозгласил усиление Китая как необходимую предпосылку перехода к военным действиям против японского агрессора.

На съезде Чан Кайши удалось упрочить свое положение в Гоминьдане. Войдя в новый состав ЦИК Гоминьдана, он получил больше возможностей для формулирования внешней политики страны. Это было тем более важно, что в правительстве и даже среди ближайшего окружения Чан Кайши было немало сторонников прояпонской ориентации. Укрепив свое положение в Гоминьдане, Чан Кайши прежде всего попытался воспрепятствовать развитию сепаратистских тенденций в стране и предотвратить провозглашение автономии Северного Китая, где обстановка становилась все более напряженной. Представители японских военных кругов активизировали там свою деятельность, прибегая к ультимативным заявлениям и угрозам. 11 ноября Доихара приехал в Бэйпин и передал Сун Чжэюаню проект создания автономного государства на Севере Китая, предусматривавший экономическое сотрудничество с Японией и совместную борьбу против коммунистов.

Усиливалось и дипломатическое давление правящих военных кругов Японии на Нанкин. 20 ноября состоялась встреча Чан Кайши с японским послом Ариоси, который приехал с твердым намерением добиться от китайского лидера четкого определения своего внешнеполитического курса. В ходе продолжительной беседы обсуждалась обстановка в Северном Китае, причем Чан Кайши предло-

жил японскому послу отказаться от поддержки автономистского движения в Северном Китае.

После беседы с Ариоси Чан Кайши дал указание китайским дипломатам за рубежом довести до сведения других государств намерение Нанкина оказать сопротивление провозглашению автономии Северного Китая. Губернаторы северных провинций получили приказ прекратить всякие переговоры с Японией, так как отныне их будут проводить только центральные власти. МИД Китая также потребовал отзыва Доихара из Китая.

Нанкину удалось воспрепятствовать провозглашению автономии Северного Китая по японскому плану. Автономию получили не пять, а только две провинции – Хэбэй и Чахар, точнее, те их уезды, которые еще оставались под контролем китайского правительства. Нанкин сулил сохранить за собой в этом регионе юридическую власть, а также контроль над финансами и внешними отношениями.

Китайско-советские отношения

Начавшаяся еще в период Северного похода гражданская война между нанкинской властью и КПК была фактором, дестабилизирующим обстановку на Дальнем Востоке и осложнившим отношения между КР и СССР.

Новый правитель Маньчжурии Чжан Сюэлян проводил линию на вытеснение Советской России из контролируемого им региона. В мае 1929 г. китайская полиция провела обыск в генконсульстве СССР в Харбине, в ходе которого были изъяты документы, которые якобы содержали сведения о причастности консульства к коммунистической пропаганде и поставкам оружия КПК. В июле 1929 г. на встрече Чжан Сюэляна и Чан Кайши было принято решение захватить КВЖД. Чан Кайши рассматривал такой вариант развития событий как одно из звеньев курса на пересмотр неравноправных договоров с иностранными государствами. Решение Нанкина захватить КВЖД противоречило советско-китайским соглашениям 1924 г. Чан Кайши рассчитывал, что национализация Китаем КВЖД получит поддержку Запада, а Советский Союз, оказавшись в международной изоляции, не рискнет применить военную силу для защиты своих интересов. 10 июля 1929 г. власти Маньчжурии взяли под контроль КВЖД, более 200 советских сотрудников, работавших на КВЖД, были арестованы, закрыто большинство советских учреждений.

Москва реагировала быстро и решительно. 17 июля Советское правительство заявило об отзыве из Китая всех дипломатических, консульских представителей, а также работников администрации КВЖД. Китайской миссии в Москве было предложено покинуть пределы СССР, между обеими странами прекратилось железнодорожное сообщение.

В ноябре 1929 г. Особая Дальневосточная Красная армия под командованием В.К.Блюхера перешла границу с Китаем в районе станции Маньчжурия, разбила противостоящую ей военную группировку (200 тыс. человек), взяв в плен поло-

вину войска Чжан Сюэляна, который не получил военной помощи от Чан Кайши. В декабре 1929 г. в Хабаровске был подписан советско-маньчжурский протокол, предусматривавший восстановление статус-кво на КВЖД, освобождение арестованных советских граждан. Консульства СССР в Маньчжурии и консульства Маньчжурии на территории СССР возобновили работу.

Урегулирование ситуации на КВЖД, однако, не привело к нормализации дипломатических отношений между СССР и Китаем, так как Чан Кайши отказался признать Хабаровский протокол. Международная реакция также была неоднозначной. Западные державы выражали недовольство тем, что СССР, присоединившийся к пацифистскому пакту Бриана–Келлога, применил военную силу для защиты своих государственных интересов. Не получило их поддержки и поведение маньчжурских властей, захвативших чужую собственность. Просьба Китая рассмотреть вопрос в Совете Лиги Наций была отклонена. США, поддержанные Англией и Францией, предложили передать претензии сторон в Третейский суд в Гааге. В Москве категорически отвергли это предложение, усмотрев в нем попытку поставить КВЖД под международный контроль. Япония и Германия высказались за проведение прямых советско-китайских переговоров без участия третьих стран. В целом конфликт на КВЖД нанес большой ущерб миру и безопасности на Дальнем Востоке, советско-китайские противоречия значительно облегчили агрессивным силам Японии вторжение в Китай.

В 30–40-х годах отношения между СССР и КР развивались на фоне резкого обострения международной обстановки и кризиса Версальско-Вашингтонской системы. Они испытывали воздействие разноплановых процессов и событий: японской агрессии в Китае, борьбы региональных китайских военно-политических группировок против Нанкинского правительства, гражданской войны в Китае. Что касается основных китайских политических партий – Гоминьдана и КПК, то обе партии выступали за создание на китайской земле объединенного, независимого государства. Эта общая позиция открывала в перспективе возможность единства действий двух партий в борьбе против общего врага – Японии. К тому же как Гоминьдан, так и КПК были заинтересованы в развитии отношений с СССР.

На рубеже 20–30-х годов советская дипломатия на дальневосточном направлении ориентировалась на поддержание добрососедских отношений и с Китаем, и с Японией. Правительство СССР и советская общественность были серьезно озабочены развитием событий в Китае. В сентябре 1931 г. все еще не были восстановлены прерванные в 1929 г. советско-китайские дипломатические и консульские отношения, что явилось одним из обстоятельств, облегчивших вторжение Японии в Китай. Их восстановление в полном объеме явилось одним из прямых последствий японской агрессии в Маньчжурии. 26 июня 1932 г. представитель Китая в Комитете по разоружению в Женеве Янь Хуэйцин изложил наркому иностранных дел СССР М.М.Литвинову официальное предложение правительства КР восстановить дипломатические отношения между двумя странами и подписать одновременно договор о ненападении между КР и СССР.

В Нанкине и столицах ряда иностранных государств надеялись, что нормализация советско-китайских отношений может ускорить начало японо-советской войны. Советский полпред Д.В.Богомолов, прибывший в Нанкин в начале 1933 г., в одном из первых докладов в Москву писал, что в китайском обществе широко обсуждается возможность пограничных столкновений советских и японских войск. Правительство КР не исключало также, что восстановление дипломатических отношений с СССР будет способствовать стабилизации японо-китайских отношений.

Советское правительство, принимая решение по вопросам советской дальневосточной политики, учитывало, что не только Китай, но и СССР не были готовы к войне с Японией, а тем более – к войне на два фронта. Советские программы модернизации страны находились в начальной стадии, советская оборонная стратегия не предусматривала превентивной войны с Японией.

Китайское правительство приняло решение о нормализации отношений с СССР, несмотря на наличие серьезной проблемы в советско-китайских отношениях, связанной с отношениями Советского государства и Коминтерна с Компартией Китая. КПК получала из Москвы руководящие указания и разнообразную помощь, включая военную и финансовую. Формально это была помощь по линии Коминтерна, но фактически речь шла о поддержке Советским Союзом китайских коммунистов. Несмотря на это, в Нанкине помнили, что в 20-х годах СССР оказал большую помощь национально-революционным силам Китая в создании армии, организации Северного похода НРА во главе с Чан Кайши, т.е. что на том этапе китайской истории СССР поддержал Гоминьдан в борьбе за власть и объединение страны. Чан Кайши и его единомышленники осознавали значимость возможной поддержки Китая со стороны Советского Союза.

После получения в Москве информации о событиях 18 сентября 1931 г. заместитель наркома иностранных дел СССР Л.М.Карахан на встрече с представителем Нанкинского правительства Мо Дэхуэем заявил, что в связи с этим инцидентом возрастает необходимость нормализации отношений между СССР и Китаем. В заявлении Л.М.Карахан также отметил, что китайское правительство может совершенно свободно предпринимать те шаги, которые оно считает нужным, и что СССР всегда стоял и стоит за развитие дружественных отношений с Китаем.

В Москве изучили предложение правительства КР о подписании пакта о ненападении между двумя странами одновременно с восстановлением в полном объеме дипломатических и консульских отношений между СССР и Китаем. Отметим, что к этому времени (декабрь 1931 г.) Япония отказалась подписать с СССР такой пакт.

В итоге правительство СССР приняло решение нормализовать советско-китайские дипломатические отношения в полном объеме, переговоры же по вопросу заключения пакта о ненападении было решено провести после восстановления двусторонних отношений. Важнейшей задачей советской дальневосточной политики стало оказание поддержки Китаю в отражении японской агрессии в том слу-

чае, если Китай встанет на путь антияпонской борьбы, сохраняя в то же время на должном уровне советско-японские отношения и не допуская войны с Японией. Оккупация Японией Маньчжурии осложнила советско-японские отношения. Вытеснение России из региона стало важным направлением японской политики.

После восстановления советско-китайских дипломатических отношений основные усилия советской дипломатии в 1931–1937 гг. были направлены на развитие межгосударственных отношений. Одновременно в начале 30-х годов Советское правительство, учитывая фактическую независимость или полунезависимость ряда китайских регионов от Центра (расположенных близ линии советско-китайской границы), поддерживало с такими провинциями весьма широкие торгово-экономические и другие связи. При этом предполагалось, что власти этих провинций информируют Нанкинское правительство о соответствующих контактах.

Вторжение японских войск в Маньчжурию потребовало от советского руководства принять меры к укреплению обороноспособности дальневосточных рубежей СССР и активизации усилий по созданию системы международной коллективной безопасности. В декабре 1934 г. СССР вступил в Лигу Наций, намереваясь использовать форумы этой международной организации как трибуну для защиты стран, подвергшихся агрессии извне.

Закрепление японской армии в Маньчжурии и создание на территории Северо-Восточного Китая плацдарма агрессии на материке чрезвычайно обострило обстановку на Дальнем Востоке. Практически ни одно государство Азии не было застраховано от включения его территории в зону действий японской армии. В этой ситуации СССР неоднократно предлагал начать переговоры со всеми тихоокеанскими державами о заключении регионального Тихоокеанского пакта о взаимопомощи. Одновременно Советское правительство принимало меры против втягивания России в войну с Японией. Дипломатические представители СССР за рубежом получили указание придерживаться строгого нейтралитета и ограничиваться регистрацией фактов. Вместе с тем советские власти на Дальнем Востоке, откликнувшись на просьбы китайской стороны, оказали китайским силам сопротивления японской агрессии поддержку оружием и боеприпасами. Китайской армии генерала Су Бинвэня, отступавшей с боями под натиском японских сил к советским границам, было дозволено перейти советско-китайскую границу на Северо-Востоке. Впоследствии она была репатриирована в Китай.

При принятии решения по вопросу отношения к государству Маньчжоу-го Советское правительство учитывало ряд неоднозначных обстоятельств. Москва не могла игнорировать режим Пу И, делая вид, что этот режим не существует. Между СССР и Маньчжоу-го пролегала линия границы, существовали проблемы, связанные с судоходством по пограничным рекам, на территории Маньчжоу-го сохранялась советская собственность (КВЖД), функционировали хозяйственные организации СССР. Советская колония на территории Маньчжурии насчитывала до 40–45 тыс. человек, многие граждане прожили на данной территории длительное время. Защита жизни и имущества советских граждан в Маньч-

чжурии также являлась проблемой, которую должны были решать советские власти. В связи со всем этим нарком иностранных дел СССР М.М.Литвинов выразил японскому послу в Москве серьезную обеспокоенность в связи с действиями японской армии, напомнив, что они грубо нарушают Портсмутский договор 1905 г., запрещавший Японии размещать войска в Маньчжурии. Посол Японии заверил М.М.Литвинова, что Токио примет надлежащие меры для предотвращения столкновения с интересами СССР в зоне КВЖД и нанесения ей ущерба. Он одновременно отметил, что договор 1905 г. Япония подписала с Российской империей (а не с СССР).

Вопросы внутренней и внешней политики Маньчжоу-го решались в Токио. Одной из важнейших стратегических задач советской внешней политики, как отмечалось, было сохранение добрососедских отношений со всеми странами региона. Согласно директивам НКИД СССР, полпреду СССР в Японии А.А.Трояновскому, советским представителям в Японии поручалось вступить в неофициальные переговоры с японскими дипломатами по вопросу о советско-маньчжурских отношениях. Директивы допускали возможность сотрудничества с властями Маньчжоу-го де-факто на тех же условиях, что и с властями Маньчжурии, которые определялись Соглашением между правительством СССР и правительством трех автономных восточных провинций Китайской Республики (20 сентября 1924 г.).

Между тем японская сторона добивалась официального признания Советским Союзом Маньчжоу-го. После того как Япония вышла из Лиги Наций (1933 г.), а СССР вступил в Лигу (1934 г.), вопрос о признании Советским Союзом маньчжурского режима де-юре был Москвой снят, однако де-факто отношения поддерживались. В 1932 г. открылись консульства Маньчжоу-го в Чите и Благовещенске. Вопрос же об открытии генконсульства Маньчжоу-го в Москве, на чем настаивали японские и маньчжурские власти, был заблокирован.

Одним из серьезных препятствий на пути развития китайско-советских отношений была так называемая «проблема доверия» руководства Гоминьдана к СССР, а руководства СССР – к Чан Кайши и другим лидерам Гоминьдана. Учитывая сложную историю развития советско-китайских отношений, руководство Гоминьдана приняло решение активизировать неформальные каналы связи с советским руководством, прежде всего с И.В.Сталиным. Советское правительство пошло навстречу пожеланиям Чан Кайши об установлении таких контактов. Одной из первых акций в данной сфере стал прием на высоком военном уровне китайской военной делегации. Ее глава, генерал Ян Цзе, интересовался возможностью поставок советского оружия в Китай. В начале октября 1934 г. Д.В.Богомолов сообщил в НКИД СССР о переданной ему через министра финансов Кун Сянси просьбе Чан Кайши оказать содействие профессору Цзян Тинфу в организации неофициальной поездки в Москву. В связи с этой просьбой Б.С.Стомоняков, курировавший данное направление советской внешней политики, 16 октября 1934 г. принял Цзян Тинфу. Китайского эмиссара в Нанкине обязали выяснить, не является ли личность Чан Кайши препятствием для возоб-

новления подлинно дружественных советско-китайских отношений, поскольку именно Чан Кайши играл руководящую роль в Китае во время разрыва дипломатических отношений между Китаем и СССР в 1929 г.

Б.С.Стомоняков, излагая Цзян Тинфу советскую позицию по Китаю, подчеркнул, что советское руководство относится к Чан Кайши как к руководителю дружественного Советскому Союзу государства и никакие личные моменты или предрассудки не могут отразиться на китайской политике СССР. Стомоняков согласился также со словами, якобы сказанными Чан Кайши профессору Цзян Тинфу, что Китай и СССР имеют общие интересы и если по интересам СССР будет нанесен какой-либо удар, то это будет означать удар и по интересам Китая.

Таким образом, во второй половине 1934 г. началось сближение позиций руководства двух стран по проблемам советско-китайских отношений. В этой обстановке Чан Кайши поставил вопрос и о возможности возвращения его сына из СССР на родину. Цзян Цзинго, сын Чан Кайши, с 1925 г. жил, учился и работал в Москве и на Урале. 8 марта 1937 г. Политбюро ЦК ВКП(б) приняло решение не возражать против поездки в Китай сына Чан Кайши, если он сам с этим согласен. В начале мая 1937 г. Цзян Цзинго вернулся в Китай. В последующие годы Чан Кайши с успехом использовал неформальные каналы связи, направляя в Москву своих специальных представителей из числа доверенных лиц, среди них был и его сын.

Советская дипломатия решала важнейшую задачу оказания реальной помощи Китаю и одновременно нормализации отношений с Японией, не давая Токио повода для развязывания войны против СССР. Переговоры о подписании советско-китайского пакта о ненападении, начавшиеся в 1933 г., проходили медленно, с большими перерывами и завершились лишь в августе 1937 г., после того как Япония развернула широкомасштабные военные действия в Центральном Китае. Переговоры же о подписании договора о торговле, начавшиеся также в 1933 г., завершились в 1939 г.

11 мая 1933 г. китайская сторона вручила советскому полпреду Д.В.Богомолову проект пакта о ненападении между КР и СССР. Однако вскоре, летом 1934 г., Ван Цзинвэй заверил японскую сторону, что Китай не подпишет такого пакта с Советским Союзом. В беседе с советским полпредом 11 октября 1934 г. Ван Цзинвэй заявил, что пакт о ненападении в данное время не нужен ни Китаю, ни СССР, ибо оба государства не являются агрессорами, а напротив, государствами, которым угрожает агрессия. К тому же оба государства являются членами Лиги Наций, что освобождает их от необходимости заключать особые пакты о ненападении.

Тем не менее советские и китайские лидеры продолжали, хотя и очень осторожно, искать пути к дальнейшему сближению позиций. В 1933–1934 гг. Советское правительство приняло ряд решений по такой чувствительной в советско-китайских отношениях проблеме, как политика СССР по отношению к Синьцзяну. 3 августа 1933 г. Политбюро ЦК ВКП(б) утвердило директивы о работе в Синьцзяне, которые объявляли неприемлемыми любые формы содействия се-

паратистам в Синьцзяне и подтверждали поддержку китайского суверенитета в этом регионе. СССР признавал наличие своих значительных экономических интересов в Синьцзяне и стремился к укреплению связей с регионом, что соответствовало интересам и самого Синьцзяна, для которого СССР в силу своего географического положения и слабости инфраструктуры Китая был едва ли не единственным рынком сбыта местной продукции.

В июле 1934 г. было положено начало переписке советского руководства (И.В.Сталин, В.М.Молотов, К.Е.Ворошилов) с губернатором Синьцзяна Шэн Шицаем, в ходе которой подтверждалась изложенная выше позиция Советского Союза. В директивном письме Шэн Шицая советскому советнику Г.А.Апресову особо подчеркивалось, что СССР стоит твердо и непоколебимо на позиции сохранения целостности Китая и не имеет ни прямых, ни косвенных притязаний на какую-либо часть Китая. В письме Шэн Шицая в Москву от 1 ноября 1934 г. выражалось его согласие с рекомендациями советской стороны по поводу поддержки нанкинского Национального правительства.

Советскому полпредству в Нанкине поручалось разъяснить правительству КР цели и задачи сотрудничества СССР с местными властями Синьцзяна. 8 августа 1934 г. НКИД СССР указал полпреду Д.В.Богомолову, что «важнейшим практическим вопросом наших отношений с Нанкинским правительством является договоренность относительно Синьцзяна». Вопрос о Синьцзяне постоянно присутствовал в советско-китайских отношениях 1935–1937 гг., оставаясь одной из приоритетных межгосударственных проблем.

На малонаселенном синьцзянском пространстве тлели очаги межнациональных конфликтов, располагавшиеся вблизи советских границ, что не могло не беспокоить советские власти. К тому же в советской торговле со странами Азии Синьцзян занимал третье место, после Ирана и Монголии. Внешняя торговля в основном велась через компанию «Совсиньторг». СССР также оказывал властям Синьцзяна значительную финансовую, военно-техническую, инструкторскую помощь. В феврале 1935 г. Политбюро ЦК ВКП(б) приняло решение о предоставлении правительству провинции кредита на сумму 5 млн. золотых рублей. Правительство Чан Кайши внимательно наблюдало за действиями СССР в Синьцзяне, проявляя озабоченность активностью советских внешнеторговых и других ведомств.

21 марта 1935 г. нарком иностранных дел М.М.Литвинов в беседе с китайским послом Янь Хуэйцином подчеркнул заинтересованность СССР в сохранении и развитии торговли с Синьцзяном. Советские дипломаты неоднократно подтверждали, что СССР будет неизменно приветствовать усиление авторитета правительства КР в Синьцзяне. В более поздний период, в начале Антияпонской войны, в 1937–1938 гг., проходящие через Синьцзян тракты стали важнейшими путями, по которым СССР направлял сражавшемуся Китаю военно-техническую помощь, а также инструкторов.

Значительное место в советско-китайских отношениях первой половины 30-х годов занимала «монгольская проблема». В советско-китайском Соглаше-

нии от 31 мая 1924 г. было зафиксировано, что Внешняя Монголия является составной частью Китайской Республики (ст. 5). Между тем с 1921 г. в этом регионе при активном участии Москвы шел процесс создания монгольской национальной государственности, власти Улан-Батора считали свою страну независимой, там действовало советское полпредство на уровне дипломатической миссии.

После оккупации японской армией Маньчжурии и продажи КВЖД японо-маньчжурской стороне в 1935 г. (см. далее) начались регулярные вооруженные провокации на маньчжурском участке монголо-китайской границы. Монголо-маньчжурские переговоры по пограничным вопросам (июнь–ноябрь 1935 г.) положительных результатов не дали. В ноябре 1934 г., во время визита в Москву монгольской делегации во главе с премьер-министром Гендуном, была достигнута договоренность об оказании Советским Союзом Монголии помощи в случае агрессии со стороны третьей державы. Договоренность имела характер «джентльменского соглашения». В январе 1936 г. монгольское руководство обратилось к СССР с просьбой о военной помощи. Ввиду резкого обострения ситуации на монголо-маньчжурской границе 12 марта 1936 г. в Улан-Баторе был подписан советско-монгольский Протокол о взаимной помощи, который в письменном виде зафиксировал достигнутую ранее устную договоренность.

14 апреля 1936 г. Б.С.Стомоняков в беседе с поверенным в делах КР в СССР У Наньжу подчеркнул, что, подписывая этот документ, «мы были убеждены и убеждены в этом сейчас, что защита нами Внешней Монголии от завоевания ее Японией соответствует не только интересам СССР, но и Китая, поскольку Китай по географическим и иным соображениям не имеет в настоящее время возможности сам защитить Внешнюю Монголию и поскольку ее завоевание Японией нанесло бы очевидный ущерб Китаю со всех точек зрения». Посол Д.В.Богомолов 30 апреля 1936 г. сообщил в Москву о беседе с Сун Цзывэнем по «монгольской проблеме». Сун Цзывэнь, выражая «свое личное мнение», сказал, что он в принципе за протокол, но опасается возражения правительства с юридической точки зрения. Советскому полпреду не удалось обсудить в тот момент данную проблему с Чан Кайши, который был «очень занят» и поручил Кун Сянси переговорить с Д.В.Богомоловым. Точка зрения Кун Сянси в основном совпадала с «личным мнением» Сун Цзывэня.

По просьбе руководства Монголии на ее территорию были введены советские войска. Вооруженные провокации на границе временно прекратились, но возобновились в середине 1937 г. Полпред СССР в Монголии В.Х.Таиров вручил премьер-министру МНР А.Амару ноту, в которой подчеркивалось, что подписание упомянутого выше протокола ни в коей мере не противоречит советско-китайскому соглашению от 31 мая 1924 г., которое, сохраняя силу, допускает и предусматривает принятие мер (включая военные), направленных на обеспечение безопасности границ Внешней Монголии. Между тем официально правительство КР выступило против подписания советско-монгольского Протокола о взаимной помощи как противоречившего статье 5-й советско-китайского соглашения. В ноте министра иностранных дел Китайской Республики полпреду СССР

в КР Д.В.Богомолову 7 апреля 1936 г., со ссылкой на упомянутое советско-китайское соглашение, подчеркивалось, что Внешняя Монголия является частью Китайской Республики, и ни одно государство не может заключать с ней какие бы то ни было договоры и соглашения.

Вопрос о необходимости подписания Протокола о взаимной помощи, как отмечалось, возник в связи с резким обострением положения на монголо-маньчжурской границе. По многим каналам в Москву стекалась информация о планах Японии создать во Внешней Монголии государство по типу Маньчжоу-го. Вопрос о подписании данного протокола предварительно не обсуждался Советским правительством с руководством КР. Вместе с тем ответственные представители Нанкинского правительства допускали, что подписание Протокола может остановить японскую агрессию против Внешней Монголии.

Принятые советской стороной дипломатические и военные меры (ввод советских войск в Монголию) вынудили Японию временно отступить. Процесс решения «монгольской проблемы» в контексте советско-китайских отношений возобновился накануне вступления СССР в войну на Тихом океане, в ходе советско-китайских переговоров в Москве в июне–августе 1945 г. В 1946 г. в МНР был проведен референдум о независимости, и правительство КР признало МНР в качестве суверенного государства.

Значительное место в международных отношениях на Дальнем Востоке в первой половине XX в. занимала проблема КВЖД, что определялось экономическими, политическими и военно-стратегическими факторами развития ситуации в регионе. КВЖД была построена Россией на русские средства на китайской территории в соответствии с договором между Россией и Китаем, подписанным в 1896 г. Для России КВЖД являлась кратчайшим путем из центра до дальневосточных окраин страны. Для Китая строительство КВЖД и обслуживавших КВЖД комплексов промышленных предприятий и других инженерно-технических сооружений также имело большое политико-экономическое значение, так как в краткий исторический срок превратило Северо-Восток Китая в крупнейший промышленный регион страны.

По договору 1896 г., через 80 лет после окончания строительства дороги она должна была перейти в собственность Китая, а через 36 лет (т.е. в 1939 г.) после открытия сообщения по КВЖД правительство Китая имело право выкупить дорогу, возместив вложенные в строительство средства. КВЖД строилась в 1897–1903 гг., Россия израсходовала на этот проект 375 млн. золотых рублей. При этом Россия получила от Китая на территории Северо-Востока Китая такие же права, какими обладали в Китае другие великие державы. После поражения России в русско-японской войне 1904–1905 гг. южная ветка КВЖД, от станции Куаньчэнцзы до района Люйда (Люйшунь–Далянь), отошла Японии и получила название «Южно-Маньчжурская железная дорога».

В годы революции, гражданской войны и иностранной интервенции в России КВЖД захватили западные державы и Япония, учредившие так называемый «Международный комитет для надзора над Сибирской железной дорогой и

КВЖД». Американский план интернационализации КВЖД не удалось реализовать из-за острой борьбы держав за господство в Маньчжурии, а также ввиду решительных протестов Советского государства и Китая. Вашингтонская конференция 1921–1922 гг. приняла резолюцию о необходимости возвращения КВЖД России.

31 мая 1924 г. СССР и КР подписали соглашение о нормализации советско-китайских отношений. Стороны согласились рассматривать КВЖД как чисто коммерческое предприятие, совместно управляемое обеими странами. При этом СССР подтвердил отказ от каких-либо политических прав на КВЖД, как и в целом на территорию, по которой была проложена дорога, а также признал за Китаем право выкупа КВЖД.

В 1924 г. китайская территория, по которой была проложена КВЖД, контролировалась не центральным пекинским правительством, но администрацией генерала Чжан Цзолиня. В целях реализации достигнутых 31 мая 1924 г. договоренностей 20 сентября 1924 г. было дополнительно заключено соглашение между правительством СССР и правительством трех автономных северо-восточных провинций КР, идентичное соглашению по КВЖД от 31 мая 1924 г. Это обстоятельство вызвало некоторую напряженность в советско-китайских отношениях, сопровождавшуюся неоднократными военными провокациями на самой КВЖД и в зоне отчуждения.

После вторжения японской армии в Маньчжурию осенью 1931 г. ведущим направлением японской политики стало вытеснение СССР из региона, в том числе с КВЖД. Советское руководство в первой половине 1932 г. допускало возможность сохранения в зоне КВЖД режима, существовавшего с сентября 1924 г., но японо-маньчжурская сторона продолжала нагнетать напряженность. Советское руководство в целях сохранения мира и предотвращения вооруженных конфликтов с Японией вынуждено было в 1933 г. принять решение о продаже КВЖД и об эвакуации из Маньчжурии советских работников КВЖД и членов их семей. После двух лет проволочек и провокаций КВЖД в 1935 г. была продана за 140 млн. японских иен, с внесением $^1/_3$ суммы деньгами, а остальной части – поставками маньчжурских и японских товаров по советским заказам в течение трех лет, 30 млн. иен выделялись дополнительно для выплаты советским работникам, работавшим на КВЖД, выходных пособий, пенсий и других видов вспомоществования. Установленная сумма была ничтожной по сравнению с фактической стоимостью КВЖД и обслуживавших дорогу объектов. Соглашение с японо-маньчжурской стороной было вынужденной акцией с целью локализации или прекращения японских провокаций на дороге и вдоль советско-маньчжурской границы.

Советский Союз в соответствии с соглашением 1935 г. переуступил свои права на КВЖД третьей стороне без предварительного согласования этого вопроса с Китаем, что противоречило советско-китайским договоренностям 1924 г. Протесты против этого соглашения китайского правительства и китайской общественности замедлили процесс улучшения советско-китайских отношений.

В ходе советско-японских переговоров о продаже КВЖД НКИД СССР неоднократно разъяснял Нанкину, что в результате возникновения новой ситуации в Маньчжурии Советскому Союзу был нанесен весьма значительный материальный и политический ущерб. Китай как контрагент СССР по Пекинскому договору 1924 г. не мог предотвратить этого ущерба. В этой ситуации Советский Союз вынужден был предпринять усилия по защите своих интересов, в результате чего и было сделано предложение продать КВЖД новым властям Маньчжурии. Если Китай восстановит свою власть в Маньчжурии, то он получит КВЖД целиком в свое владение, без всякого выкупа и, следовательно, выиграет от продажи КВЖД на настоящем этапе. Спустя 10 лет, в 1945 г., начался второй этап советско-китайского сотрудничества на КВЖД. Таким образом, вопросы войны и мира с Японией Советскому Союзу и Китайской Республике приходилось решать в очень сложной международной обстановке, при наличии многочисленных проблем, оставленных историей.

Слева направо: Лу Синь, Б.Шоу и Цай Юаньпэй. 1933 г.

Сближение между СССР и Китаем отразилось и на общественных связях. В начале февраля 1933 г. Москву посетили китайские педагоги, они имели многочисленные встречи с педагогической и научной общественностью СССР и с удовольствием отмечали, что «встретили много русских ученых, отлично знающих китайский язык». Китайская делегация предложила наладить обмен профессорами, студентами, литературой. В январе 1934 г. Национальная библиотека в Пекине открыла секцию советской книги, был налажен книгообмен между Ленинской и Пекинской библиотеками. Позднее на Китай была распространена деятельность акционерного общества «Международная книга». В 30-х годах в Китае значительно возрос интерес к советской литературе и искусству, были переведены и изданы в Китае многие произведения советских писателей. Эту деятельность возглавил Лу Синь. Советская литературная и научная общественность, со своей стороны, вела активную пропаганду китайской культуры в СССР.

В СССР в качестве гостей Всесоюзного общества культурных связей (ВОКС) стали приезжать деятели культуры Китая. Так, летом 1934 г. СССР посетил известный китайский живописец Сюй Бэйхун. Его картины экспонировались в Москве и Ленинграде. В 1935 г. на гастроли в СССР был приглашен всемирно

известный актер пекинской оперы Мэй Ланьфан. Его выступления широко освещались советской и китайской прессой.

Сюй Бэйхун и его коллеги выступили инициаторами создания в Китае Китайско-советского культурного общества (КСКО). Вся организационная работа проходила под непосредственным руководством ЦИК Гоминьдана. Общество, учрежденное в Нанкине в 1935 г., 2-тысячным тиражом издавало журнал «Культура Китая и СССР» и активно функционировало на протяжении многих лет. Председателем КСКО был избран сын Сунь Ятсена Сунь Фо, почетными председателями стали Юй Южэнь и президент АН Китая Цай Юаньпэй. КСКО регулярно проводило собрания, посвященные знаменательным событиям в советской литературе, искусстве, устраивало встречи с прибывавшими из СССР учеными и специалистами. 22 января 1936 г. Д.В.Богомолов в письме Б.С.Стомонякову писал, что успех выставки советской графики в Нанкине, организованной при содействии КСКО, «превзошел все наши ожидания».

Китайская общественность обратилась с просьбой к СССР организовать подготовку кадров для Китая в вузах СССР. 9 марта 1937 г. Политбюро ЦК ВКП(б) приняло Постановление о приеме в высшие учебные заведения СССР студентов из Китая.

КР и СССР продолжали искать пути дальнейшего развития межгосударственных отношений. СССР демонстрировал готовность к продолжению переговоров по широкому кругу вопросов, включая подготовку пакта о ненападении, договора о торговле, развитие воздушного и морского сообщения, культурных связей.

В июле 1935 г. китайская сторона запросила советского полпреда о степени готовности СССР к подписанию с Китаем договора о взаимной помощи. Этот запрос оказался для полпреда неожиданным. В Китае уже шла необъявленная японо-китайская война, и подписание такого договора автоматически вовлекло бы в нее СССР. Полпред заметил, что в настоящее время еще не подписаны договоры о ненападении, о торговле и по другим вопросам советско-китайских отношений.

Правительство Чан Кайши все яснее осознавало, что оно обманулось в надеждах на военное столкновение между Японией и СССР в ближайшем будущем. Иллюзорными оказались и надежды на решение проблем китайско-японских отношений дипломатическим путем. В итоге на передний план для Китая выдвигалась задача получения от СССР военной помощи для борьбы с агрессором. Одновременно правительство Китая продолжало добиваться военной помощи от западных держав. На V пленуме ЦИК Гоминьдана 4-го созыва (декабрь 1934 г.) были сформулированы стоявшие перед Китаем задачи: достижение территориального единства и суверенитета, сохранение политической независимости, построение международных отношений на принципах равенства.

Советская политика была направлена на поддержку КР в ее стремлении к объединению и независимости. Важное значение в развитии дружественных отношений между СССР и КР придавалось советской стороной организации во-

енно-технической помощи Китаю. Логика событий между тем ставила на повестку дня соединение внешнего и внутреннего факторов. Другими словами, возможность поставок оружия в КР увязывалась с проблемой достижения внутриполитического единства в Китае. В Нанкине понимали, что СССР начнет поставки вооружений китайской армии, лишь будучи твердо уверенным в том, что это оружие не будет использовано в борьбе против КПК.

Идея сотрудничества Гоминьдана и КПК в борьбе с Японией стала особенно злободневной после передислокации китайской Красной армии из глубинных районов Китая в район Шэньси–Ганьсу–Нинся. Именно тогда открылась возможность начала контактов представителей двух ведущих китайских партий. Советское руководство, Коминтерн и КПК начали разрабатывать программу действий, отвечавшую изменившимся международным отношениям и китайским реалиям. Соответствующие принципиальные положения принял VII конгресс Коминтерна, проходивший в июле–августе 1935 г. Политика СССР по отношению к Китаю предполагала также содействие созданию единого антияпонского фронта Гоминьдана и КПК.

Встречное стремление Чан Кайши и СССР к сотрудничеству имело свои границы, поскольку каждая сторона была вынуждена учитывать реакцию Японии на китайско-советское сближение.

В ноябре 1935 г. Чан Кайши предпринял шаги к установлению неофициальных контактов с КПК, возложив данную миссию на Чэнь Лифу. Он также поручил военному атташе китайского посольства в Москве Дэн Вэньи встретиться с В.К.Блюхером и Ван Мином. 27 февраля 1936 г. руководство КПК получило предложение от Нанкинского правительства приступить к неофициальным переговорам. В сентябре 1936 г. активизировалась переписка между Чжоу Эньлаем, представителем руководства КПК, и Чэнь Лифу, представлявшим правительство Китая.

19 декабря 1935 г. состоялась встреча полпреда Д.В.Богомолова с Чан Кайши. Советский дипломат подчеркнул, что СССР – сторонник политического объединения и экономической стабильности Китая, так как только в этом случае Китай будет важным фактором мира на Дальнем Востоке. Чан Кайши заявил, что в прошлом между странами имели место недоразумения, в том числе и по вопросу отношений с КПК, а также предложил развивать китайско-советские отношения на основе коммюнике Сунь Ятсена – Иоффе, подписанного в январе 1923 г.

Параллельно переговорам с представителями СССР о возможности подписания пакта о ненападении и соглашения о военно-технической помощи СССР Китаю (октябрь 1935 г. – октябрь 1936 г.) Нанкинское правительство продолжало переговорный процесс с Японией, хотя база для соглашения с ней фактически отсутствовала. При этом Чан Кайши по-прежнему надеялся на возможность советско-японской войны, которая создала бы для Китая более благоприятные позиции в системе международных отношений на Дальнем Востоке. Однако по мере разрастания масштабов японской агрессии в Китае для Чан Кайши становилась все более очевидной невозможность сближения с Токио.

В конце августа 1936 г. китайская сторона вновь вернулась к вопросу о подписании с СССР пакта о ненападении. Вскоре в Китае произошло событие, заметно повлиявшее на расстановку политических сил в стране, – так называемый «Сианьский инцидент» (декабрь 1936 г.). Он способствовал переходу Гоминьдана и КПК на позиции сотрудничества и создания единого фронта с целью борьбы против японской агрессии.

Изменения в мировой политике с конца 1936 г., характеризовавшиеся активизацией политики умиротворения агрессоров, последовательно проводившейся правительствами Запада в Абиссинии (Эфиопии), Испании и Китае, и подписанием Германией и Японией 25 ноября 1936 г. Антикоминтерновского пакта, направленного своим острием против СССР, усилили напряженность в дальневосточном регионе. Советское правительство противопоставило агрессивным тенденциям идею создания коллективного фронта миролюбивых государств. Китайское же правительство считало, что такого рода пакты не могут гарантировать безопасность страны. В Советском Союзе в марте–апреле 1937 г. был принят ряд решений и постановлений о дальнейшем развитии советско-китайских культурных связей и контактов в гуманитарной сфере. Помимо этого 7 апреля 1937 г. Политбюро ЦК ВКП(б) утвердило проект советско-китайского пакта о ненападении.

7 июля 1937 г., после столкновения у железнодорожной станции Лугоуцяо близ Пекина, началось крупномасштабное вторжение японских войск в Северный Китай. Одновременно японские войска высадились на ряде островов на Амуре, в связи с чем нарком иностранных дел СССР М.М.Литвинов заявил протест послу Японии в СССР. Начало широкомасштабной агрессии Японии против Китая, изменившей международную ситуацию на Дальнем Востоке, побудило советскую и китайскую стороны активизировать усилия по уточнению программы взаимодействия СССР и КР. Антияпонская война стала главным фактором, под влиянием которого развивались советско-китайские отношения в конце 30-х – начале 40-х годов.

29 июля 1937 г. Политбюро ЦК ВКП(б) приняло «Постановление о Китае», которое предусматривало увеличение поставок оружия в Китай, консультации с Нанкинским правительством о командировании в Китай небольшой группы советских командиров для ознакомления с нуждами китайской армии, возможное обучение в СССР группы китайских летчиков и танкистов.

8 августа Чэнь Лифу выразил пожелание китайского руководства, чтобы полпред СССР в Китае и министр иностранных дел КР Ван Чунхуэй при подписании пакта о ненападении заверили бы друг друга в том, что ни Китай, ни Россия не подпишут с Японией пакта о ненападении до окончания японо-китайской войны. С этими пожеланиями согласилась советская сторона. Дополнительные директивы НКИД СССР (13 августа) полпреду Д.В.Богомолову предусматривали достижение соответствующего устного «джентльменского соглашения».

21 августа 1937 г. Д.В.Богомолов направил в Москву телеграмму следующего содержания: «Сегодня в 22 часа подписан пакт о ненападении. Сделал словесное

заявление. Т.е. „Устную декларацию, строго конфиденциальную, никогда не подлежащую оглашению ни официально, ни неофициально“».

Главное значение договора состояло в том, что он косвенно осуждал японскую агрессию против Китая. Договор создавал международно-правовую основу для развития и углубления советско-китайских дружественных отношений. Условия договора не возлагали на СССР прямого обязательства оказывать военно-техническую помощь Китаю в его оборонительной войне против Японии, но и не лишали его такого права. Тем самым Япония лишилась формального повода для агрессивных действий против СССР. Фактически этот документ являлся советско-китайским договором о взаимопомощи.

Глава 3
Движение под лозунгом Советов. Гражданская война. Поиск новой стратегии демократической революции

Советское движение. Китайская Советская Республика

После разрыва отношений между Гоминьданом и КПК летом 1927 г. в Компартии произошли серьезные организационные и кадровые изменения, осуществлялась дальнейшая радикализация партийной политики в рабочем и крестьянском движении. Так называемые «арьергардные бои революции» продемонстрировали, с одной стороны, углубление формировавшейся в течение 20-х годов в рядах КПК линии на развитие массового движения с опорой на рабочих и крестьян, с другой – обозначили зарождение нового направления революционного движения – под лозунгом Советов.

Курс на развитие советского движения постепенно вызревал в процессе революционной практики, в контексте последних крупных выступлений КПК в городах и в деревне. Становление его шло по пути проб и ошибок, частично он формулировался в документах КПК и Коминтерна. Однако вплоть до VI съезда КПК (1928 г.) в партийных решениях он отражался нечетко, в партии доминировал прежний стереотип – развитие революционного движения в городах с опорой на рабочий класс как главную силу. Новые ориентиры в революционной теории созревали постепенно. Так, на Августовском совещании ЦК КПК 1927 г. курс на организацию рабоче-крестьянских восстаний предполагал поэтапное создание рабоче-крестьянской революционной армии в качестве одной из главных

опор революции. Идея Советов хотя и не получила еще четкого оформления, была тем не менее выдвинута как пропагандистский лозунг. Однако для организации конкретных акций не рекомендовалось выдвигать лозунг Советов в качестве призыва к конкретным действиям – ни в городе, ни в деревне, ни в армии.

Несмотря на поражение Наньчанского восстания (1 августа 1927 г.), которое началось еще до получения решений Августовского совещания, оно положило начало формированию Красной армии Китая. Именно 1 августа отмечается в КНР как день основания Рабоче-крестьянской Красной армии Китая.

Усадьба «Сереброе», где жили участвовавшие в работе VI съезда руководители КПК

В ходе «восстаний осеннего урожая», охвативших в 1927 г. районы крестьянского движения в провинциях Гуандун, Хунань, Хубэй и Цзянси, в Хайфэне и Луфэне 7 ноября 1927 г. возникли первые в Китае Советы рабочих, крестьян, солдат и городской бедноты и избраны местные советские правительства. Было реализовано принятое 19 сентября 1927 г. Временным политбюро ЦК КПК (избрано на Августовском совещании 1927 г.; в его состав вошли девять человек, в том числе Цюй Цюбо, Су Чжаочжэн и Ли Вэйхань) решение о снятии лозунга создания «революционного Гоминьдана» и о переходе к организации Советской власти. Хайлуфэнская советская республика просуществовала до марта 1928 г.

Попытка внедрения опыта СССР была предпринята и в ходе самого крупного вооруженного восстания этого периода в Гуанчжоу/Кантоне («Кантонская коммуна»). В результате вооруженного восстания в Гуанчжоу, вскоре жестоко подавленного, было создано местное Советское правительство. Поражением завершились и другие вооруженные выступления 1927–1928 гг. в городах и сельских районах. Вместе с тем революционная практика продемонстрировала начало формирования нового «маршрута революции». Он характеризовался закреплением КПК в отдаленных горных и сельских районах, созданием там революционных баз и вооруженных формирований, провозглашением на локальном уровне Советской власти и переходом к более масштабному советскому строительству.

В разработке новой политической линии значительную роль сыграли решения VI съезда КПК (18 июня – 11 июля 1928 г.), которые готовились под влиянием Коминтерна, в частности IX пленума ИККИ (9–25 февраля 1928 г.). Из-за жестоких преследований коммунистов со стороны гоминьдановских властей съезд партии проходил в Советском Союзе, в селе Первомайское Наро-Фоминского района Московской области. На момент созыва VI съезда КПК число членов партии составляло около 40 тыс. человек, из них 76,6% были крестьянами и только 10,9% – рабочими. В работе съезда приняли участие 118 делегатов,

84 – с решающим и 34 – с совещательным голосом. Всего на съезде присутствовало 142 человека. Работа VI съезда КПК и разработка его принципиальных решений проходила при непосредственном участии Н.И.Бухарина в качестве представителя ИККИ.

Съезд открылся докладом Н.И.Бухарина «О международном положении и задачах КПК». Были заслушаны также Отчетный доклад ЦК (докладчик Цюй Цюбо), доклад делегации КПК в Коминтерне о решениях IX пленума ИККИ по китайскому вопросу (Сян Чжунфа), организационный отчет и доклад о военной работе (Чжоу Эньлай), доклады о работе в профсоюзах, об аграрной программе и крестьянском движении (Ли Лисань). Съезд принял «Политическую резолюцию» и резолюции по важнейшим вопросам деятельности КПК.

Здание, в котором проходил VI съезд КПК. Село Первомайское Наро-Фоминского района Московской области

Были проанализированы причины расторжения единого фронта с Гоминьданом, резкой критике подверглось прежнее руководство во главе с Чэнь Дусю, «не сумевшее сохранить самостоятельность партии в национально-революционном движении». Основными задачами китайской революции съезд провозгласил национальное освобождение и объединение страны, ликвидацию феодальных пут и свержение власти Гоминьдана путем вооруженного восстания и установления демократической диктатуры пролетариата и крестьянства под гегемонией рабочего класса. Для текущего, демократического, этапа революционного движения была поставлена задача борьбы «за власть советов рабочих, крестьянских и солдатских депутатов… как лучшую форму осуществления демократической диктатуры рабочего класса и крестьян».

Объективные характеристики переживавшегося революционного этапа как имевшего буржуазно-демократическую направленность сопровождались не вполне адекватными ситуации оценками социальной базы партии и основных социально-политических сил демократической революции. Оценка национальной буржуазии как «исчерпавшей свои возможности в антиимпериалистической борьбе», наряду с завышенными характеристиками революционного потенциала пролетариата и крестьянства, свидетельствовала о заметном сдвиге в сторону сектантства, который оставался в политике КПК вплоть до середины 30-х годов и затруднял поиск Компартией союзников в деле реализации партийной программы.

Между тем съезд не вполне конкретизировал партийную политику по ряду направлений. С одной стороны, признавалось «отсутствие революционного подъема в сколько-нибудь широких массах китайского народа», с другой – съезд одновременно пытался обосновать неизбежность такого революционного подъема в ближайшее время. Вместе с тем осуждение путчизма, проявленного в ходе «арьергардных боев революции», и постановка задачи преодоления «болезни

левизны» в КПК ориентировали партию на разработку новой политики в условиях, характеризовавшихся ослаблением позиций коммунистов в рабочем движении и в целом в городах.

Генеральной линией партии съезд определил борьбу за массы. В целях завоевания масс рабочих была утверждена линия на вхождение коммунистов «во все реакционные и прочие организации», если они имеют влияние на сколько-нибудь широкие массы рабочего класса. Однако в условиях гоминьдановского террора эта установка оказалась неосуществимой.

Съезд также наметил неодинаковые подходы к деятельности партии в городе и деревне. Для городов предлагалась тактика отступления и накопления сил: восстановление организаций партии и КСМК, позиций партии в профсоюзах, привлечение городских низов, прежде всего рабочих, на сторону КПК путем организации забастовок, устной и печатной агитации и пропаганды. Привлечение в партийные ряды и в руководство КПК представителей рабочего класса попрежнему объявлялось первоочередной задачей партийного строительства. В деревне был взят курс на расширение советских очагов и закрепление за КПК тех районов, которые могут стать базами развития «более мощного движения». Социально-экономические отношения в деревне характеризовались как полуфеодальные. Впервые Компартия Китая приняла развернутую аграрную программу, центральным лозунгом которой стало требование конфискации всей помещичьей земли и передача ее малоземельному и безземельному крестьянству. Была сформулирована стратегическая линия партии в деревне: основной враг – помещик; опора пролетариата в деревне – беднота; середняк – крепкий союзник.

Съезд тщательно рассмотрел и утвердил задачи партии в военной области: создание регулярной рабоче-крестьянской Красной армии в советских районах; укрепление партийного руководства войсками; организация нелегальных отрядов-пикетов самообороны, подготовка командного состава Красной армии из числа наиболее преданных партии рабочих и крестьян. Основной формой деятельности Красной армии в борьбе с противником съезд объявил на том этапе тактику партизанской войны. В работе Военной комиссии съезда принимали участие советские коммунисты – Я.К.Берзин (начальник Разведывательного управления генштаба РККА), В.К.Блюхер (главный военный советник на юге Китая в 1924–1927 гг.), бывший военный советник И.К.Мамаев.

Съезд избрал ЦК КПК в составе 23 членов и 13 кандидатов в члены ЦК. Заочно в состав ЦК КПК был избран Мао Цзэдун, который не был делегатом съезда. Состоявшийся 28 июля I пленум ЦК КПК 6-го созыва избрал Политбюро в составе 14 человек (7 членов и 7 кандидатов в члены ЦК КПК). Постоянный комитет Политбюро ЦК КПК был избран в составе восьми человек, из них пятеро были членами, а трое – кандидатами в члены ЦК КПК. Генеральным секретарем ЦК КПК был избран уханьский портовый рабочий Сян Чжунфа, его заместителем и заведующим орготдела ЦК – Чжоу Эньлай. Несмотря на противоречивость решений съезда, они сыграли важную роль в истории партии. VI съезд КПК обозначил контуры новой революционной стратегии и способствовал кон-

центрации усилий партии на поиске и уточнении «нового маршрута» революционного движения, адекватного исторической ситуации.

Деятельность партии проходила в обстановке постепенного укрепления гоминьдановского режима. Свои усилия КПК направляла прежде всего на восстановление разрушенной в течение второй половины 1927 г. – середины 1928 г. сети организаций партии, ее позиций в профсоюзах и массовых организациях в городе и деревне. Это была нелегкая задача для партии, ослабленной жестокими репрессиями и ушедшей в подполье. Положение усложнялось тем, что нанкинские власти развернули в среде рабочих антикоммунистическую пропаганду, деятельность коммунистов в рабочей среде была крайне затруднена. Этому способствовала также политика Гоминьдана в рабочем вопросе, направленная на урегулирование отношений между трудом и капиталом. Принятые гоминьдановским правительством в 1929–1930 гг. Закон о профсоюзах, Фабричный закон, Закон об урегулировании конфликтов между трудом и капиталом, Закон о коллективных договорах декларировали право рабочих на организацию и забастовки, ограничивали рабочее время, определяли минимальную заработную плату, содержали положения об охране труда, о праве рабочих на заключение коллективных договоров. Один из результатов подобной политики Нанкинского правительства – растущая изоляция Компартии от рабочего движения. В конце 20-х годов значительная масса квалифицированных рабочих крупных предприятий входила в гоминьдановские правительственные («желтые») профсоюзы, находившиеся под руководством гоминьдановцев-«реорганизационистов». Были ликвидированы подавляющее большинство профсоюзных и других массовых организаций, связанных прежде с КПК. Число партийных ячеек КПК на фабриках и заводах резко сократилось и продолжало падать.

В повестку дня Компартии входило восстановление управленческой вертикали и исправление положения, характеризовавшегося разобщенностью партийных организаций различных районов и революционных баз, зачастую проводивших разную политику, а также несогласованностью действий находившегося в Шанхае ЦК КПК, оторванного от мест революционных боев, и партийного руководства на местах. К весне 1929 г. в результате больших усилий были сформированы руководящие органы партии. Было создано 15 провинциальных комитетов КПК и три временных комитета провинциального уровня. Работа по воссозданию низовых организаций партии в городах тесно связывалась в то время с деятельностью в рабочем движении, однако рост влияния «красных» профсоюзов был крайне затруднен, и в итоге заметного улучшения в партийном строительстве на низовом уровне не наблюдалось.

Сформулированная в решениях съезда ориентация на развитие движения под лозунгом Советов объективно отражала складывавшиеся в стране реалии. К концу 20-х – началу 30-х годов сложилась модель взаимосвязи создания советских районов и строительства вооруженных сил КПК. Создание революционных баз осуществлялось с опорой на вооруженные силы, формировавшиеся коммунистами, как правило, на основе «отколовшихся» от гоминьдановских военных

формирований частей. Так было в ходе Наньчанского восстания, когда уцелевшие воинские подразделения, находившиеся под влиянием коммунистов, под командованием Чжу Дэ вышли из Гуандуна в южную часть пров. Хунань. Увеличив свои ряды благодаря вербовке членов крестьянских союзов и объединению с отрядом Мао Цзэдуна и местными отрядами Юань Вэньцая и Ван Цзо в Цзинганшане, войска Чжу Дэ способствовали созданию на стыке провинций Хунань и Цзянси Цзинганшаньской революционной базы. Это объединенное вооруженное формирование получило наименование 4-го корпуса Красной армии во главе с командующим Чжу Дэ и комиссаром Мао Цзэдуном. В 1928 г. на основе крестьянских отрядов самообороны участник Наньчанского восстания Фан Чжиминь создал отряд в пров. Цзянси, который к концу 1929 г. контролировал район на стыке провинций Цзянси и Фуцзянь и в 1930 г. стал 10-м корпусом Красной армии. В 1928 г., после восстания в гоминьдановских войсках, вспыхнувшего в ходе подавления ими крестьянских выступлений, был сформирован 5-й корпус Красной армии во главе с командиром полка Пэн Дэхуаем и образован советский район на стыке провинций Хунань, Хубэй и Цзянси. В результате восстаний в гуансийских войсках в конце 1929 – 1930 г. были образованы 7-й и 8-й корпуса Красной армии.

Создание революционных баз на периферии и строительство вооруженных сил осуществлялись в условиях постоянной борьбы Нанкинского правительства с региональными милитаристами и на фоне усилившихся разногласий в руководстве Гоминьдана, т.е. в ситуации непреходящей слабости Центрального правительства. Недостаточность контроля центральной власти над периферией и сельской местностью облегчала коммунистам создание советских районов и заполнение своими структурами «вакуума власти». В числе факторов, способствовавших развитию революционного движения под лозунгом Советов, заметное место занимала кампания Нанкинского правительства по сокращению военных расходов. В ходе этой кампании многие командиры и солдаты гоминьдановской армии оказались не у дел, что приводило к массовому вступлению уволенных военнослужащих в ряды Красной армии.

Ситуация характеризовалась также обострением социальных противоречий в деревне, развивавшихся в условиях продолжавшихся милитаристских междоусобиц. Неспособность гоминьдановской власти реально объединить Китай оборачивалась для населения увеличением поборов и налогов, ростом коррупции местных властей, постоянной насильственной вербовкой крестьян в солдаты. Социальную стабильность подрывали также неурожаи, наводнения и засухи.

В такой обстановке антигоминьдановская пропаганда коммунистов находила понимание среди беднейших слоев сельского населения. Находила поддержку и четкая социальная ориентация политики Советской власти в революционных базах. Прежде всего это касается наиболее насущного для сельского населения аграрного вопроса. Аграрная политика КПК значительно отличалась в лучшую сторону от политики Гоминьдана.

Тем не менее начальный период деятельности КПК на периферии, в деревне, был для Компартии нелегким. Революционные базы того времени оказались недолговечными и были оставлены частями Красной армии, вынужденными отступить под натиском более сильного в военном отношении противника. Находившиеся под руководством КПК партизанские отряды также несли потери и перемещались в труднодоступные районы. Вместе с тем, теряя одни базы, Компартия, отступая в более отдаленные районы, создавала новые. Несмотря на отступление из советских районов на Юго-Востоке Китая, первый опыт советского движения позволил КПК заложить фундамент более стабильной власти в ряде мест.

Немаловажную роль в процессе образования советских районов играли морально-политические качества армии коммунистов. Введение в армии института политических комиссаров (политруков), солдатских комитетов рот, батальонов, полков и корпусов, помощь со стороны армии населению в проведении посевных и уборочных работ сближало армию с населением и выгодно отличало ее от гоминьдановских войск.

Ко второй половине 1930 г. было создано 15 советских районов разной площади. В начале 1930 г. регулярная Красная армия насчитывала 13 корпусов численностью более 60 тыс. бойцов. Строительство Красной армии проходило в многочисленных тяжелых боях против превосходящих сил армий Нанкинского правительства и войск местных милитаристов. II пленум ЦК КПК 6-го созыва (25–30 июня 1929 г.) в своих решениях характеризовал Красную армию как «авангард революции» и основной фактор грядущего подъема народного движения в Китае. Весной–летом 1929 г. была усилена работа по подготовке военных кадров для КПК как на территории Китая (в Шанхае), так и в Москве, в учебных заведениях Коминтерна (КУТВ и др.) и в военных учебных заведениях СССР.

Разразившаяся в марте–апреле 1929 г. война между Чан Кайши и гуансийской кликой оттянула часть правительственных и милитаристских сил от советских районов и способствовала укреплению позиций Красной армии в Южной Цзянси. Развитие революционного движения с опорой на армию, формировавшуюся из бывших солдат наемных войск, давно потерявших связь с деревней отрядов крестьянской самообороны, членов военных формирований тайных обществ, бандитских отрядов вызвало соответствующие изменения в социальном облике партии. Тенденция вовлечения в армию людей неграмотных, в том числе деклассированных элементов, влияла и на партийное строительство. Постепенный рост численности партии не сопровождался повышением уровня политической сознательности, напротив, происходило его снижение. Из партии «городской», формировавшейся главным образом из рабочей среды, КПК превращалась в партию «деревенскую», с преобладанием пауперско-люмпенских элементов, сплоченных военной организацией. Соответствующим образом менялся и стиль партийной жизни.

В руководстве КПК в условиях давления со стороны правительственных войск и одновременного обострения классовых противоречий в деревне, сопро-

вождавшихся убийством местных эксплуататоров, вспышками кровавой межклановой борьбы и уничтожением целых деревень, вновь ожили левацкие тенденции.

С начала «восстаний осеннего урожая» в 1927 г. и по 1929 г. крестьянские выступления охватили более 300 уездов провинций Цзянси, Хубэй, Фуцзянь, Чжэцзян, Гуандун, Гуанси, Хэнань, Аньхуэй, Ганьсу, Шэньси, Сычуань и Цзянсу. Выступления крестьян в Китае в конце 20-х – начале 30-х годов, несмотря на преимущественно отсталые формы борьбы, приняли такой размах, что Политсекретариат ИККИ в письме ЦК КПК от 29 декабря 1929 г. характеризовал их как «крестьянскую войну».

Сложность ситуации в партии и стране неизбежно усиливала накал внутрипартийной борьбы. Обострение внутрипартийных разногласий имело место уже на VI съезде КПК. Довольно сильные позиции заняла группа левых, в которую входили, в частности, Ли Лисань, Цюй Цюбо, Дэн Чжунся, Цай Хэсэнь. Ли Лисань, признанный лидер рабочего движения, был избран членом ЦК КПК, а на 1-м пленуме 6-го созыва – кандидатом в члены Политбюро ЦК КПК, кандидатом в члены Постоянного комитета Политбюро, а также секретарем ЦК по крестьянскому движению.

Увлечение левыми идеями в руководстве КПК, прежде всего идеей форсирования китайской революции, было связано со многими обстоятельствами – с жестокостью гоминьдановских властей по отношению к коммунистам, отсутствием четкой линии в Коминтерне, авторитет которого в среде китайских коммунистов был довольно высок, растерянностью в Компартии Китая, которая в этот переходный период еще только начинала нащупывать новые пути, адекватные специфике китайских условий, недостаточной централизацией партийного управления.

В определенной степени положение в КПК отражало и общую ситуацию в мировом коммунистическом движении, в котором «левизна» оставалась характерной чертой и была связана с общественной реакцией на мировой экономический кризис 1929–1933 гг., с живучестью в коммунистической среде идеи мировой революции. Ли Лисань был одним из многих деятелей Компартии Китая, стоявших на левых позициях. Увлечение левизной отражало «дух времени».

Левые набирали авторитет. В ноябре 1928 г. Ли Лисань был кооптирован в члены Политбюро ЦК КПК и в члены постоянного комитета Политбюро ЦК КПК, а также стал руководителем отдела пропаганды ЦК КПК. В феврале 1930 г. он занял пост руководителя орготдела ЦК КПК. В конце 1929-го и в 1930 г., когда генсеком КПК был друг Ли Лисаня Сян Чжунфа, Ли Лисань фактически играл роль лидера партии.

Группа руководителей КПК, переоценивая зрелость революционной ситуации и преувеличивая степень готовности общества к революционным действиям, выступила с левых позиций за пересмотр линии VI съезда партии. Определяющую роль в обосновании таких взглядов сыграл Ли Лисань. В циркулярном письме ЦК КПК № 70 от 26 февраля 1930 г. утверждалось, будто весь Китай

«охвачен кризисом и революционным движением» и рекомендовалось начать повсеместные восстания. 24 марта 1930 г. Ли Лисань на заседании Политбюро ЦК КПК выдвинул идею подготовки восстания в масштабе всей страны. Согласно его представлениям, установление революционной власти в отдельных провинциях послужит сигналом к перерастанию буржуазно-демократической революции в Китае в социалистическую, а затем повлечет общенациональную гражданскую войну, которая, в свою очередь, вызовет мировую войну и мировую революцию.

Ошибочная левацкая линия была официально оформлена в документах II конференции представителей парторганизаций пров. Цзянсу (18–26 ноября 1929 г.) и I конференции представителей советских районов Китая (проходила нелегально в Шанхае в мае 1930 г.). На первой из них Ли Лисань в развернутом виде представил основные положения своей концепции: тезисы о наступлении «революционного кризиса» и «революционного подъема» вследствие «объективного хода событий».

ЦК КПК и исполком Генсовета профсоюзов Китая в мае 1930 г. созвал I конференцию представителей советских районов Китая. На ней присутствовало 40 делегатов (38 коммунистов и 2 беспартийных), которые представляли советские районы провинций Фуцзянь, Хубэй, Хунань, Цзянси, Гуандун, Гуанси, а также Красную армию, партизанские отряды, красные профсоюзы Шанхая, Нанкина, Ухани, китайский МОПР (Международная организация помощи борцам революции) и другие революционные организации Китая.

Эта конференция была первым серьезным шагом к установлению централизованного политического, экономического и военного руководства советскими районами Китая со стороны ЦК КПК. Вместе с тем конференция дала ошибочные характеристики положения в стране. Исходя из завышенной оценки уровня революционного движения, она выдвинула задачу подготовки и проведения всеобщего вооруженного восстания. Содержание текущего этапа революционного движения в Китае оценивалось как перерастание буржуазно-демократической революции в социалистическую, а китайские Советы были ориентированы на немедленное строительство социализма.

В июне–августе 1930 г. лилисаневское руководство провело через Политбюро ЦК КПК авантюристический план вооруженных восстаний в крупных городах Китая и немедленного наступления Красной армии на эти города. Телеграмма Политбюро ЦК КПК от 18 июля по адресу ИККИ запрашивала согласия с организацией восстаний в Ухани, Нанкине и всеобщей забастовки в Шанхае. В телеграфном ответе ИККИ отверг этот план.

На заседании Политбюро ЦК КПК 1 и 3 августа 1930 г. Ли Лисань повторил свои основные тезисы о китайской и мировой революции, о возможности именно в Китае «ускорить взрыв мировой революции» и предложил конкретный план действий, состоявший из трех частей: восстания в Ухани и Нанкине и всеобщая стачка в Шанхае; восстания в Бэйпине, Тяньцзине, Таншане, Чжэнчжоу и Кайфэне; третья часть плана – «координация работы в Маньчжурии» – считалась

наиболее важной. Восстание в Маньчжурии рассматривалось как возможность втянуть Японию в войну против СССР, как пролог к мировой войне и взрыву мировой революции.

Для организации всеобщей забастовки и всекитайского восстания руководство КПК 1 августа 1930 г. усилиями Ли Лисаня создало «центральный комитет действий» и «комитеты действий» на местах. «Центральный комитет действий» отдал приказ Красной армии Китая атаковать и занять Наньчан, Чанша, Ухань, Гуйлинь, Лючжоу, Гуанчжоу, Цзюцзян. Одновременно планировалось начать всеобщую забастовку в Шанхае, Нанкине, Гуанчжоу, Тяньцзине, Циндао, Люйшуне, Даляне, Сянгане. В попытках захватить крупные города страны Красная армия понесла огромные потери в битвах с превосходившими силами гоминьдановских войск. Пострадали и «красные профсоюзы», число их членов в 1930 г. сократилось с 3 тыс. до 700 человек, тогда как число членов «желтых» профсоюзов возросло в Китае до 576 тыс. человек.

Для оказания помощи КПК в преодолении линии лилисаневского руководства Коминтерн направил в распоряжение ЦК КПК группу китайских коммунистов, обучавшихся в Москве в коминтерновских учебных заведениях – Коммунистическом университете трудящихся Востока (КУТВ), Международной ленинской школе и Школе Коммунистического Интернационала молодежи (КИМ). В их числе были Чэнь Шаоюй (Ван Мин), Цинь Бансянь (Бо Гу), Ван Цзясян и Хэ Цзышу. Эта группа развернула в шанхайской парторганизации борьбу против линии Ли Лисаня, подвергала критике путчизм ряда китайских революционеров.

24–28 сентября 1930 г. в Шанхае нелегально состоялся III пленум ЦК КПК 6-го созыва. Работой пленума руководили Цюй Цюбо и вернувшийся из Москвы Чжоу Эньлай, выполнявшие поручение ИККИ по преодолению линии Ли Лисаня. Пленум подверг критике ошибки левого уклона, принял решение отменить всекитайское восстание и наступление Красной армии на крупные города и, по оценке современной китайской историографии, положил конец господству в ЦК КПК «левого авантюризма, представляемого Ли Лисанем».

Для решительной победы над сторонниками ошибочных установок необходимо было решить кадровые вопросы, выдвинутые на повестку дня IV пленума ЦК КПК 6-го созыва (7–10 января 1931 г.). В подготовке пленума активное участие принимало Дальневосточное бюро ИККИ (Дальбюро ИККИ), прежде всего, откомандированный в его состав ответственный работник Центрального аппарата Коминтерна П.А.Миф. Дальневосточное бюро ИККИ было создано в структуре Коминтерна в 1926 г. Функционировало в Шанхае с марта 1926 г. по 9 апреля 1927 г. В 1927 г. оно было распущено и воссоздано в 1929 г. Действовало в Шанхае в 1929–1934 гг. Представителем ИККИ в Китае и секретарем Дальбюро ИККИ в 1932–1934 гг. являлся А.Эверт.

Пленум осудил линию Ли Лисаня и вывел его из состава ЦК. В резолюции IV пленума о политическом положении и общих задачах партии было указано на губительные последствия авантюристической линии Ли Лисаня, господствовав-

шей в КПК три с лишним месяца (с июня по сентябрь 1930 г.): ослабление связей партии с массами, дезорганизация деятельности всех массовых организаций, падение авторитета партии в профсоюзном движении. Говорилось о том, что неоднократные попытки партии организовать восстания путчистскими методами подорвали доверие к партии в массах, привели к физическому уничтожению наиболее активных кадровых работников КПК и стали причиной провала парторганизаций в важнейших районах страны. Вместе с тем П.А.Миф воспрепятствовал выводу из высшего руководства партии Сян Чжунфа, Чжоу Эньлая, Сян Ина. Его усилиями Чэнь Шаоюй (Ван Мин), Ван Цзясян, Хэ Цзышу и Чэнь Юаньдао были кооптированы в ЦК. Из Политбюро были выведены Цюй Цюбо, Ли Лисань и Ли Вэйхань, доизбрано в Политбюро пять человек – Чэнь Юнь, Жэнь Биши, Чэнь Шаоюй, Лю Шаоци и Ван Кэцюань.

Поскольку число членов ЦК КПК и Политбюро в Шанхае не достигало и половины состава ЦК, на совещании Политбюро ЦК 10 января было учреждено Временное Политбюро ЦК КПК. В Постоянный комитет Временного Политбюро вошли Сян Чжунфа, Чжоу Эньлай и Чжан Готао.

Решения пленума создали идейно-политические и кадровые предпосылки для преодоления в партии линии Ли Лисаня. Вместе с тем не удалось поставить заслон развитию фракционной борьбы в руководящих органах партии. Не удалось также остановить процесс ослабления позиций КПК в городах, в том числе в профсоюзах, молодежных и других организациях. В значительной мере это было следствием усилившихся полицейских преследований.

Условия работы ЦК КПК в Шанхае были крайне тяжелыми, в городах положение партийных организаций стало критическим. Только в Шанхае в апреле 1931 г. были разгромлены 17 организаций партии. 21 июня 1931 г. шанхайская полиция арестовала генерального секретаря ЦК КПК Сян Чжунфа; 23 июня он был казнен. Арестовали и ряд работников аппарата ЦК КПК. С помощью подготовленных в Москве кадров удалось частично восстановить аппарат партийных и руководящих органов в профсоюзных организациях.

Хотя в области партийного строительства обострялись внутрипартийные разногласия и фракционная борьба в центральном руководстве партии, одновременно развивалось советское движение. В 1929–1930 гг. территория советских районов устойчиво расширялась, численность Красной армии Китая росла, она провела ряд успешных операций в пограничных районах нескольких провинций. Нанкинское правительство стало воспринимать советское движение как серьезную угрозу гоминьдановскому режиму. Чан Кайши приступил к организации карательных походов, нацеленных на ликвидацию советских районов.

Красная армия Китая успешно отразила три карательных экспедиции гоминьдановских войск, многократно превосходивших ее по численности и вооружению. Первый поход вооруженных сил Нанкинского правительства, действовавших совместно с полунезависимыми милитаристскими войсками, против Центрального советского района и других советских районов проходил с ноября 1930 г. по начало 1931 г. Второй поход против Центрального советского района

длился в марте–мае 1931 г. Красная армия провела пять сражений с 200-тысячными войсками под командованием Хэ Инциня. Третий поход на Центральный советский район осуществлялся под командованием Чан Кайши с 1 июля по первую половину сентября 1931 г. Войска Национального правительства насчитывали 300 тыс. человек. Но и этот поход оказался безуспешным для гоминьдановского руководства. В ходе боев Красная армия понесла большие потери, но ее победы воодушевили КПК.

15 января 1931 г. было образовано Центральное бюро ЦК КПК Центрального советского района (ЦБ ЦК ЦСР) во главе с Сян Ином. В Бюро вошли: Чжоу Эньлай, Сян Ин, Мао Цзэдун, Чжу Дэ, Жэнь Биши, Юй Фэй, Цзэн Шань. Ему подчинялись все местные организации района базирования Красной армии. Это событие было важной организационной мерой, поскольку в частях Красной армии, сформированных из разношерстных подразделений, как и в партийных и советских органах, не было единой системы управления.

18 февраля 1931 г. Центральное бюро утвердило резолюцию «Аграрный вопрос и тактика борьбы против кулака». В этом документе были исправлены ошибочные положения лилисаневских и некоторых «местных» аграрных законов, подвергнуты критике установки на создание колхозов и конфискацию всей земли, а также положение о разделе земли исключительно по едокам, без учета наличия рабочей силы в семьях. В отношении кулачества резолюция предлагала проводить политику политического и экономического ограничения, опираясь на создание и деятельность союза бедняков и союзов батраков. Решительно осуждалась политика физической ликвидации кулаков.

Продолжавшуюся междоусобную борьбу в правящем гоминьдановском лагере КПК использовал для расширения и укрепления прежних и создания новых соединений Красной армии и советских районов. После отражения трех карательных походов определились границы основных советских баз. На середину 1931 г. существовали в общей сложности шесть советских районов: Центральный советский район в составе особого юго-западного района пров. Цзянси и Особого пограничного района Хунань–Хубэй–Цзянси; Особый пограничный советский район Хунань–Хубэй, включавший юго-запад пров. Хубэй и северо-запад пров. Хунань; Особый пограничный район Хубэй–Хэнань–Аньхуэй, охватывавший северо-восток пров. Хубэй, юго-восток пров. Хэнань и запад пров. Аньхуэй; Особый пограничный район Цзянси–Фуцзянь–Аньхуэй (северо-восточная часть Цзянси, северная Фуцзянь и территория на стыке провинций Аньхуэй и Цзянси); Особый пограничный район Фуцзянь–Гуандун–Цзянси (западная Фуцзянь, восточная часть Гуандуна и юго-восток Цзянси); Особый советский район в пров. Гуанси. Части Красной армии к концу 1931 г. насчитывали более 100 тыс. бойцов и командиров.

С учетом этой обстановки в «Резолюции Президиума ИККИ о задачах Компартии Китая» от 26 августа 1931 г. были сформулированы основные положения коминтерновской концепции советского движения в Китае. В резолюции утверждалось, что только советская революция приведет к подлинному объединению

Революционные опорные базы в 1927–1932 гг.

Китая, т.е. речь шла о советизации всей страны как стратегической цели. Начало агрессии Японии в Китае не внесло существенных изменений в политику КПК, направленную на развитие советского движения и борьбу с Гоминьданом как основным противником.

Согласно принятой Временным Политбюро ЦК КПК резолюции «О завоевании победы в революции первоначально в одной или нескольких провинциях» от 9 января 1932 г., в повестку дня всей работы партии и советских районов были поставлены задачи расширения и соединения всех советских районов в один, предусматривалось использование благоприятных политических и военных усло-

вий для захвата одного-двух крупнейших городов. Благоприятными возможностями считались трудности, которые возникли у гоминьдановского режима в результате захвата Японией Маньчжурии. Такая позиция КПК и Коминтерна сохранялась вплоть до VII конгресса Коминтерна в июле–августе 1935 г.

Успехи советского движения сделали возможным политическое объединение советских районов. 7–20 ноября 1931 г. близ г. Жуйцзиня (юго-восточная Цзянси) состоялся I Всекитайский съезд представителей советских районов. Проекты основных законов, принятых на рассмотрение и утверждение съезда, подготовило Дальбюро ИККИ и Политбюро ЦК КПК. В работе съезда приняли участие 610 делегатов, практически от всех советских районов Китая и наиболее крупных частей Красной армии, представители профсоюзов, Союза китайских моряков, Антиимпериалистической лиги, Лиги левых писателей, МОПР.

I Всекитайский съезд Советов. Жуйцзинь. 1931 г. В президиуме: третий справа – Чжу Дэ, четвертый – Мао Цзэдун

Съезд провозгласил Китайскую Советскую Республику (КСР), принял проект ее конституции, Земельный закон, Закон о труде, а также резолюции: об экономической политике, по вопросу о Красной армии, по национальному вопросу в Китае, а также положение о советском строительстве. Съезд утвердил правила и другие постановления, развивавшие и конкретизировавшие его основные решения, которые, однако, имели в значительной мере декларативный характер. Реальную политику определяли главным образом условия военного времени, не позволявшие осуществить программу в полном объеме.

Согласно проекту конституции, политическая власть на территории советских районов определялась как демократическая диктатура пролетариата и крестьянства, а ее целью – в советских районах и в перспективе в масштабах всей страны – провозглашалось «уничтожение всех феодальных пережитков, уничтожение влияния империалистов в Китае, объединение всей страны, систематическое ограничение развития капитализма, хозяйственное строительство, развитие классового самосознания и организация пролетариата, объединение широких масс крестьянской бедноты и пролетариата для перехода к диктатуре пролетариата».

Съезд отменил все старые налоги и ввел единый прогрессивный налог. От налогов полностью освобождались семьи красноармейцев, рабочих, городская и деревенская беднота, подтверждалась ликвидация всех старых письменных и устных феодально-крепостнических и ростовщических договоров, долгов и долговых обязательств. Съезд принял решение о создании в советских районах эмиссионных и кредитных банков и о выпуске собственных денег при сохранении старых. Земельный закон предусматривал безвозмездную конфискацию земли феодалов, помещиков, милитаристов, *тухао*, *шэньши*, монастырей и других крупных собственников. Конфискованную землю советы должны были делить между бедняками и середняками. Земли кулаков также поступали в передел. Кулак мог получить трудовой надел из худшей земли, но при условии, что он обрабатывает эту землю сам и не участвует в контрреволюционной деятельности.

Съезд избрал ЦИК КСР в составе 63 человек. На первом заседании ЦИК 27 ноября 1931 г. Мао Цзэдун был избран на посты председателя ЦИК и Временного правительства Китайской Советской Республики, Чжан Готао и Сян Ин – заместителями председателя.

Важнейшим фактором расширения советского движения являлось дальнейшее укрепление китайской Красной армии. Стабилизация территории советских районов дала возможность значительно пополнить ее численность путем мобилизации деревенской молодежи. В рядах армии складывались и наиболее прочные партийные ячейки КПК, в которые входили около 50% бойцов и командиров. Кроме того, ряды партии пополнялись в процессе массовых кампаний по набору членов партии среди деревенской бедноты в периоды раздела помещичьей земли. В результате только в Центральном советском районе численность КПК с 15 тыс. в конце 1931 г. возросла, по данным на октябрь 1933 г., до 97 451 человека.

Важное значение для стабилизации обстановки в Центральном советском районе имела «Резолюция о работе по подавлению контрреволюции в советских районах», принятая 7 января 1932 г. ЦБ ЦК КПК Центрального советского района по докладу Чжоу Эньлая. В резолюции были проанализированы ошибки, допущенные в провинциях Цзянси и Фуцзянь в ходе борьбы с контрреволюционным союзом «АБ» (подпольная антибольшевистская организация). Подавление во второй половине 1930 г. восстания в Футяни (южная часть пров. Цзянси) резолюция характеризовала как меру правильную и необходимую. Вместе с тем отмечались грубые ошибки, допущенные партийным руководством (Мао Цзэдуном) в вопросах определения критериев принадлежности к числу контрреволюционеров, в практиковавшихся методах ведения кампании, а также в оценках степени влияния на ситуацию и масштабов организации «АБ» в советских районах. Партия стремилась предотвратить деформацию стиля партийной работы, признаки которой (укоренение авторитарных методов в партийной жизни и в управленческой деятельности властных структур в ряде советских районов, усиление фракционности и групповщины, перенесение во внутрипартийную

борьбу террористических методов) проявились в так называемом «футяньском деле».

Весной и летом 1932 г. накануне и во время четвертого карательного похода среди руководителей Бюро ЦК советских районов возникли серьезные разногласия по вопросам тактики дальнейших боевых действий и направления развития советских районов. Столкнулись две точки зрения. Мао Цзэдун предложил оборонительную тактику, высказался против перехода к наступлению на численно превосходящего противника, за разукрупнение частей Красной армии и уход в горы. Выступившие за наступательную тактику, считая положение благоприятным, потребовали проведения открытой критики взглядов Мао Цзэдуна, снятия его с командных постов в армии и перевода в тыл на работу во Временное центральное правительство Китайской Советской Республики. В начале августа 1932 г. в Нинду под председательством Чжоу Эньлая прошло расширенное совещание ЦБ ЦК Центрального советского района, в котором приняли участие представители командования и политотделов. Совещание осудило предлагавшуюся Мао Цзэдуном тактику отступления в труднодоступные горные районы.

Между тем находившаяся в контакте с ЦК КПК Политкомиссия Политсекретариата ИККИ выступила против развертывания кампании критики Мао Цзэдуна и предложила ограничиться методами товарищеского переубеждения и «завоевания» Мао Цзэдуна «на сторону активной линии». Эта позиция нашла отражение в телеграмме ЦК КПК в адрес Бюро ЦК советских районов от 7 октября 1932 г., в которой говорилось: «В настоящее время мы против отзыва Мао Цзэдуна из армии при условии, если он подчиняется дисциплине. Принятие сейчас такого шага могло бы привести к серьезным последствиям в К[расной] а[рмии] и правительстве. Обеспечьте единство руководства».

15 февраля 1933 г. ЦБ ЦК приняло решение освободить от работы Ло Мина, секретаря провинциального комитета КПК в Фуцзяни, сторонника тактики отступления и оставления территорий советских баз без боя, и призвало «развернуть решительную борьбу против линии Ло Мина». Мао Цзэдун был смещен с должности главного политкомиссара Красной армии. Этот пост занял Чжоу Эньлай. Учитывая авторитет и влияние Мао Цзэдуна в партии и его заслуги в советском движении, ЦК оставил Мао Цзэдуна во главе ЦИК Китайской Советской Республики. Возобладала линия на наступательную тактику.

Начавшийся летом 1932 г. четвертый карательный поход правительственных войск против Красной армии был направлен против советских районов, расположенных на стыке провинций Хэнань, Хубэй и Аньхуэй. Под ударами войск четвертого похода части Красной армии во главе с Чжан Готао вынуждены были оставить этот советский район и через западную Хэнань и южную Шэньси уйти в северную Сычуань. Там в начале 1933 г. был создан новый советский район. Части Хэ Луна также вынуждены были покинуть свою базу в западной части провинций Хубэй и Хунань и перейти в пограничный район Хунань–Хубэй–Сычуань–Гуйчжоу. Сузились районы действий 10-го корпуса Красной армии под командованием Фан Чжиминя, занимавшего территории на границе провин-

ций Цзянси, Чжэцзян и Фуцзянь, и 6-го корпуса, контролировавшего советские территории в провинциях Хунань и Цзянси. Таким образом, 4-й и 2-й фронты Красной армии, дислоцировавшиеся в этих районах, вынуждены были перебазироваться в пограничные районы Сычуань–Шэньси и Хунань–Хубэй–Сычуань–Гуйчжоу.

Вместе с тем увеличилась территория Центрального советского района. Там к весне 1933 г. Красная армия успешно отразила наступление противника. А когда в апреле–мае 1933 г. Чан Кайши прекратил наступление на советские районы в связи с расширением масштабов японской агрессии на Северный Китай и рядом поражений гоминьдановских войск в ходе четвертого карательного похода, Красная армия захватила ряд новых территорий в Цзянси и западной Фуцзяни, численно выросла и выиграла время для передислокации и укрепления рядов.

Обстоятельства сложились таким образом, что дальнейшее пребывание центральных партийных органов в Шанхае стало и опасным, и нецелесообразным. В начале 1933 г. основной состав Временного Политбюро ЦК КПК во главе с выполнявшим обязанности генерального секретаря ЦК Бо Гу (Цинь Бансянь) переехал из Шанхая в Жуйцзинь. В Шанхае для связи с ИККИ и представителем Коминтерна А.Эвертом (он же секретарь Дальбюро ИККИ в Шанхае) было оставлено Бюро ЦК.

В феврале 1933 г. в Жуйцзине состоялось совместное заседание Временного Политбюро и Бюро ЦК Центрального советского района, на котором в результате слияния этих двух органов был образован единый руководящий центр – Временное Политбюро ЦК КПК. Таким образом, вся работа партии фактически сосредоточилась в деревнях советских районов.

Правовые вопросы в советских районах Китая

В ходе советского движения в центре внимания коммунистов оказались аграрные проблемы. Развернутая программа по аграрному вопросу, принятая VI съездом КПК, выдвигала требование конфискации всей помещичьей земли и передачи ее малоземельному и безземельному крестьянству. Съезд выступил против преждевременного выдвижения лозунга национализации всей земли, подчеркнув, что лозунг отмены частной собственности КПК станет поддерживать лишь «при условии установления прочной советской власти во всем государстве или на решающих территориях». Однако на местах аграрные преобразования проводились методом проб и ошибок.

Первым в сфере аграрного законодательства китайских Советов стал Закон о земле, принятый в декабре 1928 г. в Цзинганшане (советский район Хунань–Цзянси). Согласно этому закону, конфискации подлежала вся земля – и помещичья, и крестьянская – с полным запретом ее купли-продажи. В начале 1929 г. в уезде Синго (юг Цзянси) была объявлена конфискация только помещичьих

и общественных земель. На конференции представителей советских районов в мае 1930 г. было принято решение о немедленной национализации земли, об организации на конфискованной у помещиков земле совхозов и объединении крестьян в колхозы. Понадобилось более трех лет, чтобы преодолеть перегибы в аграрной политике. Это было сделано Законом о земле, принятом на I съезде китайских Советов в 1931 г.

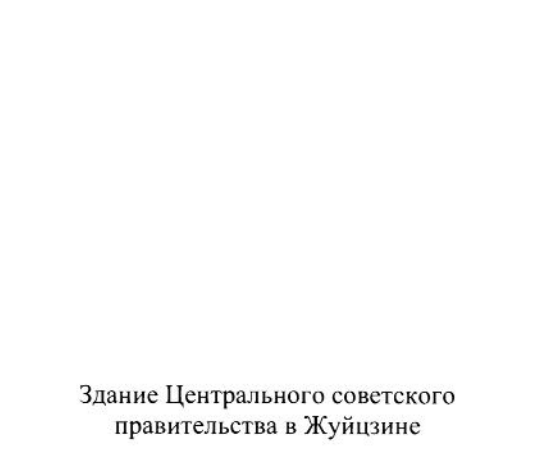
Закон предусматривал конфискацию всех земель феодальных помещиков, *тухао*, *лешэнь*, милитаристов, чиновников и других крупных землевладельцев, независимо от того, ведут они хозяйство сами или сдают землю в аренду. Земля отбиралась без какого-либо возмещения и без предоставления бывшим владельцам вновь созданного земельного надела. Конфискации подлежала также земля богатых крестьян (кулаков), но те из них, кто не участвовал в контрреволюционной деятельности и обрабатывал землю своим трудом, получали земельный надел на худшей по качеству земле. У помещиков, милитаристов, чиновников и связанных с ними социальных групп конфисковывалось всё движимое и недвижимое имущество, у кулаков же изымались излишние постройки, излишнее количество скота и сельскохозяйственного инвентаря. Местным советам предлагалось передать конфискованное имущество эксплуататоров бедняцким и середняцким хозяйствам. Закон уничтожал как письменные, так и устные договоры об аренде, аннулировал обязательства и задолженность крестьян, объявлял недействительными все ростовщические долги.

Вслед за конфискацией земли перед китайскими Советами встала задача наделения ею крестьян. I съезд Советов признал наиболее желательным уравнительный передел, при котором середняки и бедняки получали бы землю по числу едоков или числу едоков и рабочей силы. При этом учитывалось не только количество земли, но и ее качество, т.е. возможная урожайность. В Законе о земле указывалось, что местные советы ни в коем случае не должны проводить уравнительный передел силой. В статье 5-й закона указывалось: «[Закон] нельзя принудительно осуществлять приказом сверху, необходимо всесторонне разъяснить его крестьянству и проводить в жизнь только с согласия и при прямой поддержке основной массы крестьянства».

Введение китайскими советами нового земельного законодательства, даже в несовершенной форме, имело важное политическое значение и для всей страны в целом – оно заставило гоминьдановское правительство в Нанкине также декларировать заинтересованность в решении аграрного вопроса. Специально созданная ЦИК Гоминьдана комиссия под председательством Ху Ханьминя подготовила и в июне 1930 г. опубликовала проект аграрного закона. Законопроект предусматривал снижение арендной платы до 37,5% фактического урожая, запрещение субаренды и права вечной аренды, признание приоритетных прав арендатора на покупку арендуемого участка.

Реализация земельного законодательства китайских советов затруднялась территориальной нестабильностью советских районов в условиях карательных походов войск Чан Кайши и местных милитаристов. В советских районах ком-

мунисты накопили опыт аграрных преобразований, который был востребован в аграрной политике в освобожденных районах на следующих этапах китайской революции, вплоть до Закона о земельной реформе, принятого уже в КНР (28 июня 1950 г.). Два документа, принятые Центральным советским правительством в Жуйцзине, – «Как определять классы в сельских местностях» и «Решения по некоторым вопросам земельной реформы» – были вновь опубликованы ЦК КПК 25 мая 1946 г. при проведении реформы в «старых освобожденных» районах. 4 августа 1950 г. они вошли в постановление Административного совета Центрального народного правительства КНР об определении классовой принадлежности в деревне. При новом введении в действие из них были изъяты некоторые положения, которые на новом этапе земельной реформы оказались неприменимы.



Здание Центрального советского правительства в Жуйцзине

Китайским Советам удалось создать сравнительно развитое трудовое законодательство. Закон о труде 1931 г. провозглашал восьмичасовой рабочий день для всех работающих по найму взрослых, шестичасовой для подростков от 16 до 18 лет и четырехчасовой для подростков от 14 до 16 лет. Он предусматривал сокращенный рабочий день для рабочих во вредных для здоровья отраслях промышленности и работающих в ночное время. Закон предписывал обязательное заключение коллективных договоров между профсоюзом и предпринимателем и запрещал нанимать рабочих на условиях худших, чем те, которые предусматривались Законом о труде и коллективными договорами. Нанимать рабочих следовало только через профсоюзы и биржи труда. Закон устанавливал еженедельные дни отдыха, нерабочие памятные дни и революционные праздники, определял длительность обеденного перерыва. Особые главы были посвящены принципам оплаты труда, его охране и социальному страхованию, роли профсоюзов в обеспечении проведения в жизнь положений данного закона.

В советских районах не было или почти не было оснащенных машинами фабрично-заводских предприятий. Однако в мануфактурах и мастерских трудились тысячи ремесленников, чернорабочих, а также батраков и других людей наемного труда. Для них советское законодательство создавало более приемлемые условия труда.

Обстановка гражданской войны требовала поддержания в советских районах революционного порядка, а также осуществления мер по борьбе с подрывной деятельностью вражеской агентуры. Это обстоятельство обусловило принятие Советской властью ряда уголовных законов. Наиболее значимым документом

уголовного законодательства советских районов являлось «Положение Китайской Советской Республики (КСР) о наказании за контрреволюционные преступления», опубликованное декретом ЦИК КСР 8 апреля 1934 г. Оно состояло из 41 статьи, 14 из которых регулировали общие вопросы уголовного права, остальные 27 статей устанавливали уголовную ответственность за конкретные преступления. Большинство санкций статей Положения предусматривали наказание в виде смертной казни. Положение носило ярко выраженный классовый характер, что особенно проявлялось в его 34-й статье, где прямо говорилось о назначении более мягкого наказания рабочим и крестьянам, чем помещикам и капиталистам.

Ожесточенная классовая борьба, неустойчивость общественных отношений, отсутствие опыта законодательной деятельности препятствовали разработке единой точки зрения на пути развития права. Отсутствие юридических кадров препятствовало созданию нормативного акта, более подробно и детально регламентирующего ответственность за преступления, посягающие на основы советской власти.

Вместе с уголовно-правовыми издавались нормативные акты, регулирующие судопроизводство. Формально судебная система КСР строилась по принципу иерархии судебных органов. Ее возглавлял Верховный суд, на который возлагалось толкование законов, рассмотрение дел о нарушении законов работниками высших органов при исполнении ими своих обязанностей, проверка приговоров и решений провинциальных судов и высшего военного трибунала, рассмотрение жалоб и протестов на решения провинциальных судов и высшего военного трибунала. На нижних уровнях судопроизводства должны были учреждаться судебные отделы или подотделы провинциальных, городских, районных, уездных правительств. Судебные отделы в том, что касалось рассмотрения дел, находились в компетенции Верховного суда, а в судебно-административном отношении – под руководством народного советского правительства. В районах, не слившихся с центральным советским районом, эти функции, согласно закону, выполняли провинциальные исполнительные комитеты. На уровне провинциальных судебных отделов учреждались должности главных прокуроров, на уездном уровне – прокуроров. До учреждения прокурорских должностей возможно было наделить одного из судей полномочиями прокурора, освободив его от других обязанностей. По делам о контрреволюционных преступлениях в качестве государственных обвинителей могли выступать представители Государственного управления политической охраны.

К области гражданского права можно условно отнести два акта, опубликованные правительством КНР в один день, 1 января 1932 г., – Временное положение о вложении капиталов в промышленные и торговые предприятия и Временное положение о судах. Первый из них представлял собой попытку привлечения частного капитала в экономическое развитие советских районов, второй был направлен против ростовщичества, устанавливал в то же время законные формы кредитования. Значительной роли эти акты не сыграли.

В советских районах Китая дважды принимались законодательные акты по брачно-семейному праву. 28 ноября 1931 г. на своей первой сессии ЦИК КСР принял Положение о браке, а 8 апреля 1934 г., учитывая опыт применения Положения, издал Закон о браке. Эти нормативные акты устанавливали свободу брака и развода, уничтожали систему заключения брака родителями за малолетних детей, продажу девушек в наложницы или продажу малолетних девочек в чужие семьи для воспитания будущей жены сына. Закон устанавливал единобрачие, запрещал полигамию и полиандрию. Брачный возраст устанавливался законом в 20 лет для мужчин, полные 18 лет – для женщин.

Запрещался брак между кровными родственниками до пятого колена. Браки и разводы регистрировались в местных советах. Закон регулировал воспитание детей после развода, имущественные вопросы при разводе, воспитание детей, рожденных в незарегистрированном браке. Признавая полное равноправие обоих полов, закон учитывал, что в случае развода женщина, как правило, не могла обеспечить материальную самостоятельность семьи, и возлагал основные обязанности по обеспечению детей на мужчину.

Советское законодательство определяло также структуру и функции государственных органов управления. На высшем уровне административной лестницы в КСР стоял Совет народных комиссаров (СНК). Его функции определялись Законом об организации центральных органов КСР (опубликован 17 февраля 1934 г.). В СНК кроме его председателя входили 10 народных комиссаров и председатель комиссии рабоче-крестьянской инспекции. При СНК создавались Государственное управление политической охраны и Революционный военный совет. СНК наделялся правом принимать решения по неотложным делам (связанным с проведением основного политического курса), которые обычно поступали в ЦИК КСР или в его президиум. Организацию административной власти на местах регулировало Временное положение об организации местных советских правительств, принятое первой сессией ЦИК КСР в ноябре 1931 г. Эта власть осуществлялась исполнительными комитетами Советов, создававшимися во всех единицах административно-территориального деления КСР, кроме волостей, где учреждались только должности председателя, а в крупных волостях – также и заместителя председателя Совета.

Аппарат исполкомов строился по принципу жесткой экономии. В городах и районах уездов он состоял не более чем из 15–19 сотрудников, в уездах – 25, в провинциях – 60 человек. Предусматривалась возможность сокращения оплачиваемого аппарата в период экономических трудностей. В целом законодательная структура китайских исполкомов являлась слепком с аналогичной структуры в СССР. В силу ситуации в советских районах это законодательство не проводилось в жизнь в полной мере.

Поражение советского движения. Великий поход Компартии Китая на Северо-Запад. Поиск новой стратегии демократической революции

Уже четвертый карательный поход Гоминьдана против советских районов продемонстрировал некоторое укрепление гоминьдановской власти. Стабилизация гоминьдановского режима на фоне начавшегося роста национального самосознания, вызванного расширением японской агрессии, самым непосредственным образом воздействовала на положение советских районов. Советское движение оказалось в большой опасности. Между тем, несмотря на то что правительство КСР 5 апреля 1932 г. объявило войну Японии и выдвинуло лозунг национально-революционной войны, приоритеты революционной стратегии Компартии оставались прежними. Курс на развитие советского движения неразрывно связывался с продолжением гражданской войны с Гоминьданом, а вопросы организации и мобилизации масс на борьбу с Японией если и ставились, то в ряды патриотов не включали представителей власти КР. И все же накануне и во время пятого карательного похода Гоминьдана в руководстве КПК ускорился процесс осознания новой политической реальности и необходимости формирования нового политического курса.

По рекомендации ИККИ, от имени Мао Цзэдуна и Чжу Дэ 10 января 1933 г. была обнародована «Декларация Временного правительства Китайской Советской Республики и Военно-революционного комитета Рабоче-крестьянской Красной армии Китая» («Декларация о трех условиях»). В этом документе всем армиям Китая предлагалось объединиться для ведения национально-революционной войны в защиту суверенитета Китая и против нанкинского режима на трех условиях: прекращение наступления на советские районы, предоставление народу демократических прав, вооружение масс. Предложение «заключить военный союз с любыми вооруженными силами» стало первым шагом к преодолению сектантской ограниченности тактики единого фронта снизу.

Следующим шагом в том же направлении явилось подготовленное делегацией КПК в ИККИ «Письмо ЦК КПК партийным организациям и всем членам партии в Маньчжурии о задачах нашей партии» от 26 января 1933 г. В этом документе выдвигалась задача вовлечения в единый фронт борьбы против японской агрессии самых разных антияпонски настроенных социальных групп, включая помещиков, генералитет и офицерство китайских войск, чиновников из аппарата местных властей. Ставился также вопрос о необходимости создания в городе и деревне, а также в вооруженных силах единого фронта патриотических сил не только «снизу», но и «сверху». В письме предлагалось изменить политические и социально-экономические требования, снять лозунги создания Советов, конфискации всех помещичьих и кулацких земель, заменить их требованиями конфискации земель и имущества японских захватчиков и коллаборационистов.

Накануне пятого похода Гоминьдана против советских районов руководство КПК по согласованию с ИККИ и его представителем приняло установку оборонять территорию Центрального советского района, используя тактику сочетания маневренных действий Красной армии и партизанской войны, не придерживаясь при этом принципа «защиты каждой пяди земли во что бы то ни стало». Сохранение живой силы Красной армии характеризовалось как задача первостепенной важности.

Пятый карательный поход Гоминьдана начался в сентябре 1933 г., он был направлен в первую очередь против Центрального советского района. В военных действиях участвовала почти 500-тысячная армия, имевшая на вооружении самолеты, артиллерию, другую военную технику. К началу 1933 г. число вооруженных огнестрельным оружием бойцов Красной армии составляло 60–80 тыс. человек, из них 30–35 тыс. – в Центральном советском районе. В сентябре–октябре начались первые бои, но вскоре Чан Кайши вынужден был приостановить наступление в связи с «фуцзяньскими событиями», инициированными прославившейся обороной Шанхая в 1932 г. 19-й армией. 20 ноября 1933 г. в Фучжоу (столица пров. Фуцзянь) было объявлено о создании «народно-революционного правительства», провозгласившего разрыв с традицией Гоминьдана. Пятый карательный поход проходил на фоне заметных сдвигов в расстановке политических сил. В обществе, в том числе в среде политиков и в военных кругах, росло недовольство политикой Нанкинского правительства, обвинявшегося оппонентами в пассивности по отношению к агрессору. Курс Гоминьдана на ликвидацию советских районов как предварительное условие перехода к активным действиям против японского агрессора, сопровождавшийся отвлечением вооруженных сил на борьбу с Красной армией в ущерб национальным интересам, все чаще характеризовали как недальновидный, по меньшей мере несвоевременный.

Фэн Юйсян. 1930-е годы

Недовольство политикой Нанкина на местах проявлялось в выдвижении антияпонских лозунгов. Именно к такого рода выступлениям и относятся получившие широкий резонанс действия маршала Фэн Юйсяна в пров. Чахар и 19-й армии в Фуцзяни. Непосредственным стимулом усиления протестных настроений региональных гоминьдановских лидеров стало соглашение между Китаем и Японией в Тангу (31 мая 1933 г.), узаконившее попытки Японии выйти за географические рамки Маньчжурии и распространить свое влияние на Северный Китай. Нанкинские войска 2 августа 1933 г. нанесли тяжелое поражение выступившей против Национального правительства так называемой «народной антияпонской армии» Фэн Юйсяна и вынудили его капитулировать.

В ходе событий в Фуцзяни был получен первый опыт сближения некоммунистических сил и КПК на антияпонской основе. В результате секретных перего-

воров между командованием Красной армии и 19-й гоминьдановской армии 26 октября 1933 г. было подписано предварительное соглашение о борьбе с Японией и Чан Кайши.

Соглашение предусматривало прекращение военных действий между обеими армиями и обеспечивало прорыв введенной Чан Кайши экономической блокады советских районов. В пров. Фуцзянь из тюрем освобождались все политические заключенные, подавляющее большинство которых составляли коммунисты. 20 ноября 1933 г. генералитет 19-й армии объявил о разрыве с Чан Кайши и о создании «народно-революционного правительства Китайской Республики». Однако руководство КПК с недоверием отнеслось к этому правительству и в «Воззвании к народу всей страны о фуцзяньских событиях» раскритиковало его за пассивность по отношению к действиям империалистов, милитаристов, бюрократов, «кровопийц-*шэньши* и помещиков-мироедов». В воззвании осуждалась политика «третьего пути», который был провозглашен фуцзяньскими мятежниками, а также утверждалось, что сторонников такого пути неминуемо ждет поражение. ЦК КПК занял в целом выжидательную позицию, принуждая 19-ю армию к более решительным действиям против Чан Кайши.

28 декабря 1933 г. Чжоу Эньлай и Чжу Дэ тем не менее дали указание руководству советского района в центральной Фуцзяни активизировать партизанское движение в тылу войск, брошенных Национальным правительством на подавление фуцзяньского мятежа, а также во взаимодействии с 19-й армией развернуть военные действия против гоминьдановских войск. Четкого решения вопроса об отношении коммунистов к фуцзяньскому восстанию так и не было принято, и оно не получило своевременной помощи от частей Красной армии. Оказавшись в изоляции, оно не смогло противостоять гоминьдановским войскам и в январе 1934 г. Фуцзянь была занята войсками Национального правительства. После поражения 19-й армии возобновилось наступление правительственных войск на советские районы.

Ввиду приостановки наступления армии Чан Кайши на Центральный советский район руководство КПК провело V пленум ЦК КПК 6-го созыва (18 января 1934 г. в Жуйцзине) и II съезд представителей советских районов Китая (22 января – 1 февраля 1934 г.). Главная их задача состояла в мобилизации партии, сил и ресурсов советских районов на борьбу против пятого карательного похода Гоминьдана. На пленуме ЦК были предприняты также попытки преодолеть разногласия в руководстве КПК и командовании Красной армии по военным вопросам.

В феврале 1934 г. гоминьдановские войска возобновили наступление в Цзянси и Фуцзяни на Центральный советский район, опираясь на мощь авиации, тяжелой артиллерии и другой военной техники. Гоминьдановское командование использовало на этот раз тактику медленного продвижения в глубь советского района по всему фронту кольца окружения, сооружая на захваченных территориях блокгаузы.

17 мая 1934 г. Чжоу Эньлай, Чжу Дэ и Ван Цзясян подписали приказ Военно-революционного комитета (ВРК) о подготовке к рассредоточению частей Крас-

ной армии в Центральном советском районе по трем военным округам – цзянсийскому, фуцзяньскому и фуцзянь-цзянсийскому. Перед ними ставилась задача вести партизанскую войну в тылу противника и создавать новые советские районы.

В мае на заседании Секретариата Временного политбюро ЦК КПК было принято решение ввиду угрозы со стороны гоминьдановских войск перебазировать основные силы Красной армии из Центрального советского района. ИККИ одобрил это решение.

Летом 1934 г. по решению Секретариата ЦК КПК была создана «тройка» в составе Бо Гу, военного советника ЦК КПК О.Брауна (направлен ИККИ по просьбе ЦК КПК) и Чжоу Эньлая для проведения всесторонней подготовки к прорыву окружения Центрального советского района и эвакуации ЦК КПК и правительства в более безопасный район. В первой декаде июля 1934 г. гоминьдановские войска предприняли новое массированное наступление на Центральный советский район сразу по шести направлениям. Бо Гу и О.Браун приняли решение «встречать врага повсюду, откуда бы он ни наступал и оборонять-ся на заранее подготовленных позициях». Однако противник, имевший многократное превосходство в численности и вооружении, вынудил части Красной армии с большими потерями отступить в глубь Центрального советского района.

15 июля 1934 г. был опубликован Манифест Рабоче-крестьянской Красной армии Китая о походе на Север для отпора Японии. Манифест подписали председатель Центрального правительства КСР Мао Цзэдун, заместители председателя Сян Ин и Чжан Готао, председатель ВРК Чжу Дэ и его заместители Чжоу Эньлай и Ван Цзясян. В Манифесте объявлялось, что Рабоче-крестьянская Красная армия Китая, отражающая пятый карательный поход Гоминьдана, направляет на Север для сопротивления Японии передовой отряд своих войск. В связи с войной против Японии выдвигались следующие лозунги: решительно выступать против «распродажи» гоминьдановским правительством территориальных прав Китая, протестовать против китайско-японских прямых переговоров, против признания марионеточного Маньчжоу-го; немедленно объявить о разрыве дипломатических отношений с Японией, аннулировать все заключенные ранее секретные китайско-японские договоры и соглашения, объявить всеобщую мобилизацию сухопутных, военно-морских и военно-воздушных сил для ведения войны с Японией; вооружить весь народ, создать отряды добровольцев и партизан, которые приняли бы непосредственное участие в боевых действиях против Японии, оказать поддержку добровольческой армии Северо-Восточного Китая и авангардному отряду Красной армии, отправляющемуся на Север для борьбы с Японией; конфисковать все капиталы и собственность «японских разбойников» и предателей Родины, прекратить платежи по всем японским займам; повсеместно широко создавать массовые народные антияпонские организации.

В сентябре 1934 г. секретариат ЦК КПК принял решение выйти из окружения и оставить Центральный советский район. Телеграммой от 30 сентября 1934 г. Политкомиссия Политсекретариата ИККИ в адрес ЦК КПК выразила согласие с планом отхода главных сил в Хунань. К этому времени в Центральном со-

ветском районе была проведена подготовительная работа для прорыва окружения. Накануне прорыва имевшиеся части свели в полевую Красную армию 1-го фронта, насчитывавшую в общей сложности (вместе с тылами и обозом) около 100 тыс. человек. Главкомом фронта был назначен Чжу Дэ, политкомиссаром – Чжоу Эньлай.

Главные силы – 1, 3, 5, 8 и 9-й корпуса Красной армии – 10 октября 1934 г. начали прорыв блокады. Вместе с армией вышел в поход и ЦК КПК. В бывшем Центральном советском районе остались только партизанские отряды под общим руководством члена Политбюро Сян Ина.

Зал, где проходило совещание Политбюро ЦК КПК. Цзуньи. 1935 г.

Преследуемые лучшими дивизиями Чан Кайши, части Красной армии начали переход первоначально на запад страны, где еще в 1933 г. был создан советский район в пров. Сычуань, а затем на северо-запад. Беспримерный по героизму и тяжелейший по потерям поход Красной армии протяженностью в 25 тыс. *ли* (около 12,5 тыс. км) сопровождался ожесточенными боями с гоминьдановской армией. Красная армия шла извилистыми путями в окраинные, малонаселенные районы Северо-Запада.

Вытеснение Гоминьданом Компартии Китая и основных сил Красной армии из Центрального и Южного Китая означало фактически утрату основных советских районов. Хотя курс на советизацию формально еще некоторое время оставался в арсенале политической стратегии КПК, под давлением обстоятельств партия приступила к поиску адекватной реальным условиям модели революционного движения.

В период Великого похода возможности радиосвязи КПК с Москвой и Коминтерном через Шанхай в значительной степени были утрачены. КПК в изменившихся условиях обрела большую степень самостоятельности и независимости от влияния Коминтерна.

Вскоре после выхода частей Красной армии из окружения в начале января 1935 г. войска 1-го фронта вошли в г. Цзуньи (пров. Гуйчжоу). Там по инициативе Мао Цзэдуна 15–17 января 1935 г. состоялось расширенное совещание Политбюро ЦК КПК. В совещании приняли участие члены Политбюро ЦК КПК Мао Цзэдун, Чжан Вэньтянь, Чжоу Эньлай, Чжу Дэ, Чэнь Юнь, Бо Гу, работники Политуправления и Генштаба, командиры и комиссары соединений корпусов и дивизий Красной армии Лю Бочэн, Ли Фучунь, Линь Бяо, Пэн Дэхуай, Ян Шанкунь, начальник Секретариата ЦК КПК Дэн Сяопин. На совещании также присутствовали военный советник ЦК КПК О.Браун (Ли Дэ) и в качестве переводчика У Сюцюань – всего 35–40 человек.

Великий поход Красной армии Китая (1934–1936)

С основным докладом «Об итогах борьбы против пятого вражеского „похода“ и первом этапе Великого похода» выступил Бо Гу, с содокладом – Чжоу Эньлай. Оба утверждали, что политический и стратегический курс ЦК КПК во время борьбы против пятого карательного похода Гоминьдана в целом был правильным, а причины, вынудившие Красную армию уйти из Центрального советского района, носили объективный характер.

Мао Цзэдун и его сподвижники – Ван Цзясян, Ло Фу и Линь Бяо в своих выступлениях объявили выводы Бо Гу и Чжоу Эньлая неверными и подвергли резкой критике военные планы похода, за разработку и осуществление которых несли ответственность члены Военного комитета (Бо Гу, Чжоу Эньлай и О.Браун). Членам Военного комитета и особенно О.Брауну вменялись в вину военно-политические ошибки, авторитарный стиль руководства, игнорирование мнения опытных военачальников китайской Красной армии и невнимание к местным условиям. Их обвиняли также в склонности к «пассивной обороне», в подмене маневренной войны позиционной, критиковали за то, что слишком велик был обоз Красной армии. Эту критику поддержали участвовавшие в работе совещания военные. Чжоу Эньлай, председательствовавший на совещании, признал свои ошибки и полностью согласился с критикой. Позже, осенью 1939 г., О.Браун, находясь в Москве, также признал свои ошибки.

Чжан Вэньтянь в Ваяобао. 1935 г.

Среди важных решений, принятых на совещании в Цзуньи, далеко идущее значение имели меры, направленные на реорганизацию высшего руководства. Мао Цзэдун был кооптирован в состав Постоянного комитета Политбюро ЦК КПК, а также назначен помощником Генерального политкомиссара Красной армии.

Реорганизация высшего руководства КПК и командования Красной армии продолжилась после совещания в Цзуньи. В феврале 1935 г. на смену Бо Гу на посту генерального секретаря ЦК пришел Чжан Вэньтянь. Вскоре Мао Цзэдун занял пост главного фронтового политического комиссара Красной армии. Чжу Дэ и Чжоу Эньлай наряду с Мао Цзэдуном стали членами Военного комитета ЦК. На совещании ответственных работников ЦК КПК 10 марта 1935 г. была сформирована руководящая тройка в составе Мао Цзэдуна, Чжоу Эньлая и Ван Цзясяна вместо прежней тройки, состоявшей из Бо Гу, Чжоу Эньлая и О.Брауна.

После совещания в Цзуньи руководство ЦК КПК стало постепенно сплачиваться вокруг Мао Цзэдуна, хотя подлинного внутрипартийного единства в руководстве в то время достигнуть не удалось. Возвышению Мао Цзэдуна в руководстве партии и армии, помимо его личных достоинств, способствовала поддержка со стороны Москвы. Поскольку во время похода радиосвязь с шанхайской радиостанцией, захваченной гоминьдановцами, прекратилась, в Москву был направлен Чэнь Юнь, в задачу которого входило информирование Коминтерна о совещании в Цзуньи и дальнейших планах похода. Чэнь Юнь добрался до Москвы лишь летом 1935 г. в последний день работы VII конгресса Коминтерна. В Коминтерне не только благоприятно восприняли информацию о включении Мао Цзэдуна в группу ведущих руководителей КПК, но еще до получения этих сведений на VII конгрессе Коминтерна имя Мао Цзэдуна называлось в числе выдающихся деятелей коммунистического движения.

Вскоре после совещания в Цзуньи по предложению Мао Цзэдуна было принято решение о создании новой опорной базы в районе Гуйчжоу–Юньнань–Сычуань и форсировании р. Янцзы в районе Гуйчжоу–Ибинь для соединения с войсками 4-го фронта (армией Чжан Готао – Сюй Сянцяня), с тем чтобы «советизировать» пров. Сычуань. После непродолжительного отдыха, пополнения и переформирования в Цзуньи части Красной армии выступили на север для соединения с войсками 4-го фронта, базировавшимися в советском районе пров. Сычуань.

Во второй половине мая – первой половине июня 1935 г. части 1-го фронта, преодолевая водные преграды и горы, двигались на север вдоль границы провинций Сычуань и Сикан. Еще в марте–апреле 1935 г., когда до Чжан Готао стали доходить сведения о тяжелом состоянии войск 1-го фронта, армия 4-го фронта оставила советский район в Северной Сычуани и выступила на запад, навстречу войскам 1-го фронта. Чан Кайши, стремившийся не допустить вступления Красной армии в Сычуань, сосредоточил на ее пути крупные войсковые заслоны, усилил воздушные бомбардировки и вынудил Красную армию пойти кружным маршрутом. В конце июня 1935 г. в районе Маогуна произошла встреча войск Чжан Готао с войсками во главе с Мао Цзэдуном и другими членами Политбюро ЦК КПК.

Объединение военных и партийных сил, укрепив позиции КПК и армии, в то же время обострило противоречия в руководстве. В значительной мере они касались определения дальнейшего маршрута Великого похода. На следующий день после встречи Мао Цзэдуна и Чжан Готао на заседании Военного комитета ЦК Мао Цзэдун предложил план похода в пров. Нинся, граничащую с МНР. Чжан Готао, не отвергая этот план, предложил два других направления – остаться в Пограничном районе Сычуань–Сикан или идти в Синьцзян, предпочитая последний. В результате было принято компромиссное решение: двигаться в южную часть пров. Ганьсу, а оттуда повернуть либо на запад – в Синьцзян, либо на северо-восток – в Шэньси и Нинся.

На заседании Политбюро ЦК КПК 28 июня 1935 г. было принято решение о реорганизации Красной армии. Центральная армейская колонна была официально названа 1-й фронтовой армией, а 4-я армейская группа переименована в 4-ю фронтовую армию. Генеральным политкомиссаром объединенных фронтов был назначен Чжан Готао, главнокомандующим – Чжу Дэ.

С 4 по 6 августа близ поселка Маоэргай состоялось заседание Политбюро ЦК КПК (совещание в Лянхэкоу), принявшее решение идти на север в район Ганьсу–Шэньси. Был согласован маршрут движения войск 1-го и 4-го фронтов, которые должны были соединиться в Ганьсу для ведения в перспективе войны на два фронта – против гоминьдановской армии и против японской агрессии. Чжан Готао на словах согласился с курсом продвижения на север, однако в действительности предпочитал поход на юг в район на стыке провинций Сычуань и Сикан.

В конце августа Красная армия двумя колоннами двинулась в Ганьсу. В западной колонне под командой Чжан Готао находились командующий Чжу Дэ

Бойцы Красной армии в Северной Шэньси после завершения Великого похода. Октябрь 1935 г.

и начальник генерального штаба Лю Бочэн. В восточной колонне, которой руководили Сюй Сянцянь и Чэнь Чанхао (ближайшие соратники Чжан Готао), находились Мао Цзэдун, Чжан Вэньтянь и почти все другие члены Политбюро ЦК КПК. Связь между колоннами, находившимися на значительном расстоянии друг от друга, поддерживалась только по радио.

Западная колонна Чжан Готао встретила на своем пути водное препятствие, разлившуюся реку, через которую не смогла переправиться. Чжан Готао от имени объединенного командования отдал приказ обеим колоннам временно остановить движение на север и вернуться в район Маоэргай–Чжокэцзи в Сычуани. Мао Цзэдун и его сторонники не подчинились этому приказу и ночью приказали 1-му и 3-му корпусам 1-го фронта двигаться в северном направлении.

Для обсуждения создавшегося положения Политбюро ЦК КПК провел 12 сентября 1935 г. в Эцзе заседание, которое приняло «Постановление по поводу ошибок товарища Чжан Готао». Было решено поддерживать с Чжан Готао радиосвязь, чтобы оказать влияние на действия его армии и «перевоспитывать в ходе терпеливой разъяснительной работы» как военно-партийные кадры, так и самого Чжан Готао.

Тем временем Чжан Готао и оставшиеся с ним шесть корпусов (примерно $^{5}/_{6}$ бывшей объединенной армии численностью более 70 тыс. человек) вернулись в район Маоэргай–Чжокэцзи, где Чжан Готао 5 октября создал «свой ЦК КПК», объявил себя генсеком, заявив, что отказывается подчиняться ЦК, возглавляемому Мао Цзэдуном, и впредь до нового съезда КПК будет признавать только руководство Коминтерна. Так произошел раскол в руководстве КПК и Красной армии, который удалось преодолеть только через год.

1-й и 3-й корпуса 1-го фронта были реорганизованы в 1-ю армию общей численностью 10–12 тыс. человек (командующий Пэн Дэхуай, заместитель командующего Линь Бяо, комиссар Мао Цзэдун). Почти год обе воинские группировки – 1-я армия и 4-й фронт – действовали независимо друг от друга, обмениваясь лишь некоторой информацией по радио. Войска 1-й армии продолжали движение на север. Вместе с этими частями находилась большая часть членов Политбюро ЦК КПК и генеральный секретарь ЦК КПК Чжан Вэньтянь. Было принято решение двигаться в Северную Шэньси, где, как им стало известно, имелся небольшой советский район, созданный Лю Чжиданем и Гао Ганом. Дальнейший поход проходил под лозунгом борьбы против Японии, в связи с чем 1-я армия приняла дополнительное название «Антияпонский авангард».

Мао Цзэдун и Чжан Готао в Северной Шэньси. 1935 г.

1-я армия преодолела заснеженные перевалы хребта Миншань на границе Сычуани и Ганьсу, где ей пришлось вести бои с войсками мусульманских милитаристов из семейства Ма, сотрудничавших с Гоминьданом. В середине октября 1935 г. войска 1-й армии провели свой последний бой с противником у самой границы советского района, где им преградила путь кавалерийская бригада 17-й армии Ян Хучэна, и вскоре вступили в пределы советского района Северной Шэньси. Через два дня они достигли г. Баоань, одного из центров этого советского района, где состоялась их встреча с командиром 15-го корпуса Красной армии Лю Чжиданем. В Баоани штабная и обозная колонны 1-й армии отделились от боевых частей и направились в Ваяобао, место дислокации администрации этого советского района и местного парткома КПК.

20 октября 1935 г., через год после прорыва блокады в Цзянси, Красная армия Центрального района завершила в Ваяобао Великий поход, пересекла 11 провинций. Ее численность к концу похода составляла не более 7 тыс. человек, около 5 тыс. бойцов погибли в вооруженных столкновениях, от болезней, голода и холода.

В ноябре 1935 г. 2-я и 6-я армейские группы Красной армии Жэнь Биши и Хэ Луна, дислоцировавшиеся в революционной базе Хунань–Хубэй–Сычуань–Гуйчжоу, оставили базу и 2 июля 1936 г. соединились в Ганьцзы с 4-м фронтом. 2-я и 6-я армейские группы вместе с 32-м корпусом были переформированы во 2-й фронт Красной армии, главнокомандующим которого стал Хэ Лун, а комиссаром – Жэнь Биши. Благодаря усилиям Чжу Дэ и Хэ Луна войска 4-го и 2-го фронтов выступили на север. 9 октября 1936 г. командование 4-го фронта

прибыло в Хуэйнин, где и соединилось с 1-м фронтом. 22 октября с 1-м фронтом соединилось в Цзянтайбао (к северу от Цзиннина) и прибывшее туда командование 2-го фронта. Таким образом, 2-й и 4-й фронты Красной армии также успешно завершили свой Великий поход.

Оставшиеся в живых бойцы и командиры, партийные и военные кадры позже составили костяк партии и руководимой ею армии. Значительно возрос авторитет Мао Цзэдуна, укрепилось его положение как лидера КПК. Обосновавшись в Северной Шэньси, партийное и военное руководство пыталось руководить оттуда, чтобы разработать политическую линию, учитывающую реальную обстановку в стране и выводящую КПК из изоляции.

Глава 4
Накануне китайско-японской войны

На фоне политической и экономической стабилизации гоминьдановской власти к середине 30-х годов в условиях роста патриотического антиимпериалистического движения вызревала идея национального объединения всех прогрессивных сил для спасения страны от национальной катастрофы. Обе основные политические силы, Гоминьдан и КПК, искали пути объединения нации перед лицом японского агрессора. Изначально наиболее активную позицию в этом вопросе занимала КПК.

Общенациональный патриотический подъем и борьба КПК за единый национальный фронт

Новая, отвечающая требованиям момента, политика разрабатывалась в КПК под влиянием Коминтерна и при взаимодействии с ним. Переход от прежней политики советизации и гражданской войны против Гоминьдана к принципиально иному курсу, на объединение всех классов и социальных слоев китайского общества для борьбы с японской агрессией, предполагал создание теоретического базиса и разработку конкретных форм движения.

В основе нового курса лежали теоретические подходы, принятые на VII конгрессе Коминтерна, который подчеркнул значение антиимпериалистического единого фонта в колониальных и полуколониальных странах Востока в связи с усилившейся империалистической экспансией и призвал компартии этих стран по-новому подойти к политике единого фронта, учитывать в своей политике конкретную обстановку, реальное соотношение классовых и политических сил. В сущности, речь шла о значительном расширении рамок единого фронта благодаря вовлечению в его ряды социальных группировок, ранее вышедших из него.

Компартии Китая рекомендовалось сочетать расширение советского движения и укрепление боевой мощи Красной армии с развертыванием народного антиимпериалистического движения под лозунгом национально-революционной войны вооруженного народа против империалистических поработителей и прежде всего против японского империализма.

Делегация КПК в ИККИ совместно с Исполкомом Коминтерна подготовила и обнародовала от имени КСР и ЦК КПК «Обращение ко всему народу Китая о сопротивлении Японии и спасении Родины», получившее известность как «Обращение 1 августа». Оно было переправлено в Китай со специальным курьером. Обращение апеллировало ко всем партиям, в том числе и к Гоминьдану, в нем содержался призыв «прекратить гражданскую войну и мобилизовать все силы на борьбу за священное дело сопротивления Японии и спасения родины». Конкретной формой единого национального фронта было названо создание правительства национальной обороны из представителей различных политических партий, военных группировок и других организаций. Для правительства национальной обороны была предложена конкретная программа из 10 пунктов. Основные положения документа были оглашены в дни работы VII конгресса Коминтерна. Обращение стало исходным документом дальнейшей разработки тактики единого национального антияпонского фронта в Китае.

25 ноября 1935 г. делегация КПК в ИККИ выступила с новыми инициативами, распространив два воззвания к народу и вооруженным силам Китая. Дополнив положения «Обращения 1 августа», КПК призвала китайский народ и военные подразделения, включая войска Чан Кайши, созвать немедленно национальную конференцию, представляющую все антияпонски настроенные партии и организации для обсуждения конкретных мер по организации и мобилизации граждан и вооруженных сил на совместную борьбу против внешней опасности.

На основе решений VII конгресса Коминтерна и состоявшегося затем конгресса КИМ делегация КПК в Коминтерне подготовила постановление ЦК КПК от 1 ноября 1935 г. о работе среди китайской молодежи. Оно предусматривало реорганизацию КСМК в массовую организацию, способную привлечь широкие круги молодежи к участию в едином национальном фронте сопротивления японской агрессии и спасения родины. Членам комсомола рекомендовалось вступать в существующие массовые патриотические молодежные организации, использовать все легальные и полулегальные возможности для укрепления и создания новых патриотических организаций. В этом документе говорилось также о необходимости укрепления организаций КПК в гоминьдановских районах благодаря приему в партию большой группы членов КСМК.

В целях мобилизации широких масс на борьбу против японской агрессии делегация КПК в Коминтерне организовала издание и распространение в Китае и за рубежом печатного органа КПК – газету «Цзюго бао» («Спасение родины»), различных памфлетов, листовок, прокламаций, брошюр. Свыше 8 тыс. экземпляров «Цзюго бао» направлялось в Бэйпин, Тяньцзинь, Шанхай, Ухань, Гуанчжоу и другие города Китая. Распространение этой газеты и других материалов

сыграло большую роль не только в развертывании движения за единый национальный антияпонский фронт, но и в восстановлении местных парторганизаций КПК, потерявших связь с партийным центром после провала Шанхайского бюро ЦК КПК и в связи с выступлением осенью 1934 г. большинства членов ЦК КПК в Великий поход.

Особенно активно коммунисты и комсомольцы действовали в Северном Китае. Осенью 1935 г. коммунисты организовали издание нового печатного органа «Хуабэй фэнхо» («Огонь маяка Северного Китая»). С его страниц коммунисты призывали осуществить «великое демократическое объединение» для отпора Японии и спасения родины, разъясняли ситуацию в Северном Китае и в стране в целом, призывали к созданию патриотических организаций. 18 ноября 1935 г. был восстановлен Бэйпинский городской студенческий союз, ставший центром полулегальной деятельности коммунистов и комсомольцев.

Ярким политическим событием стала многотысячная студенческая демонстрация, прошедшая 9 декабря 1935 г. под антияпонскими лозунгами в Бэйпине. Она прошла на фоне очередного тура переговоров о судьбе Северного Китая между представителем гоминьдановского правительства Хэ Инцинем и японским уполномоченным Доихара Кэндзи и положила начало всекитайскому патриотическому «движению 9 декабря». Лозунги защиты независимости и целостности Китая, прекращения гражданской войны, организации вооруженного отпора японской агрессии оказались востребованными в китайском обществе. Движение, в сущности, определило магистральное направление дальнейшего политического развития Китая.

Известия о патриотической демонстрации студентов Бэйпина и расправе над ними гоминьдановских властей быстро распространились по всему Китаю. В движение активно включились рабочие, ремесленники, деятели культуры и искусства, служащие, торговцы и другие представители городского населения. Активную роль играли парторганизации КПК, особенно Бэйпина, Тяньцзиня и Циндао, действовавшие под руководством Северного бюро ЦК КПК. Выступления продолжались весь 1936 г. вплоть до начала Антияпонской войны в июле 1937 г.

Сразу же после начала движения по призыву и под руководством Коминтерна и КИМ коммунистические и рабочие партии разных стран развернули кампанию солидарности с патриотическим освободительным движением в Китае.

В крупных городах Китая создавались патриотические общественные организации. Так, в июне 1936 г. на общенациональной конференции была образована Всекитайская ассоциация национального спасения. Был создан Союз китайских работников литературы и искусства во главе с Лу Синем. Деятельность таких организаций способствовала росту национального самосознания, усиливала патриотические настроения в китайском обществе и воздействовала на формулирование внешней политики КР.

Позиция руководства КПК по вопросу создания широкого антияпонского фронта оставалась в 1935–1936 гг. довольно противоречивой и непоследователь-

ной. Партия с большим трудом приходила к осознанию необходимости сотрудничества с правящим режимом, от которого она так сильно пострадала. Принимая резолюции о создании широкого патриотического фронта, руководство КПК исключало из единого фронта группировку Чан Кайши. В принятой в декабре 1935 г. «Резолюции о современном политическом положении и задачах партии», которой партия руководствовалась вплоть до августа 1936 г., сохранялся лозунг борьбы против Нанкинского правительства, предусматривались продолжение советского движения и сочетание национально-революционной борьбы с аграрной революцией.

Бойцы Красной армии. 1935 г.

На основе той же резолюции устанавливались контакты КПК с отдельными частями гоминьдановских войск. Эта линия подвигала руководство КПК к принципиальному решению о взаимодействии с правящим режимом в деле антияпонской борьбы. В результате использования гибкой тактики ЦК КПК в конце 1935 – первой половине 1936 г. установил тесные контакты с офицерами и командующим Северо-Восточной армией Чжан Сюэляном. Коммунисты при этом ставили цель привлечь его к сотрудничеству на общей платформе сопротивления Японии и свержения Чан Кайши.

Параллельно шел процесс изменения ориентиров во внутренней политике нанкинского Гоминьдана. Под давлением возросшей угрозы со стороны Японии, отказа западных держав от поддержки Нанкинского правительства, роста патриотических настроений в стране ослабло влияние японофильских группировок в руководстве КР. Тезис о ликвидации КПК как предпосылке для организации вооруженного сопротивления Японии уступил место решению о ведении переговорного процесса с КПК с целью разработки совместной политики сопротивления агрессору.

Это принципиальное изменение в политике Чан Кайши во многом определялось активизировавшимися в октябре–декабре 1935 г. переговорами между Нанкином и Москвой о предоставлении СССР Китаю военного снаряжения на случай японо-китайской войны и заключении соответствующих советско-китайских соглашений. Чан Кайши уже с конца 1934 г. начал неофициально, по дипломатическим каналам зондирование в Нанкине, Москве и Лондоне по вопросам улучшения двусторонних отношений. Этот процесс ускорился и углубился после вступления Чан Кайши на пост главы правительства.

19 декабря 1935 г. Чан Кайши во время встречи с полпредом СССР Д.В.Богомоловым сказал, что хотел бы положить в основу советско-китайских отношений известное коммюнике Сунь Ятсена – Иоффе от 26 января 1923 г. В той же беседе Чан Кайши заявил, что он не против существования КПК, но, поскольку она выступает за свержение Центрального правительства, ему пришлось применить «суровые меры». НКИД СССР в конце декабря 1935 г. дал указание Д.В.Богомолову информировать Чан Кайши о мнении советского руководства: вооруженное сопротивление Японии невозможно без установления единого фронта сил Нанкина с Красной армией, причем Советское правительство не будет играть роль посредника при урегулировании отношений Нанкина с КПК.

Во второй половине января 1936 г. по прямому указанию Чан Кайши военный атташе Китая в СССР, доверенное лицо Чан Кайши Дэн Вэньи, провел беседы с Ван Мином в качестве эмиссара КПК. Обе стороны выдвинули взаимно неприемлемые условия сотрудничества между двумя партиями. Эта встреча и продолжавшиеся контакты Чан Кайши и его доверенных лиц с советскими дипломатическими представителями способствовали установлению и развитию переговорного процесса в Китае между представителями Нанкина и руководства КПК.

21 февраля 1936 г. Центральное правительство КСР направило циркулярную телеграмму в Нанкин и во все провинции и воинские части Китая с предложением созвать всекитайскую представительную конференцию по сопротивлению Японии и спасению родины, учредить правительство национальной обороны и объединенную антияпонскую армию и принять конкретные меры по вооруженному отпору Японии.

Чан Кайши еще осенью 1935 г. предпринял некоторые шаги к установлению неофициальных контактов с КПК, возложил эту миссию на Чэнь Лифу, который через своих доверенных лиц связался с подпольным горкомом КПК в Шанхае и Бюро ЦК КПК по Северному Китаю. 27 февраля 1936 г. представитель шанхайского горкома КПК прибыл в ставку ЦК КПК в Ваяобао (Северная Шэньси) и доложил о предложении Чан Кайши начать неофициальные переговоры с КПК. В ходе переговоров, в которых со стороны КПК принимали участие Чжоу Эньлай и Пань Ханьнянь, а со стороны Гоминьдана Чэнь Лифу и Чжан Цюнь, постепенно определялись условия компромисса между обеими партиями.

Параллельно развивался процесс установления контактов между КПК и генералами гоминьдановской армии Чжан Сюэляном и Ян Хучэном. После того как в марте 1933 г. Япония захватила пров. Жэхэ и присоединила ее к Маньчжоу-го, войска Чжан Сюэляна бежали под ударами японской артиллерии и авиации. Чан Кайши, решив сделать Чжан Сюэляна «козлом отпущения» за потерю Жэхэ, 8 марта того же года принял его отставку, однако позднее он задумал сделать войска Чжан Сюэляна главной ударной силой в борьбе с вооруженными формированиями КПК. В 1934 г. Чан Кайши восстановил Чжан Сюэляна в должности командующего Северо-Восточной армией и направил его воевать против советского района Хэнань–Хубэй–Аньхуэй, а в 1935 г. – против Шэньсийского советского района.

Отношение Чжан Сюэляна к коммунистам было неоднозначным. Более активная, чем у Гоминьдана, антияпонская позиция КПК импонировала Чжан Сюэляну, как и лозунг единого национального фронта в борьбе против агрессии Японии. Руководители КПК в начале 1936 г. установили с ним тайные контакты. Активно действовали коммунисты и в войсках Чжан Сюэляна. Между штабом Красной армии в пров. Шэньси и командованием Северо-Восточной армии начались переговоры, в результате которых стороны в январе 1936 г. достигли секретной устной договоренности о прекращении боевых действий и снятии экономической блокады Особого района. В январе 1936 г. КПК создала Комитет по работе в «белой армии» во главе с Чжоу Эньлаем и Чжан Хао (Линь Юйин), в задачу которого входило ведение пропагандистской работы в Северо-Восточной и Северо-Западной армиях. В том же месяце Красная армия опубликовала «Открытое письмо ко всем офицерам и солдатам Северо-Восточной армии», в котором содержался призыв прекратить гражданскую войну, создать объединенную антияпонскую армию и правительство национальной обороны для совместного сопротивления Японии. В апреле 1936 г. в обстановке строжайшей секретности прошли переговоры между Чжан Сюэляном и делегацией КПК во главе с Чжоу Эньлаем о более широком политическом соглашении. Соглашение предусматривало реорганизацию Красной армии в национальную армию при гарантии ее сохранения как целостной боевой силы, совместный отпор Японии и тесное взаимодействие с СССР. Чжан Сюэлян дал согласие на развертывание коммунистами в его частях политико-пропагандистской работы. В то же время, согласно договоренности, к его штабу был прикомандирован представитель ЦК КПК.

Чжан Сюэлян настолько сблизился с КПК, что подал заявление о вступлении в ее ряды. Руководители КПК не возражали, но запросили санкцию Коминтерна. В Москве не доверяли «молодому маршалу», и Г.Димитров высказался против его приема в КПК, рекомендовал поддерживать контакт с Чжан Сюэляном только с целью ведения коммунистической агитации в его войсках. В соответствии с рекомендациями ИККИ ЦК КПК 27 августа 1936 г. опубликовал открытое письмо Гоминьдану. В письме содержался призыв к сотрудничеству между Компартией и Гоминьданом в борьбе с агрессией Японии.

Сианьские события 1936 г. и их последствия

Между тем Чан Кайши, озабоченный междоусобицами различных военных группировок, не предпринимал активных шагов к установлению сотрудничества с КПК, считая первоочередной задачей наведение порядка внутри страны. Он стремился упрочить свой контроль над региональными милитаристами в провинциях Сычуань, Гуандун, Юньнань, Гуйчжоу, усмирить мусульманскую кавалерию братьев Ма Буцина, Ма Буфана и Ма Хункуя в Ганьсу. В его планы вхо-

дила также ликвидация самостоятельности Северо-Западной армии Ян Хучэна, Северо-Восточной армии Чжан Сюэляна и войск губернатора Шаньси Янь Сишаня. Кроме того, он не отказался от намерения провести шестой карательный поход против Красной армии.

В октябре 1936 г. Чан Кайши прибыл в Сиань, главный город пров. Шэньси, предварительно направив туда полуторатысячный отряд жандармерии и охранный полк «синерубашечников». Сюда же была переправлена авиация (50 бомбардировщиков) и другая военная техника. За неделю пребывания в Сиани у Чан Кайши состоялось несколько весьма жестких разговоров с Чжан Сюэляном и Ян Хучэном. Их предложения о примирении с коммунистами Чан Кайши отверг. 4 декабря Чан Кайши приказал Чжан Сюэляну и Ян Хучэну немедленно отправить свои войска в Северную Шэньси и атаковать части Красной армии. В случае неповиновения Чан Кайши угрожал перевести войска обоих генералов в Фуцзянь и Аньхуэй. Назревала конфликтная ситуация.

12 декабря 1936 г. к резиденции Чан Кайши, находившейся близ курортного городка Линьтун у горы Лишань (25 км от Сиани), прибыли четыре грузовика с солдатами личной гвардии Чжан Сюэляна. К этому времени по секретному приказу Ян Хучэна в окрестности Сиани перебазировался отборный полк его Северо-Западной армии. К 6 часам утра 12 декабря город был полностью под контролем мятежных генералов. У резиденции завязался бой с личной охраной Чан Кайши. В течение нескольких часов генералиссимус скрывался в горных пещерах, где его и обнаружили, после чего поместили под арест.

Чжан Сюэлян и Ян Хучэн в тот же день направили телеграмму в Баоань по адресу ЦК КПК и просили прислать в Сиань делегацию во главе с Чжоу Эньлаем для совместного решения возникших проблем. Переговоры мятежников с Чан Кайши сразу зашли в тупик. Он ответил категорическим отказом на выдвинутые ими восемь требований, из которых главными были создание единого фронта Гоминьдана и КПК и борьба с Японией.

12 декабря ЦК КПК телеграммой Секретариату ИККИ сообщил об аресте Чан Кайши в Сиани. Сообщалось также, что Е Цзяньин и Ван Цзясян уже отбыли в Сиань, а Чжоу Эньлай отправится туда в самое ближайшее время. ЦК КПК сообщил также о намерении создать в Сиани руководящий орган в составе Чжоу Эньлая, Чжан Сюэляна и Ян Хучэна; созвать там съезд делегатов, выступающих за сопротивление Японии и спасение родины, сформировать на базе Красной армии, Северо-Восточной и 17-й армий и войск провинций Шаньси и Суйюань Объединенную антияпонскую армию и добиваться включения в нее чанкайшистских войск под командованием Чэнь Чэна. ЦК КПК просил утвердить эти планы и в особенности помочь КПК получить поддержку мирового общественного мнения и одобрение со стороны Англии, Франции и США. Выражалась надежда на активную помощь в осуществлении вышеизложенных планов со стороны СССР.

Арест Чан Кайши стал для советского руководства и Коминтерна полной неожиданностью. Советской стороной сложившаяся ситуация расценивалась как

чрезвычайно опасная, чреватая вспышкой новой гражданской войны в Китае, расширением японской агрессии против Китая и возможностью ухудшения советско-китайских отношений.

Еще 12 декабря Чжан Сюэлян направил всем губернаторам Китая телеграммы с разъяснением своей позиции, однако все они, за исключением губернаторов Гуанси и Шэньси, поддержали Чан Кайши. Предпринятая Чжан Сюэляном акция не нашла поддержки и со стороны китайской правящей верхушки в целом.

14 декабря в «Правде» и «Известиях» была опубликована передовая статья «События в Китае», в которой решительно осуждались действия Чжан Сюэляна, выгодные японским агрессорам. Им противопоставлялась политика «объединенной консолидации всех сил для защиты подлинной независимости Китая». В том же номере «Правды» было опубликовано опровержение ТАСС в связи с сообщениями японской печати о якобы заключенном Чжан Сюэляном союзе с СССР.

И.В.Сталин настоятельно рекомендовал урегулировать конфликт мирным путем. По его указанию Секретариат ИККИ 16 декабря 1936 г. направил ЦК КПК срочную телеграмму. Она включала изложение конкретных условий, на основе которых Чан Кайши и руководству КПК предлагалось урегулировать конфликтную ситуацию: реорганизация правительства путем включения в него нескольких представителей антияпонского движения, сторонников целостности и независимости Китая; обеспечение демократических прав китайского народа; прекращение политики уничтожения Красной армии и установление сотрудничества с ней в борьбе против японской агрессии; установление сотрудничества с теми государствами, которые сочувствуют освобождению китайского народа от наступления японского империализма.

19 декабря расширенное совещание Политбюро ЦК КПК, проанализировав внутренний и международный аспекты сложившегося вокруг сианьских событий положения, приняло постановление о мирном разрешении конфликта. 20 декабря Чжоу Эньлай, находившийся в Сиани, получил от Мао Цзэдуна телеграмму, в которой были изложены рекомендации Секретариата ИККИ от 16 декабря относительно мирного разрешения сианьского кризиса, и ознакомил с ее содержанием Чжан Сюэляна и Ян Хучэна.

На следующий день, 21 декабря, Чжоу Эньлай получил телеграмму ЦК КПК, в которой была выдвинута платформа, на основе которой следовало вести переговоры с Чан Кайши. Она содержала следующие положения: ввести в состав Нанкинского правительства 8 человек из числа руководителей антияпонского движения, вывести из правительства японофилов и постепенно реорганизовать его; отстранить от должности военного министра Хэ Инциня, прекратить карательные походы; отвести карательную армию из Шэньси и Ганьсу, признать «сианьскую армию сопротивления Японии»; обеспечить демократические свободы; прекратить войну с коммунистами, осуществить объединение армии Нанкинского правительства с Красной армией для сопротивления Японии; установить сотрудничество с государствами, которые сочувствуют Китаю в войне со-

«Сианьские события». 1936 г. Справа налево: Чан Кайши, Чжан Сюэлян, Ян Хучэн

противления Японии; освободить Чан Кайши при условии осуществления изложенной платформы и содействия с его стороны объединению Китая для совместной борьбы против Японии. Таким образом, положения, выдвинутые ЦК КПК, были практически идентичны основным рекомендациям Секретариата ИККИ.

22 декабря 1936 г. в Сиань прибыли жена Чан Кайши – Сун Мэйлин и ее брат Сун Цзывэнь. Они обсудили с Чжоу Эньлаем предварительные условия освобождения Чан Кайши.

23 декабря состоялась первая встреча Чан Кайши с Чжоу Эньлаем. По информации последнего, Чан Кайши заявил, что после возвращения в Нанкин прекратит карательные операции против коммунистов и совместно с Красной армией будет оказывать отпор Японии; воссоединит Китай под своим руководством, продолжит переговоры с КПК. Чжоу Эньлай, в свою очередь, заявил, что Компартия готова поддержать Чан Кайши как лидера нации в борьбе с Японией. Стороны договорились держать в секрете достигнутое соглашение. 25 декабря 1936 г. Чан Кайши в сопровождении Сун Мэйлин вернулся в Нанкин.

Сианьские события стали поворотным пунктом в политическом развитии страны. Китай стал более активно готовиться к войне с Японией. В деятельности Гоминьдана и КПК начался поворот к поиску компромисса в целях организации единого фронта перед лицом японской агрессии. Чан Кайши 24 декабря издал приказ о прекращении гражданской войны, реорганизации правительства, изгнании из него прояпонской группировки. 29 декабря 1936 г. в Нанкине состоялось чрезвычайное заседание Постоянного комитета ЦИК Гоминьдана, на котором было решено созвать 15 февраля 1937 г. III пленум ЦИК 5-го созыва для анализа ситуации, сложившейся после сианьских событий, и разработки дальнейшей политики правительства. Урегулирование сианьского конфликта переда-

Чан Кайши с супругой
после освобождения.
Сиань. 1936 г.

Ян Хучэн.
1930-е годы

валось в ведение Военного совета, председателем которого был Чан Кайши. Было также решено рассмотреть дело об ответственности Чжан Сюэляна и Ян Хучэна за все происшедшее в Сиани, прекратить военные действия в провинциях Шэньси и Ганьсу и упразднить штаб карательных походов.

После возвращения из Сиани Чан Кайши столкнулся с сильной оппозицией новому курсу, особенно по проблеме отношений с Компартией Китая. Поэтому наряду с энергичными мерами по решению шэньсийской проблемы Чан Кайши пытался укрепить ряды своих сторонников в Гоминьдане и выяснить настроения влиятельных членов партии. В конце января – начале февраля 1937 г. он встретился с рядом крупных гоминьдановских чиновников и представителями военных кругов, чтобы обсудить вопросы, связанные с предстоящим пленумом ЦИК Гоминьдана. В частности, Чан Кайши поставил вопросы о его возможном уходе с поста председателя Исполнительного юаня, а также о сотрудничестве с коммунистами в войне с Японией. Однако Чан Кайши не пожелал встретиться с возвратившимся 18 января в Китай Ван Цзинвэем, что свидетельствовало об определенном падении престижа Ван Цзинвэя в Гоминьдане.

С целью укрепления своих позиций в правительстве Чан Кайши снова ввел в его состав Сун Цзывэня и назначил Ван Чунхуэя министром иностранных дел. Прежнего министра, Чжан Цюня, обвиняли в прояпонских симпатиях, Ван Чунхуэя же считали сторонником англо-американской ориентации.

Между тем против Чан Кайши выступала прояпонская группировка, которая была недовольна заключением соглашения между центральными властями и Ян Хучэном, а также переговорами Чан Кайши с коммунистами. Особенно бурную деятельность развил Ван Цзинвэй.

В этой сложной и противоречивой обстановке открылся III пленум ЦИК Гоминьдана (15–25 февраля 1937 г.). В центре внимания участников пленума стояли вопросы урегулирования последствий сианьских событий, выработки пози-

ции в отношении к КПК, подготовки к отражению японской агрессии. Эти вопросы были тесно связаны между собой, так как организация реального сопротивления японским захватчикам была возможна только при условии консолидации и создания единого фронта всех антияпонских сил и установления гражданского мира. Чан Кайши на открытии пленума не присутствовал, и на церемонии его открытия выступил Ван Цзинвэй.

В своей речи он подчеркнул, что в условиях национального кризиса, переживаемого Китаем, основным вопросом для Гоминьдана является возвращение потерянных территорий и защита тех районов, которые находятся под властью Нанкинского правительства. Другой не менее важной задачей Ван Цзинвэй считал «стабилизацию внутреннего положения», окончательное уничтожение коммунистов. Пленум рассмотрел ряд предложений, представленных видными деятелями Гоминьдана, общественными организациями страны и Компартией Китая. Генералы Ли Цзунжэнь и Лю Сян прислали пленуму предложения, включавшие требования немедленно начать сопротивление Японии, заняться подготовкой китайских граждан к войне, поощрять патриотическое движение населения и укреплять «силы национального спасения».

КПК изложила свою платформу в качестве основы для соглашения с Гоминьданом в телеграмме, направленной в адрес пленума еще 14 февраля. Ее содержание отражало основные положения телеграммы Секретариата ИККИ от 5 февраля 1936 г. в адрес ЦК КПК. КПК выразила готовность прекратить вооруженную борьбу против Нанкина, переименовать Китайское Советское правительство в Управление Особого района КР, а части Красной армии – в Национально-революционную армию, подчинив ее Военному совету Нанкинского правительства.

Эти предложения оказались в центре разгоревшейся на III пленуме борьбы между группировками Ван Цзинвэя и Чан Кайши. Чан Кайши и его сторонники понимали, что в условиях широкого антияпонского движения в стране консолидация нации вокруг Нанкина невозможна без предварительного соглашения с коммунистами. Учитывали они и тот факт, что соглашение укрепит позиции Нанкина на международной арене и обеспечит поддержку и помощь Советского Союза. Хотя «Резолюция об искоренении красной опасности», принятая пленумом 21 февраля, содержала привычную антикоммунистическую риторику, в ней были выдвинуты и встречные условия соглашения с КПК, что открывало путь для возобновления переговоров между двумя партиями.

Острая борьба между двумя основными группировками Гоминьдана продолжалась и при обсуждении вопроса об организации сопротивления Японии. Ван Цзинвэй и его сторонники оказались в изоляции, большинство участников пленума высказались за организацию отпора японским захватчикам. Решения III пленума ЦИК Гоминьдана были с удовлетворением встречены в Китае, так как они отражали намерение правительства встать на путь борьбы с японскими агрессорами и открывали путь к прекращению гражданской войны.

Сразу же после пленума Чан Кайши и его окружение приступили к организации вооруженного сопротивления Японии. Одним из аспектов его подготовки

стали переговоры об урегулировании отношений между Гоминьданом и КПК, первый раунд которых состоялся в феврале–марте 1937 г. В качестве базиса антияпонского единого фронта предлагалось признать «три народных принципа» Сунь Ятсена, и на этой основе предполагалось разработать конкретную политическую программу и политический курс.

Переговоры между представителями КПК и Гоминьдана проходили в Сиани. На первое место выдвинулись вопросы, связанные с определением численности и статуса Красной армии. Переговоры были прерваны из-за несовместимости позиций сторон, но КПК предложила продолжить их непосредственно с Чан Кайши. Все же удалось достичь договоренности о выделении Красной армии денежного довольствия в форме единовременной выплаты 500 тыс. кит. долл. и некоторого количества продовольствия и транспортных средств. Переговоры возобновились между Чжоу Эньлаем и Чан Кайши в конце марта 1937 г. в Ханчжоу (пров. Чжэцзян), а затем продолжились в начале июня в Лушани. 15 июня 1937 г. Чжоу Эньлай, вернувшийся из Лушани в Сиань, направил в адрес ЦК КПК отчет о переговорах. В свою очередь, 17 июня ЦК КПК направил текст отчета Секретариату ИККИ. Как докладывал Чжоу Эньлай, он не согласился с гоминьдановской стороной по вопросам переформирования [войск] и реорганизации правительства Пограничного района, в особенности относительно управления [из Центра] и по кадровым вопросам. Как следовало из отчета Чжоу Эньлая, эти вопросы не удалось решить и в Лушани на встрече с Сун Цзывэнем, Сун Мэйлин и Чжан Чунем.

Вместе с тем в ходе переговоров были намечены основные принципы и конкретные направления, приемлемые для обеих сторон в качестве основы сотрудничества в назревавшей Китайско-японской войне. К лету 1937 г. была не только прекращена гражданская война, но и достигнуты неофициальные договоренности о реорганизации Советов в органы демократической власти и о преобразовании Красной армии в Национально-революционную армию. Основой сотрудничества, с согласия обеих сторон, провозглашались «три народных принципа» Сунь Ятсена. С началом войны неофициальные договоренности стали базисом официальной политики Гоминьдана в отношениях с КПК. Они легли в основу дальнейшего переговорного процесса об условиях создания и развития единого фронта между Гоминьданом и Компартией Китая.

В условиях подготовки к войне с Японией гоминьдановская дипломатия направляла свои усилия и на укрепление экономических и политических связей с западными державами, которые также демонстрировали заинтересованность в развитии отношений с Китаем. Связи с державами преследовали и цель получения помощи в реорганизации китайской армии. Особые позиции в данной сфере занимала Германия. В гоминьдановской армии насчитывалось более 90 немецких советников во главе с генералом А. фон Фалькенхаузеном. Немецкий бизнесмен Г.Клейн поддержал просьбу Чан Кайши, высказанную в письме Гитлеру, о продолжении работы германских военных советников по реорганизации китайской военной системы. Однако Антикоминтерновский пакт продолжал

вызывать у правящих кругов Китая тревогу за будущее китайско-германских отношений. Одним из факторов, работавших на сохранение китайско-германских отношений, был визит в Берлин по приглашению правительства Германии министра финансов Кун Сянси в сопровождении высокопоставленных китайских чиновников. Кун Сянси был принят многими официальными представителями Германии высокого ранга, включая самого Гитлера.

Особое значение правительство Чан Кайши придавало политике США на Дальнем Востоке. В беседах с официальными представителями правящих кругов США, в частности с послом Н.Джонсоном в марте 1937 г., Чан Кайши и другие деятели Гоминьдана настаивали на активизации американской внешней политики, давали понять, что стабильность положения в регионе во многом зависела от США.

Соответствующий дипломатический зондаж был проведен также в министерствах иностранных дел Англии и других государств. Пытаясь привлечь внимание английских правящих кругов к Китаю, Чан Кайши намекал на то, что он в настоящее время рассматривает вопрос о заключении союза с СССР.

В апреле 1937 г. переговоры состоялись также между правительством Чан Кайши и полпредом СССР в Китае Д.В.Богомоловым. Советский Союз выразил готовность заключить с Китаем не только пакт о ненападении, но и договор о взаимопомощи, предоставить кредит на нужды обороны на сумму 50 млн. кит. долл. Однако вплоть до начала войны с Японией практических результатов переговоры с СССР не имели.

Все попытки гоминьдановской дипломатии создать блок государств, которые могли бы поддержать Китай в предстоящей войне с Японией, в силу разных причин окончились неудачей. Более того, в первых числах мая стало известно, что японский посол в КР Кавагоэ Сигэру вел переговоры с министром иностранных дел Англии Э.Иденом в Северном Китае (по сути, обсуждался вопрос о разделе Китая на сферы влияния). Чан Кайши и его окружение проявляли беспокойство по поводу этих переговоров; он предупредил английского посла в Китае, что переговоры могут оказать неблагоприятное влияние на политику Китая в отношении Англии. Впрочем, ввиду острых разногласий между Англией и Японией переговорный процесс не получил дальнейшего развития.

Состоявшиеся в марте переговоры между министром иностранных дел Китая Ван Чунхуэем и Кавагоэ подтвердили, что во внешнеполитической деятельности правительства Чан Кайши произошли изменения. Жесткую позицию по вопросам отношений с Японией Нанкинское правительство заняло и в ходе переговоров с делегацией представителей японских деловых кругов в марте 1937 г. Основная задача миссии заключалась в установлении сотрудничества с Китаем в разработке его природных богатств и строительстве железных дорог. В выступлении накануне отъезда из Китая глава делегации Кодама Кэйдзи выразил сожаление по поводу напряженности в китайско-японских отношениях в связи с нерешенными политическими вопросами. Чан Кайши высказал заинтересованность в экономическом сотрудничестве с деловыми кругами Японии в период

национальной реконструкции в Китае, сопоставимой, по его словам, с реформами Мэйдзи (буржуазные реформы 1867–1912 гг. в Японии). Однако обмен мнениями по этим вопросам показал, что позиции Китая и Японии резко расходятся. Японская сторона высказывалась за компромисс с Нанкином, но при условии сохранения особых прав Японии в Северном Китае. Китайская сторона не отступала от принятых на III пленуме ЦИК Гоминьдана решений и связала обсуждение вопросов об экономическом сотрудничестве с предварительным выполнением ряда политических условий, касавшихся восстановления полного суверенитета Нанкинского правительства на Севере Китая.

Между тем в начале 1937 г. Нанкин разработал несколько планов оборонительной войны, которые после корректировки в генштабе были отправлены на рассмотрение Чан Кайши. В конце марта – начале апреля Чан Кайши провел военное совещание в Ханчжоу, на котором обсуждались вопросы реорганизации и перемещения провинциальных и центральных армий в целях укрепления обороны отдельных провинций, реорганизации китайской Красной армии, а также созыва конференции по национальной обороне.

Особое внимание правительство Чан Кайши уделяло укреплению обороны Северного Китая, куда в мае совершила инспекционную поездку группа представителей правительства, Военного совета, генштаба и военного министерства. Весной по приказу правительства в войсках, расквартированных в районе Тяньцзиня, Бэйпина и Баодина, проводились военные учения. Подготовка Чан Кайши к войне, начавшаяся еще в 1936 г., активизировалась после прихода к власти в Японии в мае 1937 г. нового премьер-министра князя Коноэ Фумимаро, который поддерживал все начинания японского генералитета. К лету 1937 г. японский генштаб завершил разработку плана военной кампании в Китае.

Одно из столкновений японских и китайских войск произошло 7 июля 1937 г. у Лугоуцяо. Оно послужило предлогом для развязывания правящей верхушкой Японии войны, которая затянулась на восемь лет.

Часть III

ОТРАЖЕНИЕ ЯПОНСКОЙ АГРЕССИИ (1937—1945)

Глава 1
Оформление единого патриотического антияпонского фронта

7 июля 1937 г. КР оказалась втянутой в восьмилетнюю войну с Японией, агрессия со стороны которой началась еще в 1931 г. Однако Японии противостоял теперь совсем другой Китай, не тот, каким он был в начале 30-х годов. С новым Китаем она уже не могла расправиться так просто, как в период маньчжурских событий 1931 г.

Одним из наиболее эффективных инструментов влияния на процесс принятия политических решений по организации сопротивления агрессору стал единый фронт, функционировавший в различных формах. Значимым политическим фактором являлось сотрудничество Компартии Китая с Гоминьданом, процесс формирования которого был не быстрым и не легким, однако уже до начала войны определившим основные направления политического компромисса между партиями. Реальным результатом достигнутых договоренностей между Гоминьданом и КПК было прекращение гражданской войны.

Начало широкомасштабной агрессии Японии в отношении Китая стимулировало переговорный процесс между партиями, в котором, как и до начала войны, роль инициатора продолжала играть Коммунистическая партия Китая.

Сразу после провокации японских военных 7 июля 1937 г. у Лугоуцяо (к югу от Бэйпина) ЦК КПК определил позицию партии в связи с этим событием. Уже 8 июля ЦК КПК выступил с телеграфным обращением к различным организациям, армиям, Гоминьдану, Национальному правительству, Военному совету, ко всем соотечественникам. ЦК КПК призвал ускорить создание в стране единого фронта для общенациональной войны Сопротивления Японии, оказать немедленную помощь войскам 29-й армии НРА, сражавшимся с японскими агрессорами, освободить страну от национальных предателей и установить сотрудничество Гоминьдана и Компартии.

В этой обстановке отношения между двумя основными политическими силами приобрели важнейшее значение. К лету 1937 г. КПК удалось в основном восстановить свой потенциал, ослабленный в годы гражданской войны. Она контролировала советский район, включавший часть провинций Шэньси, Ганьсу и Нинся (главный город района – Яньань) с населением около 2 млн. человек, располагала регулярными частями Красной армии, дислоцировавшимися в этом районе (по некоторым данным, в составе 32 тыс. бойцов), а также партизанскими отрядами в долине Янцзы и в Маньчжурии. Численность партии к началу Антияпонской войны составляла около 40 тыс. человек.

13 июля 1937 г. делегация КПК в составе Чжоу Эньлая, Цинь Бансяня и Линь Боцюя прибыла в Лушань и 17 июля передала делегации Гоминьдана в составе Чан Кайши, Шао Лицзы и Чжан Чжичжуна «Декларацию ЦК КПК об установлении сотрудничества между Гоминьданом и КПК» от 15 июля 1937 г. (ее проект 4 июля подготовил Чжоу Эньлай), предложив опубликовать Декларацию и рассматривать ее в качестве политической базы сотрудничества двух партий. В этом документе были сформулированы цели совместной борьбы: завоевание независимости и свободы китайской нации, мобилизация народа на национально-революционную войну за восстановление суверенитета и территориальной целостности Китая; установление режима, основанного на принципе народовластия, созыв Национального собрания для принятия конституции и определения мер по спасению страны; обеспечение для народа устойчивых источников благосостояния, развитие оборонных отраслей экономики. Программа была составлена с учетом довоенных предложений Гоминьдана. Руководство КПК встало на позицию осуществления «трех народных принципов» Сунь Ятсена, отказалось от свержения власти Гоминьдана и конфискации помещичьих земель, поставило цель установить в районе Шэньси–Ганьсу–Нинся режим, основанный на суньятсеновском принципе народовластия, заявило о вхождении Красной армии в вооруженные силы Национального правительства под верховным командованием его Военного совета.

Хотя руководство КР не торопилось с опубликованием этой декларации, Гоминьдан признал район Шэньси–Ганьсу–Нинся «особым районом Китайской Республики»; было объявлено о реорганизации Красной армии и переименовании ее в 8-ю армию общекитайской Национально-революционной армии.

В первые недели войны Нанкинское правительство проявляло определенные колебания в военно-политической сфере. Хотя Чан Кайши 17 июля 1937 г. заявил о намерении вести борьбу против японских захватчиков, в то же время он не исключал возможности мирного разрешения конфликта дипломатическим путем и не сразу направил подкрепления в Северный Китай. Ускорению переговоров между Гоминьданом и КПК и достижению реальных результатов в деле национального единения в борьбе с японской агрессией решающим образом способствовало советско-китайское сближение.

23 июля ЦК КПК выступил со «Второй декларацией Компартии Китая в связи с наступлением японского империализма на Северный Китай», обращенной

Мао Цзэдун Чжу Дэ Чжоу Эньлай Пэн Дэхуай

к общественным организациям, вооруженным частям, Гоминьдану, губернаторам ряда провинций, Национальному правительству, Военному совету, ко всем соотечественникам. В нем повторялся ряд предложений из Декларации ЦК КПК от 8 июля. Кроме того, она включала новые положения – о демократизации политической системы, улучшении жизни народа, создании международного фронта мира и борьбы против фашистской агрессии с участием Китая, Англии, США, Франции, СССР. В этом документе содержалась ссылка на заявление Чан Кайши от 17 июля о недопустимости уступок Японии.

Немаловажную роль в подталкивании Чан Кайши к дальнейшим практическим шагам в создании единого фронта, равно как и в укреплении его решимости к сопротивлению Японии, имела политика Советского Союза в отношении Китая. Договор о ненападении между СССР и Китайской Республикой от 21 августа 1937 г. фактически вывел Китай из международной изоляции и гарантировал КР столь необходимую помощь в условиях практически полного отказа западных держав поддержать Китай в какой-либо форме. Во время переговоров о предоставлении Китаю советской военной техники, боеприпасов и снаряжения в счет кредитов было особо оговорено, что 20–25% помощи оружием должны выделяться Нанкинским правительством армиям коммунистов.

22 августа 1937 г., на следующий день после подписания Договора о ненападении между СССР и Китайской Республикой, в обстановке распространения японцами военных действий на Шанхай, Чан Кайши приказал преобразовать вооруженные силы КПК в 8-ю армию НРА в составе трех дивизий по 15 тыс. солдат и офицеров в каждой и направить 8-ю армию на фронт в пров. Шаньси. 25 августа 1937 г. Военный комитет ЦК КПК, со своей стороны, тоже издал приказ за подписью Мао Цзэдуна, Чжу Дэ и Чжоу Эньлая о переформировании Красной армии в 8-ю армию НРА в составе трех дивизий. Командующим армией был назначен Чжу Дэ, заместителем командующего – Пэн Дэхуай, начальником политотдела – Жэнь Биши, его заместителем – Дэн Сяопин, начальником штаба – Е Цзяньин. Были назначены также командиры переформированных ди-

Дэн Сяопин Хэ Лун Линь Бяо

визий: 115-й – Линь Бяо, его заместителем – Не Жунчжэнь; 120-й – Хэ Лун, его заместителем – Сяо Кэ; 129-й – Лю Бочэн, его заместителем – Сюй Сянцянь. В приказе говорилось, что «Нанкин уже начал войну сопротивления Японии» и что уже сделаны первые шаги в налаживании сотрудничества Гоминьдана и Компартии.

Чтобы разработать политику взаимодействия между КПК и Гоминьданом в условиях войны Сопротивления Японии, Политбюро ЦК КПК созвало расширенное совещание Политбюро. Оно состоялось 22–25 августа в Северной Шэньси, в деревне Мацзяцунь уезда Лочуань и известно как «совещание в Лочуани». В основу работы совещания были положены решения Секретариата ИККИ от 10 августа 1937 г., сформулированные Коминтерном с участием делегации КПК. Эти решения ориентировали КПК на развертывание национально-освободительной войны, обращали внимание коммунистов на поиск форм сотрудничества с Гоминьданом, призывали коммунистов учитывать требования Гоминьдана в вопросах координации военных действий с НРА, организации власти в освобожденных районах.

В совещании в Лочуани участвовали члены и кандидаты в члены Политбюро ЦК КПК и руководящие армейские кадры – всего 23 человека. С докладом от имени Политбюро выступил Мао Цзэдун. В докладе была изложена линия на развертывание КПК партизанской войны в Северном Китае независимо от Гоминьдана. Согласно докладу, политика КПК в Антияпонской войне предусматривала создание опорных баз в японском тылу, систематическое уничтожение врага в партизанской войне, сохранение и усиление войск КПК, а также завоевание гегемонии КПК в национально-революционной войне. Координация действий с армией Гоминьдана рассматривалась преимущественно в стратегическом плане. По мнению Мао Цзэдуна, действиями войск 8-й армии должна руководить только КПК.

Позиция Мао Цзэдуна, в целом созвучная линии Коминтерна на укрепление и расширение единого фронта при сохранении политической и организационной

самостоятельности КПК, в то же время характеризовалась акцентированием идеи сохранения независимости КПК в едином фронте и недоверием к Гоминьдану. На совещании были высказаны разные точки зрения по поводу военной тактики КПК, по вопросам координации действий с гоминьдановскими войсками, соотношения маневренных действий регулярных войск и партизанской войны. Чжу Дэ и Пэн Дэхуай, при поддержке Чжоу Эньлая и некоторых других участников совещания, высказались за эффективное взаимодействие с гоминьдановскими войсками, за ведение комбинированной маневренно-партизанской войны.

Подготовка народных ополченцев в период Антияпонской войны

Согласно точке зрения Мао Цзэдуна, 8-я армия, уступая гоминьдановской армии по численности и оснащенности, не могла рассчитывать на значительные успехи на фронте. В силу этого обстоятельства она должна сосредоточить свои усилия на ведении боевых действий в тылу японских войск, не ограничиваясь отведенной для нее Гоминьданом пров. Шаньси. Следовало, как он считал, развернуть самостоятельную партизанскую войну с японским агрессором и создавать собственные опорные базы в горных районах, предпринимать усилия по мобилизации населения и расширению рядов КПК. С этим мнением не согласился Линь Бяо, высказавшийся за ведение маневренной войны крупными военными силами как главной формы военных действий против японской армии. Совещание, однако, поддержало позицию Мао Цзэдуна, который внес некоторые коррективы в первоначальные установки, признав целесообразность сочетания партизанской и маневренной войны.

Возникла дискуссия и по вопросу о тактике КПК в едином фронте. Столкновение мнений по этому вопросу имело место в основном между Мао Цзэдуном и Чжан Готао. Мао Цзэдун утверждал, что Чан Кайши ведет нерешительную, ограниченную войну, что рано или поздно Гоминьдан или капитулирует перед Японией, или потерпит поражение. При любом исходе ведущая роль в стране перейдет к КПК. Поэтому КПК не следует идти на какие-либо уступки Гоминьдану, КПК должна действовать совершенно независимо и самостоятельно от Гоминьдана как в политическом, так и в военном отношении.

Чжан Готао, напротив, считал, что хотя правое крыло Гоминьдана может отколоться, однако ядро его останется в составе единого фронта. Война, которая укрепляет в обществе авторитет Гоминьдана, может перерасти в войну всена-

родную. Поэтому любая односторонняя акция КПК чревата опасностью распада единого фронта, что было бы катастрофой для китайского народа. В результате пришли к решению противодействовать тенденции «национального пораженчества» и выступать за всеобщую мобилизацию народных масс, следовать линии на ведение войны всеми возможными силами и превращение ее в общенациональную войну.

Совещание приняло 25 августа 1937 г. «Постановление о современном положении и задачах партии», «Программу сопротивления Японии и спасения родины», а также тезисы Мао Цзэдуна для пропагандистов и агитаторов (25 августа 1937 г.).

В «Постановлении о современном положении и задачах партии», наряду с выдвижением задачи мобилизации всех сил страны на отпор агрессору, отмечалось, что Нанкинское правительство под давлением масс «уже начинает склоняться к ведению войны Сопротивления», однако ведет «одностороннюю войну» – не хочет привлечь к участию в войне народные массы.

«Программа сопротивления Японии и спасения родины» ставила следующие задачи: разгром японского империализма; всеобщая мобилизация страны и всего народа; перестройка системы государственного управления; подчинение внешней политики задачам борьбы против японских захватчиков, а финансовой и экономической политики – задачам военного времени; улучшение условий жизни народа; подчинение народного образования задачам борьбы против японских захватчиков; укрепление тыла через очищение страны от национальных предателей, изменников родины и прояпонских элементов; сплочение всей нации во имя борьбы против японских захватчиков. Эта программа была рассчитана на длительный период вплоть до победы над Японией.

Совещание в Лочуани было первым в истории КПК форумом, наметившим партийную политику в войне Сопротивления Японии – по отношению ко всем ее составляющим. Совещание сформулировало и выделило принципиальные направления стратегии КПК как в сфере общенациональной, так и в вопросах взаимоотношений с Гоминьданом, обозначило основные формы военно-политической тактики КПК (партизанская война, создание опорных баз в тылу японских войск), которые стали основой формирования партийной линии в период Антияпонской войны.

Принятые совещанием решения учитывали исторически сложившееся противостояние Гоминьдана и КПК и потенциальное стремление Чан Кайши и его окружения или растворить Компартию в Гоминьдане, или ликвидировать ее. Совещание, четко обозначив курс на создание общенационального фронта борьбы с агрессором, одновременно отражало недоверие коммунистов к Гоминьдану и исходило из соображений политического прагматизма. Следуя принятой в Лочуани тактике, Компартия в дальнейшем укрепилась организационно, расширила свои ряды, умножила численность армии и создала антияпонские базы в тылу японских войск. Современные китайские историки дают высокую оценку совещанию в Лочуани, характеризуя его как первое в истории КПК совещание, наметившее

курс и политику партии в войне Сопротивления Японии. Особо подчеркиваются заслуги Компартии в организации партизанской войны, строительстве опорных баз и создании освобожденных районов в тылу японских войск на Севере Китая.

Сотрудничество между Гоминьданом и КПК постепенно принимало конкретные формы. Еще в июне 1937 г. во время переговоров делегации КПК (Чжоу Эньлай, Цинь Бансянь, Линь Боцюй) с Чан Кайши в Лушани была достигнута принципиальная договоренность о реорганизации рабоче-крестьянского правительства советского района Шэньси–Ганьсу–Нинся в демократическое правительство Особого района с непосредственным подчинением его Исполнительному юаню. В июле в районе Северной Шэньси, контролируемой КПК, были подняты флаги центрального правительства, бойцы китайской Красной армии переоделись в форму НРА.

В августе 1937 г. в рамках Совета национальной обороны КР был создан Совет обороны с совещательными функциями, для участия в котором были приглашены Чжоу Эньлай, Линь Боцюй и Цинь Бансянь. Позднее, 11 сентября 1937 г., приказом Военного комитета Нанкинского правительства 8-я армия НРА была переименована в 18-ю армейскую группировку в составе 2-го военного района (в пров. Шаньси), возглавляемого генералом Янь Сишанем. Чжу Дэ был назначен заместителем командующего районом. Указом Национального правительства Линь Боцюй и Чжан Готао были назначены соответственно председателем и заместителем председателя правительства Пограничного района Шэньси–Ганьсу–Нинся.

В сентябре 1937 г. начались переговоры о формировании в Центральном Китае еще одной армии – из бывших коммунистических партизанских отрядов, действовавших в провинциях Фуцзянь, Гуандун и Цзянси. 12 октября 1937 г. был издан приказ о создании на базе этих партизанских отрядов Новой 4-й армии под командованием Е Тина и Сян Ина в составе 12 тыс. человек. Этой армии отводился в качестве района действий треугольник Шанхай–Нанкин–Ханчжоу.

В Сиани было учреждено постоянное представительство КПК, где жил и работал Чжоу Эньлай – главный участник переговорного процесса между Гоминьданом и коммунистами от КПК. В Нанкине функционировало официальное представительство ЦК КПК и 8-й армии, хотя Чан Кайши не торопился с официальной легализацией Компартии.

Решение Чан Кайши о развитии сотрудничества Гоминьдана и КПК, как уже отмечалось, вызревало и принималось в условиях подготовки и заключения договора о ненападении между СССР и Китаем, а также в тесной связи с достижением договоренностей о предоставлении Китаю советской военной техники, боеприпасов и снаряжения в счет кредитов, предоставляемых СССР. На принятие решения о сотрудничестве с КПК оказала влияние угроза со стороны Японии, нависшая в сентябре над Шанхай-Нанкинским районом.

22 сентября 1937 г. гоминьдановское правительство наконец опубликовало «Декларацию ЦК КПК о сотрудничестве Гоминьдана и Компартии Китая» от

15 июля, которая была вручена Гоминьдану коммунистами 17 июля. В устном заявлении для печати Чан Кайши пытался представить Декларацию КПК не как компромисс, на который шли обе партии перед угрозой утраты Китаем национального суверенитета, но как признание коммунистами ошибочности своей политики и правоты Гоминьдана. Но такая интерпретация в существовавших условиях уже не имела значения.

Официальная публикация 22 сентября 1937 г. Декларации КПК и заявление Чан Кайши об установлении сотрудничества двух партий от 23 сентября стали отправными моментами в создании единого национального антияпонского фронта. Фактически это предполагало легализацию КПК. Часть коммунистов была освобождена из тюрем, однако на отдельных территориях, контролируемых Гоминьданом, продолжались репрессии в отношении коммунистов. Четкой организационной и юридической формы единый фронт в Китае не принял, что снижало его эффективность. Как отмечал Чжоу Эньлай в докладе Президиуму ИККИ в декабре 1939 г., «национальный единый фронт в Китае не имеет официально оформленной общей программы, а также не имеет объединенной организации входящих в него партий, и с юридической стороны получается, будто бы единый фронт в Китае не существует. Однако фактически национальный единый фронт в Китае имеет очень широкий масштаб и богатое содержание. В антиимпериалистическом фронте участвуют все классы Китая».

Политическое соглашение между партиями в корне изменило ситуацию. От гражданской войны страна перешла к войне с японским агрессором. Учреждение представительств КПК в Нанкине, Ухани, Чунцине, 8-й армии – в Сиани, издание в Чунцине партийного органа – ежедневной газеты «Синьхуа жибао» и других публикаций, работа коммунистов в массовых организациях, маневренно-партизанская война вооруженных сил КПК – все это было результатом достигнутых договоренностей между Гоминьданом и Компартией.

В первые, самые тяжелые месяцы войны со стороны обеих партий предпринимались активные усилия к сближению. Однако глубоко укоренившееся взаимное недоверие и разное ви́дение послевоенных перспектив политического и социально-экономического развития страны создавали основу для возникновения новых трений и конфликтных ситуаций.

Единство политических сил явилось одной из важных причин провала планов японских агрессоров, делавших ставку на внутренний политический раскол Китая и изоляцию КР на международной арене. Сближение СССР и КР, Компартии и Гоминьдана во многом предопределило ход войны.

Глава 2
Основные этапы китайско-японской войны

Широкомасштабная японская интервенция в Китае, начавшаяся в июле 1937 г., стала кульминационным пунктом в реализации японской военно-бюрократической верхушкой грандиозных имперских планов создания нового порядка в Азии. Своими корнями японская агрессия уходила в эпоху раздела сфер влияния иностранных держав в разваливавшейся Цинской империи. Япония не была удовлетворенным игроком в рамках сложившегося после Первой мировой войны «версальско-вашингтонского» порядка.

Капиталистическое развитие Японии в первой четверти XX в. требовало выхода на соседние рынки и толкало к поискам дешевого сырья, прежде всего в Китае, раздираемом милитаристскими распрями. Экономический интерес Японии в Китае побуждал Токио создавать препятствия на пути объединения страны. Это была принципиальная линия японских элит, которая привела к захвату Маньчжурии в 1931 г. и созданию марионеточного государства Маньчжоу-го, попыткам захвата Шанхая в начале 1932 г., а также фактической аннексии части территории Северного Китая в 1933-1936 гг. После образования Маньчжоу-го Квантунская армия, пользуясь слабостью Нанкинского правительства и борьбой последнего с КПК, приступила к расширению своего присутствия на территории Северного Китая. По подписанному в мае 1933 г. китайско-японскому соглашению в Тангу пров. Чахар стала считаться территорией Маньчжурии, а Квантунская армия оставила за собой контроль над проходом Шаньхайгуань в Великой Китайской стене. Была создана демилитаризованная зона к северу от Тяньцзиня и Бэйпина. Обнародованные в октябре 1935 г. «три принципа Хирота» были нацелены на подрыв легитимности гоминьдановского правительства как общенационального. Агрессия Японии в Китае в 1937 г. стала очередным этапом реализации указанной стратегии.

Политика республиканского режима в Китае в 30-х годах преследовала цель обеспечить независимое развитие и модернизацию страны. Становление новой власти поддержали европейские державы и США, от которых правительству Чан Кайши удалось добиться серьезных уступок в деле отмены неравноправных договоров. Однако в отношениях с Японией ни Центральному правительству в Нанкине, ни местным военным режимам не удалось добиться существенных изменений. Япония дольше всех проявляла неуступчивость в деле упразднения неравноправных договоров, англо-американское заигрывание с Китаем вызывало в Токио раздражение и подпитывало агрессивные настроения. Кроме того, экспансионистская политика японских военных основывалась на уверенности в том, что экономические трудности Японии, усугубившиеся мировым экономическим кризисом, могут быть решены благодаря продвижению в Маньчжурию и другие регионы Китая.

Антияпонская война в период 1937–1941 гг.

Мост Лугоуцяо

7 июля 1937 г. китайская армия вступила в бой с японскими агрессорами

Позиция нанкинских лидеров в отношении японской агрессии была сформулирована не сразу. Несмотря на бурную реакцию в Китае на японское вторжение в Маньчжурию в 1931 г., политика Нанкинского правительства по отношению к проблеме сопротивления Японии стала на многие годы лишь средством игры на противостоянии различных политических сил внутри страны. Примирительное отношение китайских политических элит к расширению японского влияния в Китае в 30-х годах было обусловлено рядом факторов: сосредоточением нанкинских властей на решении внутренних проблем, негативным отношением китайских политиков к усилению влияния коммунистов внутри страны, давно укоренившимся восприятием Японии как образца для модернизации Китая.

В формулировании политики по отношению к японской агрессии правительство КР прошло следующие этапы: «отказ от сопротивления, компромисс с Японией», «частичное сопротивление агрессии», «оборона и ожидания внешней поддержки», «полномасштабная антияпонская война».

Учения 8-й роты японского гарнизона Бэйпина, проходившие восточнее моста Лугоуцяо («мост Марко Поло», в 15 км к юго-западу от Бэйпина) 7 июля 1937 г., драматическим образом вылились в стычку с подразделением 29-й армии Национального правительства. В ответ на отказ начальника китайского гарнизона разрешить поиск японского солдата, пропавшего во время маневров на контролируемой НРА территории, японцы открыли огонь, но столкнулись с упорным сопротивлением китайских войск. Несмотря на то что вскоре было достигнуто соглашение о восстановлении статус-кво, именно с этого события начался отсчет времени войны Сопротивления японской агрессии.

Отпор китайских войск оказался неожиданным для японцев, уже привыкших к почти беспрепятственному захвату китайских территорий. К тому же в этот раз Чан Кайши потребовал от японской стороны извинений, признания ответственности за провокацию, компенсации потерь и обещания впредь не допускать подобного. Кроме того, командование НРА стало втайне проводить перегруппи-

ровку войск вдоль железнодорожной линии Бэйпин–Ханькоу на север от Шицзячжуана и Баодина. 17 июля в Лушани Чан Кайши сделал заявление, подтверждающее суверенитет Национального правительства над Северным Китаем и нежелание оставлять позиции, закрепленные за 29-й армией. При этом китайский лидер заявил, что Китай не будет ослаблять усилий в борьбе за мирное решение конфликта. Ответственность за инцидент у Лугоуцяо китайская сторона полностью возложила на Японию. Уже 18 июля 1937 г. было достигнуто перемирие, в Бэйпин вернулась нормальная жизнь, заработали кинотеатры, транспорт, возобновилось движение поездов в Ханькоу через территории, находившиеся под контролем японцев.

Выступление Чан Кайши в Лушани. 1937 г.

Однако продолжавшиеся переговоры Нанкинского правительства с японцами зашли в тупик. Тогда как Нанкин требовал восстановления китайского суверенитета над Северным Китаем, японское командование выдвинуло ультиматум Хэбэй-Чахарскому политическому совету, настаивая на отводе 29-й армии из Бэйпин-Тяньцзиньского района, а также на объявлении этого органа независимым от Нанкина. Ультиматум содержал также требования о подавлении коммунистов, пресечении антияпонской пропаганды и наказании виновных за инцидент 7 июля. Невыполнение условий ультиматума повлекло за собой 29 июля оккупацию японскими войсками Бэйпина, а 30 июля – Тяньцзиня. Весь район оказался под контролем захватчиков.

Для Чан Кайши оккупация Бэйпина оказалась за пределами допустимых уступок, и китайский лидер призвал всю нацию к борьбе с врагом. 7 августа на созванной в экстренном порядке Всекитайской конференции по национальной обороне было принято решение о ведении всеобщей войны Сопротивления агрессии Японии. Японцы же вышли на подступы к административному центру пров. Чахар – Чжанцзякоу (Калган) и одновременно продолжали движение вдоль основных шоссейных дорог и Бэйпин-Ханькоуской, Бэйпин-Суйюаньской, Тяньцзинь-Пукоуской железнодорожных магистралей.

Китайская сторона не была готова к отражению агрессии. Должным образом не организовав оборону Бэйпина и Тяньцзиня, войска были рассредоточены и лишены возможности сконцентрироваться в единый кулак. Оборонявшие Бэйпин подразделения 29-й армии практически не имели средств противовоздушной обороны, что привело к большим потерям в результате японских авианалетов. Хотя в целом сопротивление было слабым, однако имели место случаи активного отпора. Известен боевой успех китайских войск под Пинсингуанем (пров. Шань-

Эвакуация мирного населения из Шанхая

си), когда 25 сентября 1937 г. подразделениям коммунистической 8-й армии вместе с армиями Гоминьдана удалось одержать победу над противником.

При продвижении японских подразделений вдоль железнодорожной ветки Бэйпин–Суйюань китайские войска отступили за 20 дней почти на 270 км. Наступление японских войск на юг в Хэбэе и Шаньси не было столь молниеносным. Такая же картина наблюдалась и в сентябре 1937 г., когда колонны интервентов с боями двигались вдоль Тяньцзинь-Ханькоуской и Бэйпин-Ханькоуской железных дорог. Западная колонна японских войск, войдя в Северную Шаньси, оказалась в окружении благодаря умелым действиям армии Янь Сишаня, и лишь превосходство японцев в авиации освободило экспедиционные силы от трехнедельной осады (12 октября – 4 ноября) и позволило им захватить провинциальный центр.

275-тысячному японскому контингенту в Северном Китае противостояла 450-тысячная Национально-революционная армия. Защищая восточные провинции страны, Китай выставил единовременно около 400 тыс. человек, тогда как японские силы не превышали 250–350 тыс. Мобилизация в армию значительных сил – до 2 млн. человек в начале войны, в том числе в самых отдаленных провинциях, свидетельствовала об укреплении государственности и о возросшей решимости правительства оказать сопротивление японскому агрессору. Большую роль в защите Шанхая играли гуансийцы, в обороне Нанкина – юньнаньцы и хунаньцы; сычуаньцы сражались в Шаньси, Северной Хэнани и под Нанкином.

Китайская авиация значительно уступала ударным силам японских ВВС. Почти все самолеты, которые состояли на вооружении китайских сил (450–500 машин), были уничтожены в первых же боях (осталась только одна эскадрилья из 23 машин). Значительную роль в отражении японских авианалетов в 1938–1939 гг. сыграли советские летчики-добровольцы.

17 августа 1937 г. Япония объявила о продолжении наступления в направлении Шанхая. Центр военных действий переместился в ключевые провинции Восточного Китая – Цзянсу, Чжэцзян, Аньхуэй, которые являлись основной территориальной базой гоминьдановского режима. Позиции японских войск расположились вдоль линии Тайюань–Цзинань (пров. Шаньдун). Однако в Хэнани и Шаньси захватчики были вынуждены отступить, в связи с тем что треть действовавших в Северном Китае японских войск была переброшена для развертывания Нанкин-Шанхайской операции.

Нанкинская резня

Битва за Шанхай стала первым крупномасштабным событием в истории войны Сопротивления Японии. Стремясь окружить всю группировку гоминьдановских войск, оборонявшую Шанхай-Нанкинский район, японское командование сосредоточило на этом направлении более 350 тыс. солдат и офицеров, 1200 орудий полевой артиллерии, 150 самолетов. Японским войскам противостояла полумиллионная китайская армия, плохо вооруженная, но оказавшая почти четырехмесячное сопротивление. Основные усилия противника были сосредоточены на прорыве трех укрепрайонов китайских войск на линии Шанхай–Нанкин и на десантной операции по окружению и захвату Шанхая. Первая задача была в целом решена к середине сентября, когда не выдержала линия обороны Баошань–Юнфу–Лодянь–Люхэ и подразделения НРА оставили опорные пункты в устье реки Люхэ. В октябре китайские войска упорно обороняли г. Сучжоу, не давая японцам форсировать одноименную реку. Однако успешно была проведена высадка японского десанта, и к концу сентября противник сконцентрировал хорошо вооруженные войска численностью 100 тыс. солдат между Шанхаем и Усуном для продолжения наступления. К началу ноября была проведена решающая операция по завершению окружения города, и 12 ноября Шанхай пал.

Буквально через месяц такая же судьба постигла столицу гоминьдановского Китая – Нанкин. Когда японские войска показались в середине ноября в районе Нанкина, гоминьдановское правительство эвакуировалось в Ухань. Оборона Нанкина была организована плохо. Население бежало на юго-запад, защитники города были дезорганизованы. 13 декабря японские передовые отряды ворвались в город и устроили расправу над мирными жителями, получившую наименование «нанкинская резня». По некоторым данным, в эти дни от рук оккупантов в Нанкине погибло от 60 тыс. до 340 тыс. жителей.

Опыт боев за Шанхай, длившихся более трех месяцев, заставил командование японской армии отказаться от планов молниеносного захвата главных китайских центров севера и востока страны. Одновременно в условиях расширения масштабов боевых действий формировалась более амбициозная, чем в начале войны, программа действий. В сентябре 1937 г. Япония приняла план захвата пяти провинций Севера страны (Хэбэй, Чахар, Суйюань, Шаньси, Шаньдун), чтобы тем самым заставить гоминьдановское правительство отказаться от планов войны Сопротивления.

Несмотря на поражение НРА в Шанхае и Нанкине, упорная оборона Шанхая в морально-психологическом отношении сыграла большую роль в поддержании духа китайского населения и самого Чан Кайши. Шанхайские бои продемонстрировали способность китайской армии сдерживать натиск захватчиков.

Между тем сопротивление японской агрессии, оказанное в базовых для нанкинского режима прибрежных районах Восточного Китая, обошлось весьма дорого. По некоторым сведениям, потери убитыми и ранеными в 70 китайских дивизиях (около 800 тыс. человек), участвовавших в шанхайской кампании, составили около половины их состава. Шанхайская битва ускорила сближение основных политических сил Китая – Гоминьдана и КПК, которое в июле–октябре 1937 г. приняло реальные формы.

С самого начала Антияпонской войны выявилась такая особенность стратегии Японии в этой войне, как создание на захваченных территориях марионеточных режимов, которые обеспечивали бы военно-политический контроль Японии и гарантировали бы ей экономические дивиденды. Такая захватническая политика проводилась в жизнь под лозунгом создания «сферы совместного процветания», в разных регионах Китая имела неодинаковый эффект и не привела к долговременным успехам.

Одним из первых и относительно крупных марионеточных образований стало Временное правительство Северного Китая, с центром в Бэйцзине (вновь переименован японцами). Оно было создано 14 декабря 1937 г. 17 членами Хэбэй-Чахарского политического совета, предварительно заявившими о самороспуске этого совета. Временное правительство тотчас было признано командованием японских войск в Северном Китае в качестве «единственной гражданской власти». Инициаторами создания этого правительства были довольно известные в КР политические фигуры – Ван Кэминь, Тан Эрхэ, Дун Кан, Ван Итан, Цзи Сеюань, Чжу Шэнь, принадлежавшие к старым прояпонским кликам. Впрочем, надежды оккупантов на превращение данного правительства в политическую альтернативу гоминьдановской государственности оказались иллюзорными.

Используя присущее монголам стремление к независимости от Китая (после признания в 1915 г. центральным правительством автономии Внешней Монголии Внутренняя Монголия перестала существовать как территориально-административная единица страны и ее территория была разделена между соседними провинциями), в сентябре 1939 г. японские власти создали монгольское автономное марионеточное правительство, чисто символически «контролировавшее»

провинцию Чахар, часть Суйюани, северные уезды провинций Шаньси и Хэбэй. Захваченные ранее области Внутренней Монголии (пров. Жэхэ) Япония включила в состав Маньчжоу-го. Столицей этого государственного образования (так называемый «Мэнцзян») был объявлен Калган (Чжанцзякоу).

Жизнь Мэнцзяна определяла Квантунская армия, а формально эта территория находилась под сюзеренитетом марионеточного Нанкинского правительства Ван Цзинвэя (подробнее о создании правительства Ван Цзинвэя см. дальше). Администрацию Мэнцзяна японцы использовали для экономического и политического подчинения Внутренней Монголии.

Курс Чан Кайши на ведение совместных с вооруженными силами КПК действий против японских захватчиков, а также расширение военно-технической поддержки гоминьдановского правительства со стороны СССР укрепили решимость китайского командования продолжать войну с Японией. В программном обращении к нации 16 декабря 1937 г. Чан Кайши заявил об идеологическом характере конфликта с Японией, о противостоянии шовинистического империализма и концепции «трех народных принципов» Сунь Ятсена. Тем самым он положил конец разговорам о возможности сотрудничества с Токио на базе принципов «сопроцветания» в Азии. Кроме того, главнокомандующий НРА огласил новую тактику борьбы с интервентами, нацеленную не только на оборону городов, но и на развертывание широкомасштабной народной войны. Таким образом, Чан Кайши поддержал тактику партизанских действий против Японии, которой в основном следовала КПК.

С целью не допустить затяжной войны Токио постоянно демонстрировал готовность вступить в секретные переговоры с представителями китайского правительства. Очередная попытка имела место при посредничестве германского посла О.Траутмана буквально через несколько часов после захвата столицы КР и «нанкинской резни». Но и на этот раз она закончилась неудачей. Чан Кайши не пошел на фактически предложенную ему капитуляцию и продолжал требовать возвращения суверенитета Китая над захваченными летом 1937 г. территориями. Он также обратился в Лигу Наций с требованием ввести экономические санкции против агрессора. Эти события сопровождались реорганизацией военных округов, системы управления армией, мерами по укреплению тыла, совершенствованием воинской подготовки. Все более важную роль в оборонительной войне играли партизанская борьба и политическая работа в армии.

Значительный опыт партизанской борьбы имела КПК, которая с конца 20-х годов непрерывно вела партизанскую войну против гоминьдановского режима и поддерживавших его милитаристов. Усилиями 8-й и Новой 4-й армий и на базе партизанского движения создавались опорные базы на оккупированных японцами территориях. Уже на расширенном совещании Политбюро ЦК КПК в Лочуани в августе 1937 г. было намечено развертывание партизанской войны против агрессоров. Но и НРА засылала в тыл японцев отдельные регулярные части для ведения «комбинированной» войны. В декабре 1937 г. адмирал Шэнь Хунле, оборонявший Циндао, организовал дерзкий рейд подразделений моряков и опол-

ченцев, в результате которого в тылу японских войск была основана опорная база.

В ходе партизанской войны КПК формировала вооруженные отряды для закрепления на границах провинций и образования антияпонских опорных баз. В ноябре 1937 г. на стыке провинций Шаньси–Чахар–Хэбэй (командующий Не Жунчжэнь) была создана такая база, на территории которой устанавливалась выборная власть, формирование которой подлежало обязательной санкции со стороны провинциальной и центральной властей. В дальнейшем, ввиду того что основные силы японской армии были сосредоточены в центральных районах Китая, у коммунистов появилась возможность расширения своего присутствия в тылу японских войск, в деревенских районах, где не было гарнизонов противника. Помимо созданной войсками Хэ Луна опорной базы в Северной Шаньси (Шаньси–Суйюань) к концу 1937 г. появилась опорная база Шаньси–Хэбэй–Шаньдун–Хэнань, правительство которой было образовано только в конце 1938 г. Опорные базы создавались и в Восточном Китае – в пров. Цзянсу, южной части пров. Аньхуэй и в других регионах. Все опорные базы подчинялись ЦК КПК, базировавшемуся в Особом районе Китая. Только силами 8-й армии с октября 1937 по май 1938 г. в тылу японских войск было проведено около 400 боевых операций, в которых было уничтожено свыше 20 тыс. японских солдат и офицеров.

Части 8-й армии у храма Биюньсы. Сяншань. Пригород Бэйпина. 1938 г.

В начальный период войны Сопротивления подразделения КПК и Гоминьдана успешно взаимодействовали в отражении агрессии. В октябре–ноябре 1937 г. разыгралась кровопролитная битва под Синькоу, к северу от административного центра пров. Шаньси Тайюаня. Упорное сопротивление четырех дивизий армии Вэй Лихуана, поддержанное с тыла коммунистическими отрядами под командованием Чжу Дэ, не только привело к значительным потерям японской армии (около 40 тыс. человек), но и сорвало планы захвата столицы Шаньси. Особого упоминания заслуживает битва под г. Тайэрчжуан, расположенным в 40 км к северо-востоку от Сюйчжоу (северная часть Цзянсу). Она закончилась впечатляющей победой китайской армии, достигнутой несмотря на недостаточное вооружение армии и значительное численное превосходство противника. Для Японии стратегически важно было завладеть Тайэрчжуаном в целях разверты-

вания наступления на Сюйчжоу, важный узел на пересечении Тяньцзинь-Пукоуской и Лунхайской железных дорог. Пытаясь занять город, японские войска привлекли около 60–70 орудий полевой и около 10 единиц тяжелой артиллерии, а также 30–40 танков. С 23 марта по 3 апреля 1938 г. шла перегруппировка сил на подступах к Тайэрчжуану. 31 марта мощным фланговым ударом китайских войск под командованием генерала Тан Эньбо часть войсковых соединений противника была заперта в городе. Попытки прорвать кольцо не увенчались успехом, и к 6 апреля около 30 тыс. японских солдат было уничтожено. Оставшимся 10 тыс. удалось отступить вдоль Тяньцзинь-Пукоуской железной дороги на север и закрепиться на заранее подготовленных высотах, ожидая подкрепления. В течение месяца шла перегруппировка японских сил для подготовки контрнаступления и захвата Сюйчжоу. Несмотря на героические усилия по обороне Сюйчжоу, превосходство в артиллерии сыграло свою роль и 19 мая город пал. Вместе с тем первоначальные планы японцев по окружению войск генералов Тан Эньбо, Сунь Ляньчжуна, Лю Жумина не были реализованы.

Командующий пятым военным районом Ли Цзунжэнь на отвоеванной у японцев ж/д станции Тайэрчжуан. Март 1938 г.

Важным этапом японского наступления в начальный период войны стала битва за Ухань, ставший временной столицей после падения Нанкина, а также захват Гуанчжоу, крупнейшего портового центра на Юге Китая. Токио стремился принудить Национальное правительство эвакуироваться на Юго-Запад Китая. 13 июля 1938 г. состоялось специальное совещание японского кабинета, на котором было решено блокировать морские коммуникации Китая. Уход Чан Кайши в глубокий тыл рассматривался японской стороной как мера, которая могла бы превратить гоминьдановский режим в одно из местных правительств, не способных бросить вызов оккупантам. При этом в Токио учитывали тот факт, что в течение года были захвачены территории Китая, на которые приходилось более 60% залежей угля, 40% запасов соли, треть сельскохозяйственных угодий. Потери китайской армии, по официальным китайским данным, составили около 800 тыс. человек (40% личного состава), были уничтожены почти вся авиация и военные суда, половина артиллерии и большая часть весьма немногочисленного танкового корпуса. Однако в сражении за Ухань боеспособность НРА значительно возросла благодаря помощи СССР. С начала июня 1938 г. в китайских войсках работали около 450 советских военных советников во главе с М.И.Дратвиным, которого летом 1938 г. сменил А.И.Черепанов.

Весьма эффективно действовали в боях против японских агрессоров советские летчики-добровольцы. 23 февраля 1938 г. группа советских бомбардировщиков (28 машин) совершила налет на японский аэродром близ Тайбэя на Тайване. На этот аэродром были доставлены 40 новых японских истребителей. Операция по их уничтожению под командованием Ф.П.Полынина прошла успешно.

Тяжелые бомбардировщики советского добровольческого авиаотряда

Проявив героизм в сражении за Нанкин, советские летчики на истребителях И-15 и И-16 принимали активное участие в битвах за Ухань. Осенью 1937 г. в Ханькоу были отправлены две эскадрильи истребителей (личный состав – 254 человека); к октябрю 1938 г. в НРА было командировано 80 высококлассных военных специалистов, а к середине февраля 1939 г. в Китае работали и участвовали в борьбе с агрессорами 3665 советских военных специалистов. Около 200 советских добровольцев на 180 самолетах участвовали в обороне Ухани от авианалетов противника.

Японские ВВС потеряли в боях за Ухань около 200 самолетов. Если в ходе наступления на Сюйчжоу японцы в среднем продвигались по 18 км в сутки, то в Уханьской операции – только по 3–5 км. Потери сторон были примерно равны – до 300 тыс. человек убитыми и ранеными. В этом сражении японцы применили свою излюбленную тактику наступления, выдвигаясь четырьмя колоннами по 2–4 дивизии каждая. С трех сторон город был окружен противником, причем на Янцзы подготовили к высадке морской десант. Активная артиллерийская поддержка с военных судов, эффективные десантные операции, согласованные действия всех японских частей, применение боевых отравляющих веществ позволили противнику овладеть Ханькоу. 27 октября 1938 г. гоминьдановская армия оставила Ухань, а правительство эвакуировалось в Чунцин.

Такая же тактика использовалась при захвате Гуанчжоу: там был высажен десант, и после десяти дней сопротивления, 22 октября, город оказался в руках японских захватчиков. Не оправдались надежды китайской стороны на поддержку Великобритании, суда которой стояли в гуанчжоуском порту.

Потеря двух крупнейших центров показала неэффективность действий НРА. Генералы воевали плохо, стремясь сохранить свои части, многие из них были уверены в скором мире с Японией. В ходе Уханьской и Гуанчжоуской операций обострились противоречия в вопросе о сотрудничестве с японцами между Чан Кайши и сторонниками примиренческой линии во главе с Ван Цзинвэем. КПК выдвинула в адрес центральной власти обвинения в пассивности и нежелании проведения всеобщей мобилизации для борьбы с противником. Между тем продолжавшийся переговорный процесс с японцами (через Гонконг/Сянган) свидетельствовал о невозможности компромисса. В конце 1938 г., несмотря на круп-

ные потери и отступление в юго-западные районы страны, Чан Кайши объявил о войне до победного конца. Китайский лидер призвал к развертыванию партизанского движения в Северо-Восточном Китае. Поражениями в Ухани и Гуанчжоу завершился первый период войны.

С ноября 1938 г. начался новый этап войны Сопротивления, характеризовавшийся стратегией затяжной войны, расширением партизанского движения и усилением политического наступления Японии на правительство КР. При этом генерал Бай Чунси, заместитель начальника Генштаба и член Военного совета Национального правительства, заявил, что на втором этапе войны следует изучать опыт ведения боевых действий в пров. Шаньси, где активные действия регулярной армии сочетались с партизанскими действиями.

Усилилось влияние международной обстановки на развитие событий в Китае. В июле–августе 1938 г. японские войска были разгромлены на советской территории у озера Хасан. В Европе назревал кризис вокруг Чехословакии, завершившийся подписанием 30 сентября Мюнхенского соглашения. В Китае стали ожидать начала большой войны между державами, надеясь также, что Япония откроет второй фронт против СССР. В Японии на пост министра иностранных дел в конце сентября 1938 г. пришел Арита Хатиро – сторонник активного вытеснения из Китая США и Англии.

В этих условиях японское командование приняло решение о прекращении широкомасштабных наступательных операций в Китае и сосредоточило усилия на организации на захваченных территориях китайской администрации, подконтрольной Японии. С октября 1938 г. по апрель 1944 г. в китайско-японской войне наблюдалось затишье, или равновесие сил, и обе противоборствующие стороны пытались сохранить силы для дальнейших сражений. Не сумев добиться реализации своих планов посредством молниеносной войны, Япония усилила политическое давление на Национальное правительство, стремясь найти с ним точки соприкосновения на антикоммунистической основе. Началась активная фаза переговоров со сторонником «почетного мира» Ван Цзинвэем, который полагал, что война с Японией больше всего выгодна коммунистам и, чтобы избежать поражения, Китаю следует договориться с Токио. Требования японских властей были неизменны: признание Маньчжоу-го, совместное противостояние коммунистам, экономическое сотрудничество, ликвидация на территории Китая иностранных концессий. В случае их удовлетворения Япония обещала вывести войска из Китая в течение двух лет. Ван Цзинвэй стремился убедить Чан Кайши принять эти японские требования. Получив отказ китайского лидера, 21 декабря Ван Цзинвэй вылетел через Ханой в Гонконг для установления открытых контактов с японцами.

22 декабря 1938 г. последовало заявление японского премьера Коноэ Фумимаро, изложившего условия мира: совместное с Японией и Маньчжоу-го создание «нового порядка» в Азии, развитие дружеских взаимоотношений, совместная борьба с коммунизмом и экономическое сотрудничество. Эти предложения Чунцин в очередной раз отверг, а 1 января 1939 г. на чрезвычайной сессии ЦИК Гоминьдана Ван Цзинвэя навсегда исключили из Гоминьдана. В ноябре 1939 г.

главной причиной перехода на сторону Японии Ван Цзинвэй назвал опасность для Китая со стороны коммунистов, нейтрализация которых, по его мнению, была возможна только на «пути восстановления мира с Японией». Вслед за Ван Цзинвэем на сторону японцев перешли его сторонники, видные гоминьдановцы Чэнь Гунбо, Чжоу Фохай, Гу Мэнъюй, Чу Миньи, Гао Цзунъу, а также более 40 членов и кандидатов в члены ЦИК Гоминьдана и других ответственных работников. Их бегство из Чунцина обострило и без того напряженную внутриполитическую ситуацию в неоккупированной части Китая. В то непростое для Китая время ЦК КПК в своем официальном органе «Цзефан» («Освобождение») 15 января 1939 г. заявил о поддержке решения ЦИК Гоминьдана о пожизненном исключении Ван Цзинвэя из партии. Вскоре была декларирована и ближайшая военно-политическая цель Чунцинского правительства – изменение стратегии и переход от обороны к наступлению. Согласно партийным планам, первостепенное внимание следует уделять решению взаимосвязанных задач борьбы с агрессором и «государственного строительства». Для продолжения борьбы требовалось консолидировать военные усилия и пополнить армию Национального правительства. Оставшиеся за линией фронта войска (в частности под командованием бывших милитаристов Янь Сишаня и Лу Чжунлиня) получили приказ действовать в японском тылу в контакте с подконтрольными КПК дивизиями. Весной 1939 г. в тыл японских войск в провинциях Шаньдун и Хэбэй были направлены два корпуса регулярных войск НРА для ведения партизанской войны, которые и стали основой партизанского движения в этих регионах. В мае 1939 г. армейская группа была переброшена в пров. Шаньси. Подобные меры были приняты и в пров. Гуандун, причем численность партизанских отрядов в этой южной провинции превышала 6 тыс. человек. Партизанское движение развернулось также на южном острове Хайнань, оккупированном японцами в феврале 1939 г.

Заявив о «наступательной» тактике, чунцинское руководство одновременно ужесточило свою позицию по отношению к КПК, пытаясь сдержать распространение влияния потенциального политического соперника. В условиях некоторой стабилизации фронтов гоминьдановский режим в Чунцине перешел к реализации программы административных и социально-экономических преобразований.

Значительного успеха гоминьдановская армия добилась в сражении за г. Чанша, административный центр пров. Хунань. Наступление японцев на Чанша возглавил новый командующий японскими экспедиционными силами в Китае генерал Нисио Тосидзо. В начале сентября 1939 г. он и его начальник штаба генерал Итагаки Сэйсиро решили захватить Чанша силами шести дивизий. 17 сентября – 2 октября 1939 г. японские войска прорвали оборону китайских войск, но, войдя в город, подверглись фланговым ударам и отступили, понеся потери, достигшие 40 тыс. человек. Неудача японской армии на южном направлении была тем более чувствительна, что это событие произошло вскоре после разгрома Квантунской армии советскими войсками на р. Халхин-Гол в МНР. В 1939–1941 гг. НРА

предпринимала отдельные тактические наступательные операции против японцев. Значительный ущерб захватчикам на занятых ими территориях наносили партизанские отряды. К концу 1939 г. японцы оккупировали 21 из 30 провинций Китая, и страна разделилась на три части – Маньчжоу-го, Свободный Китай и обширные районы Севера, Центра и Востока страны, контролируемые японскими агрессорами. После начала войны в Европе японское командование изменило тактику по отношению к Китаю, уделяя еще больше внимания созданию коллаборационистских режимов на оккупированной территории.

30 марта 1940 г. в Нанкине было объявлено об образовании прояпонского «центрального правительства» во главе с исполняющим обязанности председателя правительства Ван Цзинвэем. Отсутствие политического единства в Гоминьдане, в чунцинском Национальном правительстве стало одной из основных причин активизации подрывной деятельности и Японии, и Ван Цзинвэя, и его сторонников Чэнь Гунбо, Чжоу Фохая, Тао Сишэна и других видных гоминьдановцев. «Нанкинское правительство» представляло для чунцинского Гоминьдана реальную угрозу, оно призвало чунцинские власти и НРА прекратить военные действия против Японии, объединиться с ней для борьбы с коммунизмом. Ванцзинвэевская администрация также обязалась уважать права иностранных держав в Китае. В тот же день, 30 марта, Япония официально признала новое «нанкинское правительство» как законное правительство Китая. Для повышения его авторитета японские оккупационные власти даже пошли на роспуск марионеточного пекинского правительства.

Стремясь создать механизм «умиротворения» японского тыла и укрепить позиции правительства Ван Цзинвэя, оккупанты пошли на определенные уступки коллаборационистам, а также имущим слоям оккупированных районов Китая. Коллаборационистам возвратили ранее конфискованную Национальным правительством КР недвижимость, поощрялась и предпринимательская деятельность китайской буржуазии. В тех же целях «умиротворения» японские власти помогли Ван Цзинвэю создать довольно многочисленные вооруженные формирования (главным образом из оказавшихся в плену гоминьдановских солдат и офицеров) численностью около 800 тыс. человек.

Несмотря на все усилия в деле создания новой политической структуры с центром в Нанкине, коллаборационисты не сумели укрепить свои позиции и получить действенную поддержку населения в масштабах страны. В условиях весьма значительного роста патриотических настроений и резкого повышения уровня национального самосознания режим Ван Цзинвэя, как и все другие прояпонские марионеточные образования, был обречен на неудачу.

К середине февраля 1940 г. японские войска оставили отдельные ранее занятые ими центры на юге страны. После этого в течение длительного времени действия японцев были в основном реакцией на проводившиеся китайскими армиями операции. Кроме того, события в Китае по мере развертывания военных действий в Европе отражали динамику изменений на основных фронтах Второй мировой войны. Так, после нападения Германии на Советский Союз Чунцинское

правительство разорвало дипломатические отношения с Германией и Италией и присоединилось к антифашистскому блоку.

В азиатской стратегии Японии все более значительное место занимало противостояние с США и Великобританией, особенно после введения экономических санкций со стороны этих стран, последовавших за вступлением японского экспедиционного корпуса во Французский Индокитай 24 июля 1941 г. В этих условиях возрастала роль китайского направления во внешней политике США, поворотным моментом которой стало нападение 7 декабря 1941 г. Японии на американскую военно-морскую базу Перл-Харбор. 9 декабря 1941 г. гоминьдановское правительство официально объявило войну Японии, Германии и Италии.

Бойцы Новой 4-й армии с захваченными японскими трофеями. Май 1940 г.

Организуя военное сопротивление Японии, гоминьдановское правительство опасалось самостоятельных действий КПК и усиления ее влияния. Эти опасения не были беспочвенными. Руководство Компартии, прежде всего сам Мао Цзэдун, стремилось в войне с Японией не допустить значительных военных и материальных потерь. Командование 8-й армии старалось не принимать на себя слишком обременительных обязательств, чтобы сохранить свои вооруженные силы. 20 августа – 5 декабря 1940 г. 8-я армия провела крупную наступательную операцию в Северном Китае, известную под названием «битва ста полков». Со стороны антияпонских сил в сражении принимало участие единовременно около 400 тыс. человек. В результате этой широкомасштабной операции были освобождены 73 крупных населенных пункта с населением более 5 млн. человек, уничтожено до 20 тыс. военнослужащих противника, захвачено большое количество оружия и боеприпасов. Потери 8-й армии составили более 22 тыс. убитыми и ранеными.

Рост вооруженных сил КПК и распространение ее власти в районах за линией фронта, преимущественно в Северном Китае, вызывали недовольство в Гоминьдане и способствовали усилению взаимного недоверия. Обострение отношений между Гоминьданом и КПК в начале 1941 г. привело к опасному инциденту с Новой 4-й армией на южном берегу Янцзы. В результате этого конфликта КПК и Гоминьдан чуть было вновь не оказались в состоянии гражданской войны. В ходе инцидента гоминьдановские части разгромили штабную колонну Новой 4-й армии. Было уничтожено руководство штаба армии и около 7 тыс. военнослужащих. Эти события вызвали кризис в отношениях КПК и Гоминьдана,

и только вмешательство СССР и инициативы западных держав, оказавших давление на Чан Кайши, обеспечили возможность урегулирования инцидента к началу марта 1941 г. Обострение отношений внутри единого фронта подрывало силы и Центрального правительства, и КПК, усиливало капитулянтские настроения в Гоминьдане.

Война СССР с Германией и начало Тихоокеанской войны ввели в действие новые внешние факторы развития событий на китайском фронте и открыли новый этап Антияпонской войны. Национально-освободительная борьба китайского народа против японской агрессии стала частью Второй мировой войны. Вновь ожила и надежда китайского правительства на втягивание СССР в войну с Японией. СССР, который вел изнурительную войну с Германией, был вынужден свернуть прежде активную помощь Китаю, в марте 1942 г. отозвав из Китая военных советников, а с конца 1942 г. прервав экономические связи, которые осуществлялись через Синьцзян. Одновременно шло углубление американо-китайского сотрудничества, которое сопровождалось поставками США Китаю по ленд-лизу и предоставлением займов китайской стороне. Весной 1942 г. американский генерал Дж.Стилуэлл был назначен начальником союзного штаба дальневосточного театра военных действий и одновременно военным советником Чан Кайши. На китайскую территорию были введены подразделения американских войск, строились аэродромы для приема авиации США.

Сбор средств на подарки фронту. Кули вносит деньги

Изменили свою тактику и японцы. Япония активизировала усилия по изоляции чунцинского Национального правительства. Летом 1942 г. японские войска захватили конечный пункт Юньнань-Бирманского шоссе в Бирме, по которому перевозилось оружие в Чунцин и поставлялось сырье для нужд союзников в Индии и Бирме. В изменившейся международной обстановке японское командование пересмотрело планы нападения на СССР. Одновременно, в связи с поражением Германии под Сталинградом и на Курской дуге, в Чунцине окрепли позиции сторонников решительного сопротивления Японии. Вместе с тем в правящих кругах Японии росли опасения по поводу возможных ответных действий СССР против Японии и ее вооруженных сил в Северо-Восточном Китае. Около 70% всего воинского контингента на китайской территории (почти 1 млн. человек) Япония держала в Маньчжурии, тогда как в остальных регионах Китая было расквартировано 368 тыс. человек, считавшихся вторым оперативным эшелоном Квантунской армии на случай войны с СССР.

В этих условиях Япония скорректировала политику управления оккупированными территориями в Китае, придав бóльшую легитимность марионеточным режимам. В частности, был провозглашен принцип равенства в отношениях Токио с режимом Ван Цзинвэя. В конце декабря 1942 г. Токио торжественно встречал Ван Цзинвэя, прибывшего с официальным визитом в Японию. Японское правительство объявило о строительстве равноправных отношений с правительством Ван Цзинвэя, отказалось от прав экстерриториальности в Китае, а в 1943 г. вернуло режиму Ван Цзинвэя ряд международных сеттльментов в Шанхае и Гулансу. 9 января 1943 г. ванцзинвэевское правительство объявило войну США и Англии.

30 октября 1943 г. Япония подписала с марионеточным правительством Ван Цзинвэя «договор о союзе», возлагавший бремя ответственности за «сохранение мира» в Китае на администрацию Ван Цзинвэя. В тексте договора говорилось о суверенитете Китая, о выводе всех японских войск после «установления полного мира». Был сделан важный шаг на пути укрепления военной самостоятельности режима Ван Цзинвэя (численность армии «Нанкинского правительства» Ван Цзинвэя было разрешено увеличить с 30 тыс. до 550 тыс. человек). Тем самым Япония высвобождала часть своих войск для усиления японских вооруженных сил на островах Тихого океана и в Юго-Восточной Азии. В войска Ван Цзинвэя перешли 58 бывших генералов и старших офицеров НРА. Военные силы марионеточного режима Ван Цзинвэя исполняли в основном охранные функции, а также использовались для ведения карательных операций против партизан.

В мае 1941 г. под председательством Ван Цзинвэя был создан «Комитет по чистке деревень» в Центральном Китае; аналогичные органы возникли также в Северном и Южном Китае. Японские части составляли ударную силу карательных походов; вооруженные отряды правительства Ван Цзинвэя играли при этом подсобную роль. Девизом агрессивной политики японских оккупантов в борьбе с партизанским движением провозглащались «три уничтожения»: «убивать всех, жечь все, грабить все». Предполагалось в итоге антипартизанских операций создавать «зоны мира и спокойствия», где не должно было остаться подозрительных элементов. Согласно планам японского командования, постепенно такие зоны должны были охватить всю захваченную японцами территорию Китая. Эта политика была обречена на неудачу, поскольку не принимала во внимание рост патриотических настроений в правительстве и среди населения, а также рост вооруженных сил сопротивления на антияпонских базах КПК.

Внешний фактор – вступление в мировую войну великих держав, прежде всего США, был одним из определяющих в решении Чан Кайши продолжать войну против держав «оси». Не принесли результата предпринимавшиеся Японией в 1942–1943 гг. попытки добиться сотрудничества с Чунцином исключительно на базе его участия в построении «нового порядка». Вместе с тем, уповая на поддержку со стороны западных держав, Чан Кайши оправдывал свою пассивность на фронтах. Известен в связи с этим спор с генералом Дж.Стилуэллом, который

обвинял китайские власти в нежелании вносить больший вклад в противоборство с Японией.

Практически вплоть до весны 1944 г. на фронтах не было крупных операций. Помимо неоднократно предпринимавшихся во второй половине 1941 г. неудачных попыток Японии захватить Чанша, была проведена серия операций японских экспедиционных войск, направленных на уничтожение баз американской авиации и соответствующей инфраструктуры. Наиболее значимыми из таких операций были бои в провинциях Чжэцзян и Цзянси в мае 1942 г. Тогда 170-тысячный контингент японских войск за две недели прошел через пров. Чжэцзян, оккупировав ряд городских центров. К концу июня одна из колонн вышла из Наньчана для такого же марш-броска по пров. Цзянси, после чего соединилась с чжэцзянской группой. Во время операции японцам удалось захватить ряд аэродромов в пров. Чжэцзян, которые, однако, были вскоре отбиты китайскими войсками. В этих боях японцы отошли от своей излюбленной тактики наступления колоннами. Здесь широко действовали «летучие отряды» с легким вооружением, поддерживаемые авиацией. Между тем в решающих боях японцы концентрировали значительные силы. Практически все ключевые пункты, захваченные японцами в ходе ряда операций (Чжусянь, Шанжао, Вэньчжоу), были к осени возвращены усилиями китайской армии. Эти операции сопровождались большими потерями японцев: в Чжэцзяне они превышали 30 тыс. человек, почти столько же оккупанты потеряли в Хубэе. Вместе с тем и китайской стороне не удалось развить общее контрнаступление против японцев.

Офицеры НРА

К 1944 г. китайский фронт стал играть важную роль в японских планах организации активной обороны на Тихом океане. Для противодействия американским войскам в Токио был задуман план нейтрализации Китая, в том числе путем овладения железнодорожными коммуникациями, а также посредством уничтожения всех аэродромов, используемых американской авиацией для бомбежек японских объектов. Этот план предполагал наступление японских войск в пров. Хэнань одновременно с севера и юга, а также наступление в пров. Хунань с целью захватить Ханькоу-Гуанчжоускую железную дорогу. Как и в начальный период войны, продвижение японских войск было стремительным: начав кампанию в Хэнани 14 апреля 1944 г., к 9 мая обе колонны встретились южнее р. Хуанхэ; в Хунани многочисленные китайские войска заняли позиционную оборону, практически не извлекая уроков из прежних сражений и оставляя от-

крытыми фланги. 26 мая японские войска начали наступление со стороны Ханькоу, 18 июня заняли Чанша, завладели основными узловыми станциями и нацелились на Гуйлинь (пров. Гуанси). Вновь сформированный японским командованием 6-й фронт, включивший часть переброшенных из Маньчжурии дивизий, развил наступление на Гуйлинь, и 11 ноября 1944 г. японские войска захватили город.

В декабре передовые отряды японской армии достигли границ пров. Гуйчжоу. Ни китайские войска, ни американская авиация не смогли преградить путь наступавшему противнику. Японцы захватили практически все важные железнодорожные линии в Китае, открыли для себя сквозной путь из Кореи в Индокитай. Это был крупный успех Токио, который обеспечил подвоз ресурсов из ЮВА сухопутным путем. Китай перестал быть существенным военным фактором в войне союзных сил на Тихом океане. Американские союзники Китая стали относиться к китайским властям с недоверием, что способствовало ухудшению отношений между Чан Кайши и представителями американского командования. Администрация США все больше втягивалась в хитросплетения борьбы между Гоминьданом и КПК. С осени 1944 г. по май 1945 г. американские представители пытались выступить посредниками в деле нормализации отношений между двумя основными политическими силами. К концу войны Гоминьдан и КПК пришли как серьезные конкуренты в борьбе за построение нового Китая, о чем свидетельствовали материалы VII съезда КПК (апрель 1945 г.) и VI съезда Гоминьдана (май 1945 г.).

Итогом заключительного этапа Антияпонской войны стали разгром японского империализма, освобождение Китая и победа СССР над Квантунской армией на северо-востоке страны. После окончания войны в Европе и капитуляции гитлеровской Германии Япония сохраняла значительный потенциал. С учетом Квантунской армии под ружьем оставалось около 7 млн. человек, ВВС располагали 10 тыс. самолетов, а ВМФ – почти 500 военными кораблями. Только в распоряжении Квантунской армии находилось около 1 тыс. танков, 1800 самолетов, 5 тыс. орудий. За годы японского господства в Маньчжурии было создано 17 укрепленных районов, половина из них – против возможного советского наступления с севера. На территории дислокации Квантунской армии располагалось около 400 аэродромов, более 800 крупных арсеналов, военная инфраструктура, рассчитанная на пребывание в боеготовности более 1,5 млн. человек.

Северо-Восток Китая в 30–40-х годах стал самым развитым в промышленном отношении регионом Китая. Предприятия Маньчжоу-го давали 60% объема всей тяжелой промышленности Китая и около 80% горнопромышленной продукции. Ввиду этих обстоятельств японское командование было настроено на удержание этого региона любой ценой.

Договоренности союзников по антигитлеровской коалиции, достигнутые на Тегеранской (декабрь 1943 г.) и Ялтинской (февраль 1945 г.) конференциях, увязывались с разделением бремени ответственности за разгром Японии. В соответ-

ствии с ними 8 августа 1945 г. СССР объявил о вступлении в войну против Японии. Мощное советское наступление в Маньчжурии не только обеспечило разгром основных сил Квантунской армии, но и дало оперативную свободу подразделениям 8-й армии, тем самым обеспечив последующее превращение освобождаемых территорий Северо-Востока в основную территориальную базу КПК. Успешные действия Советской армии в северо-восточных провинциях Китая, в Корее, на о. Сахалин и на Курильских островах, а также боевые операции авиации и флота США, атомная бомбардировка американцами Хиросимы и Нагасаки приблизили победу объединенных антияпонских сил. 14 августа 1945 г. японская сторона приняла условия Потсдамской декларации, а 15 августа японский император Хирохито (девиз годов правления Сёва; с 1926 г.) издал эдикт о прекращении военных действий и безоговорочной капитуляции Японии. В течение недели советская сторона принимала капитуляцию отдельных частей и подразделений японской армии. Вся территория Маньчжурии, а также пров. Суйюань и территория бывшей Внутренней Монголии были освобождены от оккупантов. 2 сентября 1945 г. правительство Японии подписало Акт о безоговорочной капитуляции. Советские войска оставались на территории Северо-Восточного Китая до 3 мая 1946 г. Отношения Национального правительства КР и советского командования в Маньчжурии строились с учетом подписанного 14 августа 1945 г. советско-китайского договора о дружбе и союзе.

Антияпонская война отличалась «волнообразным» характером, анклавностью боевых действий и спецификой японской оккупации, определявшейся стратегией «точек (опорных пунктов) и прямых линий (линий инфраструктуры)». Значительное место в практике японского командования занимали попытки добиться подчинения Китая посредством образования на его территории многочисленных марионеточных режимов.

При этом противник учитывал недостаточную консолидированность китайских политических сил, способных противостоять вторжению. На военную политику КР оказывали воздействие многие факторы, в том числе тенденция милитаризации общества и неурегулированность взаимоотношений властных структур центрального и провинциального уровней.

С окончанием войны Сопротивления завершался исторический этап, в развитии которого важную роль играл внешний фактор, способствовавший национальному сплочению и относительно мирному сосуществованию и сотрудничеству основных политических партий – Гоминьдана и КПК. Внутриполитическая ситуация в послевоенное время развивалась в кардинальным образом изменившейся международной обстановке.

Новый этап исторического развития формировался в условиях возросшего в годы войны уровня национального самосознания и на фоне изменений в расстановке политических сил.

Глава 3
Китай в системе международных отношений в годы войны

Внешняя политика и дипломатия Национального правительства в 1937–1939 гг.

Провокационные действия японской армии в районе Лугоуцяо заставили Чан Кайши принять решение об оказании Японии сопротивления. Были отданы приказы о мобилизации и переброске войск в Северный Китай. МИД Китая направил японскому правительству ноту с предложением отвести войска обеих сторон на исходные позиции. Чан Кайши сознавал военно-политическую слабость Китая и уязвимость его позиций на международной арене, что накладывало определенный отпечаток на внешнеполитический курс КР.

Нанкинское правительство считало, что не может справиться собственными силами с японской агрессией и строило свой внешнеполитический курс в расчете на помощь других государств. Сразу же после конфликта у Лугоуцяо перед китайской дипломатией была поставлена сложная задача – добиться вмешательства заинтересованных государств в события на Дальнем Востоке. По мнению правящих кругов Китая, в случае такого вмешательства заинтересованные державы либо примут непосредственное участие в отражении японской агрессии, либо выступят в качестве посредников в деле урегулирования японо-китайского конфликта, либо окажут помощь правительству Китая в организации сопротивления японской армии. В связи с этим по дипломатическим каналам между Китаем и державами был проведен широкий обмен мнениями, например с госсекретарем США К.Хэллом, американским послом в Китае Н.Джонсоном. Однако дипломатический зондаж не дал никаких результатов. Державы, несмотря на то что их интересы серьезно ущемлялись японской агрессией, не выразили желания занять решительную позицию по отношению к Японии и оказать поддержку Китаю.

Положение осложнялось тем, что в Нанкинском правительстве не было единства взглядов по вопросам внешней политики. Кроме того, местные власти нередко заключали с японским командованием соглашения без санкции Чан Кайши. После 26 июля 1937 г. японское правительство возобновило наступление по всему фронту, требуя немедленного вывода китайских войск из Тяньцзиня. Нанкин отказался принять ультимативные требования Японии. Несмотря на мужество и стойкость, проявленные частями китайской 29-й армии, сдержать натиск превосходящих сил противника не удалось. 29 июля был сдан Пекин, а затем и Тяньцзинь.

Помощь Советского Союза Китаю в Антияпонской войне в период 1938–1939 гг.

7 августа японский посол в Китае Кавагоэ Сигэру прибыл в Шанхай для обсуждения с представителями Нанкина условий мирного урегулирования, предлагавшихся японским правительством и включавших вывод китайских войск из Шанхая. Перенесение военных действий в центральные районы Китая поставило

под прямую угрозу и интересы держав, однако они по-прежнему стояли на позиции невмешательства. Надежды Чан Кайши на помощь держав не оправдались, и он решил обратиться в Лигу Наций.

Между тем летом 1937 г. продолжались начатые ранее переговоры между правительствами КР и СССР, которые завершились подписанием 21 августа 1937 г. советско-китайского договора о ненападении сроком на пять лет. Одновременно продвигался связанный с советско-китайскими договоренностями переговорный процесс между Гоминьданом и КПК, в ходе которого было достигнуто политическое соглашение между партиями как реальная основа национального сплочения.

Эти события разрушили расчеты Японии на международную изоляцию Китая и внутренний раскол. Жизненно важное для Китая значение имела помощь СССР, направленная на повышение боеспособности китайской армии. Она предоставлялась Китаю в течение всего военного периода, но наиболее активно и результативно – до нападения Германии на СССР. Советско-китайские отношения были важной составляющей системы международных отношений на Дальнем Востоке, дипломатическая деятельность и реальная политика СССР в отношении Китая стимулировали постепенный переход держав от пассивной политики к более активной и в конечном счет, к поддержке Китая в его борьбе с японским агрессором.

30 августа 1937 г. постоянный представитель Китая в Совете Лиги Наций Гу Вэйцзюнь вручил генеральному секретарю Лиги Наций Ж.Авенолю меморандум китайского правительства по проблеме японской агрессии в Китае. В меморандуме отмечалось, что действия Японии, захватившей значительную часть китайской территории, являются актом неприкрытой агрессии, начатой еще в сентябре 1931 г. в Маньчжурии. Подробно излагая развитие конфликта, китайское правительство обвиняло Японию в том, что своими действиями она подрывает основные принципы Лиги Наций, нарушает парижский пакт Бриана–Келлога 1928 г. и Вашингтонский договор девяти держав от 6 февраля 1922 г., предусматривающий уважение суверенитета, независимости, а также территориальной целостности Китая. В заключение указывалось, что вопреки своему желанию Китай был вынужден применить силу. 12 сентября 1937 г. китайское правительство официально обратилось в Лигу Наций с просьбой рассмотреть вопрос о нападении Японии на Китай в соответствии со статьями 10, 11 и 17 Устава Лиги Наций.

Результаты предварительных переговоров между китайскими дипломатами и представителями западных держав свидетельствовали, что последние не намеревались не только выступать против Японии, но и даже обсуждать китайский вопрос. Однако отказать Китаю в его просьбе Лига Наций не могла, так как ст. 10 Устава Лиги обязывала ее гарантировать территориальную неприкосновенность и политическую независимость каждого члена Лиги. 15 сентября состоялось открытие очередной сессии ассамблеи Лиги Наций, на которой выступил глава китайской делегации, посол Китая во Франции Гу Вэйцзюнь. В его

выступлении нашли отражение основные внешнеполитические установки правительства КР, главная из которых состояла в том, чтобы добиться вмешательства держав в японо-китайский конфликт. Особое внимание Гу Вэйцзюнь уделил вопросу о нарушении Японией интересов западных государств и США на Дальнем Востоке. В заключение Гу Вэйцзюнь призвал Лигу Наций принять действенные меры по отношению к Японии согласно ст. 17 Устава Лиги, т.е. ввести против нее санкции.

Этот призыв вызвал беспокойство среди членов Лиги. Генеральный секретарь Ж.Авеноль, а также министры иностранных дел Англии Э.Иден и Франции И.Дельбос усиленно уговаривали Гу Вэйцзюня отказаться от этого требования, убеждая, что применение санкций может привести к объявлению Японией войны Китаю и прекращению военных поставок в Китай в соответствии с американским законом о нейтралитете. В поддержку Китая выступил только представитель Советского Союза.

Под таким давлением Китай был вынужден изменить позицию. В очередном выступлении на заседании Комитета 23-х, куда были переданы китайские апелляции, Гу Вэйцзюнь ограничился требованием морального осуждения японской агрессии со стороны Лиги Наций и оказания помощи Китаю. Однако в проекте резолюции, предложенном для обсуждения Комитету, Гу Вэйцзюнь вновь вернулся к своей первоначальной позиции. Требования Китая включали осуждение Японии за нарушение международного права, ее обязательств по договорам, за введение блокады китайского побережья. Предлагалось объявить действия Японии актом агрессии в соответствии со ст. 10 Устава Лиги Наций, наложить эмбарго на экспорт в Японию оружия и стратегических материалов, прекратить предоставление Японии кредитов, оказать финансовую и военную помощь Китаю.

Комитет этот проект не поддержал, постановив передать его на обсуждение в специальный подкомитет, созданный по предложению французского делегата Фр.Тэссана для дальнейшего изучения положения в Китае и разработки необходимых рекомендаций. Создание подкомитета, как отметил Гу Вэйцзюнь, явилось еще одной проволочкой, затягивающей решение данного вопроса. Китай смог добиться от Лиги Наций лишь принятия 27 сентября резолюции, осуждавшей японские бомбардировки открытых городов. 29 сентября на первом же заседании подкомитета, в состав которого вошли страны, имевшие особые интересы на Тихом океане, британский делегат выступил против немедленного обсуждения китайского проекта. Он ссылался на недостаток информации и советовал в первую очередь обсудить предложение австралийского делегата С.Брюса о созыве конференции стран, заинтересованных в тихоокеанских проблемах. Китайские представители, поддерживаемые советской делегацией, в принципе не возражали против созыва такой конференции, но рассматривали ее лишь как дополнение к другим действиям Лиги Наций. Борьба вокруг проекта резолюции по китайскому вопросу приняла острый характер. И пока Лига Наций искала способы оттянуть принятие действенных решений, японцы расширяли театр военных действий в Китае, используя все виды оружия, в том числе и запрещенные.

Дальнейшее наступление японской армии в Китае и давление мировой общественности, возмущенной действиями японских захватчиков и требующей применения санкций, вынуждало державы предпринять какие-либо шаги. Одним из них стала речь Ф.Рузвельта 5 октября 1937 г., в которой он осудил японскую политику на Дальнем Востоке. Выступление американского президента первоначально вызвало замешательство в Лиге Наций и встревожило японское правительство. Однако уже 6 октября на пресс-конференции в Белом доме было заявлено, что эта речь президента отнюдь не означает отхода США от политики нейтралитета и не предполагает применения экономических санкций против Японии.

Последующее обсуждение китайского вопроса Лигой Наций показало, что, хотя Комитет 23-х признал действия Японии в Китае нарушением обязательств Токио по международным договорам, он не квалифицировал эти действия как агрессивные. Представители Китая и Советского Союза выступили с резкой критикой проекта резолюции, в котором не было упомянуто даже слово «агрессия» по отношению к Японии, хотя для этого имелись все основания.

Советский представитель настаивал на том, чтобы Лига Наций оказала моральную и материальную поддержку Китаю, а не передавала вопрос на рассмотрение международной конференции, которая после долгих дебатов о месте созыва состоялась, наконец, в Брюсселе (3–24 ноября 1937 г.). Китайская делегация завила, что решение Комитета не удовлетворяет Китай, и попыталась внести уточнения в проект резолюции, в частности включить в него рекомендации об увеличении финансовой помощи Китаю в виде поставок оружия и военных материалов.

Однако Англия и Франция выступили против изменения текста резолюции. По настоянию китайской делегации в проект резолюции все же были включены пожелания об оказании державами индивидуальной помощи Китаю. 6 октября резолюцию утвердили на ассамблее Лиги. Одновременно был одобрен созыв конференции участников Вашингтонского договора девяти держав. В тот же день правительство США выразило свое желание принять участие в конференции. Государственный секретарь США К.Хэлл заявил, что американское правительство считает действия Японии в Китае несовместимыми с принципами, определяющими отношения между государствами, и осуждает Японию за нарушение пакта Бриана–Келлога и Вашингтонского договора.

Тем не менее официальные круги Китая продолжали питать иллюзии в отношении США. Чан Кайши и его окружение рассматривали заявление К.Хэлла о нарушении Японией международных договоров как начало неких изменений во внешней политике американского правительства, что, по их мнению, неизбежно повлекло бы за собой изменения во внешней политике западноевропейских государств и в связи с этим общей ситуации на Дальнем Востоке. Эту точку зрения изложил Чан Кайши в беседе с американским послом в Китае Н.Джонсоном. В заключение этой беседы глава Национального правительства заявил, что Китай возлагает большие надежды на конференцию стран, подписавших Вашингтонский договор, так как не может достичь соглашения с Япо-

нией путем двусторонних переговоров. Однако расчеты правящих кругов Китая оказались беспочвенными, поскольку американское правительство намеревалось решать этот конфликт на «взаимоприемлемых для Китая и Японии условиях».

Неблагоприятную для Китая позицию изложил в своем заявлении в Палате общин 21 октября премьер-министр Англии Н.Чемберлен. О позиции Франции красноречиво свидетельствовало решение ее правительства от 18 октября 1937 г. о запрещении военных поставок в Китай из Французского Индокитая. Китайский посол в Париже Гу Вэйцзюнь заявил протест, подчеркнув, что решение французских властей нарушает рекомендации Лиги Наций «не ослаблять сопротивление Китая и не нарушать франко-китайский договор от 1930 г.». Правительство Франции отклонило протест Китая и соглашалось возобновить железнодорожные поставки, если Брюссельская конференция примет соответствующую резолюцию, а США и Англия дадут Франции гарантии на случай нападения Японии на Французский Индокитай.

Таким образом, международная обстановка накануне Брюссельской конференции для Китая была неблагоприятной. Определенную роль в этом сыграла японская дипломатия, стремившаяся любыми путями не допустить создания антияпонского фронта держав, а также устойчивая заинтересованность США, Англии и Франции в экспорте в Японию нефти, металлов, станков, хлопка и других товаров. Японское правительство поспешило направить в эти страны экономические делегации.

Нейтральная позиция, занимаемая США и западными державами по отношению к агрессии против Китая, позволила Японии отказаться от участия в Брюссельской конференции. Под предлогом, что она не подписывала Вашингтонский договор девяти держав, отказалась от участия в конференции и союзная Японии Германия. Кроме того, 19 октября генерал В.Кейтель сообщил министру иностранных дел Германии К.Нейрату о решении Гитлера оказать полную поддержку японской агрессии и прекратить поставки Китаю.

Позиция держав накануне Брюссельской конференции вызвала большую тревогу в правящих кругах Китая. Чан Кайши и его окружение опасались, что конференция может рекомендовать Китаю уступить требованиям Японии, что нанесло бы ущерб суверенитету Китая. Это создало определенные затруднения при разработке программы деятельности китайской делегации в Брюсселе. В ее основу было положено разрешение японо-китайского конфликта в рамках Вашингтонского договора и в соответствии с заявлением главы Национального правительства от 17 июля 1937 г.

Накануне открытия конференции китайское правительство опубликовало очередное заявление, в котором еще раз указывало, что мир будет восстановлен, если Япония откажется от своей традиционной политики насилия, приостановит агрессию против Китая и выведет японскую армию с китайской территории.

Брюссельская конференция по обсуждению положения на Дальнем Востоке открылась 3 ноября 1937 г. В ее работе приняли участие 19 государств. Конференции предшествовало совещание представителей США, Англии и Франции,

на котором было решено провести на конференции резолюцию о начале переговорного процесса между Японией и Китаем. В качестве посредников в переговорах были намечены США и Англия.

Во всех выступлениях представители западных государств в Брюсселе воздерживались от любых оценок действий Японии в Китае как актов агрессии. Все они подчеркивали, что проблемы взаимоотношений между Японией и Китаем следует разрешать мирным путем на приемлемых для обеих сторон условиях и на основе существующих договоров. В защиту суверенных прав Китая выступил только глава советской делегации М.М.Литвинов, который выразил пожелание, чтобы Брюссельская конференция нашла средства добиться «не только восстановления мира на Дальнем Востоке, но и мира справедливого, мира, который не допустит в дальнейшем развязывания агрессии, как в Азии, так и в других частях света».

С призывом остановить японскую агрессию обратился к участникам конференции глава китайской делегации Гу Вэйцзюнь, выступивший вслед за Литвиновым. Гу Вэйцзюнь подчеркнул миролюбивый характер политики китайского правительства и подверг критике аргументы, которые выдвигала Япония для оправдания своих агрессивных действий в Китае. Китайский представитель заявил, что никто не может принять всерьез утверждения японского правительства о том, что в Китае проводилась антияпонская прокоммунистическая политика и велась подготовка к войне против Японии. Далее Гу Вэйцзюнь сообщил участникам конференции, что правительство Китая не считает возможным разрешить японо-китайский конфликт путем двусторонних переговоров, так как события в Китае затрагивают интересы и других государств.

Как подчеркнул Гу Вэйцзюнь, Национальное правительство считает возможным восстановить мир только на основе ст. 1 Вашингтонского договора девяти держав, предусматривавшей уважение суверенитета и сохранение административной и территориальной целостности Китая. Он обратил внимание на тот факт, что Китай в течение четырех месяцев ценой огромных жертв защищает не только свою свободу, но и интересы других государств и надеется, что последние выступят в его защиту.

6 ноября по инициативе США и Англии было направлено приглашение Японии принять участие в Брюссельской конференции. В ожидании ответа работа конференции была перенесена в ее комиссии, где продолжалась острая дипломатическая борьба.

Представители США, Англии и других держав вели неофициальные переговоры, цель которых заключалась в том, чтобы убедить Чан Кайши в необходимости переговоров с Японией. 5 ноября германский посол в Нанкине О.Траутман, выступавший в качестве посредника, передал Чан Кайши японские мирные условия, включавшие автономию Внутренней Монголии, создание демилитаризированных зон в Северном Китае вдоль границы с Маньчжоу-го, расширение демилитаризированной зоны в районе Шанхая, созданной в 1932 г., прекращение антияпонской политики, совместную борьбу против коммунизма.

Чан Кайши счел эти условия неприемлемыми. Свой отказ он мотивировал «неблагоприятной обстановкой в Китае, всенародным антияпонским движением в стране». Чан Кайши конфиденциально просил передать в Берлин, что если китайское правительство согласится на японские требования, то оно будет сметено и в Китае возникнет угроза революции. Опасаясь распространения в Китае слухов о начале китайско-японских переговоров о мире, гоминьдановское правительство поспешило выступить с очередным заявлением, в котором подтвердило решимость продолжать борьбу против японских агрессоров. Однако эту линию китайское правительство проводило непоследовательно. На совещании представителей английской, американской и китайской делегаций 2 ноября 1937 г. представители Китая выразили согласие на посредничество держав в переговорах с Японией в случае ее отказа от участия в конференции и наличия у держав конкретного плана прекращения войны. Но переговоры о посредничестве вскоре были прерваны, так как условия, предлагаемые Японией, оказались неприемлемыми не только для правительства Чан Кайши, но и для США и Англии, ибо они создавали угрозу интересам этих государств в Китае. 12 ноября японские войска захватили Шанхай. В тот же день японское правительство заявило о своем нежелании участвовать в работе Брюссельской конференции.

Правительство Чан Кайши, считаясь с китайским общественным мнением, потребовало ввести экономические санкции против Японии и оказать помощь Китаю. Гу Вэйцзюнь, вновь выступив на Брюссельской конференции, осудил ее участников за их соглашательскую позицию по отношению к Японии, которую приглашали на конференцию не как ответчика за незаконные действия, а как равноправного партнера. Гу Вэйцзюнь также указал, что в течение четырех лет правительство Китая пыталось найти мирное решение всех спорных вопросов с Японией, но любая уступка с его стороны расценивалась как признак слабости и влекла за собой предъявление еще более тяжелых требований. В заключение Гу Вэйцзюнь заявил, что положение на Дальнем Востоке настолько серьезно, что необходимо безотлагательно прибегнуть к решительным действиям как морального, так и финансового и экономического характера.

Для обоснования требования о введении экономических санкций против Японии китайская делегация представила на конференции доклад, показывающий степень экономической зависимости Японии от Англии, США, Франции и Голландии, на долю которых приходилось ¾ всего японского импорта сырья. В докладе прямо указывалось, что главным поставщиком военного сырья Японии являются США и Англия и именно от них зависит эффективность экономических санкций, что прекращение импорта сырья, закрытие внешних рынков и отказ в кредитах непременно приведут к дезорганизации промышленности и финансов Японии, к расстройству ее военной машины. Доклад содержал также перечень необходимых мер по оказанию помощи Китаю оружием, военными материалами и кредитами.

Но представители США, Англии, Франции и Италии не поддержали предложений китайского делегата. По их мнению, вопрос о событиях в Китае следова-

ло вновь изучить и разрешить проблему мирным путем. Однако настойчивость китайской делегации и поддержка ее советским представителем поставили правительства Англии, Франции и США в затруднительное положение. Необходимо было успокоить мировое общественное мнение. С этой целью делегации США, Англии и Франции предложили проект декларации, в которой признавалось наличие японо-китайского конфликта, затрагивающего интересы многих стран, нарушение Вашингтонского договора девяти держав и желательность урегулирования конфликта.

Столкнувшись с решительным нежеланием держав ввести против Японии экономические санкции, китайская делегация внесла на рассмотрение конференции новые предложения относительно оказания помощи Китаю, которые включали организацию военного демарша держав в Тихом океане и увеличение военных поставок Китаю. Гу Вэйцзюнь обратился к американской делегации с настоятельной просьбой оказать содействие в принятии конференцией решения о предоставлении помощи Китаю. Однако под тем предлогом, что правительство США проводит политику нейтралитета, американский представитель Н.Дэвис отклонил просьбу китайского представителя. 19 ноября китайская делегация вновь передала Н.Дэвису меморандум, в котором указывалось, что в связи с критической обстановкой в Китае его правительство настаивает на прекращении поставок Японии и оказании помощи Китаю. Для рассмотрения этих предложений Гу Вэйцзюнь требовал создания специального комитета. Но и это предложение китайского представителя не нашло поддержки у держав Запада.

Одновременно китайская дипломатия развернула активную деятельность в Вашингтоне. 22 ноября китайское правительство официально обратилось через своего посла в Америке к государственному секретарю К.Хэллу с просьбой о помощи. Однако К.Хэлл подтвердил, что правительство США не намерено обсуждать вопрос о каких-либо санкциях.

Китайская дипломатия не смогла убедить державы ввести санкции против агрессора. Брюссельская конференция закончилась для Китая безрезультатно, не приняв, как и Лига Наций, ни одной реальной меры противодействия японским агрессорам.

После Брюссельской конференции внимание китайской дипломатии сосредоточилось на поисках условий решения конфликта с Японией в рамках двусторонних переговоров, к которым, однако, были бы причастны державы.

Сразу же после окончания конференции Гу Вэйцзюнь обратился к американскому представителю Н.Дэвису с просьбой о совместном англо-американском посредничестве.

Стремление Нанкина найти выход из войны находило отклик и у правящих кругов Японии. И хотя 280-тысячная японская армия, усиленная танками и тяжелой артиллерией, начала наступление на Нанкин, в Токио одновременно вновь попытались через дипломатические каналы все же добиться выгодного и «почетного» мира с Китаем. В роли посредника для переговоров правящие круги Японии предпочли использовать Германию. 29 ноября германский посол

в Китае О.Траутман передал правительству Чан Кайши предложение Японии начать мирные переговоры на условиях, выдвинутых ею 5 ноября 1937 г. Правительство Германии, заинтересованное в окончании военных действий в Китае, со своей стороны, пыталось оказать давление на Чан Кайши и его окружение и заставить их принять японские требования.

2 декабря в Центральном банке в Ханькоу состоялось экстренное заседание Высшего совета национальной обороны, на котором было решено принять японские условия в качестве основы для переговоров. Однако Чан Кайши считал невозможным отказаться от Северного Китая и Внутренней Монголии. Кроме того, он возражал против утверждения Японии, согласно которому Китай «потерпел поражение» и «вынужден» принять ультимативные требования. Однако в связи с изменением обстановки на фронтах – 13 декабря японские войска захватили Нанкин – переговоры не состоялись. Японское правительство сочло их излишними, так как было твердо уверено, что после падения Нанкина Китай будет поставлен на колени. И действительно, положение в Китае было критическим, поскольку наступление японских войск продолжалось. Кроме того, представители прояпонской группировки Ван Цзинвэя активно контактировали с японскими представителями, добиваясь мира с Японией «любой ценой».

Кун Сянси

Но в то же время внутри Гоминьдана усилились позиции антияпонски настроенного офицерства, которое грозило в случае заключения капитулянтского мира государственным переворотом и свержением правительства Чан Кайши. Вопрос сохранения власти играл важную роль в принятии Чан Кайши того или иного решения. 16 декабря, вопреки многим прогнозам, гоминьдановское правительство выступило с заявлением о продолжении сопротивления.

22 декабря Япония решила возобновить переговоры с Китаем, однако выдвинула дополнительные, еще более жесткие требования: признание Нанкинским правительством Маньчжоу-го, создание во Внутренней Монголии «антикоммунистического автономного правительства» и расквартирование японских войск в ряде районов Северного и Центрального Китая и Внутренней Монголии. Кроме того, министр иностранных дел Японии Хирота Коки просил германского посла в Токио передать Чан Кайши, что если Китай согласится на эти условия, то он должен разорвать советско-китайский договор о ненападении и вступить в Антикоминтерновский блок.

Такие условия выходили далеко за пределы той формулы компромисса, на которую могли согласиться правящие круги Китая. Как твердо заявил председатель Исполнительного юаня Кун Сянси О.Траутману, ни одна уважающая себя нация не согласится принять эти условия. И хотя Китай готов пойти на «действительное взаимопонимание с Японией», но только при сохранении реального суверенитета. По словам китайского посла в Лондоне Го Тайци, Япония дважды

обращалась к Китаю с предложением о заключении мира и каждый раз получала отказ. Вопрос сохранения Китаем государственного суверенитета неизменно выдвигался правительством Чан Кайши как главное условие ведения любых переговоров с Японией. Однако в обстановке непрерывной борьбы в Нанкинском правительстве по вопросам войны и мира трудно было ожидать последовательности в действиях и решениях китайского правительства. Чан Кайши продолжал упорно придерживаться собственной внешнеполитической линии, основанной на убеждении в неизбежности активизации действий держав на дальневосточном и тихоокеанском направлениях. Иными словами, Чан Кайши рассчитывал на решение конфликта силами держав, интересам которых все более угрожала японская агрессия в Китае. Между тем проведенный Чан Кайши и его дипломатами в конце декабря 1937 г. зондаж показал, что державы не только не собирались оказывать помощь Китаю, но и не намеревались быть посредниками на переговорах. 16 января 1938 г. была обнародована декларация японского правительства, которая взяла курс на завоевание всего Китая вооруженной силой и заявила о непризнании законным правительства Чан Кайши. Эта декларация вызвала гнев и возмущение в Китае. Правительство Чан Кайши официально подтвердило, что война продолжается и никаких разговоров о мире быть не может. Гоминьдановское правительство вновь обратилось к Лиге Наций (январь, апрель 1938 г.) с оставшейся без ответа просьбой ввести санкции против Японии.

В этой сложной обстановке 29 марта 1938 г. открылся чрезвычайный съезд Гоминьдана. Важное значение для характеристики внешней политики гоминьдановского правительства имел манифест, принятый на заключительном заседании съезда. В манифесте отмечалось, что надежда на мирное сосуществование между Китаем и Японией останется тщетной до тех пор, пока Япония не откажется от экспансионистских планов и политики агрессии, в противном случае Китай будет продолжать борьбу.

Как бы в подтверждение принятых решений китайским войскам удалось в марте–апреле 1938 г. нанести японским агрессорам ряд чувствительных ударов в пров. Шаньси в районе городов Тайэрчжуан, Ханьчжуан, Иньчжоу. В период боев за Сюйчжоу японское правительство снова предприняло попытки заключить «почетный мир» с Китаем при посредничестве Германии и Англии. Хотя новые условия Японии содержали ряд уступок (в них не было требований об отставке правительства и роспуске Гоминьдана, ничего не говорилось о территориальных притязаниях в Северном Китае, и даже выражалось согласие на вывод японских войск из Китая), гоминьдановское правительство все же их отклонило.

В июне 1938 г. Япония вновь предложила провести мирные переговоры. Вскоре после урегулирования летом того же года японо-советского конфликта, вызванного агрессивными действиями Японии у оз. Хасан, Чан Кайши решительно отклонил предложение японского правительства создать в районе Ханькоу так называемую нейтральную зону. Между тем китайское правительство продолжало добиваться от Лиги Наций введения в отношении Японии экономи-

ческих санкций. В конце сентября 1938 г. Лига Наций формально признавала наличие оснований для применения санкций к Японии в соответствии со статьями 16 и 17 своего Устава. Однако, сославшись на якобы несвоевременность организации координированных действий против Японии, Лига Наций в третий раз отказала Китаю в помощи.

Мюнхенский сговор оказал большое влияние на развитие политических и военных событий на Дальнем Востоке и был воспринят японцами как благоприятный момент для нанесения решающего удара по Китаю. В начале октября японское командование возобновило наступательные операции в районе Ухани и высадило десант в заливе Биас в пров. Гуандун, отрезав Китай от морских коммуникаций на юге.

Правительство Чан Кайши прилагало все усилия для удержания Ухани, главного стратегического пункта, дающего возможность сохранить в качестве основной базы Гоминьдана провинции Хубэй, Хунань, Цзянси, Аньхуэй, Хэнань. В районе Ухани была сосредоточена огромная армия в 1 млн. человек, и все попытки японского командования начиная с июля 1938 г. захватить город были безуспешны. Начало военных действий Японии на юге страны, где капиталовложения западных держав были значительными, укрепили надежды Чан Кайши на вмешательство держав в развитие ситуации на Дальнем Востоке. Чан Кайши по-прежнему придерживался твердого убеждения, что инициатива в принятии каких-либо решительных действий против Японии может исходить только от американского правительства, а остальные державы последуют за ним. Поэтому свой дипломатический зондаж и на этот раз он начал с правительства США.

15 октября Чан Кайши направил президенту США Ф.Рузвельту личное послание, в котором указывалось, что развитие событий в Южном Китае во многом зависит от позиции США и Англии и что китайское правительство обращается с просьбой к США оказать помощь Китаю. 19 октября Гу Вэйцзюнь направил послание такого же содержания государственному секретарю США К.Хэллу. Гу Вэйцзюнь подчеркивал стремление Японии отрезать Китай от Индокитая и настаивал на прекращении правительством США поставок в Японию нефти, железной руды и авиационного оборудования. На следующий день министр иностранных дел Китая Ван Чунхуэй принял американского посла Н.Джонсона с целью выяснить позицию правящих американских кругов в отношении последних событий в Китае. Основное внимание в ходе беседы Ван Чунхуэй обратил на тот факт, что Англия и Франция поставили вопрос об оказании помощи Китаю в зависимость от решения США. В связи с этим китайский министр выразил надежду, что американское правительство проявит инициативу в этом вопросе.

В Лондоне 17 октября китайский посол вручил английскому правительству два меморандума. В одном из них говорилось, что на основании резолюции, принятой Советом Лиги Наций 30 сентября 1938 г., китайское правительство обращается к правительству Англии за помощью и выражает надежду, что с ее стороны будут приняты меры по запрещению экспорта в Японию оружия и военных материалов. Во втором меморандуме китайское правительство просило

правительство Англии об организации в Токио совместного демарша Англии, США и Франции. С аналогичной просьбой китайский посол в Париже Гу Вэйцзюнь обратился 19 октября к министру иностранных дел Франции Ж.Бонне.

Однако расчеты правительства Чан Кайши на совместное выступление держав не оправдались и на этот раз. Правительство США в ответном послании обошло молчанием вопрос о финансовой и экономической помощи Китаю. Вместо этого оно выразило готовность выступить в роли посредника. Реакция на японское наступление на юге Китая последовала в форме очередного дипломатического протеста. Что же касается правительства Англии, то оно не сделало даже такого дипломатического жеста. Министр иностранных дел Англии Э.Галифакс заявил, что правительство решило, что никаких кредитов нельзя предоставить Чан Кайши по политическим соображениям. Более того, английское правительство советовало Китаю заключить мир с Японией.

Таким образом, в течение первого этапа войны, закончившегося сдачей Ухани и перемещением столицы в г. Чунцин, китайская дипломатия действовала довольно активно, но безуспешно. Агрессор добился значительных военных успехов, но ему не удалось заставить гоминьдановское правительство капитулировать. Япония втягивалась в нежелательную для нее затяжную войну. Ведя оборонительные бои, китайские войска нанесли захватчикам ощутимые потери, которые грозили японской армии истощением ее людских и материальных ресурсов и делали цену военных побед чрезвычайно высокой.

Попытки китайской дипломатии разорвать внешнеполитическую изоляцию Китая продолжались и в течение второго периода войны (ноябрь 1938 г. – декабрь 1941 г.), характеризовавшегося снижением военной активности Японии, систематически прибегавшей к политическому давлению на Китай с целью решения «китайской проблемы». Именно в этот период национально-освободительная война китайского народа стала частью Второй мировой войны, а Китай – участником антифашистской коалиции.

На международной арене перед дипломатами КР со всей остротой встала проблема, как Китаю избежать участи Чехословакии, которую ему готовили державы, настаивая на прекращении сопротивления Японии. В связи с этими обстоятельствами Чан Кайши пригласил к себе английского посла в Китае А.Керра и еще раз попытался убедить его в том, что Англии выгоднее поддерживать не Японию, а Китай, поскольку победа Японии означала бы потерю всех позиций английского капитала в Китае, тогда как в случае победы Китая перед Англией открылись бы блестящие перспективы. Поэтому в интересах английского правительства оказать Китаю финансовую помощь как можно скорее. В противном случае китайское правительство будет вынуждено ориентироваться на другие государства, в том числе на Советский Союз. Угроза потери Китая для английских капиталов вынудила правящие круги Англии прибегнуть к маневрам, и 12 декабря министр иностранных дел Э.Галифакс телеграфировал А.Керру о намерении английского правительства предоставить Китаю кредит в размере 10 млн. ф. ст. (вместо 30 млн. ф. ст., о которых просило правительство Чан Кайши).

Американский президент Ф.Рузвельт дал понять, что Китаю не следует рассчитывать на помощь США. Более того, в конце ноября 1938 г. начались японо-американские переговоры, которые продолжались до января 1939 г. Что же касается китайско-германских отношений, то Германия продолжала развивать торговые связи с Китаем, сформировавшиеся еще в довоенное время, направляла в Китай оружие и военные материалы в обмен на китайское сырье, причем военные поставки Германии в этот период значительно превышали английские. Военные поставки из Германии продолжались и в 1939 г.

3 декабря премьер-министр Японии Коноэ Фумимаро выступил с заявлением, предлагая Чан Кайши сложить с себя власть и войти в состав нового центрального правительства, которое будет создано в Китае. После обмена мнениями между Чан Кайши и руководящими деятелями Гоминьдана и членами правительства о положении в стране Высший совет национальной обороны 9 декабря заявил о продолжении сопротивления японской агрессии. Между тем дипломатическое наступление Японии продолжалось. 22 декабря Коноэ официально провозгласил программу установления «нового порядка» в Восточной Азии, содержавшую так называемые «основные принципы урегулирования отношений между Японией и Китаем». Чан Кайши выступил в тот же день с официальным заявлением, в котором решительно отверг условия, выдвинутые Японией.

Национальное правительство КР незамедлительно использовало заявление Коноэ в качестве предлога для очередного обращения к западным державам за помощью. В беседе с американским послом Н.Джонсоном Чан Кайши дал понять, что если он не получит помощи в борьбе с Японией от западных держав, то обратится за этой помощью или к Советскому Союзу, или к другим державам, добиваясь при этом приемлемых условий мира через посредничество Германии. Джонсон в беседе с Чан Кайши был вынужден признать, что США оказались перед выбором: или поступиться своими торговыми и другими интересами на Дальнем Востоке, или оказать такую помощь Китаю, которая обеспечила бы усиление его сопротивления Японии. В этих условиях державы предприняли первые шаги по оказанию помощи Китаю. В декабре 1938 г. правительству Чан Кайши были предоставлены два займа: американский – на сумму 25 млн. долларов и английский – на сумму 10 млн. ф. ст.

Воспользовавшись благоприятными для Китая переменами в политике держав, правительство Чан Кайши в середине января 1939 г. обратилось в Совет Лиги Наций с просьбой наложить эмбарго на поставки Японии нефти и самолетов и указать государствам–членам Лиги Наций на необходимость увеличения финансовой и экономической помощи Китаю. Китайская делегация подготовила проект резолюции, перечислявший мероприятия, необходимые для поддержки Китая.

Вопрос о необходимости оказания Китаю финансовой и экономической помощи был в центре внимания участников V пленума ЦИК Гоминьдана (январь 1939 г.). Хотя его решения не внесли существенных изменений во внешнеполитический курс Китая, но все же они имели определенное значение, поскольку

пленум проходил в условиях активной деятельности прояпонских элементов в Китае, стремившихся склонить Чан Кайши и его сторонников к безоговорочному принятию японских требований.

В конце марта 1939 г. Гу Вэйцзюнь обратился к правительствам Англии и Франции с предложением объединить усилия в борьбе против Японии. Предлагаемый Китаем проект соглашения определял основные принципы сотрудничества между этими державами на Дальнем Востоке:

1. В борьбе против Японии Великобритания и Франция обязаны сотрудничать в военном и экономическом отношениях. При возможности может участвовать в этом соглашении и Советский Союз. США следует предложить предпринять параллельные действия.

2. В военном отношении Китай готов снабжать союзников людскими и сырьевыми ресурсами, в то время как остальные участники соглашения должны обеспечить военную технику. Для совместной разработки планов и операций против Японии каждое государство обязано назначить своего военного представителя от генерального штаба.

3. В экономическом отношении участники соглашения должны содействовать развитию взаимной торговли, укреплению финансов и принять экономические и финансовые санкции против агрессора. Для проведения в жизнь всех этих мер следует выделить специальных экономических представителей.

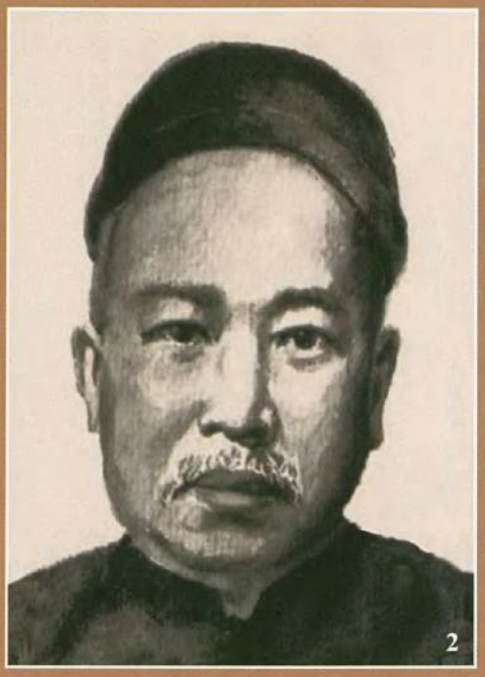
4. Участники соглашения не должны заключать сепаратный мир с агрессором.

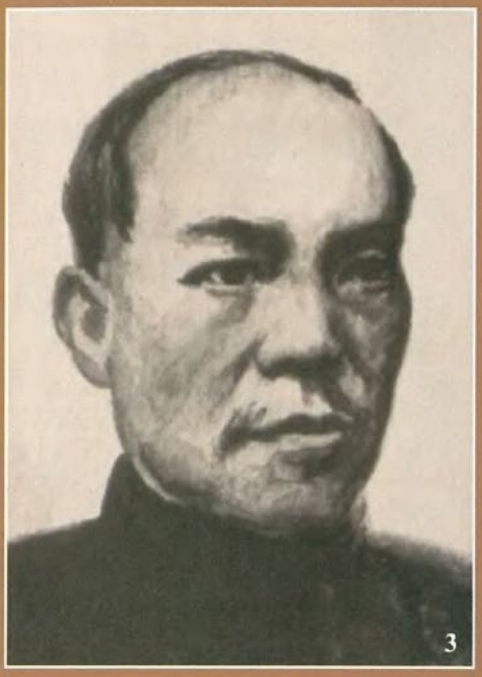
Таким образом, Китай был готов взять на себя главную тяжесть борьбы и выражал согласие защищать колониальные владения Англии и Франции на азиатском материке и в Тихом океане. Однако державы не проявили интереса к китайскому проекту. Тогда правительство Чан Кайши вновь предприняло попытку заставить державы обсуждать вопрос о помощи в рамках Лиги Наций. На предстоящей сессии Совета Лиги Китай намеревался поставить вопрос о применении к дальневосточной ситуации ст. 16 Устава Лиги Наций и потребовать обсуждения вопроса о создании координационного комитета по оказанию материальной и финансовой помощи Китаю. На заседании Совета Лиги 22 мая Гу Вэйцзюнь нарисовал подробную картину японской агрессии в Китае и выразил глубокое возмущение тем фактом, что США, Англия и другие государства продолжают оказывать помощь Японии в войне против китайского народа.

27 мая Совет Лиги принял две ни к чему не обязывавшие резолюции по китайскому вопросу. По поводу принятия итоговых резолюций китайские представители выразили неудовлетворение, настаивая на оказании более эффективной помощи Китаю, в частности на запрещении продажи Японии самолетов. Гу Вэйцзюнь прямо заявил, что только безвыходное положение заставляет Китай согласиться на принятие подобных резолюций.

Весной и летом 1939 г. наблюдалось дальнейшее ухудшение международного положения Китая в связи с начавшимися весной 1939 г. переговорами между правительствами Японии, Германии и Италии о заключении военного союза.

1. Календарь Китайской Республики на 1912 г.
Цветная ксилография. Шанхай.
Печатня Цзюцзяочан хуадянь



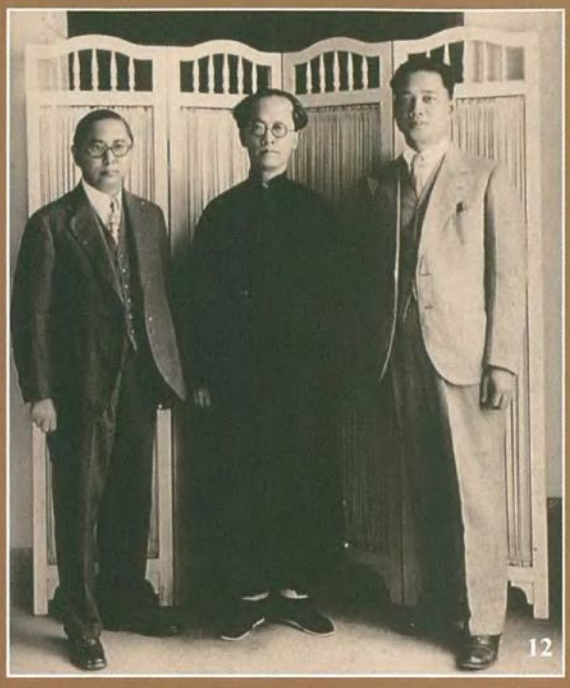


2. Кан Ювэй. 3. Лян Цичао.
4. Хуан Син. 5. Сунь Ятсен

6. Сунь Ятсен и Сун Цинлин. 7. Чан Кайши. 1920-е годы.
8. Ли Дачжао. 1920-е годы. 9. Мао Цзэдун. 1920-е годы

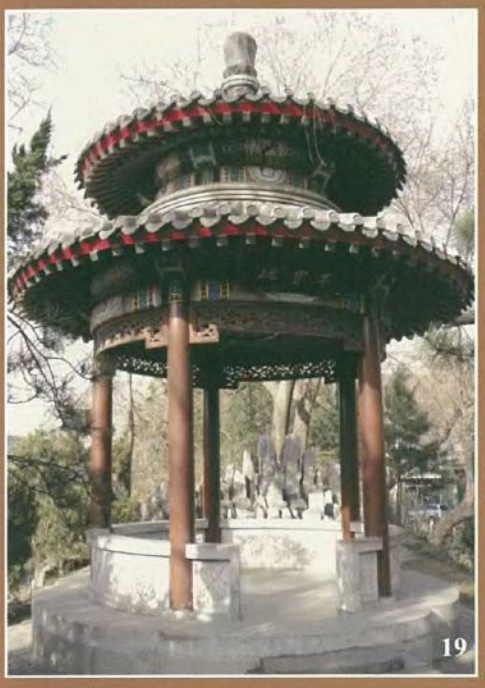
10. Место проведения I съезда КПК. 1921 г.

11. Место проведения совещания в Цзуньи. 1935 г.

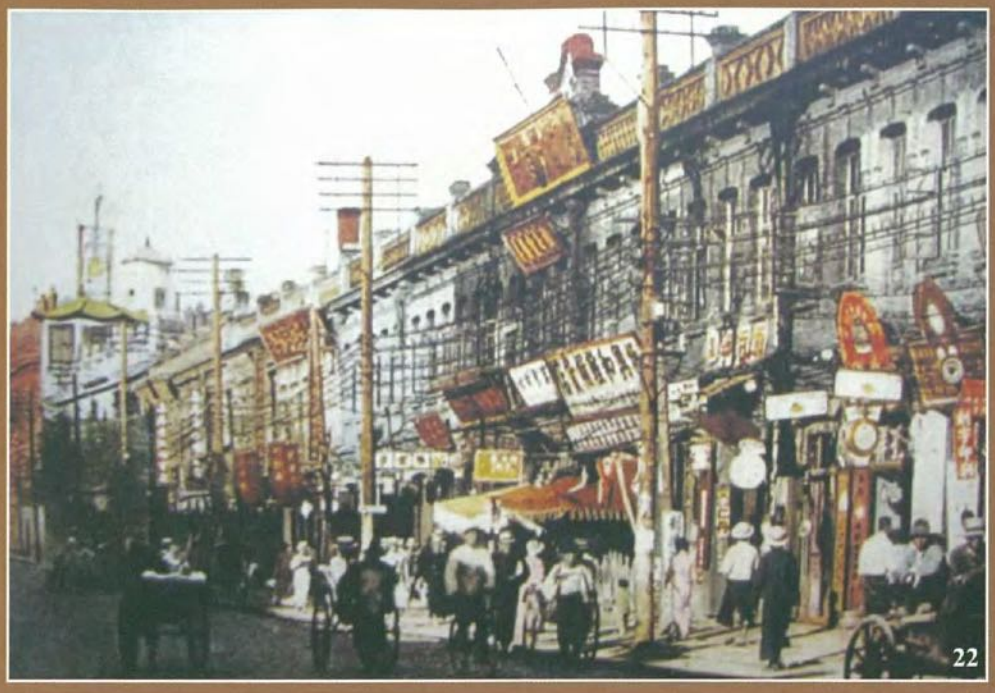


12. Сунь Фо, Ху Ханьминь и Ван Цзинвэй (слева направо). Первая половина 1930-х годов.
13. Флаг Китайской Республики 1912–1928 гг. 14. Флаг Китайской Республики 1928–1949 гг.
15. Бумажная банкнота. 1935 г.

16. Китайские туфельки для «лотосовых» ножек. 17. Маньчжурские туфли.
18. Паланкин



19. Традиционная беседка. 20. Печь для сжигания ритуальных денег.
21. Буддийский храм



22. Район Дайвэй. Шанхай

23. Одноэтажные постройки. Пекин

24. Уличный парикмахер в старом Пекине. Скульптура. Пекин, ул. Ванфуцзин.

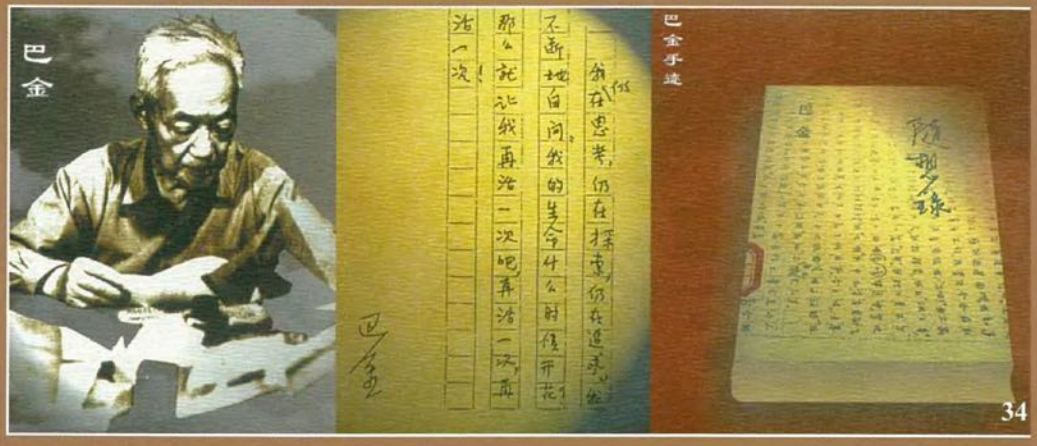
25. Сценический костюм Мэй Ланьфана.

26. Сцена из спектакля «Пекинской оперы» в Гуанчжоу. 1928 г.

27. *Ци Байши*. Креветки. 28. Ци Байши. 29. *Сюй Бэйхун*. Бамбук.
30. *Сюй Бэйхун*. Лошади

31. *Сюй Бэйхун*. Тревожный крик петуха

32. *Дун Сивэнь*. Миллионы героев форсируют Янцзы



33. Лу Синь (1881–1936), автограф и сборник «Клич» (1926).

34. Ба Цзинь (1904–2005), автограф и сборник «Думы» (1978–1984).

35. Мао Дунь (1896–1981), автограф и трилогия «Затмение» (1927–1928)

36. *Е Цяньюй*. Освобождение Пекина

37. Мао Цзэдун провозглашает образование КНР

Одновременно в конце мая 1939 г. японский премьер-министр Хиранума Кинтиро тайно встретился с советником американского посольства Ю.Думаном и предложил ему созвать так называемую тихоокеанскую конференцию для обсуждения проблем Дальнего Востока, но без участия Китая.

Между тем, проходившие англо-японские переговоры вызвали отрицательную реакцию США, которые в ответ денонсировали японо-американский договор. Хотя практические последствия этого акта не имели большого значения для Китая, правительство Чан Кайши расценило это событие как доказательство того, что США хотят сохранить свои позиции в Китае. Англо-японские переговоры в результате серьезных противоречий между сторонами окончились безрезультатно. Однако, несмотря на обострение противоречий между державами, китайская дипломатия не смогла прорвать внешнеполитическую изоляцию Китая.

Китайская дипломатия и Вторая мировая война. Вступление КР в антифашистскую коалицию

1 сентября 1939 г. Германия развязала войну в Европе, что внесло большие изменения в международную обстановку и политику государств во всем мире. Внешняя политика правительства Чан Кайши в новых международных условиях была определена в выступлении его лидера на открытии 4-й сессии Национального политического совета 9 сентября 1939 г. Отметив изменения в международной обстановке в связи с войной в Европе, он заявил о продолжении сопротивления японской агрессии до восстановления суверенитета, территориальной и административной целостности Китая. Основой внешней политики Китая Чан Кайши объявил защиту международных договоров – Устава Лиги Наций, договора девяти держав, подписанного в рамках Вашингтонской конференции 1921–1922 гг. и пакта Бриана–Келлога. Чан Кайши также подтвердил отказ от присоединения к Антикоминтерновскому пакту. Особое внимание Чан Кайши уделил разрабатываемым Японией планам создания на территории Китая марионеточных правительств, в частности так называемого нового китайского правительства в Нанкине. Эти интриги японских империалистов он связал с неудачей их попыток добиться капитуляции Китая силой оружия. Отметив связь между событиями в Китае и войной в Европе, Чан Кайши вновь попытался убедить западные державы в том, что мирное урегулирование на Дальнем Востоке имеет мировое значение.

Между тем международная обстановка не способствовала укреплению позиций Китая в войне с Японией. Правительство Японии начало активное дипломатическое наступление на позиции своих конкурентов в Китае, с тем чтобы заставить их отказаться от какой бы то ни было помощи Чан Кайши. Правящие круги Англии и Франции, заинтересованные в японском нейтралитете, выразили готовность урегулировать все спорные вопросы за счет Китая. Одновременно с дипломатическим наступлением Япония повысила экономическую и полити-

ческую активность на оккупированной территории Китая. Прежде всего, речь идет о подготовке к созданию марионеточного правительства во главе с Ван Цзинвэем. 19 сентября 1939 г. Ван Цзинвэй обратился к Чан Кайши с пространной программой, настаивая на заключении капитулянтского мира и сближении с Японией. Все эти факторы сложной внутрипартийной обстановки в Гоминьдане оказывали влияние на внешнюю политику правительства, вызывая колебания и отклонения от основного курса.

Осенью 1939 г. китайская дипломатия предприняла шаги, направленные на поиски компромисса с Японией, причем важная роль в этом отводилась сильному и авторитетному посреднику. Такой посредник, по мнению Чан Кайши, мог бы добиться соглашения с Японией на приемлемых для Гоминьдана условиях. Выбор пал на США. В личном послании Чан Кайши президенту Ф.Рузвельту, направленном в первые же дни после нападения Германии на Польшу, было выражено пожелание, чтобы американский президент «немедленно принял меры для того, чтобы остановить войну между Китаем и Японией».

Поскольку предложение Чан Кайши не вызвало интереса у правящих кругов США, китайское правительство обратилось с просьбой о посредничестве к Германии. Советник китайского посольства в Германии в беседе с руководителем политического отдела министерства иностранных дел Германии высказал суждение, что вряд ли Япония может что-нибудь выиграть от продолжения войны в Китае, поскольку в военных условиях она не в состоянии даже экономически эксплуатировать оккупированные территории. Он допускал дипломатическое признание Маньчжоу-го в случае, если суверенитет Китая будет должным образом соблюден. В заключение китайский дипломат заверил, что посредничество Германии приведет к укреплению ее экономических и политических позиций в Китае. Берлин, занятый войной в Европе, не принял предложения Чан Кайши. Потерпев неудачу в поисках посредников, правительство Чан Кайши отказалось от планов мирного урегулирования, отмежевавшись от любых подобных инициатив. Двусторонние переговоры с Японией без посредника на предлагаемых японцами условиях его не устраивали.

Состоявшийся в ноябре 1939 г. VI пленум ЦИК Гоминьдана подтвердил продолжение политики сопротивления японской агрессии. В выступлении на пленуме Чан Кайши подчеркнул, что китайско-японское урегулирование может стать возможным лишь после отказа правительства Абэ Нобуюки от установления «нового порядка» в Китае и в Восточной Азии.

2 ноября 1939 г. Чан Кайши вновь обратился с письмом к президенту США, предлагая созвать международную конференцию для разрешения дальневосточного конфликта. В случае несогласия Японии пойти на компромисс Чан Кайши предлагал ввести против нее экономические санкции. Однако государственный секретарь США К.Хэлл, ссылаясь на напряженную обстановку в Европе, отклонил предложение правительства Чан Кайши, заявив при этом, что созыв такой конференции, как предварительный этап введения экономических санкций, едва ли полезен.

Осень 1939 г. не принесла Японии больших военных успехов на фронте в провинциях Хубэй, Хунань и Аньхуэй. Это заставляло японское правительство активизировать поиски выхода из войны с Китаем. Япония продолжила политическое наступление на правительство Чан Кайши. 30 декабря 1939 г. представитель японского военного командования генерал-лейтенант Кагэса Садааки и Ван Цзинвэй заключили соглашение об «Основных принципах установления новых японо-китайских отношений», направленное на раскол Гоминьдана и единого фронта в Китае и означавшее для Китая лишение самостоятельности во внешней и внутренней политике. Подписание этого соглашения китайская общественность расценивала как предательство национальных интересов. Оно вызвало недовольство и в правящих кругах США, которые усматривали в этом соглашении, прежде всего, ущемление американских интересов в Китае.

Юньнань-Бирманская дорога

Япония также стремилась усилить блокаду Китая и требовала от правительств Англии и Франции закрытия Юньнань-Бирманского шоссе и железной дороги Французский Индокитай – Юньнань, по которым в Китай транспортировались различные грузы. Этот вопрос был в центре внимания китайской дипломатии и летом 1940 г., поскольку прекращение транспортировки военных грузов грозило парализовать снабжение китайской армии. Усилия, прилагаемые Гу Вэйцзюнем для решения этой проблемы, не давали результатов. Чан Кайши заявил о согласии гарантировать соблюдение интересов Франции в пров. Юньнань, предоставив Франции концессии на разработку угля в том случае, если железная дорога в Ханой останется открытой. Однако война в Европе не позволяла Франции и Англии проводить последовательную политику на Дальнем Востоке и в Юго-Восточной Азии.

Между тем Чан Кайши отказался войти в состав марионеточного правительства Ван Цзинвэя и еще раз отверг любые мирные переговоры, пока японские войска находятся на китайской территории. Такая позиция Чан Кайши нашла поддержку у правящих кругов США, поскольку к этому времени все очевиднее становилась японская угроза американским интересам на Дальнем Востоке. 26 января США объявили об окончании действия договора 1911 г. о торговле и мореплавании между США и Японией, а 7 марта 1940 г. предоставили правительству Китая кредит на сумму 20 млн. долларов.

В апреле 1940 г. Германия захватила Данию и Норвегию, в мае Голландию, Бельгию, Люксембург, в июне капитулировала Франция, а Италия вступила в войну на стороне Германии. Стала реальной и угроза вторжения немецких войск в Англию. Такая ситуация активизировала военную политику Японии на Дальнем Востоке: японское командование развернуло с весны 1940 г. большие

наступательные операции в северо-западной части пров. Хубэй и в Южном Китае. Но сопротивление китайских регулярных войск и партизанских отрядов сорвало планы Японии.

В этих условиях китайское правительство решило провести новый дипломатический зондаж в Берлине о его возможном посредничестве между Китаем и Японией. Китайское правительство надеялось, что Германия сумеет добиться некоторых уступок со стороны Японии в связи с заинтересованностью Токио в высвобождении своих военных сил для осуществления агрессивных планов в Юго-Восточной Азии. Германия, однако, вновь отказалась от посредничества.

После неудачи, постигшей китайскую дипломатию, такое же предложение Германии сделала японская дипломатия. Однако и в этом случае Берлин уклонился от ответа. Сдержанное отношение Германии к установлению мира между Японией и Китаем объяснялось ее заинтересованностью в сохранении напряженности на Дальнем Востоке, что отвлекало внимание и военные силы Англии и США от войны в Европе.

Летом 1940 г. правительство Японии вновь усилило нажим на Англию и Францию, требуя закрыть пути, по которым на китайскую территорию переправлялись военно-стратегические материалы. В случае с Францией этот нажим был успешным. Несмотря на многочисленные дипломатические протесты по поводу закрытия Индокитайской и Бирманской дорог, правящие круги Англии и Франции не спешили с выполнением соглашений, заключенных с Китаем ранее в связи с этой проблемой.

В этой сложной международной обстановке в июле 1940 г. состоялся VII пленум Гоминьдана, вновь подтвердивший решимость продолжать сопротивление Японии, независимо от изменений в международной обстановке. 27 сентября 1940 г. в Берлине был подписан Тройственный пакт о военном союзе между Германией, Италией и Японией, в котором признавалось установление Японией «нового порядка» в Восточной Азии. Правящие круги Германии и Италии были заинтересованы в том, чтобы Япония скорее закончила войну в Китае и, переместив центр тяжести военных действий в Тихоокеанский регион, сковала бы силы Англии и США. Правительство Чан Кайши подтвердило непризнание так называемого «нового порядка» в Восточной Азии. Особо подчеркивалось, что Тройственный пакт полностью игнорирует законные права и интересы других государств в Азии. Заключение Тройственного пакта существенно повлияло на дальневосточную политику США и Англии, которые почувствовали угрозу своим позициям на Тихом океане. При создавшихся обстоятельствах отношение США и Англии к войне в Китае принципиально менялось, ибо война отвлекала и истощала главные силы Японии и сдерживала ее экспансию в южном направлении. Ввиду этого правительства США и Англии приняли ряд мер противодействия Японии. Так, США предоставили правительству Чан Кайши новый кредит на сумму 25 млн. долларов.

Изменение политики правящих кругов США и Англии по отношению к Китаю было незамедлительно использовано китайской дипломатией, которая вновь

поставила перед державами вопрос об оказании действенной помощи Китаю. В октябре 1940 г. правительство Чан Кайши обратилось в Вашингтон с просьбой направить в Китай 500 самолетов с американскими летчиками и предоставить кредит в 200–300 млн. долларов для финансирования создания ВВС Китая. Американскому правительству были предложены различные планы поставок оружия и кредитования, высказывалось пожелание обмена военными миссиями.

В Чунцине Чан Кайши в ходе бесед с послами США и Англии пытался убедить державы, что они явно недооценивают ту помощь, которую мог бы им оказать Китай в противодействии Японии. Особое внимание Чан Кайши обращал на большие людские ресурсы и стратегическое положение Китая. Китайская армия, заверял Чан Кайши, способна оказать достойное сопротивление японцам, если она будет должным образом вооружена. Однако державы в тот момент были озабочены главным образом тем, чтобы помочь Чан Кайши удержаться у власти и затянуть на продолжительное время войну с Японией. Это определило характер и масштабы оказываемой Китаю помощи, размер которой не удовлетворял гоминьдановское правительство.

В ноябре 1940 г. Чан Кайши представил на рассмотрение правительств США и Англии план сотрудничества трех государств. По мнению правительства Чан Кайши, три страны могли бы подготовить совместную декларацию, в которой излагались бы принципы сотрудничества, а также намерение Англии и США предпринимать усилия для сохранения Китаем суверенитета, территориальной и административной целостности.

После подписания договора между Японией и марионеточным правительством Ван Цзинвэя правящие круги США решили увеличить помощь Китаю. 1 декабря 1940 г. американское правительство предоставило Китаю кредит на сумму 100 млн. долларов. 19 декабря Ф.Рузвельт одобрил план военной помощи Китаю и обратился к военному, военно-морскому и финансовому ведомствам с указанием найти пути для выполнения этой программы. Ряд контрмер приняла и Англия. 1 декабря ее правящие круги заявили о том, что и впредь будут признавать лишь правительство Чан Кайши. Вслед за США Англия предоставила Китаю заем на сумму 10 млн. ф. ст. Международное положение Китая продолжало укрепляться.

После посещения Китая военными миссиями США, 25 апреля 1941 г. министр финансов США Г.Моргентау заявил, что Китаю будут выделены вооружение, военные материалы и кредиты на сумму 50 млн. долларов. 6 мая 1941 г. Ф.Рузвельт объявил о распространении на Китай действия закона о ленд-лизе, поскольку оборона этой страны является жизненно важной для безопасности США. Однако решение США об оказании Китаю помощи не означало, что они отказались от попыток достичь компромисса с Японией. Об этом свидетельствовали начавшиеся в феврале 1941 г. американо-японские переговоры, на которых китайский вопрос занимал важное место.

Нападение Германии на Советский Союз 22 июня 1941 г. коренным образом изменило обстановку во всем мире и оказало большое влияние на развитие со-

бытий на Дальнем Востоке. В истории Второй мировой войны начался новый период, который способствовал созданию антифашистской коалиции. Правительства Англии и США заявили о готовности поддержать СССР в его борьбе против Германии. Правительство Чан Кайши 2 июля 1941 г. заявило о разрыве дипломатических отношений с Германией и Италией и присоединении Китая к антифашистскому блоку государств, но войну Японии не объявило.

Во второй половине 1941 г. внешнеполитический курс правительства Чан Кайши претерпевал дальнейшие важные изменения, имевшие непосредственное отношение к проблеме повышения международного статуса Китая. Еще в мае 1941 г. правительство Чан Кайши вновь внесло в повестку дня вопрос об отмене неравноправных договоров. Состоялся обмен письмами между министром иностранных дел Китая Го Тайци и государственным секретарем США К.Хэллом относительно намерений американского правительства отказаться от прав экстерриториальности. Летом 1941 г. гоминьдановская дипломатия потребовала от правительств США и Англии строить сотрудничество на равных началах. Чан Кайши был недоволен тем, что его не пригласили на Атлантическую конференцию глав правительств США и Англии (август 1941 г.), а также тем, что китайских представителей не пригласили на англо-американские переговоры по военным вопросам в Сингапуре.

Много забот китайской дипломатии причиняли американо-японские переговоры. Чан Кайши и его окружение опасались, что заключение американо-японского соглашения приведет к ухудшению международного и экономического положения Китая. Пытаясь помешать американо-японской сделке, министр иностранных дел Китая Го Тайци 16 июля 1941 г. от имени китайского правительства заявил, что Китай не подпишет мира с Японией, даже если США выступят посредником. Попытки США заключить договор с Японией политические круги Китая рассматривали как план организации «дальневосточного Мюнхена». Го Тайци в одной из бесед с американским послом в Чунцине К.Гауссом особо подчеркнул, что Китай призна́ет только такое мирное соглашение, в основе которого будут лежать принципы договора девяти держав.

Несмотря на серьезные разногласия с Японией, правительство США решило продолжать переговоры и привлечь к ним в первую очередь Англию и Китай. 24 ноября 1941 г. К.Хэлл провел совещание с дипломатами заинтересованных стран – Англии, Китая, Австралии и Голландии. На обсуждение участников совещания был предложен проект так называемого «временного американо-японского соглашения модус вивенди». За исключением представителя Австралии участники конференции не поддержали этот проект, с особенно резкой критикой проекта выступил китайский посол в США Ху Ши.

Весь состав китайского посольства в Вашингтоне развернул бурную деятельность, направленную на срыв американо-японского соглашения. Американцев обвинили в попытках «умиротворить» Японию за счет Китая. Чан Кайши и его окружение особенно возражали против ст. 7 проекта соглашения, предусматривавшего участие США в качестве посредника в предполагаемых японо-китай-

ских мирных переговорах. Это, по их мнению, нарушало договор девяти держав и шло вразрез с внешнеполитическими декларациями американского правительства. С протестом против соглашения выступило и правительство Англии. В результате правительство США было вынуждено отказаться от своих планов.

7 декабря японский флот совершил нападение на тихоокеанскую базу США Перл-Харбор, началась война на Тихом океане. 8 декабря 1941 г. о состоянии войны с Японией объявили США и Англия, затем «Сражающаяся Франция» и Голландия. 9 декабря гоминьдановское правительство объявило войну Германии и Италии, а 10 декабря – Японии. 26 декабря был заключен договор о военном союзе между Китаем, Великобританией и США. 1 января 1942 г. правительство Чан Кайши подписало в Вашингтоне Декларацию о всеобщей безопасности. Подпись Китая по настоянию американских представителей была поставлена вне алфавитного порядка – в одном ряду с подписями СССР, США и Англии. Дипломатические инициативы гоминьдановского правительства обеспечили Китаю возможность войти в мощную коалицию государств, ведущих борьбу против агрессивных сил Германии, Японии и их союзников.

Изменение положения Китая де-факто стимулировало дипломатическую деятельность гоминьдановского правительства. Союзным державам были предъявлены требования предоставить Китаю такие же права при решении различных стратегических вопросов, какие имели Англия и Советский Союз, например включить представителя Китая в состав Объединенного комитета начальников штабов, признать Тихоокеанский театр военных действий более важным по сравнению с другими фронтами и т.д.

Хотя США и Англия приняли не все предложения Чан Кайши, однако по ряду направлений предложения и требования китайского правительства были удовлетворены. По согласованию с У.Черчиллем Ф.Рузвельт ввел представителя Китая в состав Военного Совета, созданного в марте 1942 г. в Вашингтоне, а 3 января 1942 г. Чан Кайши был назначен главнокомандующим союзными войсками на китайском театре военных действий, включавшем кроме Китая территории Таиланда, Малайи, Бирмы и Французского Индокитая.

В начале Тихоокеанской войны события развивались вопреки ожиданиям правящих кругов Китая. Японские войска наносили одно поражение за другим вооруженным силам США и Англии в Малайе, Бирме, на Филиппинах и в других странах ЮВА.

Уже в первые месяцы войны на Тихом океане в отношениях между союзниками и Китаем возникла некоторая напряженность. Немаловажную роль в этом играло (помимо военных неудач англо-американских войск) непонимание правительством Чан Кайши того факта, что США и Англия рассматривали своим главным противником Германию, а не Японию. Зная об опасениях союзников относительно возможной капитуляции Китая перед Японией и учитывая изменения международной обстановки в связи с войной на Тихом океане, Чан Кайши предпринял новые шаги. 30 декабря он встретился с американским послом в Китае К.Гауссом и имел с ним продолжительную беседу, в центре которой был вопрос о не-

обходимости оказания финансовой помощи Чунцинскому правительству со стороны США и Англии. Согласно Чан Кайши, США следовало предоставить КР кредит на сумму 500 млн. долларов, а Англии – заем на сумму 100 млн. ф.ст. Китайский лидер подчеркивал также психологическое значение получения Китаем займов, особенно в связи с опасностью переориентации некоторых китайских политических деятелей на Японию после ее недавних военных успехов. Надежды Чан Кайши на получение займов на этот раз оправдались.

Чан Кайши, Сун Мэйлин и Дж.Стилуэлл в Чунцине

В связи с Тихоокеанской войной интерес США и Англии к Китаю и лично к Чан Кайши резко возрос. В целях развития военного сотрудничества 4 марта 1942 г. в Чунцин прибыл американский генерал Дж.Стилуэлл, хорошо знавший китайский язык и местные условия благодаря прежнему опыту работы в Китае в должности военного атташе посольства США. 10 марта в Чунцине было опубликовано сообщение о том, что Дж.Стилуэлл назначен начальником личного штаба Чан Кайши и заместителем главнокомандующего союзными войсками на китайском театре военных действий. Фактически, как показали последующие события, командование китайскими армиями осуществлял Чунцин.

Весной–летом 1942 г. в центре внимания чунцинской дипломатии находились вопросы увеличения американской военной помощи Китаю и повышения политического авторитета КР. Дипломаты прилагали большие усилия к установлению контактов с личным представителем президента Г.Гопкинсом, возглавлявшим управление по распределению вооружений по ленд-лизу. Через него Чунцин планировал оказывать влияние на Ф.Рузвельта.

В инструкции Сун Цзывэню, направленной Чан Кайши 19 апреля, Чан Кайши рекомендовал ему в беседах с президентом Ф.Рузвельтом и его советниками подчеркивать факт неравноправного положения Китая среди союзников, обращать их внимание на отсутствие представительства Китая в объединенных штабных органах, ведающих военным снабжением. Пытаясь достичь своих целей, правительство Чан Кайши прибегало к различным средствам, включая и дипломатические заигрывания со странами «оси», в частности обращение за посредничеством к Германии.

Важное место в политике правительства Чан Кайши занимал вопрос об отмене прав экстерриториальности. На первом, самом тяжелом для КР этапе войны с Японией правительство Китая не проявляло особой заинтересованности в немедленной отмене прав экстерриториальности, поскольку опасалось перехода крупнейших иностранных концессий в руки японцев. В тот период китайское правительство лишь ставило вопрос о гарантиях отмены этих прав по окончании войны.

После начала Тихоокеанской войны, когда Китай стал союзником США и Англии по антифашистской коалиции государств, правительство Чан Кайши поставило вопрос об отмене прав экстерриториальности на повестку дня.

Заинтересованные в сохранении Китая в числе воюющих держав, правительства США и Англии 10 октября 1942 г. заявили о готовности начать консультации о немедленной отмене прав экстерриториальности. Вскоре они представили на рассмотрение правительству Чан Кайши проекты новых договоров. Об отказе от прав экстерриториальности в Китае и передаче японских и других иностранных концессий правительству Ван Цзинвэя 9 января 1943 г. объявила Япония. Не без влияния японских инициатив по этому вопросу в январе 1943 г. в истории Китая произошло важное событие: США и Англия подписали с Чунцинским правительством договоры, в которых отказались от прав экстерриториальности.

Отношения между союзниками не были безоблачными. Чунцин периодически выражал недовольство недостаточными суммами американской помощи. В США и в Англии все громче звучали критика по адресу Чан Кайши, обвинения гоминьдановского руководства в некомпетентности и пассивности в ведении войны, в коррупции. Однако Чунцин не намеревался учитывать какие-либо критические замечания и корректировать свою внутреннюю политику и внешнеполитическую позицию. Гоминьдановская дипломатия продолжала настойчиво добиваться выполнения своих требований. Вскоре для этого представилась новая возможность. В августе 1943 г. в Квебеке состоялась конференция союзных держав, на которую был приглашен представитель Китая – министр иностранных дел Сун Цзывэнь. На конференции еще раз была подтверждена важная роль Китая как союзника. В решениях руководителей союзнических штабов Китай был даже назван «главным пунктом союзнического плана разгрома Японии». Особо отмечалась необходимость использовать Китай не только как базу для бомбовых налетов на Японию, но и как базу для подготовки массированного вторжения на территорию агрессора.

Однако и на этот раз не обошлось без конфликта. Представитель Китая выступил на конференции с критикой в адрес американцев за игнорирование «нужд и потребностей» китайского фронта, настаивая на увеличении поставок по ленд-лизу. Кроме того, правительство Чан Кайши поставило вопрос о предоставлении Китаю равного с другими участниками числа мест в военно-стратегических межсоюзнических органах и равноправного участия в совещаниях (на заседаниях самой Квебекской конференции Сун Цзывэнь имел право участвовать только в дискуссиях начальников штабов). Интересы Китая по этим пунктам в Квебеке не были приняты во внимание.

Со своей стороны, американское правительство решило еще раз продемонстрировать дружественное отношение к Китаю. В октябре 1943 г. в Москве состоялась конференция министров иностранных дел; по инициативе американцев принятую на конференции «Декларацию по вопросу о всеобщей безопасности» наряду с СССР, США и Англией подписал и Китай, после чего она получила название Декларации четырех держав. Самым важным событием на пути повы-

Чан Кайши, Франклин Рузвельт и Уинстон Черчиль
на Каирской конференции,
25 ноября 1943 г.

шения международного престижа Китая явилась Каирская конференция, открывшаяся 22 ноября 1943 г. В ней приняли участие главы правительств США, Англии и Китая, а также начальники штабов союзных стран. Чан Кайши добивался признания Китая одной из великих держав, чтобы обеспечить его активное участие в решении послевоенных проблем, а также надеялся на увеличение помощи Китаю со стороны США.

Окончательный текст Каирской декларации был одобрен 1 декабря 1943 г. В декларации Китай характеризовался как одна из великих мировых держав. Для Китая это была большая дипломатическая победа. Декларация провозгласила целью лишить Японию всех захваченных или оккупированных с начала Первой мировой войны островов на Тихом океане и предусматривала возвращение Китаю территорий, отторгнутых у него, – Маньчжурия, Тайвань и Пескадорские острова (о-ва Пэнху). Три союзных государства обязались продолжать войну с Японией до ее безоговорочной капитуляции. При подписании Каирской декларации США и Англия исходили также из желания не допустить уклонения Китая от союзнических обязательств. В качестве великой державы Китай принимал участие в конференциях в Думбартон-Оксе (октябрь 1944 г.) и Сан-Франциско (апрель 1945 г.). Главным вопросом, обсуждавшимся на этих конференциях, стала разработка Устава Организации Объединенных Наций. Представлявший Китай Гу Вэйцзюнь принимал активное участие в дискуссиях. Китай также участвовал в составлении Устава ООН, подписанного 26 июня 1945 г.

Помощь СССР сражающемуся Китаю в 1937—1941 гг.

Главным фактором, под воздействием которого складывались и развивались советско-китайские отношения в 30-х годах, была агрессия Японии против Китая. Проводя политику по отношению к КР, СССР не мог не учитывать факта реальной угрозы своим дальневосточным границам со стороны Японии. В целях локализации японской агрессии на континенте советская дипломатия в мае–июне 1937 г., т.е. до начала широкомасштабных военных действий Японии против Китая, выступала с инициативой заключения Тихоокеанского пакта. В Москве считали, что такой пакт остановит агрессию Японии в Китае, что Япония не решится противопоставить себя коалиции тихоокеанских держав и даже, возможно, сама присоединится к Тихоокеанскому пакту. США, проводившие в тот период политику «умиротворения» Японии, считали, что без участия в соглашении Японии подобные договоренности не имеют смысла.

Руководство КР, учитывая отрицательное отношение США и Великобритании к идее Тихоокеанского пакта и не желая конфликтовать с этими державами, активизировало переговоры о заключении двустороннего договора о ненападении между СССР и КР, который и был подписан 21 августа 1937 г. в Нанкине. Осенью и зимой 1937–1938 гг. советско-китайские отношения активно развивались по трем направлениям. Первым из них была организация доставки в Китай советской военной техники и командирование в эту страну советских специалистов, которые могли бы обучить китайский персонал использованию советского вооружения. Вторым направлением была политическая поддержка Китая в Лиге Наций, других международных организациях. Оказывая поддержку Китаю, Советский Союз сталкивался с противодействием третьих стран. Китайский посол в Москве Ян Цзе особо отмечал, например, деятельность полпреда СССР в Англии И.И.Майского, поддерживавшего предложения Гу Вэйцзюня о необходимости международной помощи Китаю как жертве агрессии. Под давлением делегации СССР во главе с наркомом М.М.Литвиновым в 1937 г. Лига Наций выразила моральную поддержку Китаю и осудила японскую агрессию, но в дальнейшем, на Брюссельской конференции (ноябрь 1937 г.), ничего не было сделано в пользу Китая. Брюссельская конференция отклонила согласованное с китайской делегацией предложение СССР о прекращении западными державами поставок оружия Японии и об отказе Японии в кредитах.

На третьем направлении СССР способствовал укреплению внутриполитического единства в Китае. 25 августа 1937 г., после подписания советско-китайского договора о ненападении, ЦК КПК принял «Решение о современном положении и задачах партии», призывавшее к общенациональной войне Сопротивления японской агрессии. В пункте 4 Решения отмечалось, что разногласия и полемика КПК с Гоминьданом и другими партиями антияпонской направленности в настоящее время сосредоточены на вопросе, каким образом Китай может добиться победы в войне Сопротивления.

Все отмеченные тенденции развития советско-китайских отношений были взаимосвязаны. Они включали меры по поддержке Китая в войне Сопротивления, были направлены на недопущение капитуляции Китая, чего добивались Япония и Германия. Во время войны японская сторона по личным каналам более двадцати раз обращалась к китайскому правительству с предложениями о мире на японских условиях, но Чан Кайши оставался верен курсу на достижение целостности и независимости китайского государства.

Противоречивым было влияние американского фактора на советско-китайские отношения. С одной стороны, США были заинтересованы в советской помощи национально-патриотическим силам Китая в борьбе с японской агрессией, которая ставила под угрозу и интересы США в Китае. США понимали, что помощь СССР Китаю в войне с Японией сдерживала деятельность прояпонских сил в Гоминьдане, стремившихся прекратить войну Китая с Японией. США также считали, что улучшение советско-китайских отношений в будущем будет содействовать Гоминьдану в урегулировании отношений с коммунистами политическим путем. В тот период Америка выступала за улучшение отношений правительства Чан Кайши с СССР, рассчитывая, что таким путем можно предотвратить новый тур гражданской войны в Китае и содействовать концентрации сил внутри страны на борьбе против Японии. И хотя между СССР и США имели место отдельные разногласия и конфликты, отношения носили конструктивный характер. Вместе с тем США опасались и не желали укрепления позиций СССР в Китае.

В ходе войны с Японией Чан Кайши, как и ранее, широко практиковал личную дипломатию, направляя в СССР своих специальных представителей, в том числе с целью убедить советское руководство объявить войну Японии. Вплоть до нападения Германии на СССР советское правительство в ответ на подобные инициативы заявляло, что СССР может вступить в войну с Японией только при одном из следующих обстоятельств: а) в случае, если Япония нападет на СССР; б) в случае совместного вступления в войну с Японией одновременно трех держав – США, Великобритании и СССР; в) в случае, если Лига Наций примет решение рекомендовать тихоокеанским державам предпринять совместные соответствующие акции против Японии.

Первые решения в Москве о военных поставках Китаю были приняты еще до подписания советско-китайского договора 1937 г. СССР предоставил Китаю льготные кредиты, и в счет кредитов в Китай направлялись оружие и различная военная техника для вооружения 20 китайских дивизий. Военные грузы до советско-китайской границы шли по советским железным дорогам и далее перевозились автотранспортом по шоссейной дороге, проложенной через китайскую пров. Синьцзян. Только за период с октября 1937 г. до середины февраля 1939 г. под перевозку грузов для Китая было задействовано более 5640 товарных вагонов советского производства, а на автомобильном тракте через Синьцзян – более 5200 советских грузовых автомашин. Военные поставки обеспечивали свыше 4000 советских автотехников, шоферов, автодорожников, специалистов других профессий.

Сборка советской боевой техники, направлявшейся по маршруту Алма-Ата–Урумчи–Хами, велась в Синьцзяне. В сентябре 1937 г. – июне 1941 г. в Китай было направлено более 1235 самолетов, 1600 орудий и другая военная техника. С конца 1937 г. в районе станции Домна (Забайкалье) начали формировать скоростной бомбардировочный авиационный полк, вооруженный средними бомбардировщиками «СБ». Перед направлением в Китай летчики, радисты, стрелки, другие члены экипажа проходили предполетную подготовку. Через Монголию в Ланьчжоу (столица пров. Ганьсу) доставлялись танки. В Ланьчжоу была организована служба ПВО – для прикрытия города от налетов японской авиации. 1 декабря 1937 г. первые советские военные самолеты произвели посадку в Нанкине и вступили в бой с японцами. Советские летчики-добровольцы приняли на себя главный удар японской авиации, в боях за Нанкин было уничтожено более сотни японских самолетов. От действий советских летчиков с мая по декабрь 1938 г. японская армия потеряла более 80 самолетов и 70 военно-транспортных и военных судов. Были потери и с советской стороны, свыше 200 советских летчиков погибли в Китае.

В 1938 г. состоялся визит в Москву председателя Законодательного юаня Сунь Фо, в ходе которого были подписаны соглашения о предоставлении Китаю двух кредитов на сумму 50 млн. долларов каждый для закупки техники и оборудования. Подписание второго кредита в июле 1938 г. состоялось через три недели после начала Японией вооруженных провокаций у оз. Хасан. Не исключено, что таким путем Япония выразила свое отношение к советской помощи Китаю. Общая сумма советских кредитов Китаю составила 450 млрд. долларов.

В 1938 г. Чан Кайши предложил направить в Китай советские войска, а в августе 1938 г. – подписать секретный политический договор между двумя странами, который по форме и содержанию был бы пактом о взаимопомощи, но не возлагал бы на СССР обязательства вступить в войну с Японией. Однако советское руководство сочло, что дополнительные договоренности не нужны ни Китаю, ни СССР. Однако 25 августа, а затем 4 сентября 1939 г. Чан Кайши вновь поднимал вопрос о подписании между СССР и КР пакта о взаимопомощи.

Оказав Китаю дипломатическую и политическую поддержку и предоставив военную и материально-техническую помощь, СССР фактически вывел КР из международной изоляции и не допустил ее капитуляции в первый, самый тяжелый для страны год.

Китайско-японская война была одним из факторов, затруднявших реализацию японского плана нападения на СССР. В силу этого Советский Союз был заинтересован в укреплении обороноспособности Китая. Другим сильнодействующим фактором, влиявшим на развитие советско-китайских отношений, была деятельность Компартии Китая. СССР видел в деятельности КПК, располагавшей собственными вооруженными силами, определенный противовес тем силам в Гоминьдане, которые были склонны к сговору с Японией. Взаимодействие с КПК рассматривалось также с точки зрения противодействия укреплению позиций США в Китае в годы войны. Советское руководство ориентировало Ком-

партию на сотрудничество с Гоминьданом – в целях создания единого фронта, однако взаимодействие обеих партий сталкивалось с большими трудностями, поскольку КПК и Гоминьдан в рамках единого фронта преследовали и собственные цели, связанные с подготовкой к борьбе с Гоминьданом в послевоенные годы. Эта сторона деятельности коммунистов осложняла развитие советско-китайских отношений.

Во время пребывания в Москве Сунь Фо передал И.В.Сталину просьбу Чан Кайши расширить масштабы советской помощи. Сталин заявил о готовности СССР помогать Китаю, сформулировав два условия, необходимые для победы в войне: создание собственной военной промышленности в Китае и политическое единство страны.

Зенитный пулемет, поставленный из СССР в период Антияпонской войны

Советский Союз готов был внести свой вклад в создание в Синьцзяне самолетосборочного и нефтеперерабатывающего заводов, способствовать реализации программы китайского правительства по созданию национальной промышленной базы. Решение о строительстве в Китае завода мощностью 300 истребителей в год было принято в Москве 14 октября 1939 г.

11 августа 1939 г. уполномоченные правительств СССР и КР подписали протокол о строительстве в Урумчи самолетосборочного завода. 1 октября 1940 г. началась частичная эксплуатация предприятия. В основном строительство было завершено к февралю 1941 г. На стадии завершения строительства сооружения (июнь 1942 г.) его производительность достигла 450 самолетов в год.

В сентябре 1939 г. была создана советско-китайская авиакомпания «Хами-Ата». Совместные советско-китайские предприятия, в их числе и данная авиакомпания, действовали на паритетных началах. В авиакомпании «Хами-Ата» все техническое обслуживание авиалиний (самолетный парк, летный состав, навигационная служба, снабжение горючим) обеспечивалось советской стороной. Функционирование авиакомпании было важно и для СССР и для Китая. По этому авиамаршруту из Советского Союза в Китай доставлялись оружие и стратегически важные материалы, а из Китая в Советский Союз – стратегическое сырье, в частности вольфрам и олово.

Для планирования военных операций в КР была откомандирована специальная группа военных советников, к концу 1939 г. она насчитывала 75 человек. Среди них были такие известные советские военачальники, как М.И.Дратвин, К.М.Качанов, В.И.Чуйков, П.С.Рыбалко, А.И.Черепанов, А.Я.Калягин и многие другие.

Активная помощь СССР КР вызвала обострение советско-японских отношений. События на оз. Хасан (1938 г.), а затем на р. Халхин-Гол (1939 г.) были

звеньями этого процесса. Успехи Красной армии на Хасане и Халхин-Голе благоприятно сказались на борьбе китайского народа против японской агрессии.

Масштабы советской военной помощи Китаю все более беспокоили Японию. С другой стороны, нейтрализация более чем реальной угрозы со стороны Японии была одной из важнейших задач советской дипломатии. 2 июля 1940 г. посол Японии в Москве Того Сигэнори в беседе с наркомом иностранных дел СССР В.М.Молотовым предложил подписать двусторонний договор между странами. При этом японская сторона увязывала свое предложение с отказом СССР от предоставления помощи Китаю. Принимая решение о начале переговоров с японской стороной, советское руководство преследовало цель обеспечения безопасности советских дальневосточных рубежей.

После получения в Москве информации о готовящемся визите министра иностранных дел Японии Мацуока Ёсукэ в Москву МИД СССР начал подготовку к советско-японским переговорам. В записке заместителя наркома иностранных дел СССР С.А. Лозовского наркому В.М.Молотову подчеркивалось, что, согласно ст. 2-й советско-китайского договора о ненападении и устной декларации-приложения к договору, СССР взял на себя обязательство не заключать с Японией договор о ненападении на время войны КР с Японией. Указанные аргументы оказались решающими при определении вопроса о характере предполагаемого договора с Японией. Было решено, что СССР может подписать с Японией лишь пакт о нейтралитете. 13 апреля 1941 г. этот пакт подписали в Москве И.В.Сталин и Мацуока Ёсукэ.

Подписание этого договора было крайне отрицательно воспринято руководством КР, которое на протяжении ряда лет рассчитывало на расширение масштабов советской помощи и вовлечение СССР в войну с Японией. Тем не менее дружественные отношения сохранялись. Чан Кайши 19 апреля 1941 г. в беседе с послом СССР А.С.Панюшкиным отметил, что «несмотря ни на что, вера нашего народа в Сталина остается непоколебимой... Мне хотелось бы только надеяться на то, что если СССР будет предпринимать какие-либо действия в отношении Японии, то это не будет тайной для нас». В завершение встречи советский посол подчеркнул, что помощь СССР Китаю не прекращается.

Направляя в Китай военных советников, советское руководство ориентировало их следующим образом: советские работники должны оказывать Китаю не только советническую и другие формы помощи на фронтах войны с Японией, но и участвовать в предотвращении или урегулировании возможных военных конфликтов между войсками Гоминьдана и КПК. Первый серьезный конфликт между подразделениями НРА и военными силами, контролируемыми КПК, возник в конце 1939 г. (в пров. Шаньси). После получения первых известий о конфликте советское руководство приняло решение сократить поставки в Китай оружия и других материалов, а также информировать об этом китайское правительство. К концу 1939 г., в самый разгар конфликта, военные поставки из СССР были приостановлены. По поручению Советского правительства советский полпред в КР сообщил Чан Кайши, что поставки возобновятся после прекращения воен-

ных действий НРА против войск КПК и урегулирования конфликта мирным путем. Опасность возобновления гражданской войны в стране тогда была предотвращена.

Конфликтные ситуации неоднократно возникали и позднее. Инициативы СССР по их урегулированию нередко вызывали обострение отношений между Москвой и китайским Центральным правительством. Начиная с 1940 г. обострение отношений между Гоминьданом и КПК приобрело характер устойчивой тенденции, участились вооруженные столкновения между НРА и вооруженными силами КПК в зоне военных действий против Японии. Советские военные советники, находившиеся на фронтах, оказались в весьма сложном положении. Нередко зачинщиками конфликтов выступали коммунисты. Советские советники, следуя указаниям из Москвы, не должны были допустить разгрома частей КПК. Гоминьдановское правительство, не согласное с политикой «заступничества» за КПК со стороны советских советников, приняло решение удалить их из зон соприкосновения воинских частей Гоминьдана и КПК и использовать далее на работе в военных училищах, готовивших офицерские кадры. Советское правительство не согласилось с таким решением.

Стремительное развитие международных событий – подписание договора о ненападении между Германией и СССР 23 августа 1939 г., начало Второй мировой войны в Европе, подписание советско-японского пакта о нейтралитете – усложнило положение и СССР, и КР. В этой сложной международной обстановке, как писал И.В.Сталин Чан Кайши 16 октября 1940 г., важнейшее значение для Китая имеют усиление национальной армии и сохранение политического единства в стране.

При всех отклонениях от политики укрепления внутреннего единства равновесие политических сил внутри страны в целом сохранялось. В январе 1941 г. правительственные войска разгромили штабную колонну 4-й армии КПК. На заседании правительства Чан Кайши заявил, что конфликт имеет чисто военный характер и не связан с взаимоотношениями двух партий. После вмешательства Москвы конфликт был урегулирован. В письме И.В.Сталину 2 февраля 1941 г. Чан Кайши писал: «Я лично уверен, что наша страна, в течение 3,5 лет ведущая войну против Японии, до настоящего времени сохранила свою силу… В этом деле помощь, оказанная СССР, действительно является огромной». Чан Кайши выразил поддержку СССР в связи с агрессией фашистской Германии в телеграмме Сталину от 21 июля 1941 г., в которой от имени армии и народа Китая передавал ему горячий привет и пожелание полной победы в войне с Германией.

В то время как советско-китайские отношения продолжали развиваться в конструктивном ключе, хотя период активного взаимодействия закончился (в связи с началом Второй мировой войны и Великой отечественной войны, а также возросшей угрозы СССР со стороны Японии), столкновения между воинскими частями КПК и Гоминьдана не прекращались. Они неизбежно проецировались в той или иной мере на советско-китайские отношения. В середине 1943 г. Москва приняла в одностороннем порядке решение отозвать всех своих военных совет-

ников из Китая, мотивируя это решение тем, что специалисты нужны на советско-германском фронте. Правительство КР не раз обращалось к СССР с просьбой отменить это решение или прислать замену отзываемым советникам, однако просьбы оставались без ответа. К концу 1943 г. советские военные советники покинули Китай.

СССР и его союзники опасались, что в Китае вновь может вспыхнуть гражданская война. В данной ситуации в 1943 г. впервые в истории Второй мировой войны советская и американская дипломатия в Китае одновременно приняли меры с целью погасить разгоравшийся конфликт между Гоминьданом и КПК, чреватый ослаблением Китая и его капитуляцией перед Японией. Взаимодействие советской и американской дипломатии на данном направлении сохранялось до окончания войны на Дальнем Востоке.

Хотя между СССР и Китаем время от времени возникали трения и разногласия, в целом на протяжении всего периода китайско-японской войны отношения между СССР и КР носили конструктивный характер.

СССР и Синьцзян

С первой половины 30-х годов Советский Союз следовал курсом на развитие отношений с пограничной китайской пров. Синьцзян. Одновременно, пользуясь доверительными отношениями с генерал-губернатором Синьцзяна Шэн Шицаем, советское руководство добивалось укрепления связей пров. Синьцзян с правительством КР, необходимых в сложной международной и внутриполитической обстановке в Китае. В начале Антияпонской войны Синьцзян стал важнейшей транспортной артерией, по которой в 1937–1940 гг. Советский Союз направлял военную и военно-техническую помощь Китаю.

В начале 40-х годов в многонациональном Синьцзяне произошел очередной этнический конфликт, что в конечном итоге обострило советско-китайские отношения и привело к временному разрыву торгово-экономических связей провинции с СССР. В результате из многочисленных советско-китайских совместных предприятий, созданных в 1937–1941 гг., в начале 40-х годов функционировала только авиакомпания «Хами-Ата». Между тем летом и осенью 1941 г., даже в условиях начавшейся войны СССР с Германией, продолжались советские военные поставки через Синьцзян во внутренние регионы Китая, а Синьцзян внес в фонд помощи СССР 1 млн. синьцзянских долларов; к началу 40-х годов провинция оказалась в полной экономической зависимости от Советского Союза. Вместе с тем Синьцзян попал под сильное политическое влияние СССР и китайских коммунистов, которые уже в середине 30-х годов занимали свыше 200 постов в различных административно-управленческих структурах провинции.

После начала Великой Отечественной войны правительство Китая решило, что наступило время для укрепления в провинции власти Центра. Шэн Шицай расценил действия чунцинских властей как акт недоверия к нему лично и для

собственной реабилитации перед властью чунцинского центра принял меры к свертыванию контактов с СССР. 12 апреля 1942 г. он произвел массовые аресты сторонников дружественных отношений с СССР и китайских коммунистов, работавших в провинции. Когда эти события еще не приобрели необратимого характера, советское правительство направило в Синьцзян заместителя наркома иностранных дел В.Г. Деканозова для переговоров с синьцзянской администрацией о стабилизации советско-китайских отношений. Посол Китая в СССР Шао Лицзы не был поставлен в известность о визите высокопоставленного советского чиновника в китайскую пров. Синьцзян, и китайское правительство решило отозвать Шао Лицзы из СССР.

5 октября 1942 г. Шэн Шицай потребовал от советского генерального консула Г.М.Пушкина в течение трех месяцев отозвать всех советских специалистов из провинции, демонтировать оборудование на советско-китайских совместных предприятиях. В ответ на антисоветские и антикоммунистические действия синьцзянских властей Советский Союз в одностороннем порядке прекратил деятельность советско-синьцзянских совместных предприятий, демонтировал и вывез принадлежавшее Советскому государству оборудование, прекратил торгово-экономические связи с провинцией. Данный эпизод в истории советско-китайских отношений в пров. Синьцзян был следствием главным образом неурегулированности взаимоотношений китайского Центра и синьцзянского губернатора. На отношения между СССР и Китаем он не оказал существенного влияния.

Благодаря победам Красной армии над германскими войсками, к началу 1943 г. военно-политическое положение СССР укрепилось. Расчеты некоторой части китайского общества на поражение СССР в войне не оправдались. Правительство Чан Кайши, заинтересованное в советско-китайском сотрудничестве в Синьцзяне, начало переговоры с СССР о возобновлении через Синьцзян поставок советской военной техники, при условии, что все контакты с китайской стороны должны контролироваться Центральным правительством. Советское руководство с пониманием отнеслось к инициативам правительства КР, но тем не менее в Москве приняли решение о свертывании контактов на синьцзянском направлении. Военные грузы Китаю из СССР продолжали направляться, но теперь уже через Иран и советские среднеазиатские республики. При этом, хотя у СССР в условиях Отечественной войны потребности в горючем значительно возросли, его поставки в Китай продолжались.

19 января 1945 г. в ходе подготовки визита Сун Цзывэня в Москву китайское руководство вернулось к вопросу о возобновлении советско-китайской торговли в Синьцзяне и развитии экономического сотрудничества провинции с СССР. Между тем военно-политическая и экономическая ситуация в провинции была нестабильной. В многонациональном Синьцзяне периодически вспыхивали восстания антикитайской направленности. Провозглашение в ноябре 1944 г. Восточно-Туркестанской республики (ВТР) усилило позиции уйгуров и казахов, обострило напряженность между Синьцзяном и центральной властью. Восста-

ние в Илийском округе (1944 г.) распространилось в 1945 г. на Тарбагатайский округ Синьцзяна, партизанские отряды казахов Южного Алтая, выступавшие против гоминьдановских властей, слились с Национальной армией ВТР. Национальное правительство без помощи СССР было не в состоянии урегулировать военно-политическую обстановку в Синьцзяне.

19 января Сун Цзывэнь передал посольству СССР в Чунцине предложения китайского правительства о китайско-советской торговле и экономическом сотрудничестве в пров. Синьцзян. Предложения сводились к следующим позициям: торговое сотрудничество основано на принципах равноправия, взаимного благоприятствования, взаимного уважения суверенитета; синьцзянские товары должны поставляться Синьцзянской торговой компанией, а советские товары – урумчинским отделением торгпредства СССР в Китае, при этом торговля ведется в бартерной форме или при расчетах на доллары США; списки товаров, критерии товарообмена и курс доллара США определяются обеими сторонами; добычу вольфрамовых и оловянных руд в Синьцзяне производит после достижения соглашения между обеими сторонами китайско-советская Смешанная компания, капитал которой составляют 50% взносы сторон, главой компании является представитель китайской стороны, помощником – советский представитель; технический аппарат возглавляет представитель советской стороны, его помощник – представитель китайской стороны; нефтепромыслы в Душаньцзы управляются в соответствии с советско-китайским договором от 16 февраля 1940 г.; китайская сторона готова продавать советской стороне часть добытой нефти; сотрудничество в области легкой промышленности должно быть налажено в надлежащее время путем согласования позиций обеих сторон.

Китайская Республика и Советский Союз в 1939—1945 гг.

В ходе Второй мировой войны китайская сторона активизировала попытки возобновить с СССР контакты на высшем уровне. Предоставление Китаю статуса великой державы и члена «большой четверки» обеспечило КР участие в международных встречах на высшем уровне. Одним из важнейших вопросов международных отношений был вопрос послевоенного устройства мира, который начал обсуждаться еще в ходе визитов Э.Идена в Москву (1941 г.) и В.М.Молотова в Великобританию и США (1942 г.).

Хотя китайские вооруженные силы не принимали участия в боевых действиях антигитлеровской коалиции, в последний день проведения Московской конференции министров иностранных дел СССР, США и Великобритании (19–30 октября 1943 г.) в зал заседаний пригласили китайского посла в Москве Фу Бинчана, который поставил подпись под совместной Декларацией всеобщей безопасности. Декларация зафиксировала решимость СССР, США, Великобритании и присоединившегося к ним Китая продолжать войну против стран «оси»

Московская кофереция министров иностранных дел СССР, США и Великобритании. В центре – В.М.Молотов

до полного их разгрома и безоговорочной капитуляции, причем в вопросах капитуляции и разоружения противников они обязались действовать совместно. Декларация провозглашала «необходимость учреждения всеобщей международной организации для поддержания международного мира и безопасности».

С конца 1944 г., в обстановке непрерывного наступления Красной армии, в Москве началась подготовка к визиту министра иностранных дел КР Сун Цзывэня. По заданию советского руководства 1-й Дальневосточный отдел НКИД СССР подготовил докладную записку о предполагаемом пакете предложений китайской стороны на советско-китайских переговорах. 5 января 1945 г. помощник заведующего Отделом А.И.Савельев в записке С.А.Лозовскому писал, что для обсуждения Китай предложит вопросы: заключения договора о ненападении сроком на 10–20 лет, военное сотрудничество Китая с СССР, в том числе в сферах покупки оружия и боеприпасов и транзита китайских военных грузов через территорию СССР; кроме того, на обсуждение будут поставлены проблемы Синьцзяна (участие СССР в разработке полезных ископаемых на северо-западе Китая, строительство авиазавода, покупка оборудования для нефтекомбината, работа авиакомпании «Хами-Ата», возобновление торговли между Синьцзяном и СССР).

По информации службы госбезопасности СССР, находившийся в США Кун Сянси имел поручение от китайского правительства, среди прочего, обсудить в Москве возможность возвращения Китаю территории МНР, а также восстановления реального суверенитета КР над Тибетом, передачу КР Гонконга/Сянгана. Проблему возвращения «утраченных» территорий Чан Кайши неоднократно поднимал в ходе контактов с Ф.Рузвельтом, но не со Сталиным. Китайское правительство не исключало, что территориальные проблемы послевоенного Китая американская администрация предварительно обсудит с СССР.

4–11 февраля 1945 г. в Ливадийском дворце в Крыму состоялась вторая встреча глав правительств трех великих держав антигитлеровской коалиции. На Ялтинской конференции детально рассмотрели положение на фронтах и отдельные военные операции против Германии. Вся работа конференции протекала под знаком неизмеримо возросшего международного авторитета Советского Союза. Китайское руководство было обеспокоено тем обстоятельством, что его своевременно не известили о встрече в Крыму и об обсуждавшихся на конференции проблемах войны и мира. 26 февраля советское посольство в Чунцине посетил специальный представитель Чан Кайши – его сын Цзян Цзинго. Цель этого визита состояла в получении подробной информации о принятых в Ялте решениях, в том числе по дальневосточным проблемам. Поверенный в делах СССР в Китае отвечал на вопросы уклончиво. Цзян Цзинго в предварительном порядке изложил концепцию послевоенного экономического возрождения Китая. В планах КР Советскому Союзу отводилась важная роль. Советское посольство расценило посещение Цзян Цзинго как событие, направленное на создание благоприятной обстановки в ходе предстоявших советско-китайских переговоров.

Соглашение трех великих держав по международным проблемам, связанным с Китаем, было принято в Ялте без участия представителей Китая. В известной степени это объяснялось уровнем доверия китайского правительства к США и президенту США, на которого гоминьдановское правительство начиная с 1943 г. стремилось возложить роль посредника в китайско-советских отношениях. США, со своей стороны, неоднократно заверяли Китай, что «не сделают ничего, что могло бы повредить интересам Китая». Такая внешнеполитическая линия правительства Китая устраивала в 1943–1945 гг. и советское руководство, поглощенное войной с Германией и озабоченное японской угрозой на дальневосточных рубежах. В тот период в силу внутренних и внешних обстоятельств СССР не был готов к диалогу с Чан Кайши. Что касается США, то в реализации Ялтинского соглашения И.В.Сталин рассчитывал на поддержку США, активного игрока в системе международных отношений на Дальнем Востоке.

Принятое на Ялтинской конференции и зафиксированное в соглашении обязательство СССР объявить войну Японии три месяца спустя после капитуляции Германии, по настоянию И.В.Сталина, должно было храниться в строжайшей тайне. По предложению И.В.Сталина, только в середине июня Чан Кайши следовало официально ознакомить с Ялтинскими договоренностями по комплексу дальневосточных проблем.

Принятое в Ялте решение о вступлении СССР в войну против Японии оговаривалось рядом условий. Во-первых, «сохранением статус-кво Внешней Монголии» (МНР). Во-вторых, восстановлением принадлежащих России прав, нарушенных вероломным нападением Японии в 1904 г., т.е. возвращением СССР южной части о. Сахалин и всех прилегающих к ней островов; интернационализацией торгового порта Дайрен (Далянь) при обеспечении преимущественных

интересов СССР в этом порту и восстановлением аренды военно-морской базы Порт-Артура (Люйшуня); совместной эксплуатацией КВЖД и ЮМЖД смешанным советско-китайским обществом при обеспечении преимущественных интересов СССР. При этом имелось в виду, что Китай сохраняет свой полный суверенитет над Маньчжурией; предусматривалась передача Советскому Союзу Курильских островов.

Предполагалось, что для реализации соглашения по Внешней Монголии, портам и железным дорогам в Маньчжурии потребуется согласие Чан Кайши. По просьбе И.В.Сталина президент США обязался принять меры к получению такого согласия.

Со своей стороны, Советский Союз выразил готовность заключить с китайским правительством договор о дружбе и союзе между СССР и Китаем для оказания ему помощи своими вооруженными силами в освобождении Китая от японского ига. Ялтинское соглашение не предусматривало возвращение Китаю Внешней Монголии и Гонконга/Сянгана, но учитывало значительную часть положений внешнеполитической программы китайского правительства. Советское руководство вполне обоснованно предполагало, что вопросы о МНР, а также о советском присутствии в Маньчжурии явятся трудно решаемыми проблемами на советско-китайских переговорах.

Советско-американский обмен мнениями по проблемам был продолжен в Москве в мае, а затем в Потсдаме, по инициативе нового президента США Г.Трумэна. В конце мая он направил для переговоров с И.В.Сталиным специального посла и государственного деятеля США Г.Гопкинса, пользовавшегося доверием И.В. Сталина. 28 мая И.В.Сталин сообщил Г.Гопкинсу, что решил принять в Москве министра иностранных дел Китая Сун Цзывэня не позднее 1 июля 1945 г. для обсуждения условий Ялтинского соглашения. Эту информацию Сун Цзывэнь получил в Сан-Франциско, где он участвовал в международной конференции. Спустя некоторое время Г.Трумэн в Вашингтоне в общих чертах уведомил китайского министра иностранных дел о Ялтинских решениях. Эта информация немедленно была направлена Чан Кайши в Чунцин.

Переговоры о заключении советско-китайского договора, предусмотренного Ялтинской конференцией, продолжались полтора месяца (30 июня – 14 августа 1945 г.). Китайскую делегацию на переговорах в Москве возглавлял Сун Цзывэнь. Основные параметры договора были предварительно согласованы с американской администрацией. Советскую делегацию на переговорах возглавлял И.В.Сталин, что подчеркивало значимость переговоров и советско-китайских отношений в целом. Впоследствии Цзян Цзинго в книге «Мой отец», опубликованной в Тайбэе в 1975 г., писал, что «США хотели, чтобы СССР вступил в войну с Японией с целью ее скорейшего завершения, поэтому в феврале 1945 г. Рузвельт и Сталин подписали Ялтинское соглашение. В то время, чтобы изгнать из пределов наших границ сильного противника – Японию, мы пошли на компромисс, вступили в соответствии с Ялтинским соглашением в переговоры с советским правительством и заключили китайско-советский договор».

Прибытие китайской делегации в Москву для подписания Договора о дружбе и сотрудничестве. В центре – В.М.Молотов. Справа налево: посол КР в Москве Фу Бинчан, министр иностранных дел КР Ван Шицзе, председатель Исполнительного юаня Сун Цзывэнь

Советско-китайские переговоры в Москве носили сложный характер. Наиболее категорично китайская сторона возражала против признания независимости Внешней Монголии (МНР). Завершение переговоров подписанием 14 августа 1945 г. советско-китайского Договора о дружбе и сотрудничестве укрепляло конструктивный характер отношений между СССР и КР. Согласно Договору, стороны обязались вести войну против Японии до полной победы, не заключать каких-либо союзов и не принимать участия в какой-либо коалиции, направленной против другой стороны. Обе стороны обязались уважать суверенитет и территориальную целостность друг друга, не вмешиваться во внутренние дела.

Одновременно были подписаны Соглашение о Китайской Чанчуньской железной дороге (КЧЖД, бывшая ЮМЖД) как совместно управляемой в течение 30 лет общей собственности обеих стран, об использовании обеими сторонами военно-морской базы в Порт-Артуре, закрытой для судов других государств, и об объявлении Дальнего (Даляня) открытым торговым портом под совместным управлением обеих сторон. Советское правительство обязалось в течение трех месяцев после капитуляции Японии вывести свои войска из северо-восточных провинций Китая (Маньчжурия), за исключением Порт-Артура и Дальнего. Состоялся также обмен нотами между министрами иностранных дел СССР и Китая о признании Китаем независимости Монгольской Народной Республики.

По советско-китайскому договору, китайская сторона признавала МНР в случае, если на референдуме монгольский народ выскажется за независимость. Учитывая многолетнее независимое существование МНР, референдум был про-

В.М.Молотов в присутствии И.В.Сталина подписывает советско-китайский Договор о дружбе и сотрудничестве. 14 августа 1945 г.

стой формальностью. Таким образом, советско-китайский договор «легализовывал» МНР, обеспечил ее международное признание.

Не дожидаясь завершения советско-китайских переговоров, 8 августа 1945 г., т.е. на следующий день после начала второго раунда переговоров, Советский Союз объявил войну Японии. 9 августа советские войска в составе трех фронтов общей численностью свыше 1 млн. человек перешли в наступление на японские позиции в Маньчжурии, где им противостояли отборные части Квантунской армии, располагавшие мощной системой долговременной обороны. Именно в Маньчжурии велись самые ожесточенные бои с японцами. 17 августа главнокомандующий Квантунской армии генерал Ямада Отодзо обратился к маршалу А.М.Василевскому с предложением начать переговоры о прекращении военных действий. Одновременно Ямада Отодзо уведомил советское командование, что он отдал приказ Квантунской армии немедленно прекратить военные действия и сдать оружие. Однако на отдельных участках бои продолжались. В связи с этим советское командование направило командованию японской армии требование прекратить сопротивление на всем фронте к 12.00 20 августа и сдать оружие. Вступление Советского Союза в войну на Дальнем Востоке значительно ускорило окончание войны с Японией. При ином повороте событий война могла бы растянуться на неопределенно длительное время.

Хотя между СССР и Китаем в ходе войны Сопротивления Японии возникали время от времени разногласия и трения, в целом советско-китайские отношения в тот период носили конструктивный характер, став важной составной частью системы международных отношений как на Дальнем Востоке, так и в мировом масштабе. Уже на начальном этапе Антияпонской войны они явили пример для прочих держав, изменивших свои позиции по отношению к Китаю лишь с началом войны на Тихом океане.

Взаимосвязь политики СССР по отношению к Китаю и факторов внутреннего развития этой страны способствовала укреплению внутренней стабильности – необходимого условия сопротивления Китая японскому агрессору, исключившего возможность капитуляции перед Японией.

В годы Второй мировой войны страны антифашистской коалиции накопили опыт совместных действий, стремились в области внешней политики соблюдать принципы международного права. Согласно Договору о дружбе и союзе между СССР и Китаем от 14 августа 1945 г., СССР взял на себя обязательство по всем вопросам советско-китайских отношений иметь дело только с Центральным правительством КР как единственным законным правительством Китайской Республики. Правительство КР рассматривало это положение как отказ Москвы от оказания помощи КПК в ее борьбе с Гоминьданом.

Завершение военных действий на Дальнем Востоке, эволюция гоминьдановского режима к концу войны и новый облик КПК, связанный с повышением ее авторитета в стране, укреплением ее военно-политических позиций и военным строительством, рост национального самосознания формировали новую расстановку сил внутри страны и в системе международных отношений на Дальнем Востоке.

Глава 4
Внутриполитическая и экономическая ситуация

Агрессия империалистической Японии в Китае и последующая восьмилетняя оккупация значительной части территории страны коренным образом изменили положение и власти, и народа. Эвакуация в тыл значительных масс населения, постоянная передислокация войск, слом системы административного контроля и нарушение устоявшихся механизмов экономического регулирования ставили перед властями задачу реорганизации управления и повышения эффективности военно-административного аппарата.

Японская оккупация усилила хронический страх населения перед хаосом войны, который Китай пережил в эпоху правления милитаристов в 1912–1920 гг. и в период гражданской войны конца 20-х – 30-х годов. Для гоминьдановского режима, потерявшего к осени 1938 г. свою основную территориальную базу на востоке и юго-востоке страны, отступление в глубь Китая знаменовало переход к новой политике, направленной на создание прочного тыла для борьбы с японской агрессией.

Социально-экономические перемены в Китае в первые годы войны. Усиление государственного вмешательства в экономику

Разрушение производственной базы и изменения в экономической жизни первых лет войны повлекли за собой глубокие социальные потрясения и в оккупированных провинциях, и на территориях, подконтрольных Национальному правительству. Отступление китайских войск и сворачивание экономической активности в городах в 1937–1938 гг. сопровождались усилением давления на деревню – крестьян насильственно рекрутировали в солдаты, заставляли исполнять работы для нужд армии, реквизировали у них движимое имущество и скот. В оккупированных районах Северного Китая крестьянские хозяйства переориентировались на выращивание преимущественно зерновых, отказываясь от товарных культур и сужая и без того локально ориентированную рыночную аграрную экономику. Несмотря на тяготы войны и неблагоприятные погодные условия в 1939 г., деревенские хозяйства оккупированных районов к 1941–1942 гг. восстановили в целом довоенный уровень продуктивности, однако недостаток рабочих рук в деревне, «зачистки», проводимые японскими военными властями, и конфискации после 1942 г. препятствовали стабильному развитию.

Вторжение японских войск на территорию Китая стало проверкой способности власти не только дать отпор внешнему вмешательству, но и справиться с реорганизацией системы управления миграционным процессом и вынужденной эвакуацией части населения в глубь территории страны в 1938–1939 гг.

Уже в ходе боев за Шанхай и Нанкин Национальное правительство убеждало население, что отступление на запад вслед за правительством является частью политики активного сопротивления. Чан Кайши расценивал политику отступления как «подходящий метод ведения Антияпонской войны», как элемент стратегии, направленной на использование географического фактора как стратегического преимущества Китая. Пропагандистская кампания в некоторой степени вдохновляла часть интеллигенции, многие представители которой расценивали перемещение столицы из Нанкина в Ухань, а затем в Чунцин как признак решимости центральной власти не идти на унизительную капитуляцию и продолжать сопротивление оккупантам.

Создававшаяся Гоминьданом в нанкинский период промышленная производственная база была сконцентрирована в пяти провинциях Центрального и Восточного Китая (Хэбэй, Шаньдун, Цзянсу, Чжэцзян, Фуцзянь) и четырех крупнейших городах восточной части страны (Шанхай, Тяньцзинь, Вэйхайвэй, Циндао). Индустриальный потенциал этой базы составлял в 1937 г. 76% общего индустриального потенциала страны, число предприятий достигало 4 тыс. (с механизированной базой и числом рабочих более 30 человек). К началу войны только в низовьях Янцзы, в районе Цзянсу–Чжэцзян–Шанхай, функционировало

2336 предприятий, т.е. 56% всех предприятий Китая, причем 1235 из них располагались в Шанхае.

В августе 1937 г. Национальное правительство приступило к эвакуации авиационных заводов и арсеналов из Нанкина, Ухани, а также из провинций Гуандун и Гуанси. Предполагалось, что эвакуация предприятий должна сначала производиться в провинции Хунань и Цзянси, а затем – в провинциях Сычуань, Юньнань, Гуйчжоу, Шэньси, Ганьсу, Хунань, Гуанси. В довоенный период рассматриваемые регионы Юго-Запада развивались довольно автономно, промышленный капитал восточных провинций практически не проникал в глубь континента, и только усилия местных милитаристов обеспечили к 1937 г. работу небольшого числа мелких предприятий в Юньнани, Сычуани, Гуанси и Гуйчжоу.

Отправка одежды на фронт

Призывы правительства к эвакуации, адресованные частным предпринимателям, были подкреплены выделением средств из бюджета Национального комитета по ресурсам, предназначенного для вывоза оборудования предприятий Шанхая, откуда со 146 заводов эвакуировали 15 тыс. тонн оборудования вместе с 2 тыс. работников. Конечным пунктом назначения оборудования стали поселки провинций Гуанси, Хунань и Шэньси. Из 639 промышленных предприятий, эвакуированных в тыл, почти треть оборудования принадлежала металлургическим предприятиям, значительное место занимало также оборудование текстильных фабрик.

Однако, несмотря на обещания властей предоставить бесплатные участки под застройку, обеспечить дешевые кредиты и гарантировать 5–10%-ную прибыль с перемещенных предприятий на протяжении 5–7 лет, далеко не все предприниматели откликнулись на призывы правительства. В стране отсутствовала сколько-нибудь развитая инфраструктура помимо традиционных речных и морских путей. Поэтому глубинные провинции Китая находились в изоляции. Для транспортировки грузов по Янцзы было налажено паромное сообщение под контролем известного сычуаньского предпринимателя Лу Цзофу, который владел транспортной компанией «Миньшэн» и занял должность заместителя министра коммуникаций в Центральном правительстве. К концу 1938 г. Лу Цзофу организовал транспортировку около 200 тыс. т оборудования и материалов и помог перевезти около 1,5 млн. военнослужащих и беженцев в Чунцин и в ряд уездов Сычуани, потеряв при этом под японскими бомбежками 16 паромов и около 200 работников.

Несмотря на усилия властей и патриотически настроенных представителей деловых кругов, промышленный потенциал неоккупированного Китая оставался незначительным. Даже после перевозки в Сычуань более 100 тыс. т оборудования весь ее промышленный потенциал приблизительно соответствовал одному крупному заводу в Маньчжурии. За первые 3,5 года войны было вывезено в тыл более 700 тыс. т оборудования и около 12 тыс. промышленных рабочих, и в 1940 г. 70% этих предприятий уже работало на новых местах. Масштабы и мощность большинства предприятий были незначительными. Небольшие мастерские, основанные на ручном производстве, с 3–5 рабочими, преобладали в химической, текстильной, сталеплавильной, пищевой промышленности. В итоге, например, к 1943 г. в Китае объем промышленной продукции не превышал 12% довоенного уровня национального производства.

Промышленные предприятия были размещены неравномерно. Так, в 1940 г. 254 предприятия находились в Сычуани, 121 – в Хунани, 27 – в Шэньси, 23 – в Гуанси и еще 23 – в остальных провинциях гоминьдановского тыла. В течение восьми лет войны только в Чунцине было сконцентрировано более 28% промышленных и горнорудных предприятий неоккупированного Китая. В конце 1943 г. 26 сталеплавильных предприятий города давали 80% всего объема стального проката, производившегося на контролируемых Гоминьданом территориях.

Эвакуация Национального правительства на Юго-Запад сопровождалась также перебазированием части финансовых учреждений в новые районы. Если в начале войны на территории восьми тыловых провинций (Сычуань, Юньнань, Гуйчжоу, Хунань, Шэньси, Ганьсу, Нинся, Цинхай), а также в Чунцине функционировало чуть более 250 банковских и кредитных учреждений всех типов, то к августу 1945 г. число только государственных банков на данной территории достигло 632.

«Промышленная миграция» способствовала не только перемещению части механизированной производственной базы в аграрные районы, но и приходу в тыловые провинции тысяч представителей предпринимательской прослойки, квалифицированных рабочих и интеллигенции. По некоторым данным, общая численность работников промышленных предприятий, перемещенных на Юго-Запад, достигала 40 тыс. Важное значение имела эвакуация высших учебных заведений. Лу Цзофу приказал предоставлять 50%-ную скидку на билеты студентам и преподавателям, желавшим переехать в Сычуань. Из функционировавших в 1937 г. 108 университетов $^1/_3$ переехала с севера в юго-западные районы, причем некоторые университеты были вынуждены менять свое месторасположение более трех раз. В результате в Сычуани в годы войны оказалось 37 университетов, в Хунани – 12, Юньнани – 10, Шэньси – 7, в Гуйчжоу – 10. К концу войны в 141 университете страны обучалось более 80 тыс. студентов, что вдвое больше довоенного показателя.

Миграция населения в тыловые провинции, подконтрольные Гоминьдану, достигала 10–14 млн. человек в год. Известный социолог военного времени Чэнь Да определял численность беженцев в 30 млн. человек, а с учетом незарегистри-

рованных переселенцев – в 45 млн. Эти цифры соответствовали ситуации активной фазы войны. В течение всего военного периода, по данным Ци Сишэна, численность мигрантов составила 95 млн. человек.

Рост потока беженцев из сельских районов увеличивался по мере подавления японскими карателями партизанского движения в Северном и Центральном Китае. Часть беженцев мигрировала на территории, контролируемые КПК. Большинство вынужденных мигрантов старалось поскорее вернуться в места постоянного проживания, сравнительно быстро восстанавливая местные сообщества. Так, буквально в течение 6 месяцев после расправы японцев над жителями Нанкина в декабре 1937 г. («нанкинская резня») значительное число городских жителей вернулось в город.

Мигранты из восточных провинций страны расселялись на огромных территориях тыла с традиционным аграрным хозяйством. Крестьяне северного Гуандуна, Гуанси, Юньнани, Хунани, Гуйчжоу и Сычуани давали четвертую часть зерновых, производимых в стране. В самой густонаселенной пров. Сычуань производительно использовались 96% сельскохозяйственных угодий.

Миграция значительных масс городского населения в юго-западные провинции страны также вызвала повышенный спрос на нетрадиционные для аграрных хозяйств Сычуани и Юньнани продукты – свинину, яйца, мукомольные изделия, овощи и фрукты. Переориентация многих хозяйств Сычуани на производство этих дорогостоящих продуктов уменьшила земельный массив, используемый для выращивания зерновых. Этот фактор сыграл определенную роль в нарастании дефицита зерновых, сокрытии урожая и спекуляциях на рынке в 1939–1942 гг.

Далеко идущие последствия для аграрного хозяйства в неоккупированных районах аграрной периферии имели такие мероприятия, как кампании по набору в армию, вовлечению населения в промышленную деятельность в городах и строительство дорог и укреплений. Они порождали дефицит рабочих рук в деревне и повышали их стоимость. К 1943 г. был достигнут верхний предел производительности труда в сельском хозяйстве.

Потери экономики Китая вследствие японской оккупации по отраслям составили: в текстильной промышленности – 60% веретен, 72% станков, мукомольного производства – 80% объема, в производстве спичек – 53%, шелка – 50%, в машиностроении – 83%. Были утрачены основные районы добычи соли Шаньси, Суйюань, Тяньцзинь (Чанлу). Перебазирование на Юго-Запад лишало гоминьдановский режим основных источников финансовых поступлений, традиционных для нанкинского периода; по сравнению с 1937 финансовым годом поступления от таможенных сборов, соляного сбора и акцизов уменьшились во второй половине 1938 г. в 3,5 раза, в пять раз и в два раза соответственно.

Несмотря на трудности, в течение первых двух-трех лет войны денежная система в целом функционировала исправно, инфляцию удалось сдержать. Заметную роль в этом сыграло сохранение в 1937–1938 гг. сравнительно низких цен на зерновые и другую продукцию сельскохозяйственного производства вследствие благоприятных урожаев в районах «большого тыла». Последующее умень-

шение финансовых поступлений заставляло гоминьдановских лидеров в срочном порядке разрабатывать стратегию подчинения сельской периферии.

Определенную роль в финансовом обеспечении войны Сопротивления играла внешняя финансовая поддержка. Чан Кайши возлагал огромные надежды на западные страны, однако первые шаги Запада по оказанию материальной помощи были сделаны только через полтора года после начала войны. Первым на помощь Китаю пришел СССР. В 1938 г. СССР и КР подписали два соглашения о предоставлении Китаю кредитов по 50 млн. долл. США для закупки вооружения в СССР по льготным ценам, т.е. на 20% ниже уровня цен мирового рынка. 13 июня 1939 г. было заключено соглашение между двумя сторонами о предоставлении Китаю третьего кредита на 150 млн. долл. США. В начале сентября 1937 г. Москва начала предоставлять военную помощь, в рамках которой к 1939 г. в Китай было поставлено около 1 тыс. самолетов, значительное количество артиллерийских орудий, стрелкового вооружения на сумму до 250 млн. долл. США. Кроме того, в Китай были направлены около 2 тыс. летчиков-добровольцев и авиаспециалистов, а также около 500 военных советников, которые участвовали в операциях против японских войск вплоть до нападения Германии на Советский Союз в 1941 г. Во время Антияпонской войны в Китае пали смертью храбрых 236 советских летчиков-добровольцев и авиатехников, в том числе Г.А.Кулишенко и командир эскадрильи истребителей А.С.Рахманов.

Западные державы ограничивались приобретением в Китае серебра для поддержания покупательной способности китайского юаня и лишь в декабре 1938 г. предоставили Китаю невоенный кредит на сумму, не превышавшую 30 млн. долл. США. В 1940–1941 гг. США стали увеличивать помощь Китаю, однако только в 1942 г. США сравнялись с СССР по объему предоставленных кредитов. Причем, даже включив Китай в программу ленд-лиза, США выделяли Национальному правительству ничтожно малые объемы помощи: 1,5% от общего объема поставок по ленд-лизу в 1941–1942 гг. и только 0,5% – в 1943–1944 гг. Это вызывало в Китае разочарование и возмущение.

Расстановка сил в Гоминьдане и правительстве. Чрезвычайный съезд Гоминьдана: выработка национальной политики «сопротивления и реконструкции»

Потеря Национальным правительством в течение первых лет войны контроля над наиболее развитыми районами определила направленность внутриполитической деятельности партии и характер эволюции государственных институтов. Реорганизация центрального звена управления шла в сложных условиях обострившейся внутриполитической борьбы в Гоминьдане и активной поляризации сил, представленных группировками Сун Цзывэня, Кун Сянси, «СиСи», «политических наук» и военных, что, безусловно, осложняло проведение Централь-

ным правительством единой политики. Противоречия в центральном руководстве страны привели к повышению роли лично Чан Кайши и его секретариата.

Номинально структура высших органов государственной власти в период войны строилась в соответствии с положениями программных документов Гоминьдана времен «нанкинского десятилетия». Они предусматривали систему пяти властей, осуществление «политической опеки» и постепенный переход страны к конституционному правлению на основе выборной снизу доверху власти. Съезды Гоминьдана обладали высшей партийной и государственной властью. Все властные полномочия сосредоточивались в избиравшемся на съезде ЦИК Гоминьдана, который формировал также Постоянный комитет из девяти членов. При Постоянном комитете создавались советы: по истории партии, субсидиям и помощи, партийным финансам, планированию культуры, планированию экономики, планированию местного самоуправления, партийным делам эмигрантов, а также отделы «обучения народа», организационный и секретариат.

Сразу после начала войны было объявлено о временном прекращении деятельности Центрального политического совета (ЦПС), работавшего с 1924 г. и призванного контролировать и направлять деятельность Национального правительства. Его функции были переданы Высшему совету национальной обороны (ВСНО), состоявшему из представителей партийных и государственных органов. Председателем последнего был назначен Ван Цзинвэй, а начальником секретариата Чжан Цюнь. 12 августа 1937 г. Чан Кайши стал верховным главнокомандующим сухопутных, морских и военно-воздушных сил страны, председателем Военного совета. Был также сформирован консультативный орган – Политический совет обороны, куда входили представители всех партий и слоев общества. Его возглавил Ван Цзинвэй.

В январе 1938 г. была утверждена «Программа реорганизации Военного совета», согласно которой Военный совет должен был включать помимо подразделений военного командования также и департаменты тяжелой промышленности, легкой индустрии, торговли, международных связей, гражданской обороны. Практически Военный совет превращался в Ставку, которая обладала всей полнотой исполнительной власти в чрезвычайный период. Секретарем совета являлся лидер группировки «политических наук» Чжан Цюнь. Этому «правительству военного времени» с декабря 1937 г. были подчинены три комитета – Комитет по регулированию промышленности и горного дела, Комитет по регулированию сельского хозяйства, Комитет по регулированию торговли.

Расширение полномочий Военного совета приводило к размыванию функций других органов власти и к неразберихе в их взаимоотношениях. В рамках системы пяти властей происходило повышение роли исполнительной власти. Потребность скорейшего выполнения правительственных программ обусловила рост власти Исполнительного юаня, в компетенцию которого входила и разработка указов и постановлений, что ущемляло функции Законодательного юаня. Исполнительный юань регулировал и кадровый вопрос, что входило в компетенцию Экзаменационного и Контрольного юаней. В Исполнительный юань, воз-

главляемый Чан Кайши, входило десять министерств и три комитета. Исполнительный юань также являлся высшим органом, непосредственно руководившим работой низших уровней управления.

Законодательный юань фактически не обладал законодательной властью, и в 1931–1937 гг. представлял собой институт изучения законодательной деятельности. Экзаменационный юань, призванный, согласно теории Сунь Ятсена, проводить экзамены на чиновничьи должности, а также осуществлять процедуру назначения и смещения чиновников Национального и местных правительств, также не играл сколько-нибудь значительной роли. Набор чиновников, как правило, осуществлялся исключительно по протекции.

Юрисдикция Судебного юаня также была ограничена в условиях войны. Существовала трехступенчатая система судебной власти, причем окончательное решение выносил Верховный суд. Провинциальные суды могли заслушивать апелляции по решениям районных (уездных) судов. В период войны в районах, откуда были эвакуированы местные органы судебной власти, уездные правительства имели право осуществлять судебное разбирательство. Высший контрольный и ревизионный орган – Контрольный юань – состоял из 29–49 членов, назначаемых правительством, председателя и его заместителя (назначаемых ЦИК Гоминьдана). До начала войны в ведении юаня находилась система инспектората 16-ти инспекционных округов. С началом войны функции контроля на практике перешли в ведение Военного совета.

Запутанность и переплетение функций высших органов военного и гражданского управления определяли специфическую роль ВСНО, созданного при нем отдела советников (руководитель Ван Шицзе), личного секретариата Чан Кайши (Чэнь Гофу и Чэнь Булэй), Управления расследований и статистики Военного совета Национального правительства и Управления расследований и статистики ЦИК Гоминьдана. Сосредоточение полноты власти в органах военного контроля не означало перехода абсолютной власти к военным. При относительном равновесии военных и «невоенных» группировок позиции последних в государственном аппарате оставались довольно прочными. Основными участниками политических игр в рамках партийно-государственного аппарата являлись все те же противостоявшие друг другу, с одной стороны, группировка Сун Цзывэня и близкая к ней группировка «политических наук», выдвигавшая лозунг «участие ученых в управлении», и, с другой стороны, партийные функционеры из группировки «СиСи», поддерживавшие министра финансов Кун Сянси. Влияние последнего в значительной мере проявилось в ходе разработки основных программных положений Гоминьдана в 1938 г. В Ухани Кун Сянси на короткий срок занял пост председателя Исполнительного юаня, но, не сумев разрешить противоречия между группировками «политических наук» и «СиСи», уступил этот пост самому Чан Кайши, став его заместителем.

Реорганизация органов исполнительной власти шла в направлении централизации экономического управления. В январе 1938 г. во главе нового министерства экономики встал Вэн Вэньхао (группировка «политических наук»). Мини-

стерство стало изучать наличные ресурсы, состояние сельского хозяйства, промышленности и транспорта, разрабатывать проекты создания промышленных центров: химической промышленности в районе Цзылюцзина (Сычуань), металлургической и текстильной промышленности в районе Чунцина, сахарной и бумажной в районе г. Чэнду, военных заводов в Сычуани, Юньнани, Гуанси, Хунани. Комитет по регулированию промышленности и горного дела перешел в ведение этого министерства и был преобразован в его одноименный отдел. Сельскохозяйственный комитет также был реорганизован в отдел и вошел в структуру Центрального сельскохозяйственного бюро (ЦСБ), возглавлявшегося известным экономистом Хэ Лянем, также связанным с группировкой «политических наук». Торговый комитет вошел на правах отдела в министерство финансов во главе с Кун Сянси.

Усилиями Кун Сянси оба заместителя министра финансов – ставленники Сун Цзывэня Цзоу Линь и Сюй Кань – были переведены на должности председателя комитета по торговле и министра продовольствия соответственно. Новые заместители Кун Сянси – Юй Хунцзюнь и Гу Ицюнь – являлись сторонниками группировки «политических наук». Всеми делами министерства финансов ведал начальник секретариата этого ведомства ставленник Кун Сянси Лу Пэйчжан.

Основным органом хозяйственного контроля стало министерство экономики, находившееся под влиянием группировки «политических наук». Важная роль в реализации политики Центра принадлежала Комитету по ресурсам, созданному в 1935 г. После перевода с марта 1938 г. Комитета по ресурсам в ведение министерства экономики были определены его функции в военный период: создание производств и управление ими в основных отраслях промышленности, развитие важнейших объектов горнодобывающей и электротехнической промышленности.

На работу Комитета оказывала серьезное влияние борьба группировок. С июля 1936 г. финансирование Комитета перешло от Военного совета к министерству финансов. Деятельность комитета, тесно связанного с Сун Цзывэнем, ограничивала стремление Кун Сянси свободно распределять некоторые виды стратегического сырья, и он на некоторое время вообще прекратил финансирование этого органа. И только острая необходимость компенсировать внешние займы правительства поставками сырья на экспорт заставила Кун Сянси пойти на уступки. Напряженными были отношения у руководства Комитета с лидерами партийных группировок, прежде всего «СиСи». Неоднократные попытки Чэнь Гофу и Чэнь Лифу в течение войны организовать систему партотделов в структуре Комитета по ресурсам неизменно наталкивались на решительное сопротивление его председателя Вэн Вэньхао. В успешном противостоянии Комитета мощному натиску со стороны Кун Сянси и сторонников «СиСи» немалую роль играла поддержка Чан Кайши, позицию которого разделяли и военные.

Важными орудиями государственного вмешательства в экономику стали структуры правительственных банков. В самом начале войны гоминьдановское руководство приложило большие усилия для реорганизации системы контроля

над финансово-банковской сферой. Важное место в этих преобразованиях занимала Объединенная канцелярия четырех правительственных банков – Центрального банка, Банка Китая, Банка коммуникаций и Крестьянского банка.

В регулировании аграрного сектора экономики большие надежды возлагались на созданное весной 1936 г. Центральное сельскохозяйственное бюро (ЦСБ). История этого учреждения представляет собой яркий пример противоречивого сосуществования выдвиженцев группировки «политических наук» и Кун Сянси. Основной задачей ЦСБ стала организация единого денежного обращения в деревне, субсидирование торговли и перевозок сельскохозяйственной продукции. В компетенцию Бюро входило также создание кооперативных банков для интенсивного кредитования крестьян через систему кредитных кооперативов. До переезда правительства в Чунцин деятельность ЦСБ ограничивалась провинциями Цзянсу, Чжэцзян, Аньхуэй, Хэнань и была малоэффективна. В 1938 г. Бюро возглавил видный экономист Хэ Лянь. Будучи до 1936 г. директором Института экономики, Хэ Лянь, не без протекции группировки «политических наук», был приглашен на должность начальника административного отдела Исполнительного юаня. Деятельностью Бюро руководило правление в составе 25 представителей акционеров. Правление возглавил Кун Сянси, стремившийся держать под контролем и эту сферу. Для организации широкомасштабного кооперативного движения при министерстве экономики было образовано Всекитайское бюро по управлению кооперативным делом.

Знак Центрального сельскохозяйственного бюро (1936–1941 гг.)

Достигнутая в первые годы китайско-японской войны концентрация власти в Центре еще не означала установления жесткого диктаторского режима ни самого Чан Кайши и военных, ни партийной верхушки. Реальная политика определялась ходом борьбы группировок в гоминьдановском руководстве по вопросам как административного строительства, так и экономической стратегии. Данный фактор играл немаловажную роль в укреплении авторитарных тенденций в Гоминьдане, благоприятствовал попыткам Чан Кайши установить личный контроль над основными рычагами государственной и партийной власти.

Ключевым событием в политической жизни гоминьдановского режима стал Чрезвычайный съезд партии, состоявшийся в Ухани 29 марта – 1 апреля 1938 г. Поражения первых месяцев войны и задачи переустройства социально-экономической жизни на военный лад определили основные программные цели Гоминьдана. Съезд принял модель одновременного ведения войны Сопротивления и «строительства государства».

Программа реконструкции предусматривала проведение экономической политики, в том числе и фискальной, на базе провозглашенного Сунь Ятсеном принципа «народного благосостояния», что включало политику разумного «ограничения капитала» и «уравнения прав на землю». Концентрация власти в ру-

ках государства характеризовалась как необходимое условие выживания страны. Экономическая программа развития неоккупированных провинций Китая предусматривала стимулирование производства и поиск оптимального соотношения государственного и частного капитала. В специальном «Решении об экономике в чрезвычайный период» была сформулирована линия на сбалансированное соотношение различных форм собственности в промышленности.

В ходе съезда в разработке официальной позиции Гоминьдана по вопросу об отношении к частному предпринимательству и о возможности создания смешанной экономики в рамках плановой системы военного времени принимали участие и ученые-экономисты. Изучались различные модели «усиления государства», включая германскую и советскую. При этом предусматривалось поощрение частной промышленности и банков в рамках государственного планирования. Особое внимание уделялось формированию банковской инфраструктуры, с тем чтобы сконцентрировать «рассредоточенные» в обществе капиталы и направить их в производственную сферу. В компетенцию властей включались также вопросы регулирования денежного обращения и валютных ресурсов, введения всеобщей экономии, разработки рациональной политики внутренних и внешних займов.

В дальнейшем, продолжая линию на расширение регулирующих функций государства, V пленум ЦИК Гоминьдана (январь 1939 г.) сосредоточил внимание на создании на неоккупированных территориях единой финансовой системы.

Формирование сильной и эффективной государственной власти съезд признал жизненно важным для решения первоочередных задач военно-экономического строительства. Предполагалось, что партия будет определять внешнюю и военную политику, займется решением проблем внутриполитической консолидации и экономического строительства, руководства массовым движением и просвещением. Гоминьдан отказался признавать созданные японскими захватчиками марионеточные образования на территории Китая, призвал все политические силы в регионах объединиться с Национальным правительством в деле отражения агрессии. Согласно решениям съезда, государство брало на себя заботу о раненых военнослужащих и семьях погибших. Для эффективной работы по мобилизации населения Гоминьдан брал на себя ответственность за военное обучение и подготовку населения к организации местного самоуправления в уездах. Съезд, следуя учению Сунь Ятсена о трех этапах «строительства государства», предписал создавать подготовительные комитеты для перехода к введению местного самоуправления как необходимой основы конституционного управления.

Тенденция к повышению роли партии доминировала в документах Чрезвычайного съезда Гоминьдана. Согласно «Решению об улучшении партийной работы и урегулировании отношений между партией и администрацией» на местах создавалась система взаимодействия руководителей партийных комитетов провинций, заведующих секретариатами, партийными секретарями уездов и секретарями партийных организаций на уровне ниже районного. Предусматрива-

лись меры партийного контроля над общественными организациями. Различные ассоциации должны были играть особую роль в деле выявления предателей и казнокрадов. Коррумпированные чиновники подлежали жестокому наказанию.

Важную роль в намечаемом переустройстве политической системы на базе концепции Сунь Ятсена был призван играть Национальный политический совет (НПС), принципиальное решение о создании которого было принято на Чрезвычайном съезде Гоминьдана. В соответствии с сформулированными на пленуме ЦИК Гоминьдана 7 апреля 1938 г. «Принципами организации Национального политического совета» все важные вопросы внутренней и внешней политики страны следовало передавать в НПС для обсуждения и принятия решения. НПС получил право законодательной инициативы, а также право заслушивать доклады правительства о проведении административных мероприятий и делать запросы правительству. Однако все принятые НПС решения подлежали утверждению Высшим советом национальной обороны. Таким образом, властные функции НПС были существенно ограничены; НПС не был полноправным органом народного волеизъявления и не играл заметной уравновешивающей правительство роли. Как консультативный орган НПС постепенно стал ареной для политических дискуссий между Гоминьданом и так называемыми «малыми» партиями, получившими вместе с коммунистами 50 мест из 200 в составе Совета первого созыва.

Из основных задач местного самоуправления – организации «управления», «образования», «обеспечения» и «обороны» – Чан Кайши особое внимание уделял организации «управления». Он полагал, что Китаю следовало в первую очередь обучаться «управлению», что повысило бы качество административного контроля, руководства распределением, координированием, проверкой. В сфере «образования» предполагалось также использование в Китае мирового опыта. Целью «обеспечения» объявлялось самообеспечение страны в области сельского хозяйства и промышленности. Политика в сфере «обороны» предусматривала повышение возможностей населения в организации защиты как своей деревни, так и всей страны.

Для реализации всех изложенных задач необходимо было, по мысли Чан Кайши, революционизировать психологию народа, преодолеть в целом негативное отношение населения к государству. Одной из важных государственных задач он считал создание свободной и независимой национальной экономики, способной обеспечивать потребности страны в отражении агрессии. Повышение роли государства в экономической жизни Чан Кайши рассматривал в тесной связи с укреплением морального духа населения и проведением широкомасштабного реформирования системы управления.

Чрезвычайный съезд Гоминьдана ориентировал правительственные структуры на укрепление государственного контроля в различных сферах экономики и администрации. Одновременно ставилась задача изыскания новых источников финансовых средств и материальных ресурсов посредством всемерного стимулирования производства в тыловых районах. Съезд ориентировал на формиро-

вание государственно-частного партнерства в промышленности и торговле, на развитие льготного субсидирования производства, создание акционерных предприятий с определенной долей государственных вложений. Успех Гоминьдана в деле экономической реконструкции съезд ставил в прямую зависимость от результативности организационно-административной деятельности режима.

Курс на государственное регулирование экономической жизни и реорганизация административной системы. Аграрная и налоговая политика Гоминьдана в деревне (1937—1941)

Организация управления в промышленности и торговле регламентировалась постановлениями правительства от декабря 1937 г. и октября 1938 г. Постановления предписывали ввести широкомасштабный контроль над основными видами сырья военного и гражданского назначения, а также над производством продукции из этого сырья. Регулирование в сфере промышленности включало утверждение стандартов и норм производства, форм хозяйствования, видов перевозок. Оно охватывало сферы использования сырья, рабочей силы, установления оптовых цен. Предусматривалась национализация производства важнейших видов продукции, предполагалось введение контроля над перевозками и сбытом продукции. Запрещалась монополизация каких-либо видов производственной и торговой деятельности, намечалась система поощрительных мер, компенсаций, наказаний и штрафов в связи с осуществлением правительственного контроля.

Строгость предлагаемых мер была оправдана состоянием экономики тыловых провинций и соответствовала курсу правительства на создание «смешанной» хозяйственной модели, предполагавшей рациональное сотрудничество государства с частным предпринимательством, разумную налоговую политику в городе и деревне. Большую роль в реформе экономической политики играло министерство экономики – основное орудие государственного контроля. Одним из наиболее существенных мероприятий министерства экономики стала эвакуация части промышленного потенциала восточных районов страны в тыловые провинции.

Слабость частнопредпринимательского сектора вынуждала гоминьдановские власти принимать меры по его стимулированию, оказывать материальную помощь предприятиям и принимать некоторые меры в области налоговой политики. При этом руководители экономического ведомства из группировки «политических наук» не отказывались от принципов государственного контроля. Они лишь в большей мере, чем остальные представители правительственных кругов, стремились учитывать интересы буржуазных торгово-предпринимательских слоев. Партийные функционеры из группировки «СиСи» и руководство финансовой администрации, занимая центристскую позицию, стремились к более строгому

и последовательному осуществлению курса на огосударствление. Наиболее активно ужесточение государственного контроля осуществлялось в сфере торговли. В мае 1938 г. Исполнительный юань постановил перейти к централизованной торговле жидким топливом и ввести контроль над его запасами.

Была развернута широкая кампания за более активное участие государства в организации торговли, за усиление контроля над товарооборотом и поставками стратегического сырья. Группа партийных лидеров во главе с Чэнь Гофу выступала за создание системы централизованных закупок и продажи товаров через сеть казенных магазинов. Такой план принял VI пленум ЦИК Гоминьдана в ноябре 1939 г. Он предусматривал обуздание роста цен на основные потребительские товары и создание сети государственных магазинов. Предполагалась также возможность акционирования ряда предприятий с сохранением господствующих позиций государства. Стремление укрепить систему госконтроля и, одновременно, добиться партнерства с частным торговым капиталом проявилось и в отчете партийной комиссии по ценам VII пленуму ЦИК Гоминьдана (июль 1940 г.). Выдвигались задачи поощрения частной промышленности, объединения торговцев в гильдии, налаживания сотрудничества гильдий с властями.

В деле создания индустриальной базы на отсталом в промышленном отношении Юго-Западе государственное предпринимательство и регулирование экономической жизни играли существенную роль. В политике формирования госсектора и его связей с частным предпринимательством гоминьдановское правительство подтверждало намерение следовать тезису Сунь Ятсена об огосударствлении военной промышленности при одновременном развитии контролируемого государством частного сектора в других отраслях промышленности.

Однако существовавшие по этому вопросу разногласия в гоминьдановском руководстве накладывали отпечаток на характер формирования госсектора и его отношения с частным предпринимательством. Наиболее жесткую позицию в выборе методов государственного регулирования занимали близкие к Чан Кайши группировки военных, оказывавшие давление на органы экономического контроля и кредитно-финансовые учреждения через систему военного управления. Курс на создание экономики военного времени и активизация политики огосударствления угрожали интересам не интегрированного в структуры центральной госсобственности местного бюрократического капитала. Ответные меры местной бюрократии приводили к консолидации капиталов на уровне провинций и образованию крупных корпораций на периферии. Основной капитал таких корпораций формировался на базе провинциальных банков. Опасаясь притеснений со стороны государства капиталисты-частники активно взаимодействовали с противостоявшими гоминьдановскому госсектору деятелями местного бюрократического капитала. Примером интеграции сычуаньских властей и частнопредпринимательского капитала восточнокитайского происхождения стала Производственная ассоциация Юго-Запада, в ведение которой вошла и часть эвакуированных из пров. Чжэцзян предприятий, владельцы которых стремились заручиться поддержкой местных властей.

Опубликованный в начале войны Закон о корпорациях предусматривал не только поощрение сотрудничества государственного и частного укладов, но и признание позиций провинциального капитала. Между тем в отдельных провинциях по-разному относились к идее привлечения центральных капиталов, хотя большинство провинциальных властей шло на такой союз. В первую очередь это касалось Сычуани, где практически все провинциальные предприятия становились смешанными. Так, управляемая Чжан Цюнем Сычуань-Сиканская промышленная корпорация в финансовой деятельности опиралась главным образом на сычуаньские капиталы, которые были связаны с правительственным Банком коммуникаций (до 1942 г. ведущие позиции в нем занимали сторонники группировки «политических наук»).

В других провинциях, таких как Ганьсу, Хунань, Гуйчжоу, Гуанси, Сикан, также шли на совместное предпринимательство с центральными ведомствами. До 1942 г. предпринимательская деятельность местных властей была направлена на сотрудничество в первую очередь с частным капиталом, чему центральные власти не препятствовали. Большую роль в становлении производства в провинциях играло его привязывание к местной финансово-банковской системе. Повсеместно функционировала сеть провинциальных банков, которая, при всей ее запутанности, осуществляла финансово-кредитную поддержку производственных структур.

Ключевую роль в экономических программах Центр отводил реформе финансовой системы и денежного обращения. Режиссер финансовой политики Кун Сянси уделял немалое внимание централизации банковской системы и унификации денежного обращения. Была поставлена задача переориентировать финансовую систему на производство, преодолеть дезинтеграцию и несовершенство провинциальных банковских учреждений, заменить традиционные кредитно-ростовщические институты в деревне сетью контролируемых сверху отделений местных и правительственных банков, призванных предоставлять крестьянству льготные ссуды по низкой процентной ставке (0,8–1% в месяц).

Предполагалось также «специализировать» банки, придав ведущую роль Центральному банку. Однако на деле углубить специализацию и усилить влияние правительственных банков Гоминьдану удалось лишь в 1942 г. в связи с переходом к чрезвычайным мерам в условиях новой, по существу, политики Центра.

Активизация усилий правительства по упорядочению финансовой системы привела к заметному оживлению банковской деятельности на территории гоминьдановского тыла. Уже к середине 1938 г. на неоккупированных территориях функционировало 105 филиалов различных банковских учреждений, из них 29 госбанков, 6 – спецбанков, 23 – коммерческо-сберегательных банков; 47 филиалов представляли провинциальные банки на местах. Из общего числа указанных филиалов 45 было открыто в Сычуани, в Хунани – 11, в Гуанси – семь подобных учреждений.

Однако в течение первых трех лет войны ключевые проблемы банковской системы так и не были решены. Финансовые учреждения на местах развивались

неравномерно. Филиалы провинциальных банков были открыты в 74 уездах Сычуани (из 134), а уездные банки были созданы лишь в 20 уездах. Первый опыт нескольких уездных банков показал, что их функции чаще всего не выходили за рамки традиционных ломбардов или они просто играли роль уездной казны.

Важное место в программе сельской модернизации отводилось развитию кооперативного движения и введению систем льготного кредитования деревни. Именно кооперативы должны были «организовывать массы, обучать их, способствовать их обогащению», через их деятельность должно было происходить подлинное единение нации, обучение суньятсеновским принципам «народовластия» и «народного благосостояния». Кооперативная организация должна была стать «маленьким миром», образцом, слепком всего общества.

Кооперативную идею разделяли не только гоминьдановские реформаторы, но и провинциальные власти, предпринявшие первые попытки кооперирования еще в довоенные годы. Доля кредитования крестьянства через кооперативы в 1933–1935 гг. составляла всего 1% от общего объема выданных в деревне кредитов, и их получателями были около 5% крестьян. С началом Антияпонской войны кооперативное движение получило некоторый импульс, его поддерживали многие провинциальные лидеры. Принципы всеобщего кооперирования определила «Программа организации кооперативов на всех уровнях уезда», принятая в августе 1940 г. Исполнительным юанем. Еще в 1936 г. было принято «Положение о кооперативных казначействах», переизданное с поправками в феврале 1938 г. Казначейства могли создаваться на центральном, провинциальном и уездном уровнях. Фактически казначейства были призваны исполнять функции кооперативных банков, но не обладали, в силу ряда причин, таким статусом.

Хотя идею государственного регулирования восприняли все группировки в Гоминьдане, ее реализация столкнулась с большими трудностями и в Центре, и на местах. Они были связаны с рядом обстоятельств, в том числе со сложностью определения необходимой степени госконтроля над частным сектором. Свойственная местной администрации непрочность вертикалей управления, крайняя запутанность функций, перманентная реорганизация, произвольное смещение пределов контроля над частным предпринимательством приводили к «распылению» ответственности, умножали злоупотребления и в итоге снижали эффективность государственного администрирования на местах.

«Непослушность» местного аппарата и его неспособность повлиять на хозяйственную сферу тормозили государственное регулирование, направленное на минимизацию инфляции и создание централизованной системы закупок и продаж. К введению же стандартов и норм производства, поощрению инвесторов в основном так и не приступили. Министерство экономики пыталось реализовывать свои проекты через систему местных административных учреждений или через создаваемые на местах специальные контрольные органы, куда были вынуждены приглашать представителей традиционной бюрократии. В целом, для экономической политики Гоминьдана в начале Антияпонской войны было характерно использование прежней экономической организации для решения во-

енных задач и поддержания уровня обращения бумажных денег. Расхождение между декларируемыми Гоминьданом принципами регулирования и реалиями государственного администрирования все более настоятельно ставило перед властями в Центре проблемы контроля над ситуацией на местах и повышения эффективности мероприятий правительства.

Несмотря на более прочные позиции невоенных группировок в руководящем ядре Гоминьдана, противоречия между ними тормозили создание системы управления и снижали эффективность ее функционирования и в Центре, и на местах.

Решения Чрезвычайного съезда Гоминьдана предусматривали усиление административного контроля Центра на провинциальном уровне, ограничение роли провинциальной бюрократии в администрировании, а также подключение ее к Центру, ее превращение в звено цепочки «центральная власть – уездное правительство».

Взаимоотношения центральной власти и мощных провинциальных группировок Юго-Запада, в частности Сычуани, формировались на фоне политического противостояния провинциальных милитаристских лидеров и нанкинского режима, сложившегося в довоенное время. Компромисс между Центром и сычуаньскими властями, достигнутый с образованием в 1935 г. единого сычуаньского правительства во главе с влиятельным милитаристом Лю Сяном, оказался непрочным. Лю Сян и другие милитаристы, хотя и избегали прямой конфронтации с Нанкином, не были сторонниками Гоминьдана. Осторожные попытки проведения административных реформ в Сычуани до войны не были поддержаны представителями старой системы управления. Внезапная смерть Лю Сяна 20 января 1938 г. в Ханькоу привела к обострению борьбы за влияние на провинциальном уровне. Назначение губернатором провинции бывшего начальника секретариата ЦПС ЦИК Гоминьдана, видного деятеля группировки «политических наук» Чжан Цюня, а начальником Ставки по умиротворению провинций Сычуань и Сикан – влиятельного милитариста Дэн Сихоу лишь осложнило обстановку.

В этой ситуации произошла консолидация провинциальных сил, настроенных бороться за контроль над своими регионами. В июне–июле 1938 г. губернаторы Юньнани, Сикана и сычуаньские милитаристы Дэн Сихоу и Пань Вэньхуа подписали трехстороннее соглашение о сотрудничестве. Оно провозглашало решительный курс на ведение антияпонской борьбы, но одновременно было направлено против Чан Кайши и гоминьдановского вмешательства в дела провинций. В самой пров. Сычуань назначение Чжан Цюня вызвало ожесточенное сопротивление соперничавших между собой группировок сычуаньских милитаристов. Состоявшееся в марте 1938 г. совещание административных работников среднего звена закрепило победу Ван Цзуаньсюя, который и стал губернатором.

Выдвижение Ван Цзуаньсюя и его сближение с Чан Кайши вызвали резко негативную реакцию провинциальных военных клик и некоторых политических группировок. Это касалось и могущественных объединений «новых» военных, куда входили командиры полков и батальонов во главе с Сюй Шаоцзуном,

а также представители «старых», потерявших былое влияние военных (Го Чанмин), военной бюрократии (Ван Линцзи) и настроенных негативно по отношению к правительству гражданских чиновников во главе с Дэн Ханьсяном. Кризис наступил в сентябре 1938 г., когда военные выступили против Ван Цзуаньсюя. В этой ситуации Чан Кайши пришлось уступить. Он отослал Ван Цзуаньсюя на фронт и сам занял пост губернатора Сычуани.

Рост влияния военных и партийных функционеров в гоминьдановской верхушке в течение более чем годичного пребывания Чан Кайши во главе провинциального правительства Сычуани (1939–1940) расшатывал позиции противостоявших им политических сил внутри Гоминьдана (группировка «политических наук» Чжан Цюня) и создавал потенциальную угрозу местным военным, что способствовало сближению Чжан Цюня и сычуаньских милитаристов. В результате борьбы и компромиссов Чжан Цюнь в декабре 1940 г. занял губернаторское кресло, его назначение сыграло немаловажную роль в активизации административных реформ на местах.

На фоне противоречивой и взрывоопасной политической ситуации в Сычуани, куда эвакуировалось правительство, гоминьдановское руководство приняло ряд мер по реорганизации системы местного управления. Была поставлена цель создания стройной партийно-государственной управленческой структуры с четко определенными полномочиями всех ее звеньев – центрального, провинциального, уездного и ниже.

В период Антияпонской войны при сохранении прежней организационной структуры провинциального правительства отменялись довоенные положения о разделении высшей гражданской и военной власти; было узаконено право совмещать посты гражданского и военного губернатора провинции с целью единого ведения военных и гражданских дел. Глава провинциального правительства (губернатор) к тому же имел право решать срочные вопросы без их рассмотрения провинциальным совещанием.

В 1938–1939 гг. гоминьдановские стратеги все более явно демонстрировали приверженность курсу на ослабление провинциального звена и придание последнему функций простой связки между Центром и уездом. Бюрократическая несогласованность и неразбериха усугублялись созданием различных специальных органов для решения военных проблем, в сферу компетенции которых неизбежно попадали и вопросы гражданского управления. Создавались, например, штабы по управлению военными районами, которые руководили мобилизацией и всеобщим военным обучением населения. Комитеты национальной самообороны по отпору противнику также координировали работу местных правительств. Объединенные совещания партийных, административных и военных подразделений занимались вопросами поддержания порядка, организации перевозок, набора в армию, «организованного обучения народа». В районах боевых действий создавались отделения Особых партийно-военно-административных комитетов военных районов для руководства всеми партийно-административными мероприятиями и контроля над кадровыми работниками.

Чунцинское правительство стремилось к жесткой регламентации взаимодействия центральной и провинциальных властей. В сферах военной политики, внешних сношений, судебных дел, определения системы мер и весов, аграрной политики, широкомасштабного государственного строительства все полномочия принадлежали исключительно центру. В компетенцию провинциальных властей входили набор в армию, мобилизация людей и ресурсов для ее нужд, организация выборов в органы народного самоуправления – после согласования с Центром и утверждения Национальным правительством. Управление общественным производством провинции, средними школами, установление гигиенических норм, строительство дорог предполагали доклад в Центр для детального ознакомления и обязательного контроля со стороны центральных властей над реализацией таких мер. Наконец, от провинций требовалась постоянная информация в центральные органы о состоянии дел в сельском хозяйстве, лесном деле, промышленности и торговле, горном деле, а также сведения о распашке пустошей, ирригационных работах, т.е. о том, что находилось в ведении провинциальных властей.

Реорганизация управления имела лишь частичный успех. Реальная эволюция взаимоотношений Центра и провинциальных лидеров свидетельствовала о том, что на провинциальном уровне сохранялось мощное политическое противодействие гоминьдановским планам всеобщего регулирования. Считаясь с этим фактором и будучи не в силах подавить такое противодействие, гоминьдановские правящие круги, в основном в лице сторонников группировки «политических наук», на практике шли на компромисс с провинциальными элитами, стараясь путем лавирования и политических перестановок избежать конфликта. В то же время Центр делал ставку на усиление уездного звена управления, чтобы, ускоряя строительство местного самоуправления и усиливая партийный надзор на местах, создать себе опору в администрации уезда и территориальных единиц более низкого уровня.

Особенностью гоминьдановских программ переустройства деревенской системы управления и контроля являлась их нацеленность на «перевоспитание» функционирующих традиционных элитных групп в духе патриотизма и национального единства. Впрочем, нередко реальные реформы подменялись бурными и дорогостоящими кампаниями. О переходе к системе «нового уезда» правительство объявило 19 сентября 1939 г., опубликовав «Положения программы уездной организации». Программа предусматривала усиление уездно-волостного звена в цепочке управления и реализацию обновленной десятеричной системы круговой поруки *баоцзя*. В Сычуани уже в 1939 г. были упразднены многочисленные правительственные агентства провинциального уровня, осуществлявшие контроль над действиями уездной администрации. Для ослабления надзора со стороны провинции были расширены полномочия начальника уезда, а также глав нижестоящих административных подразделений, управлений местным ополчением и системой образовательных учреждений.

К концу 1940 г. реализация программы «нового уезда» породила много проблем и отчасти напоминала практику имперских властей старого Китая. Тесные

связи местных элит с провинциальными покровителями приводили к непрекращавшейся борьбе Центра и провинциальной администрации за влияние в уездах. Подготовка кадров шла медленно и неэффективно. Решение по политическому докладу ЦИК Гоминьдана на его X пленуме (ноябрь 1942 г.) выявило недостатки системы аттестации чиновников, нехватку подготовленных кадров, игнорирование местными управленцами принципов самоуправления. Составитель вышедшего после войны сборника законоположений Гоминьдана по осуществлению местного самоуправления (1947 г.), член комиссии Исполнительного юаня по изучению проблем управления в Китае Ху Цывэй писал о засилье *шэньши* на низших уровнях администрации, несмотря на все меры правительства, и назвал это большой проблемой кадровой работы.

На деревенском уровне на территории неоккупированных регионов предпринимались попытки введения в политическую жизнь элементов «демократии большинства». Именно органы народного волеизъявления должны были подготовить в конце войны созыв Национального собрания и переход страны к «конституционному правлению». Напомним, что для Гоминьдана условием этого перехода являлось введение местного самоуправления на территории более половины провинций страны. Чиновники центрального аппарата правительства периодически предпринимали усилия по ускоренному переходу к «конституционному правлению». Еще 14 мая 1936 г. Национальное правительство опубликовало «Закон об организации Национального собрания и выборах депутатов». I пленум ЦИК Гоминьдана 5-го созыва 12 ноября 1936 г. принял решение по этому вопросу, и затем на III пленуме ЦИК Гоминьдана 12 ноября 1937 г. было объявлено об очередной подготовке выборов на гоминьдановской территории, исключая занятые уже тогда японцами провинции Хэбэй и Чахар, а также Бэйпин и Тяньцзинь. VI пленум ЦИК Гоминьдана (ноябрь 1939 г.) принял специальное решение о созыве Национального собрания 12 ноября 1940 г. В силу обстоятельств созвать Национальное собрание в указанный срок не удалось.

К началу 40-х годов на территории гоминьдановского Китая получила также некоторое распространение практика создания временных провинциальных политических советов как консультативных совещательных органов. Провинциальный совет наделялся правом принятия решений по политике провинциального правительства и правом внесения предложений по порядку управления. Он мог также выдвигать кандидатов на чиновничьи должности, заслушивать доклады провинциального правительства об административной деятельности. Провинциальному правительству надлежало исполнять решения совета, за исключением тех вопросов, которые находились в ведении Исполнительного юаня. В 1940 г. о создании таких временных политических советов объявили провинции Сычуань, Юньнань, Гуйчжоу, Шэньси, Ганьсу, Гуандун, Гуанси, Хунань, Чжэцзян, Цинхай, Фуцзянь, Хубэй. К концу 1942 г. к ним добавились провинции Цзянси, Нинся, Аньхуэй, Хэнань и Сикан.

Формированием политических советов на местах руководил Высший совет национальной обороны, поэтому на провинциальном уровне такие институты

создавались довольно быстро. Однако зачастую результатом нововведений становился рост сопротивления провинциальных лидеров проводимой Центром политике. Предпринимались попытки провести политическую реформу и на уровне уездов. В августе 1941 г. были опубликованы «Временные положения об уездном политическом совете», в которых последний наделялся довольно широкими полномочиями принятия решений по финансовым, гражданским делам, вопросам самоуправления, организации местной полиции, образования, строительства.

Незамедлительно после опубликования программы новой уездной системы политические советы уездного уровня стали создаваться в провинциях Сычуань, Юньнань, Нинся, Фуцзянь, Чжэцзян. К 1941 г. в Хунани было реорганизовано 46 уездов из 75, в Гуанси – 74 из 99; медленнее реформы разворачивались в провинциях Гуандун, Гуйчжоу, Сикан. В ноябре 1942 г. X пленум ЦИК Гоминьдана 5-го созыва подвел итоги этой широкомасштабной кампании: более $^{2}/_{3}$ уездов в 19 провинциях объявили о введении самоуправления.

На практике центр тяжести в деятельности местных органов самоуправления смещался в сферу организации самообороны (охраны), создания местных школ и укрепления административной структуры. Практически ничего не было сделано в самых важных областях самоуправления – регистрации дворов, финансовой политики, кооперации, а также в реализации земельной политики на местах в духе уравнительных идей Сунь Ятсена.

Осенью 1942 г. ЦИК Гоминьдана отмечал, что пресловутое самоуправление на местах превращалось в вывеску, за которой не велось никакой реальной работы, так как новые структуры в большинстве случаев были заняты «выделением сил и средств для армии». Не был осуществлен и трехлетний план введения самоуправления в Сычуани (1939 г.). Создаваемые совещательные органы становились ареной борьбы влиятельных бюрократических кланов, которая препятствовала реализации проектов реконструкции, в том числе осуществлению планов Гоминьдана в политической сфере, связанных с воспитанием чиновников и строительством системы демократических органов самоуправления.

Одной из важных задач, которые ставило правительство в сфере аграрной политики, являлось поддержание стабильных цен на сельскохозяйственную продукцию. В компетенцию властей входило регулирование зернового рынка, необходимое для проведения регулярных государственных закупок и сбора пожертвований для государственных нужд.

Между тем в стране действовала старая система поземельного налогообложения, которая в конце 30-х годов обеспечивала пополнение значительной части провинциальных бюджетов (30–50%). Настоящей проблемой были дополнительные изъятия на базе поземельного налога и различные поборы и разверстки. Если практика взимания дополнительных налогов провинциальной властью поддавалась какому-то регулированию, то на уровне уезда и ниже произвольное налогообложение достигло огромного размаха. Несовершенство и архаичность системы сбора налогов, привязанной к устаревшим налоговым ставкам и земель-

ным кадастрам, приводили к значительному искажению информации о реальном состоянии дел в системе землевладения и землепользования. Фактически отсутствовали данные о числе податных дворов, их доходах и облагавшихся налогом землях. Хаос, царивший в системе регистрации землевладения и землепользования, создавал почву для официальных и неофициальных регулярных и нерегулярных поборов и разверсток с деревенского населения, производимых сельскими элитами и посредниками, зачастую тесно связанными с уездной администрацией. Представители откупщиков славились злоупотреблениями и сделками с уездной бюрократией в области оформления купчих на незарегистрированные земли и передачи прав владения землей, махинациями с ведением записей в реестровых книгах. «Оседание» средств в сетях уездного административного аппарата и ниже являлось главным препятствием на пути провозглашенной Гоминьданом реконструкции. Углублялась диспропорция в распределении поступлений из традиционного аграрного сектора между уездами и провинциальной властью.

Посадка риса. Южный Китай. 1939 г.

Власти на уровне провинции делали попытки отрегулировать налоговую систему путем введения запретов и ограничений. Так, в Сычуани было установлено, что сумма всех дополнительных к поземельному налогов, собиравшихся уездными властями, не должна была превышать шестикратного объема основного провинциального налога. Однако популярная идея Кун Сянси о государственной компенсации низовым управленческим звеньям за отмену поборов и разверсток не была реализована ввиду нараставшего дефицита госбюджета. Новая концепция финансовой системы уездного уровня и ограничения неконтролируемых поборов и разверсток, предложенная Гоминьданом в рамках «новой уездной системы» (осень 1939 г.), также оказалась далека от действительности. Несмотря на попытки перераспределить часть налоговых поступлений в пользу уездов, проблему нерегулируемых поборов решить не удалось. На местах фактически игнорировали указания провинциальных правительств. На деревенском уровне так и не удалось достигнуть самообеспечения местного управленческого аппарата за счет перераспределения уездных финансов. Повсеместно спускаемая сверху сумма налога возрастала по мере прохождения каждого уровня управления. При этом присваивались средства, оставшиеся после отчислений надлежащих сумм в высшие инстанции. Производились нередко и сборы налогов военными частями для направления собранных средств в прибыльные торговые операции.

Попытки наладить льготное кредитование крестьян также наталкивались на множество трудностей. Кредитование крестьянства через кооперативы контро-

лировалось влиятельными финансовыми структурами на местах, тесно связанными с провинциальными властями. Конкурируя с традиционными ростовщическими институтами, Центральное сельскохозяйственное бюро (ЦСБ), которое вплоть до его роспуска в начале 1941 г. было одним из главных правительственных органов кредитования, перевозок и продажи сельскохозяйственной продукции, оказалось неспособным обеспечить целевое использование кредитов и возврат предоставляемых ссуд. Кредиты перераспределялись деревенской верхушкой на тяжелых условиях, не меняя по сути кредитно-ростовщических отношений в деревне. За исключением пригородов Чунцина, ЦСБ не смогло реализовать также идею создания сети общественных амбаров для кредитования крестьянства под залог части производимой продукции.

Стихийные бедствия в юго-западных районах страны, случившиеся в 1939–1940 гг., создали затруднения со сбором зерновых. Уменьшение товарной массы зерна к началу 1940 г. привело к нарушению работы сложившихся рыночных механизмов, быстрому росту цен на рис и в целом к всплеску инфляции. Следствием этого стали также разгул спекуляции и дефицит продовольствия, что поставило на первый план проблему контроля над рынком. В 1940 г. не без поддержки Центра были предприняты шаги по упорядочению системы хозяйственного регулирования в ряде провинций.

Мероприятия контрольных органов включали также разработку нормативов потребления для стимулирования продаж зерновых. Все «излишки» продовольствия, которые превышали двухмесячную норму потребления, подлежали регистрации в местных органах контроля над продовольственными ресурсами. Местным властям было указано изымать продукты у собственников, удерживавших или укрывавших зерно. Усилия правительства по преодолению зернового кризиса столкнулись с сопротивлением посредников, торговцев, ростовщиков и местных коррумпированных чиновников.

Снижение урожайности в сельском хозяйстве и рост инфляции в первой половине 1940 г. обусловили учащение насильственных закупок зерна по заниженным ценам военными частями у землевладельцев. Последние, в свою очередь, стали переходить к взиманию арендной платы в натуральном исчислении. Получение арендной платы в натуральной форме сосуществовало с практикой сбора поземельного налога провинцией с арендодателей в денежном исчислении, что подрывало доходы бюджета.

Развивавшийся процесс перехода от денежной формы взимания налога к натуральной создавал опасность окончательного ослабления денежной системы и увеличения возможностей для совершения различных злоупотреблений. Попытка отказа от денежной формы поземельного налогообложения еще более разбалансировала систему регулирования земельно-аграрных отношений на провинциальном и уездном уровнях.

Последствия летней засухи 1940 г. и процесс натурализации налога не только обусловили небывалый скачок цен на зерновые осенью того же года, но и сказались на последующей ценовой динамике. По некоторым данным, цены на про-

дукты на гоминьдановской территории со второй половины 1940 г. по середину 1941 г. выросли в среднем на 1400%. В наибольшей степени пострадали мелкие землевладельцы и крестьяне-собственники. Происходило значительное сокращение посевных площадей. Так, в Сычуани удельный вес посевных площадей под пшеницей в 1938–1940 гг. сократился с 24% до 18%, в то время как масштабы культивирования различных незерновых культур возрастали. Сокрытие зерна сопровождалось расширенным изготовлением спиртных напитков. Производство сельскохозяйственной продукции в целом сократилось на 10% в 1940 г. по сравнению с 1939 г., а в следующем – уже на 13% по сравнению с 1940 г.

Стремясь к совершенствованию системы налогообложения, провинциальные власти так и не смогли решить ряд важных экономических задач. Не удалось сформировать механизм, способный обеспечить провинции контроль над основными источниками финансовых поступлений из традиционного сектора. Сфера местного налогообложения осталась вне контроля центральной власти. Не было обеспечено соблюдение правила о недопущении при сборе уездных дополнительных налогов шестикратного превышения разового сбора основного поземельного налога. Суммы налоговых сборов направлялись в провинциальный бюджет крайне медленно. При урезании квот дополнительных взиманий со стороны провинции уездные бюрократы стремились компенсировать потери, увеличивая изъятие по другим, не затрагиваемым правительственными ограничениями статьям налогов.

Неэффективность административных преобразований в китайской деревне, тесно связанных с аграрной и налоговой реформами, была налицо. Вместо успешной кооптации новых управленцев на местах происходил рост бюрократического аппарата, в основном за счет «старых» кадров. Сложность ситуации толкала гоминьдановских лидеров к возрождению привычных отношений государства и местного сообщества, т.е. к переходу к системе прямого изъятия поземельного налога центральной властью. Этот шаг оказал сильное воздействие на всю систему социально-экономической политики Чунцинского правительства.

Тенденции экономического развития, аграрная и налоговая политика в 1941–1945 гг.

Развернувшаяся в начале 1941 г. внутриполитическая борьба в гоминьдановской верхушке была связана с вопросами государственного регулирования и общей направленностью экономической стратегии правительства. На фоне углубления зернового кризиса все большее влияние обретал Кун Сянси, который ратовал за более агрессивное регулирование рынка. Кульминационным моментом борьбы сторонников группировки «политических наук» и группировки Кун Сянси стал роспуск в начале 1941 г. ЦСБ, олицетворявшего новую политику власти в деревне. Создававшееся как механизм кредитования крестьянства и оздоровления денежного обращения на местах, Бюро постепенно превратилось, по сути,

в механизм контроля над распределением риса, в частности в крупных городах. Его руководитель Хэ Лянь длительное время конфликтовал с министерством финансов и сопротивлялся давлению Кун Сянси и самого Чан Кайши, требовавших обеспечить снабжение городов за счет крестьянских зерновых депозитов, находившихся в распоряжении ЦСБ. Действия Хэ Ляня, направленные на жесткий контроль над распределением зерна по ведомствам, вызывали бурное негодование столичной бюрократии. В начале 1941 г. под предлогом проведения ревизии были арестованы основные сотрудники ЦСБ, что означало прекращение функционирования организации и ослабление позиций сторонников регулирования экономики в духе решений Чрезвычайного съезда Гоминьдана.

Управление аграрной экономикой было выведено из сферы деятельности министерства экономики. Зерновые амбары и склады передавались в руки провинциальных бюро по управлению продовольствием и Центрального бюро. Система кооперативных казначейств и кредитования крестьянства стала контролироваться исключительно Крестьянским банком Китая. Компания «Фушэн», через которую осуществлялись все государственные поставки хлопка и хлопчатобумажных тканей, была преобразована в подчиненное Министерству финансов Бюро по контролю над хлопчатобумажными тканями.

Стремительно растущий бюджетный дефицит гоминьдановской администрации в конце 1940 – начале 1941 г. сопровождался ужесточением политики в бюджетно-налоговой сфере и перманентным административным переустройством, созданием новых или реорганизацией старых управленческих структур.

Расширение сферы прямого налогообложения, не игравшего до 1940 г. значительной роли в доходах казны, обеспечило увеличение удельного веса поступлений по этой статье в доходной части бюджета: в 1940 г. он составил 11,48% всех налоговых сборов, став третьим по значимости после таможенного и соляного сборов. Усиление позиций сторонников более активного сдерживания рыночной стихии воплотилось также в поддержанной VIII пленумом ЦИК Гоминьдана (март 1941 г.) инициативе Кун Сянси о введении государственной монополии на соль, сахар, сигареты, спиртное и организации торговли важнейшими потребительскими товарами через сеть казенных магазинов. Особое внимание на пленуме было уделено проблеме регулирования рынка. Кун Сянси призывал покончить с бесчинствами торговцев и местными поборами и изъятиями. Он также выступал за ограничение частного торгового капитала, ратовал за снижение тяжести финансового бремени потребителя, сокращение расходов на личные нужды и за «передачу торговой прибыли в пользу государства». Подобная ограничительная политика, по словам Кун Сянси, не распространялась на частные производственные инвестиции в промышленность и горное дело.

Важным мероприятием гоминьдановского Центра стала кардинальная реформа бюджетно-налоговой системы весной 1941 г., положившая начало новому этапу эволюции чунцинского режима. Неуправляемость процессов местной экономики и катастрофическое состояние центрального бюджета к началу 1941 г. побуждали Национальное правительство форсировать непосредственное бюро-

кратическое вмешательство в дела деревни, активизировать финансово-административные реформы на местах и усилить централизацию взимания поземельного налога.

Потерпев неудачу с планами упорядочения сбора провинциального поземельного налога и его натурализации, Чунцинское правительство в условиях инфляции и саботажа со стороны торговцев и землевладельцев–держателей зерна попыталось восстановить непопулярную систему провинциальных чрезвычайных дополнительных налогов. Так, с начала 1941 г. в Сычуани восстановили налог «на государственные трудности», объем которого был определен в 167% разового сбора основного поземельного налога. Однако, несмотря на эту меру, темпы инфляции и растущие государственные расходы превышали темпы роста объемов провинциального бюджета.

Основные пути стабилизации налоговых сборов определил VIII пленум ЦИК Гоминьдана (март 1941 г.). Пленум подтвердил курс центральных властей на обеспечение жесткого правительственного контроля над основными сферами хозяйственной жизни. На пленуме была подвергнута критике недееспособность чиновничества. Было также выражено желание властей расширить сферу прямого налогообложения, упорядочить структуру государственных налогов, а также установить бóльшую координацию действий Центра и провинций в области финансов.

Проект реорганизации бюджета подготовил и обосновал Кун Сянси. Ядром бюджетной реформы должна была стать программа централизации поземельного налога и перехода к его сбору в натуральной форме. Этот проект на пленуме представил сам Чан Кайши. В решениях пленума указывалось, что в основе рационального распределения может лежать только централизованная система доходов и расходов, что передача поземельного налога в Центр соответствовала основным принципам суньятсеновской «Программы строительства государства».

Активными проводниками партийной доктрины в аграрной сфере на пленуме были члены группировки «СиСи», в частности сам Чэнь Гофу. Программа реформы поземельного налога предусматривала также выкуп земельных участков властями, стимулирование превращения крестьян-арендаторов в собственников при поддержке со стороны государства. На осуществление проектов отводилось три года.

Взимание центральными властями поземельного налога в натуральном виде было нацелено на улучшение снабжения армии и городов продовольствием. Но это не отменяло практики централизованных закупок зерновых. Ответственным лицом по сбору налога считался начальник уезда, который вместе с руководителями финансового и хозяйственного подразделений должен был следить за переподготовкой прежнего персонала налоговой службы и препятствовать проникновению в нее выходцев из среды *тухао* и *лешэнь*. Кроме того, планировалось также назначать специального уполномоченного финансового инспектора от провинциального правительства, который контролировал бы работу уездной администрации.

Важным инструментом в сборе налогов становились крестьянские кооперативы. Кооперативы при сдаче зернового налога должны были сотрудничать с уездными отделами земельной регистрации. Каждый кооператив представлял в указанный отдел подробную карту земельных участков, а также данные о положении дел в системе землепользования. Таким образом, уездным органам управления вменялся в обязанность учет стоимости земли, ее качества, видов сельскохозяйственных культур, объемов производства, перевозок, состояния землепользования. На основе этих сведений им предстояло определить новые ставки земельного налога.

Кооперативные организации должны были отвечать за хранение зерновых и за их перевозки.

Проекты реформирования системы государственного регулирования аграрного сектора и товарного рынка на базе сотрудничества с местными структурами конкретизировали на 3-й Всекитайской финансовой конференции (июнь 1941 г.), которая объявила о начале реализации бюджетно-финансовых и налоговых преобразований. Согласно замыслу Кун Сянси, разделение бюджетов на государственный и автономный могло решить проблему перераспределения средств в пользу нуждавшихся районов. Бюджетная реформа предоставляла возможность перехода бюджетных поступлений провинции в пользу Центра и обеспечивала право Чунцина контролировать провинциальные, в особенности сычуаньские, финансы. Провинция, таким образом, превращалась в связующее звено между уездом и Центром и получала функции контроля над действиями «автономной» администрации на уездном уровне. С подключением провинциального бюджета к центральному на нужды Центра целиком перечислялись поступления от подоходного налога, налога на сверхприбыли чрезвычайного времени, особого налога с предпринимательской прибыли, особого налога с получаемого дохода, от таможенного и соляного сборов, от доходов по разработке месторождений и других сборов. Та часть поземельного налога, которая ранее шла в бюджеты провинций, поступала теперь в Центр, уездная же «доля» сохранялась за уездами. В период взимания Центром налога в натуральной форме предусматривались возможные отчисления в пользу уезда. Необходимо было передавать уезду 25% налога на наследование имущества и 30–50% налога на предпринимательскую деятельность. При этом налог на убой скота выделялся в отдельную статью уездного бюджета. Уездным властям также оставалось 30% взимавшегося Центром гербового сбора. Уездные власти распоряжались, согласно решениям конференции, такими статьями налоговых поступлений, как налог на повышение плодородия почвы, на использование торговой марки, запретительный налог на определенные виды деятельности. Это были чисто уездные налоги, которые, в совокупности с отчислениями из Центра, лежали в основе «самоуправленческого» бюджета.

На конференции было официально объявлено о повсеместном переходе со второй половины 1941 г. к сбору поземельного налога в натуральной форме во всех провинциях неокуппированного Китая, а также об открытии на провинци-

альном, городском и уездном уровнях отделов по взиманию поземельного налога, которые вели бы работу и по регистрации земель, и по получению информации от землевладельцев о своих участках. Правительством была утверждена ставка поземельного налога в натуральной форме, равная двум *доу* риса на один *юань* основного и дополнительного поземельного налога, исчисленного в ценах 1941 г.

Особое значение авторы финансовых проектов уделяли кампании по борьбе с произвольными изъятиями на местах, а также с саботажем со стороны местных влиятельных структур. Конференция предусмотрела применение довольно жестких мер по отношению к представителям местных землевладельцев, торговцев, не поддерживавших деятельность «обновленной» администрации. Инициированные Гоминьданом весной–летом 1941 г. реформы бюджетной и налоговой системы в основе своей были нацелены на повышение роли государства в деле регулирования бюджетной и финансовой сфер. Упорядочение местного бюджета становилось важным рычагом регулирования практики произвольных изъятий на уездном уровне и ниже. Разочаровавшись в дееспособности провинциальных фискальных механизмов, гоминьдановский Центр попытался оттеснить существовавшие бюрократические структуры и непосредственно подключить к сбору поземельного налога «обновленный» налоговый аппарат, зачастую функционировавший параллельно существовавшим административным структурам. Иллюстрацией этому стала деятельность отделов по взиманию поземельного налога (с мая 1941 г.), а также создание министерства продовольствия, которому подчинялись провинциальные бюро зерновой администрации и аналогичные уездные отделы. Предполагалось, что министерство продовольствия объединит под своим контролем все сферы деятельности, связанные с хранением и распределением зерна.

Уже первые месяцы реализации гоминьдановской налоговой политики показали трудности борьбы за деревню. Ситуация усугублялась тем обстоятельством, что перед гоминьдановским Центром одновременно стояли насущные задачи военного времени по снабжению продовольствием городов, чиновничьего аппарата и армии. Чисто налоговые проблемы необходимо было решать одновременно со структурной перестройкой всей системы землевладения и землепользования, включая обеспечение надежного контроля над экономикой аграрных районов в целом.

Признавая неспособность Центра на практике добиться изъятия всего объема налога даже в Сычуани, правительство постаралось подсчитать минимальные потребности в зерне военных и гражданских структур и приняло для Сычуани за основу цифру 6 млн. *даней* (включавшую закупки). Для других провинций тоже были внесены коррективы.

Переход к сбору поземельного налога в натуральной форме в наиболее полном виде произошел в Сычуани. В этой провинции чрезвычайно актуально стояла проблема унификации системы взимания поземельного налога, поскольку там имели место значительные различия между типами хозяйства в уездах и сущест-

вовало огромное число дополнительных налогов. Так, если в уезде Синьду объем дополнительного налога не превышал ставки основного, то в уездах Синьвэнь, Гуанъюань дополнительные налоги превышали объем основного в 10 раз.

Для привлечения местных сил к регулированию сбора земельного налога на уездном и волостном уровнях стали создавать «в рабочем порядке» специальные комиссии. В их состав входили представители местных партотделов, общественных объединений и массовых организаций, а также влиятельные *шэньши*. Практика показала, что без помощи влиятельной верхушки деревни было невозможно установить нормы изъятий на местах. Объемы налога учитывали исторически установленные квоты поземельно-подушного налога в данном уезде. При этом обращались к записям в реестровых книгах и даже в уездных хрониках цинского времени. Практика взимания натурального налога свидетельствовала о низкой эффективности контроля над накоплением запасов зерна и его перераспределением. Прежде всего это происходило из-за неподготовленности соответствующих емкостей. Хранение урожая в жилых помещениях, храмах и культовых учреждениях в Сычуани ежегодно приводило к примерно 5% потерям зерновых. Для этой провинции такая цифра была равна общему объему зерна, потребляемого за год населением Чунцина.

Подключение центральной власти к системе поземельного налогообложения не означало ни слома существовавшей системы фиска, ни каких-либо кардинальных изменений с точки зрения утяжеления налогового бремени состоятельных землевладельцев и крестьян-собственников. Сумма поземельного налога крестьян-собственников составляла около 7,3% их общего дохода.

Необходимость увеличения объемов поступлений из аграрного сектора заставила Гоминьдан и Национальное правительство пойти на существенные изменения системы регулирования в деревне, на все более активное вмешательство в ее жизнь. Речь шла о введении системы обязательных закупок зерновых у землевладельцев и об увеличении планируемых объемов сбора налога. Между тем в области организации поземельного налогообложения в деревне существенных изменений в целом не произошло. Гоминьдановские административные структуры попадали во все бóльшую зависимость от местных элит. Мизерное жалованье сборщиков налогов побуждало их допускать различные приписки и сокрытие объемов сбора зерна. Даже министерство продовольствия удерживало под ведомственным контролем огромные запасы зерновых, что было равносильно сокрытию. Попытки привлечь к сотрудничеству с властями различные союзы торговцев, перевозчиков, а также хозяев зернохранилищ не увенчались успехом. Неспособность центра исправить порочный стиль местной администрации грозила крушением финансово-экономических проектов в деревне и подрывом авторитета гоминьдановских властей. Сводились на нет все усилия по «мобилизации» масс, испытывавших на себе произвол связанных с низшим чиновничеством различных спекулянтов и укрывателей зерна, легко уходивших от налогообложения. О низкой эффективности гоминьдановских проектов свидетельствова-

ли статистические данные по итогам второго, 1942/43 фин. г. Полученные объемы зерна составили около 30% запланированного.

В течение первых двух лет централизованного взимания поземельного налога вмешательство Центра наталкивалось на сопротивление местных социально-политических структур, не допускавших центральную (ранее – провинциальную) власть к осуществлению контроля над большей частью сельскохозяйственной продукции. Чунцинский Гоминьдан в области натурального налогообложения достиг верхней планки своих возможностей. В абсолютном исчислении этот предел составлял примерно 65–70 млн. *даней* зерновых, т.е. около 7,8% общего объема зернового производства в стране. Доля поступлений в Центр от взимания поземельного налога вместе с обязательными закупками в провинциях тыла – Сычуани, Гуйчжоу, Юньнани, Сикана, Шэньси, Ганьсу, Нинся, Цинхая – и на неоккупированных территориях провинций Фуцзянь, Гуандун, Хунань, Чжэцзян, Цзянси, Гуанси, Хэнань, Хубэй, Шаньси, Аньхуэй, Шаньдун, Цзянсу составляла около 70 млн. *даней* в 1941/42 и 1942/43 фин. гг., т.е. не превышала упомянутый показатель – 7,8% объема производимого.

Из общего объема зерновых, предназначенного для централизованного снабжения, почти половина (42,3%) направлялась населению 13 крупнейших городов тыла, оставшаяся часть продовольствия предусматривалась для снабжения административного аппарата, государственных учреждений, ведомств и, наконец, армии. Согласно заключениям экспертов Крестьянского банка, этого было явно недостаточно для удовлетворения потребностей населения.

Низкая результативность проектов централизованного поземельного налогообложения была в значительной степени связана с прочностью традиционной фискальной системы. Большие надежды гоминьдановские реформаторы возлагали на другую сторону государственного регулирования аграрной сферы, а именно на упорядочение системы землевладения посредством всеобщей регистрации земли, обновления земельных кадастров, обмера земельных владений, обязательного объявления землевладельцем стоимости его земли и, наконец, введения единого земельного налога, основанного на заявленной цене участка.

Для чунцинских руководителей было совершенно очевидно, что от результатов новой земельной политики зависела во многом судьба гоминьдановского Центра и его поддержка сельской периферией. Программа кардинального переустройства налоговой системы в рамках введения суньятсеновского единого земельного налога предусматривала введение в практику оглашения землевладельцами площади и стоимости своих участков. Программа включала уточнение числа податных дворов и общую площадь облагаемых налогом земель. Важное значение придавалось принципам равного налогового бремени и прогрессивного налогообложения. Попытки проведения регистрации земель посредством получения информации о земельном участке от собственника имели место еще в 1929 г. в пров. Чжэцзян. Известна также история четырех экспериментальных уездов провинций Цзянсу: Чжэньцзян, Исин, Цзянъинь, Лиян. Несмотря на некоторые положительные результаты, эксперимент не получил продолжения.

Идея регистрации земель на основе оглашения землевладельцами стоимости их земли получила развитие в выступлениях Кун Сянси на 2-й Всекитайской финансовой конференции в 1934 г. Министр предложил на ее основе упорядочить взимание поземельного налога. Тогда был принят проект программы регистрации земель и заявлений владельцев земли о ее стоимости, который разослали в провинциальные финансовые департаменты. По некоторым данным, к 1941 г. такую работу провели в 200 уездах 14 провинций. К весне 1941 г. сообщения землевладельцами информации о своих участках в 255 уездах 11 провинций тыла позволили увеличить зарегистрированные земельные площади на 133%, увеличить объем налоговых поступлений на 64%, снизить бремя поземельного налогообложения в среднем на 31%. Весной 1941 г. регистрация земель была передана в ведение органов взимания поземельного налога.

На 3-й Всекитайской финансовой конференции Кун Сянси вновь выступил с программой ускорения регистрации земель и провел решение, согласно которому регистрацию земель в 500 уездах следует провести с лета 1941 г. по декабрь 1942 г. План, принятый на этой конференции, даже формально не был выполнен полностью, о завершении регистрации сообщило около 400 уездов, многие установления остались на бумаге. Всекитайская конференция по земельной политике (середина 1942 г.), учитывая сложность реализации принятых ранее планов, поставила перед органами земельной администрации задачу проведения земельной регистрации в городах в качестве ключевой, отодвинув деревню на второй план. В деревне же воплощение в жизнь основных принципов этой политики перекладывалось на плечи местных властей.

Отдельные положительные результаты в проведении налогово-аграрной политики не меняли существенно положения дел с регистрацией земель. Именно поэтому в июне 1942 г. была создана еще одна самостоятельная административная структура – Земельная управа, деятельность которой была нацелена на централизацию и усиление контроля над реализацией земельной политики. Управа находилась в подчинении Исполнительного юаня. Таким образом, была создана единая система учреждений, включавшая и провинциальные земельные бюро, и уездные отделы земельной администрации. Центральная управа состояла из четырех отделов (общего, земельных актов, земельных цен, прав земельной собственности). Их задачи сводились, по замыслам Чан Кайши, к контролю над сельскохозяйственным производством посредством взимания налога в соответствии с ценой земли, над землевладением и использованием земель.

Буквально с первых недель существования новой структуры она реально функционировала только в городских центрах. По некоторым сведениям, деятельностью управы было охвачено 64 уездных центра провинций Сычуань, Цзянси, Гуандун, Шэньси, Хунань, однако к декабрю 1942 г., когда планировалось завершить создание новой структуры, эта работа не закончилась вследствие нехватки бюджетных средств и персонала. Сроки завершения земельной регистрации в основных уездных центрах были продлены до 1943 г. Попытки стимулирования такой работы в Юньнани результатов не дали. Более

результативной оказалась регистрация земель, находившихся под жилой застройкой.

Что касается земельных обследований (обмеров), а также определения стоимости земли, то такого рода меры имели несистематический характер и ограничивались некоторыми уездными центрами, опытными районами и хозяйствами. Так, земельные обследования к 1943 г. проводились только в шести уездах Сычуани, семи уездах Цзянси, четырех уездах Шэньси и двух городах пров. Фуцзянь – Фучжоу и Наньпине. Эти же районы попали и в разряд преуспевших в определении стоимости земельных участков: уезды Вэньлин в Чжэцзяне, Саньюань в Шэньси, Наньпин в Фуцзяни. Как свидетельствовали факты, судьба как самой регистрации, так и программы введения земельного налога, основанного на объявлении цены земли, оказалась сложной, особенно в условиях военного времени, и весьма далекой от декларируемых целей.

Расчеты на увеличение доли поступлений в бюджет вследствие введения земельного налога не оправдались. Так, в 1942 г. правительство не получило и 5% предполагаемого объема поступлений, в 1943 г. поступления составили около 18% от запланированного и в 1944 г. – около 19%. И даже эти цифры складывались в основном благодаря обложению земельным налогом городов гоминьдановского тыла. К 1945 г. министерство финансов получило с мест лишь около 500 реестров стоимости земли. Гоминьдановской администрации так и не удалось наладить надлежащий контроль над передачей прав на землю. Кроме того, отсутствовала система информирования населения о введении нового земельного налога и о многих других мерах властей, что, естественно, препятствовало их реализации.

Существенным компонентом гоминьдановской стратегии в деревне являлась закрепленная в «Земельном кодексе» политика защиты арендатора и поддержки крестьянина-собственника, неотделимая от планов льготного государственного кредитования крестьян и развития кооперативного движения. Руководящей идеей объявлялся тезис Сунь Ятсена о снижении арендной платы до 25% урожая. Обнародование «Земельного кодекса» формально закрепило задачу поддержки арендатора в качестве важной части аграрной политики Гоминьдана. К реализации этих идей в некоторых провинциях страны приступили еще в 30-х годах.

Вытеснение в начале 40-х годов Крестьянским банком конкурентов из сферы кредитования деревни и последовавшая ликвидация системы кооперативных казначейств означали нарастание новых, силовых тенденций в гоминьдановской политике. На IX пленуме ЦИК Гоминьдана в декабре 1941 г. была подтверждена важность поддержки арендатора и предусмотрено постепенное уменьшение суммы залога и арендной платы, которая не должна была превышать 10% объявленной стоимости земли.

Политическую активность властей сдерживало несовершенство законодательной базы. Обнародованная сразу после учреждения Земельной управы в июне 1942 г. «Программа реализации земельной политики в военный период»

подтвердила актуальность мер по ограничению арендной платы и по поддержке крестьянских хозяйств, но так и не стала поворотным моментом в деле создания документальной основы для принципиального переустройства земельных отношений. Принимавшиеся указы и регламентации застревали в коридорах Законодательного и Исполнительного юаней, причем последний никак не мог доработать окончательный вариант проекта указанной «Программы».

Преодолевая трудности на пути реализации общенациональной программы земельного переустройства, гоминьдановские реформаторы пытались создавать экспериментальные районы и хозяйства. Лучше других известны район Хуанхуэй (пров. Ганьсу), пригород Чанша, уезды Хэнъян и Цзинсянь (пров. Хунань), уезд Лунъянь (пров. Фуцзянь).

Политика поддержки арендаторов и крестьян-собственников, задуманная как радикальный шаг в области земельных преобразований и как качественно новый этап регулирующей миссии государства в деревне, была реализована только в рамках экспериментальных районов и имела локальное значение. За четыре года деятельности Земельной управы экспериментом формально было охвачено 20 954 двора в 182 уездах 14 провинций. Как писали китайские обозреватели, с такими темпами переустройства гоминьдановским властям понадобилось бы 500 лет для реализации земельных программ в масштабах всей страны. Многие экспериментальные базы превращались в государственные хозяйства по освоению засушливых целинных земель, причем на вновь возделываемых угодьях расселяли военных, и это обстоятельство, вместе с комплексами ирригационных программ, очень напоминало организационно-хозяйственную деятельность традиционного китайского государства.

Итоги второго финансового года продемонстрировали весьма ограниченные результаты гоминьдановской политики в деле поземельного налогообложения. Объявленные проекты земельных реформ, придававшие элемент новизны мероприятиям Чунцина, были территориально ограничены показательными экспериментными базами. Гоминьдану не удавалось, таким образом, подчинить традиционный сектор и усилить свои позиции в деревне. Последующие мероприятия центральной власти демонстрировали углублявшуюся переориентацию на жесткие бюрократические методы хозяйствования.

Дальнейшие действия властей в области государственного контроля осуществлялись согласно «Закону о всеобщей мобилизации», вступившему в силу 5 мая 1942 г. Закон объявлял гоминьдановское правительство главным регулятором экономической жизни, что легализовало вмешательство властей в любую сферу мобилизационной деятельности. Закон провозглашал исключительное право Центра на принудительные закупки необходимой продукции, ограничение производства и сбыт любых товаров, попадавших в разряд мобилизационных, контроль над ценами и количеством продукции. Согласно этому Закону, правительство получило право регулировать распределение земельных участков, арендные отношения, контролировать денежные средства финансовых учреждений, компаний, магазинов.

Наметившийся еще с лета 1942 г. отход от практики примирения интересов деревенского общества и государства явился, по сути, переломным моментом в характере экономического регулирования на местах. Уже летом 1943 г. правительство инициировало переход от системы всеобщих обязательных закупок к практике принудительных займов зерна, которая предусматривала сдачу зерновых запасов землевладельцами в обмен на государственные облигации с условием погашения через 5–9 лет и выплатой 5% годовых. Правительство выпустило облигации на сумму, эквивалентную 40,5 млн. *даней* риса, однако кампания по получению дополнительных ресурсов из деревни не принесла желаемых результатов. Указанным способом было собрано не более 15 млн. *даней* риса и пшеницы, примерно столько же было закуплено по прежним каналам, и поступления непосредственно от сбора поземельного налога составили 34,7 млн. *даней*, т.е. 50% от планировавшегося объема.

Ужесточение политики вмешательства центрального правительства в дела деревни способствовало бюрократизации властных структур на местах, борющихся за место в механизме перераспределения в пользу государства изымавшегося продукта. Правительство пыталось воспрепятствовать развитию этой тенденции. Именно на лето 1943 г. пришлась беспрецедентная для гоминьдановского тыла кампания Центра по сокращению аппарата фискальных органов и ослаблению контроля над обращением зерна, а также по разделению сфер деятельности разных ветвей аппарата налогового ведомства.

Следует признать, что контроль центрального правительства над действиями административного аппарата на местах в значительной степени расшатывался фактором «чрезвычайности» военного времени, когда произвол местной администрации усиливался бесконтрольной деятельностью военного командования. Самодеятельность военных властей усугубляла неразбериху в системе управления и налоговых изъятий и имела серьезные социальные последствия. Провинции гоминьдановского тыла становились зоной организованного крестьянского протеста, который порой принимал формы традиционного бунта.

Введение весной 1939 г. государственной монополии на тунговое масло, щетину, шелк, чай и сахар для обеспечения компенсационных поставок странам–кредиторам Китая оказалось губительным для производителей. Все более явную стагнацию в сферах производства щетины, тунгового масла, шелка-сырца, отчетливо обозначившуюся к 1943–1944 гг., вызывало сохранение установленных властями фиксированных закупочных цен, которые не учитывали уровень инфляции и повышение себестоимости производства. Процветал черный рынок, а производители, продававшие по низким ценам товар государству, разорялись. Провалилась, по сути, попытка властей установить контроль над всеми стадиями производственного цикла в ткацкой промышленности. Примером неэффективной деятельности властей стал разразившийся в 1943 г. кризис производства хлопчатобумажных тканей в пров. Шэньси, шесть предприятий которой составляли более трети производственных мощностей ткацкой промышленности тыловых районов. Политика государственного регулирования поставок сырья,

производства хлопчатобумажной нити и скупки готовой ткани по принудительным ценам подрывала производственную мотивацию всех производителей. Органы государственных закупок и продаж в течение нескольких лет оставляли закупочные цены неизменными, несмотря на рост инфляции и всплеск рыночных цен на сырье. Ткацкие фабрики были вынуждены для поддержания производства закупать сырье по рыночным ценам и разорялись, продавая государственным оптовым скупщикам свою продукцию по фиксированным ценам. Неспособность государственных организаций обеспечить предприятия дешевым сырьем приводила к масштабному сокращению производства тканей – по некоторым данным, примерно на 50% в течение 1943 г.

Наряду с продолжением политики централизованных закупок и продаж правительство с 1942 г. активно расширяло сферу государственных монополий, реализуя выдвинутые Кун Сянси в марте 1941 г. проекты монополий на соль, сахар, табак, спиртное, чай, спички. Работа созданного под эгидой министерства финансов Совета по планированию государственных монополий завершилась вступлением в силу с января 1942 г. монополии на соль, с середины февраля – на сахар, с начала мая – на спички, с начала июля – на табак. Соляная монополия вплоть до конца Антияпонской войны не приносила значительных доходов и гораздо выгоднее было продолжать ориентироваться на соляной налог, который после 1945 г. полностью отодвинул монополию на задний план. Свидетельством неэффективности государственной монополии на сахар стала ее отмена в августе 1944 г. и возвращение сахара в разряд товаров, облагаемых продовольственным акцизом.

Кризис ткацкой отрасли в Шэньси продемонстрировал также порочность механизма налогообложения торгово-промышленного сектора. Активизацию налоговой политики в этой сфере обусловила недостаточная доходность земельного налогообложения. И именно в 1942–1943 гг. в гоминьдановской налогово-финансовой политике произошел поворот «лицом к городу», повысилась роль администрирования прямых налогов, усложнилась акцизная система, подверглась коррективам прежняя система фиска. Были введены новые виды налогов, более принудительный характер приобрела практика распространения внутренних займов. В ходе реализации программ «совершенствования» налоговой системы и способов взимания налогов углубился процесс разложения бюрократического аппарата.

В сфере прямого налогообложения получила дальнейшее развитие система подоходного налога. Начиная с 1942 г., несмотря на то что Законом о подоходном налоге предусматривалось, главным образом, обложение доходов физических лиц, на практике основными объектами внимания фискальной администрации стали промышленные и торговые предприятия, а также банки. Основным недостатком существовавшей практики взимания как подоходного налога, так и налога чрезвычайного времени на сверхприбыли стал отказ принимать во внимание изменение себестоимости продукции вследствие инфляции. Главы основных ткацких предприятий Шэньси в специальных выступлениях указывали на важность регулирования налоговых ставок для обеспечения воспроизводства.

В связи с объединением центрального и провинциального бюджетов в единый государственный бюджет с 1942 г. в ведение Бюро прямого налогообложения перешел и предпринимательский налог. Подобно подоходному налогу, сбор предпринимательского налога часто осуществлялся без учета изменения стоимости основного капитала предприятия. Нацеленный на суньятсеновское «ограничение капитала», он фактически стал орудием ограничения производства. Пользуясь отсутствием подробных инструкций, налоговые органы избирали главной мишенью наиболее эффективные крупные производства, не утруждая себя работой с менее эффективными и разрозненными предприятиями. Не выдерживавшие давления фискального пресса средние предприятия часто предпочитали избавляться от статуса юридического лица путем самоликвидации или перерегистрации в качестве необлагаемых налогом производственного кооператива или артели.

Широкое распространение получила практика внутренних заимствований, которые являлись плановой статьей доходной части бюджета. Во многих городах были организованы движения по сбору пожертвований «на культуру», «на армию», «для трудящихся». Агентами распространения всевозможных займов, сберегательных облигаций и обладателями права собирать пожертвования могли быть практически любые организации с государственным статусом. Внутренние займы приносили довольно ощутимый доход в центральную казну вплоть до завершения войны, хотя и не пользовались большой поддержкой населения, особенно частнопредпринимательского сектора. Стиль государственного регулирования и контроля все более характеризовался всевозможными внеплановыми разверстками и поборами, в первую очередь по отношению к промышленным предприятиям. Коррупция и взяточничество, сопровождавшие эти непопулярные мероприятия, не благоприятствовали нормальному производственному процессу.

Недостаточно продуманный подход правительства к формированию госбюджета, расточительность гоминьдановского аппарата в Центре и на местах, неподконтрольность трат на военные нужды и отсутствие внятной отчетности по любым расходам превращали бюджет в объект махинаций гражданской и военной бюрократии. Необходимость создания жесткой системы контроля над бюджетом была очевидна уже в 30-х годах. Ситуация не изменилась и в период войны, ее усугублял рост денежной массы в обращении. В статью расходов на «строительство государства», на «развитие и модернизацию» нередко включались траты на лишенные смысла проекты (выплавка стали низкого качества, масштабное углубление русла рек в тыловых провинциях и др.). В финансировании таких проектов были заинтересованы бюрократические структуры, в условиях инфляции и бесконтрольности извлекавшие из них большие доходы.

Деятельность гоминьдановской власти в сферах административного, экономического и налогового регулирования в значительной степени отражала благие намерения реформаторов, пытавшихся адаптировать управленческие и хозяйственные связи к условиям военного времени и ориентировавшихся на модернизa-

цию страны. В реальной жизни все большее место в политике Гоминьдана, проводившейся в крайне неблагоприятных условиях Антияпонской войны, занимало использование традиционных принудительно-бюрократических приемов управления и хозяйственной деятельности, свойственных прежним милитаристским режимам.

Постепенно центральный гоминьдановский аппарат подменял провинциальное звено управления, однако контроль центральной власти над уездным уровнем и ниже установить удавалось далеко не всегда, причем такой контроль не позволял решать поставленные Центром задачи. Все более явным становилось грубое бюрократическое искажение экономической политики Чунцина. На заключительном этапе войны нарастали паразитические черты в гоминьдановской государственной машине. Неспособность стабилизировать экономическую сферу лишала Гоминьдан социально-политической поддержки.

Переводя поземельный налог в ведение Центра, лидеры Гоминьдана в принципе не отказывались от рыночного регулирования. В своей политике они стремились учитывать такие рыночные факторы, как соотношение спроса–предложения, дисбаланс между производством и реализацией продукции, масса бумажных денег в обращении. Централизация взимания поземельного налога в натуральной форме, по замыслам реформаторов, должна была обеспечить контроль правительства над зерновой массой, для того чтобы стабилизировать предложение на рынке, уравновесить цены, уменьшить дефицит бюджета. Натурализация налоговых сборов представлялась авторам проекта важным инструментом регулирования доходов и расходов. В условиях китайского Юго-Запада 40-х годов имела место попытка применить некоторые элементарные правила рыночной экономической теории. Осуществляя частичную натурализацию налогов, государство стремилось стать игроком рынка, начать конкурировать с его остальными субъектами, опираясь на контролируемый сектор экономики, влиять на распределение доходов.

Неэффективность проектов Гоминьдана, направленных на сочетание государственного и частнокапиталистического секторов экономики, была обусловлена в первую очередь переоценкой гоминьдановскими экономистами-реформаторами темпов осуществления социально-экономических и административных реформ в периферийной хозяйственной структуре. И здесь у Гоминьдана нашлись оппоненты слева – деятели созданного в Сычуани в 1940 г. представителями интеллигенции и предпринимательских кругов «Общества исследования аграрной политики» во главе с активным демократическим деятелем Хэ Гунганем. Критикуя гоминьдановские программы, деятели Общества отмечали, что китайской экономической структуре того времени было свойственно незначительное влияние на денежное обращение вообще. Основной объем национального производства, по мнению исследователей Общества, создавался вне сферы досягаемости денежной политики. Поэтому в экономике военного времени финансовый контроль не являлся важным условием экономического регулирования, стимулирования и макроконтроля.

Партийно-политические преобразования. Сужение социальной базы Гоминьдана

Неблагоприятные условия военного времени искажали первоначальные замыслы и препятствовали развитию прогрессивных тенденций в системе управления, в экономической жизни и политической сфере. Экономические концепции Чунцина, содержавшие идеи сотрудничества государства и национального предпринимательства, были тесным образом связаны с планами политического переустройства, предполагавшими ориентацию на «доброго» чиновника, и опирались на систему партийной власти. Как подчеркивал Чан Кайши в своей книге «Судьбы Китая» (1943 г.), залогом успешной экономической реконструкции являлись два фактора – наличие дееспособной политической власти партии-государства и изменения в психологии народа. За формирование системы рационального, но жесткого контроля выступали в 1945 г. и многие китайские экономисты.

Провал партийного строительства стал очевидным уже к началу 40-х годов. В ноябре 1939 г., на VI пленуме ЦИК Гоминьдана говорилось об остром партийном кризисе, связанном с ослаблением массовой базы Гоминьдана, предлагалось перенести центр тяжести партийной работы «на крестьянско-рабочие трудящиеся массы», вести просветительскую работу, привлекать руководителей *баоцзя* к партийной деятельности, добиваясь сближения партии и администрации на местах. Восстанавливать влияние партии предлагалось путем всеобщей «гоминьданизации» (*данхуа*) населения, активными сторонниками которой были члены группировки «СиСи». На протяжении всей войны нередки были случаи коллективного вступления в партию «поднятием рук». Массовую «гоминьданизацию» наиболее успешно осуществляли в армии. На деле связи рядовых членов с парторганизацией, которая должна была стать «и семьей, и школой», были очень слабыми. Провозгласив в 1941 г. курс на назначение лучших членов Гоминьдана на посты начальников уездов и в уездный аппарат, а также пытаясь ввести систему выборов в руководящие партийные органы на нижних уровнях партийной организации, руководство в Чунцине столкнулось с массой злоупотреблений.

В большинстве районов подобные выборы не проводились вовсе. Так, в ноябре 1942 г. X пленум ЦИК Гоминьдана указал, что из 1258 парторганизаций различного уровня о проведении выборов в Центр сообщили только 72 уездные и городские организации, т.е. около 7% их числа. Партийные чиновники подвергались критике сверху за бездействие, порочный стиль работы, за неисполнение законов. В реализации указаний Центра на местах большие помехи создавали *шэньши*, которых не смели наказать руководители *баоцзя*. Слабость партийного контроля, считали гоминьдановские руководители, способствовала злоупотреблениям на местах.

Введенная в 1940 г. громоздкая бюрократическая «триединая система» управления и партийного контроля не дала ожидаемых результатов. Весьма быстро проявились ее недостатки: огромные и неэффективные расходы, раздутые

штаты управленцев в Центре и слабая структура на уровне провинции и уезда, отсутствие подготовленных кадров, неосведомленность чиновников о сути правительственных законоположений по поводу партконтроля. Не была достигнута координация трех этапов-звеньев системы (планирование, исполнение, контроль), неэффективной оказалась система планирования. В апреле 1945 г. правительство начало грандиозную реорганизацию административной «трехзвенной системы», которая фактически была сведена к бюрократическим перестановкам и дальнейшему раздуванию аппарата. Проблемы управления обсуждались на созванной той же весной специальной конференции, посвященной повышению эффективности работы партийной, гражданской и военной администрации. Решения конференции нацеливали на сокращение сроков принятия решений в области контроля, на достижение соответствия содержания конкретных решений реалиям, упрощение документации, установление прочной связи между соответствующими звеньями административной системы.

Создаваемые на периферии партийные отделы не имели массовой поддержки и зачастую превращались в замкнутые корпоративные организации, которые Центр использовал для расширения той конспиративной деятельности на местах, о которой говорилось еще на Чрезвычайном съезде Гоминьдана в 1938 г. Чан Кайши в партийно-государственном управлении уделял все больше внимания военно-полицейским методам, планам агентурного проникновения в различные местные структуры и тайной борьбе, направленной на ослабление социально-политической базы милитаристов, привлечение на свою сторону отрядов различных уездных или сельских «тиранов», а также старост. Тайная борьба за контроль на местах отражала противоречия различных группировок в Гоминьдане. Чан Кайши пытался сдерживать их столкновения, опираясь на армию, в основном на офицеров – выпускников Хуанпу, а также на партийную и армейскую разведку.

Созданные в 1938 г. два ведомства – Статистическое бюро расследования ЦИК Гоминьдана, или Центральное бюро (глава – деятель группировки «СиСи» Сюй Эньцэн), и Статистическое бюро расследований при Военном совете (Военное бюро – руководитель Дай Ли) – на деле не были чисто разведывательными органами и характеризовались быстрым врастанием в экономические, административные и социальные структуры, а также в общественные организации. Некоторые гоминьдановские лидеры придавали этим организациям исключительно важное значение в борьбе за контроль на местах и направляли свои усилия на создание сети (параллельных официальным) квазиадминистративных подразделений на всех уровнях управления. Они функционировали легально, но вели масштабную конспиративную деятельность. Однако при всем сходстве и общности задач Центрального и Военного бюро за каждым из них стояли различные влиятельные гоминьдановские политические группировки – соответственно «СиСи» и «Фусиншэ». От характера взаимного противостояния и реального статуса этих группировок зависела прочность занимаемых данными ведомствами позиций в экономических, государственных и прочих структурах.

Агентурная сеть Центрального бюро создавалась в основном на базе партийных отделов, что превращало их в структурные подразделения ЦИК Гоминьдана. В военных, полицейских и законодательных органах позиции Центрального бюро были слабыми.

Постепенное усиление позиций военных, обусловленное поддержкой со стороны Чан Кайши, который во все большей мере делал ставку на армию, вело к усилению влияния Военного бюро Дай Ли, создавшего в годы войны разветвленную сеть агентурного контроля. Отделения секретной полиции Дай Ли серьезное внимание уделяли установлению прочных контактов с местными тайными обществами, различными бандитскими группировками, даже пытались объединить их под эгидой так называемого Комитета по мобилизации народа. Дай Ли усиленно стремился проникнуть и в налоговые ведомства, и в торговые сферы, и даже в структуру министерства иностранных дел во главе с Сун Цзывэнем.

Особое место в планах обеих структур занимала полиция. Специфика этого института состояла в том, что полиция являлась структурным компонентом гоминьдановского министерства внутренних дел и в то же время важным элементом системы местного самоуправления. Поэтому сначала реорганизация полиции мыслилась как составная часть реформы самоуправленческих структур. Управление полицией передавалось на уездном и ниже уровнях новому администратору, и крепкая полиция рассматривалась Гоминьданом как гарант успеха в создании новой уездной системы. Однако по мере реализации программы местного самоуправления возникала опасность выхода полицейских сил из-под контроля Центра. Ситуация усугублялась возникновением множества иных вооруженных формирований под видом сил самообороны или охраны. Поэтому в политике центральной власти к 1942 г. наметился постепенный переход от планов направляемой самоуправленческой реконструкции уездной администрации к более жесткому регулированию и регламентации деятельности полицейских формирований. В опубликованной 21 марта 1942 г. Исполнительным юанем «Программе организации уездной полиции» подчеркивалась необходимость возможно большей централизации управления полицией в руках уездной власти (которую легче, видимо, было контролировать при помощи агентуры).

В гоминьдановской политике «привязки» полиции к системе тайного контроля особенно остро проявились противоречия между Центральным и Военным бюро. Не располагая изначально сколько-нибудь прочными позициями в системе подготовки кадров для полиции, лидеры партийной разведки и лично Чэнь Лифу приблизили к себе ответственного за систему полицейской кадровой подготовки Ли Шичжэня, выдвинув его даже в состав ЦИК Гоминьдана и рассчитывая использовать его для сдерживания Дай Ли. В результате многие выпускники Центральной академии офицеров полиции тесно сблизились с агентурой Центрального бюро, что вызвало негативную реакцию Дай Ли. Сам Ли Шичжэнь старался скрывать свои отношения с группировкой «СиСи» и никогда не шел на открытую конфронтацию с весьма влиятельным Дай Ли. Разногласия

с Дай Ли стали в конце концов причиной отставки «несгибаемого» лидера партийной разведки Сюй Эньцэна (1945 г.), не нашедшего защиты даже у Чан Кайши. Это свидетельствовало об ослаблении к концу войны позиций группировки «СиСи» и Центрального бюро.

Политика «тайного проникновения» гоминьдановских властей в местные структуры власти нередко приводила к острым конфликтам между Центром и местными силами, объединенными под началом ведущих провинциальных милитаристов. Драматизм этой борьбы демонстрировали весьма показательные эпизоды деятельности правительственных войск и агентуры Военного бюро на территории Сычуани, Сикана, Юньнани в период войны. Вооруженное давление со стороны чунцинских властей сопровождалось не прекращавшимся вплоть до 1949 г. позиционным противостоянием воинских формирований в этих провинциях, что поддерживало постоянную напряженность в регионе.

Обострение противоречий между Центром и местными силами приводило к открытым выступлениям целых групп провинциальных лидеров против возглавляемой Чан Кайши гоминьдановской верхушки. Так было в 1944 г., когда коалиция ведущих провинциальных милитаристов, в которую входили Лун Юнь, Янь Сишань, Пань Вэньхуа, Лю Вэньхуэй, бросила вызов Чан Кайши и обвинила его в стремлении добиться под прикрытием ведения Антияпонской войны военного превосходства над их армиями. О накале противоречий между Чан Кайши и милитаристской коалицией свидетельствовал тот факт, что оппозиция поставила вопрос о замене Национального правительства так называемым «правительством национальной обороны», избираемым «национальной конференцией». В конференции, которую планировали созвать в Чэнду 10 октября 1944 г., предполагалось участие представителей всех политических партий. Предусматривалось даже временное прекращение сопротивления КР японским войскам, дабы ускорить распад китайской армии, лояльной Чан Кайши. Противоречия в лагере оппозиции, однако, не позволили осуществить эти планы. Немалую роль здесь сыграл политический маневр Чан Кайши, который привлек на свою сторону Лун Юня, обещав передать ему часть вооружений, полученных по ленд-лизу, на оснащение трех юньнаньских дивизий.

В противостоянии Центра и провинциальных сил большую роль играли политические советы. В Сычуани борьба вокруг провинциального политического совета обострилась к 1945 г., когда встал вопрос о создании постоянного состава этого совещательного органа. Чан Кайши, опираясь в основном на влиятельные группы партийной бюрократии и военных («СиСи» и «Фусиншэ»), добивался прочного влияния в политическом совете Сычуани.

Для реализации хозяйственных и других передовых проектов требовался должный контроль и разрушение корпоративных социально-политических связей милитаристского типа, преодоление сегментации политической власти. На пути партийного правления, притом в условиях военного времени, сделать это в полной мере не удалось. Свидетельством недостаточной эффективности функционировавшей системы партийно-политического управления и контроля стал

поиск Гоминьданом компромисса с местными элитами, признание де-факто их социально-политического статуса и включение их в административную структуру КР.

Суровые реалии военного времени заставляли гоминьдановских руководителей отказываться от последовательной реализации теорий управления, разрабатываемых в духе суньятсенизма.

Росло недовольство политикой Гоминьдана в торгово-промышленных слоях населения. Печальным итогом политики властей по отношению к городам стала тенденция масштабного сокращения производства на частных предприятиях в 1943–1944 гг. К тому же 1944 год знаменовался значительным оттоком инвестиций из производства в спекулятивные торговые и земельные сделки; распространялось явление «чрезмерной концентрации земли»; такая ситуация характеризовалась формулой «торговля заменяет промышленность». Специфической формой развития конфликта между гоминьдановской бюрократией и частнопредпринимательским сектором стала дальнейшая консолидация частного капитала и провинциального государственного и общественного предпринимательства, в силу своего статуса освобожденного от многих поборов. О критическом отношении представителей предпринимательских кругов к Гоминьдану свидетельствовали протесты различных влиятельных объединений и ассоциаций частного бизнеса. Например, такие организации, как Производственная ассоциация Юго-Западного Китая, Объединенный совет эвакуированных в Сычуань предприятий, Всекитайская промышленная ассоциация, Китайское Общество содействия производству, в мае 1944 г. направили свой официальный протест XII пленуму ЦИК Гоминьдана, потребовав «свободы производства» и устранения партийного контроля.

Ослабление социальной базы Гоминьдана лишало режим Чан Кайши возможностей победы на политическом фронте против КПК. Тем не менее усилия властей по реконструкции политических структур, сколь бы утопичными они ни были, способствовали в определенной степени пробуждению политической инициативы общественности.

Гоминьдан, пришедший в начале войны в сельские районы с передовыми экономическими проектами, не преуспел в их осуществлении. Вместе с тем результаты широкого спектра политических инициатив Гоминьдана были неоднозначными. Помимо противодействия этим инициативам местных социальных слоев и управленческой бюрократии немаловажную роль в неудачах гоминьдановского курса сыграли географический и военный факторы. В годы «нанкинского десятилетия» Гоминьдан расширял свои ряды в значительной степени благодаря выходцам из буржуазных и мелкобуржуазных слоев наиболее экономически развитых приморских районов страны. Соответственно, его политика ориентировалась на интересы буржуазии, хотя и не в полной мере, поскольку в формировании политики партии далеко не последнее место занимали так называемые «новые милитаристы». В течение Антияпонской войны, лишившись почти всей фабрично-заводской промышленности и потеряв связи с приморской,

прежде всего шанхайской, буржуазией, Гоминьдан правил районами с неразвитыми капиталистическими отношениями, что в немалой степени предопределяло трудности партии и правительства в разработке и реализации новых программ модернизации. Тем не менее имеются и впечатляющие примеры успешных гоминьдановских проектов. Так, в Сычуани, Хунани, Гуанси и Шаньси до войны не было крупных промышленных предприятий, в военные же годы там были созданы промышленные центры, оказавшие значительное влияние на экономическую ситуацию на этих территориях. Более того, сама способность гоминьдановского правительства вести войны с таким мощным противником, как Япония, в определенной степени свидетельствовала о потенциальных возможностях гоминьдановского режима.

Огосударствление промышленности и торговли, уровень которого силою обстоятельств значительно превысил первоначальные замыслы, способствовало формированию новой социальной структуры, интересы которой вступили в противоречие с интересами частного капитала. К концу войны Гоминьдан стремительно терял поддержку промышленно-торговых слоев, не связанных с государственным сектором экономики. Политическая элита гоминьдановского режима, связанная с партийной, гражданской и военной бюрократией, все больше пополнялась представителями землевладельческо-шэньшиских кругов и отрывалась от других слоев населения. Этот процесс сопровождался резким падением уровня жизни и ростом инфляции, а также усилением антикоммунистических и антидемократических настроений в партии. В такой ситуации возникали новые общественно-политические организации, в различной степени противопоставлявшие себя Гоминьдану.

Внутри Гоминьдана, терявшего политический авторитет, в 1944–1945 гг. обострялась фракционная борьба. На заключительном этапе Антияпонской войны в Гоминьдане развернулось так называемое «движение за всестороннее обновление партии, правительства, вооруженных сил». Оно развивалось на фоне повышения международного статуса КР, отмены экстерриториальности и признания Китая его союзниками в качестве великой державы, с одной стороны, и роста авторитета КПК в стране и за рубежом – с другой. В движении, приведшем к созданию фракции «Обновление» (Гэсиньпай), участвовали молодые члены Гоминьдана из группировки «СиСи», представители группировки «Хуанпу» и некоторые члены Союза молодежи «трех народных принципов», встревоженные утратой Гоминьданом позиций в политической среде, государственном строительстве, авторитета у общественности. Они требовали провести демократизацию внутрипартийной жизни, считая ее насущно необходимой предпосылкой политических преобразований в своей стране. Сторонники «Гэсинпай» также добивались «искоренения бюрократии», изменений в системе выборов. Чан Кайши был озабочен усилением «обновленцев». Члены его ближайшего окружения (братья Чэнь, Чжан Цюнь, Дай Цзитао) сохраняли лишь часть своего прежнего влияния, что и проявилось в некотором кратковременном «полевении» политики Гоминьдана сразу после окончания войны.

Укрепление позиций КР на мировой арене оказывало непосредственное влияние на внутриполитическую ситуацию. Международно-правовые акции, направленные на встраивание Китая в систему международных отношений как субъекта международного права, повышали авторитет гоминьдановского правительства и активизировали демократическое движение в стране, подвергавшее критике внутреннюю политику Гоминьдана. Между тем раздираемый фракционной борьбой, Гоминьдан сопротивлялся внутри- и внепартийной демократизации. Противоречивость развития политической обстановки гоминьдановского Китая в полной мере сказалась на работе VI съезда Гоминьдана (5–21 мая 1945 г.). Принятые им документы имели компромиссный характер. Чан Кайши и его ближайшее окружение противостояли более прагматичной, либеральной части гоминьдановских лидеров (Сунь Фо, Сун Цзывэнь, Кун Сянси). Но в целом картина была еще сложнее. При всей своей склонности к авторитарному правлению, Чан Кайши под давлением обстоятельств занял на съезде позицию, близкую к центристской.

В Манифесте VI съезда Гоминьдана ставились задачи доведения войны с Японией до победы, а в области внутренней политики выдвигались требования ограничения крупной земельной собственности и скорейшего перехода от периода «политической опеки» Гоминьдана над страной к конституционному правлению. Съезд принял «Программу промышленной реконструкции». Вместе с тем документы VI съезда отражали претензию Гоминьдана на политическую монополию в стране, а гоминьдановского государства – на тотальный контроль над китайским обществом. Противоречивый характер этих решений контрастировал с линией Компартии Китая на демократизацию страны и создание коалиционного правительства, отраженной в документах VII съезда КПК, проходившего в Яньани (пров. Шэньси) 23 апреля – 11 июня 1945 г.

Глава 5
Освобожденные районы и КПК в годы войны

Проблемы единого фронта и сотрудничества между Гоминьданом и КПК в первые годы войны

Взаимоотношения Гоминьдана и КПК с началом китайско-японской войны приобрели первостепенное значение для судеб Китая, так как во многом определяли способность страны к сопротивлению Японии и оказывали значительное влияние на уровень внутриполитической стабильности. Политика единого фронта имела непосредственное отношение к разработке форм противодействия япон-

ской агрессии, развитию освобожденных районов, намечала политические перспективы страны в послевоенный период.

Новая ситуация в КР, связанная с консолидацией патриотических сил в борьбе за национальную независимость, требовала новых форм и методов разрешения противоречий между партиями и группировками, между центральным правительством и местными властями, поиска компромиссных решений. Идея создания единого национального фронта предполагала не только сотрудничество КПК и Гоминьдана как его основу, но и объединение всех политических партий и группировок, армий, массовых организаций, народных масс в совместной войне Сопротивления Японии.

Еще в феврале 1937 г. в телеграмме III пленуму ЦИК Гоминьдана 5-го созыва Компартия Китая в соответствии с рекомендациями Коминтерна выражала готовность пойти на ряд уступок, исходивших из условий, предложенных Гоминьданом в процессе предшествующих переговоров с КПК. Компартия соглашалась прекратить борьбу за свержение гоминьдановского правительства, реорганизовать Советское правительство, ввести демократическую систему управления, реорганизовать армию, которая будет подчинена непосредственно Нанкинскому правительству, отказаться от конфискации помещичьих земель и в дальнейшем выполнять программу единого фронта.

В мае 1937 г. на конференции партийных организаций Центрального советского района Шэньси–Ганьсу–Нинся КПК отмежевалась от прежнего политического курса на советизацию и приняла установку Коминтерна на сотрудничество с Нанкинским правительством в целях создания единого национального фронта. Взяв курс на взаимодействие с Гоминьданом, Компартия рассчитывала также на получение возможности легальной деятельности на подконтрольных Гоминьдану территориях, на расширение своего политического влияния в стране и повышение роли коммунистов в национальном движении.

Мао Цзэдун, выступая на конференции, назвал приемлемыми уступки гоминьдановской власти, на которые готова была пойти КПК. При этом в решениях конференции подчеркивалось, что эти уступки не означали отказа партии от руководящих позиций в советских районах и вооруженных силах КПК, не предусматривали ликвидации или уменьшения степени политической и организационной самостоятельности партии, не лишали Компартию права на критику Гоминьдана. От Гоминьдана коммунисты ожидали прекращения междоусобной войны с региональными военно-политическими лидерами, отмены партийной диктатуры и отказа от политики непротивления Японии. Главная задача Компартии на том этапе определялась борьбой за единый национальный фронт под лозунгом создания «единой демократической республики». Решение этой задачи требовало отказа и от прежних методов работы КПК. Партия должна была перейти от вооруженных методов к мирным, от нелегальных – к легальным, от изолированности – к совместной работе с союзниками КПК. Практически конференция обозначила новый политический курс и переход Компартии к демократическим методам мирной борьбы. Для успешного решения задачи создания

единого национального фронта Компартия полагала необходимым введение в стране демократических свобод: слова, печати, собраний, организаций и политических партий. Перспективы развития единого фронта Коммунистическая партия связывала в значительной степени именно с демократизацией политического режима КР.

Некоторые сдвиги наметились и в позиции Гоминьдана. III пленум ЦИК Гоминьдана 5-го созыва (февраль 1937 г.), несмотря на противоречивость его решений, высказался за возможность сотрудничества с КПК на определенных условиях: роспуск КПК и ее Красной армии, упразднение Советов, прекращение коммунистической пропаганды и классовой борьбы и принятие «трех народных принципов» Сунь Ятсена. Поддержку «трех принципов» Компартия не считала препятствием для сотрудничества и полагала, что они будут политической основой сотрудничества между партиями в борьбе против общего врага. КПК приветствовала начавшийся поворот в политике Гоминьдана и его намерения возродить революционный дух «трех народных принципов» Сунь Ятсена.

Положительным моментом, характеризовавшим настроения в стране, являлись предложения, поступившие в адрес III пленума от общественных организаций Шанхая, Пекина, Маньчжурии, о необходимости проведения Гоминьданом внешней политики в духе сопротивления японской агрессии, а внутренней – в духе объединения национальных сил и демократизации режима.

Агрессия Японии послужила консолидирующим фактором и для малых политических партий Китая, так называемых «промежуточных сил», выражавших интересы разных социальных групп, переходивших в тот период от общественной к политической деятельности. Многие из них не только предлагали свои способы решения проблем защиты и укрепления национальной независимости, осуществления политических реформ, установления демократии и социальной справедливости, но и пытались оказывать посреднические услуги в переговорах между КПК и Гоминьданом. Эти партии не имели в своем распоряжении военных формирований, их оружием политической борьбы была лишь печатная пропаганда. И хотя ведущие партии зачастую отвергали претензии малых партий, влияние последних в обществе нельзя было игнорировать, и потому большие партии сотрудничали с малыми.

Переговоры КПК и Гоминьдана в первой половине 1937 г. определили важные направления совместных действий, а также настоящих и будущих разногласий в процессе взаимодействия обеих партий. Компартия проявляла бóльшую, чем руководство Гоминьдана, активность в поисках взаимоприемлемых решений. Между тем вплоть до сентября 1937 г. Гоминьдан не давал внятных ответов как на Декларацию КПК от 15 июля 1937 г., предложенную в качестве основы соглашения между партиями, так и на Декларацию КПК от 23 июля 1937 г. В последнем документе, составленном КПК в условиях стремительного продвижения японской армии в глубь страны, коммунисты призывали правительство Чан Кайши прекратить переговоры и дипломатические отношения с Японией и немедленно начать всестороннюю оборонительную войну, провести всеобщую

мобилизацию, отменить закон о запрещении партий и немедленно наладить сотрудничество между КПК и Гоминьданом, чтобы на этой основе сплотить все партии и группировки и создать антияпонский единый фронт. Таким образом, процесс сближения партий проходил не без трудностей и колебаний с обеих сторон. Наиболее активно он развивался в первый, самый тяжелый период войны, когда Китаю грозила потеря государственного суверенитета. КПК и Гоминьдан изучали вопросы сотрудничества на партийных форумах, постепенно углубляя свое понимание этого политического процесса. Значительное влияние на формирование реалий единого фронта оказало Лочуаньское совещание КПК (август 1937 г.), которое, в соответствии с рекомендациями Коминтерна, подтвердило курс на мирное развитие отношений с Гоминьданом и заявило о сохранении линии на создание освобожденных районов, укрепление и расширение собственных вооруженных сил Компартии, взаимодействующих в определенной степени с гоминьдановским правительством и гоминьдановской армией. Трудно было определить степень взаимодействия с Чан Кайши, так как в Гоминьдане не было единства относительно целесообразности межпартийного сотрудничества и форм единого фронта с КПК. В силу этого и ряда других обстоятельств КПК намеревалась сохранить в рамках единого фронта собственную политическую самостоятельность и самостоятельность своей армии. Последовательным сторонником этой идеи был Мао Цзэдун.

Если на совещании в Лочуане была акцентирована идея относительной самостоятельности и независимости КПК в едином фронте, то на декабрьском (1937 г.) совещании Политбюро ЦК КПК в Яньани, проходившем с участием представителя КПК в Коминтерне Ван Мина, проявилась противоположная тенденция. На этом совещании говорилось о признании коммунистами Гоминьдана в качестве руководящей силы, как это рекомендовал Коминтерн, от Гоминьдана же ожидали проведения соответствующих демократических мероприятий в интересах национально-оборонительной войны и укрепления Национального правительства. Перед Компартией ставилась задача оказания помощи союзникам по единому фронту, прежде всего Гоминьдану, поиска путей к преодолению разногласий и трений. КПК также вменялась в обязанность активизация усилий для создания «правительства национальной обороны» на базе Нанкинского правительства и для оказания помощи Гоминьдану в деле строительства единой «армии национальной обороны» под общим командованием, с едиными дисциплиной, вооружением, материальным обеспечением и планами военных действий.

Был также подвергнут критике тезис Лочуаньского совещания о самостоятельном и независимом ведении партизанской войны. КПК рекомендовалось укреплять и пополнять 8-ю армию как составную часть НРА, одновременно усиливать партийное руководство этой армией, чтобы превратить ее в образцовое соединение единой китайской армии. Рекомендовалось координировать партизанские действия с операциями регулярной армии, сохранять партийное руководство на контролируемой территории с целью превращения ее в образцовый «район сопротивления Японии».

Совещание призвало к укреплению внутрипартийного единства, повышению политического веса Компартии в масштабах всей страны. Ставились задачи расширения сферы легальной деятельности КПК, создания новых партийных организаций и усиления пропагандистской работы, сочетания в действиях КПК легальных методов с нелегальными. Для усиления работы коммунистов на гоминьдановской территории и осуществления политики единого фронта декабрьское совещание приняло решение о создании двух региональных бюро – Чанцзянского и Бюро ЦК КПК по Юго-Восточному Китаю. Было также принято «Воззвание ЦК КПК», в котором перечислялись меры, необходимые для продолжения вооруженной борьбы и достижения победы над Японией. Усилия Компартии Китая в разработке политики единого фронта имели определенный успех, однако, как показали дальнейшие события, разногласий как внутри КПК, так и между Гоминьданом и КПК избежать не удалось.

Положение в Китае, проблемы сотрудничества КПК и Гоминьдана в условиях войны и состояние единого фронта обсуждались на Президиуме ИККИ в мае–июне 1938 г. В Москву с докладом о положении в Китае и задачах КПК приехал Жэнь Биши. Ход Антияпонской войны в докладе Жэнь Биши рассматривался на фоне развития взаимоотношений Гоминьдана и КПК. Неудачи и потери со стороны Китая объяснялись не только военным превосходством японской армии, но и ошибками военного и политического характера, допущенными Гоминьданом и Национальным правительством.

Касаясь проблем единого фронта, Жэнь Биши констатировал наличие трений между партиями, имевших место в конце 1937 г. Их возникновение он объяснял, с одной стороны, недовольством Гоминьдана ростом влияния КПК и ее вооруженных сил, его стремлением ограничить деятельность Компартии и недоверием к коммунистам, а с другой – недостаточным пониманием в самой КПК поворота Гоминьдана к сотрудничеству с коммунистами. Кроме того, Жэнь Биши обращал внимание на излишне настойчивые в условиях военного времени требования КПК к Гоминьдану по поводу введения демократических свобод и улучшения материального положения населения. Доклад отразил типичную для коммунистов убежденность в том, что невозможно ликвидировать противоречия внутри единого фронта, однако «необходимо всемерно избегать и уменьшать их».

Главными препятствиями на пути сотрудничества двух партий КПК считала нежелание Гоминьдана официально признать сотрудничество с КПК равноправным, его опасения в связи с ростом влияния КПК в стране и возможностью завоевания коммунистами руководящего положения в антияпонской борьбе, а также стремление Чан Кайши поставить под свой контроль все провинциальные армии и политические партии и течения.

В докладе Жэнь Биши признавались наметившийся поворот в политике Гоминьдана и роль КПК в этом процессе. Однако, по мнению КПК, он проходил медленно ввиду наличия в гоминьдановском руководстве соглашательских и капитулянтских деятелей. КПК заявляла о готовности сотрудничать с Гоминьда-

ном и поддерживать партийное строительство Гоминьдана. Для этого она считала необходимым принять меры по демократизации Гоминьдана, очищению его от разложившихся элементов и усилению прогрессивных сил в Гоминьдане. Для достижения этой цели некоторых коммунистов готовили к вступлению в Гоминьдан. Таким способом КПК полагала возможным продвигать Гоминьдан к укреплению сотрудничества с Компартией.

Компартия считала необходимым укрепление социальной базы единого фронта. На основе сотрудничества двух партий она планировала подталкивать Гоминьдан и его правительство к проведению прогрессивных мероприятий: постепенной перестройке системы управления, чистке правительства от прояпонских элементов и укреплению обороноспособности страны.

К вопросу о подчинении армии КПК руководству Чан Кайши большинство коммунистов относилось отрицательно, твердо считая, что в будущем Гоминьдан не оставит попыток ослабить вооруженные силы КПК. В связи с этим партия намечала задачи в военной сфере. Прежде всего необходимо было увеличить численность армии КПК, повысить уровень профессиональной подготовки ее кадров, усилить политработу в армии. Предпочтение отдавалось тактике партизанской войны. ИККИ поддерживал стремление КПК к укреплению боеспособности ее вооруженных сил, с тем чтобы они стали передовой и ударной частью всекитайской армии. Особое внимание обращалось на недопущение изоляции вооруженных сил КПК и необходимость их взаимодействия с частями НРА.

Отношение Чан Кайши и Гоминьдана к сотрудничеству с КПК определялось как развитием ситуации внутри страны, так и реакцией на нее внешнего мира. В условиях роста национального самосознания гоминьдановская сторона решила создать Центр национальных и патриотических организаций в Нанкине и Национальный консультативный совет при Высшем совете национальной обороны с участием представителей Гоминьдана, КПК, а также малых политических партий и других группировок. Работа Совета проходила в обстановке строгой секретности и регулировалась специальными документами. Таким образом была предпринята попытка вовлечения представителей разных политических партий в процесс принятия государственных решений. Созданием Совета Гоминьдан преследовал также цель установления контроля над деятельностью партий и общественных организаций.

Заявления Чан Кайши о создании единого фронта на практике не предусматривали легализации КПК в полном объеме. Хотя возможности легальной деятельности коммунистов на гоминьдановской территории были ограничены, тем не менее они возникли. Были открыты представительства КПК в Ухани, позднее – в Чунцине, представительство 8-й армии в Сиани. Завоеванием КПК в рамках политики единого фронта можно считать полученную от правительства возможность издания ежедневной газеты КПК – «Синьхуа жибао». Было получено право использования коммунистами гоминьдановской периодики для патриотической пропаганды и политической критики одиозных фигур в гоминьдановском руководстве. В условиях единого фронта КПК получила доступ к мас-

совым организациям, в которых, умело пропагандируя передовые идеи общенационального сопротивления японской агрессии, быстро расширяла свое влияние и повышала политический авторитет. Однако легальное положение КПК в полном смысле этих слов можно было констатировать лишь на территориях, контролируемых ее вооруженными силами.

Отсутствие официально оформленной общей программы двух партий, а также четкой организационной модели сотрудничества создавало напряженность в отношениях между Гоминьданом и КПК. В руководстве обеих партий эти вопросы были предметом постоянного обсуждения. Вопрос об организационной форме единого фронта многократно обсуждался двумя партиями, однако так и не был разрешен. Предложение Чан Кайши о слиянии партий было неприемлемо для КПК, а предложения Компартии о вступлении коммунистов в Гоминьдан с сохранением своей партийной принадлежности или о создании объединенных комитетов КПК и Гоминьдана отвергались Гоминьданом. Между тем в Северном Китае, где КПК и местные гоминьдановские парторганизации предпринимали отдельные попытки учреждения объединенных комитетов или совместных совещаний, ЦИК Гоминьдана запрещал подобную практику.

Партиям так и не удалось договориться и принять общую программу борьбы с Японией в рамках единого фронта. Ее отсутствие характеризовало сотрудничество как вынужденную тактику, как временное соглашение, к которому КПК подталкивал Коминтерн, а Гоминьдан фактически обязывал договор с СССР. Такая ситуация делала этот союз непрочным и чреватым конфликтами на протяжении всего периода войны.

Партиям не удалось принять даже совместного обращения к нации. Гоминьдан не только вычеркнул из текста Декларации КПК от 15 июля 1937 г. слова о создании революционного союза с участием всех партий и группировок с сохранением их политической и организационной самостоятельности, но и запретил использование в печати термина «сотрудничество». КПК выражала готовность совместно с Гоминьданом и другими политическими партиями обсудить и разработать программу единого фронта, которую пропагандировала и выполняла бы каждая из сторон. Она допускала любые формы публикации программы: совместное подписание, опубликование каждой партией, публикацию от имени Гоминьдана или Чан Кайши с последующим заявлением всех партий о поддержке и соблюдении этой программы. На обсуждение Гоминьдана был также вынесен вопрос о создании дееспособных органов народного волеизъявления из представителей всех партий, организаций, войсковых подразделений и авторитетных массовых организаций. Приветствовалась любая форма их существования. КПК также ставила вопрос мобилизации и участия широких народных масс в войне Сопротивления Японии.

По мнению Чжоу Эньлая, высказанному в его пространном выступлении на Президиуме ИККИ в январе 1940 г. (выступление содержало реальную картину сложной внутриполитической обстановки в Китае того времени), общей программой единого фронта могла бы быть Программа сопротивления и строитель-

ства страны, принятая на Чрезвычайном съезде Гоминьдана (29 марта – 1 апреля 1938 г.). Однако, подчеркнул он, этому препятствовала позиция самого Гоминьдана, который считал этот документ только своей программой, которую вся страна обязана выполнять. На Чрезвычайном съезде Гоминьдана вопрос о формах взаимодействия политических партий в период войны, проблемы программного и организационного оформления единого фронта были предметом острых дискуссий. Позиция Чан Кайши оставалась прежней: в целях максимальной концентрации сил нации в борьбе с внешним врагом добиваться объединения всех политических партий, поддерживающих «три народных принципа» Сунь Ятсена, в единую политическую партию. Представители малых политических партий хотя и критиковали Гоминьдан за монополизацию государственной власти и стремление к диктатуре, однако на стадии предварительного обсуждения считали вариант объединения, предложенный Чан Кайши, возможным и заслуживающим внимания.

В выступлении Чан Кайши на съезде прозвучал призыв предоставить свободу деятельности политическим партиям при условии их отказа от прежнего политического курса. Конкретного решения по этому вопросу съезд не принял.

Сформированный 1 июля 1938 г. по решению Чрезвычайного съезда Гоминьдана Национальный политический совет (НПС) считался совещательным органом, в состав которого вошли представители разных политических партий (от КПК в него вошли семь человек: Бо Гу, Ван Мин, Дун Биу, Дэн Инчао, Линь Цзухань, Мао Цзэдун, У Юйчжан). В перспективе НПС мог бы стать координационным центром единого фронта, но этого не произошло, в том числе из-за нежелания Гоминьдана ограничивать свою власть.

Чан Кайши и Гоминьдан не признавали равноправного характера сотрудничества КПК и Гоминьдана, считая, что «коммунизм капитулировал перед „тремя народными принципами“ Сунь Ятсена». В сфере идеологии Гоминьдан акцентировал различия между «тремя народными принципами» и коммунизмом, попрежнему вел борьбу против коммунистической идеологии и стремился к тому, чтобы идеология Гоминьдана в стране оставалась господствующей. Подобная политика Чан Кайши разжигала конфликты между партиями и не способствовала укреплению единого фронта.

Противодействие Гоминьдана реализации тех или иных организационных форм сотрудничества между партиями показывало его желание всемерно ограничить деятельность коммунистов. Политическая практика также свидетельствовала о том, что Гоминьдан стремился к сужению территории, на которой была допущена деятельность Компартии, а также отвергал попытки сотрудничества на равноправной основе. Это была одна из главных причин конфликтов между двумя партиями. Нежелание видеть в Компартии равноправного партнера проявилось и в деятельности НПС. Хотя сам факт его создания и отдельные акции свидетельствовали о развитии элементов парламентаризма, фактически НПС не изменил авторитарного характера системы правления, возглавлявшейся Гоминьданом. Осознавая эту политическую реальность, КПК, в свою очередь, стреми-

лась использовать НПС как трибуну для агитации и пропаганды как общенациональных целей, так и собственной партийной политики.

Принятая Чрезвычайным съездом Гоминьдана программа получила на 1-й сессии Национального политического совета поддержку всех партий Китая, включая и КПК. От имени Компартии на сессии выступал Ван Мин. Он заявил о поддержке программы как основы внутренней и внешней политики правительства. Подтверждалось также желание Компартии помогать Гоминьдану и правительству в осуществлении программы национального спасения. Одновременно было открыто заявлено, что КПК не отказывается от своей программы борьбы за коммунизм.

Временное прекращение с конца 1938 г. военной активности Японии в Китае и усиление ее политического давления на гоминьдановское правительство с целью вынудить его капитулировать, а также расширение влияния КПК в обширных районах за линией фронта были факторами, оказывавшими сильное влияние на внутриполитическую обстановку в стране. Переход к затяжной войне сопровождался относительным ослаблением напряженности между КР и Японией и одновременно усилением трений между КПК и Гоминьданом. Это создавало угрозу разрыва и без того непрочного сотрудничества двух партий и усиливало рост капитулянтских тенденций в Гоминьдане.

VI расширенный пленум ЦК КПК 6-го созыва (29 сентября – 6 ноября 1938 г.) вновь подтвердил стремление партии поддерживать Чан Кайши и Национальное правительство, одобрил сотрудничество КПК с Гоминьданом и другими политическими партиями антияпонского направления. В то же время пленум подчеркнул политическую и организационную самостоятельность КПК в едином фронте. Сохранение сотрудничества двух партий рассматривалось как гарантия политической стабильности в стране и успешного завершения войны Сопротивления Японии.

КПК вновь заявила о поддержке «трех народных принципов» Сунь Ятсена как необходимого условия для предотвращения трений между КПК и Гоминьданом. Пленум принял решение не создавать засекреченных организаций КПК в рядах Гоминьдана и его войсках и вновь поставил вопрос о выработке организационной основы единого фронта. Лучшей формой долговременного сотрудничества пленум считал вступление коммунистов в Гоминьдан. Компартия поддержала программу Гоминьдана и выражала готовность оказывать содействие в ее реализации. Однако Гоминьдан интерпретировал позицию КПК как отказ партии от своей политической и организационной самостоятельности. Он по-прежнему не видел в КПК равного политического партнера. V пленум ЦИК Гоминьдана 5-го созыва (январь 1939 г.) в качестве предварительного условия вступления коммунистов в Гоминьдан выдвинул требование об их выходе из КПК и отказе от коммунистической идеологии, что было неприемлемо для Компартии. Вопрос об организационных формах единого фронта так и остался открытым.

Наличие вооруженных сил у КПК усиливало взаимное недоверие двух партий, которое в первую очередь было результатом предыдущей длительной граж-

данской войны. Чан Кайши и правящий режим, вынужденные в условиях войны с Японией признать факт существования КПК и ее вооруженных сил, в то же время боялись усиления КПК и ее армии, стремились ограничить расширение власти КПК на новые районы. Этим фактом в значительной степени объяснялась нерешенность ряда практических вопросов, связанных с существованием Пограничного района Шэньси–Ганьсу–Нинся, с проблемами увеличения численного состава и военного снабжения 8-й армии. Неодинаковые позиции партий по вопросам участия коммунистов во власти, распространения легальной деятельности КПК на всю неоккупированную территорию, проблемы демократизации гоминьдановского режима усиливали напряженность в отношениях между Гоминьданом и КПК.

Между тем вопрос о юридическом статусе Пограничного района Шэньси–Ганьсу–Нинся неоднократно поднимался коммунистами. Фактически после Сианьских событий Чан Кайши признал факт его существования, была определена его граница и издан указ об опубликовании положения о Пограничном районе. Однако, учитывая сопротивление официальному признанию Пограничного района внутри Гоминьдана, а также среди милитаристов Северо-Западного Китая, гоминьдановское руководство затянуло решение этого вопроса, что препятствовало взаимодействию между центральной властью и Пограничным районом, между гоминьдановским правительством и другими освобожденными районами, подконтрольными КПК. Гоминьдан стремился раздробить Пограничный район и поставить его под управление провинциальных правительств, тем самым ликвидировать руководство КПК на этой территории.

Компартия предлагала объявить Пограничный район отдельной провинцией, находящейся под юрисдикцией Национального правительства, но с сохранением в районе руководящих позиций КПК. Коммунисты рассматривали Пограничный район как прочный тыл 8-й армии. Местная администрация, согласно установкам КПК, должна была находиться под руководством правительства Пограничного района, члены которого назначались по рекомендации КПК. Ранее утвержденные провинциальными правительствами начальники уездов должны были быть отозваны, а охранные отряды – реорганизованы. Полное включение Пограничного района в структуру гоминьдановской государственности предусматривалось после «подлинной демократизации страны». Нерешенность проблем Пограничного района в течение всей войны периодически вызывала конфликты, доходившие до вооруженных столкновений.

Не менее сложной была ситуация и в других районах действий 8-й армии, включая провинции Хэбэй, Шаньси, Чахар, Шаньдун. Расширение района операций 8-й армии вызывало беспокойство у политического руководства КР и военных кругов. В Гоминьдане широко распространенным было мнение, что КПК и ее армия не должны «самовольно» занимать районы, куда еще не проникли части НРА, и что задачи 8-й армии должны быть ясно сформулированы, чтобы избежать трений с другими армиями. Чан Кайши считал, что 8-я армия не должна развиваться «произвольно и действовать самовольно», но обязана подчинять-

ся приказам высшего командования НРА. КПК считала возможным принять эти предложения лишь при условии, если районы, ранее отведенные Гоминьданом для деятельности КПК, будут в состоянии обеспечить 8-ю армию оружием, продовольствием, обмундированием. Между тем отпускаемые Чан Кайши средства на содержание 8-й армии были незначительны.

В первые годы войны Чан Кайши и Гоминьдан активно не вмешивались в организационную структуру и политическую жизнь 8-й армии, не препятствовали ее участию в массовом движении в Северном Китае. Иное положение было в Новой 4-й армии: власти не только стремились изменить ее организационную структуру, но и предпринимали попытки превратить ее в воинское соединение, стоящее между КПК и Гоминьданом.

КПК в данном вопросе придерживалась следующих принципов: всё подчиняется интересам и целям Антияпонской войны; «три народных принципа» – политическая, а сотрудничество КПК и Гоминьдана – организационная основа единого фронта; необходима демократизация Гоминьдана и политической жизни страны; укрепление КПК и ее вооруженных сил – гарантия существования единого фронта; продолжение затяжной войны с Японией и борьба против попыток навязать КР капитуляцию перед Японией – одна из важных целей политики единого фронта. Стратегическая линия КПК определяла ее отношение и к малым политическим партиям и группировкам единого фронта – союз с прогрессивными партиями и борьба с консервативными. По отношению к местным властям предусматривалось оказание им поддержки и содействия в целях борьбы за укрепление единства в стране.

Политика Чан Кайши – за союз с СССР, но против коммунизма, за союз с КПК, но за ее «переработку» – была внутренне противоречивой. В суровых условиях войны и оккупации значительной части территории Китая противоречия несколько сглаживались, однако основа для их обострения сохранялась. Отсутствие единства в Гоминьдане, наличие в правящей партии колеблющихся и реакционных элементов, не только выступавших против КПК, но и тормозивших демократизацию Гоминьдана, готовых пойти на раскол партии и на капитуляцию перед Японией, усугубляли конфликты между двумя партиями.

Официально заявив в самом начале войны Сопротивления о поддержке Чан Кайши в руководстве войной, КПК признала руководящее положение Гоминьдана во власти и его армии в стране, поддержала его Программу сопротивления и строительства государства, принятую весной 1938 г. Чрезвычайным съездом Гоминьдана. Вместе с тем, следуя логике собственного развития и исходя из своих представлений о характере и возможностях гоминьдановского режима, значительные усилия КПК направляла на собственное партийное и военное строительство, а также на развитие новой государственности в антияпонских базах. В условиях войны и возникавших время от времени конфликтных ситуаций во взаимоотношениях коммунистов и официальной власти Компартия Китая в партийно-организационной работе использовала различные формы – от легальных и полулегальных до подпольных. Военные успехи своих вооруженных

сил и партизанских соединений в борьбе с японскими войсками КПК рассматривала как одно из условий, обеспечивающих существование Компартии и антияпонских опорных баз. Большое внимание уделялось развитию партизанской войны и созданию партизанских баз. В освобожденных районах учреждались местные административные органы власти, создавались массовые организации с целью мобилизации народных масс для участия в войне Сопротивления.

Несмотря на факторы, снижавшие эффективность взаимодействия Гоминьдана и КПК, сотрудничество между обеими партиями являлось каркасом антияпонского единого фронта, практически объединявшего широкие слои населения, большинство классов и социальных групп китайского общества, партии, местные власти и различные армии в едином стремлении противодействовать японской агрессии. Постепенное формирование в стране атмосферы единения нации против общего врага, рост национального самосознания были важными результатами политики единого фронта.

Особенности Антияпонской войны, в ходе которой на одном полюсе находилась слабая НРА и раздираемый внутрипартийной борьбой Гоминьдан, на другом – агрессивная Япония, неспособная, однако, создать прочную власть на захваченных китайских территориях, способствовали росту территорий освобожденных районов, в которых закреплялась КПК. Расширение освобожденных районов, укрепление 8-й и Новой 4-й армий, рост популярности КПК на неоккупированных гоминьдановских территориях – факторы, вновь усилившие антикоммунистические настроения в Гоминьдане. Это проявилось уже в ходе работы V пленума ЦИК Гоминьдана в 1939 г. Пленум отверг предложения руководства КПК, направленные на поиск направлений организационно-политического сближения участников единого фронта, и принял резолюцию «О мерах по ограничению деятельности чуждых партий», направленную на ограничение деятельности коммунистов в контролируемых Гоминьданом районах. Проявлением антикоммунистических тенденций в гоминьдановской политике стал в январе 1941 г. так называемый «инцидент» с Новой 4-й армией.

Политика единого фронта КПК и Гоминьдана как фактор развития международных отношений на Дальнем Востоке

Несмотря на настороженное отношение Центрального правительства к создаваемым КПК антияпонским базам, они объективно превратились в важную составляющую внутренней и внешней политики КР. Их формирование осуществлялось разными путями: в результате сражений 8-й армии с японскими войсками, а чаще на территориях, оставленных японцами без постоянных гарнизонов, либо отвоеванных армиями КПК или их партизанскими подразделениями. Общая численность населения освобожденных районов в 1940 г. составила около 100 млн. человек. Однако активизация военных действий со стороны японской армии

и вооруженных сил марионеточного правительства Ван Цзинвэя привели к уменьшению числа освобожденных районов и сокращению их населения в 1942 г. вдвое. Обострение отношений внутри единого фронта порой ставило освобожденные районы под удар гоминьдановских войск. В течение последних военных лет территория освобожденных районов вновь расширилась. По данным КПК, на апрель 1945 г. в 19 освобожденных районах (Шэньси–Ганьсу–Нинся, шесть районов в Северном, десять – в Центральном, два – в Южном Китае) проживало 95,5 млн. человек.

Деятельность освобожденных районов, равно как и перипетии взаимоотношений Гоминьдана и КПК в течение войны все в большей степени привлекали международную дипломатию, прежде всего СССР и США. Интерес к КПК и освобожденным районам со стороны США и западных держав возрастал по мере их вовлечения в китайский театр военных действий и в Тихоокеанскую войну. Постепенно формировалось признание с их стороны значения единого фронта для сохранения внутриполитической стабильности в КР как необходимой предпосылки продолжения сопротивления Китая японской агрессии и его отказа от капитуляции. Значительно раньше эту ситуацию осознали в СССР. Если Советский Союз весомо поддержал Китай в первые, самые трудные годы войны, а своим вступлением в войну с Японией в августе 1945 г. ускорил ее капитуляцию, то США и Англия с 1940–1941 гг. выступали основными финансовыми донорами Китая, а с началом Тихоокеанской войны действовали против Японии совместно с Китаем.

Международная дипломатия, кроме советской, в начале китайско-японской войны занимала в целом выжидательную позицию, связанную с рядом обстоятельств, в том числе с надеждой отдельных государств на вторжение Японии в СССР. Державы, несмотря на то что их интересы серьезно ущемлялись японской агрессией, отказались от действенной поддержки Китаю. Перенесение военных действий Японии в центральные районы Китая поставило под прямую угрозу интересы держав, однако они по-прежнему стояли на позиции невмешательства. Устойчивая заинтересованность США, Англии и Франции в экспорте в Японию нефти, металла, станков, хлопка и других товаров препятствовала объективной оценке этими государствами международной ситуации на Дальнем Востоке.

По иному пути строил свои отношения с КР Советский Союз. Летом 1937 г. продолжались начатые ранее переговоры между китайским правительством и СССР, которые завершились подписанием 21 августа 1937 г. Советско-китайского договора о ненападении сроком на пять лет. Одновременно продвигался связанный с советско-китайскими договоренностями переговорный процесс между Гоминьданом и КПК, в ходе которого было достигнуто политическое соглашение между партиями, ставшее реальной основой национального сплочения. Эти события разрушили расчеты Японии на международную изоляцию Китая и на внутренний раскол страны. Жизненно важное для КР значение имела помощь СССР, направленная на повышение боеспособности китайской армии. Она

предоставлялась Китаю в течение всего военного периода, но наиболее активно и результативно – до нападения на СССР Германии.

Таким образом, несмотря на непростое развитие советско-китайских отношений в 20–30-х годах, реальным союзником КР в борьбе с японской агрессией и активным сторонником мирного взаимодействия Гоминьдана и Компартии Китая в первые годы Антияпонской войны был именно СССР. Проводя такую политику, Москва стремилась предотвратить реальную опасность нападения Японии на Советский Союз. Кроме того, помощь Гоминьдану и КПК в создании и укреплении единого фронта рассматривалась советской стороной как необходимое условие укрепления внутриполитической стабильности в стране.

Советскую политику по отношению к Китаю характеризовало сочетание курса на защиту государственных интересов, определяющего внешнюю политику СССР в Китае, с интернациональной позицией помощи Компартии Китая, обусловленной стремлением СССР обеспечить китайской Компартии условия, необходимые для разработки политики национального спасения. На КПК, имевшую богатый опыт организационной и пропагандистской работы в массах, СССР возлагал особые надежды в деле создания в Китае широкого демократического фронта борьбы с японской агрессией, способного влиять на Чан Кайши в области стабилизации антияпонской позиции Национального правительства. Подписание Договора о ненападении от 21 августа 1937 г. ставилось в определенную зависимость от изменения позиции Чан Кайши к коммунистам, от которого ожидался поворот от гражданской войны к единому фронту с КПК. Согласно дополнительным договоренностям к Договору, 20–25% советской помощи оружием Центральное правительство должно было передавать вооруженным силам коммунистов, однако это условие чаще всего не соблюдалось. Впоследствии США и Англия строили свою политику в Китае с учетом существования единого фронта и в ряде случаев взаимодействовали по этому вопросу с советской дипломатией.

Советские дипломаты тщательно отслеживали все события, связанные с отношениями Гоминьдана и КПК, собранные ими сведения обсуждались на высшем уровне в Москве. Это было тем более необходимо, что связь с Коминтерном, формировавшим совместно с китайскими коммунистами их стратегию в едином фронте, в условиях военного времени не была постоянной. Представителя ИККИ в КПК не существовало с середины 30-х годов, а представителя КПК в ИККИ не было с 1941 г. С 1940 г. функции представителей ИККИ в КПК перешли к сотрудникам Главного разведывательного управления (ГРУ). В феврале 1942 г. в Яньань прибыли Владимиров (П.П.Власов), Н.Н.Риммар и врач А.Я.Орлов (псевдоним Теребин), которые при всех своих заслугах не стали равноценной заменой существовавшей ранее системы представительства Коминтерна в Китае.

И.В.Сталин в ходе беседы с председателем Законодательного юаня Сунь Фо в феврале 1938 г. высказал твердое убеждение в том, что единый Китай непобедим. В понятие единства И.В.Сталин включал и сотрудничество Гоминьдана с КПК, как это прослеживалось в его переписке с Чан Кайши и отражалось в деятельности советской дипломатии в течение всей китайско-японской войны.

Начавшиеся в 1939 г. вооруженные столкновения между Гоминьданом и КПК, усилившиеся в 1940 г., были предметом беседы полпреда СССР в Китайской Республике А.С.Панюшкина с начальником отдела внешних сношений военного комитета Гоминьдана Чжан Чуном (25 января 1940 г.), с председателем Законодательного юаня Сунь Фо (3 февраля 1940 г.), обсуждались заместителем наркома иностранных дел СССР С.А.Лозовским с личным представителем Чан Кайши генералом Хэ Яоцзу. Сокращение в 1940 г. военных поставок из СССР в КР было прямо связано со столкновениями между войсками Гоминьдана и военными силами КПК. Такая мера преследовала цель снять угрозу разрыва между Гоминьданом и КПК, воспрепятствовать использованию Гоминьданом во внутриполитической борьбе финансовых средств, предоставляемых СССР для борьбы с Японией. Однако во избежание угрозы капитуляции Китая, возросшей в результате сокращения военных поставок из СССР, А.С.Панюшкин весной 1940 г. рекомендовал Москве восстановить объем военных поставок Китаю. При всем этом СССР неизменно признавал Национальное правительство единственной законной властью в Китае. Несмотря на конфликтную ситуацию, работа советских военных советников и инструкторов продолжалась, восемь советских авиационных соединений прикрывали воздушное пространство над китайскими городами. С 25 ноября по 1 июня 1940 г., когда КР испытывала особую потребность в самолетах, из СССР в Китай поступило более 250 бомбардировщиков и истребителей.

Единый фронт как важный фактор внутренней политики КР занимал все большее место и в деятельности американской дипломатии. Как следовало из записей бесед посла США в Китае Н.Джонсона с Чан Кайши (18 октября 1940 г.), позиция Чан Кайши по внутриполитическим проблемам определялась главным образом нежеланием допустить усиления позиций КПК и подозрениями относительно возможной переориентации Москвы на передачу коммунистам основных объемов материально-финансовой помощи Китаю. Вместе с тем посол США сомневался в возможности реального разрыва между Гоминьданом и КПК в тот момент (октябрь 1940 г.). Он считал целесообразным оказание помощи КР со стороны США и Великобритании. В противном случае, по его мнению, в перспективе в Китае могут прийти к власти коммунисты.

Этот фактор в сочетании с другими, ослаблявшими КР в войне с Японией, в частности, закрытие с 20 июня 1940 г. Юньнань-Бирманского шоссе, по которому осуществлялась транспортировка военных материалов в Китай, побудил США с 1940 г. поддерживать Китай в войне с Японией. С вступлением США в Тихоокеанскую войну в декабре 1941 г. эта поддержка приобрела гораздо бóльшие масштабы. Соединенные Штаты не могли допустить капитуляции Китая; поскольку в случае победы Японии вооруженные силы США на Тихом океане стали бы весьма уязвимыми для японских бомбардировок. Соответствующим образом возросло внимание США и к проблемам единого фронта.

США и Англия после начала Тихоокеанской войны стали основными донорами китайской армии. Советский Союз, отдававший все силы войне с Германи-

ей, в 1941–1943 гг. несколько снизил уровень и частоту контактов с руководителями КР, не поддаваясь нажиму китайской стороны по вопросу о вступлении СССР в войну с Японией. Осложняли ситуацию особые отношения, связывающие советскую сторону с китайской Компартией. В участившихся с 1940 г. вооруженных конфликтах между войсками Гоминьдана и КПК в тяжелое положение попали советские военные советники, особенно те, которые находились в военных зонах, соприкасавшихся с районами боевых действий вооруженных сил КПК. Согласно указаниям Москвы, они должны были оказывать содействие КПК и не допускать разгрома коммунистов гоминьдановскими войсками. Между тем, определить виновных в конфликтах было нелегко, нередко зачинщиками столкновений выступали и китайские коммунисты. Не одобряя действий советников в поддержку коммунистов, Национальное правительство решило перевести советских советников из зон соприкосновения гоминьдановских и коммунистических войск на преподавательскую работу в военные училища. Реакцией Советского правительства стало решение, принятое в середине 1943 г., об отзыве в одностороннем порядке всех советских военных советников из Китая. Согласно официальной версии, военные специалисты были нужны в то время на советско-германском фронте, что в целом соответствовало истине. К концу 1943 г. все советские военные советники покинули Китай, их место тут же заняли военные специалисты из США. Как бы то ни было, СССР стремился поддерживать состояние относительного равновесия между Гоминьданом и КПК. Системой сдержек и противовесов удавалось удерживать обе стороны от начала новой гражданской войны.

После вступления США в войну на Тихом океане и во Вторую мировую войну, а также объявления войны Китайской Республикой Японии и Германии антияпонское направление стало основным вектором международной дипломатии и реальной политики всех союзных великих держав на Дальнем Востоке. Для антигитлеровской коалиции резко возросло значение китайско-японской войны. Союзные державы признавали необходимость продолжения Китаем войны с Японией, которая была вынуждена держать на китайском фронте значительные военные силы. Для обеспечения победы над Японией предпринимались концентрированные усилия, в том числе в дипломатической сфере. В 1943–1945 гг. проблема сохранения единого фронта в качестве гарантии продолжения Китаем войны Сопротивления Японии выдвинулась на передний план также и для США. Вовлечение американской дипломатии в посредничество между Гоминьданом и КПК сопровождалось обсуждением внутриполитических проблем Китая дипломатами СССР и США, которое способствовало сближению позиций двух государств в оценке деятельности Национального правительства и КПК, в разработке конкретных планов взаимодействия гоминьдановских властей и властей Особого района.

Обеспокоенность правительства США внутриполитической обстановкой в КР возрастала в связи с подозрениями в использовании китайским правительством американской помощи для разрешения конфликтных ситуаций Гоминьдана с ком-

мунистами. Работавшие в Китае американские дипломаты в своем большинстве не идеализировали Гоминьдан, критиковали социально-экономическую и военную политику Чан Кайши, его линию поведения в конфликтах с КПК, составной частью которой считали отвлечение частей армии Гоминьдана с фронта к границам Особого района. О КПК они были мало осведомлены и для лучшего ознакомления с обстановкой в Китае считали целесообразным установление непосредственного контакта с китайскими коммунистами. Важным шагом американской дипломатии в этом направлении стало взаимное информирование представителей дипломатических служб США и СССР о деятельности единого фронта. Первой встречей такого рода была беседа советника посольства СССР в Китае А.А.Петрова с поверенным в делах посольства США в КР Дж.Атчесоном (14 июля 1943 г.). В июне 1943 г. в КР разразился острый межпартийный кризис. На южной границе Особого района были сконцентрированы значительные военные силы Национального правительства, ситуацию наблюдатели считали взрывоопасной. Обсуждение этого кризиса и стало предметом встречи дипломатов, причем сведения о концентрации правительственных войск, которыми располагали А.А.Петров и Дж.Атчесон, оказались в целом идентичными. Согласно более подробному сообщению Дж.Атчесона, к границам Особого района были переброшены семь дивизий КР, в том числе лучшие войска правительства, имели место несколько минометных обстрелов передовых постов 8-й армии. По мнению американского дипломата, отсутствовала реальная опасность перехода обеих сторон к полномасштабным враждебным действиям. Он считал, что речь идет о военно-политическом давлении Гоминьдана на КПК с целью принятия коммунистами требований Чан Кайши, которые предусматривали ликвидацию административной самостоятельности Особого района и переподчинение войск КПК Гоминьдану. Еще одним доводом в пользу отсутствия реальной опасности развязывания гражданской войны Дж.Атчесон считал тот факт, что Чан Кайши, зная об отрицательном отношении администрации и общественности США к дестабилизации внутриполитической ситуации в Китае, постарается избежать раскола с КПК и соответственно разногласий с американским руководством.

Оба дипломата выразили обеспокоенность сложившейся ситуацией и подтвердили намерение и далее обмениваться информацией и мнениями. Эффективной мерой воздействия на Гоминьдан Дж.Атчесон в отчете государственному секретарю США К.Хэллу от 14 июля 1943 г. назвал «предоставление Китаю более значительной помощи в сфере авиации и другой военной помощи». В то же время дипломат предлагал довести до Чунцина позицию США, согласно которой «такая помощь предоставляется в явном ожидании, что китайское правительство, пустив в ход свои войска и другие ресурсы, с решимостью бы ввязалось в войну с Японией». Дж.Атчесон подчеркнул эффективность взаимодействия дипломатов США и СССР и общность позиций по вопросу о недопустимости гражданской войны в Китае.

Активизация Японией в 1944 г. военных действий в Китае, назревание социально-экономического кризиса в КР и новый этап обострения отношений между

Гоминьданом и КПК в январе–феврале 1944 г. стимулировали активность американской стороны в разрешении внутрикитайского конфликта. По сути, в 1944 г. Америка выступила в роли посредника в урегулировании конфликта между Национальным правительством и Компартией Китая. Из письма А.С.Панюшкина народному комиссару иностранных дел СССР В.М.Молотову (11 февраля 1944 г.) следует, что Гоминьдан сосредоточил вокруг Особого района до 22 армий, по сути, организовав его блокаду. Подобную характеристику действий Национального правительства давали и иностранные журналисты. Переговоры между КПК и Гоминьданом начались в мае 1944 г. в преддверии поездки в Яньань группы иностранных и китайских журналистов и миссии американских военных наблюдателей во главе с полковником Дэвидом Барреттом. Согласие на их поездку в Яньань Гоминьдан дал под давлением президента США Ф.Рузвельта, который рекомендовал прибегнуть к посредничеству США для мирного разрешения споров между Гоминьданом и КПК.

Во время переговоров Гоминьдана и КПК. Осень 1945 г. Слева направо в первом ряду: П.Хэрли, Чан Кайши, Мао Цзэдун; во втором ряду: Цзян Цзинго, Чжан Цюнь, Ван Шицзе

Посреднической миссии предшествовал, по сути, ультиматум Ф.Рузвельта Чан Кайши. Как сообщал Мао Цзэдун, 5 ноября Рузвельт послал Чан Кайши телеграмму с двумя вариантами поведения КР в борьбе с Японией и с требованием выбрать один из них: либо остаться с Японией один на один (США будут вести военные действия только на море и эвакуируют свои войска из Китая), либо Китай меняет свою политику в направлении демократизации режима и продолжения переговорного процесса с КПК. Основной фигурой переговорного процесса от США стал личный представитель Ф.Рузвельта в Китае, бывший военный министр США генерал-майор П.Хэрли, прибывший в Чунцин 6 сентября 1944 г. 29 октября его принял Чан Кайши, который предварительно согласился на некоторые уступки, касавшиеся главным образом вопросов демократизации страны. По просьбе Чан Кайши и по приглашению Мао Цзэдуна 7 ноября П.Хэрли прибыл в Яньань для переговоров с руководством КПК. В результате был разработан Проект договора между Национальным правительством, Гоминьданом и КПК. Его основные принципы – совместная деятельность в целях объединения Китая и всех вооруженных сил для быстрейшего разгрома Японии и строительства нового Китая; создание коалиционного Национального правительства, в состав которого должны войти представители всех антияпонских партий, организаций и непартийные деятели; преобразование Военного совета в Объединенный во-

енный совет национальной обороны, состоящий из представителей всех антияпонских армий; поддержка Коалиционным правительством «трех народных принципов» Сунь Ятсена; пропорциональное распределение между всеми антияпонскими армиями снабжения, получаемого от иностранных держав; защита правительством свободы личности, демократии, свободы мнений, печати, слова, организаций и собраний; предоставление коалиционным Национальным правительством права легального существования Гоминьдану, КПК и всем антияпонским организациям. 10 ноября П.Хэрли передал Мао Цзэдуну письмо, в котором выражал удовлетворение по поводу проделанной работы и одновременно просил Мао Цзэдуна написать личное письмо Ф.Рузвельту. В письме Ф.Рузвельту (10 ноября 1944 г.) Мао Цзэдун благодарил президента США за его усилия в деле защиты демократии, борьбу с Японией и объединения всего Китая. Мао Цзэдун также выразил надежду на будущее, в котором «две великие нации – американцы и китайцы после разгрома японцев будут идти рука об руку вперед по пути строительства мира во всем мире».

По возвращении 10 ноября 1944 г. П.Хэрли, полковника Д.Барретта и Чжоу Эньлая в Чунцин Проект соглашения был передан Чан Кайши, однако генералиссимус его отклонил. По собственному признанию П.Хэрли (26 ноября 1944 г.) в ходе беседы с поверенным в делах СССР в КР Т.Ф.Скворцовым, его миссия не принесла существенных результатов. П.Хэрли отметил, что «коммунисты хотят создать коалиционное правительство, а Чан Кайши идет только на привлечение нескольких коммунистов в состав правительства».

Начиная с декабря 1944 г. в своей посреднической деятельности США все более явно склонялись на сторону гоминьдановского правительства в его конфликте с властями Особого района и КПК, несмотря на подъем демократического антигоминьдановского движения в стране и рост авторитета Компартии в широких слоях населения. Не последнюю роль в этом процессе сыграло усиление позиций СССР в ходе Второй мировой войны. Успехи Советского Союза усиливали опасения США по поводу послевоенной поддержки КПК со стороны СССР. В феврале 1945 г. китайские коммунисты трактовали политику США по проблемам единого фронта как односторонне прогоминьдановскую.

Несмотря на некоторые уступки Гоминьдана в ходе переговорного процесса в январе–феврале 1945 г., Чан Кайши твердо стоял на непризнании основных требований КПК: упразднение однопартийной диктатуры Гоминьдана и создание коалиционного правительства. Кроме того, Гоминьдан постоянно выдвигал требование о передаче под контроль командования НРА войск КПК, которое Компартия с тем же постоянством отвергала. И если в течение 1943 г. и большей части 1944 г. в коммунистической среде питали надежды на получение Особым районом и его армией действенной помощи со стороны США, то в начале 1945 г. такие надежды исчезли. Как явствует из выступления Чжоу Эньлая, постоянного участника переговорного процесса с Гоминьданом при посредничестве США, на расширенном заседании президиума VII пленума ЦК КПК 6-го созыва 18 февраля 1945 г., позиция США в переговорном процессе диктовалась главным обра-

зом стремлением США использовать вооруженные силы КПК для борьбы с Японией.

Политике односторонней ориентации на Чан Кайши, утверждавшейся с конца 1944 г. при непосредственном участии представителя США П.Хэрли (сначала – в качестве личного представителя Ф.Рузвельта в Китае, затем с 30 ноября 1944 г. – в качестве посла США в КР), противостояла точка зрения ряда дипломатов посольства США в Китае во главе с временным поверенным в делах Дж.Атчесоном. Атчесон учитывал непопулярность в Китае политики и идеологии Чан Кайши. Дипломат считал необходимым проводить более активную политику в области урегулирования отношений между двумя основными партиями Китая и предупреждал, что «некритическая позиция США относительно правительства Чан Кайши толкнет КПК в объятия России». Потенциал доверия КПК к США был исчерпан после выступления П.Хэрли 2 апреля 1945 г. на пресс-конференции в госдепартаменте США. Он заявил, что США не будут сотрудничать с КПК и поддержал предложение Чан Кайши о созыве Национального собрания на его условиях, согласно которым делегатами Национального собрания должны быть те деятели, которых Гоминьдан определил еще в 1936 г.

События, связанные с переговорным процессом между Гоминьданом и КПК, последовавшие после капитуляции Японии, имели место в изменившейся международной обстановке. Хотя угроза гражданской войны все еще существовала, однако она уже не была связана столь тесно, как раньше, со всей международной ситуацией на Дальнем Востоке. Во всяком случае, гражданская война в Китае уже не представляла явной угрозы для национальных интересов СССР, США и других государств, которые в годы Антияпонской войны были кровно заинтересованы в том, чтобы китайское правительство воевало с Японией, а не с КПК. В центре межпартийных переговоров 1945 г. стояли вопросы внутренней китайской политики и государственного устройства послевоенного Китая. Соглашение между Гоминьданом и КПК от 10 октября 1945 г., с одной стороны, завершило переговорный процесс периода войны Сопротивления, с другой стороны, открыло новую страницу взаимоотношения партий.

Советский Союз проявлял последовательность в своей политике по отношению КР. Признание правительства Китайской Республики законным правительством Китая отражено в Договоре о дружбе и союзе между СССР и Китаем от 14 августа 1945 г. О неизменности позиции Москвы по проблемам единого фронта Гоминьдана и КПК свидетельствует телеграмма И.В.Сталина в адрес ЦК КПК, полученная 22 августа 1945 г., т.е. в то время, когда победа над Японией практически была предрешена. В телеграмме шла речь о недопустимости развязывания в Китае гражданской войны и содержалась рекомендация Мао Цзэдуну принять участие в переговорах с Чан Кайши, в результате которых было достигнуто упомянутое выше Соглашение между Гоминьданом и КПК от 10 октября 1945 г.

Как бы то ни было, объединенными усилиями антияпонской группировки в правительстве Чан Кайши, правительств СССР и США, благодаря активной посреднической деятельности дипломатии США удалось стабилизировать внут-

риполитическую ситуацию в стране и не допустить развития конфликта интересов до уровня возобновления гражданской войны. В ходе затяжной войны Сопротивления Японии сложилось определенное равновесие между действиями регулярных войск Национального правительства на фронте и антияпонской деятельностью властей Особого и освобожденных районов в тылу врага. Такое в целом эффективное распределение функций в войне с Японией поддерживалось в значительной степени благодаря сохранению относительного равновесия между Гоминьданом и КПК. Дипломатии США и СССР удалось удержать обе стороны от возобновления гражданской войны, чреватой возможной капитуляцией Китая перед Японией. Китайская Республика внесла весомый вклад в поражение Японии и дала шанс державам антифашистской коалиции сосредоточить усилия для победы во Второй мировой войне.

Изучение всех перипетий переговорного процесса представителей США, СССР, Гоминьдана и КПК подводит, с одной стороны, к выводу о значимости в формировании международных отношений на Дальнем Востоке внутреннего фактора – единого фронта Гоминьдана и КПК. С другой стороны, оно демонстрирует эффективность совместных действий дипломатии СССР и США на дальневосточном фронте Второй мировой войны.

КПК в период Антияпонской войны

Основное направление встраивания КПК и ее институтов, прежде всего армии, в гоминьдановскую государственность проходило в рамках единого фронта. Одновременно формировалась партийная теория и укреплялись организационные основы партийного строительства.

22 августа 1937 г. генералиссимус Чан Кайши отдал приказ о включении Красной армии в состав находившейся под его командованием Национально-революционной армии. Китайская Красная армия, как уже отмечалось выше, была переименована в 8-ю полевую армию в составе трех дивизий. Вскоре было утверждено и правительство Особого пограничного района Китайской Республики – так стала именоваться «Северо-западная канцелярия Центрального правительства Китайской Советской Республики». Этот район включал в себя 18 уездов провинций Шэньси, Ганьсу и Нинся. Председателем его Чан Кайши утвердил Линь Боцюя, который выполнял эти обязанности с конца февраля 1937 г. 22 сентября 1937 г. была опубликована декларация Компартии о признании руководящей роли Гоминьдана, а 23 сентября – заявление Чан Кайши об образовании единого антияпонского фронта всех политических партий страны. Таким образом, хотя и формально, но основные политические силы Китая все же объединились в борьбе с Японией.

С реальным же объединением по-прежнему существовали проблемы. И одна из них заключалась в том, что Чан Кайши и Мао Цзэдун вполне обоснованно не доверяли друг другу. Что касается Мао Цзэдуна, то он шел на переговоры с Нан-

кином под давлением СССР, одновременно преодолевая сильное внутреннее сопротивление и недоверие к Чан Кайши многих руководителей Компартии, которые прошли через многолетнюю кровавую гражданскую войну с Гоминьданом.

И в это время Мао Цзэдун считал социалистическое будущее вполне реальной целью и видел его «не за горами». Так, в июне 1937 г. в интервью Х.Фостер Сноу он говорил: «Китайская революция... является антиимпериалистической, антифеодальной, буржуазно-демократической революцией... Но в то же время мы считаем, что у китайской революции есть возможность избежать капиталистического будущего и превратиться в социалистическую революцию... После того как антиимпериалистическая, антифеодальная буржуазно-демократическая национальная революция достигнет определенного успеха и демократическая революция дойдет до определенной стадии, эта революция завершит свою победу путем трансформации в социалистическую революцию. Мы, коммунисты, верим, что такая возможность существует...». В том же интервью Мао Цзэдун объявил *дичжу*, крупных помещиков, владельцев более 50 *му*, т.е. более 3,3 га земли, одними из главных врагов революции, обвинив их в теснейшей связи с империализмом. И тут же недвусмысленно намекнул на то, что не следует доверять и национальной буржуазии, которая связана с империалистическим капиталом и земельной собственностью.

Не доверяя Чан Кайши и желая сберечь войска для будущей, послевоенной борьбы с Гоминьданом, которую считал вполне вероятной, а также принимая во внимание низкий военный потенциал КПК, Мао Цзэдун никоим образом не хотел участвовать не только в позиционной, но и вообще в регулярной маневренной войне с японцами под командованием Чан Кайши. Он не отказывался помогать «дружеским регулярным войскам», но, с его точки зрения, 8-я армия могла и должна была вести только чисто партизанские или маневренно-партизанские («воробьиные», как он их называл) боевые действия в японском тылу независимо от Гоминьдана, взяв инициативу в свои руки. Такой метод ведения боевых действий Мао Цзэдун считал наиболее эффективным. Он настаивал на том, чтобы на борьбу с японцами было направлено не более 75% сил бывшей Красной армии, остальные же 25% следовало оставить в Особом районе для его защиты от возможного нападения войск Чан Кайши.

По-иному на эти проблемы смотрели Чжоу Эньлай, Бо Гу, Чжу Дэ, Чжан Готао и Пэн Дэхуай, считавшие, что одними партизанскими действиями нельзя сломить боевую мощь японской армии, остановить ее наступление. Они ратовали за тесное взаимодействие с войсками Центрального правительства, заявляя, что 8-я армия в состоянии вести маневренную войну и наносить значительные удары японским войскам.

Принятая на совещании Политбюро ЦК КПК в Лочуани (22 августа 1937 г.) резолюция обязывала 8-ю НРА на первых порах вести маневренно-партизанскую войну во взаимодействии с другими китайскими частями, чтобы завоевать доверие Нанкинского правительства и одобрение общественности. В случае же возможного прорыва фронта со стороны японцев войскам, руководимым Ком-

партией, предписывалось перейти к самостоятельным, чисто партизанским действиям, расширяя район боевых операций на территорию всего Северного Китая, оккупированного японцами.

Через два дня после Лочуаньского совещания, на заседании Постоянного комитета Политбюро ЦК КПК Мао призвал в войне Сопротивления Японии соединять воедино национальную и социальную революции. Как он считал, в течение длительного периода существования единого фронта Гоминьдан будет оказывать планомерное и всестороннее воздействие на Компартию и Красную армию, стараясь переманить их на свою сторону. В данной ситуации КПК должна повысить политическую бдительность и действовать таким образом, чтобы крестьянство и мелкая буржуазия последовали за коммунистами. Характеризуя ситуацию в правящей партии, Мао обращал внимание на наличие внутри Гоминьдана колеблющихся между Гоминьданом и КПК элементов, которые Компартия, в свою очередь, должна переманивать на свою сторону. По мнению Мао Цзэдуна, вопрос о том, «кто кого переманит», решится в борьбе между двумя партиями. В заключение Мао Цзэдун предупредил, что отныне главной опасностью внутри КПК следует считать «правый оппортунизм» (имелись в виду «капитулянтство» перед Гоминьданом и отказ от борьбы за перспективу социалистической революции).

Основные тезисы этого выступления он повторил через несколько дней на собрании высшего партактива в Яньани, особо выделив тезис о том, что в ходе войны коммунисты должны будут, создав демократическую республику рабочих, крестьян и буржуазии, подготовить переход к социализму. «Либо мы одолеем их [гоминьдановцев], либо они нас», – повторял Мао Цзэдун, не уставая доказывать, что войска КПК должны отдавать предпочтение партизанским действиям в горных местностях, беречь силы и не подчиняться слепо приказам Чан Кайши. Поскольку Антияпонская война будет носить затяжной характер, разъяснял он, надо набраться терпения и ждать, пока японская армия истощит силы. Тактику в борьбе с агрессором он представлял следующим образом: «Враг наступает – мы отступаем; враг остановился – мы тревожим; враг утомился – мы бьем; враг отступает – мы преследуем». По убеждению Мао Цзэдуна, в условиях Китая только винтовка рождала власть и, если Компартия утратит свои вооруженные силы, Чан Кайши, возможно, не удержится от соблазна уничтожить ее. После Лочуаньского совещания, несколько скорректировавшего «независимую» военную политику Мао, ярых противников партизанской стратегии как основной в руководстве КПК стало гораздо меньше. И Чжу Дэ, и Пэн Дэхуай, и многие другие в целом приняли различные «партизанские» идеи.

НРА тем временем отступала, терпя одно катастрофическое поражение за другим. В соответствии с Договором 1937 г. СССР оказывал Чан Кайши значительную помощь, посылал советников, предоставлял кредиты, снабжал вооружением. Хотя армия Чан Кайши отступала, тем не менее помощь СССР способствовала усилению военного потенциала Китая и помогла ему избежать разгрома и капитуляции. Чан Кайши проявил готовность к ведению затяжной войны.

Параллельно с формированием политики по отношению к Национальному правительству КР, Коминтерн и Советское правительство разрабатывали рекомендации по тактике Компартии Китая в новых условиях антияпонского единого фронта Гоминьдана и КПК. 11 ноября 1937 г. И.В.Сталин принял членов делегации КПК в Коминтерне Ван Мина, Кан Шэна и Ван Цзясяна, которые просили его о встрече в связи с отъездом Ван Мина и Кан Шэна на родину. В беседе принял участие Г.Димитров. И.В.Сталин обстоятельно беседовал с отъезжавшими. Вопросы единого фронта и Антияпонской войны были затронуты в первую очередь. Судя по дневнику Г.Димитрова, И.В.Сталин подчеркнул следующие моменты:

«1) основное для кит[айской] компартии теперь: влиться в общую национальную волну и занять руководящее участие;

2) сейчас главное война, а не аграрная революция, не конфискация земли;

3) один лозунг: „Победоносная война за независимость кит[айского] нар[ода]". „За свободный Китай, против японских захватчиков";

4) как драться китайцам с внешним врагом – это решающий вопрос. Когда это закончится, тогда [в]станет вопрос, как драться между собой;

5) китайцы находятся в более благоприятных условиях, чем мы в 1918-[19]20 г[одах]. У нас страна была разделена по линии социальной революции. В Китае – национальная революция, борьба за независимость и свободу объединяет страну и народ;

6) Китай имеет огромные человеческие резервы, и я думаю, что Чан Кайши прав, когда утверждает, что Китай победит, нужно только выдержать в начатой войне».

И.В.Сталин обещал помочь Китаю в развитии военной промышленности, подчеркнув, что, если у Китая будет собственная военная промышленность, «никто его не сможет победить». Советский лидер также высказал соображения и относительно военной тактики КПК, посоветовав китайским коммунистам избегать лобовых атак на японцев, поскольку у 8-й армии не было артиллерии. «Ее [8-й армии] тактика, – сказал Сталин, – должна быть [в]... [том, чтобы] дразнить противника, вовлекать его в глубь страны и ударять в тыл (так в тексте. – *Авт.*). Нужно взрывать коммуникации, железные дороги, мосты, [используемые] японской арми[ей]». Он посоветовал увеличить армию КПК до тридцати дивизий. «Ни Англия, ни Америка не хотят, чтобы Китай победил, – добавил И.В.Сталин. – Они боятся его победы из-за своих империалистических интересов. Победа Китая подействует на Индию, Индокитай и т.д. Они хотят, чтобы Япония ослабла в результате войны, но не [хотят] допустить, чтобы Китай встал на свои ноги. Они хотят в лице Японии иметь цепного пса – пугать Китай, подобно тому, как раньше [пугали] царскую Россию, но [они] не хотят, чтобы этот пес имел возможность сам съесть жертву».

И.В.Сталин рекомендовал КПК разработать политическую линию, формально исключавшую на текущем этапе курс на социализм. Члены делегации КПК обещали доложить об этом КПК и лично Мао Цзэдуну.

Яньань

Сразу же по прибытии в Яньань Ван Мин информировал Мао Цзэдуна и других лидеров КПК о последних военных и политических рекомендациях И.В.Сталина. Он потребовал немедленного созыва специального совещания Политбюро ЦК, чтобы обсудить ситуацию. Мао Цзэдун, Ло Фу и другие приняли это требование. Совещание состоялось 9–14 декабря 1937 г. и прошло под фактическим руководством Ван Мина.

14 ноября 1937 г. Генеральный секретарь ИККИ Г.Димитров провел заседание своего секретариата, на котором во всеуслышание заявил, что КПК не следует излишне подчеркивать свою самостоятельность, а нужно действовать по принципу: «Все подчинено единому фронту, все через единый фронт». Именно эту формулу огласил на декабрьском совещании 1937 г. и Ван Мин, заявивший о необходимости теснейшего сотрудничества с Чан Кайши – «организующей силой китайского народа». Воспринимая ее буквально, Ван Мин отрицал возможность любых самостоятельных действий КПК в сложных условиях единого фронта.

Мао Цзэдун возражал против такой однолинейной политики. Весной-летом 1937 г. Мао Цзэдун выступил с серией лекций о диалектическом материализме перед студентами Антияпонского военно-политического университета, открытого в Яньани незадолго до этого. Изложив близко к тексту основные положения советских философов, он связал их с задачами китайской революции. Его выступления (каждая лекция длилась четыре часа, а весь курс занял более 110 часов) производили на слушателей сильное впечатление. Однако Мао Цзэдун в противостоянии с Ван Мином в тот период все же проиграл. Ван Мин, считав-

Участники совещания Политбюро ЦК КПК в Яньани. Слева направо: первый ряд – Сян Ин, Кай Фэн, Ван Мин, Чэнь Юнь, Лю Шаоци; второй ряд – Кан Шэн, Пэн Дэхуай, Чжан Вэньтянь, Чжан Готао, Линь Боцюй, Цинь Бансянь, Чжоу Эньлай, Мао Цзэдун

ший себя единственным правильным толкователем указаний Москвы, занял, по существу, лидирующие позиции в партии. Позже Мао вспоминал, что после возвращения Ван Мина его (Мао Цзэдуна) «власть распространялась не далее пещеры», где он жил. Мао вынужден был подчиниться и даже отойти в тень.

Общая линия Коминтерна на укрепление единого фронта включала рекомендации для Компартии, направленные на сохранение сил КПК, ведение партизанской борьбы в японском тылу и заманивание агрессора в глубь Китая. Одновременно китайские коммунисты должны были энергично пропагандировать новый путь развития страны в послевоенный период: умеренно демократический взамен леворадикального. Такая политика позволила бы Компартии значительно расширить массовую базу благодаря притоку представителей промежуточных слоев, выступавших против любой диктатуры, как гоминьдановской, так и коммунистической.

В самом начале мая 1938 г. Мао Цзэдун беседовал с сотрудником американского посольства, военно-морским офицером Э.Карлсоном, посетившим Яньань. Вот что последний докладывал об этом президенту США Ф.Рузвельту: «У меня было две продолжительные беседы с Мао Цзэдуном. Он, конечно, мечтатель, гений. И обладает сверхъестественным даром проникать в глубь проблемы. Я спрашивал его главным образом о планах Коммунистической партии Китая на то время, когда война окончится. Он отвечал, что классовая борьба и аграрная революция как таковые будут отброшены – до тех пор, пока нация не пройдет

через подготовительный этап демократии. С его точки зрения, государство должно владеть рудниками, железными дорогами и банками, организовывать кооперативы и поддерживать частные предприятия. Что касается иностранного капитала, то, по его словам, инвестиции из тех стран, которые готовы сотрудничать с Китаем на основах равенства, необходимо поощрять. Был он очень дружелюбен и сердечен». Вспоминая о разговорах с Мао Цзэдуном два года спустя, Э.Карлсон добавлял: «Он [Мао] сказал: „Коммунизм не является непосредственной целью, ибо его можно достичь только спустя десятилетия развития. Ему должна предшествовать сильная демократия, за которой последует подготовительный период социализма... Совершенно очевидно, – пишет в связи с этим собеседник Мао, – что в этих словах не было ничего чересчур радикального».

Слева направо: Чжоу Эньлай, Бо Гу, Ван Мин, Е Цзяньин

Между тем обстановка на фронтах Китая продолжала ухудшаться. После падения Нанкина (13 декабря 1937 г.) Центральное правительство эвакуировалось в Ухань. Туда же вскоре (17 декабря) вылетел и Ван Мин, по решению Политбюро возглавивший Чанцзянское бюро ЦК (Чанцзян, по-китайски – Янцзы). В Ухани он, по существу, создавал свой, параллельный яньаньскому, центр власти в КПК, проводя более мягкую, по сравнению с маоцзэдуновской, линию в рамках политики единого фронта. В конце февраля – начале марта 1938 г. на совещании Политбюро в Яньани сторонники линии Ван Мина дали открытый бой сторонникам Мао Цзэдуна; ни одной из сторон, однако, не удалось одолеть другую. Баланс сил в руководстве партии на некоторое время оказался примерно равным.

Важным фактором во внутрипартийных разногласиях по кадровым вопросам оставалась позиция Москвы. Руководство ИККИ в середине июня 1938 г. дало «добро» на избрание Мао Цзэдуна генеральным секретарем ЦК КПК. Поддержку И.В.Сталина Мао Цзэдун тогда оценил по достоинству. Спустя несколько лет, в июне 1945 г., на VII съезде партии, Мао Цзэдун признал большое значение директивы Коминтерна в разрешении проблем в руководстве партией.

После того как Коминтерн отказал Ван Мину в поддержке, серьезных противников у Мао Цзэдуна в партии не осталось. За полгода до этого, в апреле 1938 г., не выдержав изоляции, из Яньани в Ханькоу бежал Чжан Готао, открыто заявивший затем о выходе из КПК. Мао Цзэдун и другие партийные лидеры тут же оформили его исключение из КПК, обвинив Чжан Готао в «оппортунизме».

Президиум VI расширенного пленума ЦК КПК 6-го созыва.
Слева направо первый ряд: Кан Шэн, Мао Цзэдун, Ван Цзясян, Чжу Дэ, Сян Ин, Чэнь Шаоюй; второй ряд: Чэнь Юнь, Цинь Бансянь, Пэн Дэхуай, Лю Шаоци, Чжоу Эньлай, Чжан Вэньтянь

Деятельность Мао Цзэдуна и политика КПК с конца 30-х годов получили одобрение в средствах массовой информации СССР. Вождь КПК характеризовался как «мудрый тактик и стратег», обогативший мировую военную мысль «блестящей теорией» антияпонской партизанской войны. Давалась высокая оценка боевым действиям 8-й армии в тылу врага и стратегии КПК в целом. Тезисам «враг наступает – мы отступаем; враг остановился – мы тревожим; враг утомился – мы бьем; враг отступает – мы преследуем» придавалось большое значение.

В 1939 г. на прилавках Москвы появилась брошюра «Мао Цзэ-дун. Чжу Дэ (Вожди китайского народа)», авторство которой принадлежало бывшему соученику Мао Цзэдуна по Дуншаньской начальной школе высшей ступени и педагогическому училищу города Чанша писателю Эми Сяо (Сяо Саню), жившему тогда в Москве. В этой книге Мао Цзэдун представлен образцовым руководителем антияпонской борьбы и китайского коммунистического движения.

В конце сентября 1938 г. Мао выступил с пространной речью на VI расширенном пленуме ЦК КПК 6-го созыва. В докладе «Место Компартии Китая в национально-освободительной войне», который Мао Цзэдун читал в течение трех дней, он изложил наброски новой схемы истории партии. Он подчеркивал необходимость повышения теоретического уровня членов Компартии, называя ее «неотложной задачей, к решению которой необходимо приложить все силы». Мао Цзэдун также выдвинул тезис о необходимости «китаизации марксизма». «На протяжении тысячелетий, – сказал он, – история нашего великого народа

протекала на основе определенных законов, характеризовалась рядом национальных особенностей и создала множество культурных ценностей... Мы – приверженцы марксистского подхода к истории. Мы не можем расчленять историю на части. Мы должны обобщить все наше прошлое – от Конфуция до Сунь Ятсена. Мы должны принять это драгоценное наследство, и оно станет для нас большим подспорьем в руководстве нынешней великой борьбой. Коммунисты являются марксистами-интернационалистами, однако марксизм может быть претворен в жизнь только через национальную форму. Абстрактного марксизма не существует, есть только марксизм конкретный. Конкретный марксизм – это марксизм, который применяется в конкретной борьбе, в конкретных условиях китайской действительности, а не марксизм, который применяется абстрактно. Если коммунисты, являющиеся частью великого китайского народа, плотью от плоти, костью от кости этого народа, будут трактовать марксизм в отрыве от особенностей Китая, то это будет абстрактный, пустой марксизм». И далее: «Поэтому при китаизации марксизма в каждом отдельном случае нужно считаться с особыми чертами Китая, то есть исходить из национальных особенностей Китая. Это стало для нашей партии насущной задачей, настоятельно требующей полного понимания и ожидающей своего разрешения. Нужно положить конец иностранным шаблонам и петь поменьше пустых и абстрактных песен. Догматизм надо отправить на покой и заменить его живыми и жизненными, родными и привычными, приятными для слуха и радостными для глаза китайского народа китайским стилем и китайской манерой». К тому времени Япония захватила большую часть Северного, Восточного и Центрального Китая, а также несколько портов на юге и юго-востоке страны. После падения в конце октября 1938 г. Гуанчжоу и Ухани и переезда гоминьдановского правительства в Чунцин сил для решительного контрнаступления у Национального правительства не было. В этой ситуации Мао Цзэдун предпринял усилия по установлению власти коммунистов в ряде районов, расположенных в глубоком тылу японских войск. Задача облегчалась тем, что японская армия в силу своей относительной немногочисленности не могла прочно удерживать всю захваченную ею китайскую территорию. Под прямой японской оккупацией находились только города и другие стратегически важные объекты, в том числе линии коммуникаций. Деревня же во многом жила своей жизнью. Японцы лишь изредка проводили там реквизиции, а гоминьдановские чиновники и вовсе потеряли над ней контроль. Именно в такие сельские районы Мао Цзэдун и начал посылать вооруженные отряды КПК, чтобы, по существу, заполнить там вакуум власти. Эта стратегия оказалась успешной, к 1940 г. в японском тылу было

Кай Фэн. Антияпонский единый национальный фронт. 1938 г. Учебное пособие, подготовленное КПК

создано более 10 опорных баз КПК (коммунисты называли их «освобожденными районами»), и число их стремительно росло.

В Яньани Мао Цзэдун продолжал работать над «соединением марксизма с китайской реальностью» и сформулировал концепцию «новодемократической революции» как особого этапа в развитии освободительного движения Китая. Свою новую теорию Мао Цзэдун впервые изложил в середине декабря 1939 г. в статье «Китайская революция и Коммунистическая партия Китая». Исходя из того что Китай – страна «полуколониальная и полуфеодальная», Мао Цзэдун обосновывал необходимость не социалистической, а так называемой «новодемократической» революции. Апеллируя более к национальным, нежели социальным чувствам сограждан, он заявлял о необходимости социальных реформ в духе «трех народных принципов» Сунь Ятсена. Он трактовал эти принципы весьма либерально, обещая после революции гарантировать права частных собственников, стимулировать национальное предпринимательство и проводить политику протекционизма, т.е. привлекать иностранных инвесторов под строгим государственным контролем. Он считал необходимым снижение налогов, развитие многопартийной системы, создание коалиционного правительства и введение демократических свобод. От «старой западной демократии» теория «новой демократии» отличалась, по словам Мао Цзэдуна, тем, что ее будет проводить в жизнь Коммунистическая партия. Будущий Китай, утверждал Мао Цзэдун, будет не республикой пролетарской диктатуры, а республикой «объединенной диктатуры нескольких революционных классов»; в экономике новой страны будут сосуществовать как государственная и кооперативная, так и частнокапиталистическая собственность.

Мао Цзэдун
и советский оператор Р.Кармен
в Яньани. 1939 г.

Многие события недавнего прошлого стимулировали существенное обновление китайской политической культуры. Среди них – победа Синьхайской революции 1911 г., провозглашение Республики 1 января 1912 г., принятие Временной Конституции 1912 г., выборы в первый парламент и парламентские дебаты, борьба против юаньшикаевских планов реставрации монархии, «движение за новую культуру», патриотическое «движение 4 мая» 1919 г., сотрудничество и противоборство КПК и Гоминьдана в период первого единого фронта 20-х годов. Все эти события усиливали демократические настроения китайской интеллигенции, и именно эта часть общества должна была с энтузиазмом принять «новую демократию».

В ряде советских и западных СМИ подчеркивался общенациональный, патриотический и демократический характер новой политики КПК, чему способствовали визиты журналистов в Яньань, в частности Р.Кармена. Обращалось также

внимание на рост коррупции и политическую нестабильность в гоминьдановском Китае, подвергалась критике социально-экономическая и военная политика Национального правительства. Интерес к КПК, равно как и стремление к стабилизации единого фронта Гоминьдана и Компартии как необходимой предпосылки продолжения военного сопротивления японской агрессии, стимулировали стремление США к установлению контактов с Компартией Китая. В конце июля 1944 г. на яньаньском аэродроме приземлился американский самолет С-47 с девятью пассажирами на борту. Эта была первая группа так называемой «миссии Дикси», в состав которой входили сотрудники госдепартамента, Пентагона и Отдела стратегических служб (ОСС, предшественник ЦРУ). Неформальное название «миссия Дикси» закрепилось за группой американских наблюдателей в Яньани в связи с тем, что «землей Дикси» сотрудники посольства США в Чунцине в шутку называли Особый район, намекая на его «мятежный характер» («землей Дикси», или просто «Дикси», в США именовали южные штаты, которые в 1861 г. восстали против законного правительства А.Линкольна). Возглавлял миссию полковник Д.Барретт, грузноватый, невысокого роста человек лет 50, бывший какое-то время помощником военного атташе США в Чунцине. Он считался большим специалистом по Китаю, хорошо знал историю и культуру Китая и великолепно владел китайским языком. Следующим за ним по значению в группе был второй секретарь посольства США Дж.Стюарт Сервис – правительственный эксперт по китайскому коммунизму, как называл его американский посол в Китае К.Гаусс. В начале августа прибыла и вторая группа «миссии Дикси» во главе с еще одним дипломатом, Р.Лудденом. Вскоре американцы стали часто посещать Яньань и даже начали выезжать оттуда в некоторые освобожденные районы. В 1944 г. в Яньани находились 32 сотрудника так называемой американской информационной службы.

Мао Цзэдун и Чжу Дэ (крайний слева) принимают «миссию Дикси» во главе с полковником Д.Барреттом (первый справа). Июль 1944 г.

Главный вывод Д.Барретта, Дж.Сервиса и других членов миссии из разговоров с Мао Цзэдуном и собственных наблюдений заключался в том, что ориентация китайских коммунистов на СССР, возможно, и имела когда-то место, однако, похоже, отошла в прошлое, и коммунисты по своим взглядам и программе превратились в «китайских реалистов». Они, считали американские дипломаты, стали проводить демократическую политику, надеясь на одобрение и дружескую поддержку со стороны Соединенных Штатов. С экономической точки зрения китайские коммунисты выступают за быстрое развитие и индустриализацию Китая, преследуя главную цель – подъем экономического благосостояния наро-

да. Они признают, что при нынешних условиях в Китае это должно быть осуществлено в рамках капитализма с привлечением широкомасштабной зарубежной помощи. Они, продолжали эксперты, убеждены, что именно США, а не СССР, являются той единственной страной, которая будет в состоянии предоставить такую экономическую помощь. Коммунисты также понимают, что будет разумным дать американцам полную свободу в предоставлении такой помощи в целях ее эффективности и привлечения американских капиталов. Члены миссии настоятельно советовали американскому руководству переориентироваться на китайских коммунистов, предупреждая при этом, что КПК может вновь повернуться лицом к Советской России, если их вынудит к этому необходимость отразить нападение со стороны Гоминьдана, поддерживаемого Америкой.

«Новодемократическая» политика Мао Цзэдуна, отражавшая китайские реалии, в конечном счете обеспечила успех КПК, способствуя изоляции Гоминьдана. Произошло это несколько позже, незадолго до решающей схватки между КПК и Гоминьданом, а пока, в начале 40-х годов, Мао Цзэдун уделял много внимания внутрипартийным делам.

Укреплению авторитета поддержанного Москвой вождя КПК способствовала щедрая финансовая поддержка советской стороны. В конце марта 1940 г. Чжоу Эньлай привез Мао Цзэдуну из Москвы 300 тыс. долларов. В июле 1941 г. ЦК КПК запросил у Советского правительства помощи боеприпасами для развертывания более масштабных боевых действий против японцев, однако на этот раз получил отказ. В то же время СССР продолжал помогать китайской Компартии даже после того, как 22 июня 1941 г. на Советский Союз напала Германия. В российском архиве, в особых папках Политбюро ЦК ВКП(б), хранится соответствующий документ – решение Политбюро от 3 июля 1941 г. отпустить ИККИ «один миллион американских долларов для оказания помощи ЦК Компартии Китая».

В 1941 г. Мао Цзэдун продолжил работу по пересмотру основных этапов партийной истории. Образцом в работе подобного рода ему служил «Краткий курс истории ВКП(б)», перевод которого был осуществлен в Яньани в 1938–1939 гг.

8 сентября 1941 г. Секретариат ЦК КПК под руководством Мао Цзэдуна принял решение организовать серьезное исследование проблем истории партии. Главное внимание при этом должно было уделяться разработке концепции наиболее тяжелого для Мао Цзэдуна периода – с IV пленума ЦК КПК 6-го созыва (январь 1931 г.) до совещания в Цзуньи (январь 1935 г.). Через два дня Мао выступил на расширенном заседании Политбюро ЦК КПК с докладом по вопросам истории внутрипартийной борьбы. Вскользь подвергнув критике Ли Лисаня, он сконцентрировался на «догматиках», «субъективистах» и «левых оппортунистах», действовавших в 1931–1934 гг. (хотя Ван Мин ни разу не был назван по имени, ни для кого не являлось секретом, что подразумевался в первую очередь именно он, так как Ван Мин в те годы возглавлял делегацию КПК в Коминтерне). При этом Мао Цзэдун подчеркивал, что хорошими учителями являются

только те учителя, которые могут китаизировать марксизм. Одновременно большое значение он придавал изучению методов мышления Маркса, Энгельса, Ленина и Сталина, а также изучению «Краткого курса истории ВКП(б)».

Выступления Мао Цзэдуна, между тем, дали старт кампании по пересмотру партийной истории как в целях формирования новой ее концепции, так и для утверждения единоличного лидерства Мао Цзэдуна в партии. В феврале 1942 г. она переросла в широкомасштабную «кампанию по исправлению стиля» (*чжэнфэн*). Ее главным объектом стал Ван Мин. Другими объектами *чжэнфэн* стали Бо Гу, Ло Фу и другие члены «московской группы». «Досталось», однако, и Чжоу Эньлаю – за прошлую оппозицию Мао Цзэдуну. «Чистка», правда, ни в коей мере не напоминала советский 1937 год. «Нынешнее руководство КПК, – говорил Мао Цзэдун в январе 1943 г., – считает былые чистки в ВКП(б) ошибочными. Необходимы „духовные чистки“, которые проводятся нынче в Особом районе». Верный тезису «лечить болезнь, чтобы спасти больного», Мао Цзэдун инициировал не аресты и казни, а идеологическую проработку (один из свидетелей назвал это «психологической муштрой»). Яньань погрузилась в атмосферу бесконечных митингов, собраний и заседаний, на которых бывшие противники Мао Цзэдуна, заклейменные как «догматики», выступали с исповедями и самобичеванием, при этом восхваляя «мудрость» вождя. Они писали доносы на себя и знакомых, а специально созданная комиссия по проведению *чжэнфэна*, во главе которой Мао Цзэдун поставил Кан Шэна, все это регистрировала в особом архиве.

С начала 1943 г. важную роль в организации и проведении новой идеологической кампании помимо Кан Шэна стал играть Лю Шаоци, прибывший в Яньань из Юго-Восточного Китая по приглашению Мао Цзэдуна в самом конце декабря 1942 г. Мао Цзэдун знал Лю Шаоци очень давно, однако до начала 40-х годов не имел с ним тесных контактов. Познакомились они летом 1922 г., когда 24-летний Лю Шаоци, только что окончивший 7-месячный курс обучения в Коммунистическом университете трудящихся Востока (КУТВ) в Москве, прибыл по направлению Чэнь Дусю на профсоюзную работу в Чанша. Мао Цзэдун направил его в Аньюань, в западную Цзянси. Этот шахтерский поселок находился под «юрисдикцией» возглавлявшегося в то время Мао Цзэдуном Сянского парткома. С мая 1922 г. там действовал рабочий клуб, созданный Ли Лисанем, главным помощником которого стал Лю Шаоци.

Был он всего на пять лет моложе Мао Цзэдуна, но организаторскими способностями не уступал ему. Очень худой и хрупкий на вид, он поражал энергией, решительностью и отвагой. Как и Мао Цзэдун, был уроженцем Хунани, выходцем из крестьянской семьи. Его родной уезд Нинсян отстоял всего на 80–90 *ли* к северу от Шаошани, родины Мао Цзэдуна. В КПК Лю Шаоци вступил в Москве в декабре 1921 г., будучи студентом КУТВ, но еще в 1920 г. активно участвовал в деятельности Шанхайского социалистического союза молодежи, по рекомендации которого вошел в первую группу китайских студентов КУТВ. Вскоре по возвращении из Москвы Лю Шаоци стал одним из видных руководителей обще-

национального рабочего движения, в 1925 г. был избран заместителем председателя Всекитайской федерации профсоюзов, а в 1927 г. вошел в состав ЦК КПК. Впоследствии занимался руководящей партийной работой в Маньчжурии, принимал участие в V Всемирном конгрессе Профинтерна, на котором был избран членом Исполкома этой международной рабочей организации. В течение года (лето 1930 г. – осень 1931 г.) представлял «красные» китайские профсоюзы в Москве, а потом возглавлял профорганизации Центрального советского района. На IV пленуме ЦК КПК 6-го созыва в январе 1931 г. его избрали кандидатом в члены Политбюро. В январе 1935 г., во время совещания в Цзуньи, он поддержал Мао Цзэдуна. С тех пор Лю Шаоци постоянно находился в поле зрения Мао Цзэдуна.

Весной 1936 г. Мао Цзэдун отправил его в Тяньцзинь, на север Китая, возглавлять местное бюро ЦК КПК, а с началом Антияпонской войны перевел на юго-восток, где Лю Шаоци стал одним из организаторов Новой 4-й армии. В июле 1939 г., во время одного из приездов в Яньань, Лю Шаоци прочитал в местном Институте марксизма-ленинизма две лекции на тему «О работе коммуниста над собой», так же как и Мао Цзэдун, призвав всех членов партии к ежедневному самообразованию. При этом он подчеркнул, что мерилом верности коммуниста делу партии, революции и коммунизма служит готовность коммуниста при любых обстоятельствах подчинять личные интересы интересам партии. Через два года, в июле 1941 г., Лю Шаоци выступил уже в партшколе Центральнокитайского бюро ЦК с докладом «Относительно внутрипартийной борьбы», направленным против догматизма.

Именно как специалиста по партийным делам Мао Цзэдун пригласил Лю Шаоци в Яньань. В марте 1943 г. Лю Шаоци вместе с Жэнь Биши вошел в реорганизованный Секретариат ЦК (председателем этого органа, состоявшего всего из трех человек, так же как и Политбюро ЦК, тогда впервые стал сам Мао Цзэдун). Лю Шаоци получил также пост заместителя Мао Цзэдуна в Реввоенсовете, возглавил организационную комиссию и Исследовательское бюро ЦК КПК. Его влияние в партии стало стремительно возрастать, несмотря на то что формально он не являлся членом Политбюро.

Москва в это время получала информацию о положении в Яньани непосредственно от очевидца событий П.П.Власова (Владимирова), находившегося вместе с военным врачом А.Я.Орловым и радистом Н.Н.Риммаром в Яньани с мая 1942 г. Все трое в течение полутора лет работали вместе с группой сотрудников ГАСС, прежде всего выполнявшей функцию связи между Москвой и Коминтерном, с одной стороны, и КПК – с другой. Группа работала под руководством И.В.Южина (Юрченко). В ее состав входили официальный переводчик Б.В.Алиев и радист Л.В.Долматов (псевдоним – Ли Вэнь). После отзыва группы Южина на родину Владимиров, Орлов и Риммар остались представителями Москвы при ЦК КПК.

Лю Шаоци постепенно «забирал власть» и становился вторым человеком после Мао Цзэдуна и фактически проводником его идей. Он составлял самые важ-

ные документы, с ним были вынуждены считаться члены Политбюро и ответственные военные работники, мог по своему усмотрению распоряжаться аппаратом ЦК.

На Лю Шаоци Мао Цзэдун возложил и основную работу по подготовке VII съезда партии. Этот форум, первоначально назначенный на весну 1941 г., неоднократно откладывался и в конечном итоге состоялся в апреле–июне 1945 г. Прибывшие в Яньань в 1941 г. делегаты в течение двух-трех лет под контролем Лю Шаоци и Кан Шэна участвовали во всех мероприятиях кампании *чжэнфэн*. Во время этой кампании выдвинулся и Чэнь Бода, который приобрел определенный опыт, читая лекции по марксизму-ленинизму, истории и философии в Институте марксизма-ленинизма в Яньани, а также работая лектором Центральной партшколы. Вскоре он стал отвечать и за службу новостей и пропаганды в Особом районе.

Выступать с самокритикой отказался лишь Ван Мин, который с конца декабря 1938 г. по решению VI расширенного пленума ЦК КПК 6-го созыва работал в Яньани, сначала в аппарате ЦК, а затем на незначительной должности ректора Женского университета. Между тем к началу 1943 г. Мао Цзэдун обострил обстановку вокруг Ван Мина. Тот сказался больным, чтобы по-прежнему избегать участия в проработочных кампаниях. 22 декабря 1943 г. Г.Димитров послал личное письмо вождю КПК, в котором настоятельно рекомендовал не преследовать Ван Мина. Одновременно он просил не трогать и Чжоу Эньлая: «Я считаю политически неправильной проводимую кампанию против Чжоу Эньлая и Ван Мина... Таких людей, как Чжоу Эньлай и Ван Мин, надо не отсекать от партии, а сохранять и всемерно использовать для дела партии». Письмо Г.Димитрова от 22 декабря не осталось без внимания. В ответ Мао Цзэдун отправил две телеграммы. В первой, в частности, говорилось: «Наши взаимоотношения с Чжоу Эньлаем очень хорошие. Мы вовсе не собираемся отсекать его от партии. Чжоу Эньлай имеет очень большой успех и прогресс (так в тексте. – *Авт.*)». Однако о Ван Мине Мао Цзэдун писал: «Ван Мин проводил разнообразную антипартийную деятельность... С моей точки зрения, Ван Мин является ненадежным человеком». Через пять дней, однако, Мао Цзэдун все-таки отступил. Содержание второй телеграммы Мао Цзэдуна Г.Димитрову, в которой он пытался сгладить излишнюю резкость предыдущего послания, успокоило Г.Димитрова.

На состоявшемся наконец 23 апреля – 11 июня 1945 г. в Яньани VII съезде КПК и Чжоу Эньлай, и Ван Мин были включены в состав ЦК, а Чжоу Эньлай даже укрепил свои позиции в высшем партийном эшелоне. Характерно, что Мао Цзэдун не открывал VII съезд до тех пор, пока по его личному требованию больного Ван Мина не внесли на носилках в зал заседаний. Только после этого он открыл партийный форум словами: «Я пригласил на наш съезд товарищей Ван Мина и Цзясяна. Разболевшегося Ван Цзясяна доставили в зал тоже на носилках. Наш съезд действительно является съездом сплочения!»

Именно Мао Цзэдун сформировал состав ЦК, избранного на VII съезде, доминировал на всех заседаниях, определил направления его работы и решения.

Он же выступил с основным докладом «О коалиционном правительстве», в котором вновь изложил «новодемократическую» программу. За исключением Ван Мина, все остальные 754 делегата съезда, представлявшие 1 млн. 210 тыс. членов партии, выразили полную поддержку своему вождю и его идеям.

Накануне съезда Мао Цзэдун с успехом завершил и еще один очень важный для него форум – VII расширенный пленум ЦК КПК. Этот пленум был самым длительным в истории Компартии: он шел (с перерывами) одиннадцать месяцев – с 21 мая 1944 г. по 20 апреля 1945 г. Пленум принял, по рекомендации Мао Цзэдуна, «Решение по некоторым вопросам истории». В новой интерпретации истории партии главную роль отвели Мао Цзэдуну, а весь путь КПК до совещания в Цзуньи был представлен как цепь непрерывных отклонений от его правильной линии то вправо, то влево. При этом всех его реальных или вымышленных противников (Чэнь Дусю, «путчистов», Ли Лисаня, Ван Мина, Бо Гу, Чжан Готао и даже его бывшего друга Ло Чжанлуна, в 1931 г. выступившего, правда, не против Мао Цзэдуна, а против Политбюро) подвергли уничтожающей критике.

Фотография, подаренная П.П.Владимирову Мао Цзэдуном и Цзян Цин накануне его отъезда из Яньани. На фотографии дарственная надпись: «На память товарищу Сун Пину. Мао Цзэдун, Цзян Цин. Яньань, 14 ноября 1945 г.»

Важным решением VII съезда стало принятие нового Устава партии. С докладом по этому вопросу выступил Лю Шаоци. Идеологической основой КПК были названы «идеи Мао Цзэдуна». «Коммунистическая партия Китая, – говорилось в Уставе, – считает идеи, объединяющие теорию марксизма-ленинизма с практикой китайской революции – идеи Мао Цзэдуна, – путеводной звездой во всей своей работе».

Окончательный выбор термина – «идеи Мао Цзэдуна» – отразил стремление Мао Цзэдуна и его единомышленников создать некую чисто китайскую идеологию, которая равным образом выражала бы интересы всех слоев китайского общества – от пролетариата до части помещиков и национальной буржуазии, своего рода идеологию единого фронта. На состоявшемся сразу после VII съезда I пленуме Центрального комитета Мао Цзэдун был избран Председателем ЦК, Политбюро и Секретариата ЦК КПК, а в конце августа 1945 г., на расширенном совещании Политбюро, – еще и Председателем вновь образованного Военного совета ЦК КПК. Мао Цзэдун полностью сконцентрировал власть в своих руках. В начале августа 1945 г. на своем втором заседании I пленум ЦК КПК принял новую редакцию «Решения по некоторым вопросам истории» и Устава партии, в которых роль и значение Мао Цзэдуна были представлены еще более ярко.

К концу войны Сопротивления Японии КПК удалось в полной мере сформировать свои идейные, политические и организационные принципы, адекватные сложившейся в Китае ситуации.

Правовое строительство в освобожденных районах

Создание многочисленных освобожденных районов стало наиболее зримым результатом многовекторной политики Компартии Китая; они стали новым, в целом признанным официальной властью политическим институтом Китайской Республики. Создавая новую политическую власть в антияпонских базах, обстановка в которых была более стабильной, чем в советских районах конца 20-х – начала 30-х годов, Компартия Китая стремилась к объединению всех патриотических сил на платформе антияпонской борьбы. Проведение политики единого фронта не означало, однако, отказа КПК от стремления к руководству всей политической и экономической жизнью в антияпонских революционных базах. Необходимым условием участия в политической жизни этих районов некоммунистических организаций, групп и отдельных деятелей являлась поддержка ими политического курса КПК. Исключалась любая оппозиционная активность, а попытки проведения гоминьдановскими организациями нелегальной деятельности жестко пресекались.

При отсутствии каких-либо органов власти и управления, связывающих антияпонские базы, разбросанные от Маньчжурии на северо-востоке страны до о. Хайнань на юге, КПК была объединяющей, руководящей силой складывавшейся новой государственности. Она превращала географически оторванные друг от друга районы в своеобразное «государство в государстве» или «параллельное государство».

Постепенно в наиболее стабильных освобожденных районах сложился довольно развитый политический механизм, позволявший партии осуществлять свою руководящую роль через различные законодательные, исполнительные и судебные органы, созданные в ходе строительства новой власти. Одна из особенностей новой государственности заключалась в том, что формально она исходила из признания Национального (гоминьдановского) правительства и его законодательства, политическая же реальность этой власти во многом не была идентичной гоминьдановской и имела свою специфику как в области управления, так и в социально-экономической, прежде всего аграрной, сферах.

Аграрная политика КПК в годы Антияпонской войны складывалась и развивалась как составная часть политики единого фронта, одной из предпосылок создания которого явился отказ КПК от радикальной ломки традиционных аграрных отношений и конфискации помещичьих земель. При некоторых различиях нормативные акты, принимавшиеся властями антияпонских баз, совпадали в основных положениях с законодательством центральной власти, так как исхо-

дили из Аграрного закона Национального правительства, принятого в 1930 г. Нормативные акты антияпонских баз, основываясь на этом законе, устанавливали верхний предел арендной платы в 37,5% собранного арендатором урожая, определяли размер ссудного процента на уровне не выше 10% годовых, предусматривали проведение «рациональной и справедливой» налоговой политики. Аграрная политика КПК в то время исходила из признания права частной собственности на землю.

Проведение аграрной политики в освобожденных районах было не простым делом и требовало от местных организаций КПК и ее вооруженных сил значительных организационных и политических усилий. Именно благодаря этим усилиям КПК получила прочную социальную базу на территории антияпонских баз, а крестьянство стало основным источником формирования сельских парторганизаций и вооруженных сил партии. Умеренный характер аграрных преобразований политически нейтрализовал эксплуататорские слои деревни, не препятствовал их экономической активности.

Следуя договоренностям с Гоминьданом об установлении внутреннего мира, КПК формировала органы власти путем проведения всеобщих выборов. Порядок создания властных органов был следующим: избирались консультативные органы, которые, в свою очередь, формировали местные правительства. В нормативных актах антияпонских баз, регулирующих порядок образования консультативных советов, предусматривалась возможность приглашения правительствами различных ступеней в качестве членов советов лиц, проживавших в соответствующих районах и известных своими достижениями в социальной, экономической, культурной и других областях. Однако число приглашенных не должно было превышать $^{1}/_{10}$ числа членов совета.

Консультативные советы были наделены функциями законодательных органов на территориях антияпонских баз. Общих для всех освобожденных районов законов не издавалось, однако каждый из них ориентировался на правовые акты Центрального освобожденного района – Пограничного района Шэньси–Ганьсу–Нинся. Кроме конституционных актов (административно-политических программ) во всех антияпонских базах действовало довольно развитое избирательное законодательство и законодательство об организации органов управления, деятельности судов, а также по отдельным отраслям права (аграрного, уголовного, семейного, об охране личных и имущественных прав). При этом на различных этапах Антияпонской войны принимались различные редакции законов об организации представительных органов и органов управления, избирательных законов. Например, положение о выборах в консультативные советы всех ступеней Пограничного района Шэньси–Ганьсу–Нинся принималось трижды – в 1939, 1942 и 1944 гг. Закон, с одной стороны, совершенствовался, с другой стороны, приспосабливался к реальной обстановке в районе, например, изменялись нормы представительства, увеличивались временны́е интервалы между выборами консультативных советов. Поскольку выборы были всеобщими, избирательных прав лишались только осужденные правительством государственные изменники,

лишенные гражданских прав по приговору судов или военных трибуналов, а также умалишенные.

С 1941 г. КПК в целях упрочения антияпонского единого фронта начала проводить при выборах представительных органов в руководимых ею районах принцип «трех третей», означавший, что коммунисты занимали в консультативных советах $^1/_3$ всех мест, другая треть отдавалась левым прогрессивным элементам (в основном представителям мелкой буржуазии) и еще одна – буржуазии и «просвещенным *шэньши*», т.е. помещикам, выступавшим против режима Чан Кайши и империалистической агрессии. Осуществление принципа «трех третей» не ослабляло руководящих позиций КПК в антияпонских базах. Руководство партии следило за тем, чтобы обеспечение руководящей роли коммунистов в освобожденных районах было бы прежде всего производной их личных качеств, и в связи с этим обращало особое внимание на морально-нравственный уровень руководителей-коммунистов.

Голосование с помощью бобов

Вместе с тем руководство КПК предупреждало местные партийные организации против механического применения принципа «трех третей» и допускало возможность изменения состава низовых органов власти по усмотрению партийных органов в целях недопущения проникновения во власть *тухао* и *лешэнь*.

Пограничный район Шэньси–Ганьсу–Нинся делился на подрайоны, уезды и города (скорее, это были поселки); уезды – на районы, а последние – на волости. В подрайонах, уездах, городах и волостях избирались консультативные советы, формировавшие местные правительства (в волостях избирались волостные старосты). Часть уездов района – 18 из 29 – управлялась правительством Пограничного района через административно-контрольных уполномоченных в подрайонах, в которых консультативные советы не избирались. Уполномоченные назначались правительством района специально, либо их функции возлагались по совместительству на воинских начальников или на одного из начальников уездов, т.е. на председателей уездных правительств (наиболее частый случай в условиях военного времени). В последнем случае функции отделов административного аппарата подрайона выполняли соответствующие отделы уездных правительств. В районах уездов, объединявших несколько волостей, административные функции выполняли районные управы, делегированные районными правительствами; эти управы состояли из начальников районов и нескольких их помощников.

Административные органы Пограничного района строились по принципу жесткой экономии кадров и средств, особенно после проведенного в 1942 г. сокра-

Комплекс зданий правительства пограничного района Шэньси–Ганьсу–Нинся. 1938 г.

щения аппарата. Так, в отделах уездного правительства часто всю работу выполнял всего один человек. Минимальным аппаратом обходились и другие административные органы.

Судебные органы Пограничного района возглавлял Высший суд, выполнявший судебные и судебно-административные функции. На местах правосудие осуществляли судебные отделы уездных правительств и суд г. Яньань. Весной 1943 г. были созданы отделения Высшего суда в подрайонах. Должности начальников уездов и глав судебных отделов совмещались в одном лице. В то же время должности уполномоченных в подрайонах и председателей отделений Высшего суда, как правило, разделялись. В составе судебных органов создавались судебные комитеты, определявшие общие направления разрешения сложных и важных дел. Судебная система района состояла из судов двух ступеней при двух судебных инстанциях. Уездные судебные отделы и местный суд города Яньани были судами первой инстанции, а Высший суд и его отделения – судами второй инстанции. Решения Высшего суда и его отделений были окончательными, однако приговоры к смертной казни обязательно рассматривал судебный комитет Высшего суда и утверждал председатель правительства Пограничного района.

Центр судебной работы в период Антияпонской войны переместился на борьбу с предателями, бандитами, шпионами и другими военными и государственными преступниками. К таким преступникам относились и лица, понуждавшие крестьян возвращать помещикам полученные ранее по разделу земли и постройки, заставлявшие должников выплачивать аннулированные долги. В гражданско-правовой области основная работа судов шла по линии разрешения земельных и брачно-семейных споров. Среди всех гражданских дел, разрешенных судами первой инстанции Пограничного района в 1938–1943 гг., удельный вес указанных споров составлял почти 70%.

В Пограничном районе широкое распространение получило судебное и внесудебное примирительное разбирательство гражданских споров и незначительных уголовных дел. В 1943 г. правительство района издало приказ о повсеместном ведении примирительной работы. После этого удельный вес дел, закончившихся примирением сторон, возрос с 18% в 1942 г. до 48% в 1944 г. Внесудебное примирение проводилось специальными комиссиями, состоявшими из местных жителей. Расширение работы по внесудебному примирению привело к значительному сокращению числа гражданских дел, рассматривавшихся в судебных органах Пограничного района.

Строительство органов власти, управления и суда в революционных базах периода Антияпонской войны занимает важное место в истории государства и права КНР. Именно в этот период сложились основные черты системы местных государственных органов. В целях сохранения и упрочения единого антияпонского фронта коммунисты использовали терминологию и отдельные положения гоминьдановских законов, оговаривая при этом конкретную обстановку данных баз. В то время как для бóльшей части территории страны гоминьдановское законодательство существовало только на бумаге, в антияпонских базах положения этого законодательства проводились в жизнь. Это хорошо видно на примере аграрного законодательства Гоминьдана. Согласно Аграрному закону 1930 г., арендная плата за землю должна была исчисляться в размере 37,5% от собранного урожая, на деле же в гоминьдановских районах ставка арендной платы превышала 50%. Между тем в антияпонских базах придерживались нормы, установленной гоминьдановским законодательством. В целом же власть в антияпонских районах продолжала традиции китайских Советов, но на более широкой социальной базе.

Успешное экономическое и социально-политическое развитие освобожденных районов, обеспечивавшее необходимый жизненный уровень населения, армии, государственного и партийного аппарата, способствовало росту авторитета КПК в массах. Последовательная антияпонская позиция коммунистического руководства освобожденных районов, демократическая и социальная направленность политики руководства антияпонских баз привлекали под знамена КПК патриотически настроенные слои населения всей страны. На фоне углубления кризисных явлений в экономике неоккупированных гоминьдановских территорий, роста коррупции во властных структурах и отсутствия политического единства в руководстве КР освобожденные районы демонстрировали жизненный потенциал и проводили в жизнь отдельные демократические реформы в системе управления и правовой сфере. К продолжению после войны переговорного процесса с Гоминьданом, в годы войны фактически выполнявшего функции координационного органа, Компартия Китая, накопив уникальный опыт политической и государственной деятельности в освобожденных районах, пришла подготовленной теоретически и организационно. Большое значение в расстановке политических сил к концу Антияпонской войны имел и военный фактор. Численность армии КПК к апрелю 1945 г. достигла 910 тыс. в регулярных частях и 2,2 млн. бойцов – в ополчении.

Часть IV

ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА И ПОБЕДА ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ (1945—1949)

Глава 1

Гоминьдановский режим: политика и экономика

Переговоры между Гоминьданом и КПК в 1945—1947 гг.

Внутри- и внешнеполитическая ситуация в Китае после завершения восьмилетней войны Сопротивления Японии и окончания Второй мировой войны определялась рядом факторов и прежде всего отношениями между двумя основными политическими партиями Китая – Гоминьданом и КПК. В годы войны единый антияпонский фронт, формировавшийся на базе политического и военного взаимодействия Гоминьдана и Компартии Китая, являлся важным фактором внутриполитической стабильности. Линии на внутреннее единство Китая как необходимого условия сохранения национального суверенитета не было альтернативы. Во время Антияпонской войны в рядах Гоминьдана и КПК преобладала трезвая оценка ситуации, что, несмотря на периодически возникавшую конфронтацию между партиями и их вооруженными силами, позволило сохранить внутренний мир. Иными словами, в период войны разногласия между основными политическими силами страны отошли на второй план, но не исчезли, что ясно продемонстрировали решения VI съезда Гоминьдана и VII съезда КПК. Окончание военных действий НРА, а также армий и партизанских соединений КПК против японских войск неизбежно выдвинуло на передний план не решенные ранее принципиальные вопросы, касавшиеся определения дальнейшего пути развития Китая и его политического устройства.

Несмотря на периодически вспыхивавшие локальные вооруженные конфликты между гоминьдановскими армиями и войсками КПК, сопровождавшие процесс капитуляции японских войск на местах, осенью 1945 г. возобладал курс на

развитие переговорного процесса между обеими партиями. История переговоров между ними, проводившихся с 1937 г., показала возможность согласования позиций обеих партий, хотя часто под давлением США и СССР. Вместе с тем она продемонстрировала упорство Чан Кайши в деле сохранения диктатуры Гоминьдана, его неизменное сопротивление курсу на демократизацию политического режима, на котором постоянно настаивала Компартия Китая, а также глубоко укоренившееся недоверие между партиями. Актуальность продолжения переговорного процесса усиливалась реальной угрозой перерастания в новую гражданскую войну начавшихся после 2 сентября 1945 г. столкновений вооруженных сил Гоминьдана и КПК. Вместе с тем было очевидно, что переговорный процесс между Гоминьданом и КПК не исчерпал всех своих возможностей. Ослабление Гоминьдана и усиление КПК в годы войны Сопротивления являлись важнейшими факторами, оказывавшими влияние на ход новых переговоров между Гоминьданом и КПК. Переговорный процесс шел (с перерывами) с августа 1945 г. по март 1947 г.

Первым крупным событием в его рамках стало заключение 10 октября 1945 г. соглашения о перемирии. Оно готовилось в сложных условиях передачи власти японскими военно-политическими кругами представителям политической и военной власти на местах, власти, на которую претендовали как гоминьдановцы, так и коммунисты, контролировавшие освобожденные районы в стратегически важных районах Северного и Центрального Китая. Подобная ситуация породила соперничество обеих сторон в борьбе за контроль над территориями, освобождаемыми от японской оккупации. Гоминьдановское правительство к тому времени располагало значительными вооруженными силами (4,6 млн. солдат), немалая часть которых была вооружена и подготовлена при содействии США. Вместе с тем НРА была ослаблена и измотана, к тому же дислоцировалась главным образом в отдаленных западных и юго-западных районах страны, а также близ Бэйпина, не имея при этом достаточных транспортных средств для быстрой передислокации. В этих обстоятельствах 11 августа 1945 г. Чан Кайши отдал своим войскам приказ срочно продвигаться в оккупированные японцами районы, чтобы опередить отряды КПК. Одновременно он приказал войскам прояпонского «национального правительства» и японским оккупационным войскам сдаваться только гоминьдановскому командованию, а до того находиться в состоянии боевой готовности на случай нападения на них сил КПК.

Аналогичные приказы от своего командования получали и вооруженные силы КПК. 10 и 11 августа 1945 г. в Яньани Чжоу Эньлай подготовил шесть приказов генерального штаба вооруженных сил КПК. Командованию вооруженных сил освобожденных районов предписывалось принять капитуляцию войск «национального правительства» и других марионеточных режимов, дислоцированных близ освобожденных коммунистами районов.

В этой напряженной ситуации, непосредственно связанной с возможностью для каждой стороны усилить свое влияние в ходе капитуляции японских войск, Чан Кайши телеграфировал приказ в Яньань Чжу Дэ и Пэн Дэхуаю, запрещавший

Общая обстановка в Северном Китае на 20 декабря 1945 г.

передислоцировать войска КПК. Этот приказ вызвал эмоциональную реакцию Чжоу Эньлая, который в своей директивной телеграмме от 16 августа 1945 г. в Южное бюро ЦК КПК подтвердил позицию КПК по поводу осуществления разоружения окруженных вооруженными силами КПК «вражеских и марионеточных войск». При этом он выразил недоумение в связи с тем фактом, что Чан Кайши, в течение 5–6 лет не признававший существования вооруженных сил освобожденных районов и отказывавший им в материальной и финансовой помощи, вдруг приказал им оставаться на своих местах в ожидании дальнейших указаний.

Советские танкисты в освобожденном Даляне. 1945 г.

Если в годы Антияпонской и Второй мировой войны США и СССР значительные усилия направляли на недопущение конфликтов в едином фронте и на их урегулирование, причем действовали в этом направлении более или менее синхронно, то в ходе капитуляции японских войск на территории Китая тенденция к размежеванию политических пристрастий великих держав-союзниц проявлялась все более четко.

Проблему передислокации гоминьдановских войск Национальное правительство решало с помощью США, предоставивших самолеты и корабли в целях перебазирования войск НРА в Восточный и Северный Китай для принятия законной властью капитуляции Японии в крупнейших городах страны – Шанхае, Нанкине, Бэйпине, Тяньцзине, Гуанчжоу. Такая мера позволила не допустить в эти центры вооруженные силы КПК. Будучи хорошо организованными и дисциплинированными и обладая высоким моральным духом, войска КПК страдали от острой нехватки оружия (одна винтовка на трех бойцов). Тем не менее, исходя из сложившихся обстоятельств, они предпринимали эффективные усилия по освобождению от японской оккупации средних и малых городов. В результате коммунистам удалось значительно расширить территорию освобожденных районов севернее р. Янцзы. Активность коммунистов вызывала растущее недовольство Гоминьдана и его американских союзников и приближала новую вспышку гражданской войны.

Большое значение для дальнейшего хода внутриполитических событий в Китае имело освобождение Советской армией одного из важнейших районов Китая – Маньчжурии (Дунбэя), которое завершилось в конце августа 1945 г., причем территория Дунбэя была временно занята Советской армией.

В Дунбэе находились вооруженные формирования различного рода. Одни из них поддерживали Гоминьдан, другие ориентировались на КПК. Руководство

Компартии Китая приняло решение начать целенаправленное формирование вооруженных сил в Дунбэе, непосредственно подчиненных 8-й армии, штаб которой находился в Яньани. Создававшиеся КПК вооруженные отряды нуждались в обеспечении оружием. В этих условиях советская сторона решила передать вооруженным силам КПК на Северо-Востоке имущество и вооружение японской армии, что и было осуществлено в сентябре–ноябре 1945 г. Орудий и минометов было передано от 3700 до 5212 единиц, танков и бронемашин – от 600 до 743, пулеметов – от 5207 до 12 000, самолетов – от 612 до 861 (определить точное количество переданного вооружения не представляется возможным). Полученного китайскими коммунистами от СССР трофейного вооружения было достаточно для оснащения созданной 1 января 1946 г. Объединенной демократической армии (ОДА). К концу 1945 г. КПК располагала в Дунбэе хорошо вооруженной группой войск численностью до 300 тыс. человек.

Правительство Советского Союза, действуя в рамках Договора от 14 августа 1945 г. о дружбе и союзе между СССР и КР и сопутствовавших Договору соглашений – о Китайской Чанчуньской железной дороге, Порт-Артуре/Люйшуне, Дальнем/Даляне, по мере возможности препятствовало проникновению в Дунбэй переброшенных в Северный Китай гоминьдановских войск. Добраться в Дунбэй из Северного Китая можно было только по железной дороге, которая проходила по территории, занятой войсками, руководимыми КПК, или морским путем. Советское командование отказалось удовлетворить просьбу китайского правительства о предоставлении железнодорожного транспорта для передислокации гоминьдановских войск из района Шаньхайгуаня на основании упомянутых советско-китайских договора и соглашений. Попытка США доставить гоминьдановские войска в Дунбэй морским путем тоже потерпела неудачу. Погрузив значительные силы НРА на свои корабли и выступив на север, США рассчитывали высадить десант и выгрузить военную технику в Дальнем/Даляне – единственном порте на побережье Дунбэя, принимавшем крупнотоннажные корабли. Там, по советско-китайскому договору, размещались советские войска. Советское командование, руководствуясь договором от 14 августа 1945 г., не разрешило высадку гоминьдановских войск. В результате КПК получила время для сосредоточения и размещения своих военных формирований на юге Дунбэя. Гоминьдановские войска смогли высадиться лишь в порте Циньхуандао, расположенном в 25–30 км южнее Шаньхайгуаня, откуда лишь 16 ноября 1945 г. начали продвижение на Северо-Восток.

В конце августа 1945 г. в соответствии с приказом Чжу Дэ первая группа войск КПК вступила в Шаньхайгуань, где встретилась с частями советской 17-й армии. С их помощью войска Чжу Дэ отправились по железной дороге на север с целью опередить гоминьдановские войска, стремившиеся войти в Дунбэй. Вслед за этой группой двинулись и другие воинские формирования, руководимые Компартией. За первые два месяца пребывания советских войск на территории Северо-Восточного Китая КПК смогла провести значительную работу по созданию революционной базы, реорганизовать и укрепить свои вооруженные силы. Еще

в октябре 1945 г. в связи с массовым притоком добровольцев командованию 8-й армии в Хэбэй–Жэхэ–Ляонинском округе удалось переформировать партизанские полки в регулярные части.

Присутствие войск Советской армии в Северо-Восточном Китае, продлившееся до 3 мая 1946 г., создавало благоприятную обстановку для укрепления старых и создания новых освобожденных районов. СССР оказывал поддержку КПК по многим направлениям. В итоге плодотворного взаимодействия Компартии Китая с Советской армией и советскими специалистами возникла Дунбэйская революционная база, сыгравшая значительную роль в победе народной революции в масштабах всего Китая.

Советские десантники у ж/д станции г. Харбин

Обстановку накануне октябрьского совещания (1945 г.) представителей Гоминьдана и КПК характеризовали также миротворческие намерения США и СССР и их попытки воздействовать на Гоминьдан и КПК, с тем чтобы побудить обе партии следовать мирному пути урегулирования конфликтов. Силою обстоятельств США и Советский Союз уже были вовлечены в обострившееся в процессе принятия капитуляции японских войск противостояние между партиями. Вместе с тем сохранялась инерция развития переговорного процесса периода Антияпонской войны. В августе 1945 г. правительство США возобновило прерванное в апреле 1945 г. посредничество в переговорах между Гоминьданом и КПК. Однако влияние внешнего фактора на переговорный процесс имело ограниченный характер. Гоминьдан был далек от того, чтобы прислушиваться к каждому слову американцев, что проявилось еще в ноябре 1944 г. в связи с разработкой (при участии П.Хэрли) проекта договора между Национальным правительством, Гоминьданом и КПК. Реакция Мао Цзэдуна на неоднократные приглашения Чан Кайши (14, 20 и 23 августа 1945 г.), а также на аналогичные предложения от американского генерала А.Ведемейера прибыть в Чунцин для переговоров была явно замедленной. Лишь давление со стороны И.В.Сталина ускорило принятие Мао Цзэдуном решения о возобновлении переговорного процесса. 22 августа ЦК КПК получил телеграмму от И.В.Сталина, в которой говорилось о недопустимости развязывания в Китае гражданской войны, а также содержалась рекомендация Мао Цзэдуну выехать в Чунцин для переговоров с Чан Кайши.

25 августа Яньань информировал Гоминьдан о согласии на приезд в Чунцин Мао Цзэдуна, Чжоу Эньлая и заместителя командующего Новой 4-й армии, ее политического комиссара Ван Жофэя. Правительства СССР и США гарантировали безопасность Мао Цзэдуна в Чунцине. Делегация КПК прибыла в Чунцин 28 августа 1945 г. в сопровождении посла США в Китае П.Хэрли и представителя Гоминьдана на переговорах с КПК генерала Чжан Чжичжуна.

Сун Цинлин проверяет медикаменты для освобожденных районов. 1948 г.

Мао Цзэдун, Чжоу Эньлай и Ван Жофэй в сопровождении П.Хэрли и Чжан Чжичжуна прибыли в Чунцин для ведения переговоров. 28 августа 1945 г.

Мао Цзэдун и Чан Кайши в Чунцине

Предложенная КПК программа переговоров была предварительно изложена в «Декларации КПК о текущем моменте», опубликованной 25 августа в Яньани. В Программу входили как уже известные по предыдущим переговорам требования (о необходимости признания чунцинским Национальным правительством органов власти освобожденных районов и антияпонских вооруженных сил, о легализации деятельности различных политических партий и групп, созыве конференции их представителей и беспартийных деятелей для обсуждения вопросов государственного строительства), так и новые, порожденные текущей ситуацией требования по определению районов, в которых подконтрольные КПК войска могли бы принимать капитуляцию японских и марионеточных войск. Программа КПК включала также предложения о земельной реформе, индустриализации страны, поощрении частного предпринимательства, привлечении иностранных капиталовложений.

В ходе переговоров в Чунцине состоялись встречи Мао Цзэдуна с представителями левых и правых гоминьдановцев, посещение делегацией КПК посольств СССР, Англии, Франции и Канады; члены делегации КПК приняли участие в пресс-конференции для журналистов китайских и зарубежных информационных агентств.

8 сентября 1945 г. состоялась встреча коммунистов с представителями иностранных благотворительных организаций, оказывавших Особому району в годы Антияпонской войны медицинскую и материальную помощь. На этом приеме присутствовала Сун Цинлин, вдова Сунь Ятсена, – организатор этой благотворительной помощи, тесно связанная с демократическим движением в Китае. В честь делегации КПК давали обеды и банкеты Чан Кайши и американский посол П.Хэрли. Переговоры с делегацией Гоминьдана (Ван Шицзе, Чжан Чжичжун, Чжан Цюнь, Шао Лицзы) сопровождались многочисленными мероприятиями,

которые имели целью создать у коммунистических лидеров благоприятное впечатление о политической атмосфере в Чунцине, Гоминьдане, а также о положении КР на международной арене.

Постоянными участниками переговорного процесса со стороны КПК являлись Чжоу Эньлай и Ван Жофэй. Мао Цзэдун не принимал участия в беседах и обсуждениях, но через Чжоу Эньлая был постоянно в курсе событий и направлял деятельность делегации Компартии. Всего состоялось 13 официальных заседаний и ряд неофициальных встреч. Особенность момента характеризовалась также тем, что параллельно переговорному процессу продолжались вооруженные столкновения войск Гоминьдана с частями КПК.

10 октября 1945 г. Чжоу Эньлай и Ван Жофэй от КПК и Чжан Чжичжун, Ван Шицзе и Шао Лицзы от Гоминьдана подписали Протокол переговоров между Гоминьданом и КПК, или, как его называли, Соглашение о перемирии от 10 октября. По Соглашению, Гоминьдан признавал КПК в качестве реальной политической силы и обозначил ряд направлений демократизации режима: готовность предоставить народу демократические свободы, легализовать все политические партии, упразднить тайную полицию и освободить политических заключенных. Документ зафиксировал намерение завершить период «политической опеки», перейти к периоду конституционного правления, для чего предусматривался созыв Политической консультативной конференции (ПКК) с участием всех партий и политических групп, обсуждение на ее заседаниях вопросов реорганизации политической системы Китая, созыва Национального собрания и формирования коалиционного правительства. Благодаря сделанным КПК уступкам в Соглашении была зафиксирована готовность Компартии вывести войска из контролируемых ею восьми освобожденных районов южнее Хуанхэ в Северный Китай. Речь шла о революционных базах в провинциях Гуандун, Чжэцзян, Цзянсу, Аньхуэй, Хунань, Хубэй и Хэнань (за исключением северной ее части), располагавшихся близ основных центров гоминьдановской власти – Ухани, Гуанчжоу и Шанхая. Пойдя на такой шаг, КПК демонстрировала готовность к компромиссу с Гоминьданом. Соглашение также зафиксировало право КПК иметь 20 регулярных дивизий, передислокация которых из восьми южных освобожденных районов на север должна была проходить под контролем смешанной военной комиссии.

Однако Соглашение о перемирии от 10 октября обошло молчанием животрепещущие вопросы текущего момента, непосредственно связанные с проблемой возобновления гражданской войны. Гоминьдан вновь категорически отверг предложение КПК о признании гоминьдановским правительством существовавшей администрации освобожденных районов, не был решен и принципиальный вопрос об объединении вооруженных сил. Гоминьдан отказал также военно-политическому руководству КПК в праве принимать капитуляцию японских войск и войск марионеточных образований на территории Китая.

Вопросы, связанные с реализацией Соглашения, нуждались в дальнейшем обсуждении, как и перечисленные нерешенные проблемы. 11 октября 1945 г.

Мао Цзэдун возвратился в Яньань, а Чжоу Эньлай и Ван Жофэй остались в Чунцине для продолжения переговоров. Чисто теоретически Соглашение от 10 октября отражало декларируемое обеими партиями стремление к демократизации политической жизни страны. Практически же этот первый тур переговоров послевоенного времени вновь продемонстрировал нежелание Чан Кайши идти на политический компромисс с Компартией Китая по конкретным вопросам. Руководство Китайской Республики не вполне осознавало факт роста в стране влияния Компартии, ее возросшую политическую зрелость, организационную и военную силу. Важной особенностью послевоенной ситуации являлось также развитие демократического движения, которое все более склонялось к поддержке КПК и выступало против возобновления гражданской войны. Общественность Китая положительно восприняла Соглашение от 10 октября 1945 г. Поскольку бразды правления находились в руках Гоминьдана, именно от Национального правительства население и ожидало решительных действий по предотвращению гражданской войны.

Положения Соглашения о частичной демократизации режима давали определенную надежду на возможность соответствующих положительных результатов переговорного процесса. Послаблениями правящего режима в сфере регулирования деятельности СМИ тотчас воспользовались коммунисты. Придавая большое значение изданию демократических газет и журналов в Шанхае и Нанкине, Чжоу Эньлай срочно направил туда опытных журналистов левого толка. Кроме того, благодаря появившимся возможностям Чжоу Эньлай возобновил контакты с торгово-промышленными и культурными кругами Чунцина.

В то же время не урегулированная в ходе переговоров процедура капитуляции японских войск порождала новые осложнения в отношениях между обеими партиями. После подписания Соглашения от 10 октября США предоставили Национальному правительству свои авиацию и флот для переброски войск НРА на Северо-Восток. В этих условиях между войсками КПК и частями Гоминьдана усилилось вооруженное противостояние, в ходе которого коммунистам удалось, опередив Гоминьдан, занять ряд важных стратегических пунктов на пути из Северного Китая в Дунбэй.

Войска КПК не были готовы к длительному сопротивлению хорошо оснащенным американской артиллерией и бронетехникой войскам Гоминьдана, которые продвигались вдоль железнодорожных магистралей в направлении Бэйпина и Тяньцзиня к границам Северо-Восточного Китая с целью захвата его после вывода из региона войск Советской армии. 17 ноября 1945 г. войска Гоминьдана заняли Шаньхайгуань, а затем при поддержке американского флота овладели портом Хулудао. Правительственные войска преследовали цель как можно скорее продвинуться в глубь Дунбэя, занять ее столицу Шэньян и затем устремиться к границам СССР.

В сложившейся непростой ситуации был приостановлен начавшийся в ноябре согласно договору от 14 августа 1945 г. вывод войск СССР из южной части Северо-Восточного Китая. Этим решением советское руководство пошло навстре-

чу просьбе китайского правительства, ссылавшегося на то, что его войска не успевают принимать оставляемые советскими частями города и станции КЧЖД. Советское правительство согласилось удовлетворить эту просьбу, однако при первой же возможности возобновило вывод войск, чтобы дать китайскому народу возможность самостоятельно решать свои внутренние проблемы.

Реальную угрозу срыва перемирия осенью 1945 г. уменьшал ряд факторов: внутри страны все больший размах приобретало общественное движение за недопущение развития гражданской войны и за демократизацию политической жизни. Оно снижало авторитет Гоминьдана и делало проблематичным поддержку его политики населением. Определенное воздействие на Гоминьдан и на США, в посреднической деятельности которых все заметнее проявлялась прогоминьдановская ориентация, оказали и некоторые международные факторы, в частности итоги совещания министров иностранных дел СССР, США и Великобритании в Москве (декабрь 1945 г.).

На этом совещании западные державы пошли навстречу советским предложениям по процедуре подписания мирных договоров с балканскими государствами – бывшими союзницами Германии; СССР, со своей стороны, примирился с ограничением своей роли в союзных контрольных органах для Японии. Относительно проблем Китая, связанных с угрозой гражданской войны, три министра высказались за объединение и демократизацию Китая, привлечение демократических элементов во все органы Национального правительства, недопущение гражданской войны и иностранного вмешательства во внутренние дела Китая. Эти положения были зафиксированы в коммюнике, опубликованном по итогам совещания 28 декабря 1945 г. Что касается вывода войск, то было достигнуто «полное согласие о желательности вывода из Китая советских и американских вооруженных сил в возможно кратчайший срок, совместимый с выполнением ими их обязательств и с их ответственностью».

Позицию невмешательства во внутренние дела Китая Советский Союз продемонстрировал и в ходе визита в СССР личного представителя Чан Кайши, его сына Цзян Цзинго. В беседах с Цзян Цзинго (30 декабря 1945 г и 3 января 1946 г.) И.В.Сталин выразил готовность развивать тесные отношения с Китаем, однако подтвердил позицию невмешательства во внутреннюю политику КР и в этой связи отказался от посредничества СССР между Национальным правительством и китайскими коммунистами, на котором настаивал Цзян Цзинго. Согласно американской записи беседы, И.В.Сталин выразил мнение, что Чан Кайши не спешит с введением демократических институтов в КР, с одной стороны, и не доверяет коммунистам – с другой. Эти факторы, по его словам, мешали достижению договоренностей между Гоминьданом и Компартией. И.В.Сталин обратил также внимание на тот факт, что Чан Кайши и Гоминьдан не принимают во внимание отсутствие у КПК намерения советизировать Китай, о чем также свидетельствовал и яньаньский опыт политической жизни.

Вовлечение США и СССР в развитие отношений между Гоминьданом и КПК было связано с перипетиями истории Китая 20-х – первой половины 40-х годов

и объяснялось в значительной степени заинтересованностью держав в укреплении собственных позиций в послевоенном Китае. В данной обстановке и Гоминьдан, и КПК пытались прощупать и уточнить позиции великих держав в случае обострения дальнейшего противостояния партий. Эту цель преследовал Цзян Цзинго в ходе встреч со И.В.Сталиным. В результате 5 января 1946 г. И.В.Сталин направил письмо Чан Кайши, в котором подтвердил позицию СССР относительно внутриполитической борьбы в Китае, выраженную в советско-китайском договоре 1945 г. и в документах Московского совещания «большой тройки».

Джордж Маршалл
с Сун Мэйлин и Чан Кайши

Позицию Москвы в случае углубления военного противостояния Гоминьдана и КПК, становившегося все более вероятным, пытался прозондировать и Мао Цзэдун, о чем свидетельствовало его письмо И.В.Сталину от 7 января 1946 г. Подтверждая курс КПК на мирное решение спорных вопросов между Гоминьданом и КПК, он напоминал об усилиях, приложенных в этом направлении делегацией КПК на переговорах в Чунцине. Мао Цзэдун при этом выражал надежду на достижение договоренностей между партиями, исходя из анализа внутренней обстановки и внешнеполитических факторов. Он констатировал поддержку линии КПК на мирное демократическое развитие со стороны «широких народных масс», констатировал улучшение международной обстановки в связи с решениями Московского совещания «большой тройки». Одновременно Мао Цзэдун выражал озабоченность тем, что «Америка протянула свои руки к практическим вопросам, возникшим между двумя партиями», имея в виду политику Вашингтона, направленную на перевооружение и обучение НРА и оказание Национальному правительству различных мер поддержки в борьбе с коммунистическими войсками.

Продолжение вооруженных столкновений между войсками Гоминьдана и КПК и после подписания Соглашения от 10 октября временно остановило переговорный процесс. Чжоу Эньлай и Ван Жофэй по указанию ЦК КПК 25 ноября 1945 г. возвратились в Яньань. Ввиду явного провала посреднической миссии П.Хэрли президент Г.Трумэн 27 ноября 1945 г. принял его отставку с поста посла США в Китае, а в декабре 1945 г. назначил генерала Дж.Маршалла (бывшего начальника объединенного комитета начальников штабов американской армии) своим специальным представителем в Китае для продолжения посредничества США в переговорах между Гоминьданом и КПК. Настроения в китайском обществе и международные факторы ускорили открытие второго тура переговорного процесса.

Прекращение военных действий между двумя сторонами стало первоочередной задачей и основой продолжения переговоров между партиями. С этой целью

в начале января 1946 г. были созданы соответствующие структуры. По предложению Дж.Маршалла были учреждены Комитет трех по наблюдению за предотвращением гражданской войны (кроме Маршалла в него вошли от КПК Чжоу Эньлай, а от Гоминьдана – Чжан Цюнь), а также Исполнительный штаб из представителей командования трех сторон. Уже в начале переговоров в повестку дня был поставлен вопрос о Дунбэе. В ответ на заявление Дж.Маршалла о намерении США содействовать переброске в этот регион войск Национального правительства Чжоу Эньлай выдвинул контраргументы. Он подчеркнул, что подготовляемое сторонами соглашение о прекращении военных столкновений и о восстановлении движения транспорта не должно распространяться на северо-восток Китая ввиду специфики международных соглашений по Дунбэю, в заключении которых представители КПК участия не принимали.

Исполнительный штаб по наблюдению за прекращением гражданской войны начал свою работу 13 января 1946 г. в составе генерала Чжэн Цземиня от Гоминьдана, Е Цзяньина – от КПК и У.Робертсона – от США. 10 января 1946 г. Чжоу Эньлай и Чжан Цюнь подписали «Соглашение о прекращении военных столкновений в стране» и «Извещение о приказе относительно прекращения военных столкновений и восстановления транспортных связей». Эти первые важные результаты переговоров позволили перейти к обсуждению проблем политического устройства страны.

В тот же день, 10 января 1946 г., в Чунцине начала свою работу предусмотренная Соглашением от 10 октября Политическая консультативная конференция (ПКК), созыв и состав которой уже сами по себе демонстрировали демократическую направленность политического процесса. В работе ПКК принимали участие восемь представителей Гоминьдана, семь представителей КПК, девять человек представляли Демократическую лигу (Чжунго миньчжу тунмэн), пять – Молодежную партию (Чжунго циннянь дан, она же Младокитайская), девять являлись беспартийными. На открытии Конференции Чан Кайши выступил с заявлением о завершении периода «политической опеки» со стороны Гоминьдана, обещая ввести в стране демократические свободы, гарантировать равноправие всех политических партий, учредить местное самоуправление, освободить политических заключенных. Чжоу Эньлай, выступая в том же ключе, подчеркнул взаимозависимость реализации принятых решений о прекращении военных действий и изменений политического устройства страны. В своей телеграмме в Яньань от 17 января он передал точку зрения «советских друзей» о необходимости сосредоточиться на вопросах предотвращения гражданской войны и демократизации режима и не выдвигать в настоящее время идею советизации как не соответствующую реальным условиям Китая.

Работа ПКК продолжалась три недели и сопровождалась острыми дискуссиями между представителями Гоминьдана и КПК по вопросам политического устройства страны. Был принят ряд резолюций, направленных на развитие процесса демократизации в Китае. Между тем претворение в жизнь принятых резолюций ПКК привело бы к частичной утрате Гоминьданом монополии на власть,

которую он выстраивал в течение длительного времени. Из пяти принятых ПКК резолюций самыми неприемлемыми для Гоминьдана являлись резолюции о проекте конституции и о реорганизации правительства. Поддержка резолюций представителями Гоминьдана в ПКК объяснялась в значительной степени тем фактом, что в составе делегации правящей партии преобладали умеренные деятели, причем подобная ситуация не отражала истинной расстановки сил в Гоминьдане, отношения его большинства к обсуждавшимся на ПКК политическим проектам. Однако поскольку Гоминьдан предварительно не проводил партконференцию по данной проблеме, то делегаты Гоминьдана были относительно свободны в своем выборе решений.

Из восьми делегатов Гоминьдана на ПКК Сунь Фо, Ван Шицзе, Шао Лицзы и Чжан Цюнь выступали за компромисс с КПК, Чэнь Булэй был склонен к такому компромиссу, У Течэн занимал неопределенную позицию и только Чэнь Лифу и Чжан Лишэн были против соглашения с КПК. Соответствующим образом подобное соотношение сил в делегации Гоминьдана обеспечило поддержку его резолюций, направленных на объединение и демократизацию, наиболее последовательными сторонниками которых были представители Компартии. Принятие резолюций помимо давления со стороны делегации КПК обеспечивалось в значительной степени также усилиями Демократической лиги и отдельных беспартийных общественных деятелей.

Резолюция о проекте конституции КР не предусматривала президентского правления, на которое ориентировалась гоминьдановская верхушка. Резолюция о реорганизации правительства была направлена на включение в правительство представителей оппозиционных партий (членам Гоминьдана отводилось 50% постов), тем самым планировалось превращение правительства в коалиционный орган. Эти две резолюции стали плодами взаимных уступок и компромиссов. При обсуждении вопроса о созыве в перспективе Национального собрания ожесточенные споры вызвало предложение представителей Гоминьдана признать делегатами от Гоминьдана избранных еще в 1936 г. представителей партии в Национальном собрании, созыв которого намечался на 12 ноября 1937 г., но не состоялся ввиду развертывания Японией широкомасштабной агрессии против Китая. В результате уступок, предложенных Чжоу Эньлаем, это предложение было принято в обмен на утверждение указанных двух резолюций, имевших принципиальный характер. После завершения 31 января 1946 г. работы ПКК, получившей положительную оценку КПК и демократических организаций, со стороны Гоминьдана усилилась критика решений ПКК, особенно резолюции о проекте конституции.

Дебаты в Гоминьдане по поводу ПКК фактически стали отражением различных точек зрения, существовавших внутри Гоминьдана и касавшихся ситуации в Китае и за рубежом, отношений Гоминьдана и КПК. «Непримиримые» рассматривали созыв ПКК как временную меру, соответствующую «состоянию мира в ожидании войны». «Непримиримые» были представлены главным образом группировками «СиСи» и офицерской школы Хуанпу, а также некоторыми вы-

сокопоставленными официальными лицами, стоявшими на твердых антикоммунистических позициях. «Умеренные», выступая за необходимость учитывать общую ситуацию в Китае и за рубежом, пытались договориться с КПК о мире. Они были представлены главным образом группировкой «политических наук», а также некоторыми высокопоставленными официальными лицами, близкими к Чан Кайши. «Умеренные» выступали за то, чтобы Гоминьдан без промедления поступился некоторыми полномочиями, что вызывало резкое противодействие со стороны «непримиримых». «Умеренные» также стремились в ходе работы ПКК окончательно урегулировать проблемы отношений с КПК, были готовы на уступки и настроены на ведение содержательных консультаций со всеми сторонами.

Полное неприятие в Гоминьдане, в том числе со стороны советников Чан Кайши и гоминьдановских специалистов по конституционному праву, вызвали предусмотренные резолюцией о проекте конституции принципы организации Национального собрания, системы государственного управления и положение о провинциальной автономии. Критики данной резолюции поддерживали введение президентского режима, предусматривавшего сосредоточение властных полномочий в Центре и фактическую монополизацию власти Гоминьданом и лично Чан Кайши. Сторонники такой точки зрения указывали, что резолюция ПКК не имеет правовой силы, представляет собой лишь «рабочий инструмент» правительства и подлежит одобрению Национальным собранием. Этот тезис шел вразрез с тем фактом, что решения ПКК отражали своеобразие переживавшегося Китаем политического момента и не могли во всем соответствовать нормам гоминьдановского законодательства. В речи на церемонии закрытия ПКК и в своих комментариях, опубликованных в газете «Чжунъян жибао», Чан Кайши подчеркнул, что принципы проекта конституции необходимы будущему Национальному собранию лишь «для справки» и что они существенно не повлияют на определение круга его полномочий. Напротив, КПК рассчитывала использовать ПКК и его решения для проведения глубоких преобразований политического строя в Китае.

В центре междоусобной борьбы в Гоминьдане вокруг ПКК, которая не прекращалась во время ее работы и обострилась после завершения, лежало осознание того факта, что демократическая конкуренция грозит утратой Гоминьданом статуса правящей партии. При этом определенная часть членов Гоминьдана неизбежно потеряет те права, которые они приобрели в период монополии на власть. По сравнению с позитивными оценками роли ПКК, высказывавшимися в КПК публично и приватно до и после ее проведения, в соответствующих высказываниях в Гоминьдане по поводу ПКК превалировали негативные оценки.

Так или иначе, резолюции были приняты, и по некоторым направлениям начался процесс реализации принятых решений. Активизировался процесс демократизации, в середине февраля 1946 г. состоялось заседание Комиссии по рассмотрению проекта конституции.

На встрече с Дж.Маршаллом 21 февраля Чжоу Эньлай от имени ЦК КПК выразил благодарность США за техническую помощь войскам КПК, а также передал пожелание ЦК КПК распространить на Дунбэй деятельность Комитета трех,

в том числе действие приказа о разводе войск противостоящих сторон. Изменение позиции КПК по вопросу о Дунбэе было связано с надеждой на приостановку наступления гоминьдановских войск, которое стало возможным в результате резкого увеличения численности войск НРА, переброшенных на северо-восток с помощью США. Однако лишь 26 июня Комитет трех распространил на Северо-Восточный Китай условия прекращения военных действий.

Под давлением Дж.Маршалла Комитет трех 25 февраля 1946 г. достиг договоренности о реорганизации войск Китая. 25 февраля представитель Гоминьдана Чжан Чжичжун, представитель КПК Чжоу Эньлай и представитель США Дж.Маршалл подписали «Базовый проект по вопросу переформирования войск и организационного объединения частей КПК с армией Гоминьдана». Это принципиальное решение имело целью урегулировать противоречия между сторонами в военной сфере. Соглашение предусматривало сокращение в течение 12 месяцев гоминьдановской армии до 90 дивизий, армии, подконтрольной КПК, до 18 дивизий, а в дальнейшем (в течение 6 месяцев) – до 50 и 10 дивизий соответственно. Сокращение вооруженных сил КПК должно было произойти лишь после прекращения гоминьдановцами блокады освобожденных районов.

С принятием этого компромиссного решения Комитета трех потепление отношений между Гоминьданом и КПК в послевоенный период достигло наивысшей точки. Меры по военному урегулированию осуществлялись в различных формах. 28 февраля Чжоу Эньлай, Чжан Чжичжун и Дж.Маршалл предприняли инспекционную поездку, в ходе которой встретились в Бэйпине с аппаратом Исполнительного штаба. В Чжанцзякоу состоялась их встреча с командующими войсками КПК Хэ Луном, Сяо Кэ, Не Жунчжэнем и другими военачальниками. В Цзинани их принимали командующий Новой 4-й армией Чэнь И и армейское командование Гоминьдана. Члены Комитета трех побывали в Сюйчжоу, Синьсяне, Тайюани, где обсуждались и решались конкретные вопросы, связанные с определением позиций обеих сторон и прекращением военных действий. Через Гуйсуй члены Комитета трех прибыли в Яньань. Китайские коммунисты использовали эти поездки для обеспечения своих частей современным радиооборудованием и шифросвязью. На встрече с Дж.Маршаллом Мао Цзэдун затронул вопрос о прекращении военных действий в Дунбэе и проведении там демократических выборов местной администрации. После посещения 5 марта Ухани члены Комитета трех 6 марта 1946 г. возвратились в Чунцин.

В это время в СМИ в защиту ПКК выступали представители умеренного крыла Гоминьдана, участвовавшие в его работе, – Сунь Фо, Чжан Чжичжун, Ван Шицзе и Шао Лицзы, а также советник Чан Кайши Тао Сишэн. Они отмечали, что благодаря решениям ПКК страна уходит от прежних методов ведения политической борьбы военными средствами, что Китай вступает в новую эпоху мирного строительства и в новых условиях политической открытости Гоминьдан должен менять стиль работы. Умеренные высказывали также опасение, что в случае прекращения Гоминьданом переговорного процесса США выведут свои войска из Китая.

Между тем поддержка со стороны Чан Кайши принятых на ПКК решений сменилась ярко выраженными сомнениями, что четко проявилось во время его встречи с высокопоставленными кадровыми работниками Гоминьдана. Модель конституции, представленную в резолюции о проекте конституции, он объявил не соответствующей взглядам Сунь Ятсена. Его критический настрой относительно резолюций ПКК оказал определенное влияние на ход и решения II пленума ЦИК Гоминьдана 6-го созыва (1–17 марта 1946 г.).

Этот партийный форум стал наиболее важным для Гоминьдана в послевоенный период. Он рассмотрел комплекс ключевых вопросов и направлений, связанных с определением дальнейшей политики партии. В центре обсуждения вопросов внутренней политики оказались оценка работы ПКК и определение тесно связанной с содержанием резолюций ПКК позиции Гоминьдана по отношению к КПК.

Итоги пленума свидетельствовали о падении влияния умеренного крыла Гоминьдана, игравшего в начале послевоенного периода ведущую роль в проведении сдержанной политики по отношению к КПК и способствовавшего созыву ПКК. Молчаливая поддержка Чан Кайши критики решений ПКК на II пленуме способствовала усилению «непримиримых». В результате острых дискуссий, выявивших взрыв активности «непримиримых», пленум фактически не поддержал резолюции ПКК. Среди сторонников принятых на ПКК резолюций наиболее последовательную позицию на пленуме занимал Шао Лицзы, тогда как остальные умеренные гоминьдановцы активности не проявляли.

Хотя пленум был не вправе отменить резолюции ПКК, тем не менее его решения сыграли принципиальную роль в определении направленности дальнейшего политического процесса, иными словами, в прекращении мирных политических консультаций и переходе к гражданской войне. В ходе обсуждения на пленуме резолюций ПКК определились три подхода. Одна точка зрения характеризовалась отрицательным отношением к принятым решениям, особенно к резолюции о проекте конституции. Другая позиция состояла в принятии и утверждении резолюций ПКК на определенных условиях, т.е. поддерживались все резолюции, за исключением резолюции о проекте конституции. Сторонников данной точки зрения было большинство, и ее основными представителями являлись «непримиримые». Выражалось также и мнение о поддержке всех резолюций при внесении в их текст необходимых поправок – по мере реализации этих решений.

Одним из основных аргументов в пользу признания резолюций ПКК на определенных условиях стало утверждение о несоответствии тезисов резолюции о проекте конституции некоторым положениям «конституции пяти властей» Сунь Ятсена. В частности, речь шла о внесенном в резолюцию о проекте конституции принципе подотчетности Исполнительного юаня Законодательному, а также о положении о принятии провинциями собственных конституций, вопреки учению Сунь Ятсена. При этом не учитывалось изменение политической ситуации по сравнению с первой четвертью XX в. и, следовательно, отвергалась

необходимость внесения определенных корректив в проекты политического устройства государства. Таким образом, хотя сомнения по поводу решений ПКК мотивировались ссылками на их противоречие «трем народным принципам» Сунь Ятсена, фактически они объяснялись противодействием Гоминьдана демократизации системы управления страной, включая процесс выборов в партийные и госструктуры, а также созданию коалиционного правительства.

Выдвигавшиеся в ходе пленума предложения о скорейшем созыве Национального собрания согласно статьям Временной конституции периода «политической опеки» (провозглашена 5 мая 1931 г.) гарантировали Гоминьдану сохранение руководящих позиций в будущем Национальном собрании и в коалиционном правительстве. В целях обеспечения такого господства II пленум принял соответствующие резолюции о принципах реорганизации правительства.

Вопрос о создании коалиционного правительства имел для текущего политического момента значение чрезвычайной важности. Формирование правительства по правилам, принятым в ходе работы ПКК, могло в корне изменить политическую атмосферу и открыть дорогу мирному пути переустройства властных структур. Разработанное сводной рабочей группой ПКК Соглашение под названием «Единое мнение» (Ичжи жэньши) включало положение, согласно которому полномочия Постоянного комитета ЦИК Гоминьдана по назначению членов Национального правительства распространялись лишь на членов Гоминьдана. Каждая партия, представленная в Национальном правительстве, получала право сама выдвигать своих кандидатов в Национальное правительство. Между тем по предложению Чан Кайши пленум принял резолюцию о назначении членов Национального правительства именно решением ЦИК Гоминьдана по представлению председателя Национального правительства. В период между заседаниями ЦИК такое право получал его Постоянный комитет. Кроме того, пленум восстановил Центральный политический совет Гоминьдана (Чжунъян чжэнчжи вэйюаньхуэй) в качестве высшего руководящего политического органа, наделив его после роспуска Высшего совета обороны всеми функциями последнего. Эти решения были направлены на сохранение контроля Гоминьдана над правительством в ходе его реорганизации.

Принятая пленумом «Резолюция по докладу о Политической консультативной конференции» не была открыто направлена против ПКК, поскольку Чан Кайши и часть руководства Гоминьдана стремились сохранить репутацию в глазах общественности и не раздражать США, продолжавших свою посредническую миссию. Кроме того, обострившаяся в ходе пленума фракционная борьба в Гоминьдане вызывала беспокойство Чан Кайши. Формально резолюция была выдержана с позиций умеренного крыла Гоминьдана. Вместе с тем в ней содержались серьезные претензии к КПК и, по сути, отвергалась резолюция ПКК о проекте конституции, что отвечало требованиям «непримиримых» в Гоминьдане.

Относительно КПК пленум продемонстрировал неизменность требований Гоминьдана, направленных на полное подчинение администрации освобожденных районов Центру, а армии КПК – военному командованию КР. Отвергались

любые коррективы, учитывающие специфику освобожденных районов, существование вооруженных сил КПК как новой политической реальности.

Если Гоминьдан на II пленуме пытался свести на нет ряд принципиальных решений ПКК, то КПК после завершения работы ПКК пропагандировала политический курс, направленный на достижение «нового этапа мира и демократии». Продолжавшиеся во время работы пленума переговоры Гоминьдана и КПК по вопросу о проекте конституции и реорганизации правительства результатов не дали, хотя КПК уже составила список восьми своих представителей в Национальном правительстве (Мао Цзэдун, Линь Боцюй, Дун Биу, У Юйчжан, Чжоу Эньлай, Лю Шаоци, Фань Миншу, Чжан Вэньтянь). Список не был представлен руководству Гоминьдана, поскольку переговоры между обеими партиями по вопросам о конституции и реорганизации правительства, по существу, зашли в тупик.

В указаниях ЦК КПК представителям Компартии на переговорах в Чунцине давалась оценка пленума и его результатов. Была выражена уверенность в том, что Гоминьдан непременно отойдет от тех принципов, в соответствии с которыми ПКК разработала проект конституции. ЦК КПК констатировал, что вопреки решениям ПКК Гоминьдан дополняет список депутатов в Национальное собрание и стремится созвать Национальное собрание до создания коалиционного демократического правительства. ЦК Компартии также отмечал иллюзорность надежд на наделение КПК правом вето в Национальном собрании (этот вопрос обсуждался в комитетах ПКК). В случае развития событий по сценарию II пленума ЦИК Гоминьдана 6-го созыва ЦК КПК признал невозможным участие КПК в деятельности Национального собрания и Национального правительства. Вместе с тем Чжоу Эньлай, главное лицо в переговорном процессе с Гоминьданом от КПК, допускал вероятность участия КПК в работе Национального собрания и нового правительства при условии, если в ходе дальнейших переговоров между Гоминьданом и КПК будет все же согласован демократический проект конституции.

После завершения II пленума ЦИК Гоминьдана открытого разрыва между Гоминьданом, с одной стороны, КПК и демократической общественностью – с другой, еще не произошло, и переговоры продолжались. Однако иллюзий относительно планов Гоминьдана у КПК не было. Еще до открытия II пленума ЦИК Гоминьдана при решении согласованных вопросов разоружения и переформирования войск на местах имели место конфликты интересов. Гоминьдановские спецслужбы осуществили провокации против участников собрания общественности Чунцина, посвященного окончанию работы ПКК, а также против представительства 18-й армейской группы в Сиани. Совершались налеты на редакции газет «Синьхуа жибао» и «Миньчжу бао». О нарушении демократических свобод со стороны гоминьдановских властей свидетельствовало запрещение выхода в свет газеты ЦК КПК «Цзефан жибао» в Бэйпине и некоторых демократических изданий в Шанхае. Беспокойство и возмущение КПК вызывали антисоветские и антикоммунистические демонстрации, происходившие с ведома Гоминьдана накануне II пленума ЦИК.

Возвращение Чан Кайши и членов Национального правительства в Нанкин. Май 1946 г.

II пленум ЦИК Гоминьдана продемонстрировал истинную политическую атмосферу в правящей партии, высокую степень идеологизации Гоминьдана, антикоммунистический и антидемократический настрой партийного руководства, прочные позиции в Гоминьдане сторонников однопартийного правления, гарантирующего льготы функционерам. Успех «непримиримых» на II пленуме ЦИК Гоминьдана фактически открыл дорогу к новой гражданской войне.

После Антияпонской войны локальные вооруженные конфликты происходили между войсками Гоминьдана и КПК почти непрерывно, несмотря на достигнутые в октябре 1945 г. и в феврале 1946 г. соглашения о приостановке военных действий и переформировании вооруженных сил. По мере вывода советских войск с северо-востока Китая число таких инцидентов возросло. Более противоречивой стала и политика США, направленная, с одной стороны, на объединение внутренних политических сил ради демократизации Китая, с другой – на одностороннюю поддержку Гоминьдана. В военных конфликтах между Гоминьданом и КПК Соединенные Штаты, планировавшие закрепиться в экономически развитом Дунбэе, как правило, были на стороне Гоминьдана, не говоря уже об увеличении масштабов и умножении форм помощи Гоминьдану по межправительственным соглашениям. Повышение военной активности Гоминьдана ставило перед коммунистами задачу скорейшего урегулирования военных конфликтов в Дунбэе, где гоминьдановские войска атаковали войска КПК. Консультации в рамках переговорного процесса возобновились после возвращения в Китай 18 апреля 1946 г. генерала Дж.Маршалла, хотя их влияние на реальную обстановку падало.

Усилиями Чжоу Эньлая факты нарушения Гоминьданом решений ПКК, а также достигнутых в феврале соглашений о приостановке военных действий на северо-востоке Китая стали достоянием китайской и мировой общественности, что прямо или косвенно воздействовало на развитие событий в Китае. Политический

процесс характеризовался возросшей агрессивностью Гоминьдана и увеличением ему помощи со стороны США. Переговоры между представителями КПК, Гоминьдана и США продолжились сначала в Чунцине, а позднее в Нанкине, куда переехали Национальное правительство и представительство КПК. Продолжая переговоры, каждая сторона, не рассчитывая всерьез на их результативность, в значительной степени преследовала сугубо пропагандистские цели. В соответствии с указаниями ЦК КПК Чжоу Эньлай в переговорах с Дж.Маршаллом, генералом Г.Байроудом и другими американскими представителями, в том числе и с назначенным 10 июля 1946 г. вместо П.Хэрли послом США в Китае Л.Стюартом, призывал представителей США усилить давление на Гоминьдан, чтобы побудить правящую партию реализовать все решения ПКК. Чжоу Эньлай также пытался убедить американцев в том, что уход Советской армии из Дунбэя не дает оснований для направления туда дополнительных контингентов НРА.

Между тем военные действия между вооруженными силами Гоминьдана и КПК приобретали все более серьезный характер. В Дунбэе с конца апреля 1946 г. развернулись бои за важный железнодорожный узел Сыпингай. В них участвовали 70-тысячные войска Гоминьдана и Объединенная демократическая армия Северо-Востока (ОДА) (командующий – Линь Бяо), созданная на базе Народной армии самообороны Северо-Востока, частей 8-й и Новой 4-й НРА, а также местных партизанских отрядов. Войска Гоминьдана одержали победу в этом сражении и продвинулись на север. 22 мая они заняли Чанчунь, затем – Цзилинь, а в начале июня форсировали р. Сунгари и укрепились на ее северном берегу. Между тем войска КПК добились некоторых успехов на юге Дунбэя, овладев центром сталелитейной промышленности Аньшанем и нанеся мощный удар по правительственным войскам под Хайчэном. В это же время войска коммунистов нанесли поражение частям Гоминьдана в провинциях Жэхэ и Шаньдун. В неблагоприятной для Гоминьдана ситуации Чан Кайши согласился с предложением КПК о прекращении огня в Дунбэе и возобновлении политических консультаций с Компартией. Но 17 июня 1946 г., за пять дней до истечения срока перемирия, Чан Кайши предъявил КПК ультиматум, потребовав вывести части Новой 4-й армии из пров. Шаньдун, не позднее 1 сентября отвести войска КПК из провинций Жэхэ и Чахар и ряда городов Дунбэя. Эти требования Чжоу Эньлай отклонил, и 10 июля переговоры были прерваны.

Переговорный процесс, который временами все же давал передышку войскам сторон, Компартия Китая использовала для восстановления боевого потенциала своей армии, а также для ведения разъяснительной работы с населением и общественностью. Особую роль в этой деятельности КПК играл Чжоу Эньлай. Представительство КПК в Нанкине, резиденция Чжоу Эньлая в Шанхае были местом проведения многочисленных пресс-конференций для китайских и иностранных журналистов, встреч с представителями деловых и культурных кругов. В Шанхае Чжоу Эньлай активно контактировал с руководителями Демократической лиги (создана в 1944 г. путем реорганизации Лиги демократических организаций,

выражала интересы различных групп национальной буржуазии и интеллигенции), деятелями левого крыла Гоминьдана (Сун Цинлин, Фэн Юйсяном и др.), творческой интеллигенцией. Тем самым расширялись социальная база и общественная поддержка Компартии Китая.

Усиление гоминьдановской цензуры в СМИ вызывало недовольство демократически настроенных китайских журналистов. По инициативе Чжоу Эньлая был организован их отъезд в Гонконг/Сянган для возобновления издания журнала «Цюньчжун» («Массы»). КПК умело использовала территорию этой британской колонии для преодоления цензурных ограничений обеспечения объективного информирования общественности Китая о позиции КПК в вопросах мирного послевоенного объединения и демократизации страны.

Чжоу Эньлай периодически выезжал из Шанхая в Нанкин, главным образом для встреч с Дж.Маршаллом, с которым ему удалось установить хорошие личные отношения. Маршалл после встреч с Чжоу Эньлаем обычно отправлялся к Чан Кайши в Лушань, куда тот удалился 14 июля 1946 г., отдав приказ о повсеместном наступлении на части КПК.

Несмотря на отдельные военные неудачи войск Гоминьдана, к лету 1946 г., когда локальные боевые действия начали перерастать в гражданскую войну в масштабах всей страны, военное преимущество было явно на стороне Национального правительства. Победам Гоминьдана способствовало также исключение Дунбэя из сферы действия соглашения о прекращении военных столкновений. 15 марта 1946 г. был взят Шэньян. К середине марта 1946 г. в Дунбэе сосредоточились хорошо вооруженные воинские части Национального правительства численностью в 137 тыс. военнослужащих. Правительственные войска занимали на северо-востоке основные города и железнодорожные узлы, в то время как войска КПК концентрировались в сельской местности и по мере возможности препятствовали дальнейшему продвижению армий Гоминьдана на север Дунбэя.

В июле 1946 г. было объявлено о прекращении двусторонних переговоров между Гоминьданом и КПК. Новый посол США в Китае Л.Стюарт, пытавшийся способствовать возобновлению переговоров, уже в начале августа убедился в бескомпромиссности позиций Гоминьдана и КПК по военным проблемам. Определенное давление на Гоминьдан пытался оказать в августе 1946 г. президент США Г.Трумэн. В письме Чан Кайши от 10 августа он предупредил китайского лидера о возможном изменении позиции США по отношению к КР в случае нежелания Национального правительства решать внутренние проблемы мирным путем. 29 августа при посредничестве США была образована неофициальная группа из пяти человек, в состав которой от Гоминьдана вошли У Течэн и Чжан Лишэн, от КПК – Чжоу Эньлай и Дун Биу, от США – посол Л.Стюарт. Однако, в связи с тем что Гоминьдан не был намерен обсуждать вопрос о заключении перемирия и выдвигал на передний план проблему реорганизации правительства, работа группы оказалась безрезультатной. Поддержка Соединенными Штатами гоминьдановского режима посредством снабжения армии ору-

жием, продовольствием, организации отдельных акций морской пехоты была немаловажным фактором, позволившим гоминьдановскому правительству решиться на развязывание крупномасштабной гражданской войны. Занимая при поддержке США крупные города в Дунбэе, обладавшем высоким экономическим потенциалом, Гоминьдан укреплял свою экономику и усиливал свою армию, вытесняя коммунистические войска в сельские районы.

Выражая позицию ЦК КПК, представители Компартии в Комитете трех обращали внимание Дж.Маршалла на нарушение Гоминьданом договоренностей, достигнутых в ходе работы ПКК, на факты, свидетельствующие о выходе Гоминьдана за рамки ведения локальных вооруженных действий и переходе к полномасштабной гражданской войне. В меморандуме Чжоу Эньлая Дж.Маршаллу от 15 сентября 1946 г. содержалось требование срочно созвать Комитет трех для обсуждения вопроса о прекращении военных действий. Чжоу Эньлай обращал внимание Дж.Маршалла на то обстоятельство, что военная активность Гоминьдана (в наступлении НРА в Дунбэе летом 1946 г. участвовали 206 дивизий общей численностью в 1 млн. 740 тыс. человек) прямо связана с весомой поддержкой Гоминьдана со стороны США.

Наступление войск Гоминьдана на Чжанцзякоу (единственный провинциальный центр, удерживаемый коммунистами за пределами Северо-Восточного Китая), контроль коммунистов над которым был признан гоминьдановцами в ходе переговорного процесса, началось в третьей декаде сентября 1946 г. Заключение военного перемирия стало еще более насущной задачей, однако Гоминьдан выдвинул неприемлемые для КПК условия и, в свою очередь, отверг требования КПК остановить наступление на Чжанцзякоу и восстановить статус-кво на 13 января 1946 г., когда вступило в силу заключенное 10 января Соглашение о перемирии. Попытки Дж.Маршалла вернуть обе стороны за стол переговоров и предотвратить захват Гоминьданом Чжанцзякоу не увенчались успехом. С этого момента его влияние как посредника стало постепенно падать. Политика США, направленная на увеличение военной помощи Национальному правительству при одновременном продолжении посредничества, не дала ожидаемого эффекта при решении проблем единения политических сил Китая и демократизации страны.

11 октября войска Гоминьдана заняли Чжанцзякоу. Это событие еще более укрепило уверенность Гоминьдана в своих силах, и партийно-политическое руководство Гоминьдана энергично перешло к реализации своих планов в области политического устройства страны, нарушая при этом решения ПКК и не согласуя свои действия с Компартией и другими партиями. В тот же день Чан Кайши объявил о созыве Национального собрания 12 ноября 1946 г., т.е. в срок, односторонне установленный Гоминьданом в начале июля 1946 г. 16 октября на волне военных успехов Гоминьдана Чан Кайши сделал заявление, по сути повторившее основные нападки «непримиримых» на резолюции ПКК, объявив их тезисы основой и условием возобновления переговоров между Гоминьданом и КПК.

В ответном Заявлении ЦК КПК от 18 октября требования Чан Кайши были отвергнуты, со своей стороны, Компартия объявила одним из основных условий продолжения политических консультаций восстановление военного статус-кво на 13 января. Содержание же переговоров с Гоминьданом, согласно Заявлению, должно соответствовать резолюциям ПКК.

Несмотря на возобновление гражданской войны, в обществе сохранялась надежда на мирное урегулирование политических проблем. Ввиду этого Гоминьдан, стремясь представить созыв Национального собрания на своих условиях актом мирного единения нации, накануне открытия его сессии предпринял попытку политических консультаций с Чжоу Эньлаем. 17 октября от Гоминьдана в Шанхай были направлены У Течэн, Шао Лицзы и Лэй Чжэнь, которые пригласили Чжоу Эньлая на переговоры в Нанкин. Переговоры ни к чему не привели, поскольку Гоминьдан не принял требования КПК созвать Национальное собрание именно на условиях, разработанных ПКК. В ответ представители КПК и Демократической лиги бойкотировали заседание этого форума.

В работе Национального собрания, созванного 15 ноября, тон задавал Гоминьдан. 25 декабря 1946 г. Национальное собрание, сформированное еще в 1936 г., приняло Конституцию Китайской Республики (официально она вошла в силу через год и поэтому обычно именуется Конституцией 1947 г.). Помимо членов Гоминьдана в работе Национального собрания участвовали беспартийные деятели, а также делегаты от Молодежной и Социал-демократической (Чжунго миньчжу шэхуэйдан) партий. Ввиду своей малочисленности они исполняли лишь роль демократического фасада для демократической общественности. 16 ноября Чжоу Эньлай заявил на пресс-конференции, что КПК не признает это «однопартийное Национальное собрание», что сам его созыв попирает резолюции ПКК. Согласно зачитанному им официальному заявлению ЦК КПК, дверь для мирных переговоров, распахнутая ПКК, теперь окончательно захлопнулась. После возвращения Чжоу Эньлая в Яньань (19 ноября 1946 г.) переговоры между Гоминьданом и КПК фактически прервались.

Прекращение переговоров означало также и завершение посреднической миссии Дж.Маршалла. В заявлении президента США Г.Трумэна от 18 декабря 1946 г. по проблемам американской политики в Китае и посреднической миссии США в КР в целом была дана высокая оценка. Одновременно в заявлении выражалось разочарование провалом посреднических усилий Дж.Маршалла. Сам Маршалл главными причинами гражданской войны в Китае называл взаимные подозрительность и недоверие в отношениях между Гоминьданом и КПК, а также противодействие переговорному процессу со стороны реакционной группировки, занимавшей в китайском правительстве, по его словам, преимущественное положение. В КПК, как считал Дж.Маршалл, тоже были экстремисты, видевшие в любых действиях Национального правительства признаки заговора с целью уничтожить Компартию Китая. Вместе с тем Дж.Маршалл полагал, что Гоминьдан неадекватно оценивал КПК, недооценивал ее военную силу и политический авторитет, уровень ее влияния в стране. Оптимальным способом укре-

пления позиций Гоминьдана в его противостоянии Компартии Дж.Маршалл считал реорганизацию Национального правительства, стремительно терявшего поддержку населения. 8 января 1947 г. Маршалл, назначенный государственным секретарем США, вылетел из Нанкина в США.

С началом полномасштабной гражданской войны, датируемым чаще всего июнем–июлем 1946 г., сужались рамки деятельности созданного Гоминьданом, КПК и США Исполнительного штаба. Он не был в состоянии ни остановить войну, ни обеспечить безопасность сотрудников Исполнительного штаба от КПК и членов исполнительных групп от КПК. К январю 1947 г. Исполнительный штаб утратил функции контроля над соблюдением перемирия. 29 января 1947 г. посольство США в Китае опубликовало заявление, согласно которому США прекращают участие в деятельности Комитета трех и Исполнительного штаба в Бэйпине. Со своей стороны, Национальное правительство 30 января 1947 г. заявило о роспуске Комитета трех и Исполнительного штаба ввиду отказа США от посреднической миссии. 21 февраля Бэйпин покинула последняя группа сотрудников Исполнительного штаба от КПК во главе с Е Цзяньином. Некоторые успехи посредничества Исполнительного штаба в послевоенных конфликтах Гоминьдана и КПК свидетельствуют о наличии определенных перспектив мирного урегулирования разногласий между этими партиями.

В конце 1946 г. в преддверии перехода к конституционному правлению Гоминьдан предпринял новое «мирное наступление». 1 января 1947 г. Чан Кайши заявил о желании урегулировать отношения с КПК политическими средствами. Китайский лидер стремился сохранить репутацию поборника демократии, а также опасался лишиться поддержки со стороны США, пусть не безусловной. В связи с этим Чан Кайши предлагал возобновить переговоры с участием всех партий, группировок и известных общественных деятелей. Согласно его плану, Национальное правительство и КПК должны были отдать своим войскам приказ прекратить военные действия; затем в соответствии с ранее достигнутыми договоренностями подлежали обсуждению порядок дислокации и переформирования войск обеих сторон, а также восстановление транспортного сообщения. При этом еще до вступления в действие конституции Национальное правительство совместно с КПК должно решить вопрос о создании местных органов власти в спорных районах. По мнению руководства КПК, принятие этих предложений означало бы согласие коммунистов с возвращением под контроль Национального правительства обширных районов, захваченных Гоминьданом у КПК в ходе военных наступательных операций в 1946 г., а также поддержку всех мероприятий Гоминьдана в политической сфере, шедших вразрез с решениями ПКК.

КПК в ответ повторила свои сформулированные ранее условия возобновления переговоров: возвращение войск Гоминьдана и КПК на свои позиции по состоянию на 13 января 1946 г.; выполнение в полном объеме резолюций ПКК. Поскольку Компартия не признала легитимности Национального собрания, то дополнительным условием возобновления переговоров должен был стать роспуск Национального собрания и отмена конституции, принятой в 1946 г. Эти

условия содержались в заявлении заведующего отделом пропаганды ЦК КПК Лу Динъи 26 января 1947 г. Гоминьдан их отверг, и на этом «мирное наступление» правящей партии завершилось.

Категорический отказ КПК от рассмотрения мирных предложений Чан Кайши связан с рядом обстоятельств. Среди них – углубившееся недоверие к Гоминьдану, неоднократно нарушавшему достигнутые в ходе переговорного процесса договоренности. Другой важной причиной безапелляционного отказа от возобновления переговоров стали произошедшие в Компартии, Гоминьдане и в целом в стране изменения. КПК убеждалась в нежелании Гоминьдана создавать в Китае демократические институты. В 1945–1946 гг., ведя переговоры с Гоминьданом, КПК исходила из признания силового превосходства Гоминьдана над Компартией. КПК рассчитывала, что демократизация политической жизни и создание коалиционного правительства, ослабят позиции Гоминьдана и усилят влияние Компартии. Однако реалии политической жизни, военного противостояния после 1945 г. не оставили у КПК ни малейшего доверия к Гоминьдану. Более того, ощутимые людские потери войск КПК после возобновления полномасштабной гражданской войны с Гоминьданом расширили пропасть между обеими партиями. Сформированное по гоминьдановскому сценарию Национальное собрание не гарантировало соблюдения интересов широких слоев населения. Ухудшение экономической ситуации в стране, повышение темпов инфляции, рост недовольства городского населения свидетельствовали о сужении социальной базы Гоминьдана. В перспективе углубление таких тенденций грозило Гоминьдану снижением его военного потенциала и даже утратой власти.

Компартия Китая в послевоенный период в целом выстояла в войне против Гоминьдана, выдержала политическое давление с его стороны, проявила стойкость и организованность, сумела сдержать первый и самый мощный натиск гоминьдановских войск во второй половине 1946 г. Все эти обстоятельства подводили КПК к решению об изменении стратегии и тактики. После возвращения Чжоу Эньлая из Нанкина в Яньань Мао Цзэдун, Лю Шаоци и Чжоу Эньлай 21 ноября 1946 г. обсудили сложившуюся ситуацию и пришли к выводу, что победа войск КПК над войсками Гоминьдана в существовавших условиях возможна, хотя и труднодостижима. И если раньше КПК провозглашала стратегию мирного объединения страны, то состоявшийся в тот же день расширенный пленум ЦК КПК принял курс на войну. Продолжительность войны оценивалась в 3–5 лет, но не исключалось ее затягивание на более длительный период.

В период подготовки Гоминьдана к наступлению на Яньань ЦК КПК 4 февраля 1947 г. опубликовал в газете «Цзефан жибао» открытое заявление. Суть его заключалась в непризнании КПК заключенных гоминьдановским правительством в одностороннем порядке после 10 января 1946 г. всех внешних займов, всех «кабальных и позорных для страны договоров и договоренностей», а также «всех внешнеполитических переговоров подобного рода», которые будут вестись и заключаться без санкции ПКК или без согласия КПК и других партий

и группировок, участвующих в ее работе Этим заявлением КПК фактически признала незаконной власть Гоминьдана.

После этого заявления гоминьдановские власти начали кампанию по выдворению представительств КПК из Нанкина, Чунцина и Шанхая. Представительства КПК в этих центрах сыграли свою положительную роль, осуществляя связь КПК с властными и административными структурами Национального правительства, организуя пропагандистскую деятельность на территориях, контролировавшихся Гоминьданом, предпринимая большие усилия по организации и активизации антивоенного демократического движения. Завершение посреднической миссии США и роспуск структур, организующих переговорный процесс и реализующих по мере возможности принимаемые в ходе переговоров решения, провал «мирного наступления» Гоминьдана начала 1947 г., мобилизация гоминьдановских войск для наступления на Яньань – все эти события свидетельствовали о неизбежности окончательного раскола между Гоминьданом и КПК. С конца февраля 1947 г. члены представительств КПК один за другим возвращались в Яньань. 7 марта возглавляемая Дун Биу делегация КПК в Нанкине покинула столицу. Накануне отъезда из Нанкина Дун Биу отметил, что «второе сотрудничество» между Гоминьданом и КПК продолжалось почти 10 лет, но с завершением Антияпонской войны исчез его базис. Слова Дун Биу о том, что «будущая судьба Китая будет решаться не за столом переговоров, а на поле боя» отражали лишь одну сторону военно-политической реальности. Победителя в борьбе за власть определил комплекс не только военных, но и важных политических и социально-экономических причин и мероприятий обеих партий.

Гражданская война (1946—1949)

На первом этапе гражданской войны (июнь–декабрь 1946 г.) ситуация складывалась не в пользу КПК. К концу 1946 г. НРА, используя превосходство в численности войск и вооружении, опираясь на масштабную американскую военную и экономическую помощь, сумела значительно потеснить НОАК, главным образом в Восточном Китае, а в марте 1947 г. овладеть городом Яньань – фактической столицей освобожденных районов, резиденцией ЦК КПК во главе с Мао Цзэдуном и Главного военного командования во главе с Чжу Дэ. Вместе с тем Гоминьдану не удалось уничтожить основные военные силы коммунистов, опиравшиеся на широкую поддержку крестьянских масс. Покинув Яньань, войска КПК рассредоточились по всему Северо-Западному Китаю.

Гражданская война обострила до предела социальные противоречия в Китае, что привело в первой половине 1947 г. на территории, контролировавшейся Гоминьданом, к массовым выступлениям крестьян, недовольных высокими налогами, реквизициями и мобилизацией в армию, а также рабочих и студентов. Тогда же по районам, контролировавшимся гоминьдановской администрацией,

прокатилась волна голодных «рисовых бунтов», демонстраций, забастовок, в том числе в крупнейших городах Китая – Шанхае, Тяньцзине, Ухани. Только в Шанхае в забастовках приняли участие 1 млн. человек. В начале 1947 г. ЦК КПК призвал к «новой великой народной революции» под лозунгом единого общенационального фронта в составе рабочего класса, крестьянства, городской мелкой буржуазии, национальной буржуазии и других патриотически настроенных слоев населения и принял стратегию формирования двух революционных фронтов: боевых действий НОА (вооруженные силы КПК, реорганизованные на базе НОАК, с 1947 г. получили наименование НОА – Народно-освободительная армия) против Гоминьдана и революционного движения в той части Китая, которая находилась под властью Чан Кайши. Хотя коммунистам поначалу не удалось с помощью «второго фронта» лишить Гоминьдан эффективного контроля над своей территорией, тем не менее активная политическая работа КПК в тылу НРА значительно сказалась на ее боеспособности.

Вскоре после начала общего наступления гоминьдановских войск против освобожденных районов в конце июня 1946 г. ЦК КПК сделал выбор в пользу маневренной войны как основной формы вооруженного сопротивления Гоминьдану. В ходе такой войны главной целью было уничтожение живой силы противника, а не удержание территорий. В связи с этим театр военных действий был разделен на шесть зон, для руководства которыми учреждались специально созданные территориальные бюро ЦК КПК по районам: Шаньси–Хэбэй–Шаньдун–Хэнань (во главе с Лю Бочэном), Восточный (Чэнь И), Северо-Западный (Пэн Дэхуай), Шаньси–Чахар–Хэбэй (Не Жунчжэнь), Шаньси–Суйюань (Хэ Лун) и регион Центральной равнины – Чжунъюань (Ли Сяньнянь). Крупнейшим освобожденным районом после разгрома японских захватчиков стал Северо-Восточный Китай, возглавлявшийся Гао Ганом, Линь Бяо и другими видными деятелями КПК и военачальниками НОА.

Созданная на территории Северо-Восточного Китая после освобождения его Советской армией от японских захватчиков Дунбэйская военно-революционная база стала главным стратегическим плацдармом вооруженных сил КПК, граничившим с Советским Союзом. СССР оказал большую помощь КПК поставками вооружений (прежде всего трофейного оружия разгромленной японской Квантунской армии), передачей в распоряжение коммунистов промышленных предприятий Дунбэя, в том числе военных. Оказывались также разнообразная материальная помощь, содействие в налаживании хозяйственной жизни, в Дунбэй направляли советских военных, политических и хозяйственных советников. Воспользовавшись временным пребыванием на северо-востоке Китая советской военной администрации, руководство КПК успело пополнить и обучить Объединенную демократическую армию и перебросить из освобожденных районов Северного Китая дополнительные людские ресурсы, установив свою власть над значительной частью Дунбэя. Центром этого крупнейшего в то время освобожденного района (с населением 40 млн. человек) стал Харбин, где располагались Северо-Восточное бюро ЦК КПК, органы административного и военного управ-

ления КПК (Северо-Восточный административный комитет и командование Объединенной демократической армии).

В ходе контрнаступления НОА в марте–июне 1947 г. на севере и северо-востоке Китая был создан плацдарм для последующего продвижения на юг и достигнуто серьезное изменение в соотношении сил. Численность НОА выросла с 1,2 млн. до 2 млн. человек, в то время как численность гоминьдановской армии сократилась с 4,3 млн. до 3,7 млн. человек. Этому в значительной мере способствовали проведенные КПК в 1946–1947 гг. аграрные преобразования, отвечавшие интересам основной части крестьянства, что позволило создать относительно прочный тыл НОАК и обеспечить ее необходимыми людскими и материальными ресурсами. В то же время принятый руководством Гоминьдана в июле 1947 г. Закон о всеобщей мобилизации нации, призванный компенсировать начавшийся весной того же года вывод из Китая американских войск, привел к расширению властных полномочий Гоминьдана, укрепил его контроль над всеми сторонами экономической и общественно-политической жизни страны, что еще больше ограничило гражданские свободы и права населения.

На состоявшемся в июне 1947 г. в Фупине (пров. Хэбэй) совещании по подготовке стратегического наступления НОА с участием командующих и политкомиссаров всех войсковых группировок был разработан план операций вплоть до полного разгрома гоминьдановской армии. В соответствии с этим планом, опираясь на Дунбэйскую военно-революционную базу, ее военные и материальные ресурсы, в июле 1947 г. НОА перешла в наступление, в ходе которого война прошла три основных этапа. В ходе первого этапа (июль 1947 г. – август 1948 г.) НОА удалось изгнать гоминьдановские войска с территории «старых освобожденных районов» и перенести военные операции на гоминьдановские районы. Была освобождена от противника западная часть пров. Хэнань и практически вся пров. Шаньдун. Гоминьдан был вынужден перейти к позиционной обороне, главным образом вдоль крупных рек (Хуанхэ, Хуайхэ, Янцзы), железных дорог и крупных городов. Неудачи на фронтах серьезно подорвали морально-психологическое состояние гоминьдановской армии. Массовый характер приняли дезертирство и сдача в плен целыми частями и соединениями. Этому в немалой степени способствовало недовольство крестьян, составлявших основную часть военнослужащих гоминьдановских войск, положением в деревне, особенно на фоне проводившейся коммунистами в освобожденных районах аграрной реформы. Немалая часть гоминьдановских военнослужащих затем влилась в ряды Народно-освободительной армии Китая. Уже к началу 1948 г. численность НОА достигла 2,5 млн. человек, приблизившись к численности войск Гоминьдана, превосходство которого в вооружениях компенсировалось высоким моральным состоянием армии коммунистов и массовой поддержкой со стороны населения.

КПК сочетала военное наступление с политическим, нацеленным на полную изоляцию Гоминьдана от промежуточных социальных сил. 10 октября 1947 г.

была принята «Декларация Народно-освободительной армии», ставшая, по сути, программой широкого единого национального фронта борьбы за свержение Гоминьдана. Она предусматривала учреждение народно-демократической власти, гарантировавшей гражданские права и свободы, искоренение коррупции, конфискацию «бюрократического капитала», ликвидацию феодальных отношений в деревне и предоставление земли в собственность крестьянам, поощрение развития национальной промышленности и торговли, улучшение положения рабочих и служащих. Такая программа отвечала интересам не только крестьянства и рабочего класса, но и китайской национальной буржуазии, интеллигенции и других промежуточных слоев населения.

В январе 1948 г. армия под командованием Линь Бяо освободила от гоминьдановцев Цзилинь, Чанчунь и ряд других городов, заблокировав гоминьдановские военные силы в Шэньяне. В марте войска НОА под командованием Чэнь И и Чэнь Гэна развернули наступление в пров. Хэнань, овладев Лояном, а в июне другим крупным городом этой провинции – Кайфэном, окружив и разгромив при этом крупные силы противника, несмотря на превосходство последнего в артиллерии, танках и авиации.

В сентябре 1948 г. начался второй этап стратегического наступления НОА (сентябрь 1948 г. – январь 1949 г.), в ходе которого в результате победы в трех грандиозных сражениях силами НОА были уничтожены основные силы армии Гоминьдана. Впервые в ходе войны удалось добиться многократного преимущества над противником. НОА овладела городом Цзинань, являвшимся административным центром пров. Шаньдун. Одновременно велось наступление НОА и на других фронтах.

В октябре 1948 г. с освобождением Шэньяна была окончательно разгромлена гоминьдановская группировка в Северо-Восточном Китае. Потери гоминьдановской армии в ходе этого наступления (Ляоси-Шэньянская, или Ляошэньская, операция) составили почти полмиллиона человек. НОА захватила огромные военные трофеи, включая Шэньянский арсенал. Результатом проведенных наступательных операций стал перелом в соотношении сил в пользу НОА, численность которой выросла до 3 млн. человек, превысив численность войск под командованием Чан Кайши, которые к тому же начали утрачивать и превосходство в вооружениях.

Серьезное изменение военно-политической обстановки сопровождалось перестройкой организационной основы НОА с целью превращения ее в современную регулярную армию. На базе основных войсковых группировок НОА по образцу фронтов Советской армии во время Великой Отечественной войны были созданы пять полевых армий под командованием соответственно Пэн Дэхуая (Первая полевая армия), Лю Бочэна (Вторая), Чэнь И (Третья), Линь Бяо (Четвертая) и Не Жунчжэня (Северо-Китайская). Эти полевые армии, располагавшие артиллерией, танками, саперными частями, были в состоянии проводить широкомасштабные маневренные операции по окружению мощных укрепленных районов противника и последующему их взятию.

Решающие сражения гражданской войны 1948–1949 гг.

После завершения освобождения Северо-Востока НОА приступила к освобождению Северного Китая. 2-я и 3-я полевые армии НОА под общим командованием Чжу Дэ перешли в наступление против прикрывавшей Нанкин и Шанхай более чем полумиллионной сюйчжоуской группировки гоминьдановских войск,

хорошо обеспеченной артиллерией, бронетехникой и авиацией. Тем не менее, используя свое численное превосходство, войска НОА сумели в ходе операции, получившей название Хуайхайской, окружить по частям эту группировку и к середине декабря 1948 г. полностью разгромить ее. Разгром сопровождался массовой сдачей в плен и переходом на сторону НОА солдат и офицеров гоминьдановской армии.

Одновременно войска под командованием Линь Бяо и Не Жунчжэня провели Пинцзиньскую (Бэйпин–Тяньцзиньскую) операцию, завершившуюся разгромом гоминьдановской группировки, защищавшей этот важнейший в стратегическом плане регион, и освобождением в январе 1949 г. двух крупнейших городов Китая – Тяньцзиня и Бэйпина. Если Тяньцзинь был взят в ходе ожесточенных сражений, то Бэйпин был освобожден без боя, чему предшествовала целенаправленная работа коммунистов. 21 января 1949 г. завершились успехом переговоры Мао Цзэдуна и Чжоу Эньлая с местным гоминьдановским командованием о добровольной сдаче Бэйпина войсками Фу Цзои. Было подписано Соглашение о мирном освобождении Бэйпина. Во время 40-дневной блокады города Чжоу Эньлай предпринимал необходимые усилия по обеспечению бесперебойного снабжения населения Бэйпина водой и электроэнергией.

Руководство КПК в лице Чжоу Эньлая придавало большое значение проблеме взаимоотношений НОА и населения, в ходе операции по взятию Бэйпина акцентировало внимание военнослужащих на необходимости доброжелательного отношения к китайской интеллигенции, профессорско-преподавательскому составу и студентам университетов, особенно Яньцзинского, ректором которого в свое время был посол США в Нанкине Л.Стюарт. Поведение военнослужащих НОА в освобождаемых ею городах подчеркивало демократический характер новой власти и контрастировало с бесчинствами гоминьдановских войск и террором гоминьдановских спецслужб. После мирного перехода Бэйпина в руки НОА Компартия стала шире практиковать бэйпинский вариант борьбы с противником, характеризовавшийся сдачей гоминьдановских армий без боя и последующим их включением в состав НОА.

В ходе этих трех стратегических операций, осуществленных НОА в 1948 г., гоминьдановская армия потеряла свыше 1,5 млн. человек личного состава, полностью утратив наступательный потенциал и способность противостоять победоносному противнику. Накануне нового 1949 г. ЦК КПК выдвинул лозунги свержения «реакционного господства Гоминьдана» и последующего создания «демократической диктатуры народа, руководимой пролетариатом и основанной на союзе рабочих и крестьян».

Третьему, заключительному этапу гражданской войны предшествовали новые инициативы гоминьдановского руководства по отношению к КПК. В условиях приближения неминуемого разгрома гоминьдановских войск в гражданской войне Чан Кайши в своей новогодней речи (1949 г.) выступил с «мирными предложениями», предусматривавшими, в частности, установление перемирия на фронтах. КПК в качестве предварительных условий перемирия потребовала

принятия Чан Кайши и Гоминьданом ряда требований, а именно: наказания военных преступников; отмены принятой Национальным собранием 25 ноября 1946 г. гоминьдановской конституции; реорганизации на демократических началах вооруженных сил Гоминьдана; конфискации «бюрократического капитала»; реформы системы землевладения; созыва без участия «реакционных элементов» новой Политической консультативной конференции, призванной сформировать демократическое коалиционное правительство, к которому переходит вся полнота власти от Гоминьдана в центре и на местах.

Под давлением части гоминьдановского руководства во главе с Ли Цзунжэнем, выступавшей за принятие условий коммунистов, Чан Кайши передал ему президентский пост. В то же время он сохранил контроль над гоминьдановской партийной машиной, вооруженными силами и распределением американской помощи, рассчитывая путем переговоров выиграть время для подготовки к военному реваншу. Ли Цзунжэнь направил официальную делегацию в Бэйпин для ведения переговоров с коммунистами, которые пошли на частичное смягчение условий мирного соглашения, согласившись на дифференцированный подход к виновникам развязывания гражданской войны и на включение в состав будущего коалиционного правительства «патриотически настроенных деятелей» из Гоминьдана. Однако правительство Ли Цзунжэня не приняло ультиматума КПК, срок которого истекал 20 апреля 1949 г., хотя гоминьдановская делегация уже подписала мирное соглашение с Компартией.

По истечении срока ультиматума НОА вступила в заключительный этап стратегического наступления, продолжавшегося до полного освобождения континентального Китая в начале 1950 г. 21 апреля войска 2-й, 3-й и 4-й полевых армий на трех участках форсировали Янцзы. Всего за одни сутки под артиллерийским и минометным огнем противника и при бомбардировках с воздуха на южный берег реки была переправлена 800-тысячная группировка НОА. Обладая значительным численным превосходством над гоминьдановскими войсками и воспользовавшись растерянностью противника, разобщенностью отдельных его группировок, войска НОА уже 23 апреля овладели столицей гоминьдановского Китая Нанкином. В течение месяца части НОА заняли Шанхай, Ухань и другие крупнейшие города Восточного и Центрального Китая. Задачу облегчало согласие части гоминьдановского административного руководства и военного командования на местах подписать мирные соглашения с НОА по «бэйпинскому» образцу. Ради сохранения власти гоминьдановское руководство отдельных территорий проявляло готовность к проведению реформ и допущению деятельности КПК на «своих» территориях. По такому «мирному сценарию» были освобождены Хунань, Юньнань и другие провинции. Еще в апреле 1949 г., когда стал очевидным приближающийся разгром гоминьдановской армии, Чан Кайши вылетел на Тайвань, отдав приказ об эвакуации туда 300-тысячной группировки войск. Ли Цзунжэнь и вставший во главе гоминьдановского правительства генерал Хэ Инцинь отправились в Гуанчжоу, но вскоре гоминьдановское правительство было вынуждено переехать оттуда в Чунцин.

Одновременно НОА развивала стратегическое наступление на северо-западном направлении. В мае части 1-й полевой армии НОА под командованием Пэн Дэхуая взяли Тайюань, затем с помощью группировки под командованием Не Жунчжэня – Сиань, в августе овладели пров. Ганьсу, а в сентябре освободили провинции Суйюань и Нинся. Продвижение частей НОА в глубь территории противника повсеместно сопровождалось проведением аграрной реформы и формированием новых органов власти.

Солдаты армии Чан Кайши перед эвакуацией

Последняя фаза гражданской войны проходила накануне и в первые месяцы после провозглашения в Пекине 1 октября 1949 г. Китайской Народной Республики. В начале октября войска 4-й полевой армии освободили Гуанчжоу, а в ноябре силы 1-й, 2-й и 3-й армий взяли города Гуйян и Чунцин. За два дня до падения Чунцина 30 ноября 1949 г. пребывавшее там гоминьдановское правительство было эвакуировано на американских транспортных самолетах на Тайвань. В декабре капитулировала 100-тысячная группировка губернатора пров. Юньнань Лю Ханя, часть которой была включена в состав 1-й полевой армии Пэн Дэхуая. Наконец, 27 декабря 1949 г. части 1-й полевой армии заняли административный центр пров. Сычуань Чэнду – последний крупный город, находившийся в руках гоминьдановцев. Остатки гоминьдановской армии и административного аппарата, а также около 2 млн. гражданских беженцев эвакуировались на Тайвань, который остался под контролем Гоминьдана и под защитой 7-го флота США.

Назревание системного кризиса в политике и экономике

Законодательство периода «политической опеки», в который Гоминьдан формально вступил в 1928 г., предусматривало руководящую роль партии в управлении страной, хотя и не отвергало участия других партий в политической жизни. Государственная управленческая структура на период «политической опеки» отличалась высокой степенью авторитаризма и незавершенностью государственного строительства, отодвинутого во времени на период «конституционного правления». Монопольные позиции Гоминьдана и исключительные прерогативы исполнительной ветви власти создавали условия для диктаторских поползновений партийного лидера, чему способствовали также традиционная неразвитость политических институтов и демократических процессов. Возобновившаяся ле-

том 1946 г. гражданская война усугубила все негативные явления во внутрипартийной и политической жизни, а также обострила экономическую ситуацию в стране.

Специфика партийного строительства Гоминьдана, начатого еще усилиями Компартии в период первого сотрудничества Гоминьдана и КПК в 20-х годах, состояла в том, что организационные процессы не были тогда завершены, а в ряде сфер насильственно прерваны. Результатом этого стала слабость контроля партийных функционеров над органами государственной власти, предусмотренного в учении Сунь Ятсена на период «политической опеки». Запланированная в уставе Гоминьдана 1924 г. пятизвенная система партийной организации, призванная охватить все общество, остановилась в масштабах страны на третьем уровне, поскольку с трагическим разрывом первого единого фронта коммунисты уже не имели возможности работать в этом направлении, а сам Гоминьдан не обладал ни опытом, ни традициями партийного строительства, особенно на местах. Усугубляли ситуацию сепаратистские тенденции военных лидеров, примкнувших к Гоминьдану в ходе победоносного Северного похода и после него. В результате объективных и субъективных причин влияние Гоминьдана на правительственную администрацию всех уровней, особенно на нижних этажах, оставалось незначительным на протяжении всей истории Китайской Республики.

Не менее значимой характеристикой гоминьдановского правления, резко проявившейся в послевоенный период, стало смещение акцентов в деятельности правящей партии. На первом месте для партийцев стояли не политико-идеологические цели, в определенной степени присутствовавшие в предыдущие периоды, но стремление сохранить свою должность в управленческой структуре. Как и в период господства бэйянских милитаристов, все партийные чиновники стремились сохранить или получить место в органах власти, с тем чтобы иметь реальные полномочия. И в этом смысле призыв VI съезда Гоминьдана к началу перехода от системы «политической опеки» к «конституционному правлению» не вызывал энтузиазма у большинства партийных функционеров, боявшихся потерять правительственные должности, опасавшихся упразднения различных чинов и рангов.

С этими факторами в значительной степени связано неприятие в гоминьдановской среде некоторых резолюций ПКК, воспринимавшихся гоминьдановской элитой как реальная угроза утраты однопартийного контроля и власти Гоминьдана на всех уровнях. Внутрипартийная ситуация проецировалась на внутреннюю и внешнюю политику гоминьдановского режима. Внутрипартийная нестабильность, наиболее ярко проявлявшаяся в обострении фракционной борьбы, четко обозначилась еще в период завершения войны Сопротивления и характеризовалась рядом признаков. Одной из главных проблем, вызывавших обострение межфракционной борьбы, была проблема демократизации внутрипартийной жизни. Споры проходили по вопросам укоренения выборного начала в партийных структурах, укрепления коллективности руководства, отношения к усилению в партии и стране режима личной власти Чан Кайши. Все линии внутрипар-

тийного размежевания в той или иной степени определялись проблемой выбора пути дальнейшего развития страны. И хотя еще VI съезд Гоминьдана, представивший довольно объективную картину положения в партии и государстве, провозгласил целью Гоминьдана строительство нового Китая на пути дальнейшей экономической и политической реконструкции и создания более демократичного и благополучного общества, а также переход от политической опеки к конституционному правлению, конкретное содержание политики Гоминьдана в новый период не стало более ясным.

Послевоенная внутриполитическая обстановка, характеризовавшаяся в целом ростом национального самосознания, требовала нового осмысления отношения и к Компартии Китая, которая в годы войны Сопротивления резко повысила свой авторитет в обществе, среди демократических партий и объединений. КПК добилась этого прежде всего благодаря последовательной антияпонской политике, а также благодаря проведению адекватных социально-экономических и политических реформ на территории освобожденных районов. После окончания китайско-японской войны проблема реорганизации правительства, стоявшая на повестке дня Гоминьдана, оказалась тесно связана с необходимостью взаимодействовать в данной сфере с Компартией, которая выдвинула на своем VII съезде лозунг создания коалиционного правительства.

Процесс определенной адаптации Гоминьдана к новым условиям наиболее яркое выражение получил в деятельности фракции «Обновление» (Гэсиньпай), возникшей на заключительном этапе войны Сопротивления. В нее вошли молодые члены Гоминьдана, встревоженные ослаблением позиций Гоминьдана в государстве и обществе. Приверженцами движения в основном были представители групп «СиСи», «Хуанпу», а также члены «Союза молодежи „трех народных принципов“». Это объединение стремилось к всестороннему обновлению партии, правительства, вооруженных сил, участники движения выражали недовольство чрезмерной близостью Чан Кайши к группировке «политических наук» и его невниманием к другим фракциям, практикой единоличного принятия им важнейших решений. В частности, Чан Кайши ставили в вину созыв ПКК без предварительного широкого обсуждения этого вопроса внутри Гоминьдана.

Так или иначе, поддержка представителями делегации Гоминьдана в ПКК ее решений, в значительной степени дезавуированных II пленумом ЦИК Гоминьдана 6-го созыва, свидетельствовала о наличии до начала широкомасштабной гражданской войны различных точек зрения на пути развития страны. Вместе с тем победа «непримиримых», как показал ход II пленума, и последовавшие события продемонстрировали неготовность Гоминьдана к демократическим реформам, его упорное нежелание делиться властью с другими партиями в ходе конкурентных выборов. Уже на завершающем этапе переговорного процесса с КПК Чан Кайши и его сторонники предприняли конкретные шаги в направлении политического переустройства. Переход к «конституционному правлению» осуществлялся с сохранением гарантий преимущественного положения Гоминьдана в органах власти и с грубым нарушением принятых на ПКК установлений.

Созыв Гоминьданом Национального собрания и принятие новой конституции в значительной степени были обусловлены желанием предстать перед населением в роли демократической партии-лидера, но в еще большей степени – стремлением сохранить поддержку со стороны США, выступавших за демократизацию гоминьдановского режима. Связанные с Национальным правительством сетью договоров и соглашений и недовольные послевоенным усилением СССР и упрочением его связей с КПК, США не были в должной степени озабочены соблюдением Гоминьданом резолюций ПКК, направленных на создание демократической власти мирным путем, с учетом интересов всех политических сил. Вполне осознавая неспособность и коррумпированность властных структур Гоминьдана, США тем не менее приветствовали переход к конституционному правлению по гоминьдановским правилам.

Как и в предшествующий период, основными группировками в Гоминьдане оставались группировка братьев Чэнь («СиСи»), хуанпуисты и группировка «политических наук». Сторонникам «СиСи» удалось сохранить господствующие позиции в партийном аппарате Гоминьдана, что позволяло им до некоторой степени контролировать центральные государственные органы и распространять свое влияние, хотя и в ограниченных масштабах, на местные организации. Уступив часть своих позиций умеренным в ходе переговорного процесса между Гоминьданом и КПК, «СиСи» после II пленума при содействии Чан Кайши восстановила свое влияние в партии, ввиду чего кратковременный «всплеск» демократических тенденций в Гоминьдане быстро сошел на нет.

Братья Чэнь Гофу и Чэнь Лифу и возглавлявшаяся ими группировка наиболее настойчиво выступали против существенного обновления состава Национального собрания и пересмотра проекта Временной конституции 1931 г. «СиСи» отвергала любые изменения политической системы, предполагавшие демократизацию режима. Вместе с тем они проявляли недовольство укреплением режима личной власти Чан Кайши, которого поддерживали США, стремившиеся представить его в качестве «отца нации». Основную свою ставку США делали на группировку «политических наук», недовольную монопольными позициями в экономике Сун Цзывэня и Кун Сянси и отражавшую интересы более широких слоев населения, включая национальную и компрадорскую буржуазию и связанное с ними чиновничество.

Борьба за власть внутри Гоминьдана разгорелась в ходе деятельности Национального собрания, открывшегося 15 ноября и завершившего свою работу 25 декабря 1946 г. Демократический лагерь в Национальном собрании представляли две малые оппозиционные партии – Молодежная и Социал-демократическая, а также ряд беспартийных деятелей. Гоминьдан располагал более чем 85% мест. Демократическая лига, как и КПК, бойкотировала это мероприятие.

Национальное собрание было настолько одиозным, что некоторые руководящие деятели Молодежной и Социал-демократической партий (Ли Хуан, Чжан Цзюньмай, Су Фулин) во избежание полной дискредитации, как правило, не присутствовали на его заседаниях и руководили деятельностью своих делегаций из

кулуаров. Отказались от участия в собрании и ряд беспартийных деятелей и оппозиционно настроенных членов Гоминьдана (Ли Цзишэнь, Ван Куньлун).

Основным вопросом на Национальном собрании был вопрос о новой конституции, его обсуждение длилось более месяца. В период подготовки созыва Национального собрания группировка «СиСи», располагавшая в нем большинством голосов, настаивала на недопустимости внесения любыми партиями и группировками поправок во Временную конституцию 1931 г. Тем самым она пыталась дезавуировать решения ПКК. Группировка «политических наук» и некоторые либерально настроенные члены Гоминьдана (Сунь Фо) стремились усилить демократическую направленность Временной конституции периода «политической опеки», взятую за основу при разработке новой конституции. Они стремились гарантировать права других партий и группировок, исключить монополизацию партии и государства представителями группировки «СиСи».

Согласно конституции, Китай стал президентской республикой, были гарантированы многопартийность и ряд демократических свобод, режим верховенства закона. Национальное собрание приняло конституцию 25 декабря 1946 г., Национальное правительство обнародовало ее 1 января 1947 г., а вступила она в силу 25 декабря 1947 г. Конституция отражала как общедемократические ценности, так и китайскую специфику, поскольку строилась на основе «трех народных принципов» и «пяти конституционных властей».

О сложности процесса разработки конституции свидетельствовали длительные сроки ее принятия, неготовность политической элиты и всего общества к «конституционному правлению» западного образца, недостаточная разработанность этой политической проблемы китайскими политиками и учеными. Период «политической опеки» 30–40-х годов знаменовался масштабными социально-экономическими экспериментами, политической и социальной нестабильностью (гражданская война начала 30-х годов между Гоминьданом и КПК, оккупация Японией значительной части китайской территории, Антияпонская война, не всегда удачные реформы в разных сферах). Таким образом, для гоминьдановского государства этот период оказался чрезвычайно сложным и тяжелым, и его результаты далеко не соответствовали тем условиям, которые Сунь Ятсен считал необходимыми для перехода к «конституционному правлению». Период «политической опеки», основной задачей которого, согласно Сунь Ятсену, должна была стать подготовка населения к усвоению новых форм политической жизни, приобретение им опыта самоуправления, пробуждение политической активности, оказался значительно более длительным и трагическим. Решение насущных задач внутреннего развития замедлялось целым рядом причин, в частности борьбой с региональным сепаратизмом и с КПК. Огромным препятствием на пути перехода к «конституционному правлению» являлась концентрация сил на организации сопротивления японской агрессии. В итоге вместо запланированных Сунь Ятсеном шести лет период «политической опеки», одной из существенных характеристик которого было господство Гоминьдана над государством и обществом, продолжался 19 лет, вплоть до 1947 г. Чан Кайши приурочил

опубликование конституции к выдвижению им «мирных инициатив», которые лидер Гоминьдана огласил в речи по радио в канун нового 1947 г.

Согласно конституции 1947 г., партия теряла свои руководящие позиции в государстве и обществе. Между тем это положение частично компенсировалось учреждением режима президентской республики (вопреки резолюциям ПКК, позициям коммунистов и демократических сил), что в условиях того времени было равнозначно сохранению диктатуры Чан Кайши. Разработка парламентских процедур и подготовка выборов в новое Национальное собрание были лишены всякого смысла в обстановке гражданской войны и надвигавшегося политического краха и военного разгрома гоминьдановского режима.

На принятие конституции последовала резкая реакция КПК и Демократической лиги, которые подчеркивали, что этот документ основан на проекте Гоминьдана, а не на резолюции, принятой ПКК и ввиду этого конституция нелегитимна.

Между тем обе малые оппозиционные партии (Молодежная и Социал-демократическая) добивались предоставления им возможно большего числа мест в правительственных структурах. Чтобы удовлетворить требования «карманной» оппозиции и в то же время сохранить реальную власть в своих руках, Чан Кайши по совету Л.Стюарта решил помимо реорганизации Государственного совета и Исполнительного юаня провести также реорганизацию Законодательного и Контрольного юаней и Национального политического совета. Решено было учредить новый орган – «Общество содействия осуществлению конституции». Увеличивая число правительственных и околоправительственных структур, Гоминьдан пытался создать видимость обновления власти и внедрения реальной многопартийности. Малым партиям также обещали предоставить значительное число мест в провинциальных правительствах, построенных также на коалиционных началах.

Реорганизации правительства, на которой настаивали США, ставящие в зависимость от ее реализации масштабы финансовой помощи Гоминьдану, предшествовало увеличение числа членов Законодательного юаня – на 50 человек и Контрольного юаня – на 25 человек. Об этих мерах было объявлено 1 марта 1947 г. Призванные заявить о серьезности «обновленческих» намерений государственного руководства, они не снижали реально степень монополизации власти Гоминьдана.

О необходимости перехода «от однопартийной ответственности к единой ответственности всех партий, группировок и всего народа» Чан Кайши заявил 15 марта 1947 г. на III пленуме ЦИК Гоминьдана 6-го созыва. Пленум обсуждал комплекс вопросов, связанных с завершением «политической опеки» и реализацией положений постоянной конституции. 23 марта он принял «Проект подготовки реализации конституционного правления», а 31 марта Национальное правительство опубликовало «Закон об организации Исполнительного, Законодательного, Судебного, Контрольного и Экзаменационного юаней», официально приступив к реорганизации государственной власти. 16 апреля 1947 г. Чан Кай-

ши (от Гоминьдана), Чжан Цзюньмай (от Социал-демократической партии), Цзэн Ци (от Молодежной партии), а также известные общественные деятели Мо Дэхуэй и Ван Юньу подписали «Совместную программу административно-политических мероприятий». Основой программы объявлялись положения «Программы мирного строительства государства», принятые ПКК. Политические партии и группировки, подписавшие новую программу, приняли на себя ответственность за подготовку к реализации положений конституции. Помимо общих фраз о необходимости демократизации и сотрудничества, а также создания единых вооруженных сил вновь прозвучал призыв к решению разногласий с КПК политическими методами.

17 апреля 1947 г. постоянный комитет ЦИК Гоминьдана принял отредактированный «Закон о реорганизации Национального правительства» (опубликован 18 апреля 1947 г.). Чан Кайши был избран на пост председателя Национального правительства, Сунь Фо – на пост заместителя председателя Национального правительства. Чжан Цюнь стал главой Исполнительного юаня, сменив на этой должности Сун Цзывэня. Сунь Фо занял пост председателя Законодательного юаня, Цзюй Чжэн возглавил Судебный юань, Дай Цзитао стал председателем Экзаменационного юаня. Весьма примечательно, что попытки Чан Кайши привлечь к работе правительства известных демократических деятелей Китая в целом имели ограниченный успех. Так, известный общественный деятель и дипломат Ху Ши не принял предложения Чан Кайши войти в Комитет Национального правительства и по совместительству занять пост председателя Экзаменационного юаня. Позиция Ху Ши отражала неверие творческой интеллигенции в способность Гоминьдана преобразовать правительство в демократическом направлении. Председателем Контрольного юаня был назначен Юй Южэнь. В состав Центрального политического совета (ЦПС), всекитайского руководящего политического органа, вошли 25 человек. Руководителем секретариата ЦПС стал Чэнь Лифу.

Согласно Закону о реорганизации Национального правительства, высшим государственным органом стал Комитет Национального правительства (Гоминь чжэнфу вэйюаньхуэй). Назначенными членами Комитета Национального правительства стали 28 человек, в том числе 17 членов Гоминьдана. Комитет Национального правительства до 25 декабря 1947 г., т.е до вступления в силу конституции, должен был осуществлять свои полномочия, исполняя решения Национального собрания и проводя, таким образом, подготовительную работу по реализации положений конституции.

23 апреля 1947 г. Национальное правительство опубликовало список своих членов. 16 человек представляли Гоминьдан, включая председателя Исполнительного юаня Чжан Цюня и глав таких ключевых ведомств, как министерство внутренних дел (Чжан Лишэн), министерство иностранных дел (Ван Шицзе), министерство обороны (Бай Чунси), министерство финансов (Шу Хунцзюнь). Процесс реорганизации Национального правительства был завершен в середине августа 1947 г.

«Программа административно-политических мероприятий» нового кабинета министров, о которой заявил в Законодательном юане 1 мая 1947 г. Чжан Цюнь, была изложена в самых общих формулировках и являлась, скорее, декларацией намерений нового правительства, чем программой конкретных действий. Документ включал положение о необходимости немедленного прекращения боевых действий Гоминьдана и КПК, скорейшего разрешения внутригосударственных разногласий политическими средствами, восстановления единства страны. В Программе также содержался призыв к обеспечению равновесия государственных доходов и расходов, осуждалась коррупция, подчеркивалась важность соблюдения «прав народа». Если Чжан Цюнь не выражал особого оптимизма относительно возможностей нового правительства, то Чан Кайши расценивал мероприятия по реорганизации государственной власти весьма высоко. Он подчеркивал, что новое правительство является коалиционным и многопартийным, обходя молчанием тот факт, что и в новом кабинете Гоминьдан сохранил господствующие позиции, а маловлиятельным Молодежной и Социал-демократической партиям в новой структуре власти выделено незначительное число мест. Выступая в этом духе перед журналистами 18 апреля 1947 г., Чан Кайши, как обычно, отметил важность нормализации отношений с КПК.

Между тем гражданская война продолжалась, и Гоминьдан не шел ни на какие уступки Компартии Китая, оставляя без последствий компромиссные предложения Чжоу Эньлая. Закон о реорганизации Национального правительства по-прежнему был ориентирован на положения Временной конституции периода «политической опеки». И об этом говорили не только коммунисты. Демократическая лига последовательно выступала с позиций непризнания реорганизованного правительства ввиду его недемократичности и абсолютной подконтрольности Гоминьдану.

С точки зрения США, прежде всего посла Л.Стюарта, реорганизованное правительство по-прежнему жестко контролировалось Гоминьданом. В докладе госдепартаменту США Л.Стюарт (19, 27 апреля 1947 г.) обращал внимание на тот факт, что реорганизация не изменила расстановки сил в китайском правительстве. Реорганизация, считал Л.Стюарт, лишь символизировала завершение периода однопартийной диктатуры и создавала предпосылки для постепенного реформирования правительства в будущем.

Между тем, несмотря на изменения в политико-правовой сфере, многопартийное правительство, как и прежнее однопартийное, основные усилия направляло на гражданскую войну с КПК. Таким образом, ответственность за войну несли уже и новые партнеры Гоминьдана – партии и группировки, вошедшие в Национальное правительство после его реорганизации.

Меры по введению конституционного правления сопровождались ужесточением позиции Гоминьдана по отношению к коммунистам, наступлением на демократические права и свободы, зафиксированные в основополагающих правовых документах. Событием большого значения для развития внутриполитической ситуации в неблагоприятном для режима направлении было принятие Государственным советом 18 июля 1947 г. Закона о всеобщей мобилизации нации.

Курс на широкомасштабную войну с КПК обусловил всеобщую мобилизацию, формирование 30 новых дивизий численностью в 1 млн. человек, создание и увеличение численности корпусов самообороны, возвращение в армию демобилизованных прежде офицеров, разрешение деятельности молодежного Союза «трех народных принципов» в армии. В решении вопросов вооружения и обучения новых дивизий Чан Кайши рассчитывал на помощь США. Начальником управления подготовки войск был назначен тесно связанный с американскими военными кругами воспитанник американской военной академии в Вест-Пойнте Сунь Лижэнь. В Центральном и Южном Китае и на острове Тайвань в срочном порядке создавались военные учебные центры, причем именно Тайвань постепенно становился главной базой для подготовки и переобучения войск.

Нацеленный в основном на Компартию Китая, Закон о всеобщей мобилизации нации был направлен против любого инакомыслия и развития демократических процессов. На основании этого закона любой нестандартно мыслящий человек мог быть причислен к коммунистам и физически уничтожен или заключен в концлагерь. Сразу после опубликования закона на территории, контролируемой Гоминьданом, начались преследования демократических элементов. Гоминьдановская власть приняла репрессивные меры против оппозиционной прессы, закрыв большинство демократических и либеральных газет. Из 900 газет, издававшихся на территории, контролируемой Гоминьданом, 670 газет в 1947 г. перестали выходить в свет. Были составлены черные списки всех подозреваемых в прогрессивном образе мыслей, за ними установили полицейское наблюдение, происходили аресты и пытки, слежке и иным преследованиям подверглись некоторые члены Демократической лиги.

Население страдало от продовольственных контрибуций и от принудительной вербовки в армию; был объявлен обязательный призыв в армию студентов и учащихся. Заработную плату рабочих и служащих заморозили, тогда как цены росли еще более высокими темпами, чем прежде. Закон о всеобщей мобилизации нации задевал и интересы национальной буржуазии, увеличивая налоговый гнет, предоставляя бюрократическому капиталу возможность распоряжаться продукцией частных предприятий, подхлестывая инфляцию. Вошли в практику принудительные сборы средств на военные цели с предпринимателей. Например, в октябре 1947 г. промышленные и деловые круги Ханькоу были обложены контрибуцией на сумму 50 млрд. юаней.

Закон о мобилизации нации окончательно похоронил надежды интеллигенции и предпринимательских слоев на демократизацию политической жизни, покончил с их иллюзиями по поводу «конституционного правления».

В условиях обострения внутрипартийной борьбы и на фоне отхода от Гоминьдана демократических сил правящий режим с конца 1947 – начала 1948 г. пытался укрепить свои позиции. Прежде всего Гоминьдан старался активизировать действия своих армий на фронтах гражданской войны. Кроме того, продолжалась реорганизация партии, шла подготовка к первым всеобщим выборам в Национальное собрание, осуществлялись новые перестановки в Национальном

правительстве; о таких перестановках консультировались с посольством США в Китае. 9 сентября 1947 г. в срочном порядке собрался IV пленум ЦИК 6-го созыва. Среди основных вопросов повестки дня пленума были именно вопросы подготовки к выборам в Национальное собрание. Обсуждались также способы прекращения внутрипартийной борьбы, обострившейся в преддверии выборов и угрожавшей единству Гоминьдана. Этой задачи IV пленум выполнить не смог. Вместе с тем пленум исключил из рядов партии некоторых функционеров, требовавших демократизации партии и государства и выступавших против усиления влияния американских советников во властных структурах. Так, был исключен из Гоминьдана Ли Цзишэнь, поставлен, но не решен вопрос об исключении Фэн Юйсяна.

Здание Национального собрания

В выборах в Национальное собрание в конце 1947 г. принимали участие Гоминьдан, Социал-демократическая и Молодежная партии. Но так как малые партии к этому времени перестали играть какую-либо роль в политической жизни, основная борьба разыгралась между группировками «СиСи» и «политических наук». По утверждениям Демократической лиги, в выборах, состоявшихся в конце 1947 г., приняли участие не более 5% избирателей, в большинстве гоминьдановских чиновников. В значительной степени результаты выборов в том или ином населенном пункте зависели от того, в руках какой именно гоминьдановской группировки находилась власть в данном месте. Подавляющее число мандатов в собрании и в Законодательной палате оказалось в руках группировки «СиСи». Ни один кандидат Социал-демократической и Молодежной партий не был избран в собрание. Видимость коалиции удалось сохранить только усилиями Чан Кайши, который, по настоянию американских советников, передал представителям коалиционных партий ряд депутатских мандатов, полученных Гоминьданом.

Вступление в действие новой конституции 25 декабря 1947 г. сопровождалось усилением репрессий против демократического движения и запрещением Демократической лиги. 22 декабря 1947 г. гоминьдановское правительство опубликовало чрезвычайный Закон об обеспечении безопасности государства. Согласно этому закону, «всякое нарушение общественного мира и противодействие осуществлению чрезвычайных финансовых мероприятий» гоминьдановских властей следует рассматривать как заговор против безопасности государства, подлежащий рассмотрению в специальных уголовных судах, которые вправе приговаривать к высшей мере наказания.

29 марта 1948 г. открылась сессия Национального собрания (проходила в Нанкине 29 марта – 1 мая 1948 г.). Она состоялась в неблагоприятный для гоминь-

дановского режима период, когда правительственные войска терпели поражения в Дунбэе, в Центральном и Северном Китае. В повестке дня сессии стояли выборы президента и вице-президента республики. Разгорелась ожесточенная борьба за власть, в первую очередь между группировками «СиСи» и «политических наук». Со своей стороны США, осознав обреченность Чан Кайши, надеялись привести к власти гуансийского милитариста Ли Цзунжэня, на которого Вашингтон планировал опереться в Южном Китае в случае краха режима Чан Кайши. Чан Кайши демонстративно объявил об отказе баллотироваться и предложил кандидатуру Ху Ши. Лишь после длительных консультаций Чан Кайши согласился выдвинуть свою кандидатуру при условии предоставления ему, в нарушение конституции, по существу, неограниченной власти. 19 апреля 1948 г. Национальное собрание президентом Китая избрало Чан Кайши.

Избранный президентом КР Чан Кайши с супругой. 20 мая 1948 г.

В мае 1948 г. в условиях ожесточенной вооруженной борьбы между Гоминьданом и КПК коалиционное правительство приняло «Временные правила для подавления мятежа», которые практически отменяли многие статьи конституции и фактически восстанавливали авторитарный режим. Временные правила стали правовой основой деятельности правительства сначала в материковых регионах Китая, а затем на Тайване.

В связи с обострением положения на фронтах гражданской войны Чан Кайши 1 октября 1948 г. вынужден был вновь обратиться к КПК с предложением прекратить огонь и начать мирные переговоры. Уехав на родину (уезд Фэнхуа пров. Чжэцзян) и формально передав бразды правления вице-президенту Ли Цзунжэню, Чан Кайши занялся разработкой планов обороны южного берега Янцзы, Нанкина и Шанхая, которые, как показали дальнейшие события, не смогли улучшить военного положения гоминьдановского Китая.

Между тем внутри Гоминьдана разногласия углублялись. Дело дошло до выдвижения представителями некоторых фракций требования об отстранении Чан Кайши от руководства страной. В целях приостановить наступление войск КПК, выиграть время для восстановления боеспособности правительственный армии, отдельные деятели Гоминьдана с лета 1948 г. предпринимали попытки достичь с КПК соглашения о перемирии и возобновлении мирных переговоров. Эти маневры ни к чему не привели. Оценив ситуацию, Чжоу Эньлай оперативно разработал и направил партийным организациям в гоминьдановских районах директиву от 27 июля 1948 г. «Сорвать коварные происки врага, прикрываемые лозунгами мира». В директиве Чжоу Эньлай призывал не поддаваться гоминьдановской пропаганде по поводу возможного прекращения войны после отставки Чан Кайши.

Перед коммунистическими партийными организациями в гоминьдановском тылу ставилась задача потребовать от тех, кто заменит Чан Кайши, свободы для народа, гарантии жизненных условий, ареста военных преступников, расформирования чанкайшистских войск, отмены «псевдоконституции» и роспуска «лженационального собрания», отказа от американской помощи, удаления американских войск, конфискации бюрократического капитала, проведения аграрной реформы.

Попытка интернационализации китайского внутреннего конфликта, сопровождавшая «мирное наступление» Гоминьдана и чреватая военным вмешательством США в ход гражданской войны в Китае, вызвала необходимость консультаций И.В.Сталина и Мао Цзэдуна (переписка между И.В.Сталиным и Мао Цзэдуном продолжалась с 10 января по 15 января 1949 г.), в ходе которых был разработан согласованный и оптимальный вариант реакции КПК на «мирное наступление» Гоминьдана.

Оглашению КПК восьми условий мирных переговоров сопутствовали заявления СССР о невмешательстве в конфликт и его призыв к Гоминьдану и КПК выходить из создавшейся ситуации самостоятельно, без участия внешних сил. В результате КПК продемонстрировала китайской и международной общественности неизменность своей политической программы, стремление партии к строительству единого демократического Китая. Вместе с тем в ходе переговоров с гоминьдановской стороной КПК конкретизировала свои политические установки относительно практических мероприятий по строительству нового Китая.

21 января 1949 г. Чан Кайши объявил о своей окончательной отставке и о передаче президентских функций Ли Цзунжэню, который на следующий день заявил о готовности вести мирные переговоры с КПК на основе «восьми условий» КПК. 22–24 февраля 1949 г. Мао Цзэдун и Чжоу Эньлай принимали в Сибайпо прибывших из Бэйпина Янь Хуэйцина, Шао Лицзы и других представителей Гоминьдана для предварительного обсуждения вопроса о начале мирных переговоров между партиями. Несмотря на в целом положительный исход переговоров, Национальное правительство отказалось утвердить их итоги, вновь продемонстрировав нежелание идти на компромиссы. Его приоритетом оставалась вооруженная борьба за власть с Компартией.

На фоне исторических событий, связанных с близившимся поражением Гоминьдана в демократической революции, конституционная деятельность Гоминьдана в 1946–1949 гг., осуществлявшаяся под нажимом США (при полном игнорировании военно-политических возможностей и достижений КПК в освобожденных районах), была полностью оторвана от военно-политических реалий. Неблагоприятная для Гоминьдана ситуация усугублялась также отсутствием у него опыта парламентской деятельности. Кратковременная активность партии Сунь Ятсена в начале послесиньхайского десятилетия была явно недостаточна.

Деятельность Гоминьдана в политической сфере характеризовалась при этом усилившимся с 1947 г. давлением США на политический процесс в Китае. Приблизительно с этого времени китайская политика США претерпела заметные

изменения. Помощь Гоминьдану в военной области, различные формы взаимодействия в экономике дополнились более или менее открытым вмешательством в деятельность Национального правительства, прежде всего в кадровом вопросе. В 1948 г. на должность вице-президента под прямым давлением США был избран Ли Цзунжэнь, которого прочили в преемники Чан Кайши в предвидении полного краха последнего.

С конца 1947 г. США включили в планы практической политики в Китае установление контроля над отдельными территориями Китая и лоббирование назначения лояльных США китайских деятелей на должности председателей провинциальных правительств. Председателем провинциального правительства южной пров. Гуандун в 1947 г. был назначен Сун Цзывэнь, председателем правительства пров. Тайвань – Сунь Лижэнь. Обоих в Вашингтоне считали проамериканскими политиками. Южный Китай и остров Тайвань являлись теми районами, которые США в первую очередь стремились взять под непосредственный контроль с целью превращения их при неблагоприятном для Национального правительства течении событий в опорные базы Гоминьдана, а также для создания в этих районах благоприятных условий для деятельности американского капитала. Одновременно американские уполномоченные стали поспешно устанавливать связи с милитаристами, контролировавшими отдельные армии и районы страны, – Янь Сишанем на севере Китая, Ма Хункуем, Ма Буфаном и Махсудом на северо-западе Китая, Ли Цзунжэнем и Бай Чунси на юго-западе. Им передавалось американское оружие и снаряжение.

В установлении связей советников США с местными властями использовались «исключительные права контроля и обследования» на местах, полученные миссией экономического сотрудничества по соглашению о помощи от 27 октября 1947 г. Согласно этому документу, США учредили миссию по оказанию помощи Китаю, правомочную вести наблюдение на местах за производством, торговлей и распределением в Китае.

Через своих советников США имели возможность отслеживать работу Исполнительного юаня, а также деятельность руководителей провинциальных правительств. Они получили право контроля и над наиболее важными ведомствами Нанкинского правительства – министерствами обороны, финансов, юстиции и над таможнями. Официальным американским советником при Комитете по управлению стабилизационным фондом министерства финансов был назначен Артур Янг; генеральным инспектором китайских морских таможен был американец генерал Л.Литтл. В министерстве юстиции в сентябре 1947 г. также был назначен американский советник. Используя все эти формы наблюдения и контроля, госдепартамент США к 1948 г. обладал немалыми возможностями влияния на внутреннюю политику правительства Чан Кайши. Таким образом, характер деятельности представителей США в Китае в конце 40-х годов претерпел существенные изменения по сравнению с периодом Антияпонской войны, а также периодом начала переговорного процесса послевоенного времени. Вовлеченные в перипетии внутренней и внешней политики КР, США постепенно отходили

с позиции невмешательства во внутренние дела Китая, помощи в укреплении его национального суверенитета и в построении новой модели общественно-политического устройства Китая, учитывающей реальные исторические условия в стране.

Трансформация политики США в Китае была тесно связана с американо-китайским взаимодействием в сфере экономики. Усиление влияния США на экономическое развитие Китая, закрепленное в договорах с правительством КР, давало американским деловым кругам возможность воспользоваться преимущественными правами, что препятствовало развитию китайского национального капитала.

Состояние экономики Китая в начале послевоенного периода давало некоторое основание надеяться на ее дальнейшее успешное развитие. Однако все более явными становились и признаки надвигавшегося кризиса. Несмотря на трудности военного времени, гоминьдановский режим, согласно данным некоторых исследователей, обеспечил определенный экономический рост. Вместе с тем имели место серьезные проблемы как в производственной сфере, так и в аграрном, налоговом и административном секторах, выявилась слабость партийно-административного контроля на местах, обозначился рост коррупции на всех уровнях партийной и государственной власти.

Если для политики периода войны Сопротивления было характерно сочетание амбициозных программ национальной реконструкции с ведением боевых действий против Японии, то после окончания войны появились шансы относительно спокойного экономического и политического развития. Гоминьдановское Центральное плановое бюро разрабатывало широкомасштабный проект послевоенного экономического развития и привлечения инвестиций, в котором программа индустриализации была теснейшим образом связана с развитием аграрного сектора. Существенным фактором развития экономики стал переход в руки Национального правительства активов японских оккупационных властей и марионеточных режимов.

Принятие собственности противника проходило в Китае с сентября по декабрь 1945 г., на Тайване – в ноябре 1945 г., в Дунбэе – в мае 1946 г. Всего было принято более 2 тыс. промышленных предприятий оценочной стоимостью около 2 млрд. долл. В итоге государственный сектор превратился в господствующую силу китайской экономики в масштабах всей страны.

Все экспроприированные предприятия попали под контроль Комитета по национальным ресурсам. Национализированы были также и те китайские предприятия, которые вынужденно приняли в разных формах японские капиталовложения, а сами такие компании превратились в государственно-частные. Таким образом, в экономической жизни Гоминьдан сделал попытку перенести на всю страну модель экономического контроля, сложившуюся в Чунцине, и монополизировать командные экономические высоты, расширив государственный сектор за счет иностранного и национального капитала. Если в период Антияпонской войны для развития экономики было характерным стремление к регу-

лированию соотношения частного и государственного секторов и только к концу войны четко обозначились приоритеты государственных монополий в экономике и централизация налоговой службы (ликвидация автономии провинций в этой сфере), то в послевоенные годы, особенно с началом широкомасштабной гражданской войны, захват государством командных экономических позиций стал ведущим направлением экономической стратегии Гоминьдана.

Огосударствление бывшей японской промышленной собственности, сложившейся во многом благодаря экспроприации части китайских предприятий и предприятий западных конкурентов, сопровождалось ликвидацией позиций иностранного капитала в промышленности. По некоторым данным, в 1947 г. сохранилось всего 17 иностранных предприятий, на которых было занято менее 1 тыс. рабочих и капитал которых составлял менее 0,5% всех промышленных капиталовложений страны. Поскольку Гоминьдан отказался от приватизации национализированной вражеской собственности, процесс огосударствления означал также сужение поля деятельности национального промышленного капитала. В руках государства оказалось, таким образом, более $^{2}/_{3}$ промышленных капиталовложений, причем речь шла о наиболее крупных и технически лучше оснащенных предприятиях. От Японии Национальное правительство унаследовало и систему управления хозяйством, основанную на холдинговых компаниях, фактически контролировавших все основные отрасли хозяйства, в том числе и его частный сектор.

В отраслях тяжелой промышленности предприятия Комитета по национальным ресурсам занимали господствующие позиции. На их долю в 1946 г. приходилось 63% мощностей электростанций, 33% добычи каменного угля, 90% производства чугуна и стали, 45% цемента, 100% вольфрама. В конце 40-х годов общий объем национального капитала в промышленности вместе с экспроприированными предприятиями, находившимися ранее под контролем японцев, составил 4,5 млрд. юаней. В то же время значительно уменьшились иностранные капиталовложения в промышленность. Если в 1936 г. они составляли 3,5 млрд. юаней, то в 1946 г. – 2,2 млрд. юаней. Государственный же капитал значительно усилился в первые послевоенные годы. В частности, в 1946 г. в промышленности на долю государственного капитала приходилось 67,3% всего промышленного капитала. В послевоенные годы завершается образование и государственной банковской монополии. Главным банковским органом страны стал Объединенный комитет четырех правительственных банков, действовавших еще в годы войны Сопротивления. Особенно возросла роль Центрального банка Китая. Правительственный контроль распространялся также на 190 коммерческих банков и около 6 тыс. меняльных контор и ломбардов. К концу 1947 г. государственный контроль распространялся на 25 провинциальных, 16 муниципальных и 488 уездных банков.

Государство усилило свои позиции на транспорте, особенно железнодорожном, во внутренней и внешней торговле. Ускоренное огосударствление хозяйства имело неоднозначные экономические последствия. По мнению авторитетного исследователя экономических процессов в Китае А.В.Меликсетова, в первые два

Банкноты КР. Выпуск 1945 г.

года после войны промышленность тех районов, которые надежно контролировались Гоминьданом (прежде всего Шанхайский экономический регион), развивалась весьма высокими темпами, причем государственная промышленность восстанавливалась и развивалась быстрее, чем частная. В Чунцинском регионе поддержание высокого военного уровня производства требовало больших усилий. В районах же, находившихся в зоне боевых действий (прежде всего в Дунбэе), восстановление хозяйства происходило крайне медленно. Как большие различия уровня экономического развития различных территорий, так и бурные внутриполитические события и народные движения значительно ограничивали возможности гоминьдановского государства в сфере стимулирования экономического прогресса. Более того, упорные попытки Гоминьдана любым путем сохранить политическую монополию, нежелание выполнять данные в годы войны обещания следовать демократической модели модернизации страны не только настраивали против Гоминьдана КПК и политические организации промежуточных сил, но и вызывали недоверие различных социальных слоев, в том числе предпринимательских, даже к позитивным инициативам партии и государства в экономической сфере.

Обострившаяся в 1946 г. инфляция быстро подрывала все усилия по восстановлению и развитию хозяйства, отрицательно сказываясь на положении трудящихся. Как и в период войны Сопротивления, ведение Гоминьданом военных действий было главной причиной инфляции и тормозом для достижения положительных результатов в сфере экономики. Подъему новой волны инфляции способствовало значительное увеличение дефицита государственного бюджета в 1945–1947 гг. Гражданская война вызывала рост расходной части бюджета, соответственно – дефицит его доходной части. Дефицит же покрывался прежде всего дополнительной денежной эмиссией, которая и вызывала безудержный рост цен. В 1946 г. ежемесячный рост цен составлял 12%, а в 1947 г. – 26%, быстро возрастал объем денежной массы, падал курс юаня. Росло недовольство трудящихся, предпринимателей, особенно мелких, средней национальной буржуазии, интеллигенции. Экономическая политика правительства, прежде всего мероприятия по огосударствлению хозяйства, воспринималась все более отрицательно. Падение материального уровня населения, особенно тех социальных слоев, которые жили на фиксированные доходы, подрывало авторитет власти. Все это стало подлинной экономической предпосылкой роста оппозиционных настроений среди китайской буржуазии, интеллигенции, массы рядовых служащих.

Для снижения уровня инфляции гоминьдановское правительство отказалось от строгого контроля над импортом и в качестве антиинфляционного мероприятия поощряло его рост. Это сразу же вызвало огромный дефицит внешнеторгового оборота и быстрое истощение государственных валютных резервов, составивших на начало 1948 г. лишь $^1/_2$ уровня 1946 г. Учитывая эти обстоятельства, Национальное правительство в 1946 г. разработало меры контроля над внешней торговлей. Согласно новой политике в этой области, не ограничивался ввоз промышленного оборудования, необходимого для восстановления хозяйства, вводилась система квот и лицензий для импорта сырья, топлива, зерна, сахара, основных потребительских товаров, запрещался ввоз драгоценностей и предметов роскоши. Право на импорт товаров предоставлялось прежде всего государственным организациям – Китайской текстильной компании, Комитету национальных ресурсов.

Тяжелые для Гоминьдана социальные последствия имела его экономическая политика в деревне, важность которой была полностью осознана партией еще на VI съезде в 1945 г. В основе провозглашенной на съезде политики в отношении деревни лежали меры государства по мирному возмездному изменению права собственности на землю, поддержка крестьянина-собственника, осуществление принципа «каждому пахарю – свое поле». Гоминьдан, как и в годы войны, пытался ориентироваться на концепцию Сунь Ятсена в аграрной сфере, попытки реализации которой вновь, как и в конце Антияпонской войны, оказались безуспешными. 29 апреля 1946 г. была принята новая версия Земельного закона 1930 г. Не останавливаясь на подробностях, отметим, что разработчики аграрной политики стремились улучшить положение и арендаторов, и крестьян-собственников, не задевая при этом интересы помещиков.

Лишение провинциальных властей права взимать поземельный налог, т.е. его централизация, продолжение политики взимания поземельного налога в натуральной форме, принудительные закупки зерна по твердым ценам, не учитывавшим фактор инфляции, некоторое снижение арендной платы несколько укрепили позиции государства на рынке. Между тем выплата поземельного налога в натуральной форме и принудительные закупки зерна по заниженным ценам имели далеко идущие отрицательные последствия. Эти меры, по данным многих китайских авторов, означали существенное повышение налогообложения и оказали крайне отрицательное влияние прежде всего и на хозяйства крестьян-собственников, вынужденных передавать государственным чиновникам весь прибавочный продукт, и на арендодателей, выплачивавших государству всю земельную ренту или значительную ее часть. Подобная политика в аграрной сфере разрушала относительно гармоничные отношения сельских собственников и сельских эксплуататоров с гоминьдановским режимом, настраивала их против власти, вплоть до бойкотирования призыва их сыновей в армию Гоминьдана.

Переход в 1947 г. вооруженных сил КПК в контрнаступление и полоса поражений гоминьдановских войск усилили кризис гоминьдановского режима. Рост дефицитного финансирования военных расходов усиливал инфляцию, ставшую «ахиллесовой пятой» экономики гоминьдановского Китая.

Предпринимавшиеся властью административные меры сдерживания инфляции лишь отсрочивали полный развал хозяйственного организма. Так, в феврале 1947 г. был введен контроль над ценами и заработной платой. Устанавливалась высшая планка цен на основные потребительские товары, одновременно замораживалась заработная плата на уровне января 1947 г. Однако к апрелю активизировалась деятельность «черного рынка» со свободными ценами на потребительские товары и иностранную валюту.

Экономическая и финансовая ситуация характеризовалась тем, что $^3/_4$ правительственных расходов покрывались работой печатного станка и за один только год (лето 1947 – лето 1948 г.) денежная масса выросла в 25 раз, а цены поднялись почти в 30 раз. Попытка проведения валютной реформы (август 1948 г.) – выпуск новых банкнот, их принудительный обмен на золото, серебро, иностранную валюту – приостановить инфляционные процессы уже не могла и лишь нанесла последний удар по тем имущим слоям, на которые Гоминьдан еще рассчитывал опереться. Другую сторону неудачной экономической политики характеризовали отсутствие политической мотивации партийно-государственного аппарата и рост коррумпированности всех его звеньев.

Таким образом, гоминьдановская социально-экономическая политика к концу 40-х годов отражала лишь узкогрупповые интересы бюрократической буржуазии и на деле значительно отошла от теоретических построений основателя Гоминьдана – Сунь Ятсена. Создававшаяся как партия общенационального значения, к 1949 г. Гоминьдан предельно сузил свою социальную базу и не мог противостоять Коммунистической партии Китая, получившей поддержку не только обездоленных, но и так называемых промежуточных слоев населения огромной страны.

Характеризуя состояние китайской экономики в послевоенный период, отметим, что в результате гражданской войны в конце 40-х годов проблемы, стоявшие перед китайской экономикой, резко обострились. Немалую роль в разрушении хозяйственного организма сыграла экономическая обособленность различных районов Китая. Монополизация финансов, транспорта, промышленности и торговли гоминьдановской верхушкой наряду с ее незаконным обогащением серьезно подорвали позиции китайского национального капитала. Ведущие позиции в экономике страны занимало сельское хозяйство. Удельный вес промышленности в валовой продукции промышленности и сельского хозяйства составил в 1949 г. 30,1%. При этом основная промышленная продукция, как и раньше, выпускалась мануфактурами и кустарями-ремесленниками.

Беспрерывные гражданские войны и война Сопротивления были одним из важнейших факторов экономической слабости гоминьдановского режима. Способствуя постепенному разрушению китайской экономики, они препятствовали осуществлению любых проектов реконструкции и развития и порой сводили на нет их положительные результаты. К 1949 г. были выведены из строя почти все крупные заводы и фабрики, оборудование на большинстве из них пришло в негодность. В тяжелом положении находились финансы и внутренняя торговля

страны. Непрерывный рост цен, инфляция и нехватка товарной массы были основными чертами экономики Китая. Гоминьдан оказался не в состоянии решить экономические задачи, стоявшие перед страной, подобно тому как это случилось с Пекинским правительством в период господства бэйянских (северных) милитаристов.

Внутриполитическую ситуацию в Китае в конце 40-х годов в значительной степени определяло общественное и демократическое движение, выражавшееся в различных формах. Его развитие отражало и одновременно вызывало рост национального самосознания, определившего в конечном итоге выбор модели развития, предложенной Компартией Китая. Особенность демократического движения в Китае – его тесная связь с патриотическими идеями. Так было в период Антияпонской войны; идеи национального суверенитета занимали важное место и в демократическом движении послевоенного периода. Среди видных деятелей этого движения была и вдова Сунь Ятсена – Сун Цинлин. Еще 27 февраля 1937 г. в еженедельнике "China Weekly Review" она призывала к национальному сплочению перед лицом японской агрессии, требовала ввести демократическую избирательную систему, отменить цензуру, предоставить гражданам политические свободы, выпустить из тюрем политзаключенных, сформировать демократическое правительство. Эти требования оставались актуальными и в послевоенное время. Как и в 30-х годах, в послевоенный период Сун Цинлин выступала против гражданской войны между Гоминьданом и Компартией Китая. 22 июля 1946 г. китайская печать опубликовала ее заявление, разоблачавшее происки Гоминьдана против договоренностей с КПК.

В своей политической деятельности Сун Цинлин тяготела к группе «левых» гоминьдановцев, выступая совместно с такими политиками, как Фэн Юйсян, председатель Контрольного юаня Юй Южэнь, председатель Экзаменационного юаня Дай Цзитао, видный либеральный профессор Ху Ши. В условиях фракционной борьбы в Гоминьдане позиция Сун Цинлин имела немаловажное значение.

В 1947 г. в период обострения политических репрессий британская колония Гонконг/Сянган стала очагом активности оппозиционно настроенных по отношению к Чан Кайши гоминьдановцев. В ноябре 1947 г. они созвали «съезд демократических групп Гоминьдана», в его работе принимали участие некоторые видные гоминьдановские деятели, представители «Товарищеской ассоциации по осуществлению „трех народных принципов"», «Общества содействия развитию демократии». 1 января 1948 г. было объявлено о создании Революционного комитета Гоминьдана и его руководящих органов. Во главе комитета встал Ли Цзишэнь, почетным председателем комитета стала Сун Цинлин, членами Постоянного комитета – Хэ Сяннин, Фэн Юйсян, Ли Чжанда, Тань Пиншань, Цай Тинкай, Чжу Юньшань. Как и в 30-е годы, среди требований этой организации преобладали патриотические мотивы. Декларация новой партии призывала к объединению с КПК и со всеми другими демократическими партиями и группами для свержения диктатуры Чан Кайши, в ней содержался решительный протест против вмешательства США во внутренние дела Китая.

Движение партий и организаций демократической интеллигенции и национальной буржуазии развивалось на фоне антиправительственных и антиамериканских выступлений учащейся молодежи и городского трудящегося населения, протестовавших против непомерного роста цен, произвола и коррупции властей, голода. В декабре 1946 г. – январе 1947 г. в ответ на надругательство американского солдата над китайской студенткой в Бэйпине по всему Китаю прокатилась мощная волна антиамериканских и антиправительственных выступлений. В крупнейших городах страны к началу 1947 г. в демонстрациях и забастовках под антиамериканскими лозунгами приняли участие более 500 тыс. учащихся. Вторая волна студенческих выступлений датируется маем–июнем 1947 г. и связана с резким повышением цен на продукты питания и голодом в гоминьдановских районах. В октябре–ноябре 1947 г. под руководством КПК развернулось массовое движение студенчества против политического гнета и репрессий властей, за демократические свободы. Продолжались студенческие выступления также в 1948 г., причем значительно расширился круг их требований и лозунгов. Выступления студентов являлись важным фактором развития политической обстановки, они влияли на общественное мнение страны, усиливали недовольство различных социальных слоев гоминьдановским режимом.

За первые пять месяцев 1947 г. в 38 городах произошли «рисовые бунты», в которых приняли участие более 170 тыс. человек. Доведенные до отчаяния дороговизной, горожане громили склады риса и полицейские участки. На фоне военных успехов НОА и углубления аграрной реформы в освобожденных районах увеличилось число вооруженных выступлений против властей в сельской местности.

Обогащение правительственной и партийной бюрократии Гоминьдана, в первую очередь членов семейств Чан Кайши, Чэнь Лифу, Кун Сянси и Сун Цзывэня, благодаря присвоению львиной доли средств, поступавших в Китай в качестве иностранной помощи, а также собственности прояпонского «национального» правительства Ван Цзинвэя, японских банков, транспортных и промышленных компаниий на ранее оккупированной Японией территории способствовало нравственному разложению верхушки Гоминьдана. Вместе с тем огосударствление экономики препятствовало торгово-промышленной деятельности национальной буржаузии и уменьшало кредит доверия населения к гоминьдановскому режиму. Как писал американский дипломат О.Клабб, коррупцией была заражена и политическая, и военная администрация, в результате «нация в целом стала предпочитать такое политическое решение спора между Гоминьданом и Компартией, которое позволило бы обеспечить правительству более широкую базу. Такое требование было ближе к позиции коммунистов, чем к позиции националистов». По мнению О.Клабба, «к середине 1947 г. стало очевидным, что народ Китая был близок к окончательному разочарованию в нанкинском режиме и стал восприимчив к радикальным изменениям, считая, что ничто не может быть хуже, чем Гоминьдан».

С начала 1948 г. в Гонконге активизировались и деятели Демократической лиги (образована в 1941 г. под названием Лига демократических организаций; 19 сентября 1944 г. реорганизована в Демократическую лигу Китая; 27 октября 1947 г.

ее деятельность была запрещена гоминьдановскими властями). В январе 1948 г. некоторые ее руководители во главе с Шэнь Цзюньжу на специальном совещании решили возобновить деятельность Демократической лиги и воссоздать ее руководящие органы. 15 января 1948 г. Демократическая лига заявила о своем намерении тесно сотрудничать с КПК и другими демократическими партиями и группами в борьбе против реакционных группировок в Гоминьдане и против политики США в Китае в целях построения мирного, независимого и объединенного Китая.

Как следует из материалов Секретариата ООН, 27 ноября 1948 г. на имя заместителя министра иностранных дел СССР В.А.Зорина была направлена петиция Демократической лиги, под которой подписались представители девяти политических партий. В ней дана обстоятельная характеристика внутриполитического положения в Китае, проанализированы отношения гоминьдановской власти с США, положение Китая на международной арене. Как отмечается в петиции, «без помощи США правительство Чан Кайши не осмелилось бы вести гражданскую войну. Американская помощь, предоставленная Чан Кайши за последние годы, согласно официальным заявлениям, превышает в денежном выражении 4,3 млрд. долларов... Ни единая капля этой помощи не была использована для подъема китайской экономики. Она вся была истрачена на войну против китайского народа или растеклась по карманам гоминьдановских бюрократов, милитаристов и компрадоров».

В петиции осуждалась антикоммунистическая позиция американских официальных лиц. Отмечалось, что китайскому народу «лучше, чем другим, известно, что Китайская коммунистическая партия поступает правильно, распределяя землю среди безземельных крестьян, проводя политику защиты торговли и распространяя преимущества как на нанимателей, так и на работающих. Он убежден в том, что программа [коммунистов] не выходит за рамки демократической революции. Поэтому теперешняя война в Китае является, по существу, войной между народом, [выступающим] за демократию, и режимом диктатуры».

Деятельность ряда политиков в Гонконге/Сянгане влияла на развитие ситуации в Китае лишь косвенно, так как они не имели возможности вести работу на гоминьдановской территории. Однако пропагандистская работа демократических объединений создавала определенную политическую атмосферу, способствовала объединению единомышленников, воздействовала на политическую элиту всего Китая. Ситуация складывалась таким образом, что демократические организации постепенно дрейфовали в сторону КПК, пропаганда которой способствовала такой эволюции.

Религиозная жизнь: буддизм, даосизм, ислам, христианство

После отречения династии Цин ушла в прошлое официальная императорская опека над религиозной деятельностью. Различные конфессии на некоторое время обрели полную автономию. Но этот сегмент общественной жизни китайского

общества был слишком важен, чтобы надолго остаться вне поля зрения новых республиканских властей. Первую попытку установить контроль над религиозными объединениями, главным образом буддистскими и даосистскими, в июне 1913 г. предприняло министерство внутренних дел, подготовив «Временные правила по контролю над монастырями». Следующим шагом правительства в этом направлении стало восстановление ряда цинских законоположений и даже некоторое их ужесточение, о чем свидетельствовали подготовленные в 1915 г. министерством внутренних дел «Правила по контролю над монастырями и храмами».

Сформированное Гоминьданом в апреле 1927 г. Национальное правительство вскоре приступило к разработке государственной политики в религиозной сфере. Гоминьдановская власть, придавая большое значение решению проблем религиозной жизни, с одной стороны, провозглашало свободу вероисповедания, с другой – стремясь ее нормализовать и упорядочить, фактически ограничивало свободу верующих. Это происходило и в силу секуляризации общества, атеистический настрой которого усиливался. Политические лидеры, появившиеся на ее волне, стремились «освободить народ от религиозных оков». Атака на буддизм принимала различные формы, например выражалась в требованиях конфискации монастырских и храмовых наделов, изъятии монастырских доходов на общественные нужды, использовании части монастырских помещений для светских школ, присутственных мест, а также в стремлении к разрушению изображений Будды. С распространением марксизма, ставшего популярным среди части интеллигенции, в Китае начал развиваться атеизм.

Специальный правительственный декрет 1927 г. провозгласил отделение религии от образования. Для того чтобы пройти правительственную регистрацию, светские школы не должны были включать религиозные дисциплины в учебные планы. Эти события вызвали резонанс в религиозной среде. Наиболее негативной была реакция последователей ислама, так как исламское образование практически неотделимо от религиозного вероучения.

В мае 1928 г. в Нанкине прошла национальная конференция по образованию. На ней присутствовало 77 делегатов, главным образом получивших образование за рубежом и не питавших уважения к традиционным китайским верованиям. Участники конференции потребовали конфисковать собственность как крупных, так и малых монастырей, а их доходы направить на развитие образования. Это предложение получило одобрение большинства делегатов конференции, его поддержал также и министр внутренних дел Сюэ Дуби. Все это не могло не вызвать беспокойство в буддийской общине (сангхе). Стараясь обезопасить ее от посягательств сторонников конфискации монастырской собственности, буддийский монах, ученый Юаньин, основал Цзянсу-Чжэцзянскую буддийскую федерацию. Затем он отправился в Нанкин, с тем чтобы выступить против предложений, выдвинутых на конференции. Благодаря его усилиям ни одна из перечисленных выше инициатив конференции по образованию не была реализована. Буддийские авторитеты восприняли это как временную

передышку, но в целом сангха не без оснований испытывала обеспокоенность за свое будущее.

В русле активной государственной законотворческой деятельности в конце 1928 – 1929 г. был введен в действие комплекс нормативных актов, частично регулирующих религиозную жизнь в основном даосизма и буддизма. В 1928 г. гоминьдановское правительство обнародовало нормативный акт, в соответствии с которым брались под защиту пришедшие в запустение находившиеся главным образом в собственности даосов места для совершения молений и культовых обрядов. В этом же и в следующем году был разработан ряд законодательных актов, регулирующих религиозную деятельность приверженцев даосизма и буддизма. Такое общее законодательное решение проблем этих религий можно объяснить их синкретическим единством, сложившимся на протяжении веков. Вначале стали действовать «Правила регистрации монастырей и храмов», состоящие из 18 статей и рассчитанные на регулирование только даосов и буддистов. В январе 1929 г. правительство обнародовало «Правила по управлению монастырями и храмами», а в конце того же года в дополнение к ним – «Правила по контролю над монастырями и храмами», которые оставались в силе вплоть до 1949 г. Разработка вслед за первыми вторых правил объяснялась тем, что в «Правилах по управлению монастырями и храмами» не были упорядочены конкретные вопросы храмовой и монастырской собственности, их финансовой деятельности, а также охраны памятников культуры. Согласно «Правилам контроля над монастырями и храмами» все монастыри и храмы должны были ежегодно заполнять декларацию о доходах и расходах и подавать ее местным властям.

Эти нормативные акты не распространялись на ламаистские монастыри Монголии, Тибета, Синьцзяна и Цинхая, а также на те храмы в собственно Китае, которые были сооружены на личные средства, а не на народные пожертвования (ст. 3, 12). Главной целью «Правил контроля» стало урегулирование проблем монастырской собственности. Так, статьи 5 и 6 повторяли прежние положения о том, что недвижимость монастыря принадлежит ему как самостоятельному объекту религиозного назначения, но при этом подчеркивалась необходимость ее регистрации местными властями. Фактически передача недвижимости в монастырское владение осуществлялась не только после ее санкционирования властями, но и с одобрения местных буддийских ассоциаций. Согласно ст. 10 монастырям предоставлялась возможность вести коммерческую деятельность, частично направляя средства, полученные от нее, на благотворительность и общественные нужды.

«Правила» предъявляли жесткие требования к настоятелям. Основное из них – являться гражданином Китайской Республики. На настоятеля налагалось обязательство использовать получаемую прибыль не только на монастырские нужды и для поддержки религиозной деятельности, но и на распространение буддийского учения. В случае несоответствия этим требованиям, а также серьезных нарушений судьба настоятеля (его замена или назначение нового) решалась в соответствии с внутренними монастырскими правилами. Если же возни-

кали спорные ситуации, то в их разрешении принимала участие местная буддийская ассоциация. Тем самым отменялось положение из правил 1915 г., согласно которым смещение и назначение настоятелей было исключительной прерогативой местных властей.

Таким образом, для сангхи было важно, что в законодательный акт 1929 г. не вошли имевшие ранее место строгие запретительные меры относительно контроля над посвящением монахов, строительством храмов, принятием паломников и т.д. Все это означало, что она получила большую свободу деятельности, которая одновременно подлежала регламентации.

Вслед за введением этих правил начали составляться другие документы, регулирующие религиозную сферу. Но и они затрагивали юрисдикцию только даосских и буддийских общин. В сентябре 1932 г. гоминьдановское правительство, исходя из «Правил по контролю над монастырями и храмами», разработало нормативный акт «Способы ведения монастырями и храмами общественно полезной или благотворительной деятельности». Он был разработан для того, чтобы наладить процесс отчисления монастырями и храмами (даосскими и буддийскими) средств на проведение общественно полезных дел и на благотворительность (образование, содержание престарелых, бесплатное медицинское обслуживание). Денежные суммы должны были направляться в соответствующие правительственные органы дважды в год в зависимости от величины монастырских доходов. Ввиду того что практическая реализация этой меры вызвала ряд сложностей для сангхи, Китайский буддийский союз (образован в 1929 г.) призвал ее пересмотреть. В результате в 1935 г. был введен в действие новый нормативный акт, учитывавший специфику буддийских монастырей и храмов. В результате под обложение попали храмы и монастыри, которые имели низкие доходы, в выигрышном положении оказались более богатые общины.

Органы управления религиозной сферой подразделялись на партийные и правительственные. При ЦИК Гоминьдана был создан отдел по делам религий, которому подчинялись провинциальные, уездные и городские отделы. Что касается правительственных органов, то сначала при министерстве внутренних дел, а затем при министерстве социального обеспечения были созданы органы управления религиозной сферой. В соответствии с этим в провинциях действовали управления при народном правительстве, а на уровне уездов и городов – социальные бюро. В том случае, если эта структура не была сформирована, решением религиозных проблем занимались непосредственно городские или уездные народные правительства. Например, в 1928 г. согласно указу правительства пров. Гуандун были созданы службы, контролирующие религиозную сферу. Именно в их ведении находилось управление буддийскими и даосскими монастырями. Кроме того, в городах в религиозную работу были вовлечены отделы общественной безопасности. Контроль над выполнением разработанных правил вменялся министерству внутренних дел и министерству социального обеспечения. На низовом уровне юрисдикцию в отношении монастырей осуществляли провинциальные бюро по гражданским и социальным проблемам, финансовые

органы по сбору налогов и органы общественной безопасности. Таким образом, функции администрирования религиозной сферы возлагались не на специально созданную структуру, которая так и не сформировалась в гоминьдановский период, а на министерства внутренних дел и социального обеспечения.

В начале 30-х годов стала очевидной необходимость оптимизации руководства новой, возникшей в начале XX в. составной части религиозной сферы, а именно – религиозными объединениями. Поскольку гоминьдановские власти полагали, что эффективно управлять этой сферой можно, только выстроив вертикаль взаимоотношений со стремительно умножающимися в то время надконфессиональными объединениями, принимались меры по их легитимизации. При этом религия рассматривалась как составная часть китайской культуры. Опираясь на введенный в действие в 1929 г. «Проект организации народных объединений», гоминьдановские власти разрабатывали законодательные акты, регулирующие жизнедеятельность религиозных объединений. В январе 1930 г. были опубликованы «Общие организационные принципы объединений культуры», распространявшиеся на религиозные объединения. Им придавался статус учреждений культуры, а их деятельность должна была осуществляться на правовой основе. Практически их права гарантировались отделами внутренних дел и отделами социального обеспечения на провинциальном, уездном и городском уровнях. Религиозное объединение, например буддийское, признавалось официальным посредником между государством и религиозной общиной, став одним из рычагов ведения конфессиональной политики. Таким образом, власти стремились выстраивать легитимные отношения с двумя взаимосвязанными субъектами: с храмами, монастырями, мечетями, церквами и возникшими в тот период различными религиозными объединениями.

Вопросы вероисповедания нашли отражение в Конституции, Уголовном кодексе и в непосредственно затрагивающих жизнь различных конфессий законодательных актах. Ст. 27 Временной конституции 1931 г. провозглашала равноправие граждан перед законом независимо от религиозной принадлежности. Она провозглашала также принцип свободы вероисповедания (он был повторен в Конституции Китайской Республики 1947 г.). При этом речь шла не о религиозной свободе западного образца, а о свободе совести для каждого гражданина Китайской Республики. В УК 1935 г. (ст. 246) содержались меры административного воздействия, определялись штрафы и даже заключение под стражу тех, кто позволял себе оскорбительные высказывания в отношении кумирен, монастырей или церквей.

В отличие от буддизма и даосизма, политика в отношении ислама Гоминьданом фактически не была разработана. Все перечисленные выше нормативные и законодательные акты не распространялись на исламскую общину. Центральная и местная администрация на территориях компактного проживания мусульман (Синьцзян, Северо-Западный и Юго-Западный Китай) была представлена ханьцами, что обусловливало напряженность на межрелигиозной и межнациональной почве, вызывавшую недовольство верующих, а порой также мятежи и вос-

стания. Нагнетанию ситуации способствовали и некоторые непродуманные решения властей начала 30-х годов. Речь идет, например, об уже упоминавшемся исключении религиозных предметов из программ государственных школ, об ограничениях на совершение паломничества (хаджа) в Мекку. Все это способствовало дестабилизации ситуации, в частности в Синьцзяне.

В 1911–1949 гг. в Синьцзяне сменилось четыре авторитарных режима: правление Ян Цзэнсиня, Цзинь Шужэня, Шэн Шицая, а также прямое правление Гоминьдана. 12 апреля 1934 г. провинциальное правительство Синьцзяна, во главе которого с 1929 г. находился Шэн Шицай, обнародовало декларацию из восьми пунктов, в которой были провозглашены шесть политических принципов. В частности, в ней наряду с положениями об установлении и обеспечении мира содержалось требование равноправия национальностей и свободы вероисповедания. Под воздействием декларации, а также процессов, шедших в собственно Китае, на второй провинциальной ассамблее представителей масс была образована Синьцзянская массовая федерация, поставившая перед собой задачу решения этнических проблем. Вслед за этим возникло множество массовых организаций, представлявших различные народности, которые проживали на территории Синьцзяна. Например, была создана Ассоциация для развития уйгурской культуры, которая снабжала тысячи беднейших ахунов (имамов) едой и деньгами.

В связи с сепаратистскими и панисламистскими тенденциями, а также межнациональными конфликтами и внутриобщинной напряженностью на территориях проживания мусульман, усилившимися после Синьхайской революции, гоминьдановское руководство долгие годы проявляло осторожное отношение к исламу, стараясь не вторгаться в жизнь этой религиозной конфессии и вместе с тем заручиться поддержкой мусульманской элиты, что предопределило признание ею Нанкинского правительства. Однако даже избрание в 1928 г. мусульманского военачальника Ма Фусяна кандидатом в члены Исполкома ЦИК Гоминьдана и назначение его членом Национального правительства, а также включение воинских формирований, находившихся под его командованием, в состав НРА не решало комплекса этноконфессиональных проблем Синьцзяна в нанкинский период.

Ситуация в значительной степени осложнялась тем, что населенные мусульманами районы находились в сфере интересов не только Гоминьдана, но с середины 30-х годов также и КПК. Присутствие на территории компактного проживания мусульман войск китайской Красной армии, совершавших бросок на северо-запад Китая, не только вызвало недовольство населения и рост антикоммунистических настроений, но и сопровождалось вооруженными конфликтами между мусульманскими вооруженными формированиями и Красной армией. Все это побудило ее командование разработать определенную политическую линию по отношению к мусульманам, что нашло отражение в специальной директиве. В ней, в частности, предписывалось охранять мечети, не размещаться в них на постой, не уничтожать каноническую литературу на арабском языке, не только уважительно относиться к священнослужителям, но и обсуждать с ними

наиболее важные проблемы. В Заявлении от 25 мая 1936 г. декларировалось, что руководство КПК в соответствии с принципом религиозной свободы для мусульманского (хуэйского) населения выступает в защиту мечетей и имамов. Но в реальной жизни из-за недопонимания значения исламских традиций для местного населения руководству КПК в те годы не удалось преодолеть его враждебность. В результате войска Красной армии в начале 1937 г. были вытеснены отрядами «мусульманских генералов» братьев Ма из пров. Ганьсу, где была восстановлена власть Гоминьдана.

Сдвиги в политике Гоминьдана по отношению к исламу наметились только в конце 30-х годов. Подтолкнула этот процесс Антияпонская война. В 1938 г. была создана Ассоциация мусульман Китая, основными направлениями деятельности которой стали сплочение мусульман под патриотическими лозунгами национального спасения и мобилизации мусульман на сопротивление японской агрессии. На этой волне Ассоциация внесла вклад в решение проблем образования и распространения исламской культуры. Например, после ее обращения к правительству в начале 1939 г. курс культуры и истории ислама был введен министерством просвещения в учебные программы ряда университетов Китая, китайские студенты-мусульмане начали выезжать на обучение за рубеж. Власти делали довольно успешные попытки использовать ислам в своей внешней политике, в частности через мусульман-эмиссаров в арабском мире освещать истинную картину сопротивления Китая японской агрессии.

В октябре 1940 г. при посредничестве Ассоциации мусульман Китая были разработаны «Способы управления мечетями», которые рассмотрело и утвердило министерство внутренних дел. В 1947 г. они были пересмотрены и получили название «Временные способы управления мечетями Ассоциацией мусульман Китая», которые также были утверждены министерством внутренних дел. Согласно этим правилам, образовывались комитеты, в ведении которых находилась деловая активность храмов. Отчеты о финансовой и коммерческой деятельности мечетей надлежало направлять в Ассоциацию мусульман Китая каждые полгода. Мечети могли использовать средства, полученные в результате хозяйственной деятельности, на развитие религиозного образования и благотворительность. Важно подчеркнуть, что Ассоциации мусульман Китая и ее отделениям на местах, а также другим исламским организациям приходилось брать на себя львиную долю функций по управлению различными формами религиозной деятельности в отличие от даосских и буддийских ассоциаций, поскольку ответственность по управлению буддизмом и даосизмом ложилась на правительственные органы. В исламе же только непосильные для Ассоциации мусульман проблемы решались правительственными органами.

Особую позицию занимало государство по отношению к христианским конфессиям – католицизму и различным направлениям протестантизма, которые находились в серьезной зависимости от зарубежных конгрегаций и получали от них значительную материальную поддержку. Гоминьдановское государственное и партийное влияние на христианские церкви и способы управления ими были

крайне ограничены: на них фактически не распространялись разработанные Национальным правительством нормативные акты. Вместе с тем, стремясь упорядочить деятельность зарубежных миссионеров, власти в июне 1931 г., опираясь на «Проект организации народных объединений», разработали и приняли нормативный акт «Способы руководства объединениями зарубежных миссионеров». В соответствии с этим документом предусматривалось, что каждый иностранец, создавший объединение с целью религиозной проповеди, будь то религиозная община (церковь) или молельный дом, должен находиться под руководством партийных органов и под контролем правительства. При этом не допускалась какая-либо пропаганда, противоречившая «трем народным принципам». Устав, комплектование администрации и другие организационные правила надлежало направлять в центральные партийные органы, а после их рассмотрения передавать на утверждение соответствующих правительственных инстанций. Представители местных высших партийных органов должны были участвовать в религиозных конференциях. В деятельности созданных миссионерами учебных заведений и медицинских учреждений необходимо было соблюдать китайское законодательство, затрагивающее эти сферы. В случае его нарушения правительство имело право пресечь деятельность этих объединений. Однако фактически контроль над протестантскими и католическими общинами носил формальный характер.

Особенностью политики в сфере религий на протяжении всего периода правления Гоминьдана был избирательный характер отношения властей к той или иной религии, что фактически вело к известному неравноправию адептов даосизма и буддизма, ислама, католичества, протестантизма, православия, иудаизма.

В первой половине XX в. последователи трех направлений буддизма (ханьского, тибетского, палийского) и даосизма преобладали в количественном отношении среди других верующих Китая. Китайский (ханьский) буддизм и даосизм фактически были компонентами традиционного китайского синкретического триединства (*саньцзяо* – конфуцианство, даосизм, буддизм).

Согласно статистическим данным Китайского буддийского союза (в число обследованных им не вошли провинции Сычуань, Хэнань, Цзянси, Аньхуэй и Хунань), в 30-е годы насчитывалось 267 тыс. храмов и монастырей, 738 тыс. монахов и монахинь. Эти данные несколько расходятся со сведениями известного американского ученого Х.Уэлча, по сведениям которого, в 1930 г. в Китае было 100 тыс. монастырей и 500 тыс. монахов. Он также указывает, что в некоторых из них концентрировалось 400–500 монахов. Другие были столь малы, что в них насчитывалось не более 5 монашествующих. В среднем в крупных монастырях число монахов и монахинь достигало 130 человек. Даосские храмы и монастыри по численности монахов и числу обитателей резко уступали буддийским монастырям. Насчитывалось около 10 тыс. скитов и монастырей, в которых постоянно пребывало приблизительно 50 тыс. человек, последователей двух главных даосских школ: «истинного единства» (*чжэнъи*) и «совершенной истины» (*цюаньчжэнь*).

Буддийские и даосские монастыри и храмы на протяжении веков находились в органической связи с народом, были очагами культуры. Вместе с тем к началу XX в. они представляли собой замкнутые, отчужденные от общественной жизни структуры. Сохранившись в качестве жизнестойкого религиозно-философского течения и вместе с тем комплекса традиционных народных верований, буддизм, как и даосизм, во многих отношениях находился в бедственном положении. Общественные функции служителей этих религий сводились только к совершению погребальных церемоний. Основная часть даосской и буддийской общин оставалась малограмотной, способной на отправление лишь простейших обрядов культа. В силу обособленности от общества в них выветрилось осознание того факта, что традиционные религии являются важной частью китайской культуры. Внешнюю опасность как для даосизма, так и для буддизма представляла также усилившаяся секуляризация в охваченном новыми веяниями китайском обществе. Среди радикально и прозападно настроенных представителей общественности звучали настойчивые требования конфискации даосской и буддийской монастырской собственности. Эта ситуация способствовала мобилизации сангхи, выразившейся в появлении среди монахов и мирян группы деятелей, ратовавших за возрождение буддизма, за более активное участие общины в общественно-политической жизни страны, а также в создании буддийских объединений различного толка и в стремлении создать всекитайскую организацию буддистов. Напротив, в даосизме, почти не реагировавшем на вызовы времени, так и не сложилось реформаторское направление. Между тем стремление передовой части последователей китайского буддизма вырваться из формулы *саньцзяо*, самоидентифицироваться в качестве представителей мировой и самостоятельной религии предопределило вектор буддийского возрождения. Возрождение китайского буддизма состояло не только в активизировавшейся борьбе за развитие буддийской культуры, но и в целом национальной культуры и классической литературы. Возрождение проявлялось и в распространении буддийских памятников письменности, переиздании буддийского канона, введении изучения этой религии в качестве дисциплины в курсы ряда светских высших учебных заведений, в повышении образовательного уровня членов сангхи, в формировании сети религиозных буддийских учебных заведений, в публикации буддийской периодики.

Буддизм. В первой половине XX в. главной чертой лишь только одного из направлений буддизма, а именно китайского, стало его обновление. «Родоначальником возрождения» китайского буддизма, первым идейным вдохновителем его реформирования, популяризатором буддийского учения и воспитателем плеяды выдающихся буддистов по праву считается Ян Вэньхуэй (Ян Жэньшань) (1837–1911) – мирянин, буддийский ученый, просветитель и издатель. Под влиянием идей Ян Вэньхуэя появились его ученики – Оуян Цзинъу, Тайсюй, Юаньин и другие, впоследствии видные буддийские подвижники, монахи и миряне гоминьдановского периода, ориентировавшиеся на реформирование своей религии.

В период резких исторических поворотов и переломов, происходивших в Китае в начале XX в., буддийский монах – реформатор и общественный деятель Тайсюй под влиянием «трех народных принципов» Сунь Ятсена в 1913 г. выдвинул свои три принципа реформирования религиозного вероучения, религиозной системы и религиозной собственности. Он полагал, что буддизм имеет точки соприкосновения с идеологией Сунь Ятсена. Став одним из инициаторов реформы буддизма, в 1918 г. он приступил к разработке темы «буддизм в жизни человека», которой посвятил 30 лет.

Тайсюй в Лондоне. 1929 г.

В апреле 1928 г. Тайсюй выпустил обращение «К революционно настроенным китайским буддийским монахам», в котором впервые изложил содержание нового буддийского учения. Его идеи были сформулированы в ряде выступлений, таких как «Разъяснение значения буддийского учения в жизни человека» (1928 г.), «Буддизм и мораль в жизни человека» (1935 г.), «Краткая история наших буддийских преобразований» (1940 г.).

Одновременно с разработкой темы «буддизм в жизни человека» Тайсюй развернул плодотворную практическую деятельность по ее популяризации. Введенное им понятие «три большие революции в буддизме» на практике означало реформу, направленную на преодоление кризиса традиционного буддизма. Любое реформаторское буддийское движение гоминьдановского периода исходило из этой идеи. В конечном итоге тема «буддизм в жизни человека» нашла отклик у группы буддийской молодежи, костяк которой помимо Тайсюя и Юаньина составили еще около 20 известных во всем Китае буддистов. Они содействовали укреплению буддийских сил, выступавших за преобразования. Благодаря активному участию этих и многих других членов сангхи буддизм преодолевал свою обособленность и вписывался в общественные изменения первой половины XX в.

Целью своей жизни Тайсюй считал не только возрождение и реформирование буддизма в Китае, но и распространение его за рубежом. В связи с этим особое место занимала его миссионерская деятельность во Франции, Англии, Германии и США, а также в Японии, Индии и на Цейлоне, которая дала импульс созданию в будущем Всемирного братства буддистов. Замысел Ян Вэньхуэя – укрепление контактов между Западом и Востоком посредством буддизма – последовательно проводил в жизнь Тайсюй в 20–40-е годы. Его миссионерская активность была поддержана гоминьдановским правительством. После личной встречи с Чан Кайши, который весьма благосклонно относился к инициативам Тайсюя, последний в июле 1928 г. получил официальное одобрение и финансовую поддержку миссионерских поездок за рубеж. План Тайсюя, состоявший в распространении буддийского учения и создании в мире общин последователей этой религии, был частично реализован во время его первого путешествия в Западную Европу, США и Японию, которое продолжалось девять месяцев. Благодаря

финансированию со стороны Национального правительства он оказал реальную помощь уже существовавшим на Западе буддийским группам, а также содействовал возникновению новых буддийских организаций в Англии и Америке.

Среди новых буддийских веяний, появившихся в Китае в новое и новейшее время, были и такие, которые, восходя к оригинальному буддизму, очищая его от наслоений учений различных школ, вместе с тем впадали в некую крайность, ставя под сомнение религиозную сущность буддизма. В качестве примера нельзя не привести концепцию известного сторонника светского буддизма первой половины XX в. Оуян Цзинъу. Этот авторитетный в сангхе мирянин, буддийский ученый, выходец из пров. Цзянси, в юности изучал неоконфуцианство, но позднее увлекся буддизмом махаяны. Сблизившись с Ян Вэньхуэем, он поступил в его нанкинскую школу. После неудачной попытки возглавить дело организационного объединения буддистов в 1912 г. он переключился на исследовательскую и преподавательскую деятельность, а также на публикацию буддийского канона, став одним из продолжателей дела Ян Вэньхуэя. Он был среди организаторов буддийского Института внутреннего учения в Нанкине и возглавил его в 1922 г. Оуян Цзинъу создал концепцию спасения буддизма мирским, а не монашеским путем. Суть его подходов была выражена в тезисе «Буддизм не вероучение, не философия, а система жизненных принципов». Оуян Цзинъу являлся автором 10 чрезвычайно популярных в среде мирян работ.

Паломники на пути в буддийский монастырь Линъинь (Ханчжоу). 30-е годы

Помимо вклада в теоретические разработки и модернизацию буддийского учения Тайсюй и Оуян Цзинъу немало сделали для организационного сплочения буддистов. Они были инициаторами общенационального объединения буддистов, идея создания которого носилась в воздухе сразу после Синьхайской революции. Она объединяла их со сторонниками соблюдения традиций, таких, например, как Юаньин – один из наиболее авторитетных в сангхе буддийских монахов, организатор буддийских объединений и ученый. Юаньин, выходец из пров. Фуцзянь, вступил в сангху в фучжоуском монастыре Гушань Юнцюаньсы, там же принял постриг, а затем начал углубленно изучать буддийский канон и ритуал, знакомился с учением о медитации в монастырях городов Фучжоу и Нинбо. Став глубоким знатоком буддизма, воспитал учеников, сыгравших заметную роль в истории китайского буддизма 30–40-х годов. В 1929 г. Юаньин стал одним из основателей Китайского буддийского союза и его председателем, занимая эту должность семь сроков. Его взгляды как теоретика канонического направления изложены в 20 трудах по буддийской канонической литературе.

Общественную поддержку буддизму обеспечивали группы верующих мирян, процесс образования которых активно проходил в наиболее крупных городах Китая, например в Шанхае. Отличительной чертой этого периода стало выдвижение Шанхая в качестве нового, соответствовавшего духу и задачам возрождения центра буддийской культуры. Шанхай в прошлом не играл сколько-нибудь заметной роли в исторических судьбах буддизма. Однако после Синьхайской революции ситуация изменилась: развитый в промышленном, экономическом, политическом и культурном отношении город занял первое место в стране не только по числу вновь строившихся храмов и кумирен, по быстрому увеличению численности неофитов, но и по сосредоточению там выдающихся религиозных деятелей и представителей буддийской культуры. Шанхай выделялся активностью буддийских обществ различного толка, публикациями буддийского литературного наследия и периодики, созданием как светских, так и религиозных учебных заведений, установлением культурных связей с зарубежными буддистами.

До Антияпонской войны в Шанхае насчитывалось 149 буддийских храмов и монастырей и около 3 тыс. монахов и монахинь. После окончания войны число храмов и монастырей выросло до 250 (по другим данным – до 300), а численность монахов и монахинь увеличилась до 5 тыс. человек. В Шанхае находились такие прославленные в Восточном Китае монастыри, как Лунхуасы, Юйфосы, Цзинаньсы, Баонинсы, Цибаосы, Фахуасы, Гуаньиньсы. Среди построенных в гоминьдановский период храмов и монастырей были монастыри Хайхуэйсы (1930), Цинлянсы (1939), Фацзансы (1924), Фухуэйсы (1939), Чжуанъяньсы (1940).

В Шанхае были представлены и активно действовали все важнейшие школы и направления китайского буддизма. В апреле 1929 г. был создан Китайский буддийский союз (КБС). Это произошло 12 апреля в шанхайском храме Цзюэюань, где состоялось первое заседание Всекитайской конференции буддийских представителей. Деятельность КБС включала организацию благотворительных мероприятий, разработку программы религиозного образования, проповедь буддийских постулатов и создание с этой целью различных пропагандистских и исследовательских обществ.

В 30-е годы основным направлением деятельности КБС оставалась охрана монастырской собственности, атаки на которую то затихали, то возобновлялись. Новая угроза возникла со стороны общества «Содействия образованию за счет храмовой собственности», которое с августа 1931 г. вынашивало планы конфискации монастырской недвижимости по всему Китаю. Юаньин как председатель КБС выступил с протестом, отстаивая право буддистов на свободу вероисповедания и неприкосновенность собственности. Попытки наступления на собственность храмов и монастырей не реализовались только благодаря деятельности КБС. Летом 1932 г. руководство КБС обратилось в Национальное правительство с прошением о его регистрации в качестве общественной организации. Вопрос был решен положительно, и КБС с тех пор действовал на правовой основе. В соответствии со статистическими данными, обнародованными КБС летом 1936 г., на местах насчитывалось около 500 его отделений.

Процесс организационного строительства КБС нарушила начавшаяся летом 1937 г. война Сопротивления. Японцы, развязав широкомасштабную агрессию, отводили в своих захватнических планах не последнюю роль буддизму, который активно использовался в японской внешней политике. В Токио делали ставку, в частности, на КБС и его руководство. Попытки японцев создать китайско-японскую буддийскую ассоциацию, перетянув туда наиболее авторитетных буддистов, однако, оказались безуспешными, так как КБС занял патриотическую позицию.

После инцидента на мосту Лугоуцяо 7 июля 1937 г., ознаменовавшего начало Антияпонской войны, Юаньин созвал в Шанхае совещание, на котором он призвал верующих-буддистов всей страны принять участие в патриотическом движении. Был создан особый Комитет спасения КБС для помощи пострадавшим от войны районам; его председателем стал Юаньин. При шанхайском монастыре Юйфосы из числа молодых послушников сформировался боевой отряд Комитета спасения КБС. Вслед за этим такие же отряды создавались и при других храмах. Шанхайский отряд численностью 200 человек принимал участие в боевых действиях. Положение КБС стало чрезвычайно сложным после занятия Шанхая японцами 12 ноября 1937 г., поскольку этот город оставался местом пребывания Союза. За инициативную роль в создании боевых отрядов, а также за отказ стать председателем китайско-японской буддийской ассоциации Юаньин осенью 1939 г. был арестован. Так и не став коллаборационистом, он после освобождения из тюрьмы занялся организацией буддийских отрядов сопротивления в Ханчжоу, Нинбо и других городах. Однако, будучи скомпрометированным японцами, он в январе 1940 г. отказался от поста председателя правления КБС, а сам союз приостановил свою деятельность в Шанхае.

Одновременно с весны 1938 г. на руководящую роль в буддийском движении вновь стала претендовать группа реформаторов во главе с Тайсюем. Он и некоторые члены правления КБС, перебравшиеся в новую резиденцию Национального правительства – Чунцин, объявили о возобновлении в полном объеме деятельности КБС. После ряда совместных совещаний (лето 1938 г.) члены правления и наблюдательного совета КБС в чунцинском храме Люханьсы приняли решение о том, что возглавить деятельность по обновлению КБС должен Тайсюй. Также рассматривался вопрос о созыве конференции КБС. На практике обновленному правлению не удалось развернуть активную деятельность, все свелось к установлению связей с большинством провинциальных и городских отделений КБС, находившихся в тылу.

Важную роль для роста авторитета Тайсюя сыграло зарубежное турне, в которое он отправился в 1939 г. как глава китайской буддийской миссии доброй воли. Оно субсидировалось Национальным правительством, поскольку одной из задач этой миссии являлось получение поддержки для Китая в странах, где сильным влиянием пользовался буддизм. С ноября 1939 г. по май 1940 г. Тайсюй посетил Бирму, Цейлон, Индию, Малайю. В годы Второй мировой войны, самой разрушительной и жестокой войны XX в., он проповедовал любовь и братство

между людьми. Во время посещения Цейлона у него произошла важная встреча со знатоком палийского канона доктором Г.П.Малаласекерой, в лице которого он нашел верного единомышленника, реализовавшего идею Тайсюя об организации Всемирного братства буддистов и основавшего его в 1950 г.

Лишь в 1945 г. после окончания Антияпонской войны при посредничестве министерств внутренних дел и социального обеспечения удалось вернуться к практическому решению проблемы упорядочения деятельности КБС и его филиалов. 17 декабря 1945 г. оба ведомства утвердили девять буддийских деятелей (в том числе Юаньина и Тайсюя) членами комитета по реорганизации КБС. Утверждено было также правление КБС в составе пяти членов. Сторонники Тайсюя составили большинство в этом комитете. Об официальной поддержке властями сторонников реорганизации китайского буддизма и проводимых ими мероприятий свидетельствовало вручение Тайсюю 1 января 1946 г. гоминьдановского Ордена победы.

Вскоре после этого, 14 февраля, комитет по реорганизации переехал из Чунцина в Нанкин. В апреле Тайсюй представил на его рассмотрение свой план реорганизации. Его главными пунктами стали правовая защита буддийских храмов и монастырей в соответствии с принципом равенства религий и свободы вероисповедания; распространение образования среди монахов и монахинь, их обязательное участие в сельскохозяйственных работах; участие в благотворительных мероприятиях в интересах общества; повсеместная регистрация монахов и монахинь с целью превращения КБС в упорядоченную организацию; разрешение буддистам участвовать в политических движениях; пропаганда учения Будды с целью преобразования общества. Очевидно, что по плану Тайсюя деятельность КБС должна была обрести более яркую общественную окраску. Однако самому Тайсюю, отдавшему столько сил реорганизации китайского буддизма и подготовке новой конференции, не удалось реализовать все эти планы. Он скончался в монастыре Юйфосы в возрасте 59 лет 17 марта 1947 г., не дожив двух месяцев до начала работы конференции.

26–29 мая 1947 г. в Нанкине состоялась первая после окончания Антияпонской войны Всекитайская конференция последователей буддизма, на которой присутствовало 70 делегатов. Конференция обнародовала манифест и пересмотренный устав, а также утвердила «Принципы избрания в отделения КБС», «Правила принятия обетов», «Организационные принципы отделений» и другие документы. Председателем был избран делегат от Внутренней Монголии Чжанцзя – представитель тибетского буддизма.

Руководство Союза теперь находилось в Нанкине и состояло из 11 человек. Отделения, согласно уставу КБС, можно было учреждать в каждой провинции, а их филиалы – в тех местах, где проживало значительное число приверженцев буддизма. Филиалы подчинялись провинциальным отделениям, через которые они получали рекомендации от центрального руководства. В свою очередь, через эти отделения монастыри и храмы могли апеллировать к правительству. Благодаря расширению деятельности КБС повышалась социально-политическая

роль сангхи в целом. Вступавшие в него делились на три категории: монахи и монахини, миряне, коллективные члены (монастыри, храмы, буддийские объединения). Отделения не только занимались пропагандой буддизма, но вели общественную деятельность, например открывали школы и приюты.

В общем русле объединительных тенденций разрабатывались принципы создания отделений во Внутренней Монголии и Тибете. Однако в условиях гражданской войны, захлестнувшей страну, эти планы были лишь частично реализованы. Процесс объединения буддистов шел сверху путем формирования центральных руководящих органов и сети местных (провинциальных, уездных и городских) организаций. Тогда же обозначилась отдаленная перспектива объединения буддистов всех национальных и региональных толков. КБС все же не стал эффективно действующим общенациональным центром главным образом в силу объективных причин – состояния войны и политической нестабильности, дезинтеграции различных частей страны, что вело к самоизоляции местных отделений. Примерно в таком положении буддийская сангха находилась в конце 40-х годов, когда КБС фактически распался, а многие его руководители перебрались на Тайвань или в Гонконг/Сянган.

Заметную роль с конца 30-х годов стали играть те реформаторы буддизма, которым были близки марксистские идеи, в частности монах Цзюйцзань и мирянин Чжао Пучу. Гоминьдановский период хотя и был сложным, но в целом довольно благоприятным для обновления и развития китайского буддизма, что выразилось не только в создании общественных организаций, порожденных сангхой и являвшихся посредниками между ней и государством, но и в повышении образовательного уровня последователей буддизма, активизации просветительской и культурной деятельности. Сангха стала заметным фактором общественно-политической жизни страны. Одним из ярких проявлений деятельности последователей буддизма стала патриотическая работа Китайского буддийского союза во время Антияпонской войны.

Даосизм, как и буддизм, оставался влиятельным традиционным верованием, популярным в народный среде. Он привлекал большое число верующих благодаря разработанной системе и практикам народного целительства, а также гаданий, магии и совершения погребальных обрядов. Но в отличие от буддизма в этой религии не происходило процессов обновления после установления республиканского строя. В целом проявлялась тенденция к конфессиональной замкнутости, хотя эпизодически наблюдалось и некоторое оживление в даосской среде. Даосизм с большим трудом приспосабливался к новым социально-политическим условиям; вернее, фактически отгораживался от общества, чем и объясняется слабая изученность положения этой религии в гоминьдановский период. Большинство духовенства оставалось на весьма ортодоксальных позициях, придерживаясь веры в сакральный характер императорской власти, а, следовательно, не считало легитимной власть Гоминьдана.

Ввиду того что эта конфессия лишена всеобщего организующего начала, даосизм не мог столь же активно откликаться на требования правительственной по-

литики в сфере религий, как буддизм. Этим, а также синкретической близостью буддизма и даосизма объясняется тот факт, что законодательными актами даосизм автоматически присоединялся к буддизму.

В гоминьдановский период в Китае существовало свыше 86 обособленных школ даосизма. Доминировали две главные школы: «истинного единства» (*чжэнъи*) и «совершенной истины» (*цюаньчжэнь*). Остальные последователи этой религии принадлежали к малочисленным школам, которые находились в упадке.

Образовательный уровень даосского монашества был весьма низким, но в целом соответствовал столь же невысокому образовательному уровню большинства последователей этой религии. В то же время для большинства простых китайцев даосизм являлся самой авторитетной и массовой религией. Существовало огромное число даосских подворий и жертвенников, а также самостоятельных бродячих даосских наставников, не поддававшихся официальным статистическим подсчетам. Сравнительно крупные монастыри обладали солидными земельными наделами и недвижимостью, которые облагались налогом. Вместе с тем были сравнительно небольшие малоземельные обители, в которых монахи сами обрабатывали землю и обеспечивали себя пропитанием.

В 30-е годы наблюдались региональные особенности в распространении даосизма. Хотя исторически он был силен в провинциях Сычуань и Шаньдун, однако под напором быстрого роста числа протестантов и католиков наметилась тенденция сокращения численности даосов. Так, в пров. Шаньдун удельный вес даосов в численности населения региона упал до 3%. В пров. Сычуань, согласно статистическим данным 1936 г., всего насчитывалось 75 712 верующих, из них буддистов 44 984, т.е. 60%, в то время как даосов было 12 131 – 16% всех верующих. Особую роль в гоминьдановский период в жизни даосской, так же как и буддийской, общины сыграл Шанхай. В этом современном европеизированном городе в 1912–1937 гг. число даосских подворий достигло 74, что свидетельствовало о 4-кратном росте их числа за сто лет. Согласно данным Китайского даосского всеобщего союза, обнародованным в 1943 г., количество монастырей здесь достигло 117, а общее число последователей даосизма составило 3 тыс. человек.

После Синьхайской революции и в даосизме проявлялась слабая тенденция к организационному оформлению. В 1912 г. в пекинском монастыре Байюньгуань, который был и традиционно остается главным святилищем школы *чжэнъи*, было создано Центральное объединение последователей даосизма во главе с настоятелем этого монастыря Чэнь Юйкунем. Также в Пекине в 1919–1920 гг. были учреждены «Общество просветления и добра» и Международное общество Дао. В 1912–1949 гг. в Шанхае было создано немало организаций, имевших как общенациональный, так и местный статус. Там созывались многие даосские конференции и съезды. В 1927 г. при посредничестве шанхайского городского правительства был основан общенациональный Всеобщий даосский союз Китая. В 1932 г. там же наиболее активные последователи двух ведущих школ –

чжэнъи и *цюаньчжэнь* – основали Китайский даосский союз. Часть его руководства, принадлежавшая к школе *цюаньчжэнь*, размещалась в монастыре Цинсюгуань, а резиденцией деятелей из школы *чжэнъи* был храм Даванмяо.

Даосы шанхайского района Пудун, являвшегося в то время пригородом этого мегаполиса, создали свое объединение, в 1944 г. в Шанхае был основан Китайский всеобщий союз. Оба эти объединения существовали недолго.

В целом Шанхай в гоминьдановский период стал центром последователей школы *чжэнъи*. Большинство храмов и монастырей Шанхая были местом пребывания адептов именно этой школы. К их числу относится, например, один из самых авторитетных монастырей – Байюньгуань, который после Синьхайской революции на первых порах был подворьем знаменитого пекинского монастыря Байюньгуань, а затем обрел самостоятельный статус. С 1929 по 1944 г. его возглавлял авторитетный даос Ли Юнсян. Местопребыванием его стала кумирня Хошэньмяо.

В 1931–1937 гг. в Шанхае создавались даосские учебные заведения «Великого Дао», которые не получили широкого распространения и не укоренились в даосской среде. С целью популяризации даосского учения в 20–30-е годы неоднократно осуществлялось переиздание даосского канона. По инициативе известных даосских ученых и общественных деятелей Чжан Чжумина и Чэнь Иннина с этой целью ежемесячно издавались журналы «Восхождение к добру» (с 1933 г.) (Ян шань) и «Небесный даосизм» (с 1939 г.) (Сянь дао).

Ислам. В гоминьдановский период мусульмане были сосредоточены на северо-западе Китая и вместе с тем их общины были рассеяны по всей стране. Именно региональным фактором в значительной степени предопределялись различия в общественном положении последователей этой религии: тех, кто проживал на окраинах страны в отрыве от традиций китайской духовной и политической культуры, и тех, кто жил во внутренних районах, где доминировали ханьцы и на население воздействовали общественно-политические процессы, характерные для всего Китая. Фактически ислам исповедовали 10 этнических групп: хуэйцы, уйгуры (тюркоязычные), казахи, дунсяны, халки, саласы, таджики, узбеки, баоань, татары. Хуэйцы, уйгуры, халки, казахи, узбеки, татары, таджики составляли в первой половине XX в. абсолютное большинство населения Синьцзяна. Другие – хуэйцы, саласы, дунсяны, баоань были рассредоточены по всему Китаю. Большинство мусульман Китая, кроме шиитов таджиков и небольшой части уйгуров, являлись суннитами, среди которых были приверженцы различных течений и школ, главные из которых Кадирийя (*гадалинье*), Хуфийя (*хуфэйе*), Джахирийя (*чжэхэлинье*), Кубравийя (*кубулинье*).

В первой половине XX в. для всех последователей ислама бытовало название *хуэйцзяо* (религия хуэйцев). Иными словами, нередко *хуэйминь* – китаеязычная мусульманская народность – ассоциировалась вообще с мусульманами. Это была самая большая из всех исповедовавших ислам этническая группа, ее представителей в Ганьсу и Синьцзяне называли дунганами. Они осознавали себя полноправными гражданами, и точно так же их воспринимало китайское государство.

Вместе с тем они вели особый образ жизни, соблюдая запреты и предписания ислама и шариата. Хотя их разговорным языком являлся китайский, имамы и ахуны, как правило, отправляли обряды на арабском языке.

Характерным для хуэйцев было их широкое расселение по всему Китаю при низкой концентрации в местах исконного проживания. Компактные общины хуэйцев существовали буквально в каждой провинции, в каждом уезде. Больше всего – в Нинся, Цинхае, Ганьсу, Шаньси, Синьцзяне, Юньнани, Хэбэе, Хэнани, Шаньдуне, Внутренней Монголии. Хуэйцы селились в больших портовых городах востока и юга Китая. В Шанхае, Гуанчжоу существовало, как правило, несколько мусульманских кварталов. Большая община хуэйцев-ремесленников сложилась в Нанкине. Местом притяжения для них была построенная еще в древности мечеть Цзинцзюэ на улице Саньшаньцзе. Нанкин стал одним из центров традиционного обучения при мечетях. Возникали мусульманские общины также в средних и небольших городах, они сооружали мечети и жили компактно вокруг них. Традиционно мечеть, с имамом или ахуном во главе, являлась тем местом, где мусульмане могли собираться вместе для ведения как религиозной, так и общественной деятельности. Мечети продолжали играть важную роль в укреплении и распространении веры, в религиозных службах и обучении мусульман, будучи в то же время центром образования и воспитания. В мечетях имамы решали внутренние проблемы общины, там отмечались памятные годовщины, там верующие могли получить помощь в решении своих насущных проблем. Обучение в мечетях велось на специфическом языке (*цзинтан юй*), сочетавшем китайскую, арабскую и персидскую лексику и основанном на китайской грамматике. На облике большинства мечетей Внутреннего Китая отразились особенности китайской традиционной архитектуры.

Рост этноконфессионального самосознания, наметившийся после Синьхайской революции среди мусульман, проживавших в районах преобладания ханьцев, происходил уже в гоминьдановский период, тогда же проявлялись и некоторые модернизаторские тенденции в китайском исламе. Особую активность в этих процессах проявили хуэйцы. Они быстрее приспосабливались к изменению политического статуса, характеризовавшегося провозглашенной конституцией свободой вероисповедания, к переменам в экономике и развитию новых форм и методов образования. Инициаторами нового исламского культурного движения стали ученые-хуэйцы, которые пытались, сохраняя религиозные устои, прививать общине новое мировоззрение. Это движение проявилось в борьбе с безграмотностью и в открытии большого числа новых школ при мечетях, которые в отличие от традиционных расширяли свои учебные программы, включая в них светские дисциплины.

В «нанкинское десятилетие» появилась целая сеть таких учебных заведений: число исламских начальных школ составило 400–500, число средних педагогических школ и педагогических училищ – 20–30. Одним из первых (в 1925 г.) начал действовать педагогический институт Чэнда в Цзинани, который в 1929 г. переехал в Бэйпин и играл важную роль в образовательном процессе вплоть до

1949 г. В девизе института «чэндэ дацай» – «формирование нравственности, достижение знаний» – заключалась суть происходивших в те годы процессов. В 1927 г. было создано исламское педагогическое училище в Шанхае, в 1928 г. – исламское педагогическое училище в г. Ваньсянь в Сычуани. В начале 30-х годов открылись средняя школа Миндэ в пров. Юньнань, мусульманское среднее училище (позднее Северо-Западное училище), среднее училище «мусульманского возрождения» (Мусин) в Ханчжоу, исламская школа в Шанхае, школа Юньтин в пров. Нинся, среднее училище Миндэ в Куньмине. Учитывая бесправное положение мусульманских женщин, важно подчеркнуть, что в этот период стали уделять внимание женскому образованию: в 1935 г. в Пекине появилась средняя школа для девочек из мусульманских семей.

Целью деятельности учебных заведений нового типа стало воспитание квалифицированных учителей, которые бы владели не только знаниями по исламу (исламские тексты на арабском языке, Коран и хадисы (предание о поступках и изречениях Мухаммада), исламская философия, этика, закон и история), но и по китайской культуре. Основной курс по исламу дополнялся курсами китайского языка, китайской истории и географии, естественных наук, педагогики, психологии. Выпускникам этих учебных заведений предстояло просвещать хуэйцев, развивать исламскую культуру и повышать квалификацию педагогов, имамов и лидеров мусульманских организаций. Кроме того, после окончания педагогического института Чэнда, некоторые его воспитанники были направлены в Египет для последующего обучения, став первыми зарубежными стажерами в истории китайского ислама.

В самом начале XX в. зародилась еще одна важная тенденция – создание исламских обществ, инициаторами учреждения которых стали имамы-интеллектуалы, получившие образование в школах нового типа. Основной лозунг деятельности этих обществ – «спасение страны, спасение нации, спасение ислама», а главная функция – укрепление единства и связей между мусульманами, развитие научных исследований в области ислама. Первая подобная организация – Китайское мусульманское общество содействия прогрессу (Чжунго хуэйцзяо цзюйцзинь хуэй), инициаторами создания которого в Пекине выступили Ван Куань, Хоу Дэшань и другие. Оно существовало в 1912–1949 гг. Главным в его деятельности, которая активизировалась в гоминьдановский период, стало объединение мусульман, развитие ислама как вероучения, гарантирование государственной поддержки ислама, а также согласие между мусульманами и ханьцами, повышение уровня образования и благосостояния мусульман. К 1936 г. во многих провинциях и городах было основано более 200 отделений Китайского мусульманского общества. Таким образом, оно стало самым известным негосударственным культурным объединением хуэйцев, располагавшим разветвленной сетью отделений. Благодаря инициативе и благотворительной деятельности членов общества было открыто немало мусульманских начальных и средних школ и предприятий, а также осуществлялось издание священных текстов. Существовали и другие организации хуэйцев: Китайский хуэйский союз в Пекине, Китай-

ская исламская культурная ассоциация Шанхая, Исламская федерация Китайской Республики в Нанкине, Тяньцзиньская исламская федерация и Китайская исламская культурная и общинная ассоциация Гонконга/Сянгана. По инициативе представительницы хуэйцев Хэ Вэньюй была создана Шанхайская ассоциация мусульманских женщин. Важную роль в этом сыграл «Исламский журнал для женщин» (Исылань фунюй цзачжи). Появлялись мусульманские благотворительные организации для пожилых людей, например Гуандунское исламское общество. Среди религиозных групп и организаций большим влиянием пользовался Китайский исламский совет предпринимателей, целью которого было развивать связи между мусульманами в Китае и за рубежом, повышать благосостояние хуэйцев, оказывать помощь государству.

Создание и активизация научных исламских обществ и организаций, главным образом молодежных, – другое важное веяние времени. В 1925–1942 гг. в Шанхае действовало созданное по инициативе Ха Дэчэна, Ма Ганхоу и Ша Шаньюя Китайское исламское научное общество. Основными целями его деятельности стали распространение вероучения ислама, развитие образования среди мусульман, обеспечение дружественных связей между мусульманами различных стран, расширение обменов между ними, реализация общественных программ помощи единоверцам. Его руководство учредило редакционный комитет и комитет по переводу канонических книг.

Китайское исламское молодежное общество было основано в Нанкине, его членами были молодые мусульмане, получившие среднее или высшее образование, выступавшие за вовлечение мусульманской молодежи в академическую жизнь. Подобные общества были созданы в Гуанчжоу, Тайюане и Шэньяне. Функционировали также образовательные группы и организации: Исламское общество поощрения обучения (в дальнейшем переименовано в Совет по поощрению образования пров. Ганьсу), Китайское общество поощрения хуэйцев в Нанкине, Исламский совет помощи делу образования в Чандэ (Хунань). Их деятельность была посвящена реформированию обучения в мечетях путем преподавания не только на арабском языке, но и на китайском. Тем самым стимулировался процесс учреждения начальных школ при мечетях, публикации различных исламских рукописей, распространения материалов по исламским знаниям среди тех мусульман, которые не знали арабского языка.

По мере развития мусульманского образования, создания все новых мусульманских организаций началась новая эра в издании мусульманских книг и газет. Педагогический институт Чэнда основал издательство, которое наладило выпуск книг по проблемам ислама и его истории. В Шанхае в 1937–1940 гг. выходила «История ислама» (Чжунго хуэйцзяо ши). В 30-х годах были сделаны также фотокопии множества оригинальных арабских рукописей, в том числе манускриптов Корана. Издавались также книги на арабском языке. Переводы Корана и толкований к нему с использованием общеупотребительной лексики на китайском языке с параллельной иероглифической транскрипцией и арабскими текстами отвечали практическим потребностям распространения исламских знаний в массах.

Пекинский Исламский издательский дом в основном занимался публикацией рукописей и книг, переведенных или написанных известными авторами времени правления династий Мин и Цин (1368–1912). Китайское исламское бюро рукописей публиковало Коран и другие священные тексты на базе издательства в Египте. Это были, как правило, книги с двуязычными параллельными текстами на арабском и китайском языках. Специально для издания рукописей Корана и хадисов, а также различных текстов и книг по исламскому вероучению, праву, этике, арабской грамматике, риторике, привезенных китайскими паломниками из Мекки, было создано бюро при Шанхайском обществе поддержки исламской культуры.

Именно в гоминьдановский период началась сложная и кропотливая работа по изданию полной версии Корана, в результате чего удалось достигнуть ощутимого прогресса в деле его перевода на китайский язык. В 1927 г. в Шанхае была перепечатана часть сохранившегося доступного перевода Корана, осуществленного в конце правления династии Цин Ма Фучу, известным ученым-хуэйцем. В том же году вышел полный перевод Корана на китайский язык, выполненный Ли Течжэном на основе подстрочника на английском языке. В 1931 г. в Шанхае был издан перевод Корана в восьми томах. Выполненный путем сверки с японскими и английскими переводами под руководством Цзи Цзюэми при участии известных ахунов Ли Юйчэня, Сюэ Цзыминя и Фань Канфу, этот перевод представлял несомненную научную ценность. Перевод Корана с комментариями на арабском и китайском языках (фактически – смесь богослужебного языка и разговорного китайского) осуществил известный ахун Ван Цзинчжай, опубликовав его в 1932 г. Дополнительное толкование к китайскому переводу Корана и ранее не переведенные суры вышли в Бэйпине в свет в 1943 г. и затем в 1946–1947 гг.

После Синьхайской революции было положено начало мусульманской периодической печати. В 1929–1949 гг. выпускалось несколько десятков периодических изданий на китайском языке. Большое их число выходило в Шанхае: «Исламский студент» («Исылань сюэшэн») (1931–1935), «Ежемесячник китайского мусульманского научного общества» («Чжунго хуэйцзяо сюэхуэй юэкань») (1926–1929), «Человеческая добродетель» («Жэньдао») (1934–1936), «Исламский журнал для женщин» («Исылань фунюй цзачжи») (1936).

Поиск самоидентификации мусульман проходил в китайской среде на фоне межконфессиональной напряженности, противоречий на религиозной и национальной почве. Это нашло свое выражение в ряде движений против диффамации мусульман в печати, а также в театральных постановках. Бурю протестов по всему Китаю вызвала заметка, опубликованная в июле 1931 г. в журнале «Синь Ячжоу» («Новая Азия»), в которой высмеивался запрет ислама на употребление в пищу свинины. Немногим более года спустя, в сентябре 1932 г., ту же тему затрагивал в заметке «Почему мусульмане не едят свинину?» журнал «Наньфан вэньсюэ» («Южная литература»), которая вызвала протесты шанхайских мусульман. Когда известие об этом достигло Бэйпина, хуэйцы всего Китая решили объ-

Мусульмане за трапезой. Ланьчжоу. 40-е годы

единиться, с тем чтобы выразить возмущение гоминьдановскому правительству. Вскоре сформировалась группа хуэйцев Северного Китая, которая направила представителей в Нанкин. Они вручили правительству петицию с требованием наказать автора заметки и приостановить издание журнала «Наньфан вэньсюэ». Однако пока этот инцидент не был улажен, в Шанхае была опубликована еще одна оскорбительная для мусульман заметка под названием «Маленькая свинья» в издательском доме Бэйсинь. Разгневанные хуэйцы Шанхая также направились в Нанкин, где присоединились к находившейся там делегации с севера. В ответ на их совместное требование Нанкинское правительство, подтвердив провозглашенные во Временной конституции 1931 г. принципы этнического равенства и свободы вероисповедания, прекратило деятельность нарушивших эти принципы изданий и наказало всех виновных. Однако подобные выпады в периодических изданиях имели место и позднее, в 30–40-х годах.

Что касается положения мусульман на северо-западе, там, особенно в Синьцзяне, где «ислам был обществом, а общество было исламом», наблюдалась иная ситуация, сколько-нибудь заметных процессов реформирования или модернизации ислама там не происходило. Это было связано, в частности, с тем, что внедрение республиканской политической системы в Синьцзяне осуществлялось с большим трудом. В те годы в этой провинции абсолютно преобладало мусульманское население, и не только частная, но и общественная жизнь местного населения проходила в соответствии с законами шариата и исламским вероучением. Их нарушение местными властями вызывало стихийные вспышки недовольства.

В Синьцзяне насчитывалось около 10 тыс. мечетей, остававшихся центрами религиозной и общественной жизни. В больших городских мечетях могли молиться одновременно несколько тысяч человек, небольшие сельские и придорожные были рассчитаны на немногих молящихся.

Религиозные общины формировались по клановому принципу. Важной частью их жизни были исламские суды, которые на основе законов шариата разбирали не только религиозные, но и гражданские дела. Традиционно авторитетом пользовались ахуны, советы старейшин. Мечети облагали общину особым налогом, который обеспечивал постоянный доход служителей культа. Земельные наделы мечетей и религиозных общин также были источником дохода. Обладателями немалых земельных наделов являлись и последователи мистических традиций, объединенных в суфийские тарикаты. Их общины отличались своеобразной социально-экономической централизованной структурой – *мэньхуан*, ядром

которой являлась мечеть, принадлежавшая суфийскому направлению. Они, как правило, объединяли хуэйцев, дунсянов, саласов и баоань. Иерархи суфийских тарикатов обладали неограниченной властью в Синьцзяне.

Отличительной чертой китайского **христианства** в 1928–1949 гг. являлся неуклонный рост его независимости от зарубежных центров. После революционных событий 20-х годов критика в адрес христианства начала смягчаться, важным символическим событием стало решение Чан Кайши принять протестантизм. В декабре 1927 г. он женился на Сун Мэйлин (сестра жены Сунь Ятсена). Чан Кайши ознакомился с протестантизмом под влиянием супруги и ее семьи, принадлежавших к американской методистской церкви. Чан Кайши принял крещение в октябре 1930 г., религиозные мотивы жертвенности и страдания в его личных записях и публичных выступлениях заметно усилились после Сианьского инцидента 1936 г.

Христианская семья с Библией. 20–30-е годы

Со второй половины 30-х годов Чан Кайши выступал с проповедями, в которых подчеркивал важность веры для спасения нации и характеризовал Христа как лидера национальной, социальной и религиозной революции. Чан Кайши уподоблял сопротивление Китая японской агрессии борьбе иудеев против римского владычества, сопоставлял гоминьдановское «движение за новую жизнь» с попыткой Христа обновить религиозную жизнь еврейского народа. Во время войны он подчеркивал мотивы покаяния и искупления, уделял внимание развитию дела проповеди и молитвы для солдат, приводил жизнь Христа как пример самопожертвования.

Путь мировоззренческой эволюции от культурной адаптации к поддержке революции можно проследить на примере протестантского теолога У Лэйчуаня (1870–1944), занимавшего в 1929–1934 гг. пост ректора Яньцзинского университета, который был создан на деньги США. До начала 30-х годов его более всего интересовала проблема соединения христианства и конфуцианства. У Лэйчуань призвал образованных китайских христиан поддержать коммунистов, отмечая, что их планы уничтожить частную собственность близки христианским идеалам. Его сменил на посту ректора Л.Стюарт, будущий американский посол в Китае.

С началом полномасштабной войны с Японией протестантские организации проводили большую работу по оказанию помощи больным и раненым, собирали пожертвования на военные нужды, помогали эвакуированному мирному населению. В 1941 г. японцы интернировали около 1,2 тыс. британских и американских миссионеров, после двух репатриаций к июню 1945 г. в концлагерях оставались 766 миссионеров. Многие иностранцы покинули Китай, и протестант-

ских миссионеров осталось не более тысячи, что снизило зависимость китайских верующих от зарубежного руководства. Весной 1942 г. была создана контролируемая японцами «Объединенная ассоциация протестантизма Северного Китая», ставившая задачу «освобождения» китайских протестантов от связей с англо-американскими церквами. Формально эта организация провозглашала лозунг «трех самостоятельностей», но ее возглавлял японский пастор.

Давлению оккупантов не поддался Ван Миндао (1900–1991), проводивший с начала 30-х годов в Бэйпине домашние молитвенные собрания. В 1937 г. он без иностранной поддержки создал собственную церковь «Христианская скиния». Ван Миндао подчеркивал индивидуальность спасения, буквальность истин Библии и невозможность построить идеальное общество на земле руками грешных людей, призывал последователей ограничить общение с «неверными». Обращение к фундаменталистской теологии стало реакцией на распространение среди китайских протестантов либеральных течений. В 1942 г. Ван Миндао отказался присоединиться к прояпонской ассоциации на том основании, что его церковь уже является полностью самостоятельной и независимой от западной опеки. Несмотря на давление и шантаж со стороны оккупантов, «Христианская скиния» продолжила существование, впрочем, из-за строгих требований к верующим число ее последователей в конце 40-х годов не превышало 1 тыс. человек.

Консервативные течения в западной теологии повлияли на эволюцию взглядов протестантского мыслителя Чжао Цзычэня (1888–1979). В 20-е годы он был главой религиозного колледжа Яньцзинского университета и профессором Цзиньлиньской семинарии. Поначалу он полагал, что христианство и китайскую культуру объединяет признание общих моральных ценностей, хотя устойчивость конфуцианству может придать лишь идея внеприродного христианского Бога. Сначала Чжао Цзычэнь был протестантом-методистом, но потом стал англиканином, приняв сан в 1941 г. в Гонконге/Сянгане. Тогда же его арестовали оккупационные власти за «антияпонскую пропаганду», он провел в тюрьме около года.

После этого Чжао Цзычэнь разочаровался в своем прежнем увлечении антропологической теологией и рационализмом. Он отверг либеральные устремления китайских протестантов, концентрировших внимание лишь на этическом учении Иисуса Христа и тем самым «превративших его в Конфуция». В работах 1947–1948 гг. («Истолкование христианства», «Житие св. Павла», «Четыре лекции по теологии») он обратился к неоортодоксии и теологии откровения, отказавшись от критического толкования Библии и подчеркивая уникальную руководящую роль христианства в жизни общества. В 1948 г. на ассамблее в Амстердаме его избрали одним из шести заместителей председателя Всемирного совета Церквей.

В годы войны с Японией будущий лидер патриотического движения китайских протестантов У Яоцзун (1893–1979) разочаровался в пацифизме и пришел к выводу, что христианство является революционным учением. Он встал на сторону коммунистов и призывал китайских протестантов отказаться от бессознательно принятой на себя роли «орудия империализма и его агрессии в сфере

культуры», осуждая при этом западных протестантов за поддержку капиталистического общества. У Яоцзун полагал, что в условиях перехода к социализму пришло время новой реформации христианства, его очищения от «реакционных» общественных взглядов и консервативных теологических воззрений.

После завершения Второй мировой войны в Китай прибыло значительное число иностранных миссионеров, в конце 1947 г. их было около 3,5 тыс., более 60% – американцы. Всекитайская протестантская ассоциация в декабре 1946 г. в Шанхае провела свою 13-ю конференцию. Был провозглашен лозунг «трех лет энергичного продвижения», нацеленный на увеличение числа верующих, укрепление жизнеспособности и единства церкви. На фоне обострения политической борьбы внутри страны в 1948 г. Ассоциация выступила с воззванием, подчеркивая, что церковь занимается религией, а не политикой, оценивает моральное развитие государства, а не политический строй, выступает в защиту индивидуальной свободы и выступает против того, чтобы личность приносили в жертву классовой борьбе. К 1949 г. в Китае было 835 тыс. протестантов и более 6,5 тыс. протестантских церквей.

Для китайской католической церкви нанкинское десятилетие началось с официального признания Ватиканом гоминьдановского правительства, которое направил 1 августа 1928 г. папа Пий XI. В январе 1929 г. апостолический делегат Чельсо Константини встретился в Нанкине с Чан Кайши и лично вручил ему телеграмму понтифика. Однако установление дипломатических отношений произошло лишь полтора десятилетия спустя.

Спорной страницей в дальневосточной политике Ватикана стало установление в феврале 1934 г. отношений с Маньчжоу-го. Прибывший от Парижского общества зарубежных миссий епископ бывшей Цзилиньской епархии Огюстен Гаспе стал представителем Ватикана при правительстве Маньчжоу-го. Католические историки отмечают, что формально это не означало признания государства, поскольку папский престол не направил в Чанчунь ни апостолического делегата, ни нунция и Гаспе был назначен ватиканской Конгрегацией пропаганды веры, отвечавшей за миссионерскую деятельность и не уполномоченной решать дипломатические вопросы.

Гаспе добился пересмотра существовавшего с XVIII в. папского запрета китайским католикам «суеверно» поклоняться Конфуцию и предкам. Соблюдение этой нормы стало опасным после того, как в Маньчжоу-го был введен обязательный для подданных культ Конфуция, а основанный на конфуцианстве «царственный путь» был провозглашен государственной идеологией лояльной японцам монархии. В марте 1935 г. министерство образования Маньчжоу-го сообщило в ответ на запрос Гаспе, что поклонение Конфуцию не имеет религиозного содержания и является гражданским мероприятием. В 1935 г. разрешение поклоняться Конфуцию и предкам получили от Ватикана католики в Маньчжоу-го, а в декабре 1939 г. это право было распространено на весь Китай.

В 1942 г. Ватикан установил дипломатические отношения с Японией и с правительством Китайской Республики. Китай немедленно отправил своего посла

в Ватикан, однако встречного шага со стороны Папского престола не последовало, и прибывший еще в 1939 г. апостолический делегат епископ Марио Дзанин продолжал исполнять свои обязанности. Лишь после поражения Японии во Второй мировой войне в Китай в 1946 г. прибыл первый посол Ватикана итальянский архиепископ Антонио Рибери.

Католический собор в районе Сюаньумэнь. Пекин

В 1947 г. китайским послом в Ватикане стал известный правовед У Цзинсюн (1899–1986). В юности он стал протестантом-методистом, изучал право в США и Европе, в 1933 г. был одним из ведущих участников работы над проектом конституции Китайской Республики. Он занимался сравнительным изучением правовых традиций Китая и Запада, стремился проследить воздействие на право китайского мировоззрения и морализма. В 1937 г. он стал католиком и заинтересовался проблемой соотношения христианства и китайских учений. Он считал Конфуция теистом, для которого Небо было синонимом Бога, отождествлял конфуцианскую гуманность и христианскую любовь, искал христианские мотивы в неоконфуцианских идеях единства мироздания. В 1949 г. У Цзинсюн уехал в США, где в том же году вышла его книга «От конфуцианства к католицизму».

Заметную роль в диалоге католицизма и китайской культуры сыграл Лу Чжэнсян (1871–1949). В конце XIX в. он служил в китайском посольстве в России, после Синьхайской революции был министром иностранных дел, в 1919 г. стоял во главе китайской делегации на мирной конференции в Версале. Жизнь Лу Чжэнсяна изменилась в 1926 г. после смерти его супруги-бельгийки Берты Бови, с которой он сочетался браком в 1899 г. в Петербурге. В 1927 г. он стал монахом ордена бенедиктинцев в бельгийском городе Брюгге, в 1935 г. был рукоположен в сан священника. В эти годы он искал в католицизме путь к постижению связи человека с Богом, которая лишь бегло обрисована в конфуцианском ритуале поклонения Небу. Лу Чжэнсян изложил свой духовный опыт в книге «Пути Конфуция и Христа» (1948 г.), в которой объявил себя конфуцианцем, разделяющим китайские нормы моральной жизни, и вместе с тем католиком, нашедшим в христианстве возможность полностью выразить моральные идеалы и постичь таинства Неба, перед которыми отступали китайские мудрецы.

В 1946 г. епископ Томас Тянь Гэншэнь (1890–1967) первым в истории китайского католицизма был возведен папой Пием XII в сан кардинала. В том же году Ватикан создал в Китае полноценную церковную иерархию. Были учреждены 20 церковных провинций во главе с архиепископами, среди которых было 17 иностранцев и 3 китайца. Из 137 созданных тогда епархий 110 находились

под управлением иностранных епископов, что означало сохранение высокой степени иностранного контроля над жизнью церкви. Число китайских католиков превысило к тому времени 3 млн. человек.

В 1947 г. в Шанхае была создана Католическая ассоциация по церковным делам, ее исполнительным секретарем стал епископ Джеймс Эдвард Уолш из американского миссионерского общества Мэринол (Maryknoll). Новая структура была призвана координировать миссионерскую, культурную, социальную и образовательную деятельность церкви в масштабах всей страны. В разгар гражданской войны Ватикан открыто выступал на стороне гоминьдановцев и жестко порицал коммунистов. Впоследствии это привело к разрыву отношений между папским престолом и КНР, власти которой поддержали независимую от Ватикана Патриотическую католическую церковь.

Православная церковь. Шанхай. 20–30-е годы

Во главе 19-й Российской духовной миссии (1931–1933) после кончины 28 июня 1931 г. епископа Иннокентия (Фигуровского) встал архимандрит Симон (Виноградов). Это назначение оспорил китайский священник Сергий Чан, потребовавший от правительства в Нанкине назначить его главой Духовной миссии. Он утверждал, что хочет создать церковь для китайцев и вести среди них проповедь, обвиняя Миссию в односторонней ориентации на нужды русских. Однако опыт постепенной передачи в китайские руки церковного руководства общин протестантов и католиков было невозможно воспроизвести в огромной православной общине, состоявшей почти исключительно из этнических русских. Китайское правительство формально назначило Сергия Чана (Чан Фу) главой Миссии, но сопротивление российского духовенства остановило эту попытку «китаизации сверху».

В феврале 1933 г. Зарубежный синод назначил епископа Виктора (Святина) главой 20-й Миссии. После победы СССР в Великой Отечественной войне среди значительной части эмигрантов выросли симпатии к покинутой Родине. В июле 1945 г. на Епископском совещании в Харбине было решено просить патриарха Алексия I о переходе в каноническое подчинение Московской патриархии, воссоединение с ней произошло в декабре. В мае 1946 г. Зарубежный синод создал самостоятельную Шанхайскую епархию, во главе которой встал епископ Шанхайский Иоанн (Максимович), вышедший из подчинения владыке Виктору.

Раскол между двумя православными церковными юрисдикциями в Китае завершился с окончанием гражданской войны. Весной 1949 г. епископ Иоанн отбыл вместе со своей паствой на Филиппины и далее в США. Епископ Виктор стал гражданином СССР и остался в Пекине во главе Миссии. В 1956 г. он уехал в СССР, где был возведен в сан архиепископа Краснодарского и Кубанского (в 1961 г. – в сан митрополита). По состоянию на 1949 г. в Китае действовало 106 православных церквей, в том числе около 50 были сосредоточены на северо-востоке. Число китайских православных достигало 10 тыс. человек.

Положение женщин

Развитие Китая и его столкновение с западной цивилизацией привели китайских реформаторов конца XIX в. к пониманию необходимости участия женщин в перестройке страны. Это понимание открыло дорогу в Китай и идее феминизма как общественно-политического движения, направленного на получение женщинами всей полноты гражданских прав.

Предыстория проникновения идей феминизма в Китай непосредственно связана с деятельностью в Китае западных миссионеров. Христианство, проповедуя индивидуальные взаимоотношения человека и Бога, ставило их несравненно выше внутрисемейных отношений, соответственно вырывало женщину из круговорота семейной китайской жизни. Существенна и активность христианских миссионеров в сфере образования, особенно образование женщин. Именно с создания миссионерских школ для девочек (1844) некоторые исследователи начинают отсчитывать историю «женского вопроса» в Китае. Эти девочки впоследствии становились женами новых политиков, бизнесменов Китая; они были подготовлены к общению с западными женщинами и учились многому, общаясь с ними как в самом Китае, так и выезжая вместе с мужьями за границу (жены Сунь Ятсена и Чан Кайши также учились в таких школах). В них обучались и девочки из бедных семей (вначале именно таких детей начали опекать миссионеры). Окончив миссионерские школы, многие из них становились активными общественными деятельницами, выступали за эмансипацию женщин.

Нельзя не упомянуть в связи с этим и о деятельности японских просветителей. С 1898 г. в контексте идей паназиатизма представители либеральной японской интеллигенции создали «Общество единой культуры Восточной Азии» для посредничества Японии «между достижениями европейской цивилизации и китайским обществом». Общество содействовало выпуску новых китайских газет, распространению японской литературы на китайском языке, организации учебы китайской молодежи в Японии. Некоторые из выпускниц специально созданных для китаянок школ, вернувшись из Японии в Китай, сами открывали школы для девочек, читали вечерние лекции для взрослых, собственным примером воспитывали «новых гражданок» – образованных, законопослушных патриоток, вносящих свой вклад в обновление страны.

Следствием миссионерской деятельности было создание первых женских организаций по образу и подобию традиционных для западного христианства. Некоторые из них становились женскими дискуссионными клубами, где обсуждались и формулировались первые требования китайских женщин, добивавшихся права на образование и получение профессии. Женщины делились своими знаниями, в том числе полученными при общении с иностранками, услышанной от мужей информацией, а затем по семейными каналам доносили «общественное мнение» для сведения тех же мужей или отцов – китайских функционеров.

Важным фактором изменения атмосферы в обществе являлась активная деятельность в стране по переводу западной литературы. Диапазон переводимой

литературы был очень широк, а количество переведенных произведений – исключительно велико. Литература Запада привлекала китайских реформаторов, прежде всего, новизной идей, иными представлениями о мире и обществе, описанием необычных привычек и обычаев. Переводы романов, драм и, естественно, публицистики сопровождались предисловиями, дававшие китайцам возможность не только узнать, но и понять новое, а также использовать его для обновления общества (яркий пример – вступительные статьи Линь Шу к романам таких западных писателей как А.Конан Дойл, Ч.Диккенс, В.Скотт).

Число женщин, вовлеченных в процесс обновления страны, было незначительным. Идеология феминизма распространялась лишь в крупных городах. Однако появились предпосылки для зарождения нового мировоззрения в китайском обществе (пусть и чрезвычайно малой его части). Создавались условия для формирования у женщин иной самооценки, чувства собственного достоинства.

Не касаясь различных теорий общественно-политической мысли, следует отметить, что в среде китайских реформаторов конца XIX в. почти каждый политический или общественный деятель высказался против той или иной формы дискриминации китайских женщин, так или иначе указав на необходимость их освобождения и нового определения роли женщин в обществе. Так, Кан Ювэй в 1883 г. выступал против бинтования ног (к нему по этому вопросу примкнул, вернувшись из поездки в США, Лян Цичао и некоторые другие деятели). Кроме констатации пагубных последствий бинтования ног, утверждалось, что у женщин в случае отказа от этого обычая появится возможность активно работать, что будет способствовать обогащению нации во всех сферах и пойдет на пользу роста ее военной мощи. Нельзя сбрасывать со счетов и одновременно развернутое женами иностранцев «движение за естественные ноги». Ху Ши писал в «Китайском возрождении» в 1934 г.: «В течение десяти долгих столетий по странному извращению эстетического вкуса забинтованные ножки у китаянок считались красивыми. Понадобилось всего лишь несколько десятилетий общения с иностранцами и их идеями, чтобы китайцы поняли безобразность и жестокость этого обычая».

Лян Цичао в 1896–1897 гг. в газете «Шиу бао» в рамках дискуссии о реформах особенно активно выступал за право женщин на получение образования, необходимого для их участия в производительном труде. Он опровергал мнение о том, что необразованные женщины более добродетельны, а также считал, что образованные женщины помогут воспитать образованное и здоровое новое поколение.

Тань Сытун критиковал традиционную мораль, активно выступал за сексуальную либерализацию, призывал уничтожить тот ханжеский покров, которым конфуцианцы обычно прикрывали половые отношения. Он настаивал, что различие между полами не столь важно, главное, что и мужчина и женщина – человеческие существа, и в этом они равны.

Кан Ювэй в «Книге о великом единении» (Датун шу, 1900 г.) предлагал защитить независимость женщин. Он считал, что отношения между мужчинами и женщинами должны основываться только на любви.

Вовлечение нового социального слоя индустриальных работниц-женщин (в частности, в шелкомотальной отрасли) в политические движения явилось составляющей нарождавшегося женского движения в стране. В Китае появилась и женская пресса. Женщины, проникнутые в той или иной мере идеями равноправия, стремились донести до своих соотечественниц понимание пользы образования не только в финансовом отношении – возможности увеличить доход семьи, – но и для того, чтобы добиться самостоятельности, что должно было способствовать достижению бóльшего согласия в семье. Сведения о подобных изданиях противоречивы и приблизительны. Первые газеты, адресованные «женщинам и трудящимся», издавались уже в 70–90-е годы XIX в. Женских журналов было больше, чем газет. В 1902 г. дочь одного из реформаторов первой волны начала издавать в Шанхае ежемесячную «Нюй бао» (Женская газета). В 1906 г. известный публицист, революционерка и активная сторонница развития женского образования Цю Цзинь начала издавать «Чжунго нюй бао» (Китайская женская газета; ее редактором был мужчина). Половина материалов публиковалась на разговорном языке, вторая – на литературном, что, как предполагалось, должно было послужить повышению образовательного уровня женщин. В журнале печатались переводы, сведения об известных женщинах мира, данные об отечественных и зарубежных школах; разъяснялось все о независимом браке, о правах женщин; для повышения тиража включались полезные советы, сведения о моде. В первом номере в «Обращении к сестрам» Цю Цзинь декларировала, что журнал имеет целью «объединение женщин в коллектив, который станет основой для будущего союза женщин Китая». В силу финансовых и прочих причин выпуск большинства журналов прекращался после издания третьего или четвертого номеров.

С точки зрения пропаганды идей феминизма особняком стоит печатный орган анархистов – выходивший с 1907 г. в Японии «Тяньи бао» («Естественный закон»). Его официально издавал женский коллектив «Общество новых женщин Китая» во главе с Хэ Чжэнь, приехавшей в Японию с мужем Лю Шипэем – известным общественным деятелем, в тот период примкнувшим к анархизму. По социальной направленности и подбору авторов журнал выходил за рамки чисто феминистского издания. Существует точка зрения, что именно анархисты начали борьбу с «тяжким наследием – приниженным положением женщины». Не создав сколько-нибудь оригинальной теории, они ориентировались на европейских и американских идеологов феминизма. В борьбе за равноправие с мужчинами «Тяньи бао» не предлагал иных форм, кроме отказа брать фамилию мужа, совета записывать ребенка на фамилию матери, что в целом не находило отклика у читателей. Констатируя, что подавляющее большинство получающих образование женщин принадлежало к богатым и знатным семьям, Хэ Чжэнь выступала против участия женщин в политической жизни, против предоставления им избирательного права, поскольку считала, что это приведет лишь к фиктивному участию в политике незначительного числа женщин. Как она утверждала, к гнету мужчин добавится гнет привилегированных женщин. Именно поэтому одно

из изданий анархо-синдикалистов «Минь шэн» («Голос народа», издавалось в Гонконге/Сянгане) призывало в 1914 г. «в первую очередь обеспокоиться созданием школ для женщин из народа».

Как до, так и после Синьхайской революции для феминистского движения было характерно определенное игнорирование условий жизни женщин «из низших слоев». Идеи феминизма разделяли прежде всего социально и политически активные женщины, преимущественно из образованных, состоятельных семей.

В первых документах Синьхайской революции проблемы равноправия женщин не затрагивались. В Законе о Национальном собрании (от 12 марта 1912 г.) записано, что «членом Национального собрания может быть любой гражданин КР мужского пола, достигший 25-летнего возраста». Чрезвычайно важное значение для развития феминизма в Китае имели «движение за новую культуру» и «движение 4 мая» 1919 г. Нельзя переоценить введение разговорного языка байхуа, на котором начинает издаваться значительное количество газет и журналов, в том числе и специально женских. В Китае практически рождается журналистика, формируется круг читателей, появляются литературные приложения к журналам. «Газетная лихорадка» вовлекла в общественную жизнь широкие слои населения, прежде всего студенчество и молодую китайскую интеллигенцию, способствовала формированию общественного умонастроения.

Более активно, чем прежде, осуществлялась работа по переводу западной литературы, как художественной, так и философской, одновременно создавалась собственная литература нового типа. Ху Ши и Чэнь Дусю, обращаясь к читателям журнала «Синь циннянь» (1918 г.), писали: «Старая литература, старая политика и старые этические нормы всегда принадлежали к одной семье; нельзя низвергать одно, сохраняя другое...» Значительным достижением в развитии литературы стало «открытие личности», индивидуальности, внутреннего духовного мира. Особенно популярны в Китае были произведения Г.Ибсена, которые и в Европе считались новым словом в деле эмансипации женщин. Его пьесу «Кукольный дом» не только читали, но даже ставили на школьных сценах. Главное действующее лицо пьесы, Нора, не просто становится героиней китайских женщин, ей пытаются подражать в жизни, а в новой китайской литературе создается целая галерея подобных образов.

Одной из знаменательных тем новой китайской литературы стала проблема пола, решаемая весьма смело, порой с элементами, заимствованными из гангстерско-порнографической продукции США. Произведения этой тематики становились бестселлерами, независимо от таланта автора, поскольку для китайской молодой интеллигенции проблемы межличностных, новых семейных отношений, брака были поистине выстраданными, особенно для женщин, так как в реальной жизни брак делал невозможным любые помышления о правах и свободах женщины. Часто борьба женщин против бесправия выливалась в борьбу против брака вообще, вплоть до создания тайных обществ борьбы против насильственных браков.

Движение за эмансипацию китайских женщин, начавшееся еще на рубеже XIX–XX вв., постепенно стало частью процесса эмансипации нации. Феминизм

в такой ситуации не разработал логики собственного развития. В условиях постоянной внутриполитической борьбы и гражданских войн изменился акцент во внутриполитических дискуссиях. В 20-х годах активистки женского движения в Китае примыкали к политическим партиям, Гоминьдану или КПК. Женщины добились лишь формального равноправия, что, однако, для того времени следует признать важным достижением.

Уровень активности феминистского движения разнился в зависимости от того, под контролем какой партии или военно-политической группировки находилась та или иная территория. На территории, контролируемой Гоминьданом, с конца 20-х годов и вплоть до 40-х годов проходили весьма оживленные дебаты об улучшении положения женщин. Росло число специальных женских журналов и газет, на страницах которых значительное внимание уделялось не только практическим советам (гигиена, мода), но и проблемам женской эмансипации. Уровень обсуждения «женского вопроса» в гоминьдановском Китае был беспрецедентным для этой страны. Гоминьдан учитывал гендерный фактор, считая его не менее важным, чем классовый, и создавал специальные женские организации для социально-политической мобилизации женщин (в том числе и на поддержку армии во время Антияпонской войны), прилагал усилия по институционализации женского движения. В 1949 г. КПК, ведя подготовку к I Всекитайскому съезду женщин, призывала изучать не только высказывания классиков марксизма-ленинизма, опыт женского движения в Китае, но и опыт организованного Гоминьданом женского движения.

В гоминьдановском Китае в конце 1929 г. была образована Женская ассоциация под патронажем супруги Чан Кайши – Сун Мэйлин. В нее вошли жены крупных политических и финансовых деятелей Китая того времени, а также представительницы из обеспеченных слоев интеллигенции, получившие образование за рубежами Китая. Инициированные Ассоциацией законы, в том числе против многоженства, не только формировали общественное мнение, но и предоставляли женщине возможность защищать свои права в суде.

Национальное правительство в конце 20-х – 30-х годов продолжало активную законотворческую деятельность в данной сфере. Гражданский кодекс 1928 г. включал положения, регулирующие вопросы брака, опекунства и других семейных отношений, отменял и множество старых закостеневших обычаев. Важным новшеством стало уравнение в правах на наследство сыновей и дочерей. Семейные законы являлись калькой с соответствующих германских и японских законов.

Первые эмансипированные женщины становились функционерками женских союзов, получая в рамках этих организаций возможность реализации своих жизненных планов и принципов. Новые веяния распространялись, прежде всего, в среде образованной молодежи, в которой все больше и больше становилось девушек. В первое десятилетие после свержения монархии численность учащихся увеличивалась непропорционально быстро по отношению к другим социальным группам. Образованные, стремящиеся к освоению достижений мировой культуры, вырванные из сетей привычных связей молодые люди становились

наиболее яркими выразителями всего нового. Они разделяли в том числе и новые идеи по «женскому вопросу». Наибольший эффект работа женских союзов давала именно в этой социальной группе. Именно в студенческих общежитиях строились новые взаимоотношения между девушками и юношами, жарко дебатировались проблемы равноправия, как социального, так и гендерного. Недаром именно в студенческой среде наряду с патриотическими были популярны идеи свободной любви между мужчиной и женщиной, однако само это понятие часто истолковывалось лишь как свобода от брака по сговору родителей.

Основным полем приложения труда эмансипированных женщин была литература, прежде всего публицистика. Многие женщины, избравшие сложный путь независимого существования, работали также учительницами в школах и на курсах для девочек. По свидетельству одной из пекинских газет, в 1916 г. были выданы первые лицензии женщинам на занятие медицинской деятельностью. В Шанхае появился первый штат женщин-полицейских, в обязанности которых входила борьба с женской преступностью – по примеру китайской полиции шанхайского Международного сеттльмента. Для их подготовки были организованы специальные 3-месячные курсы.

Эмансипированные китаянки, как и их единомышленницы во всех странах, едва ли не в первую очередь стремились сменить свой имидж, поменять исторически сложившийся архетип женщины. Они стригли волосы, переставали бинтовать грудь, как это было принято в старом Китае. Часто эти женщины заранее отказывались от вступления в брак, а, стало быть, и от деторождения. Они меняли стиль одежды, макияжа и самое главное стиль поведения, в связи с чем их нередко обвиняли в легкомыслии и распущенности. Для определенной части женщин, в том числе и некоторых жен гоминьдановских функционеров, а также жен «полуевропеизированных» богачей, внешняя форма эмансипированности становилась необходимой частью атрибутики современной женщины.

Эта атрибутика вызывала активное неприятие в определенных слоях общества. Как следует из рассказов Мао Дуня, солдаты милитаристских армий не просто насиловали и убивали эмансипированных женщин. Насилие над ними они совершали как ритуал, им вырезали груди, иногда скальпировали, воспринимая таких женщин как некое демоническое явление.

В республиканский период два весьма существенных фактора оказывали заметное влияние на развитие феминизма в Китае. Во-первых, масштабы страны и неравномерный уровень развития различных регионов Китая резко суживали географически и количественно влияние любой идеологии, феминизма в том числе. Слой женщин, вовлеченных в процесс формирования новой идеологии, а также, естественно, мужчин, принимающих и понимающих требования и ценности феминизма, был очень тонок и распределялся по стране чрезвычайно неравномерно. Во-вторых, развитие феминизма сильно ограничивалось всесилием предрассудков, колоссальным разрывом между традиционализмом и новыми веяниями, замедлявшими сам процесс проникновения этих веяний в толщу китайского общества.

Глава 2
Китай и державы

Китайская Республика и США

Внутриполитический процесс в Китае 1945–1949 гг. развивался на фоне изменившейся после Второй мировой войны международной обстановки. Как и в предыдущие периоды, значительное влияние на внутриполитическое положение в стране оказывали США и СССР, которые взаимодействовали как с Национальным правительством, так и с оппозицией в лице Компартии Китая. Основной составляющей американской и советской политики на китайском направлении в те годы являлись отношения с правительством Китайской Республики. На отношения обоих государств с КР во второй половине 40-х годов влияло резкое обострение противоречий между США и их союзниками – и СССР, которые в дальнейшем привели к «холодной войне». Другим фактором стала дестабилизация внутриполитической ситуации в Китае, обусловленная, прежде всего, новой гражданской войной между Гоминьданом и КПК.

Соперничество США и СССР на мировой арене соответствующим образом проецировалось на их политику в Китае. Политика США на китайском направлении преследовала цель расширения сферы американского влияния в Китае, а также отражала усилившиеся антикоммунистические настроения в руководящих структурах Вашингтона, которые проявлялись в конкретных действиях в поддержку Гоминьдана.

В декларации президента США Г.Трумэна от 15 декабря 1945 г. о политике США в отношении Китая наряду с провозглашением принципа невмешательства во внутренние дела Китая содержалось также заявление о продолжении оказания КР помощи в создании современной армии, как это было и в годы Второй мировой войны. Важным направлением помощи Китаю Г.Трумэн считал также действия вооруженных сил США, дислоцированных в Китае, по разоружению и эвакуации японских войск.

Особое внимание США проявляли к северо-восточным провинциям Китая – к Дунбэю (Маньчжурии), который представлял для них интерес с точки зрения как стратегического положения, так и уровня экономического развития. В американских кругах высказывались мнения о том, что для обеспечения равновесия сил в сфере международных отношений на Дальнем Востоке следовало бы или сохранить Маньчжурию за Японией, или превратить ее в некое буферное образование.

По просьбе госдепартамента США МИД Китая в начале 1946 г. дал согласие на направление в различные пункты Дунбэя американских консульских работников, а также сотрудников аппарата военного и военно-морского атташе, информационной службы США (ЮСИС) и любых специалистов, которых США

решат послать в этот регион. Личный представитель президента США Трумэна Дж.Маршалл считал необходимым открытие американских консульств в Дунбэе, обосновывая свое мнение тем, что они будут служить пунктами наблюдения за действиями «русских», а также тем, что сам факт их существования будет создавать трудности для СССР.

О степени антисоветизма в определенных кругах американской политической элиты свидетельствовало также выдвижение их представителями 14 мая 1946 г. требований к президенту Трумэну об аннулировании Ялтинских соглашений по проблемам Дальнего Востока и возвращении США к политике «открытых дверей» в Дунбэе. Между тем вопрос об открытии ряда консульств решался во второй половине 1946 г. уже прокоммунистическими властями Дунбэя, которые не дали согласия на открытие в Харбине и Даляне (Дальнем) американских консульств. Попытки США распространить на Дунбэй политику «открытых дверей» также не увенчались успехом.

Сравнительно высокий экономический потенциал Дунбэя, привлекавший США, во многом был обусловлен политикой японских оккупационных властей в 1931–1945 гг. К середине 40-х годов северо-восточные провинции Китая, входившие в состав марионеточного государства Маньчжоу-го, стали наиболее развитым промышленным и сырьевым районом всего Китая. На долю Дунбэя приходилось 82% имевшихся в Китае запасов железной руды, около 93% запасов горючих сланцев, 100% бокситов, магнезита, значительные запасы вольфрама, золота и других полезных ископаемых. В Дунбэе добывалось 45% всего каменного угля Китая, 52% железной руды, 33% соли, выплавлялось 100% меди, алюминия, магния, 76% свинца и цинка. Экономику этого региона до 1945 г. контролировали два мощных японских концерна – «Компания Южно-Маньчжурской железной дороги» и «Маньчжурская компания по развитию тяжелой промышленности». Маньчжурия являлась основной сырьевой базой Японии и важным центром военной промышленности. Ее освобождение советскими войсками стало серьезным препятствием для осуществления планов США по установлению своего контроля над Северо-Восточным Китаем. Очевидно, что такие планы Вашингтона представляли опасность для государственных интересов СССР. Это учитывалось Советской администрацией в Дунбэе при ее взаимодействии с Компартией Китая в этом регионе.

Военно-политическое противостояние Гоминьдана и КПК, продолжавшееся и в ходе переговорного процесса между ними в 1945–1947 гг., фактически делало неизбежным вовлечение США и СССР в события в Китае, хотя как СССР, так и США, сосредоточенные на проблемах послевоенного урегулирования в Европе, стремились избежать вовлечения в гражданскую войну в Китае. Правительства СССР, США и Англии, интересы которых более других стран пересекались в Китае, предпринимали совместные шаги к тому, чтобы предотвратить широкомасштабную войну в КР.

Однако реальность была такова, что процесс капитуляции японских войск неизбежно усиливал военное противостояние Гоминьдана и КПК и вовлекал

в свою орбиту Соединенные Штаты и Советский Союз. Чан Кайши как верховный главнокомандующий НРА Китая отдал приказ командующему японскими войсками в Китае капитулировать только перед официальными уполномоченными представителями китайского верховного командования (кроме Дунбэя, где японские войска капитулировали перед советским командованием). Приказ вызвал отрицательную реакцию Мао Цзэдуна и командующего войсками КПК Чжу Дэ, которые заявили о праве коммунистов на принятие капитуляции японцев. Свой протест они мотивировали активным участием войск КПК в Антияпонской войне. Чан Кайши, поддержанный генералом Дж.Макартуром, отклонил требование КПК, считая его незаконным. Споры между Чунцином и Яньанью по данному вопросу ни к чему не привели, и «рельсовая война» КПК против японских агрессоров продолжалась вплоть до завершения капитуляции японских войск.

Положительную роль в развитии отношений между КР и державами имело упоминавшееся выше Московское совещание министров иностранных дел СССР, США и Великобритании (16–26 декабря 1945 г.), посвященное вопросам послевоенного урегулирования в Европе. Советский Союз, озабоченный прогоминьдановскими действиями США, нередко выходившими за границы международных договоров и договоренностей, инициировал рассмотрение на совещании проблем внутреннего положения в Китае, политики держав во внутрикитайском конфликте и советско-американских отношений в Китае. 26 декабря 1945 г. правительство СССР обозначило проблемы, дестабилизировавшие обстановку в КР, и выдвинуло предложения по их решению. Так, Советский Союз предложил ускорить депортацию из Китая японских войск (численность которых достигала 500 тыс. человек) и настаивал на одновременном выводе из Китая советских и американских войск не позднее середины января 1946 г. Ссылаясь на нехватку морского тоннажа, правительство США так и не определило точные сроки завершения эвакуации японских и вывода американских войск. Однако было достигнуто важное для текущего этапа внутренней и внешней политики Китая соглашение, по которому три державы заявили о невмешательстве в дела КР. Была подчеркнута необходимость объединения и демократизации страны, широкого привлечения демократических сил в органы Национального правительства и прекращения вооруженных столкновений между НРА и военными формированиями КПК. Это соглашение способствовало активизации переговорного процесса между Гоминьданом и КПК и до некоторой степени препятствовало вмешательству великих держав во внутренние дела Китая.

Вопрос о завершении присутствия на территории Китая советских и американских войск имел принципиальное значение, поскольку эта проблема прямо или косвенно влияла на настроения в Гоминьдане и КПК, на их взаимоотношения и на определение каждой партией политической перспективы. И Гоминьдан, и КПК рассчитывали на помощь, соответственно, США и СССР в создании условий для принятия капитуляции японских войск.

Незначительные подразделения войск США, в основном авиация и большая группа американских военных советников, находились в Китае еще с 1942 г.,

с начала Тихоокеанской войны. Основные силы армии США появились в Китае в сентябре–октябре 1945 г. уже после капитуляции Японии. Посылая свои войска в Китай, США преследовали ряд целей – помочь Национальному правительству в разоружении и выдворении японских войск из КР; предотвратить захват китайскими коммунистами территорий, находившихся ранее под контролем Японии, и тем самым поддержать Гоминьдан в его борьбе с коммунистами; создать противовес советским войскам, дислоцированным на территории Северо-Востока Китая – на Ляодунском полуострове на советской военно-морской базе Порт-Артур (Люйшунь) и на части территории Дунбэя.

В 1945–1946 гг. были заложены все основные формы взаимодействия КР с США, которые с началом широкомасштабной гражданской войны претерпели некоторые изменения. Поддержка Гоминьдана со стороны США в период переговорного процесса с коммунистами, укрепившая, прежде всего, военный потенциал гоминьдановского режима, сыграла значительную роль в принятии Национальным правительством решения о переходе от локальных стычек с войсками коммунистов к гражданской войне. Помощь оказывалась, как правило, с учетом пожеланий Национального правительства и в основном на основе подписанных КР и США договоров и нормативных актов.

Еще до капитуляции Японии США предоставили гоминьдановскому правительству помощь на сумму 1515,7 млн. долларов. Администрация ООН по помощи и восстановлению (ЮНРРА) выделила Национальному правительству 658,4 млн. долларов и поставила в Китай 300 тыс. т различных грузов. После капитуляции Японии американский Экспортно-импортный банк выдал китайскому правительству кредит на сумму 82,8 млн. долларов, а в апреле 1946 г. – еще 500 млн. долларов. Долгосрочный кредит на сумму 51,7 млн. долларов, предоставленный Китаю правительством США 14 июля 1946 г., должен был содействовать доставке в Китай оборудования и материалов по программе ленд-лиза.

Высадив в Китае 113-тысячную армию для принятия капитуляции японских войск, США занялись в срочном порядке модернизацией гоминьдановской армии. Ее реорганизация проходила при содействии военной миссии США, численность которой к декабрю 1947 г. возросла с 1 тыс. до 5,6 тыс. человек. В сентябре 1947 г. военная миссия США была реорганизована и получила название «Объединенная группа военных советников США в Китае». За четыре послевоенных года США обучили и вооружили 166 дивизий гоминьдановской армии. Кроме того, они обучили и кадровых офицеров охранных и полицейских отрядов, а также сотрудников разведслужбы.

Американские советники также помогли подготовить командный состав и специалистов авиации и военно-морского флота. Для службы в китайских ВВС прошли обучение 5 тыс. человек, в ВМФ – свыше 300 офицеров и 3 тыс. матросов. В значительных масштабах осуществлялось обучение офицерских кадров в военно-учебных заведениях и частях американской армии, авиации и флота на территории США. Если до 1947 г. участие военной миссии США в разработке оперативных планов гоминьдановской армии осуществлялось скрытно, то с на-

чала 1947 г. миссия все более открыто участвовала в организации и руководстве военными операциями гоминьдановских войск на фронтах гражданской войны. По мере ослабления позиций НРА на фронте вмешательство американских советников в оперативную деятельность гоминьдановских военных органов становилось все более явным. Военная миссия нередко играла важную роль в назначениях и смещениях гоминьдановского генералитета.

Растущая зависимость Национального правительства от США во многих сферах, прежде всего в военной и экономической, вызывала все большее недовольство демократических сил страны. Демократические партии в Гонконге/Сянгане в своем Обращении к парижской сессии Генеральной Ассамблеи ООН 2 октября 1948 г. указывали на присутствие в Китае огромного военного аппарата США во главе с генералом Д.Барром (начальник миссии с января 1948 г.), некоторые сотрудники которого занимали посты в гоминьдановском министерстве обороны и требовали от Нанкинского правительства допустить их к разработке оперативных планов. Как говорилось в Обращении, военная миссия США претендует на наделение ее членов функциями контроля над выполнением таких планов, на руководство подготовкой личного состава гоминьдановских войск и на получение права контроля над использованием военного снаряжения, поставляемого США.

Чан Кайши не препятствовал вмешательству американских советников в оперативную деятельность гоминьдановских военных учреждений. Генерал Д.Барр со своим штабом с начала 1948 г. постоянно участвовал в оперативных совещаниях министерства обороны КР, оказывая непосредственное влияние на выработку важных решений. В некоторых соединениях гоминьдановской армии американские советники фактически подменяли командующих этими войсками.

Значительную помощь получал Гоминьдан по ленд-лизу. Объем послевоенных поставок по нему оценивался в 781 млн. долларов. Поставки по ленд-лизу осуществлялись под видом передачи заказанных в предыдущие годы, но еще не доставленных товаров гражданского назначения. В действительности, они включали боеприпасы, самолеты и авиационное оборудование, танки и автомашины, корабли, различное военное снаряжение, продовольственные, промышленные товары. Даже по официальным данным стоимость товаров гражданского назначения составляла менее 5% общей суммы поставок. Почти половина всей суммы ушла на переброску гоминьдановских войск на американских самолетах и кораблях из Бирмы на фронты гражданской войны. 52% поставок по ленд-лизу в послевоенный период приходились на вооружение и военное снабжение гоминьдановских армий.

30 августа 1946 г., когда повсеместно в Китае происходили столкновения между войсками Гоминьдана и КПК, США по льготным ценам продали Нанкинскому правительству свои «военные излишки» в Китае на сумму 900 млн. долларов. Эти «излишки» включали вооружение, боеприпасы, грузовые автомобили, средства связи, медикаменты и медицинское оборудование, продовольствие, принадлежавшие американской армии и оставшиеся после окончания войны с Японией в Индии, Бирме, Китае и на островах Тихого океана.

США передавали «военные излишки» Китаю также в 1947–1948 гг., сверх объемов, предусмотренных соглашением от 30 августа 1946 г. По особым контрактам Национальное правительство получило от США винтовочные патроны, 150 самолетов С-46, снаряды, 159 боевых самолетов, 683 авиамотора и другое снаряжение. По соглашению с Национальным правительством от 8 декабря 1947 г. США передали КР безвозмездно 131 военно-морское судно, строительство и оснащение которых в свое время обошлись американскому правительству в 141,3 млн. долларов.

После ухода из ряда пунктов Северного Китая частей американской морской пехоты войскам Гоминьдана было безвозмездно передано 6500 т боеприпасов. В июне 1947 г. США продали Нанкинскому правительству 130 млн. патронов за 10% их номинальной стоимости; в декабре – 150 транспортных самолетов С-46 по символической цене – 2,5 тыс. долларов за самолет.

27 октября 1947 г. США и КР подписали Соглашение о помощи Китаю. Согласно этому документу, Соединенные Штаты получили право на учреждение в КР миссии по оказанию помощи Китаю, которая обладала полномочиями осуществлять наблюдение на местах за распределением этой помощи в КР. 3 апреля 1948 г. конгресс США принял программу помощи Китаю на сумму 400 млн. долларов. Ассигнования на оказание экономической помощи, характер использования которых определялся многими условиями, составили 275 млн. долларов. По этому закону 125 млн. долларов было выделено в качестве дара. Национальное правительство, кроме того, получило возможность приобретать в США вооружение. Эти ассигнования были распределены между отдельными ведомствами США, поставлявшими военные материалы Национальному правительству, фактически по указанию военной миссии США. Соглашение от 3 июля 1948 г. о порядке использования этой помощи подводило законодательную базу под стремление США контролировать и экономику и политику китайского правительства.

Характер помощи со стороны США Китаю в течение послевоенных лет претерпел изменения. Начав с предоставления денежных займов в соответствии с запросами китайского правительства и поставок по ленд-лизу, США переходили к использованию различных форм помощи, в основном руководствуясь собственными интересами, пытаясь установить контроль над Национальным правительством, прежде всего в области экономики и внешней политики.

Политические, военные и экономические позиции США в гоминьдановском Китае, сложившиеся к 1948 г., обеспечивали Соединенным Штатам преобладающее влияние в КР. Помощь Соединенных Штатов Национальному правительству в 1945–1949 гг. предоставлялась в товарной форме (вооружение, военные материалы и товары производственного и потребительского характера) и в виде услуг, включавших транспортные перевозки гоминьдановских войск и товаров. Основную часть американской помощи составляли товарные поставки, прежде всего поставки военных материалов. Удельный вес услуг составлял 12,2% всей суммы помощи. Денежные кредиты предоставлялись главным образом в годы Антияпонской войны. Кредит Экспортно-импортного банка в

500 млн. долларов, предоставленный в 1946 г., фактически не был реализован. Помощь, оказываемая США в 1946–1948 гг. в товарной форме, не способствовала укреплению китайской национальной промышленности. Наводнение китайского рынка американскими товарами подрывало местное производство, особенно в текстильной отрасли.

Создававшаяся в течение четырех послевоенных лет договорная основа отношений между КР и США, с одной стороны, усиливала внутренние и международные позиции Национального правительства, помогала гоминьдановскому правительству держаться «на плаву». Вместе с тем по мере общего ослабления гоминьдановского режима в условиях гражданской войны складывалась ситуация, провоцировавшая Соединенные Штаты к усилению давления на Китай, подобного практиковавшемуся в рамках системы «неравноправных договоров» недавнего прошлого. По китайско-американскому торговому договору, подписанному в Нанкине 4 ноября 1946 г., и ряду других соглашений – о военно-морском флоте (8 декабря 1947 г.), о взаимной помощи (28 октября 1947 г.), об экономической помощи (3 июля 1948 г.), Китай попадал в военную и экономическую зависимость от США. Американцам предоставлялись равные с китайцами права во всех областях промышленной и торговой деятельности, право аренды, приобретения и владения зданиями и землей, жительства и свободного передвижения по Китаю, занятия образовательной деятельностью. Эти договоры и соглашения, несмотря на внешнее соблюдение правовой формы, ущемляли интересы китайской национальной буржуазии и китайской нации в целом.

Соглашение о военно-морском флоте от 8 декабря 1947 г. и предшествовавшие ему соглашения от 21 ноября 1945 г. об аэрофотосъемке территории Китая, а также от 30 августа и 20 декабря 1946 г. об авиации обеспечивали контроль США над воздушным пространством Китая. Контроль над водным пространством и портами КР обеспечивался соглашением о доках от 15 мая 1946 г. Оно давало США право на заход, стоянку и ремонт американских военно-морских кораблей во всех портах Китая и обязывало КР создавать свой военно-морской флот и готовить кадры военно-морского флота только с помощью США. По секретному соглашению о Циндао (январь 1947 г.) США и Китай в случае войны должны были совместно использовать военно-морскую базу в Циндао. В мае 1946 г. – июле 1947 г. был также заключен рад соглашений о строительстве железных дорог (Чунцин–Чэнду, Гуанчжоу–Ханькоуской, Сычуань–Юньнаньской) на средства предоставленных для этих целей американских кредитов. Соглашения, направленные на восстановление и строительство железнодорожной сети, одновременно предусматривали подчинение железнодорожного строительства контролю США.

Частью складывавшейся договорной системы между КР и США являлось соглашение о «Комиссии по реконструкции деревни», заключенное 5 августа 1948 г. Оно узаконивало право США на контроль над осуществлением правительством Китая программы сельской реконструкции и во многом ущемляло суверенные права Китая. Подобная политика США вызывала протест со сторо-

ны разных слоев населения. Компартия Китая неоднократно выступала против размещения американских войск в КР, протестовала против провокационных воздушных налетов авиации США на контролируемые КПК районы, против переброски гоминьдановских войск в районы военных действий против сил КПК, предоставления Гоминьдану американских военных советников, против ряда китайско-американских договоров и соглашений, которые, по оценке КПК, имели колониальный характер. Политика США в Китае вызывала негативную реакцию среди демократических сил страны. Одним из ярких примеров тому являлась петиция Демократической лиги от 27 ноября 1948 г., направленная в адрес сессии Генеральной Ассамблеи ООН (ноябрь 1948 г., Париж). Подписанная девятью политическими партиями и организациями, она квалифицировала политику США в Китае как вмешательство во внутренние дела КР. В петиции выражалась надежда на помощь членов ООН в изменении «внешней агрессивной политики США» и возвращении ее на конструктивный путь, «проложенный президентом Рузвельтом».

Гражданская война в Китае проходила на фоне усиливавшегося роста антикоммунистических и антисоветских настроений в правящих кругах США. Выступая в конгрессе 12 марта 1947 г. (накануне открытия сессии Совета министров иностранных дел СССР, США, Англии и Франции), президент Г.Трумэн обещал всем странам помощь в «борьбе с коммунизмом», а также претендовал на руководящую роль США в мире («доктрина Трумэна»). Политика «сдерживания коммунизма», реально проводившаяся после окончания Второй мировой войны, получила таким образом свое официальное оформление. Это заявление Г.Трумэна повлияло и на политику США по отношению к Китаю.

Согласованная еще на московском совещании министров иностранных дел СССР, США и Великобритании (декабрь 1945 г.) политика невмешательства во внутренние дела Китая на определенном этапе сыграла положительную роль. В условиях полномасштабной гражданской войны и все более явной поддержки Гоминьдана со стороны США требовалось уточнить позиции мирового сообщества по отношению к Китаю. На созванной по настоянию Советского правительства в марте–апреле 1947 г. в Москве сессии Совета министров иностранных дел СССР, США, Англии и Франции советская дипломатия предлагала рассмотреть выполнение декабрьских (1945 г.) решений по Китаю, принятых министрами иностранных дел в декабре 1945 г. Однако правительство США, поддержанное Англией и Францией, сорвало обсуждение этого вопроса, предложив ограничиться обменом письмами между военно-политическими ведомствами США и СССР.

Весьма остро стоял и вопрос о выводе войск США из Китая. Между тем администрация США предприняла ряд шагов по законодательному оформлению пребывания своих войск в КР. Соглашение о пребывании американских войск в Китае было заключено в форме обмена нотами между послом США в Китае и министерством иностранных дел КР 29 августа и 3 сентября 1947 г. Ссылаясь на резолюцию Генеральной Ассамблеи ООН от 14 декабря 1946 г., внесенную

СССР и рекомендовавшую скорейший вывод иностранных войск с территорий стран–членов ООН, посольство США в Нанкине обратилось к Национальному правительству с предложением сделать формальное заявление о том, что войска США находятся в Китае с согласия китайского правительства.

Китайское министерство иностранных дел в ноте от 3 сентября 1947 г. заявило о том, что все вооруженные силы США, дислоцированные в Китае, находятся в стране с согласия китайского правительства и что они будут немедленно выведены из КР, как только каждое из заинтересованных правительств сочтет этот шаг необходимым. Меморандум, полученный США от правительства КР в октябре 1947 г., позволял Соединенным Штатам размещать свои войска и создавать военные базы в Китае. Сеть воздушных и морских баз была создана в Циндао, Сиани, Чэнду, на Тайване.

В политических кругах Соединенных Штатов не было единства относительно политики по отношению к Китаю. Периодически усиливалась активность крайне правых сил, направленная на провокационные действия как против Советского Союза, так и против китайских коммунистов. Ярким представителем этих сил являлся генерал А. Ведемейер. В его докладе Г.Трумэну от 10 сентября 1947 г. содержалось предложение о дальнейшем значительном увеличении финансово-экономической помощи Чан Кайши, доведении численности американских военных советников до 10 тыс. человек и усилении их контроля над военной политикой Гоминьдана. Особое место в докладе Ведемейера уделялось провинциям Северо-Востока. Он предлагал установить над этим регионом опеку великих держав до того времени, когда китайское правительство установит полный контроль над всей страной. В учреждении опеки над Севером-Востоком американский генерал видел единственный путь «спасения от коммунистов» этого региона. По отношению к Чан Кайши он предлагал исходить не из приверженности лидера Гоминьдана авторитаризму или демократии, но главным образом из того факта, что Чан Кайши борется с коммунизмом.

Летом 1948 г., когда военное положение Национального правительства резко ухудшилось, в экономике и внутренней политике стали очевидны признаки системного кризиса, а внутри Гоминьдана обострилась фракционная борьба, часть партийного руководства выступила за прямое вовлечение США в борьбу с коммунистами. В правящих кругах США, как отмечалось, не было полного единства мнений по этому вопросу. США не пошли на открытую военную интервенцию на стороне Гоминьдана и отвергли путь интернационализации конфликта. Вместе с тем США начали перебазировать свои военно-морские и военно-воздушные силы на контролируемый Гоминьданом о. Тайвань.

Потерпев поражение в Дунбэе и Северном Китае, Чан Кайши вновь попытался привлечь правительства СССР, США, Великобритании и Франции к посредничеству между Гоминьданом и КПК. Он обратился к великим державам 8 января 1949 г., после того как дважды (1 октября 1948 г. и в новогоднем выступлении 1949 г.) предлагал КПК прекратить гражданскую войну и начать переговоры о мире. США, Англия и Франция и их послы в Нанкине приступили к интен-

сивным консультациям с целью разработки общей позиции. Они понимали, что без участия Советского Союза посредничество держав заранее обречено на провал. Державы опередили Москву с ответом Нанкину. 13 января 1949 г. в Нанкине на совещании представителей США и Англии было решено, что на том этапе гражданской войны в Китае «добрые советы» китайскому правительству являются в значительной степени бесполезными и неэффективными. Западным державам рекомендовалось держаться в стороне от событий в Китае. По указанию государственного департамента посол США в КР Л.Стюарт в тот же день, 13 января, передал министру иностранных дел КР официальный ответ правительства США, в котором подчеркивалось, что в сложившейся обстановке попытки США выступить в роли посредника не принесут желаемых результатов. К этому следует добавить, что Л.Стюарт уже тогда был убежден в отказе СССР от участия в посреднических действиях, что, возможно, повлияло на позицию США и западных стран по вопросу о посредничестве. Такой же ответ одновременно последовал от Великобритании и Франции.

Вместе с тем западные державы не собирались уходить из Китая. С целью воспрепятствовать поступательному развитию демократического движения активно разрабатывались планы расчленения страны, создания в разных регионах Китая местных гоминьдановских государств, провоцирования разногласий между главами таких правительств. Предпринимались попытки экономическими посулами оторвать КПК от Советского Союза. Осуществлялись шаги для вовлечения мирового сообщества в лице ООН в дело «защиты» Китая. Влиятельные силы в американских правящих кругах толкали правительство США и даже их союзников на интервенцию в Китае на стороне Гоминьдана. Согласно таким планам, авиация Гоминьдана при поддержке США должна была подвергнуть бомбардировкам с воздуха и с моря крупнейшие города Китая, перешедшие под контроль войск КПК. Эти действия следовало сопровождать минированием морских портов и линий морских коммуникаций.

Росло влияние США на правительство КР и в области внешней политики, что к 1948 г. сказалось на китайско-японских отношениях. С середины сентября 1947 г. КР прекратила кампанию против ремилитаризации Японии. В то же время в Китай по поручению Д.Макартура (командующего оккупационными войсками США в Японии) прибыла специальная миссия для изучения вопроса о возможностях использования китайских ресурсов для восстановления военной промышленности Японии. В результате возобновились поставки из Китая в Японию некоторых видов сырья, в частности железной руды и соли. В Китай же стали вывозиться японские промышленные товары – текстиль и металлоизделия. В вопросе о японских репарациях, в использовании которых в Китае видели одно из средств выхода из экономических затруднений, Чан Кайши сначала был вынужден пойти на большие уступки и согласиться сократить свои требования на 50%, а затем вообще отказался от репараций.

Изменилась и позиция китайского правительства в отношении мирного договора с Японией. Заявления главы Исполнительного юаня Чжан Цюня об отказе

Китая принять участие в мирной конференции без участия в ней СССР и призывы к сохранению принципа единогласия великих держав делались все реже, а затем и вовсе прекратились. Китайская делегация в ООН следовала в фарватере США, что вызывало сильное недовольство в Китае. Американская политика восстановления экономики Японии, которая нанесла Китаю в годы войны неисчислимый ущерб, противоречила национальным интересам КР. Составной частью политики США по отношению к Японии являлось вовлечение в нее КР. США активно пропагандировали лозунг «промышленная Япония и сельскохозяйственный Китай», отражавший, по сути, идеи «трех принципов Хирота», которые Китай отверг незадолго до начала широкомасштабной японской агрессии. Демократическая общественность КР решительно выступала против этого американского лозунга, отрицавшего, по сути, курс Китая на индустриализацию страны. В реализации названного лозунга китайская общественность видела угрозу утраты национального суверенитета и колонизации Китая.

Впрочем, ситуация в Китае складывалась не в пользу Гоминьдана, что понимали в Вашингтоне. Гоминьдановский режим, получивший от США колоссальную материальную помощь, потерпел полный крах.

Китай и СССР

В 1945–1949 гг. отношения между КР и СССР развивались под воздействием разнонаправленных сил, на фоне ухудшения внутриполитического положения Китая и обострения борьбы за власть между Гоминьданом и КПК.

В период Антияпонской войны 1937–1945 гг. гражданская война между Гоминьданом и КПК в целом формально была прекращена, фактически же на протяжении всех восьми лет имели место вспышки вооруженных конфликтов между вооруженными силами Национального правительства и войсками КПК. На заключительном этапе Второй мировой войны военные столкновения войск КПК и войск Гоминьдана участились.

Правительства СССР, США и Англии, которые более других стран были заинтересованы в нормализации ситуации в Китае, предпринимали совместные шаги по предотвращению гражданской войны.

Руководители СССР и США вполне осознавали, что и Гоминьдан и КПК в борьбе за свои идеалы и за власть в стране рассчитывали на помощь извне, соответственно со стороны США и СССР.

Политика СССР по отношению к Китаю соответствовала решениям Московского совещания министров иностранных дел СССР, США и Великобритании (декабрь 1945 г.), подтвердившего невмешательство держав-союзниц во внутренние дела КР, а также желательность объединения и демократизации Китая. Главы МИД США и СССР также признали «желательность вывода с территории Китая советских и американских вооруженных сил в возможно кратчайший срок».

Разгром Советской армией японских войск на Северо-Востоке Китая и наступление НОАК (9 августа – октябрь 1945 г.)

Советские войска вступили на территорию Китая в августе 1945 г. в соответствии с решениями Ялтинской конференции и по просьбе китайского правительства для оказания помощи КР в войне против Японии. Американские войска находились в Китае с 1942 г., но их основная часть появилась в КР уже после завершения Второй мировой войны для помощи в принятии капитуляции японских оккупационных войск (сентябрь–октябрь 1945 г.). Советское правительство предполагало, однако, что основная цель присутствия американских войск в Китае после окончания войны с Японией – помощь Национальному правительству в разгроме сил КПК и установлении его полного контроля над всей территорией Китая.

22 декабря 1945 г., еще до завершения Московского совещания, в Китай прибыл личный представитель президента США Г.Трумэна генерал Дж.Маршалл (в годы Второй мировой войны начальник штаба армии США) для продолжения посреднической миссии между Гоминьданом и КПК, сменивший на этом поприще посла П.Хэрли. Чан Кайши принял предложенного президентом Трумэном посредника, однако считал, что ключ к мирному урегулированию отношений с КПК находится не столько в Вашингтоне, сколько в Москве. Поэтому до возобновления переговоров с КПК при посредничестве Дж.Маршалла он считал необходимым поехать в Москву для переговоров с И.В.Сталиным. Поскольку И.В.Сталин длительное время уклонялся от встреч с китайским лидером, Чан Кайши не был уверен в согласии Сталина на встречу с ним. Поэтому, не желая рисковать «потерей лица», Чан Кайши направил в Москву своего сына Цзян Цзинго, который был хорошо известен в Москве. Важнейшей целью миссии Цзян Цзинго было убедить И.В.Сталина выступить посредником в урегулировании отношений между Гоминьданом и КПК и побудить руководителей Компартии Китая отказаться от вооруженного сопротивления армиям Национального правительства. Однако и в беседах с Цзян Цзинго И.В.Сталин уклонился от каких-либо обещаний, заявив, что советское правительство желает близких отношений с Китаем, но стоит на позиции невмешательства в его внутренние дела. Он утверждал также, что Москва не в силах повлиять на позицию КПК. В беседах с представителями КПК И.В.Сталин постоянно подчеркивал, что он не дает и не собирается давать КПК никаких указаний и высказывает свое мнение и советы лишь тогда, когда его спрашивают.

Советский Союз, когда обстоятельства этому благоприятствовали, оказывал поддержку КПК. Так, после освобождения Маньчжурии Советской армией от японских оккупантов советское военное командование оказало содействие КПК в создании Объединенной демократической армии. По просьбе ЦК КПК на советском самолете была переброшена из Яньани группа руководящих партийно-политических, военных и хозяйственных работников КПК. При содействии командования советских войск было создано Северо-Восточное региональное бюро ЦК КПК, а позже народное правительство Северо-Восточного Китая во главе с Гао Ганом. Войскам ОДА советское командование передало сотни тысяч единиц японского стрелкового оружия, тысячи орудий, пулеметов, другое трофейное и советское вооружение и военное имущество. Между новой администрацией Северо-Востока и советскими внешнеторговыми организациями развивались экономические связи. Благодаря активной помощи СССР на Северо-Востоке страны была создана крупная опорная база китайской революции и политико-административный центр борьбы КПК против Гоминьдана. В вопросе организации власти советское руководство действовало так, как поступали после окончания Второй мировой войны все державы-победительницы. Всюду, куда вступали их войска, создавались лояльные политические режимы. Так было в Германии, в Корее и в других странах, на территории которых вступали американские, английские и советские войска. Советский Союз был заинтересован в су-

ществовании на его границах дружественного режима. При этом учитывалась большая протяженность китайско-советской границы, наличие совместной советско-китайской собственности (КЧЖД) и проживание в данном регионе более 70 тыс. советских граждан и бывших подданных России.

Советское руководство самым внимательным образом отслеживало быстро менявшуюся военно-политическую обстановку в Китае. Вместе с тем в Москве на рубеже 1945–1946 гг. не располагали достаточно полной информацией о дислокации и боеспособности войсковых частей КПК (не было таких данных и у самого руководства КПК), отсутствовало четкое представление о перспективах военных действий войск КПК в случае развития полномасштабной гражданской войны. Посольство СССР в Китайской Республике функционировало сначала в Чунцине, затем в Нанкине. Советские консульства (всего – 15) работали на всей территории страны – в Бэйпине, Тяньцзине, Шанхае, Нанкине, Гуанчжоу, в городах Дунбэя и в Синьцзяне.

Чай Кайши (в центре) в Посольстве СССР в Чунцине; 3-й слева – посол СССР в КР А.А.Петров

Китайская Республика и СССР активно взаимодействовали в различных сферах. К числу актуальных вопросов взаимодействия относились вопросы о репарациях, взимаемых советской администрацией в Дунбэе, о выводе советских войск из этого региона. Большое внимание уделялось блоку экономических проблем, включая налаживание экономического и торгово-экономического сотрудничества в масштабах страны и с отдельными регионами (Дунбэй, Синьцзян), а также проблеме погашения китайской стороной задолженности по кредитным соглашениям, заключенным в 1938–1939 гг.

По вопросам экономического сотрудничества была достигнута договоренность о создании комиссий по разработке конкретных мер в данной сфере. При обсуждении вопроса о погашении задолженности КР перед СССР советская и китайская стороны, учитывая особенности внутриполитического и экономического положения в Китае, не осложняли этот вопрос. Как следует из беседы посла СССР в КР А.А.Петрова с вице-председателем Исполнительного юаня Вэн Вэньхао 21 октября 1946 г., СССР проявлял понимание сложного экономического положения, сложившегося в Китае после войны. Во избежание усугубления экономических трудностей для КР советская сторона предлагала различные компромиссные решения по ликвидации растущей задолженности Китая. Так, погашение той части задолженности, которую в соответствии с ранее подписанными соглашениями следовало покрывать поставками сельскохозяйственных

товаров, предлагалось решать на пути частичной замены сельскохозяйственных поставок поставками редких металлов и минерального сырья. Советская сторона шла навстречу Китаю, соглашаясь на отсрочку поставок по кредитам. Китайские представители подтверждали обоснованность претензий советских ведомств и выражали глубокую признательность за понимание советской стороной затруднений КР в решении данных вопросов.

Существовавшая между Китаем и СССР проблема репараций с территории Дунбэя не имела серьезных последствий для развития двусторонних отношений. В данном вопросе СССР действовал согласно международной практике. Этот вопрос был затронут в «Докладе делегации ЦК КПК о современном этапе китайской революции и советско-китайских отношениях» от 4 июля 1949 г., его направил И.В.Сталину Лю Шаоци, глава прибывшей в Москву делегации ЦК КПК. В документе обращалось внимание на тот факт, что вывоз Советским Союзом машинного оборудования из Дунбэя следует рассматривать как вывоз трофейного имущества страны-победительницы в целях его использования в деле социалистического строительства и во избежание его попадания в руки Гоминьдана.

После вывода Советским Союзом своих войск из Китая в мае 1946 г. в соответствии с советско-китайским договором от 14 августа 1945 г. Советская армия оставила часть своих сил на военно-морской базе Порт-Артур (Люйшунь) для охраны Китая и СССР от внешней агрессии.

Китай высоко оценил вклад советских вооруженных сил в освобождение Китая от японских агрессоров. После вывода советских войск из Дунбэя (последний эшелон с советскими войсками пересек китайско-советскую границу 3 мая 1946 г.) в посольство СССР был передан меморандум министерства иностранных дел КР от 22 июля 1946 г. о награждении китайскими орденами группы лиц из командного состава советских войск, ранее дислоцированных на Северо-Востоке. Всего китайским орденом «Юнь гуй» (Воинской славы) были награждены 64 командира Советской армии.

В Харбине, который покидали последние части Советской армии, состоялись торжественные проводы – массовый митинг, в котором приняли участие свыше 100 тыс. местных жителей. Представители китайских властей и общественности Харбина выражали благодарность в адрес Советской армии, Советского правительства и советского народа за помощь в борьбе с милитаристской Японией, оккупировавшей с 1931 г. Северо-Восточный Китай. Незадолго до завершения эвакуации советских войск в Маньчжурию по поручению Чан Кайши приезжала его супруга Сун Мэйлин для организации торжественных мероприятий в связи с возвращением Советской армии на Родину. От имени китайского правительства и лично от имени Чан Кайши она передала благодарность Советской армии за ее освободительную миссию в отношении Китая, вручила китайские ордена и подарки советским генералам и офицерам.

Некоторые антисоветски настроенные гоминьдановские офицеры использовали вывод советских войск из Дунбэя как повод для начала жестоких репрессий против этнических русских и советских граждан, проживавших в Северо-Вос-

точном Китае. В 1946 г. на юге региона было замучено и убито 60 советских граждан и еще большее число советских людей пропали без вести, свыше 200 семей подверглись ограблению. Гоминьдановские власти приписывали эти действия так называемым «хунхузам», т.е. местным бандитским шайкам. Но в действительности к этим криминальным акциям были причастны гоминьдановские власти. Имели место случаи похищения советских военнослужащих работниками гоминьдановских разведслужб. Советское правительство потребовало от Национального правительства принятия эффективных мер по охране жизни и собственности работников советских учреждений.

Вывод советских войск из Дунбэя ускорил начало полномасштабной гражданской войны между Гоминьданом и КПК. Войска ОДА в боях с отборными гоминьдановскими войсками понесли большие потери убитыми и ранеными и оказались в тяжелейшем положении. Чжоу Эньлай в беседе с советским послом А.А.Петровым 26 октября 1946 г. признал: «В Сыпингае мы держались 40 дней, но при этом потратили такое большое количество боеприпасов, что даже удержание Сыпингая не оправдало бы таких потерь. Датун [в южном Дунбэе] мы взяли, но после этого у нас осталось лишь по 3 патрона на бойца».

Военные неудачи ОДА в течение первого года гражданской войны оказались неожиданностью для руководства КПК. В состоявшейся 6 января 1947 г. беседе с послом СССР в Китае А.А.Петровым, накануне наступления армии Гоминьдана на столицу Особого района Яньань, Дун Биу, член ЦК КПК, уверенно говорил советскому дипломату, что КПК хорошо подготовилась к отражению наступления на Особый район и что «непосредственной угрозы Пограничному району нет». Но в марте 1947 г. войска Национального правительства без труда захватили Яньань. Ситуация была настолько опасной для КПК, что 19 апреля 1947 г. И.В.Сталин направил Мао Цзэдуну телеграмму, в которой от имени ЦК ВКП(б) сообщил о готовности принять Мао Цзэдуна в Советском Союзе. Таким образом, гражданская война в Китае все больше втягивала в свой водоворот и США, и СССР.

Советское руководство считало, что китайский народ должен сам решить судьбу своей страны. Главным фронтом гражданской войны был Северо-Восточный. Складывавшаяся для КПК с самого начала гражданской войны неблагоприятная ситуация побудила Советское правительство, начиная с декабря 1946 г., приступить к поставкам оружия, различного военно-технического имущества, стратегических материалов, промышленных товаров двойного назначения – для армии КПК и гражданского населения опорной демократической базы в Северо-Восточном Китае. Благодаря этим поставкам и в связи с приостановкой наступления гоминьдановских армий, командование ОДА сумело привести в порядок потрепанные части, вооружить и обучить солдат. В достижении победы КПК в Дунбэе существенную роль сыграла и помощь советских специалистов-железнодорожников, работавших на КЧЖД. Военные поставки из Советского Союза для КПК осуществлялись через внешнеторговые объединения министерства внешней торговли СССР и созданные на территории Дунбэя торговые представительства, именовавшиеся конторами «Экспортхлеба». Со стороны властей Се-

веро-Восточного Китая в торговых операциях с советскими организациями участвовали специально созданные торговые организации. Главной из них была китайская компания «Тунсин». Поставки осуществлялись в рамках соглашений, заключенных между упомянутыми советскими и китайскими торговыми организациями, а также на условиях прямого товарообмена и кредитования сделок советской стороной. Власти Северо-Восточного Китая рассчитывались с советскими торговыми организациями в основном сельскохозяйственной продукцией (чумизой, гаоляном, соевыми бобами). Военные поставки по линии советских ведомств направлялись, как правило, безвозмездно, в качестве дара китайским коммунистам.

Начало торговли с освобожденными районами Китая относится к декабрю 1946 г. Торговля советских внешнеторговых организаций с народно-демократическими властями Дунбэя и Северного Китая или с китайскими фирмами, действовавшими по поручению этих властей, осуществлялась, как правило, на основе товарообмена, без использования валюты. Исключением из этого правила были выдачи советской и иностранной валюты, согласно решениям Совета министров СССР, китайским представительствам за рубежом и делегациям, выезжавшим за границу. Такие выдачи осуществлялись по просьбе властей Северо-Восточного Китая.

В связи с усилением поддержки Гоминьдана со стороны США в его борьбе с КПК Советское правительство предложило на сессии в Москве Совета министров иностранных дел СССР, США, Великобритании и Франции (март–апрель 1947 г.) вновь рассмотреть вопрос о невмешательстве во внутренние дела Китая, как это было решено на Московском совещании в декабре 1945 г. В неофициальном порядке советская сторона запросила об этом мнение руководства КПК. В заявлении Чжоу Эньлая от 12 марта 1947 г. в связи с московской сессией Совета министров иностранных дел основная вина за продолжение гражданской войны в Китае возлагалась на США, осуществлявших, по мнению Чжоу Эньлая, вмешательство во внутренние дела КР. Вопрос ставился следующим образом: в случае обсуждения на сессии Совета министров иностранных дел вопроса о Китае и представительства на сессии Гоминьдана КПК претендовала на участие в данной сессии. Однако обсуждение вопроса о Китае, как уже говорилось выше, усилиями правительства США, поддержанных Англией и Францией, не состоялось.

В китайско-советских отношениях в 1947–1948 гг. продолжались консультации по дипломатическим каналам об установлении китайской гражданской администрации в Порт-Артуре (Люйшуне) и Дальнем (Даляне), возобновлении совместного управления КЧЖД, о публикациях критических статей о политике Нанкинского правительства в советской печати и враждебных СССР статей русских эмигрантов в китайских СМИ. Решение данных и других вопросов в условиях гражданской войны в Китае было нелегкой задачей.

Продолжались и развивались отношения СССР с китайской администрацией пров. Синьцзян, которые являлись традиционным направлением советско-китай-

ских отношений. В январе 1947 г. администрация Синьцзяна выразила готовность приступить к переговорам по вопросам торговли и экономического сотрудничества с СССР, включая организацию совместных обществ по разведке и добыче олова, вольфрама, нефти. Советские внешнеторговые ведомства, заинтересованные в сотрудничестве с Синьцзяном, в предварительном порядке подготовили соответствующие материалы для обсуждения с китайской стороной. Но переговоры были отложены до подписания нового соглашения о деятельности советско-китайской авиакомпании «Хами-Ата» и фактически возобновились лишь в конце 1948 г. По просьбе Китая в провинцию из Советского Союза направлялись группы специалистов по борьбе с саранчой и другие научные экспедиции. Учитывая тяжелое экономическое положение в регионе, СССР отправлял в Синьцзян караваны с пшеницей и другим продовольствием.

Между тем возросшая советская помощь позволила КПК оправиться от серьезных поражений, понесенных вооруженными силами КПК на первом этапе гражданской войны. Она коренным образом изменила ход боевых действий и позволила Народно-освободительной армии (НОА) перейти в контрнаступление.

По просьбе руководителей Компартии Китая советское руководство обсуждало с ними такие вопросы, как содержание программных документов будущего китайского государства после прихода к власти КПК. Так, в письме И.В.Сталину от 30 ноября 1947 г. Мао Цзэдун сообщал, что после победы КПК он намерен ликвидировать в Китае все политические партии и оставить только Коммунистическую партию. В ответной телеграмме от 20 апреля 1948 г. И.В.Сталин писал: «Мы с этим не согласны. Мы думаем, что различные оппозиционные партии в Китае, представляющие средние слои китайского населения, стоящие против гоминьдановской клики, будут еще долго жить и киткомпартия вынуждена будет привлечь их к сотрудничеству против китайской реакции и империалистических держав... Надо иметь в виду, что китайское правительство после победы народно-освободительных армий Китая, по крайней мере, в период после победы... будет национальным революционно-демократическим правительством, а не коммунистическим».

В той же телеграмме И.В.Сталин дал ответ и на письмо Мао Цзэдуна от 15 марта 1947 г. Сталин поддержал соображения Мао Цзэдуна относительно его планов создания Центрального правительства Китая и привлечения в его состав представителей либеральной буржуазии.

Начиная с 1947 г. Советский Союз помогал КПК в укреплении позиций партии в международных демократических организациях: женских, профсоюзных, молодежных, в движении сторонников мира, в том числе и путем выделения средств для направления делегаций из Китая на общественные форумы, созывавшиеся в европейских столицах. СССР при этом старался избегать каких-либо осложнений в отношениях с гоминьдановским Национальным правительством. Советским дипломатам рекомендовалось не поддерживать в беседах с официальными лицами и представителями китайской общественности тему посредни-

чества СССР во внутренних китайских делах. Представители советского посольства также не должны были вступать с послами третьих стран в споры о деятельности китайских коммунистов. По вопросу о мирном урегулировании с Японией послу в Китае следовало доводить до китайского руководства тезис о жизненной необходимости для КР занять в этом вопросе одинаковую с СССР позицию.

В 1948 г. продолжалось китайско-советское сотрудничество в таких вопросах, как погашение задолженности китайской стороны по кредитным соглашениям с СССР, борьба с вредителями сельского хозяйства, проводились консультации о возобновлении деятельности авиакомпании «Хами-Ата». В конце 1948 г. было принято принципиальное решение о начале предварительных переговоров по торговле и экономическому сотрудничеству с китайской провинцией Синьцзян. Советскую делегацию возглавил генеральный консул СССР в Урумчи А.И.Савельев, китайскую – глава правительства Синьцзяна генерал Чжан Чжичжун. 25 июля 1949 г. это соглашение было готово к подписанию.

В 1948 г., как и в предыдущие годы, продолжались контакты с китайской стороной о защите интересов Российской духовной миссии в Китае. В ходе гражданской войны стороны вынуждены были обсуждать и решать вопросы обеспечения безопасности советских представительств и советских граждан во всех районах военных действий в соответствии с международными нормами, хотя, как отмечал 5 февраля 1948 г. министр иностранных дел Китая Ван Шицзе в беседе с поверенным в делах СССР в КР Н.Т.Федоренко, создание соответствующих условий безопасности в обстановке «внутренних беспорядков» было нелегким делом.

В связи с поражениями войск Гоминьдана к середине 1948 г. в Нанкинском правительстве царили панические настроения. Кроме того, летом 1948 г. наблюдался рост антиправительственных выступлений молодежи и городского населения, протестовавших против непомерного роста цен, голода, произвола и коррупции властей. Активизировали свою деятельность представители демократической интеллигенции и национальной буржуазии, требовавшие демократизации страны и эффективной борьбы с коррупцией.

В 1948 г. Советский Союз продолжал оказывать помощь освобожденным районам Северо-Востока в восстановлении и развитии экономики региона. 20 сентября по просьбе демократических правительств региона были направлены методические документы по составлению пятилетних планов экономического развития, 6 октября было принято решение о направлении советских специалистов в Северо-Восточный Китай, 16 октября – о передаче на Северо-Восток сырья для развития текстильной промышленности, о командировании железнодорожников для работы на КЧЖД. В декабре 1948 г. было вынесено специальное постановление о направлении специалистов, оборудования, материалов, необходимых для восстановления промышленности на Северо-Востоке, а также врачей и медицинского персонала для клиник Харбина; было принято решение о командировании специалистов по планированию.

На основании решений Правительства СССР от 17 мая, 9 октября 1948 г. и 6 апреля 1949 г. министерство путей сообщения и другие ведомства СССР поставили в Китай (через посредство группы во главе с бывшим министром путей сообщения СССР И.В.Ковалевым, координировавшую работу по оказанию помощи Китаю) оборудование и материалы, необходимые для восстановления железнодорожных линий и мостов в пределах КЧЖД. Стоимость поставленного оборудования составила 10,3 млн. рублей, а стоимость предоставленных услуг – 1,6 млн. рублей.

Согласно постановлению Совета министров СССР от 5 сентября 1949 г. министерство внешней торговли СССР поставило демократическим властям Китая 500 км рельсов широкой колеи со скреплениями (55,6 тыс. т) на сумму 33,3 млн. рублей. Указанные поставки были произведены в счет кредита, предоставленного СССР по соглашению от 6 августа 1949 г. В соответствии с распоряжением Совета министров СССР от 28 декабря 1948 г. министерству путей сообщения СССР поручалось передать властям Северо-Востока 86 паровозов и 1000 вагонов из числа трофейных, общей стоимостью около 44 млн. рублей.

В результате успешных военных действий НОА (формально, с 1 ноября 1948 г. – НОАК) летом–осенью 1948 г. войскам Гоминьдана был нанесен ряд сокрушительных ударов. Потерпев поражение в Дунбэе и Северном Китае, Чан Кайши был вынужден обратиться с предложением к КПК прекратить огонь и начать переговоры о мире.

Международная обстановка того времени была весьма напряженной. В США еще с конца 1945 г. разрабатывалась серия планов нападения на Советский Союз с применением атомного оружия, монопольным обладателем которого до середины 1949 г. были США. В конце 1948 г. обострились отношения между Советским Союзом и США, поддержанными Англией и Францией, по вопросу о Берлине (так называемый Берлинский кризис). Эти тенденции и события вынуждали СССР проявлять максимальную осторожность при формулировании своей политики по отношению к Китаю.

«Мирное наступление» Нанкина в январе 1949 г., в значительной степени рассчитанное на посредничество СССР между Гоминьданом и КПК, не получило поддержки И.В.Сталина, как и руководства других великих держав. Однако заслуживает внимания факт взаимодействия между И.В.Сталиным и Мао Цзэдуном в связи с инициативами Чан Кайши.

10–15 января имела место интенсивная переписка между И.В.Сталиным и Мао Цзэдуном, в процессе которой разрабатывалась общая позиция по отношению к мирной инициативе Чан Кайши. Советский Союз считал ее не призывом к миру, но средством достижения временного перемирия, которое позволило бы правительству КР укрепить свои силы для продолжения войны с КПК. Кроме того, И.В.Сталин рассматривал предложение Чан Кайши к великим державам и как пропагандистскую акцию, направленную на повышение авторитета Национального правительства в глазах китайской общественности и на международной арене. Как и Мао Цзэдун, И.В.Сталин не доверял «мирным маневрам» Чан Кай-

ши, поэтому призывал лидера КПК проявлять осторожность в переговорах с Гоминьданом. И.В.Сталин считал полезным, прежде всего, для «сохранения лица» в глазах общественности, выдвижение Компартией четких требований в качестве предварительных условий для возобновления мирных переговоров.

И.В.Сталин и Мао Цзэдун согласовали следующие условия для предъявления их Чан Кайши:

– Китайская Компартия стоит за переговоры с Гоминьданом, однако без участия тех военных преступников, которые развязали гражданскую войну в Китае.

– Китайская Компартия стоит за непосредственные переговоры с Гоминьданом без каких-либо иностранных посредников.

14 января 1949 г. Мао Цзэдун сделал «Заявление о текущем моменте», которое знаменовало начало «мирной» кампании КПК. В нем заявлялось о стремлении Коммунистической партии к завершению гражданской войны и к переходу на мирный путь объединения страны. Заявление содержало конкретные условия, на которых КПК была готова вести мирные переговоры с Нанкинским правительством, а также с любым гоминьдановским местным правительством и военной группировкой. Эти условия таковы: наказать военных преступников; отменить «псевдоконституцию»; упразднить «лжеправовую систему»; переформировать все «реакционные» войска на демократических началах; конфисковать собственность бюрократического капитала; реформировать систему землевладения; аннулировать «предательские» договоры; созвать Политическую консультативную коференцию без участия в ней реакционных элементов, для создания демократического коалиционного правительства, которое примет всю власть от реакционного Нанкинского гоминьдановского правительства. Практически все эти условия были заведомо неприемлемы для Гоминьдана. При подготовке Заявления КПК учитывала расстановку сил в стране, возросшее влияние Компартии Китая и военный потенциал НОАК.

17 января 1949 г. заместитель министра иностранных дел СССР А.Я.Вышинский принял посла Китая в СССР г. Фу Бинчана и передал ему ответ Советского правительства, который был составлен в духе согласованных с Мао Цзэдуном позиций по широкому кругу вопросов, связанных с «мирными» инициативами Чан Кайши. В документе указывалось, что Советское правительство, неизменно придерживаясь принципа невмешательства во внутренние дела других стран, не считает целесообразным принять на себя посредничество, просьба о котором содержится в меморандуме правительства Чан Кайши правительству СССР. Советское правительство вновь подчеркнуло, что восстановление единства Китая как демократического и миролюбивого государства является делом самого китайского народа, и оно должно быть достигнуто внутренними силами Китая, скорее всего путем непосредственных переговоров сторон и без иностранного вмешательства.

Переговоры между Гоминьданом и КПК состоялись в Бэйпине. Условия, выдвинутые Компартией, означали по существу безоговорочную капитуляцию Гоминьдана, и Чан Кайши эти условия отверг. 24 января 1949 г. Чан Кайши по собственной инициативе покинул пост Президента КР, его место занял Ли Цзунжэнь.

25 января 1949 г. нотой МИД КР в адрес посла СССР в КР Н.В.Рощина сообщалось, что, согласно решению китайского правительства, с 5 февраля с.г. законным местопребыванием китайского правительства будет Гуанчжоу. Что же касается переезда в Гуанчжоу дипломатических представительств, то МИД КР приложит все силы к тому, чтобы оказать им необходимое содействие в этом. Советское руководство дало указание послу СССР в КР проследовать в новую резиденцию китайского правительства – Гуанчжоу. Такое решение Советского правительства вызвало некоторое недоумение у руководства КПК. Разъяснил позицию СССР по данному вопросу прибывший по просьбе Мао Цзэдуна в ставку ЦК КПК в Сибайпо член Политбюро ЦК ВКП(б) А.И.Микоян. Он провел 1 февраля 1949 г. беседу с заместителем Мао Цзэдуна Чжоу Эньлаем и членом Политбюро ЦК КПК Чжу Дэ в присутствии переводчика Ши Чжэ. Говоря о причинах переезда советского посольства в Гуанчжоу, А.И.Микоян подчеркнул, что «в Китае пока имеется одно правительство, при котором аккредитован наш посол, и естественно, что он переехал вместе с китайским правительством в Кантон, оставив часть посольского аппарата в Нанкине. По существу, это не только не нанесет ущерба нашему общему делу, а, наоборот, поможет ему».

Мао Цзэдун после встречи с А.И.Микояном в Сибайпо. 1949 г.

СССР стремился действовать и в освобожденных районах в соответствии с нормами международного права. В напряженный период подготовки к форсированию соединениями НОАК р. Янцзы руководство СССР предприняло меры, направленные на корректировку деятельности представительств СССР на территории освобожденных ими районов. Введение этих мер было связано с отсутствием дипломатических и консульских отношений СССР с органами власти освобожденных районов Китая, а также в связи с тем, что демократические организации освобожденных районов требовали от всех иностранных консульств прекратить деятельность до установления нормальных дипломатических и консульских отношений с новыми властями.

16 февраля 1949 г. И.В.Сталин дал указание информировать Мао Цзэдуна об особых условиях деятельности на текущем этапе консульств СССР в Бэйпине, Тяньцзине, Харбине, на станции Маньчжурия, а также советских журналистов в освобожденных районах Китая. Согласно особой установке, впредь до новых указаний из Москвы, в освобожденных районах Китая всякая официальная деятельность советских консульств прекращалась, а неофициальные отношения с местными органами власти в экстраординарных случаях предписывалось поддерживать лишь лично консулу и вице-консулу. Советские газеты, издававшиеся в Харбине, Тяньцзине и др. освобожденных районах, следовало перерегистриро-

вать в местных органах китайской администрации; советские журналисты в освобожденных районах должны перестать функционировать официально (но не фактически).

1949 год вошел в историю советско-китайских отношений как год установления непосредственных личных контактов между высшими руководителями СССР и Компартии Китая. В течение пребывания А.И.Микояна в Сибайпо 31 января – 7 февраля 1949 г. состоялись его встречи с Мао Цзэдуном и другими руководителями КПК (поездка А.И.Микояна в Китай состоялась по согласованию И.В.Сталина с Мао Цзэдуном, вместо планировавшейся в 1947–1948 гг. поездки Мао Цзэдуна в Москву). В ходе встреч между Мао Цзэдуном и А.И.Микояном обсуждались все важные для КПК проблемы – подготовка к образованию коалиционного правительства в Китае, отношение КПК к США, основные принципы внешней политики КПК, военные проблемы, вопросы экономики и экономической политики КПК, проблемы истории партии, советская помощь Китаю и другие вопросы советско-китайского сотрудничества. Обсуждались проблемы МНР и советско-китайского договора 1945 г., положение нацменьшинств в Китае, структура государственной власти в новом Китае, положение внутри Компартии Китая и проблема партийных кадров, вопросы молодежного движения.

С 26 июня по 2 августа 1949 г. в Москве находилась делегация ЦК КПК во главе с секретарем ЦК КПК, членом Политбюро ЦК КПК Лю Шаоци. В состав делегации входили член Политбюро ЦК КПК, председатель правительства Северо-Востока Гао Ган и член ЦК КПК Ван Цзясян. Делегация вела переговоры с И.В.Сталиным и другими советскими руководителями по важнейшим вопросам, связанным с завершением гражданской войны, закреплением победы коммунистов и переходом от периода непрерывных войн к восстановлению экономики и организации управления на освобожденных территориях. И без того тяжелая для КПК экономическая обстановка серьезно осложнялась тем, что эвакуировавшаяся на Тайвань гоминьдановская армия готовилась к реваншу. К этому их толкали и влиятельные силы в американских правящих кругах. Над Китаем нависла реальная угроза американской и даже международной интервенции.

Делегации Лю Шаоци было поручено договориться с Советским руководством о срочной присылке в Китай зенитных орудий и военного персонала, специалистов войск ПВО, о предоставлении помощи в разминировании портов, о поставке нефтепродуктов. Советское правительство дало согласие на оказание помощи КПК по всем направлениям, обозначенным делегацией, что было оформлено торговым соглашением между СССР и делегацией народно-демократических властей Северо-Восточного Китая. В ходе переговоров в Москве были также достигнуты договоренности о командировании в Китай большой группы видных советских специалистов для оказания помощи в восстановлении народного хозяйства и организации работы будущих правительственных органов, а также об обучении кадров технических и военных специалистов, в том числе кадров ВВС и ВМС. ЦК ВКП(б) и ЦК КПК приняли решение о предоставлении КПК кредита на сумму 300 млн. долларов.

6 августа 1949 г. и.о. министра иностранных дел правительства Китайской Республики Е Гунчао вызвал поверенного в делах СССР в Китае В.В.Васькова и вручил ему личную ноту, содержавшую протест по поводу заключенного в Москве торгового соглашения между СССР и делегацией народно-демократических властей Северо-Восточного Китая. Как было указано в ноте, это соглашение нарушает статьи советско-китайского договора о дружбе и союзе от 14 августа 1945 г. и полностью игнорирует суверенитет Китая над тремя северо-восточными провинциями. Советское правительство оставило этот протест без ответа.

И.В.Сталин активно поддерживал действия КПК за пределами Дунбэя. Он не только не удерживал Мао Цзэдуна от продвижения войск КПК из Северного Китая на юг, за реку Янцзы, но, напротив, торопил Мао Цзэдуна с наступлением на Шанхай, Нанкин и другие крупные города, советовал как можно скорее создавать коалиционное правительство в Бэйпине, а еще лучше – в Нанкине, чтобы опередить Гоминьдан и США, которые могли сформировать коалиционное правительство на своих условиях. Эти вопросы поднял еще А.И.Микоян в первой же беседе с Мао Цзэдуном 30 января 1949 г., он продолжал обсуждать их и на дальнейших встречах. В ходе беседы Мао Цзэдун заявил А.И.Микояну, что в силу ряда обстоятельств руководство КПК и командование НОАК пока не готовы к операции по взятию Шанхая и Нанкина и поэтому ее следует «оттянуть до апреля». Он указывал на необходимость осуществить подготовительные мероприятия, в том числе «подтянуть тылы и восстановить разрушенные железные дороги, питающие фронт», а также дать войскам некоторую передышку и провести их перегруппировку. Мао Цзэдун отметил необходимость предварительного решения таких проблем, как обеспечение армии боеприпасами для оружия американского, японского, чехословацкого и советского производства, а также подготовка кадров для управления районами Шанхая и Нанкина, обеспечение населения продовольствием, организация денежного обращения. В 1949 г. войска НОАК вошли в Бэйпин (январь), Нанкин (апрель), Шанхай (май), продвигаясь на юг Китая.

Между тем в 1949 г. в Советском Союзе был принят ряд постановлений о дальнейшей помощи КПК. Речь идет о постановлении Совета министров СССР от 19 сентября 1949 г. о поставках для НОАК Китая боевых, учебных и транспортных самолетов, авиамоторов, зенитных пушек, пулеметов на сумму 125,8 млн. рублей, постановлении Совмина СССР от 4 ноября 1949 г. о поставках учебных самолетов, авиатехнического имущества и автомашин на сумму 28 млн. рублей, а также распоряжениях Совмина СССР от 3 и 19 декабря 1949 г. и 7 января 1950 г. министерству внешней торговли СССР о поставках в Китай 18,7 тыс. т авиабензина, 1 тыс. т автобензина, 1,4 тыс. т авиамасел, радиоламп и другой продукции на сумму 10,8 млн. рублей. Кроме того, СССР направил в Северо-Восточный Китай парашютное и аэродромное имущество, 2 тыс. т авиабензина на сумму 1,7 млн. рублей.

В докладной записке министра внешней торговли СССР М.А.Меньшикова на имя И.В.Сталина от 20 января 1950 г. «О торговле СССР с Народно-демокра

тическим Китаем» (об оказании военно-технической и другой материальной и кадровой помощи КПК в период гражданской войны 1946–1949 гг.) говорилось, что помимо поставок товаров и материалов из СССР в порядке взаимной торговли СССР осуществлял поставки на условиях предоставления властям КПК советского кредита. Во исполнение Постановления Совета министров СССР от 23 сентября 1949 г. демократическим властным структурам Северо-Восточного Китая было отправлено авиатехническое оборудование.

С переездом в марте 1949 г. ЦК КПК в Бэйпин (с 27 сентября Бэйпин был переименован в Пекин) началась подготовка к созыву Народной политической консультативной конференции, активизировалась деятельность КПК по созданию массовых демократических организаций.

Глава 3
Политика КПК в освобожденных районах

Новодемократическая теория и практика КПК

Политика КПК после завершения Антияпонской войны строилась на основе теории «новой демократии», разработанной Мао Цзэдуном еще в военные годы в качестве программы объединения вокруг КПК всех патриотических сил китайского общества на борьбу за упрочение национального суверенитета, освобождение страны от власти Гоминьдана и ее демократическое развитие. Социалистическая революция в силу обстоятельств отодвигалась во времени, подчеркивалась возможность и необходимость осуществления не социалистической, а так называемой «новодемократической» революции. Будущее государство объявлялось республикой «объединенной диктатуры нескольких революционных классов»; в экономике предполагалось сосуществование государственной, кооперативной, частнокапиталистической собственности. «Новодемократическая» программа получила полную поддержку VII съезда КПК (23 апреля – 11 июня 1945 г.).

Кардинальное изменение внутриполитической обстановки в итоге новой гражданской войны между Гоминьданом и КПК привело к серьезным изменениям в политике КПК, особенно в сфере аграрных отношений, так как именно привлечение на свою сторону крестьянских масс являлось одним из решающих факторов обеспечения НОА людскими и материальными ресурсами. В условиях гражданской войны с Гоминьданом перед КПК вновь, как и в период советского движения конца 20-х – начала 30-х годов, встали конкретные практические задачи организации политико-административного и экономического управления освобожденными районами, определения политической линии по отношению к со-

юзникам в деревне и в городе. Проводившаяся на территории освобожденных в период Антияпонской войны районов политика снижения арендной платы и ссудного процента под лозунгом «каждому пахарю – свое поле» принесла свои плоды. Она привела к улучшению положения беднейших и середняцких слоев крестьянства и ослабила социально-экономические позиции помещиков и зажиточной прослойки крестьян, что в целом стабилизировало социально-политическую ситуацию в освобожденных районах. Но по мере расширения в ходе военных действий территорий, освобожденных от гоминьдановского господства, и роста революционных настроений напряженность в деревне усиливалась. Беднейшая часть крестьянства уже не удовлетворялась снижением арендной платы и ссудного процента, а требовала решения вопроса о собственности на землю.

Идя навстречу этим требованиям, от выполнения которых напрямую зависела поддержка Компартии крестьянством в гражданской войне, руководство КПК уже осенью 1945 г. развернуло кампанию проверки выполнения политики снижения арендной платы и ссудного процента в так называемых «старых» освобожденных районах и «сведения счетов с предателями» на вновь освобожденных территориях, по сути нацеленную на переход к более радикальному решению аграрного вопроса. Согласно принятым в апреле 1946 г. «Конституционным принципам Пограничного района Шэньси–Ганьсу–Нинся» в рамках политики снижения арендной платы и ссудного процента более не гарантировалось сохранение частной собственности, напротив, допускалось применение насильственных действий по экспроприации земли, принадлежавшей помещикам и кулакам, вплоть до физического истребления последних. 4 мая 1946 г. ЦК КПК разослал на места закрытую партийную директиву, получившую название «Указания от 4 мая», в которой решение земельного вопроса объявлялось «основным ключевым звеном всей текущей работы». Предписывалось поддерживать требования крестьянства об отказе выплачивать арендную плату и ссудный процент, а также захват крестьянами помещичьей земли и ее раздел по принципу «каждому пахарю – свое поле». При проведении этой политики ЦК КПК требовал одновременно «всеми способами» привлекать на свою сторону середняков и в тактических интересах не трогать кулацкую землю, а также проводить различие между разными прослойками класса помещиков. В целях укрепления экономической базы освобожденных районов документ требовал защиты промышленности и торговли, включая все магазины и предприятия, открытые кулаками и помещиками, за исключением тех, кто совершил «большие преступления». Однако в своей практической работе руководство КПК (в директивах от 20 июня 1946 г., 1 февраля 1947 г.) требовало от низовых парторганизаций в деревне фактически осуществлять экспроприацию земли и даже всего имущества помещиков и кулаков.

В течение года со времени опубликования ЦК КПК директивы 4 мая земельная реформа осуществлялась довольно активно в большинстве «старых» освобожденных районов (освобожденных до победы в Антияпонской войне) и «наполовину старых» освобожденных районов (*бань лаоцюй*) (освобожденных в результате победы в Антияпонской войне и до начала стратегического наступления

НОАК). Тем не менее $^1/_3$ освобожденных районов, в том числе «новые освобожденные районы», возникшие после перехода НОАК в стратегическое наступление, не были охвачены аграрной реформой. В ряде районов аграрная реформа проводилась недостаточно последовательно и местами реформирование сопровождалось социальными конфликтами. Чаще всего они объяснялись тем, что в составе сельских парторганизаций было много выходцев из зажиточных слоев деревни, не одобрявших проведение радикальных мер в отношении помещичьего и кулацкого землевладения. Сложность ситуации потребовала от руководства КПК направления в деревню десятков тысяч кадровых работников. В свою очередь, бежавшие в города помещики, кулаки и *шэньши* создавали так называемые «отряды возвращенцев» для ведения вооруженной борьбы против КПК. В целях обобщения опыта аграрной реформы и стимулирования ее в новых освобожденных районах ЦК КПК в июле–сентябре 1947 г. провел в деревне Сибайпо уезда Цзяньпин (в настоящее время – уезд Пиншань) пров. Хэбэй Всекитайское совещание по земельному вопросу, на котором председательствовал Лю Шаоци и принимали участие 107 ответственных работников и делегатов от всех освобожденных районов.

В центре внимания совещания находились вопросы аграрной реформы и упорядочения партии. Был принят документ – «Основные положения земельного закона Китая (проект)», официально опубликованный 10 октября 1947 г. вместе с Декларацией НОА. «Основные положения земельного закона» стали первым программным документом аграрной реформы, официально принятым и опубликованным КПК после победы в Антияпонской войне. В законе проведение в жизнь суньятсеновского принципа «каждому пахарю – свое поле» увязывалось с ликвидацией помещичьего землевладения и уравнительным распределением земли по едокам при сохранении права на свободное ведение хозяйства, куплю-продажу и сдачу полученной земли в аренду «при особых условиях». Закон фиксировал механизм перераспределения земель, предусматривавший привлечение крестьянских масс к организации этого процесса. Согласно «Основным положениям», крестьянские собрания, собрания крестьянской бедноты и избранные ими комитеты, собрания крестьянских представителей районов, уездов, провинций и избранные всеми этими собраниями комитеты объявлялись законными органами исполнительной власти по проведению аграрной реформы. По сути, закон содержал программу ликвидации феодально-эксплуататорской системы землепользования во всем Китае. «Основные положения» уясняли главные цели и принципы земельной реформы, стимулировали ее осуществление в «новых» и «старых» освобожденных районах. Особое значение нового земельного законодательства заключалось в его политическом влиянии на ситуацию в регионах, контролируемых Гоминьданом.

Хотя и были допущены перегибы в отношении середняка, которые вскоре откорректировали, главная задача – облегчение жизни крестьян и поддержка ими войск НОА в гражданской войне была выполнена. Введение уравнительного передела земли нанесло мощный удар по существовавшей тысячелетия системе

феодального землепользования. В особенности это касалось «старых» и «наполовину старых» освобожденных районов с общим населением 100 млн. человек.

Ободренные новым отношением власти на местах к их нуждам, крестьяне активно вступали в ряды НОА, снабжали ее провиантом, фуражом, обмундированием и т.д. За три года в освобожденном районе Шаньси–Хэбэй–Шаньдун–Хэнань число крестьян, вступивших в армию, в общей сложности составило 1,480 млн. человек. В освобожденном районе Шаньдун в армию вступили 590 тыс. молодых людей.

Вместе с тем массовый подъем крестьянского движения во многих местах сопровождался серьезным «левым» уклоном. Середняков ошибочно причисляли к помещикам или к кулакам. В некоторых «старых» и «наполовину старых» освобожденных районах, где в результате ранее проведенной аграрной реформы середняки стали составлять большинство населения, осуществлялся повторный уравнительный передел земли, нарушавший интересы середняков, живших собственным трудом. В некоторых «новых освобожденных районах» партийное и политическое руководство недооценивало работу по политическому просвещению масс, в результате чего возникало недопонимание политики КПК в деревне. В освобожденных районах имели место такие негативные явления, как изъятие у помещиков и кулаков их промышленно-торгового бизнеса, взимание чрезмерно высоких налогов с предприятий национальной промышленности и торговли. Подобные действия провоцировали социальный раскол в деревне. В экономическом плане радикализация аграрных преобразований неизбежно вела к снижению товарности сельскохозяйственного производства, что не могло не сказаться на продовольственном снабжении армии.

Причины возникновения «левого уклона» неоднородны. Они связаны, во-первых, с несовершенством политики КПК, обусловленных гражданской войной и стихийной активизацией масс беднейшего крестьянства и сельского люмпен-пролетариата, буквально требовавших осуществления в короткие сроки уравнительного передела земли, а также уравнительного передела всей сферы промышленности и торговли. Во-вторых, влияние этих объективных факторов усугублялось отсутствием опыта и нехваткой кадров при проведении земельной реформы. Помимо этого сыграло роль и то, что часть кадров КПК опасалась обвинений в «правом уклоне», борьба с которым шла в ходе длительной кампании «чжэнфэн». Следует иметь в виду и тот факт, что идея уравнительного землепользования зародилась в Китае многие столетия назад и глубоко укоренилась в массовом сознании крестьянства.

После совещания ЦК КПК в декабре 1947 г. начался поиск корректив в аграрной политике партии. В выступлениях руководителей и в опубликованных документах ЦК КПК появились указания на ликвидацию конкретных перегибов в ходе аграрной реформы. В декабре 1947 г. ЦК КПК опубликовал документы – «О классовых разграничениях» и «Решения по некоторым вопросам борьбы за землю», направленные на устранение ошибок в аграрной политике КПК. Выступления представителей партийно-политического руководства КПК тех лет (Жэнь

Биши на расширенном совещании фронтового парткома Северо-Западной полевой армии, секретаря Северо-Западного бюро ЦК КПК Си Чжунсюня, секретаря Центрально-Китайского бюро ЦК КПК Дэн Сяопина), посвященные вопросам проведения аграрной реформы и исправлению допущенных ошибок, немедленно рассылались на места, доводились до сведения партийного руководства и рабочих групп, занимающихся аграрной реформой.

Все эти меры сыграли важную роль в исправлении «левого» уклона и в нормализации отношений КПК с различными слоями сельского населения. В конечном счете КПК пришла к пересмотру аграрной политики. 25 мая 1948 г. ЦК КПК принял «Указания о работе в 1948 г. по проведению аграрной реформы и упорядочению партии». Согласно этому документу, вводился гибкий дифференцированный курс в решении земельного вопроса. Он предусматривал постепенный отказ от радикальных форм земельной реформы и возвращение к политике снижения арендной платы и ссудного процента. Эту линию подтвердил и II пленум ЦК КПК 7-го созыва (март 1949 г.), благодаря чему удалось стабилизировать социально-политическую ситуацию в тылу НОА, которая вела стратегическое наступление. Одновременно с корректировкой аграрной политики основная тяжесть налогового бремени в освобожденных районах была возложена на помещиков и кулаков, что способствовало восстановлению нормального снабжения НОА.

Составной частью «новодемократической политики» КПК была защита национальной промышленности и торговли от проявлений так называемого «крестьянского социализма» с его уравнительными тенденциями. Этот вопрос широко обсуждался на местах. На совещании по финансово-экономическим вопросам в Северном Китае (июнь 1947 г.) было подтверждено, что «новодемократическая экономика» включает три сектора – общественный, частный и кооперативный, причем в перспективе развитию «общественного хозяйства» отдавался приоритет в областях финансов, внешней торговли, транспорта и тяжелой промышленности. Подчеркивалось, что на текущий момент общественный сектор еще не может занимать главного места в экономике освобожденных районов и основные позиции остаются за частным и кооперативным секторами. Поддержка и поощрение частно-капиталистического сектора экономики предусматривалась и после создания «независимого, мирного, демократического нового Китая».

«Новодемократические» установки нашли отражение и в социальной политике КПК, направленной на смягчение классового антагонизма между рабочими и капиталистами. Еще на начальном этапе гражданской войны против Гоминьдана ЦК КПК в «Указаниях по вопросам экономического строительства в освобожденных районах» (март 1946 г.) подчеркивал: «В освобожденных районах в сфере взаимоотношений труда и капитала следует проводить курс на сотрудничество, чтобы обеспечить развитие производства, а благосостояние рабочих должно достигаться через развитие производства и процветание экономики, любые односторонние чрезмерные требования будут подрывать экономику освобожденных районов».

Исходя из закрепленного в решениях VII съезда КПК курса на создание «новодемократической экономики», предусматривавшего широкое привлечение иностранного капитала, а также для исправления имевших место при освобождении крупных городов перегибов в отношении иностранных предприятий ЦК КПК издал в феврале 1948 г. «Указания о проведении политики в отношении иностранцев, находящихся в Китае». Согласно этому документу, созданные или управляемые иностранцами частные заводы, шахты и другие предприятия не подлежат конфискации или ликвидации. То же самое касается и предприятий, управляемых иностранцами. Иностранным предпринимателям также разрешалось продолжать свою деятельность при условии соблюдения законов и постановлений новых властей. Предусматривалось введение государственного контроля над внешней торговлей, реформирование таможенной системы и отмена любых особых прав и привилегий иностранцев в Китае.

Большое внимание проблемам управления и экономического строительства в освобожденных районах и в будущем демократическом Китае уделял Чжоу Эньлай. В подготовленных им 21 июня 1948 г. тезисах «Новодемократическое экономическое строительство» поставлен ряд вопросов, связанных с конкретным содержанием «новодемократической» экономики и политики. Как считал Чжоу Эньлай, Компартии предстоит решить принципиальные вопросы в области руководства экономикой, сделать выбор между «в основном плановой экономикой» или же «полностью либеральной экономикой». Он также предлагал ответить на вопрос, что именно нужно защищать в финансовой области: государственные банки или частные меняльные конторы. Чжоу Эньлай считал необходимым разобраться с налоговой политикой и четко обозначить экономические уклады, определив ведущий. При проведении «новодемократического» экономического строительства необходимо, писал Чжоу Эньлай, «бороться с крестьянским социализмом или крайней уравнительностью».

Из этих тезисов Чжоу Эньлая видно, насколько сложным для руководства КПК оказался переход к работе в городах, прежде всего крупных. На состоявшемся в сентябре 1948 г. заседании Политбюро ЦК КПК было решено «усилить работу по управлению городами и постепенно перенести центр тяжести работы из деревни в город». В соответствии с этим курсом в партийных документах со второй половины 1948 г. руководящей силой китайской революции назывался рабочий класс. Поворот в сторону рабочего класса также в значительной степени был связан с необходимостью расширения социальной базы КПК в городах и обеспечения активного участия рабочих в экономических преобразованиях, направленных на превращение Китая в индустриальное государство.

С целью повышения идеологической подготовки партийного актива (в большинстве состоявшего из прошедших военную выучку крестьян) в июле 1948 г. ЦК КПК дал указание о создании Института марксизма-ленинизма. В идеологический базис были включены идеи Мао Цзэдуна, которым, в соответствии с указанием орготдела ЦК КПК, должна следовать «вся партия, начиная от высшего звена и кончая низшим».

В ряде опубликованных в 1948 г. статей Мао Цзэдун заявлял о приверженности КПК марксизму-ленинизму, пролетарскому интернационализму, писал о международном значении опыта КПСС и при этом подчеркивал, что «Коммунистическая партия Китая и есть такая партия, которая создана и развивается по образцу Коммунистической партии Советского Союза». В декабре 1948 г. ЦК КПК подверг критике «правоуклонистскую» идеологию партийных кадровых работников, игнорировавших рабочий класс при проведении работы в городах. Поворот партийной политики в сторону рабочего класса соответствовал новым условиям работы Компартии. Распространение власти КПК на новые обширные территории, ожидаемая скорая победа над гоминьдановским режимом требовали налаживания взаимодействия партии со всеми классами и социальными слоями населения в масштабах всей страны. В «новодемократическую» политику, до тех пор ориентированную прежде всего на крестьянство, встраивался добавочный новый вектор – на разработку политического курса по отношению к рабочему классу. На том этапе данный курс не предполагал переориентации на социалистическую революцию.

После завершения Антияпонской войны численность Компартии увеличивалась стремительно, причем главным образом благодаря росту сельских парторганизаций. Если к VII съезду партия насчитывала более 1,2 млн. членов, то в июле 1946 г. – 1,5 млн., в декабре 1947 г. – 2,7 млн., в октябре 1948 г. – более 3 млн., в октябре 1949 г. – 4,5 млн. человек. С 1948 г. Компартия расширялась и благодаря созданию парторганизаций в освобожденных городах. Удельный вес армейского партийного аппарата постепенно уменьшался и накануне победы КПК составлял менее $^1/_4$ от общего числа членов КПК. Наиболее высокие темпы роста парторганизаций наблюдались в «новых освобожденных районах». Отмена партийным руководством ряда социальных ограничений при приеме в партию стимулировала рост числа членов КПК. Социальный состав КПК на момент завершения гражданской войны и победы КПК в демократической революции характеризовал Коммунистическую партию как широкую социально-классовую коалицию. В 1949 г. крестьяне и выходцы из крестьян составляли 80%, рабочие – 5%, прочие – 15% всех членов КПК (социальная структура партии была, конечно, более сложной). В КПК насчитывалось 150 тыс. партийных ячеек, в том числе более 120 тыс. сельских, около 3 тыс. заводских; остальные парторганизации действовали в учреждениях и в рядах НОА.

В августе 1948 г. в Харбине, крупном индустриальном городе Северо-Восточного Китая, состоялся VI Всекитайский съезд профсоюзов (через 19 лет после V съезда, проходившего в 1929 г.). В его работе участвовали делегаты профсоюзов освобожденных районов, Китайская ассоциация труда, действовавшая в районах, подконтрольных Гоминьдану, а также делегации промышленных центров страны – Шанхая, Тяньцзиня, Таншаня. В приветствии ЦК КПК съезду наряду с пожеланием усилить профсоюзную работу, сплачивать и воспитывать рабочих и служащих прозвучал призыв к рабочим освобожденных районов «охранять интересы как народных, так и частных предприятий, как труда, так и капитала».

Съезд воссоздал Всекитайскую федерацию профсоюзов (ВФП), председателем которой был избран член Северо-Восточного бюро ЦК КПК Чэнь Юнь; принял устав ВФП, избрал его Исполком. Руководящее положение в руководстве ВФП заняли коммунисты.

Разрабатывая политику по отношению к рабочему движению, партийное руководство стремилось, с одной стороны, организовать и сплотить рабочих на борьбу за повышение благосостояния и свои гражданские права, с другой стороны, пыталось сдерживать чрезмерную активность профсоюзов и не допустить развития «левого уклона», грозившего расколом общества в сложных условиях борьбы с Гоминьданом. Наибольшие успехи в рабочем и профсоюзном движении наблюдались в Северо-Восточном Китае. Они были связаны как с относительно высоким уровнем развития и концентрации промышленности в этом регионе, так и с влиянием советского опыта организации профсоюзов и их участия в управлении производством. Важную роль в профсоюзном движении сыграли предприятия, находившиеся в совместной собственности и управлении, – КЧЖД и советско-китайские предприятия в Дальнем (Даляне), на которых действовали советские законы о труде.

Составной частью работы КПК в городах являлось создание массовых общественных организаций, поддержка которых Компартии Китая в ее противостоянии с Гоминьданом сыграла заметную роль в победе КПК в гражданской войне. В марте–мае 1949 г. были образованы Всекитайская демократическая федерация женщин, Новодемократический союз молодежи Китая, Всекитайская федерация демократической молодежи и другие массовые организации. Расширение демократического фронта борьбы с гоминьдановским режимом на пути развития рабочего и общественного движения отражало интересы нации и одновременно расширяло социальную базу Компартии Китая, до этого ограниченную главным образом крестьянством.

«Новодемократическая» политика Компартии, хотя и претерпела в послевоенный период определенную корректировку, однако вплоть до победы демократической революции в 1949 г. сохраняла свою характерную черту – направленность на создание и укрепление «широчайшего единого общенационального фронта», объединявшего рабочих, крестьян, городскую мелкую буржуазию, национальную буржуазию, прогрессивно настроенных шэньши, другие патриотические элементы, национальные меньшинства и китайцев, проживавших за границей. В своей программной статье «Довести революцию до конца» (30 декабря 1948 г.) Мао Цзэдун выдвинул теоретическое положение об установлении в Китае демократической диктатуры народа, основанной на союзе рабочего класса и крестьянства и руководимой рабочим классом. Положение о демократической диктатуре народа было утверждено на состоявшемся 5–13 марта 1949 г. II пленуме ЦК КПК 7-го созыва в Сибайпо. Этот пленум занял важное место в истории КПК. На нем обсуждался комплекс военных и политических вопросов, связанных с окончательным свержением власти Гоминьдана, в том числе вопрос о созыве Народной политической консультативной конференции как легитимно-

го органа, призванного способствовать созданию механизма новой власти. Разработкой общей программы этой конференции занимался Подготовительный комитет, созданный решениями совещания представителей ЦК КПК с демократическими деятелями, состоявшегося еще в декабре 1948 г. в Харбине. Особое внимание пленум уделил проблемам характера революции и вопросу о перенесении центра тяжести работы партии в города.

Выступая на открытии пленума, Мао Цзэдун заявил: «Мы должны целиком и полностью опираться на рабочий класс, сплачивать остальную массу трудящихся, завоевывать на свою сторону интеллигенцию, завоевать как можно больше людей из национальной буржуазии и ее представителей, которые могут с нами сотрудничать, или добиваться сохранения ими нейтралитета с тем, чтобы вести решительную борьбу против империалистов, Гоминьдана и бюрократической буржуазии и постепенно одолеть этих врагов». В его выступлении прозвучала уверенность в обеспечении быстрых темпов восстановления китайской экономики при помощи Советского Союза. Мао Цзэдун обозначил также некоторые принципы нового государства в области внешней политики, заявил о готовности на принципах равенства установить дипломатические отношения со всеми государствами, а также торговать не только со странами социализма и народной демократии, но и с капиталистическими государствами.

Мао Цзэдун объявил на пленуме, что центр тяжести работы партии будет перемещаться из деревни в город. Во главу угла перспективных планов Мао Цзэдун поставил экономическое строительство и выдвинул курс на превращение Китая из аграрной страны в индустриальную, а «новодемократического общества» – в социалистическое.

Пленум также призвал партию при проведении работы в городах опираться на рабочий класс. Перерастание буржуазно-демократической революции в социалистическую и последующее построение социализма в Китае рассматривались пленумом как задачи на перспективу. Ликвидацию частного капитала в ближайшей перспективе Мао Цзэдун объявил проявлением «левооппортунистических» или авантюристических взглядов. Таким образом, программа мирного строительства формировалась на основе «новодемократической» политики.

Вместе с тем, несмотря на единую в целом позицию руководства КПК по основным вопросам «новодемократического» строительства, на пленуме обозначились некоторые разногласия внутри ЦК, главным образом вокруг вопроса о длительности периода «новой демократии». Так, в выступлениях Мао Цзэдуна проявлялась склонность к политике «ограничения» буржуазии и были заметны признаки революционного нетерпения, стремления ускорить процесс развития китайского общества по пути к социализму. Однако значительная часть партийного руководства продолжала рассматривать концепцию «новой демократии» как политическую стратегию, рассчитанную на длительный период. К этой группе принадлежали Лю Шаоци, Чэнь Юнь, Дэн Цзыхуэй, Дэн Сяопин, Бо Ибо, в какой-то мере и Чжоу Эньлай.

В заключительном слове на II пленуме ЦК КПК Мао Цзэдун подчеркнул важность работы по комплектованию состава будущего народного правительства Китая, подчеркнул необходимость и целесообразность включения в него видных демократических лидеров. Чжоу Эньлай рассматривался на пленуме в качестве премьер-министра будущего правительства. Свое выступление на пленуме Чжоу Эньлай посвятил наиболее актуальным для текущего момента вопросам – централизации управления и росту производства в тыловых районах как необходимых предпосылок скорейшего достижения окончательной победы Компартии.

При разработке планов строительства «новодемократической» экономики в начале 40-х годов Мао Цзэдун в немалой степени рассчитывал на поддержку США. Однако эти надежды не оправдались, США во внутрикитайском конфликте встали на сторону Гоминьдана, оказав большую военную и экономическую помощь Национальному правительству. Реальную помощь Компартии и Мао Цзэдуну оказал Советский Союз, прежде всего помогая создать в Дунбэе военно-экономическую базу демократической революции. Опираясь на эту базу, укрепляя НОАК и проводя курс на укрепление единого национального фронта широких социальных слоев китайского общества, КПК выстраивала государственно-политическую структуру на территории освобожденных районов, противостоявшую гоминьдановской государственно-политической структуре. Недооценка Гоминьданом значения освобожденных районов как специфического фактора демократической революции значительно усугубляла трудности Национального правительства и его армии в ходе гражданской войны.

Маньчжурская революционная база и освобожденные районы

Фактически сразу же после завершения освобождения территории Северо-Восточного Китая советскими войсками в конце августа 1945 г. ЦК КПК послал туда 1 тыс. кадровых работников для обеспечения контроля КПК над теми районами, которые не были заняты Советской армией, для создания там новых органов власти и формирования вооруженных сил КПК. Затем было прислано еще 20 тыс. кадровых работников. Группа кадровых работников КПК была также прислана из СССР, некоторые из них стали заместителями комендантов советских гарнизонов (в том числе в г. Цицикар). Одновременно на территорию региона вводились части НОА, численность которых к концу 1945 г. достигла 274 тыс. человек. В январе 1946 г. на базе этой группировки войск КПК была сформирована Объединенная демократическая армия под командованием Линь Бяо (ОДА).

В середине сентября 1945 г. по решению ЦК КПК было создано Северо-Восточное бюро ЦК КПК во главе с Пэн Чжэнем, под руководством Компартии развернулся процесс формирования на территории Маньчжурии местных орга-

нов власти. К маю 1946 г. в соответствии с принципом «трех третей» (по которому треть мест отводилась представителям КПК) на Северо-Востоке было создано 11 народно-демократических правительств во главе с коммунистами либо коммунисты становились в них заместителями председателей правительств. В это же время примерно в трети уездов Северо-Восточного Китая были проведены выборы на местном уровне власти, причем подавляющее большинство депутатов представляло рабочих и крестьян.

Учрежденный в Харбине в июне 1946 г. на основе выборов народных представителей Временный совещательный комитет принял Политическую программу, предусматривавшую осуществление демократической политики и проведение всеобщих равных и прямых выборов, охрану частной собственности, восстановление промышленности и торговли, в том числе частных предприятий путем поощрения совместного развития предприятий рабочими и предпринимателями на основе согласования общих интересов. В связи с обострением военного противостояния КПК с Гоминьданом после вывода советских войск из Маньчжурии в мае 1946 г. возникла необходимость в централизации военно-политического руководства регионом. В ходе проведенной в июне реорганизации системы управления вся партийная, политическая и военная власть была сосредоточена в руках Линь Бяо, назначенного секретарем Северо-Восточного бюро ЦК КПК, командующим и политическим комиссаром ОДА. Заместителями секретаря и политкомиссара стали Пэн Чжэнь, Гао Ган, Ло Жунтань и Чэнь Юнь.

В августе 1946 г. в Харбине состоялась Объединенная конференция представителей всех провинций Северо-Восточного Китая, принявшая «Общую политическую программу демократического правительства всех провинций и особых муниципалитетов Северо-Восточного Китая». Этот документ призывал все слои населения и все политические силы к объединению против гоминьдановского правительства, предусматривал создание регионального коалиционного правительства из представителей демократических партий и беспартийных деятелей, а также формирование системы местного самоуправления.

Программа также предусматривала проведение аграрной реформы путем распределения земли между безземельными и малоземельными крестьянами при сохранении за помещиками наделов, необходимых для их жизнеобеспечения; развитие промышленности и торговли при поощрении частного капитала и сохранении «нормальной» прибыли для предпринимателей. Программа гарантировала свободу слова и печати, равенство всех национальностей, создание доступной для народа системы образования. На основе принципа «трех третей» конференция избрала Северо-Восточный административный комитет в составе девяти коммунистов, четырех членов Демократической лиги, двух левых гоминьдановцев, а также представителей других демократических организаций и национальных меньшинств. В составе Административного комитета были сформированы подкомитеты по направлениям деятельности (гражданской администрации, финансов, строительства). Управляемая Административным комитетом территория была поделена на 11 административных единиц (провинций,

включая г. Харбин в качестве особого административного подразделения). Таким образом, на территории Северо-Восточного Китая возникла целостная система власти, необходимая для превращения этой территории в военно-экономический плацдарм для наступления НОА на города и провинции южной части региона и последующего перехода в общее стратегическое наступление с целью разгрома гоминьдановских армий.

Осенью 1946 г. в Дунбэе развернулась аграрная реформа, в ходе которой была ликвидирована помещичья собственность на землю, а к середине 1947 г. землей было наделено всё безземельное и малоземельное крестьянство, батраки и другие малоимущие слои деревни (всего землю получили 6,3 млн. крестьян).

Северо-Восточный Китай представлял собой наиболее развитый в индустриальном отношении регион страны. После его захвата Японией ее правительство учредило специальную Компанию по развитию тяжелой промышленности Маньчжурии («Мангё»), которой было предоставлено монопольное право на производство черных и цветных металлов, производство автомобилей и самолетов. В развитие добывающих и обрабатывающих отраслей Маньчжурии были направлены значительные японские инвестиции. Регион фактически являлся экономическим придатком Японии, которая в 30–40-х годах превратила его в свою военно-промышленную базу на оккупированной китайской территории, в плацдарм для завоевания Китая и подготовки к войне с Советским Союзом. В соответствии с проводимой после разгрома Японии политикой конфискации предприятий японского капитала и сотрудничавших с оккупантами представителей китайской буржуазии находившиеся на территории Дунбэя японские предприятия в мае 1946 г. были переданы китайским властям. На территории освобожденных районов северо-востока эти предприятия стали общенародной собственностью. Одновременно расширялась деятельность китайского национального капитала, быстро возрастало число принадлежащих ему предприятий и фирм, чему способствовала политика народно-демократической власти.

По мере разгрома остатков гоминьдановской армии на юге Дунбэя несколько тысяч кадровых работников во главе с видным деятелем Компартии Китая Чэнь Юнем (на тот момент – заместителем секретаря Северо-Восточного бюро ЦК КПК и заместителем политкомиссара ОДА) были направлены в Шэньян и другие промышленные центры для организации управления, восстановления порядка, проведения революционных преобразований и налаживания хозяйственной жизни.

Программа экономического строительства в регионе была разработана Чэнь Юнем и другим видным деятелем Компартии Китая Чжан Вэньтянем (на тот момент – членом постоянного комитета и заведующим орготделом Северо-Восточного бюро ЦК КПК). В подготовленных Чжан Вэньтянем «Тезисах о структуре экономики Северо-Востока и основном курсе в экономическом строительстве» (сентябрь 1948 г.) констатировалось, что «после уничтожения феодализма, бюрократического капитализма и ликвидации особых прав империалистов в экономике Северо-Восточного Китая она в основном включает пять укладов: государственный, кооперативный, государственно-капиталистический, част-

нокапиталистический и мелкотоварный», причем государственный сектор является доминирующим. Все органы управления государственными предприятиями должны были работать по единому плану, подчиняясь единому руководящему органу, чтобы не допустить анархии на производстве и вести борьбу с анархией рынка. Во избежание конкуренции между госпредприятиями вследствие разницы в ценах предусматривалось проведение единой ценовой политики в отношении как закупочных цен на сырье, так и цен на готовую продукцию. Для содействия решению этой задачи предполагалось создать систему отраслевых банков в промышленности, сельском хозяйстве, торговле.

В связи с проблемами кооперативного сектора подчеркивалась необходимость «строгого соблюдения принципов добровольности и взаимной выгоды» мелких производителей (главным образом крестьян) при вступлении в группы трудовой взаимопомощи. Подчеркивалась особая роль снабженческо-сбытовых кооперативов как «ключевого звена в организации производства и потребления в деревне, экономического моста» между производственными кооперативами мелких производителей и государственным сектором.

Ставилась задача развития на Северо-Востоке государственного капитализма, который в рамках «новодемократической» экономики призван, в свою очередь, направлять развитие частнокапиталистического уклада. При этом подтверждалась необходимость соблюдения принципов добровольности и взаимной выгоды при подписании контрактов с капиталистами. В «Тезисах» выделялись четыре существовавшие тогда на Северо-Востоке Китая формы госкапитализма: аренда, переработка сырья, заказ готовой продукции, комиссионная торговля. В тезисах подчеркивалось, что «курс на развитие государственно-капиталистического хозяйства выгоден для новодемократической экономики, поскольку он ставит частный капитал под управление и контроль государства».

По поводу частнокапиталистического уклада в «Тезисах» говорилось, что в силу «недостаточного развития государственного сектора, неразвитости кооперативного сектора для удовлетворения всесторонних военных нужд и потребностей народа в условиях свободы торговли развитие частнокапиталистического хозяйства является естественным, а в определенной мере – и необходимым», особенно в тех районах, где государственный и кооперативный секторы весьма слабы. Поэтому любое полезное для государства частное предприятие надо поддерживать, а «спекулятивный торговый капитал», который особенно укрепился при гоминьдановском режиме, необходимо реформировать и направлять в промышленное и сельскохозяйственное производство, используя соответствующее законодательство и развивая государственную и кооперативную торговлю. В отношении частного капитала осуществлять политику «и сотрудничества, и борьбы», «и стимулирования, и ограничения», но главным образом организовывать «мирное соревнование в экономической сфере», не прибегая к неоправданному администрированию.

О мелкотоварной экономике в документе говорилось, что она «главным образом представлена крестьянским мелкотоварным хозяйством», занимающим пре-

обладающее место в экономике северо-востока. Мелкотоварная экономика в новодемократическом государстве ввиду сосуществования государственного и частнокапиталистического секторов должна пережить долгий переходный период к социализму. Новодемократическое государство «должно использовать все средства» для укрепления права личной собственности мелких товаропроизводителей (главным образом крестьян), стимулируя «развитие их производства и обогащение» на основе единоличных частных хозяйств. При объединении производителей в различные кооперативы необходимо соблюдать принцип добровольности и «не затрагивать права частной собственности на имущество». При этом следует учитывать, что переход к социализму китайской деревни (к колхозной системе) займет длительный, многоступенчатый период и скорость такого перехода главным образом будет зависеть от государственных поставок крестьянам сельскохозяйственной техники нового типа.

В экономической политике предлагалось проводить ясную «пролетарскую руководящую линию», которая, говорилось в «Тезисах», заключается в том, чтобы «развивая государственный сектор в качестве основы, повсеместно развивать и в полной мере опираться на массовую кооперативную экономику, помогать и преобразовывать мелкотоварную экономику, допускать и поощрять частнокапиталистическую экономику и в то же время наносить удары по любой спекулятивной и монопольной деятельности, вредной и для государства, и для народа».

В выдвинутых Чжан Вэньтянем «Тезисах» впервые была всесторонне и подробно изложена программа создания и управления государственным сектором «новодемократической» экономики, который в первые три года после образования КНР функционировал в основном по сути именно на основе этой программы. То же самое, возможно, можно сказать и об опыте формирования Компартией Китая органов власти и системы управления в масштабах крупного, промышленно развитого региона.

Особую роль в развитии Маньчжурской революционной базы сыграла всесторонняя помощь Советского Союза. Сразу после разгрома японских захватчиков СССР начал оказывать большую помощь новой власти в восстановлении железнодорожного сообщения и многих промышленных предприятий, в том числе в рамках созданных после победы над Японией крупных совместных советско-китайских компаний. Одновременно СССР оказал большую помощь вооруженным силам КПК в Дунбэе, передав им большое количество трофейного оружия и военной техники Квантунской и марионеточной армий. Уже в конце 1945 г. в Харбине, Шэньяне и других крупных городах были открыты отделения торгпредства СССР и представительства ряда всесоюзных торговых объединений. На протяжении гражданской войны значительная часть советских поставок шла на военные нужды, в конце войны стал возрастать импорт советского оборудования и товаров широкого потребления. Советский Союз оставался единственным крупным торговым партнером Северо-Восточного Китая. Несмотря на военные действия, товарооборот между регионом и СССР в 1947–1949 гг. увеличился вдвое (с более 400 млн. руб. до более 900 млн. руб.).

По мере развития стратегического наступления НОА и полного освобождения Дунбэя от гоминьдановских войск встала задача строительства органов власти в «новых освобожденных районах» и перехода от решения военных задач к мирному экономическому строительству, связанному с переносом центра тяжести партийной работы из деревни в город. В августе 1948 г. был создан Народный правительственный совет Северо-Восточного Китая, возглавлявшийся членом Политбюро ЦК КПК Гао Ганом. В состав совета помимо 35 членов КПК вошли также один член Демократической лиги, два левых гоминьдановца и три беспартийных деятеля. В целях улучшения организации управления регионом было проведено укрупнение входивших в него провинций и принято решение о проведении с сентября 1948 г. по март 1949 г. выборов в правительственные советы в деревнях, округах и уездах. 21 августа 1949 г. был созван Съезд народных представителей Северо-Восточного Китая в составе 345 человек, представлявших все районы этой территории и все слои населения: рабочий класс, крестьянство, интеллигенцию, армию, молодежь, предпринимателей, национальные меньшинства. Съезд заслушал доклады руководства Северо-Восточного административного комитета о работе правительства за три года, Северо-Восточного бюро ЦК КПК о задачах перехода региона к мирному строительству, а также Народного правительственного совета Северо-Восточного Китая. Таким образом, накануне окончания гражданской войны и провозглашения КНР завершился процесс формирования органов новой власти в Северо-Восточном Китае на всех уровнях – от деревень до регионального.

Строительство новой государственности на территории Маньчжурской революционной базы, так и вне ее, на подконтрольных Компартии территориях, велось в русле политики КПК и имело признаки объективно развивавшегося процесса, становление которого относится к периоду Антияпонской войны. Органы власти и управления строились в основном на тех же принципах, что и в антияпонских базах КПК. Летом 1946 г. были избраны консультативные советы уездов в Шаньси–Суйюаньском освобожденном районе. В этих выборах приняло участие свыше 1,6 млн. избирателей. Основной состав избранных депутатов – трудящиеся, но были также депутаты из помещиков, богатых крестьян, национальной буржуазии. В тот же период был избран Временный консультативный совет Харбина, одного из самых крупных городов, оказавшихся в руках коммунистических войск. Делегатами этого совета кроме рабочих, крестьян, солдат, интеллигенции были также представители шэньши и торгово-промышленных кругов. В начале 1947 г. прошли выборы низовых органов власти в Пограничном районе Шэньси–Чахар–Хэбэй.

Северо-Восточный Китай был наиболее стабильным из крупных освобожденных районов, на его территории находилось немало городов. Именно в этом регионе перед КПК раньше, чем в других районах, встали задачи экономического и административного строительства. Административные реформы на Северо-Востоке осуществлялись с 1946 г. В 1947 г. в регионе был создан первый район национальной автономии – Автономная область Внутренняя Монголия.

Освобожденные районы Китая (на 30 июня 1949 г.)

К началу 1949 г. была освобождена вся территория Китая к северу от реки Янцзы. Народно-освободительная армия заняла ряд крупнейших городов страны – экономических и культурных центров, оказывающих разнообразное влияние на прилегающие к ним большие территории. В это время КПК разработала новую организационную форму власти – военно-контрольные комитеты (ВКК) НОАК. (Армия КПК и в повседневной практике того времени, и в исторической литературе, включая современную, обозначается двояко: и НОАК, и НОА.) Эти комитеты назначались фронтовыми военными и политическими органами, а после образования КНР и Центральным народным правительством.

С созданием в только что освобожденной местности ВКК он становился главным органом революционной власти. Помимо преобразования или ликвидации органов старой власти в основные задачи комитетов входило установление «революционного порядка», подавление «контрреволюционной деятельности» и, когда позволяли условия, созыв конференций представителей всех слоев народа, как стали называться после 1947 г. органы народного представительства освобожденных районов. Военно-контрольные комитеты имели право издавать приказы о военном положении и временные декреты. Например, ВКК административного центра пров. Хунань г. Чанша состоял из штаба гарнизона и противовоздушной обороны, городского правительства, нескольких отделов по принятию управления в области финансово-экономической работы, коммуникаций, культуры и просвещения, отдела общественной безопасности и административного отдела. Таким образом, в данном случае городское правительство входило в ВКК на правах отдела.

В освобожденных районах в первый период после перехода района под управление КПК основная работа в области руководства экономической и культурной жизнью ложилась на отделы по принятию управления. Практически это осуществлялось специальными группами по принятию управления во главе с военными представителями. В ряде случаев они создавали свое управление на принятых к управлению предприятиях, и военные представители становились главными руководителями таких объектов.

ВКК в зависимости от конкретной обстановки постепенно передавали административные функции местным правительствам, а военные функции – командованию НОА. Однако во всех случаях ВКК продолжали осуществлять контрольные функции по отношению к местным народным правительствам, являясь в течение всего периода военного контроля руководящими органами власти на местах.

Военно-контрольные комитеты создавались в основном в крупных и средних городах, однако некоторые из них были учреждены и в других административных единицах, в частности свыше ста ВКК функционировали в уездах. В некоторых средних городах, не являвшихся ранее значительными экономическими центрами (например, в Баодине), ВКК не учреждали своего аппарата, а всю работу проводили через местные народные правительства. ВКК, а вместе с ними и народные правительственные советы, как правило, формировались еще до освобождения городов. Важную роль в обеспечении нормального принятия управле-

ния играли подпольщики-коммунисты. При некоторых ВКК функционировали военные трибуналы, приговоры которых можно было обжаловать в соответствующем комитете.

В первое время после освобождения новые власти использовали на работе чиновников старого режима, знавших местные условия, от работы были отстранены лишь явные «контрреволюционеры». После ознакомления новых кадровых работников с работой в городе (в Пекине этот процесс занял около двух месяцев) начиналась дифференцированная чистка аппарата. Многие старые служащие среднего и низшего рангов направлялись на курсы политического перевоспитания, после чего одни из них продолжали службу на старом месте, а других переводили на иную работу. Некоторые служащие старого режима подлежали увольнению, а совершивших преступления арестовывали и предавали суду. В районы городов ВКК направляли рабочие комиссии, состоявшие из кадровых работников, слушателей партийных школ, студентов, бойцов НОАК, коммунистов-подпольщиков. Комиссии подразделялись на группы: одни из них занимались ликвидацией гоминьдановских районных управ, другие – полицейскими участками и низовыми звеньями гоминьдановской администрации *бао*. Как правило, на работе использовали лишь немногих старых служащих *бао*, многие их начальники подлежали аресту и суду.

Новая власть при сломе гоминьдановского государственного аппарата на местах не сохраняла его прежней структуры. Там же, где иногда и оставались отделы с аналогичными старыми названиями (например, отделы гражданской администрации), они по кадровому составу и функциям далеко не совпадали с прежними звеньями правительственных структур. В городских районах полностью ликвидировались так называемые военные отделы, основным назначением которых были мобилизация в гоминьдановскую армию и принудительное взимание чрезвычайных налогов и сборов военного времени. Упразднялись и отделы подворной регистрации, ведавшие полицейской системой *баоцзя*. Повсеместно создавались отделы культуры и просвещения, не существовавшие в районных управах прежнего режима. В городских районах создавались отделы примирения, в функции которых входило примирение сторон в гражданских спорах и при рассмотрении незначительных уголовных дел. Эти отделы функционировали вплоть до организации народных судов. В сельских местностях КПК к моменту завершения гражданской войны накопила богатый опыт строительства властных структур, что значительно облегчало задачу слома старого государственного аппарата. Органы управления бывших партизанских районов переезжали в освобожденные города. В «новые освобожденные районы» для слома гоминьдановского аппарата власти переводились работники из старых революционных баз. Огромную роль в ликвидации старой и организации новой власти сыграли кадры НОАК.

Процесс ликвидации в «новых освобожденных сельских районах» системы *баоцзя* проходил в общих чертах так же, как и в городах. Первоначально НОАК и работники, направленные для организации новой власти, использовали систе-

му *баоцзя* для организации снабжения армии, мобилизации носильщиков, ознакомления с положением на местах. Одновременно велась большая работа среди крестьян с целью «пробудить политическое сознание», организовать кадры активистов, создать крестьянские союзы. После создания крестьянских союзов система *баоцзя* была ликвидирована. В низовых сельских административных единицах (волостях и административных селах) были созданы народные правительства, которые первоначально назначались вышестоящими органами. Тогда правительства не были коллегиальными органами, а строились по принципу единоначалия. Правительственные советы избирались позднее, после созыва «конференций представителей всех слоев народа» и принятия ими полномочий собраний народных представителей. Таким образом в стране постепенно возникла единая система местных государственных органов.

В начале 1949 г. площадь территории освобожденных районов достигла примерно 2,6 млн. кв. км, а их население превысило 200 млн. человек. В процессе революционной борьбы складывались крупные освобожденные районы, на основе которых впоследствии были созданы большие административные районы КНР. Во всех этих районах были учреждены соответствующие органы власти. В Северо-Восточном Китае таким органом сначала был избранный съездом представителей различных провинций Административный комитет (август 1946 г.), а затем в августе 1949 г. на конференции народных представителей Северо-Восточного Китая – народное правительство. В Автономной области Внутренняя Монголия было правительство, избранное Консультативным советом Внутренней Монголии, в Северном Китае – народное правительство, избранное Временным собранием народных представителей Северного Китая (июль 1948 г.). В остальных районах власть концентрировалась в руках военно-административных комитетов, административных управлений или временных народных правительств. Руководство освобожденными районами в масштабах страны, как и в период Антияпонской войны, осуществлял ЦК КПК и Народно-революционный военный совет.

Административный аппарат крупных административных районов значительно расширился. Так, например, в аппарате народного правительства Северного Китая были созданы министерства гражданской администрации, общественной безопасности, юстиции, финансов, торговли и промышленности, общественных предприятий, путей сообщения, здравоохранения, комитеты – финансово-экономический, водного хозяйства, а также палата народного контроля, народный суд региона, Северо-Китайский народный банк, секретариат. Все эти учреждения впоследствии стали базой формирования центральных органов КНР.

В ходе народно-освободительной войны слом судебных органов старого режима происходил примерно по той же схеме, что и упразднение органов административных, т.е. сразу отстранялись от работы «явные реакционеры» и назначалось новое руководство из числа «революционных кадров».

Вместе с тем мероприятия по реорганизации и слому старых судов не означали отказа от рассмотрения уголовных дел и гражданских споров, бывших в про-

изводстве этих судов. Дела, принятые к рассмотрению старыми судами, автоматически переходили к новым. При существенной нехватке судебных кадров из числа «революционных кадров» новая власть, как и при создании нового административного аппарата, использовала на службе судебных чиновников старого режима. Это относилось в первую очередь к судам больших и средних городов, где судебных дел было особенно много и скорейшее начало деятельности новых судов являлось одним из необходимых условий восстановления нормальной жизни.

В феврале 1949 г. директивой ЦК КПК было отменено действие законодательства гоминьдановской Китайской Республики на территории освобожденных районов. Объявлялся также недействительным «Люфа цюаньшу» («Полный свод шести отраслей права»), созданный в эпоху правления Цинской династии; эти законы нередко применялись и в годы гоминьдановского режима. За партийным документом последовал инструктивный приказ народного правительства Северного Китая, воспроизводивший и расширивший основные положения партийной директивы. Взамен отмененного старого законодательства судам и правительственным органам было предложено руководствоваться установлениями, содержавшимися в программах, положениях, приказах, постановлениях и других документах, опубликованных народными правительствами и Народно-освободительной армией, а при их отсутствии – «политикой народной демократии». Определенная правовая база освобожденных районов, заложенная еще на этапе советского движения в конце 20-х – начале 30-х годов, хотя и не была в должной мере систематизирована, способствовала регулированию общественных отношений на этапе перехода от старого гоминьдановского Китая к новому Китаю.

Создание единого национального фронта и победа демократической революции. Провозглашение Китайской Народной Республики

Идея единого национального или демократического фронта, которая была органической частью политики КПК на разных этапах политического и государственного строительства, выдвинулась на передний план в практической деятельности партии в 1948–1949 гг. К этому времени уже были созданы основы теории «новой демократии», близился и разгром Компартией армии Гоминьдана, укрепились освобожденные районы, наладились контакты КПК с демократическими партиями и организациями.

Выдвинув в Декларации НОА (10 октября 1947 г.) идею воссоздания единого национального государства на демократической основе, КПК сделала первый шаг к формированию в новых условиях единого национального фронта. Весной 1948 г. КПК начала практическую подготовку к его организационному оформлению. В своем первомайском обращении 1948 г. ЦК КПК предложил всем де-

мократическим партиям и группам, массовым организациям и отдельным видным политическим деятелям принять участие в новой Политической консультативной конференции (ПКК), которая и должна была стать организационной формой единого национального фронта. Было также решено передать ей функции представительного органа по подготовке создания новой системы власти. В изменившейся расстановке сил новая ПКК не должна была повторить судьбу ПКК периода переговоров Гоминьдана с КПК в 1945–1947 гг., при созыве которой не было подробно оговорены ее функции, а силы Гоминьдана значительно превосходили силы КПК.

Созыв ПКК тщательно готовился, были продуманы мельчайшие детали, начиная с организационных моментов и кончая юридическим обоснованием ее функций. Весной 1948 г. КПК начала активную деятельность по установлению контактов с рядом демократических организаций и лиц. 5 мая 1948 г. группа демократических деятелей – Ли Цзишэнь, Хэ Сяннин, Шэнь Цзюньжу, Чжан Боцзюнь, Ма Сюйлунь, Цай Тинкай, Тань Пиншань, Го Можо и другие направили Мао Цзэдуну телеграмму, в которой одобрили первомайский призыв ЦК КПК о созыве новой ПКК и предложение обсудить вопрос о Собрании народных представителей с целью образования демократического коалиционного правительства. Отвечая на эту телеграмму, Мао Цзэдун 1 августа 1948 г. запросил их мнение о сроках, организаторах и месте проведения новой ПКК и ее возможных участниках. Чжоу Эньлай дал указание органам партийной пропаганды в Гонконге/Сянгане и Шанхае широко освещать в СМИ телеграмму Мао Цзэдуна и популяризировать идею созыва новой ПКК.

Руководство Компартии организовало переезд из Гонконга и Шанхая в освобожденные районы самых влиятельных деятелей Демократической лиги и других демократических партий, в частности в Харбин. 3 октября 1948 г. Мао Цзэдун, Чжу Дэ и Чжоу Эньлай поздравили с прибытием в освобожденный Дунбэй большую группу руководителей демократических партий – Шэнь Цзюньжу, Чжан Боцзюня, Тань Пиншаня, Цай Тинкая и других, сообщив им о намерении КПК созвать в 1949 г. новую Политическую консультативную конференцию.

Начиная с осени 1948 г. операции по перемещению оппозиционно настроенных к Гоминьдану демократических деятелей в освобожденные районы приняли широкий размах. КПК подготовила и осуществила специальную секретную операцию по переправке на Север и Северо-Восток своих наиболее ценных политических союзников. Первую группу демократических деятелей тайно доставили из Бэйпина, находившегося тогда под контролем Гоминьдана, в одну из деревень пров. Хэбэй. Затем новые группы политиков были переправлены на советских торговых судах из Гонконга/Сянгана в Далянь (Дальний) и далее в глубь Дунбэя. Всего в сентябре 1948 – марте 1949 г. в ходе этой секретной операции было переправлено пять групп по нескольку десятков человек в каждой. В освобожденных районах они вели активную пропагандистскую работу в поддержку новой власти, а позже, после освобождения Бэйпина/Пекина, приняли участие в организации сотрудничества демократических партий с КПК.

Мао Цзэдун с членами подготовительного комитета по созыву НПКК.
В первом ряду слева направо: Чжан Боцзюнь, Чжу Дэ, Мао Цзэдун, Шэнь Цзюйшу, Ли Цзишэнь, Чэнь Цзягэн, Мао Дунь

8 октября Чжоу Эньлай подготовил меморандум «О некоторых вопросах, связанных с созывом Народной политической конференции», а также проект Совместной политической программы, который он затем переработал в проект Совместной программы китайской народно-демократической революции.

5 ноября Чжоу Эньлай телеграфировал в представительство КПК в Гонконге/Сянгане о необходимости ускорить переправку в освобожденные районы Ли Цзишэня, Го Можо, Ма Сюйлуня, Ма Иньчу и других видных деятелей, которые намеревались принять участие в работе Народной политической конференции.

С переездом ЦК КПК в марте 1949 г. в Бэйпин основное внимание партийного руководства, и прежде всего Чжоу Эньлая, было сосредоточено на подготовке к созыву Народной политической консультативной конференции (НПКК), на создании различных массовых демократических организаций, а также на индивидуальной работе с представителями демократических партий, прибывших к тому времени в Бэйпин. В декабре 1948 г. в Харбине на совещании представителей ЦК КПК с демократическими деятелями было решено образовать Подготовительный комитет по созыву НПКК. На этой коференции предстояло обсудить и принять Общую программу НПКК и образовать Центральное народное правительство Китайской Народной Республики. Вслед за развалом гоминьдановского режима и стремительным наступлением НОА на юг новая власть утверждалась на местах. В «старых освобожденных районах» в 1948–1949 гг. состоялись съезды народных представителей, на которых были избраны региональные народные правительства. В августе 1948 г. были образованы правительство Северного Китая и правительственный совет Северо-Восточного Китая. Правительства Севера и Северо-Востока создавались на коалиционной основе с участием пред-

ставителей различных демократических партий и беспартийных деятелей; руководящее положение в них занимали коммунисты. К октябрю 1949 г. КПК установила свою власть на всей территории Китая, за исключением Тайваня и прилегающих к нему островов. К осени 1949 г. встал вопрос и о провозглашении нового государства. 21 сентября в переименованном Пекине (бывшем Бэйпине), объявленном столицей нового китайского государства, открылась сессия НПКК, взявшая на себя функции учредительного собрания. Она приняла Общую программу НПКК, которая была призвана выполнить функции временной конституции. 30 сентября сессия избрала Центральное народное правительство во главе с Мао Цзэдуном.

Вот как описывает в своей книге «Путь Китая к объединению и независимости, 1898–1949» церемонию провозглашения КНР приглашенный китайской стороной на это торжественное событие генеральный консул в Пекине С.Л.Тихвинский:

«Церемония провозглашения Китайской Народной Республики была красочной и торжественной. После полудня огромная площадь перед главными воротами бывшего императорского дворца, построенного еще в начале XV в., была заполнена ликующим народом. Здесь были рабочие, служащие городских предприятий и учреждений, крестьяне окрестных деревень, студенты и преподаватели высших и средних учебных заведений, представители различных общественных организаций, подразделений НОАК, жителей города. Стройными рядами выстроились части НОАК. Стояла теплая солнечная погода. Повсюду играли оркестры, слышались песни. Просторная галерея, расположенная над воротами Тяньаньмэнь, была разукрашена огромными круглыми красными праздничными фонарями. Здесь собрались члены избранного накануне Центрального народного правительства во главе с Мао Цзэдуном. Внизу, на построенных по этому случаю деревянных трибунах, находились участники закончившейся сессии Народной политической консультативной конференции, руководящие работники аппарата ЦК КПК и Пекинского горкома КПК, командиры НОАК, представители демократических партий и общественных организаций, гости, в том числе и группа видных деятелей советской культуры во главе с писателями А.Фадеевым и К.Симоновым.

Ровно в 15 часов секретарь Центрального народного правительства КНР, ветеран коммунистического движения, один из соратников Сунь Ятсена Линь Боцюй объявил о начале торжественной церемонии. По команде Мао Цзэдуна на высоком флагштоке в центре площади медленно поднялся государственный флаг республики – красный стяг с пятью золотыми звездами – одна, крупная, в центре, окруженная полукругом четырех звезд поменьше. Большая звезда символизировала Компартию Китая, четыре поменьше – рабочих, крестьян, мелкую и национальную буржуазию.

Под звуки государственного гимна КНР – бывшего марша китайских партизан – прогремели 28 залпов артиллерийского салюта, в память о 28 годах борьбы Коммунистической партии Китая за победу над силами иностранной и внутренней реакции.

После того как Мао Цзэдун зачитал Декларацию об образовании Центрального народного правительства, начался военный парад частей Народно-освободительной армии Китая, который принимал прославленный народный полководец Чжу Дэ. Парадом командовал генерал Не Жунчжэнь, войска которого блестяще освободили от гоминьдановского господства Северный Китай.

Непрерывным потоком на протяжении почти трех часов двигались по главной улице Пекина колонны пехотинцев, моряков, саперов, артиллеристов, кавалеристов НОАК. Промчались самолеты молодых военно-воздушных сил НОАК, и на площадь вступили колонны демонстрантов. Через несколько часов после оглашения Мао Цзэдуном на площади Тяньаньмэнь Декларации Центрального народного правительства КНР, в которой содержалось пожелание правительства КНР об установлении дипломатических отношений с правительствами иностранных государств, текст данной декларации был направлен при сопроводительном письме Чжоу Эньлая (уже в качестве министра иностранных дел Китайской Народной Республики) генеральному консулу Советского Союза в Пекине. Чжоу Эньлай в своем письме выражал надежду на то, что генеральный консул перешлет своему правительству текст данной декларации».

На следующий день, 2 октября 1949 г., по поручению правительства СССР заместитель министра иностранных дел А.А.Громыко направил министру иностранных дел Центрального народного правительства КНР Чжоу Эньлаю следующую телеграмму:

«Рассмотрев Предложение Центрального Народного Правительства Китая, Советское Правительство, движимое неизменным стремлением к поддержанию дружественных отношений с китайским народом и уверенное в том, что Центральное Народное Правительство Китая является выразителем воли подавляющего большинства китайского народа, извещает Вас, что оно приняло решение – установить дипломатические отношения между Советским Союзом и Народной Республикой Китая и обменяться послами». Провозглашением Китайской Народной Республики завершился длительный и трудный путь борьбы за свободный, единый, сильный и независимый Китай.

* * *

То, что не удалось сделать гоминьдановской власти, – перестроить по своим политическим планам низовые органы власти, вытеснить клановую систему и подорвать традиционные отношения крестьянина с местной элитой, мешавшие внедрению новых экономических, политических и административных отношений, получилось у Компартии Китая. Близость к населению, к крестьянину, была результатом работы Компартии с массами начиная с 20-х годов. В отличие от Гоминьдана, КПК изучала потребности населения изнутри, находясь рядом с народом, методом проб и ошибок развивала теорию и «нащупывала» правильную тактику практических действий.

Компартия в послевоенный период не раз пыталась решить проблему власти мирным путем. Однако, как показывает история, возможностей способствовать

мирному развитию политической ситуации у Гоминьдана как у правящей партии было несравненно больше, чем у КПК. Собственно, даже представители США, которых трудно заподозрить в прокоммунистических настроениях, не раз выражали досаду в связи с «недемократичностью» и неуступчивостью Гоминьдана, особенно его консервативных фракций, по отношению к КПК. Фракция «непримиримых» после срыва переговорного процесса 1945–1947 гг. оказывала все более сильное влияние и на Чан Кайши, толкая его на возобновление гражданской войны.

Между тем Китайская Республика, как следует из данного труда, добилась определенных сдвигов в поступательном развитии страны. Очевидно, что КР старалась следовать программе Сунь Ятсена. Разрабатывались планы реконструкции и строительства, проводились реформы в сферах управления, в области налогообложения (в промышленности и в аграрной области), в административной системе низового уровня, в области организации низового самоуправления, делались попытки решения традиционной проблемы соотношения полномочий власти в центре и на местах. Наибольшие (хотя и не очень впечатляющие) успехи демонстрировало «нанкинское десятилетие» в экономике, в банковском деле, в правовой сфере. Были достигнуты положительные результаты на пути отмены неравноправных договоров с иностранными государствами.

Можно сказать, что на протяжении 1912–1949 гг. делались попытки формирования специфической формы модернизации, отягощенной традиционными негативами в экономике и налоговой политике, в системе управления и правовой сфере, однако в то же время характеризовавшейся амбициозными проектами и стремлением части правящих кругов к усилению страны, а также определенными успехами в области достижения национального суверенитета.

Война с Японией, начавшаяся, по сути, в 1931 г., подрывала не только экономику, но и разжигала внутрипартийную борьбу в Гоминьдане, ослабляя созидательный потенциал правящей партии. Одновременно война способствовала росту национального самосознания. В комплексе идейно-политических направлений и стремления обеих партий к власти КПК демонстрировала бóльшую гибкость, чем Гоминьдан, который чем дальше, тем больше забывал о первоначальных планах создания единого сильного Китая и испытывал лишь боязнь потерять власть в результате конкурентных выборов.

В годы Антияпонской войны руководство Гоминьдана сумело эффективно перебазировать военно-промышленный потенциал из промышленно развитых районов в отсталые западные и юго-западные районы. Прекращение гражданской войны между Гоминьданом и Компартией имело ощутимые положительные результаты в военной, экономической и международной сферах. Росло влияние КР на международной арене, отмена экстерриториальности в 1943 г. повысила авторитет Китая, который наряду с другими великими державами стал постоянным членом Совета Безопасности ООН.

Именно в те годы, когда КПК целенаправленно продвигалась к отказу от радикальных построений в теории и практике и разрабатывала концепцию «новой

демократии», направленную на демократизацию гоминьдановского режима, Гоминьдан недвусмысленно обозначил неприятие сотрудничества с Компартией в деле построения новой государственности. Возобновившаяся гражданская война, падение жизненного уровня многих социальных групп, рост коррупции государственного аппарата резко сузили социальную базу гоминьдановского режима, усилили в стране антигоминьдановские настроения. Вместе с тем рост национального самосознания обеспечил веру населения в политику и демократические лозунги КПК. Реальная реформистская политика Компартии Китая в освобожденных районах обеспечила ей массовую поддержку со стороны различных слоев китайского общества.

Завершая изложение и исследование политической истории Китая 1912–1949 годов, отметим, что судьба Китайской Республики, связанной с внешним миром и с иностранными державами многими нитями, временами, обострявшими ситуацию, временами, помогавшими удерживать внутриполитическое относительное равновесие, решалась главным образом внутри страны. Китайская Республика, хотя и с оговорками, сохранила свою государственность в тяжелые годы войны Сопротивления, и политические институты, созданные в ее структуре (ПКК и НПКК), смогли выполнить роль легитимных инструментов при переходе власти к коммунистам. По многим параметрам КР выполнила функцию переходного периода от традиционного Китая к Новому Китаю. Об этом свидетельствуют также многообразные достижения китайского народа в сфере образования и науки, а также в области культуры. Шедевры науки, литературы и искусства, которые подарил миру Китай республиканского периода, демонстрируют непрерывность и уникальный характер китайской цивилизации.

Глава 4
Развитие науки и образования

Наука

В далеком прошлом китайцы совершали величайшие открытия в математике, механике, астрономии, закладывали основы химии и металлургии, строили уникальные архитектурные и гидротехнические сооружения, разрабатывали методику традиционной медицины. С XVIII в. китайские традиционные наука и техника утрачивают свои позиции. Отсутствие знаний о западной науке и серьезных контактов с ней, обусловленное феодальным государственным устройством Китая, препятствовало созданию в стране целостной концепции развития науки и техники. Императоры, исходя из незыблемости идеи о главенствующей роли китайской цивилизации, относились к западным естественно-научным достиже-

ниям как к диковинкам, достойным изумления, но не изучения. Некоторые научные знания принесли в Китай миссионеры, но они видели свою главную задачу в пропаганде христианства. В самом Китае распространение западной научной мысли допускалось в узких пределах, там, где это могло укрепить императорскую власть. В конце XIX в. имели место яростные выступления против распространения западных идей и современной науки.

Однако постепенно страна вступила на новый путь развития, были созданы политические условия и культурная среда для утверждения и начала подъема в Китае современной науки. Ученые, возвратившиеся на родину из-за границы, стали ее первопроходцами и основоположниками.

На рубеже XIX и XX вв. в Китае создается ряд высших учебных заведений, заложивших фундамент развития науки и образования. Начинается издание научных работ западных ученых. Первые публикации переводов фундаментальных и прикладных научных текстов с английского, французского, немецкого языков осуществило основанное в Шанхае в 1866 г. издательство «Арсенал Цзиннань».

К началу Синьхайской революции в Китае не было полноценных условий для развития науки, отсутствовала центральная организация, которая руководила бы научной деятельностью. Многие талантливые выпускники университетов уезжали за границу для продолжения учебы и исследований, работали во Франции, Англии, США, Бельгии, Германии и других странах. Идею создания Центральной исследовательской академии как главного научного органа КР высказал Сунь Ятсен зимой 1924 г. В мае 1927 г. на заседании Политбюро ЦИК Гоминьдана было принято решение об организации комитета по подготовке создания в Китае органа для руководства научными исследованиями. В деятельности подготовительного комитета принимали участие самые известные ученые Китая, работавшие ранее в Академии университетов, которая одновременно выполняла функции министерства образования и академии наук.

9 ноября 1927 г. были опубликованы «Основные положения о Центральной исследовательской академии», определившие ее как «высший академический орган Китайской Республики, находящийся в прямом подчинении правительства». Таким образом, Академия становилась самостоятельной организацией, основным предназначением которой было проведение собственных научных исследований, а также координация научной работы в масштабах всей страны.

23 апреля 1928 г. президентом Академии назначили Цай Юаньпэя. 9 июня 1928 г. в Шанхае было официально объявлено о создании Центральной исследовательской академии, получившей известность за пределами Китая как Academia Sinica. В мире Академия стала правопреемником Китайского научного общества, которое ранее представляло Китай в международных научных кругах.

В Академии работало в общей сложности до 380 человек, в том числе около 200 научных сотрудников. Администрация состояла из руководящего аппарата во главе с генеральным секретарем, ответственным за административные вопросы деятельности Академии, контролировавшим секретариат и финансовый отдел,

Обсерватория. Цзыцзиньшань

бюро международного сотрудничества. Совет Академии из 30 членов, отобранных из числа научных экспертов по всей стране (в состав Совета входили по должности также директоры научных институтов), присуждал почетные звания видным китайским и иностранным ученым.

Некоторые научные организации возникли еще до публикации официального акта о создании Центральной исследовательской академии. В 1927 г. был создан Институт геологии, возглавлявшийся выдающимся китайским ученым, академиком Центральной исследовательской академии Ли Сыгуаном (1889–1971). В Шанхае начал работу Институт прикладных естественных наук, реорганизованный в 1928 г. в три института: химии, физики и техники. При университете им. Сунь Ятсена в Гуанчжоу был образован Институт языка и истории.

На развитие науки и работу исследовательских организаций оказывали большое влияние политическое и экономическое положение Китая и курс государственного руководства. Нанкинское правительство, нацеленное на обновление страны, создало благоприятные условия для формирования научной базы в Китае. В первый год существования на начальные затраты Академии правительство ассигновало 500 тыс. юаней. Бюджет 1929 финансового года составлял 1,8 млн. юаней, выделенных правительственным казначейством. Специальный взнос на сумму 500 тыс. юаней предоставил Китайский фонд развития образования и культуры. Эти средства пошли на строительство здания в Шанхае для размещения научно-исследовательских учреждений. В соответствии со статьей 9 «Основного закона» Академии ее ежегодный бюджет должен был составлять 5 млн. юаней.

Большинство научных организаций было создано в 1928–1930 гг. В мае 1928 г. состоялось официальное открытие Института общественных наук с отделениями права, национальностей, экономики, социологии. Метеорологическая станция в феврале 1928 г. была реорганизована в институты метеорологии и астрономии (Нанкин). В 1929 г. на одной из вершин горы Цзыцзиньшань недалеко от Нанкина, на высоте 267 м над уровнем моря, началось строительство первой в Китае современной обсерватории, которая начала функционировать в 1934 г. В эти же

годы в районе горы Цзыцзиньшань начал работу Институт земного магнетизма. В 1930 г. в Нанкине был открыт музей естествознания, который в 1944 г. преобразовали в два института – биологии и зоологии. В мае 1929 г. в Пекине открылся Институт физики. Подготовительная работа по созданию институтов математики и медицины была прервана Второй мировой войной. Весной 1945 г. была предпринята попытка организовать институт современной физики (по проблемам атомной энергии), однако вплоть до образования КНР эту работу не завершили.

Крайне негативную роль в развитии науки в Китае сыграла японская агрессия. Из-за оккупации ряда городов многие институты вынуждены были эвакуироваться в Чунцин, Куньмин, Гуйлинь, иногда несколько раз переезжать из одного места в другое. Одни научные организации полностью прекратили работу, другие понесли огромные материальные убытки. Большую роль в организации работы Академии в этот период сыграл ее второй президент – профессор геолого-минералогических наук Чжу Цзяхуа (1893–1963), который занимал этот пост с 1940 г.

В 1945 г. в Шанхае построили здание Института естественных наук, в Пекине – Институт гуманитарных наук и библиотеку современной науки. После окончания войны научные учреждения возвратились в Нанкин и Шанхай.

В 1948 г. в Академии состоялись первые выборы, был избран 81 академик; это почетное звание присваивалось пожизненно. Академики имели право принимать участие в определении государственного курса в области науки, по поручению правительства заниматься научным планированием, проверкой научных организаций и контролем над их деятельностью; избирать членов экспертного совета Академии. Первое собрание академиков прошло в сентябре 1948 г. в Нанкине. Помимо Центральной исследовательской академии существовали и другие научные организации. 9 сентября 1929 г. гоминьдановское правительство учредило Бэйпинскую академию наук на базе существовавших при Бэйпинском университете научно-исследовательских организаций. В состав Академии вошло девять институтов, в которых работало около 40 научных сотрудников. Академия имела несколько отделений: физических и химических, биологических, этнографических и геолого-географических наук. Бэйпинская академия наук финансировалась в основном Францией.

В Северо-Восточном Китае японские власти создали Маньчжурскую континентальную академию наук в Чанчуне с филиалом в Харбине. В ее состав входило 50 ученых, главным образом японцы. Кроме того, в Китае действовало несколько институтов, лабораторий, обсерваторий и экспедиций, принадлежавших западным странам и Ватикану. Практически все существовавшие в Китае научные учреждения находились в прямой или косвенной зависимости от иностранных финансовых фондов и научных центров.

В республиканский период китайские ученые самостоятельно или с помощью иностранных консультантов добились определенных успехов в развитии науки и техники в Китае. В частности, эти годы ознаменовались выдающимися открытиями в палеонтологии. В ходе раскопок в районе Чжоукоудянь, в 50 км к юго-

западу от Пекина, в 1921 и 1923 гг. обнаружили две окаменелости зуба древнего человека, но тогда их не смогли идентифицировать, что произошло несколько позже. В 1927 г. начались официальные раскопки, проводившиеся группой китайских и зарубежных археологов. Они обнаружили хорошо сохранившиеся окаменелости коренных зубов древнего человека, которого назвали «синантропом», или «пекинским человеком». 2 декабря 1929 г. китайский археолог Пэй Вэньчжун нашел в Лунгушаньской пещере в Чжоукоудяне окаменелости черепа синантропа. Вскоре начались широкомасштабные раскопки, в ходе которых до начала Антияпонской войны обнаружили окаменелости более 50 индивидов и свыше 17 тыс. примитивных каменных и костяных орудий, а также свидетельства того, что синантроп умел пользоваться огнем. Современные ученые считают, что синантропы поселились в Чжоукоудяне около 770 тыс. лет назад. Они были частью довольно крупной популяции, проникшей на северо-восток Китая около 1,3 млн. лет назад. Находки бесследно пропали при перевозке материалов из оккупированного японскими милитаристами Китая в США, а после окончания Второй мировой войны ученые уже не обнаружили в пещерах ничего ценного и продолжали исследования по слоям грунтовых отложений.

Предпринимались усилия по развитию аэродинамики. Исследовательская работа в этой области велась с 1934 г. в университете Цинхуа. В 1936 г. был создан Институт авиации и аэродинамики, на базе которого проводили испытания в аэродинамической трубе и создали первый китайский моноплан. Сотрудники готовили научные работы и доклады, многие из которых публиковались в иностранных научных журналах.

В 20-е годы создавались научно-исследовательские учреждения в области физики. Институты физики работали в рамках Центральной исследовательской академии и Бэйпинской академии наук. Научно-исследовательский институт радия был учрежден в сотрудничестве с Китайско-французским университетом. Созданное в августе 1932 г. Китайское физическое общество ежегодно проводило научные конференции. В издававшемся Обществом «Китайском физическом журнале» публиковались материалы о достижениях в области физики, велись научные дискуссии. Некоторые китайские физики, в основном те, кто получил образование за границей, стали заметными фигурами в академических кругах, получили международное признание. В 1935 г. физик У Юсюнь (1897–1977) был избран членом совета Высшей школы естествознания Университета г. Галле в Германии. Другой китайский ученый – Янь Цзицы (1901–1996) стал членом Физического общества Франции.

В 1930 г. выдающийся американский физик, лауреат Нобелевской премии 1923 г., Р.Милликен назвал Чжоу Пэйюаня, Чжао Чжунъяо и Хэ Цзэнлу, работавших в США, «тремя китайскими светилами Калифорнии». Чжоу Пэйюань (1902–1993) в 30-е годы работал в США под руководством А.Эйнштейна над проблемами теории относительности, позже занимался механикой жидкостей. Чжао Чжунъяо (1902–1998) добился важных результатов в экспериментальной физике, проводил исследования явлений поглощения и рассеивания жестких гам-

ма-лучей в материи, считается пионером китайской ядерной физики. Хэ Цзэнлу (1898–1979) стал известен работами в области теоретической и экспериментальной физики, разработками вакуумных технологий, изобрел оригинальный вакуумный насос. Коэффициент диффузии вакуумных насосов в его честь назван «Хэ-коэффициентом».

В 1943 г. Чжоу Пэйюань, Чжан Вэнью (1909–1985), Хэ Цзэнлу читали лекции в Калифорнийском технологическом институте. В конце 40-х годов Чжан Вэнью, участвуя в экспериментах в Принстонском университете в США, обнаружил мю-частицу. Он вместе с Ли Сыгуаном успешно начал тектонофизические исследования с применением моделирования. Современная китайская геологическая наука придает большое значение разработанной ими идее об упорядоченности деформаций и разрывов земной поверхности. Среди ученых, получивших международное признание, был Цянь Саньцян (1913–1992) – крупнейший физик-ядерщик. Во Франции, куда он уехал в 1937 г., ученый работал под руководством супругов Фр.Жолио и И.Жолио-Кюри. Неоценим последующий вклад Цянь Саньцяна в развитие атомной промышленности и создание атомной и водородной бомб в КНР.

Заметную роль сыграли в механике – У Чжунхуа (1917–1992), в прикладной математике, механике и физике – Цянь Вэйчан (1913–2010). Последний после окончания университета Цинхуа в 1935 г. уехал в Канаду, где получил ученую степень доктора и, вернувшись в 1946 г. в Китай, преподавал математику в родном университете, став позже его проректором. Ван Дэчжэн (1905–1998) получил высшее образование, ученую степень и научные награды во Франции, работал в престижных научных центрах этой страны, а после возвращения в Китай стал первым директором вновь созданного Института акустики. Го Юнхуай (1909–1968) занимался исследованиями в области механики в США, куда он уехал для повышения образовательного уровня. После возвращения в КНР работал заместителем директора Института механики. Пэн Хэнъу (1915–2006) получил высшее образование в Англии, занимался теоретической физикой. В КНР работал в области ядерных проектов. Гэ Тинсуй (1913–2000) добился в США значительных результатов в изучении физики твердого тела, позже он использовал их на родине.

Определенную роль в развитии китайских науки и образования сыграли выплаты по Заключительному протоколу 1901 г., подписанному после подавления войсками восьми держав восстания *ихэтуаней* (боксерская контрибуция). После того как китайской стороне стало известно, что она выплатила иностранным державам бóльшую сумму, чем требовалось в качестве компенсации за понесенные убытки, она обратилась с просьбой о возвращении разницы. США в 1907 г. учредили на эти средства специальную программу обучения, реализация которой началась в 1909 г. Программа включала финансирование отбора китайских студентов и ученых, их предварительной подготовки, оплату расходов на проезд в США для обучения и проведения научных исследований. Для подготовки студентов к учебе в США в 1911 г. в Пекине открылась школа Цинхуа, преобразо-

ванная в том же году в университет Цинхуа. На эти же средства в Итаке (США, штат Нью-Йорк) в 1915 г. было образовано Китайское научное общество, которое в 1918 г. переехало в Китай. В 1924 г. в США создали Китайский фонд развития образования и культуры, который, в свою очередь, основал в Нью-Йорке в 1926 г. некоммерческое образовательное и культурное учреждение «Китайский институт в Америке». Также были выделены средства на создание Национальной библиотеки в Китае.

В 1928 г. Китай предложил и другим державам направить средства из «боксерской контрибуции» на совершенствование системы образования в Китае. Известно, что Цай Юаньпэй во время визита в Англию в 1924 г. обратился к правительству Великобритании со специальным меморандумом по этому вопросу (напомним, что Советская Россия была единственной страной, отказавшейся от своей доли контрибуции в 1918 г.)

В 1909–1929 гг. благодаря «Программе обучения на средства компенсации ущерба от восстания ихэтуаней» около 1300 китайских студентов получили возможность пройти обучение в США. Среди них обучались, например, Цянь Сюэсэнь, ставший впоследствии крупным специалистом в области ракетной техники и считавшийся «отцом китайской космонавтики», Ян Чжэньнин, специалист в области физики частиц, Нобелевский лауреат 1957 г., Жэнь Чжигун, известный физик, Хуа Логэн, выдающийся математик.

Республиканский период знаменовался снятием барьеров с международного научного сотрудничества. Китайские студенты и ученые получили возможность работать под руководством выдающихся ученых с мировым именем. Например, физик Р.Милликен подготовил в США большую группу ученых и инженеров высокого уровня, внеся, таким образом, свой вклад в развитие современной науки в Китае. Его первый китайский студент – Янь Жэньгуан после возвращения в Китай в 1920 г. был назначен заведующим отделением физики Пекинского университета и стал одним из первых членов Китайского физического общества. Признавая заслуги Р.Милликена, Китайское физическое общество предложило ему стать почетным членом Общества и приехать в Китай, чтобы прочитать курс лекций. Широкомасштабная японская агрессия помешала осуществлению этих планов. Основоположник кибернетики и теории искусственного интеллекта – выдающийся американский математик и философ Н.Винер зимой 1935–1936 гг. работал в университете Цинхуа, где читал курс лекций на факультетах электротехники и математики. Его занятия посещали около 20 человек. В качестве официального представителя университета Цинхуа Н.Винер участвовал в международной конференции по математике в Осло. Работая в Китае, ученый знакомился с достижениями древнекитайской механики, в том числе с автоматическими устройствами. По мнению некоторых китайских ученых, Н.Винер во время работы в Китае занимался теоретическим осмыслением некоторых кибернетических идей.

Важным событием в истории современной науки стал приезд Н.Бора в Китай в мае 1937 г. В Шанхае ученый посетил Институт физики Academia Sinica, про-

читал лекцию по физике атомного ядра в шанхайском университете Цзяотун. Лекция Н.Бора, которая длилась два часа, была тепло встречена аудиторией из более чем 600 человек, шанхайская радиостанция осуществляла прямую трансляцию лекции. Н.Бор прочитал семь лекций по физике атомного ядра и основным законам ядерной физики, в том числе в Ханчжоу, в Чжэцзянском университете, в Нанкине (в Зале науки Центрального университета), в Пекинском университете.

Британский биохимик и синолог – известный исследованиями традиционной китайской науки Дж.Нидэм в 1942 г. был направлен Британским Королевским обществом Китая в Чунцин, где он возглавлял Китайско-Британское бюро по научному сотрудничеству. В 20–30-х годах в Китае была заложена организационная основа современной науки, а научно-экспериментальная база находилась в стадии становления. Однако поступательное развитие науки было прервано разрушительным вторжением Японии и гражданской войной. К моменту образования КНР старые академии наук практически прекратили существование, работа входивших в них институтов была дезорганизована, их материально-техническая база разрушена или уже не отвечала требованиям времени. Страна располагала весьма незначительным потенциалом национальных кадров квалифицированных специалистов. Научные исследования ограничивались узкой тематикой.

Экономическая мысль

Период расцвета исследования и преподавания экономической науки в Китае (1927–1937) совпал со стабилизацией политической жизни страны и относительно быстрым развитием капитализма. Обобщая в 1947 г. путь, пройденный китайской экономической наукой за предыдущие два десятилетия, видный китайский экономист Фан Сяньтин выделил несколько основных причин ее быстрого развития. На первое место он поставил влияние промышленной революции нового времени и планов индустриализации 20-х годов. Вторым фактором стало движение за возрождение национальной культуры и рост популярности экономического учения К.Маркса. По мнению ученого, расширение контактов китайцев с западной культурой, их интерес к опыту быстрого экономического подъема в СССР и революционные события 1927 г. направленные на практическую реализацию в стране экономического учения марксизма, стали важными побудительными мотивами для анализа экономики и политики Китая. Еще одним стимулом развития науки стало поощрение в 30-е годы гоминьдановским правительством экономических исследований в интересах реализации политики «народного благосостояния» Сунь Ятсена и планов промышленного развития страны.

На фоне экономического кризиса на Западе, усиления роли государства в экономике в Германии и Италии, а также успехов в развитии планового хозяйства в СССР китайские ученые заинтересовались идеями расширения государствен-

ного вмешательства в экономику. В 1932 г. специалист по внешней торговле У Юйгань (1899–1990) одним из первых выступил в поддержку «контролируемой экономики», подчеркнув, что, пока другие государства проводят регулирование обменного курса и внешней торговли, неспособность китайских властей взять экономику под контроль может привести к гибели страны в процессе естественного отбора. В конце 1933 г. идея «контролируемой экономики» стала ведущей темой исследований.

В 30-е годы китайские экономисты спорили о месте сельского хозяйства и промышленности в модернизации Китая. Большинство высказывалось за приоритетное развитие тяжелой промышленности с целью сделать Китай более сильным в условиях внешней военной опасности. В первой половине 30-х годов «группа сельской реконструкции» предложила курс развития деревни на основе кооперации. Идейным лидером группы был философ и общественный деятель Лян Шумин, считавший деревню опорой государства и китайской культуры, источником национальных этических ценностей. Он полагал, что капиталистическая модель индустриализации увеличит разрыв между богатыми и бедными, приведет деревню в упадок. Способную прокормить многочисленное население страны самодостаточную экономическую структуру можно сформировать, если сначала будет развиваться сельское хозяйство, а затем промышленность, что позволит преобразовать экономику исходя из потребностей крестьян. Другие ученые подчеркивали, что при ограниченных ресурсах, высокой плотности населения, больших затратах и низкой производительности труда в сельском хозяйстве для повышения уровня жизни крестьян необходимо перемещать рабочую силу в деревенскую промышленность.

В 30-х годах активно обсуждались проблемы денежной реформы и унификации денежного обращения. В начале десятилетия денежная система Китая оказалась в кризисе, происходил значительный отток серебра за пределы страны, что угрожало крахом серебряного стандарта. Экономисты предлагали различные варианты решения проблемы – сохранение серебряного стандарта, установление золотого стандарта или введение денежного стандарта, основанного на нескольких товарах. Ученые поддержали введение в 1935 г. бумажных денег, позволившее снизить зависимость финансовой системы от колебаний цен на серебро, оздоровить денежное обращение и стимулировать развитие экономики. Вместе с тем они обоснованно предупреждали об угрозе инфляции, ставшей реальностью после начала Антияпонской войны. В военное время основной темой для дискуссий в финансовой сфере были проблемы займов и налогов.

В 30-е годы становилось все меньше переводов на китайский язык японских экономических работ; в Китае широкое распространение получили идеи немецкой исторической школы (Ф.Лист, В.Рошер), подчеркивавшей неповторимость путей экономического развития разных стран и призывавшей к исследованию национальных экономических систем. Получила известность психологическая теория предельной полезности представителя австрийской школы О. фон Бем-Баверка и его критика марксизма, в Китай проникли идеи маржинализма, а так-

же взгляды представителей кембриджской школы А.Маршалла и А.Пигу. Большое влияние на споры китайских экономистов оказали работы австрийского мыслителя и экономиста О.Шпанна, пропагандировавшего идеи корпоративной организации общества.

Особый интерес вызвали проникшие в Китай извне идеи, обосновывавшие государственное вмешательство в экономику, протекционизм во внешней торговле и «универсализм» в организации хозяйства. В 1935 г. в работе «Преобразование экономики Китая» Ма Иньчу пришел к выводу, что получившее в прошлом распространение на Западе учение А.Смита об индивидуализме и свободной конкуренции более не соответствует международной обстановке и не годится для решения проблем Китая. Он предостерегал, что движение в сторону индивидуализма и либерализма превратит китайскую нацию в «рыхлый песок». На фоне роста национализма и внутренней сплоченности в других странах это может привести Китай к «поражению в естественном отборе». Ма Иньчу полагал, что социалистический путь «недопустим из-за обстановки в стране». При социализме лидеры берут на себя всю ответственность за развитие экономики, поэтому они должны обладать высокими моральными качествами, огромными талантами и крепко держать в руках власть. Однако у китайского правительства «на протяжении тысячелетий накопились закоренелые пороки, бюрократы работали кое-как, военные самоуправствовали».

Если в начале 20-х годов Ма Иньчу ставил протекционистские идеи Ф.Листа выше социализма К.Маркса, то в середине 30-х годов он противопоставлял их либерализму А.Смита. Он считал, что, поскольку Китай стал рынком сбыта зарубежных товаров, признание принципов свободной торговли приведет к притоку импортных товаров и гибели слабой китайской промышленности.

Сходные идеи доминирующей роли государства в экономике и главенства общества над индивидом излагались в работе Чан Кайши «Китайское экономическое учение» (1943 г.). Лидер Гоминьдана утверждал, что китайское экономическое учение «берет в качестве единицы общество в целом», противопоставляя эту особенность индивидуалистической предпосылке западных экономических теорий. Чан Кайши выступил с критикой либеральной экономической науки, отметив, что воззрения западных ученых постепенно сближаются с китайским подходом.

Важной вехой на пути переосмысления традиционного китайского наследия стала публикация в 1936 г. книги Тан Цинцзэна (1902–1972) «История китайской экономической мысли», в которой была предпринята попытка систематизации экономических идей доциньских конфуцианцев. Он получил экономическое образование в Мичиганском и Гарвардском университетах, после возвращения в 1925 г. в Китай преподавал историю экономических учений, с 1932 г. был главным редактором журнала «Цзинцзисюэ цзикань». Тан Цинцзэн считал, что исследование китайской экономической мысли поможет понять истоки последующих экономических учений, прояснить смысл специальных терминов в экономической истории, будет способствовать заимствованию исследователь-

ских методов и формированию экономической науки, соответствующей специфике Китая.

На фоне увлечения экономистов основного течения идеей «контроля» пример быстрого экономического развития СССР оказался убедительным для части интеллигенции, проявившей интерес к марксизму. К началу 30-х годов на китайский язык был переведен ряд работ иностранных авторов: публикации японских марксистов Каваками Хадзимэ и Ямакава Хитоси, экономические труды советских авторов Н.И.Бухарина, А.А.Богданова, И.И.Скворцова-Степанова, И.А.Лапидуса, К.В.Островитянова. Тогда же появились три перевода первого тома «Капитала», к началу 40-х годов были переведены основные произведения классиков марксизма. Инициированная марксистами дискуссия о характере китайского общества длилась с конца 20-х годов по 1933 г. Они опровергали утверждения о том, что китайское общество уже стало капиталистическим и остатков феодализма в нем становится все меньше. Марксисты подчеркивали, что в стране возникли лишь ростки капиталистического способа производства, проникший в Китай иностранный империализм поддерживает в деревне феодальные производственные отношения, а в городе подавляет национальный торгово-промышленный капитал.

Весной 1933 г. в Шанхае было создано Китайское общество изучения деревенской экономики, которое занялось исследованием проблем села с марксистских позиций. В 1934–1943 гг. Общество издавало журнал «Чжунго нунцунь» (Китайская деревня), публикации которого отражали аграрную политику КПК. Основатель Общества Чэнь Ханьшэн (1897–2004) в 1929 г. после возвращения в Китай стал директором Института общественных наук Академии наук. Под его руководством проводились обследования деревни в провинциях Цзянсу, Хэбэй, Хэнань и Гуанси, после ухода из Академии он собрал вокруг себя прежних сотрудников (Цянь Цзюньжуй, Сунь Ефан, Сюэ Муцяо, Сюй Дисинь), во второй половине XX в. они стали ведущими фигурами в экономической науке КНР. Члены Общества доказывали, что единственным выходом для китайского крестьянства является земельная революция, с марксистских позиций они критиковали реформистские планы преобразования деревни и тех ученых, которые в ходе обследования сельской экономики акцентировали проблемы управления и производственной техники, игнорируя классовые противоречия и эксплуатацию трудящихся.

Лишь немногие ученые республиканского периода выступали с позиций экономического либерализма. Гу Ицюнь, обучавшийся в 20-е годы в США, ориентируясь на идеи Ф.Хайека, критиковал плановую экономику советского образца, выступал за создание в Китае рыночной экономики и включение страны в международную торговлю без протекционистских барьеров. Критерием оценки экономического строя он считал способность рационально и сбалансированно увеличивать накопление капитала, регулировать колебания конъюнктуры и справедливо распределять доходы в рамках всей страны.

Начавшаяся в 1937 г. Антияпонская война стимулировала интерес к проблеме индустриализации Китая, однако вынужденная эвакуация университетов в глубь

страны затормозила развитие экономической науки, многие ценные исследовательские материалы были разрознены или утеряны. Из-за сокращения финансирования и быстрого роста инфляции доходы многих преподавателей и исследователей упали ниже прожиточного минимума, они были вынуждены сменить работу или заняться совместительством. Война нарушила связи Китая с внешним миром, что стало препятствием для поддержания научных контактов. В годы войны в центре внимания китайских экономистов находились проблемы инфляции и разработки планов послевоенной реконструкции.

Тем не менее в период войны и первые послевоенные годы китайские ученые добились результатов, которые были признаны мировым экономическим сообществом. Антрополог и социолог Фэй Сяотун (1910–2005) в 1938 г. получил степень доктора в Лондонском университете. Его исследование «Жизнь китайских крестьян», отразившее многие аспекты крестьянского быта, включая экономические, в 1939 г. было издано на английском языке. Книга получила на Западе широкую известность, она и поныне входит во многих университетах в список обязательной литературы. Экономист Цзян Шоцзе (1918–1993) в 40-е годы опубликовал ряд статей в английских журналах "Economica" и "Economic Journal", на его работы о денежной политике и экономическом росте ссылались известные зарубежные экономисты. Почитаемый ныне в Китае как основоположник теории развития Чжан Пэйган в 1945 г. защитил в Гарвардском университете диссертацию о сельском хозяйстве и индустриализации. Она была удостоена университетской премии за лучшую работу, а позднее вошла в серию «Экономическая библиотека Гарварда» и была издана в 1949 г. на английском языке. Эта книга служила учебным пособием по экономике развития в некоторых университетах США и Латинской Америки.

В 1937–1938 гг. учившийся во Франции специалист по денежно-финансовым вопросам Яо Цинсань (1911–1989) впервые изложил основные идеи кейнсианства и предложил китайским властям финансировать экономическое строительство за счет бюджетного дефицита. Дж.М.Кейнса критиковали китайские ученые, придерживавшиеся марксистских взглядов. Фань Хун (1900–1988) одним из первых начал изучать экономическую теорию Кейнса, в 1939 г. во время учебы в Кембриджском университете он опубликовал в "Review of Economic Studies" статью «Кейнс и Маркс о теории накопления капитала, деньгах и проценте». Фань Хун полагал, что Дж.М.Кейнс знал меньше К.Маркса и исказил его учение. Сторонники либеральных экономических взглядов (в частности, учившийся у Ф.Хайека Цзян Шоцзе) также выражали несогласие с теорией Дж.М.Кейнса. Наиболее весомым результатом использования кейнсианства для изучения китайской экономики стала теоретическая работа У Баосаня (1905–1999) «Национальный доход Китая» (1947 г.).

Интерес к кейнсианству возрос в период Антияпонской войны, когда экономисты искали способы финансирования текущих военных расходов, в том числе благодаря налоговой политике и выпуску государственных займов, обсуждали инвестиционные проекты индустриального развития в мирное время. Однако

применимость кейнсианства в китайских условиях оставалась под вопросом из-за гиперинфляции. В конце 40-х годов Ма Иньчу указывал на препятствия для использования кейнсианства в Китае: «Прямое участие правительства в инвестициях создаст для коррумпированных чиновников возможность грабить и тратить средства, косвенные инвестиции в крестьянские хозяйства дадут *тухао*, *лешэнь* и местным хулиганам возможность спекулировать. В Англии и Америке дефицитный бюджет может породить платежеспособные производства, быть полезным для народа страны. В Китае использование дефицитного финансирования приведет к растрате человеческих и материальных ресурсов, к наполнению частных карманов и не увеличит государственную казну. Ущерб будет большим, а выгода – маленькой».

В послевоенный период многие ученые признавали, что государство не должно стремиться к постоянному регулированию хозяйственной деятельности и на определенном этапе может уступить эту роль частному бизнесу. Они все чаще высказывались в пользу ограничения сферы государственных инвестиций, предлагали избегать прямого государственного управления предприятиями. Если в середине 30-х годов Ма Иньчу был сторонником протекционизма и государственной организации экономики, то во второй половине 40-х годов он признал, что эпоха свободного капитализма в Китае не только не прошла, но еще по-настоящему не началась. Многие трудности и кризисы, с которыми сталкивалась страна, возникли не из-за слишком быстрого, а из-за слишком медленного развития капитализма. Ученый полагал, что экономический кризис в Китае вызван стремлением властей задушить частные предприятия, что под прикрытием государственных предприятий власти развивали «бюрократический капитал», смыкающийся с интересами иностранного бизнеса. Ма Иньчу отмечал, что инфляция способствует американскому демпингу и личному обогащению гоминьдановской бюрократии, призывал демократизировать экономическую жизнь Китая. Для марксистских авторов критика «бюрократического капитализма», тормозящего развитие частного национального капитала, стала одним из способов аргументации в пользу проведения «новодемократической революции» под руководством КПК.

Во второй половине 40-х годов появились новаторские марксистские работы, обсуждавшие перспективы создания «китайской экономической науки». В книге «Основы теории экономики Китая» (1946 г.) Ван Янань (1901–1969) высказался за разработку марксистской теории, указывающей путь конкретных социально-экономических преобразований в Китае. Ученый призвал соотечественников изучать политическую экономию «в статусе китайцев», отказавшись от абстрактного взгляда на экономическую науку. Ван Янань отмечал, что первоначально политэкономия была «транзитным товаром», который поступал в Китай через Японию. Сначала эту науку считали практическим знанием об обогащении индивида и государства, однако впоследствии ее превратили в «знание ради знания», проповедующее не связанные с реальностью вечные истины. По мнению Ван Янаня, несоответствие между теорией и практикой возникло потому, что

капитализм в Китае не получил развития, а в науке возобладали капиталистические «догмы», которые принесли в страну экономисты, получившие образование в университетах ведущих капиталистических стран.

Свой взгляд на адаптацию марксизма к условиям Китая представил Сюй Дисинь (1906–1988) в книге «Политическая экономия в широком смысле» (1949 г.). Ученый продолжил на китайской почве советский спор начала 30-х годов о том, занимается ли политэкономия только капитализмом. Он отмечал, что политическая экономия в узком смысле имеет единственным объектом исследования капиталистическое общество. Поскольку экономика республиканского Китая имела «полуколониальный» характер, изучение политэкономии в узком смысле ограничило бы ее осмысление капиталистической частью китайской экономики. Однако политэкономия в широком смысле может быть применена к изучению экономических законов докапиталистических обществ в соединении с изучением экономических законов социалистического общества, идущего на смену капиталистическому.

Сюй Дисинь указывал на два направления «китаизации» политэкономии: можно либо включить китайские экономические материалы в систему «Капитала», либо создать особую «китайскую экономическую науку». Оба подхода, по его мнению, заслуживают внимания, поскольку направлены на анализ реальных фактов и экономической структуры китайского общества. Недостаток первого пути в том, что в «Капитале» исследуется капиталистическое общество, а китайская экономика помимо капиталистического сектора также включает полуфеодальные и полуколониальные формы, экономику «новой демократии». Поскольку политическая экономия является исторической наукой, было бы ошибкой начинать анализ проблем Китая с товарного хозяйства. Сюй Дисинь полагал, что это будет насмешкой над «Капиталом» и нарушением принципа историзма марксистско-ленинской политэкономии. Достоинство второго подхода состоит в акцентировании особенностей китайской экономики, однако он создает неверное впечатление обособленности «китайской экономической науки» от мировой экономической мысли. Между тем акцент на «государственной принадлежности» науки «вовсе не обязательно демонстрирует ее специфику, а, напротив, может нанести ущерб научности политической экономии», отмечал Сюй Дисинь. Ученый заключал, что ни механическое включение китайских материалов в систему «Капитала», ни создание «китайской экономической науки» не помогут решить проблему «китаизации» политической экономии. Решением этой проблемы Сюй Дисинь считал разработку политэкономии в широком смысле, охватывающей помимо капитализма докапиталистические и посткапиталистические отношения.

В 1948 г. в работе «Китайская экономическая мысль за последние сто лет» Ся Яньдэ (1911–1991) подвел итоги развития экономического знания, сосредоточив внимание на ученых республиканского периода, получивших образование в США. Ученый признал, что в Китае не была создана система экономической науки, учитывающая национальную специфику и потребности развития страны. Если

немецким экономистам удалось переосмыслить английскую классическую политэкономию и создать национальную историческую школу, а молодые американские ученые после учебы в Германии создали собственную школу институционализма, то китайские экономисты остановились на этапе восприятия идей извне. Ся Яньдэ критиковал коллег за следование иностранным образцам, нежелание заниматься научным творчеством и склонность к прикладным исследованиям в областях финансов, банковского дела, торговли, учета и статистики, поскольку эти практические знания можно использовать при создании собственного бизнеса. Он предупреждал, что подобный практицизм вредит развитию экономической науки в Китае: «Очень хотелось бы, чтобы ученые мужи не принимали во внимание чужие мнения и продолжали вести поиск научных принципов, а молодые ученые не ограничивались утилитарными соображениями, проявляли дальновидность, чтобы совместно создать новую систему китайской экономической науки, открыть новую эпоху в китайской экономической науке».

К 1949 г. в Китае были заложены прочные институциональные основы преподавания экономической науки, исследовательской работы, издания профессиональной литературы. За три десятилетия между «движением 4 мая» 1919 г. и образованием КНР было издано около 2 тыс. экономических произведений, поток публикаций начал заметно расти после 1925 г., достигнув пика в 1930 г. По оценке Ху Цзичуана, за вычетом периодических изданий по статистике, число экономических журналов в республиканский период составило 111 наименований, однако публикация более чем половины изданий прекращалась в год создания, лишь немногие периодические издания выходили более двух лет. Овладение современной западной экономической наукой становилось все более систематичным, от изложения общих принципов иностранных учений китайские экономисты переходили к специальным работам по промышленности, сельскому хозяйству, финансам.

Важным наследием республиканского периода стал опыт обсуждения применимости для Китая иностранных теорий. Практика заимствования западных рыночных институтов показала, что в силу различий в уровне экономического развития, несходства исторических и культурных традиций их эффективность в китайских условиях ограниченна. Систематизированное изложение на китайском языке западных экономических теорий открывало перед исследователями новые перспективы в изучении экономики страны и разработке стратегии модернизации. Ученые впервые заимствовали строгие профессиональные стандарты экономической науки, знакомились с современными исследовательскими методами.

Наиболее влиятельные экономисты покинули страну накануне образования КНР. Фан Сяньтин и Хэ Лянь уехали в США, Лю Дацзюнь и Цзян Шоцзе работали на Западе в международных экономических организациях. Вместе с тем в КНР осталось немало ученых с высоким уровнем научной подготовки – Ма Иньчу, У Баосань, Чжао Найтуань, Сюй Юйнань, Чэнь Дайсунь. Накопленный в первой половине XX в. опыт общения с мировой наукой был особенно востре-

бован в конце 70-х годов, когда начало глубоких экономических реформ потребовало обновления экономических знаний.

Философская мысль

Процесс овладения достижениями зарубежной философской мысли развивался столь быстро, что уже в 20-х годах китайский мыслитель и общественный деятель Чжан Дунсунь (1886–1973) предпринял попытку создать собственную философскую систему. В 1905–1911 гг. он изучал западную науку и философию в Японии, в начале 20-х годов был участником дискуссии о «науке и метафизике», наиболее важной его заслугой была попытка выхода за пределы освоения и пропаганды в Китае какого-либо одного течения западной мысли. Чжан Дунсунь создавал собственную систему на основе широких философских познаний. Не менее примечательно и то, что его система опиралась лишь на западные философские течения, она не включала заимствований из китайской традиции. Учение Чжан Дунсуня вобрало в себя много элементов философии И.Канта и А.Бергсона, прагматизм, эмерджентную эволюцию К.Л.Моргана. Их соединение китайским мыслителем было новаторским, хотя сам Чжан Дунсунь признавал, что его философское творчество эклектично.

Разработанная в конце 20-х – начале 30-х годов «плюралистическая теория познания» Чжан Дунсуня вошла в историю современной китайской мысли как первая философская система, сконструированная с учетом западных стандартов философского знания. Взяв за исходную точку теорию познания, Чжан Дунсунь разрабатывал теорию мироздания, переходя потом к антропологическим аспектам учения. Соединяя систему И.Канта с американскими учениями реализма и прагматизма, китайский мыслитель отверг монистические и дуалистические теории познания, подчеркивая многообразие источников познания, не зависящих друг от друга и несводимых к одному источнику. Среди них он назвал чувственные восприятия, внешний порядок вещей, интуитивно воспринимаемые неизменные априорные формы (здесь можно увидеть явное обращение к кантианству), переменчивые априорные логические модели мышления, познавательные концепции, выступающие как обобщение человеческого опыта и вместе с тем как инструмент адаптации к внешней среде (явное заимствование из концепций прагматизма). Чжан Дунсунь полагал, что внешний порядок вещей существует независимо от человека, однако изучение процесса познания не может быть сведено к анализу ощущений, поскольку очень важен внутренний порядок мыслительных форм, на основе которого формируется логика. В 1934 г. Чжан Дунсунь выступил с критикой диалектического материализма, утверждая, что в объективном мире нет противоречий, которые, по его мнению, относятся лишь к сфере логики.

В 40-е годы в ходе исследования соотношения познания и культуры Чжан Дунсунь сделал ряд сравнений традиций Китая и Запада, указав на их глубокие

различия. Специфика китайского языка, в классической форме которого не было глагола-связки «быть», создала, по его мнению, правила, отличавшиеся от постулатов аристотелевской логики. В традиционной китайской мысли противоположности не были взаимоисключающими, они могли сосуществовать друг с другом как взаимные дополнения. Языковые формы обусловили отсутствие в китайской философии представления о субстанции, а неразделенность сущности и явления не дала развиться онтологии и космологии. Акцентируя различия двух философских традиций, Чжан Дунсунь заявил, что в Китае никогда не было «чистой философии» – китайские мыслители издревле ставили на первое место проблемы реальной человеческой жизни и политики, это была «практическая философия». Он полагал, что в центре западной цивилизации стоит разум, там человеческие чаяния становились убедительными лишь при их облечении в форму теории. В Китае же цивилизация сосредоточена на морали, поэтому рассуждения о человеке попросту не нуждались в обращении к космологии. Хотя эти тезисы Чжан Дунсуня вызвали немало споров и критических замечаний, сам факт их появления свидетельствует о высоком уровне культурологической и философской рефлексии в республиканском Китае.

В 1927 г. в Китае начал выходить в свет первый специализированный философский журнал «Чжэсюэ пинлунь» (Философское обозрение). В апреле 1935 г. было основано Китайское философское общество – первая профессиональная организация, просуществовавшая до 1949 г. Общество насчитывало около 150 членов, его деятельность не прекращалась даже в годы войны Сопротивления Японии. Собрания Китайского философского общества (Пекин 1936, Нанкин 1937, Куньмин 1940) проходили в форме научных конференций, на которых выступали с докладами представители различных философских течений. В рамках Общества работали специализированные комитеты – по переводам и изданию переводов классической западной философии, а также редакционный, занимавшийся изданием журнала «Чжэсюэ пинлунь». Созданный в 1941 г. комитет по переводам возглавил авторитетный философ Хэ Линь, под его руководством были переведены и изданы более 20 книг. Ученые республиканского периода внесли вклад в изучение зарубежной философской классики и ее перевод на китайский язык. Чэнь Кан, изучавший в 30-е годы древнегреческую философию в университетах Лондона и Берлина, перевел и снабдил научными комментариями платоновский диалог «Парменид», внес значительный вклад в изучение в Китае древнегреческой философии от Платона до Аристотеля. Чжэн Синь, получивший познания в области немецкой философской традиции в университетах Берлина и Йены, в 1946 г. опубликовал глубокое историко-философское исследование учения И.Канта.

Представители нового поколения исследователей, которые вышли на научную сцену во второй половине 30-х годов, заметно отличались от китайских эпигонов западной мысли времен «движения 4 мая» – их по праву можно назвать профессиональными философами, чье творчество находилось на передовых рубежах мировой науки. Видным представителем этого поколения был Хун Цянь (1909–1992), учившийся в университетах Берлина, Йены и Вены.

В 30-х годах китайские философы все больше интересовались перспективами возрождения национальной традиции, ее систематического изложения в соответствии с западными стандартами логики и рационализма, возможностью синтеза философских традиций Китая и Запада. Важный вклад в становление течения нового конфуцианства внес Сюн Шили (1885–1968), который в 30-е годы разработал собственную философскую систему «новой йогачары» («нового учения о только-сознании»).

В 1920 г. Сюн Шили стал учеником известного буддийского ученого Оуян Цзинъу, а в 1922 г. начал преподавать учение *йогачары* в Пекинском университете. Однако со временем он разочаровался в буддизме и обратился к изучению конфуцианской традиции, уделяя особое внимание «И цзину» (Книге перемен). Он пришел к выводу, что буддизм чрезмерно сосредоточен на подавлении негативных проявлений человеческой природы, тогда как конфуцианство с его постулатом изначальной доброты человеческой природы нацелено на повседневное развитие и укрепление этих позитивных начал. Мыслитель не получил систематического философского образования, западная мысль была знакома ему лишь по фрагментарным переводам, и она не занимала в его работах заметного места. Сюн Шили добивался обновления конфуцианства через обращение к внутренним интеллектуальным ресурсам китайской духовной традиции.

В учении Сюн Шили дух и материя выступают как два проявления вселенских трансформаций, мыслитель отрицал дуализм «среды» и «сознания», «основы» (*ти*) и «функции» (*юн*). Он критиковал западную философию и буддизм за разделение «изначальной субстанции» и «явлений», выступая против «раздвоения» мироздания путем абсолютизации сущности. Сюн Шили не отрицал важности науки, но указывал на ее ограниченность – научное понимание фрагментарно, оно разрушает изначальную целостность человеческого сознания и привязывает его к материальному миру.

Задача познания состоит в постижении «изначальной субстанции» через выявление человеком в самом себе «изначального сознания» (*бэнь синь*), которое принадлежит всем объектам мироздания и направляет творческие процессы порождения нового. Постижение «изначального сознания» иррационально и интуитивно, путь к его обретению пролегает через моральное самосовершенствование. Содержание «изначального сознания» Сюн Шили отождествил с конфуцианским понятием о «гуманности-милосердии» (*жэнь*), подчеркивая морально-антропологическую природу мироздания. Положение о единстве сущности и явления Сюн Шили распространил на учение о человеке, осудив традиционную китайскую мысль за одностороннее внимание к «внутренней мудрости» (*нэй шэн*) в ущерб «внешней царственности». Внутренние моральные ценности человека могут быть реализованы лишь через внешние действия, которые должны быть нацелены на принесение пользы Китаю, который проходит через суровые испытания. Это переосмысление формулы «внутренняя мудрость и внешняя царственность» в духе сочетания китайской духовности с современной научной и общественно-политической практикой, которую можно

заимствовать у Запада, оказало существенное влияние на развитие конфуцианской мысли XX в.

В конце 30-х годов к созданию собственной всеобъемлющей метафизической системы приступил Фэн Юлань (1895–1990), снискавший к тому времени репутацию авторитетного специалиста по истории китайской философии. В 1919 г. он начал учебу в США, его наставниками в стенах Колумбийского университета были прагматист Д.Дьюи, неореалисты У.Монтегю и Ф.Вудбридж. В начале 30-х годов ученый создал фундаментальную «Историю китайской философии», в которой стремился сформулировать подход, альтернативный вестернизаторской концепции Ху Ши. Фэн Юлань признавал преимущества западных философов в создании формализованных систем, однако не считал это обстоятельство поводом для «ниспровержения» китайской философской традиции, призывая к выявлению в китайских текстах «содержательных систем» философии.

Обращение ученого к философскому творчеству совпало с началом полномасштабной японской агрессии против Китая, и одним из мотивов для работы над соединением конфуцианства с западной мыслью было стремление защитить китайскую философию, вдохнуть в нее новую жизнь. В сентябре 1937 г. три ведущих университета – Цинхуа, Пекинский и Нанькайский – были эвакуированы от наступающих японских войск в Чанша. Тогда Фэн Юлань написал основную часть книги «Новое учение о принципе-законе» (*синь лисюэ*), завершив работу весной 1938 г., после падения Нанкина, по дороге в новую эвакуацию, в Куньмин, где формировался Юго-западный объединенный университет. В 1939–1946 гг. были опубликованы еще пять книг, в которых излагались различные аспекты системы Фэн Юланя – проблемы модернизации китайского общества, адаптации традиционной этики к современным условиям, учение о духовном совершенствовании личности, философская интерпретация истории китайской мысли, основы философской методологии.

В «новом учении о принципе» Фэн Юлань пытался при помощи западных философских концепций реконструировать учение неоконфуцианской школы «учения о принципе» (*лисюэ*) братьев Чэн и Чжу Си.

Фэн Юлань заявил, что подлинной целью философии является не познание реальности, а возвышение человеческого разума до уровня «вселенской сферы», где достигается духовное единение индивида с мирозданием. Слияние «мистической» китайской философии с «рационалистической» философией Запада должно привести к рождению «всемирной философии будущего» на основе синтеза позитивной рационалистической теории бытия неоконфуцианцев школы «лисюэ» и европейского платонизма с негативной гносеологией даосов, *чань*-буддистов и кантианцев. В итоге новая философия стала бы более «мистической», чем западная мысль, и вместе с тем более рационалистической, чем традиционная философия Китая. Эта попытка создать детально разработанную и логически стройную систему, объединяющую достижения китайской и западной традиций, стала вершиной развития философской мысли республиканского Китая. Издание на английском языке двухтомной «Истории китайской философии» и «Краткой

истории китайской философии» принесло Фэн Юланю всемирную известность, эти книги и поныне используются в качестве базовых пособий в университетских курсах по истории китайской мысли.

Юго-западный объединенный университет в Куньмине вошел в историю современной китайской философии как уникальный центр сосредоточения творческой элиты, проникнутой патриотическим духом. Жизнь в эвакуации была тяжелой, но общение между студентами и их наставниками, которые жили в одном доме, было очень тесным. Вспоминая те дни, профессор Жэнь Цзиюй сравнил университетскую жизнь с атмосферой философской академии древности. Помимо Фэн Юланя в Объединенном университете преподавал другой видный представитель нового конфуцианства – Хэ Линь (1902–1992). Во время учебы в США в конце 20-х годов он слушал лекции известного философа Дж.Мида по феноменологии духа и философии А.Бергсона, познакомился с «философией процесса» А.Уайтхэда, учением британского последователя немецкого идеализма Т.Грина, идеями гарвардского неогегельянского философа Дж. Ройса. В 1931 г., во время недолгого пребывания в Берлинском университете Хэ Линю удалось прослушать лекции Н.Гартмана.

Главным направлением научной деятельности Хэ Линя в Китае стало исследование философии Г.Гегеля, значительный интерес представляет его попытка сопоставить гегельянскую традицию с неоконфуцианским наследием. В китайской литературе учение Хэ Линя получило наименование «нового учения о сердце» (*синь синьсюэ*), что указывает на его интерес к неоконфуцианскому «учению о сердце» Лу Цзююаня – Ван Янмина. Несмотря на восходящую к китайской традиции парность наименований (новое *синьсюэ* – новое *лисюэ*), философские разработки Хэ Линя уступают по глубине и систематичности творческому наследию Фэн Юланя.

Ярким примером творческого подъема китайской философии в республиканский период может служить разработанная в конце 30-х годов Цзинь Юэлинем (1895–1984) метафизика *дао*. В 1914–1920 гг. он изучал политические науки в Колумбийском университете США, потом продолжил образование в Европе. Философские взгляды Цзинь Юэлиня сначала испытали влияние современного неогегельянства, потом он увлекся идеями логического анализа под воздействием учений Б.Рассела и неореалистов. Весной 1938 г. Цзинь Юэлинь и Фэн Юлань были вместе в эвакуации, тогда же оба мыслителя начали работу над своими философскими системами: Фэн Юлань создал первую книгу «нового учения о принципе-законе», а Цзинь Юэлинь написал работу «Рассуждение о Дао», опубликованную в 1940 г. Книга была построена как последовательность пронумерованных философских тезисов, снабженных поясняющими комментариями.

Ведущие политики республиканского периода пропагандировали философские доктрины, являвшиеся частью их политической идеологии. Гоминьдановский теоретик Дай Цзитао (1890–1949) в середине 20-х годов, после смерти Сунь Ятсена, призвал уважать традицию и учение Конфуция. Он попытался обрисо-

вать новую схему конфуцианской преемственности учения, включающую учение Сунь Ятсена как порождение исконно китайской культуры, наследующее конфуцианские идеи. Дай Цзитао утверждал, что Сунь Ятсен воскресил забытые древние идеи гуманности, справедливости и морали. Главной общей темой учений Конфуция и Сунь Ятсена он считал народное благосостояние.

Более глубокие философские построения в 30-е годы предложили лидер Гоминьдана Чан Кайши (1887–1975) и партийный теоретик Чэнь Лифу (1900–2001). Философия «силы и действия» Чан Кайши включала постулаты древнего конфуцианства о «действии» (*син*) и его связи с достижением гуманности и знания. Он осуждал за проповедь пассивности тех мыслителей прошлого, что выступали с тезисом «знать легко, действовать трудно», и превозносил «активистскую» формулировку Сунь Ятсена «знать трудно, действовать легко». Чан Кайши характеризовал действие как всеобщий естественный принцип и изначальную природу человека. Фундаментальной категорией гоминьдановской философии «силы и действия» была «искренность», соединявшая моральные критерии и мотивы действия. Целью действия Чан Кайши считал реализацию конфуцианских этических принципов.

Чэнь Лифу в 30-е годы развивал учение витализма (*вэйшэн лунь*), приближенное к контексту традиционной китайской мысли, отчасти его рассуждения напоминали аргументы сторонников «жизнесозерцания» 20-х годов. Он полагал, что основой мироздания является жизнь-порождение *шэн*, материя и дух сконструированы из «изначальных жизненных элементов», в целом эти положения повторяли философские идеи Сунь Ятсена. Антропология гоминьдановского «витализма» подчеркивала важность идеальных целей в человеческой жизни, служения человека обществу, вскармливания добродетели и преодоления злых наклонностей. Движущей причиной истории Чэнь Лифу называл стремление человечества к «совместному порождению, совместному существованию и совместной эволюции». Учения Чан Кайши и Чэнь Лифу были широко известны благодаря пропаганде, но они не нашли последователей среди философов.

Деятельность марксистских теоретиков в республиканский период была сосредоточена на популяризации диалектического и исторического материализма, а также на критике немарксистских течений. Одной из наиболее весомых в теоретическом отношении марксистских работ того времени стал «Очерк изучения общества» (1937 г.) Ли Да (1890–1966), давший систематическое представление о материалистическом взгляде на природу, познание и общество. Летом 1937 г., во время чтения лекций по философии в Антияпонском военно-политическом университете в Яньани Мао Цзэдун написал небольшие работы «О практике» и «О противоречии», их содержание было во многом позаимствовано из китайских переводов советской марксистской литературы. Эти две книги оказали глубокое влияние на развитие китайской идеологии после их официальной публикации и массовой пропаганды в начале 50-х годов, когда они были провозглашены достижениями философии «китаизированного марксизма».

Определяющими особенностями философской мысли республиканского Китая были целенаправленная учеба у Запада, использование западной философии как отправной точки в анализе традиционного наследия, создание истории китайской философии и систематической философии в современном смысле. За короткий промежуток (начало 20-х – конец 30-х годов) китайские философы прошли путь от увлечения идеями вестернизации к возрождению традиции и синтезу философских культур Китая и Запада, от механического заимствования иностранных учений к созданию собственных творческих систем. В этот период в Китае появились новые области профессионального философского знания – онтология, логика, теория познания, – становление которых происходило на фоне растущего интереса к традиционным для китайской мысли антропологическим проблемам. Обсуждение мыслителями республиканского периода вопросов взаимоотношений философий Китая и Запада, а также их попытки осмысления китайского наследия с опорой на западную мысль не утратили значения и в наши дни.

Образование

По предложению Цай Юаньпэя в 1927 г. Нанкинское правительство создало по образцу Франции в контролируемых им провинциях Цзянсу и Чжэцзян (а в 1929 г. также во Внутренней Монголии и Тибете) независимые от министерства университетские округа в системе Национальной академии просвещения. На III съезде Гоминьдана в 1929 г. «основой» образования провозглашались «три народных принципа» Сунь Ятсена, в школах велась усиленная военная подготовка. Академия провела и структурную реформу, существенной частью которой было разделение комплексных средних учебных заведений на отдельно учреждаемые общеобразовательные и профессиональные школы (их число в 1927–1937 гг. возросло со 157 до 292), а также педагогические училища. В целом Гоминьдан уделял развитию образования много внимания, и за 10 лет к 1937 г. качество обучения повысилось, а число средних школ выросло с 954 до 1946 (численность учащихся – с 188,7 тыс. до 482,5 тыс. человек), государственных и частных вузов – с 28 до 135.

В советских районах КПК предпринимала усилия по формированию собственной системы образования. С осени 1931 г. на нескольких стабильных советских базах осуществлялась подготовка «революционных кадров». В связи с обстановкой гражданской войны были открыты военные училища и Военная академия для Красной армии.

Всей работой в области образования в советских районах руководил наркомат просвещения, состоявший из четырех управлений: начального, среднего, внешкольного и художественного образования. В целях агитации и пропаганды особое внимание уделялось подготовке работников искусств, в частности, было открыто театральное училище им. Горького. С ноября 1931 по октябрь 1934 г.

наркомат просвещения возглавлял Цюй Цюбо, после ареста которого в феврале 1935 г. его сменил Сюй Тэли (участник Наньчанского восстания; два года учился в КУТВ; после 1949 г. занимался педагогическими исследованиями в Отделе пропаганды ЦК КПК). На местах функционировали провинциальные, уездные, районные, городские и волостные комитеты просвещения. В своей деятельности коммунисты стремились реализовать разработанные к тому времени теоретические основы марксистской педагогики, хотя использовали и отдельные элементы программы буржуазных реформаторов.

Мао Цзэдун и Сюй Тэли

Первым китайским теоретиком, разрабатывавшим вопросы образования в Китае с позиций исторического материализма, был Ян Сяньцзян (член Гоминьдана, с 1925 г. активно участвовал в революционном движении в Китае, в том числе в восстании рабочих в Шанхае в 1926 г.). За годы пребывания в эмиграции в Японии (1927–1929), изучив литературу по истории зарубежной педагогики, в том числе советской (он перевел работу А.П.Пинкевича «Новое образование в России»), Ян Сяньцзян изложил историю развития мировой педагогической мысли, доказывая обусловленность социальных функций образования политическими и экономическими факторами. В одном из своих основных трудов – «Программа нового образования» Ян Сяньцзян составил развернутый план построения социалистической системы образования в Китае в случае победы в стране социалистической революции. План предусматривал слом буржуазной школы, право всех граждан на образование, всеобщее бесплатное обучение для детей и подростков в возрасте от 8 до 17 лет, введение единой системы образования, социалистического воспитания, создание трудовой школы и широкой сети культурно-просветительных учреждений.

Цюй Цюбо предлагал для советских районов именно ту модель обучения, которая была описана в работах Ян Сяньцзяна и образцом которой служила школа-десятилетка в СССР. Однако реализация подобной программы вряд ли была возможна в условиях гражданской войны и начавшейся агрессии извне. Поэтому хотя в проекте конституции Китайской Советской Республики (КСР), принятой I Всекитайским съездом советов (1931 г.), и ставилась цель «гарантировать право трудящихся масс рабочих и крестьян на получение образования», однако предусматривалась оговорка – «приступить к осуществлению бесплатного всеобщего обучения в тех масштабах, которые могут быть достигнуты в условиях гражданской революционной войны».

Но такие оговорки не могли примирить с подобным курсом руководителей наркомата просвещения КСР, в частности Сюй Тэли. Он являлся автором теории национальных типов и форм обучения в аграрной стране в условиях военного времени, которую разрабатывал на базе марксистско-ленинской методологии.

Сюй Тэли утверждал, что структуру и уровень образования следует адаптировать к уровню и структуре экономического развития данной страны, поэтому был активным противником слепого заимствования опыта развитых индустриальных стран (в частности, СССР) с их единой системой образования городского типа. В октябре 1933 г. на съезде по проблемам образования развернулась ожесточенная борьба сторонников разных точек зрения. В итоге съезд принял формулировки относительно «ликвидации неграмотности» (вместо предлагавшейся программы максимум – «обучение грамоте») и единой трудовой школы. Однако предложение о введении обязательного 10-летнего образования не прошло, обязательным было провозглашено только начальное образование.

Сюй Тэли был одним из основных разработчиков впоследствии поддержанной Мао Цзэдуном концепции сочетания теории с практикой в процессе обучения, соединения образования с производительным трудом как средства привлечения к школе беднейших слоев населения. Эти тезисы прозвучали и в докладе Мао Цзэдуна на II съезде Советов (январь 1934 г.). Он сформулировал задачи работы в сфере народного просвещения в советских районах: «Воспитывать широкие массы трудящихся в духе коммунистических идей, чтобы культура и просвещение служили революционной борьбе и классовой борьбе, чтобы просвещение сочеталось с производительным трудом».

Советские районы впервые предложили модель сочетания школьного и внешкольного, формального и неформального обучения, создав огромное разнообразие типов регулярных и нерегулярных учебных заведений. К последним можно отнести учебные заведения для взрослых по подготовке кадров – *ганьбу сюэсяо*, им уделялось первостепенное внимание. Первое из них – Хунаньский университет самообучения – еще в 1921 г. создал Мао Цзэдун, утверждавший, что в деятельности университета сосредоточено все «лучшее из древних академий и современных учебных заведений». Именно такая система подготовки кадров без отрыва от производства была создана в советских районах. При создании сельских учебных заведений-коммун (сочетание школы с небольшим предприятием) были воплощены на практике организационные формы, впервые предложенные Тао Синчжи в 1932 г.

Широкое развитие в советских районах получили общеобразовательные трудовые 5-летние начальные школы (две ступени – 3 и 2 года могли существовать раздельно), которые изначально назывались «народными», а потом – «ленинскими». Обучение в них было бесплатным, школам выделялись земельные участки, доходы от их обработки учителями и школьниками составляли финансовую базу школ. Внешкольное обучение (6 часов в неделю) сводилось к трудовой и общественной деятельности. Начало и конец учебного года приурочивались к срокам сельскохозяйственных работ. Использовались только те учебные пособия, которые подготовил и после 1932 г. издал наркомпрос КСР, все учебники были насыщены тематикой классовой борьбы и коммунистической нравственности, их содержание было тесно увязано с практикой. С целью воспитания у молодежи «революционного духа» в школах проводились военные игры и за-

нятия, создавались пионерские организации. Те немногие средние учебные заведения, которые удалось открыть в советских районах, были профессионально ориентированными и краткосрочными (курс был рассчитан на 1–2 года). В целом система образования отвечала условиям «революционных опорных баз в деревне».

В широких масштабах велась кампания по ликвидации неграмотности, была создана сеть вечерних школ и кружков. Как полагают китайские историки, по широте охвата, организованности и эффективности это движение далеко превосходило кампанию «образование – народу» 20-х годов.

После начала Антияпонской войны Национальное правительство в августе 1937 г. опубликовало «Программу работы по контролю в области образования в период всеобщей мобилизации», суть которой сводилась к необходимости адаптировать работу учебных заведений к нуждам обороны. Был разработан план действий, в соответствии с которым предлагалось пересмотреть систему образования и учебные материалы, соединить цели обучения и борьбы, нацелить учебные заведения на подготовку технических специалистов с учетом нужд и сельских районов, и промышленности. На первом этапе военных действий резко сократилось финансирование учебных заведений, пострадало их оборудование, были приостановлены научные исследования в вузах. Из 108 действовавших до начала войны вузов к октябрю 1938 г. было разрушено 91 учебное заведение, 40% средних школ оказались в оккупированной зоне или на территории военных действий. Гоминьдановское правительство начало перевод ведущих университетов из Пекина, Шанхая, Тяньцзиня в глубь страны – в районы Юга и Северо-Запада, в частности в провинции Шэньси, Сычуань, Цзянси. Для бежавших из районов военных действий подростков с 1937 г. осуществлялась программа строительства государственных средних школ. В провинциях Нинся, Цинхай, Гуйчжоу и в других сравнительно безопасных регионах было построено 34 средних школы и 14 профессиональных средних учебных заведений, включая педагогические училища. Студентам, обучавшимся в районах боевых действий, предоставлялись пособия. В 1940 г. министерство образования пересмотрело учебные планы неполных средних школ, увеличив число факультативов, введя некоторые профессиональные дисциплины (торговля, бухгалтерский учет, машинопись).

Гоминьдановское правительство с 1939 г. приступило к предлагавшейся Чан Кайши еще в конце 20-х годов реформе администрирования уездов. Она, в частности, предполагала объединить «управление и воспитание», т.е. на практике укрепить контроль со стороны правительства над системой образования, а также усилить местную администрацию, включив руководителей учебных заведений во властные структуры. Эти положения в 1940 г. были зафиксированы в «Программе реализации национального образования», но воплотить ее в жизнь оказалось невозможным, в том числе и из-за сопротивления властей всех уровней; к 1945 г. «Программу» отменили.

В условиях войны Сопротивления Японии корректировалась и образовательная политика КПК в «освобожденных районах». ЦК КПК на VI расширенном

пленуме 6-го созыва осенью 1938 г. зафиксировал в своих резолюциях необходимость «изменения прежней системы образования и содержания обучения» и предложил новую политику в области культуры и образования, соответствующую интересам обороны страны. Она предусматривала исключение из учебного курса ненужных в данный период предметов и делала акцент на те дисциплины, которые способствовали развитию у учащихся качеств, необходимых в условиях войны (укрепление «национального духа», военная подготовка, участие преподавателей и учеников в политических кампаниях и производительном труде – в вузах этому отводилось до 20% учебного времени). Первостепенное значение приобретала подготовка и переподготовка кадров преподавателей. Все эти положения нашли отражение в резолюции пленума «Принципы ведения оборонного воспитания в Пограничном районе Шэньси–Ганьсу–Нинся». Сюй Тэли еще в качестве наркома просвещения в начале 1937 г. подготовил документ «Принципы и курс образования в годину национальных бедствий», на основе которого был составлен «Проект временных положений о начальном образовании». Согласно Проекту, обучение являлось не обязательным, а добровольным. Работников образования ориентировали на то, чтобы они определяли содержание и сроки обучения, «исходя из запросов и пожеланий самих крестьян». Изменилась и политика финансирования школ, которую Сюй Тэли сформулировал так: «народ создает школы, государство помогает». Таким образом, ответственность за содержание школ была практически возложена на население.

Основные характеристики культуры и образования в рамках концепции «новой демократии» определил Мао Цзэдун в программной статье «О новой демократии» (1940 г.). Одной из важных характерных черт «новодемократического образования» Мао Цзэдун назвал его «национальный характер». В отличие от концепции «старой буржуазной демократии», в программе «новодемократического образования» отсутствовали характерные для предшествующих программ требования «департизации» учебных заведений и осуществления их автономии. «Новодемократическому образованию», согласно Мао Цзэдуну, присуще новое качество – «научность», которое связывалось не столько с перестройкой содержания образования в ответ на требования промышленной и технической революции, сколько с соединением обучения с «производительным трудом». В речи Мао Цзэдуна «Единый фронт в культурной работе» (1944 г.) также подчеркивалось, что в условиях военного времени надо создавать сельские школы упрощенного типа и группы по ликвидации неграмотности. Политика Компартии Китая в освобожденных районах в области образования в целом отражала особенности момента.

После капитуляции Японии США в целях поддержки гоминьдановского правительства выделяли значительные средства на восстановление системы образования в КР. В то же время деятели образования демократической ориентации (Тао Синчжи и другие) развернули движение за демократизацию образования, подразумевавшую прежде всего «восстановление свободы образования», т.е. ликвидацию партийного контроля над ним. Это требование было созвучно решениям

Политической консультативной конференции, совместно проведенной Гоминьданом и КПК в 1946 г.

Между тем продолжался процесс развития образования в «старых освобожденных» районах. В 1946 г. в этих районах прошли совещания по проблемам образования. Одной из главных задач педагогических училищ было повышение уровня квалификации действующих и подготовка новых работников образования. Эти учебные заведения «старых освобожденных районов» по-прежнему «сочетали учебу с производством» в целях решения финансовых проблем. В освобожденных районах к середине 1946 г. функционировало более ста специальных учебных заведений для подготовки преподавателей. Существовали даже университеты, готовившие кадры и для школ в новых освобожденных районах, а также в крупных городах, ранее контролировавшихся Гоминьданом. С началом наступления Гоминьдана летом 1946 г. вся работа учебных заведений была ориентирована на насущные потребности военно-политического момента.

Политика КПК в «новых освобожденных районах» была ориентирована на обеспечение максимальной сохранности помещений учебных заведений и, соответственно, на удержание их кадров. В 1948 г. в ряде освобожденных районов вновь прошли совещания по проблемам начального и среднего образования. Их задача состояла в том, чтобы способствовать постепенному созданию системы регулярных общеобразовательных учебных заведений, функционирующих в условиях мира, а не в ситуации партизанской войны. На совещаниях критиковали «левый» уклон, который характеризовался негативным отношением к регулярному образованию как якобы «устаревшему шаблону», подчеркивалась также решающая роль преподавателей в процессе обучения. В 1949 г. Северо-Восточное бюро ЦК КПК постановило реформировать систему высшего образования в Дунбэе, наметив ряд изменений сроков и содержания обучения в новых условиях масштабного экономического и культурного строительства.

Глава 5
Культура

Литература

Уровень политизированности, свойственной многим китайским литераторам 20-х годов, повысился в следующем десятилетии. Причиной тому стала не только сложная внутриполитическая обстановка в стране и гражданская война, но и начавшаяся в 1931 г. вооруженная агрессия Японии против Китая.

Ярким литературным событием тех лет стала гражданская лирика Инь Фу (1909–1931), тайно расстрелянного в гоминьдановской тюрьме. В частности, широкую известность получил цикл из семи его стихотворений «Слова, омытые

кровью» (1929 г.), посвященных революционным событиям в Шанхае во время революции 1925–1927 гг.

2 марта 1930 г., после ожесточенной двухлетней дискуссии в периодике по вопросу о «революционной литературе» в Шанхае была создана полулегальная Лига левых писателей Китая, или «Левая лига». В ее рядах объединилось более 100 человек, среди них такие видные писатели, поэты и драматурги, как Го Можо, Мао Дунь, Ся Янь, Тянь Хань, Цзян Гуанцзы, Чжан Тяньи, Юй Дафу. Руководителем и идеологом Лиги был Лу Синь, важную роль в ее деятельности играл критик, поэт и переводчик, один из основателей КПК Цюй Цюбо. Его перу принадлежат переводы на китайский язык работ Ф.Энгельса, В.И.Ленина и Г.В.Плеханова, а также произведений А.С.Пушкина, Н.В.Гоголя, Л.Н.Толстого, А.М.Горького, А.С.Серафимовича, Д.Бедного. В 1935 г. Цюй Цюбо арестовала гоминьдановская полиция, вскоре он был расстрелян. Действуя в условиях цензурных и политических преследований, Лига выступала за массовую, доступную народу литературу, занималась распространением марксистской мысли, издавала журналы «Цяньпао» («Аванпост»), «Вэньсюэ юэбао» («Литература»), «Вэньсюэ даобао» («Проводник литературы»), «Тохуанчжэ» («Пионер»), «Бэй доу» («Большая Медведица»), «Мэнъя» («Всходы»). В начале 1936 г. Лига левых писателей объявила о самороспуске с целью создания новой писательской организации – Всекитайской ассоциации работников литературы и искусства по отпору врагу.

Лу Синь. Портрет работы художника А.Яр-Кравченко

В годы «нанкинского десятилетия» короткие рассказы уступают место произведениям крупных форм, которым суждено было войти в золотой фонд новой китайской литературы. Среди них романы Ба Цзиня, Лао Шэ, Мао Дуня, поэмы Цзан Кэцзя и Ай Цина, многоактные пьесы Цао Юя. 30-е годы стали временем наивысшей творческой активности Ба Цзиня. Среди 11 его романов и повестей, изданных в этот период, самый известный – роман «Семья» (1931 г.). В основе романа, который носит автобиографический характер, картина внутреннего расслоения и близящегося распада старой патриархальной семьи. Гао – одно из наиболее знатных семеств *шэньши* в столице провинции. Действие происходит в начале 20-х годов на фоне бесчинств распоясавшейся военщины, мародерства солдат. Внутрисемейная атмосфера проникнута лицемерными рассуждениями о конфуцианском человеколюбии, однако самые яркие ее характеристики – это взаимная подозрительность, а подчас откровенная вражда и скандалы. Жизнь всех поколений Гао проходит в безделье и азартных играх. В контексте конфликта «старого и нового» показателен образ самого гнусного персонажа среди представителей старшего поколения – Фэн Лэшаня. Друг старшего Гао, под маской ханжи он скрывает свое подлинное лицо подлеца и развратника. Смерть главы семьи, для которого главное – внешняя пристойность и показное соблю-

дение ритуалов, знаменует крушение старых порядков. «Почтительные сыновья», притворно оплакивающие покойного отца, не соблюдают траур, развлекаются с певичками и ссорятся из-за раздела наследства. В романе описываются и новые веяния, порожденные «движением 4 мая» 1919 г. и медленно проникающие в среду провинциальной молодежи. В связи с этим значимым является образ младшего из сыновей Гао по имени Цзюэхуэй, на примере которого ярко показано духовное раскрепощение молодежи, не желающей мириться с двуличной моралью отцов. Гао Цзюэхуэй участвует в демонстрации студентов против милитаристов, в выпуске журнала, в организации общественной читальни. Несомненным достоинством романа является галерея женских образов. Судьбы бесправных жен и наложниц в семье Гао складываются трагично: жену старшего сына выгнали беременной из дома, она умирает при родах. Созданные позже романы «Весна» (1938 г.) и «Осень» (1940 г.) образовали трилогию «Стремительное течение». Композиционно и сюжетно трилогия напоминает классический китайский роман «Сон в красном тереме».

Значительную роль в творчестве Ба Цзиня играет и трилогия «Любовь», которую составляют повести «Туман» (1931 г.), «Дождь» (1932 г.) и «Молния» (1933 г.). Сам Ба Цзинь подчеркивал, что трилогия – это не обычный любовный роман. В ней он пытался дать ответ на вопрос, волновавший в послереволюционные годы китайскую молодежь: совместимы ли любовь и революция, еще точнее – отказаться ли от революционной борьбы ради личного счастья или пожертвовать любовью ради служения делу революции? Главный герой повести «Туман» Чжоу Жушуй, сентиментальный человек, идеал которого – деревенская идиллия и тихое семейное счастье. Однако он постоянно терпит неудачи в любви из-за своей нерешительности. В повести «Дождь» Чжоу Жушуй, вдохновляемый новой любовью, пытается стать другим человеком, но его снова ждет поражение и он кончает жизнь самоубийством. По мысли писателя, причина гибели героя – в его безволии и отсутствии цели в жизни.

Другой герой повести, молодой революционер Чэнь Чжэнь, считая, что любовь лишает настоящего революционера свободы действий, сознательно отказывается от личного счастья. Центральную роль в повести «Дождь» играет один из друзей Жушуя – У Жэньминь, убежденный сторонник перестройки мира. Однако он, запутавшись в сетях любви, приходит к выводу, что, когда человек влюблен, он перестает быть бойцом. В последней части трилогии, повести «Молния», Ба Цзинь делает центральным образ Ли Пэйчжу – девушки с целеустремленным, решительным характером, посвятившую себя революции. По-новому воспринимает любовь порвавший с недавней ложной предубежденностью У Жэньминь, любящий Ли Пэйчжу.

В 1933 г. были опубликованы две книги Лао Шэ – романы «Развод» и «Записки о Кошачьем городе». «Развод» – типичное социально-бытовое повествование о пекинском чиновничестве средней руки. В романе никто не разводится, хотя подобное желание возникает не у одного персонажа. Мир пекинских обывателей заполнен игрой тщеславия, сплетнями и интригами. «Записки о Кошачь-

ем городе» – произведение совершенно другого рода. Это одна из вершин сатиры в китайской литературе XX в., гротеск, наполненный сарказмом и гиперболами. Говоря об устройстве Кошачьего государства, нравах и обычаях его обитателей, ищущих забвения в «дурманных листьях», Лао Шэ обрушивается на современное ему больное общество и связанный с традиционной культурой уклад мыслей. Изображая жизнь хитрых и жестоких людей-кошек, Лао Шэ высмеивал схоластическую науку, псевдоискусство, трусость военных, косность народных масс и их склонность к преклонению перед властью и силой. Роман заканчивается катастрофой и гибелью Кошачьего города. Прижизненную международную известность принес Лао Шэ роман «Рикша» («Лото сянцзы», 1936–1937) – печальная история жизни пекинского рикши Сянцзы по прозвищу Верблюд. В молодости здоровый, работящий, одержимый мечтой приобрести собственную коляску и работать на себя, к старости Сянцзы, у которого под ударами судьбы исчезли вера в будущее и самоуважение, идет к гибели. Жизнь его оказалась цепью злоключений: то его захватывают в плен солдаты, то шантажирует и обирает сыщик, то соблазняет и женит на себе дочь хозяина. Девушка, которую Сянцзы полюбил, силой обстоятельств попала в публичный дом и, не перенеся этого, покончила с собой. В конце романа перед нами преждевременно состарившийся человек, готовый за деньги на любую подлость.

Мао Дунь в романе «Перед рассветом» (1933 г.), повестях «Деревенская трилогия», «Лавка Линя» (1932 г.) писал о борьбе между национальным и иностранным капиталом, о разорении торговцев, нищете и стихийном протесте крестьянства, о рабочем движении в Шанхае. В романе «Перед рассветом» повествуется о жизни капиталистического Шанхая в 30-х годах. В центре произведения – жизнь нового предпринимателя У Суньфу, основную сюжетную линию составляют взаимоотношения между ним и Чжао Ботао, представляющими соответственно интересы национальной и компрадорской буржуазии. Заканчивается роман банкротством семьи У. Книга, рисующая широкую картину социальной действительности, является ценным источником конкретных знаний о той эпохе.

В середине 30-х годов в Китае утверждаются жанры эпической и лироэпической поэзии. Первой в истории новой китайской литературы эпической поэмой, построенной на едином динамическом сюжете, стало произведение Пу Фэна (1911–1942) «Блуждающие огни июля» (1936 г.), в котором отражены процессы революционного подъема в китайской деревне. К жанру эпической поэмы принадлежит «Автопортрет» (1936 г.) Цзан Кэцзя, где поэт изображал события национальной революции 1925–1927 гг. В отличие от Пу Фэна, Цзан Кэцзя создавал сугубо реалистические образы и картины. Лирический герой его поэмы – непосредственный участник событий. Поэма Тянь Цзяня «Китай. Деревенская история» (1936 г.) состоит из трех частей («Голод», «На Янцзы», «Иди!»), всего из 1400 строк. Поэма бессюжетна, мозаична, лейтмотив ее – постоянный, изнуряющий голод. Если в период «движения 4 мая» тематика поэзии была широкой, то в первой половине 30-х годов происходит ее сужение и в центре внимания оказывается деревня.

Война Сопротивления Японии (1937–1945) предъявила новые требования к печатному слову. 27 марта 1938 г. была создана Всекитайская ассоциация работников литературы и искусства за отпор врагу (ВАРЛИ), объединившая всех литераторов и деятелей искусств Китая. Основной задачей ассоциации было содействие отпору японской агрессии. На учредительном съезде в г. Ханькоу присутствовало более 500 делегатов. В правление ассоциации вошли 45 человек, среди которых были Ба Цзинь, Го Можо, Дин Лин, Лао Шэ, Мао Дунь, Тянь Хань, Юй Дафу; текущей деятельностью Ассоциации руководил Лао Шэ. ВАРЛИ имела подразделения во многих крупных городах Китая, издавала ряд журналов, главным из которых был «Литература и искусство войны сопротивления» под редакцией Мао Дуня. Участники ассоциации организовывали поездки писателей на фронт для работы в воинских частях, собирали средства для армии. Так, одним из создателей фронтовых агитбригад стал Го Можо, Юй Дафу в качестве военного корреспондента побывал на передовой и создал ряд публицистических статей. Ассоциация сыграла важную роль в деле сплочения всех патриотических сил Китая, в Северном Китае ее участники действовали в оккупированных районах, в тылу японской армии.

ВАРЛИ выдвинула лозунги «Литературу – в деревню» и «Литературу – в армию». В начале войны небывалого расцвета достигли гражданская лирика, песня и жанр *баогао* (известия). Краткие и выразительные произведения малой формы были как нельзя более пригодны для отражения суровой действительности военного времени. К жанру *баогао* относились *баогао вэньсюэ* (документальные очерки), *су се* (наброски), *тэ се* (очерковая литература), *тунсюнь* (репортаж), *вэйлао цзи* (шефские заметки), *баогао ши* (стихи-известия), *фанвэнь цзи* (интервью).

Позднее появилась тяга к эпическим жанрам. Мао Дунь написал романы «Повесть о первом этапе» (об обороне Шанхая в 1937 г.), «Распад» (1941 г.) – о гоминьдановской тайной полиции, погрязшей в коррупции, и «Тронуты инеем, листья алеют, словно цветы весной» (1942 г.) – о жизни китайской провинции перед «движением 4 мая». Ба Цзинь издал роман «Пламя» (1941 г.) об участии китайской молодежи в Антияпонской войне. Роман состоит из трех самостоятельных частей, в связи с чем китайская критика называла его «трилогией войны Сопротивления». В третьей части романа Ба Цзинь выдвинул на первый план актуальную проблему единства нации. Ба Цзинь предупреждал об опасности национального раскола между сторонниками Чан Кайши и коммунистами, о его негативном влиянии на организацию отпора японским агрессорам.

В годы Антияпонской войны продолжилось начавшееся в 30-е годы движение за приобщение неграмотной аудитории к литературе, в частности, особенно популярной становилась песенно-повествовательная литература. Небывалого расцвета достигла поэзия, в которой появились новые жанры, призванные приблизить поэзию к народу и придать ей массовый характер: «декламационные стихи» (*лансун ши*); зародившиеся в Яньани под влиянием «Окон РОСТА» В.Маяковского «стихи улицы» (*цзетоу ши*); «настенные стихи» (*цянтоу ши*), «стихи-листовки» (*чуаньдань ши*). «Стихи улицы», носившие агитационный ха-

рактер, декламировались на массовых собраниях, их передавали по радио, читали участники агитбригад на фронте. Так называемые «стихи на штыках» (буквально «стихи на винтовках» – *цян ши*) бойцы наклеивали на приклады винтовок и стволы орудий.

В первые годы Антияпонской войны резко выросло число стихотворных сборников и периодических изданий. Множество стихотворений принадлежит перу Цзан Кэцзя, они составили сборники «Походные песни» и «Болото» (1938–1939). Поэма Цзан Кэцзя «Едем на фронт» была создана автором на фронтовых дорогах (вместе с другими поэтами он входил в бригаду, занимавшуюся культурно-просветительной работой на фронте). В первые же годы войны Цзан Кэцзя написал эпическую поэму «Бутоны старого дерева», в которой он стремился создать образ национального героя нового типа, способного повести за собой массы. Поэма отличается красочностью языка и широким использованием разговорной речи.

Лао Шэ

Популярными были стихи Чжэн Чжэньдо («Военный сигнал»), Ван Япина («Портреты китайских воинов» и «Кров родины»), Ван Тунчжао («Звуки трубы»), Юань Шуйпо. Немало патриотических стихов, составивших книги «Голоса войны» (1938 г.) и «Цикады» (стихотворения 1941–1947 гг.), создал Го Можо. В его сборниках преобладали стихи обличительные, протестующие против злодеяний фашизма. Ярким событием стали поэмы выдающегося поэта Ай Цина (1910–1996) «Снег падает на землю Китая» (1937 г.) и «Он умер во второй раз» (1939 г.).

Ярким, гневным, поэтически страстным был язык другого выдающегося поэта той эпохи – Тянь Цзяня (1916–1985), автора патриотических поэм «Тем, кто сражается» (1938 г.) и «Она тоже будет убивать» (1938 г.). Последняя рассказывает о молодой женщине, почти потерявшей рассудок от горя: японцы убили ее ребенка, надругались над ней самой. Она, обладавшая раньше мягким характером, теперь тоже пойдет убивать – глубокое отчаяние сменилось ненавистью и жаждой мести. Для стихов Тянь Цзяня характерны тяга к короткой, экспрессивной строке (нередко микростроке из одного-двух иероглифов) без рифмы, что несвойственно классической китайской поэзии. Именно поэзия Тянь Цзяня положила начало упоминавшемуся выше движению «стихи улиц». Тянь Цзянь высоко ценил поэзию В.Маяковского, Н.Хикмета и П.Неруды, и, по мнению российских исследователей его творчества (С.Д.Маркова, Л.Е.Черкасский), своим ритмом и агитационным характером стихи Тянь Цзяня напоминали стихи Маяковского.

В конце 30-х годов крупные прозаики (Лао Шэ, Мао Дунь) обратились к драматургии, что породило театральный бум. Широкую популярность завоевали патриотические пьесы о прошлом Китая, написанные Го Можо: трагедии «Цюй Юань» (1942 г.), «Тигровый знак» и «Гао Цзяньли». Лао Шэ написал

героико-патриотические пьесы «Генерал Чжан Цзычжун» и «Родина превыше всего».

Если в начальный период войны в литературе царил дух оптимизма и патриотизма, то к началу 40-х годов основными темами, особенно в литературе районов, находившихся под контролем Гоминьдана, становятся коррупция чиновников и предательство Гоминьданом национальных интересов. Эта тема часто звучала в творчестве Мао Дуня, Го Можо, Лао Шэ, Ша Тина, Ай У, У Цзусяна. Так, герой комедии Лао Шэ «Остатки тумана» (1939 г.) – гоминьдановский чиновник, взяточник и развратник. В романе Лао Шэ «Огненное погребение» говорится о боях за небольшой город Вэньчэн, его захвате японцами и безуспешной попытке китайцев отбить город. Наряду с героизмом патриотов показана и бездарность командования.

Чжан Айлин

В Шанхае, находившемся в глубоком тылу оккупированных Японией районов, действовала Шанхайская ассоциация театральных деятелей по спасению Родины. 12 драматических коллективов, созданных в Шанхае, отправились на различные участки фронта и в освобожденные районы. Основные достижения литературы «одинокого острова» (*гудао вэньсюэ*), как принято называть шанхайскую литературу 1937–1941 гг., лежат в области драматургии – пьесы Юй Лина (1907–1997) «Ночной Шанхай» (1939 г.), А Ина (1900–1977) «Цветок, окропленный кровью» (1939 г.) и «Герой морей» (1940 г.).

В области прозы одним из наиболее ярких представителей шанхайского литературного олимпа была писательница Чжан Айлин (1921–1995). Известность к ней пришла с повестью «Золотые оковы» (1944 г.). Главная героиня Цао Цицяо по принуждению выходит замуж за инвалида из богатой семьи. Несчастливая семейная жизнь, отсутствие любви делают ее черствой, озлобленной и коварной. Цао Цицяо начинает мстить миру вообще и своим близким в частности. В конце она остается в одиночестве, в «золотых оковах», на которые сама себя обрекла. В большинстве произведений Чжан Айлин действие происходит в Шанхае. Автор затрагивает глубины человеческой психики, рассказывает о любовных взаимоотношениях, крушении семьи. Почти всегда ее произведения проникнуты горечью, пессимизмом, декадентскими настроениями. Таковы сборники прозы «Об удивительном» (1944 г.), сборник эссе «Слухи» (1945 г.) и «визитная карточка» писательницы – роман «Любовь, что рушит города» (1944 г.). Героине романа Бай Люсу суждено пережить развод, возвращение в отчий дом, сплетни, непростые отношения с новым возлюбленным, к которому она уезжает в Гонконг. Благополучный финал романа скорее исключение для творчества писательницы. Чжан Айлин оказала большое влияние на формирование китайской женской и психологической прозы, девять ее произведений впоследствии были экранизированы.

В последние годы Антияпонской войны литература «освобожденных коммунистических районов» развивалась, ориентируясь на «Выступления на совеща-

нии по вопросам литературы и искусства в Яньани» Мао Цзэдуна (1942 г.), особое внимание в которых уделялось политическому содержанию и классовой направленности произведений литературы и искусства. Важное место в яньаньских тезисах занимала также идея доступности результатов творческого труда для крестьянства. Яньаньское совещание проводилось в рамках кампании «движения за упорядочение стиля партийной работы» (*чжэнфэн*). Кампания, в частности, привела к резкой проработке группы литераторов, в том числе писательницы Дин Лин и поэта Ай Цина.

Заметными произведениями этого периода стали первый рассказ работавшего в прессе «освобожденных районов» Чжао Шули (1906–1970) «Женитьба Маленького Эрхэя» (1943 г.) и его повесть «Песенки Ли Юцая» (1943 г.), благодаря которым писатель вошел в китайскую литературу как знаток крестьянского быта и фольклора.

Подъем в общественной жизни после капитуляции Японии в 1945 г. привел к всплеску публицистики и сатирической поэзии. Огромной популярностью в Китае пользовался сборник острых, злободневных стихов «Горные песни Ма Фаньто» (1946 г.) одного из самых ярких китайских поэтов-сатириков Юань Шуйпо (1916–1982). Между тем политико-административная деятельность, в которую включились во второй половине 40-х годов многие писатели и поэты, обусловила некоторый спад их творческой активности.

Политическая обстановка в 1946 г. накалялась, возобновившаяся гражданская война способствовала дальнейшей политизации культурной жизни в Китае. Непрекращающиеся цензурные преследования, террор гоминьдановских спецслужб, направленный против интеллигенции, убийство их сотрудниками в 1946 г. поэта Вэнь Идо (1899–1946) привели к тому, что большинство литераторов в 1948–1949 гг. начали переезжать в «освобожденные районы».

Среди заметных романов этого периода – трилогия Лао Шэ «Четыре поколения одной семьи» (1945–1950) о жизни Пекина в период японской оккупации. Представители большой семьи Ци ведут себя по-разному: одни пытаются остаться в стороне от схватки, другие вступают в сговор с захватчиками в погоне за жизненными благами, третьи уходят в движение сопротивления. Мысль об активной борьбе со злом – ключевая в романе.

Стал бестселлером сатирико-психологический роман Цянь Чжуншу (1910–1998) «Осажденная крепость» (1946 г.), изданный в самом крупном и престижном послевоенном журнале «Вэньи фусин» («Литературный ренессанс») и вскоре вышедший в свет отдельной книгой. Это роман о непростом супружестве молодой четы преподавателей захолустного университета. В центре книги – идея одиночества людей. В эпиграфе использовано французское изречение о том, что супружество подобно осажденной крепости: кто снаружи – хочет войти, кто внутри – стремится выйти.

Романы Чжоу Либо (1908–1979) «Ураган» (1948 г.) и Дин Лин (1904–1986) «Солнце над рекой Сангань» (1948 г.) объединяет общая тема земельной рефор-

мы и перемен в жизни крестьянства. Оба романа были переведены на русский и удостоены в СССР Сталинской премии за 1952 г. Заметным произведением этого периода стал также роман Чжао Шули «Перемены в Лицзячжуане» (1946 г.), посвященный событиям 30-х годов в глухой деревне в Шаньси, родной провинции писателя. После появления этой книги Чжао Шули стал общепризнанным лидером «деревенской» темы. Теме перевоспитания человека в новых условиях свободного труда посвящена повесть писательницы Цао Мин «Движущая сила» (1948 г.).

В июле 1949 г. в Пекине прошел I Всекитайский съезд работников литературы и искусства, в работе которого приняли участие 824 делегата. Съезд признал необходимым воспринять все лучшее из национального наследия. Всекитайская ассоциация работников литературы и искусства за отпор врагу была преобразована во Всекитайскую ассоциацию работников литературы и искусства. Ее возглавил Го Можо, его заместителями стали Мао Дунь и Чжоу Ян.

Го Можо (второй справа) во главе китайской делегации, прибывшей на празднование 220-летия АН СССР. Узбекистан. 1945 г.

Театр

В гоминьдановском Китае центром театрального движения был Шанхай, где работало несколько драматических коллективов. Именно на их спектаклях в декабре 1928 г. зрители впервые познакомились с пьесами Тянь Ханя «Воля к жизни», «Ночной разговор в Сучжоу», «Голос старого пруда», «Смерть знаменитого актера». Эти произведения отразили переход драматурга от романтических пьес к произведениям социального характера. В «Южном обществе» (Наньгошэ) ставили также пьесы зарубежных авторов: «Возвращение отца» Кикути Кана, «Незаконченный шедевр» С.Филипса, «Саломея» О.Уайльда, «Кармен» (П.Мериме).

Среди других трупп в начале 30-х годов лидировали два профессиональных театральных коллектива: Китайский гастрольный театр, созданный режиссером Тан Хуайцю, и Китайская экспериментальная любительская труппа. Спектакли Тан Хуайцю отличались высоким исполнительским уровнем, среди них «Гроза» и «Восход солнца» Цао Юя, «Смерть знаменитого актера» Тянь Ханя, «Месть рыбака», «Убийство Ян Синь», пьесы зарубежных драматургов – О.Уайльда, К.Гольдони и др. В репертуар Китайской экспериментальной любительской труппы входили пьесы: «Пустошь» Цао Юя, «Деревня Цзиньтянь» Чэнь Байчэня,

«У Цзэтянь» Сун Чжиди, «Ромео и Джульетта» У.Шекспира. К первой половине 30-х годов относится более глубокое знакомство китайского зрителя с зарубежной драматургией и приемами драматического театра. Активно переводились пьесы с западных и японского языков. Однако новым театром интересовалась лишь образованная часть населения больших городов, он далеко уступал в популярности традиционному китайскому театру.

К числу ведущих драматических коллективов принадлежали также Театральное общество (Сицзюй сешэ, руководитель Ин Юньвэй) и общество «Модерн» (Модэн, руководители Чэнь Байчэнь, Цзо Мин, Чжэн Цзюньли), которые отделились в 1929 г. от «Наньгошэ».

Молодые композиторы Ша Мэй и Хуан Юаньло в 30-е годы создавали оперы на сказочные и исторические сюжеты. В них авторы обратились к музыкальным мотивам национального театра *сицюй*. В начале 30-х годов была предпринята попытка использовать театр *хуацзюй* в качестве средства политической пропаганды. КПК учредила Художественное театральное общество (Ишу цзюйшэ), деятели которого призывали создать театр для народа. Такой театр призван был содействовать развертыванию коммунистической пропаганды в рабочих кварталах, в студенческой среде. Идейная направленность «пролетарского театра» отразилась в пьесах: «Лунная соната», «Буря на реке Янцзы», «Семь женщин в бурю», «Сливовый дождь», «Наводнение», созданных в эти годы Тянь Ханем. Художественное театральное общество поставило несколько произведений западных драматургов, а также пьесу Фэн Найчао «А Чжэнь».

Гоминьдановские власти в 1930 г. запретили Общество, арестовали некоторых его членов. Однако в начале 1931 г. избежавшие ареста члены «Ишу цзюйшэ» и прекратившего существование общества «Наньгошэ» создали Лигу левых театральных коллективов. В 1931 г. она была преобразована в Лигу левых театральных деятелей, которая активизировала работу после вступления в ее состав авторитетных мастеров разговорной драмы Тянь Ханя, Ся Яня, Лю Баоло, Чжэн Цзюньли. Благодаря деятельности созданных Лигой левых театральных коллективов («Театральное общество», «Свет», «Модерн»), сотрудничавших с известными театральными деятелями Хун Шэнем, Ся Янем, Ин Юньвэем, Фэн Найчао, Цзинь Шанем, Лига пропагандировала всенародную мобилизацию на борьбу с японскими агрессорами.

Большой популярностью пользовались патриотические пьесы Тянь Ханя, Лоу Шии, Юань Мучжи, писательницы Бай Вэй и других: «Набат», «Семь женщин в бурю», «SOS», «Ночь на заводе», «На одной станции». Отделения Лиги были созданы в Пекине, Нанкине, Гуанчжоу, Ухани, Наньчане, Ханчжоу. В результате репрессивных мер властей к 1934 г. все отделения Лиги были ликвидированы. Многие актеры и режиссеры в поисках средств существования перешли работать в коммерческое кино. В этих условиях на некоторое время приобрел известность Китайский гастрольный театр. Это был сильный профессиональный коллектив, который, в частности, осуществил постановку социальной пьесы драматурга Цао Юя «Ураган». Все же в его репертуаре преобладали легковесные комедии.

Гоминьдановские власти основали свой театр и открыли в Нанкине театральное училище. Но созданный под покровительством властей и возглавленный Чэнь Дабэем Шанхайский театр (Шанхай цзюйюань) перестал существовать после двух постановок.

Большое внимание уделяли театру на территориях, освобожденных Красной армией. В 1931 г. в Центральной революционной базе после отражения второго карательного похода гоминьдановских войск были созданы красноармейский клуб и Рабоче-крестьянский театр. В 1932 г. там были организованы Центральный театр и Театральное училище им. М.Горького, в репертуар которых входили спектакли «Я – красноармеец» (коллектив авторов), «Вооружайтесь» Ша Кэфу, «Победить во что бы то ни стало» Ли Бочжао, «Луна над Хуанпу» Сун Чжиди, «Летающий генерал» Хун Шэня. Ставились также исторические драмы, например «Смерть Ли Сючэна» Оуян Юйцяня.

Драматург Ли Бочжао (супруга Ян Шанкуня)

В 1935 г. в Нанкине открылось Государственное театральное училище. За 14 лет это учебное заведение подготовило более тысячи актеров, режиссеров, сценографов. В «нанкинское десятилетие» драматический театр западного типа прочно утвердился в Китае, появились отечественная профессиональная драматургия, талантливые режиссеры: Хун Шэнь, Тан Хуайцю, Ин Юньвэй, значительно повысился уровень сценического мастерства актеров. В масштабах Китая была создана база для перехода от любительского театра к профессиональному. Накануне Антияпонской войны политический контроль гоминьдановских властей над театром был несколько ослаблен, что привело к оживлению деятельности драматических коллективов. В репертуаре театров Шанхая в 1937 г. были пьесы У.Шекспира, А.П.Чехова, Н.В.Гоголя; пьесы «Ураган» и «Восход» Цао Юя, «Сай Цзиньхуа», «Под крышами Шанхая» Ся Яня, «Контрабанда» Хун Шэня. Цао Юй в 1937 г., расширив тематические рамки, создал экспрессионистскую драму «Дикая пустошь». В этой пьесе описывались острые конфликты в китайской деревне тех лет, жизнь крестьян, доведенных до отчаяния произволом властей. В одной из своих лучших пьес – «Под крышами Шанхая» Ся Янь создал целую галерею образов простых людей, талантливо воссоздал социально-политическую атмосферу Шанхая тех лет.

Подъем нового театра в Китае произошел в период Антияпонской войны, когда патриотическое движение поставило перед художественной интеллигенцией страны новые задачи. В это время китайских работников театра и драматургии объединил Всекитайский союз деятелей театра за спасение родины. Театральные труппы Союза выезжали на фронт и в тыловые районы.

Первое время основное место в репертуаре трупп «разговорной» драмы занимали агитационные пьесы. Зачастую их создавали коллективы авторов, корректируя сюжет в зависимости от местных условий и развития событий. Главное содержание пьес – призывы к единству фронта и тыла, пропаганда идей патриотизма, прославление героизма китайской армии.

Выступление уличной театральной труппы

В 1937 г. в Шанхае было создано Шанхайское общество спасения родины на базе Союза драматургов Шанхая, которое принимало активное участие в создании агитбригад, отправлявшихся на фронт. В конце 1937 г. в Ханькоу было образовано Всекитайское театральное общество Сопротивления, в него вошли видные деятели традиционного театра – Оуян Юйцянь, Мэй Ланьфан, Чжоу Синьфан и другие. Декларация Общества призывала всех театральных деятелей посвятить себя борьбе с японскими агрессорами, создавать злободневный репертуар.

В 1937 г. Тянь Хань написал пьесу «Песня рыбаков Ухани» в жанре «разговорной» драмы. В переработке для традиционной драмы пьесу ставили на многих театральных сценах страны, в том числе в освобожденных районах. В основе сюжета лежали исторические факты обороны Ухани в XIII в. во времена правления династии Сун (969–1280). В 1938 г. работой театра руководила Всекитайская ассоциация деятелей литературы и искусства за отпор врагу.

После падения Нанкина и Ухани в 1937–1938 гг. театральная жизнь страны сосредоточилась во временной столице Китая – Чунцине, где работало около десяти постоянных коллективов «разговорной» драмы, а также в нескольких больших городах: Чэнду, Гуйлине и Сиани. Драматурги Чэнь Байчэнь, Лао Шэ, Го Можо, Ян Ханьшэн, Ся Янь, Ма Яньсян, Сун Чжиди, Шэнь Фу и другие в своих пьесах обличали пассивность властей в деле организации борьбы с врагом, описывали страдания народа, его страстное стремление к победе над захватчиками. Большой общественный резонанс получила поставленная на сцене историческая трагедия Го Можо «Цюй Юань» (1942 г.). В 1938 г. драматург Ван Тэфэй в стиле традиционного театра создал новую пьесу «Народ прифронтовых районов» на тему Антияпонской войны.

Большое распространение наряду со спектаклями больших форм получили «живые газеты», выступления передвижных агитбригад и уличные выступления артистов. Было организовано 12 передвижных бригад, выступавших в городах, деревнях, армейских частях с незамысловатыми представлениями на военную тему. Среди таких пьес – «Восемьсот стойких», «Гневный клич в осажденном городе», «Потомки национального предателя».

После инцидента у моста Лугоуцяо (7 июля 1937 г.), положившего начало широкомасштабной японской агрессии против Китая и войне Сопротивления, Тянь Хань, Чэнь Байчэнь, Чжан Цзичунь и другие драматурги обратились в своих произведениях к теме противостояния японской агрессии. Когда пал Шанхай, драматурги Сун Чжиди и Цуй Куй создали пьесу «Битва за Шанхай», призывавшую продолжить сопротивление. Ту же тему развивали постановки «Тучи на

северных границах» Ян Ханьшэна, «Мелодия возвращения весны» Тянь Ханя. Всекитайская ассоциация работников театра за отпор врагу, созданная в рамках единого фронта КПК и Гоминьдана, руководила работой китайского театра в военное время. В 1938 г. в Учане прошел смотр деятельности передвижных бригад, который подвел итоги их работы и поставил задачу повысить художественный уровень выступлений.

Ведущие мастера пекинской музыкальной драмы с самого начала войны стремились включать в свой репертуар новые пьесы на тему освободительной борьбы («Смертельная ненависть», «Отпор цзиньским воинам», «Ши Кэфа» и другие). После захвата больших городов японской армией основные труппы пекинской музыкальной драмы оказались на оккупированной территории, многие пьесы запретили, заменив их вульгарными постановками. Мэй Ланьфан, Чэн Яньцю и другие работники искусства отошли от активной театральной деятельности.

Среди центров театральной реформы была столица Особого района КР – Яньань. Там в 1939 г. в Академии искусств им. Лу Синя (основана в 1938 г.) прозвучал доклад театроведа Чжан Гэна о необходимости соединения двух театральных жанров – «разговорной» драмы *хуацзюй* и традиционного театра *сицюй*.

Редакционный совет министерства образования Китая направил усилия на переработку драм *пинцзюй* – другого вида традиционного китайского театра. В 1940 г. вышли в свет «Первый выпуск избранных драм *пинцзюй*» и «Основные сюжеты *пинцзюй*». В предисловии авторы сборника призывали сохранять и развивать многовековое наследие китайской сцены.

Театральные труппы, выступавшие в 1938–1939 гг., являлись фактически экспериментальными базами, они готовили и изменяли репертуар старого театра, разрабатывали критерии его реформирования. Труппы театра *пинцзюй* пытались, не всегда успешно, создавать новые пьесы, участвовали в дискуссиях о судьбах традиционного китайского театра.

В годы Антияпонской войны пекинская музыкальная драма мало в чем изменилась. Большие города находились под японской оккупацией, и это препятствовало свободной деятельности театральных коллективов. В период относительной стабилизации положения на фронтах (осень 1938 г. – весна 1944 г.) появилось много исторических пьес, в которых авторы, оценивая прошлое, поднимали острые проблемы современности, а также произведений, рассказывающих об обстановке в неоккупированных районах Китая. К ним относятся пьесы «Цветы дикой вишни», «Тигровый знак» Го Можо, трагедия «Весна и осень Тайпинского государства» Ян Ханьшэна, исторические драмы «Верный князь Ли Сючэн» Оуян Юйцяня, «О героях великой Мин» Юй Лина, «Песнь стойкому духу» У Цзугуана, драмы «Обновление» Цао Юя, «Чунцин в тумане» Сун Чжиди, «Психологическая оборона», «За один год», «Записки печального города» Ся Яня, «Клочья тумана» Лао Шэ, «Беспокойное время господ и дам», «Карьерная лестница» Чэнь Байчэня, «Когда возвратилась тетушка Дэн», «Банкнота в три

юаня» Дин Силиня. Начиная с 1941 г. каждый сезон в Чунцине ставилось несколько десятков пьес. В 1939–1940 гг. возник жанр музыкальной драмы – «новая опера» (*синь гэцзюй*).

Деятельность театра в контролируемых КПК освобожденных районах в годы Антияпонской войны полностью подчинялась задачам пропаганды и идейно-политического воспитания. В освобожденных районах население не было знакомо с разговорным театром, поэтому главным было использование и развитие местных, популярных среди крестьян жанров традиционного театра. В Академии искусств им. Лу Синя готовили кадры театра на трех факультетах: музыки, изобразительного искусства, театрального искусства. Коллектив Академии ставил пьесы известных китайских и зарубежных драматургов: «Восход солнца» (Цао Юй), «Бациллы фашизма», «Повесть о Цю Цзинь» (Ся Янь), «Чунцин в тумане» (Сун Чжиди), «Бронепоезд 14-69» (Вс.Иванов), «Русские люди» (К.Симонов), «Разгром» (А.Фадеев), «Человек с ружьем» (Н.Погодин), «Профессор Мамлок» (Ф.Вольф).

На последующую судьбу театра повлияло совещание работников литературы и искусства в Яньани (1942 г.), хотя на нем вопросы драматургии не ставились специально, а речь в основном шла о литературе и искусстве. Мао Цзэдун на совещании в Яньани, а также во время встречи с сотрудниками Академии искусств им. Лу Синя подверг критике репертуар Академии. В ходе развернувшейся после совещания кампании «по исправлению стиля» среди пьес, получивших положительную официальную оценку, были: «Товарищ, ты пошел не по тому пути» (Яо Чжунмин, Чэнь Боэр), «Хлеб» (коллективное авторство). В последней прославлялся трудовой энтузиазм бойцов 8-й армии и крестьян в борьбе за урожай.

Весной 1944 г. Мао Цзэдун специально собрал драматургов, находившихся в Яньани, и обсуждал с ними вопросы развития драматургии. Поскольку реформа драмы являлась частью борьбы за культурное наследие, было признано необходимым обогатить прогрессивным и революционным содержанием старую драму. В Яньани на базе армейской труппы *пинцзюй* открыли научно-исследовательский институт, который занимался только практическими вопросами. Силами института были поставлены две пьесы в жанре пекинской музыкальной драмы – «Беженцы» Ли Луня и «Посещение храма» Чжан Ижаня.

В эти годы в контролируемых Гоминьданом регионах КР театральные деятели начали осваивать творческий метод К.С.Станиславского, позднее были опубликованы переводы основных его работ. В 1943–1944 гг. китайский зритель увидел две крупные классические пьесы – «Три удара по Чжуцзячжуану» и «Уход в горы Ляншань». В пьесах использовались сюжеты романа «Речные заводи», старые драматические произведения по его мотивам. В приложении к пьесе «Уход в горы Ляншань» поднимался вопрос о переосмыслении событий далекого прошлого в свете событий сегодняшнего дня. В области искусства в освобожденных районах проводилась политическая линия КПК, новые творческие коллективы руководствовались именно ею. В 1945 г. был организован Северокитай-

ский комитет по театральной и музыкальной работе, пересмотревший репертуар многих местных театров пекинской музыкальной драмы.

В 1944 г. драматурги под руководством Хэ Цзинчжи, Дин И, композитора Ма Кэ написали оперу «Седая девушка». Основой сюжета послужила легенда о появлении духа в облике девушки. Опера «Седая девушка» была создана на основе народного песенно-танцевального творчества, известного как *янгэ* («песни молодых всходов»). Образ героини сблизил новое произведение с классическими драмами прошлого. Появление на сцене этой оперы открыло перспективу развития традиционного китайского театра в жанре новой оперы. Большим успехом также пользовались оперы «Лю Хулань» (музыка Чэнь Цзы, Мао Юаня, Гэ Гуанжуя) и «Ван Гуй и Ли Сянсян» (музыка Лян Ханьгуана). В середине 40-х годов главными темами театральных постановок стало изображение жизни трудящихся в старом Китае и перемен, которые происходили тогда в стране, – «Фан Чжэньчжу», «Лунсюйгоу» (Лао Шэ), жизнь и борьба китайских рабочих – «Песнь о красном знамени», «Они выросли в боях» (Ху Кэ), «Сквозь предрассветную тьму» (Фу До).

После завершения Антияпонской войны на Северо-Востоке, в Харбине, Шэньяне, Аньдуне, Даляне были основаны драматические театры. Их репертуар включал лучшие произведения прогрессивных драматургов, пьесы на актуальные темы, авторами которых были участники описываемых событий, – «Борьба против возвращения к старому» (Ли Чжихуа), «Так делаются снаряды» (Чэнь Цитун).

В районах, контролировавшихся Гоминьданом, театр переживал трудные времена из-за цензурных ограничений, высокого налогообложения и инфляции. В связи с этим к 1948 г. большая часть драматических коллективов прекратила существование. Несмотря на это, оставшиеся профессиональные и любительские театральные коллективы поставили ряд пьес острополитического характера: «Праздник равноденствия» (Мао Дунь), «Карьера чиновника» (Чэнь Байчэнь), «Красавицы» (Тянь Хань).

Летом 1949 г. в Бэйпине, контролировавшемся Компартией, прошел Всекитайский театральный фестиваль, в нем приняли участие многие драматические коллективы страны. Ко времени провозглашения КНР было создано немало произведений разговорной драмы, реалистически отражавших противоречивую китайскую действительность, выдвигавших в центр действия человека. В 1949 г. на сцене Пекинского художественного театра была поставлена пьеса А.Сафронова «Московский характер», выдержавшая более 100 представлений.

В конце 40-х годов не все театральные деятели разделяли установки КПК в сфере театра. Отсутствие единства во взглядах на театральное искусство выявилось на состоявшемся в Пекине I Всекитайском съезде деятелей литературы и искусства (2–19 июля 1949 г.). В целом развитие разговорной драмы *хуацзюй* в конце 40-х годов замедлилось из-за утилитарного, чисто пропагандистского подхода к ее содержанию со стороны политического руководства.

Кинематография

Кинематография появилась в Китае еще в конце XIX в. 11 августа 1896 г. в балаганчике шанхайского парка Сюйюань, расположенного во французском сеттльменте города, состоялась демонстрация «западного театра теней», который показывал «мастер электрического света», – так в этот экзотический начальный период именовался киномеханик, крутивший ручку деревянного аппарата на высокой треноге. Ленты, скорее всего, были французские, поскольку именно в этот период в Китае побывал один из первых французских кинооператоров, чьи документальные кинозарисовки хранятся в синематеке в Париже. По версии тайваньского историка кино Чжун Лэя, это был испанец А.Рамос. Вслед за Шанхаем фильмы стали показывать в Тайбэе (1901 г.) и Пекине (1902 г.). Уже в 1905 г. в Пекине были проведены опыты по съемкам первых отечественных лент (Япония опередила Китай, сняв первый фильм в 1899 г., в России это произошло лишь в 1908 г.).

Китайское кино начиналось так. Фотограф Жэнь Цзинфэн на пекинском базаре Люличан намертво закрепил на устойчивой треноге в своем фотоателье «Фэнтай» неподвижную камеру и, крутя ручку аппарата, зафиксировал несколько сцен из традиционного спектакля «Гора Динцзюнь» по мотивам средневекового героического эпоса «Троецарствие». Он снял эти сцены так, как сделал бы это обычным фотоаппаратом, и под тем же ракурсом, под которым эти сцены видел в театре рядовой китайский зритель. В главной роли снялся известный мастер традиционного музыкального театра Тань Синьпэй.

Люличан – обширный базар произведений искусства в Пекине. Но до сих пор – искусства не современного, а традиционного: свитки с извивающимися рыбками, остановившимися в движении, с горами, окутанными туманами, лишенными привычной нам воздушной перспективы и выстроенными по принципу перспективы линейной. Навеки замершие цветки мэйхуа, прекрасные в своей самодостаточности, придворные дамы в грациозной изогнутости дворцового этикета, фантастические яшмовые звери, именуемые львами и единорогами. Это был не мир искусства, познающего жизнь, а лавка изощренных древностей, подчиненных своему, идущему из древности канону.

Кинематографу с его демократическим, в основном своем течении, зеркальным отражением реальной, сиюминутной жизни, простенького быта, жизни человека, обитающего не среди дворцовых прелестей, а в бедной хижине, трудно было найти свое место в китайской действительности тех лет. Китайское кино, чтобы стать искусством, должно было пройти долгий путь развития, преодолеть преграды индивидуального и общественного менталитета, привычек и пристрастий, политических противоречий.

Корни новых китайских кинематографических работ уходили не в поэзию, а в театральное искусство, в его традиционном музыкальном варианте. Отсюда героико-патриотическая тональность, благородство персонажей первых фильмов, являющихся для кинозрителя непререкаемыми образцами для подражания.

Поэзия же с трудом пробивалась на китайский экран, хотя в душе каждого китайца она занимала прочное место.

Монархическая система государственного управления не оказалась способной к восприятию нового искусства и новой технологии. Когда инициаторы киноискусства попытались устроить специальный сеанс для императрицы Цыси, взорвался генератор, и власть, даже республиканская, надолго отвергла кинематографию в принципе. Даже в 1922 г. высокопоставленный правительственный чиновник на вопрос иностранных журналистов, есть ли кино в Китае, уверенно дал отрицательный ответ.

Кино, как и любому другому виду искусства, необходимо тиражирование. Через книготорговцев расходились книги, музыканты разносили нотные записи мелодий, гравюры множили произведения кисти, бродячие театральные труппы ставили в городах и весях спектакли. С кинематографом ситуация сложилась иначе. В силу своей более сложной технической формы он требовал бóльших капиталовложений, большего коммерческого риска. Кинематограф нуждался в целой сети специализированных помещений и особой рекламе, долженствующей преодолеть инстинктивное недоверие консервативно настроенных масс к новому зрелищу.

И тем не менее уже в 1908 г. в Шанхае был построен первый в Китае специализированный кинотеатр на 250 мест. В 1913 г. сняли первый игровой художественный фильм «Брачные осложнения» (режиссеры Чжан Шичуань, Чжэн Чжэнцю) о трудностях традиционного брака, заключавшегося по сговору родителей без участия самих жениха и невесты. В том же году в Гонконге/Сянгане сняли состоявшую всего из двух частей ленту «Чжуан-цзы испытывает жену» (режиссер Ли Миньвэй). Выпуск этого фильма положил начало кинематографии как особому производству. Специально для съемки этой ленты была создана Китайско-американская кинокомпания, оснащенная американской техникой, переданной ей американцем Б.Браски (эта фамилия встречается и в другом написании – Б.Полански). Уезжая из Китая, Б.Браски захватил фильм с собой, что стало началом экспорта китайских кинолент. Эти первые два игровых фильма были посвящены не текущей, сиюминутной жизни, но нетленной традиции. И в духе традиций национального театра главную женскую роль в фильме Ли Миньвэя все еще играл актер-мужчина, хотя роль служанки уже исполняла актриса.

Постепенно кинематография уходила от условностей своего прародителя театра к более естественному для киноэкрана реалистичному воспроизведению. На экранах появлялись работы М.Линдера, Б.Китона, Ч.Чаплина, еще непривычные, но уже делавшие кассовые сборы. В 1917 г. шанхайское книгоиздательство «Шанъу» создало киносъемочный отдел, ставший в начальный период истории китайского кинематографа крупнейшим кинопроизводителем. Его операторы в 1920 г. сняли на пленку игру великого актера Мэй Ланьфана. Наиболее заметная работа отдела – игровой фильм «Янь Жуйшэн» (1921 г.), снятый об убийстве проститутки, подлинной истории, всколыхнувшей общество. В 20-е годы были созданы крупные компании «Минсин» (1922 г.), «Тяньи» (1925 г.) и «Ляньхуа»

(1929 г.), на долгие годы определившие направление развития китайской кинематографии. Уже в 1922 г. компания «Минсин» открыла киношколу, которая готовила кадры для развивающегося кинопроизводства. Акцент в нем вплоть до вторжения Японии в Маньчжурию 18 сентября 1931 г. ставился на экранизации популярных «рыцарских» романов, что способствовало впоследствии возникновению жанра «кунфу», весьма популярного и в настоящее время.

Говоря об истории китайской кинематографии, стоит отметить деятельность небольшого Южного кино-театрального общества, основанного в 1926 г. Тянь Ханем. Оно было весьма внимательно и к фильмам Советского Союза, устраивая их премьеры, и вообще к российской тематике. Например, в фильм «В народ» была введена сцена с советским писателем Б.Пильняком, находившимся в то время в Китае. Он играл роль поэта, пропагандировавшего идеи русского революционного народничества XIX в. среди посетителей кафе – восторженных китайских студентов, сторонников идеи «хождения в народ». «Студенты говорят, – вспоминал Б.Пильняк о содержании снятой сцены, – что они приветствуют меня, русского революционного писателя».

В общем кинопотоке преобладали частные компании, однако в 1929 г. в Нанкине была построена киностудия «Чжиин», на которой под патронажем правительственного министерства пропаганды стала снимать фильмы первая в стране государственная кинокомпания «Чжунъян» (в 1949 г. перебазировалась на Тайвань, где существует и поныне).

Первая мировая война затормозила развитие китайской кинематографии, еще полностью зависевшей от импорта, – резко сократился ввоз картин и уменьшились объемы собственной продукции. Однако после войны уже не только иностранцы, но и китайские производители стали смотреть на кино как на источник доходов, что способствовало превращению его в отрасль индустрии.

Еще до начала Антияпонской войны Китай успел познакомиться с только что зародившимся звуковым кино (1926 г.), сконструировать собственную аппаратуру (1930 г.) и снять первый звуковой фильм «Певица Красный пион» (1931 г.). Не хватало, однако, ни производственных (даже для немых лент), ни демонстрационных мощностей. В 1929 г. 90% всех демонстрировавшихся в стране фильмов были американскими. В 1933 г. в Китай было ввезено 309 американских фильмов, тогда как отечественных произведено лишь 89. В 1936 г. в Китае существовало 300 кинозалов (0,66 на 1 млн. чел., причем они в большинстве своем сосредоточивались в Шанхае), тогда как, например, в Индии – 3,8 на 1 млн. человек, в Японии – 38, в США – 130.

В начале 30-х годов кинематографисты стали создавать различные объединения. В 1933 г. возникло Китайское кинематографическое общество. Оно находилось в оппозиции к гоминьдановскому правительству, которое подвергало фильмы членов этого Общества жесткой цензуре за «обнажение темных сторон» жизни, «провоцирование населения на сопротивление Японии» и «внутреннюю классовую борьбу». После принятия в 1930 г. Закона о цензуре был образован Комитет по цензуре в кино. В результате его деятельности, например, кинолента

«Яростный прибой Китайского моря» (1933 г.) была сокращена цензурой с 2472 до 871 метра.

В таких условиях компаниям пришлось делать акцент на нейтральной развлекательной продукции вроде 6-серийной картины «И смех, и слезы» (1932 г.). Успехом у зрителей пользовались экранизации известных литературных произведений. Так, режиссер Чэн Бугао перенес на экран повесть Мао Дуня «Весенние шелкопряды». Ряд актеров обрели высокий профессионализм, и нередко зрители шли именно для того, чтобы увидеть их в новой роли. Одной из серьезнейших актрис периода была Жуань Линъюй («Три современные женщины» по пьесе Тянь Ханя, 1933 г., «Святая», 1934 г., «Новая женщина», 1935 г.). Известный историк кино Д.Лейда назвал ее «одной из великих актрис в истории кино, совершенно и более всего для него приспособленных, таких как Грета Гарбо».

Становление кинематографа в КР имело тесные связи с развитием кино на Тайване, который по Симоносэкскому договору (1895 г.) попал под власть Японии и испытывал ее сильное влияние. На Тайване кинопроизводство стало обретать организационные формы на рубеже 20-х годов, когда японская официальная администрация и частный капитал начали проявлять интерес к становлению кинематографии на острове. Однако разрушительное землетрясение в Токио 1 сентября 1923 г. нанесло серьезный ущерб экономике и вызвало кризис, задевший индустрию кино не только в Японии, но и на Тайване. В течение ряда лет на остров приезжали лишь кинематографисты ремесленного уровня, снимавшие на экзотической островной натуре дешевые коммерческие ленты для проката в Японии, а не на Тайване.

Тем не менее японское правительство сумело обуздать пиратскую стихию и взять в свои руки контроль над прокатом. Постепенно японские компании активизировались и на Тайване, рынок которого был у́же японского, но ввиду дешевизны билетов и большой аудитории сулил увеличение прибыли. Немые фильмы «озвучивались» специальными комментаторами, преимущественно японцами, – это был специфический «жанр», занесенный японскими колонизаторами. Но в 1930 г. в Японии появились звуковые фильмы, а затем в прокат стали поступать и китайские звуковые фильмы с континента, однако диалоги в них шли на *путунхуа*, который основная масса тайваньцев не понимала. В связи с этим появились местные комментаторы. Их функции вполне укладывались в древнюю национальную традицию «пересказа книги» (*шошу*), когда бродячий рассказчик приходил в деревню и, собрав слушателей, начинал, порой на много дней, повествование по мотивам какого-нибудь всем известного классического романа.

Основной поток шанхайских фильмов нес на Тайвань традиционную китайскую культуру и традиционное мировоззрение, и в этом была его историческая миссия – поддерживать связь китайского этноса Тайваня с его историческими корнями вопреки предпринятым Японией попыткам перевести Тайвань в русло японской культурной традиции. По японским цензурным правилам, введенным в 1926 г., импортные фильмы должны были проверяться дважды – на таможне

и в управлении цензуры. Выпущенные на экран картины не всегда полностью соответствовали оригиналу: в 1930 г. из шанхайских лент было вырезано 1252 м, в 1931 г. – 4600 м. Цель была сформулирована таким образом: «возвести преграды коммунизму, установить спокойствие», «укрепить общественные нравы». И хотя после введения этих правил импорт резко увеличился (на 60%), но это произошло благодаря прежде всего японским картинам: к 1928 г. они составляли 70%, а в 1929 г. – уже 80% всего проката, тогда как американские – лишь 18%. Ввоз же шанхайских фильмов к 1935 г. сократился до 6%, притом что еще в 1931 г. соотношение китайского и японского импорта составляло 1:7,8. В 1934 г. цензура ввела новые политические ограничения, подкрепленные повышением налога на импорт, а после начала Антияпонской войны в 1937 г. полностью запретила ввоз на Тайвань континентальных фильмов.

Оккупация Шанхая японскими войсками оказала губительное воздействие на китайскую кинематографию. Шанхай был не просто лидером китайского кинематографического процесса, там сосредоточивались основные производственные, прокатные, творческие мощности страны. Достаточно сказать, что на заключительном этапе предвоенного развития именно шанхайские кинематографисты завоевали для своей страны первый международный приз – на Московском международном кинофестивале в 1935 г. («Песня рыбаков», режиссер Цай Чушэн).

«Нанкинское десятилетие» отмечено острой дискуссией между сторонниками «мягкого» и «жесткого» кино. Первые звали к «искусству для наслаждения», к отвлечению от суровых будней, считая кино «мягким диваном для души»; вторые – к гипертрофированной пропаганде средствами кино борьбы с врагом, внутренним и внешним. Образованный еще в 1936 г. Союз шанхайских кинематографистов за спасение родины в особом манифесте, призвав к созданию «фильмов, помогающих делу национального освобождения», выдвинул лозунг «Кино национальной обороны», в котором обозначил абсолютный приоритет содержания и идеологии над художественной формой. А после «инцидента на мосту Лугоуцяо» 7 июля 1937 г. и начала полномасштабной японской агрессии была образована Ассоциация работников кинематографии (июль 1937 г.) и затем Всекитайская ассоциация кинематографистов за отпор врагу.

Однако после японской оккупации Шанхая две ведущие компании страны – «Минсин» и «Ляньхуа» остановили производство, а третья, «Тяньи», перебазировалась в Гонконг/Сянган, где продолжила выпуск фильмов, но уже ориентируясь на Тайвань, а не на материк как на рынок сбыта.

В военных условиях в КР ужесточилась цензура. Снятая в Китае в 1938 г. документальная картина Й.Ивенса «Четыреста миллионов» не была допущена к прокату, два года добивался цензурного разрешения «Великий диктатор» Ч.Чаплина. И даже из непритязательной американской коммерческой ленты «Мария-Антуанетта» были вырезаны сцены, показывающие семью Людовика XVI в невыгодном свете или комичной ситуации. Именно в 1937 г. фильмом «Уличные ангелы» вынужден был завершить свой творческий путь один из вы-

дающихся кинематографистов Китая Юань Мучжи. Этого актера именовали «человеком с тысячью лиц», его как режиссера Д.Лейда поставил в один ряд с Р.Клером и А.Кавальканти. Его «Городские сцены» – выразительная трагикомическая панорама шанхайского быта, в котором теряется никому не нужный «маленький человек».

Перед деятелями кинематографии встал выбор не столько художественный, сколько идеологический. Бóльшая часть творческих работников осталась в рамках профессии как таковой, исключив из нее идеологическую составляющую, занявшись съемками непритязательных развлекательных лент. Другие сделали акцент на пропагандистской роли кино в антияпонском сопротивлении и либо включились в движение «бригад за спасение родины», разъезжая по деревням с короткими агитпьесками (в то время у них еще не было мобильной кинопроекционной аппаратуры), либо легально снимали на шанхайской базе художественные фильмы на такие исторические сюжеты, которые внушали зрителям идеи сопротивления японским оккупантам («Мулань идет на войну», 1939 г., режиссер Бу Ваньцан).

Продолжила работу компания «Чжунъян», которая в годы войны перебралась из Нанкина в Чунцин, студия «Чжунго», первоначально функционировавшая как секция кино при административных инстанциях в Наньчане, была преобразована в самостоятельную правительственную компанию в Ухани, а затем также эвакуировалась в Чунцин. Там возникло так называемое «кино сопротивления», в контексте которого было снято несколько достаточно значительных работ. Они демонстративно уходили от камерности предшествующего периода, от сосредоточения на судьбе «маленького человека», предпочитая панорамный охват и лозунговый призыв. Операторы выезжали на передовую линию и снимали хронику боев.

Однако практический эффект от таких фильмов был крайне ограниченный, поскольку гоминьдановская цензура слишком жестко контролировала их перед выходом во внутренний прокат, и они шли в основном на некоммерческих сеансах за рубежом в рамках пропагандистских акций в поддержку антияпонского сопротивления Китая. А те картины, которым удавалось пробиться сквозь цензуру, выходили в урезанном виде, как, например, эпический «Марш победы» (режиссер Ши Дуншань, 1940 г.), лишившийся своих самых ярких эпизодов. О тональности работ того времени говорят уже их названия – «Защитим нашу землю», «Да здравствует нация», «Восемьсот храбрецов». Об одном из таких фильмов эмоционально отозвался известный французский историк и теоретик кино Ж.Садуль: «С большой силой, ничего не смягчая, китайское кино показывает нам вещи такими, какие они есть… Крики ужаса и негодования раздаются в зале. Нет сомнения, что кино никогда не выражало с такой силой ненависть к войне и фашизму. Страстная воодушевленность – самое большое достоинство „Великой стены“». Предположительно речь шла о фильме «Горячая кровь, верное сердце» режиссера Юань Цунмэя, который за рубежом шел под другим названием.

Функциональность этого направления в кинематографии конца 30-х – начала 40-х годов проявилась в социально-политической позиции, более отчетливой, чем в работах более раннего периода, и ее выражение стало первоочередной задачей. Нередко такие фильмы отличались довольно высоким эстетическим уровнем. Впрочем, далеко не всегда кинематографисты находили адекватный художественный язык, чаще прибегая к трибунной лозунговости, теряя свою индивидуальность.

Незначительный объем кинопроизводства имела созданная в Чанчуне прояпонская кинокомпания «Манъэй», специализировавшаяся на пропагандистской хронике и фильмах на нейтральные исторические сюжеты.

На Тайване, находившемся под властью Японии, 1937–1945 годы были преимущественно периодом кинопроката, а не кинопроизводства. Однако нельзя не отметить фильм 1936 г. «Взывающая Чжишаньянь», воплотивший на экране реальный факт убийства местными жителями шестерых учителей-японцев. Судьбе героизированных жертв посвящен этот фильм, который вместе с тем стал на Тайване подлинно этапным произведением, первой снятой на острове звуковой кинокартиной. Хотя фильм был озвучен не на китайском, а на японском языке и не на Тайване, а в Японии, причем озвучание не всегда было синхронно изображению, все же в прокате он шел именно как тайваньский фильм.

В апреле 1939 г. на Тайване был принят Закон о кино, легализовавший действия японской администрации по цензурированию фильмов и контролю над кинокомпаниями, кинотеатрами, киноперiодикой. Тем не менее в 1940 г. через цензуру беспрепятственно прошли три советские кинокартины по одной части каждая (скорее всего, хроника). К концу 1944 г. на Тайване насчитывалось 159 стационарных точек демонстрации фильмов, в том числе 30 специализированных кинотеатров. Подавляющее большинство их сосредоточивалось в Тайбэе, остальные были расположены в городах Цзилун, Тайчжун, Тайнань, Гаосюн, Цзяи, Синьчжу. Собственность распределялась примерно поровну между японцами и тайваньцами, однако соотношение японских и китайских зрителей составляло 7:3, в основном из-за различий в уровнях благосостояния. Интересно, что лидирующий по числу кинотеатров (16) и численности населения Тайбэй по показателю интереса к кинематографу (посещаемость каждого кинотеатра зрителями) оставался лишь на 4-м месте, пропустив вперед Цзилун (5 кинотеатров), Синьчжу (3) и Тайчжун (4), – данные на 1939 г. Тайваньцы в тот период предпочитали старые, «заезженные» шанхайские ленты, просмотр которых обходился им намного дешевле премьерных японских картин (новые фильмы доставлялись на Тайвань порой через месяц-полтора после токийской премьеры), а также местные традиционные театры *гэцзыси* и театр теней. Японцы считали эти виды развлечений «нездоровыми».

На рубеже 30–40-х годов управление кинематографией стало постепенно централизоваться. Объединившиеся в профсоюз в 1936 г. прокатчики (преимущественно японцы) разработали ряд общих обязательных правил, исключавших конфронтацию с правительством, у нарушителей же аннулировались лицензии.

При этом цензура принимала к рассмотрению только фильмы, представленные профсоюзом.

В сентябре 1941 г. была создана Тайваньская ассоциация кино, которая импортировала фильмы, произведенные в оккупированном Шанхае, а также снимала свои. Ассоциация ставила следующие цели: производство учебных и документальных фильмов; издание ежемесячного журнала «Кино Тайваня» (слово «кино» было написано иероглифически, но не по-китайски, а по-японски); прокат фильмов на Тайване, в Южном Китае, а также в ЮВА; распространение рекламных изданий; руководство коллективами на местах и помощь им. В 1943 г. Ассоциация сумела организовать в Тайбэе проявку и печать пленки, открыла кабинет звукозаписи, кабинет мультипликации. Затем те же элементы кинопроцесса были внедрены в г. Тайнань.

Деятельность Ассоциации полностью соответствовала пропагандистским нуждам японской колониальной администрации. Так, вслед за началом Тихоокеанской войны был снят художественный фильм «Богатыри моря», а в 1943 г. – «Часы Шаян», в котором девушка из горных племен Тайваня, теряя силы, изнемогая, доставляет вещи отправившегося в поход японского офицера и в награду за свой самоотверженный труд получает от губернатора часы с благодарственной гравировкой.

В целом в «японский» период на Тайване не была создана четкая структура кинопроизводства и проката. Во многом это обусловливалось колониальным статусом острова, в рамках которого систематическое распространение кинематографии на Тайване означало насильственную ломку национальной культуры, ее «японизацию». Это обстоятельство резко замедляло темпы кинофикации Тайваня. Тем не менее производственная база была заложена, и на ее основе продолжилось развитие тайваньского кино после 1945 г., осложненное необходимостью принципиальных организационных преобразований структуры тайваньского кинематографа.

Особо следует отметить деятельность кинематографистов в Яньани, начавшуюся в 1938 г. Несмотря на то что туда уехали некоторые кинематографисты довольно высокого профессионального уровня (например, Юань Мучжи, которого направили на стажировку в Алма-Ату, где С.Эйзенштейн снимал знаменитого «Ивана Грозного»), кинематография как искусство в Яньани не сложилась и не могла сложиться. Эстетические концепции там оставались вторичными, полностью подчиняясь политико-идеологическим постулатам и требованиям сиюминутной пропагандистской отдачи. Поэтому в Яньани выпускали только хроникально-документальные сюжеты, соединяли их в актуальные сборники и с помощью мобильной аппаратуры демонстрировали по деревням на территории Особого района. И высокопрофессиональные кинематографисты демонстрировали прямолинейность и одномерность, которыми страдали «левые» фильмы 20-х годов вроде «Яростного потока» (в какой-то мере их ангажированная социально-политическая интерпретация действительности, взращенная конфуцианской традицией «воспитывать общество», объяснялась не-

достатком профессионального опыта, чего нельзя сказать о мастерах, приехавших в Яньань).

Завершение Антияпонской войны многое изменило в развитии китайской кинематографии, однако не вернуло ее в русло нормального существования, чему мешала растущая напряженность в отношениях между КПК и Гоминьданом, приведшая к полномасштабной гражданской войне. Хотя в конце 1945 г. было объявлено о приостановке действовавших правил цензуры, в феврале 1946 г. отдел цензуры кино министерства внутренних дел был вновь учрежден.

Студии еще только преодолевали трудности послевоенного периода, а экраны уже заняла импортная продукция. С августа 1945 г. по май 1949 г. только через Шанхай в страну было ввезено 1896 американских фильмов, наделенных правом «первоэкранного» проката. Посольство США заявляло официальный протест всякий раз, когда какой-нибудь кинотеатр решался отдать приоритет китайским картинам. Кроме того, к отечественным фильмам гораздо строже относилась цензура: 48 из 162 китайских фильмов, прошедших в 1946–1948 гг. через цензуру, пришлось перемонтировать, вырезая целые сцены. Тем не менее после 1946 г. китайская кинематография, переосмыслив опыт лучших работ 30-х годов, глубже осознала свое значение как искусства, а не только инструмента пропаганды. «Причуды сюжета», характеризовавшие фильмы 20–30-х годов, снимавшиеся еще недостаточно опытными кинематографистами, перестают быть первоплановыми, и на авансцену вновь, как в работах Юань Мучжи, выходит человек со своими будничными проблемами и индивидуальным характером. Меняется функция детали (костюма, аксессуаров, декорации): из материального ряда она переходит в психологический, позволяя выявить внутренний мир персонажа.

В двух сериях фильма «Весенние воды текут на восток» (1947 г.) режиссеры Цай Чушэн и Чжэн Цзюньли рассказали о жизни одной семьи, в сложной судьбе которой отразились жизнь всей страны в годы Антияпонской войны и послевоенные политические конфликты. В начальных сценах и в эпилоге в текст повествования врывается песня, дополняя авторскую мысль и расшифровывая название фильма: «Ответь мне, насколько печали твои велики? – Они – что весенние воды текущей к востоку реки...». Оценки критиков зависели от их политических позиций, а зрители были единодушны: с октября 1947 г. по январь 1948 г. фильм посмотрело 712 874 человека.

Достоверная картина социального расслоения предложена зрителям в фильме «Вороны и воробьи» (1949 г.), снятом по свежим следам гражданской войны в стране. Д.Лейда счел его «достойным демонстрации вместе с лучшими фильмами мирового кино... Непреднамеренный натурализм входит в каждый элемент фильма, режиссура и операторское искусство на высоком уровне. Это новая интонация в китайских фильмах; столь же нова была интонация в европейских фильмах, когда Р.Росселини и В.Де Сика разработали стиль... названный неореализмом».

К этому периоду относится запуск в производство двух фильмов, оказавшихся в центре внимания уже после 1949 г. Это «Тайная история цинского двора»

(1948 г., режиссер Чжу Шилинь) и «Жизнь У Сюня» (1949–1950 гг., режиссер Сунь Юй). Первый – умело снятый костюмный фильм, имевший оглушительный успех в прокате за рубежом, но хорошо принятый и дома. Второй – сентиментальная история ростовщика, открывающего бесплатные школы для бедняков. В КНР накануне «культурной революции» он использовался в антиинтеллигентской пропагандистской кампании, в ходе которой были ошельмованы многие известные кинематографисты. Именно с него началась целая серия «кампаний перевоспитания».

В фильме 1948 г. «Весна в городке» (режиссер Фэй Му) изобразительный ряд достаточно беден – это камерный фильм с пятью персонажами, действие которого в основном локализовано в небольшом полуразрушенном поместье на окраине городка. Казалось бы, тут и должен был открыться простор для длинных диалогов. Но они весьма и весьма сдержанны, показывают лишь внешний пласт взаимоотношений персонажей, а содержание и эмоциональное наполнение их передает комплекс средств, среди которых диалог отнюдь не главенствующее. В целом фильм передавал зрителю тревожное ощущение неминуемой беды, как бы висящее в воздухе, и содержал намек на общую ситуацию в стране, ввергнутой в кровавую гражданскую войну.

К сожалению, этот фильм в ближайшие после его создания годы не оказал сколь-нибудь заметного влияния на развитие кинематографии в Китае. В КНР его подвергли критике как «мелкобуржуазное, упаднические произведение», на Тайване хотя и отнеслись к нему с пиететом, но положили на архивную полку.

Для Тайваня ведущей тенденцией послевоенного периода стал кардинальный поворот острова от политической, экономической, социальной, культурной, психологической ориентации на Японию – к Китаю. 20 сентября 1945 г. Национальное правительство объявило «Временные правила управления газетами, информационными агентствами, журналами, кинематографическими и радиоучреждениями в возвращенных районах». На их основе началось распределение японского имущества и имущества коллаборационистов между китайскими структурами, управлявшимися центральной властью, для расширения их деятельности.

Ситуация кинематографии на острове в этот период определялась не производством, а прокатом. По насыщенности демонстрационными точками Тайвань занимал третье место в стране после Шанхая и пров. Цзянсу – на конец 1946 г. зарегистрированных кинотеатров, включая и комплексные, показывавшие и фильмы, и традиционные музыкальные спектакли, на острове было 149. За это четырехлетие (1946–1949) в прокате побывало свыше 2 тыс. фильмов. В кинотеатрах Тайбэя, расположенных в наиболее оживленных местах, шло по 35–40 фильмов в месяц, несмотря на довольно высокие цены на билеты, гораздо выше, чем на континенте. К 1950 г. зрительская активность составила 4 посещения кинотеатра в год на одного жителя Тайваня.

Постепенно рос импорт как новейших шанхайских лент (свыше 100), так и картин США, Англии, других стран, даже СССР («Каменный цветок», «Остров сокровищ»). К весне 1946 г. цензурное разрешение получили 60 с лишним ввe-

зенных фильмов, и цензурный комитет объявил, что к прокатчикам, демонстрирующим фильмы без разрешительных удостоверений, будут применяться санкции на основании Закона о цензуре. Западные фильмы, импортируемые на остров в этот период, имели уже хороший цвет, звук и выводили зрителя на качественно иной уровень восприятия. Многие кинотеатры начали искать прямые контакты с западными компаниями. Одним из определяющих факторов этой тенденции стала техническая оснащенность кинотеатров, наличие высококачественной аппаратуры, позволяющей поддерживать адекватный уровень проекции (а таковыми на первых порах были прежде всего бывшие японские кинотеатры). Таким образом, интерес к западным фильмам объективно способствовал техническому прогрессу по крайней мере в кинофикации Тайваня. К 1948 г. уже 70% кинотеатров острова старались демонстрировать западные фильмы, и лишь 20% стойкое предпочтение, сознательное или вынужденное, отдавали китайским. Абсолютно преобладала американская продукция, в основном восьми крупнейших компаний Голливуда – "Paramount", "MGM", "Columbia", "XX Century – Fox", "United artists" и др. В прокат к середине 1947 г. попали также 12 английских фильмов, восемь советских («Цирк», «Зоя» и другие, не все их можно идентифицировать из-за произвольного перевода или даже изменения названий: например, «Свет Советского Союза» – не исключено, что это был «Светлый путь» Г.Александрова), несколько итальянских и французских картин.

Тем не менее обнаружилось парадоксальное явление: на экранах преобладали западные фильмы, а зрителей, смотревших китайские фильмы, согласно статистическим данным, оказывалось в два раза больше. Парадокс этот можно объяснить рядом причин. Китайские фильмы демонстрировались в хуже оборудованных, а значит, и более дешевых кинотеатрах, доступных бедным слоям населения, преобладавшим на острове. Во-вторых, система этических ценностей и эстетических категорий, на которых строились фильмы Запада, принадлежала совершенно иной культуре, а приобщение к ней не могло быть спонтанным, предполагало трудный, длительный процесс, в основе которого лежала сумма соответствующих знаний, специфика образования. В силу всего этого западные фильмы привлекали прежде всего интеллигенцию, не составлявшую основную массу зрителей.

Следует, однако, подчеркнуть особую важность для этого периода кинематографической продукции из стран Запада, прежде всего продукции американской, количественно далеко превосходившей любой другой киноимпорт. Привлекательность ей создавал уже сам технический уровень: совершенство звука и цвета не оставляло зрителей равнодушными. К тому же сентиментальные голливудские мелодраматические схемы, в основе которых часто лежал привлекательный миф о Золушке, были близки и понятны невзыскательным зрителям. Так закладывались фундаментальные зрительские критерии, во многом определившие дальнейшее развитие кинематографии на Тайване.

Власти вновь учрежденной провинции Тайвань искали пути упорядочения рыночной стихии, стремились установить над ней должный контроль. 11 марта 1948 г. были обнародованы «Правила управления кинематографией и театром

в провинции Тайвань». Документ подтвердил незыблемость цензурных требований Национального правительства, подлежавших беспрекословному исполнению. 26 ноября 1948 г. был принят «Закон о цензуре кино», заменивший «Временные правила» 1945 г. Он формулировал основные условия цензурного вмешательства: ущерб интересам Китайской Республики или неуважение к нации; нарушение общественного порядка; подрыв норм морали и общественных нравов; распространение предрассудков и «ереси».

Именно к этому периоду относится частичное перебазирование на остров с континента ряда кинокомпаний, в целом составлявших лишь 5% всего кинопроизводства Китая, а на Тайване сформировавших основной костяк его будущей кинематографии.

Таким образом, в кинематографии на Тайване до 1949 г. над кинопроизводством решительно преобладал прокат фильмов, ввозимых с континента, из Гонконга/Сянгана и западных стран.

Живопись

В начале XX в. в истории китайского изобразительного искусства началась новая эпоха. Наряду с традиционным стилем *гохуа* набирает силу живопись маслом. Возникает новая система эстетических взглядов, появляются неизвестные ранее направления и жанры. Пространственное искусство – архитектура, живопись, графика, декоративно-прикладное искусство претерпевают изменения, затрагивающие художественный образ, идею, тему, средства художественного выражения. Художники помимо ксилографии начинают использовать акварель, гуашь, темперу, все чаще стремятся выражать свою индивидуальность, а не принадлежность к определенной школе, как то диктовала традиция. Новое развитие получает полихромная живопись.

После Синьхайской революции многие молодые китайские художники отправились на учебу в Японию, страны Европы, США. В самом Китае возникло несколько объединений художников – в Шанхае, Ханчжоу, Гуанчжоу и других городах. Наметились два направления развития изобразительного искусства: реализм, главным и самым ярким представителем которого считается Сюй Бэйхун, и постимпрессионизм, представителями которого были Дин Ханьюн (1902–1978) и Линь Фэнмянь (1900–1991).

Интенсивно идет процесс формирования графики и скульптуры, чему способствуют контакты традиционного искусства с западноевропейским и русским. Хотя изменения начались еще в XIX в., но разорвать канонизированный круг тем и средств выражения удалось лишь Сюй Бэйхуну и его соратникам. Их эстетика приобрела социальный характер. Правда, больше всего заметок о творческом переосмыслении роли искусства, выборе героя, форме выражения оставили деятели литературы, но и живописцы «высказывались» своими средствами – в свитках, альбомных листах, эстампах, иллюстрациях.

«Движение 4 мая» 1919 г. открыло в Китае эпоху становления нового реалистического метода в литературе и искусстве и привело к рождению новых живописи и графики. Отталкиваясь от национальных традиций, художники давали жизнь отличной от прошлого практике: зарисовкам с натуры, геометрической перспективе, светотеневой моделировке, объемному изображению, обращались к демократической тематике, работали над живыми моделями и гипсовыми слепками.

Знаковая фигура XX в. в области эстетики, живописи, графики, преподавания в художественных высших учебных заведениях – Сюй Бэйхун. Он оказал огромное влияние на организацию и деятельность Союза художников Китая, Китайской академии художеств. Художник был постоянно связан с общественными деятелями и художниками Советского Союза, Франции, Италии, Германии и других стран, вел активную общественно-политическую деятельность.

Сюй Бэйхун родился 19 июля 1895 г. в семье Сюй Дачжана, преподавателя рисования деревенской школы, гравера и поэта одной из деревень уезда Исин, пров. Цзянсу. Ему дали имя Шоукан – «Процветание на долгие годы» (впоследствии художник именовал себя Бэйхун, что означает «Трагедия и надежда»). Юноша, унаследовавший отцовский дар художника и его трудолюбие, рисовал с раннего детства, в 19 лет поступил в Шанхае в Институт изобразительных искусств, во главе которого стояли Лю Хайсу, Чжан Юйгуан, У Шигуан. В 1914 г. Сюй Бэйхун начал заниматься на новом факультете, где преподавали *гохуа* такие выдающиеся мастера, как Хуан Биньхун и Пань Тяньшоу. С точки зрения античной эстетики стиль *гохуа* следует относить к графике. Проучившись немного, Сюй Бэйхун вынужден был искать работу, которая могла бы прокормить его и дать возможность помогать семье. В 1917 г. он, не оставляя работу, выдержал вступительный экзамен в Университет на факультет французской филологии. В декабре 1918 г. Сюй Бэйхун по рекомендации Кан Ювэя переехал в Пекин, где состоялась его первая персональная выставка. Это дало основание руководству Пекинского университета направить юношу учиться во Францию за государственный счет. Стажировка во Франции, Англии и Германии продолжалась с 1919 г. по 1925 г.

К этому времени Сюй Бэйхун создает более 300 этюдов, рисунков и завершенных графических и живописных произведений, работает с французским художником А.Даньяном-Бувре, пишет в европейской и традиционной китайской манере, соединяет старое и новое, Восток и Запад. В Париже, начиная работать как самостоятельный художник, Сюй Бэйхун создает произведения, которые можно объединить в серию, посвященную любви к отчизне: «Глубокое размышление», «Урок на скрипке», «Звуки флейты», «Письмо с Родины», «Сон», «Держащая кошку»; портреты – «Старушка», «Старик», «Автопортрет», «Медовый месяц».

В 1925 г. Сюй Бэйхун возвращается на родину, живет в Шанхае, работает в Шанхайском художественном университете, в котором преподавали носители новых взглядов на искусство и приверженцы синтеза китайской традиционной живописной школы и новых достижений – У Чаншо (1844–1927), Хуан Биньхун

(1865–1955), Пань Тяньшоу (1897–1971). У Чаншо – поэт, каллиграф, живописец, резчик печатей. Он выбирал сюжеты для своих работ из повседневной жизни, техника исполнения и композиция его свитков испытывали влияние каллиграфического стиля *чжуаньшу*. У Чаншо был значимой фигурой в культуре своего времени, в частности в резьбе печатей, которые поражали знатоков тонкой работой и новизной исполнения. Сам мастер имел около 130 печатей. Пань Тяньшоу известен не только как художник, рисовавший в жанрах «горы и воды», «цветы и птицы», но и как каллиграф, видный педагог и теоретик искусства. В 1926 г. вышла в свет его фундаментальная работа «История китайской живописи». Хуан Биньхун – мастер традиционной живописи, педагог, теоретик искусства, один из авторов многотомного издания по искусству «Мэйшу цуншу» («Живопись»). Его работы отличает лирическая манера, соединение монохромной туши с легкой подкраской в нежно-розовых, голубых и зеленых тонах. Художник создавал трепетные образы мира природы, одухотворенные сопричастностью им человека.

В 1925 г. состоялась персональная выставка Сюй Бэйхуна. Затем он едет в Париж, посещает Бельгию, Италию, Швейцарию. Им движет стремление оторваться от национальных китайских традиций, достоверно отражать мир, найти новые формы изобразительного искусства. Обращение к демократической тематике приводило к совершенствованию новой практики (зарисовки с натуры, работа над живой моделью в мастерских, работа маслом в различных жанрах – историческом, портретном, пейзажном).

В октябре 1928 г. Сюй Бэйхун возвращается в Китай, занимает должность профессора кафедры живописи Центрального университета в Нанкине. Среди его друзей и коллег выдающиеся деятели китайской культуры XX в. – У Цзожэнь, Тянь Хань, Оуян Юйцянь.

На 30-е годы приходится первый яркий период в творчестве Сюй Бэйхуна. В эти годы он – портретист, мастер исторического, мифологического и бытового жанров. Его произведения, написанные по мотивам легенд и мифов, можно рассматривать как программные, как рассказ художника о времени и о себе: «Когда рисуешь дракона, самое главное – нарисовать глаза», «На тему стихотворения „Дядька по имени Ван Чжэи“», «Три героя эпохи Тан», «Тянь Хэн и 500 разбойников», «Прощание князя с наложницей», «Шу Лянхэ», «Цинь Цюн продает коня», «Цзю Фангао», «Ожидание». В аллегорической манере выполнен свиток «Старинная песня», в котором художник стремился высветить социальное неравенство и несправедливость. Свиток – это единство живописи, поэзии и каллиграфии: поэтические строки дополняют изображение, каллиграфия создает единство стиля. Раскрытию социальной и философской тем помогают восемь строк стихотворного текста на картине: «Он на красивой лошади, а я на осле. Как подумаешь – я хуже его. А как обернешься, посмотришь: крестьянин тачку катит… Значит, бывает и хуже, значит, не надо завидовать».

Стремление художника к полнокровному реалистическому мастерству более всего воплотилось в свитке «Тянь Хэн и 500 разбойников», созданном на тему

древнекитайской легенды. Это рассказ о столкновении характеров, о наиболее полном проявлении душевных и физических качеств людей. Главные идеи картины – стремление к независимости родины, равноправию людей, уважению личности, жертвенности ради великих целей.

Свиток «Цзю Фангао (выбирает коня)» построен в духе классических панорам, но с активным привнесением европейских формальных приемов. Герои композиции расположены ритмично. Тушевая линия передает объемность фигур, мудрость старца, мускулистость и скрытую энергию Фангао, ведущего под уздцы коня. Свиток создан по мотивам даосской притчи о поиске для правителя княжества Цзинь несравненного скакуна, обладающего не только внешней красотой, но и внутренней силой, «таинственной как утренний туман». Колористическое решение (акварель, тушь) гармонично и согласованно.

Сюй Бэйхун.
«Цзю Фангао выбирает коня»

Замысел художника – во весь голос заявить о чаяниях народа, о необходимости свободы, о мечте людей работать на собственной земле, возделывать ее и холить, о становлении самосознания и ощущении своей силы – в полной мере воплотился в картине «Ожидание». Живописец использовал приемы, позволившие создать реалистическую композицию, рассказывающую о народе, ожидающем мудрого государя, который должен избавить страну от голода, нужды, засухи. Зеленовато-бирюзовая гамма картины определяет ее общий эмоциональный настрой. Замысел художника воплощается не только через колористическое решение – не меньшее значение имеет и композиция, строящаяся на ритме групп, объединенных единым порывом, единой целью.

Произведения бытового жанра (*жэньу*) создавались Сюй Бэйхуном на основе реалистического метода, освоенного в мастерской А.Даньяна-Бувре, а также под влиянием работ советских художников. К альбомным листам и свиткам этого направления можно отнести «Сон», «У озера», «Сычуаньцы, носящие воду», «У колодца», «Оставь плеть!». Сюй Бэйхун использовал в своем творчестве также средства художественного выражения, накопленные традиционной китайской художественной школой за несколько тысячелетий.

Произведениям Сюй Бэйхуна свойственно радостное восприятие народной жизни, любование делами, силой, здоровьем крестьян, традиционным укладом их быта, всей их жизнью с ее спокойным, размеренным ритмом. Чувствуется и суровая критика реальности, когда Сюй Бэйхун выходит за рамки простого бытописания. В рисунках (уголь, пастель) «Ребенок» и «Спящий ребенок» ярко проявилась любовь Сюй Бэйхуна к своему первенцу. В них художником решалась не только проблема портретного сходства, но и находила воплощение тема детства. Камерные жанровые зарисовки сатирической направленности, натюр-

морты, изображения цветов и птиц, животных также заслуживают внимания и позволяют оценить новаторство автора, не отказавшегося, однако, полностью от традиции.

В это же время в творчестве Сюй Бэйхуна большое место занимает пейзаж, обозреваемый в трехмерном, насыщенном цветовыми и световыми нюансами пространстве, полном воздуха и аромата («Весенний дождь на реке Лицзян», «Водопад», «Безмолвие», «Скала», «Вид на реку», «Думы о весне», «Старая сосна», «Дерево»). Этическая и эстетическая позиция Сюй Бэйхуна того времени ярко отражена в написанных им портретах друзей («Портрет Хуань Чжэня», «Портрет Чэнь Санъюаня»). В автопортретах предстает духовный мир художника, его мироощущение и мировоззрение – «Лунная ночь», «В Тайчэне», «Автопортрет» (1934 г.).

Чжан Дацянь. Автопортрет

В 1933–1934 гг. Сюй Бэйхун совершил поездку по странам Западной Европы и Советскому Союзу. Цель турне – ознакомление мира с китайским искусством, в частности с творчеством выдающегося художника, каллиграфа и мастера резьбы по камню Ци Байши (1864–1957), который получил наибольшую известность как автор произведений в стиле «цветы–птицы» и «травы–насекомые». Созданные художником чувственные образы китайской природы отличает богатство тональных градаций и поэтичность – «Сильный ветер», 1925 г.; «Бабочка и цветущая слива», 1935 г.; «Креветки среди водорослей», 1948 г. Любимыми темами Ци Байши были привычные для восприятия китайским зрителем растения и животные: глициния, хурма, нарциссы, личжи, тыквы, рисовые колосья, утки, карпы, в изображение которых он привнес особенности, свойственные только ему. Художник, как и другие китайские живописцы, стремился не просто показать всю красоту животного и растительного мира, но и аллегорически передать некий скрытый смысл. Цветы сливы символизируют умение стойко переносить невзгоды, хурма – радость, сосна – долголетие, бамбук – жизнестойкость, пионы – богатство и роскошь, глициния – красоту и исцеление. С помощью подобных символов художник демонстрировал свое отношение к окружающему миру, выражал свою нравственную и гражданскую позицию.

В 1933 г. Сюй Бэйхун с успехом провел выставку китайского изобразительного искусства во Франции. Он был и ее директором, и участником, и пропагандистом, и лектором по истории китайского искусства. Экспонировались работы таких художников, как Ци Байши, Ван Итин, Чжан Дацянь, Чэнь Шужэнь, Ван Ячэнь. Выступив как «посол» китайского искусства, Сюй Бэйхун представил

зрителю лучшие работы 80 китайских художников, которые вызвали восхищенные отзывы во Франции. В том же году состоялось несколько экспозиций китайского искусства в Италии. В следующем году Сюй Бэйхун организовал персональные выставки в Берлине и Франкфурте-на-Майне. В 1934 г. Сюй Бэйхун посетил СССР, где в качестве директора также подготовил две выставки китайской живописи. Сюй Бэйхун установил дружеские контакты с художниками Л.И.Бруни, И.Э.Грабарем, Е.А.Кибриком, П.П.Кончаловским, А.И.Кравченко, М.В.Куприяновым, И.И.Машковым, С.Д.Меркуровым, П.В.Митуричем, М.В.Нестеровым, Г.Г.Ряжским, В.А.Фаворским. Творческие контакты переросли затем в крепкую творческую и личную дружбу.

Пребывание Мэй Ланьфана в СССР. 1935 г.

18 июня 1934 г. выставка китайской живописи открылась в Ленинграде. Она была организована Государственным Эрмитажем и массовым отделом Ленсовета при содействии ВОКС. Как и в Москве, товарищеские встречи, знакомства, личные контакты с ленинградскими учеными, художниками, искусствоведами впоследствии переросли в прочную дружбу. Друзьями Сюй Бэйхуна стали академики В.М.Алексеев и И.А.Орбели, директор Эрмитажа Б.В.Легран, художники В.М.Конашевич, А.П.Остроумова-Лебедева, А.А.Рылов.

Тональность восприятия мира менялась у художника в связи с изменением ситуации в стране. Так, например, Сюй Бэйхун в «Подсолнухе», «Черном петухе и подсолнухах», «Тревожном крике петуха», «Черном петухе и цветущем шиповнике» символически отразил неспокойное время 30-х годов (петух – символ прогрессивной, революционно настроенной части общества, поющий петух – колокол, который поднимает народ на борьбу за свободу и независимость, подсолнух – символ солнца).

Единомышленниками и коллегами, с которыми Сюй Бэйхуна связывала работа в Шанхае и Пекине, были У Цзожэнь, Фу Баоши, Пан Сюньцинь, Хуан Цзюньби, Ай Чжунсинь, Цао Бай, Ци Байши. Значительное влияние на Сюй Бэйхуна оказали Лу Синь, Мэй Ланьфан и другие писатели, театральные деятели, создатели Китайско-советского культурного общества (КСКО).

Для творчества Сюй Бэйхуна 30–40-х годов большое значение имели дружественные контакты с советскими деятелями искусства и науки, завязавшиеся с первых же дней посещения Сюй Бэйхуном Москвы и Ленинграда. В течение многих лет творческие работники Бэйпина, Шанхая, Нанкина имели возможность переписываться, встречаться с коллегами из СССР, организовывать выставки своих работ, получать в дар от советских художников и других деятелей культуры произведения живописи, графики, книги, альбомы, газеты, кинофильмы, знакомиться с творчеством советских театральных коллективов.

Подъем патриотических настроений среди интеллигенции привел к объединению деятелей литературы и искусства во Всекитайскую ассоциацию работников литературы и искусства.

В 1936 г. Сюй Бэйхун создал в Гуйлине Союз китайских художников и возглавил его. В 1940 г. Сюй Бэйхун, работая в Центральном университете Чунцина в должности профессора, поддержал художников-графиков (ксилографов) из освобожденных районов, которые организовали выставку своих работ, одним из первых дал ей высокую оценку в прессе. На выставке были представлены работы талантливого графика Гу Юаня, о котором Сюй Бэйхун написал: «…я обнаружил выдающийся талант среди китайских художников. Это крупный художник из рядов китайских коммунистов – Гу Юань. Я хочу поздравить [всех] с тем, что в китайской новой графике, которой менее 20 лет, появилась такая звезда. Гу Юань – один из тех, кто может участвовать на всемирных выставках. Он обязательно завоюет славу Китаю». Так и случилось.

Слева направо: Ли Хуа, Ци Байши, У Цзожэнь, Сюй Бэйхун. 1948 г.

С 1943 г. Сюй Бэйхун предпринимал усилия по организации давно задуманной им Академии художеств как общекитайского художественного центра, а также центра разработки новых эстетических концепций. Но это произошло уже после провозглашения КНР.

В 1946 г. Сюй Бэйхун переехал в Бэйпин и стал ректором Бэйпинского художественного училища (Институт живописи). Он пригласил преподавать в нем таких живописцев, как Ай Чжунсинь, Гао Цзяньфу, Е Цяньюй, Дун Сивэнь, Ли Кэжань, Ли Хуа, Ци Байши, Чэнь Шицзэн, Люй Фэнцзы, У Цзожэнь. Этих живописцев объединяло не только знакомство с искусством стран Западной Европы и СССР, но и единые принципы и методы обучения студентов, реформирования учебного процесса. В основе новой педагогической системы и методики лежали понимание исторической роли искусства, высоконравственные гуманистические принципы и высокое творческое мастерство. Традиции классического китайского искусства взаимодействовали с методами западной реалистической живописи. Как говорил Сюй Бэйхун, «художник не только должен располагать прочной живописной базой, но, кроме того, обязан прочесть десять тысяч книг, пройти пешком десять тысяч *ли*, с тем чтобы расширить чувства и мысли свои, проникнуть в бесконечное многообразие вещей, постичь сокровенные тайны природы, познать закономерности объективного мира. Лишь таким путем он сможет достаточно глубоко и полно отображать отображаемое, а значит, достичь высот подлинного искусства». Он считал необходимым творчески использовать живописное наследие Китая и достижения культуры других стран. «Нужно взять лишь лучшее из древнего, отбросив мишуру, учиться творческому духу древних», – говорил Сюй Бэйхун.

Преподаватели Института живописи требовали, чтобы студенты не подражали слепо древнему китайскому искусству, считали, что основой основ для профессиональной творческой деятельности является знание и сознательное преумножение древнекитайского живописного опыта. Они придавали огромное значение рисунку, работе с натуры, изучению анатомии человека, но не исключали и традиционное рисование по памяти и по воображению.

В программу обучения студентов входила и обязательная работа в области традиционного декоративно-прикладного искусства. Изучение его, заимствование всего лучшего, созданного китайским народом, потребовало выделения данного предмета в отдельный курс.

В 40-х годах многие художники увлекались созданием коллекций классической живописи и богатых библиотек.

Начало своей коллекции Сюй Бэйхун положил еще в 20-е годы, мечтая, что она станет достоянием масс, рассчитывая своим собранием способствовать созданию Государственного музея изобразительного искусства в Китае. Его коллекция ныне – жемчужина Мемориального музея Сюй Бэйхуна в Пекине.

Велика роль Сюй Бэйхуна и как педагога. Отстаивая разумную преемственность традиций, необходимость изучения классического художественного наследия, формальных технических приемов и смысловых обобщений, мастер придавал огромное значение знакомству и претворению в живописи, скульптуре, графике методов западноевропейского и советского изобразительного искусства. Создавались и утверждались новые программы по каждому предмету. Программа обучения рисунку включала построение перспективы, решение тональных отношений; анатомия стала самостоятельным предметом. Сюй Бэйхун и его единомышленники требовали от студентов тщательной работы над эскизами для создания завершенного программного произведения. Затем студенты вместе с преподавателями проводили обсуждение работы.

Продолжателем дела Сюй Бэйхуна и его верным другом был У Цзожэнь, получивший образование в Парижском национальном художественном училище и в Королевском художественном институте в Бельгии. Работая вместе с Сюй Бэйхуном в Бэйпине, он сохранял верность родной китайской живописной традиции, но во многом его художественные произведения отличались чертами импрессионизма и экспрессионизма. Звонкость и прозрачность воздушной среды, глубина пространства, яркость красок, чистота и открытость цвета, порой мерцание силуэта напоминают творчество пуантилистов.

Сюй Бэйхун прославился, в частности, как анималист, изображая буйволов, кошек, гусей и других птиц. Но наиболее охотно он писал лошадей. С большим мастерством, экспрессивно и реалистично художник передает образ животного – красиво изогнутые шеи, изящные головы, сильные, стройные ноги, развевающиеся под упругим ветром гривы, трепетные, горячие, буквально дымящиеся ноздри. Быстроногих животных художник исполнял и в монохромной живописи, и в цвете. Розовая, оранжевая, коричневая краска, нежно-зеленая и голубая, сочетаясь в единой гамме с черной тушью, переливаются, перетекают из цвета в цвет и позволяют, дополняя звучание, рожденное линией, создать эпический образ.

Как и У Цзожэнь, Сюй Бэйхун, творивший в самых разных жанрах, использовал приемы и традиционной, и европейской школы. Кроме того, он глубоко освоил методику и стиль советских живописцев. Свидетельством тому являются несколько работ, посвященных Ляо Цзинвэнь, жене, верному другу и соратнику, с 1942 г. и до конца его жизни бывшей рядом с ним. Углем и тушью художник показал мягкость форм и линий юного женского лица, выявленных тонкой светотеневой моделировкой.

40-е годы – сложный период в жизни художника. Противники его эстетики и живописи обвиняли Сюй Бэйхуна в искажении традиционного китайского стиля *гохуа* и организовали движение под девизом «Свергнуть Сюя!», «Сюй Бэйхун калечит *гохуа*». Единомышленников художника увольняли из Института, самого Сюй Бэйхуна вынуждали покинуть Бэйпин. Однако у Сюй Бэйхуна и в те годы хватало сил и мужества руководить Союзом работников изобразительного искусства, издавать газету, проводить выставки (например, «Объединенную выставку искусств»). В период Антияпонской войны художник-патриот Сюй Бэйхун организовал несколько персональных и коллективных выставок китайской живописи в Сингапуре, Индии и Малайе с целью сбора средств для нужд фронта.

В апреле 1949 г. Сюй Бэйхун как делегат от Китая присутствовал на I Всемирном конгрессе сторонников мира в Праге. Там он создает в духе социалистического реализма свиток «Участники Всемирного конгресса сторонников мира, радующиеся вестям об освобождении Нанкина». Весной 1949 г. Сюй Бэйхун находился проездом в Советском Союзе. Художника поразили масштабы послевоенного строительства, оптимизм советских людей. Сюй Бэйхун был одним из инициаторов организации Общества китайско-советской дружбы. И когда оно официально было учреждено 5 октября 1949 г., стал членом правления.

Авторитет Сюй Бэйхуна как художника, известность как носителя демократических взглядов вполне объясняют его выдвижение на посты председателя Всекитайского союза работников изобразительного искусства и ректора Центрального института изобразительных искусств. Сюй Бэйхун высоко ценил эти знаки признания его заслуг, заверял, что готов приложить еще больше усилий для воспитания молодых художников. «Жизнь художника и создание картин начинаются и кончаются вместе. Если перестал рисовать – перестал жить», – говорил он. В 1952 г. тяжело болевший Сюй Бэйхун, едва поправившись, возобновил курс лекций, вел класс живописи маслом, преподавал рисунок, занимался с преподавателями, готовил первую Всекитайскую выставку живописи *гохуа*. Но улучшение здоровья оказалось кратковременным, 26 сентября 1953 г. Сюй Бэйхуна не стало. Он был похоронен на кладбище Бабаошань. Дом Сюй Бэйхуна в 1954 г. стал мемориальным домом-музеем художника, весь архив и художественные произведения были переданы в дар музею Ляо Цзинвэнь, вдовой художника. Продолжил дело Сюй Бэйхуна У Цзожэнь. Он писал: «[Сюй Бэйхун] посадил неувядаемое дерево искусства. Он любил родину, жил интересами народа, государства, вел справедливую борьбу и был всегда непоколебим».

Архитектура

Создание в 1927 г. в Нанкине гоминьдановского Национального правительства отразилось на развитии городов. Централизация власти и финансов в руках всекитайского правительства давала ему возможность осуществлять крупные градостроительные проекты. По поручению Чан Кайши был разработан «Генеральный план строительства Нанкина» (автор – Г.Мёрфи) – новой столицы Китая. В 1929 г. был утвержден «Генеральный план строительства Большого Шанхая». Шанхай, Тяньцзинь и Циндао получили статус «особых городов», управляемых непосредственно Национальным правительством. Городской статус получил Чунцин, города Учан, Ханьян и Ханькоу объединили в одну территориально-административную единицу – Ухань. Перенос иностранными державами производства на территорию Китая в период мирового экономического кризиса (1929–1933) и новое оживление в китайской промышленности после его окончания (1933–1935) привели к росту численности городского населения, что потребовало интенсификации использования городских территорий.

Преобразование крупных городов шло по пути строительства новых многоэтажных зданий, плотно заполнявших пространство между построенными ранее домами на центральных улицах, при возможности осваивали новые территории. Наиболее стремительно рос Шанхай: к 1949 г. в нем насчитывалось 28 зданий высотой более 10 этажей. Большое значение стали придавать коммерческой «отдаче» здания. Одной из первых высоток стал доходный многоквартирный «Дом на набережной» (Хэбинь, 1933 г.), украсивший улицу Бэйсучжоу лу. Авторы “S”-образного в плане 11-этажного здания с максимальным эффектом использовали ограниченную площадь земельного участка.

Диктуемое урбанизацией требование экономного и функционального использования пространства наряду со свойственной культурному сознанию той эпохи склонностью к личностному самоутверждению неизбежно влекли за собой отказ от воспроизведения «исторических» образцов и поворот к эстетике модернизма. Большой вклад в обновление архитектурного облика Шанхая внес венгерский архитектор Л.Худек, автор знаменитого «Дома Сассуна» (1928 г.) в стиле art-déco, нижние этажи которого занимал отель “Kathay”, верхние служили частными апартаментами сэра Виктора Сассуна, британского магната, владельца компании “Sassoon and C°”. По проектам Л.Худека в том же стиле выполнены 24-этажная гостиница «Гоцзи фаньдянь» (1934 г.) – самое высокое на тот момент здание в Китае, кинотеатр «Дагуанмин» (1933 г., зал на 1900 зрителей). Еще одна знаменитая работа – вилла семьи У (ее глава – шанхайский промышленник, 1938 г.) – ультрасовременная постройка в интернациональном стиле, представляющая собой асимметричную композицию из объемов различных геометрических форм с большими застекленными поверхностями.

От иностранных коллег не отставали китайские архитекторы. Самым высоким в Шанхае, хотя и единственным на Вайтань небоскребом, спроектированным китайскими архитекторами, стал Банк Китая (1936 г., архитектор Лу Цянь-

шоу), выделяющийся среди остальных построек крышей в китайском стиле и национальными мотивами декора на фасаде классического здания art-déco.

Несмотря на то что Тяньцзинь утратил геополитическое преимущество авангорта столицы, его развитая промышленность и приток национального и иностранного, в первую очередь японского, капитала обеспечили условия для продолжения градостроительных мероприятий, локализовавшихся в районе концессий. В этот период в Тяньцзине наиболее активно строились отели и жилье, в архитектуре заметно усилились модернистские тенденции и развитие по вертикали. Ярким образцом этого периода стал отель «Бохай» (1934 г., французский архитектор П.Мюллер) – лаконичное железобетонное девятиэтажное строение, декором которого служил повторяющийся мотив контрастирующих темно-коричневых стен (по вертикали) и белых окон и межоконных простенков (по горизонтали). Об упрочении позиций национальной архитектурной школы свидетельствовало открытие на одной из центральных улиц концессий «Инженерно-проектного бюро Цзитай» (1928 г.), основанного архитекторами Гуань Суншэном, Чжу Бинем, Ян Куаньлинем и Ян Тинбао. О роде деятельности владельцев здания говорил ярко индивидуальный облик постройки, сочетающий элементы европейской, исламской и китайской архитектуры. Наряду с заполнением пустот в центре города в этот период велось освоение нового участка Цянцзыхэвай (за рекой Цянцзыхэ, британская концессия), где создавался благоустроенный престижный жилой район. Основным типом жилого дома служил 2-этажный коттедж. Дома, различавшиеся по своим масштабам, планировке, отделке фасадов, размерам участка, предназначались для сдачи в наем или продажи. Строилось и более доступное коммунальное жилье – многоквартирные 4-этажные дома по типовым проектам.

Ханькоу, оказавшийся в 1927–1928 гг. в центре революционных событий и острой политической борьбы, вплоть до начала 30-х годов переживал экономический спад. Кроме того, возврат под управление Китая трех иностранных концессий повлек за собой прекращение строительства зданий иностранных банков. В то же время новый статус Ханькоу стимулировал приток государственного капитала. В эти годы были построены в стиле неоклассицизма здания банков Цзиньчэн (1931 г., Чжуан Цзюнь), Китайского банка (1931 г., Чжуан Цзюнь, эклектизм), Китайского банка отечественного производства (1934 г., Лу Юнбяо, синтез неоклассицизма и китайского стиля). Творческие поиски уханьского архитектора Лу Юнбяо в направлении модернизма получили воплощение в 2-этажном здании кинотеатра «Шанхай» (1928 г., бетон), отличающегося лаконичностью линий и простотой декора. Характерной чертой этого периода стало активное строительство в старом городе резиденций военных чиновников: сычуаньского генерала Ян Сэня (1928 г., усадьба *сыхэюань*), Ся Доуиня (китайский павильон и европейский особняк), Лю Цзолуна (усадьба, состоящая из двух 2-этажных домов европейского типа, соединенных галереей).

В Гуанчжоу, несмотря на политическую нестабильность в начале 30-х годов, проекты градостроительства не замораживались. В 30-е годы был построен порт,

к 1936 г. проложили 24 дороги общей протяженностью 134 км, завершили сооружение 4-пролетного разводного моста Хайчжуцяо (Морская жемчужина) через р. Чжуцзян (1929–1932, при участии китайского инженера Лян Цишоу), развернулось строительство «образцового жилого района», в планировке которого использованы идеи «города-сада». На центральной торговой улице выросло самое высокое городское здание – 14-этажный треугольный в плане отель гонконгского страхового общества "Union Insurance C°" (1934 г.), напоминающий своими обтекаемыми формами киль корабля.

Здание железнодорожного вокзала. Дайрен (Далянь). Архитектор Сотаро Ота. 1937 г.

Муниципальные власти Циндао в этот период занимались реконструкцией жилого квартала городской бедноты. Там строили дома улучшенного типа, провели водопровод, канализацию, местами озеленили территорию. В 1932 г. был создан Комитет по эстетике городских зданий и сооружений, отвечавший за проведение конкурсов проектов, в создании которых участвовали китайские архитекторы. Благодаря политике городских властей в 1934 г. на центральной улице Чжуншаньлу по проектам отечественных архитекторов одновременно сооружали сразу четыре новых банковских здания, в том числе Китайский банк и Банк Китая (архитектор Ло Банцзе), банк Цзиньчэн (архитектор Лу Цяньшоу). В это десятилетие «немецкому» облику Циндао добавили восточной экзотики постройки в стиле китайского «неоренессанса», такие как традиционная беседка Хуэйляньгэ (Возвращения лотосов) на главном пирсе, а также выполненная приглашенным пекинским народным мастером арка *пайфан* в парке Жоюй. К этому периоду относится также сооружение новейшего в Китае, но строго канонического в архитектурном отношении буддийского монастыря Чжаньшаньсы (30-е годы, архитекторы Лу Шусэнь и Чжао Шэнь).

Мавзолей Сунь Ятсена. Нанкин. 1929 г.

В архитектуре Дайрена (Даляня), где работали преимущественно японские архитекторы, в 30-е годы заметно усилились тенденции рационализма и функционализма, хотя окончательного отказа от исторических стилей не произошло (неоклассическое здание «Банка путей сообщения», 1930 г., Чжуан Цзюнь). Од-

нако в целом для построек стали характерны лаконичные геометрические формы, главным образом прямоугольные, небольшой объем (4–5 этажей), визуальное отсутствие карниза, плоская или с небольшим покатом крыша, остекление в виде горизонтальных полос как оформление фасада, отсутствие внешнего декора. В такой стилистике выполнены здания банка Цзиньчэн (1934 г.), гостиницы «Центральная» (1937 г.), администрации и суда Квантунского округа (1933 г., бетон). Современное по духу объемно-пространственное решение предложил автор нового здания дайренского вокзала (1937 г., Сотаро Ота).

В Харбине продолжалась плодотворная работа российских архитекторов, по проектам которых в этот период были построены: библиотека Особого района Восточных провинций (1928 г., Ю.П.Жданов, неоклассицизм), офис Мантэцу (1933 г., Ю.П.Жданов, эклектизм с доминирующими барочными мотивами), выполненные в византийских формах Софийский собор (1930-е годы, М.М.Осколков) и церковь Покрова Пресвятой Богородицы на Старом кладбище (1930 г., архитектор Ю.П.Жданов), Свято-Алексеевский храм в стиле московских церквей XVII в. (1935 г., Ю.В.Смирнов). Важным городским проектом стала реконструкция парка Чжаолин (1932 г., Р.Бошкевич), представляющего собой классический восточный сад в пейзажном стиле.

Церковь Покрова Пресвятой Богородицы. Харбин

Жилой дом. Харбин

Значительным явлением в развитии китайской архитектуры данного периода был расцвет стиля *фангу* («подражание древности», или китайский «неоренессанс»). Продолжавшиеся с середины 20-х годов творческие поиски нового архитектурного стиля, отражавшего национальную специфику и реалии Китая, были созвучны политике Национального правительства, направленной на возрождение традиционных ценностей («движение за новую жизнь», 1934 г.). Особенно громко приверженцы китайского «неоренессанса» заявили о себе в Нанкине и Гуанчжоу. В окрестностях Нанкина у восточного склона горы Цзыцзиньшань в 1929 г. было завершено сооружение мавзолея Сунь Ятсена (1926–1929, Люй Яньчжи). Автор взял за образец композиционно-пространственную структуру

комплекса Минлин, некрополя императоров династии Мин (1368–1644), расположенного у западного склона той же горы. Органичное соединение традиционных принципов планировки, традиционных форм и современных строительных материалов сделало этот мавзолей одной из лучших работ в стиле китайского «ренессанса». Архитектурный облик Нанкина в 1937 г. украсило здание Центрального музея (архитекторы Сюй Цзинчжи и Ли Хуэйбо), представляющее современную интерпретацию композиции буддийского храма династии Ляо (904–1125). Другим примером обращения к традиции служит комплекс монументов в честь павших бойцов Северного похода (1926–1928) и защитников Шанхая от японского нападения (январь 1932 г.), воздвигнутый в том же, 1932 г. неподалеку от горы Цзыцзиньшань на территории буддийского храма Лингусы. В состав нового мемориала органично вошли пагода Лингута и историческая стела, возвышающаяся на основании, имеющем традиционную форму черепахи-*биси*.

В Гуанчжоу главным архитектурным памятником в стиле китайского «неоренессанса» стал мемориальный зал Сунь Ятсена (1928–1931, Люй Яньчжи), прообразом которого послужил круглый в плане павильон Храма Неба (Тяньтань) в Пекине. Сооруженное по правилам современной западной техники с использованием армированного бетона, стальных ферм и балок восьмиугольное в плане здание мемориального зала визуально воссоздавало облик деревянной конструкции. К линии китайского «ренессанса» относятся также построенные в эти годы в Гуанчжоу здание библиотеки им. Сунь Ятсена (1929–1933, архитектор Линь Кэмин), новые корпуса и арка-*пайлоу* кампуса государственного университета Сунь Ятсена (1932–1933, архитекторы Линь Кэмин, Ян Сицзун).

Идея возрождения традиционной культуры нашла отражение в «Генеральном плане Большого Шанхая», в основу которого легли регулярная прямоугольная планировка, строго симметричное расположение основных архитектурных ансамблей относительно центральной оси «юг–север», выделение главного и второстепенного. Все масштабные общественные здания в районе Большого Шанхая следовало выполнять в традиционных формах и стиле. План не успели реализовать полностью, до 1937 г. были завершены только главные магистральные дороги и ряд построек, в числе которых муниципалитет Большого Шанхая (1931–1935, Дун Даю) – четырехэтажный павильон в стиле архитектуры династии Цин, Шанхайская библиотека и Шанхайский музей (1934–1935, Дун Даю) – симметричные 3-этажные парадные павильоны.

Одновременно с китайскими архитекторами творческий поиск в направлении китайского «ренессанса» вели их иностранные коллеги. Лучшими работами западных архитекторов в этом стиле признаны кампус государственного Уханьского университета (1929–1939, американский архитектор Ф.Кейлз; интерпретация классического дворцово-паркового ансамбля); Бэйпинская национальная библиотека (1929–1931, датский архитектор В.Лет-Моллер; в композицию включены резные колонны-*хуабяо* и каменные львы); новые корпуса частного колледжа Линнань в Гуанчжоу (1928–1930, Г.Мёрфи). Эти корпуса органично сочетают европейскую конструкцию здания и китайскую двускатную крышу изогнутого

профиля, крытую глазурованной цветной черепицей и украшенную традиционными фигурками на ребрах скатов. Помимо копирования исторических образцов китайского зодчества в оформлении зданий, выполненных в европейской тектонической системе, архитекторы широко использовали традиционные декоративные детали, прихотливый сложный узор старинных оконных переплетов: контора компании «Жэньли»; 1932 г., Лян Сычэн, Линь Хуэйинь; Банк путей сообщения в Пекине, 1933 г., Ян Тинбао; здание торгового дома «Дасинь» в Шанхае, 1934 г., при участии Ян Тинбао.

В целом в формировании архитектурного облика городов в период «нанкинского десятилетия» сохранялось стилевое многообразие с усиливающейся тенденцией движения в сторону модернизма. Во главе архитектурного процесса шел Шанхай. В других крупных городах происходили схожие перемены, обусловленные дальнейшей урбанизацией, но они несколько запаздывали со сменой стиля, и города сохраняли свои архитектурные особенности. Существенное влияние на развитие Северо-Восточного Китая в этот период оказали события 18 сентября 1931 г. и японская оккупация.

Уже в самом начале войны Сопротивления Японией были захвачены наиболее крупные города КР – Бэйпин, Тяньцзинь, Шанхай, Уху, Нанкин, Цзинань, Циндао, Гуанчжоу, Ухань, что сказалось на градостроительных мероприятиях. Годы Антияпонской войны в истории новой китайской архитектуры характеризуются как период упадка. Исключение составляют лишь немногие расположенные глубоко в тылу города, в которые были эвакуированы правительственные, общественные учреждения, военные и гражданские промышленные предприятия. Кроме того, в первые годы войны единичные здания сооружались на территории иностранных концессий в Шанхае и Тяньцзине, а также некоторых городах Северного и Северо-Восточного Китая.

Перемещение промышленных предприятий и значительный приток рабочей силы стимулировали развитие периферийных городов Чэнду и Чунцин. За 1937 г. численность населения Чэнду с 460 тыс. выросла до 830 тыс. человек; население Чунцина в 1938–1945 гг. с 530 тыс. увеличилось до 1,05 млн. человек. В годы войны в Чунцине как главном политическом центре страны развернулось довольно масштабное строительство. После переезда Национального правительства в Чунцин в 1938 г. он получил статус «особого города» (1939 г.), а затем «второй столицы» (1940 г.). В связи с массированными бомбардировками японской авиации все административные учреждения и учебные заведения выносились за городскую черту. Таким образом, Чунцин стал разрастаться вширь. Эвакуированные предприятия рассредоточивались в пригородах по берегам рек, срочно сооружались временные производственные корпуса, жилье для рабочих, школы, больницы. Строительство велось быстро и экономным способом, использовались деревянные каркасы, местные стройматериалы (камень, бамбук, глина), для размещения военных цехов оборудовали горные пещеры. Резиденции руководства военно-политических органов также сооружались в горных районах: резиденция Чан Кайши находилась в районе Гэлэшань (1939 г.). Она включала жи-

лой дом, парадный и приемный залы (в этой резиденции Чан Кайши, Сун Мэйлин и Цзян Цзинго жили с 1943 г. до конца войны). В 1939–1943 гг. резиденция находилась в распоряжении председателя правительства Китайской Республики Линь Сэня. После кончины он был похоронен рядом с резиденцией, надгробие сооружено в 1944 г. по проекту известного архитектора Ян Тинбао. Для руководящего состава Южного бюро ЦК КПК и 8-й армии в горной деревне Хунъяньцунь построили 3-этажное здание (деревянный каркас с кирпичным заполнением), второй этаж которого занимали рабочие кабинеты и жилые помещения Мао Цзэдуна и Чжоу Эньлая.

Большинство зданий военного периода в Чунцине сооружено или восстановлено строительной конторой «Фуцзи инцзао чан» (Чэнду). Среди них – Дом правительства Китайской Республики, восстановленный в 1942 г. (первое здание разрушено в 1938 г., проект Ха Сюнвэня и Хуан Цзяхуа). Здание представляет собой традиционный китайский павильон на высоком стереобате, с каменными колоннами и крышей, крытой глазурованной черепицей. В числе новых инженерно-технических сооружений военного периода – первая в Китае парашютная вышка высотой 39,6 м (1941–1942, Ян Тинбао) и фуникулер (1944–1945, авторы Мао Ишэн и Оуян Чунь) протяженностью 176 м с высотой подъема 50 м и пропускной способностью 2 тыс. человек в день. Сразу после капитуляции Японии начали возводить памятники героям (Чжан Пэйцзюэ, Цзоу Жуну), был воздвигнут монумент в честь победы в Антияпонской войне (1946–1947) высотой 28 м, который представляет собой 8-угольную в плане полую башню с винтовой лестницей внутри. В 1946 г. городское правительство выдвинуло «Проект 10-летнего плана строительства второй столицы – Чунцина», однако план не был реализован, поскольку город не получил этого статуса.

Архитектурно-строительная деятельность в годы Антияпонской войны активизировалась и в административном центре пров. Сычуань – Чэнду, куда были эвакуированы промышленные предприятия, общественные учреждения и учебные заведения. Большинство вузов размещалось на территории кампусов Сычуаньского университета и миссионерского Юнион-Колледжа Западного Китая, что требовало сооружения дополнительных корпусов. Из новых построек наиболее значимыми в архитектурном отношении были библиотека Сычуаньского университета (1938 г., Ян Тинбао, китайский «ренессанс»), корпус химического факультета (1939–1941) и больница Юнион-Колледжа Западного Китая (1942 г.), сочетающие современную функциональную планировку с традиционными архитектурными формами.

В первые годы Антияпонской войны в иностранные концессии в Шанхае и Тяньцзине, сохранившие «автономию» от оккупационных властей, хлынул поток беженцев, что обострило проблему жилья. В 30–40-х годах там строилось несколько типов жилья: частные особняки, казенные и доходные жилые дома (индивидуальные дома и малоэтажные многоквартирные дома улучшенной планировки), доходные многоквартирные дома и бараки городской бедноты. В Шанхае Чжэцзянский промышленный банк для своих служащих построил элитный

жилой квартал Фанхуаюань (1938 г., 70 индивидуальных домов разной планировки с балконами, большими открытыми террасами, гаражами и участками земли). Банк путей сообщения построил жилой квартал Юнцзя с домами среднего класса (1946 г., компактные 2-этажные коттеджи с балконами). Общественные постройки этого периода в Шанхае представлены 8-этажным зданием «Чжэцзянского первого коммерческого банка» (китайское проектное бюро «Хуагай», железобетонная конструкция) и театром «Мэйци» (1941 г.), оба здания следовали тенденциям модернизма.

В Тяньцзине продолжалось освоение арендованного Англией участка Цянцзыхэвай. В годы войны здесь были построены жилые кварталы Гуйлиньли и Юайли (1941 г., подворья нового типа) и квартал Цзиньнаньли (1939 г., многоквартирный дом). В «старом» районе британской концессии появились современные 10-этажный многоквартирный дом Лиху (1939 г., железобетонный каркас) и 4-этажный ресторан «Шэнли» (1938–1940). На территории японской концессии был сооружен Дворец спорта – единственное в Тяньцзине здание в японском стиле *тэйкан* (императорская корона) (1945 г.). С началом Второй мировой войны японские оккупационные власти установили контроль над иностранными концессиями, что парализовало архитектурно-строительную деятельность.

Порт Циндао в годы оккупации рассматривался японскими властями как главная военно-морская и торгово-промышленная база. В 1940 г. были приняты «План развития района Циндао» и «План развития города Циндао», которые предусматривали строительство нового порта, расширение городских территорий в северном направлении на 25 км в длину и 4–5 км в ширину, выделение торговой, промышленной и жилой зон, а также железных дорог. Силуэт города в 1938–1940 гг. дополнили здания штаба ВМФ Японии, Клуба японских морских офицеров и архитектурный ансамбль Военного клуба японской сухопутной армии, привнесшие дух японского рационализма и элементы «псевдоевропейского» стиля. Из построек военного периода выделялись модернистские здания Шаньдунского издательства газеты «Майнити» (1942 г.) – композиция, составленная из нескольких объемов лаконичных прямоугольных форм, автор которой рационально использовал перепад на участке гористой местности, и кинотеатр «Циндао» (1939 г., зал на 1 тыс. мест), отличительной чертой которого являлись обтекаемая форма и расположение окон на фасаде в виде сплошных горизонтальных полос.

Среди городов Северо-Восточного Китая наибольшее развитие получил Чанчунь, который в 1932 г. стал столицей марионеточного государства Маньчжоуго и был переименован в Синьцзин (Новая столица). Первые шесть лет город довольно быстро разрастался, к 1938 г. численность населения достигла 580 тыс. человек (170 тыс. в 1931 г.). Застройка велась в соответствии с «Генеральным планом строительства Синьцзина», разработанным японскими властями с учетом принципов традиционной планировки китайских столиц. Центральное положение занимал новый императорский дворец. Основные магистрали – проспекты Датун и Синжэнь – прокладывались по осям «север–юг» и «запад–восток».

В то же время в планировочной структуре Чанчуня присутствовали заимствования из идей «города-сада» Э.Говарда и архитектурно-планировочных приемов Дайрена (Даляня) и Харбина. Городские территории подразделялись на функциональные зоны: «служебная улица» (здания военной администрации), «административный центр» (новый императорский дворец и правительственные здания), «культурно-образовательный район», жилой и промышленный районы. Перспективное строительство велось в юго-западном направлении вдоль полосы отчуждения ЮМЖД (Южной Маньчжурской железной дороги).

В Синьцзине довольно быстро были сооружены главные административные здания Маньчжоу-го. Здание Государственного юаня построили в 1935 г., министерства юстиции – в 1935 г., Верховного суда – в 1936 г. В 1936 г. было построено также здание генштаба Квантунской армии, заложен фундамент нового императорского дворца (не был достроен). Все эти здания построены по проектам японских архитекторов в стиле неоклассицизма и японском стиле *тэйкан*. План строительства Синьцзина осуществлялся вплоть до начала Тихоокеанской войны в декабре 1941 г.

Вскоре после окончания Второй мировой войны и капитуляции Японии в 1945 г. в Китае началась гражданская война между Гоминьданом и КПК, и в развитии городов Китая наступил «мертвый сезон», продлившийся до 1949 г.

Глава 6
Повседневная жизнь

Эволюция традиционных ценностей и норм

Синьхайская революция положила конец монархическому правлению в Китае, однако тысячелетние традиции в той или иной степени влияли на общество на протяжении всего республиканского периода. Возникшие еще в древности обычаи и ритуалы пустили глубокие и разветвленные корни во все сферы жизни китайцев, их уважали и соблюдали как правящие слои, так и простые люди. В известной мере они вместе с законодательными актами помогали властям управлять страной, особенно на местном уровне, и сохранять существовавший строй.

Известный китайский реформатор Лян Цичао еще в 1902 г. поднимал вопрос о необходимости борьбы с отсталостью, о важности создания «нового государства» с «новым народом», об «истреблении рабства внутри себя». Однако эта борьба шла с большими трудностями не только потому, что основную часть населения составляло консервативное и косное сельское население, особенно прочно привязанное к традиции, но и из-за того, что образованные люди, выходцы из правящего класса, нацеленные на прогрессивные преобразования, получив классическое образование, оставались под влиянием конфуцианской морали, выступали приверженцами традиционных ценностей.

После Синьхайской революции устои конфуцианства несколько пошатнулись, но постулат Конфуция о мудром монархе, который должен управлять народом, не раз давала о себе знать на протяжении 1911–1949 гг. Избранный временным президентом и давший клятву на верность Республике Юань Шикай не отказался от планов реставрации монархии. 12 декабря 1915 г. он провозгласил себя императором и изменил название государства на Китайскую империю. Для придания законности своим действиям Юань Шикай совершил особую церемонию в храме Неба в Пекине, как это делалось раньше при восшествии на престол каждого нового правителя. В знак отказа от верности династии Цин Юань Шикай отрезал косу и не стал пользоваться старой императорской печатью на китайском и маньчжурском языках, однако потребовал доставить из бывшего императорского дворца Гугун старинный императорский скипетр. Как подобает при смене династии, был провозглашен новый девиз правления Хунсянь и объявлено о начале годов правления Юань Шикая с 1 января 1916 г. Юань Шикай переехал из Чжуннаньхая в императорскую резиденцию «Запретный город» (Цзыцзинь чэн), окружил себя придворными, вернулся к прежним ритуалам. В течение 83 дней новый император проживал в одном дворцовом комплексе с Пу И – последним императором династии Цин Сюаньтуном (1908–1912), который и после отречения от престола сохранил императорский титул и право жить во дворце. Вскоре Юань Шикай был вынужден отказаться от реставрации монархии и покинул дворец. А 6 июня неудачливый основатель новой династии скоропостижно скончался. Память о краткосрочном правлении Юань Шикая сохранилась лишь в маркировке фарфора, некоторые изделия из которого традиционно изготавливались с именем каждого нового императора, а также на медалях с надписью «Хунсянь», отчеканенных в связи с планами реставрации монархии.

Золотая медаль с надписью «Хунсянь», отчеканенная в связи с планами реставрации монархии Юань Шикаем

Старые атрибуты жизни и церемонии возрождались каждый раз при очередной попытке реставрировать императорскую власть в Китае. Некоторые ритуалы, присущие маньчжурской династии, были соблюдены при возведении Пу И на престол в качестве императора Маньчжоу-го (под девизом правления Кандэ). 1 марта 1934 г. Пу И в императорском халате, украшенном вышитыми драконами, на искусственно насыпанном холме, символически изображавшем Храм Неба, совершил соответствующие случаю моление и жертвоприношение предкам. Это должно было убедить народ в законности власти и укрепить в массах идею о незыблемости монархического правления.

В ходе «движения 4 мая» 1919 г. и последовавших за ним изменений в сфере культуры встал вопрос о коренной переоценке и ослаблении влияния традицион-

Обрезание косы. 1912 г.

Мао Цзэдун с остриженной косой

ных ценностей и норм старого Китая, о замене их демократическими и гуманистическими идеалами, о раскрепощении человека и освобождении его от власти феодальных пережитков в области идеологии, социальной психологии, культуры, патриархального семейно-бытового уклада. После Синьхайской революции борьба с предрассудками и старыми обычаями, ущемлявшими достоинство личности, стала важной частью патриотического движения за спасение страны.

В первые же месяцы существования Китайской Республики были приняты законодательные акты, направленные против таких явлений, как ношение кос мужчинами, бинтование ног у женщин, курение опиума, институт наложниц, азартные игры, заключение брака в детском возрасте по сговору родителей, разорительные обряды, связанные с рождением, свадьбами, похоронами. Борьба по разным направлениям велась с разной интенсивностью и давала неодинаковые результаты.

При Цинах все мужское население страны, вопреки древнему обычаю, обязано было носить косы в знак подчинения этой иноземной династии. Парикмахеры умело выбривали волосы, оставляя их только на затылке. Существовали специальные лавки, в которых продавались шнуры для кос: синие – для мужчин, красные и зеленые – для мальчиков. Естественно, что этот чуждый китайцам обычай воспринимался как ущемление национального достоинства и вызывал протесты среди прогрессивной части общества, нараставшие с ростом национального самосознания в начале XX в. Еще до Синьхайской революции самые непокорные осмеливались носить накладные волосы, а после нее кампания по отрезанию кос быстро охватила всю страну. Сунь Ятсен остриг косу и переоделся в европейскую одежду в Японии еще в 1895 г. Его примеру последовали многие революционеры-демократы, находившиеся за рубежом. Мао Цзэдун, например, в 1911 г., во время учебы в Чанша не только сам расстался с косой, но и помог избавиться от нее некоторым своим сокурсникам. В соответствии с указом временного президента КР Сунь Ятсена (5 марта 1912 г.) все население Китая должно было остричь косы в течение 20 дней после получения циркуляра на местах.

Большинство высших чиновников расстались с косами в первый же год после революции. Возражали только самые рьяные противники республики. К таким относился, в частности, губернатор четырех восточных провинций Чжан Сюнь, офицеры и солдаты его армии. Именно они стали опорой Юань Шикая во время подавления «второй революции» в 1913 г.

Возвращение императорской атрибутики вызвала попытка вернуть Пу И на трон в июле 1917 г. Тогда мастерские театральных принадлежностей не справлялись с заказами на изготовление накладных кос из конского волоса, в антикварных лавках спросом пользовались костюмы эпохи Цин, а на домах развевались желтые флаги с изображением дракона, замененные после революции на пятицветные стяги. К 1920 г. косы остригли даже маньчжуры в «Запретном городе», причем пример показал сам Пу И.

Наибольшее сопротивление в обществе встретила борьба властей и прогрессивных сил с так называемыми «лотосовыми ножками». Если обычай носить косу пришел извне, от маньчжуров, то бинтование ног было чисто китайским явлением. С 4–8-летнего возраста девочкам накладывали на ноги тугую повязку из плотной ткани шириной около 6 см. Это вызывало страдания, потому что ступни теряли возможность нормально развиваться, искривлялись и деформировались, в них нарушалось кровообращение. Постоянная физическая боль негативно влияла на психику детей. К старости ноги настолько слабели, что женщинам часто приходилось опираться на трость, а дома – на поручни, которые специально крепили к стенам. Недаром в Китае про женские ножки говорили: «У девочки – золотые лотосы, у молодой женщины – серебряные, а у пожилой – искалеченные». Тем не менее сила традиции, воспевавшей «тонкую, маленькую, острую, изогнутую, благовонную, мягкую и симметричную» ножку, которая гарантировала удачное замужество, была настолько велика, что не имели эффекта даже указы первых цинских императоров Шуньчжи (1645 г.) и Канси (1664 г.) о запрещении бинтования ног. В первые годы правления династии Цин женщинам с маленькими «трехцуневыми» ножками запрещалось появляться при дворе. Позже практика бинтования ног возродилась, особенно среди самых богатых и знатных китаянок, которые никогда не утруждали себя работой. Маньчжурки не бинтовали ноги, но носили специальную обувь, зрительно уменьшавшую размер ступни.

Борьба передовой общественности с этим варварским обычаем началась еще в конце XIX в. и продолжилась после Синьхайской революции. Первые общества за запрещение бинтования ног девочкам были созданы при содействии миссионеров в Сямэне и Сучжоу. Члены обществ, в основном представители радикально настроенной интеллигенции, рассказывали о вреде, наносимом этим обычаем здоровью. После Синьхайской революции были приняты законодательные меры, запрещавшие бинтовать ноги. Самые ранние из них – уведомление Хэбэйского военного правительства от 19 октября 1911 г., указ временного президента Китайской Республики Сунь Ятсена от 13 марта 1912 г.

Обычай бинтовать ноги ограничивал и ущемлял права женщины, негативно влиял на нее в физическом, духовном и интеллектуальном плане, лишал ее возможности свободного общения и передвижения, усиливал власть мужчины над ней. Тем не менее крошечные ножки в изящных туфельках оставались предметом восхищения и сексуальной притягательности. В Китае существовала поговорка: «Чем меньше ножки, тем больше страсти». В 30–40-е годы в некоторых

провинциях продолжали проводить конкурсы красоты «изогнутых, как лук, ножек». Осуществление на практике запрета на бинтование ног проходило весьма болезненно, особенно в сельской местности и отдаленных районах страны. Даже на территории «революционных баз» женщины среднего и пожилого возраста противились запрету бинтовать ноги маленьким девочкам. Очевидные успехи были достигнуты в больших городах. По статистическим данным 1928 г., доля женщин с маленькими ножками в общей численности женщин составляла: в Шанхае – 0,7%, в Бэйпине (Пекине) – 12%, в Тяньцзине – 28%, в Ухани – 31%, тогда как в провинциях Чахар – 53%, Хубэй – 59%, Хэбэй – 50%. Категорического запрета на бинтование ног не было вплоть до провозглашения КНР, в октябре 1949 г.

Женщина с «лотосовыми ножками» на фоне плаката, запрещающего бинтование ног

После Синьхайской революции борьба с курением опиума рассматривалась как часть социальных преобразований, направленных на искоренение старого и утверждение нового образа жизни. Выращивание опиумного мака и употребление опиума было запрещено еще в последние годы правления династии Цин. Намерение китайского правительства искоренить производство и потребление опиума на всей территории империи было зафиксировано на заседании Шанхайской опиумной комиссии, которое состоялось в 1909 г. при участии 13 государств (эту комиссию можно рассматривать как одну из первых международных организаций по борьбе с наркотиками). В результате деятельности правительственных органов и различных благотворительных организаций число курильщиков сократилось. В первый же месяц существования Китайской Республики, 2 марта 1912 г., временный президент Сунь Ятсен подписал указ о запрещении производства и курения опиума. В документе говорилось: «Опиум отравляет Китай своим ядом уже почти 100 лет. Он не щадит ни богатых, ни бедных, распространившись по всей стране... Если не покончить с этим, весь наш народ погибнет. Никакое вражеское вторжение не сравнить по своим последствиям с этим злом...» Министерство внутренних дел предписало губернаторам всех провинций вновь объявить о запрещении производства и курения опиума, а также о недопущении действий, идущих вразрез с этими запретами. О внимании властей к проблеме свидетельствует тот факт, что комитет по запрещению опиума постоянно входил в состав китайского правительства. Однако в период милитаристских войн торговля опиумом и его курение вновь приняли значительный размах. В 1929 г. китайское правительство объявило 3 июня Днем запрета опиума (в этот день в 1839 г. специальный императорский посланник в Гуандуне Линь Цзэсюй впервые уничтожил большую партию опиума). В 1935 г. была принята «Шестилетняя программа борьбы с курением опиума», но она оказалась

малоэффективной ввиду формального подхода к ней местных властей, а также из-за увеличения объемов импорта «зелья» и масштабов выращивания опиумного мака в самом Китае. Во время Антияпонской войны опиумокурение вновь приобрело значительный размах, особенно на оккупированных японцами территориях. Коммунисты в контролируемых ими районах развернули непримиримую кампанию против этого застарелого недуга. Борьбу с азартными и карточными играми, а также с курением опиума КПК считала важнейшими задачами и активно проводила работу в этом направлении.

Институт многоженства (наложницы, младшие жены) не подвергался жестким гонениям в период республиканского Китая и долгое время был широко распространен по всей стране. Обычай иметь несколько жен настолько глубоко укоренился в сознании китайцев, что не вызывал негативной реакции в обществе. Богатый человек, если позволяли средства, мог иметь несколько жен. Мало что изменилось после Синьхайской революции в положении женщины в семье. Главными ее добродетелями, как и в былые времена, считались покорность, терпение, неукоснительное соблюдение установленных правил. В своей семье она беспрекословно подчинялась воле отца, ее учили быть послушной, никогда не жаловаться на тяготы жизни. После замужества женщина практически становилась служанкой в доме мужа. Она должна была приспособиться к характеру не только мужа, но и его домашних, в высшей степени почтительно относиться ко всем членам новой семьи, исполнять в точности все требования свекра и свекрови.

В республиканском Китае, как и до революции, в большинстве случаев решение о браке принималось на семейном совете. Будущие супруги, как правило, не были знакомы и не видели друг друга до дня бракосочетания. Изучались подробные сведения о женихе и невесте и их семьях: материальном и социальном положении, профессиональной деятельности. На основании столь же тщательного изучения циклических знаков, так называемых «восьми иероглифов», обозначавших год, месяц, день и час рождения будущих мужа и жены, гадатели давали заключение о возможности заключения союза. Церемония подготовки к бракосочетанию проводилась в соответствии со старинными обычаями. Совершались особые жертвоприношения и гадания, проводился обмен подарками, заключался брачный договор. В день свадьбы невесту доставляли в новый дом обычно в красном паланкине, в красном наряде и под покрывалом. Внешний вид паланкина имел значение и демонстрировал материальное положение семьи. Некий богатый торговец по фамилии Чжоу в Шанхае в 20-е годы заказал для свадьбы своего сына паланкин, на стенках которого 10 резчиков по дереву в течение 10 лет вырезали 100 фигурок божеств и мифических героев – благопожелание многочисленного потомства и счастливой жизни.

Вся церемония бракосочетания была строго регламентирована и сопряжена с соблюдением множества условностей. Полагалось запускать шумные петарды и стрелы, защищающие от злых духов, раздавать подарки и угощение для собравшихся, совершать поклоны Небу, Земле, родителям, родственникам для выражения уважения и почтения. Невестка входила в новый дом и поступала

Бланк Свидетельства о браке. 20-е годы. Шанхай

в полное распоряжение свекрови, которая постоянно выискивала недостатки в поведении жены сына, демонстрировала недовольство тем, что и как она делала. Жестокое обращение матери мужа с невесткой было нормой семейной жизни старого общества и повсеместно встречалось в Китае в 20–40-е годы. Нередко из уст свекрови можно было услышать такие высказывания: «Жена что штукатурка на стене, обвалится – заменим новой». В отношениях с мужчиной женщина была лишена всех прав. Она жила в доме затворницей и редко покидала его пределы. Если в дом приходили гости, они расспрашивали о здоровье главы семьи, его сыновей, но никогда не упоминали ни о жене, ни о дочерях. Женщина находилась во власти мужа и свекрови, а в случае смерти мужа – сына. Заступничество мужа при необоснованных нападках на жену со стороны его матери осуждалось как непочтительное отношение к старшим. В «Наставлении для женщин», составленном в I в. н.э., говорилось о том, что золотым правилом для жены являются покорность и повиновение. В издававшихся в период правления династии Цин «Наставлениях» проповедовались те же постулаты. Эти качества женщины ценились в Китае и в первой половине XX в., особенно в сельской местности. Жена целиком и полностью находилась в зависимости от мужа, практически не могла развестись или снова выйти замуж. Вторичное замужество считалось преступлением перед памятью покойного супруга. В китайском обществе долго сохранялся обычай, по которому, если жених умирал до свадьбы, невеста «выходила замуж» за табличку с его именем и жила в доме его родителей, не имея возможности создать новую семью.

В республиканский период начала зарождаться новая традиция вступления в брак. В больших городах под влиянием западной культуры церемония проводилась в торжественной обстановке, в праздничном зале, а не дома; новобрачным выдавали заверенное властями свидетельство о браке. В годы «нанкинского десятилетия» семейно-брачные отношения регламентировались в разделах «Семья» и «Наследование» Гражданского кодекса, которые закрепляли свободу заключения брака и разводов, устанавливали возраст для вступления в брак: 18 лет для юношей и 16 – для девушек, запрещали браки между близкими родственниками и двоеженство. Однако семейное право гоминьдановского Национального правительства во многом осталось на бумаге, на практике господствовала традиция: нередко с согласия родителей в брак вступали несовершеннолетние дети, двоюродные и троюродные братья или сестры по матери, наложницы не считались женами.

По-прежнему широко было распространено сватовство в детстве. В этом случае к девочке в ее семье отношение изменялось, на нее смотрели как на члена семьи будущего мужа. Нередко из-за трудного материального положения бедных семей девочку в раннем возрасте отдавали (фактически продавали) «невестой» в дом, где был малолетний сын. Она в качестве даровой служанки осваивала все сложности домашнего хозяйства и семейных взаимоотношений. Девушка, выходя замуж, теряла связи с родной семьей. Китайское словосочетание «выйти замуж» буквально означает по-русски «покинуть семью».

Четыре поколения одного клана

С раннего детства в умах китайцев твердо закреплялась мысль о том, что власть в семье принадлежит отцу как старшему в доме, точно так же как в государстве, т.е. в большой семье, – императору. В течение длительного времени после Синьхайской революции этот нравственный постулат оставался без изменения. Изучению правил поведения в семье и обществе по-прежнему уделяли огромное внимание. В школьной программе с начальных классов на усвоение классических канонов *цзин* отводилось немногим меньше половины всего учебного времени. Разумеется, при такой системе образования установленные в древности правила успешно закреплялись в каждом новом поколении.

Китайская семья строилась по принципу строгой субординации, абсолютного подчинения младших старшим, детей – родителям, жены – мужу, т.е. в соответствии с конфуцианским принципом *сяо* – уважительного и преданного отношения к родителям, усердного исполнения воли родителей (предков). Главенство старшего члена семьи не ставилось под сомнение и подразумевало беспрекословное подчинение и повиновение остальных. Благодаря этому споры и недоразумения разрешались довольно быстро, но не путем договоренностей между всеми членами семьи, а ценой уступок и жертв со стороны младших. Богатые семьи оставались многочисленными, под одной крышей жило несколько поколений клана (*цзу*) – семейно-родового объединения с общим предком по мужской линии. Факторами сплоченности клана были общее хозяйство, общая земля или общее дело, общий храм предков. Фамилия наследовалась по мужской линии. Первую часть имени определяли по специальной книге «Цзяпу» – родовой хронике, вторую часть давали родители. Вот почему у родных братьев один иероглиф часто был одинаковым – Мао Цзэминь, Мао Цзэдун, Мао Цзэтань. Кланы с одинаковыми фамилиями, но жившие в разных провинциях Китая, имели разные родовые книги. После революции еще долго сохранялась старинная традиция, диктовавшая пренебрежительное отношение к девочкам. В крестьянских или бедных городских семьях они подчас не имели имен, а носили прозвища,

нередко совпадавшие с очередностью появления на свет: Первая, Вторая и т.д., что сохранялось позже при обращении мужа к жене. В знатных и образованных семьях девушкам давали имена, в которых обычно присутствовали иероглифы, обозначавшие цветы, драгоценные камни, благоухания и ароматы. Женщины, выходя замуж, не меняли фамилию, но иногда ставили перед своей фамилией фамильный знак мужа. Различить по написанию мужские и женские имена довольно сложно, а зачастую и невозможно.

Компартия Китая выступала против ряда старых обычаев (сам Мао Цзэдун всю жизнь сожалел о несостоявшейся свадьбе с девушкой, циклические знаки которой, по мнению местного гадателя, не подходили ему). О серьезности отношения КПК к вопросам брака свидетельствует тот факт, что первым нормативным актом, принятым ЦИК Китайской Советской Республики, было Положение о браке (1 декабря 1931 г.), вскоре замененное более совершенным Законом о браке (8 апреля 1934 г.), который впервые в истории Китая стал самостоятельным законодательным актом. Оба документа провозглашали свободу брака и развода, упраздняли заключение брака по воле родителей, запрещали куплю-продажу девушек в наложницы, воспитание девочек в чужих семьях как будущих жен сыновей, полигамию. Закон устанавливал брачный возраст (20 лет для мужчин и 18 лет для женщин), делал обязательной регистрацию брака и развода в местных органах власти, а также получение соответствующего документа, регламентировал вопросы воспитания детей после развода, положение детей, рожденных в незарегистрированном браке. Основные обязанности по содержанию детей после развода в основном ложились на мужчину. Аналогичные положения содержались и в принятом на территории освобожденного района Шэньси–Ганьсу–Нинся 22 мая 1946 г. Положении о браке. В него ввели дополнительную статью, согласно которой национальным меньшинствам разрешалось при заключении брака учитывать национальные традиции. Соответствующие документы принимались и в других контролируемых КПК районах. В целом в республиканский период семейное право во многом имело декларативный характер, далеко не всегда применялось на практике, уступая место традиции и прецеденту.

После Синьхайской революции китайским женщинам был открыт доступ к образованию, а с 1920-х годов девушки стали выезжать на учебу за границу. Большую роль в допуске девушек к высшей школе сыграл Цай Юаньпэй, ректор Пекинского университета.

Борьба нового с традиционным развернулась в вопросе о календаре. Сунь Ятсен объявил о переходе на григорианский солнечный календарь и начале отсчета со времени провозглашения Республики. Новый год стал начинаться 1 января, а 1912 год был объявлен первым годом Китайской Республики. Все последующие годы назывались: второй год КР, третий год КР и т.д. Чтобы перевести год Китайской Республики в год западноевропейского календаря, нужно прибавить 11 (1911 год – год начала Синьхайской революции). В официальных документах указывались две даты. Например, в советско-китайском Соглашении о временном управлении Китайско-Восточной железной дорогой значилось: «Учинено

в г. Пекине сего 31 мая 1931 г., что соответствует 31 дню 5-го месяца 20-го года Китайской Республики».

Празднование 1 января как Нового года в Китайской Республике не прижилось, хотя как дань моде некоторые чиновники и другие слои населения, связанные с иностранцами, отмечали его. Этот день был объявлен выходным. В первые годы Республики под влиянием движения за «новую жизнь» с празднованием Нового года неоднократно возникала путаница. Были случаи, когда 1 января выходили газеты и журналы с рисунками и атрибутикой, характерными для традиционного китайского лунного Нового года. Постепенно 1 января было осознано китайцами как начало календарного года. После Синьхайской революции в Китай пришел праздник Рождества. Он отмечался в тех районах, где было велико влияние западных стран и христианских миссионеров. Другим новым явлением китайской жизни стал выходной в воскресенье. До революции днем отдыха считался каждый десятый день.

В 1912 г. китайский астроном Гао Лу по указанию Сунь Ятсена разработал календарь, из которого были изъяты все даты, связанные с «религиозными предрассудками», зато присутствовали революционные праздники. Исключение из календаря традиционных народных праздников вызывало протесты общественности, и с 1925 г. начали вновь выпускать лунно-солнечные календари. Частные издательства продолжали печатать хорошо раскупавшиеся лунные календари со старыми легендами и поверьями, против которых выступала центральная власть.

Вторая волна борьбы против лунного календаря приходится на начало нанкинского периода. В 1929 г. правительство вновь запретило их издание. Исполнительный юань принял положение, в соответствии с которым все документы и финансовую отчетность надлежало датировать по григорианскому календарю. Самыми ярыми приверженцами старого календаря были торговцы, банкиры и заводчики. Они совершали расчеты, подводили финансовые итоги, выплачивали премиальные накануне Чуньцзе – Нового года по лунному календарю. Идеологи Гоминьдана полагали, что введение солнечного календаря поможет психологической перестройке народа и переориентации его на новые культурные ценности. Однако все акты, запрещавшие использование лунных календарей и празднование дат по этим календарям, игнорировались населением, которое отчаянно боролось за сохранение традиции. С 1935 г. правительство, осознав тщетность усилий, прекратило отдавать распоряжения по запрету издания и использования лунных календарей. На официальном уровне Китай перешел к использованию григорианского календаря, а традиционные праздники отмечал по лунному.

Борьба за сохранение национальной самобытности не помешала широкому распространению в Китае так называемых заморских товаров. После революции они, подобно цунами, обрушились сначала на большие портовые города, потом проникли в другие города, поселки и деревни. В жизнь китайского общества вошли такие предметы иностранного производства, как спички, лампы, иголки,

нитки, пуговицы, мыло, гвозди, ножи, зонты, зеркала, стеклянные стаканы, очки, часы, туалетная вода, сигареты, зубные щетки и зубной порошок, ручки, чернила, бумага, швейные машинки, чашечные весы, микроскопы. В Тяньцзине, Шанхае, Гуанчжоу открылись первые большие универмаги. В городах появлялось все больше велосипедов и автомобилей, пустили трамваи. Население горячо приветствовало установку на улицах фонарей и башенных часов. Китайцы охотно покупали «заморские» ткани, одеяла, чулки, носки, носовые платки, полотенца. В моду вошли иностранные вина, конфеты, печенье. Шанхайский журнал «Дунфан цзачжи» еще в 1911 г. писал, что все слои населения, от бедных до богатых, с удовольствием приобретают «заморские» изделия фабричного производства, которые имеют привлекательный внешний вид, хорошее качество и продаются по умеренным ценам. Последнее было особенно важно для бережливых китайцев, привыкших крайне экономно и рационально расходовать сбережения и неохотно расставшихся с деньгами, живших по принципу «три года использовать вещь как новую, три года – как старую, три года – в отремонтированном виде». «Заморские» товары не только облегчили быт населения, но и внесли улучшение и оживление в жизнь общества, способствовали расширению кругозора и углублению знаний китайцев о внешнем мире.

Здание универмага в Гуанчжоу. 1920 г.

Женщины начали носить европейскую одежду, блузки и платья с короткими рукавами и без рукавов, что раньше считалось предосудительным. Мужчины нередко появлялись в костюмах и пальто западного покроя, носили шляпы, хотя долго сохранялся и традиционный халат. Западный костюм был утвержден в качестве официальной одежды для торжественных случаев наряду с «суньятсеновским френчем». Последний разработали по инициативе Сунь Ятсена на основе японского военного кителя как образец одежды нового Китая. С одной стороны, он напоминал западный костюм, т.е. был прогрессивным, с другой стороны, имел китайскую специфику, выражавшуюся в пяти пуговицах (конституция пяти властей), стоячем воротнике и четырех накладных карманах с клапанами, напоминавшими вершину горы. В 20-е годы наблюдалось смешение стилей в одежде.

Постепенно западная мода прочно вошла в жизнь состоятельных китайцев. Даже бывший император Пу И после переезда в Тяньцзинь, по его воспоминаниям, с удовольствием выходил на улицу в костюме английского покроя, с галстуком, закрепленным бриллиантовой брошью, с бриллиантовыми запонками на рукавах рубашки, с тростью, в очках фирмы «Цейс», благоухая иностранным одеколоном.

В то же время не вышла из употребления и традиционная китайская одежда. Следует отметить, что после революции одежда стала более демократичной и свободной, былая жесткая регламентация отошла в прошлое. Теперь она различалась больше по уровню достатка и вкусу, а не по чиновным рангам, как это было в императорском Китае. Форменную одежду носили военные, полицейские, таможенники, студенты, учителя, некоторые водители. Но в целом строгих ограничений и регламентов не предусматривалось.

Свадьба. 1936 г.

Народные верования

Если в материальной жизни новое и прогрессивное успешно, хотя и медленно, пробивало себе дорогу на китайской земле, то в духовной сфере все оставалось практически без изменений. Республиканская власть усилила критику старого общества, но традиции невозможно быстро изменить или отменить. Правительство принимало специальные постановления о запрещении старинных церемоний и обрядов, мотивируя это тем, что они не сочетались с передовыми идеями. Однако народ крайне неохотно отказывался от прежних традиций, сохраняя приверженность старому. Жизнь китайского общества по-прежнему была пронизана разнообразными верованиями, мифами и легендами, преданиями о богах и демонах, добрых и злых духах, о добрых и коварных героях. С их помощью люди пытались истолковать незнакомые и непонятные явления, объяснить себе, что происходит вокруг, найти выход из той или иной ситуации. Китайцы не могли представить себе место, где бы не витали привидения и духи, которым делали подношения, добиваясь их покровительства и расположения.

После Синьхайской революции народ продолжал свято следовать многочисленным обычаям, установившимся нормам жизни, отмечал памятные даты и праздники китайского крестьянского календаря, сохраняя то, что было накоплено предками на протяжении тысячелетий. Традиции отличались одна от другой по районам Китая, они были многообразны по форме, содержанию и проявлениям в разных слоях общества, продолжая играть очень важную роль в жизни страны и народа. Наиболее сильно привязанность к традиционным верованиям проявлялась в среде крестьянства, составлявшего абсолютное большинство на-

селения. В призрачном мире мифов, божеств и небесных покровителей народ, особенно в периоды социальных потрясений, искал спасение от тягот повседневной жизни и путь к счастливому будущему.

Народные верования китайцев всегда отличались синкретизмом. В них даосизм, буддизм и конфуцианство самым тесным образом переплелись с древнейшими мифами, суевериями, культами, обычаями и обрядами, присущими той или иной местности. Каждое из трех учений испытывало влияние двух других, что привело со временем к появлению все большего числа точек соприкосновения, общих идей и норм. С другой стороны, существовала специализация, своеобразное «разделение труда» между религиями. Человек в разных жизненных ситуациях обращался к той или иной религии, оставаясь свободным в выборе объектов поклонения. Единственная его цель состояла в поиске успокоения и довольства. Типичным явлением для Китая начала XX в. было существование храмов, в которых уживались буддийские статуи, даосские божки, изображения обожествленных исторических героев и местных святых. Религиозный синкретизм существовал на двух уровнях – верхнем и нижнем. Последний служил нуждам малообразованной или неграмотной части населения Китая, в основном крестьянства. Народ не интересовался происхождением святых и духов, которым молился, воспринимал их так же, как чиновников в повседневной жизни: одни правили его жизнью на земле, другие властвовали над душой после смерти. И те и другие требовали уважения и поклонения.

Даосские божества, дарующие людям многочисленное потомство. Храм Дунъюэ мяо. Пекин

Невозможно сосчитать всех богов и божков, общепризнанных и местных, страшных и привлекательных, навлекающих беды и отводящих несчастья. Все они были подчинены верховному владыке – Яшмовому императору. Самые главные божества осуществляли контроль за моральным порядком в обществе. Китайцы почитали богов небесных светил и планет, возводили в их честь храмы (Храм Неба, Храм Луны, Храм Солнца). Небо считалось владыкой мира, оно повелевало землей. Даже в начале XX в. большинство китайцев искренне верили в то, что все подчинено воле Неба. Существовало бесчисленное множество божков-покровителей: городов, деревень, земли, жилых домов, отдельных построек, колодцев. Особые божества оберегали домашний скот. Ни одна сфера деятельности человека не осталась без потустороннего защитника. В честь многих божеств возводились храмы, кумирни. Святые-покровители были у торговцев,

плотников, лекарей, охотников, садовников, врачей, земледельцев, скотоводов, актеров, рыбаков, моряков. Многие из них когда-то были реальными людьми, позже за добрые деяния возведенные в ранг святых.

Показателен в этом отношении образ даосской богини Мацзу – покровительницы моряков и рыбаков. Согласно легенде, в 960 г. в пров. Фуцзянь в семье рыбака Линя родилась девочка. Ей дали имя Монян – «безмолвная», потому что она не закричала, когда появилась на свет. Однажды ее отец и братья рыбачили в море и попали в сильнейший тайфун. Мать и дочь на берегу ничего не знали о судьбе родных, очень волновались и уже решили, что те погибли. Вдруг Линь Монян впала в глубокий транс и увидела, будто во сне, тонущих отца и братьев. Девушка схватила их ртом, чтобы вместе с ними выплыть на берег. Но в это время мать, видя, что с дочерью что-то неладно, начала трясти ее, пытаясь привести в чувство. Линь Монян вынуждена была приоткрыть рот, чтобы издать звук, дабы окружающие поняли, что она жива. К несчастью, отец сорвался с губ Монян, и она его проглотила. Девушка пробудилась. А вскоре вернулись братья, но без отца. Они рассказали, что какая-то таинственная сила помогла им удержаться на поверхности воды и стихия не поглотила их. Есть несколько версий смерти Линь Монян. По одной, она погибла, когда взбиралась на гору, чтобы улететь на небо, по другой – умерла, потеряв силы после длительного плавания, по третьей – утонула в нетрезвом виде. Так или иначе, она стала божеством, в честь которого возведено огромное количество больших и малых храмов в Юго-Восточном Китае, и ни один моряк, ни один рыбак не отправлялся в плавание, не поклонившись своей защитнице и не испросив ее милости.

Богиня Мацзу

Китайцы продолжали верить в то, что не только у человека, но и у каждого предмета есть душа, требовавшая бережного отношения, и часто обращались к ней. На все случаи жизни были заговоры и разнообразные хитрости, чтобы отвести беду. Мальчику, например, могли дать в детстве женское имя, чтобы злые духи не смогли причинить ему вреда – ведь они ни за что не обратят внимания на никому не нужную девочку.

В период Республики в силу ряда обстоятельств – развал старой системы власти, нестабильность, вызванная постоянными междоусобными войнами, изменения привычных социальных структур, иностранное влияние, модернизация общества – обозначились изменения в традиционных формах народной религиозности, наметились тенденции к оживлению и трансформации деятельности синкретических обществ, которые в новых условиях предпринимали попытки найти пути нормализации жизни населения. Подобные секты, сочетавшие в рамках «всеобъемлющего» учения идеи трех главных религий и учений Китая: кон-

фуцианства, даосизма и буддизма, – в XX в. изменяют свой статус. В их идеологии все больше просматривается тенденция повышения требований к моральному компоненту религии. Одним из главных направлений деятельности становится благотворительность, возведенная в ранг высшего проявления нравственности. Секты и тайные общества трансформируются в более массовые религиозно-политические организации, вовлекают в свою деятельность разные слои населения, становятся альтернативой и соперниками официальной власти, которая, ощущая опасность, объявляет их «чуждыми», «еретическими», преследует и даже репрессирует их последователей.

Многие синкретические объединения возникли задолго до 1912 г., продолжая традиции тайпинов и ихэтуаней, другие появились после Синьхайской революции, особенно в первое послереволюционное десятилетие. Секты действовали практически на всей территории Китая, хотя в организационном отношении были раздроблены. Одни имели последователей в нескольких провинциях, другие существовали лишь в отдельной местности, их общины не были многочисленными. Численный состав сект менялся в зависимости от политической и экономической ситуации в стране: увеличивался в моменты кризисов и уменьшался в периоды нормализации. Синкретическим учениям была присуща идея приближающегося конца света. Вполне естественно, что люди в самые тяжелые времена стремились спастись от смерти, ощутив себя «избранными» после вступления в секту. Синкретические общины действовали как в сельских районах (по некоторым сведениям, в $^{2}/_{3}$ деревень), так и в городах, в том числе больших. Во главе секты стоял руководитель, обычно выходец из образованного сословия, необязательно высшего, посвященный во все таинства данной секты. Рядовые члены знали лишь самые общие истины и полностью доверяли вероучителю. Все члены секты были связаны клятвой не разглашать тайны вероучения. Практика синкретических сект соединила многие архаические верования и обряды, прежде всего медиумические сеансы как средство общения с божествами, собрания с песнопениями и декламацией религиозных текстов. В сельской местности деятельность сект проявлялась в том, что ее члены занимались целительством, знахарством, предсказаниями, отпеванием покойников («Путь девяти драконов», «Путь учителей»). «Общество добрых дел» давало театральные представления, устраивало цирковые выступления. Среди широко распространенных синкретических сект XX в. можно назвать Игуаньдао («Путь всепроникающего единства»), Чжэнкунцзяо («Учение подлинной пустоты»), Юаньминтан («Зал целостного света»), Цзайлицзяо («Учение о пребывании в истине»). Многие секты проповедовали соблюдение традиционных норм морали и благотворительность, конфуцианское «исправление сердца и совершенствование человека», «обуздание себя и возвращение к ритуалу». «Общество пути и добродетели всех государств» поклонялось сразу нескольким «высшим» – Будде Шакьямуни, Мухаммеду, Иисусу, Конфуцию и Лао-цзы.

Вскоре после Учанского восстания, 11 ноября 1911 г., Временное правительство обнародовало распоряжение, в котором руководителям местных властей

вменялось в обязанность принять меры к роспуску тайных обществ и сект, «наносивших значительный ущерб народу и спокойствию в государстве, и привлечь их членов к ответственности». В документе отмечалось, что тайные общества в разных провинциях продолжают возникать под различными названиями, их руководители обманом вымогают деньги у граждан, чтобы создавать новые объединения для борьбы с существующим строем.

Позже, когда к власти пришел Гоминьдан, его руководство заняло гибкую позицию по отношению к разного рода обществам. Если объединение не выступало открыто против политики Национального правительства и подходило под определение благотворительного или философско-религиозного общества, то ему разрешалось существовать на основании принципа свободы вероисповедания.

Со второй половины 20-х годов деятельность ряда обществ начинает привлекать внимание правительственных ведомств и Гоминьдана, которые, осуждая такие общества в целом за пропаганду суеверий и «еретических учений», характеризуют отдельные организации как «контрреволюционные объединения». В частности, это относится к Туншаньшэ («Общество единения в добре») и Ушаньшэ («Общество познания добра»). Во время Северного похода Гоминьдан проводил работу по запрещению деятельности Туншаньшэ на подконтрольной территории. Это общество обвинялось в нападках на «три народных принципа» Сунь Ятсена, в распространении суеверий среди крестьянства, в «обмане народа».

В период, когда раздробленный Китай находился под властью множества милитаристских клик, каждая из них по-своему решала вопрос деятельности обществ. Практически везде власти боролись против «еретических учений», но не препятствовали существованию религиозных сект, занимавшихся благотворительной деятельностью. Однако вопрос о том, к какой категории относить то или иное общество, каждый правитель решал по-своему. Бэйянские милитаристы весьма позитивно относились к деятельности отдельных синкретических общин и использовали их в своих интересах. В 30-е годы в Шанхае действовала одна из ветвей тайного общества Хунбан, некогда ставившего целью свержение династии Цин, а потом выродившегося в полубандитскую организацию, занимавшуюся штрейкбрехерством, избиением рабочих и подавлением забастовок.

История с обществом Туншаньшэ получила развитие в 40-е годы. Его члены пытались поднять мятеж против властей в пров. Хубэй, в 1942 г. выступали вместе с «Красными пиками» в ряде уездов пров. Аньхуэй против зернового налога и мобилизации в армию, в 1943 г. занимались антиправительственной деятельностью в провинциях Хунань и Юньнань. Исполнительный юань принял несколько решений о запрете общества. В 1943 г. встал вопрос о запрете общества Шэнсяньдао («Путь святейших»), которое на оккупированных японцами территориях, ссылаясь на идеи Конфуция, проповедовало непротивление агрессору. В 1944 г. Чан Кайши запретил общество Игуаньдао, которое японцы использовали как орудие разведывательной деятельности. Организации общества распро-

странили свою деятельность на девять провинций: Сычуань, Гуйчжоу, Юньнань, Фуцзянь, Хунань, Хубэй, Цзянси, Ляонин, Ганьсу.

В 1946 г. тайные общества и секты официально были запрещены правительством Китайской Республики, их имущество (штаб-квартиры, храмы и другая недвижимость) было конфисковано. Тем не менее полностью все секты уничтожены не были, и правительство время от времени занималось разбирательством «еретической» деятельности того или иного объединения. Накануне образования КНР, в период гражданской войны между Гоминьданом и КПК, число последователей синкретических религий вновь возросло.

Традиционные народные праздники

На протяжении всего республиканского периода Китай оставался страной, где чтили обряды и обычаи, связанные с народным праздниками. В этой сфере не произошло практически никаких изменений. Милитаристские междоусобные войны, война Сопротивления Японии и гражданские войны внесли поправки в празднование традиционных дат, но даже они не могли полностью их отменить.

Система китайских народных праздников тесно связана с календарным годовым циклом, с периодичностью хозяйственной деятельности. Об этом свидетельствуют основные даты китайского календаря. Новый год отмечается в конце зимы, во время перерыва в сельскохозяйственных работах. Праздник Фонарей знаменует окончание длительного отдыха и начало весенних работ. День Поминовения усопших приходится на интервал между севом и летним боронованием. Фестиваль Драконовых лодок проходит сразу после сбора первого урожая. Праздник Середины осени близок к окончанию сбора урожая.

Основная часть населения (торговцы, рабочие и особенно крестьяне) продолжала жить по старому календарю и считала началом нового года первый день первого лунного месяца. Чтобы отличить один новый год от другого, традиционный Новый год стали называть «Чуньцзе» – Праздник весны, знаменовавший конец зимы и всеобщее обновление и природы, и жизни человека. Этот праздник олицетворял возобновление связей, с одной стороны, с предками, с другой – с ныне живущими родственниками и символизировал единение семьи в узком и широком смысле. Для регионов Китая, расположенных к югу от реки Янцзы, Чуньцзе предвещал скорое начало полевых работ. На севере, хотя зима еще не уступала все свои позиции, крестьяне тоже готовились к сельскохозяйственным работам.

По лунному календарю в Китае отмечали народные праздники, даты, имеющие отношение к традициям, древним церемониям, культам, обрядам. К нему обращались гадатели, прорицатели для вычисления дат, благоприятных для приурочивания к ним важных событий общественной и частной жизни. Солнечный календарь служил для определения порядка сельскохозяйственных работ.

Для приведения в соответствие лунного и солнечного календарей один раз в 2–3 года вводился «високосный год» с 13 лунными месяцами, в котором под одним порядковым номером подряд шли два месяца: например, восьмой и восьмой дополнительный. Если на такой месяц приходился праздник, то он отмечался дважды.

Для летоисчисления в Китае, как и в ряде других стран Дальнего Востока и ЮВА, применяется 60-летний цикл, составляемый пятикратным повторением 12-летних периодов. Каждый год, как и каждый день, обозначен двумя иероглифами: один заимствован из числа 10 «небесных стволов», другой – из числа 12 «земных ветвей». Эти знаки использовались в основном для обозначения дат в исторических хрониках, для датирования официальных документов. Художники и каллиграфы также использовали их на свитках для обозначения времени создания своих произведений. Год Учанского восстания (10 октября 1911 г.) и отречения Цинов (12 февраля 1912 г.) обозначался знаками *синь* и *хай* и длился с 30 января 1911 г. по 17 февраля 1912 г., поэтому революция, которая произошла в тот год, получила название Синьхайской.

В первой половине XX в. не менее распространенным на бытовом уровне было обозначение годов по так называемому «звериному циклу»: крысы, буйвола, тигра, зайца, дракона, змеи, лошади, барана, обезьяны, петуха, собаки, кабана. Часто в деревнях люди не могли назвать дату своего рождения, но безошибочно отвечали на вопрос, под знаком какого животного они родились. Знакомство друг с другом начиналось с выяснения знака-покровителя, потому что это о многом говорило китайцам и могло серьезно повлиять на дальнейшие отношения в быту, по службе, в семье.

Некоторые ученые делят китайские народные праздники на праздники живущих и праздники мертвых, т.е. дни, когда чтят память умерших. К первой категории можно отнести китайский Новый год, праздник Драконовых лодок и праздник Середины осени; ко второй – день Поминовения усопших, 15-й день 7-го лунного месяца и 1-й день 10-го лунного месяца. Народные праздники были едиными для всей страны, однако имели региональные отличия, что проявлялось в многообразии атрибутики и церемоний. Самым значимым, самым продолжительным, по сути ключевым праздником всегда считался Новый год по лунному календарю. Этот единственный в году период всеобщей праздности начинался во второе новолуние после зимнего солнцестояния (попытка ввести фиксированную дату, как это было сделано, например, в Японии, не имела успеха). Точную дату праздника узнавали от гадателей, из крестьянских календарей. В простых, на одном листе, календарях, доступных большинству населения, была собрана самая важная информация о предстоящем годе. В более подробных календарях-книжках содержалось описание каждого дня. Например, в календаре на 1926 г. про первый день китайского нового года говорилось, что бог богатства находится на юге, бог радости – на юго-востоке, бог чинов – на севере, злой дух Тайсуй – на северо-востоке. Это указание было очень важно для китайца, потому что он должен был знать, в каком направлении следует делать поклоны,

выйдя первый раз в новом году из дома. Считалось, что сначала следует кланяться богу богатства. Каждый год местоположение богов менялось. Вот что значилось в календаре на 1935 г.: «Первый день первой луны. Элемент, символизирующий этот день, – металл. День Нового года. Праздник весны. Бог веселья – на юго-западе, бог счастья – на северо-западе, бог богатства – на востоке, бог чинов – на северо-востоке и на западе. На северо-востоке также бог долголетия. Если вам надо нанести визит и вы делаете его между 11 часами утра и 3 часами дня или между 7 и 11 часами вечера и идете в юго-западном направлении, то визит принесет вам великое счастье. Желательные поступки: жертвоприношение предкам, посещение школы, омовение. Другие дела предвещают дурное». В том же календаре можно было найти портреты членов правительства и высших функционеров Гоминьдана, изображения всех основателей китайских династий, полезные медицинские и хозяйственные советы, много другой информации.

Празднование Чуньцзе традиционно начиналось 23-го числа 12-го лунного месяца с проводов на небо для доклада небесному императору бога домашнего очага Цзаована и заканчивалось шумными ярмарками и гуляньями в первое полнолуние первого лунного месяца. Для торговцев и других деловых людей наступала самая горячая пора. С одной стороны, товары раскупались молниеносно, поставщики не успевали выполнять заказы, приказчики и продавцы сбивались с ног, обслуживая клиентов. С другой стороны, согласно старому обычаю, нужно было взыскать все долги с несостоятельных покупателей. По негласному правилу, до наступления Нового года следовало рассчитаться с кредиторами. Даже если в контракте не была оговорена юридическая ответственность неплательщика, делом чести последнего было вернуть деньги в старом году, чтобы не «потерять лицо». Вот почему большинство банкротств приходилось на конец года. Единственной возможностью избежать расчета было уехать на время или исчезнуть из поля зрения кредитора, который не осмеливался искать должника. Долг, «переживший» канун Нового года, мог оставаться невыплаченным вплоть до следующего года. Было много других обычаев, которые не претерпели значительных изменений вплоть до образования КНР.

На праздник «запечатывались» все учреждения, закрывались магазины, рынки, лавки, рестораны. Это был кратковременный и долгожданный период отдыха от работы, сбора вместе всей семьи за обильным столом, визитов к родственникам и знакомым. Китайцы тратили за это время все, что было накоплено за предыдущие 11 месяцев. Даже бедняки в течение года пытались скопить хоть что-то для того, чтобы предновогодняя трапеза стала событием в их убогой жизни. Открывались мешочки и сундучки с сухими припасами, детям давали конфеты и орехи, которые в будни предлагались лишь гостям. Уборку дома и приготовление пищи следовало завершить до наступления Нового года. Бытовало поверье, что веником можно вымести счастье, а ножом – обрезать удачу и сократить продолжительность жизни.

Китайцы всегда стремились соединиться с близкими у родного очага. Традиция отмечать Новый год вместе сложилась в Китае в незапамятные времена

и продолжала жить после Синьхайской революции, даже в тяжелые военные годы. Семья собиралась обязательно за круглым столом, демонстрируя единение и общность (игра слов – «круглый» и «единение» по-китайски звучат почти одинаково). В новогоднюю ночь спать не ложились, чтобы не проспать счастье. Злых духов отгоняли пороховыми хлопушками и громкими ударами в барабаны. Китайцы уделяли большое внимание символам в оформлении дома, двора и входных дверей. Новогодний стол – самый главный и важный в году, богатый и разнообразный, также полный символики. В китайской кухне используется не менее 3 тыс. ингредиентов и 40 методов их приготовления. Каждая местность имеет свое коронное блюдо. Крестьяне никогда не забывают о кормилице-земле и ставят на стол печенье квадратной и круглой формы (квадрат – символ Земли, круг – Неба). Для Севера Китая характерны пельмени и *хуньтуни* – символ единения всей семьи, длинная лапша – символ долголетия и другие мучные блюда. На Юге на столе изделия из риса и рисовой муки. Популярное сладкое пирожное называется *няньгао* и звучит очень приятно для уха китайца, потому что напоминает выражение *няньнянь гаошэн*, которое можно перевести как «подниматься все выше год за годом». Неотъемлемый атрибут новогоднего стола – рыба, обычно карп. Это символ достатка и благополучия. Живую рыбу ненадолго ставили на стол, а потом выпускали в реку или колодец. Для водоносов считалось большой удачей зачерпнуть с водой рыбу. После новогоднего ужина начинались поздравления. Младшие поздравляли старших, глава семьи одаривал каждого красным конвертом с деньгами.

Танец дракона во время празднования Нового года по лунному календарю. Далянь. 1937 г.

Первый день Нового года начинался с запуска фейерверков и хлопушек, Их громкий звук и каскад ярких вспышек должны были отпугнуть злых духов и обеспечить семье счастье и благополучие на предстоящий год. На рассвете члены семьи переодевались в новую одежду и обувь, надевали новые головные уборы, молились Небу, Земле и подносили дары духам предков. Среди развлечений были популярны игры в карты, кости, китайские шахматы, *мацзян*, разгадывание шарад и загадок, написание стихов. Дети ходили с зажженными фонариками, играли с воланом (мячик на резинке), бамбуковыми катушками, волчками, запускали воздушных змеев. Последние ассоциировались со зловредными силами, от которых избавлялись, запуская змеев как можно выше в небо. Огромной популярностью пользовались известные с древности ярмарки, проводившиеся на территории храмов. Программа выступлений свидетельствовала о живучести старых традиций: танцы львов, драконов, сценка «сухопутная лодка»,

отрывки из постановок традиционного музыкального театра *цзинцзюй*, кукольные спектакли на темы мифов и сказок, шуточные куплеты – все эти номера на сюжеты древней истории неизменно вызывали интерес публики. Постоянным фоном был грохот барабанов, гонгов и трещоток.

Каждый день первой недели нового года был строго регламентирован. В первый день совершали визиты и принимали гостей. Во второй день женщины навещали родителей. Это был один из редких случаев в году, когда жена могла отлучиться из дома мужа. На второй или третий день посещали храмы, возжигали благовония, били в колокол, испрашивали у богов милости, молились об исполнении желаний. На четвертый день в дом возвращался главный хранитель очага – бог Цзаован. Пятый день считался окончанием основных мероприятий, с семейного алтаря убирали подношения, снимали большинство новогодних украшений в доме. На Севере этот день считался благоприятным для посещения могил предков и моления об урожае.

Накануне Нового года в специализированных магазинах, на уличных развалах продавались парные надписи с пожеланиями благополучия, начертанные черными, красными или золотыми иероглифами в зависимости от фона, а также лубочные новогодние картинки *няньхуа* и оконные картинки *чуанхуа*, которыми заменяли прошлогодние картинки. В 20-е годы выпускали *няньхуа* дидактического содержания, которые наглядно знакомили детей с новогодними обычаями и установленными правилами поведения.

Няньхуа пользовались популярностью и в Особом административном районе, где возник новый стиль, сочетавший приемы гравюры и народного лубка. На состоявшемся в столице Особого района – Яньани совещании работников литературы и искусства (1942 г.) Мао Цзэдун указал, что «искусство должно служить народу, быть понятным ему и отображать то, чем живут массы». Он рекомендовал чаще обращаться к темам трудовых побед и борьбы с врагом, популяризировать отличников труда и героев войны. Директивные документы КПК требовали от профессиональных художников разрабатывать новые подходы к искусству, приближать его к реалиям политической борьбы и агитации. В соответствии с этим указанием мастера создавали гравюры на новые темы: «На защите родины», «Учимся грамоте», «Содружество армии и народа» (1939–1943). Они изготавливались в стиле народного лубка с его традиционной цветовой гаммой, что полностью соответствовало особенностям народного восприятия и душевному состоянию простых людей, ожидавших от праздника яркой красочности, четких образов и ясных благопожеланий радости и счастья. За короткое время новый лубок из Яньани распространился в другие контролируемые КПК районы. Так, в 1945–1949 гг., в Северо-Западном, Северо-Восточном и Восточном Китае было выпущено более 400 наименований новогодних картинок на злободневные темы.

В Особом районе Чуньцзе отмечали ежегодно с обязательными пельменями. После концерта устраивались танцы. Мао Цзэдун, хотя и не умел танцевать, с удовольствием двигался под музыку. Он говорил, что танцы – это ходьба под

музыку. Танцевальные вечера начали проводить с 1937 г. по предложению американской журналистки А.Смедли и с одобрения Мао Цзэдуна. Для Китая это было абсолютно новое явление, о котором ничего не говорилось в традиционном учении о ритуале *ли*. Многие жены высших партийно-армейских руководителей резко выступали против таких развлечений не только потому, что не приветствовали контакты своих мужей с другими женщинами. Их реакция свидетельствовала также и о приверженности конфуцианскому учению о ритуале. Среди ярых противниц танцев была жена Мао Цзэдуна Хэ Цзычжэнь.

Уличный продавец *юаньсяо*. 1931 г.

Руководство КПК в Особом районе отдавало себе отчет в том, что народные праздники были популярны среди масс, и не только не препятствовало встрече Нового года, но и через отделы пропаганды готовило специальные программы, демонстрируя свое уважение к древним традициям, использовало новогодние представления и для развлечения простых людей, и для нужд политической пропаганды среди масс. В новогодних концертах принимали участие преподаватели и студенты Института искусств им. Лу Синя, исполнявшие в основном произведения классического репертуара. В 1943 г. в торжествах в Яньани приняли участие более 20 тыс. крестьян и военнослужащих. В концертную программу помимо привычных номеров вошли народные песни, сценки и танцы, в том числе в стиле старинного хоровода Северной Шэньси – *янгэ*. Включение революционных сюжетов (поддержка армии, подъем общими силами целины, борьба с врагом) в известные фольклорные произведения означало первые шаги на пути идеологизации искусства. В учебных заведениях и армейских частях в Яньани функционировали 27 самодеятельных коллективов, в репертуаре которых было более 150 номеров в этом жанре.

Воодушевленный ростом авторитета народного творчества, крестьянин Ли Ююань, который раньше сочинял частушки только на бытовые темы, обратился в 1944 г. к политической тематике. Он увидел на улице плакат, на котором было написано: «Председатель Мао – спасительная звезда китайского народа». Эту идею Ли Ююань положил в основу стихотворения о Коммунистической партии и ее лидере. Впоследствии композитор Хэ Лутин на слова Ли Ююаня написал музыку песни «Алеет Восток».

Новогодние торжества завершаются в первое полнолуние первого лунного месяца праздником Юаньсяо (*юань* по-китайски – первый, *сяо* – ночь), который отмечается в темное время суток зажженными фонарями, поэтому известен также как праздник Фонарей. Он имеет более публичный характер, чем Новый год, считающийся сугубо семейным, клановым торжеством. Происхождение праздника не установлено, китайские источники не дают на этот счет ясного объясне-

ния. Очевидно, он связан с идеей плодородия, приближающейся весной, несущей тепло и свет, пробуждающей жизненные силы земли. Об этом свидетельствуют многие детали украшения фонарей. Эта же идея заключена в исполняемом в праздник танце с фонарем-драконом, ведь, по народному поверью, «дракон рождает дождь». Люди верили, что на урожай будущего года благоприятно влияют шумные гулянья, поэтому устраивали процессии, хождение на ходулях, выступления в карнавальных костюмах. Хозяева домов заранее готовили фонари самых причудливых форм из бумаги, шелковых и других тканей, бамбука, соломки и вывешивали их перед жилищем. На рыночных площадях проводили выставки фонарей, разгадывали смысл нанесенных на них изображений. Сюжетами этих изображений часто служили сценки из знаменитых театральных пьес. К празднику готовили особое кушанье – шарики из клейкого риса со сладкими начинками: орехами, пастой из соевых бобов, красными финиками. Фарш многократно обваливали в муке из клейкого риса. Благодаря такому способу приготовления у шариков не было швов.

Праздник Фонарей завершал длинные новогодние праздники. Китайцы, пройдя путь от очищения от скверны старого года и задабривания богов и духов до восприятия благоприятных знаков и духовных сил наступающего года, были готовы вступить в новый жизненный цикл.

Следующий календарный праздник – Цинмин, день поминовения усопших. Это единственный традиционный китайский праздник, имеющий установленную дату по григорианскому календарю. Он отмечается 4 (в високосный год) или 5 (в обычный год) апреля. В этот день каждая китайская семья в полном составе посещала могилы родственников и совершала обряд подношения духам предков. Нередко дата посещения кладбища переносилась на другой день апреля, когда все родственники могли собраться вместе, чтобы навести порядок, подсыпать землю, оставить на могильном холме новые искусственные цветы. В качестве подношений приносили вино, печенье, фрукты, сжигали ритуальные деньги, отбивали земные поклоны и молились, потом выпивали вино, съедали продукты и возвращались домой. В Цинмин поминали не только родственников, но и особо почитаемых людей. В годы правления династии Цин было принято посещать могилу легендарного императора Хуанди в уезде Хуанлин пров. Шэньси. По повелению каждого правившего императора избранные высшие сановники отправлялись туда с визитом и в знак почтения предавали земле свои пояса, кнуты и мечи. После Синьхайской революции этот обычай был отменен. Цинмин соединил соблюдение принципа *сяо* (служить родителям при жизни, похоронить их после смерти и приносить жертвы по установленным правилам) с развлечениями и отдыхом. Было принято качаться на качелях, запускать воздушных змеев, гулять по молодой траве и любоваться ивами, которые символизировали женское начало *инь*. Возможно, иероглиф *цин* в значении «молодой», «зеленый» положил начало заложенной Сунь Ятсеном традиции в апреле заниматься озеленением.

На 5-й день 5-го лунного месяца (приблизительно июнь по григорианскому календарю) приходится праздник Дуаньу, который называется также праздником

Двойной Пятерки и праздником Драконовых лодок. Это один из трех самых отмечаемых в Китае праздников наряду с Чуньцзе и праздником Середины осени. Одна из легенд связывает происхождение праздника с именем древнекитайского поэта Цюй Юаня. Именно в этот день он бросился в реку и погиб, отчаявшись добиться справедливого правления в родном княжестве Чу. Он писал: «В душе моей – печаль, досада, горечь, / Несу один невзгоды этих дней, / Но лучше смерть, чтоб навсегда исчезнуть, / Чем примириться с участью такой».

Гонки на драконовых лодках в праздник Дуаньу на р. Хуанпу. 40-е годы

В этот день обменивались подарками, деловые люди совершали расчеты. До наступления праздника во всех коммерческих, промышленных предприятиях и банках заканчивались проверки счетов и подведение балансов. Однако в периоды войн, если боевые действия не позволяли этого сделать, расчеты откладывались до кануна следующего праздника – Середины осени.

Физическое воздействие жары и влажности, буйный рост растительности в период, когда отмечается Дуаньу, наводили китайцев на мысль о том, что любое «слишком» неминуемо ведет к увяданию и немощи, болезням и переменам к худшему. Считается, что в этот период оживают все ядовитые твари. Идея праздника – защититься от них и от воздействия всепроникающих темных сил. В старом Китае в этот день император не занимался государственными делами, никого не принимал, а народ молился и приносил жертвы духам предков. Обычаи вывешивать у ворот пучки трав-оберегов, в первую очередь полыни, надевать детям на шею мешочки-амулеты с ароматными целебными травами, а на руку – браслеты из нитей пяти цветов, прокалывать иглой изображения «пяти ядовитых» (змей, скорпионов, ящериц, жаб и сколопендр) в знак победы над ними появились в Китае в глубокой древности и сохранились в XX в. После Синьхайской революции вошли в моду прогулки в парках, где раньше мог бывать лишь император. Пекинцы устремлялись в Храм Неба, пребывание в парке которого, как верили, могло отвести любые беды.

Корни праздника Дуаньу лежат в Южном Китае. На Севере этот день отмечался немногими церемониями, тогда как в центральных и южных провинциях существовал особый ритуал, включавший заимствованные у коренных народов Юга гонки на Драконовых лодках. Подобные соревнования были опасны, и правительство неоднократно пыталось запретить их. Лодки были большого размера, ярко раскрашенный красно-золотой корпус напоминал тело дракона, нос делали в форме головы дракона, корму – в виде его хвоста. Такая форма избрана не случайно. Дракон – символ удачи и счастья, власти и могущества, общий для

всей китайской нации, воплощение национального духа. Дракон – мифическое животное, состоящее из частей девяти реально существующих животных и птиц: голова как у верблюда, рога как у оленя, глаза как у краба, уши как у коровы, шея как у змеи, живот как у устрицы, чешуя как у рыбы, когти как у орла, лапы как у тигра. На его спине 81 шип, т.е. девятью девять, как подобает воплощению мужского начала *ян*. 3-го и 4-го числа 5-го месяца, перед парадом, разрешалось кататься на лодках ради удовольствия. Старики говорили, что после гонок надо обязательно искупаться в реке или озере, потому что вода стала целебной и поможет излечить или предотвратить любые недуги.

Обрядовая еда праздника Дуаньу – своеобразные пирожки *цзунцзы*. Для их изготовления в бамбуковые, лотосовые или пальмовые листья заворачивали начинку из риса, смешанного со множеством разных ингредиентов, перевязывали веревочками и варили в воде. В разных регионах *цзунцзы* делали разного размера и формы (треугольные, прямоугольные), внутрь помещали разнообразные добавки к рису – мясо, грибы, орехи, бобы.

Китайцы верили, что в 7-й день 7-го лунного месяца в дом приходят феи. Одна из легенд рассказывает о Ткачихе, дочери небесного императора, и Пастухе, который тоже жил на небе, по другую сторону Млечного Пути. Они поженились, но после свадьбы так увлеклись друг другом, что забыли о своих обязанностях. Ткацкий станок простаивал, а скот гулял без присмотра. Небесный Император рассердился и послал сороку сказать молодым, что им дозволено быть вместе только один раз в месяц, но птица перепутала и сказала, что они могут встречаться раз в год. В этот день сороки, чувствуя свою вину, слетаются со всего света и образуют мост, по которому Пастух переходит реку и встречается с любимой. Супруги очень стеснительны, поэтому облака густым слоем закрывают их от глаз смертных. Дождь в эту ночь воспринимается как слезы разлуки.

Этой легенде не менее двух тысяч лет, она передавалась из поколения в поколение, и женщины, следуя примеру бабушек и прабабушек, в XX в., в день «Двойной Семерки», занимались уборкой в доме и сушили одежду. Хозяйки верили, что в этот день не может быть ярких солнечных лучей, которые могли бы испортить одежду и другие предметы домашнего обихода.

В 15-й день 7-го лунного месяца принято совершать подношения «всем душам», в первую очередь «голодным». Открываются двери ада, и все неприкаянные, «голодные» души вырываются на волю. По поверьям китайцев, душа живет своей жизнью, она должна питаться, но принимает подношения только старшего из живущих сыновей. Если жертвоприношения будет совершать дочь умершего, душа не примет их. При невозможности соблюдения данного обряда души остаются голодными, им недоступна вечная жизнь, они могут принести невзгоды живущим. Поэтому совершаются грандиозные подношения, по традиции именуемые «жертвоприношениями». На больших столах выставляются продукты, сжигаются ритуальные деньги, а также макеты домов, садов, мебели, даже автомобилей и самолетов, сделанные из бумаги. Местность пропитывается дымом, через который трудно различить очертания людей и строений. Чтобы от-

править души обратно, делают бумажные кораблики и ночью пускают их по воде с зажженными на них фонарями. Свет указывает душам направление к месту их обитания.

О более чем серьезном отношении китайцев к душе и живучести старинных религиозных представлений свидетельствует эпизод, относящийся к 1948 г. Части НОАК, развивая наступление против гоминьдановских войск, должны были форсировать водную преграду. Однако произошло замешательство, вызванное тем, что солдаты опасались входить в воду. Они боялись, что если они погибнут во время переправы и их тела утонут, то души не найдут упокоения, станут неприкаянными. Политработники приказали бойцам подготовить плавсредства, которые в течение нескольких суток делали из подручного материала, вплоть до бурдюков из шкур лошадей и овец, надутых воздухом. Проблема была решена, в назначенный час переправа началась. Солдаты были абсолютно спокойны, они не боялись погибнуть, но предпочитали в случае кончины быть погребенными в земле, как это было принято в течение многих веков, чтобы родственники могли навещать могилу, ухаживать за ней и таким образом заботиться об их душах.

15-й день 8-го лунного месяца (сентябрь–октябрь) – это праздник Середины осени, праздник плодородия и долголетия. Считается, что в этот день луна достигает наибольшего в году размера и светит ярче, чем в другие полнолуния. Праздник отмечается в ночное время. Этот день никогда не был выходным. Учреждения, магазины и лавки продолжали работать, но в ассортименте торговых заведений происходили изменения. Появлялись фигурки человечков, сидящих в кресле в одежде богов – покровителей чиновников, но с длинными ушами – намек на «лунного зайца», обитателя Луны, которого можно было увидеть только в день этого праздника. Заяц, который готовит эликсир бессмертия, символизирует вечную жизнь и бессмертие. На Луне в этот день можно увидеть и других обитателей: богиню Чан Э, трехлапую жабу, сулящую богатство, старца, соединяющего красной нитью влюбленных, и У Гана, безуспешно пытающегося срубить дерево, которое стремительно восстанавливает ствол с предпоследним ударом топора.

Поскольку Луна символизирует женское начало, то праздник считается женским. В праздник Середины осени повсюду продавали «лунные пряники» – лепешки из муки с разными начинками и рисунком на верхней стороне. Однако многие хозяйки предпочитали делать их своими руками и угощать соседей и друзей. Для изготовления пряников использовали особые деревянные формочки. «Лунные пряники» пекли с начинкой из мяса, семян лотоса, арахиса, соевых бобов. Прежде чем подавать к столу, выставляли во дворе как жертвоприношение Луне (отсюда круглая форма и название). Около домашнего алтаря ставили ароматические палочки и пять полных тарелок фруктов: с дынями, гранатами (пожелание множества детей), яблоками (спокойствие), виноградом (символ плодородия) и персиками (символ долголетия). Праздник Середины осени не самый эффектный и не связан со специальным оформлением, но зато самый романтический из всех. Люди поднимались в горы, гуляли и наслаждались лунным све-

том, слагали стихи. Многие известные поэты посвятили красоте полной луны прекрасные стихи, сочиненные именно в 15-й день восьмой луны.

В 9-й день 9-го лунного месяца (октябрь) отмечается праздник, который остался весьма популярным и после Синьхайской революции, – это возникший более двух тысяч лет назад праздник «Двойной Девятки», или Чунъянцзе. Он праздновался по всему Китаю. Люди поднимались на возвышенности, в этот день все склоны были усеяны любителями пикников. Цифра 9 ассоциируется у китайцев с мужским началом *ян*, а две цифры 9 как «удвоенное мужское начало» стало прекрасным поводом для празднования. Было принято кушать особые цветные пирожные и пить специальный напиток – рисовую водку с лепестками хризантем желтого цвета, чтобы уберечься от разных болезней.

В 1-й день 10-го лунного месяца, накануне наступления зимы, отмечается третий в году «праздник мертвых». На этот раз нужно было позаботиться о теплой одежде для умерших. По поверьям, они тоже мерзнут, поэтому для них готовили сделанные из бумаги вещи, упакованные в свертки с именами получателей. Одежду можно было купить в специальных лавках. Сначала подарки выставляли в доме, потом сжигали на могиле или на открытом месте.

В Китае было много и других праздников. В каждой местности существовали свои боги и богини, дни рождения которых становились памятными датами для определенной группы людей. На территории марионеточного государства Маньчжоу-го как дань традициям Китая монархических времен отмечали дни рождения Пу И и его старшей супруги.

В республиканский период содержание и характер праздников не претерпели кардинальных изменений по сравнению с предшествующими эпохами, хотя в их формах и атрибутике возникли некоторые новые моменты. Это неизбежный результат влияния изменявшейся социально-политической и экономической среды. Тем не менее традиция отмечать в определенной веками последовательности те или иные памятные даты сохранилась в жизни китайского общества.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Приложение 1

Территория. Административно-территориальное деление. Население

После Синьхайской революции – в условиях сложной международной обстановки, незатихающей и острой внутриполитической борьбы, переходившей в вооруженную, войны с Японией и войны гражданской – серьезным испытаниям подверглась территориальная целостность китайского государства, точнее, того пространства, которое досталось республике в наследство от Цинской династии. В 1911 г. Внешняя Монголия (Халха) и Тибет – огромные регионы на севере и юго-западе страны – предприняли попытку получить самостоятельность. В 1912 г. китайские гарнизоны покинули Тибет и вернулись туда только спустя 40 лет, хотя Тибет на протяжении всего этого времени оставался частью Китая. Китайские солдаты ушли из Внешней Монголии, между тем Китайская Республика признала независимость Монголии только в 1946 г. Неспокойно было в Синьцзяне. Маньчжурский вопрос в 1931 г. «решила» Япония, захватив Дунбэй и образовав в марте 1932 г. марионеточное государство Маньчжоу-го, исчезнувшее в августе 1945 г. Ханьские провинции Собственно Китая были охвачены междоусобицами и гражданскими войнами.

Наряду с другими, вышеперечисленные обстоятельства оказывали влияние на размеры территории китайского государства, на характер изменений в административно-территориальном делении страны и направленность этих изменений, на демографическую ситуацию в стране.

К 1949 г. из общей протяженности сухопутных границ страны только примерно половина была определена и установлена договорно-правовыми документами. По данным «Атласа провинций нового Китая», изданного в Нанкине в 1946 г., территория Китая составляла 9,9987 млн. кв. км. До Второй мировой войны она исчислялась в пределах 11,2 млн. кв. км (по данным тайваньских источников, 11,42 млн. кв. км). Сокращение территории было связано, главным образом, с признанием гоминьдановским правительством в 1946 г. независимости МНР.

В период Китайской Республики весьма значительные изменения претерпело территориально-административное деление Китая. Число провинций увеличилось с 23 в 1912 г. до 35 к 1949 г. Однако этот процесс шел неравномерно и касался в первую очередь окраинных районов страны, принципиально не затрагивая Застенный Китай или Собственно Китай, т.е. 18 ханьских провинций.

В первые годы Республики территория страны официально делилась на 22 провинции: Чжили, Фэнтянь, Цзилинь, Хэйлунцзян, Шаньдун, Хэнань, Шаньси, Цзянсу, Чжэцзян, Аньхуэй, Цзянси, Фуцзянь, Хубэй, Хунань, Гуандун, Гуанси, Юньнань, Гуйчжоу, Сычуань, Шэньси, Ганьсу, Синьцзян, а также области (*дифан*) – Внутреннюю и Внешнюю Монголию, Цинхай, Сицзан (Тибет) (административные единицы перечислены в официально принятом в те годы порядке).

Периодом наиболее интенсивного административного дробления Китая стал конец 20-х годов, когда бразды правления страной взял в свои руки Гоминьдан. Серьезные изменения произошли в 1928 г. Они касались переименования городов и провинций. Бэйцзин стал называться Бэйпином. Название сохранилось до сентября 1949 г. Столичная пров. Чжили была переименована в Хэбэй. В 1929 г. пров. Фэнтянь стала называться Ляонин. Однако более важные изменения произошли на севере и юго-западе страны.

Новая власть пошла на реструктуризацию территории Внутренней Монголии, в административно-территориальном отношении региона довольно аморфного. Вопрос о будущем Внешней Монголии, как полагали тогда в Нанкине, «висел в воздухе», хотя территория Халхи вплоть до 1946 г. на китайских картах включалась в территорию республики. В 1928 г. была создана пров. Нинся, в состав которой вошел западный сектор Внутренней Монголии и район Нинся пров. Ганьсу. В том же году из центрального сектора Внутренней Монголии и северо-западного «угла» пров. Шэньси была сформирована пров. Суйюань. В том же 1928 г. была образована пров. Чахар, северную часть которой составил восточный сектор Внутренней Монголии, а южную – часть пров. Хэбэй. Тогда же появилась пров. Жэхэ, некогда главный район охотничьих угодий императоров цинской династии за пределами Великой Китайской стены. Провинция состояла из части Внутренней Монголии и части пров. Хэбэй и располагалась к востоку от пров. Чахар.

Изменения административных границ на юго-западе страны отчасти были связаны с ситуацией в Тибете, который продолжали включать в состав территории Китая, хотя он официально числился в состоянии мятежа. В том же 1928 г. появилась пров. Цинхай площадью свыше 700 тыс. кв. км, которая была составлена из Сининского района, входившего до того в состав пров. Ганьсу, и Цинхайской области (*дифан*). В том же году из западных горных районов пров. Сычуань и Восточного Тибета была сформирована пров. Сикан.

Таким образом, накануне Антияпонской войны 1937–1945 гг. в административно-территориальную структуру республики входили 28 провинций (см. табл. 1), во многом формально, и две области – Внешняя Монголия и Тибет, площадь территории которого исчислялась примерно в 900 тыс. кв. км (см. табл. 1):

Таблица 1

Название провинции	Площадь, тыс. кв. км	Название провинции	Площадь, тыс. кв. км
Цзянсу	105,0	Чжэцзян	101,0
Аньхуэй	143,0	Цзянси	168,0
Фуцзянь	121,0	Гуандун	224,0
Гуанси	220,0	Юньнань	399,0
Гуйчжоу	176,0	Хунань	215,0
Хубэй	184,0	Хэнань	170,0
Хэбэй	140,0	Шаньдун	152,0
Шаньси	162,0	Жэхэ	192,0
Чахар	259,0	Суйюань	304,0
Ляонин	322,0	Цзилинь	322,0
Хэйлунцзян	450,0	Нинся	302,0
Шэньси	195,0	Ганьсу	381,0
Цинхай	728,0	Сычуань	404,0
Сикан	473,0	Синьцзян	1 642,0

В этой и других таблицах административные единицы перечислены в официально принятом в те годы порядке; данные о размерах территории провинций взяты из сборника «Китай». М.–Л., 1940.

Новое территориально-административное деление было введено Нанкинским правительством уже в 1946 г., после окончания Второй мировой войны. Ему предшествовали изменения в территориально-административной структуре в 1931–1945 гг., когда существенная часть территории страны находилась под контролем Японии, которая активно занималась территориально-административным устройством, особенно во Внутренней Монголии и Маньчжурии. Япония инициировала учреждение все новых и новых административных единиц. Так, в 1932 г. в состав Маньчжоу-го вошли не только три северо-восточные провинции Ляонин, Цзилинь и Хэйлунцзян, но и пров. Жэхэ, а также прилегающие части провинций Чахар и Хэбэй. Площадь Маньчжоу-го, по японским данным, превышала 1,3 млн. кв. км.

В 1939 г. была создана так называемая автономная монгольская территория Мэнцзян. Ее площадь равнялась примерно 500 тыс. кв. км. В Мэнцзян вошли провинция Чахар, занятые Японией районы пров. Суйюань и северные части провинций Хэбэй и Шаньси. Еще одна монгольская автономия, так называемая объединенная Сианьская провинция, была создана в составе Маньчжоу-го. Параллельно с этими процессами Япония одну за другой учреждала новые провинции в самой Маньчжурии: только на территории провинций Ляонин, Цзилинь и Хэйлунцзян их максимальное число доходило до 19 единиц.

Как зафиксировано в «Атласе провинций нового Китая», территория страны в 1946 г. делилась на 35 провинций и одну область (см. табл. 2).

Таблица 2

Название провинции	Площадь, кв. км	Название провинции	Площадь, кв. км
Цзянсу	108 916	Ляонин	69 900
Чжэцзян	102 237	Цзилинь	112700
Аньхуэй	140687	Хэйлунцзян	167 300
Цзянси	172 494	Хэцзян	110 100
Фуцзянь	118739	Сунцзян	88 700
Гуандун	221 307	Нэньцзян	69 200
Гуанси	221 321	Синъань	249 100
Юньнань	420 466	Аньдун	68 200
Гуйчжоу	176 481	Ляобэй	89 000
Хунань	205 590	Нинся	274 910
Хубэй	185 364	Шэньси	188 861
Хэнань	167 100	Ганьсу	391 500
Хэбэй	140 258	Цинхай	697 194
Шаньдун	146 190	Сычуань	375 541
Шаньси	156 420	Сикан	427 068
Жэхэ	192 000	Синьцзян	1 828 400
Чахар	278 000	Тайвань	35 900
Суйюань	347 529	область Сицзан (Тибет)	1 205 700

Как следует из табл. 2, по сравнению с прежним территориально-административным делением произошли существенные изменения. Республиканское правительство в 1946 г. официально признало независимость Внешней Монголии. После 50 лет японской оккупации пров. Тайвань вернулась в состав Китая. На месте прежних трех северо-восточных провинций было образовано 9 новых административных единиц.

Эпоха Гоминьдана заканчивалась. Коммунистическая партия Китая стремительно шла к верховной власти, внося коррективы в территориально-административное деление страны. Существенным импульсом в формировании новой территориально-административной структуры на Северо-Востоке явилось освобождение Красной армией в августе 1945 г. Маньчжурии.

Еще до провозглашения 1 октября 1949 г. образования КНР, в 1947 г., была создана автономная область Внутренняя Монголия. В ее состав вошла западная часть пров. Хэйлунцзян, почти вся пров. Ляобэй, небольшая часть пров. Ляонин, ряд районов пров. Жэхэ, а также значительная часть пров. Чахар. В апреле 1949 г. было создано Народное правительство Дунбэя. Северо-Восток страны был разделен на 6 провинций: Ляодун, Ляоси, Цзилинь, Сунцзян, Хэйлунцзян, Жэхэ. В августе 1949 г. на севере Китая, на территориях ряда уездов провинций Хэбэй, Шаньдун, Хэнань и Шаньси, появилась новая крошечная пров. Пинъюань.

Имеющиеся сведения о численности населения Китая в республиканский период противоречивы. Проводившиеся переписи населения были неполными. Перепись, запланированная при Цинском правительстве (предполагалось провести ее в два этапа: 1909–1910 гг. – подсчет числа домохозяйств; 1911–1912 гг. – поголовный учет жителей), была прервана Синьхайской революцией. Республиканское правительство предприняло попытку ее завершить, однако данные вновь оказались неполными и недостоверными. Итоговая цифра составила 347 (по другим данным, 368,147) млн. человек.

Данные о численности населения приводили также некоторые ведомства. Так, по оценке почтового ведомства, в 1920 г. население Китая составило 425,160 млн. человек. По данным управления морских таможен, население страны в 1923 г. насчитывало 444,968 млн. человек. Не представила точных данных и перепись 1928–1929 гг., организованная гоминьдановским правительством. Итоги переписи были опубликованы в 1931 г.: сначала появилась цифра 478,8 млн. человек, через несколько месяцев она была скорректирована до 452,8 млн. человек (по другим данным, 441,850 млн. человек). Позже министерство внутренних дел публиковало следующие данные о численности населения страны: на 1934 г. – 466,3 (463,8; 463,4) млн. человек, на 1936 г. – 479,1 млн. человек.

Учет населения существенно затрудняла внутриполитическая ситуация в стране. После захвата Японией Маньчжурии и развязывания широкомасштабной агрессии этот учет еще более осложнился. В ряде регионов Китая переписи вообще не проводились. Например, в Маньчжурии первая перепись населения состоялась только в 1940 г.

На 1945–1946 гг. «Атлас провинций нового Китая» определял население страны в 460 млн. человек. Следует отметить, что эта цифра является весьма приблизительной. Ввиду недостаточности контроля гоминьдановского правительства над территорией страны, особенно в провинциях Северного Китая и Дунбэя – Шаньси, Ляонин, Цзилинь, Хэйлунцзян, Хэцзян, Сунцзян, Нэньцзян, Синъань, Аньдун, Ляобэй, Жэхэ, Чахар, а также в Синьцзяне, на Тайване и в Цинхае (итого – в 15 административных единицах), и использования при проведении переписи округленных данных Нанкинское правительство не получило точных сведений о численности и размещении населения.

Согласно статистике, появившейся уже в КНР, численность населения Китая на 1949 г. составляла 547,167 млн. человек.

Приложение 2
Хронологическая таблица

1912 год

1912–1928	Китай под властью бэйянских (северных) милитаристов.
1 января	Провозглашение в Нанкине Китайской Республики, объявление Сунь Ятсена (Сунь Исяня) временным президентом КР.
3 января	Образование республиканского Нанкинского временного правительства КР.
28 января	Создание и созыв высшего временного законодательного органа Китайской Республики – Временного Национального собрания в Нанкине.
Январь	Создание Партии единства (Тунъидан).
12 февраля	Эдикт об отречении императора Сюаньтуна (Пу И) от престола. Падение династии Цин и монархии в Китае.
13 февраля	Сложение Сунь Ятсеном перед Национальным собранием своих полномочий временного президента КР.
14 февраля	Принятие Временным Национальным собранием отставки Сунь Ятсена.
15 февраля	Избрание Национальным собранием Юань Шикая временным президентом КР.
10 марта	Обнародование в Нанкине Временной конституции КР.
29 марта	Формирование Юань Шикаем нового правительства.
1 апреля	Издание Сунь Ятсеном своего последнего указа о сложении с себя функций временного президента КР.
5 апреля	Решение Национального собрания о переносе столицы в Пекин и переезде правительства в Пекин.
29 апреля	Открытие сессии Национального собрания в Пекине.
Май	Образование Республиканской партии во главе с Ли Юаньхуном (Гунхэдан).
8 июня	Утверждение пятицветного государственного флага.
10 августа	Принятие закона о Национальном собрании (парламенте), предусматривавшего его двухпалатную структуру и определявшего многоступенчатую систему выборов.
25 августа	Реорганизация Объединенного союза (Тунмэнхуэй), создание на его основе партии Гоминьдан (Национальной партии) во главе с Сунь Ятсеном.
Август	Создание Демократической партии (Миньчжудан) во главе с Тан Хуалуном.
14 октября	Образование Всекитайской компании железных дорог, назначение Сунь Ятсена ее генеральным директором.

1913 год

10 января	Указ Юань Шикая о созыве Национального собрания.
Февраль – начало марта	Выборы в Национальное собрание. Получение Гоминьданом большинства голосов.
20 марта	Покушение на Сун Цзяожэня – лидера парламентского большинства, претендовавшего на пост премьер-министра (умер 22 марта).
8 апреля	Открытие первой сессии Национального собрания КР.
27 апреля	Соглашение Юань Шикая с консорциумом западных банков (Англия, Франция, Германия, Россия) о получении займа на сумму 25 млн. ф. стерлингов в целях усиления бэйянской армии.
Май	Признание Китайской Республики со стороны США.
	Образование Прогрессивной партии из Демократической, Республиканской партий и Партии единства (Тунъидан).
6 мая	Указ Юань Шикая «Об искоренении беспорядков и умиротворении» и переход к репрессиям против республиканцев, прежде всего против отдельных деятелей Гоминьдана.
Май	Выступление южан против стремления Юань Шикая к установлению военной диктатуры.
15 мая	Лишение Хуан Сина Юань Шикаем звания генерала армии.
Июнь	Издание Юань Шикаем указа об отставке трех губернаторов провинций – членов Гоминьдана.
Июль–сентябрь	«Вторая революция». Поражение народных движений и вооруженных выступлений на Юге страны в поддержку демократических завоеваний Синьхайской революции.
7 сентября	Создание Гражданской партии (Гунминьдан) во главе с Ли Цинфаном – опоры Юань Шикая в парламенте.
11 сентября	Формирование кабинета министров во главе с Сун Силинем.
15 сентября	Уведомление об аресте Сунь Ятсена, Хуан Сина, Ли Лецзюня, Ляо Чжункая и других членов Гоминьдана.
4 октября	Закон о выборах президента.
6 октября	Избрание Юань Шикая постоянным президентом Китайской Республики.
Октябрь	Признание Китайской Республики со стороны Англии, России, Японии, Германии, Франции, Австро-Венгрии.
4 ноября	Указ Юань Шикая о роспуске Гоминьдана и лишении членов Гоминьдана депутатских мест в Национальном собрании.

1914 год

1914–1918 гг.	«Движение за новую культуру» под лозунгом «борьба за науку и демократию». Интеллектуальный взрыв в сферах культуры, языка, общественной мысли; поворот к «раскрепощению сознания».
10 января	Роспуск Юань Шикаем парламента, прекращение деятельности обеих палат.
28 февраля	Указ Юань Шикая о роспуске провинциальных собраний.
1 мая	Отмена Временной конституции 1912 г. и принятие новой Конституции КР, направленной на усиление личной власти президента.

8 июля	Создание Сунь Ятсеном в Японии глубоко законспирированной Китайской революционной партии (Чжунхуа гэминдан).
6 августа	Объявление Китаем о нейтралитете в Первой мировой войне.
28 августа	Высадка японской армии в провинции Шаньдун.
7 ноября	Падение Циндао, установление японского контроля над территорией Шаньдуна.

1915 год

18 января	Предъявление Японией Китаю «21 требования».
9 мая	Принятие Юань Шикаем значительной части японских требований. «День национального позора».
25 мая	Подписание КР неравноправного договора с Японией, по существу удовлетворявшего «21 требование», а также ряда дополнительных протоколов.
Ноябрь–декабрь	Организация Юань Шикаем крупномасштабных петиционных кампаний и «референдумов» в провинциях страны в поддержку монархического строя.
11–12 декабря	Решение Центральной совещательной палаты (Цаньчжэнъюань) об учреждении конституционной монархии. Ее обращение к Юань Шикаю с просьбой о восшествии на трон.
19–25 декабря	Восстание в Юньнани против Юань Шикая; антимонархические выступления лидеров южных провинций в защиту республики. Провозглашение независимости пров. Юньнань.

1916 год

Январь–март	Рост антимонархического движения в стране. Победа революционного Юга над войсками Юань Шикая.
22 марта	Отказ Юань Шикая от восстановления монархии.
Май	Провозглашение Федерации независимых провинций на Юге Китая.
6 июня	Кончина Юань Шикая.
7 июня	Вступление Ли Юаньхуна в должность президента КР.
9 июня	Опубликование Сунь Ятсеном манифеста в поддержку Временной конституции 1912 г.
29 июня	Указ Ли Юаньхуна о восстановлении Временной конституции 1912 г. и последующем созыве парламента старого состава.
1 августа	Созыв старого парламента 1913 г.
Сентябрь	Утверждение парламентом состава правительства во главе с премьером Дуань Цижуем – главой аньхуэйской группировки милитаристов.

1917 год

1917–1919	Создание Сунь Ятсеном фундаментального труда «Программа строительства страны», состоящего из трех книг – «Духовное строительство (Учение Сунь Вэня)» (1918), «Материальное строительство

	(Промышленный план)» (1919), «Социальное строительство (Первые шаги народовластия)» (1917).
Май–июль	Политический кризис и новая попытка монархического переворота, организованного Чжан Сюнем – сторонником Юань Шикая и губернатором пров. Аньхуэй. Поддержка переворота Кан Ювэем.
1 июля	Провозглашение Чжан Сюнем восстановления монархии во главе с бывшим императором Пу И.
12 июля	Подавление монархического путча Дуань Цижуем. Восстановление полномочий Дуань Цижуя как премьер-министра.
14 августа	Объявление правительством Дуань Цижуя войны Германии.
Середина августа	Возвращение Сунь Ятсена в Гуанчжоу.
25 августа	Открытие в Гуанчжоу чрезвычайной сессии «старого» парламента. Усиление противостояния республиканского Юга и консервативного Севера.
10 сентября	Провозглашение Сунь Ятсена генералиссимусом. Создание Военного правительства КР в Гуанчжоу во главе с Сунь Ятсеном, Лу Жунтином и Тан Цзияо.
3 декабря	Обращение СНК ко всем трудящимся мусульманам России и Востока.
27 декабря	Запрет Пекинского правительства на вывоз продовольствия в Советскую Россию.
1917–1918	Военные столкновения между бэйянскими и юго-западными военно-политическими группировками.

1918 год

Март	Отзыв Пекинским правительством китайского посланника из Советской России.
18 мая	Преобразование правительства генералиссимуса Сунь Ятсена в правительство «Генеральной директории» в составе семи лидеров, включая Сунь Ятсена.
Август	Открытие «дуцзюньского парламента» и избрание президентом Сюй Шичана.
Октябрь	Телеграмма Сунь Ятсена В.И.Ленину, в которой приветствовалась Октябрьская революция в России (отправлена из Шанхая через Канаду).
2 декабря	Решение Президиума ВЦИК о прекращении взимания с Китая сумм, причитающихся в виде «военного вознаграждения» по Заключительному протоколу 1901 г.

1919 год

1919–1920	Распространение научного социализма в Китае. Возникновение в Китае обществ (кружков) по изучению марксизма.
18 января 1919 г. – 21 января 1920 г.	Парижская мирная конференция по итогам Первой мировой войны.
30 апреля	Принятие Парижской мирной конференцией решения о передаче Японии всех прав Германии на Шаньдун.

4 мая	Студенческая демонстрация в Пекине против решения Парижской мирной конференции о передаче Шаньдуна Японии. Начало массового патриотического «движения 4 мая» – переломного момента на пути возрождения китайской нации.
Июнь	Вовлечение в движение широких социальных слоев, участие в «движении 4 мая» более 100 городов в 20 провинциях страны. Массовые забастовки рабочих в Шанхае, Нанкине, Тяньцзине, Ухани и других городах.
16 июня	Создание Всекитайского студенческого союза.
28 июня	Подписание странами Антанты и Германией Версальского мирного договора.
25 июля	Обращение СНК РСФСР к китайскому народу и правительствам Южного и Северного Китая с изложением основ советской внешней политики (отказ от неравноправных договоров, признание равноправия Китая и т.д.).
Август	Выход Сунь Ятсена из правительства «генеральной директории» и возвращение в Шанхай в связи с конфликтом с гуансийским генералом Лу Юнтином.
10 октября	Реорганизация Китайской революционной партии (Чжунго гэминдан) в Национальную партию Китая (Чжунго Гоминьдан).

1920 год

1920–1922	Создание коммунистических ячеек во Франции (Париже), Бельгии, Германии.
1920–1923	Переписка дипломатов и представителей советского правительства (Г.В.Чичерин, А.А.Иоффе, Л.М.Карахан) с Сунь Ятсеном о внутри- и внешнеполитической ситуации в Китае. Обсуждение форм сближения и взаимодействия между РКП(б) и Коминтерном, с одной стороны, Сунь Ятсеном и Гоминьданом – с другой.
Апрель	Прибытие в Китай из Владивостока первой группы российских коммунистов во главе с Г.Н.Войтинским.
6 апреля 1920 г. – 13 ноября 1922 г.	Создание и деятельность Дальневосточной Республики (ДВР) как «буферного» буржуазно-демократического государства, через которое в обстановке международного непризнания и гражданской войны Советская Россия проводила внешнеполитический курс на Дальнем Востоке.
1 мая	Первые маевки в Шанхае, Пекине, Гуанчжоу.
Июнь	Создание в Шанхае первой в Китае коммунистической группы с Чэнь Дусю в качестве ее секретаря.
Июнь	Вступление Китая в Лигу Наций.
19 июля – 7 августа	II конгресс Коминтерна. Принятие конгрессом «Тезисов по национальному и колониальному вопросам» (28 июля) и «Дополнительных тезисов по национальному и колониальному вопросам» (29 июля).
Июль–август	Свержение чжилийской и фэнтяньской кликами правительства Дуань Цижуя и создание правительства Цао Куня.

30 августа	Роспуск аньфуистского правительства и восстановление полномочий парламента 1912 г.
23 сентября	Указ президента Китая о прекращении действия полномочий российского посланника и консулов досоветской России в качестве официальных представителей России в Китае.
Осень	Журнал «Синь циннянь» стал органом шанхайских марксистов.
26 октября	Освобождение Гуанчжоу от власти гуансийской клики гуандунской армией тогдашнего сторонника Сунь Ятсена Чэнь Цзюнмина; возвращение Сунь Ятсена в Гуанчжоу в качестве главы Кантонского (Гуанчжоуского) правительства.
1 ноября	Назначение временным военным правительством Гуанчжоу Чэнь Цзюнмина губернатором и главнокомандующим армией Гуандуна.
7 ноября	Выход первого номера журнала «Гунчаньдан» – нелегального органа марксистского кружка в Шанхае и газеты «Лаодун инь» в Пекине.

1921 год

1921–1923	Неоднократные попытки Советского правительства начать переговорный процесс с КР с целью возобновления дипломатических и торговых отношений между странами.
Весна	Открытие в Шанхае школы русского языка.
Начало года	Командирование школой русского языка на учебу в КУТВ первой группы студентов (34 человека).
Апрель	Избрание Сунь Ятсена президентом Китайской Республики на сессии парламента, заседавшего в Гуанчжоу.
23 июля – 5 августа	I Всекитайский съезд Коммунистической партии Китая в Шанхае.
11 августа	Учреждение в Шанхае Всекитайского секретариата профсоюзов (ВСП).
28 августа	Письмо Сунь Ятсена народному комиссару по иностранным делам РСФСР Г.В.Чичерину о стремлении китайского народа к установлению дружеских отношений с Советской Россией.
12 ноября 1921 г. – 6 февраля 1922 г.	Вашингтонская конференция девяти держав – США, Великобритании, Франции, Японии, Италии, Бельгии, Голландии, Португалии и Китая.

1922 год

12 января – 8 марта	Сянганская стачка моряков и портовых рабочих против иностранных судоходных компаний и английских колониальных властей.
Январь	Стачка текстильщиков в Чанша.
21 января – 2 февраля	I съезд народов Дальнего Востока. Принятие курса на создание «единого фронта» коммунистического и национально-революционного движений, а для Китая – на развитие контактов Коминтерна и КПК с Гоминьданом.
3 февраля	Указ Сунь Ятсена о начале Северного похода.

4 февраля	Японо-китайское соглашение о частичном возвращении прав Китая на Шаньдун.
6 февраля	Вашингтонская конференция. Договор девяти держав о политике в отношении Китая, в основе которого лежала договоренность держав о совместной эксплуатации Китая на основе принципа «открытых дверей».
Апрель–май	Первая чжили (У Пэйфу)-фэнтяньская (Чжан Цзолинь) война. Победа чжилийской группировки. Уход Чжан Цзолиня в Маньчжурию.
1–6 мая	I Всекитайский съезд профсоюзов (Гуанчжоу).
5–10 мая	I съезд Социалистического союза молодежи Китая (ССМК) в Гуанчжоу. Образование ССМК.
Июнь	Создание по предложению Чжоу Эньлая и Чжао Шияня Коммунистической партии китайской молодежи, проживающей в Европе.
15 июня	Переворот Чэнь Цзюнмина в Гуанчжоу и свержение правительства Сунь Ятсена. Бегство Сунь Ятсена из Гуанчжоу в Шанхай.
Июнь	Провозглашение Чжан Цзолинем автономии Трех Северо-Восточных провинций.
Июль	Забастовка металлистов в Ханькоу.
16–23 июля	II Всекитайский съезд Коммунистической партии Китая в Шанхае. Принятие программы-минимум. Решение о вступлении КПК в Коминтерн в качестве одной из его секций.
Август	«Инструкция» Исполкома Коминтерна (ИККИ) об «индивидуальном вступлении коммунистов в Гоминьдан» при сохранении их членства в КПК.
Август	Заявление Пекинского парламента о ликвидации южного правительства «защиты конституции».
Октябрь	Вступление Коммунистической партии китайской молодежи, проживающей в Европе, в ССМК.
5 ноября – 5 декабря	IV конгресс Коминтерна (проходил в Петрограде, затем в Москве). Рекомендовал КПК реализацию тактики единого фронта с Гоминьданом в борьбе с «мировым империализмом».
20 декабря	Просьба Сунь Ятсена к советской стороне о поддержке его политики на Юге Китая, выраженная в письме к полпреду РСФСР в КР А.А.Иоффе.

1923 год

1922–1923	Разработка Сунь Ятсеном и его соратниками совместно с представителями КПК и Коминтерна в Китае курса на реорганизацию Гоминьдана и подготовка созыва I съезда Гоминьдана.
Январь	Организация первого в Китае крестьянского союза в уезде Хайфэн (пров. Гуандун).
26 января	Коммюнике Сунь Ятсена – А.А.Иоффе (полномочный представитель СССР в Китае).
4–9 февраля	Забастовка рабочих Пекин-Ханькоуской железной дороги.

8 марта	Решение Политбюро ЦК РКП(б) об оказании финансовой поддержки Сунь Ятсену, а также о направлении в Гуанчжоу политических и военных советников.
18 марта	В Москву для учебы в КУТВ выехали 12 членов Коммунистического союза китайской молодежи, проживающей в Европе.
21 февраля	Формирование Сунь Ятсеном правительства в Гуанчжоу.
27 марта	Антияпонские студенческие демонстрации в Пекине, Тяньцзине, Шанхае, Ханькоу и др. городах. Начало кампании бойкота японских товаров.
1 мая	Телеграмма советского правительства, извещавшая Сунь Ятсена о готовности поддержать Гоминьдан.
9 мая	Антиимпериалистические демонстрации в крупных городах Китая.
12–20 июня	III Всекитайский съезд КПК в Гуанчжоу. Решение о вступлении членов КПК в Гоминьдан с сохранением их членства в КПК.
Сентябрь	Формирование Временного ЦИК Гоминьдана с участием коммунистов.
2 сентября – 29 ноября	Визит военной делегации Кантонского (Гуанчжоуского) правительства во главе с начальником Генерального штаба армии Чан Кайши (Цзян Цзеши) в Москву.
Сентябрь	Прибытие в Пекин дипломатической миссии СССР во главе с Л.М.Караханом.
6 октября 1923 г. – 27 июля 1927 г.	Деятельность в Гуанчжоу М.М.Бородина в качестве главного политического советника при Сунь Ятсене, после смерти Сунь Ятсена – при Политсовете Гоминьдана.
25 ноября	Учредительное собрание европейского отделения Гоминьдана (Лион).
28 ноября	Резолюция Президиума ИККИ по вопросу о национально-освободительном движении в Китае и о партии Гоминьдан.

1924 год

20–30 января	I съезд Гоминьдана в Гуанчжоу. Принятие Манифеста и Программы. Курс на превращение Гоминьдана в «партию действия».
25 января	Телеграмма Сунь Ятсена по случаю смерти Ленина.
29 марта	Расстрел полицией студенческой демонстрации в Пекине.
3 мая	Назначение Чан Кайши начальником школы Хуанпу и главнокомандующим Гуандунской армией.
31 мая	Подписание «Соглашения об общих принципах для урегулирования вопросов между Союзом ССР и Китайской Республикой». Обмен нотами об установлении дипломатических отношений между СССР и КР.
16 июня	Открытие военной школы Хуанпу (Вампу).
30 июня	Решение ЦИК Гоминьдана об организации курсов крестьянского движения.
3 июля	Начало работы курсов крестьянского движения в Гуанчжоу.
18 сентября	Декларация [Гоминьдана] о походе на Север.
Сентябрь	Вторая война между чжилийской и фэнтяньской милитаристскими кликами. Отход Фэн Юйсяна от У Пэйфу.

20 сентября	Подписание в Шэньяне «Соглашения между правительством Советского Союза и правительством Автономных Трех Северо-Восточных провинций Китайской Республики о КВЖД, судоходстве, редемаркации границы, тарифах и торговле».
10–15 октября	Мятеж «бумажных тигров» в Кантоне.
Конец октября	Поражение У Пэйфу во второй чжили-фэнтяньской войне и государственный переворот Фэн Юйсяна в Пекине. Формирование правительства Дуань Цижуя на Севере.
10 ноября	Манифест [Гоминьдана] «К походу на Север».
Ноябрь 1924 г. – январь 1925 г.	Поездка Сунь Ятсена из Кантона (Гуанчжоу) в Пекин для участия в работе Совещания по реорганизации с представительством военных и политических сил для выработки пути объединения страны.
Декабрь	Прибытие Сунь Ятсена в Пекин. Его болезнь.

1925 год

1924–1925	Мероприятия Кантонского правительства в областях военной реформы, централизации налоговой и административной системы, социальной политики.
11–22 января	IV Всекитайский съезд КПК в Шанхае.
Февраль	Массовые забастовки на японских текстильных предприятиях в Шанхае.
1 февраля	Открытие в Пекине Совещания по реорганизации. Принятие им решения о создании комиссии по подготовке проекта конституции; разработка правил выборов в Национальное собрание, которые так и не состоялись.
11 марта	«Завещание» (Сунь Ятсена); его «Послание Советскому Союзу».
12 марта	Смерть Сунь Ятсена.
13 марта	Телеграмма соболезнования ЦК РКП(б) по случаю смерти Сунь Ятсена.
Апрель–май	Массовые забастовки на японских текстильных фабриках в Циндао.
1–7 мая	II Всекитайский съезд профсоюзов в Гуанчжоу. Создание Всекитайской федерации профсоюзов (ВФП).
30 мая	«События 30 мая». Расстрел англо-американской полицией демонстрации китайских рабочих и студентов Шанхая. Начало подъема национального антиимпериалистического движения во всем Китае.
6–12 июня	Мятеж юньнаньских и гуансийских милитаристов в Гуанчжоу.
7 июня	Создание Объединенного комитета рабочих, торговцев и студентов как органа единого демократического фронта.
19 июня 1925 г. – 10 октября 1926 г.	16-месячная Гонконг-Кантонская антиимпериалистическая забастовка.
1 июля	Создание Национального правительства в Гуанчжоу как альтернативного Пекинскому и реорганизация вооруженных сил в НРА. Закон об организации Национального правительства.
20 августа	Убийство в Гуанчжоу соратника Сунь Ятсена Ляо Чжункая.
1 октября – ноябрь	Второй Восточный поход НРА и завершение в целом создания Гуандунской революционной базы.
10 октября	Открытие в Пекине музея Гугун.

23 ноября – 5 декабря	Конференция правых гоминьдановцев (сишаньцев).
Ноябрь–декабрь	Борьба Фэн Юйсяна с Чжан Цзолинем. Выступление Го Сунлина против Чжан Цзолиня.
Декабрь	Занятие Пекина войсками Национальной армии Фэн Юйсяна.

1926 год

1–19 января	II съезд Гоминьдана в Гуанчжоу. Корректировка программы I съезда Гоминьдана.
Январь–апрель	Серия поражений Национальных армий Фэн Юйсяна от чжилифэнтяньских войск.
Февраль–апрель	Визит в Китай военно-политической комиссии Политбюро ЦК ВКП(б) во главе с членом ЦК и Оргбюро ЦК ВКП(б), начальником Политуправления РККА А.С.Бубновым.
18 марта	Митинг и демонстрация протеста жителей Пекина по призыву профсоюзов и студенческих организаций, с участием Гоминьдана и КПК, направленные против интервенционистской политики империалистических держав. Расстрел демонстрантов охранными войсками.
20 марта	Военно-политический переворот Чан Кайши в Гуанчжоу как проявление внутрипартийного кризиса в Гоминьдане и противоречий в отношениях с коммунистами и представителями КИ в Китае. «События 20 марта».
Конец марта	Преодоление кризиса в Гоминьдане с помощью военно-политической комиссии ПБ ЦК ВКП(б).
Март	Переход на сторону Кантонского правительства генерала Тан Шэнчжи, бывшего сторонника У Пэйфу.
15 апреля	Вытеснение 1-й Национальной армии Фэн Юйсяна из Пекина армиями Чжан Цзолиня и У Пэйфу при поддержке японской военщины.
20 апреля	Первый Всекитайский съезд крестьянства в Гуанчжоу.
15–22 мая	II пленум ЦИК Гоминьдана 2-го созыва, укрепление позиций военных в руководстве Гоминьдана.
4–6 июля	Чрезвычайный пленум ЦИК Гоминьдана (Гуанчжоу). Решение о начале революционной войны против северных милитаристов.
Июль 1926 г. – апрель 1927 г.	Первый этап Северного похода НРА.
9 июля	Манифест главнокомандующего НРА Чан Кайши о начале Северного похода против северных милитаристов.
Сентябрь–октябрь	Разгром основных сил У Пэйфу в Хубэе. Взятие войсками НРА трехградья Ухань.
Сентябрь 1926 г. – апрель 1927 г.	Пребывание в СССР видного руководителя Гоминьдана и Национального правительства Шао Лицзы – сначала в качестве личного представителя Чан Кайши, с ноября – как представителя ЦИК Гоминьдана.
Октябрь	Крестьянские восстания в провинциях Хунань и Хубэй.

16–26 октября	Конференция ЦИК Гоминьдана с участием представителей провинциальных и особых городских комитетов Гоминьдана, а также представителей его зарубежных организаций.
Ноябрь	Разгром Национально-революционной армией войск генерала Сунь Чуанфана.
22 ноября – 16 декабря	VII расширенный пленум ИККИ. Резолюция по вопросу о положении в Китае (16 декабря). Пересмотр ряда принципиальных решений II конгресса Коминтерна.
26 ноября	Решение Политсовета Гоминьдана о перенесении столицы из Гуанчжоу в Ухань.
13 декабря	Учреждение в Учане Временного объединенного совета ЦИК и Национального правительства как единого руководящего партийно-правительственного органа.
Декабрь 1926 г. – январь 1927 г.	Переезд части членов ЦИК Гоминьдана и Национального правительства в Ухань и углубление процесса размежевания в Гоминьдане. Обострение отношений между Чан Кайши и политическим советником ЦИК Гоминьдана, представителем ИККИ в Китае М.М.Бородиным.
Осень 1926 г. – апрель 1927 г.	Подъем рабочего и крестьянского движения.

1927 год

4 января	Захват трудящимися и войсками НРА английских концессий в Ханькоу.
7–8 января	Захват трудящимися и войсками НРА английских концессий в Цзюцзяне.
Февраль–март	Организация Шанхайским советом профсоюзов ряда забастовок и восстаний.
Март	I съезд крестьянских союзов пров. Хубэй. Опубликование работы Мао Цзэдуна «Доклад об обследовании крестьянского движения в провинции Хунань».
10–17 марта	III пленум ЦИК Гоминьдана 2-го созыва (Ханькоу). Некоторое ослабление власти Чан Кайши над НРА и его влияние в Гоминьдане.
21–22 марта	Победоносное вооруженное восстание рабочих Шанхая против милитаристских войск Сунь Чуаньфана.
22 марта	Вступление НРА в Шанхай. Разоружение рабочих пикетов частями НРА.
23 марта	Занятие частями НРА города Нанкин.
24 марта	Обстрел Нанкина военными кораблями США и Англии. Создание в Ухани правительства левых гоминьдановцев с участием коммунистов.
6 апреля	Налет жандармерии Чжан Цзолиня на помещения полпредства (посольства) СССР в Пекине и консульства СССР в Тяньцзине.
11 апреля	Ультиматум Англии, США, Франции, Японии и Италии Национальному правительству в Ухани в связи с антииностранными выступлениями.

12 апреля	Вооруженное подавление Чан Кайши рабочего движения и коммунистических организаций в Шанхае.
12–15 апреля	Проведение НРА карательных акций в Нанкине, Ханчжоу, Нинбо, Аньцине, Фучжоу, Гуанчжоу.
15 апреля	Переворот Ли Цзишэня в Гуанчжоу.
18 апреля	Учреждение Чан Кайши в Нанкине Национального правительства. Начало двоевластия (Ухань и Нанкин).
20 апреля	«Декларация ЦИК КПК в связи с репрессиями Чан Кайши против революционных масс» – призыв к развертыванию «крестьянской революции».
21 апреля	Возобновление Северного похода Уханьским правительством и Фэн Юйсяном.
27 апреля – 9 мая	V Всекитайский съезд КПК в Ухани.
28 апреля	Казнь в Пекине 25 коммунистов во главе с Ли Дачжао.
Май–июнь	Генеральские мятежи против Уханьского правительства – Ян Сэня в Сычуани, Ся Доуина в Хубэе, Сюй Кэсяна в Чанша, Чжу Пэйдэ в Наньчане.
30 мая	Директива Политбюро ЦК ВКП(б), ориентировавшая представителей КИ в Китае и ЦК КПК на осуществление в Ухани государственного переворота.
31 мая	Захват японскими войсками Циндао.
14 июня	Забастовка рабочих и демонстрация в Ухани.
19 июня	Заявление Фэн Юйсяна о разрыве с Уханьским правительством и присоединении к Чан Кайши.
12 июля	Реорганизация ЦК КПК. Отстранение Чэнь Дусю от обязанностей Генерального секретаря.
15 июля	Решение ЦИК Гоминьдана о прекращении сотрудничества с КПК.
19 июля	Приказ Военного совета Уханьского правительства о запрете деятельности КПК в армии.
21 июля	Решение Политбюро ЦК ВКП(б) об отзыве советских советников из армии Ухани и о немедленном отъезде М.М.Бородина в Москву.
25 июля	Меморандум генерала Танака Гиити.
1 августа	Наньчанское восстание. Начало гражданской войны между Гоминьданом и КПК. День основания Рабоче-крестьянской Красной армии Китая.
3 августа	Всеобщая политическая забастовка уханьских рабочих против террора со стороны реакционных сил.
5 августа	Решение уханьского Гоминьдана о прекращении сотрудничества с КПК. Переход Гоминьдана к репрессиям против коммунистов.
7 августа	Чрезвычайное совещание ЦК КПК в Ханькоу (Августовское совещание). Курс на крестьянские восстания «Осеннего урожая».
12 августа	Отставка Чан Кайши с поста главнокомандующего армией, его отъезд из Нанкина.
19 августа	Решение о переезде Уханьского правительства в Нанкин.
Август–декабрь	Восстания «Осеннего урожая». Получение КПК первого опыта в создании Советов и строительстве коммунистических вооруженных сил.

Сентябрь	Сближение между Уханью и Нанкином и образование объединенного правительства.
Ноябрь 1927 г. – февраль 1928 г.	Существование первого советского района – Хайлуфэнского.
10 ноября	Возвращение Чан Кайши в Китай.
10 декабря	Назначение Чан Кайши главнокомандующим НРА.
11–13 декабря	Кантонская коммуна. Создание советского правительства. Подавление восстания.
13 декабря	Налет гоминьдановской полиции на консульство СССР в Гуанчжоу.

1928 год

1928–1930	Период создания революционных баз на периферии и строительства вооруженных сил КПК, предшествовавший образованию крупных советских районов.
Февраль	Решение IV пленума ЦИК Гоминьдана 2-го созыва об образовании нового Национального правительства во главе с Тань Янькаем. Чан Кайши занял пост главы Военного совета.
Апрель	Возобновление Северного похода. Борьба Нанкинского правительства с Чжан Цзолинем. Создание Цзинганшаньской революционной базы.
4 июня	Гибель Чжан Цзолиня.
Июнь	Вступление НРА в Тяньцзинь.
8 июня	Вступление НРА в Пекин (Бэйцзин). Завершение Северного похода.
17 июня	Вступление маршала Чжан Сюэляна, сына Чжан Цзолиня, в должность губернатора пров. Фэнтянь.
18 июня – 11 июля	VI Всекитайский съезд КПК (село Первомайское Наро-Фоминского района Московской области). Противоречивость решений. Ориентация на развитие движения под лозунгом Советов.
20 июня	Переименование Пекина (Бэйцзин) в Бэйпин.
22 июля	Восстание в Пинцзяне под руководством Пэн Дэхуая, создание советского правительства.
Вторая половина года	Признание США, Англией, Францией, Германией, Италией, Швецией, Бельгией, Данией, Испанией, Голландией, Португалией, Грецией, Норвегией таможенной автономии Китая.
3 октября	Принятие Постоянным комитетом Политбюро ЦИК Гоминьдана Программы политической опеки.
10 октября	Официальное провозглашение Нанкинского правительства как общекитайского Национального правительства во главе с Чан Кайши. Признание де-юре Нанкинского правительства иностранными державами.
1 ноября	Создание Центрального банка Китая.
ноябрь	Учреждение в Шанхае сторонниками Ван Цзинвэя «Общества единомышленников по реорганизации Китайского Гоминьдана».
Декабрь	Соединение 4-го и 5-го корпусов Красной армии в горах Цзинганшань.
29 декабря	Признание милитаристами Трех Северо-Восточных провинций и пров. Жэхэ власти Нанкинского правительства. Относительная централизация Китая.

1929 год

1929–1930	Создание советских районов в провинциях Фуцзянь, Цзянси и Хунань.
Весна–лето	Усиление работы по подготовке военных кадров для КПК на территории Китая и в вузах СССР.
Март	Признание власти Гоминьдана духовным и светским правителем Тибета Далай-ламой XIII.
15–28 марта	III съезд Гоминьдана в Нанкине. Принятие Программы политической опеки.
27 мая	Налеты китайской полиции на генеральные консульства СССР в Харбине и других городах.
10–11 июля	Захват северо-восточными милитаристами КВЖД.
Июль–декабрь	Советско-китайский конфликт на КВЖД.
17 июля	Нота НКИД об отзыве дипломатических, консульских и торговых представителей СССР из Китая.
Август	Война Чан Кайши против Янь Сишаня и Фэн Юйсяна.
Ноябрь	Организация рабоче-крестьянского правительства Пограничного района Цзянси–Чжэцзян–Фуцзянь.
15 ноября	Исключение Чэнь Дусю из КПК на заседании ПБ ЦК КПК.
3 декабря	Подписание в Никольске (Уссурийске) с властями Трех Северо-Восточных провинций Протокола о восстановлении нормального положения на КВЖД.
22 декабря	Подписание в Хабаровске советско-китайского Протокола о восстановлении нормального положения на КВЖД.

1930 год

1930-е годы	Проведение нанкинским Национальным правительством протекционистской политики в экономике, торговле, налоговой сфере.
2 марта	Создание Лиги левых писателей в Шанхае.
8 апреля	Возвращение Китаю Вэйхайвэя, находившегося в аренде у Великобритании.
Апрель–сентябрь	Выступления блока северных милитаристов во главе с Фэн Юйсяном и Янь Сишанем против Чан Кайши.
6 мая	Признание Японией таможенной независимости Китая.
Май	Первая конференция представителей советских районов Китая. Выдвижение задачи подготовки и проведения всеобщего вооруженного восстания.
Июнь–сентябрь	Господство в КПК авантюристической линии Ли Лисаня.
Июль	Аграрный закон нанкинского правительства, ограничивший, в частности, ставку арендной платы до 37,5% урожая.
Август–сентябрь	Поражение авантюристического курса лилисаневского руководства КПК по захвату крупных городов страны.
24–28 сентября	III пленум ЦК КПК 6-го созыва. Критика ошибок левого уклона, представляемого Ли Лисанем, решение об отмене всекитайского восстания.
Ноябрь 1930 г. – январь 1931 г.	Первый карательный поход Чан Кайши против Центрального советского района и других советских районов.

1931 год

Январь	Заявление Ван Цзинвэя в Гонконге/Сянгане о роспуске объединения «реорганизационистов».
1 января	Отмена лицзиня.
7–10 января	IV пленум ЦК КПК 6-го созыва. Осуждение «линии Ли Лисаня» как ошибочной и выведение его из состава ЦК. Активное участие Дальневосточного бюро ИККИ в подготовке пленума.
15 января	Создание Центрального бюро ЦК КПК Центрального советского района (пров. Цзянси).
28 февраля	Арест гоминьдановскими властями Ху Ханьминя.
1 марта	Создание в Шанхае Китайского общества языка и литературы.
Март–май	Второй карательный поход армии Чан Кайши против Центрального советского района.
Май	Провозглашение Временной конституции КР периода политической опеки и Закона об организации Национального правительства.
28 мая	Создание в Гуанчжоу второго Национального правительства в составе военных лидеров Гуандуна и Гуанси, реорганизационистов, правых гоминьдановцев.
1 июля – сентябрь	Третий карательный поход армии Чан Кайши против Центрального советского района.
18 сентября	Начало японской агрессии в Северо-Восточном Китае.
19 сентября	Захват японской армией Шэньяна, Чанчуня и Аньдуна.
22 сентября	Резолюция временного ЦК КПК «О событиях, связанных с захватом японским империализмом Маньчжурии».
25 сентября	Совместное обращение правительств революционных баз с призывом оказать сопротивление японской агрессии.
Октябрь	Освобождение Ху Ханьминя. Его отъезд сначала в Шанхай, затем – в Гонконг/Сянган.
7–20 ноября	I Всекитайский съезд представителей советских районов в Жуйцзине. Провозглашение КСР. Принятие проекта Конституции КСР и других законодательных актов. Создание Временного правительства КСР.
12–23 ноября	IV съезд Гоминьдана в Нанкине.
27 ноября	Избрание Мао Цзэдуна председателем ЦИК КПК и председателем Временного правительства КСР.
10 декабря	Резолюция Лиги наций о создании Комиссии Литтона.
17 декабря	Расстрел полицией массовой антияпонской демонстрации в Нанкине.

1932 год

Январь	Ван Цзинвэй – глава Исполнительного юаня. Захват японскими войсками Цзиньчжоу.
Январь–февраль	Героическая защита Шанхая 19-й армией и добровольческими отрядами.
5 февраля	Захват Харбина японскими войсками.
1–6 марта	II пленум ЦИК Гоминьдана 4-го созыва. Назначение Чан Кайши председателем Военного совета.

9 марта	Создание Японией марионеточного государства Маньчжоу-го. Переименование Чанчуня в Синьцзин.
5 апреля	Объявление правительством Центрального Советского района войны Японии.
5 мая	Заключение перемирия в Шанхае между КР и Японией. Вывод частей 19-й армии из Шанхая.
26 июня	Начало советско-китайских переговоров в Женеве о восстановлении дипломатических отношений.
Июнь 1932 г. – февраль 1933 г.	Четвертый карательный поход Чан Кайши против революционных баз, расположенных на стыке провинций Хубэй–Хэнань–Аньхуэй–Хунань.
30 июля	Китай впервые принимает участие в X Олимпийских играх и посылает единственного спортсмена – Лю Чанчуня.
12 декабря	Восстановление дипломатических отношений между СССР и Нанкинским правительством.
17 декабря	Создание Китайской лиги защиты прав человека.

1933 год

Январь 1933 г. – июнь 1935 г.	Издание Ху Ханьминем в Гонконге/Сянгане журнала «Три народных принципа» (Саньминьчжуи).
	Создание Ху Ханьминем партии Новый Гоминьдан с отделениями в разных городах.
3 января	Захват японскими войсками Шаньхайгуаня.
Январь	Создание революционной опорной базы Сычуань-Шэньси.
	Переезд Политбюро временного ЦК КПК из Шанхая в Жуйцзинь.
21 февраля	Вторжение японских войск в пров. Жэхэ.
Март	Отдельные успехи Красной армии в борьбе против четвертого карательного похода.
Апрель	Вторжение японских войск в пров. Хэбэй.
26 мая	Создание в Чжанцзякоу Объединенной антияпонской армии под командованием Фэн Юйсяна и Цзи Хунчана.
31 мая	Соглашение Национального правительства КР с Японией в Тангу (превращение северо-восточной части пров. Хэбэй в демилитаризованную зону, вывод войск Чжан Сюэляна из Хэбэя).
Сентябрь	Начало пятого карательного похода Чан Кайши против революционных опорных баз.
Ноябрь	Восстание 19-й армии генерала Цай Тинкая против нанкинского правительства.
Ноябрь 1933 г. – январь 1934 г.	«Фуцзяньские события». Первый опыт военного давления на Нанкин с целью сформировать антияпонский единый фронт.

1934 год

22 января – 1 февраля	II Всекитайский съезд советов в Жуйцзине.
Февраль	Образование советского правительства на территории восточной части пров. Фуцзянь.

19 февраля	Чан Кайши в Наньчане декларирует начало «движения за новую жизнь».
1 марта	Изменение названия Маньчжоу-го на Маньчжурскую империю (Маньчжоу диго). Провозглашение Пу И императором под девизом правления Кандэ.
Апрель	Поражение Красной армии в противостоянии пятому карательному походу.
Июнь	Создание революционной опорной базы в районе на стыке провинций Хунань–Хубэй–Сычуань–Гуйчжоу.
15 июля	Манифест Рабоче-крестьянской Красной армии о «походе на Север для отпора Японии».
1 сентября	Открытие обсерватории Цзыцзиньшань.
Сентябрь	Решение секретариата ЦК КПК о выходе из окружения и об отступлении из Центрального советского района.
10 октября	Начало Великого похода Красной армии.
21 октября	Прорыв Красной армией первой линии блокады.
5–8 ноября	Прорыв Красной армией второй линии блокады.
13–15 ноября	Прорыв Красной армией третьей линии блокады.
27 ноября – 1 декабря	Прорыв Красной армией четвертой линии блокады.
31 декабря 1934 г. – 1 января 1935 г.	Заседание Политбюро ЦК КПК в Хоучане (пров. Гуйчжоу). Решение о форсировании реки Уцзян и создании опорной базы Сычуань–Гуйчжоу с центром в Цзуньи.

1935 год

15–17 января	Совещание Политбюро ЦК КПК в Цзуньи. Анализ военной политики КПК и начало процесса сплочения руководства КПК вокруг Мао Цзэдуна. Возвышение Мао Цзэдуна в партии и армии.
Апрель	Образование Китайского философского общества.
Июнь	Соединение главных сил Красной армии близ Чэнду с частями Красной армии, находившимися в Сычуани.
25 июля – 21 августа	VII конгресс Коминтерна. Провозглашение политики антиимпериалистического единого фронта в колониальных и полуколониальных странах Востока в связи с усилившейся империалистической экспансией. Курс на расширение единого фронта.
1 августа	Делегация КПК в ИККИ совместно с Исполкомом Коминтерна подготовила и обнародовала от имени КСР и ЦК КПК «Обращение ко всему народу Китая о сопротивлении Японии и спасении Родины» («Обращение 1 августа»).
Октябрь	Обнародование «трех принципов Хирота», нацеленных Японией на подрыв легитимности Национального правительства Китая.
20 октября	Прибытие Красной армии в Ваяобао (Шэньси). Завершение Великого похода протяженностью в 25 тыс. ли.
Ноябрь	Введение в стране официальной валюты (*фаби*). Стабилизация денежного обращения.
12–23 ноября	V съезд Гоминьдана в Нанкине. Критика японофильства Ван Цзинвэя и укрепление позиций Чан Кайши.

9 декабря	Антияпонская студенческая демонстрация в Бэйпине. Начало патриотического «движения 9 декабря».
17–25 декабря	Расширенное заседание ПБ ЦК КПК в Ваяобао.
Конец 1935 г. – первая половина 1936 г.	Установление тесных контактов ЦК КПК с офицерами Северо-Восточной армии и ее командующим Чжан Сюэляном.

1936 год

20 февраля	Начало Восточного похода 1-го фронта Красной армии.
21 февраля	Циркулярная телеграмма Центрального правительства КСР в Нанкин, в провинции и воинские части Китая с предложением созыва Всекитайской конференции за сопротивление Японии и спасение Родины, учреждение правительства национальной обороны и создание объединенной антияпонской армии.
Июнь	Образование Всекитайской ассоциации национального спасения.
1 августа	Отъезд первой команды Китая для участия в XI Олимпийских играх в Берлине.
25 августа	Публикация открытого письма ЦК КПК к Гоминьдану с предложением создать единый национальный антияпонский фронт.
Сентябрь	Относительно мирное упразднение фактической самостоятельности провинций Гуандун и Гуанси.
Октябрь	Вторжение японских войск в провинцию Суйюань.
9 октября	Соединение 1-го, 2-го и 4-го фронтов Красной армии в Ганьсу.
4 декабря	Прибытие Чан Кайши в Сиань с целью организации наступления против Пограничного района Шэньси–Ганьсу–Нинся.
7 декабря	Объединение 1-го и 2-го фронтов Красной армии, образование Центрального РВС, избрание Мао Цзэдуна его председателем.
12 декабря	Арест Чан Кайши Чжан Сюэляном и Ян Хучэном. Сианьский инцидент.
14 декабря	Публикация в «Правде» передовой статьи «События в Китае». Осуждение действий Чжан Сюэляна.
15 декабря	Прибытие в Сиань делегации КПК во главе с Чжоу Эньлаем.
16 декабря	Срочная телеграмма Секретариата ИККИ в ЦК КПК с рекомендацией конкретных условий мирного урегулирования конфликтной ситуации с Чан Кайши.
24 декабря	Приказ Чан Кайши о прекращении гражданской войны и реорганизации правительства.

1937 год

Середина января	Переезд руководящих органов КПК из Баоани в Яньань.
14 февраля	Телеграмма ЦК КПК в адрес III пленума ЦИК Гоминьдана с предложением прекратить гражданскую войну и организовать сопротивление японской агрессии.
15–25 февраля	III пленум ЦИК Гоминьдана 5-го созыва выразил готовность организовать борьбу с японской агрессией и прекратить гражданскую войну с КПК.

Февраль–июнь	Переговоры КПК и Гоминьдана о сотрудничестве в Антияпонской войне.
7 июля	Начало войны Сопротивления Японии, «события у моста Лугоуцяо».
8 июля	Обращение ЦК КПК к различным организациям, армиям, Гоминьдану, Национальному правительству, Военному совету, ко всем соотечественникам с призывом создания в стране единого фронта общенациональной войны Сопротивления Японии и установления сотрудничества между Гоминьданом и Компартией.
15 июля	Декларация ЦК КПК об установлении сотрудничества между Гоминьданом и КПК (передана представителям Гоминьдана 17 июля).
29 июля	Захват японскими войсками Бэйпина.
30 июля	Захват японскими войсками Тяньцзиня.
12 августа	Назначение Чан Кайши Верховным главнокомандующим сухопутными, морскими и военно-воздушными силами КР, председателем Военного совета. Учреждение Высшего совета национальной обороны.
21 августа	Подписание в Нанкине Договора о ненападении между СССР и Китайской Республикой.
22 августа	Преобразование Китайской рабоче-крестьянской красной армии в 8-ю армию НРА.
22–25 августа	Расширенное заседание ПБ ЦК КПК в Лочуани. Обсуждение вопроса о тактике ведения войны с Японией.
25 августа	Приказ о переименовании Китайской рабоче-крестьянской Красной армии в 8-ю армию Национально-революционной армии.
11 сентября	Приказ Военного комитета Нанкинского правительства о переименовании 8-й армии НРА в 18-ю армейскую группировку в составе 2-го военного района.
22 сентября	Опубликование Чан Кайши Декларации ЦК КПК о сотрудничестве Гоминьдана и Компартии Китая от 15 июля 1937 г.
23 сентября	Заявление Чан Кайши об образовании единого антияпонского фронта всех политических партий страны и установлении сотрудничества КПК и Гоминьдана.
25 сентября	Поражение, нанесенное японским войскам 8-й армией НРА под Пинсингуанем.
12 октября	Преобразование частей Красной армии, действовавших в Центральном и Южном Китае, в Новую 4-ю армию НРА.
3–24 ноября	Брюссельская конференция по вопросу о японской агрессии в Китае.
11 ноября	Захват японскими войсками Шанхая.
20 ноября	Заявление правительства о перенесении столицы из Нанкина в Ухань.
13 декабря	Захват японскими войсками Нанкина.

1938 год

10 января	Конференция народных представителей пограничного района Шаньси–Хэбэй–Чахар.

Январь	Утверждение «Программы реорганизации Военного совета», согласно которой Военный совет получил всю полноту исполнительной власти в чрезвычайный период.
1 марта	Предоставление СССР Китаю кредита на сумму 50 млн. долларов.
29 марта – 1 апреля	Чрезвычайный съезд Гоминьдана в Учане. Выработка национальной политики «сопротивления и реконструкции». Решение о создании Национального политического совета как консультативного органа.
4 апреля	Открытие Юго-Западного университета в Куньмине.
Апрель	Поражение японских войск под Тайэрчжуаном.
Май–июнь	Обсуждение на Президиуме ИККИ (Москва) доклада Жэнь Биши о положении в стране и задачах КПК.
Середина июня	Поддержка И.В.Сталиным и руководством ИККИ кандидатуры Мао Цзэдуна на пост генерального секретаря ЦК КПК.
1 июля	Предоставление СССР Китаю кредита на сумму 50 млн. долларов.
6 июля	Открытие первой сессии Национального политического совета Китая.
Июль–август	Японская провокация на советской территории и разгром японских войск у озера Хасан.
Сентябрь	Доклад Мао Цзэдуна на VI расширенном пленуме ЦК КПК 6-го созыва «Место Компартии Китая в национально-освободительной войне». Выдвижение им тезиса о необходимости «китаизации марксизма».
22 октября	Захват японскими войсками Гуанчжоу.
27 октября	Захват японскими войсками Ухани. Переезд правительства в Чунцин.
1 ноября	Обращение Чан Кайши к китайскому народу с призывом продолжить войну Сопротивления до победного конца.
18 декабря	Бегство Ван Цзинвэя из Чунцина.
22 декабря	Заявление премьер-министра Японии принца Коноэ Фумимаро о «трех принципах урегулирования японо-китайских отношений».
Декабрь	Предоставление правительству Чан Кайши двух займов: США на сумму 25 млн. долларов и Англией на сумму 10 млн. ф. стерлингов.

1939 год

1 января	Исключение Ван Цзинвэя из Гоминьдана.
10 февраля	Оккупация японскими войсками острова Хайнань.
Февраль	Выдвижение Мао Цзэдуном курса «опоры на собственные силы», на «самообеспечение» Особого района Шэньси–Ганьсу–Нинся.
29 марта	Захват японскими войсками Наньчана.
28 мая – 15 сентября	Поражение японских войск в сражении с советскими войсками на территории МНР в районе р. Халхин-Гол.
13 июня	Подписание в Москве Договора между правительствами СССР и КР о реализации кредита на сумму 150 млн. долларов.
14 июня	Начало блокады японскими войсками английской и французской концессий в Тяньцзине.
16 июня	Подписание торгового договора между СССР и Китаем.

11 августа	Подписание протокола уполномоченными правительств СССР и КР о строительстве в Урумчи самолетосборочного завода; частичная эксплуатация предприятия с 1 октября 1940 г.
Сентябрь	Создание советско-китайской авиакомпании «Хами-Ата» (пров. Синьцзян).
Декабрь	Изложение Мао Цзэдуном новой концепции «новодемократической революции» как особого этапа в развитии освободительного движения Китая в статье «Китайская революция и Коммунистическая партия Китая».
Конец 1939 г.	Первый серьезный конфликт между подразделениями НРА и военными силами, контролируемыми КПК (в пров. Шаньси).

1940 год

В течение года	Введение в действие на контролируемой Национальным правительством территории бюрократической «триединой системы» управления и партийного контроля.
15 января	Опубликование работы Мао Цзэдуна «О новой демократии».
17 января	Обращение правительства КР к Советскому правительству с просьбой направить в Китай военных советников – специалистов по разным родам войск.
7 марта	Предоставление США Китаю займа на сумму 20 млн. долларов.
30 марта	Создание в Нанкине марионеточного Национального правительства во главе с Ван Цзинвэем.
17 июля	Англо-японское соглашение о закрытии на три месяца Бирманско–Юньнаньской дороги.
20 августа – 5 декабря	«Битва 100 полков».
27 сентября	Подписание в Берлине Тройственного пакта о военном союзе между Германией, Италией и Японией, признававшего установление Японией «нового порядка» в Восточной Азии.
24 октября	Совместное обращение дипломатических представительств Германии, Италии и правительства Петэна к Чан Кайши с предложением заключить мир с Японией.
30 ноября	Договор между Японией и правительством Ван Цзинвэя, предоставлявший Японии преимущественные права в Китае.
1 декабря	Предоставление правительством США Китаю займа на сумму 100 млн. долларов.

1941 год

6 января	Нападение гоминьдановских войск на части Новой 4-й армии на юге провинции Аньхуэй–Южноаньхуэйский инцидент.
Февраль	Завершение строительства самолетосборочного завода в Урумчи.
19 марта	Создание Лиги демократических организаций Китая.
13 апреля	Подписание И.В.Сталиным и Мацуока Ёсукэ пакта о нейтралитете между СССР и Японией.
6 мая	Заявление президента Рузвельта о распространении на Китай действия закона о ленд-лизе.

22 июня	Нападение Германии на СССР.
23 июня	Решение ЦК КПК «О международном едином фронте борьбы против фашизма».
2 июля	Заявление правительства Чан Кайши о разрыве дипломатических отношений с Германией и Италией и присоединении Китая к антифашистскому блоку государств.
3 июля	Решение Политбюро ЦК ВКП(б) отпустить ИККИ «один миллион американских долларов для оказания помощи ЦК Компартии Китая».
21 июля	Телеграмма Чан Кайши Сталину о поддержке СССР в связи с агрессией нацистской Германии и с пожеланием полной победы в войне с ней.
15 августа	Начало наступления японских войск на освобожденный район Шаньси–Хэбэй–Чахар.
25 ноября	Продление на 5 лет Антикоминтерновского пакта, присоединение к нему режима Ван Цзинвэя.
7 декабря	Нападение Японии на Перл-Харбор, начало Тихоокеанской войны.
8 декабря	Объявление США и Англией, затем «Свободной Францией» и эмигрантским правительством Голландии войны Японии.
9 декабря	Объявление Китаем войны Германии и Италии.
10 декабря	Объявление Китаем войны Японии.
25 декабря	Захват японскими войсками Гонконга/Сянгана.
26 декабря	Договор о военном союзе между Китаем, Великобританией и США.

1942 год

1 января	Принятие ООН Декларации о борьбе с фашизмом. Подписана 26 государствами, в том числе КР.
Февраль 1942 г. – 1943 г.	Широкомасштабная кампания в КПК «по исправлению стиля» (*чжэнфэн*). Идеологические проработки партийцев.
Апрель–октябрь	Конфликт местных властей Синьцзяна с советскими представителями. Отзыв из Синьцзяна всех работавших там советских военных и гражданских специалистов, демонтаж и вывоз оборудования, принадлежавшего СССР.
5 мая	Вступление в силу Закона о всеобщей мобилизации, направленного на усиление государственного контроля в сферах экономики и общественной жизни.
28 мая	Выступление Мао Цзэдуна на совещании по вопросам литературы и искусства в Яньани.
Декабрь	Массовое движение за развитие производства в освобожденных районах под лозунгами «развивать экономику, обеспечить снабжение».

1943 год

9 января	Заявление Японии об отказе от прав экстерриториальности в Китае и о передаче японских и других иностранных концессий правительству Ван Цзинвэя.
14–24 января	Англо-американская конференция в Касабланке с участием Китая.
Середина года	Решение Москвы отозвать всех своих военных советников из Китая.

Начало июля	Возникновение взрывоопасной ситуации в едином фронте. Переброска семи лучших дивизий НРА к границам Особого района. Минометные обстрелы передовых постов войск КПК.
Июль	Начало процесса конструктивного обсуждения дипломатами СССР и США ситуации вокруг взаимодействия Гоминьдана и КПК в стремлении недопущения гражданской войны в Китае, чреватой капитуляцией КР перед Японией.
11–24 августа	Англо-американская конференция в Квебеке с участием Китая.
19–30 октября	Подписание на конференции министров иностранных дел в Москве Китаем, наряду с СССР, США и Англией, «Декларации по вопросу о всеобщей безопасности» и выдвижение Китая в число мировых великих держав.
22–26 ноября	Конференция представителей США, Англии и Китая в Каире.
28 ноября – 1 декабря	Тегеранская конференция.

1944 год

1944–1945	Обострение внутрипартийной борьбы в Гоминьдане.
Январь–декабрь	Развертывание силами 8-й и Новой 4-й армий планомерного наступления против японской армии по всему фронту освобожденных районов.
2 мая	Начало переговоров между представителями КПК и Гоминьдана по урегулированию условий сотрудничества между партиями.
21 мая 1944 г. – 20 апреля 1945 г.	VII расширенный пленум ЦК КПК. «Решение по некоторым вопросам истории партии».
18 июня	Занятие японскими войсками Чанша.
Июль–ноябрь	Пребывание в Яньани союзнической миссии наблюдателей (так называемая «миссия Дикси») во главе с полковником Д.Барретом (США) для координации военных действий НРА с вооруженными силами КПК.
21 августа – 7 октября	Международная конференция в Думбартон-Оксе. Участие КР в разработке устава ООН.
19 сентября	Преобразование Лиги демократических организаций в Демократическую лигу Китая.
24 сентября	Выступление демократических деятелей в Чунцине за создание коалиционного правительства.
Сентябрь	Первый съезд Демократической лиги Китая.
5 ноября	Телеграмма президента США Рузвельта Чан Кайши с требованием изменения политики КР в направлении демократизации режима и продолжения переговорного процесса с КПК.
7 ноября	Прибытие в Яньань по просьбе Чан Кайши и по приглашению Мао Цзэдуна генерал-майора П.Хэрли – личного представителя Ф.Рузвельта – для переговоров с руководством КПК. Разработка при активном участии П.Хэрли Проекта договора между Национальным правительством, Гоминьданом и КПК, направленного на объединение Китая и демократизацию режима.

10 ноября	Письмо Мао Цзэдуна Ф.Рузвельту с выражением благодарности за его усилия в деле демократии, борьбы с Японией и объединения всего Китая.
Ноябрь	Несогласие Чан Кайши с содержанием упомянутого Проекта договора и его отклонение. Провал посреднической миссии П.Хэрли.

1945 год

15 января	Декларация Демократической лиги Китая с требованием немедленного созыва конференции представителей всех партий для создания коалиционного правительства.
4–12 февраля	Ялтинская конференция руководителей СССР, Великобритании и США.
2 апреля	Выступление П.Хэрли на пресс-конференции в госдепартаменте США с заявлением об отказе США от сотрудничества с КПК и о поддержке предложения Чан Кайши созвать Национальное собрание на условиях Гоминьдана.
5 апреля	Денонсация правительством СССР пакта о нейтралитете между СССР и Японией.
23 апреля – 11 июня	VII Всекитайский съезд КПК в Яньани. Принятие «новодемократической программы» и нового устава партии. Провозглашение идей Мао Цзэдуна идеологической основой КПК. Концентрация власти в руках Мао Цзэдуна. I пленум ЦК КПК 7-го созыва, расширенное совещание ПБ ЦК КПК (август 1945 г.).
25 апреля – 26 июня	Конференция в Сан-Франциско с участием Китая.
5–21 мая	VI съезд Гоминьдана в Чунцине. Принятие «Программы промышленной реконструкции», «Программы земельной политики», «Программы крестьянской политики».
17 июля – 2 августа	Потсдамская (Берлинская) конференция СССР, США и Великобритании.
8 августа	Объявление правительством СССР войны Японии.
9 августа	Начало наступления Советской армии на Северо-Востоке Китая против японской армии.
10 августа	Переход 8-й и Новой 4-й армий в генеральное наступление против японской армии.
14 августа	Договор о дружбе и союзе между СССР и Китайской Республикой. Соглашения о Китайской Чанчуньской железной дороге, Люйшуне и Даляне (Порт-Артуре и Дальнем).
15 августа	Эдикт японского императора Хирохито о прекращении военных действий и безоговорочной капитуляции Японии.
22 августа	Телеграмма И.В.Сталина в адрес ЦК КПК о недопустимости развязывания в Китае гражданской войны.
25 августа	«Декларация КПК о текущем моменте» – основа для переговоров Компартии с Гоминьданом.
Август 1945 г. – март 1947 г.	Переговорный процесс между Гоминьданом и КПК.
Август	Возобновление правительством США прерванного в апреле 1945 г. посредничества в переговорах между Гоминьданом и Компартией.

2 сентября	Правительство Японии подписало Акт о безоговорочной капитуляции Японии.
Сентябрь–ноябрь	Передача советской стороной вооруженным силам КПК в Дунбэе (Маньчжурии) имущества и вооружения японской армии.
Октябрь	Начало вывода советских войск из Северо-Восточного Китая.
10 октября	Подписание «Протокола о переговорах между правительством КР и представителями КПК» (Соглашение о перемирии). Направлен на прекращение военных столкновений между войсками Гоминьдана и КПК и демократизацию гоминьдановского режима.
15 декабря	Декларация президента США Г.Трумэна о политике США по отношению к Китаю.
16–26 декабря	Московское совещание министров иностранных дел СССР, США и Великобритании. Принятие ряда решений по Дальнему Востоку. Заявление трех держав о невмешательстве в дела Китая.
Конец декабря 1945 г. – начало января 1946 г.	Визит в СССР личного представителя Чан Кайши, его сына Цзян Цзинго. Беседы И.В.Сталина с Цзян Цзинго 30 декабря 1945 г. и 3 января 1946 г. Подтверждение И.В.Сталиным позиции невмешательства СССР во внутренние дела КР.

1946 год

1 января	Создание КПК в Дунбэе Объединенной демократической армии.
5 января	Признание правительством Китайской Республики независимости Монгольской Народной Республики.
7 января	Письмо Мао Цзэдуна И.В.Сталину с подтверждением демократической направленности политики КПК и выражением озабоченности в связи со стремлением США укреплять позиции Гоминьдана.
Начало января	Создание по предложению посредника на переговорах Гоминьдана и КПК от США Дж.Маршалла Комитета трех (Маршалл, Чжоу Эньлай, Чжан Цюнь) по наблюдению за предотвращением гражданской войны, а также Исполнительного штаба из представителей командования трех сторон.
10 января	Подписание Чжоу Эньлаем и Чжан Цюнем Соглашения о прекращении военных столкновений в стране и Извещения о приказе относительно прекращения военных столкновений и восстановления транспортных связей.
10–31 января	Политическая консультативная конференция в Чунцине. Принятие ПКК пяти резолюций, в том числе резолюции о проекте конституции и о реорганизации правительства.
25 февраля	Подписание Чжан Чжичжуном, Чжоу Эньлаем и Маршаллом «Базового проекта по вопросу переформирования войск и организационного объединения частей КПК с армией Гоминьдана». Наивысшая положительная точка переговорного процесса.
1–17 марта	II пленум ЦИК Гоминьдана 6-го созыва. Победа «непримиримого» крыла Гоминьдана.
3 мая	Завершение вывода советских войск с территории Северо-Восточного Китая.

4 мая	Закрытая партийная директива ЦК КПК («Указания от 4 мая»). Радикализация аграрной политики. Курс на фактическую экспроприацию земли и даже всего имущества у помещиков и кулаков.
5 мая	Возвращение гоминьдановского правительства в Нанкин.
25 мая	Начало наступления гоминьдановской армии против частей НОА в Северо-Восточном Китае.
29 апреля	Новая версия Аграрного закона 1930 г. Нарушение гармонии между сельскими собственниками, сельскими эксплуататорами и гоминьдановским режимом.
Июнь	Начало широкомасштабной гражданской войны.
26 июня	Наступление гоминьдановской армии против частей НОА на Центральной равнине.
12 июля	Наступление гоминьдановской армии на освобожденный район на севере провинции Цзянсу.
22 июля	Заявление Сун Цинлин, вдовы Сунь Ятсена, разоблачившей курс Гоминьдана на срыв договоренностей с КПК. Меморандум министерства иностранных дел КР о награждении китайскими орденами группы лиц командного состава советских войск, ранее дислоцированных в Дунбэе.
11 октября	Занятие войсками Гоминьдана Чжанцзякоу.
15 ноября	Созыв Гоминьданом Национального собрания на собственных условиях.
16 ноября	Оглашение Чжоу Эньлаем официального заявления КПК о бойкоте Национального собрания и о срыве Гоминьданом мирных переговоров.
19 ноября	Фактическое прекращение переговоров между Гоминьданом и КПК.
21 ноября	Решение расширенного пленума ЦК КПК о принятии курса на «войну» с Гоминьданом.
25 ноября	Принятие Национальным собранием конституции Китайской Республики.
Декабрь 1946 г. – январь 1947 г.	Мощная волна антиамериканских и антиправительственных выступлений учащейся молодежи и представителей других слоев населения.

1947 год

С начала года	Проникновение американского персонала в правительственные учреждения КР. Давление США на внутриполитический процесс в Китае.
1 января	Предложение Чан Кайши о возобновлении переговоров с участием всех партий, группировок и известных общественных деятелей.
26 января	Заявление заведующего отделом пропаганды ЦК КПК Лу Динъи об условиях перемирия, предусматривавших роспуск Гоминьданом Национального собрания и отмену конституции, принятой в 1946 г. Отказ Гоминьдана принять условия КПК.
29 января	Заявление посольства США в Китае о прекращении правительством США отношений с Комитетом трех и с Исполнительным штабом в Бэйпине.
30 января	Заявление Национального правительства о роспуске Комитета трех и Исполнительного штаба ввиду отказа США от посреднической миссии.

21 февраля	Бэйпин покинула последняя группа сотрудников Исполнительного штаба от КПК во главе с членом Исполнительного штаба от КПК Е Цзяньином.
Конец февраля – 7 марта	Возвращение в Яньань членов представительств КПК в Нанкине, Чунцине и Шанхае – окончательный раскол между Гоминьданом и КПК.
12 марта	Выступление Г.Трумэна в конгрессе США. «Доктрина Трумэна».
19 марта	Захват гоминьдановскими войсками Яньани.
23 марта	Принятие III пленумом ЦИК Гоминьдана 6-го созыва «Проекта подготовки реализации конституционного правления».
31 марта	Опубликование «Закона об организации Исполнительного, Законодательного, Судебного, Контрольного и Экзаменационного юаней».
Март–апрель	Отказ правительств США, Англии и Франции на московской сессии Совета министров иностранных дел СССР, США, Англии и Франции обсуждать вопрос о политике великих держав в Китае.
18 апреля	Опубликование «Закона о реорганизации Национального правительства».
Май–июнь	Вторая волна студенческих выступлений в связи с резким повышением цен на продукты питания в районах, контролируемых Гоминьданом.
30 июня	Начало стратегического наступления частей НОА под командованием Лю Бочэна против гоминьдановских войск.
Июль 1947 г. – август 1948 г.	НОА завершила изгнание гоминьдановских войск из «старых освобожденных районов», перенесла военные действия на гоминьдановскую территорию.
17 июля	Всекитайское совещание ЦК КПК по аграрному вопросу.
18 июля	Принятие Государственным советом КР антидемократического закона о всеобщей мобилизации нации (опубликован 19 июля 1947 г.).
3 сентября	Нота МИД КР, согласно которой все вооруженные силы США, дислоцированные в Китае, находятся в стране с согласия китайского правительства.
9 сентября	IV пленум ЦИК Гоминьдана. Вопросы организации выборов в Национальное собрание.
Сентябрь	Преобразование военной миссии США в «Объединенную группу военных советников США в Китае». Ее помощь КР в реорганизации гоминьдановской армии, а также непосредственное участие в организации и руководстве военными операциями гоминьдановских войск на фронтах гражданской войны.
10 октября	Опубликование КПК «Основных положений аграрного закона Китая» – программы ликвидации феодально-эксплуататорской системы землепользования во всем Китае. Декларация НОА Китая о воссоздании единого национального государства на демократической основе. Первый шаг к формированию политики единого национального фронта в новых условиях.
27 октября	Указ Национального правительства о роспуске Демократической лиги. Заключение китайско-американского Соглашения о помощи КР, предоставляющего США возможность учредить миссию по осуществлению контроля над производством, торговлей и распределением в Китае.

Октябрь	Меморандум, полученный США от правительства КР, позволил Соединенным Штатам размещать свои войска и содержать военные базы в Китае.
Октябрь–ноябрь	Массовое движение студенчества, руководимое КПК, против политических репрессий властей и за демократические свободы.
12 ноября	Освобождение войсками НОА г. Шицзячжуан.
22 декабря	Опубликование гоминьдановским правительством чрезвычайного закона об обеспечении безопасности государства.
25 декабря	Вступление в силу конституции Китайской Республики.

1948 год

1 января	Создание Революционного комитета Гоминьдана в Гонконге/Сянгане.
Январь	Возобновление деятельности Демократической лиги.
15 января	Заявление Демократической лиги о намерении тесно сотрудничать с КПК и другими демократическими партиями и группами.
29 марта – 1 мая	Сессия Национального собрания.
3 апреля	Принятие конгрессом США Закона о помощи Китаю.
19 апреля	Избрание Чан Кайши Национальным собранием президентом КР.
1 мая	Обращение ЦК КПК ко всем демократическим партиям и организациям, а также к видным политическим деятелям с призывом созвать новую Политическую консультативную конференцию (ПКК). Начало активной деятельности КПК по установлению контактов с рядом демократических организаций и лиц.
20 мая	Приведение Чан Кайши к присяге в качестве президента КР.
25 мая	«Указания ЦК КПК о работе в 1948 г. по проведению аграрной реформы и упорядочению партии» – курс на постепенное завершение земельной реформы в ее радикальной форме и возвращение к политике снижения арендной платы и ссудного процента. Подтверждение этой линии на II пленуме ЦК КПК 7-го созыва (март 1949 г.).
4 июля	Китайско-американское двустороннее соглашение об использовании американской помощи на сумму 400 млн. долларов, предоставляющее США решающий голос в разных областях экономической жизни КР, обеспечивающее им свободный доступ к ресурсам стратегического сырья Китая.
Август	Неудача валютной реформы. Рост инфляции в контролируемых Гоминьданом регионах. Воссоздание Всекитайской федерации профсоюзов. Образование правительства Северного Китая и правительственного совета Северо-Восточного Китая.
Осень	Активизация деятельности КПК по перемещению в освобожденные районы оппозиционно настроенных к Гоминьдану демократических деятелей.
8–13 сентября	Заседание Политбюро ЦК КПК в Сибайпо.
12 сентября – 2 ноября	Ляоси-Шэньянская операция.
Сентябрь 1948 г. – январь 1949 г.	Уничтожение основных сил гоминьдановской армии в ходе трех основных сражений (Ляоси-Шэньянская, Хуайхайская, Пекин–Тянь-

	цзинь–Калганская), которые предопределили военный крах гоминьдановской армии.
8 октября	Подготовка Чжоу Эньлаем меморандума «О некоторых вопросах, связанных с созывом Народного политического совета и проектом «Совместной политической программы»; последний затем переработали в проект Совместной программы китайской народно-демократической революции.
7 ноября 1948 г. – 10 января 1949 г.	Хуайхайская операция.
27 ноября 1948 г.	Петиция китайской Демократической лиги на имя заместителя министра иностранных дел СССР В.А.Зорина.
5 декабря 1948 г. – 31 января 1949 г.	Пекин-Тяньцзинь-Калганская операция.
1 декабря	Учреждение Народного банка Китая и начало эмиссии жэньминьби (народной валюты).
Декабрь	Решение совещания представителей ЦК КПК с демократическими деятелями (Харбин) о создании Подготовительного комитета по созыву Народной Политической Консультативной Конференции (совета) (НПКК).
Конец 1948 г.	Возобновление торговли и экономического сотрудничества Синьцзяна с СССР.

1949 год

1 января	В заявлении Чан Кайши прозвучало предложение заключить мир с КПК. «Мирное наступление» Гоминьдана. Решение ЦК КПК о создании Новодемократического Союза молодежи Китая.
8 января	Обращение Чан Кайши к правительствам СССР, США, Великобритании и Франции с просьбой о посредничестве в мирном урегулировании.
13 января	Официальный отказ США и Великобритании от посредничества.
10–15 января	Консультации И.В.Сталина и Мао Цзэдуна. Разработка согласованного оптимального варианта реакции КПК на предложение Чан Кайши о мирном урегулировании отношений между партиями.
14 января	Заявление Мао Цзэдуна «О текущем моменте», содержавшее восемь пунктов мирного соглашения с Гоминьданом.
17 января	В официальном ответе Советского правительства на обращение Чан Кайши указывалось, что Советское правительство неизменно придерживается принципа невмешательства во внутренние дела других стран и не считает целесообразным принять на себя посредничество между враждующими сторонами.
21 января	Чан Кайши слагает с себя обязанности президента. Вице-президент Ли Цзунжэнь становится и.о. президента и заявляет о готовности вести мирные переговоры с КПК.

Январь	Указание советского руководства послу СССР в КР проследовать в новую резиденцию правительства КР – Гуанчжоу.
31 января – 7 февраля	Визит представителя советского руководства А.И.Микояна в Китай (Сибайпо). Встречи и беседы А.И.Микояна с Мао Цзэдуном и другими китайскими руководителями.
31 января	Мирное освобождение Бэйпина.
Февраль	Перенос столицы КР в Гуанчжоу.
22–24 февраля	Предварительное обсуждение вопроса о начале мирных переговоров между Гоминьданом и КПК. Положительный исход переговоров. Отказ Национального правительства утвердить итоги переговоров.
Март	Переезд ЦК КПК в Бэйпин.
5–13 марта	II пленум ЦК КПК 7-го созыва в Сибайпо. Одобрение выдвинутого Мао Цзэдуном положения о «демократической диктатуре народа»; обсуждение вопросов о созыве НПКК, о перемещении центра политической работы в города.
24 марта	I Всекитайский съезд женщин в Бэйпине. Создание Всекитайской демократической федерации женщин.
11–18 апреля	I Всекитайский съезд Новодемократического союза молодежи Китая.
21 апреля	Форсирование частями НОАК р. Янцзы, начало третьего этапа гражданской войны – вплоть до полного освобождения континентального Китая в начале 50-х годов.
23 апреля	Освобождение частями НОАК Нанкина.
27 мая	Освобождение частями НОАК Шанхая.
15–19 июня	Заседание Подготовительного комитета Народной политической консультативной конференции (НПКК).
26 июня – 2 августа	Пребывание в Москве делегации ЦК КПК во главе с Лю Шаоци. Согласие Советского правительства оказать помощь КПК по всем направлениям, обозначенным делегацией; соглашение между советскими внешнеторговыми организациями и демократическими властями Северо-Восточного Китая.
2–19 июля	Всекитайский съезд деятелей литературы и искусства.
16 июля	Создание в Пекине Подготовительного комитета для учреждения Общества китайско-советской дружбы.
21–30 сентября	Первая сессия НПКК в Пекине, взявшей на себя функции учредительного собрания.
27 сентября	Переименование Бэйпина в Бэйцзин (Пекин).
29 сентября	Принятие на сессии НПКК Общей программы, выполнявшей функции временной конституции.
30 сентября	Избрание Центрального народного правительства во главе с Мао Цзэдуном.
1 октября	Провозглашение Китайской Народной Республики (КНР).
2 октября	Установление дипломатических отношений между Советским Союзом и КНР.

Приложение 3
Биографии известных деятелей

Бай Лан (1873–1914) – руководитель крестьянского восстания 1912–1914 гг. Известен больше как Белый («бай») волк («лан»), хотя фамильный иероглиф «лан» имеет значение «светлый». Родился в пров. Хэнань в крестьянской семье, получил военное образование. В начальный период Синьхайской революции служил офицером, позже сформировал отряд повстанцев и встал во главе крестьянского движения. Бай Лан выступал под лозунгами «уравнять богатых и бедных», «установить совершенное правление». Летом 1912 г. войска Бай Лана заняли ряд уездов пров. Хэнань, одной из немногих провинций, остававшихся верными Цинам; летом 1913 г. действовали также на территории провинций Хубэй и Аньхуэй, а в 1914 г. вступили на территорию пров. Шэньси. Успехи восстания под руководством Бай Лана обеспечивались в значительной степени эффективностью его партизанской тактики, а также тем обстоятельством, что основные силы правительственных войск были заняты подавлением «второй революции». Местное население охотно вступало в ряды борцов против Юань Шикая. Численность армии Бай Лана временами достигала нескольких десятков тысяч человек. На подавление восстания были брошены значительные силы правительственных войск. Остатки армии Бай Лана была окружены в его родном уезде Баофэн, сам Бай Лан погиб в одном из боев в местечке Шия.

Бай Чунси (1894–1966) – потомок персидского купца, мусульманин. Относился к новому поколению гуансийских военных лидеров. Участник Синьхайской революции. В 1924 г. вступил в Гоминьдан, избирался членом ЦИК партии. Отличился в борьбе с северными милитаристами. Его прозвали «маленьким Чжугэ Ляном» (Чжугэ Лян [III в. н.э.] считался лучшим стратегом традиционного Китая). Чан Кайши старался подчинить Кантонскому правительству сильную гуансийскую группировку, соперничавшую с Гоминьданом. Бай Чунси одно время даже вынужден был скрываться во Вьетнаме. Тем не менее в 1926 г. Чан Кайши назначил его начальником штаба армии Северного похода. В 1927 г. руководил одной из последних операций Северного похода и брал Шанхай, был назначен комендантом города. В 1930 г. вернулся в родную пров. Гуанси и занялся хозяйственной деятельностью; добился впечатляющих результатов. В августе 1937 г. по приглашению Чан Кайши вернулся на службу Национальному правительству в качестве члена Военного комитета НРА, заместителя начальника Генерального штаба и начальника Управления боевой подготовки. Именно он убедил Чан Кайши принять тактику «всеобщей войны» – сочетания действий регулярной армии с партизанской войной в тылу врага, с одновременным нанесением ударов по материальной части противника. Под его командованием китайская армия одержала первую в Антияпонской войне победу в пров. Шаньдун в 1938 г. и остановила продвижение японской армии на несколько месяцев. Он успешно держал оборону Чанша в 1939–1942 гг. Активно участвовал в гражданской войне с коммунистами в 1946–1949 гг. В 1946 г. был назначен министром обороны КР.

В 1948 г. Чан Кайши уволил Бай Чунси с поста министра обороны и назначил командующим войсками пров. Хэбэй. В 1949 г. Бай Чунси перебрался на Тайвань, где после 1949 г. занимал высокие посты в ЦИК Гоминьдана и в Комитете советников по вопросам стратегии.

Блюхер Василий Константинович (псевдонимы – Уральский, Галин) (1890–1938) – выдающийся русский советский полководец, легендарный герой Гражданской войны в России, один из организаторов Красной армии, маршал Советского Союза, видный государственный деятель СССР. Член РСДРП(б) с 1916 г. С 1937 г. – депутат Верховного Совета СССР. Кавалер двух орденов Ленина, четырех орденов Красного Знамени, ордена Красной Звезды.

Родился 1 декабря 1890 г. в деревне Барщинка Ярославской губернии в семье бедного крестьянина. В.К.Блюхер – участник Первой мировой войны, Февральской и Октябрьской революций. За героизм и мужество, проявленные в годы Первой мировой войны, был награжден двумя Георгиевскими крестами и Георгиевской медалью. Во время Гражданской войны в боях с белогвардейскими войсками Колчака и Врангеля ярко проявились его полководческие способности. В 1921–1922 гг. В.К.Блюхер – военный министр, главнокомандующий Народно-революционной армии и председатель Военного Совета Дальневосточной Республики. В 1924 г. прикомандирован к Революционному Военному Совету СССР для выполнения особо важных поручений. 2 августа 1924 г. советское руководство командировало В.К.Блюхера в Китай в помощь Сунь Ятсену в деле реорганизации армии Кантонского (с июля 1925 г. – Национального) правительства. В октябре 1924 г. Блюхер прибыл в Гуанчжоу. Сунь Ятсен оказал Блюхеру полное доверие и обратился к нему с просьбой: «Останьтесь здесь и помогите своим опытом. Я верю Вам и уверен в Вас».

На первом этапе работы Блюхера в Китае он руководил Южнокитайской группой советских военно-политических советников, а позже стал главным военным советником Кантонского правительства; много внимания он уделял также военной школе Хуанпу, созданной в мае 1924 г. с помощью и на средства СССР. В.К.Блюхер сыграл выдающуюся роль в разгроме войск Чэнь Цзюнмина, мятежных юньнаньских и гуансийских милитаристов. В Китае В.К.Блюхер был известен как генерал Цзялин (Галин). 15 июня 1925 г. предложил план подготовки к Северному походу против северных милитаристов. По состоянию здоровья он выехал из Гуанчжоу 7 июля 1925 г., выполнил ряд заданий в Шанхае и Пекине, провел не менее месяца в расположении Национальной армии Фэн Юйсяна, затем вернулся в СССР на лечение. Вторая командировка Блюхера на Юг Китая состоялась по просьбе Чан Кайши, который в качестве главкома НРА ускоренными темпами готовил Северный поход. Чан Кайши чрезвычайно высоко оценивал полководческий талант Блюхера, считал, что его приезд в Китай «равнялся бы присылке стотысячной армии». Прибыв в Гуанчжоу в мае 1926 г., Блюхер предложил конкретный стратегический план Северного похода, который 23 июня 1926 г. был принят Военным советом НРА. Успехи Северного похода Гоминьдана во многом обусловлены полководческим талантом Блюхера. Он работал не только с руководством Гоминьдана. Между Блюхером и ЦК КПК существовало полное товарищеское доверие. Он контактировал с такими деятелями КПК, как Чжоу Эньлай, Е Цзяньин, Чжан Тайлэй, Юнь Дайин, Пэн Бай. Во время Северного похода работа проходила в крайне сложных условиях, и зачастую Блюхеру приходилось брать всю ответственность на себя.

После событий 12 апреля 1927 г. в Шанхае – разгрома рабочих и коммунистических организаций – НРА разделилась на две группировки: Нанкинскую во главе с Чан Кайши и Уханьскую во главе с генералом Тан Шэнчжи. Блюхер некоторое время оставался в Уханьской группировке, которая вскоре примкнула к Чан Кайши в едином противодействии коммунистам. 14 июня 1927 г. постановлением Политбюро ЦК ВКП(б) было утверждено представительство Коминтерна в Китае в составе М.Н.Роя, М.М.Бородина и В.К.Блюхера. Смысл этого постановления состоял в том, чтобы все политические решения в Ухани принимались с обязательным участием Блюхера. 15 июля 1927 г. Ван Цзинвэй, глава Уханьского правительства, заявил о разрыве сотрудничества с КПК, приближался разрыв Гоминьдана с Коминтерном и Москвой. Во второй половине сентября 1927 г. Блюхер выехал из Китая. В 1928 – июле 1929 г. В.К.Блюхер был заместителем командующего войсками Украинского военного округа. В 1929–1938 гг. командовал Особой Дальневосточной армией (ОДВА). Незаконно репрессирован. Расстрелян в Москве 9 ноября 1938 г. Реабилитирован в 1956 г.

Бовкун-Луганец (Орельский) Иван Трофимович (1899–1939) – российский революционер, сотрудник ОГПУ, дипломат. Участник Гражданской войны. В 1921–1936 гг. на работе в ВЧК–ОГПУ. В 1936 г. направлен вице-консулом в Урумчи под псевдонимом Орельский. С 23 ноября 1937 г. по март 1939 г., в период тяжелых боев китайской армии с превосходящими силами Японии, полпред СССР в Китае. В марте 1939 г. отозван из Китая. В Москве арестован, содержался в Сухановской тюрьме. Умер в 1939 г. Похоронен с государственными почестями 15 июля 1939 г. в Тбилиси на Ново-Верийском кладбище.

Богомолов Дмитрий Васильевич (1890–1937) – дипломат. На дипломатической работе с 1920 г.: заведующий информационным бюро НКИД РСФСР в Одессе, заведующий отделом печати НКИД Украины, советник представительства Украины в Москве. В 1922–1923 гг. – первый секретарь представительства УССР в Москве.

В 1922–1923 гг. – первый секретарь полпредства УССР в Австрии и Германии, в 1924–1927 гг. – полпредства СССР в Австрии и Великобритании, в 1927–1929 гг. – полпред СССР в Польше, в 1929–1932 гг. – советник полпредства СССР в Великобритании, в 1933–1937 гг. – полпред СССР в Китае. Участник переговоров с Чан Кайши о заключении торгового договора и пакта о ненападении. 21 августа 1937 г. подписал с советской стороны пакт о ненападении между СССР и КР. В 1937 г. отозван в Москву, арестован. Расстрелян. Посмертно реабилитирован.

Бородин Михаил Маркович (наст. фам. Грузенберг, псевд. – Англичанин, Банкир, М.Броун, Никифоров) (1884–1951) – российский революционер, деятель РКП(б)/ВКП(б) и Коминтерна, позднее – на хозяйственной и журналистской работе. Родился 9 июля в местечке Яновичи Витебской губернии. В 1903 г. вступил в РСДРП, большевик. В 1904–1905 гг. жил в эмиграции в Берне. Участвовал в русской революции 1905 г., в 1905–1907 гг. находился на подпольной работе в Риге. Значительную часть жизни прожил в эмиграции, сначала в Великобритании (1906), затем в течение 1907–1918 гг. – в США, где организовал школу для политических эмигрантов. В 1918–1919 гг. выполнял партийные задания в Швеции. С 1919 г. – ответственный работник ИККИ; дипломат.

Был первым советским консулом в Мексике, где стоял у истоков формирования Латиноамериканского бюро Коминтерна. Его политические пристрастия определялись в значительной степени идеей антиимпериалистической борьбы. В Мексике познакомился с индийским эмигрантом Манабендра Нат Роем, которого привлек к деятельности КИ. После Мексики находился на дипломатической работе в Великобритании и Турции, встречался с Кемалем Ататюрком. В 1922 г. как сотрудник Коминтерна был арестован в Глазго и после полугодового заключения выслан из страны.

В 1923–1927 гг. – главный политический советник Сунь Ятсена и ЦИК Гоминьдана, представитель КИ в Китае. Прибыл в Гуанчжоу 6 октября 1923 г., где уже работала южнокитайская группа советских советников. На протяжении всего периода работы в Китае активно участвовал в формировании программы и практики Гоминьдана, в построении его государственности на территории Гуандунской революционной базы. Наиболее эффективной деятельность М.М.Бородина была в период непосредственной подготовки реорганизации Гоминьдана и созыва его I съезда (янв. 1924). На этом направлении он продолжил работу представителя КИ в Южном Китае, голландского коммуниста Г.Маринга, установившего дружественные и деловые отношения с Сунь Ятсеном, и совместно с ним наметил главные направления реорганизации Гоминьдана, поставив задачу созыва I учредительного съезда Гоминьдана в качестве первоочередной. М.М.Бородин принимал активное участие в разработке программных документов I съезда, сыгравших принципиальную роль в превращении Гоминьдана в «партию действия». Был непосредственным проводником политики единого фронта Гоминьдана и КПК; через М.М.Бородина осуществлялась финансовая поддержка Москвой как партийного строительства Гоминьдана и КПК, так и потребностей Северного похода (1926–1928).

Проводил большую разъяснительную работу в Национальной партии по разным направлениям, в том числе сумел убедить Сунь Ятсена и руководство Гоминьдана приветствовать подписание советско-китайского договора 1924 г. между СССР и КР. Прилагал немалые и весьма успешные усилия в направлении выхода партии Сунь Ятсена на общекитайскую арену. После смерти Сунь Ятсена не смог установить доверительных отношений с Чан Кайши, что не способствовало укреплению единого фронта. По мере роста противоречий в революционном лагере ему приходилось принимать решения, не всегда удовлетворявшие руководство КИ в Москве, не поспевавшее за динамикой событий национальной революции. Постоянно пребывая в китайской среде, М.М.Бородин ближе, чем многие руководители ИККИ, подошел к пониманию специфики национально-революционного движения в Китае (например, относительно социальной характеристики и программы Гоминьдана, по вопросам, связанным с Северным походом). Его деятельность в Китае характеризовалась и успехами, и ошибками.

Разрыв Уханьского Гоминьдана с коммунистами предопределил разрыв Коминтерна и Москвы с Уханем. 21 июля 1927 г. Политбюро ЦК ВКП(б) приняло решение об отзыве советских советников из армии Уханя и о немедленном отъезде М.М.Бородина в Москву.

После возвращения в СССР М.М.Бородин был назначен заместителем наркома труда. В 1932–1934 гг. – заместителем директора ТАСС. В 1932 г. получил должность главного редактора англоязычной газеты «Московские новости» (Moscow News), а в 1941–1949 гг. работал в качестве главного редактора Совинформбюро. В 1949 г. в ходе кампании по борьбе с «космополитами» был незаконно репрессирован, реабилитирован посмертно.

Ван Чжисинь (1881–1968) – ученый, профессор философии. Родился в пров. Чжэцзян. Получил классическое конфуцианское образование, в молодости преподавал китайский язык в средней школе. Был редактором христианских периодических изданий «Синхуа бао» и «Вэньшэ юэкань», способствовал распространению христианства в Китае, преподавал китайскую философию в Цзиньлинской семинарии в Нанкине (1921 г.), в 1928 г. возглавил институт китайского языка Сехэ в пров. Фуцзянь, с 1934 г. – профессор, декан факультета китайского языка Хуцзянского университета (Шанхай). Крупнейший специалист по истории христианства в Китае. Ему принадлежат исследования по философии Конфуция, Мо-цзы, даосизма, истории религий и идеологии в Китае, истории проникновения в Китай христианства и ислама.

Ван Цзинвэй (Ван Чжаомин) (1883–1944). Родился в Гуандуне. В возрасте 17 лет начал преподавать в школе старого типа. В 1901 г. получил низшую ученую степень *сюцая*. В 1903 г. получил стипендию цинского правительства для учебы в Японии, учился в университете Хосэй. В 1905 г. вступил в Тунмэнхуэй, участвовал в антицинской деятельности. Являлся одним из самых активных авторов партийной газеты «Миньбао» («Народная газета»). Вел активную работу по созданию филиалов Тунмэнхуэя в Юго-Восточной Азии, в частности в Рангуне (Бирма). В 1908 г. знакомится в Малайзии со своей будущей женой Чэнь Бицзюнь из семьи *хуацяо*-миллионера.

После провала нескольких революционных выступлений создал террористическую группу с целью организации покушений на членов императорской семьи. После неудачной попытки в апреле 1910 г. покушения на принца-регента Цзай Фэна (отца Сюаньтуна) был арестован и заключен в тюрьму; постепенно приобрел известность. Строка из его тюремного стихотворения: «готов с радостью принять топор палача, не пожалев свою молодую голову», стала крылатой фразой, а сам Ван Цзинвэй – героем революции. После Синьхайской революции участвовал в переговорах Севера и Юга и других мероприятиях, организуемых Сунь Ятсеном, входил в его близкое окружение. Затем длительное время находился в эмиграции, в частности учился во Франции, но несколько раз возвращался в Китай, например во время «второй революции» для борьбы с монархическими поползновениями Юань Шикая, участвовал в «движении за восстановление Конституции». В 1920 г. приехал в Гуанчжоу к Сунь Ятсену и вошел в состав революционного правительства Юга. Занимал должность начальника департамента образования Гуандуна. На I съезде Гоминьдана в 1924 г. Вана избирают в состав ЦИК Гоминьдана и назначают начальником отдела пропаганды. Был секретарем Сунь Ятсена во время его последней поездки на Север, принимал участие в написании текста Завещания Сунь Ятсена. Был одним из наиболее вероятных кандидатов в преемники вождя. В июле 1925 г. стал председателем Национального правительства, созданного Гоминьданом в Гуанчжоу. После убийства Ляо Чжункая (1925 г.) и чистки «правых» (янв. 1926 г.) Ван Цзинвэй имел шансы стать руководителем Гоминьдана, однако

в результате мартовских событий 1926 г. упустил политическую инициативу. В период противостояния Ухани и Нанкина Ван Цзинвэй – один из руководителей Уханьского Гоминьдана.

В годы «нанкинского десятилетия» Ван Цзинвэй, возглавлявший фракцию реорганизационистов, неоднократно участвовал во внутрипартийной борьбе, сотрудничая периодически с влиятельными региональными группировками Фэн Юйсяна, Янь Сишаня, гуансийскими милитаристами.

После начала японской агрессии в Маньчжурии Ван Цзинвэй и Чан Кайши начали сотрудничать ради достижения национального единства. Ван Цзинвэй занимал должности председателя Исполнительного юаня, министра иностранных дел и другие. В начале 30-х годов Ван Цзинвэй по отношению к Японии придерживался довольно жесткой позиции, однако впоследствии смягчил ее. 1 ноября 1935 г. на Ван Цзинвэя совершил покушение член патриотической организации «Бригада крови и железа по истреблению предателей» во время очередного пленума ЦИК Гоминьдана. Ван Цзинвэй уходит со своих постов и уезжает на лечение в Европу.

В апреле 1938 г. решениями чрезвычайного съезда Гоминьдана Ван Цзинвэй получил посты заместителя председателя Высшего совета национальной обороны (создан в августе 1937 г.), заместителя председателя Гоминьдана, председателя Национального консультативного совета. В условиях Антияпонской войны совершил поворот в политической ориентации. Вместе с женой, своими сторонниками Чжу Миньи, Цзэн Чжунмином и другими он тайно вылетел из Чунцина в Куньмин, а оттуда – в Ханой. В Куньмине Ван Цзинвэй безуспешно пытался убедить Лун Юня и Чжан Факуя выступить против Чан Кайши. В Ханое опубликовал телеграмму с призывом к миру с Японией.

1 января 1939 г. Ван Цзинвэй был исключен из Гоминьдана. В Ханое в январе 1939 г. на Ван Цзинвэя было совершено покушение. Пережитый стресс и гибель его секретаря Цзэн Чжунмина ускорили решение Ван Цзинвэя начать сотрудничество с японцами. В июне 1939 г. отправился в Японию для обсуждения вопроса о создании правительства. 30 декабря 1939 г. Ван Цзинвэй подписал в Шанхае с представителями японских оккупационных властей «Уточненную программу новых отношений между Японией и Китаем». Текст этого секретного документа обнародовали в Гонконге/Сянгане порвавшие с Ван Цзинвэем Гао Цзунъу и Тао Сишэн. Тао Сишэн впоследствии вернулся в Чунцин и даже стал «литературным кули» Чан Кайши, написав значительную часть его работы «Судьбы Китая» (1943 г.).

30 марта 1940 г. было создано марионеточное правительство «истинного Гоминьдана» в Нанкине. Режим Ван Цзинвэя использовал всю гоминьдановскую атрибутику. Ведущими фигурами администрации Ван Цзинвэя были Чэнь Гунбо, Чжоу Фохай, Чжу Миньи. Были созданы армия и полиция, велась борьба с антияпонским партизанским движением. Социально-экономическая политика режима Ван Цзинвэя служила нуждам Японии и способствовала стабилизации положения на оккупированных территориях; она была также направлена на подрыв экономики гоминьдановских районов. В ноябре 1944 г. Ван Цзинвэй умер (в Нагоя, Япония). Считается, что причиной послужило воспаление, вызванное одной из трех пуль, попавших в Ван Цзинвэя в результате покушения 1935 г.

Войтинский Григорий Наумович (настоящая фамилия Зархин) (1893–1953) – советский политический деятель, ученый-китаевед. Родился 5/17 апреля в г. Невель Витебской губернии. В 1907 г. с родителями эмигрировал в США, где учился в университете, изучил английский язык. В 1917 г. по возвращении в Россию вступил в РКП(б). Во время Гражданской войны участвовал в подпольной работе в Омске, Красноярске и Владивостоке. Был арестован и отбывал бессрочную каторгу на Сахалине, где поднял восстание каторжан. Вслед за тем вошел в руководство вновь образованного революционного комитета г. Александровска-на-Сахалине.

В начале 1920 г. по заданию Иностранного отдела Дальневосточного бюро ЦК РКП(б), а затем ДВСК направлен на коммунистическую работу в Китай. Он оказал большое содействие созданию в Шанхае в мае 1920 г. первого в Китае коммунистического кружка во главе с Чэнь Дусю. В октябре 1920 г. встречался с Сунь Ятсеном в Шанхае. При его участии в августе в Шанхае был организован Союз социалистической молодежи и начат выпуск еженедельного журнала «Чжунго гунжэнь» («Китайский рабочий»). Одновременно помогал группе Ли Дачжао в работе по организации коммунистических кружков в Северном Китае. Он оказал большую помощь в подготовке I съезда КПК. В 1920–1927 гг. находился на ответственной работе в ИККИ, был заведующим Дальневосточного сектора Восточного отдела. В качестве представителя Коминтерна принимал участие в работе IV (1927 г.) и V (1929 г.) съездов Коммунистической партии Китая, майского (1924 г.), октябрьского (1925 г.) и июльского (1926 г.) пленумов ЦК КПК. В 1926–1927 гг. – председатель Дальневосточного Бюро ИККИ в Шанхае. В 1927 г. занимался хозяйственной работой в Иркутске. В 1929 г. – директор Тихоокеанского института в Москве. В 1932 г. стал секретарем Тихоокеанского секретариата Профинтерна. С 1934 г. находился на научно-исследовательской и преподавательской работе в Москве. Получил также известность как один из высококвалифицированных советских историков-китаеведов. В 1935 г. получил должность профессора. Умер в Москве на операционном столе 11 июня 1953 г.

Гань Найгуан (1897–1956) – активный деятель Гоминьдана. Родился в пров. Гуанси. В 1922 г. окончил Линнаньский университет (Гуанчжоу) по специальности «политэкономия», преподавал в средней школе. В период революционного движения 20-х годов работал политкомиссаром в военной школе Хуанпу, на II съезде Гоминьдана избран членом ЦИК Гоминьдана, заведующим молодежным отделом, впоследствии крестьянским отделом ЦИК Гоминьдана. Считался левым гоминьдановцем. Занимал должности руководителя курсов подготовки пропагандистов, директора издательства «Миньго жибао». После смерти Сунь Ятсена являлся одним из наиболее влиятельных деятелей партии. В октябре 1927 г. был назначен мэром Гуанчжоу, за «попустительство декабрьскому мятежу» (Кантонская коммуна) был снят с должностей. На III съезде Гоминьдана в 1929 г. из-за участия в деятельности реорганизационистов был исключен из партии. Восстановлен в Гоминьдане и в ЦИК Гоминьдана в конце 1931 г. В мае 1932 г. стал заместителем министра внутренних дел, впоследствии также занимал посты начальника 5-го отдела Наньчанской ставки, председателя Военного совета, члена Центральной комиссии по планированию местного самоуправления, заместителя председателя Особого комитета по внутренним делам Политсовета ЦИК

Гоминьдана, члена Всекитайского комитета по запрещению опиума. Занимал ряд важных постов в правительстве и партии в годы Антияпонской войны, в 1945 г. был назначен заместителем министра иностранных дел, в 1948 г. – послом в Австралии, где остался после ухода в отставку. Умер в Сиднее.

Гань Найгуан перевел на китайский язык работы по истории партий США и Великобритании, написал монографии «Принципы Сунь Ятсена: теория и реальность», «Новые теории управления в Китае», «Реформа полицейского образования в Китае».

Го Можо (1892–1978) – ученый, историк, писатель, поэт, драматург, общественный и государственный деятель. Родился в пров. Сычуань в семье помещика. После окончания средней школы уехал учиться в Японию (1914 г.), окончил медицинский факультет университета Кюсю (1923 г.), однако его гораздо больше привлекали иностранные языки и литература. Писать стихи начал в 1916 г. В период «движения 4 мая» 1919 г. активно занимался литературным творчеством в Шанхае, сотрудничал в ряде журналов, выступал поборником использования общепонятного языка *байхуа* взамен классического *вэньяня*. Основоположник поэзии на современном китайском языке. Один из организаторов литературного общества «Творчество» («Чуанцзао шэ») и одноименного журнала, в котором публиковались произведения революционной направленности. В 1925 г. назначен деканом литературного факультета Университета им. Сунь Ятсена в Гуанчжоу. Резко критиковал переворот Чан Кайши 1927 г., участвовал в Наньчанском восстании (1927 г.). В том же году вступил в КПК. Под угрозой ареста в 1928 г. эмигрировал в Японию, где находился на положении политического изгнанника в течение 10 лет и изучал историю и археологию Древнего Китая.

Вернулся на родину в 1937 г., выступал за сотрудничество Гоминьдана и КПК, активно участвовал в антияпонском движении за спасение родины, написал ряд пьес историко-патриотического содержания. Переводил на китайский язык произведения К.Маркса и Ф.Энгельса, а также художественную литературу. Многократно посещал СССР. После образования КНР занимал ряд высших административных постов: члена Центрального народного правительственного совета, председателя Комитета по делам культуры и просвещения, заместителя председателя Государственного административного совета; был первым президентом Академии наук Китая (1949–1978). В 1951 г. награжден Международной сталинской премией «За укрепление мира между народами». С 1954 г. – заместитель председателя ПК ВСНП, иностранный член АН СССР (1958 г.), директор Института истории АН КНР. В апреле 1969 г. на IX съезде КПК избран членом ЦК КПК. В период «культурной революции» подвергался критике, однако после ее окончания вновь занял важные государственные посты.

Гу Вэйцзюнь (1887–1985) – известный китайский дипломат. Христианское имя V.K.Wellington Koo. Уроженец пров. Цзянсу. Родился в состоятельной семье. Учился в англо-китайском колледже (1899–1900), в школе Юйцай в Шанхае (1900–1901), в католическом университете Св. Иоанна в Шанхае (1901–1904), где получил степени бакалавра и магистра. В 1905 г. поступил в Колумбийский университет, изучал политические науки. В 1912 г. защитил диссертацию на тему «Статус иностранцев в Китае», получил степень

доктора философии. В апреле 1912 г. по приглашению бэйянского правительства Гу Вэйцзюнь вернулся в Китай. Его карьера развивалась быстро. Сначала работал секретарем при президенте КР, затем советником в МИДе. В июле 1915 г. был назначен посланником в США и на Кубе.

В 1916 г. Йельский университет присвоил ему почетную степень «доктор юриспруденции». Участвовал в Парижской (1919 г.) и Вашингтонской (1921 г.) конференциях. В 1922–1927 гг. занимал посты премьер-министра и министра иностранных дел. Вся его деятельность была направлена на восстановление национального суверенитета Китая. В качестве китайского представителя подписал 31 мая 1924 г. в Пекине Соглашение о принципах урегулирования вопросов между СССР и Китайской Республикой. В период «нанкинского десятилетия» Гу Вэйцзюнь сотрудничает с Национальным правительством, продолжает бороться за восстановление суверенных прав Китая и превращение его в мировую державу. В 1931 г. Гу Вэйцзюнь занял пост министра иностранных дел Национального правительства и представлял Китай в Лиге Наций при обсуждении вопроса о захвате Маньчжурии Японией.

В разное время был посланником Китая в Мексике, в Великобритании, Франции, представителем Китая в Лиге Наций, послом Китая во Франции и Великобритании. Гу Вэйцзюнь внес значительный вклад в создание Лиги Наций и ООН, в восстановление суверенных прав Китая. Его профессионализм и активность в переговорах на конференциях по учреждению ООН в Думбартон-Оксе (1944 г.) и Сан-Франциско (1945 г.) способствовали созданию образа Китая как одной из пяти великих держав. Был представителем Китая на ряде важных международных конференций. В мае 1946 г. Гу Вэйцзюнь был назначен послом КР в США. Ему была поручена задача обеспечить помощь США правительству Чан Кайши в гражданской войне. В марте 1956 г. Гу Вэйцзюнь вышел в отставку, отказавшись от предложенного Чан Кайши поста посла с чрезвычайными полномочиями. До 1967 г. работал в Международном суде в Гааге, в том числе в должности вице-президента (с 1964 г.). В 1967 г. вернулся в Нью-Йорк, где работал до конца дней.

Дай Цзитао (1891–1949) – один из главных идеологов Гоминьдана. Родился в пров. Сычуань. Получил традиционное китайское классическое образование. Раздвинул его рамки благодаря учебе в Японии, на юридическом факультете университета Нихон. В 1909 г. вернулся в Китай, в Шанхае занялся публицистической деятельностью. За свои статьи оказался под угрозой ареста, скрылся в Японии, где вступил в Тунмэнхуэй. После Синьхайской революции выступал с резкой критикой попыток реставрации монархии. Видел проблему Китая в недостатке капиталов и наличии препятствий на пути развития национальной промышленности, выдвигал идею государственного регулирования экономики, которая учитывалась в экономической политике Национального правительства в период «нанкинского десятилетия». Во внешней политике считал возможным сотрудничество лишь с США и Францией. С 1913 г. работал переводчиком и секретарем Сунь Ятсена.

В период «движения 4 мая» 1919 г. проявил интерес к марксизму. Одним из первых в Китае начал его изучать, входил в шанхайскую коммунистическую группу, но в КПК не вступил. В этот период у Дай Цзитао сформировалась идея об особом пути Китая, отличном как от социализма, так и от капитализма.

На I съезде Гоминьдана в 1924 г. избран членом ЦИК, позже – членом ПК ЦИК Гоминьдана.

Еще при жизни Сунь Ятсена попросил у него разрешения опубликовать все его статьи о «трех народных принципах» и получил согласие. Его подпись в качестве свидетеля стоит на Завещании Сунь Ятсена. На этом основании Дай Цзитао после смерти Сунь Ятсена пытался стать монопольным истолкователем его теоретических воззрений. Его интерпретация суньятсенизма была признана полезной для партии и стала частью официальной доктрины Гоминьдана после 1927 г. Активно вел пропаганду против КПК и за объединение общества под националистическими лозунгами, включая идеи китаецентризма, китайской историко-культурной исключительности, превосходства традиционной китайской морали, социально-политических институтов и традиций Китая над институтами и традициями других государств.

В 1926 г. он стал ректором Университета Сунь Ятсена. В 1928–1948 гг. являлся председателем Экзаменационного юаня. В 1930–1940 гг. испытал влияние буддизма, затем стал сознательным адептом буддизма. Встречался с Панчен-ламой, а в 1933 г. взял буддийское имя.

Дай Цзитао – один из авторов текста «Гимна Китайской Республики». Он написал «Философские основы принципов Сунь Ятсена», «Национальная революция и Китайский Гоминьдан», подготовил к изданию «Полное собрание сочинений Сунь Ятсена». В 1948 г. возглавил Комитет по истории Китая.

Дай Цзитао не раз пытался уйти из жизни. Каждый раз его спасали. В 1949 г. он, страдая нервным расстройством, принял более 70 снотворных таблеток и умер в Гуанчжоу.

Дуань Цижуй (1864–1936) – военный и политический деятель, маршал, лидер Аньхуэйской группировки.

Родился в пров. Аньхуэй. Закончил военное училище в Тяньцзине, в 1889 г. в числе пяти лучших выпускников направлен на учебу в Германию. Вернувшись в Китай, стал преподавателем в военной школе в Вэйхайвэе. Юань Шикай привлек его для воспитания кадров бэйянской армии. Дуань Цижуй вошел в круг приближенных Юань Шикая (имел прозвище «собака Юаня»). В 1899 г. принимал участие в подавлении восстания ихэтуаней в пров. Шаньдун. В 1901 г. последовал за Юань Шикаем, получившим пост наместника в пров. Чжили. Под контролем Дуань Цижуя находились главные силы Новой армии бэйянской группировки. В период Учанского восстания был одним из командиров правительственных войск, направленных в пров. Хубэй для подавления революции. В феврале 1912 г. Дуань Цижуй назначен главнокомандующим армией и военным министром в правительстве Юань Шикая. В 1913 г. был и.о. премьера. Участвовал в подавлении «второй революции». В мае 1915 г. в знак протеста против реставрации монархии ушел в отставку «по болезни». Когда была восстановлена Республика, получил должность начальника генштаба (март 1916 г.). После смерти Юань Шикая Дуань Цижуй вернулся в Пекин в качестве премьер-министра и приступил к объединению страны военной силой. Однако казна была пуста, и Дуань Цижуй обратился к Японии за финансовой помощью. Его правительство в 1917–1918 гг. находилось под сильным влиянием Японии, не без одобрения которой 14 августа 1917 г. Дуань Цижуй от имени Пекинского правительства официально объявил войну Германии. Вскоре Дуань Цижуй получил несколько займов от Японии, которые пошли на военное строительство и финансовые нужды, – за это попал под вол-

ну критики в период «движения 4 мая». В 1918 г. подписал ряд военных соглашений, направленных против Советской России, в том числе о посылке китайских войск в Сибирь. 8 апреля 1918 г. основал свою «партию» – клуб Аньфу. В 1920 г. Дуань Цижуй потерял свой пост в результате поражения от Цао Куня в чжили-аньхуэйской войне и отправился в почетную ссылку на территорию японской концессии в Тяньцзине. В 1924–1926 гг. вновь находился у власти в качестве временного главы государства. Провел в феврале–апреле 1925 г. в Пекине так называемое «Совещание по реорганизации», направленное на оптимизацию системы управления страной. Его правительство поддержало большинство требований, выдвинутых студентами в ходе демонстрации «30 мая» 1925 г., добилось проведения международной конференции по тарифам (октябрь 1925 г.). 18 марта 1926 г. Дуань Цижуй отдал приказ о расстреле антиимпериалистической демонстрации в Пекине, проходившей под руководством Ли Дачжао. В апреле войска Фэн Юйсяна свергли правительство Дуань Цижуя, который нашел приют на территории посольского квартала. Он отошел от политической деятельности и перебрался на жительство на территорию сеттльмента в Тяньцзине. В 1933 г. в качестве представителя Нанкинского правительства был направлен в Шанхай, однако к исполнению своих обязанностей так и не приступил из-за болезни. Умер в Шанхае.

Дэн Чжунся (1894–1933) – один из руководителей рабочего движения в Китае. Выходец из пров. Хунань. Член КПК с 1921 г., пропагандировал идеи марксизма в рабочей среде, принимал участие в организации забастовок в Пекине, Шанхае, Гуанчжоу, печатался в журналах, отстаивая положение о том, что китайский рабочий класс является вождем китайской революции. Избирался членом ЦК КПК (на II и III съездах КПК), кандидатом в члены ПБ ЦК КПК, членом парткома пров. Цзянсу, секретарем парткома Гуандуна. Принимал участие в борьбе за создание революционной базы в западной части пров. Хубэй. В 1932 г. переведен на подпольную работу в Шанхай. В мае 1933 г. выдан предателем, погиб в тюрьме в Нанкине.

Е Тин (1896–1946) – видный военный и политический деятель, коммунист, генерал. Уроженец пров. Гуандун. Кадровый военный, выпускник Баодинской военной академии. В 1919 г. вступил в Гоминьдан. В 1922 г. служил командиром батальона в личной охране Сунь Ятсена. В 1924–1925 гг. учился в СССР, в 1924 г. вступил в КПК. Вернувшись на родину, получил назначение командиром 32-го отдельного полка 4-го корпуса НРА. В 1926 г. прославился во время Северного похода двумя успешными операциями против армии У Пэйфу, за что получил почетное звание «Заслуженный генерал Северного похода», а его полк назвали «железным». После занятия Учана армией Северного похода стал командиром 24-й отдельной дивизии 11-го корпуса, в которую был переформирован его полк, и командиром Уханьского гарнизона. Его дивизия, одна из самых боеспособных единиц НРА, вместе с частями Хэ Луна и Чжу Дэ подняла в ночь на 1 августа 1927 г. Учанское восстание. В декабре того же года в качестве главнокомандующего Е Тин руководил вооруженными силами Гуанчжоуского восстания. После разгрома восстания был вынужден скры-

ваться за границей, потерял связи с партией. Когда началась Антияпонская война, была объявлена амнистия политэмигрантам и Е Тин вернулся на родину. В 1937–1945 гг. командовал Новой 4-й армией. В 1941 г. во время событий в южной части пров. Аньхуэй был ранен, попал в плен к гоминьдановцам, заключен в тюрьму. КПК и общественность неоднократно требовали освобождения политзаключенного. 4 марта 1946 г. Е Тин был освобожден. Снова вступил в КПК. 8 апреля погиб в авиакатастрофе вместе с женой на пути из Чунцина в Яньань.

Жэнь Биши (1904–1950) – один из руководителей КСМК и КПК. Родился в пров. Хунань в семье бедного учителя. Ко времени «движения 4 мая» 1919 г. закончил среднюю школу, воспринял революционные идеи. В 1921 г. направлен на учебу в СССР, в Коммунистический университет трудящихся Востока, где вступил в КПК (1922 г.). В 1924 г. вернулся на родину. В январе 1925 г. избран членом ЦК КСМК, назначен заведующим орготделом ЦК. Избирался членом ЦК КПК на V, VI, VII съездах партии. В мае 1927 г. стал генеральным секретарем ЦК КСМК. На августовском совещании 1927 г. избран самым молодым членом временного ПБ ЦК КПК. В период проведения в Москве VI съезда КПК отвечал за работу партии внутри страны. В 1928–1929 гг. дважды арестовывался, был освобожден благодаря усилиям партии. В 1928 г. занимал пост заведующего отделом пропаганды провинциального комитета партии в Цзянсу. В 1929 г. – член Чанцзянского бюро ЦК КПК, секретарь парткома г. Ухань. В 1931 г. – член Политбюро ЦК КПК. В марте 1931 г. – заведующий орготделом ЦК партии ЦСР, в ноябре – член ЦИК ЦСР. В 1933–1934 гг. – секретарь парткома пограничного района Хунань-Цзянси, член ПБ ЦК КПК. После 1933 г. занимал ряд военных должностей. В 1934 г. вместе с Хэ Луном создает революционную опорную базу на границе провинций Хунань–Цзянси–Гуйчжоу–Сычуань, становится секретарем партийного комитета, членом ВК. Во время Великого похода сыграл важную роль в успешном соединении военных сил КПК в Шэньси. Поддержал линию ЦК КПК на единство партии, боролся против линии Чжан Готао. После начала войны Сопротивления – начальник политотдела 8-й армии НРА. Осенью 1938 г. направлен в СССР в качестве главы делегации КПК в КИ. Вернувшись в 1940 г. в Яньань, работал руководителем секретариата ЦК КПК. Участвовал в подготовке «Решения по некоторым вопросам истории партии». В 1949 г. возглавил комитет по подготовке реорганизации комсомольской организации и созданию Новодемократического союза молодежи Китая, на первом съезде которого был избран почетным председателем Союза.

Калягин Александр Яковлевич (1900–2000) – военный деятель, генерал, советский советник в Китае в годы Антияпонской войны. С 1919 г. в РККА, участник Гражданской войны. Затем находился на различных военных должностях: от командира отдельного саперного батальона до начальника инженерных войск Сибирского военного округа. В 1932–1936 гг. учился и окончил Московскую Военную инженерную академию. В 1937–1938 гг. – старший военный советник в Китае. Награжден китайскими правительственными наградами. Автор ряда книг о работе советских военных советников в Китае.

Карахан Лев Михайлович (Караханян, псевдоним Михайлов, Шах) (1889–1937) – советский государственный деятель, дипломат. Родился в Тифлисе (Тбилиси) в семье адвоката. Участник революционного движения в России с 1904 г. В 1910–1915 гг. – студент юридического факультета Петербургского/Петроградского университета. На VI съезде РСДРП(б) (26 июля – 3 августа 1917 г.) был принят в большевистскую партию.

С ноября 1917 г. на дипломатической работе: член и секретарь советской делегации на переговорах о заключении Брестского мира, в 1918–1920 гг. – заместитель наркома по иностранным делам РСФСР, в 1921 г. – полпред РСФСР в Польше, в 1927–1934 гг. – зам. наркома иностранных дел СССР. Л.М.Карахан – автор обращения Совнаркома РСФСР «К китайскому народу и правительствам Южного и Северного Китая» (25 июля 1919 г.) и «Ноты НКИД РСФСР министерству иностранных дел Китая» от 27 сентября 1920 г. В 1924–1927 гг. – полпред СССР в Китае, одновременно заместитель наркома по иностранным делам.

По прибытии в Пекин Карахан занимался комплексом проблем, связанных с нормализацией отношений СССР с Китаем и Японией, отношениями Советского государства с Сунь Ятсеном, с возглавляемым им правительством Южного Китая, предпринимал усилия с целью достижения соглашения с властями Маньчжурии, главным образом по проблемам КВЖД, установил также широкие связи с представителями китайской общественности, парламентариями, представителями университетов, встречался с журналистами, разъяснял им политику СССР по отношению к Китаю. Его дипломатическая работа переплеталась также с деятельностью Коминтерна в Китае.

Л.М.Карахан, преодолевая давление западных держав, которые через своих посланников в Китае оказывали воздействие на Пекинское правительство с целью воспрепятствовать установлению Китаем дипломатических и консульских отношений с Советским Союзом, добился подписания «Соглашения об общих принципах для урегулирования вопросов между Союзом ССР и Китайской Республикой» от 21 мая 1924 г. Продолжительные и трудные переговоры с властями Маньчжурии завершились подписанием соглашения от 20 сентября 1924 г.

После подписания 20 января 1925 г. советско-японской конвенции об основных принципах взаимоотношений Л.М.Карахан, вернувшийся в Москву в сентябре 1926 г., вскоре приступил к работе на посту заместителя наркома иностранных дел; занимался в НКИД вопросами отношений Советского Союза со странами Востока. Участвовал во многих международных встречах и переговорах, неоднократно исполнял обязанности наркома. В 1927–1934 гг. – полпред СССР в Турции. В 1937 г. репрессирован и расстрелян. Реабилитирован посмертно.

Кун Сянси (1880–1967) – государственный деятель КР, финансист. Родился в пров. Шаньси. Представитель клана богатейших шаньсийских банкиров, связанных родством с Конфуцием (потомок Конфуция в 75-м поколении). Закончил Йельский университет в США. После возвращения в Китай в 1909 г. на собственные средства открыл в родной провинции школу, которая вскоре приобрела известность внутри страны и за рубежом. Однако революционная окраска деятельности школы вызвала недовольство цинских властей, Кун Сянси уехал в Японию. Там он познакомился с

будущей женой – Сун Айлин, старшей из знаменитых сестер Сун (см. далее), которая работала секретарем у Сунь Ятсена. После возвращения в Китай в 1915 г. был советником губернатора пров. Шаньси Янь Сишаня, занимался финансово-экономическими вопросами и образованием. Имел тесные связи с Чан Кайши через свою жену, которая приходилась родной сестрой мадам Чан Кайши. В течение почти 17 лет поддерживал политику Чан Кайши. В 1925 г. возглавил комиссию по организации похорон Сунь Ятсена. В 1926 г., когда начался Северный поход, Кун Сянси был начальником финансового управления Национального правительства, обеспечивал снабжение армии. После победы НРА над бэйянскими милитаристами стал в 1931 г. министром промышленности. В течение 1932 г. находился в Европе и Америке, втайне закупал вооружение в Италии и Германии и договаривался о направлении в Китай военных советников из этих стран. В 1933 г. занял пост министра финансов и управляющего Центральным банком Китая (до 1944 г.). Провел налоговую реформу, перевел Банк Китая и Банк путей сообщения в ведение министерства финансов КР, ввел бумажные деньги. Занимал пост заместителя председателя (1933 г., 1939–1945 гг.) и председателя (1938 г.) Исполнительного юаня. Был членом Международного олимпийского комитета (1939–1955). Вместе с Чан Кайши, Сун Цзывэнем (мужем сестры), братьями Чэнь Лифу и Чэнь Гофу принадлежал к так называемым «четырем семействам», наиболее богатым и влиятельным в Китае. Время пребывания у власти Кун Сянси использовал в немалой степени для личного обогащения: он, его жена и дети имели огромные депозиты в США. Крах военной политики Чан Кайши, негативное общественное мнение и обвинения в коррупции вынудили Кун Сянси между 1944 и 1945 г. уйти со всех постов. В 1947 г. эмигрировал в США. В 1948 г. ушел с последнего поста – председателя правления Банка Китая.

Ли Дачжао (1889–1927) – один из основателей КПК, публицист, политический и общественный деятель. Родился в пров. Хэбэй. Окончил Бэйянское политико-юридическое училище в Тяньцзине (1907), учился в университете Васэда (Япония). К революционному движению примкнул во время Синьхайской революции. Был главным редактором ряда газет прогрессивной направленности. В 1918–1927 гг. – заведующий библиотекой, профессор факультета экономики Пекинского университета. Один из редакторов журнала «Синь циннянь». Приветствовал победу Октябрьской революции в России, рассматривал марксизм как учение, способное предложить путь для решения социально-политических проблем Китая. Начал пропагандировать идеи марксизма в Китае, основал вместе с Чэнь Дусю еженедельник «Мэйчжоу пинлунь». Активный участник «движения за новую культуру». В 1919 г. стал одним из руководителей «движения 4 мая». В 1920 г. в Пекинском университете организовал «Общество изучения марксистской теории». Встречался с представителем КИ Г.Н.Войтинским для обсуждения подготовки к созданию Компартии в Китае. В 1920 г. стал секретарем первой ячейки Компартии в Пекине. Преподавал в Пекинском университете, женском педагогическом университете, педагогическом университете, Чаоянском университете. Сыграл большую роль в распространении марксизма в Китае. После образования КПК возглавлял рабочее движение и революционную борьбу на севере страны. На III и IV съездах КПК избирался членом ЦК КПК. В 1922 г. в рамках политики единого фронта КПК и Гоминьдана на индивидуальной основе вступил в Гоминьдан. На I съезде Гоминьдана

в 1924 г. был избран членом ЦИК Гоминьдана (переизбран на II съезде), отвечал за непосредственную организацию сотрудничества между Гоминьданом и КПК на Севере Китая. В 1924 г. возглавил китайскую делегацию на V Конгрессе Коминтерна в Москве. В декабре 1924 г. – январе 1925 г. был секретарем Северного бюро ЦК КПК. В 1925–1927 гг. занимал должность секретаря исполкома КПК Северного района. В 1925 г. работал секретарем Союза крестьян, рабочих и солдат Внутренней Монголии. В 1927 г. по приказу Чжан Цзолиня был арестован китайской полицией на территории советского постпредства в Пекине и 28 апреля казнен.

Ли Лисань (1899–1967) (Бо Шань, Лапин, Ли Мин) – партийный деятель, организатор рабочего движения в Китае. Родился в учительской семье, родом из Лилина пров. Хунань. В 1915 г. приехал учиться в Чанша, где познакомился с Мао Цзэдуном. Как и многие его современники, служил в армии одного из местных милитаристов. Обучение продолжил в Пекине на средства бывшего ученика своего отца, одного из дивизионных командиров. После соответствующей подготовки в Шанхае группа китайцев, в том числе Ли Лисань, в 1919 г. прибыла во Францию в рамках правительственной программы «работать и учиться». В Европе в послевоенный период наблюдался подъем политической активности рабочих и студентов. Как и другие китайцы, Ли Лисань принимал участие в патриотических акциях протеста против готовящегося соглашения между КР и Францией о предоставлении Пекинскому правительству займа на военные нужды. В феврале 1921 г. в ответ на готовившееся решение Китайско-французского комитета по образованию о прекращении субсидирования учебы и выплаты стипендий китайские учащиеся устроили митинг протеста. Власти ответили арестами. В Лионе отменили прием китайцев в Китайско-французский университет. 21 сентября 1921 г. более 100 участников «передовых отрядов борьбы» под руководством Чжао Шияня, Цай Хэсэня, Ли Лисаня, Чэнь И проникли в здание Лионского университета для переговоров с администрацией, которые оказались безуспешными; все участники акции были арестованы, а 13 октября 104 студента, в том числе и Ли Лисань, были выдворены из Франции. Член Китайской коммунистической лиги молодежи, Ли Лисань по возвращении в Китай вступил в члены КПК. В 1922–1925 гг. его партийная работа проходит главным образом в Аньюане и Шанхае. Принимал активное участие в создании отделений Всекитайского секретариата профсоюзов. Организовал школу для рабочих Пинсян-Аньюаньских копей, руководил крупной забастовкой в Аньюане. Ли Лисань выделялся талантом организатора, пропагандиста и агитатора: из 900 членов КПК в 1924 г. рабочие Аньюаньской шахты составляли 300 человек. В 1923 г. Ли Лисань – секретарь Уханьского комитета КПК. С апреля 1923 г. по ноябрь 1925 г. – член парткома пров. Хунань. В качестве представителя пров. Хубэй принимал участие в работе I съезда Гоминьдана, в течение 1924 г. занимал руководящие посты в Шанхае, руководил рабоче-крестьянским отделом Шанхайского парткома.

В 1924–1925 гг. являлся секретарем Профсоюзной комиссии Шанхайского комитета КПК, председателем Шанхайской организации профсоюзов. В 1926–1927 гг. – член Исполкома Всекитайской федерации профсоюзов. В 1925–1926 гг. – член делегации КПК в Коминтерне. Занимался также созданием комсомольских организаций среди молодых рабочих. Ли Лисань – один из организаторов антиимпериалистического патриотического

«движения 30 мая» 1925 г. в Шанхае. Принимал участие в формировании курса Уханьского Национального правительства в области рабочего движения.

В апреле 1927 г. на V съезде КПК избран членом ЦК КПК. Вместе с другими руководителями способствовал радикализации политики КПК. Участвовал в Наньчанском восстании. После поражения Наньчанского и Гуанчжоуского восстаний, в январе 1928 г. Ли Лисань занял пост секретаря Гуандунского комитета КПК, принимал участие в восстановлении партийной работы в Сянгане и Гуанчжоу. От Гуандунской партийной организации принимал участие в работе VI съезда КПК, выступал с докладом о крестьянском движении и по аграрному вопросу. Являлся членом целого ряда комиссий съезда. На VI съезде входил в группу левых, к которой принадлежали также Цюй Цюбо, Дэн Чжунся, Цай Хэсэнь. Ли Лисань был избран членом ЦК КПК, а на I пленуме 6-го созыва – кандидатом в члены ПБ ЦК КПК, кандидатом в члены постоянного комитета ПБ, а также секретарем ЦК по крестьянскому движению. Ли Лисань участвовал в работе VI конгресса Коминтерна (Москва, 1928), в решениях которого были заметны элементы «левизны». В феврале 1930 г. занял пост руководителя орготдела ЦК КПК. В конце 1929 и в 1930 г., когда генсеком КПК был друг Ли Лисаня Сян Чжунфа, он фактически играл в партии руководящую роль. На заседании Политбюро ЦК КПК от 11 июня 1930 г. было принято решение «О новом революционном подъеме и завоевании власти первоначально в одной или нескольких провинциях».

Решение включало план подготовки всекитайского вооруженного восстания из промышленных центров Китая как базы, допускало даже развязывание мировой войны в целях обеспечения победы мировой революции. Эти планы получили название «линии Ли Лисаня». В сентябре 1930 г. на III пленуме ЦК КПК 6-го созыва «линия Ли Лисаня» была официально признана ошибочной.

В 1931–1945 гг. Ли Лисань жил и работал в СССР. Женился на русской женщине Елизавете Павловне Кишкиной. В 1932–1935 гг. являлся членом делегации КПК в ИККИ. В июле 1935 г. участвовал в работе VII конгресса Коминтерна. В 1935 г. Профинтерн выдвинул его на пост руководителя комитета по изданию литературы на китайском языке. Участвовал в работе по переводу произведений марксизма-ленинизма. Был редактором газеты «Цзюго шибао» (Спасение Родины), внес свой вклад в пропаганду политики единого антияпонского фронта. На VII съезде КПК был вновь избран членом ЦК КПК. В январе 1946 г. вернулся в Китай. Неоднократно привлекался к участию в переговорном процессе с Гоминьданом. В качестве члена Северо-Восточного бюро ЦК КПК выполнял обязанности руководителя отдела по работе с войсками противника. С 1947 г. руководил отделом Бюро по работе с городскими рабочими и выполнял ряд других руководящих обязанностей. С августа 1948 г. стал заместителем председателя Всекитайской ассоциации профсоюзов, а в Дунбэе возглавлял профсоюзную работу. С весны 1949 г. исполнял обязанности секретаря ЦК КПК по движению рабочих и служащих, был секретарем партийной организации Всекитайской ассоциации профсоюзов. В сентябре 1949 г. участвовал в работе 1-й сессии НПКК, был избран членом Президиума этой конференции.

В 1949–1954 гг. находился в составе Центрального народного правительства Китая, был членом Госсовета, по совместительству – министром труда, секретарем партийной группы руководства (*даицзу*), зам. председателя Всекитайской федерации профсоюзов, секретарем партийной группы руководства в этом органе. Руководил разработкой Закона о профсоюзах. С января 1955 г. по январь 1956 г. работал в Секретариате ЦК КПК, занимал пост заместителя заведующего отделом ЦК КПК по промышленности и связи.

На VIII съезде КПК вновь избран членом ЦК КПК. В 1960–1966 гг. работал в Секретариате Восточного бюро ЦК КПК. В годы «культурной революции» подвергался преследованиям. 22 июня 1967 г. скончался. В 1980 г. был реабилитирован.

Ли Лисань и его супруга Ли Ша оказали большое влияние на формирование в Китае атмосферы дружбы и взаимопонимания с СССР.

Ли Цзунжэнь (1891–1969) – военачальник, генерал юго-западной группировки. Уроженец пров. Гуанси. Член Тунмэнхуэя, с 1924 г. – Гоминьдана. Неоднократно избирался в руководящие органы партии, занимал руководящие должности в гоминьдановской армии. В 1916 г. окончил Гуйлиньское военное училище, начал военную карьеру в одной из армий Гуанси. Постепенно сформировал собственные профессиональные вооруженные силы, сумел объединить провинцию и в 1924–1927 гг. занимал пост военного губернатора Гуанси, которая оставалась под его фактической властью вплоть до 1949 г. Во время Северного похода был командиром 7-го корпуса НРА. Известен антикоммунистическими настроениями и настороженным отношением к советским советникам. В 1930 г. занимал должность зам. начальника штаба сухопутных, морских и воздушных сил Китая. Автор эксперимента с «образцовым правительством» в пров. Гуанси и модернизацией ее столицы – г. Наньнина. После начала войны Сопротивления – командующий 5-м военным районом. В марте–апреле 1938 г. 200-тысячная группировка под командованием Ли Цзунжэня в районе Тайэрчжуан (пров. Цзянсу) дала отпор японцам, которые потеряли 20 тыс. человек и большое количество техники. В январе–сентябре 1938 г. – председатель правительства пров. Аньхуэй. С весны 1940 г. наносил удары по 4-й Красной армии, вытесняя ее с освобожденных от японцев территорий. В ноябре 1946 г. – депутат Национального собрания. В феврале 1948 г. в острой конкурентной борьбе с четвертого раза был избран вице-президентом КР. В январе 1949 г., когда Чан Кайши подал в отставку, стал и.о. президента, возглавлял делегацию КР по ведению переговоров с КПК о перемирии в гражданской войне. В ноябре в связи с болезнью прибыл в Сянган, потом эмигрировал в США. В 1954 г. Законодательный юань (на Тайване) лишил его полномочий вице-президента КР. В 1965 г. возвратился в КНР. Умер в Пекине.

Ли Юаньхун (1864–1928) – политический деятель. Родился в пров. Хубэй. Окончил военно-морскую академию в Тяньцзине, принимал участие в японо-китайской войне 1894–1895 гг. После Учанского восстания по воле случая оказался в лагере революционеров, которые заставили его согласиться занять пост *дуду* пров. Хубэй, однако вскоре перешел на сторону Юань Шикая. В 1912 г. был назначен вице-президентом, однако не обладал реальной властью, т.к. Юань Шикай полностью не доверял Ли Юаньхуну, который не принадлежал к бэйянской армии, не был протеже кого-либо из северян, в прошлом сотрудничал с революционерами. Чтобы упрочить связи с Ли Юаньхуном, Юань Шикай женил своего сына на его дочери. В октябре 1913 г. Юань Шикай был избран президентом, Ли Юаньхун

остался вице-президентом. После смерти Юань Шикая Ли Юаньхун вступил в должность президента. В марте 1917 г. выступил против разрыва отношений с Германией, и Китай вступил в войну без согласия президента. 17 июля 1917 г. Ли Юаньхун ушел в отставку и уехал в Тяньцзинь. Второй раз занимал президентское кресло в 1922–1923 гг. 13 июня 1923 г. подал в отставку, выехал в Японию на лечение. В 1924 г. вернулся в Тяньцзинь, где через 4 года скончался. Ли Юаньхун был единственным политиком, занимавшим пост президента Китайской Республики дважды.

Ляо Чжункай (1877–1925) – видный политический деятель левого крыла Гоминьдана. Родился в Сан-Франциско в семье китайского эмигранта, получил хорошее образование. В 16 лет вернулся в Китай. Высшее образование получил в Японии: закончил университет Васэда и факультет политэкономии университета Тюо. Вместе с женой принимал участие в национально-революционной деятельности Сунь Ятсена, с которым сблизился в Японии. Вступил в Тунмэнхуэй, его дом стал штаб-квартирой организации. В 1909 г. вернулся в Китай, сдал экзамен на вторую ученую степень *цзюйжэня*, что позволяло ему стать чиновником.

Принял активное участие в Синьхайской революции. В 1913 г. уехал из Китая. В 1914 г. вступил в Гэминдан, фактически руководил финансовым отделом партии. В этот период сотрудничал с журналом «Миньго», принимал участие в антиюаньшикаевских выступлениях. В 1916 г. возвратился в Китай. В 1917 г. получил пост первого заместителя министра финансов военного правительства Сунь Ятсена в Гуанчжоу. После начала «движения 4 мая» работал в журналах «Синци пинлунь» и «Цзяньшэ», пропагандировал теорию демократической революции. В 1919 г. перевел и написал сам ряд работ по проблемам реформ в Китае. Вошел в редколлегию печатного органа Гоминьдана «Миньго цзачжи», издававшегося в Японии, позже – в редколлегию выходившего в Шанхае журнала «Цзяньшэ». В 1921 г. назначен первым заместителем министра финансов и председателем финансового управления пров. Гуандун. Провел упорядочение финансовой системы, военных расходов, участвовал в подготовке Северного похода. Подвергался аресту во время путча Чэнь Цзюнмина. Выйдя стараниями супруги на свободу, уехал в Шанхай. После подписания соглашения Сунь Ятсена–А.А.Иоффе месяц провел с А.А.Иоффе в Атами (Япония), тщательно обсуждая планы сотрудничества Гоминьдана с СССР. В марте того же года назначен министром финансов в Гуандуне, в мае – губернатором Гуандуна. Приверженец «трех народных принципов» Сунь Ятсена, сторонник единого фронта с КПК. В 1923–1924 гг. участвовал в реорганизации Гоминьдана, готовил документы для I съезда Гоминьдана, на котором избран постоянным членом ПК ЦИК. Провел подготовительную работу по созданию военной школы Хуанпу. Занимал должности министра финансов, руководителя отделов Гоминьдана по работе с рабочими и крестьянами, был представителем Гоминьдана в школе Хуанпу, главным инспектором интендантства, начальником секретариата штаба генералиссимуса (Сунь Ятсена). После образования в 1925 г. Национального правительства в Гуанчжоу остался министром финансов и губернатором пров. Гуандун. Одно время занимал сразу 8 ответственных постов. После смерти Сунь Ятсена правые гоминьдановцы усилили борьбу против Ляо Чжункая, пытались скомпрометировать его и отстранить от работы. 20 августа 1925 г. он был убит своими противниками перед зданием Гоминьдана в Гуанчжоу, где должно было состояться заседание ЦИК партии.

Мао Цзэдун (1893–1976) – китайский революционер, выдающийся партийный и государственный деятель. Родился 26 декабря в деревне Шаошань уезда Сянтань пров. Хунань в семье зажиточного крестьянина. В 1901–1906 гг. учился в частной начальной школе в родной деревне, а в 1910–1911 гг. – в Дуншаньской начальной школе высшей ступени и в средней школе столицы пров. Хунань г. Чанша. В раннем возрасте увлекся революционно-демократической и либеральной литературой и в ноябре 1911 г., вскоре после начала Синьхайской революции, вступил в революционную армию. В 1912–1918 гг. учился сначала в Хунаньской провинциальной средней школе высшей ступени, а затем в Четвертом и Первом провинциальных педагогических училищах г. Чанша. Осенью 1915 г. вместе с группой демократически настроенных студентов создал в Чанша патриотический кружок, а весной 1918 г. там же – просветительское либерально-демократическое общество «Обновление народа», принявшее участие в реализации общекитайской программы по отбору китайской молодежи для «учебы и работы» во Франции.

В августе 1918 г. приехал в Пекин, где в течение нескольких месяцев работал помощником библиотекаря Пекинского университета. Тогда же он познакомился с первым пропагандистом марксизма в Китае Ли Дачжао, а также с Чэнь Дусю, будущим лидером КПК. Вернувшись весной 1919 г. в Чанша, Мао продолжил общественно-политическую деятельность. Общекитайскую известность ему принесло издание журналов «Сянцзян пинлунь» («Сянцзянское обозрение») и «Синь Хунань» («Новая Хунань»).

В 1920 г. вновь приехал в Пекин, где продолжил общение с Ли Дачжао. После этого в Шанхае общался с Чэнь Дусю, который вовлек его в коммунистическое движение. В июле 1920 г. в Чанша Мао открыл первый в Китае кооперативный книжный магазин («Общество культурной книги») для распространения общественно-политической литературы, а в январе 1921 г. там же создал коммунистическую организацию и Хунаньское отделение Социалистического союза молодежи Китая.

В 1921 г. Мао участвовал в I съезде КПК в Шанхае как представитель хунаньской организации. На первом же заседании его избрали секретарем съезда. После этого, в 1921–1922 гг., организовал Хунаньское отделение Всекитайского рабочего секретариата и руководил забастовочной борьбой рабочих Чанша и других городов Хунани и западной части пров. Цзянси. В октябре 1921 г. стал секретарем вновь образованного Хунаньского комитета КПК, а в мае 1922 г. – секретарем особого Сянского райкома, объединившего коммунистов Хунани и Западной Цзянси. Весной 1923 г. Чэнь Дусю отозвал Мао Цзэдуна на работу в аппарат ЦИК КПК. На III съезде КПК Мао Цзэдуна избрали членом и секретарем ЦИК Компартии и заведующим организационным отделом ЦИК. После съезда, следуя политике единого фронта, Мао Цзэдун вступил в Гоминьдан. В январе 1924 г. принял участие в заседаниях I съезда Гоминьдана, на котором был избран кандидатом в члены ЦИК Гоминьдана.

В 1925 г., находясь в родной деревне в отпуске по болезни, Мао Цзэдун возглавил движение местных беднейших крестьян и пауперов. Движение достигло определенных успехов, после чего Мао стали считать одним из главных «партийных специалистов» по работе в деревне. Осенью 1925 г. Мао стал исполнять обязанности заведующего отделом пропаганды ЦИК Гоминьдана в Гуанчжоу и редактировать гоминьдановский журнал «Чжэнчжи чжоубао» («Политический еженедельник»). В январе 1926 г. принял участие во II съезде Гоминьдана, на котором был переизбран кандидатом в члены ЦИК Гоминьдана. В марте того же года он был назначен директором 6-го набора общекитайских курсов крестьянского движения.

В начале ноября 1926 г. Мао Цзэдун получил новое назначение, став секретарем комитета крестьянского движения ЦИК КПК. В начале 1927 г. он занимался обследованием крестьянского движения в пров. Хунань, после чего опубликовал «Доклад об обследовании крестьянского движения в провинции Хунань», призвав к радикальной аграрной революции. Этот доклад привлек к нему внимание представителей Коминтерна. Весной 1927 г. на V съезде КПК избран кандидатом в члены ЦК Компартии, а после разрыва летом 1927 г. единого фронта Компартии с Гоминьданом стал кандидатом в члены Временного Политбюро ЦК.

В сентябре 1927 г. Мао Цзэдун организовал антигоминьдановское восстание в Восточной Хунани (восстание «Осеннего урожая»), после поражения которого во главе группы восставших пришел в высокогорный район Цзинган на границе провинций Хунань и Цзянси, где вскоре с помощью местных крестьян и пауперов создал первый в Китае советский район. Летом 1928 г. на VI съезде КПК заочно избран членом ЦК, а в ноябре назначен секретарем фронтового комитета 4-го корпуса Красной армии Китая.

В 1929–1934 гг. организовал советское движение в пограничном районе Цзянси–Фуцзянь. В 1930–1933 гг., применяя партизанскую тактику, активно участвовал в борьбе против карательных походов Чан Кайши. В сентябре 1930 г. на расширенном пленуме ЦК КПК в Шанхае кооптирован кандидатом в члены Политбюро, а в ноябре 1931 г. на I Всекитайском съезде советов в г. Жуйцзинь избран председателем ЦИК и главой Совнаркома КСР. В январе 1934 г. по настоянию Москвы, активно поддерживавшей его выдвижение, Мао перевели из кандидатов в члены Политбюро на очередном расширенном пленуме ЦК КПК.

В 1934–1935 гг. он принял участие в Великом походе китайской Красной армии – из пров. Цзянси в пограничный район Шэньси–Ганьсу–Нинся. В январе 1935 г. на расширенном совещании Политбюро в г. Цзуньи выступил с критикой ошибок, допущенных партийным руководством в ходе Великого похода. Эта критика получила поддержку полевых командиров, в результате чего его кооптировали в состав ПК Политбюро и назначили помощником генерального политкомиссара Красной армии. В марте же 1935 г. стал фронтовым политкомиссаром РККА Китая. С этого времени начался процесс концентрации партийной, военной и политической власти в руках Мао Цзэдуна.

В 1937–1945 гг. руководил боевыми операциями коммунистических войск в ходе Антияпонской войны. В июле 1938 г. генеральный секретарь Исполкома Коминтерна Г.Димитров передал в ЦК КПК рекомендацию Москвы признать вождем китайской Компартии Мао Цзэдуна. В апреле–июне 1945 г. на VII съезде Компартии Мао Цзэдун избран членом ЦК, а на 1-м после съезда пленуме – председателем ЦК, Политбюро и Секретариата ЦК. Тогда же идеи Мао Цзэдуна объявлены «путеводной звездой» Компартии.

В 1946–1949 гг., во время новой гражданской войны, КПК и ее вооруженные силы одержали победу над НРА и свергли гоминьдановский режим. 30 сентября 1949 г. Мао Цзэдун избран Председателем Центрального народного правительства, от имени которого 1 октября провозгласил Китайскую Народную Республику.

В декабре 1949 г. – феврале 1950 г. он находился с официальным визитом в СССР, где вел переговоры с И.В.Сталиным. 14 февраля 1950 г. заключил договор с СССР о дружбе, союзе и взаимной помощи. В 1951–1952 гг. развернул движение за идеологическое перевоспитание интеллигенции и кампанию против «трех» и «пяти» злоупотреблений, направленную против коррупции и на ограничение частного предпринимательства. Летом 1953 г. сформулировал генеральную линию партии на строительство социализма по советскому образцу. В сентябре 1954 г. руководил заседаниями 1-й сессии ВСНП, на которой была принята Конституция КНР, а сам Мао Цзэдун избран Председателем КНР.

В октябре 1955 г. на расширенном пленуме ЦК КПК Мао инициировал курс на ускоренную коллективизацию. В 1955–1956 гг. в КНР были осуществлены социалистические преобразования промышленности и торговли. В сентябре 1956 г. на VIII съезде КПК переизбран членом ЦК, а на I пленуме ЦК КПК 8-го созыва – Председателем ЦК КПК. В феврале–июне 1957 г. развернул кампанию «Пусть расцветают сто цветов, пусть соперничают сто школ», после которой ужесточил идеологический террор в стране под лозунгом борьбы против «правых буржуазных элементов». В ноябре 1957 г. вторично посетил Советский Союз, где принял участие в торжествах по случаю 40-летия Октябрьской революции, а также в совещаниях представителей коммунистических и рабочих партий и лидеров компартий социалистических стран.

В феврале 1958 г. на расширенном заседании Политбюро, пытаясь ускорить темпы промышленного и сельскохозяйственного производства, объявил курс «больше, быстрее, лучше, экономнее» новой генеральной линией партии в социалистическом строительстве. Тем самым он положил начало авантюристическому «большому скачку», поставившему Китай на грань катастрофы. В ноябре 1959 г. Мао Цзэдун подал прошение пленуму ЦК КПК об отставке с поста Председателя КНР, а весной 1961 г. ушел на «вторую линию», отдав повседневное руководство ЦК «умеренному» Лю Шаоци, осуществлявшему программу «урегулирования». В начале 1962 г. на расширенном совещании ЦК с участием 7 тыс. кадровых работников в Пекине Мао Цзэдуна подвергли критике, однако в июле того же года ему удалось развернуть борьбу с «умеренными» в партии и вернуться на «первую линию». Осенью 1962 г. инициировал кампанию «фань сю, фан сю» («бороться против внешнего ревизионизма, не допускать внутреннего ревизионизма»), а также массовое движение за «социалистическое воспитание», которое в 1966 г. переросло в «культурную революцию», направленную в том числе против «умеренных» в высшем руководстве партии. В январе 1967 г. запущен процесс создания новых органов власти – «революционных комитетов», где доминирующее положение заняли ультралевые. «Культурная революция» сопровождалась общенациональной антисоветской кампанией, приведшей весной–летом 1969 г. к вооруженным столкновениям на дальневосточном и синьцзянском секторах китайско-советской границы. В апреле 1969 г. Мао Цзэдун руководил работой IX, а в августе 1973 г. – X съездов КПК, на которых был вновь переизбран членом ЦК, а на первых после съезда пленумах ЦК – Председателем ЦК КПК. В начале 70-х годов врачи выявили у Мао серьезные заболевания – легочно-сердечную недостаточность и боковой амиотрофический склероз. 9 сентября 1976 г. Мао Цзэдун скончался от инфаркта. Его забальзамированное тело покоится в мавзолее в центре Пекина, на площади Тяньаньмэнь.

Маринг Г. (1883–1942) (Снефлит Хенникус) – нидерландский коммунист, активный деятель Коминтерна, антифашист. Родился в Роттердаме. После завершения учебы работал на нидерландских железных дорогах, вступил в социал-демократическую рабочую партию и в профсоюз железнодорожников. В 1913–1918 гг. жил в Нидерландской Ост-Индии, один из основателей Индонезийской социал-демократической ассоциации, позднее участвовал в создании Коммунистической партии Индонезии. 5 декабря 1918 г. был выслан из Нидерландской Ост-Индии. В Нидерландах в 1920 г. участвовал в организации забастовки рабочих и служащих транспорта. Установил тесный контакт с Коминтерном. Участвовал в работе II конгресса КИ как представитель Коммунисти-

ческой партии Индонезии. Командирован Коминтерном в Китай, чтобы помочь организовать коммунистическую партию. В 1921–1923 гг. был представителем Коминтерна в Китае, работал как с китайскими коммунистами, так и с членами Гоминьдана. Вслед за ним в Шанхай приехал уполномоченный Дальневосточного секретариата Коминтерна (ДВСК) В.А.Нейман-Никольский. Оба представителя ИККИ участвовали в работе I съезда КПК.

Г.Маринг налаживал контакты КИ с Сунь Ятсеном и его партией. Первая встреча Маринга с Сунь Ятсеном прошла в резиденции Суня в Гуйлине (декабрь 1921 г. – январь 1922 г.). С августа 1922 г. Г.Маринг – официальный представитель Коминтерна в Южном Китае. Неприятие отдельных оценок Г.Марингом Гоминьдана со стороны Восточного отдела ИККИ в конечном итоге привело к его отстранению в августе 1923 г. от работы в Китае. В 1928 г. выведен из состава ИККИ.

Вскоре Г.Маринг вышел из Компартии Нидерландов и основал Революционную социалистическую партию, которая, пройдя ряд реорганизаций, стала частью Международного бюро революционного социалистического единства (International Bureau of Revolutionary Socialist Unity). После начала Второй мировой войны и оккупации Нидерландов немецкими войсками Г.Маринг ушел в подполье. Вместе с единомышленниками был арестован гестапо. Казнен гитлеровцами 12 апреля 1942 г.

Маршалл Джордж (1880–1959) – военный и государственный деятель, дипломат США. На военной службе с 1901 г. В 1938 г. – начальник Управления военного планирования генерального штаба вооруженных сил США, участвовал в выработке Атлантической хартии 1941 г., в работе Касабланкской (1943 г.), Квебекской (1943 г.), Каирской (1943 г.), Тегеранской (1943 г.), Квебекской (1944 г.), Ялтинской (1945 г.), Потсдамской (1945 г.) конференций. В 1945–1947 гг. – специальный представитель президента США в ранге посла в Китае. Руководил посреднической миссией США на переговорах между Гоминьданом и КПК. В 1947–1949 гг. – госсекретарь США. В этом качестве 29 января 1947 г. Маршалл объявил об отзыве американских представителей из органов, занимавшихся посредничеством в Китае.

Панюшкин Александр Семенович (1905–1974) – государственный и партийный деятель СССР, дипломат, руководитель внешней разведки (1954–1955), генерал-майор (31.05.1954). Участник Гражданской войны. С октября 1924 г. на учебе в Ленинградской кавалерийской школе РККА, затем на службе в пограничных войсках на Дальнем Востоке. С октября 1927 г. по сентябрь 1934 г. на погранслужбе. В 1935–1938 гг. прослушал основной курс Военной Академии РККА им. Фрунзе. По окончании учебы с августа 1938 г. – на работе в ГУГБ НКВД СССР. В июле 1939 г. в качестве уполномоченного Совнаркома по реализации торгового договора направлен в Китай. С 16 февраля 1943 г. по 1944 г. – чрезвычайный и полномочный посол СССР в Китае и одновременно главный резидент внешней разведки. За работу в Китае награжден орденом Ленина. С июня 1952 г. по 1953 г. – чрезвычайный и полномочный посол СССР в КНР. Позднее – на партийной и дипломатической работе.

Петров Аполлон Александрович (1907–1949) – китаевед, дипломат.

В 30-е годы – научный сотрудник Ленинградского отделения Института востоковедения АН СССР, специалист по древней китайской философии. В 1942–1943 гг. на дипломатической работе в Китае (г. Чунцин): секретарь и советник посольства. В 1945–1948 гг. – посол СССР в КР. По возвращении в 1948–1949 гг. – эксперт Архивного управления МИД СССР.

Пу И (1906–1967) – последний, десятый, император династии Цин. В 1908 г. Пу И 2-летним ребенком был возведен на китайский престол под девизом правления Сюаньтун. Стал последним императором маньчжурской династии Цин, правившей в Китае с 1644 г. Синьхайская революция вынудила цинский двор во главе с императором отречься от престола. Сохранил титул императора и резиденцию в Гугуне. В ноябре 1924 г. «христианский генерал» Фэн Юйсян захватил Пекин и предложил императору и его семье покинуть императорский дворец Гугун. Вскоре оказался в японской миссии в Тяньцзине, где и прожил до 1931 г. 18 сентября 1931 г. японские войска оккупировали Северо-Восточный Китай и вскоре создали там марионеточное государство Маньчжоу-го. Во главе его они поставили Пу И, сначала в качестве верховного правителя Маньчжоу-го, а затем, с 1 марта 1934 г., императора. Маньчжоу-го вступило в «Антикоминтерновский пакт», куда входили также Япония, Германия, Италия, Венгрия и Испания. Весной 1935 г. Пу И нанес трехнедельный визит в Японию, побывал у вдовствующей императрицы – матери императора Хирохито. Брат Пу И – Пу Цзе окончил в Японии императорский лицей и поступил в военное училище. Вернувшись в Чанчунь, был назначен в дворцовую охрану. Пу Цзе по настоянию японцев женился в Токио на японке Сага Хиро, дочери знатного вельможи. В мае 1940 г. Пу И вторично посетил Японию, где пробыл 8 дней. 17 августа 1945 г. советские десантники захватили в плен на военном аэродроме в Шэньяне (Мукдене) Пу И и его свиту, а также генералов штаба Квантунской армии, ожидавших японского самолета для вылета в Японию. Около пяти лет Пу И провел в СССР в качестве военнопленного. Писал письма И.В.Сталину, просил оставить его в СССР и не депортировать в Китай. Часть своих драгоценностей передал СССР. По просьбе правительства КНР 31 июля 1950 г. Пу И был передан властям КНР. После 9-летнего заключения Пу И по специальной амнистии в 1959 г. выпущен на свободу, став гражданином КНР. Работал в Пекинском ботаническом саду, затем в Комитете по изучению исторических материалов при НПКСК. В апреле 1962 г. стал делегатом НПКСК. В 1964 г. в Пекине издана его книга «Первая половина моей жизни» (переведена на многие языки мира, включая русский). Во второй половине 60-х годов заболел раком, ему сделали несколько операций. В годы «культурной революции» подвергался критике. Скончался в Пекине 17 октября 1967 г. Сначала похоронен на правительственном кладбище Бабаошань, затем в 1995 г. его прах перенесен на семейное кладбище маньчжурской династии Цинсилин в 125 км от Пекина.

Пэн Бай / Пэн Пай (1896–1929) – коммунист, деятель крестьянского движения. Родился в семье крупного помещика в уезде Хайфэн пров. Гуандун. В 1921 г. окончил факультет политэкономии университета Васэда (Токио). Принимал участие в патриотическом движении китайских студентов в Японии. В 1921 г. вернулся в Китай. Как выходец из местных шэньши получил должность заведующего отделом образования уезда Хайфэн, вскоре уволен за пропаганду марксизма и организацию демонстрации в честь 1 мая в 1922 г. Организовал у себя дома «дом книги», пропагандировал прогрессивные идеи. Принял участие в работе I съезда ССМК. Инициировал в 1922 г. в уезде Хайфэн крестьянское движение. 1 января 1923 г. избран председателем первого в истории Китая крестьянского объединения уездного уровня – Крестьянского союза уезда Хайфэн, объединившего в своих рядах почти 20 тыс. крестьянских семей. В мае того же года Союз преобразован в Федерацию крестьян Хуэйчжоу, Пэн Бай стал ее председателем. Его книга «Крестьянское движение в Хайфэне» стала учебным пособием для организаторов крестьянского движения в Китае. В апреле 1924 г. вступил в КПК. Участвовал в организации курсов крестьянского движения в Гуанчжоу. Активно работал в едином фронте с Гоминьданом. Был секретарем крестьянского отдела ЦИК Гоминьдана (1924 г.), членом постоянного комитета Гуандунского провинциального крестьянского союза (до 1927 г.), секретарем комитета КПК уездов Хайфэн и Луфэн (1925–1926). На V съезде КПК в 1925 г. избран членом ЦК КПК, на августовском совещании ЦК КПК (1927 г.) – членом временного Политбюро ЦК КПК (до июля 1928 г.). Принимал участие в организации Наньчанского восстания 1927 г., был членом фронтового комитета КПК. Разрабатывал план восстания «Осеннего урожая» в Гуандуне. В ноябре 1927 г. Пэн Бай возглавил восстание крестьян в уездах Хайфэн и Луфэн и встал во главе первого в Китае советского правительства Хайлуфэнской республики. Выступал за проведение земельной реформы и распределение земли среди крестьян. В декабре 1927 г. назначен народным комиссаром земледелия Кантонской коммуны. На VI съезде КПК избран членом ЦК КПК, на I пленуме ЦК КПК 6-го созыва – кандидатом в члены ПБ ЦК КПК. В 1928 г. переведен на работу в Шанхай, в ноябре избран членом ПБ ЦК КПК, назначен секретарем крестьянского отдела ЦК КПК. Позже был секретарем Военного совета Шанхайской партийной организации и членом постоянного комитета организации КПК пров. Цзянсу, членом Военного совета ЦК КПК. В 1929 г. стал заведующим отделом пропаганды, заведующим отделом крестьянского движения, секретарем Военного совета Шанхайского городского комитета КПК. По доносу 24 августа 1929 г. был арестован гоминьдановскими властями и 30 августа казнен в шанхайской тюрьме Лунхуа. В Китае изданы «Избранные произведения Пэн Бая».

Пэн Дэхуай (1898–1974) – военный и государственный деятель, маршал КНР. Родился в пров. Хунань в крестьянской семье. В 17 лет возглавил крестьянский бунт против помещика в родном уезде, бежал. В 1918 г. вступил в армию. За три года вырос от рядового до командира взвода. В 1922 г. окончил годичные офицерские курсы, назначен командиром роты, через короткое время – командиром полка НРА (1927 г.), позже – командиром 5-го корпуса Красной армии. В 1928 г. вступил в КПК. В том же году возгла-

вил восстание в Пинцзяне. Создал опорную революционную базу на границе провинций Хунань–Хубэй–Цзянси. В 1929 г. 5-й корпус Пэн Дэхуая занял Жуйцзинь, ставший впоследствии столицей ЦСР. После прибытия в Северную Шэньси стал председателем фронтового комитета Красной армии. В 1934 г. избран кандидатом в члены ЦК КПК. Руководил разработкой стратегии и тактики отражения карательных походов Чан Кайши против советских районов, в 1934–1935 гг. участвовал в Великом походе. В 1936 г. кооптирован в члены ПБ ЦК КПК. В период войны Сопротивления Японии занимал должность зам. командующего 8-й армии, и.о. секретаря Северокитайского бюро КПК. В период гражданской войны 1946–1949 гг. воевал в северо-западной части Китая в должности командующего и политкомиссара войск НОА Северо-Западного Китая. После образования КНР занимал руководящие должности в правительстве и армии. В 1950–1953 гг. командовал китайскими частями в Корее. В 1954 г. назначен министром обороны, зам. премьера Госсовета КНР. В 1955 г. маршал КНР. После критических выступлений по поводу «левацких ошибок» при проведении «большого скачка» на Лушаньском пленуме ЦК КПК в июле–августе 1959 г. снят со всех постов и почти шесть лет находился в опале, практически под домашним арестом. В 1965 г. по настоятельной рекомендации Мао Цзэдуна направлен руководить строительством военных сооружений на юго-запад страны. С началом «культурной революции», в 1966 г., арестован. Умер в тюремной больнице 29 ноября 1974 г. Реабилитирован в 1978 г.

Стилуэлл Джозеф (1883–1946). Закончил Американскую военную Академию в Вест Пойнт. Глубоко изучил иностранные языки, особенно французский. Добился больших успехов в области спорта. До Второй мировой войны Стилуэлл служил в Китае, где научился бегло говорить по-китайски. Занимал пост военного атташе в Пекине. Наибольшую активность Стилуэлл проявил в период Тихоокеанской войны.

В начале 1942 г. назначен начальником штаба Чан Кайши и командующим войсками США в Китае и Бирме. Требовал от Чан Кайши активизации военных действий против Японии. По настоянию Чан Кайши 19 октября 1944 г. отозван президентом Ф.Рузвельтом. Среди причин отзыва с поста командующего театром военных действий называли большие потери его войск в Бирме. Позднее командовал 10-й армией во время завершающих этапов битвы за Окинаву, был командующим 6-й армией. Умер от рака желудка 12 октября 1946 г. в Сан-Франциско. Его прах был развеян над Тихим океаном.

Сун Мэйлин (1898-2003) – супруга Чан Кайши. Сун Мэйлин младшая из знаменитых в Китае «трех красавиц» семьи Сун. Бóльшую часть детства провела в США, закончила колледж в Массачусетсе. Сама говорила о себе: «Единственное, что есть у меня от Востока – это лицо». В 1917 г. вернулась в Китай и включилась в национальное движение, в котором ее отец, братья и старшая сестра уже принимали участие. Познакомилась с Чан Кайши в 1920 г., но вышла замуж за него лишь спустя 7 лет, стала секретарем и переводчиком Чан Кайши, советником по внешнеполитическим вопросам. Сыграла положительную роль в разрешении Сианьского инцидента, успешно провела от имени Чан

Кайши переговоры с Чжан Сюэляном, Ян Хучэном и Чжоу Эньлаем. В период Антияпонской войны возглавляла Всекитайскую женскую организацию. В Чунцине вместе с сестрами Сун Айлин и Сун Цинлин организовала производственный кооператив, поддерживала сирот, отправляла на фронт медикаменты. Ездила по миру, разъясняя политику Чан Кайши. Вершиной ее политической деятельности стало турне по США и выступление перед членами обеих палат Конгресса США в 1943 г. Стала второй женщиной и первой китаянкой, которой дали право обратиться к Конгрессу. Произвела благоприятное впечатление в США, способствовала увеличению американской помощи КР. В 1943 г. журнал «Тайм» поместил ее фотографию на обложке. Следующие 25 лет в США неизменно называли ее одной из 10 самых обаятельных женщин в мире.

В 1948 г., в разгар гражданской войны, вновь отправилась в США за помощью, но не получила ее. После переезда на Тайвань Сун Мэйлин продолжала играть активную роль в политике и общественной жизни, организовывала женщин на оказание помощи армии, детям и бедным. Ее стилю в одежде и прическе, манере держать себя и живописным пристрастиям подражали жены гоминьдановской правящей элиты. Считалась покровителем ВВС Тайваня. После смерти Чан Кайши ее популярность резко упала, она выехала в США и поселилась в Нью-Йорке. До 103 лет писала картины, читала, интересовалась политикой, принимала гостей. Похоронена в США.

Сун Цзывэнь (1894–1971) – политический деятель, специалист по финансовой политике. Сун Цзывэнь – брат Сун Цинлин, Сун Мэйлин и Сун Айлин. Вместе с Чан Кайши, Кун Сянси, братьями Чэнь Лифу и Чэнь Гофу принадлежал к богатейшим и наиболее влиятельным персонам республиканского Китая. Закончил Гарвардский университет, докторскую степень получил в Колумбийском университете. В 1928–1931 гг. был министром финансов и заместителем председателя Исполнительного юаня, в 1930–1933 гг. – управляющим Центральным банком Китая, в 1935–1943 гг. – председателем Совета директоров Центрального банка Китая, в 1942–1945 гг. – министром иностранных дел, в 1945–1947 гг. – председателем Исполнительного юаня, в 1947–1948 гг. – губернатором пров. Гуандун. Активно участвовал в разработке и осуществлении экономических проектов в «нанкинское десятилетие», в ходе фракционной борьбы смыкался с группировкой «политических наук». В 40-е годы, по некоторым оценкам, был самым богатым человеком в мире, его капитал оценивался в 70 млн. долларов. После поражения Гоминьдана в 1949 г. эмигрировал в США. Основные капиталовложения сделаны в «Дженерал моторс» и «Дюпон». Умер в Сан-Франциско.

Сун Цзяожэнь (1882–1913) – видный деятель Гоминьдана. Уроженец пров. Хунань. Получил политико-юридическое образование в Японии, в т.ч. в университете Васэда. В революционном движении с 1903 г., автор ряда книг, редактор периодических изданий прогрессивной направленности. Вместе с Хуан Сином создал в 1904 г. в Японии революционную организацию «Союз китайского возрождения» (Хуасинхуэй), уханьское отделение которой стало первой революционной организацией в пров. Хубэй. Вынужден

был эмигрировать в Японию. В 1905 г. вступил в созданный Сунь Ятсеном Тунмэнхуэй, был его видным деятелем, работал в печатных органах Союза «Минь бао» и «Миньли бао». В 1908 г. создал Ляодунское отделение Тунмэнхуэя, пытался консолидировать антицинские силы в Маньчжурии. Вновь эмигрировал. В 1910 г. возвратился в Китай, подготовил открытие в Шанхае отделения Тунмэнхуэя (1911 г.), избран в его руководство, готовил создание отделений общества в других провинциях бассейна Янцзы, разработал ряд документов и обращений Союза. Принимал вместе с Хуан Сином участие в подготовке и руководстве Учанским восстанием. После образования правительства в Нанкине (1912 г.) возглавил правовой департамент, участвовал в разработке Временной конституции КР, закона об организации Временного правительства. В 1912 г. разрабатывал программу Гоминьдана, был избран в руководство партии, часто по поручению Сунь Ятсена исполнял обязанности партийного лидера, фактически руководил деятельностью партии накануне парламентских выборов, возглавил пекинское отделение Гоминьдана. В правительстве Тан Шаои занял пост министра сельского и лесного хозяйства, ушел в отставку в знак протеста против нарушения Юань Шикаем положений Временной конституции. После убедительной победы Гоминьдана на выборах в начале 1913 г. возглавил парламентское большинство, имел реальную возможность стать премьер-министром. По приказу Юань Шикая на Сун Цзяожэня было совершено покушение, в результате которого 22 марта 1913 г. он скончался.

Сун Цинлин (1893–1981) – государственный и общественный деятель, супруга Сунь Ятсена. Родилась в Шанхае в семье бизнесмена и методистского проповедника Сун Цзяшу. Средняя из трех сестер: старшая Сун Айлин – супруга финансиста Кун Сянси, младшая Сун Мэйлин – супруга Чан Кайши. В 1913 г. закончила факультет литературы Уэслианского (протестантского) женского колледжа (штат Джорджия, США). В Японии в 1914 г. начала работать секретарем Сунь Ятсена с английским языком, сменив на этой должности Сун Айлин. Вступила в Гэминдан (Китайскую революционную партию). В октябре 1915 г. в Токио вышла замуж за Сунь Ятсена. Во время переворота Чэнь Цзюнмина находилась рядом с Сунь Ятсеном. Известны ее слова, сказанные мужу в самый острый момент кризиса: «Без меня Китай может обойтись, а без тебя нет». В 1924 г. участвовала в работе I съезда Гоминьдана. Сопровождала Сунь Ятсена в его последней поездке на Север Китая в 1924–1925 гг. После кончины Сунь Ятсена продолжала заниматься партийной работой, выступала как самостоятельный политический и общественный деятель. В 1926 г. на II съезде Гоминьдана избрана членом ЦИК партии (переизбиралась на III–IV съездах, на V съезде Гоминьдана была избрана кандидатом в члены ЦИК Гоминьдана, руководителем отдела по работе среди женщин). В 1927 г. вошла в состав Уханьского правительства. Выступала за сотрудничество Гоминьдана с КПК. Осудила переворот Чан Кайши 12 апреля 1927 г., в августе того же года выехала в СССР. 18 августа 1927 г. из Москвы отправила телеграмму, в которой назвала Чан Кайши «преступником, наносящим своими деяниями вред партии и стране». Кроме СССР в 1927–1931 гг. посетила ряд стран Европы. Активно работала в Международной лиге борьбы против империализма. В 1927 и 1929 гг. ее почетный председатель. По возвращении на родину после «событий 18 сентября» 1931 г. отказалась от всех должностей в правительстве. Один из организаторов Китайской лиги защиты прав человека (1932 г.)

и Лиги защиты Китая (1938 г.). В 1935 г. поддержала манифест КПК от 1 августа о прекращении гражданской войны и создании единого патриотического фронта. Входила в руководство Гоминьдана и в политической деятельности тяготела к левому крылу правящей партии. В 1936 г. избрана членом Исполкома Всекитайской ассоциации национального спасения. В период Антияпонской войны взаимодействовала в Чунцине с американскими журналистами Э.Сноу и А.Смедли, врачом и американским коммунистическим деятелем Дж. Хейтемом (Ма Хайдэ), проводила работу по сбору средств для армии КПК. В 1946–1949 гг. возглавляла Лигу защиты Китая, преобразованную в Фонд общественного благосостояния Китая. Фонд оказывал большую материальную помощь КПК. Как вдова Сунь Ятсена входила в китайскую политическую элиту, присутствовала на трибуне на площади Тяньаньмэнь в день провозглашения КНР. В КНР избиралась заместителем председателя Центрального Народного правительства, заместителем председателя ПК ВСНП (1954–1981), заместителем председателя ВК НПКСК (1954–1981), заместителем председателя КНР (1959–1975), почетным председателем Всекитайской федерации женщин (1949–1981). С 1954 г. – председатель Общества китайско-советской дружбы. В 1950 г. избрана членом Бюро Всемирного совета мира. В 1951 г. по ее инициативе был основан ежемесячный журнал для иностранной аудитории «Китай на стройке». В 1951 г. получила Международную Сталинскую премию «За укрепление мира между народами», передала полученные ею 100 тыс. рублей в Фонд китайских детей и женщин. В 1951 г. назначена председателем Всекитайского Национального комитета защиты детей, была одним из руководителей Общества китайского Красного Креста. В 1981 г. удостоена звания почетного председателя КНР. Перед самой смертью в 1981 г. вступила в КПК. Ее перу принадлежит книга «В борьбе за Новый Китай». И в период Китайской Республики, и после образования КНР следовала заветам Сунь Ятсена укреплять дружбу Китая с СССР.

Сунь Кэ (Сунь Фо на кантонском диалекте) (1891–1973) – единственный сын Сунь Ятсена, государственный деятель Китайской Республики. Родился в пров. Гуандун, учился в Университете Беркли и Колумбийском университете. Вернувшись в Китай, работал секретарем отца, в гуанчжоуских газетах, в правительстве Гуанчжоу. В 1921–1926 гг. был мэром Гуанчжоу. В 1926 г. назначен министром транспорта и и.о. председателя созданного 1 июля 1925 г. Национального правительства (Гуанчжоу). Занимал посты заместителя председателя Экзаменационного юаня (1927–1928), министров финансов и железных дорог (1928–1931), председателя Исполнительного юаня в 1931 г., 1948–1949 гг. и председателя Законодательного юаня в 1932–1948 гг. Возглавил созданное в 1935 г. Китайско-советское культурное общество. Работал в комитетах гоминьдановского правительства по строительству, экономике, обузданию рек, гидроресурсам Хуанхэ, финансам, захоронениям, сооружению мавзолея Сунь Ятсена.

Близкий к левым силам в Гоминьдане, выступал за сотрудничество с коммунистами в период отражения японской агрессии, представлял Гоминьдан на мирных переговорах с КПК. Параллельно с административными обязанностями выполнял партийные функции в качестве члена ЦИК Гоминьдана (1924–1949).

После начала полномасштабной японской агрессии в 1937 г. безуспешно пытался заручиться поддержкой западных держав. Переориентировался на СССР. Результатом

двух встреч Сунь Фо с И.В.Сталиным стало предоставление Советским Союзом Китаю в 1937 г. двух кредитов по 50 млн. долларов для закупок техники, оборудования и амуниции для армии. Сунь Фо вел в Шанхае переговоры о заключении Договора о ненападении между СССР и Китайской Республикой. Документ подписан Сунь Фо и советским послом Д.В.Богомоловым 21 августа 1937 г. В 1948 г. проиграл выборы на пост вице-президента Ли Цзунжэню. С либеральных позиций критиковал авторитаризм Чан Кайши, который не мог принять ответных мер против Сунь Фо, сына Сунь Ятсена. В марте 1949 г. Сунь Фо ушел в отставку, переселился в Сянган. Путешествовал по миру до 1952 г., когда обосновался в США. В 1965 г. переехал на Тайвань, стал советником Чан Кайши, председателем Экзаменационного юаня. Похоронен в Тайбэе на мемориальном кладбище Янминшань.

Сунь Ятсен (1866–1925) (в северном стандартном произношении Сунь Исянь; Сунь Чжуншань, Сунь Вэнь) – выдающийся политический и общественный деятель, мыслитель, первый временный президент Китайской Республики, революционер-демократ. Основатель первой в стране организации революционных демократов – «Союза возрождения Китая» (Синчжунхуэй), ставившей своей целью свержение династии Цин (1644–1911), основатель и глава первой общекитайской революционно-демократической партии «Объединенный союз» (Тунмэнхуэй), основатель партии Гоминьдан, вождь Синьхайской революции.

Родился 12 ноября в деревне Цуйхэн уезда Сяншань (ныне г. Чжуншань) пров. Гуандун в зажиточной крестьянской семье. Окончил традиционную китайскую школу, отправлен родителями в Гонолулу на Гавайи, к старшему брату Сунь Мэю, который эмигрировал в поисках работы в 1871 г. На Гавайях Сунь Ятсен несколько лет учился в английской миссионерской школе. В 1883 г. вернулся на родину. В 1884 г. переехал в Сянган, где 2 года учился в школе, а затем поступил в медицинское училище в Гуанчжоу, в 1887–1892 гг. изучал медицину в Сянганском медицинском институте. Получив диплом врача, занялся медицинской практикой. В 1905–1911 гг. под руководством Тунмэнхуэя в ряде провинций Китая произошло 10 локальных антиманьчжурских вооруженных восстаний. Победоносное Учанское восстание 10 октября 1911 г. положило начало Синьхайской революции. По возвращении из эмиграции в конце 1911 г. Сунь Ятсен был избран первым временным президентом Китайской Республики (приступил к выполнению обязанностей 1 янв. 1912). Под руководством Сунь Ятсена и при активном участии его соратника Сун Цзяожэня была разработана и принята Временная конституция Китайской Республики.

12 февраля 1912 г. регентша, вдовствующая императрица Лун Юй, от имени малолетнего императора Сюаньтуна и всей династии отреклась от престола. Государственная власть перешла к генералу Юань Шикаю. Через день после отречения Пу И Сунь Ятсен был вынужден отказаться от президентского поста. 15 февраля временным президентом Республики был избран лидер бэйянских милитаристов Юань Шикай. Официальная сдача президентских полномочий состоялась 1 апреля 1912 г.

В целях реорганизации Тунмэнхуэя в партию парламентского типа 13 августа 1912 г. осуществил слияние «Объединенного союза» с четырьмя малыми партиями в новую «Национальную партию» – Гоминьдан.

В связи с началом юаньшикаевской реакции Сунь Ятсен отправил 2 июля 1913 г. телеграмму Юань Шикаю, требуя его немедленного ухода с поста президента. Вынужденный эмигрировать в Японию, Сунь Ятсен занялся воссозданием революционной партии для организации борьбы с Юань Шикаем, который 4 ноября 1913 г. лишил парламентских мандатов 438 депутатов от Гоминьдана, объявив партию вне закона. 8 июня 1914 г. в Токио состоялось учредительное собрание созданной Сунь Ятсеном новой революционной организации – Чжунхуа гэминдан («Китайская революционная партия»), поставившей своей задачей свержение диктатуры Юань Шикая.

В октябре 1915 г. в Токио Сунь Ятсен женился на Сун Цинлин. 21 июня 1916 г. вернулся из эмиграции в Шанхай и в июле 1917 г. отправился в Гуанчжоу, куда в июне 1917 г. также прибыли изгнанные из Пекина члены парламента. 25 августа 1917 г. «старый» парламент проголосовал за создание военного правительства во главе с Сунь Ятсеном, Лу Жунтином и Тан Цзияо. Сунь Ятсен избран генералиссимусом. 18 мая 1918 г. правительство генералиссимуса Сунь Ятсена было преобразовано в правительство «генеральной директории» в составе семи лидеров, включая и Сунь Ятсена.

В ходе предпринятого по инициативе Сунь Ятсена Северного похода против бэйянских милитаристов его союзники Тан Цзияо и Лу Жунтин остановили продвижение войск. Сунь Ятсену, не располагавшему собственной военной силой, пришлось подать в отставку. Он вышел из правительства «генеральной директории», покинул Гуанчжоу и возвратился в Шанхай, где на время отошел от активной деятельности и занялся завершением своего фундаментального теоретического труда «Программа строительства государства» («Цзяньго фанлюэ»).

В атмосфере общественного подъема конца 10-х – начала 20-х годов объявил о преобразовании Чжунхуа Гэминдан в Чжунго Гоминьдан (Китайскую национальную партию) (октябрь 1919 г.). Летом 1918 г. направил приветственную телеграмму В.И.Ленину и Советскому правительству, в которой выражал надежду на то, что в будущем революционные партии Китая и России объединятся для совместной борьбы. Наладил постоянную переписку с представителями Советского государства, работавшими в сфере международных отношений. Установил личный контакт с народным комиссаром по иностранным делам РСФСР Г.В.Чичериным. Когда в 1920 г. в Гуанчжоу приехал представитель Коминтерна Г.И.Войтинский, выразил желание поддерживать постоянный контакт с Россией. Стремился взять на вооружение опыт русских большевиков, чтобы использовать его для революционного переустройства Китая. Вместе с тем он отвергал марксистское учение, считая, что в целом оно неприменимо в условиях Китая. Говоря о социалистическом будущем своей страны, не связывал его с идеями научного социализма.

7 апреля 1921 г. на чрезвычайной сессии парламента в Гуанчжоу был избран президентом Китайской Республики. Весной 1922 г. резко обострились отношения между Сунь Ятсеном и Чэнь Цзюнмином. Конфликт сопровождался применением военной силы. Поднятый вскоре мятеж Чэнь Цзюнмина заставил Сунь Ятсена покинуть Гуанчжоу. В ночь с 15 на 16 июня 1922 г. путчисты подвергли обстрелу и сожгли резиденцию Сунь Ятсена в Гуанчжоу. В огне погибли библиотека и многие рукописи. Сунь Ятсену удалось укрыться на военном корабле «Юнфэн». Он надеялся подавить путч с помощью флота и войск, снятых с фронта. Однако иностранные консулы в Гуанчжоу вынудили военно-морские корабли Сунь Ятсена покинуть гуанчжоуский рейд, устроив военную демонстрацию с участием 8 иностранных кораблей. После открытого вмешательства держав и разгрома верных ему войск Сунь Ятсен вынужден был отплыть в Шанхай. Осенью–зимой 1922 г. встречался с эмиссаром Коминтерна в Китае Г.Марингом, с которым обсуждал вопросы

реорганизации Гоминьдана в «партию действия», а также создания военного училища для подготовки революционных кадров. В сентябре–ноябре 1922 г. тайно направил Ляо Чжункая в Японию с особым поручением: детально обсудить с советскими дипломатами вопрос о военных связях и военной помощи РСФСР Гоминьдану. При встрече Сунь Ятсена с А.А.Иоффе в январе 1923 г. в Шанхае он попросил финансовую и «советническую» помощь СССР. В январе 1923 г. оставшиеся верными Сунь Ятсену войска выбили из Гуанчжоу войска Чэнь Цзюнмина. Вернувшись на Юг в феврале 1923 г., встал во главе Гуанчжоуского правительства и начал подготовку к реорганизации Гоминьдана.

1 мая 1923 г. Советское правительство направило Сунь Ятсену телеграмму с выражением готовности оказать Китаю необходимую поддержку и помощь. Осенью 1923 г. на пост главного политического советника Сунь Ятсена ЦК РКП(б) направил М.М.Бородина. По просьбе Сунь Ятсена Советское правительство летом 1923 г. прислало в Гуанчжоу группу военных советников во главе с комкором П.А.Павловым, в октябре 1924 г. – еще одну группу во главе с В.К.Блюхером (летом 1924 г. П.А.Павлов погиб в результате несчастного случая).

В 1919 г. Сунь Ятсен познакомился с одним из первых китайских марксистов – профессором Пекинского университета Ли Дачжао. 20 января 1924 г. под руководством Сунь Ятсена в Гуанчжоу открылся I съезд Гоминьдана. В работе съезда принимали участие руководители КПК. Съезд одобрил реорганизацию Гоминьдана и линию на сотрудничество с КПК. В выступлениях Сунь Ятсена и Манифесте съезда содержалось изложение его новой политической программы, новая интерпретация «трех народных принципов» (*сань минь чжуи*). Съезд утвердил выдвинутые Сунь Ятсеном три основные политические установки: союз с СССР, союз с КПК и поддержка борьбы крестьянских и рабочих масс Китая.

23 октября 1924 г. один из генералов северной, чжилийской, группировки милитаристов Фэн Юйсян занял Пекин, изгнал У Пэйфу и призвал к прекращению милитаристской междоусобицы и созыву Национального собрания для разработки планов мирного объединения страны. Сунь Ятсен откликнулся на этот призыв. По прибытии на Север в конце 1924 г. он тяжело заболел и 12 марта 1925 г. скончался в Пекине, позднее похоронен в Нанкине. Перед смертью он оставил «Завещание» Гоминьдану и письмо ЦИК СССР, в котором призвал к сохранению союза Китая с СССР.

Сян Чжунфа (1880–1931) – один из руководителей КПК. Уроженец пров. Хубэй, лодочник, образование начальное. Хороший оратор. В 1922 г. вступил в КПК. Занимался активной деятельностью в рабочем и профсоюзном движении, сотрудничал с Гоминьданом в рамках единого фронта. Был членом Хубэйского Исполкома КПК (1926 г.), руководителем рабочего отдела партийной организации Гоминьдана г. Ханькоу, командиром рабочих пикетов в Ухани, председателем генерального совета федерации профсоюзов пров. Хубэй. Принимал участие в забастовке рабочих Пекин-Ханькоуской железной дороги. На V съезде КПК (май 1927 г.) избран членом ЦК КПК, на совещании 7 августа 1927 г. избран членом Временного ПБ ЦК КПК. В октябре 1927 г. направлен в СССР представителем КПК в КИ. Избирался членом ИККИ и членом Президиума КИ. Участвовал в работе проходившего под Москвой в 1928 г. VI съезда КПК, вошел в состав ЦК партии. На I пленуме ЦК КПК 6-го созыва

избран генеральным секретарем КПК, председателем Политбюро ЦК КПК и его Постоянного комитета. Избрание Сян Чжунфа было связано с курсом КПК на выдвижение рабочего движения на первый план партийной теории и практики. Избрание Сян Чжунфа положило начало «пролетарской эры» в руководстве КПК. Однако новый лидер, неадекватно оценивший ситуацию в стране, не смог сыграть роль сильного партийного руководителя. В феврале 1931 г. был арестован и расстрелян гоминьдановскими властями в шанхайской тюрьме Лунхуа.

Тан Шэнчжи (1889–1970) – хуаньский милитарист. Уроженец пров. Хунань. Военное образование получил в Баодинской академии, которую окончил в 1914 г. Участник Учанского восстания, Северного похода. В 1926 г. вступил со своими войсками в НРА, прошел путь от командира корпуса до командующего армией. В 1935 г. получил звание генерала. В 1926–1927 гг. – губернатор пров. Хунань. В 1927 г. – член Политбюро ЦИК Гоминьдана, член президиума ВК, член Уханьского правительства. Во время кризиса национально-революционного движения (весна–лето 1927 г.) вместе с другими уханьскими генералами Тан Шэнчжи отказался от сотрудничества с КПК и перешел на сторону Чан Кайши. В 1929 г. – председатель ВК, командующий 5-й армией. Убежденный буддист, требовал от подчиненных принять его веру. В нанкинский период несколько раз переходил от борьбы с Чан Кайши к выступлениям на стороне последнего. В 1931 г. вошел в состав правительства и ВК в Гуанчжоу, противопоставлявших себя Национальному правительству в Нанкине. Тан Шэнчжи командовал обороной Гуанчжоу, но был вынужден сдать его японским захватчикам в октябре 1938 г. После этого поселился в пров. Хунань и посвятил себя буддизму. В 1948 г. предложил Чан Кайши прекратить войну против коммунистов и вступить с ними в переговоры. В 1949 г. возглавил созданный им «Хунаньский народный комитет спасения», который содействовал мирному освобождению Хунани. В том же году перешел на сторону КПК. После образования КНР был вице-губернатором пров. Хунань, членом Военного совета и членом Совета обороны Южно-Китайского военного округа, членом ПК ВСНП, ВК НПКСК, оставался членом ПК ЦК Революционного комитета Гоминьдана.

У Пэйфу (1874–1939) – генерал, глава чжилийской милитаристской группировки. Родился в пров. Шаньдун в семье лавочника. Получил традиционное образование. В 23 года сдал экзамены на степень *сюцая*. Не сумев устроить свою гражданскую карьеру, завербовался в армию. Закончил Баодинскую академию (1903 г.) лучшим курсантом по специальности «Разведка и картография». Во время русско-японской войны был взят в плен русскими за шпионаж, в Харбине приговорен к смертной казни, бежал. До 1911 г. служил на Северо-Востоке Китая под началом Цао Куня. Считался блестящим стратегом. За участие в походе против южных провинций (1916 г.) получил звание генерал-лейтенанта. С 1906 по 1916 г. он прошел путь от командира батальона до командира бригады, занял видное место в бэйянской военной иерархии, начал участвовать в политической жизни Китая. В период «движения 4 мая» 1919 г. выступил против

решений Парижской мирной конференции, за отмену секретных китайско-японских соглашений, за созыв Национального собрания и переговоры между Севером и Югом, за принятие новой конституции, поддержал патриотические выступления студентов.

В 1920 г. У Пэйфу получил пост заместителя Цао Куня, который являлся инспектором-комиссаром трех провинций (Чжили, Шаньдун, Хэнань), а позже сам стал генерал-губернатором этой территории. Некоторые китайские историки считают, что У Пэйфу сыграл положительную роль в деле улучшения отношений КР с Советской Россией. В 1920 г. Г.Н.Войтинский имел беседы в штаб-квартире У Пэйфу в Лояне, в 1922 г. в контакты с ним вступал А.А.Иоффе, получивший заверения в дружественном отношении к России. В 1922 г. обострение разногласий между чжилийской и правящей аньхуэйской группировками привело к первой чжили-фэнтяньской войне, завершившейся быстрой победой У Пэйфу. Его поддержали коммунисты, с которыми милитарист непродолжительное время сотрудничал. Благодаря выступлениям в защиту национальных интересов страны авторитет У Пэйфу вырос. К званию генерал добавилось определение «революционный».

К 1923 г. У Пэйфу стал одним из главных китайских милитаристов, контролируемая им территория расширилась и включала провинции Чжили, Хэнань, Шаньси, Шаньдун, Хубэй со ставкой в Лояне. Хозяйственная деятельность, сбор налогов позволяли У Пэйфу получать существенные доходы и материально обеспечивать армию, укреплять политическую власть. В 1923 г. подавил забастовку рабочих Пекин-Ханькоуской железной дороги («события 7 февраля»). В октябре 1924 г. У Пэйфу, потерпев поражение в ходе второй чжили-фэнтяньской войны, был освобожден от всех постов и отступил в пров. Хэнань. В августе–сентябре 1926 г. в ходе Северного похода был разгромлен НРА, нашел убежище в пров. Сычуань у своего бывшего подчиненного – милитариста Ян Сэня. У Пэйфу, по его словам, играл в шахматы, изучал буддистские сутры и конфуцианскую классику, читал лекции, но полностью от политической борьбы не отказался. После «событий 18 сентября» 1931 г. неоднократно критически высказывался по поводу создания Маньчжоу-го. В 1933 г. написал письмо японскому императору, в котором осудил действия японцев в Китае. В период Антияпонской войны отказывался от предлагавшегося японцами в разных формах сотрудничества, в частности от поста в правительстве Северного Китая. Умер в 1939 г. от заражения крови, полученного у японского стоматолога. Существует версия, что это было спланированное покушение.

У Пэйфу имел прозвище «Нефритовый маршал». Ходили слухи, что он владел самым крупным бриллиантом в мире.

Фэн Юйсян (1882–1948) – политический и военный деятель, маршал, поэт, эссеист. Уроженец пров. Чжили. Принадлежал к новому поколению милитаристов, которые вышли из низов и пробились к высоким постам, занимаясь самообразованием. Прославился заботой о солдатах и разработанной им системой военно-политической подготовки, основанной на сочетании христианских ценностей и китайской традиционной морали.

Учился в военной школе под Тяньцзинем, где изучал военную стратегию, фортификационное искусство, топографию и оружие, а также историческую литературу. В 1907 г. в должности командира смешанной бригады направлен в Маньчжурию. После Синьхайской революции занимал различные команд-

ные должности в войсках северных милитаристов. В его стиле руководства совмещались строгая военная дисциплина и идея партнерства и равноправия в духе христианского социализма. Христианство он принял в 1914 г. В 1914 г. в пров. Хэнань принял участие в подавлении восстания Бай Лана. Отказался поддержать движение за реставрацию монархии. В 1917 г. 16-я бригада Фэн Юйсяна изгнала из Пекина «армию с косами» Чжан Сюня. В 1918 г. получил пост комиссара обороны г. Чандэ (пров. Хунань). В 1921 г. – военный губернатор пров. Шэньси. В 1922 г. – военный губернатор пров. Хэнань, за время пребывания в которой Фэн Юйсян стал крупным милитаристом, располагавшим хорошо обученной армией. Пользовался популярностью, которую современники сравнивали даже с популярностью Сунь Ятсена. В 1924 г., во время второй чжили-фэнтяньской войны, Фэн Юйсян изменил У Пэйфу, порвал с чжилийской группировкой и возглавил «столичную революцию». Его войска заняли Пекин, было сформировано коалиционное правительство. Фэн Юйсян изгнал Пу И из «Запретного города», объявил себя сторонником Сунь Ятсена и переименовал войска в Национальные армии (*гоминьцзюнь*), став их главнокомандующим и командующим 1-й Национальной армией. Для реорганизации армии пригласил советских военных советников. Контакты с Советской Россией по этому вопросу были налажены еще во время первой чжили-фэнтяньской войны. В городах, занятых Фэн Юйсяном, из тюрем были освобождены политические заключенные, возобновилась работа профсоюзов, были легализованы организации Гоминьдана. Фэн Юйсян поддерживал связи с представителями Советской России А.А.Иоффе, Л.М.Караханом, М.М.Бородиным.

В начале 1925 г. Фэн Юйсян вступил в должность дубаня (военного комиссара) Северо-Запада и перевел свой штаб в Калган (Чахар). В 1925 г. получил под контроль также пров. Ганьсу, позже – Суйюань; разработал программу хозяйственного развития региона. В начале 1926 г., когда его армия стала терпеть поражения от Чжан Цзолиня, отказался от командования армией и уехал в Советский Союз, где пробыл около пяти месяцев. Получив от СССР дополнительную военную помощь, осенью 1926 г. Фэн Юйсян вернулся к своим сильно потрепанным в боях войскам. В том же году вступил в Гоминьдан, приказал всем подчиненным также вступить в партию. ЦИК Гоминьдана назначил его главным представителем партии в Национальной армии и членом правительства. После раскола Гоминьдана поддержал Нанкинское правительство. 20 июня 1927 г. во время встречи с Чан Кайши в Сюйчжоу договорился о совместном нажиме на Уханьский Гоминьдан, сотрудничавший с КПК в целях восстановления единства Гоминьдана. К началу 1928 г. армия Фэн Юйсяна была самой крупной и практически независимой военной силой в Северном Китае. Принял участие в возобновленном Чан Кайши в апреле 1928 г. походе на Север. Попытки Чан Кайши сократить армию Фэн Юйсяна привели к серьезному конфликту между ними, завершившемуся снятием Фэн Юйсяна со всех постов и исключением из Гоминьдана в 1929 г. (позже восстановлен). После событий «18 сентября 1931 г.» выступил за борьбу против Японии, осудил Чан Кайши за политику «непротивления» агрессии. В 1931 г. избран членом ЦИК Гоминьдана. В 1936–1938 гг. был заместителем председателя Военного совета Гоминьдана. После окончания Второй мировой войны направлен Чан Кайши в США для изучения ирригации, фактически стал организатором движения китайской диаспоры в США против китайской политики администрации Г.Трумэна. Заявил об окончательном разрыве с Чан Кайши. Не раз заявлял, что подлинным другом китайского народа был и останется Советский Союз. Летом 1948 г. истек срок паспорта Фэн Юйсяна и он должен был покинуть США. Направляясь в августе 1948 г. в Советский Союз на конференцию с участием китайских коммунистов, погиб вместе с дочерью во время пожара на борту советского судна «Победа» в Черном море.

Ху Ханьминь (Ху Чжаньтан) (1879–1936) – видный политический и государственный деятель. Родился в уезде Панью пров. Гуандун. Принадлежал к субэтнической группе *хакка*. С 17 лет преподавал в частных школах старого типа. В 21 год стал обладателем ученой степени второго уровня *цзюйжэнь*. В 1902 г. за свой счет отправился на учебу в Японию. В 1905 г. вступил в Тунмэнхуэй, был редактором «Миньбао». Принимал участие в подготовке и проведении нескольких восстаний против Цинской династии. Пытаясь собрать деньги на выкуп из тюрьмы Ван Цзинвэя, приговоренного к пожизненному заключению за покушение на принца крови, в 1910 г. отправился в Макао/Аомэнь, где проигрался в казино. После Синьхайской революции занимал должности *дуду* Гуандуна, главы секретариата Временного правительства в Нанкине, участвовал во Второй революции. Являлся одним из инициаторов создания в Японии в 1914 г. Чжунхуа Гэминдана. Неизменно был рядом с Сунь Ятсеном в период движения за восстановление Временной конституции 1912 г., активно участвовал в деятельности Гоминьдана в Гуандуне. В 1919 г. создал в Шанхае журнал «Цзяньшэ». При создании Академии Хуанпу был назначен политкомиссаром. В декабре 1924 г., отправляясь в свою последнюю поездку на Север, Сунь Ятсен назначил Ху Ханьминя и.о. генералиссимуса (этот пост был упразднен после создания Гоминьданом Национального правительства и его структур в июле 1925 г.). С 1924 г. начинает открыто выступать против продолжения сотрудничества Гоминьдана с КПК. После убийства 20 августа 1925 г. Ляо Чжункая партийное руководство выслало из Гуанчжоу под различными предлогами ряд партийных функционеров, прямо или косвенно выступавших против курса Национального правительства, в том числе Ху Ханьминя. Наибольшие подозрения в причастности к убийству Ляо Чжункая падали на его двоюродного брата Ху Ишэна. По данным предпринятого Гоминьданом расследования, к планированию покушения причастны Цзоу Лу, Ху Ишэн, Линь Чжимянь, Чжу Чжовэнь, Сюй Чунчжи. Согласно этой версии, деньги наемному убийце непосредственно передавали Ху Ишэн и два его близких друга Чжу Чжовэнь и Лян Хункай. Ху Ханьминь едва избежал гибели, так как у отряда, направленного к его дому с целью ареста, были полномочия стрелять на поражение в случае попытки к бегству. Укрылся в доме своего главного соперника – Ван Цзинвэя, где его приютила жена последнего Чэнь Бицзюнь. Некоторое время находился под арестом, а позднее был наказан командировкой в СССР для «изучения опыта». В течение ноября 1925 г. – апреля 1926 г. Ху Ханьминь находился в СССР в качестве руководителя делегации Гоминьдана, прибывшей с целью уточнения программы и тактики Гоминьдана перед II съездом, имел контакты с представителями Коминтерна. С именем Ху Ханьминя связаны первые инициативы руководства Гоминьдана о приеме партии в Коминтерн.

После создания Нанкинского правительства неизменно поддерживал Чан Кайши, был первым председателем Законодательного юаня. Фактически в этот период он был второй по значению фигурой нанкинского режима. В феврале 1931 г. в связи с острым конфликтом с Чан Кайши арестован и помещен под домашний арест. Покинул Нанкин и обосновался в Гуанчжоу, откуда продолжал борьбу с Чан Кайши. Основными лозунгами Ху Ханьминя этого периода становятся борьба с японцами, искоренение КПК, критика Чан Кайши. В 1935 г. его избирают председателем ПК ЦИК Гоминьдана. В июне 1935 г. Ху Ханьминь прекратил полемику против Чана и отправился в Европу. В мае 1936 г. умер от кровоизлияния в мозг в Гуанчжоу. Ху Ханьминь опубликовал ряд работ

по теории и практике «трех народных принципов», подготовил к публикации «Полное собрание сочинений Сунь Ятсена», издавал журнал «Три народных принципа».

Ху Ши (1891–1962) – ученый, общественный деятель, дипломат. В 1910 г. начал изучать сельское хозяйство в Корнеллском университете, в 1912 г. перешел на гуманитарное отделение, в 1914 г. получил степень бакалавра. Продолжил обучение в Колумбийском университете под руководством известного философа Дж.Дьюи, подготовил докторскую работу по истории древнекитайской философии. В 1917 г. по возвращении в Китай стал профессором Пекинского университета, возглавил движение за создание новой литературы на разговорном языке байхуа. Призывал к критическому переосмыслению наследия древности. В «Очерке истории китайской философии» (1919 г.), применяя западную методологию, представил обновленную картину развития древнекитайской мысли. Исходя из приоритета эмпирического метода, Ху Ши предлагал «смело выдвигать гипотезы и тщательно искать подтверждения», настаивая на постепенности социальных изменений. Выступление с этих позиций в 1919 г. в ходе «дискуссии о проблемах и „измах“» ознаменовало его разрыв с левым крылом «движения 4 мая».

В конце июля 1926 г. по пути в Европу побывал проездом в Москве, встречался с китайскими студентами Университета им. Сунь Ятсена и ректором К.Радеком. В 1928 г. участвовал в создании журнала «Синьюэ» («Новолуние»), призывал Гоминьдан к соблюдению прав человека и правлению на основе конституции. В 1932 г. основал журнал «Дули пинлунь» («Независимое обозрение»), ставший трибуной для обсуждения внутренней и внешней политики Китая. С 1932 г. занимал пост декана гуманитарного отделения Пекинского университета. В 1938–1942 гг. посол в США, приложил значительные усилия для обеспечения американской политической и финансовой поддержки Китая в период Антияпонской войны. В 1945 г. направил Мао Цзэдуну телеграмму с призывом отказаться от насилия и превратить КПК во «вторую великую партию мира». В 1946–1948 гг. ректор Пекинского университета, участвовал в разработке конституции 1947 г. После 1949 г. уехал в США, выступал с резкой критикой политики КПК и СССР. От Гоминьдана Ху Ши добивался перехода к многопартийности и сменяемости власти на Тайване, часто выступал на страницах выходившего в Тайбэе оппозиционного демократического журнала «Цзыю Чжунго» («Свободный Китай»). В 1958 г. переехал на Тайвань и занял пост президента Академии наук.

Хуан Син (1874–1916) – военный руководитель Синьхайской революции, один из основателей Китайской Республики, соратник Сунь Ятсена. Родился в пров. Хунань в семье начальника уезда. С детства увлекался военными дисциплинами. Закончил в Учане училище нового типа. В 22 года получил степень *сюцая*. В числе лучших учеников в 1902 г. направлен на учебу в Токио. По возвращении на родину преподавал историю в школе, но за распространение антиправительственных идей уволен. Оказался замешанным в убийстве губернатора пров. Аньхуэй, попал в тюрьму, но

благодаря вмешательству влиятельных родственников выпущен на свободу. Уехал в Японию. Вместе с Сун Цзяожэнем создал в 1904 г. в Японии революционную организацию «Союз китайского возрождения» (Хуасинхуэй). Познакомился с Сунь Ятсеном и Ху Ханьминем, принимал активное участие в создании Тунмэнхуэя. Имел прочные связи в среде китайских военных. Накануне Синьхайской революции на Юге Китая участвовал в антиправительственных выступлениях, в частности в нападении на резиденцию генерал-губернатора в Гуанчжоу. Во время Учанского восстания 1911 г. возглавил военные действия революционеров против цинской армии. В ноябре 1911 г. отказался от руководства армией и уехал в Шанхай после того, как его стратегические планы были отвергнуты. В декабре 1911 г. встал во главе революционных войск в сражении за Нанкин. После образования Временного правительства в Нанкине стал главнокомандующим армией, в период правления Юань Шикая недолгое время был наместником в Нанкине и командующим войсками Южного Китая. Выдвигался на пост временного президента КР, но отказался в пользу Сунь Ятсена. В августе 1912 г. вошел в состав руководства Гоминьдана. По приглашению Юань Шикая в октябре 1912 г. посетил Пекин, где ему устроили торжественный прием. В ноябре того же года назначен главным директором ветки железной дороги Ханькоу–Гуанчжоу (до марта 1913 г.). В 1913 г. пытался организовать вооруженные выступления против режима Юань Шикая в Нанкине и бассейне Янцзы. После поражения Второй революции (август–сентябрь 1913 г.) Хуан Син бежал в Японию. Не одобрил реорганизацию Сунь Ятсеном Гоминьдана и не вступил в Чжунхуа Гэминдан. На предложения соратников создать свою партию отвечал: «Только Сунь Ятсен может быть руководителем, другого не знаю». В июле 1914 г. выехал из Японии в Сан-Франциско, где занимался антиюаньшикаевской пропагандой. Из-за границы оказывал материальную помощь юньнаньскому генералу Цай Э в борьбе против власти Юань Шикая. После смерти Юань Шикая Хуан Син 4 июля 1916 г. вернулся в Китай, но вскоре умер.

Хэ Лун (1896–1969) – военный деятель, один из создателей и руководителей НОАК, маршал КНР. Родился в пров. Хунань в бедной крестьянской семье, по национальности *туцзя*. Под влиянием Синьхайской революции в 1914 г. вступил в Чжунхуа Гэминдан. В 1916 г., вооруженный лишь двумя кухонными ножами, вступил в революционную борьбу. Организовал в Хунани крестьянский отряд, принявший участие в антиюаньшикаевском восстании. Поддерживал политические установки Сунь Ятсена, принимал участие в Северном походе. В 1926 г. назначен командиром 1-й дивизии НРА. В 1927 г. за боевые заслуги был назначен командиром 20-й армии НРА. Прославился в Хэнаньской операции против фэнтяньских войск в мае 1927 г. В том же году вступил в КПК. Один из руководителей Наньчанского восстания. Весной 1928 г. по указанию КПК занимался формированием частей Красной армии и созданием революционной опорной базы в районе Хунань–Хубэй. Командовал 2-м корпусом, 2-й армейской группировкой Красной армии, был секретарем фронтового комитета КПК, членом бюро КПК района Хунань–Хубэй. В 1934 г. в Гуйчжоу войска Хэ Луна соединились с 6-й армейской группой и образовали 2-й фронт Красной армии Китая. В 1935 г. участвовал в Великом походе. В период Антияпонской войны командовал 120-й пехотной дивизией 8-й армии, организовал Шаньси-Суйюаньскую антияпонскую базу. В 1945–1949 гг. за-

нимал должности члена штаба Северо-Западного военного округа, второго секретаря Северо-Западного комитета КПК. После образования КНР был членом Центрального народного правительственного совета, заместителем председателя Военно-административного комитета Юго-Западного Китая, третьим секретарем Юго-Западного бюро ЦК КПК, заместителем председателя Комитета обороны, заместителем премьера Госсовета КНР и председателем Комитета по физкультуре и спорту. В 1955 г. получил звание маршала. На VII и VIII съездах партии избирался членом ЦК КПК, на VIII съезде – членом Политбюро ЦК КПК, заместителем председателя Военного совета ЦК КПК. В 1966 г., в период «культурной революции», был снят со всех постов, исключен из партии.

Хэрли Патрик (1883–1963) – дипломат, посол США в КР (1944–1945). Адвокат в штате Оклахома в 1908 г., полковник американских экспедиционных сил во время Первой мировой войны. После войны принимал участие в работе Университета Дж.Вашингтона. Активный член республиканской партии, в 1929 г. назначен помощником военного министра Дж.Гуда. Назначен военным министром после смерти Дж.Гуда, работал в администрации президента Г.Гувера до января 1933 г.

В 1944 г. – генерал-майор. Основная фигура от США в переговорном процессе с КПК, личный представитель Ф.Рузвельта в Китае. Прибыл в Чунцин 6 сентября 1944 г. По просьбе Чан Кайши и по приглашению Мао Цзэдуна 7 ноября прибыл в Яньань для переговоров с руководством КПК. В результате был выработан Проект договора между Национальным правительством КР, Гоминьданом и КПК. Его основные идеи – совместная деятельность в целях объединения Китая и всех вооруженных сил для быстрейшего разгрома японцев и строительства нового Китая; создание Коалиционного Национального правительства. По возвращении в Чунцин П.Хэрли 10 ноября 1944 г. передал этот документ Чан Кайши, однако генералиссимус его отклонил. С конца 1944 г. проводил политику односторонней ориентации на Чан Кайши. 2 апреля 1945 г. на пресс-конференции в госдепартаменте США заявил, что США не будут сотрудничать с КПК, поддержал предложение Чан Кайши о созыве Национального собрания на условиях Гоминьдана. Несогласие П.Хэрли с решениями Ялтинской конференции и с общей линией госдепартамента США, которую он считал прокоммунистической, стало причиной его отставки, о которой он заявил в резкой форме и затем покинул Китай. На родине П.Хэрли занимался политикой, три раза (1946, 1948, 1952) баллотировался в сенат США как республиканец от штата Нью-Мексико, но не прошел ни разу. В 50-х годах основал компанию по разработке урановых рудников в Нью-Мексико.

Цай Юаньпэй (1868–1940) – ученый, просветитель, политический деятель. Родился в пров. Чжэцзян. В возрасте 17 лет сдал экзамен и поступил на государственную службу в своем уезде, в 23 года – на провинциальном уровне, в 26 лет получил высшую ученую степень *цзиньши*. Один из образованнейших людей своего времени. Ратовал за развитие науки и образования в Китае. Владел японским, немецким, французским и английским языками. После неудачи движения за реформы 1898 г. оставил государственную служ-

бу и в 1901 г. стал руководителем школы нового образца – Китайскозападной школы в родном Шаосине. В 1906 г. создал Китайскую ассоциацию образования. В 1904 г. организовал в Чжэцзяне «Гуанфухуэй» («Союз возрождения славы Китая»), в 1905 г. вступил в Тунмэнхуэй.

С 1907 г. до осени 1911 г. учился и проводил исследования в Лейпцигском университете, где слушал курсы по философии, этике, психологии, образованию, литературе, истории искусства, эстетике.

В 1912 г. при президентстве Сунь Ятсена был назначен министром образования Временного правительства КР. После прихода к власти Юань Шикая оставил пост министра и уехал в Европу, где оставался до конца 1916 г. Участвовал в организации китайско-французского Общества образования и осуществлении китайско-французской программы обмена «работать и учиться». После возвращения в Китай в 1916 г. назначен ректором Пекинского университета, где под его руководством были проведены глубокие реформы, направленные на привлечение хорошо подготовленных преподавателей (в том числе известных ученых из-за рубежа). В 1920–1921 гг. посетил несколько европейских стран и США, чтобы лучше ознакомиться с системой высшего образования и научных исследований, встретился с И.Жолио-Кюри в Париже. Лионский и Нью-Йоркский университеты присвоили ему степень почетного доктора. В 1922–1923 гг. изданы три статьи Цай Юаньпэя по проблемам университетского образования в Китае. В 1926 г. поддержал Северный поход НРА. В 1927 г. избран членом ЦИК Гоминьдана. В 1928 г. стал первым президентом Китайской академии наук (Academia Sinica). В 1935 г. оставил все официальные посты и поселился в Шанхае.

Цзян Цзинго (1910–1988) – политический деятель, президент КР на Тайване. Сын Чан Кайши. Родился 27 апреля в пос. Сикоу, уезд Фэнхуа, пров. Чжэцзян. В 1922 г. уехал учиться в Шанхай, участвовал в антиимпериалистических демонстрациях. В 1925 г. направлен на учебу в Москву, в Университет им. Сунь Ятсена. После разрыва Чан Кайши с коммунистами и совершенного им в 1927 г. переворота публично осудил отца и был вынужден остаться в СССР. В 1927–1930 гг. учился в Военно-политической академии им. Толмачева в Ленинграде, где в 1930 г. принят кандидатом в члены ВКП(б). В 1930–1931 гг. – рабочий на заводе «Динамо», в 1931 г. – уполномоченный райкома ВКП(б) в Зарайском районе Рязанской области. С 1932 г. работал помощником начальника цеха на Уральском заводе тяжелого машиностроения, с 1934 г. – заместителем главного редактора заводской газеты «За тяжелое машиностроение». В 1935 г. женился на русской девушке Ф.Вахревой. В 1936 г. принят в члены ВКП(б).

В 1937 г. с женой и сыном вернулся в Китай. После индивидуальных занятий – «промывания мозгов» – занимал административные должности в пров. Цзянси, в 1943 г. переведен в центральный аппарат Гоминьдана. В 1945 г. назначен специальным уполномоченным МИД КР по Маньчжурии, входил в состав правительственной делегации, направленной в Москву для подписания советско-китайского договора о дружбе и союзе. В 1949 г. участвовал в подготовке эвакуации сторонников Гоминьдана на Тайвань, где стал одним из основных творцов режима однопартийной диктатуры. С 1949 г. – председатель тайваньского провинциального комитета Гоминьдана, начальник главного политического управления министерства обороны. Руководил реорганизацией армии, созда-

нием института политработников, налаживанием антикоммунистической пропаганды. В 1952 г. организовал Антикоммунистический союз молодежи и стал его председателем. Постепенно взял под контроль все секретные службы и расширил их деятельность, в 1954 г. объединил их в Управление национальной безопасности. В 60-х годах организовал полеты американских самолетов-разведчиков У-2 над территорией КНР. В 1965 г. назначен министром обороны. В 1972 г. избран председателем Исполнительного юаня. В 1978 г. избран президентом, в 1984 г. переизбран на следующий срок. Проводил эффективную экономическую политику, направленную на создание «равномерно богатого общества» на основе сочетания свободного рынка с государственным планированием и регулированием. Обуздав инфляцию, с 1974 г. осуществлял индустриализацию и строительство крупных объектов культуры. В 70–80-х годах обеспечил развитие высокотехнологичных производств. Получил известность как «отец тайваньского экономического чуда».

В 1987 г. совершил прорыв в современной истории Тайваня, положив начало демократизации его политической системы: 14 июля он отменил чрезвычайное положение, которое с 1950 г. запрещало деятельность всех партий, кроме правящей, и замораживало полномочия и состав высших выборных органов. 14 октября сделал первый шаг в налаживании отношений «между берегами Тайваньского пролива», разрешив жителям острова посещать родственников в КНР. Скончался 13 января 1988 г.

Цюй Цюбо (1899–1935) – публицист, пропагандист марксизма в Китае, один из основателей КПК. Уроженец пров. Цзянсу. В 1917–1920 гг. учился в колледже русского языка при Пекинском правительстве. Начал переводить русскую классику. В 1919 г. участвовал в «движении 4 мая». Самостоятельно изучил английский и французский языки. В начале 1920 г. вступил в созданное Ли Дачжао Общество изучения марксизма. В том же году приехал в Москву в качестве специального корреспондента пекинской «Чэньбао» и шанхайской «Шиши синьбао». Работал корреспондентом в Советской России (1920–1923), преподавал в Коммунистическом университете трудящихся Востока в Москве, там же в 1922 г. по рекомендации Чжан Тайлэя вступил в КПК. Участвовал в работе съезда народов Дальнего Востока (Москва–Петроград, январь–февраль 1922 г.) и IV конгресса Коминтерна (ноябрь–декабрь 1922 г.). Вернувшись в январе 1923 г. в Китай, был главным редактором партийных изданий «Синь циннянь» и «Цяньфэн», редактором «Сяндао», работал над программой КПК и разработкой стратегии сотрудничества КПК и Гоминьдана. На III–VI съездах КПК избирался членом ЦК партии, на IV–VI съездах – членом Политбюро ЦК КПК, на IV и V съездах – членом ПК ПБ ЦК КПК. Вместе с Дэн Чжунся принимал участие в организации Шанхайского университета, занимал должности заведующего учебной частью и декана факультета общественных наук. В 1924 г. избран членом ЦИК Гоминьдана, членом Центрального Политсовета Гоминьдана. Выступал против линии Дай Цзитао в Гоминьдане и политики Чэнь Дусю в КПК. После августовского совещания 1927 г. избран одним из трех постоянных членов Временного политбюро ЦК КПК, став одним из главных руководителей партии. В конце 1927 г. – начале 1928 г. подвергался критике за «левый» авантюризм. В 1928 г. участвовал в работе VI конгресса КИ в Москве, избран членом Исполкома, членом Президиума Исполкома КИ и членом политсекретариата КИ. До 1930 г. входил в состав делегации КПК в КИ.

В период пребывания в СССР работал над программой КПК, конституцией КСР, законами о земле, труде, браке. Написал ряд теоретических работ, переводил на китайский язык документы КИ, работы К.Маркса, Ф.Энгельса, В.И.Ленина, И.В.Сталина, Г.В.Плеханова, произведения советских писателей. В августе 1930 г. вернулся вместе с Чжоу Эньлаем в Шанхай, в русле указаний КИ развернул работу по исправлению левацкой линии Ли Лисаня. В августе 1930 г. назначен заведующим отделом пропаганды ЦК КПК. Принимал участие в подготовке и проведении III пленума ЦК КПК 6-го созыва (сентябрь 1930 г.). На IV пленуме ЦК КПК 6-го созыва в январе 1931 г. освобожден от должностей в ЦК КПК, выведен из состава Политбюро. В 1931–1933 гг. вместе с Лу Синем возглавлял в Шанхае борьбу за «революционную культуру». В 1931–1934 гг. – министр образования временного центрального правительства КСР. В 1934 г. стал членом ЦИК второго правительства КСР на территории Центральной революционной базы, членом президиума ЦИК, членом комитета ЦИК. После начала Великого похода остался в Цзянси на подпольной работе. В феврале 1935 г. схвачен гоминьдановцами и расстрелян. Опубликовано «Собрание сочинений Цюй Цюбо».

Чан Кайши (Цзян Цзеши, Цзян Чжунчжэн) (1887–1975) – политический и государственный деятель КР. Родился в пос. Сикоу (пров. Чжэцзян) в семье торговца солью. После учебы в сельской школе закончил уездное училище. Поступил в Баодинскую военную академию, продолжил военное обучение в Японии, где попал под влияние революционного движения. В Японии, находясь на практике в императорской армии, в 1908 г. вступил в Тунмэнхуэй. С началом революционных событий в Китае возвратился в Китай и участвовал в Синьхайской революции в качестве командира батальона; воевал в пров. Чжэцзян. Принял активное участие во Второй революции, едва избежав гибели. Затем последовал за Сунь Ятсеном и Чэнь Цимэем, своим наставником и другом, в Японию. Вернувшись в Китай, занимался в Шанхае подготовкой вооруженного выступления против Юань Шикая, совершил поездку в Маньчжурию для изучения возможности организации там восстаний, участвовал в других мероприятиях революционеров. Убийство Чэнь Цимэя агентами Юань Шикая в мае 1916 г. стало большим ударом для Чан Кайши. Впоследствии считал своим долгом перед погибшим учителем опекать его племянников Чэнь Гофу и Чэнь Лифу, ставших ключевыми фигурами режима Чан Кайши.

В 1913–1922 гг. завязывает связи в деловых кругах Шанхая и в руководстве влиятельного криминального синдиката «Зеленое братство» (Цинбан). Несколько раз посещает Гуандун. Во время мятежа генерала Чэнь Цзюнмина (15 июня 1922 г.) Чан Кайши остался верен Сунь Ятсену, который нуждался в нем как профессиональном военном, хотя у Чан Кайши не сложились отношения с местными офицерами-гуандунцами.

В 1923 г. во главе военной делегации Гоминьдана прибыл в Москву для изучения опыта советского военного и партийного строительства и в целях достижения договоренностей с советской стороной о получении из СССР помощи в укреплении Гуандунской революционной базы. В апреле 1924 г. назначен начальником военной школы Хуанпу (открылась 16 июня 1924 г.) – будущей кузницы командирских кадров для НРА, подчиняющейся Гоминьдану. Одновременно стал начальником генерального штаба. На мо-

мент смерти Сунь Ятсена считался одной из ключевых военных фигур национально-революционного движения, однако в сформированное Гоминьданом 1 июля 1925 г. Национальное правительство не вошел. В 1925 г. получил пост командующего 1-м корпусом НРА, командующего войсками Восточного похода против гуандунских и гуансийских милитаристов. В результате успешных военных операций в ноябре 1925 г. весь Гуандун оказался под властью Национального правительства. В ходе событий 20 марта 1926 г. в Гуанчжоу (инцидент с военным кораблем «Чжуншань») Чан Кайши сумел оттеснить от власти Ван Цзинвэя и понизить статус советских военных советников. 4 июня 1926 г. назначен главнокомандующим НРА, а 9 июля 1926 г. возглавил Северный поход против бэйянских милитаристов и Пекинского правительства. Северный поход в целом проходил успешно, хотя осуществлялся в условиях роста противоречий не только между Гоминьданом и КПК, но и внутри Гоминьдана. В марте 1927 г. Чан Кайши был снят практически со всех постов в партии, кроме должности главкома НРА, которая, однако, являлась основой его военно-политической власти.

12 апреля 1927 г. подавил рабочее и массовое движение в Шанхае. В Шанхае и ряде других городов Восточного Китая начинаются репрессии против коммунистов. 18 апреля возглавил Национальное правительство в Нанкине. Левогоминьдановское Уханьское Национальное правительство осудило действия Чан Кайши и сняло его с поста главкома НРА. Чан Кайши уехал сначала на родину, потом в Японию, но не прекратил политической борьбы с противниками в партии. 1 декабря 1927 г. женился на Сун Мэйлин, младшей сестре вдовы Сунь Ятсена Сун Цинлин. В январе 1928 г. вернулся в Китай, вновь занял пост главнокомандующего НРА и войсками Северного похода, успехи которого позволили Чан Кайши возглавить новое Национальное правительство КР, сформированное 10 октября 1928 г. Это правительство в течение «нанкинского десятилетия» инициировало ряд экономических реформ, обеспечивших развитие государственного капитализма и преобразования в деревне. В 1928 г. Чан Кайши присвоено звание генералиссимуса, он сосредоточил в своих руках власть в армии, партии и правительстве. Пребывание Чан Кайши у власти и выполнение заявленной нанкинским руководством программы «реконструкции и строительства» осложнила начавшаяся в 1931 г. японская агрессия. Чан Кайши оказался перед лицом трех вызовов: внешнего – со стороны Японии и двух внутренних – со стороны региональных властей и КПК. Почти вплоть до Сианьского инцидента (декабрь 1936 г.) Чан Кайши следовал своей формуле: «чтобы дать отпор внешнему врагу, следует сначала умиротворить страну», основные силы были брошены на борьбу с КПК. Под влиянием ряда факторов, в том числе развития демократического антияпонского движения, Чан Кайши стал занимать все более жесткую позицию по отношению к Японии, готовясь к неминуемому столкновению с внешним врагом. «Сианьские события» вынуждали его пойти на сотрудничество с коммунистами в деле отражения японской агрессии. В годы Антияпонской войны стал безальтернативным лидером партии и государства. В 1938 г. занял пост председателя партии, в 1939 г. – председателя Высшего совета национальной обороны. После начала войны на Тихом океане и включения Китая в число союзных держав активизируется сотрудничество КР с США. Чан Кайши назначен главнокомандующим союзнических сил на китайском театре военных действий. В годы Второй мировой войны растет авторитет Китая на международной арене, в ноябре 1943 г. вместе с Ф.Рузвельтом и У.Черчиллем принял участие в Каирской конференции.

В условиях роста военной мощи КПК и ее популярности среди населения, а также под давлением СССР и США после завершения войны Чан Кайши согласился начать

в Чунцине переговоры с коммунистами, с целью избежать гражданской войны и определить путь дальнейшего развития страны. В 1947 г. в условиях новой полномасштабной гражданской войны принимается постоянная конституция. 20 мая 1948 г. Национальное собрание избрало Чан Кайши президентом Китайской Республики. В январе 1949 г. он уходит в отставку, а затем вместе с супругой, сыном Цзян Цзинго и соратниками вынужден бежать на Тайвань.

В марте 1950 г. Чан Кайши на Тайване вновь был объявлен президентом Китайской Республики и занимал этот пост вплоть до смерти в апреле 1975 г. На Тайване успешно преобразовал Гоминьдан по модели реорганизации партии 1924 г., удалил ряд скомпрометировавших себя видных деятелей.

Черепанов Александр Иванович (1895–1984) – военный деятель, генерал-лейтенант (1943 г.). Участник Первой мировой и Гражданской войн. С января 1918 г. в РККА. В 1923 г. окончил Военную академию РККА. В 1923–1927 гг. – военный советник в Китае. С 1927 г. – на командных должностях, затем в центральном аппарате Наркомата обороны. Главный военный советник при Национальном правительстве Китая в 1937–1939 гг. После возвращения из Китая – старший преподаватель Военной академии Генштаба. Участник Великой Отечественной войны с июля 1941 г. Автор ряда книг о деятельности советских военных советников в Китае, в их числе «Записки военного советника в Китае» (1976 г.).

Чжан Готао (1897–1979) – политический деятель, один из основателей КПК. Родился в пров. Цзянси в семье помещика. Учился в Пекинском университете. В качестве председателя Объединенного союза студентов Пекина участвовал в «движении 4 мая» 1919 г. Был арестован. В 1920 г. в Пекинском университете вступил в коммунистический кружок. В 1921 г. – секретарь Пекинского социалистического союза молодежи. В 1921 г. участвовал в работе I съезда КПК, избран членом Центрального бюро ЦК КПК, ответственным за оргработу. С августа 1921 г. – главный редактор еженедельника «Лаодун» («Труд»). В 20-е годы руководил рабочим движением, в том числе в период Пекин-Ханькоуской забастовки железнодорожников.

Вместе с Цюй Цюбо, Чжан Тайлэем и Кэ Цинши участвовал в работе съезда народов Дальнего Востока в Советской России. Делегат I–VI съездов КПК. На II, IV–VI съездах партии избирался членом ЦК КПК. В 1923–1924 гг. работал в партийных органах Шанхая и Пекина. На I съезде Гоминьдана (1924 г.) избран кандидатом в члены ЦИК Гоминьдана. В мае того же года арестован, но вскоре освобожден. На II съезде Гоминьдана (1926 г.) не вошел в состав ЦИК. На IV съезде КПК избран членом ПБ ЦК КПК. Работал заведующим рабоче-крестьянским отделом, позже – заведующим военным отделом ЦК КПК (1925 г.). В 1926 г. назначен секретарем Хубэйского комитета КПК, ректором

партшколы провинций Хунань и Хубэй, главным редактором еженедельника «Цюньчжун чжоукань» («Массы»), секретарем Ханькоуского комитета КПК. Участвовал в подготовке Наньчанского восстания 1 августа 1927 г. В августе–октябре 1927 г. был заведующим рабоче-крестьянским отделом фронтового комитета Наньчанского восстания, членом и секретарем Южнокитайского бюро ЦК КПК. К 10-летию Октябрьской революции награжден орденом Красного Знамени. На VI съезде партии подвергся критике, однако был избран в ЦК партии и ПБ ЦК КПК. Возглавил китайскую делегацию на VI конгрессе КИ, избран кандидатом в члены ИККИ. В 1928–1930 гг. работал в редакции журнала «Большевик». В январе 1931 г. вернулся в Шанхай. До апреля 1938 г. был членом ПК ПБ ЦК КПК. В марте 1931 г. вошел в партийную группу Всекитайской федерации профсоюзов. В 1931–1934 гг. занимал ряд должностей в КСР: зам. председателя ЦИК, зам. председателя народного комитета ЦИК, руководитель юридического отдела Временного центрального правительства, член РВС. В 1931–1932 гг. – член административного совета и председатель военного комитета советского правительства района Хубэй–Хэнань–Аньхуэй, в 1932 г. – член провинциального комитета КПК этого района. В октябре 1932 г. командовал отступлением с территории Центральной революционной базы частей 4-го фронта Красной армии. С декабря 1932 г. по март 1935 г. был председателем Северо-Восточного РВС, руководил созданием революционной опорной базы в районе Сычуань–Шэньси. В 1934–1938 гг. входил в состав секретариата ЦК КПК, был членом ЦИК Китайской Советской Республики, с февраля 1934 г. – зам. председателя ЦИК, в 1934–1936 гг. – член Реввоенсовета (РВС) КСР. Участвовал в Великом походе. После соединения с частями центральной Красной армии в пров. Сычуань в июне 1935 г. стал зам. председателя РВС КСР (до декабря 1936 г.), главным политкомиссаром РККА (командующий Чжу Дэ). Летом 1935 г., когда Красная армия двумя колоннами взяла курс на Север, Чжан Готао возглавил западную колонну. Встретив на своем пути разлившуюся реку, от имени командования отдал приказ всем частям вернуться на исходные позиции, однако приказ выполнила лишь западная колонна (основная часть Красной армии). В этих условиях образовал в Сычуани второй ЦК, Политбюро, объявил себя генсеком и заявил о подчинении только КИ. Раскол преодолен через год. В июне 1936 г. колонна Чжан Готао двинулась в район Шэньси–Ганьсу–Нинся и после тяжелых боев и больших потерь соединилась с восточной колонной. Параллельный ЦК был упразднен. В 1936–1937 гг. был зам. председателя РВС КСР, зам. председателя, позже и.о. председателя правительства особого района Шэньси–Ганьсу–Нинся. В феврале 1937 г. Чжан Готао передал в ЦК партии письмо, в котором признавал себя виновным в завышении опасности для КПК карательных походов, в недооценке сил Красной армии и стойкости коммунистов во время Великого похода, в сомнениях относительно разработанной ЦК стратегии, неприятии критики своих ошибок со стороны ЦК, организационном противостоянии. Основную причину ошибок Чжан Готао видел в «развитии у себя милитаристских тенденций». ПБ ЦК КПК на заседании в марте 1937 г. обвинило Чжан Готао в проведении антипартийной политической линии и приняло решение развернуть в партии борьбу с его ошибками.

В 1938 г. перешел на сторону Гоминьдана. Отверг предложение Чжоу Эньлая, Ван Мина и Бо Гу вновь признать ошибки и вернуться в Яньань. Исключен из КПК. Поселился в Чунцине, принимал участие в работе военного комитета Гоминьдана, в работе по восстановлению экономики пров. Цзянси. В 1949 г. эмигрировал, умер в Торонто. При жизни издал «Мои воспоминания». Чжан Готао – единственный из первых руководителей КПК, написавший подробные мемуары.

Чжан Тайлэй (1898–1927) – один из первых руководителей КПК. Уроженец пров. Цзянсу. В 1920 г. окончил юридический факультет Бэйянского университета в Тяньцзине. Под влиянием Ли Дачжао увлекся марксизмом, активно участвовал в «движении 4 мая». Один из основателей Социалистического союза молодежи Китая. В 1920 г. вступил в коммунистический кружок в Пекине. В 1921 г. откомандирован партией в Иркутск, где работал в Дальневосточном секретариате КИ. Чжан Тайлэй – первый китайский коммунист, начавший работать в КИ. Член КПК с 1921 г. В июне1921 г. сопровождал представителя КИ в Китае Г.Маринга в его поездке в Китай для подготовки I съезда КПК. В качестве делегата от КПК участвовал в работе III конгресса КИ (встречался с В.И.Лениным), съезда народов Дальнего Востока, учредительного съезда Красного Интернационала профсоюзов, II конгресса Коммунистического интернационала молодежи (КИМ), на котором был избран членом Исполкома. В разное время занимал должности секретаря ЦК КСМК, кандидата в члены ЦК КПК, члена ЦК КПК, представителя КСМК в КИМ, секретаря партийного комитета пров. Хубэй, редактора партийного органа Гуандуна «Жэньминь чжоукань». Делегат III–V съездов КПК. В Гуанчжоу работал в отделе пропаганды ЦИК Гоминьдана, был помощником и переводчиком у политического советника Сунь Ятсена и ЦИК Гоминьдана М.М.Бородина, занимался проблемами единого фронта КПК и Гоминьдана. В июле 1927 г. стал одним из 5 членов Временного ПБ ЦК КПК. Участник «августовского совещания» 1927 г., на котором избран кандидатом в члены Временного ПБ. Будучи секретарем комитета КПК пров. Гуандун, возглавил Гуанчжоуское восстание в декабре 1927 г. (Кантонская коммуна). Замещал Су Чжаочжэна на посту главы Совета народных депутатов, который просуществовал два дня. 12 декабря погиб в бою.

Чжан Сюэлян (1901–2001) – политический и военный деятель, старший сын Чжан Цзолиня, второй после отца «правитель Северо-Востока». Родился в пров. Фэнтянь (Ляонин) в семье могущественного фэнтяньского милитариста Чжан Цзолиня. Получил прекрасное домашнее образование, окончил Фэнтяньскую военную академию, в 1919 г. в звании полковника назначен начальником охраны отца. В 1922 г. получил звание генерал-майора, командовал 2-й бригадой фэнтяньских войск, одновременно был главнокомандующим воздушных сил Трех Северо-Восточных провинций, с сентября 1924 г. командовал 3-й армией фэнтяньских войск, имел прозвище «молодой маршал». После гибели отца в 1928 г. унаследовал его статус в Маньчжурии, объявлен главнокомандующим войсками «охраны спокойствия нации» Трех Северо-Восточных провинций и командующим войсками пров. Фэнтянь. Считался энергичным, современно мыслящим политическим деятелем, стремился ослабить зависимость Маньчжурии от Японии и СССР.

В 1928 г. вступил в Гоминьдан, заявил о подчинении Национальному правительству. В 1928–1936 гг. занимал ряд военных и гражданских постов в Нанкинском правительстве, в том числе в экономическом, финансовом комитетах, комитете по запрету опиумокурения, избирался членом ЦИК Гоминьдана. Проявлял стремление к независимости от Японии. В 1929 г., чтобы избавить свое командование от японского влияния, публично

казнил двух известных прояпонскими настроениями офицеров (генерала Ян Юйтина и его заместителя). В 1929 г. взял под контроль КВЖД. Конфликт был разрешен подписанием 3 декабря 1929 г. в Никольске/Уссурийске, а затем в Хабаровске протокола с представителями СССР о мирном урегулировании советско-китайского конфликта. В 1930 г., когда Фэн Юйсян и Янь Сишань попытались свергнуть правительство Чан Кайши, Чжан Сюэлян выступил в его поддержку, получив взамен контроль над ключевыми железными дорогами пров. Хэбэй и таможенные доходы от порта Тяньцзинь. В 1930–1931 гг. Чжан Сюэлян был заместителем главнокомандующего армией КР. После вторжения японцев в Маньчжурию в 1931 г. следовал указаниям Чан Кайши избегать расширения конфликта. В 1933 г., будучи командующим Северо-Восточной армией, сдал пров. Жэхэ японцам. Ходили слухи, что он сделал это по приказу Чан Кайши, однако позже Чжан Сюэлян утверждал, что таково было его собственное решение. Тем не менее последовала его отставка и путешествие в Европу, откуда он вернулся сторонником Гитлера и Муссолини. В 1934 г. восстановлен в должности; решено использовать его армию как ударную силу в борьбе с КПК. В 1935 г. по приказу Чан Кайши Чжан Сюэлян возглавил Северо-Восточную армию в походе против Красной армии Китая. В 1936 г. он установил перемирие с Красной армией, предлагал Чан Кайши пойти на переговоры с КПК, фактически вышел из-под контроля Чан Кайши и даже подал заявление о вступлении в члены КПК, но получил отказ. Участвовал в аресте Чан Кайши во время Сианьских событий (1936 г.). Вместе с освобожденным Чан Кайши вылетел в Нанкин, где был немедленно задержан и приговорен к 10 годам тюрьмы. После вмешательства Чан Кайши переведен под домашний арест. В 1949 г. перемещен на о. Тайвань, где продолжал находиться под домашним арестом до 1991 г., в общей сложности 55 лет. Обретя свободу, Чжан Сюэлян в 1993 г. эмигрировал на Гавайи. Он никогда не был больше ни в КНР, ни на Тайване, заявив о своем полном нейтралитете. Умер в Гонолулу на 101-м году жизни. Похоронен там же.

Чжан Факуй (1896–1980) – военный деятель, генерал. Родился в пров. Гуандун. Вскоре после Синьхайской революции вступил в Гоминьдан. Во время учебы в Учанской военной школе (1913 г.) участвовал в антиюаньшикаевских выступлениях. Служил в гуандунских военных частях. В период Северного похода был зам. командующего, позже – командующим 4-м корпусом НРА. Весной 1927 г. избран членом Военного совета ЦИК Гоминьдана. В июне 1927 г. стал главнокомандующим дислоцированной в районе Наньчана 2-й АГ, в которой значительное влияние имели коммунисты. Во время Гуанчжоуского восстания (Кантонская коммуна) повернул свои войска против участников восстания. В начале «нанкинского десятилетия» воевал то в союзе с гуансийцами, то против них. На IV съезде Гоминьдана в 1931 г. был избран членом ЦКК. В 1932–1935 гг. посещал Европу, Америку и Юго-Восточную Азию. В 1936 г. был назначен командующим войсками, воевавшими с коммунистами в пограничном районе Чжэцзян–Фуцзянь–Аньхуэй–Цзянси, в 1937 г. – командующим правым крылом 3-го военного района. В 1937–1938 гг. командовал 8-й АГ, участвовал в битве за Ухань. После падения Ухани и Гуанчжоу отвел войска в южную часть пров. Хунань. В 1939–1944 гг. был командующим 4-м военным районом, оборонял Гуандун и Гуанси от японской армии. Командовал Гуйлиньским военным районом. В 1945 г. стал командующим 2-й АГ.

В августе 1945 г. принимал капитуляцию японской армии в Южном Китае. В 1946 г. был назначен представителем главы Национального правительства в Гуандуне, в 1949 г. – главой администрации Хайнаньского особого района. После образования КНР жил в Сянгане/Гонконге.

Чжан Факуй говорил на кантонском диалекте и испытывал серьезные трудности при общении с Чан Кайши, который говорил на южнофуцзяньском диалекте. Обычно Чан Кайши отдавал приказ по телефону и вешал трубку. При общении с Чжан Факуем он обязательно спрашивал, понял ли тот смысл сказанного, и терпеливо ждал, пока подчиненный не ответит утвердительно.

Чжан Цзолинь (1875–1928) – глава фэнтяньской группировки, один из самых влиятельных китайских милитаристов. Родился в пров. Фэнтянь (современная Ляонин) в семье бедного арендатора. Из-за материальных трудностей до 12 лет не учился. В юности перебивался случайными заработками. В период японо-китайской войны 1891–1895 гг. служил в бэйянской армии, во время русско-японской войны возглавил отряд *хунхузов* в Маньчжурии, начал сотрудничать с японцами по принципу «кто мне полезен, тому помогаю». Поступил на службу в правительственные войска, к 1911 г. командовал почти половиной охранно-полицейских войск пров. Фэнтянь. Благодаря неординарным способностям поднялся до высших ступеней власти. После Синьхайской революции остался верен цинскому правительству, помог генерал-губернатору Фэнтяни Чжао Эрсюню сохранить власть и ликвидировать революционные организации. В 1912 г. назначен командиром 27-й дивизии. На формирование мировоззрения Чжан Цзолиня оказал большое влияние Юань Шикай. В 1912 г. получил звание генерала. В 1916 г. назначен военным и гражданским губернатором пров. Фэнтянь, в 1918 г. – инспектором-комиссаром Трех Северо-Восточных провинций, оставался правителем Северо-Востока в течение 10 лет. Активно участвовал в милитаристских войнах за контроль над всем Китаем. 30 мая 1921 г. указом президента Сюй Шичана Чжан Цзолинь официально был назначен правителем Маньчжурии и Монголии: его власть распространялась не только на Три Северо-Восточные провинции, но также на Жэхэ, Суйюань, Чахар. Принимал помощь Японии, однако стремился не допустить расширения ее влияния в Китае. Сотрудничал с белогвардейцами в Маньчжурии, но признал победу советской власти на Дальнем Востоке в 1922 г., препятствовал заключению советско-китайского соглашения о паритетном управлении КВЖД (1924 г.). Свое согласие на его подписание дал только после заключения дополнительного соглашения с властями северо-восточных провинций. В 1920–1921 гг. совместно с чжилийской группировкой контролировал Пекинское правительство, в 1922 г. был смещен со всех постов. В мае 1922 г. провозгласил автономию Маньчжурии, объявил о создании «управления главнокомандующего по обеспечению спокойствия северо-восточных провинций». Чжан Цзолинь провел на их территории экономические преобразования, реформировал административный аппарат, особое внимание уделив модернизации армии, которая была укомплектована и технически оснащена лучше армий других милитаристов. В результате второй чжили-фэнтяньской войны Чжан Цзолинь стал самым могущественным милитаристом в Китае. В 1924–1925 гг. и в 1926–1928 гг. Чжан Цзолинь вновь держал под контролем Пекинское правительство. После «движения 30 мая» 1925 г. вступил в союз с бывшим

противником У Пэйфу, чтобы образовать «антикрасный союз» против Фэн Юйсяна. В декабре 1926 г. Чжан Цзолинь был назначен главнокомандующим «Армией умиротворения государства», которая вела борьбу против сил революции. В апреле 1927 г. по приказу Чжан Цзолиня был совершен полицейский налет на советское полпредство в Пекине, арестованы и убиты китайские коммунисты во главе с Ли Дачжао. 17 июня 1927 г. провозгласил себя генералиссимусом. Особым документом устанавливалось, что он является командующим всеми морскими и сухопутными силами республики. Однако фактически власть Чжан Цзолиня распространялась лишь на Маньчжурию, Чжили и Шаньдун, где размещались его войска. Не смог сформировать эффективное управление и под натиском войск Чан Кайши в июне 1928 г. оставил Пекин. По дороге, на территории Маньчжурии, Чжан Цзолинь погиб в результате подрыва поезда 4 июня 1928 г. в районе поселка Хуангутунь. В настоящее время общепризнано, что теракт – дело рук разведки Квантунской армии и вызван недовольством японской военщины политикой Чжан Цзолиня. Похоронен в деревне Имафан (г. Линхай, пров. Ляонин) на семейном кладбище. В районе города Фушунь (пров. Ляонин) в 1928–1931 гг. возведена усыпальница по типу императорских захоронений, но из-за вторжения японцев в Маньчжурию останки Чжан Цзолиня туда перенесены не были.

Чжоу Эньлай (1898–1976) – выдающийся партийный и политический деятель Китая, формировавший стратегию победы КПК в демократической революции, один из основателей КНР. Родился 5 марта в уездном городе Хуайань (пров. Цзянсу) в обедневшей семье шэньши. Его отец, мелкий чиновник провинциального финансового управления, рано овдовев, отдал девятилетнего сына в семью своего бездетного брата. Через год мальчика взял к себе на воспитание другой дядя по отцу, служивший полицейским офицером в Северо-Восточном Китае, в городах Телине и Мукдене (Шэньяне). Учился в начальной школе, созданной при поддержке иностранных миссионеров. В школе стал изучать английский язык. Во время Синьхайской революции, будучи подростком, Чжоу Эньлай остриг косу. В 1913 г. поступил в открытую на средства американских миссионеров Нанькайскую среднюю школу в Тяньцзине. Знакомился с идеями Сунь Ятсена. Активно участвовал в патриотическом антияпонском движении, против «21 требования» Японии Китаю. Учась в школе, проявил незаурядные актерские способности, большой поэтический талант, показал себя блестящим полемистом. В Японии (1917–1919) увлекся изучением социалистической литературы, познакомился с «Капиталом» К.Маркса. К этому времени относится его знакомство с идеями Октябрьской революции в России, с именем В.И.Ленина.

В апреле 1919 г. Чжоу Эньлай возвратился в Тяньцзинь, поступил в Нанькайский университет и активно включился в антияпонское движение протеста против условий Версальского мирного договора 1919 г. Начал популяризировать социалистические идеи, стал одним из организаторов создания патриотической студенческой «Ассоциации пробуждения», выступавшей против власти милитаристов, компрадорской буржуазии и бюрократов. Уже будучи членом Ассоциации, встречался с одним из первых китайских марксистов, профессором Пекинского университета Ли Дачжао, основателем КПК Чэнь Дусю. В январе 1920 г. при разгоне властями массового митинга арестован.

1920–1924 гг. он провел в Европе, главным образом во Франции, работал на одной из угольных шахт под Лиллем и на автомобильном заводе «Рено» в Париже, побывал в Бельгии и Германии. Во Франции вместе с группой единомышленников, в которую входили Цай Хэсэнь, Ли Лисань, Дэн Сяопин, Ли Фучунь, Чэнь И, еще до образования КПК в 1921 г., основал Китайскую коммунистическую лигу молодежи, стал главным редактором ее печатного органа – журнала "La Jeunesse" (Молодежь). После установления в 1922 г. связи с КПК члены Лиги решили вступить в КПК на правах ее европейской секции. По возвращении в 1924 г. в Китай Чжоу Эньлай стал активным проводником политики единого фронта КПК и Гоминьдана, оказал большую помощь в преобразовании Гоминьдана в «партию действия». Наибольшую известность в революционной среде он приобрел в должности начальника политотдела военной школы Хуанпу.

С 1925 г. Чжоу Эньлай – начальник политотдела 1-го корпуса НРА, участвовал в Восточном походе НРА против милитариста Чэнь Цзюнмина. Внес большой вклад в подготовку Северного похода НРА. С 1926 г. находился на подпольной работе в Шанхае: секретарь военной комиссии комитета КПК района Цзянсу–Чжэцзян, секретарь орготдела ЦК КПК, член Военного совета ЦК КПК. В марте 1927 г. руководил вооруженным восстанием рабочих Шанхая. На V съезде КПК избран членом ЦК КПК. 12 июля 1927 г. введен в состав временного ПБ ЦК КПК. Вместе с Е Тином, Чжу Дэ и Хэ Луном возглавил Наньчанское восстание 1 августа 1927 г. В трудные для КПК годы, последовавшие после разрыва Гоминьдана с КПК, активизировались его контакты с ВКП(б) и КИ. В начале 1928 г. Чжоу Эньлай при содействии КИ нелегально прибыл в СССР, где участвовал в работе VI съезда КПК. На съезде избран членом Политбюро, секретарем ЦК и заведующим орготделом ЦК КПК. Летом 1928 г. участвовал в работе VI конгресса КИ в Москве, на котором избран кандидатом в члены ИККИ. Летом 1930 г. Чжоу Эньлай снова нелегально выехал в СССР для доклада ИККИ о деятельности ЦК КПК. 5 июня 1930 г. от имени КПК приветствовал участников XVI съезда ВКП(б).

В годы «белого террора» и карательных походов Гоминьдана руководил работой партии в подполье. Немало сделал для восстановления партийных рядов и создания в ряде провинций отдельных подразделений Красной армии и опорных советских районов. Летом 1931 г. выехал из Шанхая в ЦСР, загримированный под христианского миссионера. В 1931–1934 гг. – секретарь Центрального бюро ЦК КПК ЦСР, главный политкомиссар РККА Китая и по совместительству политкомиссар 1-го фронта, заместитель председателя Реввоенсовета ЦК КПК. В 1934–1936 гг. – один из руководителей Великого похода. Руководил разработкой плана прорыва гоминьдановской блокады, исполнял обязанности начальника штаба во время Великого похода. В 1935 г. на совещании ПБ ЦК КПК в Цзуньи утвержден зам. председателя РВС ЦК КПК; вскоре введен в состав группы военного командования из трех человек. На VII конгрессе Коминтерна избран членом ИККИ.

В феврале–сентябре 1937 г. во главе делегации КПК успешно провел шесть раундов переговоров с делегацией Гоминьдана о формировании единого национального фронта борьбы против японских агрессоров. В марте 1938 г. Чжоу Эньлай назначен зам. начальника политуправления Военного комитета КР и управления по мобилизации масс при этом комитете. В конце 1938 г. возглавил представительство КПК и 8-й армии в Чунцине. Одновременно в качестве секретаря ЦК КПК, секретаря Южнокитайского бюро ЦК КПК и главного редактора «Синьхуа жибао» вел большую организаторскую и пропагандистскую работу. В августе 1939 г., приехав по делам в Яньань, при падении с лошади сломал руку. Для лечения направлен в Москву. В октябре вместе со своей супругой Дэн

Инчао посетил «интердом», в котором жили и учились дети китайских революционеров. В 1940 г. возвратился в Яньань, затем вновь уехал в Чунцин. На VII съезде КПК (1945 г.) Чжоу Эньлай избран членом ЦК КПК, на I пленуме – членом ПБ и членом Секретариата ЦК КПК. В августе 1945 г. участвовал в подготовке соглашения от 10 октября 1945 г., согласно которому КПК и Гоминьдан обязались добиваться решения мирным путем проблем послевоенного демократического переустройства Китая. 1 января 1946 г. назначен представителем КПК на трехсторонних переговорах между КПК, Гоминьданом и представителями США по урегулированию отношений между партиями, а затем участвовал в качестве главы делегации КПК в работе созванной в Чунцине ПКК. Несмотря на мирные инициативы, с середины 1926 г. развернулась гражданская война между Гоминьданом и КПК. В августе 1947 г. Чжоу Эньлай назначен зам. председателя ВС ЦК КПК, исполняющим обязанности начальника Генерального штаба НОАК. Участвовал в руководстве крупнейшими ее операциями конца 1948 – начала 1949 г. – Ляоси-Шэньянской, Бэйпин-Тяньцзиньской и Хуайхайской. В 1948 г. избран зам. Председателя КПК. Много сил и энергии отдавал сплочению демократических сил Китая, поддержка со стороны которых Компартии Китая сыграла немаловажную роль в победе демократической революции в 1949 г. На первом заседании Центрального народного правительства КНР, провозглашенной 1 октября 1949 г., Чжоу Эньлай назначен премьером Государственного административного совета. В 1949–1954 гг. Чжоу Эньлай – премьер Государственного административного совета; заместитель председателя Народно-революционного военного совета, в 1954–1976 гг. – премьер Госсовета КНР, председатель ВК НПКСК, в 1954–1958 гг. – министр иностранных дел. От имени КНР 14 февраля 1950 г. подписал в Москве договор о дружбе, союзе и взаимной помощи с СССР. В 1949–1954 гг. – член правления ОКСД. Укрепление дружбы с СССР – лейтмотив всех его официальных и неофициальных выступлений вплоть до начала 60-х годов. Пытался всеми способами сгладить отрицательный резонанс, который вызвал отзыв советских специалистов из Китая, устраивал им торжественные проводы, дарил подарки. Активно участвовал в разработке «пяти принципов мирного сосуществования». На VIII съезде КПК избран членом ЦК КПК, на I пленуме – членом Политбюро ЦК КПК и его ПК, зам. председателя ЦК КПК (до 1966 г.). На IX съезде КПК избран членом ЦК КПК, на I пленуме – членом ПБ ЦК КПК и его ПК. На X съезде КПК избран членом ЦК КПК, на I пленуме – членом ПБ ЦК КПК и его ПК, зам. Председателя ЦК КПК. Участвовал в советско-китайских переговорах в Москве в 1950 и 1964 гг., во главе делегации КПК присутствовал на XXII съезде КПСС (1961 г.). Возглавлял делегации КНР на Женевском совещании по Индокитаю (1954), на Бандунгской конференции (1955 г.). Пытался минимизировать негативы «культурной революции», сохранить партийные и государственные кадры. С именем Чжоу Эньлая связано начало постепенной нормализации советско-китайских отношений. 11 сентября 1969 г. в пекинском аэропорту Чжоу Эньлай провел встречу с Председателем Совета Министров СССР А.Н.Косыгиным с целью урегулирования крайне напряженных после вооруженных столкновений на восточных и западных участках китайско-советской границы отношений между нашими странами. При активном участии Чжоу Эньлая в 1970–1972 гг. нормализованы отношения между КНР и США.

В 1972 г. врачи обнаружили у Чжоу Эньлая рак. Он перенес в общей сложности 14 операций. 13 января 1975 г., несмотря на болезнь, Чжоу Эньлай выступил с докладом на сессии ВСНП, в котором изложил программу «четырех модернизаций». 8 января 1976 г. Чжоу Эньлай скончался.

Чжу Дэ (1886–1976) – государственный и военный деятель, маршал КНР. Родился в пров. Сычуань в крестьянской семье. Военное образование получил в Юньнаньском военном училище, где вступил в Тунмэнхуэй. В 1911 г. участвовал в антицинском восстании в пров. Юньнань, в 1915 г. – в антиюаньшикаевском восстании в пров. Сычуань. Занимал командные посты в юньнаньской армии. Под влиянием Октябрьской революции начал изучать марксизм. В 1922–1925 гг. учился в Германии, вступил в КПК (1922 г.). За революционную деятельность был выслан, учебу по военной специальности продолжил в СССР. В 1926 г. возвратился в Китай, по указанию КПК работал в войсках в пров. Сычуань, был уполномоченным КПК в 20-м корпусе НРА. В 1927 г. – командир учебного офицерского полка в Наньчане, начальник управления общественной безопасности города. В Наньчанском восстании участвовал в качестве заместителя командира 9-го корпуса 2-го фронта НРА. После поражения восстания отступил на юг, в начале 1928 г. возглавил крестьянское восстание в южной части пров. Хунань, где был создан советский район. В апреле того же года после слияния его частей с войсками Мао Цзэдуна в районе Цзинганшань стал командиром 4-го корпуса Китайской рабоче-крестьянской революционной армии, вскоре переименованной в Красную армию. С тех пор имена Мао Цзэдуна и Чжу Дэ постоянно упоминались вместе. В 1929 г. Чжу Дэ двинул войска в район Южной Цзянси – Западной Фуцзянь, где в 1931 г. была образована центральная революционная база, получившая название КСР. Чжу Дэ исполнял обязанности председателя ЦВС. С 1930 г. Чжу Дэ – главнокомандующий 1-м фронтом Красной армии, главнокомандующий Китайской РККА. В 1930–1932 гг. вместе с Мао Цзэдуном и Чжоу Эньлаем руководил отражением карательных походов НРА. После 1931 г. постоянно избирался членом ЦК КПК, с 1934 г. – членом Политбюро ЦК КПК (последний раз на X съезде КПК в 1973 г.). Был одним из руководителей начавшегося в октябре 1934 г. Великого похода. В 1937–1940 гг. командовал 8-й армией, переформированной позже в 18-ю АГ НРА, воевал вместе с гоминьдановскими войсками против японцев на Севере Китая. В 1940 г. вернулся в Яньань, возглавил работу по организации партизанской войны и опорных баз в провинциях Шаньси, Чахар, Хэбэй, Шаньдун, Хэнань. С июня 1946 г. – главнокомандующий НОА. Под его руководством в 1948–1949 гг. были проведены три ключевые военные операции гражданской войны в Северном Китае; в апреле 1949 г. развернуто наступление к югу от Янцзы, которое закончилось свержением гоминьдановского режима.

После образования КНР Чжу Дэ был первым заместителем председателя Центрального народного правительственного совета Китая, заместителем председателя Военного совета, главнокомандующим НОАК. В 1954–1959 гг. – заместитель председателя КНР. В 1956 г. избран постоянным членом ПБ ЦК КПК, заместителем председателя ЦК КПК, заместителем председателя Военного совета ЦК КПК. В 1949–1955 гг. занимал должность секретаря комиссии ЦК КПК по проверке дисциплины. В 1955 г. Чжу Дэ присвоено звание маршала КНР. С 1959 по 1976 г. – председатель ПК ВСНП.

Чжу Дэ внес большой вклад в развитие и совершенствование сухопутных, морских и военно-воздушных сил, бронетанковых и артиллерийских войск, подготовку военных кадров. В период «культурной революции» подвергался нападкам. Комитет по делам «культурной революции» готовил массовый митинг по дискредитации Чжу Дэ. Слова Мао Цзэдуна: «Чжу Дэ – красный маршал, его трогать нельзя» вынудили хунвэйбинов отказаться от публичного разоблачения, но критика не прекратилась. Маршала, в част-

ности, обвинили в буржуазных наклонностях за разведение орхидей – тогда он подарил свою коллекцию из 6 тыс. цветов парку им. Сунь Ятсена в Пекине, а на освободившейся земле выращивал овощи. Чжу Дэ был отстранен от дел и на некоторое время выслан в пров. Гуандун. Умер в Пекине.

Чуйков Василий Иванович (1900–1982) – военачальник, маршал Советского Союза (1955), дважды Герой Советского Союза. С 1952 г. – кандидат в члены ЦК КПСС, а с 1961 г. – член ЦК КПСС. Депутат Верховного Совета СССР с 1946 г.

В РККА – с апреля 1918 г., участник Гражданской войны. В 1925 г. окончил Военную академию имени М.В.Фрунзе, в 1927 г. – восточный факультет академии. С ноября 1927 г. – помощник начальника отдела в штабе Московского военного округа. С января 1928 г. – военный советник в Китае. С сентября 1929 г. – начальник отдела штаба Особой Краснознаменной Дальневосточной армии В.К.Блюхера. С декабря 1940 г. до марта 1942 г. – военный советник при армии КР, военный атташе при полпредстве СССР в Китае. Награжден китайскими правительственными наградами. Автор книги «Миссия в Китае». С мая 1942 г. – на фронтах Великой Отечественной войны.

Чэнь Гофу (1892–1951) – политический и государственный деятель КР. Уроженец уезда Усин пров. Чжэцзян, племянник Чэнь Цимэя. В юности учился в Чанша, в 1907 г. поступил в Чжэцзянскую пехотную школу. Под влиянием Чэнь Цимэя вступил в Тунмэнхуэй. Участвовал в Синьхайской революции и в борьбе против Юань Шикая. С 1918 г. вместе с Чан Кайши и некоторыми другими деятелями Гоминьдана занимался биржевой торговлей в Шанхае, часть доходов от которой шла на революционную деятельность. После создания Сунь Ятсеном в Гуанчжоу военной школы Хуанпу занимался набором будущих курсантов в Шанхае, закупкой необходимого вооружения.

В 1926 г. стал заместителем заведующего организационного отдела ЦИК Гоминьдана, впоследствии много лет возглавлял орготдел ЦИК Гоминьдана, был членом ЦИК Гоминьдана, Постоянного комитета ЦИК, Политсовета ЦИК Гоминьдана. Поддерживал политику Чан Кайши и правых гоминьдановцев по отношению к КПК. Вместе с братом Чэнь Лифу возглавлял в партии группировку выходцев из восточных провинций, часто именуемую «группировкой СиСи», которая контролировала партийный аппарат и значительную часть административной системы.

Кроме партийных должностей Чэнь Гофу занимал должности заместителя председателя Контрольного юаня, губернатора пров. Цзянсу (1933–1937), начальника учебного отдела Центральной политической школы, начальника 3-го отдела секретариата председателя Военного совета. Организовал и курировал вместе с Чэнь Лифу работу органа партийной разведки и контрразведки – Управления расследований и статистики ЦИК ГМД (сокр. Чжунтун). Становление данной спецслужбы, боровшейся против разнообразных врагов режима – от коммунистов до античанкайшистской оппозиции внутри и вне

партии, относится к началу правления Гоминьдана в Китае. Чэнь Гофу был безусловно лично предан Чан Кайши и идеям суньятсенизма, поддерживал и проводил в жизнь социальные и административные реформы. Инициировал серию реформ системы управления на местном уровне, органов земельной администрации; формировал основы современной аграрной политики, сельской кооперации, ирригации, дренажа рек. В годы Антияпонской войны и после нее занимался также экономическими вопросами, управлением партийным имуществом, возглавлял правление Крестьянского банка Китая, правление Центральной кооперации, Компании по освоению земель. Вскоре после войны начал отходить от активной политической деятельности. Еще в годы Антияпонской войны обострился туберкулез легких, которым Чэнь Гофу страдал с юности. Ему сделали несколько операций. Умер на Тайване.

Хотя братьев Чэнь Гофу и Чэнь Лифу относят к так называемым «четырем семействам Китая», к могущественным кланам, сосредоточившим в своих руках власть и экономические ресурсы страны, братья вели весьма скромный образ жизни. По свидетельству многих современников, они не брали вторых жен, наложниц, не заводили любовниц, что в ту эпоху было довольно распространенным обычаем среди китайской элиты. Занимая на протяжении десятилетий ведущие партийные и государственные должности, ни старший Чэнь, ни его младший брат не накопили богатства. Кроме официального оклада, они не имели никаких дополнительных доходов. После прекращения работы на государственной службе (после бегства на Тайвань Чан Кайши в ходе радикальной реорганизации Гоминьдана от власти были отстранены основные фракции, в том числе и «группировка СиСи») братья Чэнь оказались фактически в нищете. В последние месяцы жизни Чэнь Гофу был вынужден просить друзей помочь найти деньги на лечение. 5 тыс. юаней ему выделил Чан Кайши.

Чэнь Лифу (1898–2001). Родился в уезде Усин пров. Чжэцзян, младший брат Чэнь Гофу, племянник Чэнь Цимэя. В 1922 г. окончил факультет горного дела Бэйянского (ныне – Тяньцзиньский) университета. Учился в США, в 1925 г. получил степень магистра Питтсбургского университета по специальности «горное дело». В карьере Чэнь Лифу, так же как и его старшего брата, ключевую роль сыграли отношения побратимства дяди Чэнь Цимэя и Чан Кайши. Чэнь Лифу мог стать успешным горным инженером, но предпочел карьеру видного гоминьдановского функционера. Вернувшись по вызову старшего брата в 1925 г. в Китай, он становится секретарем канцелярии военной школы Хуанпу, затем секретарем Чан Кайши; ведет англоязычную часть документации. В 1928 г. назначен начальником Сектора расследований орготдела ЦИК Гоминьдана, в 1929 г. – заведующим секретариата ЦИК Гоминьдана, в 1931 г. – руководителем орготдела ЦИК Гоминьдана. После того как старший брат был в 1934 г. назначен губернатором пров. Цзянсу, роль Чэнь Лифу в контроле над центральными органами Гоминьдана возросла. Чрезмерно активное продвижение Чэнь Лифу на различные должности своих людей и манипулирование голосами делегатов партийных съездов провоцировали крайне напряженные отношения с другими влиятельными группировками в партии и даже временами вызывали неудовольствие самого Чан Кайши. С конца 20-х годов курировал органы партийной разведки и контрразведки. В 1934 г. назначен председателем Земельного комитета Национального правительства, проводит большую работу по

созданию земельных органов в провинциях, готовит кадры специалистов-аграрников, занятых земельными обследованиями. Во второй половине 30-х годов участвовал в мероприятиях Гоминьдана по установлению сотрудничества с КПК в условиях расширявшейся японской агрессии; по поручению Чан Кайши контактировал с представителями Компартии. Во время Сианьского инцидента прилагал усилия к мирному разрешению кризиса.

В годы Антияпонской войны с 1938 по 1944 г. занимал пост министра образования. Историки КНР подчеркивают его значительный вклад в сохранение и развитие системы образования в условиях войны, распространение грамотности среди населения и в патриотическое воспитание. Опубликовал ряд книг по философии и культурному наследию Китая. С июня по декабрь 1948 г. – зам. председателя Законодательного юаня Национального правительства. После поражения Гоминьдана в гражданской войне с КПК и перебазирования режима на Тайвань Чэнь Лифу, как и его брат, лишился всех значимых постов в структурах власти. Вскоре эмигрировал в США, где, так и не накопив за 25 лет партийно-государственной карьеры никаких средств, занялся мелким предпринимательством в сфере сельского хозяйства, содержал ферму по разведению кур. Одновременно занимался исследованиями и практикой в сфере китайской традиционной медицины. Разработал собственную систему поддержания здоровья и долголетия. В 1969 г. возвратился на Тайвань, получил ряд почетных должностей, в частности был советником администрации президента КР, зам. председателя Комитета действий в рамках кампании по возрождению китайской культуры, председателем правления Общества изучения Конфуция и Мэн-цзы. Умер в 2001 г. в возрасте 103 лет.

Чэнь Дусю (1879–1942) – один из основателей КПК, первый генеральный секретарь ЦК КПК. Родился в пров. Аньхуэй. Получил степень *сюцая* в 1896 г. Занимался просветительской деятельностью и участвовал в патриотическом движении, вследствие чего неоднократно подвергался преследованиям властей. Эмигрировал в Японию, где учился в университете Васэда, изучал филологию, занимался каллиграфией, писал стихи.

В провинции Аньхуэй Синьхайскую революцию поддержали именно в тех районах, где вели работу Чэнь Дусю и его сподвижники, один из которых, заняв пост военного губернатора, назначил Чэнь Дусю начальником секретариата губернатора провинции. Затем стал директором Аньхуэйского высшего училища, реорганизованного позже в Аньхуэйский университет. За выступления против Юань Шикая в 1913 г. попал в тюрьму. В 1914 г. снова жил в Японии, в 1915 г. возвратился в Шанхай, начал издавать журнал «Циннянь цзачжи» («Молодежный журнал»), с 1916 г. «Синь циннянь», становится идеологом и лидером «движения за новую культуру». В конце 1918 г. вместе с Ли Дачжао основывает журнал «Мэйчжоу пинлунь», пропагандировавший марксизм. Активный участник «движения 4 мая» 1919 г. Летом 1920 г. с помощью КИ создал в Шанхае первый коммунистический кружок. Хотя Чэнь Дусю не присутствовал на I съезде КПК, он был избран секретарем Временного Центрального исполнительного бюро КПК (фактически генсеком), на II и III съездах КПК – председателем ЦИК КПК. В 1922 г. принимал участие в работе IV конгресса КИ, представил доклад о работе по созданию единого фронта КПК и Гоминьдана, избран членом ИККИ. В 1923–1924 гг. – главный редактор партийной газеты, в 1924 г. – член ПБ ЦИК КПК.

В 1925 г. на IV съезде КПК избран членом ЦИК, членом Центрального бюро, генеральным секретарем ЦИК КПК. С января 1925 г. по май 1927 г. – заведующий орготделом ЦИК КПК. В 1927 г. на I пленуме ЦК КПК 5-го созыва вновь избран генеральным секретарем, членом ПБ ЦК КПК, членом ПК ПБ ЦК КПК. В этот период Чэнь Дусю переходит на позиции троцкизма, что стало реакцией на трудности работы партии в новых условиях. Чэнь Дусю пишет письма в ЦК КПК с критикой позиции КПК. В июле 1927 г. полномочия Чэнь Дусю как генерального секретаря Компартии прекращены. В течение двух месяцев он работает в Комитете по крестьянскому движению ЦК КПК. Его обвиняли в правом оппортунизме, капитулянтстве и троцкизме, поражении коммунистического движения в 1925–1927 гг. В 1928 г. отказался ехать в СССР на VI съезд партии, отвергая подобную критику. 15 ноября 1929 г. Политбюро ЦК КПК утвердило решение парткома пров. Цзянсу об исключении Чэнь Дусю из партии за «нападки на политическую линию КПК, пессимистические взгляды на перспективы революции, клевету на Красную армию и выступления против создания революционных опорных баз». 15 декабря группа сторонников Чэнь Дусю выступила с «Заявлением 81», основной смысл которого сводился к критике КИ, ВКП(б) и руководства КПК. С марта 1930 г. в Шанхае стал выходить журнал «Учаньчжэ» (Пролетарий), орган троцкистов. В мае 1931 г. на объединительной конференции китайских троцкистов Чэнь Дусю был избран секретарем ЦК троцкистской партии, которая просуществовала недолго. В октябре 1932 г. арестован гоминьдановскими властями в Шанхае, приговорен к 13 годам тюрьмы и 15 годам лишения гражданских прав. Освободившись по амнистии в августе 1937 г., отошел от политической деятельности, жил в Ухани, Чунцине, Цзянцзине (Сычуань), изучая политические науки, философию и филологию.

Чэнь Миншу (1889–1965) – левый гоминьдановец, генерал. Выходец из пров. Гуандун. В 1912 г. окончил Баодинскую военную школу, в 1913 г. участвовал во «второй революции». Служил в Гуансийской и Гуандунской армиях. В 1925 г. – в НРА, командир дивизии. Во время Северного похода повышен в ранге до командира 11-го корпуса НРА, начальник Уханьского гарнизона. В 1927 г. служил в 8-м корпусе Тан Шэнчжи, в апреле 1927 г. стал заместителем начальника Главного политуправления НРА в Нанкине. В 1932 г. – заместитель председателя Исполнительного юаня и министр путей сообщения. С последнего поста ушел в отставку, так как был обвинен в коррупции. В ноябре 1933 г. под лозунгом борьбы против Японии вместе с Ли Цзишэнем создал в Фучжоу (пров. Фуцзянь) так называемое «народное революционное правительство Китайской Республики», заявил о разрыве с Гоминьданом. За это был исключен из партии. Правительство издало приказ о его аресте, отмененный в 1936 г. В 1948 г. вступил в организованный Ли Цзишэнем в Сянгане/Гонконге «Революционный комитет Китайского Гоминьдана». В следующем году, будучи на Севере Китая, перешел на сторону КПК. После образования КНР был членом Центрального народного правительства, Комитета по политике и законодательству Центрального административного совета, заместителем председателя Южно-Китайского политико-административного совета, членом Южно-Китайского военно-политического совета.

Чэнь Цзюнмин (1878–1933) – революционер и политический деятель, сподвижник Сунь Ятсена до 1922 г. Родился в уезде Хайфэн пров. Гуандун. Получил юридическое образование в Гуандунской академии права и политики, был членом Совещательного комитета пров. Гуандун. Вступил в Тунмэнхуэй (1909 г.). Издавал газету «Хайфэн цзычжи бао». После Учанского восстания был направлен в район Дунцзяна для организации там восстаний и проведения операции по взятию Хуэйчжоу. После образования Гуанчжоуского военного правительства стал сначала зам. военного губернатора, вскоре – и.о. военного губернатора (1911–1912). В 1912 г. ушел в отставку, возглавил армию Гуандуна. В 1913 г. сменил Ху Ханьминя на посту военного губернатора Гуандуна. В период «второй революции» в 1913 г. выступил против Юань Шикая, вынужден был бежать из Гуанчжоу, скрывался в Сингапуре, занимался коммерцией. В 1915 г. из бывших сторонников Гоминьдана организовал компанию по развитию ирригации. Вернувшись в Китай, поддержал Сунь Ятсена в его борьбе с Пекином, с гуансийскими и юньнаньскими милитаристами, принял участие в восстановлении власти Гоминьдана в Гуандуне. Поддерживал требование восстановления Временной конституции 1912 г. и Национального собрания. В ноябре 1915 г. стал губернатором пров. Гуандун, командующим армией. В 1917 г. президент Ли Юаньхун даровал ему звание «Решительного генерала». В январе 1918 г. вошел со своими вооруженными силами в Фуцзянь, организовал опорную базу, на два года стал военным лидером провинции. В августе 1920 г. вернулся в Гуандун, вытеснил гуансийскую армию, занял Гуанчжоу. 1 ноября назначен губернатором Гуандуна и главнокомандующим армией провинции. В 1919 г. в качестве секретаря партийной организации Гоминьдана пров. Гуандун выступил против предложения Сунь Ятсена о походе на Север, отстаивал идею образования в Китае федерации автономных провинций. Когда Сунь Ятсен был провозглашен парламентом Юга чрезвычайным президентом (май 1921 г.), Чэнь Цзюнмин занял должности губернатора провинции, военного министра, министра внутренних дел и командующего армией Гуандуна, однако из-за разногласий с президентом, в том числе по вопросу о введении в КР федеративного устройства, вскоре лишился всех постов, кроме должности военного министра. В июне 1922 г. совершил переворот, обстрелял резиденцию и канцелярию Сунь Ятсена, объявил себя главнокомандующим армией Гуандуна. В январе 1923 г. Сунь Ятсен организовал поход против Чэнь Цзюнмина, в основном силами курсантов военной школы Хуанпу, и вытеснил его из Гуанчжоу. Чэнь Цзюнмин потерпел поражение, скрылся сначала в Хуэйчжоу, затем бежал в Сянган/Гонконг. Остатки его армии окончательно были разгромлены в 1925 г. В 1928 г. в Даляне/Дайрене организовал Республиканский союз великого единения – партию, которая не играла какой-либо заметной роли. После японского вторжения в Маньчжурию в 1931 г. критиковал Чан Кайши за бездействие и организовывал бойкоты японских товаров. Умер в 1933 г. в Сянгане, похоронен на берегу оз. Сиху в Хуэйчжоу (пров. Гуандун).

Чэнь Чэн (1898–1965) – военный и политический деятель, один из лидеров группировки Хуанпу, генерал. Родился в семье учителя в пров. Чжэцзян. В 1922 г. окончил Баодинскую академию, в 1923 г. служил в охране резиденции Сунь Ятсена в Гуандуне. Закончил военную школу Хуанпу, где попал в поле зрения Чан Кайши, который был ее руководителем. За успехи в двух Восточных походах быстро получил звание майора. Северный поход закончил в звании полковника; такое быстрое продвижение было совершенно

нетипично для командиров НРА. За последующие успехи в борьбе с северными милитаристами был повышен до командира 11-й дивизии и заместителя командира 2-го корпуса экспедиционной армии. В 1931–1935 гг. руководил «карательными походами» против революционных баз КПК. В 1932 г. женился, но сразу же после «медового месяца» отправился снова на борьбу против коммунистов. В период Антияпонской и гражданской войн был одним из высших командиров гоминьдановской армии. В 1937 г. командовал войсками, отражавшими наступления японцев на Ухань, Чанша, Ичан, Западный Хубэй. В 1944 г. назначен начальником Политуправления армии. После реорганизации военных органов в 1946 г. стал начальником штаба армии. В 1947–1948 гг. командовал в Дунбэе войсками Гоминьдана в борьбе против КПК. Потерпел жестокое поражение, потерял значительную часть своих войск. В октябре 1948 г. уехал на лечение на Тайвань. В начале 1949 г. назначен Чан Кайши губернатором Тайваня. В 1950–1954 гг. и 1958–1963 гг. был председателем Исполнительного юаня, в 1954–1965 гг. – вице-президентом Тайваня. Инициировал земельную реформу, занимался восстановлением народного хозяйства острова.

Чэнь Шаоюй (Ван Мин, И.Голубев) (1904–1974) – родился в уезде Люань (ныне Цзиньчжай) пров. Аньхуэй. В 1924 г. вступил в ССМК, в 1925 г. стал членом КПК, публиковался в студенческих изданиях. В конце 1925 г. направлен на учебу в СССР в Университет трудящихся Китая им. Сунь Ятсена (УТК/КУТК). Весной–летом 1927 г., находясь в Китае в качестве переводчика П.А.Мифа, возглавлявшего делегацию КИ на V съезде КПК, принял участие в работе секретариата V съезда КПК. Летом 1928 г. участвовал в подготовке и проведении VI съезда КПК, после которого возглавил партячейку КУТК. Был инициатором создания группы «28 большевиков».

По возвращении в Китай в 1929 г. назначен секретарем отдела пропаганды комитета КПК района Худун (Чжабэй) г. Шанхая, одновременно работал редактором газеты «Хунци». В марте 1930 г. – референт в отделе пропаганды комфракции Шанхайского генсовета профсоюзов, редактор газеты «Лаодун». За критику левацкой линии Ли Лисаня был временно исключен из партии. В конце 1930 г. назначен и.о. секретаря Цзянаньского комитета КПК, позже – секретарем комитета КПК пров. Цзянсу.

В условиях резкого поворота Коминтерна влево и получения в КПК «Письма ИККИ в ЦК КПК о лилисаневщине» опубликовал брошюру «Две линии», в которой предлагал левацкую программу работы партии. 27 января 1931 г. на IV пленуме ЦК КПК 6-го созыва при поддержке П.А.Мифа был кооптирован в члены Политбюро ЦК КПК, а позже стал членом Постоянного комитета Политбюро ЦК КПК. В январе–сентябре 1931 г. исполнял обязанности генерального секретаря КПК, участвовал в подготовке документов к I Всекитайскому съезду представителей советских районов. С ноября 1931 г. по ноябрь 1937 г. – представитель КПК в Коминтерне. В 1932–1943 гг. избирался членом Президиума ИККИ, с 1932 по 1935 г. – членом Политсекретариата ИККИ. С 1935 г. до роспуска Коминтерна в 1943 г. был кандидатом в члены Секретариата ИККИ. Участвовал в работе XII, XIII пленумов ИККИ, XVII съезда ВКП(б). В январе 1934 г. на V пленуме ЦК КПК 6-го созыва избран членом Постоянного комитета Политбюро ЦК КПК. Позже этот период в истории партии получил название «левоуклонистской линии Ван Мина».

В августе 1935 г. на VII конгрессе КИ огласил подготовленное делегацией КПК в ИККИ «Обращение 1 августа», главной целью которого стала организация единого антияпонского фронта. В 1931–1937 гг. опубликовал в коминтерновской печати ряд статей по тактике КПК в условиях японской агрессии, внес значительный вклад в поворот КПК от сектантской политики «единого фронта снизу» к широкому единому национальному антияпонскому фронту.

По возвращении в Китай в ноябре 1937 г. в качестве члена Политбюро и секретаря ЦК КПК руководил работой ряда региональных бюро, отделов и комиссий ЦК КПК. С декабря 1937 г. до октября 1938 г. руководил Южно-китайским (Чанцзянским) бюро ЦК КПК в Ханькоу, затем в Чунцине, где также участвовал в организации ряда легальных печатных изданий. В марте 1938 г. в Ханькоу был инициатором учреждения ВАРЛИ. В июле 1938 г. стал делегатом от КПК на 1-й сессии Национального политического совета, членом его Постоянного комитета, затем в качестве представителя КПК работал в двухпартийной комиссии, заведующим Отделом единого фронта ЦК КПК. Противостояние Чанцзянского, прокоминтерновского бюро ЦК курсу яньаньского руководства ЦК партии во главе с Мао Цзэдуном на «независимое и самостоятельное» ведение войны в октябре 1938 г. подверглось критике на VI пленуме ЦК КПК 6-го созыва. Позже позиция Чанцзянского бюро получила название «правоуклонистской линии Ван Мина». Чанцзянское бюро ЦК КПК было реорганизовано в Южное бюро во главе с Чжоу Эньлаем.

В 1938–1941 гг. – председатель комиссии ЦК КПК по женскому движению, руководитель женского университета в Яньани. В 1942–1943 гг. в результате острых разногласий с Мао Цзэдуном и его окружением оказался в изоляции, выведен из состава секретариата ЦК КПК. В ноябре 1943 г. на заседании Политбюро ЦК КПК прокоминтерновское крыло в КПК подвергнуто критике. В 1945 г. на VII съезде КПК избран членом ЦК КПК. В 1946–1949 гг. работал председателем Законодательной комиссии (Законодательного комитета) ЦК КПК по подготовке проекта конституции КР. В феврале 1949 г. написал покаянное заявление для II пленума ЦК КПК 7-го созыва. После провозглашения КНР назначен председателем Комиссии законодательных предположений Центрального народного правительства, заместителем председателя его политико-юридического комитета. В июне 1950 г. III пленум ЦК КПК признал ошибочность деятельности Ван Мина в 1931–1938 гг. С октября 1950 г. по ноябрь 1953 г. Ван Мин находился в СССР на лечении.

Ввиду фактического отстранения от партийной работы в декабре 1954 г. попросил освободить его от всех должностей по состоянию здоровья. Весной 1955 г. ЦК КПК его просьбу удовлетворил. В январе 1956 г. навсегда выехал в СССР. На VIII съезде КПК (1956 г.) избран членом ЦК КПК (заочно). В период советско-китайского противостояния написал ряд статей с критикой руководства КПК, работал над собственной версией истории КПК. В 1975 г. посмертно опубликована его книга «50 лет КПК и предательство Мао Цзэдуна». Умер в Москве, похоронен на Новодевичьем кладбище.

Чэнь Южэнь (Евгений Чэнь) (1878–1944) – левый гоминьдановец, министр иностранных дел КР. Родился на о. Тринидад в семье с афро-испано-китайскими корнями. Его отец бежал из пров. Гуандун после Тайпинского восстания. Чэнь Южэнь стал первым в колонии адвокатом из *хуацяо*, открыл собственную контору, получил известность. Оказался успешным бизнесменом, удачно вложив деньги в выращивание какао-бобов и добычу нефти. Ежегодно ездил на

отдых в Англию, где и услышал о Синьхайской революции. Отправив домой телеграмму об отъезде, через Россию на поезде выехал в Китай (китайским языком не владел, так и не освоил его до конца жизни). В Пекине он устроился юридическим консультантом в министерстве транспорта, где служил до 1914 г. Позже начал выпускать англоязычную газету "Peking Gazette", которая часто высказывала мнения, отличные от официальных. В мае 1918 г. за критику Дуань Цижуя газета была закрыта, а Чэнь Южэнь арестован и четыре месяца провел в тюрьме. После освобождения отправился на Юг, стал англоязычным секретарем и советником Сунь Ятсена по иностранным делам. В 1919 г. участвовал в Парижской мирной конференции как делегат от Гуандунского правительства. Вернулся в Шанхай, где находился Сунь Ятсен, начал издавать новую газету, продал всю собственность на Тринидаде, чтобы оказать материальную помощь делу Сунь Ятсена. В 1923 г., когда Сунь Ятсен сформировал новое правительство в Гуанчжоу, получил пост начальника управления авиации при генералиссимусе, установил дружеские отношения с М.М.Бородиным. В 1924 г. вошел в состав Революционного комитета, созданного Сунь Ятсеном для подавления мятежа «купеческой милиции» (*шантуань*) в Гуанчжоу. В 1924 г. сопровождал Сунь Ятсена в поездке на Север, вместе с М.М.Бородиным подготовил текст «Послания Советскому Союзу» (11 марта 1925 г.). После смерти Сунь Ятсена остался в Пекине. Открыл газету "People Tribune", был ее главным редактором. За нападки на Чжан Цзолиня арестован, четыре месяца провел в тюрьме. В январе 1926 г. избран членом ЦИК Гоминьдана, в марте стал министром иностранных дел Национального правительства в Гуанчжоу. Участвовал в переговорах с властями Сянгана/Гонконга по поводу урегулирования стачки сянганских моряков. Вошел в состав Уханьского Национального правительства, сформированного в конце 1926 г. В 1927 г. вел переговоры и подписал соглашение о возвращении Китаю английских концессий в Ханькоу и Цзюцзяне, за что был прозван «дипломатом с железной рукой». В том же году избран в состав Политсовета ЦИК Гоминьдана. Осудил переворот Чан Кайши (апрель 1927 г.).

Когда Ван Цзинвэй (Уханьское правительство) в июле 1927 г. заявил о разрыве с КПК, Чэнь Южэнь был единственным членом правительства, выступившим против этого решения. По совету М.М.Бородина через МНР выехал в СССР. В Москве вместе с Сун Цинлин опубликовал осуждающее Чан Кайши и Ван Цзинвэя заявление. Из Москвы Чэнь Южэнь отправился во Францию, где в 1930 г. женился на дочери известного финансового и политического деятеля Китая, сподвижника Чан Кайши, Чжан Цзинцзяна – Чжан Лиин, художнице, сочувствовавшей коммунистам и СССР. В 1931 г. Чэнь Южэнь вернулся в гоминьдановский Китай, стал министром иностранных дел Национального правительства (декабрь 1931 г.), но через месяц после назначения ушел в отставку. В 1933 г. входил в состав Гуандунского правительства. В ноябре того же года участвовал в «фуцзяньском инциденте», стал председателем комитета по иностранным делам «народно-революционного правительства» в Фучжоу, за что был навсегда исключен из Гоминьдана. После падения правительства в Фучжоу Чэнь Южэнь уехал в Сянган. После начала Тихоокеанской войны был арестован японцами и посажен под домашний арест в Шанхае. Умер в Шанхае. После 1949 г. останки Чэнь Южэня перенесены на мемориальное кладбище Бабаошань под Пекином.

Чэнь Юнь (1905–1995) – государственный, политический деятель. Родился в 1905 г. в пров. Цзянсу в бедной крестьянской семье. Революционную деятельность начал в Шанхае. Один из организаторов «движения 30 мая». В 1925 г. вступил в КПК. Член ЦК КПК с 1931 г. и член Политбюро ЦК КПК с 1934 г.

В 1933 г. направлен на работу в Центральную революционную опорную базу. Отвечал в ЦК за работу в гоминьдановских районах. Участвовал в Великом походе, был представителем ЦК партии в 5-й армейской группировке. На совещании в Цзуньи поддержал линию Мао Цзэдуна. Летом 1935 г. был направлен в Шанхай для восстановления подпольной работы КПК. В том же году в составе делегации КПК в КИ отправился в Москву. Подготовил доклад для ИККИ о Великом походе и совещании в Цзуньи. По возвращении из Москвы в феврале 1937 г. в течение года работал в составе делегации КПК в Синьцзяне. В конце 1937 г. прибыл в Яньань, занял пост заведующего организационным отделом ЦК КПК. В 1944 г. назначен зам. начальника Северо-Западного финансово-экономического управления, занимавшегося работой на территории Особого пограничного района. В августе 1945 г. избран кандидатом в члены секретариата ЦК КПК.

После победы в Антияпонской войне работал на Северо-Востоке Китая на постах зам. секретаря Северо-Восточного бюро ЦК КПК, секретаря Южно-Дунбэйского отделения бюро ЦК КПК, заместителя политкомиссара Северо-Восточной демократической объединенной армии и Ляодунского военного района, председателя Дунбэйского финансово-экономического комитета, военного коменданта г. Шэньяна. Внес существенный вклад в восстановление экономики Северо-Востока. В октябре 1948 г. избран председателем Всекитайской федерации профсоюзов.

После образования КНР был членом Центрального народного правительства, заместителем Премьера Государственного административного совета, председателем финансово-экономического комитета, руководил финансово-экономической работой всей страны. В октябре 1950 г. избран членом секретариата ЦК КПК. В 1954 г. стал зам. Премьера Госсовета КНР, позже занимал должности министра торговли, председателя комитета по капитальному строительству.

На I пленуме 8-го созыва (1956 г.) избран зам. Председателя ЦК КПК. В январе 1957 г. возглавил группу ЦК КПК по экономической работе из 5 человек, работавшую над выработкой стратегии экономического развития страны. В 1950–1960 гг. предложения Чэнь Юня по реформированию деревни и внедрению семейного подряда были расценены как правый уклон. В период «культурной революции» он оставался только «членом ЦК» и был отправлен на работу на один из заводов в пров. Цзянси. В 1972 г. вернулся в Пекин, позднее разрабатывал проблемы развития экономики, реформы и политики открытости. В 1975 г. избран заместителем Председателя ПК ВСНП. В 1978 г. на III пленуме ЦК КПК 11-го созыва избран заместителем Председателя ЦК КПК, членом ПК ПБ ЦК КПК, первым секретарем Центральной комиссии КПК по проверке дисциплины. В 1982 г. переизбран на последние два поста (должности Председателя и заместителя Председателя ЦК КПК были упразднены).

XIII съезд КПК в 1987 г. удовлетворил просьбу Чэнь Юня о выходе из состава ЦК партии и избрал его членом Центральной комиссии советников. На первом заседании Комиссии он был избран ее председателем. Как экономист Чэнь Юнь сыграл важную роль в восстановлении экономики КНР и переводе ее на путь современного развития.

Шао Лицзы (1881–1967) – педагог, политический деятель. Уроженец пров. Чжэцзян. Один из основателей «Наньшэ» – организации революционно настроенных литераторов в Шанхае. В 1916–1925 гг. был главным редактором шанхайской газеты «Миньго жибао», деканом педагогического факультета Шанхайского университета. В 1919 г. вступил в Гоминьдан. В 1926 г. – заместитель начальника политотдела военной школы Хуанпу в Гуанчжоу. В том же году был избран членом ЦИК Гоминьдана, введен в состав Президиума ИККИ с правом совещательного голоса. В 1926 г. участвовал в Москве в работе VII расширенного пленума ИККИ.

В 1931 г. – начальник секретариата генштаба НРА. В 1932 г., когда Шао Лицзы был губернатором пров. Ганьсу, женился на выпускнице московского университета им. Сунь Ятсена, Чуань Сюэвэнь. Не без ее влияния он заинтересовался советской системой образования, несколько «полевел». Некоторое время был ректором Школы боевых искусств в Ланьчжоу (пров. Ганьсу). В 1933–1936 гг. – губернатор пров. Шэньси. Отстранен от должности в связи с «Сианьским инцидентом». В 1937–1938 гг. Шао Лицзы занимал должность заведующего отделом пропаганды ЦИК Гоминьдана, выступал за сотрудничество КПК и Гоминьдана в антияпонской борьбе. В 1940–1942 гг. был послом в СССР. В 1943–1945 гг. – член Совета национальной обороны, начальник секретариата Национального политического совета, член ревизионной комиссии ЦИК Гоминьдана. В августе–сентябре 1945 г. участвовал в переговорах с коммунистами в Чунцине, сыграл важную роль в подписании соглашения 10 октября 1945 г. В 1946 г. был членом Национального правительства. После переезда правительства из Чунцина в Нанкин вновь занял должность начальника секретариата Национального политического совета. Был заместителем председателя правления Общества китайско-советской дружбы, советником президента по внутренней политике. В 1949 г. от имени и.о. президента Ли Цзунжэня выехал для ведения мирных переговоров с КПК в Пекин, не вернулся в Нанкин. После образования КНР был членом ВАРЛИ, Комитета по делам *хуацяо*, участвовал в работе первой Народной политической консультативной конференции, был членом ПК ВСНП, ВК НПКСК.

Шао Юаньчун (1890–1936) – правый гоминьдановец. Уроженец пров. Чжэцзян. Когда началась Синьхайская революция, работал редактором газеты «Миньго синьвэнь» в Шанхае. В период «второй революции» сочувствовал антиюаньшикаевскому движению. В 1923 г. в составе делегации Гоминьдана во главе с Чан Кайши посетил СССР. В 1924 г. избран членом ЦИК Гоминьдана. Участвовал в Сишаньском совещании правых гоминьдановцев в 1925 г. В 1927–1928 гг. был членом правительства пров. Чжэцзян, мэром г. Ханчжоу, членом Законодательного юаня в Гуанчжоу. В 1929 г. переехал в Шанхай, работал в аппарате Гоминьдана. Посещал Англию, Францию, Германию, Италию, СССР. Долгое время жил в США, учился в Висконсинском и Колумбийском университетах, сотрудничал в газетах, издаваемых *хуацяо*. В 1930 г. был назначен членом комитета по приему экзаменов Экзаменационного юаня. Позже – член гоминьдановского правительства, заместитель председателя Законодательного юаня, руководитель отдела пропаганды ЦИК Гоминьдана, руководитель комитета по подготовке к написанию истории Гоминьдана, создал экспозицию материалов по истории Гоминьдана. Погиб во время Сианьского инцидента.

Шэн Шицай (1895–1970) – губернатор пров. Синьцзян. Родился в пров. Ляонин. Окончил школу лесного и сельского хозяйства, позже – Китайскую открытую школу по специальности «политэкономия». Учебу продолжил в Японии. В 1927 г. в чине полковника служил в генштабе НРА, в 1928 г. участвовал в Северном походе. В 1930 г. направлен в Синьцзян как советник губернатора Цзинь Шужэня.

В 1931 г. Шэн Шицай стал главнокомандующим провинциальными войсками Синьцзяна. После подавления восстания уйгуров и дунган и переворота 12 апреля 1933 г. формально губернатором был назначен бывший начальник департамента просвещения Лю Вэньлун, однако фактически власть перешла к Шэн Шицаю. Оставаясь во главе армии, провозгласил себя генерал-полковником. (Официально был назначен губернатором только в 1940 г.) Сразу после переворота Шэн Шицай заявил о лояльности к СССР и обратился к нему за помощью. СССР предоставил Синьцзяну два кредита – в 1935 и 1936 гг. на строительство дорог и промышленных предприятий, развитие медицины, образования и сельского хозяйства, командировал экономистов, врачей, учителей, инженеров, геологов. В ответ в 1936 г. Шэн Шицай провозгласил «шесть принципов» политики своей администрации по отношению к СССР. В середине 30-х годов из СССР Синьцзян ввозил хлопчатобумажные ткани, сельхозтехнику, грузовики, одежду, обувь, лекарства, нефтепродукты. Важнейшими экспортными товарами Синьцзяна были скот, шелк-сырец и продовольствие. По некоторым оценкам, доля СССР в торговле Синьцзяна составляла 80%, Собственно Китая – 15%. В 1937 г., когда Япония начала полномасштабную войну против Китая, через Синьцзян шли поставки оружия китайской армии для фронта.

В августе 1938 г. Шэн Шицай, не информируя правительство Китая, отправился в Москву для обсуждения вопросов сотрудничества в военной, экономической и технической областях. Он выразил желание вступить в ВКП(б). По решению Сталина он был принят в члены партии, получил членский билет № 1859118 и экземпляр Устава партии. В 1941 г. Шэн Шицай даже предложил Москве образовать Советскую республику Синьцзян и включить ее в состав СССР, однако не встретил понимания у советского руководства. С началом Второй мировой войны помощь СССР заметно сократилась, изменилась и политика Шэн Шицая по отношению к СССР. Вследствие ряда конфликтных ситуаций с советскими представителями во второй половине 1941 г. он стал высылать советских специалистов, отказываться от сотрудничества и торговли, снимать с должностей коммунистов, а с 1942 г. начал репрессии против них. Шэн Шицай полностью подчинился Национальному правительству после переговоров в Урумчи в августе 1942 г. с Сун Мэйлин. 31 августа 1944 г. Чан Кайши снял Шэн Шицая с поста губернатора Синьцзяна, назначив его заместителем министра земледелия и лесоводства. Шэн Шицай увез с собой в Чунцин 60 грузовиков личного имущества, 1275 кг различных драгоценностей, десятки тонн золота, серебра и другие ценности. По требованию общественности был отстранен от должности и привлечен к ответственности. В период гражданской войны занимал незначительный пост офицера охраны в Уханьском гарнизоне. В 1949 г. Шэн Шицай уехал на Тайвань, где был советником по государственной политике при президенте.

Шэнь Цзюньжу (1875–1963) – политический деятель, юрист. Родился в пров. Цзянсу. Обладатель высшей ученой степени *цзиньши*. Стажировался в университете Хосэй (Токио) в 1905–1908 гг. По возвращении в Китай был избран заместителем главы совещательного комитета пров. Чжэцзян. Выступал за введение конституции и созыв учредительного собрания. В период Синьхайской революции симпатизировал революционерам, занимался политической подготовкой и организацией восстания в пров. Чжэцзян. Член Тунмэнхуэй, позже – Гоминьдана. Занимался политико-юридической деятельностью. Работал в министерствах образования и юстиции. Выступил против попыток Дуань Цижуя объединить Китай вооруженным путем. Переехав в 1920 г. в Шанхай, занял пост главного редактора «Чжунхуа синьбао». При возникновении трений с властью в знак протеста немедленно уходил в отставку с постов как в Пекине, так и в провинциях. Выступил против мятежа Цао Куня, действий милитариста Сунь Чуаньфана, поддержал Северный поход. Во время переворота Чан Кайши 12 апреля 1927 г. был арестован и приговорен к смертной казни, которой удалось избежать. Работая с 1927 г. в Юридическом университете в Шанхае, выступал за демократизацию учебного и научного процесса, подготовил немало талантливых ученых-юристов. Одновременно занимался адвокатской практикой в Шанхае. В 1933 г. вступил в Китайскую лигу защиты прав человека. После событий 18 сентября 1931 г. активно включился в движение Сопротивления японской агрессии. Шэнь Цзюньжу был одним из авторов «Декларации шанхайских работников культуры в поддержку движения за спасение родины» (1935 г.). Один из организаторов Всекитайской ассоциации национального спасения (1936 г.), тогда же был арестован в числе семи ее лидеров. Освобожден по требованию общественности. Во время войны Сопротивления активно работал в демократических объединениях, стал одним из организаторов Лиги демократических политических организаций, позже – Демократической лиги (1944 г.), избирался членом ее ЦИК и ПК ЦИК. Как делегат от Демократической лиги в январе 1946 г. принимает участие в работе ПКК. В 1947 г. правительство объявило Лигу вне закона. Шэнь Цзюньжу уехал в Сянган/Гонконг, где возродил Лигу. Откликнулся на призыв ЦК КПК о созыве ПКК, ведет переговоры с представителями ЦК КПК в Харбине, входит от имени Демократической лиги в оргкомитет по подготовке созыва ПКК и принимает участие в ее работе (сентябрь 1949 г.). После образования КНР Шэнь Цзюньжу внес большой вклад в формирование ее юридической системы. Стал первым главой Верховного народного суда КНР (1949–1954), был заместителем председателя ПК ВСНП, ВК НПКСК, председателем Демократической лиги Китая (1956–1963), вице-президентом Политико-юридического общества Китая, вице-президентом Международной ассоциации юристов-демократов.

Юань Шикай (1859–1916) – военный и политический деятель, основатель бэйянской военной группировки, первый постоянный президент Китайской Республики. Родился в пров. Хэнань в известной чиновничьей семье. При императоре Гуансюе (1875–1908) занимал высокие административные и военные посты, был китайским наместником в Корее. В 1895 г. вошел в состав редакции газеты «Цянсюэбао», органа Ассоциации усиления государства (создана Кан Ювэем). После японо-китайской войны 1894–1895 гг.

в звании генерала получил под командование модернизированный пехотный корпус, позже ставший основой бэйянской армии. В 1898 г. примкнул к либеральному реформаторскому движению «100 дней реформ». Видя несостоятельность замыслов Кан Ювэя, перешел на сторону вдовствующей императрицы Цыси. В 1899–1901 гг. – губернатор пров. Шаньдун. Во время восстания ихэтуаней его солдаты истребляли мятежников в соответствии с изданным им «Распоряжением о запрещении ихэтуаней». Составленный Юань Шикаем для пров. Шаньдун устав школ был принят за основу при разработке указа о создании в провинциях школ трех ступеней – начальной, средней и высшей.

В 1901 г. назначен генерал-губернатором столичной пров. Чжили, сосредоточил в своих руках огромную власть и большие материальные ресурсы, модернизировал организацию и увеличил численность войск. Связи с иностранцами позволили ему получать займы, благодаря которым превратил бэйянскую армию в самую мощную в Китае. В 1902 г. вместе с Чжан Чжидуном занимался торговлей и заключением торговых договоров с иностранными государствами. В 1905 г. пресек движение студенчества в Чжили за бойкот американских товаров.

Летом 1905 г. инициировал командирование группы маньчжурских сановников за границу для изучения государственного строя западных стран, оказывал поддержку зарубежным конституционалистам при организации Ассоциации по изучению политических проблем. В 1907 г. переведен на службу в министерство иностранных дел. После смерти императрицы Цыси в 1908 г. фактически отстранен от дел и отправлен в родную пров. Хэнань под предлогом болезни. В течение трех лет опалы поддерживал отношения со своими сторонниками. 14 октября 1911 г. Юань Шикай назначен генерал-губернатором Хубэя и Хунани для подавления Синьхайской революции. Отказался от назначения и выдвинул условия, направленные на получение максимально большой власти. 27 октября стал главнокомандующим всеми военными силами бассейна Янцзы. В ноябре 1911 г. занял пост премьер-министра Пекинского правительства, сохранив контроль над армией. Лавируя между цинскими властями и революционерами, использовал свои полномочия для укрепления личной власти. Выступил как посредник в переговорах между Пекинским правительством и Временным революционным Нанкинским правительством об условиях отречения цинского императора Сюаньтуна (1908–1912), добился перехода государственной власти в руки революционного правительства. После отставки Сунь Ятсена с поста временного президента КР Национальное собрание в Нанкине 15 февраля 1912 г. избрало Юань Шикая временным президентом Китайской Республики. Получив власть, приступил к чистке парламента и правительства от республиканцев и замене их послушными себе чиновниками. Подавил «вторую революцию». В октябре 1913 г. избран постоянным президентом (в третьем туре голосования). В 1914 г. Юань Шикай распустил парламент, инициировал принятие новой временной конституции, которая позволила ему сосредоточить всю власть в своих руках. Восстановил старые цинские названия правительственных учреждений, прежние титулы и звания, чиновничьи ритуалы. В мае 1915 г. подписал «21 требование», документ, закреплявший захват Шаньдуна Японией и ее фактическое господство в Маньчжурии.

В 1915 г., в разгар движения за реставрацию монархии, начинаются антимонархические выступления лидеров южных провинций. Провинции Юга Китая (Юньнань, Сычуань, Гуандун, Гуанси, Гуйчжоу) потребовали отказа Юань Шикая от попыток реставрации монархии. Его не поддержали и бывшие ближайшие сторонники Дуань Цижуй, Сюй Шичан, Фэн Гочжан, Чжан Сюнь. 6 июня 1916 г. Юань Шикай скоропостижно скончался. Его захоронение недалеко от города Аньян (пров. Хэнань) сочетает в себе стили могил минских и цинских императоров с элементами западной архитектуры.

Юй Южэнь (1879–1964) – педагог, журналист, поэт, политический деятель. Член Тунмэнхуэй, член Гоминьдана. После Синьхайской революции был заместителем министра транспорта во Временном правительстве Китайской Республики. В 1918 г. командовал войсками охраны порядка в родной пров. Шэньси. В 1923 г. приехал в Шанхай, находился на партийной работе, занимался организацией Шанхайского университета, стал его первым ректором. С 1924 г. – член ЦИК Гоминьдана. В 1925 г. вошел в состав Национального правительства. В 1926 г. посетил СССР. По возвращении занял пост командующего войсками НРА в пров. Шэньси. В 1930–1964 гг. – председатель Экзаменационного юаня. В период Антияпонской войны был постоянным членом Высшего совета обороны. После образования КНР выехал на Тайвань. Известен как один из лучших каллиграфов XX в. в стиле скорописи.

Янь Сишань (1883–1960) – шаньсийский генерал-реформатор, правитель и уроженец пров. Шаньси. Военное образование получил в Японии, там же вступил в Тунмэнхуэй. Превзошел всех известных лидеров региональных военно-политических группировок по длительности пребывания у власти. Его политика нейтралитета, поддерживаемая наличием в Тайюане единственного в Китае завода по производству полевой артиллерии, позволила избежать гражданских войн в провинции. Считался «образцовым губернатором». В 1917–1949 гг. при разных политических режимах занимал государственные и административные должности (в комитетах по строительству, финансам, военным делам). В 1927 г. перешел на сторону Чан Кайши, участвовал в Северном походе, занимал пост главнокомандующего Северной революционной армией. В июне 1928 г. вошел со своими войсками в Пекин, завершив Северный поход. Был назначен Чан Кайши заместителем командующего сухопутными, военно-морскими и военно-воздушными силами. С 1929 г. находился в оппозиции к Чан Кайши. В 1929–1930 гг. занимал руководящие позиции в антинанкинском блоке 57 северных милитаристов. В 1930 г. в союзе в Фэн Юйсяном поднял мятеж против правительства Чан Кайши, но был разбит и эмигрировал в Японию. В 1931 г. по амнистии вернулся в Китай и вновь занял пост губернатора пров. Шаньси, провел ряд социальных и военных реформ. После событий «18 сентября» 1931 г. поддержал пассивную политику Чан Кайши по отношению к Японии. Однако уже в ходе Сианьских событий одобрил арест Чжан Сюэляном Чан Кайши. В период Антияпонской войны решительные действия Янь Сишаня не позволили японцам полностью оккупировать территорию Шаньси. Отказался от предложений японцев перейти к ним на службу. В 1945–1949 гг. провел несколько военных операций против НОА, потерпел жестокое поражение. В апреле 1949 г., незадолго до освобождения Тайюаня частями НОА, нарушив обещание умереть вместе с городом, бежал в Гуанчжоу. В июне 1949 г. был назначен последним в истории КР на континенте председателем Исполнительного юаня и министром обороны.

Янь Хуэйцин (1877–1950) – политический деятель, дипломат, писатель. Родился в пров. Фуцзянь в христианской семье. Высшее образование по литературе и международному праву получил в США. После возвращения в Китай некоторое время преподавал английский язык в университете Св. Иоанна в Шанхае, работал в издательствах. После Синьхайской революции был заместителем министра иностранных дел в правительстве Тан Шаои. Работал посланником в Германии, Дании, Швейцарии. Был советником в китайской делегации на Парижской мирной конференции. В 1921 г. назначен министром иностранных дел. Пять раз был премьером: с 1921 г. по 1924 г. и в 1926 г. В феврале 1922 г. подписал с девятью державами соглашение о возвращении Шаньдуна. После 1922 г. вновь был министром иностранных дел, председателем комитета по реформе финансовой политики, организовал конференцию по таможенным сборам и пошлинам. В 1931 г. был посланником КР в США. В 1932 г. стал первым представителем Китая на конференции Лиги Наций по сокращению вооружений; выступил в Лиге Наций, обвинив Японию в нарушении международных договоренностей. В том же году успешно провел переговоры о восстановлении дипломатических отношений с СССР. В январе 1933 г. назначен первым послом КР в СССР. В 1936 г. в связи с болезнью вернулся на родину. Ушел с государственной службы. После этого был председателем Общества китайского Красного Креста, главой Китайского фонда образования и культуры, председателем попечительского совета медицинского колледжа Сехэ в Пекине, председателем попечительского совета Нанькайского университета в Тяньцзине, председателем совета директоров Тяньцзиньской компании по водоснабжению, председателем международного комитета по оказанию помощи раненым и пострадавшим от японской агрессии в Шанхае. Во время Второй мировой войны написал книгу «Истории старого Китая». В 1949 г. участвовал в мирных переговорах между КПК и Гоминьданом в Пекине. Умер в Шанхае.

Приложение 4
Список сокращений

I ДВО – Первый Дальневосточный отдел
АБ – подпольная антибольшевистская организация
АГ – армейская группировка
АН – Академия наук
арх. – архитектор
АТР – Азиатско-Тихоокеанский регион
ВАРЛИ – Всекитайская ассоциация работников литературы и искусства
ВВС – Военно-воздушные силы
ВК – Военный комитет
ВКП(б) – Всероссийская коммунистическая партия большевиков
ВМС – Военно-морские силы
ВО – Военный отдел
ВОКС – Всесоюзное общество культурных связей
ВРК – Военно-революционный комитет
ВСНО – Высший совет национальной обороны
ВСНП – Всекитайское собрание народных представителей
ВСП – Всекитайский секретариат профсоюзов
ВФП – Всекитайская федерация профсоюзов
ВФСХ – Всемирная федерация студентов-христиан
ВЦИК – Всероссийский Центральный исполнительный комитет
г. – город
ГК – Гражданский кодекс
Госдепартамент – Государственный департамент
Госсовет – Государственный совет
ГРУ – Главное разведывательное управление
ДВР – Дальневосточная Республика
ДВСК – Дальневосточный секретариат
долл. – доллар
ИККИ – Исполнительный комитет Коммунистического Интернационала
им. – имени
и.о. – исполняющий обязанности
КБС – Китайский буддийский союз
КВЖД – Китайско-Восточная железная дорога
кВт – киловатт/час
КИМ – Коммунистический Интернационал молодежи
км – километр
КНР – Китайская Народная Республика
КПК – Коммунистическая партия Китая
КР – Китайская Республика
КСКО – Китайско-советское культурное общество
КСМК – Коммунистический союз молодежи Китая

КСР – Китайская Советская Республика
КУТВ – Коммунистический университет трудящихся Востока
КЧЖД – Китайская Чанчуньская железная дорога
МИД – министерство иностранных дел
млн. – миллион
млрд. – миллиард
МНР – Монгольская Народная Республика
МОПР – Международная организация помощи (борцам) революции
н.э. – новая эра
НКИД – Народный комиссариат иностранных дел
НОА – Народно-освободительная армия
НОАК – Народно-освободительная армия Китая
НПКК – Народная политическая консультативная конференция
НПС – Национальный политический совет
НРА -- Национально-революционная армия
ОДА – Объединенная Демократическая армия
оз. – озеро
ООН – Организация Объединенных Наций
Оргбюро – Организационное бюро
ОСС – Отдел стратегических служб
ПБ – Политбюро
ПВО – противовоздушная оборона
ПК – Постоянный комитет
ПКК – Политическая консультативная конференция
полпред – полномочный представитель
пров. – провинция
Профинтерн – Красный Интернационал профсоюзов
р. – река
Ревбюро – Революционное бюро
Реввоенсовет – Революционный военный совет
РККА – Рабоче-крестьянская Красная армия
РКП(б) – Российская коммунистическая партия большевиков
РОСТА – Российское телеграфное агентство
РСФСР – Российская Советская Федеративная Социалистическая Республика
Сиббюро – Сибирское бюро [ЦК РКП(б)]
СМИ – средства массовой информации
СНК – Совет народных комиссаров
ССМК – Социалистический союз молодежи Китая
СССР – Союз Советских Социалистических Республик
ст. – статья
тыс. – тысяча
УК – Уголовный кодекс
ф.ст. – фунт стерлингов
х/б – хлопчатобумажный
ЦБ – Центральное бюро
ЦВС – Центральный военный совет
ЦИК – Центральный исполнительный комитет

ЦК – Центральный комитет
ЦКК – Центральная контрольная комиссия
ЦПС – Центральный политический совет
ЦРУ – Центральное разведывательное управление
ЦСБ – Центральное сельскохозяйственное бюро
ЦСР – Центральный советский район
экз. – экземпляр
ЮВА – Юго-Восточная Азия
ЮМЖД – Южно-Маньчжурская железная дорога
ЮНРРА – Администрация ООН по помощи и восстановлению
ЮСИС – Информационная служба США
YWCA – Христианская ассоциация молодых женщин
YMCA – Христианская ассоциация молодых людей

Приложение 5
Система китайских мер

Утверждены законом Пекинского правительства 7 января 1915 г.

Меры длины

1 *ли* = 180 *чжан* = 576 м
1 *чжан* = 10 *чи* = 3,2 м
1 *чи* = 10 *цунь* = 32 см
1 *цунь* = 10 *фэнь* = 3,2 см
1 *фэнь* = 10 *ли* = 3,2 мм
1 *ли* = 10 *хао* = 0,32 мм

Меры площади

1 *цин* = 100 *му* = 6,144 га
1 *му* = 6,144 *а* = 240 кв. *бу*, около 666,7 кв. м
1 кв. *бу* = 25 кв. *чи* = 2,56 кв. м

Меры веса

1 *дань* = 100 *цзинь* = 59,68 кг
1 *цзинь* = 16 *лян* = 596,8 г
1 *лян* = 10 *цянь* = 37,301 г
1 *цянь* = 10 *фэнь* = 3,73 г

Меры объема

1 *ши/дань* (пикуль) = 10 *доу* = 103,55488 л
1 *доу* = 10 *шэн* = 10,35 4688 л
1 *шэн* = 1,035 л

Данные приведены по кн.: *А.Маракуев.* Меры и весы в Китае. Владивосток, 1930.

В 1929 г. Национальное правительство издало Постановление о переходе на новую систему мер (так называемую стандартную систему), соответствующую метрической системе. Вместе с тем в период перехода к новой системе старая система имела широкое распространение. Кроме того, величина единиц старой системы мер была различной в разных районах Китая.

Стандартная система мер

1 *гунли* = 1 км
10 *гунчи* = 1 м
10 *гунцунь* = 10 см
10 *гунфэнь* = 1 см
1 *гунцин* = 100 *гунму* = 1 га
1 *гунму* = 1 а

1 *гунши* = 1 ц
1 *гунцзинь* = 1 кг
1 *гунфэнь* = 1 г

1 *гунши* = 10 *гундоу* = 1 гл
1 *гундоу* = 10 *гуншэн* = 1 дкл
1 *гуншэн* = 1 л

Денежные единицы. В 1933 г. Национальное правительство объявило об аннулировании серебряного *ляна* и введении новой денежной единицы – серебряного доллара (*юаня*) номиналом 23,4934 г чистого серебра.

Серебряный *лян*

1 *лян* = 10 *цянь*
1 *цянь* = 10 *фэнь*

Серебряный доллар

1 *юань* = 10 *цзяо*
1 *цзяо* = 10 *фэнь*

Избранная библиография

Источники

На русском языке

В.К.Блюхер в Китае 1924–1927 гг. Новые документы главного военного советника. М., 2003.

Ван Мин. Собрание сочинений. Т. 2–4. М., 1984–1986.

ВКП(б), Коминтерн и Китай в 5 томах. М., 1994, 1996, 1999, 2003, 2007:

Т. I. ВКП(б), Коминтерн и национально-революционное движение в Китае. Документы. 1920–1925. М., 1994.

Т. II. ВКП(б), Коминтерн и национально-революционное движение в Китае. Документы. 1926–1927. В двух частях. М., 1996.

Т. III. ВКП(б), Коминтерн и национально-революционное движение в Китае. Документы. 1927–1931. В двух частях. М., 1999.

Т. IV. ВКП(б), Коминтерн и советское движение в Китае. Документы. 1931–1937. В двух частях. М., 2003.

Т. V. ВКП(б), Коминтерн и КПК в период антияпонской войны. Документы. 1937 – май 1943. М., 2007.

Движение «4 мая» 1919 года в Китае. Документы и материалы. М., 1971.

Димитров Г. Дневник (9 марта 1933 – 6 февраля 1949). София, 1997.

Конституция Китайской Республики. Тайбэй, 1998 (пер. с китайского).

Ледовский А.М. СССР, США и китайская революция глазами очевидца, 1946–1949. М., 2005

Мао Цзэ-дун. Избранные произведения. В 4-х т. М., 1952–1953 (пер. с китайского).

Переписка И.В.Сталина и Г.В.Чичерина с полпредом СССР в Китае Л.М.Караханом. Август 1923 г. – 1926 г. Документы. М., 2008.

Политбюро ЦК РКП(б) – ВКП(б) и Коминтерн. 1919–1943. Документы. М., 2004.

Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Фонды 146, 495.

Русско-китайские отношения в XX веке. Материалы и документы. Т. III: Советско-китайские отношения. Сентябрь 1931 – сентябрь 1937. М., 2010.

Русско-китайские отношения в XX веке. Материалы и документы. Т. IV: Советско-китайские отношения. 1937 – 1945. Кн. 1: 1937–1944 гг. Кн. 2: 1945 г. М., 2000.

Русско-китайские отношения в XX веке. Материалы и документы. Т. V: Советско-китайские отношения. 1946 – февраль 1950. Кн. 1: 1946–1948 гг. Кн. 2: 1949 – февраль 1950 г. М., 2005.

Синьхайская революция. 1911–1913 гг. Сборник документов и материалов. М., 1968.

Советско-китайские отношения. 1917–1957. Сборник документов. М., 1959.

Советы в Китае. Сборник материалов и документов. М., 1934.

Сунь Ятсен. Избранные произведения. Издание второе, исправленное и дополненное. М., 1985.

Цзян Чжунчжэн (Чан Кайши). Советская Россия в Китае. Воспоминания и размышления в 70 лет. 2-е изд. М., 2009 (пер. с английского, с использованием китайского и немецкого изданий).

На китайском языке

Баци хуэйи. 八七会议.北京. 1986 (Совещание [ЦК КПК] 7 августа 1927 г.). Пекин, 1986.
Чжунгун чжунъян вэньцзянь сюаньцзи. 中共中央文件选集. 18 册. 北京 / 1–3 册 (Избранные документы ЦК КПК). В 18 т. Пекин, 1990. Т. 1–3.
Мао Цзэдун вэньцзи. 毛泽东文集 (1921–1976 年). 八卷出版 (1993—1999 年). 北京 (*Мао Цзэдун*. Собрания сочинений (1921–1976)). В 8 т. Пекин, 1993–1999.
Цай Юаньпэй цзяоюй вэньсюань. 蔡元培教育文选. 北京. 1980 (Избранные работы Цай Юаньпэя по педагогике). Пекин, 1980.
Чжунго гоминьдан ди и, эрцы цюаньго дайбяо дахуэй хуэйи шиляо 中国国民党 第一, 二次全国代表大会会议史料. 上, 下. 江苏. 1986 (Материалы по истории I и II съездов Гоминьдана). Т. 1–2. Цзянсу, 1986.
Чжунго и да дайбяо цзаоци вэньгао сюаньбянь (1917.11–1923.7). 中共一大代表早期文稿选编 (1917.11–1923.7). 上海. 2009 (Избранные материалы раннего периода, относящиеся к I съезду КПК (ноябрь 1917 г. – июль 1923 г.). Шанхай, 2009.
Чжунгун чжунъян вэньцзянь сюаньцзи. 中共中央文件选集. 18 卷. 北京. 1992 (Избранные документы ЦК КПК). Пекин, 1992.

На западноевропейских языках

Dimitrov and Stalin 1934–1943. Letters from the Soviet Archives. New Haven and London, 2000.
Chiang Kai-shek. The Collected Wartime Messages of Generalissimo Chiang Kai-shek. 1937–1945, V. 1. New York, 1946.
Saich T. The Origins of the First United Front in China. The Role of Sneevliet (alias Maring). 2 vols. Leiden, 1991.

Литература

На русском языке

Астафьев Г.В. Интервенция США в Китае и ее поражение (1945–1949). М., 1958.
Ащепков Е.А. Архитектура Китая. М., 1959.
Ба Цзинь. Сочинения в двух томах. Пер. с китайского. М., 1959.
Белов Е.А. Краткая история Синьхайской революции. М., 2001.
Боревская Н.Е. Очерки истории школы и педагогической мысли в Китае. М., 2002.
Бородина Ф. Женщина в Китае. М.–Л., 1928.
Буров В.Г. Современная китайская философия. М., 1980.
В небе Китая. Воспоминания советских летчиков-добровольцев. М., 1980.
Васильев Л.С. Культы, религии, традиции в Китае. М., 2001.
Верченко А.Л. Китайские народные праздники. М., 2002.
Владимиров П.П. Особый район Китая 1942–1945. М., 1975.
Волохова А.А. Иностранные миссионеры в Китае (1901–1920). М., 1969.
Гайда И.В. Китайский традиционный театр сицюй. М., 1971.
Гарушянц Ю.М. Движение 4 мая 1919 г. в Китае. М., 1959.
Глунин В.И. Коммунистическая партия Китая накануне и в период национальной революции 1925–1927 гг. В 2 т. М., 1975.

Горбунова С.А. Китай: религия и власть. Историй китайского буддизма в контексте общества и государства. М., 2008.
Григорьев А.М. Революционное движение в Китае под лозунгом Советов. М., 1980.
Губайдулин В.М. Революционная власть в освобожденных районах Китая (1937–1945). Новосибирск, 1981.
Гудошников Л.М. Местные органы государственной власти и государственного управления Китайской Народной Республики. М., 1958.
Гудошников Л.М. Судебные органы Китайской Народной Республики. М., 1957.
Иванов П., свящ. Из истории христианства в Китае. М., 2005.
Иванов П.М. Малые партии в Китае в борьбе за демократизацию (1928–1947). М., 1999.
Искусство // Духовная культура Китая. Энциклопедия. Т. 6. М., 2010.
Историческая мысль. Политическая и правовая культура // Духовная культура Китая. Энциклопедия. Т. 4. 2009.
История Второй мировой войны. 1939–1945. Т. 2. М., 1974.
История государства и права зарубежных стран. Т. II. М., 2005.
История Китая. М., 1998.
Казанин М.И. Избранное. М., 2009.
Калягин А.Я. По незнакомым дорогам (записки военного советника в Китае). М., 1979.
Кантонская коммуна. К 40-летию восстания в Гуанчжоу. М., 1967.
Карнеев А.Н., *Козырев В.А.*, *Писарев А.А.* Власть и деревня в республиканском Китае (1911–1949). М., 2005.
Картунова А.И. Политика Москвы в национально-революционном движении в Китае: военный аспект (1923 г. – июль 1927 г.). М., 2001.
Каткова З.Д. Внешняя политика гоминьдановского правительства Китая в период антияпонской войны (1937–1945). М., 1978.
Каткова З.Д. Китай и державы: 1927–1937. М., 1995.
Кино. Энциклопедический словарь. М., 1986.
Китай в период войны против японской агрессии (1937–1945). М., 1988.
Китайская культура 20–40-х годов и современность. М., 1993.
Китайская философия. Энциклопедический словарь. М., 1994.
Кузнецов В.С. Ислам в политической истории Китая // Информационный бюллетень ИДВ РАН. 1996 № 7–9 (ч. 3).
Литература, язык и письменность // Духовная культура Китая. Энциклопедия. Т. 3. М., 2008.
Ломанов А.В. Христианство и китайская культура. М., 2002.
Лу Синь. Собрание сочинений в 4-х томах. Перевод с китайского. М. 1954–1956.
Лузянин С.Г. Россия–Монголия–Китай в первой половине XX века. Политические взаимоотношения в 1911–1946 гг. М., 2003.
Мамаева Н.Л. Гоминьдан в национально-революционном движении Китая (1923–1927). М., 1991.
Мамаева Н.Л. Коминтерн и Гоминьдан 1919–1929. М., 1999.
Мао Дунь. Сочинения в трех томах. Перевод с китайского. М., 1956.
Маркова С.Д. Китайская поэзия в период национально-освободительной войны. 1937–1945. М., 1958.
Масленников В. Китай. М., 1946.
Меликсетов А.В. Социально-экономическая политика Гоминьдана в Китае (1927–1949). М., 1977.
Мировицкая Р.А. Китайская государственность и советская политика в Китае. Годы Тихоокеанской войны: 1941–1945. М., 1999.

Мировицкая Р.А. Советский Союз в стратегии Гоминьдана (20–30-е годы). М., 1990.
Мифология. Религия // Духовная культура Китая. Энциклопедия. Т. 2. М., 2007.
Мугрузин А.С. Аграрные отношения в Китае в 20–40-х годах XX века. М., 1970.
На китайской земле. Воспоминания советских добровольцев. 1925–1945 гг. М., 1977.
Непомнин О.Е. История Китая. XX век. М., 2011.
Новая история Китая. М., 1972.
Новая поэзия Китая, 1919–1958. М., 1959.
Новейшая история Китая. 1917–1927. М., 1983.
Новейшая история Китая. 1928–1949. М., 1984.
Панцов А.В. Мао Цзэдун. Издание второе, исправленное. М., 2012.
Поздняев Д., свящ. Православие в Китае (1900–1997). М., 1998.
Пострелова Т.А. Творчество Сюй Бэйхуна и художественная культура XX в. М., 1987.
Поэзия и проза Китая XX века. О прошлом – для будущего: Сборник. М., 2002.
Сапожников Б.Г. Японо-китайская война и колониальная политика Японии в Китае (1937–1941). М., 1970.
Серова С.А. Китайский театр и традиционное китайское общество. М., 1990.
Сидоров А.Ю., Клейменов Н.Е. История международных отношений. 1918–1939. М., 2006.
Сорокин В.Ф. Китайская классическая драма. Классическая драма Востока. М., 1976.
Спичак Д.А. Китайский авангард Кремля. Революционеры Китая в московских школах Коминтерна (1921–1939). М., 2012.
Сюй Чэнбэй. Пекинская опера. На русском языке. Пекин, 2003.
Тертицкий К.М. Китайские синкретические религии в XX веке. М., 2000.
Тихвинский С.Л. Восприятие в Китае образа России. М., 2008.
Тихвинский С.Л. Избранные произведения: В 5 кн. М., 2006.
Кн. 1: История Китая до XX века. Движение за реформы в Китае в конце XIX века и Кан Ювэй.
Кн. 2: История Китая первой четверти XX века: Доктор Сунь Ятсен. Свержение маньчжурской монархии и борьба за республику.
Кн. 3: История Китая, 1919–1949. Борьба за объединение и независимость Китая. Чжоу Эньлай.
Кн. 4: Отечественная и всемирная история. Великая отечественная война, внешняя политика и международные отношения.
Кн. 5: Воспоминания дипломата и заметки историка. Автор о себе, своих коллегах-историках и дипломатах.
Кн. 6. Дополнительная. Образ России в Китае. О нормализации российско-японских отношений. Рецензии. Забавные случаи дома и за рубежом. М., 2012.
Торопцев С.А. Очерк истории китайского кино. М., 1979.
Философия // Духовная культура Китая. Энциклопедия. Т. 1. М., 2006.
Ху Цяому. Тридцать лет Коммунистической партии Китая. М., 1952.
Черкасский Л.Е. Китайская поэзия военных лет. 1937–1949. М., 1980.
Черкасский Л.Е. Новая китайская поэзия (20–30-е годы). М., 1972.

На китайском языке

Ван Чжэньчжун (ред.). Чжунго цзинцзисюэ бай нянь цзиндянь. 中国经济学百年经典. 上卷: 1900–1949. 王振中总主编. 广州. 2005 (Классика китайской экономической науки за 100 лет). Т. 1. Гуанчжоу, 2005.

Го Цицзя. Чжунго цзяоюй сысян ши. 郭齐家. 中国教育思想史. 北京. 1987 (История педагогической мысли в Китае). Пекин, 1987.

Го Чжаньбо. Цзиньдай чжунго сысян ши 郭湛波. 近代中國思想史. 香港. 1973 (История китайской мысли нового времени). Сянган, 1973.

Гоминьдан кунчжи цюй миньчжу фунюй юньдун. 国民党控制区民主妇女运动. 1949 (Женское демократическое движение в районах, контролируемых Гоминьданом). Б.м., 1949.

Гу Вэйцзюнь хуэйи лу 顾维钧回忆录 13 卷. 北京. 1983–1989 (Мемуары Гу Вэйцзюня). В 13 т. Пекин, 1983–1989.

Гу Вэйцзюнь юй чжунго вайцзяо 顾维钧与中国外交. 上海. 2001 (Гу Вэйцзюнь и дипломатия Китая). Шанхай, 2001.

Гу Чаншэн. Чуаньцзяоши юй цзиньдай чжунго. 顾长声. 传教士与近代中国. 上海. 1981 (Миссионеры и современный Китай). Шанхай, 1981.

Дин Цзухао, *Го Цинтан*, *Тан Мингуй*, *Мэн Вэй*. 20 шицзи чжунго чжэсюэ дэ личэн 丁祖豪, 郭庆堂, 唐明贵. 20 世纪中国哲学的历程. 北京. 2006 (Путь китайской философии XX века). Пекин, 2006.

Ду Юньчжи. Чжунго дяньин ши. 杜云之. 中国电影史. 三册. 台北. 1972 (История китайского кино). В 3 т. Тайбэй, 1972.

Ли Чанли. Чжунго жэнь дэ шэнхо фанши: цун чуаньтун дво цзиньдай 李长莉. 中国人的生活方式: 从传统到近代. 北京. 2008 (Образ жизни китайцев: от традиции к современности). Пекин, 2008.

Лю Пэн. Сишо чжунго фоцзяо 刘鹏. 细说中国佛教. 北京. 2005 (Подробное повествование о китайском буддизме). Пекин, 2005.

Ма Чжунлянь. Канжи чжаньчжэн шихуа 马仲廉: 抗日战争史话. 北京. 1983 (Очерк истории антияпонской войны). Пекин, 1983.

Мао Цзэдун няньпу. 1893–1949. 毛泽东年谱 1893–1949. 上中下. 北京. 2002 (Хронологическая биография Мао Цзэдуна. 1893–1949). В 3-х т. Пекин, 2002.

Синь чжунго фэнь шэн ту 新中国分省图. 南京. 1946 (Атлас провинций нового Китая). Нанкин, 1946.

Сюй Тэли цзяоюй вэньцзи 徐特立教育文集. 北京. 1979 (Педагогические сочинения Сюй Тэли). Пекин, 1979.

Ся Яньдэ. Чжунго цзинь бай нянь цзинцзи сысян. 夏炎德. 中国近百年经济思想. 上海. 1948 (Китайская экономическая мысль за последние сто лет). Шанхай, 1948.

Тао Синчжи цюаньцзи. 陶行知全集. 长沙. 1984 (Полное собрание сочинений Тао Синчжи). Чанша, 1984.

Хунань фамин хуэйбянь. 湖南法命汇编. 长沙. 1954 (Сборник законов и приказов провинции Хунань). Чанша, 1954.

Хэ Линь. Уши нянь лай дэ чжунго чжэсюэ 贺麟. 五十年来的中国哲学. 沈阳. 1989 (Китайская философия за пятьдесят лет). Шэньян, 1989.

Цай Юаньпэй цзяоюй вэньсюань. 蔡元培教育文选. 北京. 1980 (Избранные работы Цай Юаньпэя по педагогике). Пекин, 1980.

Цай Юаньпэй чуань. 蔡元培传. 北京. 2009 (Биография Цай Юаньпэя). Пекин, 2009.

Цзинь Чунцзи. Эрши шицзи чжунго шиган 金冲及. 二十世纪中国史纲. 2 卷. 北京. 2009 (Очерк истории Китая в XX веке). В 2 т. Пекин, 2009.

Цзяньмин чжунго лиши дитуцзи 简明中国历史地图集. 北京. 1996 (Краткий исторический атлас Китая). Пекин, 1996.

Чжан Сяньвэнь. Чжунхуа миньго ши 张宪文. 中华民国史. 南京. 2005 (История Китайской Республики). Т. 1–4. Нанкин, 2005.

Чжан Цзиньфань. Чжунго сянфа ши. 张晋藩. 中国宪法史. 吉林. 2011 (История конституции Китая). Цзилинь, 2011.

Чжан Юйфа. Чжунхуа миньго шигао 张玉法: 中华民国史稿. 台北. 1998 (Очерк истории Китайской Республики). Тайбэй, 1998.

Чжоу Ибай. Чжунго сицзюй ши чанбянь. 周贻白. 中国戏剧史长编. 北京 1960 (Большая история китайского театра). Пекин, 1960.

Чжун Сянцай. Эрши шицзи чжунго цзинцзи сысян шулунь. 钟祥财. 20 世纪中国经济思想述论. 上海. 2006 (Изложение китайской экономической мысли XX в.). Шанхай, 2006.

Чжунго гоцзя юй фа цюань лиши цанькао цзыляо. Сяндай буфэн. Ди сань цзи. 中国国家与法历史参考资料. 现代部分. 第三集. 北京. 1954 (Справочные материалы по истории государства и права Китая. Раздел современной истории. Вып. 3). Пекин, 1954.

Чжунго гунчаньдан лиши да шицзи (1919.5–2005.12) 中共共产党历史大事纪 1919.5–2005.12. 北京. 2006 (Хроника истории Коммунистической партии Китая (1919.5–2005.12). Пекин, 2006.

Чжунго гунчаньдан лиши. Ди и цзюань (1921–1949). Ди и цзюань. Шан ся цэ. 中国共产党历史 (1921–1949). 第一卷. 上下册. 北京. 2011 (История КПК. Т. 1. (1921–1949). Часть 1, 2). Пекин, 2011.

Чжунго гунчаньдан чуанцзянь ши яньцзю. 中国共产党创建史研究. 上海. 2011 (История создания Коммунистической партии Китая). Шанхай, 2011.

Чжунго дабайкэ цюаньшу. Цзяньчжу, юаньлинь, чэнши гуйхуа 中国大百科全书. 建筑, 园林, 城市规划. 北京-上海. 1988 (Большая китайская энциклопедия. Архитектура, садово-парковое искусство, градостроительство). Пекин–Шанхай, 1988.

Чжунго дяньин да байкэ цюаньшу. 中国电影大百科全书. 北京. 1991 (Китайская энциклопедия кино). Пекин, 1991.

Чжунго синь вэньсюэ даси: 1927–1937. Цюань 20 цзи 中国新文学大系：1927–1937. 全 20 集. 上海. 1984 (Антология новой китайской литературы: 1927–1937 гг. В 20 т.). Шанхай, 1984.

Чжунго у да цзунцзяо. 中国五大宗教. 北京. 2007 (Пять основных религий Китая). Пекин, 2007.

Чжунго хуацзюй юньдун уши нянь ши ляоцзи 中国话剧运动五十年料集. 北京. 1958 (История китайского театра за 50 лет). Пекин, 1958.

Чжунго цзиньдай тунши 中国近代通史. 1840–1949. 10 卷. 北京. 2006 (История Китая нового времени. 1840–1949. В 10 т.). Пекин, 2006.

Чжунго цзиньдай чэнши юй цзяньчжу. 中国近代城市与建筑. 北京. 1993 (Города и архитектура в период новой истории Китая). 1840–1949. Пекин, 1993.

Чжунго цзяоюй шигао. 中国教育史稿. 北京. 1989 (Очерк истории образования в Китае). Пекин, 1989.

Чэн Цзихуа (ред.). Чжунго дяньин фачжань ши 程季华主编. 中国电影发展史. 第一、二卷. 北京. 1963 (История развития китайского кино). В 2 т. Пекин, 1963.

Ян Куйсун. Нэйчжань юй вэйцзи. 1927–1937. 杨奎松: 内战与危机. 1927–1937. 南京. 2007 (Гражданская война и кризис. 1927–1937). Нанкин, 2007.

Ян Куйсун. Сиань шибянь синьтань. Чжан Сюэлян юй чжунгун гуаньси чжи яньцзю 杨奎松: 西安事变新探: 张学良与中共关系研究. 台北. 1995 (Новый взгляд на Сианьские события. Изучение связей Чжан Сюэляна с КПК). Тайбэй, 1995.

На западноевропейских языках

Bastid M. Educational Reform in Early 20th Century China. Ann Arbor, 1988.
Bays D. (Ed. by) Christianity in China: From the eighteenth century to the present. Stanford, California: Stanford U. Press. 1996.
China at War, 1901–1949. N.Y.: Longman, 1995.
China Handbook. 1937–1943. N.Y., 1943.
Cruickshank D. (Ed.) Sir Banister Fletcher's A History of Architecture. Oxf., 1996.
Dillon M. Xinjiang-China's Muslim Far Northwest. L.–N.Y., 2004.
Domes J. Vertagte Revolution. Die Politik der Kuomintang in China. 1923–1937. Berlin, 1969.
Frauenforschung in China. Analysen, Texte, Bibliographie. Hrsg. von H.Frick, M.Leutner, N.Spakowski. München, 1995.
Graff D. and Higham R. (Eds.). A Military History of China. Boulder, CO: Westview Press, 2002.
Needham J. Chinese Science in the War. China Book Company. 1947.
Latourette K. A History of Christian Missions in China. N.Y., Macmillan, 1929.
Mackerras C., Tung C. Drama in the People's Republic of China. State Univ. of N.Y., 1987.
Ma Xiangbo and the Mind of Modern China 1840–1939. Ed. by R.Hayhoe and Lu Yungling. N.Y. 1996.
Mi Shoujiang, You Jia. Islam in China. Beijing, 2004.
Snow E. Red Star over China, N.Y., 1961.
Snow Foster H. (Wales Nym). Inside Red China. N.Y., 1977.
Stauffer M. The Christian Occupation of China. A General Survey of the Numerical Strength and Geographical Distribution of the Christian Forces in China made by the Special Committee on Survey and Occupation China Continuation Committee 1918–1921. Shanghai, 1922.
The Cambridge History of China. Cambridge, 1983. Vol. 12, 13.
Trescott P., Jingji Xue. The History of Introduction of Western Economic Ideas into China, 1850–1950. Hong Kong, 2007.
Welch H. The Practice of Chinese Buddhism. 1900–1950. Cambridge. Mass,1967.
Wiest J.-P. Maryknoll in China: A History, 1918–1955. Armonk, N.Y.; London, England: M.E.Sharpe, 1988.
Worthing P. A Military History of Modern China: From the Manchu Conquest to Tian'anmen Square. Westport, CT: Praeger Security International, 2007.

Указатель имен

А Ин 啊英 (Цянь Дэфу 钱德富) 203, 659
Абэ Нобуюки 阿部信行 386
Авеноль Ж. (Avenol J.) 372, 373
Агарев А.Ф.110
Адамс Г. (Adams H.) 189
Ай У 艾芜 (Тан Даогэн 汤岛耕) 659
Ай Цин 艾青 654, 658, 660
Ай Чжунсинь 艾中信 684, 685
Александров Г.В. 678
Алексеев В.М. 684
Алексий I 571
Алиев Б.В. 485
Амар Анандын 290
Ань Лунхэ 安龙鹤 116
Апресов Г.А. 289
Ариоси Акира 有吉明 282, 283
Аристотель (Ἀριστοτέλης) 643
Арита Хатиро 有田八郎 361
Атчесон Дж. (Atcheson G.) 468, 471

Ба Цзинь 巴金 (Ли Яотан 李尧棠, Ли Фэйгань 李芾甘) 201, 654, 655, 657
Бай Вэй 白薇 662
Бай Лан 白朗/狼 33
Бай Цзефу 白介夫 12
Бай Чунси 白崇禧 149, 224, 230, 361, 531, 537
Байроуд Г. (Byroade H.) 512
Бак Дж. (Buck J.) 188
Бак Н. (Buck N.) 191
Бакунин М.А. 86
Бальфур А. (Balfour A.) 107
Бао Хуэйсэн 包惠僧 158
Барр Д. (Barr D.) 582
Барретт Д. (Barrett D.) 469, 470, 482
Бедный Д. (Придворов Е.А.) 203, 654
Бем-Баверк О., фон (Bawerk von, Eu.) 635
Бенедикт XV (Benedictus XV) 98
Бергсон А. (Bergson H.) 184, 186, 642, 646
Берзин Я.К. 300
Блок А.А. 203
Блюхер В.К. 128–130, 140, 171, 283, 295, 300
Бо Вэньвэй 柏文蔚 34, 231
Бо Гу 博古 см. Цинь Бансянь 秦邦宪)
Бо Ибо 薄一波 610
Бови Б. (Bovy B.) 570
Богданов А.А. 637
Богомолов Д.В. 285, 287–289, 291, 294–296, 332, 348
Бонне Ж. (Bonnet G.) 382
Бор Н. (Bohr N.) 633, 634
Бородин М.М. 119, 120, 123, 132, 134, 135, 138, 143, 149, 177
Бошкевич Р. 691
Браски Б. (Brasky B.) / Полански Б. (Polanski B.) 669
Браун О. (Braun O., Ли Дэ 李德) 321, 322, 324
Бриан А.(Briand A.) 274, 275, 278, 284, 372, 374, 385
Бруни Л.И. 684
Брюс С. (Bruce S.) 373
Бу Ваньцан 卜万苍 673
Бубнов А.С. (Ивановский) 139, 171
Бухарин Н.И. 299, 637
Бэкон Фр. (Bacon Fr.) 181

Ван Говэй 王國維 80, 181
Ван Дэнъюнь 王登云 121
Ван Дэчжэн 王德峥 632
Ван Жофэй 土岩飞 156, 157, 498, 499, 501, 503
Ван Итан 王揖唐 281, 356
Ван Итин 王一亭 683
Ван Ифэй 王一飞 155, 171
Ван Куань 王宽 563
Ван Куньлунь 王昆仑 529
Ван Кэминь 王克敏 281, 356
Ван Кэцюань 王克全 307

Ван Линцзи 王陵基 426
Ван Луянь 王鲁彦 201
Ван Лэпин 王乐平 116, 225, 228
Ван Миндао 王明道 568
Ван Мин 王明 см. Чэнь Шаоюй 陈绍禹
Ван Сяонун 汪笑儂 206
Ван Тунчжао 王统照 201, 658
Ван Тэфэй 王特非 664
Ван Фацинь 王法勤 225
Ван Хэбо 王荷波 164
Ван Цзинвэй 汪精卫 13, 124, 126, 132, 134, 139, 144, 147–149, 178, 222, 224–230, 232, 235, 252, 255, 279–282, 288, 337, 338, 357, 360–363, 366, 379, 386, 387, 389, 393, 415, 544
Ван Цзинци 王京崎 157
Ван Цзинчжай 王静斋 565
Ван Цзинчжи 汪静之 200
Ван Цзиньмэй 王尽美 124, 156, 158
Ван Цзо 王佐 302
Ван Цзуаньсюй 王缵绪 425, 426
Ван Цзяле 王家烈 231
Ван Цзяньлан 王建朗 11
Ван Цзясян 王稼祥 306, 307, 320, 321, 324, 334, 475, 479, 486, 600
Ван Ци 王奇 11
Ван Чаогуан 汪朝光 11
Ван Чжисинь 王治心 96
Ван Чжуншэн 王钟声 207
Ван Чжэнтин 王正廷 102, 104, 263–265, 268
Ван Чунхуэй 王宠惠 20, 23, 105, 222, 296, 337, 340, 381
Ван Шицзе 王世杰 407, 416, 469, 499, 505, 507, 531, 596
Ван Шоухуа 汪寿华 155
Ван Юньу 王云五 531
Ван Янань 王亚南 639
Ван Янмин 王陽明 194, 646
Ван Янчун 王养冲 231
Ван Япин 王亚平 658
Ван Ячэнь 汪亚尘 683
Ванцетти Б. (Vanzetti B.) 201
Василевский А.М. 408
Васьков В.В. 601
Вашиннгтон Дж. (Washington G.) 22
Ведемейер А. (Wedemeyer A.) 498, 586
Верлен П. (Verlaine P.) 201
Виктор (Святин Леонид) 571
Вильсон В. (Wilson W.) 85, 103
Винер Н. (Wiener N.) 633
Владимиров см. Власов П.П.
Власов П.П. (Владимиров, Сун Пин) 465, 485, 487
Вознесенский А.Н. 108
Войтинский Г.Н. (Зархин) 118, 154–156, 166, 176
Вольф Фр. (Wolf Fr.) 666
Ворошилов К.Е. 289
Врангель П.Н. 110
Вудбридж Фр. (Woodbridge Fr.) 645
Вышинский А.Я. 598
Вэй Лихуан 未立煌 358
Вэй Чжэньцзу 魏震组 102
Вэй Эньбо 魏恩波 97
Вэн Вэньхао 翁文灏 416, 417, 591
Вэнь Идо 闻一多 200, 203, 204, 660

Галифакс Э. (Galifax E.) 382
Гань Найгуан 甘乃光 157, 225, 228, 246
Гао Ган 高崗 327, 519, 590, 600, 612
Гао Лу 高鲁 705
Гао Цзунъу 高宗武 362
Гао Цзюньюй 高君宇 163
Гао Цзяньфу 高剑父 685
Гао Юйхань 高语罕 134
Гарбо Гр. (Garbo Gr.) 671
Гартман Н. (Hartman N.) 646
Гаспе О. (Gaspais A.) 569
Гаусс К. (Gauss C.) 390, 391, 482
Гегель Г. (Hegel G.) 186, 646
Гексли Т. (Huxley Th.) 181
Георг VI (George VI) 261
Гёте И. (Goethe J.) 201
Гитлер А. (Hitler A.) 9, 339, 340, 375
Го Можо 郭沫若 140, 201–203, 210, 622, 623, 654, 657–659, 661, 664, 665,
Го Тайци 郭泰祺 379, 390
Го Чанмин 郭昌明 426
Го Юнхуай 郭永怀 632
Говард Э. (Howard E.) 696

Гоголь Н.В. 209, 654, 663
Гольдони К. (Goldoni C.) 661
Гопкинс Г. (Hopkins H.) 392, 406
Горький М. (Горький А.М.) 648, 654
Грабарь И.Э. 684
Грин Т. (Green Th.) 646
Гу Вэйцзюнь 顾维钧 63, 101–107, 276, 277, 372, 373, 375–377, 381, 382, 384, 387, 394, 395
Гу Инфэнь 古应芬 230, 251
Гу Ицюнь 顾翊群 417, 637
Гу Мэнъюй 顾孟余 225, 226, 228, 362
Гу Чжэнган 谷正纲 228
Гу Чжэнхун 顾正红 168
Гу Юань 顾源 685
Гуань Суншэн 关颂声 689
Гудноу Ф. (Goodnow F.) 44
Гэ Гуанжуй 葛光锐 667
Гэ Тинсуй 葛庭燧 632

Дай Ваншу 戴望舒 204
Дай Ли 戴笠 (Дай Юйнун 戴雨农) 233, 447–449
Дай Цзитао 戴季陶 126, 135, 157, 222, 225, 451, 531, 543, 646, 647
Далай-лама XIII (Тхуптэн Гьяцо) 32, 152
Далин С.А. 118, 157
Даньян-Бувре П.-А. (Dagnan-Bouveret P.-A.) 680, 682
Дарвин Ч. (Darwin Ch.) 181
Дауэс Ч. (Dawes Ch.) 275
Де Сика В. (De Sica V.) 676
Деканозов В.Г. 402
Декарт Р. (Descartes R.) 181, 186
Дельбос И. (Delbos Y.) 373
Денисов К.Х. 218
Джевонс У. (Jevons W.) 181, 187
Джордж Г. (George H.) 28
Джемс У. (James W.) 184, 186
Джильберт П. (Gilbert P.) 275
Джонсон Н. (Johnson N.) 261, 340, 370, 374, 381, 383, 466
Джордж Г. (George H.) 28
Дзанин М. (Zanin M.) 570
Диккенс Ч. (Dickens Ch.) 573
Димитров Г. (Димитро́в Г.) 475, 476, 486
Дин Вэньцзян 丁文江 186
Дин И 丁毅 667
Дин Лин 丁玲 657, 660
Дин Мин 丁明 14
Дин Силинь 丁西林 210, 666
Дин Яньюн 丁衍庸 679
Дойл А.К (Doyle A.C.) 573
Доихара Кэндзи 土肥原賢二 270, 281–283, 330
Долматов Л.В. (Ли Вэнь) 485
Дорио Ж. (Doriot J.) 176
Дратвин М.И. 359, 398
Дриш Х. (Driesch H.) 184
Ду Сигуй 杜锡圭 63
Дуань Цижуй 段祺瑞 34, 43, 48, 49, 52–58, 61–63, 68, 70, 79, 101, 103, 166, 169, 217
Думан Ю. (Duman E.) 385
Дун Биу 董必武 158, 459, 510, 513, 518, 593
Дун Даю 董大酉 692
Дун Кан 董康 356
Дун Сивэнь 董希文 685
Дьюи Дж. (Dewey J.) 92, 182–184, 194, 196, 645
Дэвис Н. (Davis N.) 378
Дэн Вэньи 邓文仪 295, 332
Дэн Инчао 邓颖超 92, 459
Дэн Сихоу 邓锡侯 225, 425,
Дэн Сяопин 邓小平 156, 322, 344, 345, 606, 610
Дэн Ханьсян 邓汉翔 426
Дэн Цзыхуэй 邓子恢 610
Дэн Цзэжу 邓泽如 126, 230, 231
Дэн Чжунся 邓中夏 92, 159, 167, 185, 304
Дэн Эньмин 邓恩铭 156, 158
Дэн Яньда 邓演达 174, 232

Е Гунчао 叶公超 601
Е Тин 叶挺 140, 179, 180, 348
Е Цзяньин 叶剑英 334, 344, 478. 504, 516
Е Цяньюй 叶浅予 685
Е Чуцан 叶楚伧 135, 225
Е Шаоцзюнь 叶绍钧 (Е Шэнтао 叶圣陶) 201
Есенин С.А. 203

Ёсидзава Кэнкити 芳沢謙吉 264, 273, 275

Жданов Ю.П. 691
Жолио-Кюри И. (Joliot-Curie I.) 632
Жолио Фр. (Joliot Fr.) 632
Жорес Ж. (Jaurès J) 195
Жуань Линъюй 阮玲玉 671
Жун Дэшэн 容德生 75
Жун Куй 容揆 273
Жун Цзунцзин 荣宗敬 75
Жэнь Биши 任弼時 155, 307, 308, 327, 344, 456, 485, 605, 606
Жэнь Кэчэн 任可澄 43
Жэнь Тяньчжи 任天知 203, 208
Жэнь Цзинфэн 任景奉 668
Жэнь Цзиюй 任继愈 646
Жэнь Чжигун 任之恭 633

Зорин В.А. 545

Ибсен Г. (Ibsen H.) 207, 209, 210, 575
Иванов Вс.В. 666
Ивенс Й. (Ivens J.) 672
Иден Э. (Eden A.) 340, 373, 403
Ин Ляньчжи 英敛之 97, 98
Ин Юньвэй 鹰云为 662, 663
Иннокентий (Фигуровский) 99, 100, 571
Инь Фу 尹福 653
Иоанн (Максимович) 571
Иолк Е.С. 144
Иоффе А.А. 111, 112, 115, 117–120, 124, 295, 332
Исии Кикудзиро 石井菊次郎 105
Итагаки Сэйсиро 板垣征四郎 362

Кавагоэ Сигэру 川越茂 340, 371
Каваками Хадзимэ 河上肇 637
Кавальканти А. (Cavalcanti A.) 673
Кагэса Садааки 影佐祯昭 387
Кай Фэн 凯丰 477, 480
Калягин А.Я. 398
Кандэ (康德) см. Пу И
Кан Кикути 寛菊池 661
Кан Шэн 康生 475, 477, 479, 484, 486
Кан Ювэй 康有为 27, 54, 79, 80, 82, 191, 573, 680
Канси 康熙 699
Кант И. (Kant I.) 181, 184, 186, 194, 642, 643
Карахан Л.М. 109, 111–113, 115, 285
Карлсон Э. (Karlson E.) 477, 478
Кармен Р.Л. 481
Кафка Фр. (Kafka Fr.) 204
Качанов К.М 398
Кейлз Ф. (Cales F.) 212, 692
Кейнс Дж.М. (Keynes J.M.) 638
Кейтель В. (Keitel W.) 375
Келлог Фр. (Kellogg Fr.) 264, 266, 278, 284, 372, 374, 385
Керр А. (Kerr A.) 382
Кершенштайнер Г. (Kerschensteiner G.) 192
Кибрик Е.А. 684
Китон Б. (Keaton B.) 669
Клабб О. (Clubb O.) 544
Клейн Г. (Klein G.) 339
Клер Р. (Clair R.) 673
Ковалев И.В. 597
Кодама Кэндзи 児玉謙次 340
Колчак А.В. 109
Конашевич В.М. 684
Коноэ Фумимаро 近衛文麿 341, 361, 383
Константини Ч. (Costantini C.) 98, 569
Конфуций 孔子 79, 82, 93, 185, 226, 248, 480, 568-570, 646, 647, 697, 710, 711
Кончаловский П.П. 684
Кравченко А.И. 684
Кресси Дж. (Cressey G.) 188
Кропоткин П.А. 86
Кудашев Н.А. 108
Кузнецова М.Ф. 154
Куйбышев Н.В. (Кисанька) 139
Кулидж К. (Coolidge C.) 264
Кулишенко Г.А. 414
Кун Сянси 孔祥熙 222, 226, 228, 232, 252, 258, 261, 287, 290, 340, 379, 404, 414, 416–418, 430, 432–435, 439, 443, 452, 528, 544
Куприянов М.В. 684

Лан Синши 郎醒石 231
Лансинг Р. (Lansing R.) 105, 110

Лао Шэ 老舍 (Шу Цинчунь) 654–660, 664, 665, 667, 710
Лао-цзы 老子 710
Лапидус И.А. 637
Лафарг П. (Lafargue P.) 195
Леббе В. (Lebbe V.) 98
Левтеев А.К. 213
Легран Б.В. 684
Лейда Д. (Leyda D.) 671, 673, 676
Лейт-Росс Фр. (Leyt-Ross Fr.) 258
Ленин В.И. 84, 115, 154, 484, 654
Лет-Моллер В. (Leth-Moller V.) 692
Ли Бочжао 李伯钊 663
Ли Вэйхань 李维汉 156, 177, 298, 307
Ли Дачжао 李大釗 43, 81, 82, 91, 92, 94, 117, 119, 123, 124, 147, 154, 155, 156, 158, 163, 164, 182, 188, 195
Ли Да 李达 154, 158, 159, 647
Ли Кэжань 李可染 685
Ли Лецзюнь 李列钧 34, 42, 225
Ли Лисань 李立三 124, 156, 167, 169, 177, 178, 299, 304–307, 483, 484, 487
Ли Лунь 李伦 666
Ли Миньвэй 黎民伟 669
Ли Сехэ 李燮和 80
Ли Сыгуан 李四光 629, 632
Ли Сяньнянь 李先念 519
Ли Течжэн 李铁铮 565
Ли Фучунь 李富春 92, 140, 156, 322
Ли Фэнлинь 李凤林 14
Ли Ханьцзюнь 李汉俊 155, 156, 158
Ли Хуа 李桦 685
Ли Хуан 李璜 528
Ли Хуэйбо 李惠伯 692
Ли Цзиньфа 李金发 204
Ли Цзиньхай 李金海 208
Ли Цзишэнь 李济深 223, 529, 534, 543, 622, 623
Ли Цзунжэнь 李宗仁 50, 149, 223, 224, 230, 338, 359, 524, 535–537, 598
Ли Цихань 李启汉 155, 159
Ли Цюаньши 李权时 188, 189, 191
Ли Чжанда 李章达 543
Ли Чжихуа 李志华 667
Ли Шицзэн 李石曾 123, 126
Ли Шичжэнь 李士珍 448
Ли Юаньхун 黎元洪 17, 20, 27, 33, 35, 36, 52–54, 59, 60, 66
Ли Юйчжэнь 李玉贞 14
Ли Юйчэнь 李虞宸 565
Ли Юнсян 李永乡 561
Ли Ююань 李有源 717
Линдер М. (Linder M.) 669
Линкольн А. (Lincoln A.) 482
Линь Боцюй 林伯渠 (Линь Цзухань 林祖涵) 124, 140, 343, 348, 459, 472, 477, 510, 624
Линь Бяо 林彪 322, 324, 327, 345, 346, 512, 519, 521, 523, 611, 612,
Линь Вэйминь 林伟民 160, 170
Линь Кэмин 林克明 692
Линь Монян 林默娘 709
Линь Сэнь 林森 132, 135, 222, 225, 229, 230, 694
Линь Сянцянь 林祥谦 161
Линь Фэнмянь 林风眠 679
Линь Хуэйинь 林徽音 693
Линь Цзухань 林祖涵 см. Линь Боцюй 林伯渠
Линь Цзэсюй 林则徐 700
Линь Шу 林纾 573
Линь Юньгай 林云陔 231
Лист Ф. (List F.) 189, 635, 636
Литвинов М.М. 284, 287, 289, 296, 376, 395
Литтл Л. (Little L.) 537
Литтон В. (Lytton V.) 275–277
Ло Банцзе 罗邦杰 690
Ло Вэньцзао 罗文藻 99
Ло Жунхуань 罗荣桓 612
Ло Инун 罗亦农 155
Ло Мин 罗明 312
Ло Фу 落甫 см. Чжан Вэньтянь 张闻天
Ло Цзялунь 罗家伦 254
Ло Чжанлун 罗章龙 164, 487
Лозовский С.А. 399, 404, 466
Ломинадзе В.В. 178
Лоу Шии 楼适夷 662
Лоуренс Д. (Lawrence D.) 204
Лу Динъи 陆定一 517

Лу Жунтин 陆荣廷 51, 65
Лу Пэйчжан 鲁佩章 417
Лу Синь 魯迅 (Чжоу Шужэнь 周树人) 81, 82, 198, 199, 203, 293, 330, 654, 665, 666, 684, 717
Лу Хань 卢汉 525
Лу Цзинжо 陆镜若 209, 210
Лу Цзофу 卢作孚 411, 412
Лу Цзунъюй 陆宗舆 87, 100
Лу Цзююань 陆九渊 646
Лу Цяньшоу 陆谦受 688–690
Лу Чжунлинь 鹿钟麟 362
Лу Чжэнсян 陆徵祥 41,102, 570
Лу Шусэнь 卢树森 690
Лу Юнбяо 芦镛标 689
Луань Цзинхэ 栾景河 14
Лудден Р. (Ludden R.) 482
Лун Юй 隆裕 21
Лун Юнь 龙云 449
Лэй Чжэнь 雷震 515
Лэмпсон М. (Lampson M.) 268
Лю Баньнун 刘半农 198, 199, 200
Лю Баоло 刘保罗 662
Лю Бинлинь 刘秉麟 190
Лю Бочэн 刘伯承 180, 322, 326, 519, 521
Лю Вэньхуэй 刘文辉 225, 449
Лю Дабай 刘大白 199
Лю Данянь 刘大年 12
Лю Дацзюнь 刘大钧 189, 641
Лю Дуньчжэнь 刘敦桢 213, 214
Лю Жумин 刘汝明 359
Лю Жэньцзин 刘仁静 158
Лю Луинь 刘芦隐 231
Лю Сян 刘湘 77, 225, 338, 425
Лю Хайсу 刘海粟 680, 680
Лю Цзивэнь 刘纪文 231
Лю Цзолун 689
Лю Цзэжун 刘泽荣 116
Лю Цзяньцюнь 刘健群 236
Лю Цинъян 刘清扬 156
Лю Чжидань 刘志丹 327
Лю Чжэньхуань 刘震寰 67, 128, 129
Лю Шаоци 刘少奇 92, 155, 167, 307, 477, 479, 484–487, 510, 517, 592, 600, 604, 610
Лю Шиин 柳士英 213
Лю Шипэй 刘师培 80, 574
Лю Шифу 刘师復 86,87
Лю Юньчоу 刘运筹 254
Людовик XVI (Louis XVI) 672
Люй Фэнцзы 吕风子 685
Люй Яньчжи 吕彦直 691, 692
Лян Би 良弼 21
Лян Сычэн 梁思成 214, 693
Лян Ханьгуан 梁寒光 667
Лян Цичао 27, 33, 42, 53, 54, 79, 80, 92, 181, 182, 187, 191, 193, 194, 205, 217, 573, 696
Лян Цишоу 梁启寿 690
Лян Шии 梁士诒 58
Лян Шицю 梁实秋 203
Лян Шумин 梁漱溟 184–186, 195
Ляо Цзинвэнь 廖靜文 687
Ляо Чжункай 廖仲恺 42, 94, 117, 123, 124, 126, 128, 228
Ляо 辽, династия 692, 573, 551

Ма Буцин 马步青 333, 551
Ма Ганхоу 马刚侯 564
Ма Иньчу 马寅初 188–190, 623, 636, 639, 641
Ма Кэ 马可 667
Ма Сюйлунь 马叙伦 622, 623
Ма Сянбо 馬相伯 97, 98
Ма Фусян 马福祥 550
Ма Фучу 马復初 565
Ма Хункуй 马鸿逵 333, 537
Ма Цзюнь 马骏 92
Ма Чжаньшань 马占山 275
Ма Яньсян 马彦祥 664
Майский И.И. 395
Макартур Д. (MacArthur D.) 580, 587
Малаласекера Г. (Malalasekera G.) 558
Мамаев И.К. 300
Мао Дунь 矛盾 (Шэнь Яньбин 沈雁冰) 201–203, 210, 577, 623, 654, 656–669, 661, 671
Мао Ишэн 茅以升 694
Мао Цзуцюань 茅祖权 225
Мао Цзэдун (Мао) 毛泽东 17, 18, 24, 92, 124, 156, 158, 164, 173, 174, 179, 198,

300, 302, 308, 310–312, 318, 321, 322, 324–328, 335, 344–347, 364, 453, 455, 459, 469, 470, 472–487, 498–501, 503, 507, 510, 517, 518, 523, 536, 580, 593, 595, 597–602, 607–611, 622–625, 647, 649, 650, 652, 660, 666, 694, 698, 703, 704, 716, 717
Мао Цзэминь 毛泽民 703
Мао Цзэтань 毛泽潭 703
Мао Юань 茅元 667
Маринг Г. (Снефлит Х. – Sneevliet H.) 117–119, 157, 158, 163
Маркова С.Д. 658
Маркс К. (Marx K.) 86, 87, 154, 188, 484, 634, 636, 638
Маршалл А. (Marshall A.) 536, 636
Маршалл Дж. (Marshall J.) 503, 504, 506, 507, 511–516, 579, 590
Махсуд (Сабри) 麦斯武德 537
Мацумура Такаёси 松村孝良 70
Мацумуро Сигэмицу 松室重光 213
Мацуока Ёсукэ 松岡洋右 399
Машков И.И. 684
Маяковский В.В. 203, 205, 657, 658
Меликсетов А.В. 539
Меньшиков М.А. 601
Мериме П. (Mérimée P.) 661
Меркулов С.Д. 110
Меркуров С.Д. 684
Мёрфи Г. (Murphy H.) 212, 219, 688, 692
Ми Диган 米迪刚 247
Мид Дж. (Mead G.) 646
Микоян А.И. 599–601
Милликен Р. (Milliken R.) 631, 633
Милль Дж. (Mill J.) 181
Мин 明, династия 565, 692
Митурич П.В. 684
Митчелл У. (Mitchell W.) 190
Миф П.А. 306, 307
Мо-цзы 墨子 (Мо Ди 墨翟) 86
Мо Дэхуэй 莫德惠 285, 531
Молотов В.М. 289, 399, 403, 404, 407, 408, 469
Монро П. (Monroe P.) 196
Монтегю У. (Montague W.) 645
Морган К. (Morgan C.) 642
Моргентау Г. (Morgenthau H.) 389
Мотт Дж. (Mott J.) 95, 96
Му Мутянь 穆木天 204
Му Сянъюэ 穆湘玥 75
Муссолини Б. (Mussolini B.) 294, 206
Мэй Ланьфан 梅兰芳 664, 669, 684,
Мэйдзи 明治, эпоха правления 341
Мюллер П. (Muller P.) 689

Накамура, капитан 中村, 大尉 270
Натроп П. (Natrop P.) 192
Не Жунчжэнь 聶榮臻 345, 358, 507, 519, 521, 523, 525, 625
Нейрат К. (Neurath K.) 375
Неруда П. (Neruda P.) 658
Нестеров М.В. 684
Ни Тошэн 倪柝声 96, 97
Нидэм Дж. (Needham J.) 634
Никифоров Н.В. 213
Никольский (Нейман В.А.) 158
Нисио Тосидзо 西尾寿造 362
Нисихара 西原 Камэйдзо 57
Ницше Ф. (Nietzsche Fr.) 181, 186

О'Малли О. (O'Malley O.) 174
О'Нил Ю. (O'Neill E.) 209
Обломиевский И.И. 213
Окума Сигэнобу 大隈重信 100
Орбели И.А. 684
Орлов А. Я. (Теребин) 465, 485
Осколков М.М. 213
Островитянов К.В. 637
Островский А.Н. 209
Остроумова-Лебедева А.П. 684
Отодзо Ямада 山田乙三 408
Оуян Цзинъу 欧阳竟无 553, 555, 644
Оуян Чунь 欧阳春 694
Оуян Юйцянь 欧阳予倩 206, 208, 210, 681, 663–665

Павлов П.А.128, 129
Пан Сюньцинь 庞熏琴 684
Пань Вэньхуа 潘文华 425, 449

Пань Тяньшоу 潘天寿 680, 681
Пань Ханьнянь 潘汉年 332
Пань Юньчао 潘云超 225
Панюшкин А.С. 399, 466, 469
Паркхерст Е. (Parkhurst H.) 196
Пек У. (Peck W.) 274
Перлин Л.А. 156
Петров А.А. 468, 591, 593
Пигу А. (Pigou A.) 636
Пий X (Pius) 97
Пий XI (Pius) 99, 569
Пий XII (Pius) 570
Пильняк Б.А. 670
Пинкевич А.П. 649
Платон (Πλάτων) 643
Плеханов Г.В. 654
Погодин Н.Ф. 666
Поло М. (Polo M.) 352
Полынин Ф.П. 360
Прудон П.-Ж. (Proudhon P.-J.) 86
Пу И 溥仪 (Сюаньтун 宣统, Кандэ 康德) 21, 35, 54, 198, 217, 219, 239, 272, 286, 697, 699, 706, 722
Пу Фэн 蒲风 656
Путна В.К. 70
Пушкин А.С. 654
Пушкин Г.М. 402
Пэй Вэньчжун 裴文中 631
Пэн Бай 彭湃 174, 179
Пэн Дэхуай 彭德怀 302, 322, 327, 344, 346, 473, 474, 477, 479, 494, 519, 521, 525
Пэн Суминь 彭素民 126
Пэн Хэнъу 彭恒武 632
Пэн Чжэнь 彭真 611, 612

Разгон И.Я. (Ольгин) 139
Рамос А. (Ramos A.) 668
Рассел Б. (Russel B.) 92, 184, 194, 646
Рассушин В.А 213
Рахманов А.С. 414
Ремер Ч. (Remer Ch.) 188
Рибери А. (Riberi A.) 570
Риммар Н.Н. 465, 485
Робертсон У. (Robertson W.) 504
Рогачев В.П. 139
Рой Манабендра Нат (Roy M.) 116, 176, 178
Ройс Дж. (Royce J.) 646
Росселини Р. (Rossellini R.) 676
Рошер В. (Roscher W.) 635
Рощин Н.В. 599
Рузвельт Фр. (Roosevelt Fr.) 374, 381, 383, 386, 389, 391, 392, 394, 404, 406, 469, 470, 471, 477, 585
Руссо Ж.-Ж. (Rousseau J.-J.) 181, 194
Рыбалко П.С. 398
Рылеев К.Ф. 201
Рылов А.А. 684
Ряжский Г.Г. 684

Савельев А.И. 404, 596
Сарду В. (Sardou V.) 207
Садуль Ж. (Sadoul G.) 673
Сассун В. (Sassoon V.) 688
Сафронов А.В. 667
Свиридов П.С. 213
Се Чи 谢持 126, 135, 225
Серафимович А.С. 654
Сервис Дж. (Service J.) 482
и Чжунсюнь 習仲勛 606
Сидоров, хорунжий 31
Сидэхара Кидзюро 幣原喜重郎 107, 269
Симон (Виноградов С.А.) 571
Симонов К.М. 624, 666
Скворцов Т.Ф. 470
Скворцов-Степанов И.И. 637
Скотт В. (Scott W.) 573
Смедли А. (Smedley A.) 717
Смигельский В.Д. 213
Смирнов Ю.В. 691
Смит А. (Smith F.) 187
Соков С.В. 30
Сотаро Ота 宗太郎太田 690
Спенсер Г. (Spencer H.) 181, 194
Сталин И.В. 120, 287, 289, 335, 398–400, 404–406, 408, 465, 471, 475, 476, 478, 484, 498, 502, 503, 536, 590, 592, 593, 595, 597–601
Станиславский К.С. 666
Стилуэлл Дж. (Stilwell J.) 365, 366, 392

Стимсон Г. (Stimson H.) 273–275
Стомоняков Б.С. 287, 288, 290, 294
Стоянович К.А. 156
Стриндберг А. (Strindberg A.) 209
Стюарт Л. (Stuart L.) 512, 513, 523, 530, 532, 567, 587,
Су Бинвэнь 苏炳文 286
Су Чжаочжэн 苏兆徵 144, 149, 160, 170, 178, 298
Сун 宋, династия 664
Сун Айлин 宋蔼龄 226
Сун Мэйлин 宋美龄 226, 238, 336, 339, 392, 503, 567, 576, 592, 694
Сун Цзывэнь 宋子文 144, 146, 222, 226, 228, 232, 255, 258, 274, 278, 290, 336, 337, 339, 392, 393, 402–404, 406, 407, 414, 416, 417, 448, 452, 528, 531, 537, 544
Сун Цзяожэнь 宋教仁 23, 25, 28, 29, 33, 35
Сун Цинлин 宋庆龄 61, 118, 123, 226, 499, 513, 543
Сун Чжиди 宋之的 662–666
Сун Чжэюань 宋哲元 279, 281, 282, 231
Сун Чуньфан 宋春舫 210
Сунь Бинвэнь 孙炳文 140
Сунь Дэчжэнь, Мельчор 孙德桢 99
Сунь Ефан 孙冶方 637
Сунь Кэ 孙科 (Сунь Фо) 144, 224, 230, 232, 279, 282, 294, 397, 398, 452, 465, 466, 505, 507, 529, 531
Сунь Лижэнь 孙立人 533, 537
Сунь Ляньчжун 宋连仲 359
Сунь Фасюй 孙发绪 247
Сунь Фо (см. Сунь Кэ 孙科)
Сунь Чуаньфан 孙传芳 50, 70, 137, 140, 142, 149, 169, 175, 201
Сунь Юйцзюнь 孙毓筠 80
Сунь Юй 孙玉 677
Сунь Ятсен (Сунь Исянь 孫逸仙, Чжун Шань 中山, Сунь Вэнь 孫文) 8, 15, 16, 19–25, 27–29, 36, 41, 42, 51, 52, 58–61, 63–67, 69, 83–87, 91, 111–115, 117–132, 134–136, 139, 143, 151–153, 157, 160, 163–166, 173, 192, 197, 217, 222, 224, 226, 230, 234, 237, 251–253, 255, 260, 294, 295, 332, 339, 343, 357, 416, 418, 419, 420, 422, 429, 440, 454, 459, 460, 470, 480, 481, 499, 508, 509, 526, 529, 536, 541–543, 554, 567, 572, 624, 626, 628, 629, 634, 646–648, 690–692, 698–700, 704–706, 711, 718
Сюаньтун (см. Пу И.)
Сюй Баньмэй 徐半梅 208, 210
Сюй Бэйхун 徐悲鸿 (Сюй Шоукан 徐寿康) 293, 294, 679–687
Сюй Дачжан 徐达章 680
Сюй Дисинь 许涤新 637, 640
Сюй Дишань 许地山 201
Сюй Кань 徐堪 417
Сюй Кэсян 许克祥 148
Сюй Сянцянь 徐向前 325, 326, 345
Сюй Тэли 徐特立 156, 649, 650, 652
Сюй Фулинь 徐傅霖 528
Сюй Цзинчжи 徐敬直 692
Сюй Цянь 徐谦 144
Сюй Чжимо 徐志摩 200, 203, 204
Сюй Чунчжи 许崇智 129, 132, 225
Сюй Шаоцзун 许绍宗 425
Сюй Шичан 徐世昌 35, 43, 52, 57–59
Сюй Эньцэн 徐恩曾 447, 449
Сюй Юйнань 徐毓楠 641
Сюн Силин 熊希龄 34
Сюн Фоси 熊佛西 210
Сюн Шили 熊十力 644
Сюэ Дуби 薛笃弼 546
Сюэ Муцяо 薛暮桥 637
Сюэ Сяньтянь 薛衔天 14
Сюэ Цзымин 薛子明 565
Ся Доуинь 夏斗寅 148, 689
Ся Яньдэ 夏炎德 640, 641
Ся Янь 夏衍 654, 662–666
Сян Ин 项英 164, 307, 308, 311, 321, 322, 348, 477, 479
Сян Цзинъюй 向警予 156
Сян Чжунфа 向忠发 299, 300, 304, 307
Сяо Кэ 萧克 345, 507
Сяо Фочэн 萧佛成 230, 231
Сяо Цзингуан 肖劲光 155
Сяо Чжэн 萧铮 253, 254
Сяо Эми (Сяо Сань 萧三) 479

Тагор Р. (англ.Tagore R.) 201, 202
Тайсюй 太虚 553–555, 557, 558
Тайлер Дж. (Tayler J.) 188
Таиров В.Х. 290
Тан Хуайцю 唐槐秋 661, 663
Тан Хуалун 汤化龙 27, 33
Тан Цзияо 唐继尧 43, 51, 65, 70
Тан Цинцзэн 唐庆增 188, 636
Тан Шаои 唐绍仪 27, 230
Тан Шоуцянь 唐守谦 20
Тан Шэнчжи 唐生智 137, 148
Тан Эньбо 塘恩伯 359
Тан Эрхэ 汤尔和 281, 356
Танака Гиити 田中 義一 269
Тань Пиншань 谭平山 123, 124, 144, 149, 164, 174, 177, 178, 232, 543, 622
Тань Синьпэй 谭鑫培 668
Тань Сытун 谭嗣同 191, 199, 573
Тань Чжэнь 覃振 225
Тань Янькай 潭延闿 132, 144, 150, 222
Тао Синчжи 陶行知 193–196, 650, 652
Тао Сишэн 陶希圣 363, 507
Тарханов О.С. 144
Тихвинский С.Л. 624
Того Сигэнори 東郷 茂徳 399
Толстой Л.Н. 207, 209, 654
Траутман О. (Trautmann O.) 357, 376, 379
Трескотт П. (Trescott P.) 188
Троцкий Л.Д. 108
Трояновский А.А. 287
Трумэн Г. (Truman H.) 406, 503, 513, 515, 578, 579, 585, 586, 590
Тургенев И.С. 202, 209
Тэйлор Ф. (Taylor Fr.) 189
Тэссан Фр. де (Tessan Fr. de) 373
Тэн Цзе 滕杰 236
Тянь Гэншэнь, Томас 田耕莘 570
Тянь Сунъяо 田颂尧 225
Тянь Хань 田汉 201, 210, 654, 657, 661, 662, 664, 665, 667, 670, 671, 681
Тянь Цзянь 田间 (Тун Тяньцзянь 童天鉴) 656, 658

У Баосань 巫宝三 638, 641
У Динчан 吴鼎昌 75
У Ифэн 吴挹峰 254
У Лэйчуань 吴雷川 567
У Наньжу 吴南如 290
У Пэйфу 吴佩孚 48–50, 56, 58–61, 63, 65, 69, 70, 79, 133, 140, 161
У Сюцюань 伍修权 322
У Течэн 吴铁成 505, 513, 515
У Тинфан 伍廷芳 20, 21, 33
У Цзинсюн 吴经熊 570
У Цзожэнь 吴作人 681, 684–687
У Цзугуан 吴祖光 665
У Цзусян 吴祖缃 659
У Чаншо 吴昌硕 680, 681
У Чаошу 伍朝枢 34, 263, 266
У Чжихуэй 吴稚晖 94, 123, 126
У Чжунхуа 吴仲华 632
У Шигуан 乌始光 680
У Юйгань 武堉干 635
У Юйчжан 无玉章 144, 156, 456, 510, 635
У Юсюнь 吴有训 631
У Яоцзун 吴耀宗 568, 569
Уайлд О. (Wilde O.) 207, 209, 210, 661
Уайтхэд А. (Whitehead A.) 646
Уолш Д. (Walsh D.) 571
Утида Косаи 内田康哉 278
Уэлч Х. (Welch H.) 552

Фаворский В.А. 684
Фадеев А.А. 666, 624
Фалькенхаузен А. (Falkenhausen A.) 339
Фан Вэй 方维 32
Фан Сяньтин 方显廷 188, 190, 634, 641
Фан Чжиминь 方志敏 174, 302, 312, 323
Фань Вэньчжао 范文照 214
Фань Канфу 樊抗甫 565
Фань Миншу 范明枢 510
Фань Хун 樊弘 638
Федоренко Н.Т. 596
Фернисс Э. (Furniss E.) 191
Филипс С. (Phillips S.) 661
Фишер И. (Fisher I.) 190
Фосетт Г. (Fawcett H.) 187
Фостер Сноу Х. (Foster Snow H.) 473
Фу Баоши 傅抱石 684
Фу Бинчан 傅秉常 403, 407, 598

Фу До 傅铎 667
Фу Жулинь 傅如林 225
Фу Цзои 傅作义 282, 523
Фэй Му 费穆 677
Фэй Сяотун 费孝通 638
Фэйрчайлд Ф. (Fairchild F.) 191
Фэн Гочжан 冯國璋 43, 48, 52, 54, 65
Фэн Найчао 冯乃超 204, 662
Фэн Тэминь 冯特民 30
Фэн Юйсян 冯玉祥 48, 50, 51, 61, 62, 69, 70, 133, 138, 140, 141, 148, 150, 166, 222–224, 231, 282, 319, 513, 534, 543
Фэн Юлань 冯友兰 645, 646,

Ха Дэчэн 哈德成 564
Ха Сюнвэнь 哈雄文 694
Хайек Ф. (Hayek F.) 637
Хаксли Т.(Huxley Th.) 192
Хамагути Осати 濱口雄幸 265
Хань Фуцзюй 韩复榘 (Хань Фуцюй 韩复渠) 281, 282, 231
Хань 汉, династия 79
Хасси Х. (Hussy H.) 219
Хасэбэ Макото 271
Хикмет Н. (Hikmet N.) 38, 39
Хиоки Эки 日置益 38, 39
Хиранума Киитиро 平沼騏一郎 385
Хирота Коки 廣田弘毅 281, 282, 350, 379
Хирохито 裕仁 (Сёва 昭和) 369
Хмелев А.П. 172
Хондзё Сигэру 本庄繁 271
Хорнбек С. (Hornbeck S.) 266
Хоу Дэшань 候德山 563
Хохлов А.Н. 31
Ху Ин 胡瑛 80
Ху Кэ 胡可 667
Ху Ханьминь 胡漢民 34, 124, 126, 131, 222, 224, 225, 229, 230–232, 236, 314
Ху Цзинъи 胡景翼 70
Ху Цзичуан 胡寄窗 187, 641
Ху Цывэй 胡次威 428
Ху Ши 胡适 81, 82, 92, 181–183, 186, 195, 196, 198, 199, 202–205, 210, 390, 531, 535, 543, 573, 645
Хуа Логэн 华罗庚 633
Хуан Биньхун 黄宾虹 680, 681
Хуан Син 黄兴 20, 34, 42
Хуан Фу 黄郛 262
Хуан Цзуньсянь 黄遵宪 199
Хуан Цзюньби 黄君壁 684
Хуан Цзяхуа 黄家骅 694
Хуан Чжунъин 黄锺瑛 20
Хуан Юаньло 黄源洛 662
Хуан Яньпэй 黄炎培 193, 195
Худек Л. (Hudec L.) 212, 688
Хун Цянь 洪谦 643
Хун Шэнь 洪深 210, 662, 663
Хэ Вэньюй 和文玉 564
Хэ Гунгань 和公敢 445
Хэ Инцинь 何应钦 232, 308, 330, 335, 524
Хэ Линь 和麟 643, 646
Хэ Лун 贺龙 178, 180, 312, 327, 345, 358, 507, 519
Хэ Лутин 贺绿汀 717
Хэ Лянь 何廉 188, 190, 417, 418, 433, 641
Хэ Сяннин 何香凝 225, 543, 622
Хэ Цзинчжи 贺敬之 667
Хэ Цзычжэнь 贺子珍 717
Хэ Цзышу 何子述 306, 307, 631, 632
Хэ Цзянь 何兼 237
Хэ Чжэнь 何震 574
Хэ Шухэн 何叔衡 156, 158
Хэ Яоцзу 贺耀组 466
Хэлл К. (Hull C.) 370, 374, 378, 381, 386, 390, 468, 470, 471
Хэрли П. (Hurley P.) 469, 498, 499, 503, 512, 590

Цай Тинкай 蔡廷锴 231, 543, 622
Цай Хэсэнь 蔡和森 92, 156, 163, 164, 167, 177, 304
Цай Чушэн 蔡楚生 672, 676
Цай Э 蔡锷 42, 43
Цай Юаньпэй 蔡元培 20, 23, 25, 81, 82, 88, 192, 194–196, 222, 293, 294, 628, 633, 648, 704
Цао Бай 草白 684
Цао Жулинь 曹汝霖 39, 41, 87, 100

Цао Кунь 曹锟 22, 49, 50, 56, 58, 60, 61, 79
Цао Мин 草明 662, 661
Цао Чжи 曹植 201
Цао Юй 曹禺 654, 661–663, 665, 666
Цзан Кэцзя 藏克家 203, 204, 654, 656, 658
Цзи Сеюань 齐燮元 281, 356
Цзи Цзюэми 姬觉弥 565
Цзин Дяньин 敬奠嬴 97
Цзинь Чунцзи 金冲及 11
Цзинь Шань 金山 662
Цзинь Шужэнь 金树仁 550
Цзинь Юньпэн 靳云鹏 58
Цзинь Юэлинь 金岳霖 646
Цзо Мин 左明 662
Цзоу Бинвэнь 邹秉文 255
Цзоу Жун 邹容 694
Цзоу Линь 邹琳 417
Цзоу Лу 邹鲁 126, 135, 225, 231
Цзоу Шувэнь 邹树文 255
Цзэн Ци 曾琦 531
Цзэн Шань 曾山 308
Цзюй Чжэн 居正 225, 531
Цзюйцзань 巨赞 559
Цзян Гуанцзы 将光兹 203, 654
Цзян Канху 江亢虎 86
Цзян Мэнлинь 蒋梦麟 193–195
Цзян Тинфу 蒋廷黻 287, 288
Цзян Фушэн 蒋佛生 116
Цзян Цзинго 蒋经国 288, 405, 406, 469, 502, 503, 590, 694
Цзян Цзобинь 蒋作宾 281, 282
Цзян Цин 江青 487
Цзян Шоцзе 蒋硕杰 638, 641
Ци Байши 齐白石 683–685
Ци Сишэн 齐锡生 413
Цинь Бансянь 秦邦宪 (Бо Гу) 306, 313, 321–324, 343, 348, 459, 473, 477, 478, 479, 484, 487
Цин 清, династия 15, 18, 19, 20, 21, 30, 37, 45, 49, 52–54, 85, 199, 208, 214, 219, 239, 240, 545, 565, 621, 692, 697–700, 702, 711, 713, 718
Цуёси Ота 太田毅 213
Цуй Куй 崔魁 664
Цыси 慈禧 669
Цю Цзинь 秋谨 574
Цюй Цюбо 瞿秋白 92, 167, 177, 178, 185, 199, 298, 299, 304, 306, 307, 649, 654
Цюй Юань 屈原 201, 719
Цянь Вэйчан 钱伟长 632
Цянь Саньцян 钱三强 632
Цянь Сюньтун 钱玄同 198
Цянь Сюэсэнь 钱学森 633
Цянь Цзюньжуй 钱俊瑞 637
Цянь Чжуншу 钱锺书 660

Чан Кайши (Цзян Цзеши 蒋介石, Цзян Чжунчжэн 蒋中正) 12, 14, 64, 70, 71, 121–123, 128–130, 134, 138, 139, 142–151, 165, 171, 172, 175–177, 222–233, 235–239, 242, 245, 246, 249, 252–256, 261, 262–264, 268–272, 276, 278, 279, 281–285, 287–290, 294, 295, 303, 307, 308, 314, 319, 320, 322, 325, 329, 331–341, 343, 344, 346–350, 352, 353, 356, 357, 359–361, 365, 366, 368, 370, 372, 374, 376, 377, 379–394, 396–400, 402, 404–406, 410, 414–418, 420, 422, 425, 426, 433, 434, 439, 446–452, 454–459, 461, 462, 465, 466, 468–476, 490, 494, 496, 498, 499, 501–504, 506–517, 519–521, 523–537, 543–545, 554, 567, 569, 572, 576, 580, 582, 586, 587, 590, 592, 597, 598, 626, 636, 647, 651, 657, 688, 693, 694, 711
Чан Сергий/Чан Фу 常福 571
Чаплин Ч. (Chaplin Ch.) 669, 672
Чемберлен Н. (Chamberlain N.) 375
Черепанов А.И. 359, 398
Черкасский Л.Е. 658
Черных А.С. 147
Черчилль У. (Churchill W.) 391, 394
Чехов А.П. 663
Чжай Ханьци 翟汉奇 160
Чжан Айлин 张爱玲 659
Чжан Боцзюнь 章伯钧 622, 623
Чжан Боцзянь 张伯简 156
Чжан Вэньтянь 张闻天 (Ло Фу 落甫) 322, 324, 326, 327, 476, 477, 479, 484, 510, 613, 615

Чжан Вэньюй 张文佑 632
Чжан Готао 张国焘 92, 134, 155, 158, 159, 163, 167, 171, 177, 178, 307, 311, 213, 321, 325–327, 346, 348, 473, 477, 478, 487
Чжан Гэн 张庚 665
Чжан Дацянь 张大千 683
Чжан Дунсунь 张东荪 92, 642, 643
Чжан Ижань 张亦然 666
Чжан Лишэн 张厉生 505, 513, 531
Чжан Пэйган 张培刚 638
Чжан Пэйцзюэ 张培爵 694
Чжан Сюнь 张勋 43, 54, 56, 70, 79, 698
Чжан Сюэлян 张学良 152, 169, 223, 224, 269–271, 278, 283, 284, 331–337
Чжан Тайлэй 張太雷 92, 121, 159, 163, 167, 178
Чжан Тайянь 章太炎 27
Чжан Тяньи 张天翼 654
Чжан Хайпэн 张海鹏 11
Чжан Хао 张浩 (Линь Юйин 林育英) 333
Чжан Цзичунь 张际春 664
Чжан Цзи 张继 117, 126, 135, 225, 229, 269
Чжан Цзинцзян 张静江 249
Чжан Цзолинь 张作霖 48, 50, 56, 58, 59, 60, 61–64, 69–71, 113, 151, 152, 169, 292
Чжан Цзунсян 章宗祥 87
Чжан Цзыпин 张资平 201
Чжан Цзюньмай 张君劢 186, 528, 531
Чжанцзя 章嘉 558
Чжан Цзяао 张嘉璈 259
Чжан Цзянь 张謇 20, 33, 75
Чжанцзя 章嘉 558
Чжан Цюбай 张秋白 116, 117
Чжан Цюнь 张群 332, 337, 339, 415, 423, 425, 426, 451, 469, 499, 504, 505, 531, 532, 587
Чжан Чжибэнь 张知本 225
Чжан Чжидун 张之洞 191
Чжан Чжичжун 张治中 343, 498, 499, 507, 596
Чжан Чжумин 张竹铭 561
Чжан Чжэньу 张振武 32
Чжан Чун 张冲 466
Чжан Шичуань 张石川 669
Чжан Шэньфу 张申府 155, 156
Чжан Юйгуан 张聿光 680
Чжао Бинцзюнь 赵秉钧 35
Чжао Ланьпин 赵兰坪 191
Чжао Ляньфан 赵连芳 255
Чжао Найтуань 赵廼抟 188, 641
Чжао Пучу 赵朴初 559
Чжао Цзычэнь 赵紫宸 568
Чжао Чжунъяо 赵忠尧 631
Чжао Шиянь 赵世炎 156, 157
Чжао Шули 赵树理 660, 661
Чжао Шэнь 赵深 690
Чжоу Либо 周立波 660
Чжоу Линчжао 88
Чжоу Пэйюань 周培源 631, 632
Чжоу Синьфан 周信芳 206, 664
Чжоу Фохай 周佛海 156–158, 362, 363
Чжоу Цзожэнь 周作人 198, 200, 201
Чжоу Эньлай 周恩来 24, 92, 94, 156, 157, 175, 177, 178, 180, 295, 299, 300, 306–308, 311, 312, 320–324, 332–336, 339, 343, 344, 346, 348, 349, 458, 470, 473, 477, 478, 479, 483, 484, 486, 494, 496, 498–501, 503–507, 510–515, 517, 523, 532, 535, 536, 593, 594, 599, 607, 610, 611, 622, 623, 625, 694
Чжоу Ян 周扬 661
Чжу Бинь 朱彬 689
Чжу Дэ 朱德 179, 180, 302, 308, 310, 318, 320–322, 324, 325, 327, 344, 346, 348, 358, 473, 474, 479, 482, 494, 497, 518, 522, 580, 599, 622, 623, 625
Чжу Пэйдэ 朱培德 148
Чжу Си 朱喜 645
Чжу Сян 朱湘 203, 204
Чжу Цзицин 朱霁青 225
Чжу Цзяхуа 朱家骅 232, 630
Чжу Цицянь 朱启钤 214
Чжу Чжисинь 朱執信 42
Чжу Шаолянь 朱绍连 164
Чжу Шилинь 朱石麟 677
Чжу Шэнь 朱深 356
Чжу Юньшань 朱蕴山 543
Чжуан Цзюнь 庄俊 214, 219, 689, 690
Чжун Лэй 钟雷 669
Чжэн Боци 郑伯奇 202

Чжэн Синь 郑昕 643
Чжэн Цземинь 郑介民 504
Чжэн Цзюньли 郑君里 662, 676
Чжэн Чжэнцю 郑正秋 208
Чжэн Чжэньдо 郑振铎 669
Чичерин Г.В. 108, 115, 118
Чу Миньи 褚民谊 362
Чуйков В.И. 398
Чэн Бугао 程步高 671
Чэн Дэцюань 程德全 20
Чэн Фанъу 成仿吾 (Чэн Хао 成灏) 201, 203
Чэн Хэдэ, Одорик 成和德 99
Чэн Цзинъи 诚静怡 95–97
Чэн Цянь 程潜 231
Чэн Яньцю 程砚秋 206, 665
Чэн, братья (Чэн Хао 程颢 и Чэн И 程颐) 645
Чэнь Байчэнь 陈白尘 661, 662, 664, 665, 667
Чэнь Биншэн 陈炳生 160
Чэнь Бода 陈伯达 486
Чэнь Боэр 陈波儿 666
Чэнь Булэй 陈布雷 416, 505
Чэнь Гофу 陈果夫 232, 233, 236, 254, 416, 417, 422, 434, 451, 528
Чэнь Гуанфу 陈光甫 75
Чэнь Гунбо 陈公博 155, 157, 158, 225, 226, 228, 253, 259, 362, 363
Чэнь Гэн 陈赓 521
Чэнь Дабэй 陈大悲 210, 663
Чэнь Дайсунь 陈岱荪 188, 641
Чэнь Да 陈达 412
Чэнь Дусю 陈独秀 81, 82, 92, 119, 124, 145, 154, 156–159, 163, 164, 167, 176–178, 185, 188, 198, 200, 299, 484, 487
Чэнь Иннин 陈撄宁 561
Чэнь И 陈毅 156, 507, 519, 521
Чэнь Кан 陈康 643
Чэнь Лифу 陳立夫 232, 233, 236, 237, 254, 255, 295, 296, 332, 417, 448, 451, 505, 528, 531, 544, 647
Чэнь Мэнцзя 陈梦家 203, 204
Чэнь Мянь 陈勉 210
Чэнь Си 陈夕 14
Чэнь Таньцю 陈潭秋 158
Чэнь Ханьшэн 陈翰笙 255, 637
Чэнь Хэцинь 陈鹤琴 193–196
Чэнь Цзиньтао 陈锦涛 20
Чэнь Цзитан 陈济堂 224, 230, 232
Чэнь Цзы 陈紫 667
Чэнь Цзюнмин 陈炯明 42, 51, 59, 66, 67, 70, 114, 115, 123, 129, 130
Чэнь Цзягэн 陈嘉庚 623
Чэнь Цимэй 陈其美 23
Чэнь Цитун 陈其通 667
Чэнь Цяонянь 陈乔年 157
Чэнь Чанхао 陈昌浩 326
Чэнь Чэн 陳誠 334
Чэнь Шаоюй 陈绍禹 295, 306, 307, 332, 455, 459, 460, 475, 476–478, 483, 484, 486, 487
Чэнь Шицзэн 陈师曾 685
Чэнь Шужэнь 陈树人 225, 683
Чэнь Шуфань 陈树藩 50
Чэнь Юаньдао 陈原道 307
Чэнь Юйкунь 陈毓坤 560
Чэнь Юнь 陈云 307, 322, 324, 477, 479
Чэнь Яньнянь 陈延年 156, 157

Ша Кэфу 沙可夫 663
Ша Мэй 莎美 662
Ша Тин 沙汀 (Ян Чаоси 杨朝熙) 659
Ша Шаньюй 沙善余 564
Шан Чжэнь 商震 281
Шао Лицзы 邵力子 343, 402, 499, 500, 505, 507, 508, 515, 536
Шао Сюньмэй 邵洵美 203, 204
Шао Юаньчун 邵元冲 121, 225
Шекспир У. (Shakespeare W.) 207, 209, 663, 663
Шелли П. (Shelley P.) 201
Ши Дуншань 史东山 673
Ши Ин 石瑛 225
Ши Цинъян 石青阳 225
Ши Цуньтун 施存统 155–157
Ши Чжаоцзи 施肇基 102, 104, 105, 272–275
Ши Чжэ 师哲 599
Ши Юсань 石友三 231
Ши Ян 施洋 161
Шопенгауэр А. (Schopenhauer A.) 181
Шоу Б. (Shaw B.) 209, 293

Шпанн О. (Spann O.) 636
Штейн В.М. 46
Шу Хунцзюнь 俞鸿钧 531
Шуньчжи 顺治 699
Шэн Шицай 盛世才 289, 401, 402, 550
Шэнь Динъи 沈定一 121, 124, 225
Шэнь Иньмо 沈尹默 200
Шэнь Сюаньлу 深玄庐 155
Шэнь Фу 沈复 664
Шэнь Хунле 沈鸿烈 357
Шэнь Цзунхань 沈宗瀚 255
Шэнь Цзюньжу 沈钧儒 545, 622, 623
Шэнь Цунвэнь 沈从文 203
Шэнь Чжихуа 沈志华 14
Шэнь Яньбин 沈雁冰 см. Мао Дунь 矛盾

Эверт А. (Ewert A.) 306, 313
Эйзенштейн С.М. 675
Эйкен Р. (Eucken R.) 186
Эйнштейн А. (Einstein A.) 631
Энгельс Фр. (Engels Fr.) 86, 154, 484, 654
Эренбург И.Г. 203

Юань Вэньцай 袁文才 302
Юань Мучжи 袁牧之 662, 673, 675, 676
Юань Цунмэй 袁丛美 673
Юань Шикай 袁世凯 (Хунсянь 洪宪) 18–24, 27–38, 40–46, 48, 52–54, 59, 64, 67, 79, 93, 100, 108, 192, 193, 697, 698
Юань Шуйпо 袁水拍 658, 660
Юаньин 圆瑛 546, 553–558
Южин И.В. (Юрченко) 485
Юй Дафу 郁达夫 201–203, 654, 657
Юй Жичжан 余日章 96
Юй Лин 于伶 (Жэнь Сигуй 任锡圭) 665, 659
Юй Сюсун 俞秀松 155
Юй Фанчжоу 于方舟 92
Юй Фэй 余飞 308
Юй Хунцзюнь 俞鸿钧 417
Юй Цяцин 虞洽卿 75
Юй Шанъюань 余上沅 203, 210
Юй Шудэ 于树德 124
Юй Южэнь 于右任 294, 531, 543
Юнь Дайин 恽代英 81, 92
Юрин И.Л. 110

Ямада Отодзо 山田乙三 408
Ямакава Хитоси 山川均 637
Ян Вэньхуэй 杨文会 (Ян Жэньшань 杨仁山) 553–555
Ян Ду 杨度 80
Ян Куаньлинь 杨宽麟 689
Ян Куйсун 杨奎松 11, 14
Ян Минчжай 杨明斋 154, 155
Ян Паоань 杨匏安 154
Ян Симинь 杨希闵 67, 128, 129
Ян Сицзун 杨锡宗 692
Ян Сэнь 杨森 225, 689
Ян Сяньцзян 样贤江 649
Ян Тинбао 杨廷宝 689, 693, 694
Ян Тяньши 杨天石 11
Ян Ханьшэн 杨翰笙 664, 665
Ян Хучэн 杨虎城 327, 332, 334–337
Ян Хуэйфан 杨惠芳 207
Ян Цзе 杨杰 287, 395
Ян Цзэнсинь 杨增新 30, 550
Ян Чжэньнин 样振宁 633
Ян Шанкунь 杨尚昆 322, 663
Ян Юнтай 杨永泰 (Ян Чанцин 样畅卿) 234, 235, 237
Ян Юньпу 杨韵谱 207
Янг А. (Young A.) 537
Янь Жэньгуан 颜任光 633
Янь Сишань 阎锡山 50, 51, 77, 138, 150, 223, 224, 231, 246, 248, 281, 282, 334, 348, 354, 362, 449, 537
Янь Фу 严复 79, 80, 181, 182, 187, 191
Янь Хуэйцин 颜惠庆 105, 284, 289, 536
Янь Цзицы 严济慈 631
Янь Янчу 宴阳初 193, 195
Яо Цинсань 姚庆三 638
Яо Чжунмин 姚仲明 666
Яр-Кравченко А.Н. 654

Указатель географических названий

Абиссиния/Эфиопия 296
Австралия 124, 390
Австрия 104, 111
Австро-Венгрия 9, 36, 101, 103, 104, 214
Азия 9, 90, 231, 277, 286, 289, 350, 357, 361, 376, 383, 386, 388
Алма-Ата (Алматы) 397, 675
Алтай 403
Америка см. США
Амстердам 568
Амур 111, 296,
Англия см. Великобритания
Аньдун 安东 667
Аньхуэй 安徽 18, 33, 34, 49, 54, 176, 235, 246, 249, 251, 355, 358, 381, 387, 418, 428, 438, 500, 552, 711
Аньцин 安庆 147, 176
Аньшань 鞍山 484, 512
Аньюань 安源 484
Аомэнь/Макао 澳门 231
Афганистан 90, 111
Африка 9

Баварская Советская Республика 90
Байкал 109
Баоань 保安 327, 334
Баодин 保定 22, 278, 280, 341, 353, 618
Баошань 宝山 355
Бельгия 98, 104, 214, 241, 264–267, 387, 628, 681, 686,
Берлин 9, 10, 340, 377, 386, 388, 597, 643, 684
Биас 381
Бийск 31
Бирма 124, 365, 391, 557, 582
Благовещенск 287
Ближний Восток 9
Болгария 9, 104
Бразилия 266, 267
Брюгге 570
Брюссель 19, 102, 374–376
Бэйпин см. Пекин

Ваньсянь 万县 563
Ватикан 97–99, 569–571, 630
Вашингтон 102, 104–106, 110, 266, 503, 535, 537, 588, 590
Ваяобао 瓦窑堡 324, 327, 332
Великобритания 9, 10, 32, 33, 36, 38, 40, 61, 69, 71–73, 90, 100, 102–104, 107, 109, 111, 121, 147, 169, 176, 189, 190, 192, 214, 218, 220, 226, 258, 260, 261, 264–268, 273–277, 280, 282, 284, 334, 340, 344, 360, 361, 364, 366, 373–378, 380–382, 384, 385, 387–396, 403, 404, 464–466, 475, 499, 502, 554, 555, 579, 580, 585–588, 594, 597, 680, 628, 632, 633, 639, 677, 695
Вена 643
Венгерская Советская Республика/Венгрия 90, 104
Версаль 102, 570
Вест-Пойнт 533
Владивосток 109, 111, 154, 162
Внешняя Монголия/Халха 30, 31, 111, 112, 120, 290, 291, 356, 405, 406
Внутренняя Монголия 30, 39, 40, 49, 50, 58, 69, 356, 357, 369, 376, 379, 558, 559, 562, 616, 620, 648
Восточно-Туркестанская Республика (ВТР) 402
Вэйхайвэй 威海卫 265, 410
Вэньлин 温岭 440
Вэньчжоу 温州 367

Гаага 265, 284
Галле 631
Ганьсу 甘肃 17, 48, 61, 124, 295, 304, 323, 325, 327, 333, 335, 337, 343, 348, 397,

411, 412, 423, 428, 438, 441, 453, 461, 464, 472, 489–491, 525, 551, 561, 562, 564, 603, 652, 704, 712
Ганьцзы 甘孜 327
Гаосюн 高雄 674
Германия 9, 10, 33, 36, 38, 40, 56, 57, 71–73, 84, 87, 101–104, 111, 121, 156, 189, 192, 214, 220, 241, 253, 260, 261, 264, 273, 277, 284, 296, 339, 340, 502, 554, 590, 628, 631, 634, 641, 680
Гирин см. Цзилинь
Голландия см. Нидерланды
Гонконг см. Сянган
Греция 264
Гуандун 广东 18, 34, 43, 48–51, 66, 67, 88, 124, 127, 129–132, 138, 145, 149, 159, 172, 173, 176, 179, 224–226, 228, 230, 232, 259, 298, 302, 304, 305, 308, 333, 348, 362, 381, 411, 413, 428, 429, 438, 500, 537, 548, 700
Гуанси 广西 18, 42, 43, 48–51, 88, 117, 131, 149, 176, 225, 228, 232, 246, 304, 305, 335, 368, 411–413, 417, 423, 428, 429, 438, 451, 637
Гуанчжоу/Кантон 广州 51, 59, 62, 65–67, 86, 88, 94, 112, 113, 119, 121, 122, 124, 134, 138, 139, 143, 147, 155–160, 163, 164, 168, 170, 172, 176, 179, 203, 212, 214, 217, 223, 224, 228, 231, 232, 298, 306, 329, 359–361, 480, 496, 500, 524, 525, 562, 564, 584, 591, 599, 629, 662, 689, 691–693, 679, 706
Гуанъюань 广元 437
Гуйлинь 桂林 117, 306, 368, 630, 664, 685
Гуйсуй 鬼祟 507
Гуйчжоу 贵州 43, 48, 49, 124, 223, 232, 246, 312, 313, 322, 325, 327, 333, 368, 411–413, 428, 429, 438, 651, 712
Гуйян 贵阳 525
Гулансу 鼓浪素 366
Гэлэшань 歌乐山 693

Дайрен см. Дальний
Дальневосточная Республика (ДВР) 110, 111
Дальний см. Далянь
Дальний Восток 100, 111, 265, 270, 272, 274, 283, 284, 286, 291, 295, 296, 340, 370, 372–377, 381, 383–385, 387, 388, 390, 401, 405, 407–409, 463, 464, 467, 471, 472, 578, 579, 713
Далянь 大连/Дайрен/Дальний 39, 111, 212, 213, 216–218, 270, 306, 496, 497, 579, 594, 609, 622, 667, 690, 696, 715
Дания 71, 262, 264, 266, 267, 387
Датун 大同 593
Динсянь 定县 247, 250
Домна 397
Думбартон-Окс 394
Душаньцзы 独山子 403

Европа 9, 19, 38, 40, 57, 73, 80, 90, 97, 100, 109, 121, 156, 157, 186, 188, 201, 204, 232, 281, 361, 363, 368, 385, 386, 388, 400, 554, 570, 575, 580, 646, 679, 683, 685
Египет 90, 563, 565

Женева 272, 273, 275, 284
Жуйцзинь 瑞金 310, 313, 315, 320
Жэхэ 热河 50, 61, 277–279, 332, 357, 498, 512

Забайкалье 110, 397
Забайкальский край 109

Ибинь 宜宾 325
Или 伊利 30, 403
Индия 9, 90, 365, 475, 554, 557, 582, 670
Индокитай 9, 90, 364, 368, 375, 381, 387, 391, 475
Индонезия 9, 90
Иньчжоу 银州 380
Ирак 90
Иран 90, 111, 289, 402
Иркутск 109, 159
Исин 宜兴 438, 680
Испания 262, 264, 266, 267, 273, 296
Итака 633
Италия 9, 71, 103, 104, 111, 121, 169, 214, 220, 262, 264, 266, 267, 273, 275, 364, 377, 384, 387, 388, 390, 391, 634, 680, 681, 684

Йена 643

Кайфэн 开封 179, 223, 305, 521
Калган см. Чжанцзякоу
Калифорния 631
Канада 115, 124, 499, 632
Кантон см. Гуанчжоу
Кашгар 喀什 30
Квебек 393
Китайская Народная Республика/КНР 中华人民共和国 5, 6, 11–13
Кобдо 31
Кобэ 神戸 124
Корея 90, 100, 368, 369, 590
Крым 110, 405
Куаньчэнцзы 宽城子 291
Кульджа (Инин 伊宁) 30
Куньмин 昆明 563, 630, 643, 645, 646
Курильские о-ва 369, 406

Ланьси 兰溪 250
Ланьчжоу 兰州 397, 566
Латинская Америка 638
Ленинград 293, 684
Линьтун 临潼 334
Лишань 骊山 334
Лиян 溧阳 438
Лодянь 罗店 355
Лондон 19, 102, 261, 264, 282, 331, 379, 381, 554, 643
Лочуань 洛川 345, 347, 357, 455, 473
Лоян 洛阳 521
Лугоуцяо 卢沟桥 261, 296, 341, 342, 352, 353, 370, 557, 672
Лункоу 龙口 39
Лунъянь 龙岩 441
Луфэн 陆丰 179, 298
Лушань 庐山 339, 343, 348, 353, 513
Лхаса 拉萨 31, 32
Люйда 旅达 (Люйшунь-Далянь 旅顺--大连) 291
Люйшунь 旅顺/Порт-Артур 39, 270, 306, 406, 407, 497, 581, 592, 594
Люксембург 387
Лютяоху 柳条湖 270
Люхэ 柳河 355
Люхэ, р. 柳河 355
Лючжоу 柳州 306
Лянхэкоу 两河口 325
Ляодунский п-ов 辽东半岛 581
Ляонин 辽宁/Фэнтянь 奉天 50, 61, 72, 152, 418, 712
Ляоси 辽西 521

Малайя 391, 557
Макао см. Аомэнь
Маньчжоу-го 满洲国 239, 259, 268, 272, 275–278, 281, 282, 286, 287, 291, 321, 332, 350, 357, 361, 363, 368, 376, 386, 569, 579, 695–697, 722
Маньчжурия 满洲/Дунбэй 东北 9, 31, 39, 40, 48, 58, 59, 68, 69, 71, 100, 103, 109, 112, 113, 151, 152, 224, 228, 229, 253, 259, 265, 268–278, 283, 284, 286, 287, 290, 292, 293, 305, 306, 310, 318, 319, 343, 350, 352, 365, 368, 369, 372, 394, 406, 407, 408, 412, 454, 485, 488, 496, 497, 501, 504, 507, 511–514, 519, 535, 538, 540, 578, 581, 586, 590–594, 596, 597, 599, 601, 611–613, 615, 616, 622, 653, 670
Маогун 懋功 325
Маоэргай 毛儿盖 325, 326
Мацзяцунь 马家村 345
Мекка 565
Мексика 124, 266, 550
Миншань 名山 327
Монголия/Монгольская Народная Республика/МНР30, 31, 40, 58, 279, 289–291, 325, 362, 397, 404–408, 547, 600
Москва 9, 63, 70, 110, 113, 116, 120–122, 143, 145, 149, 157, 175, 283–285, 286–291, 293, 295, 296, 303, 306, 307, 322, 324, 331, 333, 393, 395–400, 402–404, 406, 407, 409, 414, 456, 465–467, 471, 477–479, 483–485, 502, 503, 585, 590–592, 594, 599, 600, 601, 684
Московская обл. 298, 299
Мукден см. Шэньян
Мэнцзян 蒙疆 357
Мюнхен 390

Нагасаки 長崎 369
Нанкин (Наньцзин 南京) 18, 19, 22–24, 33, 34, 95, 96, 142, 147, 149–152, 155, 176,

178, 184, 188, 212, 214, 223, 224, 225, 229–232, 240, 243, 251, 254, 257, 261, 262, 264–267, 269, 271, 276, 280, 281–283, 285, 287, 289, 293, 295, 305, 306, 319, 331, 332, 336, 338, 341, 345, 348–350, 353–356, 359, 360, 363, 370, 371, 376, 378, 379, 385, 395, 397, 410, 411, 413, 425, 457, 472, 473, 478, 496, 501, 511–513, 515, 516, 518, 522–524, 534, 535, 546, 555, 558, 652, 564, 566, 569, 571, 584, 586, 591, 597, 590, 601, 629, 630, 634, 643, 645, 662, 663, 670, 673, 681, 688, 690–693
Наньпин 南平 440
Наньху 南湖 158
Наньчан 南昌 140, 143, 144, 148, 178, 179, 246, 279, 306, 367, 673
Наро-Фоминский р-н 298, 299
Нидерланды/Голландия 104, 241, 264, 266, 267, 377, 387, 390, 391
Нинбо 宁波 75, 147, 176, 259, 555
Нинду 宁都 312
Нинся 宁夏 246, 295, 323, 325, 343, 348, 412, 428, 429, 438, 453, 461, 464, 472, 489, 490, 491, 525, 562, 563, 603, 651, 652, 704
Нинсян 宁乡 484
Ново-Николаевск (Новосибирск) 31
Норвегия 264, 266, 267, 387
Нью-Йорк, город 633
Нью-Йорк, штат 633

Океания 124
Осло 633

Париж 19, 20, 102, 104–106, 121, 278, 375, 382, 585, 668, 681
Пекин (Бэйцзин 北京/Бэйпин 北平) 18, 21–23, 26, 27, 37, 38, 41, 52, 54–66, 70, 75, 81, 86–88, 93–95, 98–100, 102, 106, 112, 120, 121, 124, 131, 133, 138, 147, 150–152, 155–159, 161, 166, 169, 171, 172, 174, 184, 187–189, 195, 210–214, 219, 224, 263, 264, 278, 280, 282, 293, 296, 305, 329, 330, 341, 342, 350, 352–354, 356, 358, 370, 428, 454, 494, 496, 501, 507, 510, 516, 523, 525, 536, 544, 560, 562, 563, 565, 568, 570, 571, 591, 598, 599, 601, 602, 619, 622–625, 630–632, 643, 651, 660, 661, 663, 667, 668, 680, 684–687, 692, 697, 700, 705, 708
Первомайское, село 298, 299
Перл-Харбор 364, 391
Перу 266
Пескадорские о-ва (о-ва Пэнху 彭湖列島) 394
Петербург 30, 570
Петроград 116
Пинсингуань 平型关 353
Пинъюань 平原
Польша 110, 386
Португалия 104, 121, 262, 264, 266, 267
Потсдам 406
Прага 687
Приамурье 109,110
Приморье 109,110
Пудун 浦东 561
Пукоу 浦口

Рим 9, 99
Россия/Российская империя 214, 220, 287, 291, 475, 570, 591, 668
РСФСР 109, 111, 117, 120

Сайгон 124
Сан-Франциско 394, 406
Саньюань 三元 440
Сахалин 369, 405
Сватоу см. Шаньтоу
Сиань 西安 207, 334–337, 339, 348, 349, 457, 510, 525, 586, 664
Сиам 124
Сибайпо 西柏坡 536, 599, 600, 604, 609
Сибирь 109
Сикан 西康 325, 423, 425, 428, 429, 438, 449
Сингапур 160, 390
Синго 兴国 313
Синьвэнь 新文 437
Синьду 新都 437
Синькоу 忻口 358
Синьсян 新乡 507
Синьцзин 新京 см. Чанчунь

Синьцзян 新疆 30, 50, 58, 124, 223, 288, 289, 325, 365, 396–398, 401–404, 547, 549, 550, 561, 562, 566, 567, 591, 594–596, 695
Синьчжу 新竹 674
Сирия 90
Сифэнкоу 喜峰口 279
Сишань 西山 135
Соединенные Штаты Америки/Америка/США 9, 10, 19, 35, 36, 40, 42, 44, 61, 69, 71–75, 90, 93, 97, 98, 100–104, 107, 109, 110, 121, 124, 169, 176, 182, 188, 189, 192, 193, 204, 214, 226, 240, 260–262, 264, 265–268, 270, 271, 273–278, 280, 281, 284, 334, 340, 344, 350, 361, 364–366, 368–370, 373–378, 381–397, 403–406, 414, 464–472, 475, 477, 482, 483, 494, 496–498, 501–504, 506, 507, 511–516, 518, 523, 525, 528, 530, 533–538, 543, 545, 554, 555, 567, 570, 571, 573, 575, 578–585, 586–588, 590, 593, 594, 597, 600, 601, 611, 626, 631–633, 637–641, 645, 646, 652, 670, 676, 677, 679
Средний Восток 9
СССР/Советская Россия/Советский Союз 10, 13, 14, 67, 69–71, 91, 108, 109–113, 115, 116, 118–124, 127, 128, 135, 136, 139, 140, 143, 147–149, 155, 159, 163, 165, 166, 171, 181, 196, 197, 203, 236, 272, 278, 283, 284–298, 303, 306, 317, 331–335, 338, 340, 344, 348, 349, 357, 359, 361, 363, 365, 368, 371, 374, 382–384, 389–391, 393, 395, 409, 414, 458, 462, 464–474, 479, 482, 483, 494, 496–499, 501–503, 519, 528, 536, 545, 578–580, 585–587, 590–602, 610, 611, 613, 615, 680, 683–685, 687, 625, 633, 634, 637, 649–661, 670, 677
Сталинград 365
Судан 90
Суйюань 绥远 50, 61, 281, 334, 354, 356–369, 413, 519, 525, 616
Сунгари 松花江 271, 512
Сучжоу 苏州 95, 208, 355, 699
США см. Соединенные Штаты Америки
Сыпингай 四平街 512, 593
Сычуань 四川 18, 43, 48, 49, 77, 223, 225, 232, 235, 246, 304, 312, 313, 322, 325–327, 333, 411–413, 417, 423–430, 432, 434, 436, 438–440, 445, 449–451, 525, 552, 560, 563, 584, 588, 651, 694, 712
Сюйчжоу 徐州 148, 149, 358–360, 380, 507
Сямэнь 厦门 39, 265, 699
Сянган 香港/Гонконг 114, 130, 133, 138, 139, 160, 168, 170, 171, 228, 231, 232, 306, 360, 361, 404, 406, 513, 543, 544, 545, 558, 564, 568, 575, 582, 622, 623, 669, 672, 679
Сяншань 香山 358

Тайбэй 台北 360, 406, 668, 674, 675, 677
Тайвань 台湾 (Формоза) 12, 14, 39, 100, 240, 254, 360, 394, 524, 525, 533, 535, 537, 538, 558, 586, 600, 624, 670–672, 674–679
Таиланд 391
Тайнань 台南 674, 675
Тайчжун 台中 674
Тайэрчжуан 台儿庄 358, 359, 380
Тайюань 太原 184, 223, 355, 358, 507, 525, 564
Тангу 塘沽 272, 280, 319, 350
Таншань 唐山 230, 305, 608
Тарбагатайский округ 塔城地区 403
Тибет (Сицзан 西藏) 30, 31, 124, 152, 404, 547, 558, 648
Тинсыцяо 汀泗桥 62
Тихий океан 105, 291, 366–368, 373, 378, 384, 388, 391, 394, 408, 467, 582
Токио 东京 10, 40, 43, 100, 110, 124, 155, 156, 201, 239, 263, 264, 269, 271, 276, 278, 280, 281, 287, 288, 295, 350, 356, 357, 359, 361, 366–368, 374, 378, 379, 382, 557, 671
Тунчжоу 通州 280
Турция 9, 90, 111
Тяньцзинь 天津 22, 41, 42, 81, 98, 124, 147, 150, 155, 159, 184, 190, 212, 214, 214–217, 220, 231, 265, 280, 305, 306, 329, 330, 341, 350, 353, 370, 410, 428, 485, 496, 501, 519, 523, 591, 599, 608, 651, 688, 689, 693, 695, 700, 706

Узбекистан 661
Улан-Батор (Улаанбаатар)/Урга (Урга) 30, 31, 290
Урал 109, 288
Урга (Урга) см. Улан-Батор (Улаанбаатар)
Урумчи 乌鲁木齐 30, 397, 398, 596
Уси 无锡 179
Усун 吴淞 355
Ухань 武汉 33, 140, 143–149, 156, 158, 159, 172–174, 176, 178, 223, 235, 259, 305, 306, 329, 349, 355, 359–361, 381, 382, 410, 411, 416, 418, 457, 478, 480, 500, 507, 519, 524, 662, 664, 673, 688, 693, 700
Уху 芜湖 693
Уцзинь 武进 250
Учан 武昌 17, 32, 143, 155, 177, 235, 688

Филиппины 124, 391, 571
Формоза см. Тайвань
Франция 9, 10, 33, 36, 38, 71–73, 86, 90, 98, 103, 104, 109, 121, 147, 155–157, 163, 169, 192, 201, 214, 220, 241, 260, 264, 266–268, 273–275, 277, 284, 334, 344, 372–378, 381, 382, 384, 385, 387, 388, 391, 464, 499, 554, 585–587, 594, 597, 680, 683, 684, 628, 630–632, 538, 648
Фупин 抚平 520
Футянь 福田 311
Фуцзянь 福建 18, 39, 40, 43, 49, 54, 88, 124, 140, 176, 224, 232, 246, 249, 251, 302, 304, 305, 308, 311–313, 319, 320, 334, 438, 440, 441, 555, 709, 712
Фучжоу 福州 39, 93, 147, 176, 319, 440, 555
Фэнтянь 奉天 см. Ляонин
Фэнхуа 奉化 535

Хабаровск 284
Хайнань 海南 362, 488
Хайфэн 海丰 179, 298
Хайчэн 海城 512
Халха см. Внешняя Монголия
Халхин-Гол 362, 398, 399
Хами 哈密 397
Ханой 361, 387
Ханчжоу 杭州 147, 163, 176, 184, 259, 339, 341, 348, 555, 557, 563, 634, 662, 679
Ханькоу 汉口 17, 39, 55, 113, 142, 144, 148, 151, 155, 161, 174, 179, 208, 212, 215–217, 220, 235, 265, 353, 360, 368, 379, 380, 425, 478, 533, 584, 664, 657, 688, 689
Ханьчжуан 韩庄 380
Ханьян 汉阳 688
Харбин 哈尔滨 212, 213, 218, 219, 283, 498, 519, 571, 579, 592, 596, 599, 608, 610, 612, 613, 615, 616, 622, 623, 630, 667, 691, 696
Хасан 361, 380, 397–399
Хиросима 広島市 369
Хуанлин 黄陵 718
Хуанпу 黄埔 215, 719
Хуайхэ 淮河 520
Хуанхуэй 441
Хуанхэ 黄河 367, 500, 520
Хубэй 湖北 17, 18, 33, 49, 50, 54, 58, 61, 124, 145, 148, 172–174, 176, 177, 179, 237, 246, 249, 298, 302, 304, 305, 308, 312, 313, 327, 332, 367, 381, 387, 388, 428, 438, 500, 700, 711, 712
Хулудао 葫芦岛 501
Хунань 湖南 17, 42, 43, 48, 49, 50, 62, 88, 124, 140, 145, 172–174, 176, 177, 179, 232, 237, 246, 298, 302, 305, 308, 312, 313, 321, 327, 362, 367, 381, 387, 411–413, 417, 423, 428, 429, 438, 439, 441, 451, 484, 500, 524, 552, 564, 618, 711, 712
Хунъяньцунь 红岩村 694
Хуэйнин 会宁 328
Хэбэй 河北 235, 247, 250, 278, 281, 283, 354, 356–358, 362, 410, 428, 461, 498, 519, 520, 562, 604, 605, 616, 622, 637, 700
Хэйлунцзян 黑龙江 50, 61, 124, 219, 275
Хэнань 河南 17, 33, 49, 58, 61, 70, 124, 140, 142, 148, 174, 235, 246, 249, 304, 308, 312, 332, 354, 355, 358, 367, 381, 418, 428, 438, 500, 519–521, 552, 562, 605, 637
Хэнъян 衡阳 441
Хэшэнцяо 贺胜桥 62

Цейлон 554, 557, 558
Цзилинь 吉林/Гирин 50, 61, 218, 274, 512, 524

Цзилун 基隆 674
Цзинань 济南 38, 39, 155, 156, 158, 159, 265, 355, 507, 521, 562, 693
Цзинганшань 井冈山 302
Цзиннин 景宁 328
Цзинсянь 靖县 441
Цзиньчжоу 锦州 274, 275
Цзуньи 遵义 322, 324, 325, 483, 485, 487
Цзылюцзин 自流井 417
Цзыцзиньшань 紫金山 629, 630, 691, 692
Цзюцзян 九江 142, 174, 265, 306
Цзяи 嘉义 674
Цзяннин 江宁 250
Цзянси 江西 18, 34, 54, 124, 140, 145, 172, 174, 176, 177, 179, 224, 235, 246, 249, 251, 259, 278, 298, 302–305, 308, 310, 311, 313, 320, 327, 348, 367, 381, 411, 428, 438–440, 484, 552, 555, 651, 712
Цзянсу 江苏 18, 34, 42, 49, 54, 140, 146, 246, 249, 250, 251, 304, 305, 355, 358, 410, 418, 438, 500, 546, 637, 648, 677, 680
Цзянтайбао 将台堡 328
Цзянъань 江岸 161
Цзянъинь 江阴 438
Цзяньпин 建平 (Пиншань 坪山) 604
Цзяочжоу 胶州 38, 40, 107
Цзясин 嘉兴 158
Циндао 青岛 9, 38, 39, 101, 167, 168, 212, 213, 217, 218, 220, 306, 330, 357, 410, 584, 586, 688, 690, 693, 695
Цинхай 青海 412, 428, 438, 547, 562, 651
Циньхуанда о 秦皇岛 497
Цицикар 齐齐哈尔 274, 275, 611

Чандэ 常德 564
Чанлу 长芦 413
Чансиньдянь 长辛店 161
Чанчунь/Синьцзин (长春/新京) 31, 512, 521, 568, 630, 674, 695, 696, 271
Чанша 长沙 17, 41, 148, 155, 156, 158–160, 172, 179, 208, 306, 362, 367, 368, 441, 479, 484, 618, 645, 698
Чахар 察哈尔 49, 61, 246, 281, 283, 319, 350, 353, 356–358, 428, 461, 512, 519, 616, 700
Чехословакия 361, 382
Чжайчэн 摘成 247
Чжанцзякоу 张家口/Калган 353, 357, 507, 514
Чжили 直隶 17, 49, 58, 61, 64
Чжокэцзи 卓克基 326
Чжоукоудянь 周口店 630, 631
Чэунъюань 中原 519
Чжусянь 诸仙 367
Чжуцзян 珠江 217, 690
Чжэнчжоу 郑州 148, 161, 305
Чжэньцзян 镇江 438
Чжэцзян 浙江 42, 54, 88, 124, 140, 146, 176, 246, 249, 250, 251, 259, 304, 313, 339, 355, 367, 410, 418, 422, 428, 429, 438, 440, 500, 535, 546, 648
Чита 110, 287
Чифу см. Яньтай
Чунцин 重庆 214, 219, 229, 349, 360–362, 365, 366, 382, 389, 390, 392, 393, 403, 405, 406, 410, 411, 412, 417, 418, 431, 435, 437, 441, 445, 446, 457, 468–470, 480, 482, 498, 498–501, 503, 504, 507, 510, 512, 518, 524, 525, 538, 557, 558, 580, 584, 591, 630, 634, 664, 666, 673, 685, 688, 693, 694
Чэнду 成都 525, 584, 586, 664, 693, 694
Чэндэ 承德 278

Шамянь 沙面 170, 217
Шанжао 上饶 367
Шанхай 上海 19, 32–34, 39, 41, 59, 65, 66, 81, 86, 88, 91, 93–97, 99, 114, 115, 135, 142, 146, 147, 154–160, 162, 166–172, 175, 176, 181, 184, 188–190, 200, 201, 203, 204, 207–210, 212–217, 224, 226, 231, 242, 253, 257, 265, 274, 282, 301, 303, 305–307, 313, 319, 322, 329, 332, 344, 348, 350, 354–356, 366, 371, 376, 377, 410, 411, 454, 496, 500, 501, 512, 513, 515, 518, 519, 522, 524, 535, 556, 557, 560–566, 569, 571, 574, 577, 591, 601, 608, 622, 628, 629, 633, 637, 646, 649, 651, 654, 656, 657, 659, 663, 664, 668, 669, 672, 675–688, 679, 680, 684, 692–695, 700–702, 706, 711

Шаньдун 山东 18, 38–40, 49, 57, 58, 72, 87, 101–105, 107, 124, 263, 281, 355, 356, 358, 362, 410, 438, 461, 512, 519–521, 560, 562, 605, 677, 679, 680
Шаньси 山西 50, 51, 77, 88, 124, 149, 247, 248, 281, 334, 344, 346, 348, 353–358, 361, 362, 380, 399, 413, 438, 451, 461, 519, 562, 605, 616, 661
Шаньтоу 汕头/Сватоу 160, 179
Шаньхайгуань 山海关 277, 278, 497, 501
Шаошань 韶山 484
Швейцария 210, 266, 681
Швеция 71, 111, 264, 266
Шицзышань 狮子山 219
Шицзячжуан 石家庄 353
Шэньси 陕西 33, 48, 50, 61, 124, 131, 140, 295, 304, 312, 313, 323, 325–328, 332–335, 337, 343, 345, 348, 411, 412, 428, 438–440, 442, 443, 452, 453, 461, 464, 472, 489–491, 603, 616, 651, 652, 704, 717, 718
Шэньян 沈阳/Мукден 152, 213, 223, 269, 270, 271, 501, 513, 521. 564, 613, 615, 667

Эдинбург 95

ЮВА (Юго-Восточная Азия) 25, 157, 366, 368, 387, 388, 391, 675, 713
Юнфу 永福 355
Юньнань 云南 43, 48, 49–51, 131, 223, 232, 325, 387, 411–413, 417, 425, 428, 429, 438, 439, 449, 524, 525, 562, 563, 584, 711, 712

Ялта 405
Янцзы/Чанцзян 长江 17, 40, 48, 54, 60, 77, 140, 142, 253, 259, 260, 282, 343, 360, 364, 410, 411, 478, 496, 520, 524, 535, 599, 601, 618, 712
Яньань 延安 343, 452, 455, 465, 469, 474, 476–478, 481–487, 491, 494, 497–499, 501, 503, 504, 507, 514, 517, 518, 580, 590, 593, 647, 657, 660, 665, 666, 668, 675, 676, 716, 717
Яньтай 烟台 (Чифу) 39
Япония 日本 9, 10, 13, 33, 36, 41, 43, 44, 55–58, 68, 69, 71, 72, 74, 75, 85–88, 90, 100–107, 109–111, 121, 149, 152, 154, 169, 181, 186, 188, 192, 200, 201, 202, 213, 214, 218, 220, 224, 225, 228, 231, 232, 236, 239, 240, 256, 259, 260–297, 306, 309, 310, 318–321, 327, 329, 331–341, 342, 344, 345–348, 350, 352, 353, 355, 356–358, 360–370, 372–397, 399–401, 405–409, 451–456, 458, 460, 461–472, 474, 475, 480, 488, 493, 496, 502–505, 529, 538, 539, 544, 554, 567–570, 572, 574, 578, 581, 582, 587–589, 592, 596, 613, 615, 626, 634, 639, 642, 643, 649, 651–653, 659, 660, 670, 671, 674, 676, 677, 679, 693–696, 698, 712, 713

СПИСОК АВТОРОВ ТОМА

Боревская Нина Ефимовна, д-р ист. наук

Борох Ольга Николаевна, канд. экон. наук

Верченко Алла Леонидовна

Горбунова Светлана Алексеевна, д-р ист. наук

Гудошников Леонид Моисеевич, д-р юрид. наук

Демидо Нина Юрьевна

Карнеев Андрей Ниязович, канд. ист. наук

Картунова Анастасия Ивановна, д-р ист. наук

Каткова Зоя Дмитриевна, канд. ист. наук

Козырев Виталий Анатольевич, канд. ист. наук

Коробова Анастасия Николаевна, канд. филол. наук

Ломанов Александр Владимирович, д-р ист. наук

Мамаева Наталья Леонидовна, д-р ист. наук

Мельникова Нина Ивановна

Мировицкая Раиса Анатольевна, канд. ист. наук

Панцов Александр Вадимович, д-р ист. наук

Петухов Игорь Аркадьевич, канд. экон. наук

Пострелова Татьяна Александровна, канд. искусствоведения

Шулунова Евгения Константиновна, канд. филол. наук

Синецкая Эльвира Андреевна, канд. ист. наук

Смирнов Дмитрий Анатольевич, канд. ист. наук

Сотникова Ирина Николаевна, канд. ист. наук

Тихвинский Сергей Леонидович, акад. РАН

Торопцев Сергей Аркадьевич, д-р ист. наук

Усов Виктор Николаевич, д-р ист. наук

Ушаков Игорь Владимирович, канд. экон. наук

ОГЛАВЛЕНИЕ

К читателю (*С.Л.Тихвинский*) 5
Введение (*Н.Л.Мамаева*) 8

Часть I
КИТАЙСКАЯ РЕСПУБЛИКА в 1912–1928 гг.

Глава 1. Провозглашение Китайской Республики и формирование основ республиканской власти (1912–1913) (*Н.Л.Мамаева*) 15

От Учанского восстания к созданию республиканского Нанкинского правительства 15
Начало парламентаризма 24
Синьцзян, Монголия и Тибет 30

Глава 2. Период правления Юань Шикая (1913–1916) (*Н.Л.Мамаева*) 32

Поражение «второй революции» (август–сентябрь 1913 г.) и установление военной диктатуры Юань Шикая 32
Агрессия Японии. Рост патриотического движения 37
Попытка монархического переворота Юань Шикая и начало гражданской войны 43

Глава 3. Пекинское правительство и формирование системы военных режимов (1916–1928) 45

Характеристика китайского милитаризма. Между парламентаризмом и милитаризмом (*Н.Л.Мамаева*) 45
Эволюция системы регионального милитаризма в 1922–1928 гг. (*Н.Л.Мамаева*) 59
Противостояние бэйянской и юго-западной милитаристских группировок. Создание Кантонской революционной базы под руководством Сунь Ятсена (*Н.Л.Мамаева*) 64
Система регионального милитаризма и иностранные державы (*Н.Л.Мамаева*) 67
Экономическое развитие Китая в 10–20-х годах (*А.Н.Карнеев, Н.Л.Мамаева*) 71

Глава 4. Общественно-политическая жизнь страны 78

«Движение за новую культуру». Развитие учения Сунь Ятсена. Политические течения (*Н.Л.Мамаева*) 78
«Движение 4 мая» 1919 г. Распространение социалистических идей (*А.И.Картунова, Н.Л.Мамаева*) 87
Китайское христианство (*А.В.Ломанов*) 92

Глава 5. Китай в системе международных отношений 100

Китай и Первая мировая война. Парижская и Вашингтонская конференции (*З.Д.Каткова*) 100
Проблема неравноправных договоров и китайско-советские отношения (*Р.А.Мировицкая*) 107

Глава 6. Гоминьдан и национальная революция. От Кантонского правительства Сунь Ятсена до установления власти Гоминьдана в Нанкине (1923–1928) (*Н.Л.Мамаева*) 113

Сунь Ятсен и реорганизация Гоминьдана в «партию действия». Формирование «гоминьдановской модели» революции 113
Образование Национального (гоминьдановского) правительства как альтернативы Пекинскому правительству 127
Северный поход Национально-революционной армии. Общенациональный подъем и последующий кризис в революционном лагере 140
Завершение Северного похода и объединение страны 150

Глава 7. Развитие коммунистического движения (*А.И.Картунова*) 154

Образование КПК и разработка партийной программы. Рост рабочего движения 154
Место и роль КПК в реорганизации Гоминьдана. Постепенная радикализация теории и практики коммунистов 164
Подъем национального антиимпериалистического движения 168
Северный поход и развитие массового движения 171
Разрыв единого фронта Гоминьдана и КПК. Раскол в революционном лагере 176

Глава 8. Наука и образование 181

Интеллектуальный взрыв в развитии философской мысли (*А.В.Ломанов*) 181
Развитие экономической мысли (*О.Н.Борох*) 187
Становление новой системы народного образования (*Н.Е.Боревская*) 191

Глава 9. Культура 198

Литература (*А.Н.Коробова*) 198
История нового театра (*Е.К.Шулунова*) 205
Архитектура (*Н.Е.Демидо*) 211

Часть II

«НАНКИНСКОЕ ДЕСЯТИЛЕТИЕ» (1928–1937)

Глава 1. Становление власти Гоминьдана 221

Противоборство Центра и региональных группировок. Внутрипартийная борьба и укрепление власти центрального правительства (*А.Н.Карнеев*) 223
Законодательное оформление нанкинского режима (*Л.М.Гудошников*) 238

Реорганизация системы административного управления (*А.Н.Карнеев*) 244
Налоговая и аграрная политика (*А.Н.Карнеев*) 251
Экономика и финансы (*А.Н.Карнеев*) 256

Глава 2. Внешняя политика Нанкинского правительства. Агрессия Японии 262

Китай и державы. Курс Гоминьдана на отмену неравноправных договоров (*З.Д.Каткова*) 262
Захват Японией Северо-Востока Китая. Образование Маньчжоу-го (*З.Д.Каткова*) 268
Китайская дипломатия в Лиге Наций (1931–1933). Соглашение в Тангу (*З.Д.Каткова*) 272
Действия японских милитаристов по захвату Северного Китая (*З.Д.Каткова*) 280
Китайско-советские отношения (*Р.А.Мировицкая*) 283

Глава 3. Движение под лозунгом Советов. Гражданская война. Поиск новой стратегии демократической революции 297

Советское движение. Китайская Советская Республика (*А.И.Картунова*) 297
Правовые вопросы в советских районах Китая (*Л.М.Гудошников*) 313
Поражение советского движения. Великий поход Компартии Китая на Северо-Запад. Поиск новой стратегии демократической революции (*А.И.Картунова*) 318

Глава 4. Накануне китайско-японской войны 328

Общенациональный патриотический подъем и борьба КПК за единый национальный фронт (*А.И.Картунова*) 328
Сианьские события 1936 г. и их последствия (*З.Д.Каткова*) 333

Часть III

ОТРАЖЕНИЕ ЯПОНСКОЙ АГРЕССИИ (1937–1945)

Глава 1. Оформление единого патриотического антияпонского фронта (*А.И.Картунова*) 342

Глава 2. Основные этапы китайско-японской войны (*В.А.Козырев*) 350

Глава 3. Китай в системе международных отношений в годы войны 370

Внешняя политика и дипломатия Национального правительства в 1937–1939 гг. (*З.Д.Каткова*) 370
Китайская дипломатия и Вторая мировая война. Вступление КР в антифашистскую коалицию (*З.Д.Каткова*) 385
Помощь СССР сражающемуся Китаю в 1937–1941 гг. (*Р.А.Мировицкая*) 395
СССР и Синьцзян (*Р.А.Мировицкая*) 401
Китайская Республика и Советский Союз в 1939–1945 гг. (*Р.А.Мировицкая*) 403

Глава 4. Внутриполитическая и экономическая ситуация (*В.А.Козырев*) 409

Социально-экономические перемены в Китае в первые годы войны. Усиление государственного вмешательства в экономику 410
Расстановка сил в Гоминьдане и правительстве. Чрезвычайный съезд Гоминьдана: выработка национальной политики «сопротивления и реконструкции» 414
Курс на государственное регулирование экономической жизни и реорганизация административной системы. Аграрная и налоговая политика Гоминьдана в деревне (1937–1941) 421
Тенденции экономического развития, аграрная и налоговая политика в 1941–1945 гг. 432
Партийно-политические преобразования. Сужение социальной базы Гоминьдана 446

Глава 5. Освобожденные районы и КПК в годы войны 452

Проблемы единого фронта и сотрудничества между Гоминьданом и КПК в первые годы войны (*Н.И.Мельникова*) 452
Политика единого фронта КПК и Гоминьдана как фактор развития международных отношений на Дальнем Востоке (*Н.Л.Мамаева*) 463
КПК в период Антияпонской войны (*А.В.Панцов*) 472
Правовое строительство в освобожденных районах (*Л.М.Гудошников*) 488

Часть IV
ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА И ПОБЕДА ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ (1945—1949)

Глава 1. Гоминьдановский режим: политика и экономика 493

Переговоры между Гоминьданом и КПК в 1945–1947 гг. (*Н.Л.Мамаева*) 493
Гражданская война (1946–1949) (*Д.А.Смирнов*) 518
Назревание системного кризиса в политике и экономике (*Н.Л.Мамаева*) 525
Религиозная жизнь: буддизм, даосизм, ислам, христианство (*С.А.Горбунова, А.В.Ломанов*) 545
Положение женщин (*Э.А.Синецкая*) 572

Глава 2. Китай и державы 578

Китайская Республика и США (*Н.Л.Мамаева*) 578
Китай и СССР (*Р.А.Мировицкая*) 588

Глава 3. Политика КПК в освобожденных районах 602

Новодемократическая теория и практика КПК (*Д.А.Смирнов*) 602
Маньчжурская революционная база и освобожденные районы (*Л.М.Гудошников, Д.А.Смирнов*) 611

Создание единого национального фронта и победа демократической революции. Провозглашение Китайской Народной Республики (*Н.Л.Мамаева*) 621

Глава 4. Развитие науки и образования 627

Наука (*А.Л.Верченко, И.А.Петухов*) 627
Экономическая мысль (*О.Н.Борох*) 634
Философская мысль (*А.В.Ломанов*) 642
Образование (*Н.Е.Боревская*) 648

Глава 5. Культура 653

Литература (*А.Н.Коробова*) 653
Театр (*Е.К.Шулунова*) 661
Кинематография (*С.А.Торопцев*) 668
Живопись (*Т.А.Пострелова*) 679
Архитектура (*Н.Ю.Демидо*) 688

Глава 6. Повседневная жизнь (*А.Л.Верченко*) 696

Эволюция традиционных ценностей и норм 696
Народные верования 707
Традиционные народные праздники 712

Приложения

Приложение 1. Территория. Административно-территориальное деление. Население (*И.В.Ушаков*) 723
Приложение 2. Хронологическая таблица (*А.Л.Верченко, Н.Л.Мамаева*) 727
Приложение 3. Биографии известных деятелей (*А.Л.Верченко, А.Н.Карнеев, А.И.Картунова, З.Д.Каткова, А.В.Ломанов, Н.Л.Мамаева, Р.А.Мировицкая, А.В.Панцов, И.Н.Сотникова, С.Л.Тихвинский, В.Н.Усов*) 757
Приложение 4. Список сокращений (*А.Л.Верченко*) 823
Приложение 5. Система китайских мер (*А.Л.Верченко*) 826

Избранная библиография 828

Указатель имен (*А.Л.Верченко, И.Н.Сотникова*) 835
Указатель географических названий (*А.Л.Верченко, И.Н.Сотникова*) 850

Список авторов тома 858

Научное издание

ИСТОРИЯ КИТАЯ
С ДРЕВНЕЙШИХ ВРЕМЕН ДО НАЧАЛА XXI в.
в 10 томах

Том VII
КИТАЙСКАЯ РЕСПУБЛИКА (1912–1949)

Утверждено к печати
Институтом Дальнего Востока РАН

Главный редактор *Я.Б.Гейшерик*
Редактор *А.А.Пименов.* Художник *Э.Л.Эрман*
Зав. производством *Е.В.Катышева*
Зав. корректорской *Н.Н.Щигорева*
Технический редактор *О.В.Волкова*
Компьютерная верстка *М.П.Горшенкова*

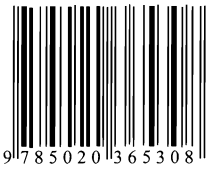
Подписано в печать 30.09.2013
Формат $70\times100^{1}/_{16}$. Печать офсетная
Усл. п.л. 70,9. Усл. кр.-отт. 74,8. Уч.-изд. л. 71,8
Тираж 1000 экз. (500 – 1-й завод). Изд. № 8533. Зак № 4119

Издательство «Наука»
117997 Москва, Профсоюзная ул., 90
Издательская фирма «Восточная литература»
127051 Москва, Цветной бульвар, 21
www.vostlit.ru

ППП "Типография "Наука"
121099 Москва, Шубинский пер., 6

ООО «Цифровая типография № 21»
123022, Москва, ул. Рочдельская, д. 15, стр. 29

ISBN 978-5-02-036530-8



ISBN 978-5-02-036532-2

